

РАСКОЛОТОЕ ОБЩЕСТВО: ПУТЬ И СУДЬБА РОССИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТЕОРИИ АЛЕКСАНДРА АХИЕЗЕРА

Нам давно нужна теория, которая дала бы достаточно ясное понимание того, кто мы есть, что с нами происходит, куда мы идем и что с нами может стать, если мы не переменимся и будем и далее следовать накатанному пути нашей истории. Эта теория должна быть объясняющей, чтобы ответить на мучающие нас вопросы, и понимающей, проникнутой общими болями и бедами, объективной и одновременно пристрастной, исполненной мудрости и здравого смысла, достаточных, чтобы удержать от крайностей, от следования застарелым мифам, и масштабной, чтобы меру оценок и значений задавали мировая история, общечеловеческие ценности. По определению, такая теория должна была появиться в России. Как кажется, этот труд появился.

НОВАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

О книге А. С. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта» специалисты говорят как о важном прорыве в знании о России. И еще — как об осуществленном ответе на вызов времени. На безнадежно-гордое «мы непредсказуемы» и знаменитое тютчевское «умом Россию не понять», на вновь активно утверждаемые идеи «особого пути» появился ответ, который осветил пониманием, связал нитями зависимостей, причин и следствий важнейшие основы общественной жизни. Есть ощущение, что Россию наконец-то «поняли Умом». Почти тысячестраничное исследование охватывает путь российского общества от становления государственности до сегодняшнего дня и устремляется в логику вариантов будущего. Дело, однако, не только в обилии проанализированных фактов, не в объеме осмысленного и переосмысленного материала, но в глубине

интерпретации анализируемых событий; дело в самом подходе к осмыслению проблем, в новой методологии. Создана масштабная научная теория, где дано последовательное, системное, достаточно полное описание социокультурных механизмов динамики российского общества, его исторического изменения. Автором предложен новый взгляд на социокультурные процессы развития общества, разработан теоретический аппарат, научный язык, включающий около 350 категорий и терминов. Общество рассмотрено и в своих целостных, общесоциальных характеристиках, и в расчлененности, и — несмотря на все предубеждения против теорий общего характера — в нашем случае это абсолютная, не только теоретическая, но и практическая необходимость. Ибо главная направленность теории — уловить и осмыслить то, что называют самобытностью, а на языке социальной теории — спецификой российского общества: его культуру, особенности связей между обществом и культурой в их историческом развитии. Подобная задача требовала разработки целостного подхода, привлечения возможностей разных областей современного социального знания: философия, философия истории, экономика, социология, культурология, история хозяйства и социальная психология «сплавлены» в теории А. Ахиезера воедино, а традиции отечественной и мировой социально-философской мысли продолжены вплоть до выхода на новые уровни познания российского общества. *Открытие* — а именно это слово, не сговариваясь, употребляют читатели малотиражного издания книги «Россия: критика исторического опыта» (М., 1991) — состоит прежде всего в определении социокультурной специфики российского общества на основе оригинальной версии цивилизационного подхода к человеческой истории; в периодизации циклов русской истории, длинных «исторических волн», выводимых автором из массовых изменений в нравственных ориентациях людей, из логики этих изменений; в разработке философского воспроизводственного метода, позволяющего обнаружить особый тип противоречий, напрямую связанных со способностью общества обеспечивать свою жизнедеятельность и самовоспроизводство. Все вместе это позволяет говорить — что было сразу отмечено рецензентами — об изменении оснований толкования истории России, о формировании новой парадигмы исторического знания общественного развития России, дающей новые ключи к пониманию современных проблем страны.

Эта книга пришла к нам из мира неофициальной подпольной науки. Она долго шла к читателю, и мне уже пришлось писать, что судьба ее — часть общей судьбы независимой мыс-

ли в России и всего только одна из бесчисленных иллюстраций *страха общества перед самопознанием, критикой собственных иллюзий, осмыслением своего исторического опыта*.

Автор находится «внутри» ситуации, но и способен взглянуть на нее как бы «извне». Его собственная жизнь отвечает многим условиям, которые должны были быть, чтобы реализовать этот тип одновременно объясняющей и понимающей рефлексии. Столичный житель, сын интеллигентных родителей (отец окончил киевский университет как юрист, работал в Германии, затем в редакции «Правды», владел одиннадцатью языками), но жили в страшной бедности, фактически в нищете. Детство и юность прошли в знаменитых московских коммуналках с их пестрым населением и фантастическим бытом. Судьба забросила в российскую глубинку, которую знал не понаслышке: жил во время войны в колхозе, на Урале, в Васильсурске среди марийцев, мать ходила в городском пальто с модным тогда каракулевым воротником и в лаптях. Три года работал в Заокском районе Тульской области председателем районной плановой комиссии, поселился в избе, с утра до ночи толпился пришедший на прием народ, и вопросы решались самые житейские — дрова, распределение сенокосов, комбикорма. Учился на факультете экономики сельского хозяйства Московского экономического института — выбрал сам, особых трудностей избрание какого-либо другого факультета и института не составило бы. Степенями и должностями не интересовался, да и сейчас, проработав в одном из небольших престижных академических институтов более двадцати лет, — всего лишь кандидат наук. На достаточно частое удивление — почему не защищаешь докторскую? — отвечал одинаково: «Нет времени». Времени, действительно, не было. Нет кабинета, больная мать на руках, детишки, жена, разрывающаяся между работой и домом, вечная нехватка денег. И книга, которую стал писать с 1974 года, постоянная внутренняя сосредоточенность — и работа, работа, работа. В 1982 году произошла катастрофа — обыск у одного из знакомых, был изъят полный машинописный экземпляр рукописи, более 1 000 страниц через один интервал. Безумные ночь и день — ходил по городу с сохранившимся экземпляром и не имел куда, не знал кому, не решался у кого-нибудь спрятать. Сожженные черновики — сгорело все, — и самое страшное — весь огромный справочный аппарат, указание на сотни источников, страниц, все сноски. Учитывая размеры рукописи — потеря, которую, несмотря на последующий каторжный труд, до конца восполнить так и не удалось.

В 1991 году в Философском обществе СССР вышла небольшим тиражом упомянутая выше книга автора, издание некоммерческое, осуществленное несколькими энтузиастами. Автор сам вывозил последний том трехтомника из типографии 19 августа. Машина лавировала среди танков и БМП неудавшегося августовского путча: легковушка с тиражом книги неожиданно «возглавила» колонну танков, оттеснив ведущего ее работника КГБ. Его злость можно было понять. Кто знал тогда, что впереди?

Настоящее издание — продолжение и развитие идей книги 1991 года. За это время состоялись «круглые столы», вышло более двадцати рецензий и других публикаций, посвященных книге 1991 года. Идеи, проблемы, концепции, выдвинутые ее автором, стали заметным фактором общественной жизни: вошли в научный оборот, оказали значительное влияние на публицистику, предстали аргументами в партийно-политических спорах. Надеюсь, труду А. Ахиезера суждена долгая жизнь, новые переиздания, переводы. Судьбы книг, научных теорий, как и судьбы людей, неисповедимы. Некоторые ученые как бы предназначены в лидеры научных направлений, школ. Им с молодых лет сопутствует известность, степени, звания, должности, ученики и последователи, авторитет — в отечественном и мировом научном сообществе. Однако, есть, наверно, какой-то смысл в том, что книгу, открывающую новую страницу в познании России, написал скромный философ, никогда не читавший систематических курсов, не имевший учеников, коллеги которого вряд ли рискнули заподозрить в нем создателя фундаментальной научной теории. Когда тайно и с большим трудом вывезенная за рубеж анонимная рукопись в 1983 году попала одному из наших соотечественников — профессору социологии, тот предположил в ней авторство крупнейшего нашего авторитета в этой области. Имя же ее создателя было относительно малоизвестно вплоть до выхода упомянутого трехтомника. Да и как было его знать, когда из опубликованных до 1991 года 150 научных работ большая часть вышла в малотиражных академических изданиях и была посвящена плановым исследованиям. Это были работы по теории урбанизации, социальной экологии, математическим методам в градостроительстве, но вовсе не по социологии, философии и истории России. Крупные, серьезные работы почти не выходили. Неопубликованной осталась монография о смысле жизни, большие статьи об управлении, социальной практике, культуре, где развивались, постепенно складываясь, теоретические взгляды А. Ахиезера на природу и основные характеристики социальной реальности, его философия. Поэтому фактически

неразгаданным остался путь серьезного философа. Основной труд его жизни, его теоретическая система открывается в этой книге как готовый результат, многие логические элементы которого остаются «за кадром» — в тех, неопубликованных, не узанных никем работах.

Книга названа критикой исторического опыта, но ее можно было бы также назвать критикой исторической инерции. Главную трагедию России автор видит в отставании рефлексии, самосознания, способности к самоизменению общества от сложности подлежащих решению проблем. Недостаточная способность к самопознанию и самоизменению в соответствии с этим познанием способствовала, в частности, утверждению в массовом масштабе утопических — мифологических и псевдомифологических — представлений о социальной реальности, путях развития общества, что имело разрушительные последствия, дезорганизовывало общественное бытие на всех его уровнях. Дело не в одном или нескольких неверных решениях, дело в систематической утопической практике, в той чрезмерной доверчивости к своему опыту, вере, «революционной справедливости», миссии, которые рано или поздно обнаруживают свою иллюзорность, свое расхождение с реальностью.

Историческая инерция — свидетельство привязанности человека, общества к освоенному опыту, постоянное отставание в освоении инноваций и, следовательно, снижение адаптивных возможностей общества, его приспособления к постоянно меняющейся ситуации. Инерция истории преодолевается лишь постоянной критикой исторического опыта, причем критикой массовой.

Мы уже пережили в своей истории не один виток критики исторического опыта. Так можно ли вновь говорить о ее необходимости потомкам людей, хором певших о «разрушении до основания» старого мира, пытавшихся «сбросить Пушкина с корабля современности» и, действительно, не только крушивших храмы и сбрасывавших вниз колокола с колоколен, но и переживших ужас гражданской войны. Чтобы ответить на этот вопрос, *нужно понять, что имеет в виду автор под критикой исторического опыта.*

В глубинах общества всегда есть место самоизменению, самокритике, и эта самокритика есть необходимый и неизбежный элемент самой истории. Этот процесс зиждется на том, что историческую инерцию, сохранение привычных ценностей, структур, институтов, трансляцию опыта из прошлого в будущее всегда дополняет постоянное его преодоление, рождение нового содержания культуры, нравственности, форм и типов

деятельности, отношений, сообществ. Этот процесс может приобрести формы и масштабы, адекватные сложности общества и требованиям времени, но он может и отставать от потребности в нем, получить патологические формы. Под критикой исторического опыта автор имел в виду осознание обществом, его частью неизбежной ограниченности сложившейся культуры, отношений и институтов, способность их изменять. Предметом его анализа была сама способность общества соединять постоянную самокритику с самоизменением, что, естественно, не сводится к критике «ошибок» политических деятелей, классов и партий, к разрушительному отрицанию прошлого, той его «отмене», которая не может обернуться ничем иным, как катастрофой, самоизбиением. *Критика исторического опыта есть, таким образом, идеальная и практическая критика массовой деятельности — ее культурных, нравственных, практических смыслов.* В тех случаях, когда способность к самоизменению общественного субъекта недостаточна, развивается острейшее противоречие между одновременными попытками общества (его отдельных групп, личности) вести историческое существование и отказаться от него, между исторической инерцией и стремлением ответить на «вызов истории», что требует выхода за рамки накопленного опыта.

А. Ахиезер полагает, что инерционность до сих пор остается угрозой для общественного развития России. Вопрос «какое, милое, у нас тысячелетие на дворе» все еще таит в себе двусмысленность, он актуален, и книга предупреждает об опасности архаизации, катастрофического упрощения культуры, общественных структур, всего общества, подстерегающей его на путях следования исторической инерции.

САМОБЫТНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Историческая «болезнь» России — социокультурный раскол. Не традиционное «Кто виноват?», но «Как это могло случиться?» — вот вопрос, который задает автор современности и нашему прошлому. Как могло случиться, что общество время от времени обращается против себя самого, сокрушая в остром приступе ненависти к себе созданную культуру, уничтожая целые социальные слои, разрушая государство, и вновь пытается как будто начать жизнь сначала, с чистого листа, осуществить радикально иной проект жизнеустройства?

На обыденном уровне эта общеизвестная особенность российского исторического развития предстает как иррационально-непознаваемая. Ее называют коллективным безумием, невидимым, всепроникающим злым черным духом, бссовством.

Наш современник пишет: «Все вдруг идет наперекосяк. Победители словно оказываются в сказочном заколдованном лесу, существующем по сказочному же, иррациональному порядку... Только что страна была полна живых, энергичных, засучивших рукава людей, а вот уже и нет никого, под ногами путаются (да еще огрызаются!) человекоподобные скоты, неспособные к осмысленному труду...»¹ Но о том же в похожих словах писал в прошлом веке А. Никитенко, бывший крепостной, ставший академиком и цензором: «У нас ныне настоящее царство хаоса. Хаос во всем: в администрации, в нравственных началах, в убеждениях. Хаос в головах тех, которые думают управлять общественным мнением»².

Для науки, научного разума, социальной теории загадка русской истории принципиально познаваема. Она лишена того мистического ореола и садомазохистского ужаса, эстетического подъема и восторга, которые, на мой взгляд, сильно способствовали ее демонизации. Чтобы ответить на вопрос, как нечто могло случиться, следует прежде всего понять, кто был действующим лицом исторической драмы, т. е. «Кто мы?» или, иначе, «В чем специфика российского общества?» На языке почвенников разных времен это — постоянно актуальный вопрос о самобытности России.

Наука в одном из своих смыслов есть преодоление метафор. Исходная интуиция, испытываемая, дополняемая, опровергаемая в размышлении и споре, проходит свой путь, превращаясь в понятие, на дне которого покоятся остаточные метафорические смыслы. В данном случае измышлять метафору не было нужды: она сложилась в длительной философской традиции размышлений о России и представляла как догадка, питаемая наблюдением эмпирических фактов, различных конкретно-исторических явлений. Глубокое раздвоение русской души, о котором писали столь многие мыслители, может быть признано общим убеждением. О церковном расколе, ставшем трагедией для многих поколений русских людей, расколе на «дневную» и «ночную» культуры, о «мнимой цивилизации», привнесенной из Европы, конфликтах между деревенской и городской жизнью писали и говорили И. Киреевский, В. Соловьев, В. Ключевский, А. Герцен, Г. Флоровский, Н. Лосский, Н. Бердяев, Г. Федотов, Д. Мережковский, австриец Вальтер Шубарт и многие другие, вплоть до В. И. Ленина, указывавшего на противоположность двух культур в одной нации, конфликт между которыми «неизбежен». Потря-

¹ Козлов Ю. У бедных нет будущего: Отчего же у нас не ладятся простейшие дела?// Независимая газета. 1992. 28 июля. С. 5

² Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. 2. С. 38.

сающие образы Санкт-Петербурга — зримое воплощение раскола, города, повисшего над бездной, грозящего раствориться, кануть в никуда, исчезнуть, как фантом, как мираж, — идут от Гоголя, Достоевского к Андрею Белому: «С той чреватой поры, как примчался к невскому берегу металлический Всадник, с той чреватой днями поры, как он бросил коня на финляндский серый гранит, — надвое разделилась Россия; надвое разделились и самые судьбы отечества; надвое разделилась, страдая и плача, до последнего часа — Россия» (А. Белый).

Раскол стал той исходной ключевой метафорой, которая была положена А. Ахиезером в основание представлений о российском обществе и стала центральной категорией системы понятий, разработанных им для объяснения и понимания социокультурных процессов, происходящих в России. *Появился интегральный образ нашего общества*, наглядно выражающий наше отставание в решении проблем от их накопления, недостаточную способность к коммуникации, к результативному диалогу.

Раскол — в христианском смысле — результат недостатка любви людей друг к другу, неспособность миром сладить общее дело, достичь устраивающего всех компромисса, примирить сталкивающиеся интересы. Раскол, однако, — понятие не религиозно-церковное и не социально-психологическое, и причина его — вовсе не природа человека, так же как не являются его причинами свойства национального характера, какие-нибудь особенности, коренящиеся на этническом уровне. Россия — «расколотое» общество, к такому выводу приходит А. Ахиезер, потому что в ней действуют одновременно противоположные, пытающиеся стать господствующими логики. Каждая из этих логик по-своему рациональна и несет в себе свой собственный проект жизнеустройства, культурную программу, каждая воплощается в социальные институты, образцы и традиции, имеет представления о должном поведении, отношении к природе, обществу, другим людям, народам и странам, государству, власти, прошлому и будущему, вплоть до мироздания в целом. Обе логики почвенны: ни одна из них не является «чужой», «наносной». Но это не рядоположенные логики: они связаны генетически. Первая из них основана на традиционной российской нравственности, складывавшейся с древнейших времен, вторая возникла позднее как элемент развития общества. В любом обществе существует «социокультурное противоречие», отрывающее мысль от дела, идеал от его воплощения, но требуются особые условия, чтобы из этого противоречия возник социокультурный раскол. Будучи одним из выражений нарушения социокультурного закона, сформу-

лированного автором, крайнего обострения социокультурного противоречия, раскол имеет место, например, в модернизирующихся обществах. В России, однако, он возник гораздо раньше: вместе с государственностью и принятием христианства. За многие века раскол не только не исчез, но глобализовался, приобрел особо тяжелое, длительное течение, превратился в характеристику общества, в элемент его самобытности. Все глубже и глубже проникая в общество,— автор прослеживает историю социокультурного раскола достаточно подробно,— раскол определил, наконец, основной социальный тип личности как «расколотый». Последнее произошло относительно недавно, во второй половине XIX века, когда стала дифференцироваться, раскололась народная крестьянская почва. Постепенно раскол стал «хронической болезнью» общества.

Очевиден вопрос: почему в других обществах естественно возникающий при культурной, социальной дифференциации раскол был преодолен или по крайней мере ослаблен до масштабов, не угрожающих существованию целостного сообщества, достаточных для формирования глубинного консенсуса, единого нравственного основания культуры? В самой общей форме ответ, видимо, может состоять в том, что спонтанно нарастающая дифференциация должна постоянно компенсироваться возникновением интегративных механизмов, действующих по принципу обратной связи в кибернетической системе. В России колоссальность неосвоенных пространств и редкость населения резко снизили необходимость в формировании подобного рода интеграторов. Не способствовала их развитию и натуральность и полунатуральность хозяйственных укладов, замедлявшая, кроме того, и сам процесс дифференциации, т. е. развитие. Города всегда были слабы и больше похожи на деревни, развивавшаяся в них культура, с одной стороны, давала импульсы для формирования культурных и социальных интеграторов, о которых говорится выше, но, с другой стороны, эти импульсы были недостаточны, чтобы «переработать» всю территорию страны. Отсюда слабость созидательных функций государства, пытавшегося восполнить «разрывы» в социальной «ткани» административным нажимом, вплоть до прямой жестокости. Но государство — лишь один из интеграторов, причем наименее гибкий и мобильный. Чтобы общество было богатым, преуспевающим, все оно должно быть пронизано густой сетью таких интеграторов — обратных связей.

В результате раскола в обществе образовались цивилизационные типы: традиционный, где господствует ориентация на сохранение достигнутой эффективности общественного воспроизводства, и либеральный, где преобладает постоянное стрем-

ление повысить эффективность воспроизводства³. Это основополагающее различие проявляется во всем строе жизни, во всех ее сферах.

Две цивилизации, фантастически сплетенные в теле одной страны, означают по меньшей мере столько же типов ментальности, систем нравственности, основных политических культур, хозяйственных систем, типов самосознания и т. д. Расколотое общество — особое общество, преобразующее любые воздействия извне и изнутри самим фактом раскола. Фактически это означает необходимость постоянного учета не только «либеральных» элементов культуры, до сих пор показывавших себя более слабыми внутри страны, но и основного массива общества. Скрытая реальность этого основного массива, составляющие его элементы и факторы, прослеживание и конкретизация процессов, происходящих в толще общества — основное содержание книги.

Сплав двух цивилизаций порождает особую «промежуточную цивилизацию». Понимание цивилизационной специфики общества как «промежуточной», предложенное в исследовании автором, отрицает типологическое единство советского и западного обществ. Достижения индустриальных форм труда, массового промышленного производства, высокоразвитых науки и искусства сами по себе еще недостаточны, чтобы объединить по этим показателям общества в единый тип. Понимание капитализма как одного из этапов «либеральной» цивилизации, к которой только движется Россия, означает, что российское общество оставалось и остается до сих пор докапиталистическим. Капитализм, который исторически развивался в стране, никогда не мог овладеть обществом до его глубин. Автор убежден, что для постоянного воспроизведения того или иного хозяйственного, экономического, социального порядка решающей для общества является деятельность основной части населения. Элиты, и тем более остальные меньшинства, обладают ограниченными возможностями по сравнению с утверждаемой каждый миг волей, деятельностью, поступками большинства. Потому и самая жестокая тоталитарная государственная власть всемогуща только в разрушении, в уничтожении, в подавлении. В позитивном смысле она слаба, куда слабее, чем реальная демократическая власть, более глубоко отражающая волю большинства, рассчитывающая на спонтанную и инициированную позитивную творческую энергию

³ Традиционная и либеральная цивилизация — основные типологические единицы человеческой истории. Традиционная цивилизация включает все древние государства, средневековую Европу; либеральная — развитые капиталистические общества, вне зависимости от их геополитического положения.

граждан. Слабость тоталитарной и всякой другой власти, опирающейся на насилие, обусловлена тем, что центральной власти, бюрократии, репрессивным органам приходится брать на себя обеспечение, контроль, поддержание всех основных функций общественной жизни, в то время как население пытается замкнуться, не принимать на себя общесоциальные заботы, уменьшить до минимума творческую энергию, направленную на воспроизводство общества.

В этом свете фундаментальным представляется факт, что не менее 85% населения, начиная от отмены крепостного права, стали возвращаться к освященным традицией и тысячелетним опытом формам жизни, к активизации локальных миров. Нельзя не видеть, что замыкание большинства населения в рамках локальных сообществ поставило под угрозу существование государства. Небольшой группе людей в деревне, отклонившихся от устоявшихся порядков жизни, противостояла основная масса общинников. Рост рыночных отношений вел к их обнищанию и выступал катализатором дискомфорта состояния, оценивался как разрушительный — и действительно таковым был для значительной части населения страны. Это вызывало укрепление дорыночных отношений. Примеры этой тенденции бесчисленны на всех уровнях общества, что зафиксировала, например, художественная литература. В «Прощании с Матерой» В. Распутина вернувшийся с первой мировой войны солдат убивает мелочную торговку, единственную в сибирском селе, убивает не из мести или корысти, но за вредоносность ее занятия. Сейчас конец XX века, но все еще торговля не пользуется симпатиями населения. В. Белов пишет о нелюбви к ней своих односельчан, по-прежнему в обществе господствует уравнильное понимание справедливости.

В книге показано, что в истории России постоянно боролись государственническая и антигосударственническая, анархическая тенденции. Когда А. Ахиезер пишет о силе антигосударственнической традиции в стране, это воспринимается как парадокс. Но парадокс здесь кажущийся. Исследователи крестьянских обществ знают, что крестьяне как наиболее массовый социальный слой этих обществ обладают догосударственными нравственными идеалами. Эта особенность — вовсе не следствие религиозной культуры, верований, этнонациональных предпочтений. Она не коренится также в каких-то особых психологических свойствах души. Догосударственные идеалы крестьянства — результат хозяйственной деятельности, особенностей организации общества, основанного преимущественно на традиционных сельскохозяйственных занятиях. Мировой

опыт свидетельствует, что самообеспечивающиеся хозяйства, а именно такими были натуральные и полунатуральные хозяйства, базируются на идеях крестьянского самоуправления, на основе самостоятельной автономной жизни в локальных мирах. Крестьянский двор и сельский мир — основа основ социальной жизни крестьянства. Долгое время крестьяне были убеждены, что и город им не нужен. И действительно, в городе складывались другие типы отношений, появлялись новые ценности, традиционную крестьянскую мораль и обычаи город разрушал. Конечно, времена, когда земледелец был свободным от государства, прошли очень давно, но вспомним, что именно в России длительное время существовала реальная возможность ухода на новые земли и социальная память о ничем не стесненной воле была по-настоящему жива. Убеждает авторский анализ подрыва нравственных устоев общества в результате манифеста о вольности дворянской 1762 года. Если дворянин больше не слуга царя, не воин, защищающий земледельца то за что же последний должен кормить помещика, работать на него?— Освобождение крестьян было с этого момента только делом времени. Однако,— и об этом обычно до сих пор не говорили,— крестьяне хотели освобождения полного — не только от землевладельца-помещика, но и от государства. От вечной необходимости платить, отдавать часть произведенного ими в тяжком труде. Крестьяне сохраняли свои нравственные идеалы вольной догосударственной жизни и в XX веке в условиях развивающегося индустриализма, что стало предпосылкой их трагической судьбы в советское время. До сих пор эта тема в полном объеме так и не осмыслена.

Автор считает, что в ленинской оценке России к 1917 году как страны среднеразвитого капитализма желаемое принимается за действительное. Экономической «смычки» между индустриализующимся городом и крестьянским большинством не произошло. *Деревня в целом, несмотря на беспрецедентную по глубине освободительную реформу 1861 года, а затем столыпинские реформы начала XX века, осталась докапиталистической.* Наряду с островками становящихся капиталистических отношений в деревне и в несоизмеримо больших по сравнению с ними масштабах росло сопротивление этим отношениям, нарастала мощнейшая волна уравнительной справедливости. Именно она смела российское дооктябрьское государство и способствовала установлению советской власти. *Октябрьские события 1917 года — это традиционалистский взрыв,* давший массовый выход наверх архаичным нравственным идеалам и, как это ни парадоксально, обеспечивший социальной энергией устремления правящего модернизаторского

меньшинства. Буржуазное развитие России в рамках этого объяснения, как и соответствующее движение к либеральной цивилизации, предстают катализатором этого взрыва, ибо распространение буржуазных ценностей, товарно-денежных отношений шло одновременно с ростом, с определенного момента опережающим, глухого сопротивления их развитию, на что обычно закрывают глаза.

Смелая гипотеза, выдвинутая в книге, связывает катастрофы, переживаемые Россией, с масштабами и уровнем развития товарно-денежных отношений. Все четыре социальные катастрофы, когда происходила дезинтеграция государства, страна раздиралась междоусобицами, сопровождались резким изменением места и роли товарно-денежных отношений. Так было в результате гибели Киевской Руси и возникновения Московского государства, когда развитие менового хозяйства сменилось натуральным. Так было и в катастрофе Смутного времени, которой предшествовали попытки перевода натуральных повинностей в денежные, о чем говорили историки Н. А. Рожков и М. Н. Покровский. Сходный процесс произошел и в 1917 году, когда развитие капиталистических отношений в городе и деревне привело к взрыву уравнительности, вызвало неслыханную натурализацию и возрождение крепостничества (теперь уже не в помещичьей, но в государственной форме колхозов). Четвертая катастрофа — гибель СССР, окончание советского периода — развилась в момент попыток экономических реформ, направленных на развитие рыночных отношений. Действительно ли общество отторгает рыночные отношения, отвечая на их развитие реакцией натурализации? Каков в этом случае должен быть путь реформаторов, учитывая неизбежность рынка как единственного механизма, обеспечивающего тот уровень функционирования всего общества, который достаточен для современной цивилизации?

Признание нашего общества докапиталистическим с преобладанием дорыночных отношений — радикальный вывод, требующий разработки совершенно иного категориального аппарата экономической и политической науки, особых методов реформирования общества, свободных от постоянного «вчитывания» в происходящие у нас процессы с позиций, которые характерны для развитых капиталистических обществ. Автор начинает поиск этих категорий, когда, например, использует категорию «хозяйство» вместо привычной категории «экономика», так как последняя, по его мнению, может применяться только к развитым рыночным хозяйствам. В других случаях он выходит из положения, обращаясь к категории «псевдо» (целый ряд таких понятий включен им во второй том настоящего

издания — «псевдорынок», «псевдокапитал», «псевдоурбанизация», «псевдолиберализм» и т. п.) как характерной для «промежуточной» цивилизации, того неорганичного синтеза, которой она воплощает.

Попытка понять трагический опыт советской истории подвела А. Ахиезера к анализу «лингвистической реальности» — мифов, идеологии, сопровождавших возникновение советской государственности; до цели — общего счастья — оставалось, казалось, малое: сломить сопротивление свергнутых классов; их уничтожение отождествлялось с достижением новой (коммунистической) жизни. В действительности, однако, была найдена идея новой интеграции общества и реальные механизмы этой интеграции через «партию нового типа» и идеологию, воплощавшую триумф победившей части расколотого общества. Если бы, однако, эта часть могла существовать самостоятельно, а общество «низшего класса» оказалось жизнеспособным! Временно раскол, казалось, исчез, новое единство вдохнуло в людей неслыханный энтузиазм. Уничтожив частную собственность, советская власть последовательно и твердо довела до крайних пределов то, что царское государство осуществляло неполно и непоследовательно, в том числе начавшуюся после 1861 года индустриализацию за счет крестьянства и государственную поддержку монополий в промышленности. Большевизм смог выполнить это за счет своего постоянного стремления одновременно «вписаться» в культурные представления различных социокультурных групп, часто далеких по своим представлениям, ценностям, образу жизни, убеждая каждую из групп, что он выражает именно ее ценности, а затем используя эти группы в своих конъюнктурных целях. Результатом вскоре стало не общее благо народа (как это провозглашалось), но совершеннейший утилитаризм и демагогия, его прикрывающая, манипуляторство, причем не только в сфере экономики и политики, но и в сфере духа. С легкостью отождествлялись научная истина и мифы, все огромное «расколотое» общество было подчинено задаче сконцентрировать массовую социальную энергию на цели создания Великой Державы. Опираясь на господство уравнилельных ценностей, растущий утилитаризм и социально-утопические представления крестьянства, большевистская власть смогла использовать социальную энергию этого самого массового слоя населения, чтобы его руками подовать более самостоятельную и склонную к предпринимательству часть крестьян. Осуществила руками этой же крестьянской России, изгоняемой в город, индустриализацию, проводимую за счет того же крестьянства, обираемого до нитки, до голодной смерти в деревне. Путь индустриали-

зации на добуржуазной основе, который был реализован в Советской России и превратил страну в «современную», позволив на время ей стать «сверхдержавой», — уникальное явление в мировой истории.

Эволюция нравственности. Типам цивилизации отвечают складывающиеся в них типы нравственности. Исходной «природной» формой традиционной российской нравственности А. Ахиезер считает *вечевую*, которая распадается на *соборную*, персонифицированную в патриархальной общности и сходных с нею сообществах, и *авторитарную* — воплощение силы, власти, авторитета и собственности Первого лица тех же сообществ. Динамика этих типов нравственности, их взаимоотношения между собой, переходы от конфликта к согласию между ними составляли содержание общественной жизни традиционного общества в России. Органическая целостность, незамутненность традиционной культуры нарушается со временем внутренними причинами: общество дифференцируется, одни его элементы отрываются от других, выдвигаются новые нравственные типы. Возрастающее значение среди них приобретает *утилитарная нравственность* (которая начинает развиваться в традиционной цивилизации). Вокруг утилитаризма и разворачиваются исторические драмы, занимающие последние несколько столетий общественного развития страны.

Утилитаризм, общая для всех народов на определенной стадии их развития нравственность, связан с тем открытием человечества, что все окружающее — и природа, и вещи, и люди — может быть использовано, превращено в средства для человеческой деятельности. Утилитарная нравственность укореняется в верхних слоях общества, воплощаясь в идею общего блага. Она проникает в толщу народа, в его практическую повседневную жизнь. Но утилитаризм двойствен: с одной стороны, он способствует наращиванию богатства, умений, творчества во всех его формах, с другой, если он не умерен высшими типами нравственности, легко склоняется к эксплуатации человека, в поиске средств становится напористым, агрессивным, беспощадным.

Утилитарная нравственность, однако, вовсе не противоположна высшим ценностям, и это доказывает опыт Запада, и в философии, и в религии сумевший дать высшие обоснования этой нравственности и тем самым ограничить ее агрессивный напор. Но на русской почве утилитаризму сильно не повезло. Он остался вне обоснования высшими ценностями, не разработанным ни в элитарной культуре, ни в религии, что привело к нравственной необеспеченности идеи общественного развития как таковой. Общество и в лице духовной элиты, и в лице

церкви чуждалось самой идеи пользы во всех тех случаях, где она не выступала как польза государства или народа. Высшая интеллигенция обратилась к *либеральным идеям и ценностям*, проникающим с Запада, оставив утилитаризм неразвитым и грубым. Сферы деятельности, социальные слои, обеспечивающие общественное богатство через личный интерес, до сих пор воспринимались и воспринимаются как подозрительные. Торговля, предпринимательство, деловой успех, активная деятельность, направленная на личные ценности, карьеру, богатство,— все осталось нравственно ущербным, подвергающимся осуждению. Как же удивляться, что люди в России бедны? Модернизация осуществлялась, имея целью лишь пользу государства, но не улучшение повседневной жизни людей. Традиционная нравственность вообще не знает модернизационных ценностей, не поддерживает активной преобразовательной деятельности, негативно оценивает новшества. Проникающая же с Запада и ограниченно развиваемая в высших слоях русского общества либеральная нравственность постоянно выхолащивалась, усекалась. Из нее бралось лишь то, что могло «работать» на идею общей пользы, в основном то, что могло помочь развитию технических умений, научных знаний. В сфере духа она осталась абстрактно-отвлеченной, непроработанной на почвенном материале. И до тех пор пока либеральная нравственность оставалась беспочвенной, уделом небольшого числа людей, ее можно было перерабатывать в утилитарном духе, подчиняя низшим формам нравственности, использовать как средство.

С нравственной стороны рассмотрен в книге опыт революционной интеллигенции, большевизма. Автор полагает, что на каком-то этапе революционная интеллигенция, ориентирующаяся на благо народа как на высшую ценность, стала считать, что ради этой цели можно быть утилитарными во всех остальных случаях, в том числе заниматься утилитарным манипуляторомством в сфере духа, использовать любые другие формы нравственности для осуществления того, что считаешь полезным, причем не лично для себя (личная заинтересованность с негодованием отвергалась), но для общества. В результате этого большевизм утвердился во мнении, что он может делать с людьми все, что считает целесообразным, т. е. неограниченно утверждать свою волю. В этом большевики шли за теми террористами из народников, которые полагали нравственным распоряжаться чужими жизнями ради народного блага (как они его понимали). Православная нравственность, уходящая от мира, от напряженных и драматичных социальных проблем, оставила общество наедине с его проблемами;

конфликт разыгрывался в основном между постепенно подтачиваемой традиционной нравственностью (соборной и авторитарной) и необлагороженным грубым почвенным утилитаризмом.

А. Ахиезер связывает наиболее глубокие изменения в обществе с массовой нравственностью. Утилитаризм, медленно, мучительно разъедающий народную традиционную нравственность, одновременно несет с собой не только опасность гибели патриархально-традиционных форм доличностного соборно-авторитарного самосознания, но и надежду на утверждение новой нравственности, более высоко оценивающей личность, ее ценности. Этот процесс имеет противоречивый характер с точки зрения динамики самого утилитаризма: развитые его формы, связанные с буржуазной культурой, предпринимательством, производительным трудом, были отброшены в результате октябрьской катастрофы, однако низовой, грубый и неразвитый утилитаризм за годы советской власти сильно укрепился в массах, потеснив, а кое-где и решительно отбросив традиционную нравственность. Тем не менее Россия, как и прежде, осталась расколотым обществом, страной «промежуточной» цивилизации. В некотором смысле процесс ее вхождения в либеральную цивилизацию после Октября стал еще менее органичным, ибо общество пыталось использовать в качестве механизма своего преобразования не достоинства, а недостатки. Незрелость, фрагментарность буржуазной культуры и рыночных отношений, несформированность рынка, неразвитость капитализма как социально-экономического строя парадоксальным образом стали оцениваться как достоинства антикапиталистического пути в новую цивилизацию. Это стало возможным из-за неправомерного отождествления либеральной цивилизации в целом, во-первых, с одним из ее начальных этапов, а во-вторых, с одним из наиболее заметных ее результатов — индустриализмом.

Руководствуясь подобными установками, советские модернизаторы направили все усилия на индустриализацию. Советское общество оказалось способным добиться ограниченных результатов, частью перенять, частью развить самостоятельно индустриальные формы труда и промышленного производства, науку и технику. Но эти результаты покоились на представлениях, идеологии, менталитете, ценностях не либеральной, а промежуточной цивилизации. Между ее элементами не было согласия, и постоянно тлеющий конфликт игнорировался, загонялся внутрь.

Достижение А. Ахиезера в том, что он сумел подняться над обычным в нашей культуре взглядом, негативно оценивающим

утилитаризм, отлучающим его от высших ценностей, и показал необходимость утилитаризма как стадии в развитии человеческого духа, в амбивалентности своей способного не только освящать грязные дела, но и поддерживать и развивать высшие смыслы человеческой деятельности. И прежде всего важно то, что утилитаризм определяет трудовую этику, этику делового успеха. А. Ахиезер показал, что, минуя утилитаризм, напрямую от традиционной к либеральной нравственности пути нет. Промежуточная утилитарная нравственность — необходимое звено в развитии общества и личности, имеющая свою функцию, в частности, как основа производства, производительного труда, профессионализма, выступающего в качестве составляющей труда. Вовсе не обязательно протестантская, но уж непременно достижительная, нацеленная на эффективность деятельности этика не может сложиться вне утилитаризма, утверждающего полезность деятельности как таковой, преобразующей мир и человека в нем.

Там, где многие видели иррациональный «русский хаос», загадочность непознаваемой славянской души, автор разглядел жесточайший конфликт типов воспроизводства, культуры, нравственности. В общем-то характерный для многих модернизирующихся обществ внутрикультурный разрыв он осмыслил в категориях культурной самобытности, исследовал его как определяющий факт социокультурной эволюции. Теоретики модернизации предпологали, что общество, модернизирующееся «вдогонку», может попасть в ловушку. Но никто до сих пор не проследил с этой точки зрения исторический путь России.

«МАЯТНИК АХИЕЗЕРА»

Инверсионные циклы. Расколотое общество просто не может изменяться иначе, чем осуществляя «маятниковые» колебания между полярностями. Логически совершенно ясно, что оно естественным образом вследствие раскола переходит от одной патовой ситуации к другой. Исторический «маятник», если следовать схеме автора, качнулся уже пятнадцать раз. Подобный тип динамики в сложном обществе — поляризованный, катастрофический — несет в себе разрушительный потенциал дезорганизации, так как создает повышенную опасность отбрасывания, деградации значительной части накопленного опыта.

То, что на философском языке называется инерцией истории, в реальной истории приобретает форму циклических изменений. Идея циклов стара как мир. Бессмысленно отрицать

наличие ритмов в нашей жизни. Существуют периодические колебания в космосе, природе, биологические циклы в человеческой жизни. Столь же естественны циклические размерности в обществе. Теория циклов экономической активности Н. Кондратьева, циклы и конъюнктуры историка Ф. Броделя, циклы истории А. Тойнби признаны в науке. Циклическая социокультурная динамика в традиционных обществах — это не только мифологические представления древних народов, за этим стоит некая историческая реальность. Что такое социокультурный цикл? Он понимается как естественно-исторический механизм, не непреложный «железный» закон исторического развития, но могущая быть замеченной тенденция, возникающая как функция и результат массовых процессов. Он складывается как следствие огромного числа человеческих действий, к этому циклу не имеющих никакого отношения, наподобие того, как возникает «невидимая рука» рынка.

Перебор вариантов показывает, что возможностей здесь не так уж и много: на некотором уровне абстракции они фактически могут быть сведены к тому или иному варианту циклической динамики либо к линейным изменениям прогрессивного или регрессивного характера. А. Ахиезер показывает, что социокультурная динамика России есть динамика размыкания циклов, постоянно усложняемая неуклонно пробивающимся сквозь циклическую логику линейным прогрессивным движением. Возможно, такова в некотором общем смысле динамика большинства обществ, и различия наблюдаются лишь в соотношении, мере цикличности и линейного развития. Если в традиционных обществах, стабильных и малодинамичных, доминируют циклы, а в их верованиях, идеологиях, мифах, религиях господствуют идеи вечного возвращения, круга времен, то в нетрадиционных обществах вперед выдвинулась идея линейного времени. Как известно, это и есть идея истории, исторического времени, которая начала утверждать себя уже в христианстве. Идея циклов в этих обществах также сохранила свое влияние, но была подчинена идее прогресса.

Россия сочетает оба типа динамики — циклический и линейный, но господствует в обществе *модифицированный инверсионный цикл*, восстанавливающий вновь то, что уже было, однако восстанавливающий лишь в некотором смысле, лишь отчасти, ограниченно и неполно.

Автор описывает *два законченных цикла российской истории и начало третьего*, в который общество, по его мнению, вступило после августовских событий 1991 года. Каждый из циклов включает семь этапов. Они формировались взаимопереходами нравственных систем, реализовавшими себя в массо-

вых социальных процессах. Одной из форм раскола является раскол между циклической формой исторических изменений и прогрессом. История страны может быть рассмотрена как результат их взаиморазрушающих и взаимопроникающих отношений.

Первый цикл — от начала российской государственности до Октября 1917 года. Второй включает советский период до гибели СССР.

До сих пор среди специалистов нет единства по вопросу о преемственности между дооктябрьской и советской историей. Наблюдается поляризация мнений, начиная от утверждения о полном разрыве между царской и советской Россией вплоть до утверждения, что они — суть одно и то же. Автор считает ограниченными обе точки зрения. Он говорит о подобии циклов русской истории, но подобие дооктябрьского и советского циклов структурное: общей остается логика изменений, последовательность этапов, типы политической культуры, принятия решений. Вместе с тем значительные качественные изменения касаются и социального, и технологического, и культурного, и нравственного факторов общественной жизни. В книге показано, как общество мучительно отходит от синкретизма, какие сдвиги в народной почве приносят ее изменения от преимущественно доиндустриальной крестьянской к маргинальной полукрестьянской-полугородской. А. Ахиезер рассматривает историю России как непрерывно развивающийся процесс. Он не только не отождествляет циклы, но признает наличие общих сдвигов, имеющих решающее значение с точки зрения развития общества. *Таким сдвигом является в первую очередь дальнейшее укоренение утилитарной нравственности в стране.* Процессы модернизации, массовый утилитаризм, отражающийся на поведении социальных групп, личности, возможности современных средств массовой коммуникации динамизируют, ускоряют время протекания циклов, их отдельных этапов, 74 годам советской истории отвечает весь предшествующий период развития России.

За время первого цикла русской истории сформировалось традиционное общество, была создана мощная держава, имперская государственность, страна начала переходить к либеральной цивилизации. Однако в рамках этого цикла общество не сумело модернизироваться, попав в ситуацию «заколдованного круга», в «ловушку», «застряло» между цивилизациями: развитие стало происходить в условиях нарастания раскола. Переход затянулся, и стали все более накапливаться культура, отношения и структуры «промежуточной» цивилизации. Сущность последней — в стабилизации переходного состояния, ко-

гда традиционность разрушается, она все более неприемлема, вернуться к ней невозможно, и одновременно недостижима либеральная цивилизация. В этих условиях рождаются идеи прыжков, перепрыгиваний через этапы, ускорений, критика детерминизма, сводящаяся к попыткам утверждения волюнтаристских идей, прямого произвола, которые могут вылиться в безудержное социальное экспериментирование и т. д., но все предпринимаемые попытки ускорить органическое развитие, естественно складывающиеся процессы самоорганизации чреватые *катастрофическими перенапряжениями для общества*. Во всяком случае должна быть обеспечена мотивация модернизации, в чем бы эта мотивация ни состояла.

К сожалению, православие не обеспечивало мотивацию модернизации, и оно в результате было побеждено псевдорелигией, которая лишь утилитарно использовала высшие ценности, но зато сумела создать мотивацию для модернизационных процессов. Не личный интерес и не классовый компромисс, но общее благо народов России, будущая счастливая жизнь всего человечества в справедливом коммунистическом обществе — таковы цели, выдвинув которые, большевистская идеология сумела завербовать сотни миллионов сторонников. Автор называет ее *псевдосинкретической*, ибо на модернистской основе она *апеллировала как к традиционалистским массам*, страдающим из-за утраты органической синкретической веховой нравственности, *так и одновременно к городской индустриальной высоко дифференцированной культуре*. Отсюда ее изначальная «ипостасность», двойственность, псевдомифологичность. Эта идеология обращена к *особому гибриднему идеалу, тождественному и одновременно противоположному господствующему нравственному идеалу первого цикла*. Национальная идея первого цикла в советский период превратилась в классовую, но осталась, как и прежде, государственнической, в скрытом виде — имперской. Самое важное, что псевдосинкретизм не способствовал изживанию раскола, но всячески маскировал, прятал его, утверждая «морально-политическое» единство общества. Тем самым он загонял болезнь раскола вглубь. Исключительная гибкость и ориентация на безудержное утилитарное манипулирование позволяли псевдосинкретизму до поры до времени выполнять эти задачи, каждый раз в момент исчерпания одной своей версии выдвигая другую. Сейчас, отрицая интернационализм советского этапа, мы вновь возвращаемся к национальной идее, но это не означает и не может означать прямых отождествлений с первым циклом.

Структурное подобие между соответствующими этапами — в совпадении их нравственных оснований. Но важнее не сходства, а различия. Одним из чрезвычайно важных для конкретной истории различий, считает А. Ахиезер, являются противоположные ценностные ориентации в началах соответствующих циклов. Так, если второй цикл (советский) начался с ведущей ориентации на интернационализм и архаичную уравнительную справедливость, причем имело место массовое озлобление народа, стремление к захвату собственности, то нынешний, третий период утверждает ценности либерализма, демократии, религиозной нравственности, дает согласие на социальную дифференциацию, рынок. В более абстрактной форме можно говорить, что наряду с преимуществом и элементами циклического развития здесь наблюдается несомненный прогресс. В этом смысле даже, казалось бы, элементы, указывающие на возрождение давно ушедшего (монархические идеи, возрождение казачества, других традиционных укладов), — видимо, не более чем нынешние приметы. Все дело, конечно, в том, что возвращается: системообразующие, важнейшие основания традиционных укладов, основополагающие элементы социального порядка или элементы, имеющие второстепенное значение, не определяющие хозяйственного, политического, нравственного поведения. Важен и масштаб возвращаемого: подхвачены реставрационные идеи всем обществом, его значимой частью, или незначительным числом людей и т. д.

Прогноз. Эту книгу можно читать по-разному. Можно концентрировать внимание на исторических аналогиях, совпадениях, удивляться сходству нравственных интенций и некоторых важных социокультурных и политических процессов между, например, эпохой Петра I и сталинской, Николая I и брежневской и т. д. Можно придерживаться гипотезы, что ритмы истории, колебания «духовного маятника» вполне реальны и, воплощаясь в некоем пульсирующем «обществе-субъекте», обнаруживаются исследователем. Можно быть сторонником иного взгляда, полагая, что исторические ритмы не более, чем познавательный прием, логическая конструкция, накладываемая на исторический процесс исследователем. В любом случае идея циклов важна своей методологической функцией. Знание циклов, любых регулярностей, закономерностей дает возможность дальнейшего углубления в реальное существо происходящих процессов, так как выполняет роль «опоры» для более глубокого познания. Зная структуру циклов, можно попытаться построить прогноз.

Уже сейчас можно сказать, что идеи, изложенные в теории А. Ахиезера, выдержали испытание, несмотря на те крутые

перемены, которые общество переживает в последние годы. Когда автор начал работать над книгой, был апогей застоя (шестой этап второго глобального периода, по принятой в исследовании периодизации). Все казалось незыблемым: и поток нефтедолларов, и «руководящая и направляющая» с геронтократами за стеклами «членовозов», и советское изобилие — американское зерно, французское масло, новозеландская баранина, португальские портвейны и мадеры, дешевые кубинские и марокканские цитрусовые. Бананы и прочие заморские деликатесы дополнялись текстилем и обувью из Восточной Европы. Теперь кажется, что слабость советской власти ощущалась. Вовсе нет. Большинство интеллигентов говорили, что такая простая, охваченная властными обручами общественная структура, какая сложилась у нас, почти так же вечна, как сонные азиатские деспотии древности. Элита довольна и более ничего не хочет. Народ спокоен и сыт. Страна стала сверхдержавой, соперником США в борьбе за мировое господство. Но так думали не все. Прогноз А. Ахиезера был достаточно сложным и даже замысловатым. Не будучи рассчитанным в своих количественных параметрах, он простирался далеко вперед в гипотетическое постсоветское время, в третий глобальный период.

Существует много методов разработки прогнозов. Социокультурный прогноз — весьма необычный вид прогноза. Обычно прогнозирование охватывает некоторые отдельные, зримые результаты деятельности общества, которые можно измерить, экстраполировать с теми или иными поправками на будущее. Социокультурное прогнозирование касается святого святых: его объект — общество в целом. Но общество — это общественный или социальный субъект, как можно прогнозировать действия тех, кто обладает свободой воли? Своеобразие социокультурного прогноза в том, что он осмысляет не результаты деятельности субъекта, но его внутренние движущие силы, способности и возможности развиваться, изменяться, преобразовывать себя, т. е. функции изменяющегося общественного субъекта.

Оригинальность подхода А. Ахиезера состояла в том, что он шел не вперед, в туманное, не имеющее опоры и очертаний будущее, но назад, глубже и глубже, к началам российской истории. Философ, экономист и социолог превратился в историка. Подушные подати, манифесты Е. Пугачева, самозванцы на Руси, реформы П. Д. Киселева и П. А. Столыпина, замыслы Н. С. Мордвинова и деятельность М. М. Сперанского, наказания декабристов, церковный раскол, сочинения протопопа Аввакума, вече древних городов, крепостные фабрики Демидовых, крестьянские волнения и многочисленные слухи — слухи

о подмененном царевиче, царе-Антихристе, стране Беловодье и т. д.— все это волновало и находило свое место в его теории. Мятеежники и сановники, реформаторы и последовательнотвердые бюрократы, анархисты и государственники — жизнь общества развертывалась как невероятная по своим масштабам, своевольная прихотливая стихия, где одна случайность сменяла другую. Не было единого смысла и точки, в которую стягивалось бы все это бесконечное многообразие. Оно жило и пульсировало, двигалось и растворялось. За всем этим подспудно угадывался какой-то ритм, и в историческом прошлом А. Ахиезер увидел контуры структуры. Модифицированный инверсионный цикл (так он назвал эту структуру) представлял собой колебательный процесс, включающий изменения важнейших параметров общества — культурных, социальных и нравственных. Расколотовость общества, слабость срединной культуры и соответствующих ей форм мышления привели к тому, что каждый новый поворот кривой выступал отрицанием предыдущего — обрывом части культурного опыта, традиций; подчас он оборачивался катастрофой, массовой гибелью людей, разрушением государства. И увиденная в прошлом структура помогла заглянуть в будущее.

Первый из прогнозов был составлен автором на шестом этапе, в эпоху «застоя». Он делал вывод о неизбежности реформ, которые соотносил с реформами седьмого этапа первого периода, т. е. с 1861-1917 годами. В 1979 году автор писал об опасности краха государственности, возможности четвертой в истории России национальной катастрофы. Внутренние причины этой возможности он видел в противоестественности, неорганичности союза синкретизма и элементов либерализма, объединившихся на базе псевдосинкретизма промежуточной цивилизации. «Пружина русской истории, сжатая национальной катастрофой 1917 года, полностью освободится, исчерпав заложенную в ней программу исторического процесса. Если это произойдет, то это поставит страну перед альтернативой — либо снова сжать пружину в единую плоскость и вновь начать дважды пройденный путь сначала, либо искать новые пути...»⁴. От этой, как он сам считает, наиболее простой предпосылки прогноза автор не отказывается и сейчас.

Для России как страны, безоговорочно и давно преодолевшей стадию традиционной цивилизации, основное содержание прогнозирования — в рассмотрении не тождества или сходства, но различий между соответствующими этапами разных циклов. Иными словами, следует искать существенные различия

4 Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 2. С. 301.

между, например, Киевской Русью, временем от октября 1917 до середины 1918 года и современностью (начиная с 1991 года), хотя их и объединяет господство соборной нравственности.

При всей абстрактности такого метода прогнозирования он позволяет — в чем и есть сила всякого масштабного видения — не запутаться в деталях, упростить общую картину, выделив основные тенденции. Уже в 1979 году можно было видеть много конкретных явлений повседневной жизни, свидетельствующих, что массы людей, сбрасывая с себя остатки тоталитаризма, стали утверждать свою личную свободу. Одновременно это означало нарастание опасности распада, которую нельзя отсечь, ибо она внутри каждой клеточки хозяйственной организации, внутри каждого человека. В тот же момент автор делал попытку развить методологические требования к неизбежным реформаторам. Среди них — необходимость анализировать прежде всего сдвиги в массовых нравственных идеалах для определения возможности общества преодолеть рамки промежуточной цивилизации, уделять первостепенное внимание анализу изменений в характере и проявлениях утилитарной нравственности, так как именно от того, какой из типов утилитаризма возобладает (умеренный, потребительски-грабительский или развитой — производительный), зависит облик и сущность нового общества.

В 1979 году А. Ахиезер писал, что неизбежен либеральный характер замысла реформы, но в основе движения к ней будет гибридный нравственный идеал, т. е. кроме либерализма в нем будет присутствовать утилитаризм — разные его версии — и остатки объединившегося с утилитаризмом традиционализма. Он указывал на двусмысленность того согласия на рыночные реформы, которое дает общество. Реформы понимались автором в логике последовательного избавления общества от различных форм крепостничества (в данном случае речь идет о прямой зависимости человека от тоталитарного государства). Позже, в годы перестройки, А. Ахиезер резко критиковал планы молниеносного введения рынка, утверждал неизбежность поворота к проектам, рассчитанным на реального общественного субъекта и длительные сроки. Везде он имел в виду социокультурный срез прогнозирования. Автор видел опасность «схлопывания», дискредитации центральной власти, опасность гибели государственности. В прогнозе 1979 года говорится о возможности третьего цикла русской истории, а в 1992 году уже делается вывод о его наступлении. С августовскими событиями, гибелью СССР и рождением новой России наше общество вступило в третий период своего развития.

Прогноз 1992 года в целом более оптимистичен. Удалось избежать большой крови, когда государство погибло. К власти пришли либералы: авторитарная власть, если она возникнет в сравнительно спокойной обстановке, может быть этапом на пути к рынку и в конечном счете к демократии. Борьба разных форм утилитаризма между собой и усиление национальных ценностей как реакция на «интернационализм» советского периода — важнейшие тенденции начала третьего периода. Возможно, что на сегодняшний день общество не сумеет выйти за рамки промежуточной цивилизации. Это снова может заставить власть выработать некоторую форму идеологии, базирующуюся на гибридной нравственности. Важнейшее значение имеют та степень и масштабы частной инициативы, которые утвердятся в результате реформ. Может случиться, что и весь третий глобальный период не приведет общество к либеральной цивилизации.

Книга построена так, что подчеркивает очередной цикл русской истории. Новая глава — новый поворот, новый узор в исторических ритмах. Что же, можно говорить о жестком «каркасе» исторического действия и даже некой предопределенности, почти фатальности происходящих событий? Нет ничего более далекого и от убеждений автора, и от того смысла, который он пытался воплотить в своей книге. Ему не свойствен предписывающий тип мышления, не характерна для него и вера в безальтернативность истории. А. Ахиезер убежден, что альтернативы есть, они существуют постоянно в каждой точке истории, но это не препятствует попыткам обнаружить те инерционные процессы, регулярности, что складываются из реализовавших себя альтернатив, из выборов, которые делает общество в рамках инверсии, обращаясь к оправдавшим себя, сложившимся в историческом опыте альтернативным образцам и решениям.

ОТ ИСТОРИОСОФИИ К НАУКЕ

Главное открытие А. Ахиезера заключается в том, что он сумел превратить историософские метафоры, догадки и прозрения в системную теорию общественного развития. Мнения об «особенной стати», своеобразии России и соответственно о ее особом пути, о культурной самобытности, недоступной рациональному осмыслению и разрушающей все выкладки и прогнозы, в свете его открытий начинают выглядеть по-другому: как неразвитость определенных областей науки, как неизученность проблемы, как недостаточность эмпирического материала и необходимого богатства теоретических обобще-

ний. Иными словами, как следствие того разрушения социальных и гуманитарных наук, которое произошло из-за давления идеологического прессы на обществознание в советское время.

А. Ахиезер показал хозяйственно-практические основания проблем России, их укорененность в исторически сложившихся институтах и привычках: хозяйственных, организационных, управленческих, на микроуровнях социально-экономической жизни. Он обосновал неправомерность персоналистских, мифологических объяснений причин этих проблем, тем самым сформулировав научные требования к изучению России. На философском уровне эти требования означают необходимость рефлексии — не только научно-теоретической, но и практической, массовой, соединяющей мысль и дело, теорию и практику, делающей невозможной ту ситуацию, которую Вячеслав Пьецух в одном из своих интервью обозначил как характерную для России, где человек мыслит, как Платон, а живет, как проходчик Штукин, в то время как эскимос и думает, как эскимос, и живет, как эскимос.

Книга заострена на опасностях и трудностях, стоящих перед обществом. Отчасти это — результат избранного автором жанра (критика), отчасти, возможно, должно быть отнесено за счет стиля изложения, субъективных моментов. В целом же предложенный подход несет в себе вполне различимый исторический оптимизм и даже, я бы сказала, заряд традиционной веры в человеческий разум, в возможности рефлексии, распространенной на общество, на массовое сознание. То, что пишет автор, весьма далеко как от просветительства с его апологией элитарности и патернализмом, так и от народопоклонства, бездумной веры в творческую силу большинства. Однако в исследовании преобладает убежденность в возможности общества проложить путь к либеральной цивилизации.

Эта книга поднимает старые российские проблемы, но дает на них новые ответы или подводит к ним.

Традиционной для русской мысли проблемой является осмысление *места России в мире*, ее самоопределение через Восток и Запад. А. Ахиезер продолжает эту линию. Он разработал свою *типологию цивилизаций*, основанную на идее саморазвития человечества. Предлагаемое им понимание далеко от обычного «географического» соотношения традиционности с реальным азиатским Востоком и либеральности с европейским Западом. Подобные отождествления — не более чем метафора, за которой скрыто движение мировой истории, драматический переход от одного типа цивилизации к другому, в который втянуты так или иначе все страны вне зависимости от их государственного строя и географического положения. Поэтому

«промежуточность» России есть ее исторически временное состояние, момент, хотя и чрезвычайно мучительный и затянувшийся, но преходящий.

Чтобы понять суть этой промежуточности, необходим *анализ массового сознания, менталитета народа*. Он коренится в традиционной крестьянской культуре, так как именно она лежала в основе массового сознания населения России. Но это не только опыт традиционной крестьянской культуры, а весь исторический опыт — крестьян-мигрантов, полукрестьян-полупролетариев, российской интеллигенции, традиционных элит. Ушедший глубоко в привычку, самоочевидный, привычно нерелефлируемый, этот опыт часто предлагает свои образцы решений, кажущихся единственно верными, хотя и неизвестно почему. Этот опыт нашептывает, что власть сакральна, т. е. всемогуща, и может делать с гражданами государства то, что сочтет нужным. Этот же опыт подсказывает, что она — от лукавого и жизнь наша плоха, потому что ею управляет плохое «начальство». Богатство честным не бывает. Если у кого-то прибывает, то значит, отнято у нас. Иными словами, общий пирог затем и существует, чтобы его делить. Если «народ» освободить от «начальства», государства, он, предоставленный собственной инициативе, все мигом расставит на свои места.

Такие стереотипы уже давно не соответствуют реальности современного мира, но так исторически сложилось, что эта реальность всегда опережала саморазвитие культуры огромной и малонаселенной страны. Поэтому культурные новшества никогда не успевали толком укорениться, пронизать почву, изжить себя, превратившись в традицию, постепенно уходящую и потому спокойно уступающую свое место последующим новшествам. Не успел сложиться пантеон языческих богов, как смела его мировая религия — христианство. Не пронизало народную почву, не укоренилось как следует православие (этнографы много могут рассказать о реальном двоеверии), как и оно было повержено новой верой — коммунистической. Эта новая вера объединила и вполне языческие суеверия (одна мумификация вождя чего стоит!), и христианские мотивы (Н. А. Бердяев достаточно убедительно показал это)⁵. Не случайно специальное внимание автор уделяет считающимся чем-то само собой разумеющимся представлениям о всесиили власти, с одной стороны, и всемогуществе, беспредельности творческой мощи освобожденного от давления этой власти народа — с другой (основное заблуждение массового сознания и основное заблуждение интеллигенции)⁶. Оба эти заблуждения оказываются ил-

⁵ См.: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

⁶ См. второй том настоящего издания.

люзиями, отголоском времен, когда власть была сакральной, а молодая, едва оторвавшаяся от народной пуповины интеллигенция тяжело переживала свое «отпадение» от народа и мифологизировала крестьянство («простой народ»), превратив его в тотем — всемогущий, капризный и непонятный. И сейчас еще эти представления в той или иной модификации и в модернизированном виде подчас незримо витают в общественном сознании, по крайней мере составляют его подсознание. Но автор показывает, что они безнадежно устарели. Образ народа — единой духовно-религиозной общности, воплощения высших смыслов и ценностей — уже давно оборачивается «личинами»: то вновь сводится к идеализированному патриархальному крестьянству, то к простонародью, городским низам, то предстает новым мессией — обожествленным рабочим классом, то вдруг превращается в люмпена (с некоторых пор в публицистике то и дело мелькает это «новое» слово, претендующее на объяснение всех проблем кризиса нашего общества). В этих мифах участвуют бесконечно добрый и мудрый народ, всегда негативно оцениваемое, растаскивающее государство, проворовавшееся «начальство», противопоставляемое в душе все еще исполненному всяческих достоинств могущественному Первому лицу. Истина же в том, что и проблемы эти, и сами субъекты — участники этих проблем в своем иллюзорно-привычном для нас виде уже не существуют.

Вместе с тем проблема исторического выбора цели и пути социальных изменений как никогда остра. Но выбора реального: остаться ли крестьянам в колхозах или превратиться в аграриев-собственников; стать ли рабочим подлинно индустриальным рабочим классом или сохранять и дальше свою полупатриархальную маргинальность и т. д., развивать ли товарно-денежные отношения либо вновь устремить свои взоры к какой-либо форме распределительно-уравнительной хозяйственной системы. Исторический выбор вовсе не в том, чтобы соглашаться со своей самобытностью или расстаться с нею, выбрать «хорошее начальство», отвергнув «плохое». Он — в ином: по-прежнему терпеть раскол или преодолевать его, какова мера компромисса, позволяющего сформировать функциональное общество, способное развиваться и соответствовать требованиям, налагаемым уровнем мирового развития.

Теория А. Ахиезера развивает традиции русской философии и делает это достаточно последовательно. Как и основное русло философской мысли в России, философия А. Ахиезера направлена на решение практических проблем социальной жизни общества, на обсуждение его приоритетных нравственных и политических задач, решение проблем соци-

альной реформации, включая экономические. Столь же свойственно его исследованию вытекающее из этого характерное для русской философии стремление прежде всего осмыслить онтологические и социально-философские проблемы. Гносеология как таковая интересует его в меньшей степени.

Универсализм, которым отличается русская философия, проявляется в попытке охватить свой объект во всей полноте его характеристик — и в статике, и в динамике, и в прошлых состояниях, и в реально разворачивающейся современной истории. Социокультурный анализ обладает подобными чертами изначально, поскольку дает возможность обозреть и культурные, и политические, и хозяйственные, и прочие элементы общественного целого.

Подход Ахиезера отличается от того, что получил в отечественной философии название системного. Разница между ними — в смещении акцентов. Системщики более сосредоточены на формально-структурных характеристиках и состояниях объекта, тогда как А. Ахиезер — на его содержательных и динамично-процессуальных характеристиках. Его интересуют не столько состояния (в лучшем случае они — границы рассматриваемого «поля»), но то, что между ними: изменения, их динамика, возможные альтернативы и направленность реализуемых тенденций. Социальный субъект — российское общество — интерпретируется им исторически, с углублением в существо его исторических изменений, и социологически — как противоречивое единство, содержащее сложные напряженные отношения личности, групп и общества во всех возможных их комбинациях и взаимосвязях.

Одной из наиболее характерных черт русской философии является доминирование в ней нравственных проблем. И в этом отношении А. Ахиезер является ее продолжателем. Вовсе не экономика, как это утверждалось многие годы в советском обществоведении, или техника и технология, как это утверждает западный технологический детерминизм, но нравственность лежит в основе развития общества. Это трудно понять, если подходить к нравственности как неизменному, статичному началу нашей жизни. Но автор считает нравственность изменчивой формой культуры, основанием любой культуры. Изменение, динамика нравственности выступает для него проявлением исторической динамики.

Можно сказать, что трезвому изучению общественного развития России до сих пор мешает то, что автор называет *расколом самосознания общества*. Абстрактное упрощенное западничество в борьбе против почвенного славянофильства — наиболее яркий пример подобного раскола самосознания — от-

ражается и в науке, заставляя ученых поддерживать уже не просто те или иные политические интересы, но примыкать к традициям, сложившимся в исследовании России. Как кажется, автор преодолевает крайности обоих течений. Несомненно, он видит в либеральной цивилизации более высокий уровень общественного развития, однако это не означает поддержки идеи бездумного переноса западных форм жизни на отечественную почву. Можно даже сказать, что А. Ахиезер прежде почвенник и лишь затем либерал. Из почвенничества — первостепенное внимание к самобытности России и русского пути, нежелание сводить Россию к почти-Европе, которую обычно почитали за образец в образованных слоях русского общества, или к почти-Азии, которую открывали в народной толще, во многих традициях, привычках, социальных отношениях. Однако сделав нравственность стержневым основанием всей концепции, увидев в нравственных идеалах основание деятельности, утвердив основополагающее значение народной почвы и ее ценностей, автор отнюдь не перешел на защиту добуржуазных типов культуры в целях абсолютизации самобытных черт российской действительности, словом, не пошел по пути апологетики славянофильства, даже в его классическом либеральном варианте прошлого века. Читатель не увидит в книге традиционного для почвенничества антизападничества, нет здесь и апологетики крестьянства, того преимущественного обращения к теме природы, которая обнаженной болью звучит у современных российских почвенников, хотя автор много лет занимается социальной экологией.

Автору чуждо моральное осуждение истории. Он не судит историю, не повествует о ней беспристрастно, как летописец, но постоянно пытается обнаружить смысл происходивших событий, держа в центре внимания противоречия и разногласия между богатством известных ему интерпретаций исторических источников и устоявшимся воззрением на них современной науки. Из этого противоречия формирует он свою точку зрения, учитывая необходимость складывающейся ее последовательности и системности, важной для тех исканий «единства духовной жизни на путях ее рационализации», что связывались историком русской философии В. В. Зеньковским с самим существом философствования. Это, разумеется, не означает морального нигилизма, беспристрастности автора — взгляды его и симпатии, как и во всяком другом случае, могут быть вычленены и подвергнуты анализу. Но это не означает и препарирования открывшегося смысла истории, социальной реальности в угоду догме, утвердившейся концепции. Иными словами, он остается на базе той позиции, которую требует

научный этос. Следовательно, здесь есть преодоление синкретического понимания «Правды», объединяющей правду-истину и правду-справедливость, которое долгое время порождало морализаторскую тенденцию в русской философии, а критиков побуждало говорить о ее донаучном состоянии. Еще Н. Бердяев писал об истине и правде через запятую. Продолжая линию, отстаивающую высокое значение и смыслы нравственности в человеческой жизни, А. Ахиезер преодолел ту исторически ограниченную форму рефлексии нравственности, которая порождала противоречия между нравственной оценкой и научным взглядом на то или иное явление. Это позволило ему установить более глубокое понимание нравственности, включив ее в контекст общественной жизни и культуры, дало возможность конкретизировать нравственное содержание российского общества, осмыслить движение нравственности как развитие народной жизни, как этапы и вехи на пути саморазвития общественного субъекта. Наметились важные для науки темы: о смыслах и значении утилитарной нравственности в контексте мирового развития, о конкретных характеристиках, в частности, соотношении общих, особенных и уникально-культурных черт утилитаризма как одного из основных типов нравственности нового времени. Тем самым в философскую копилку мирового опыта входит еще одна тема: культурно-самобытных типов нравственного опыта, его места и связей с социальным развитием человека как субъекта истории.

Книгу А. Ахиезера можно назвать послеваховской, и послебердяевской. Она перебрасывает «мост» к современной научной литературе о пути России. Послебердяевский ее характер определяется существенным совпадением во взглядах на понимание важнейших элементов русской революции, ее причин, характера большевизма. А. Ахиезер так же, как и Н. А. Бердяев, считает большевизм внутренним для русского народа явлением, которое может быть преодолено исключительно изнутри, а не извне, причем сначала преодолено изнутри духовно, а затем уже политически. Ему также свойствен веховский взгляд на соотношение социальных слоев в истории России и характер их взаимоотношения, и он мог бы согласиться со знаменитым высказыванием М. О. Гершензона о царских штыках и ярости народной, повторенным уже после революции, в начале 20-х годов Н. А. Бердяевым: «Россия была необычным и темным мужицким царством, с очень слабо развитыми классами, с очень тонким культурным слоем, с царем, сдерживавшим это царство и не допускавшим растерзания народом этого

культурного слоя»⁷. Однако далее начинаются расхождения. Взгляд Н. Бердяева на Россию духовно-религиозный: и большевизм он считает карой, насланной на народ свыше за его прегрешения, и изживание этого греха, соответственно, возможно лишь в форме религиозно-христианского возрождения народного духа. Бердяев отказывает русскому народу в способности построить «срединное гуманистическое царство», утвердить правовое государство, он навсегда обрекает его на неустройство земной жизни, безразличие к ней, эсхатологическую устремленность к концу истории. Взгляд А. Ахиезера на проблемы России рационально-научный. Его понимание этих проблем исторично и в силу этого и более оптимистично. Дело вовсе не в природе русского народа, его особой отрешенности от мира. Россия включена в мировую историю и развивается в потоке этой истории. Проблемы ее имеют временной характер. Это проблемы развития. Народ, его жизнь, его дух претерпевают драматические изменения, его нравственность развивается, ибо нравственность — также явление историческое. Даже историческое поражение православной церкви в России XX века не означает прекращения саморазвития исторической и социальной жизни, не закрывает возможности выхода общества к новым качественным состояниям, отвечающим требованиям современной гуманистической нравственности, правовым нормам мировой культуры.

Следовательно, можно говорить о *сдвиге от религиозно-философских форм осмысления истории к рационально-научным*. Он проявляется в вычленении истины из того синкретического симбиоза с нравственностью, который часто можно было видеть в русской философской мысли и который до сих пор оправдывается как позитивный принцип философствования отечественными почвенниками. Этот сдвиг — также в критике народничества с его сакрализацией народа и демонизацией власти.

Наиболее же значительное отличие данного исследования от традиций отечественного философствования — утверждение ведущей роли рефлексии в общественных процессах. Понимание А. Ахиезером рефлексии обнаруживает его связи с классической западной философией, однако в соответствии с традициями русской философии рефлексия для него — не только процесс самопонимания, гносеологически понятая рефлексия, но и процесс самоизменения, т. е. онтологическая рефлексия социального субъекта — и личности, и общества в целом. Тем

⁷ Бердяев Н. А. Размышления о русской революции // Бердяев Н. А. Новое средневековье. М., 1991. С. 43.

самым он соединяет в своем понимании рефлексии западную и русскую философские традиции.

НА ПУТИ К ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНОМУ КОНСЕНСУСУ

Социокультурная теория является свидетельством и примером тех духовных и интеллектуальных сдвигов, которые переживает отечественная культура. В последнее время появилось много серьезных трудов, где говорится о сложности конкретных экономических, политических, хозяйственных преобразований, нехватке времени и средств на модернизацию, непривычности рынка и жизни в условиях рынка для населения, о правовой и юридической необеспеченности реформ. Реже пишут о более глубоких причинах и смысле таких радикальных преобразований, в крайнем случае признавая и обосновывая их необходимость задачами структурной перестройки хозяйства как ответа на очередной индустриально-технологический вызов развитых стран. Иными словами, в терминах все того же догоняющего развития. А. Ахиезер производит здесь переворот своим радикальным выводом о смысле реформирования, обосновывая мысль, что *реформа заглублена на цивилизационный уровень*, что, по сути, реформаторы взялись «перетачить» общество из некоего «промежуточного» состояния в новое цивилизационное качество, иными словами, фактически задать качественно новые параметры всему процессу общественного воспроизводства. Столь глубокие преобразования требуют, несомненно, не только длительного исторического периода, но и горячего желания «критической массы» членов общества изменить в этом направлении весь строй своей жизни: и ценности, и образ жизни, и отношение к труду, друг к другу, праву и другим основополагающим элементам повседневности. Здесь нужны методы реформирования, ориентированные на реальных людей, на «болезни» общества, на его историю, на постоянное прощупывание границ и темпов проводимых преобразований, задаваемых реально сложившимися характеристиками социальной жизни.

Уже первые обсуждения ротопринтного издания книги 1991 года показали, что она не оставляет читателя беспристрастным, в ней явлена не только научная, но и человеческая, гражданская, нравственная позиция. По сути, в ней представлен один из важнейших складывающихся сейчас новых типов либерального российского самосознания. Действительно, как кажется, именно этот прорывающийся к новому гуманному человеческому общежитию, к гражданскому миру, основанно-

му на взаимоуважении различных слоев, нравственный и политический тип, если он станет массовым и сумеет увлечь за собой общество,— смог бы попытаться проложить не пройденный пока обществом реформистский путь к либеральной цивилизации. От многих поколений многожды растоптанной и возрождающейся вновь российской интеллигенции этот тип либералов отличается важнейшим качеством: отвращением к утопизму и прекраснотушным грезам, реализмом, способностью не только к критике, но и к серьезной самокритике, к постоянной рефлексии, переоценке достигнутого. Изживается невзрослость, подростковость, в конечном счете дефицит совершеннолетней в кантовском смысле личности, на смену которым приходят трезвость, мужество, способность додумывать до конца неудобные мысли. Мужество подобной позиции — в неуклонном стремлении опереться на логику науки вопреки расставленным капканам идеологии и застарелых мифов. Оно — в той естественной самостоятельности, которая не боится несовпадения с той или иной научной модой и видит для себя единственную путеводную звезду: логику развертывания мысли.

Вот почему, я думаю, книга намечает подходы и пути к выходу из того заколдованного круга традиционализирующей модернизации, в который общество себя загнало. Дело даже не в конкретных предложениях: теория, утверждаемая автором, отнюдь не рецептурно-технологического характера, как не несет она ни грана мессианского запала и жажды переделки мира. Важнее другое — в ней открыты новые смыслы, и смыслы эти дают возможность преодолеть, переосмыслить застарелые логические круги, тормозящие общество, вновь и вновь бросающие его к бегу по кругу внеисторического безвременья.

Эта книга с большой силой *призывает к свободе*, — но *свободе не утопической*, не внесоциальной воле, эгоистической, беспокоящейся лишь о себе самой, — будь то воля тирана или стихийная воля толпы. Это призыв к свободе зрелой личности, общества, способного взять на себя смелость и ответственность за осуществление необходимой исторической работы, направленной на становление демократических отношений и институтов. Утверждение свободы предстает в ней не как «скачок из царства необходимости в царство свободы», но как *постоянный напряженный поиск пути преодоления несвободы*. Из нее вытекает новое для нас понимание труда, человеческих отношений, те ценности и смыслы, которые отвечают уже не историческому детству и подростковости общества и его культуры, но цветущей сложности исторической зрелости. Одновременно

это и диагноз нашей исторической болезни, и терапия, своеобразный манифест реформизма — единственного направления, способного пройти все ловушки и тупики сложного и запутанного исторического маршрута.

В работе с большой нравственной напряженностью и силой утверждается *идея ответственности общества* за то, что с ним происходит. Общество — это и крестьяне, фермеры, и средние слои, и рабочие, инженеры, и управляющие, и вновь возрождающиеся предприниматели, и финансисты, и ученые, и художники, и все другие тысячи и тысячи специалистов и неспециалистов, стоящие на всех ступеньках иерархизированной общественной лестницы; общество утверждает ответственность каждого за свою жизнь, свое дело, и за общую жизнь, общее дело, за совокупную судьбу, и за то правительство, которое мы выбираем и которое, следовательно, является частью нас самих.

Такое представление, противопоставляющее традиционную российскую интеллигенцию и современных интеллигентов-интеллектуалов, вытекает из всего комплекса идей автора. И в этом смысле утверждаемая им идея личной ответственности каждого человека за себя и за мир, который люди создают, направлена против традиционной позиции революционной российской интеллигенции, разоружившей общество перед исторически назревшими задачами, оставившей его во власти массовых культурных стереотипов.

Книга наносит немало отрезвляющих уколов нашему самосознанию.

Но ведь можно сказать и иначе: мысли этого ученого помогают обществу глубже узнать себя. Узнать, чтобы избавиться от ненужной кичливости, узнать, чтобы вернуться к себе, удержать себя в границах собственной самости. Теория А. Ахиезера — *серьезная попытка прорваться к пониманию социальной реальности нашего общества*.

А. Ахиезер считает Россию самобытной страной, а российское общество очень специфичным, во многом уникальным историческим субъектом со своими особенностями, историей развития. Однако, во-первых, это не означает одновременно тривиальности других обществ, самобытность предполагается всеобщей. Во-вторых, это не означает согласия с чаадаевской идеей, что Россия выпала из человечества, что российские проблемы и «болезни» совершенно неизвестны человечеству, что она обнаруживает какой-то совершенно уникальный опыт,

уникальный вид исторической «хвори». Вовсе нет. Причины болезни понятны: трудности развития, сама «болезнь» — «ловушка» на пути модернизации, внутрикультурный конфликт, превратившийся в некий «тромб», — тоже известна, хотя, может быть, не в столь запущенном и тяжелом состоянии, в меньших масштабах. Столкновение местной культурной традиции с мировой культурой всегда скрывает для первой опасность раскола, ибо представляет для нее серьезный вызов и даже возможную угрозу самому ее существованию. Навязывая ей темпы и формы развития, мировая культура, несомненно, способна дезорганизовать местную культурную традицию, увеличить для нее тем самым энтропийную опасность. Но эта внешняя опасность превращается всегда во внутреннюю проблему общества — в проблему его ответа на вызов, его способности к самоизменению, к развитию. Эта проблема, в свою очередь, никак иначе чем через подтягивание всех уровней, слоев общества до необходимого мирового уровня не решается. Иначе говоря, она требует последовательной демократизации общества. То прочтение судьбы и пути России, которое предложено Александром Ахиезером, не требует от общества отрешения ни от своей истории, ни от своей самобытности. Россия всегда останется евразийской страной со всеми особенностями, порожденными и географическим положением, и историей. Существует надежда, что обществу все же удастся изжить раскол и установить эффективное органичное нравственное согласие. Какие-то, возможно смягченные, циклические тенденции в будущем всегда будут оставаться присущими ему свойствами в силу своей всеобщности, ибо человеческое бытие и бытие обществ ритмично и никому еще не удалось преодолеть эту характеристику всех жизненных (а возможно, и космических) процессов. Большое народное самопонимание, углубление рефлексии позволит обществу стать ближе одновременно Азии с ее коллективистскими традициями и взаимопомощью и Европе с ее неуклонными требованиями соблюдения прав личности, порядка, закона, демократии и прогресса.

Но одновременно то прочтение проблем России, что предложено в этой книге, показывает насущную жизненную необходимость самоизменения общества, его продвижения на путях саморазвития к либеральной цивилизации. Как сумела общественная нравственность преодолеть обычай телесных наказаний и закапывания живьем неверных жен, так же точно и политическая практика может расстаться с массовыми репрессиями и деспотизмом власти, государственная идея может настолько укорениться в сознании людей, чтобы очередной цикл не сокрушил государство, возрождение национального самосо-

знания не превратилось в племенную рознь, а ответственность личности, развитие всеобщих абстрактных связей достигли, наконец, уровня, делающего возможным укоренение рыночных механизмов, того, что Ф. Хайек называет «расширенным порядком человеческого сотрудничества».

В социокультурную теорию А. Ахиезера латентно заложена некая сверхидея — нравственная позиция ее создателя: признание приоритета органического развития над любым манипулированием, необходимость при самых благих намерениях и заботе об общем благе всегда исходить из реальных возможностей и логики развития общества, общественного субъекта. Однако это не означает отрицания возможностей реформы, направленного социального изменения. Дело лишь в том, чтобы выявить границы возможных вмешательств, выше или ниже которых нарушается принцип «не повреди»: именно этот принцип, как кажется, и есть то, что составляет метаэтику этого исследования. Отсюда и такое значение категории «мера», ибо именно она противостоит разрушительной философии и практике крайностей, манипуляторскому отношению к миру, обществу, самим себе, отсутствию уважения к конкретным людям, безразличию к людям, и к обществу, и к тому, что станет с ним в результате безответственного экспериментаторства.

Книга исполнена огромного внутреннего драматизма, напряжения, скрытого за внешней сдержанностью. Ее пронизывает ощущение катастрофы, возможной близости, ужасающей реальности распада жизни и одновременно ее трагического величия. «Нерв» исследования — в упорных сосредоточенных попытках обнаружить скрытые потенции общества, ростки той социальной «органики», свободной от извращающего влияния раскола, оперевшись на которую можно было бы достичь извращения, пусть и постепенного, от ситуации «замкнутого круга», «исторической ловушки», в которой оказалось общество. А. С. Ахиезер знает, что пропасть не перепрыгнуть ни в два, ни в один прыжок: его философия — это философия упорного длительного творческого усилия, медленных постепенных изменений, которые затем, внезапно для стороннего наблюдателя, превращаются в новое качество. В теории заложено требование к обществу — и это тоже нравственная позиция ее автора — возвышения людей до сложности проблем, которые им приходится решать, нравственного усилия, необходимого каждому, чтобы изменить свои привычки, отклониться от инерции жизни, ибо захотеть взять на себя этот до-

полнительный труд может только отдельный человек, и лишь как результат — общество.

С. Матвеева

15 октября 1992 г.

ОТ АВТОРА (К изданию 1991 года)

Катастрофы человеческой истории далеко не всегда давали импульс людям, чтобы они оглянулись, переоценили события, самих себя, свои поступки, попытались предотвратить возможность новых ужасов, гибели, разрушений. Достаточно вспомнить пассивность реакции Руси на разгром при реке Калке в 1223 году. Это событие не было воспринято ни как симптом приближающегося нашествия, ни как сигнал для активизации сил, способных оказать ему сопротивление. Люди проявляют подчас поразительно мало интереса к знакам надвигающихся катастроф. Сегодня, когда приближение апокалипсического конца кажется физически ощутимым, необходимо изменить отношение к истории. История — это культурный текст, написанный самими людьми. Его надо уметь читать. От искусства этого чтения зависит возможность выявления опасности, угрожающей обществу, понимание того, что следует, а чего не следует делать, чтобы ее избежать.

Россия XX века неоднократно изумляла мир: то неслыханными злодеяниями, чудовищным по своим масштабам самоистреблением, то перестройкой — этой столь же неслыханной попыткой почти моментального перехода на рельсы нормальной органичной жизни в содружестве народов.

Анализ истории страны показывает, что для нее характерны периодические резкие глобальные, т. е. охватывающие все общество, повороты в системе ценностей, периодические попытки повернуться спиной к своему вчерашнему опыту, к своим царям и вождям, с тем чтобы то ли прорваться к будущему, то ли вернуться к позавчерашнему дню. Крутые повороты трижды вызывали национальные катастрофы — гибель значительной части населения. В других случаях крутые виражи не приводили к разрушительным результатам и, казалось, наоборот, давали новый импульс жизни общества, стимулировали массовую творческую энергию. Тем не менее они всегда несли лишь временный позитивный эффект, оказывались средством накапливания сил для нового поворота.

В этих периодических зигзагах есть некоторая скрытая закономерность. Ее выявление должно помочь пониманию, что попытки кардинальных изменений в жизни страны не есть чудо, результат случайных движений души того или иного правителя государства, но являются звеном сложного противоречивого социокультурного процесса. Хаотические выражения на пути России можно рассматривать как сигналы, идущие из метафизических глубин человеческой истории, которые достигли в стране особой интенсивности. Изломы русской истории, подобно обнажившимся геологическим пластам, могут высветить то, что, может быть, в иных формах и с иной остротой характерно и для других стран и народов.

Анализ механизма этих поворотов имеет особенно важное значение для сегодняшней ситуации в стране. В свете прошлого перестройка теряет свою уникальность: она предстает как один из радикальных сдвигов в истории страны, который, как показывает опыт истории, чреват самоотрицанием. Однако перестройку нельзя свести к историческим прецедентам, так же как и ограничить ее ролью тривиального поворота в длинной череде имевших место подобных же сдвигов на протяжении советской истории. Перестройкой завершается целый цикл поворотов, это делает нынешний этап истории России специфической критической точкой истории страны, а возможно, и человечества.

А. Ахиезер

1991 г.

ОТ АВТОРА (К настоящему изданию)

Сегодня высокие темпы исторического развития с принудительной силой навязывают представления, что история приходит к нам не только через труды историков, которые теоретически воспроизводят исторический процесс, собирая по крупицам исторические факты. Она врывается в наши дома не только через телевизор, но подчас ломая двери и стены, составляет содержание повседневной жизни каждого из нас. История всегда с нами, хотя люди часто, погружаясь в сиюминутную повседневность, забывают об исторической реальности. Уже после выхода первого издания произошла четвертая в истории страны катастрофа. За короткий промежуток времени история сделала новый гигантский виток, что дает новое основание для углубленного объяснения, понимания прошлого и будущего страны. Сегодня Россия оказалась во власти мощного вала локализма, разрушившего высшие центры власти. СССР исчез, возникло новое геополитическое пространство. Этот процесс привел к образованию новых государств, которые начали искать свои исторические пути на основе собственного исторического опыта.

Россия вновь разметала ненавистное начальство и сегодня, в состоянии разлуки, мучительно перебирает, опробует свои старые мифы. Общество вступило в новый период, исполненное апокалипсических ожиданий. Новый поворот истории требует от страны новых усилий, направленных на выявление ранее скрытых от общества его собственных реальностей. Как бы ни были трагичны для людей резкие исторические изменения, они дают основание для поиска внутренней критики общества, тех процессов, которые могли бы отвести страну от края пропасти, обеспечить ее органичное гуманистическое развитие.

Попытка теоретического осмысления этих задач потребовала добавления третьей части к первому тому книги. Эта часть посвящена новому витку истории, изменению всей ее картины в результате резкого качественного сдвига в состоянии общества. Это касается в особенности хозяйственных про-

блем, прогноза и попыток реформ. Меня стимулировал значительный интерес, имевший место у участников обсуждений книги, газетные и журнальные рецензии, показавшие высокую заинтересованность общественности в дальнейшем углубленном обсуждении поставленных в работе проблем.

Во вступительной статье уже упоминалось, что в свое время весь авторский рабочий архив был утрачен. К сожалению, его не удалось восстановить полностью. Автор заранее просит читателей не быть чрезмерно строгими к тому, что часть статистических данных и цитат осталась не подтвержденной прямыми ссылками. Часть ссылок удалось восстановить при подготовке первого и второго изданий.

А. Ахиезер

15 октября 1992 г.

ВВЕДЕНИЕ

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

(Немного теории)

ВВЕДЕНИЕ

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ (Немного теории)*

ИГРАЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК С ДЬЯВОЛОМ ИСТОРИИ?

Беспрецедентный путь России требует переоценки отношения к ее истории, переосмысления происходивших на протяжении веков событий, существенного углубления понимания ее движущих сил. В случае успеха это поможет углубить понимание движущих сил человеческой истории вообще. Неспособность предвидеть наступление социальных катастроф, и тем более их избегать, превращает историю в капризного демона, играющего с человеком в странную игру, правила которой людям неизвестны. Однако человеку, доказавшему свою способность создавать великие цивилизации и культуры, решать сложнейшие задачи своего бытия, переделывать самого себя, унижительно складывать оружие перед тайной социальных катастроф, отдавать себя, своих детей в жертву слепой инерции исторического процесса, собственной пассивности. Человек способен разгадывать тайны игры с демоном истории и, следовательно, выигрывать там, где он раньше проигрывал. Постепенно ставки в этой игре повышаются. Если раньше проигрыш означал гибель отдельных племен, народов, государств, то теперь он может стоять жизни всему человечеству.

Усложнение общества, рост масштабов и скорости социальных изменений усиливают опасность того, что стихийные силы истории сломают сложившиеся формы жизни, беспощадно истребляя людей, целые народы. Эти стихийные силы могут приобретать бесконечно разнообразный характер — от природных катастроф, голода, эпидемий до войн между народами,

* Во введении изложены основные теоретические предпосылки исследования.

В систематически словарной форме теория автора представлена во втором томе настоящего издания.

междоусобиц, внутреннего нестроения, необратимой дезинтеграции, когда общество, раскалываясь, идет по пути самоистребления. Во всех случаях, однако, очевидно нечто общее — неспособность людей, общественного субъекта предвидеть, преодолеть, нейтрализовать опасность, установить свой контроль над угрожающими процессами. Следовательно, если продолжить сравнение истории с игрой, то *человечество ведет игру не с демоном, а с самим собой*. В истории племена и народы гибли в результате действия сил, которым они не могли, не умели, не хотели противостоять. История, как оказалось, несет в себе потенциальную опасность неконтролируемого усложнения общества, роста социальной энтропии. Однако одновременно в истории идет и другой процесс — стремление осмыслить, понять социальные изменения, охватить мыслью усложнившиеся общественные явления, что в конечном итоге должно бы стать предпосылкой контроля человека над стихийными силами, над последствиями своих собственных действий, над самим собой.

Взлет объективного знания, приведший к столь исключительным результатам в технических и естественных науках, позволяет предполагать, что не менее решительные успехи возможны и в области общественной науки. Здесь достигнуть подобных результатов, однако, труднее из-за высокой сложности общества, относительной молодости общественных наук, сравнительно большей, чем в естественных науках, предвзятости исследователя. Прорыв на новые уровни социального знания жизненно важен, так как сегодня существует беспрецедентный угрожающий гибелью разрыв между тем, что люди хотят иметь в результате своей деятельности, и тем, что они действительно получают. Исторический опыт России является особенно ярким примером.

САМОКРИТИКА ИСТОРИИ

История включает в себя самокритику, порождаемую страхом, сожалением, стыдом и надеждами в связи с содеянным нами, нашими отцами и далекими предками, критику, которая позволяет нам самим возвыситься над цепью событий и, следовательно, возвысить историю, преодолеть инерцию мирового процесса, сделать путь человека более достойным, соответствующим более высоким целям и ценностям. Эти цели и ценности не могут быть навязаны истории. Они могут быть лишь сформулированы на основе обобщений самой истории, на основе достижений высшей культуры, т. е. они выступают

формой самокритики истории, формой ее саморазвития, само-совершенствования самого человека.

Критика, связанная с выработкой новых ценностей истории, не может быть сведена к критике людей, учреждений, идеологий и т. д. Она должна быть в конечном итоге критикой движущих сил истории, необходимым инструментом ее само-совершенствования, формирования способности людей избегать превращения истории в историю хаоса, дезорганизации и гибели народов и государств. Движущие силы истории следует искать в деятельности миллионов, способных создавать и разрушать, строить государства и опрокидывать их, творить культуру и втаптывать ее в грязь. В повседневной деятельности, в незаметном, подчас тайном шепоте миллионов, в кажущемся естественным и безобидным слове, сказке, анекдоте, в общераспространенной притче скрыта гигантская творческая сила. Эта сила формирует все разнообразие человеческих отношений, но может подчас превратиться в таран, способный в единый миг стать страшным разрушительным оружием.

Повседневная деятельность миллионов может вдруг по каким-то причинам изменить свою направленность и цели. Тогда созидание может превратиться в разрушение, забота о ближнем — в самоистребление, братство — в братоубийство. История — это вулкан, который иногда кажется потухшим, усыпляя бдительность живущих вокруг него людей, но иногда оживает, разрушая все живое, прежде чем люди успеют понять, что произошло.

Конечно, сравнение истории людей с вулканом весьма относительно, прежде всего в том смысле, что «вулкан» человеческой истории находится внутри самих людей. Взрывы и потоки лавы истории порождаются самими народами.

Человеческая история отличается от биологических процессов тем, что она рефлексивна. Рост рефлексии означает усиление способности человека делать свою историю, самого себя предметом своей воспроизводственной деятельности, содержанием своей культуры, своего действия, предметом своей заботливости, своей критики. Любое познание истории включает не только описание предметного содержания исторического события, объяснение его причин и условий, но и понимание того, в какой степени сами люди осознали содержание собственных действий и соответственно научились их изменять, корректировать. Рост рефлексии, по сути, есть развитие человека как субъекта истории, выход его за рамки ранее сложившейся конкретно-исторической способности преодолевать господство стихийных сил истории. Этот процесс может рассматриваться на уровнях личности, сообщества, общества в

целом. История неизбежно включает в себя развитие духовной и практической рефлексии, т. е. способность видеть конкретно-историческую ограниченность самой рефлексии, возможную губительность этой ограниченности для общества и тем самым стимулировать углубление рефлексии.

Люди сами творят свою историю, но очень часто в силу ограниченности своих представлений, достигнутого уровня рефлексии, исторического опыта возлагают ответственность за нее на кого-то другого, на силы, стоящие вне истории, на каких-то особых людей: праведников, носителей добра или наоборот — на злых оборотней, иностранцев, собственных правителей, масонов, корыстных, злобных или невольных носителей иррационального зла. Социальная катастрофа может наступить тогда, когда критика исторической реальности приобретает одностороннюю форму поисков злобных демонов, игнорируя возможности реального субъекта истории, необходимость его напряженного развития. Принимая за демонов друг друга, люди обрекают себя на самоистребление.

Предотвратить катастрофу может лишь целостная критика, способная преодолевать ограниченность современного ей этапа исторического процесса, помогать человеку обуздывать свою собственную саморазрушительную стихию, изживать в себе шаг за шагом унаследованное от биологических предков стремление разрешать конфликты силой, прокладывая путь вперед посредством ненависти.

Критика истории не находит ее демонов, но обнаруживает самого человека, его способность создавать, изменять сообщества, государства, создавать новые цели и ценности, постоянно их воспроизводить. Нет никакого субъекта истории кроме общественного субъекта, т. е. человека — носителя определенной культуры и социальных отношений. *Критика исторического опыта является в итоге критикой воспроизводственной деятельности самого человека, направленной на воспроизводство культуры, социальных отношений, целостных сообществ, критикой культуры социальных отношений, критикой собственных значимых решений, способностью отвечать на критику личности и народа, переходя от узких локальных ценностей к ценностям человечества.* Субъектом критики исторического опыта является не наблюдатель извне, но сам субъект воспроизводства. Критика — это его рефлексивная способность критиковать себя, конкретно-исторический уровень своих способностей, способностей развивать в себе идеальную и практическую критику своей ограниченности, выводить ее на новый уровень. Предметом исследования этой книги является именно этот аспект человеческой деятельно-

сти,— т. е. критика самой массовой критики исторического опыта. Она особенно необходима тогда, когда стихийное спонтанное самоизменение общества угрожает превратиться в катастрофу. Предотвратить катастрофические последствия исторической стихии можно лишь тогда, когда массовая и квалифицированная критика исторического опыта, рост рефлексии обгоняет этот разрушительный процесс, что обеспечивает способность личности и всего общества предотвращать нарастание дезорганизации. Этот рефлексивный процесс должен опираться на исследование, раскрывающие механизм возникновения и нарастания глобальных катастроф человеческой истории.

Исследование этого специфического предмета не может быть замкнуто в сфере социологии, экономики, философии, культурологии и т. п. Оно имеет шансы на успех при условии синтетического подхода. Последний может быть применен к максимально конкретному анализу исторического пути России. Однако для успешного решения этой задачи необходимо подойти к ней нетривиально, нащупать в истории некоторый существенный, но ранее недостаточно осмысленный пласт реальности, анализ которого становится возможным в связи с новыми успехами науки. Судьба России может быть понята лишь на основе серьезного углубления принципов и существа знаний о человеческой деятельности, повседневно формирующей историю.

ВОСПРОИЗВОДСТВО — ДВИГАТЕЛЬ ИСТОРИИ

Анализ истории, ее тенденций и закономерностей требует понимания механизмов человеческих действий, прежде всего массовых, т. е. тех, которые по своим масштабам, направленности, интенсивности определяют массовые переходы от восторга миллионов, идущих за своим вождем, как за богом, к действиям, которые сокрушают вчера еще могущественные империи, опрокидывая государственность, погружая жизнь множества людей в пучину раздоров и хаоса. Следовательно, демон истории — это сам человек, особенно тогда, когда уровень его рефлексии, способность к критике исторического опыта не достигают сложности его собственной жизни, без чего невозможно ее воспроизводство.

В науке неоднократно выдвигались различные точки зрения на те факторы, которые определяют как действия отдельного человека, так и массовые движения. В качестве оснований назывались стремление к обогащению, иррациональные подсознательные импульсы, воздействие на поведение радиоактивных излучений, слепое повиновение лидерам, следование бо-

жественным предназначениям и т. д. Не вдаваясь в обсуждение каждого из этих факторов, следует отметить, что любое основание деятельности, претендующее на истинность, должно быть выявлено как определенное содержание (суб)культуры соответствующей группы людей. Любая потребность человека для того, чтобы превратиться в реальную деятельность, должна стать некоторой программой воспроизводственной деятельности, записанной в (суб) культуре. Соответственно она может быть прочитана исследователем как значимый культурный текст. Если в культуре не обнаруживаются подобные программы, то никакие ссылки на пассионарность, на экономические потребности и т. д. не могут рассматриваться как обоснованные. Попытки подключить людей к социальному действию, влияя на те их мотивы, представление о существовании которых ошибочно, может иметь деструктивные последствия. Например, повышение экономической эффективности посредством экономических стимулов иллюзорно, если речь идет о людях, которые не рассматривают рост результативности своей деятельности, рост своего экономического благосостояния как ценность, как элемент определенной программы. Все тайны человеческой деятельности, следовательно, и деятельности, определяющей исторический процесс, запечатлены в содержании культуры. Возникает необходимость рассмотреть культуру как специфическую сферу реальности, имеющую первостепенное значение для понимания механизмов исторической деятельности — от воспроизводящей общество и государственность до формирующей повседневность.

Культура является истинным богатством человека и человечества. Она выступает как организованный опыт всей предшествующей истории, содержащий программы реализации человеческих способностей, возможностей, основу, предпосылку и результаты творчества, рефлексии людей, а значит, и способность критики этих программ. Сущность культуры можно понять в единстве двух противоположных, но переходящих друг в друга полюсов как постоянный процесс их взаимного проникновения. С одной стороны, культура — это всеобщее богатство человечества, неотделимое от него как субъекта воспроизводства культуры. Но, с другой стороны, она всегда личностна. Культура — внутреннее богатство личности, складывающееся на основе ее воспроизводственной деятельности. Для личности накопленная человечеством культура во всей ее бесконечности является реальным и потенциальным предметом, характеристики которого личность превращает в содержание своего сознания и деятельности. Культура — противоречивое единство предпосылки и результата каждого акта

воспроизводственной деятельности, постоянно критикуемая, обновляемая человеком, сообществом, обществом в целом программа этой деятельности. Вместе с тем она — противоречивое единство ценностного отношения человека к реальности и одновременно предметного отношения, т. е. отношения к ней как к внекультурной реальности.

В истории сохранились лишь те культуры, те формы культуры, те культурные ценности, которые нацеливают личность на воспроизводство, сохранение, интеграцию общества. Если культура создает основы для сохранения через деятельность людей исторически сложившихся социальных отношений, то она сохраняет и социальную основу своего существования. Если культура этого обеспечить не может, то гибнет ее массовая социальная база, гибнут социальные институты, которые ее сохраняют, защищают от различных опасностей. В результате господствующая культура отходит на задний план, уступая место каким-то иным культурным формам.

Культура и социальные отношения — два аспекта воспроизводственной человеческой деятельности. *Социальные отношения*, воссоздаваемые в конечном итоге человеческой деятельностью, представляют собой одновременно систему коммуникаций, разделения и интеграции форм деятельности, обмена ресурсами, энергией, информацией. Они носят эмоциональный и одновременно абстрактный характер, т. е. осознанный через абстрактные формы, через мысль, обычаи, право и т. д. Социальные отношения существуют в рамках в разной степени замкнутых *сообществ*, т. е. систем, составляющих некоторую целостность, имеющую центр управления, специфический опыт, формирующий субкультуру. Сообщества, от малой группы до гигантского общества, могут существовать, если деятельность их членов противостоит бесконечным разрушительным факторам (враждебности соседей, внутренним конфликтам, дезорганизации, нехватке жизненно важных ресурсов и т. д.), т. е. они существуют лишь как субъекты собственного воспроизводства.

Единство (суб) культуры и социальных отношений обеспечивается воспроизводственной деятельностью человека, общественным *воспроизводством*. Тайну любой социальной организации сообщества следует искать прежде всего в способности людей постоянно воспроизводить ее, т. е. переносить социальные отношения из прошлого в будущее, восстанавливать разрушенное, отводить реальные и потенциальные угрозы, сохранять жизнеспособность рода, семьи, общины и т. д. Следовательно, суть социальных отношений может быть понята не

только как некоторая система содержательных человеческих отношений, но и как социальная цельность, как сообщество, как деятельная способность входящих в него людей. Воспроизводственная деятельность противостоит *социальной энтропии*, т. е. социальной форме второго закона термодинамики, постоянному процессу разрушения, дезорганизации культуры, социальных отношений, постоянной тенденции роста дезорганизации. Воспроизводственная деятельность сообщества, которое как носитель воспроизводственной деятельности есть субъект, *сообщество-субъект*, — единственная преграда социальной энтропии, способная не только ее остановить, но и повернуть вспять. Постоянное повседневное действие энтропии означает, что вопросы типа «почему наши дети плохие?» или «почему в обществе высокая преступность, дефицит и т. д.?» следует признать не имеющими смысла. Существование оппозиции «воспроизводство — энтропия» делает правомерными вопросы принципиально иного типа: «почему мы толком не знаем, что такое „хорошие дети“, и почему наша воспроизводственная деятельность не воссоздает наш идеал?» или «почему мы не умеем воспроизводить общество, снижая преступность, уменьшая дефицит и т. д.?» Иначе говоря, воспроизводственный подход требует определенной методологической, гносеологической позиции, где каждое социальное явление должно рассматриваться не как заданное извне, а как модальность человеческих способностей его воспроизводить.

Это методологическое требование становится особенно очевидным при анализе возникновения противоречий в общественном воспроизводстве. Сложность воспроизводственной деятельности заключается в том, что в обществе постоянно возникают противоречия между социальными отношениями и культурой, т. е. *социокультурные противоречия*¹. Они появляются в результате существования энтропийных процессов, т. е. ошибок, дезорганизации в освоении культуры, потери определенных ее элементов, а также попыток установить неэффективные отношения, что порождает несоответствие накопленной культуры сложившимся отношениям. Социокультурное противоречие обнаруживается в появлении культурных программ, которые смещают воспроизводственную деятельность таким образом, что в результате разрушаются, становятся нефункциональными жизненно важные социальные отношения. Это противоречие проявляется в конфликтах между исторически сложившимися программами и инновациями, которые их изменяют, между сложившимися и новыми соци-

¹ Ахиезер А. С. Культура и социальные отношения// Перестройка общественных отношений и противоречия в культуре. М., 1989.

альными отношениями, что в конечном итоге обуславливается противоречиями внутри воспроизводственной деятельности. Последняя по своей сути направлена на преодоление социокультурного противоречия, на то, чтобы оно не перешло через опасный порог, делающий дезорганизацию необратимой, ведущей общество к катастрофе, на удержание этого противоречия в определенных пределах.

Переход сообщества через опасный порог социокультурного противоречия означает, что энтропия, дезорганизация деятельности, на пути которых не стоит достаточно эффективная воспроизводственная деятельность сообщества, субъекта, приводит к распаду целостности сообщества, общества в целом, т. е. к социальной катастрофе.

Национальная катастрофа не столько политическое или экономическое, но прежде всего социокультурное явление. Она происходит в результате того, что способность сообщества-субъекта воспроизводить себя, преодолевать социокультурные противоречия оказывается ниже необходимого минимума, ниже способности предотвратить перерастание социальной энтропии в поток необратимой дезорганизации. Катастрофа — это распад исторически сложившихся связей, культурная деградация, возникновение конфликтов между целым и частями, частей между собой. Катастрофа может произойти в любом сообществе (например, распад и гибель племени в результате эпидемии, междоусобиц, дефицита ресурсов; банкротство и закрытие предприятия; распад футбольной команды и т. д.). Однако меня, если это не будет особо оговорено, интересует общество в целом, его способность воспроизводить себя в масштабе государства. В этом масштабе катастрофа может быть связана с гражданской войной, с гибелью значительной части населения, с дезорганизацией культуры, с распадом социальных связей. Наиболее ярким признаком катастрофы является массовое неповиновение центральной власти, ее разрушение, что открывает путь междоусобицам, торжеству частных, локальных интересов, которые не знают ни общего интереса, ни интересов тех, кто находится за оградой локального мира. Катастрофа — это всегда дезинтеграция, распад интеграции. Однако с катастрофой не следует смешивать всякое изменение характера целого. Реальная катастрофа характеризуется нарушением единства, консенсуса по поводу той нравственности, культурной основы, которая необходима для воспроизводства общества, для предотвращения ухода живых творческих сил (человеческие, материальные, информационные ресурсы и т. п.) из сложившейся системы.

КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Воспроизводственная деятельность должна отвечать определенным требованиям, воплощенным в социокультурном законе, в соответствии с которым любое сообщество-субъект должно, чтобы существовать, воспроизводить себя, свою воспроизводственную деятельность, свою культуру, свои социальные отношения, обеспечивать их единство, взаимопроникновение, снимая постоянно возникающие социокультурные противоречия, не допуская их роста до уровня, угрожающего значимым снижением эффективности воспроизводственной деятельности. На протяжении всей человеческой истории общества могли существовать, лишь подчиняясь этому закону. Снижение творческой способности следовать ему приводило к гибели множества народов и государств.

Возможность возникновения социокультурного противоречия связана с тем, что изменения культуры и изменения социальных отношений подчиняются разным закономерностям. Изменение социальных отношений в принципе всегда влечет за собой изменения эффективности воспроизводственной деятельности. Поэтому существуют ограничения, запреты на многие отношения, которые снижают эту эффективность ниже критического порога. Соответствующие запреты в обществе являются лишь некоторым частным случаем общесистемного закона, охватывающего все типы материальных систем. Например, в химии не всякие элементы могут образовывать между собой устойчивые связи. Аналогичные запреты существуют в биологии, где число наследственных вариаций принципиально ограничено и они могут иметь место лишь в определенных направлениях. Сходство в живой природе, охватывающее важнейшие аспекты (включающие и морфологический, и физиологический, и молекулярно-генетический уровни), объясняется не только общностью происхождения, но и «следствием известного единообразия законов природы»². Биологическая эволюция при всем многообразии ее результатов постоянно движется в рамках реально возможного, отменяя патологические, уродливые, нежизнеспособные формы, своеобразные утопии биологического мира. То же происходит и в обществе. Допустимы только такие социальные отношения, которые могут обеспечить необходимый для общества уровень и масштабы обмена информацией, получения ресурсов, разделения труда, способность отвечать требованиям динамичности и сложности, достигнутых обществом, обеспечивать некоторый

² Берг Л. С. Труды по теории эволюции. Л., 1977. С. 267.

уровень гармонии и т. д. Исторически могут возникать нежизнеспособные системы, которые оказываются не в состоянии обеспечить собственную воспроизводственную деятельность, следовать социокультурному закону, что и заключает в себе опасность сползания к катастрофе.

Культура в отличие от социальных отношений изменяется по другим законам. Она является всеобщей формой человеческой деятельности, она не замкнута на одну характеристику реальности, принятую за абсолютную, например, на ее наличное бытие, на предметность. Всеобщность культуры заключается в том, что она оценивает реальность в категориях возможности, вероятности, прошлого и будущего, в различных модальностях. Культура всегда несет в себе оценки любого реального или возможного явления с точки зрения некоторого идеала, независимо от возможности воплотить этот идеал. Следовательно, культура является многомерной по своей сути, в любой своей клеточке, в любой момент времени, даже если это не осознано в самой культуре.

Разумеется, в культуре также есть ограничения, но природа их не та, что в социальных отношениях. Ограничения в культуре всегда являются лишь одним из аспектов ее содержания, который вступает в диалог, а возможно, и в ожесточенный конфликт с ее многомерностью. Любые ограничения в культуре проблематичны. Культура постоянно критикует себя. Причем характер запретов некоторым образом двусмыслен, так как они сами постоянно превращаются в содержание человеческого мышления. Общеизвестно, что то, что запрещено, привлекает к себе повышенное внимание. Не позволяя строить вечные двигатели, культура тем самым вынуждает людей мыслить в представлениях и понятиях вечного двигателя. Культура самокритична, многомерна, рефлексивна, альтернативна в каждой своей точке. Она — шествие человеческого духа, которое, впрочем, может обратиться и в паническое бегство, в саморазрушение. Она — напряженный поиск человеком самого себя в мире и мира в себе. Культура постоянно нечто провозглашает, постоянно что-то зачеркивает и восстанавливает зачеркнутое. Она постоянно формирует *утопии*, основания, ориентирующие воспроизводственную деятельность на запрещенные отношения, на производство химер нежизнеспособных отношений, на игнорирование социокультурного закона. Утопия набрасывает на себя научные одежды, апеллирует к «заветам отцов», обращается к «исторической необходимости», «воле народа» и т. д. Утопия всегда проблема, всегда тайна.

ДУАЛИЗМ ПРАВСТВЕННОСТИ

Совместная воспроизводственная деятельность людей возможна лишь при условии существования общего нравственного основания, *нравственного идеала*. В любой момент жизни общества в нем существует, возможно, противоречивая, неустойчивая, но тем не менее реальная культурная основа, нацеливающая субъекта (сообщество, общество, социальную группу) на свое воспроизводство, на разрешение соответствующих социокультурных противоречий. Нравственность следует рассматривать как определяющий аспект культуры, как ее особую форму, дающую общее основание человеческой деятельности в любых формах сообществ. Нравственность, нравственный идеал соединяет людей в целое, создает основу для него. Ее разрушение приводит к распаду, дезинтеграции социальных отношений, общества, к катастрофе. Нравственность, как и культура, носит всеобщий характер. Она несет в себе идеал социальных отношений и, что особенно важно, идеал государственности (разумеется, если общество доросло до осознания ее необходимости), т. е. возможного масштаба интеграции. Нравственность включает идеал человека, человеческого поведения. Ценности нравственности — это прежде всего самоценности, ценности собственного Я. Они имеют свое основание в самих себе, в человеке, в его рефлексии как конечное самоценное самовыражение Я. Именно познание этого нравственного содержания, его механизма позволяет вступить на путь реального знания мотивов, движущих сил массовых действий, определяющих движение исторического процесса во всех его формах.

Для выявления специфики нравственности необходимо знание общих механизмов ее функционирования, которые являются особым случаем закономерностей функционирования, развития культуры. Понять суть нравственности, как и культуры вообще, означает понять нравственность, культуру в их динамике как постоянный процесс, как возможность изменения. Понять сложность можно, лишь расчленив целое. Это означает, что мир выступает перед человеком, с одной стороны, как нерасчлененный, т. е. как синкретический, но, с другой стороны, как устойчиво расчлененный. Самый обобщенный уровень расчленения — выделение «внутреннего — внешнего», «Я — не-Я», «субъекта — объекта». При этом объект может рассматриваться как другой субъект. Здесь первичная клеточка реального мира, с которым имеет дело человек. Дуальный подход является основой расчленения реальности на оппозицию предметного и ценностного подхода. Иначе

говоря, культура, с одной стороны, рассматривается как предметная, т. е. нацеленная на объективность, на внекультурное, неосвоенное содержание, представляющее для человека всегда вопрос, проблему, загадку. С другой стороны, культура несет в себе взгляд на мир как очеловеченный, окультуренный, пропущенный через весь исторический опыт человечества, как на сферу ценностей. Культура, нравственность всегда выступают в форме *дуальной оппозиции*, несущей в себе два полюса (например, «добро — зло», «полезное — вредное», «Правда — кривда» и т. д.). Принцип подобного членения носит всеобщий характер. «Стоит выделиться какому-либо условию семиотического освоения мира, как в рамках его тотчас наметится оппозиция»³. Например, звуки языка описываются через оппозиции «твердость — мягкость», «глухость — звонкость». Аналогичный подход существует при описании грамматических значений и в этнологии. В культуре формируется возрастающее множество дуальных оппозиций. К. Леви-Строс говорит об оппозициях в архаичных социальных системах: «поселение (родственники) — лес (демоны)», «бессмертные — смертные», «жители неба — жители земли», «солнце — луна», «правая рука — левая рука», «мужской — женский» и т. д. Россия в этом смысле не отличалась от других стран. Этот перечень почти полностью совпадает с системой, восстановленной для древних славян по фольклорным и иным данным⁴. Развитие культуры включает умножение этих оппозиций. По сути, все культуры — сложнейшие системы дуальных оппозиций, точно так же, как программа для ЭВМ — сложнейшая система пар, состоящих из нуля и единицы. Например, звуковые системы языков описываются в терминах универсальной системы через 12 основных двоичных признаков.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Методологическое значение подхода к миру как к дуальной оппозиции исключительно велико, так как такая оппозиция представляет собой необходимую форму соединения и одновременно противопоставления знания и незнания, известного субъекту и ему неизвестного. Собственно, в этом и заключается начало отношения к миру любого субъекта, который всегда несет в себе определенный культурный багаж, опреде-

³ Лотман Ю. М. Феномены культуры// Труды по знаковым системам. Тарту, 1977. Вып. IX. С. 8.

⁴ Иванов В. В., Топоров В. И. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 170, 236.

ленные знания, культурные программы, потребности, средства и т. д.

Но одновременно перед субъектом всегда стоит вопрос о возможности, способности освоить тот элемент мира, который предстал перед ним, на который в данный момент направлено его внимание, на основе накопленного этим субъектом содержания его культурного багажа. Способность субъекта жить, ориентироваться, воспроизводить себя в мире позволяет говорить о тождестве субъекта и его мира. Однако это тождество несет в себе постоянную возможность распада, раздвоения тождества на оппозиции. Это ставит под угрозу возможность восприятия мира, ориентировки в нем, а значит, и самовоспроизводства субъекта. *Дуальная оппозиция является исходным пунктом своего собственного преодоления, преодоления опасного для субъекта расчленения смысла, культурного опыта.* Она сигнализирует субъекту о необходимости ее самоликвидации (например, выявляет, что его знание об обществе неадекватно), о необходимости дальнейшего познания (например, показывает, что неспособность в процессе воспроизводства достаточно глубоко различать добро и зло требует более адекватной интерпретации этой оппозиции).

Анализ механизма культуры, а следовательно, и нравственности, начинается с выделения дуальных оппозиций, с анализа отношений между полюсами оппозиции. Полюса противостоят друг другу как несовместимые, взаимоисключающие противоположности, которые не могут существовать друг без друга, как не могут существовать отдельно два полюса магнита. *Полюса дуальной оппозиции существуют как взаимопроницающие друг в друга, они существуют амбивалентно, друг через друга.* Это с предельной ясностью видно в функционирующей культуре, т. е. прежде всего в процессе осмысления неосмысленных явлений, *переосмысления* ранее осмысленного.

Языческая русская культура, как, впрочем, и любая другая, на определенных этапах своего развития видела мир через множество носителей добра и зла, т. е. через конкретное выражение полюсов дуальной оппозиции: «упыри-вампиры и навьи — порождение первобытного анимистического мировоззрения, когда вся природа во всей своей совокупности и многообразии мыслилась насыщенной духами зла (упыри) и добра (берегини)»⁵. Доброе начало воплощали домовый, кузнец, противостоящий злу, золотое царство царя-Солнца, светлое начало солнечного дня, Див и т. д. Злое начало олицетворяли водяные, русалки, которые заманивали людей в воду, злые ветры,

⁵ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 463.

Мари (от слова морить), Лихо и т. д. Возникновению божеств, которые воплощали и противопоставляли добро и зло, исторически предшествовало антропологическое представление о мире как живом целом, о мире как бесчисленном скоплении людей, животных и т. д. В деятельности этих «людей» добро и зло сменяли друг друга. Они были не добры или злы, но скорее капризны, и с ними можно было пытаться вступить в контакт, договориться, задобрить, умиловать или наказать их, если они не оправдали надежд. Однако постепенно разведение носителей добра и зла приобрело более четкий характер. Концепция «Святой Руси» может быть интерпретирована в оппозиции «Белое — Красное» или даже «Светлое — Темное». И не случайно сочетание «белое — красное» — одно из самых распространенных как в русской княжеской геральдике, так и в национальных костюмах, орнаментах, росписях и т. д.⁶

Основная оппозиция русской культуры — противопоставление добра и зла — выступает как борьба Правды и кривды. Борьба Правды с кривдой бескомпромиссна. Кривда побеждает на земле; потерпев поражение, Правда отлетает на небо и остается непобежденной в принципе. Борьба этих двух начал выступает как противоборство космических сил, противостоящих противоположных субстанций. Синкретическая Правда — внутренний принцип, закон мироздания, некая нравственная субстанция мира, абсолютное добро. Антитеза «Правда — кривда» рассматривается в качестве одной из констант народного мировоззрения, сохранявших актуальность и после эпохи средних веков. Этот дуализм явился важным этапом преодоления синкретического сознания.

А. Клибанов писал: «Идейным фокусом, стягивавшим и объединявшим все линии развития народной культуры, являлась социальная Правда»⁷. А. Афанасьев (1826-1871) указывает, что «слово ПРАВОЙ получило значение всего нравственно хорошего, справедливого, могучего (ПРАВО, ПРАВДА, ПРАВИЛО, УПРАВА)»⁸. А. Клибанов показал, что мотив Правды был важнейшим в древнерусской литературе. Значение механизма дуальной оппозиции в том, что она является основой основ осмысления и переосмысления — предметного *освоения*, т. е. превращения внешнего, неосвоенного в элемент, содержание сознания, культуры, деятельности субъекта. Осмысление и переосмысление выступает как превращение внекуль-

⁶ Дугин А. *Континент Россия*// *Континент Россия*. М., 1990. С. 54.

⁷ Клибанов А. И. *Народная социальная утопия в России*. М., 1977. С. 12.

⁸ Афанасьев А. И. *Поэтические воззрения славян на природу*. М., 1865. Т. 1. С. 187.

турного нечто в содержание культуры. По логике развитого процесса осмысления смысл не может быть сформулирован на основе суммирования двух изолированных друг от друга полюсов. Например, невозможно представить себе, что нечто одновременно в одном и том же отношении есть воплощение добра и зла. Впрочем, это из элементарной логики. Осмысление происходит как соотнесение осмысляемого через полюса дуальной оппозиции. Например, осмысляемое явление может последовательно соотноситься с Правдой и кривдой, определяться как воплощения Правды или, наоборот, кривды, либо как нечто находящееся между ними. Смысл, следовательно, формируется как бы между смыслами, содержащимися в полюсах оппозиции⁹. Этот процесс может быть описан в категориях диалектики с ее представлениями о единстве и борьбе противоположностей, о человеческой деятельности, направленной на снятие противоречий. От того, каков результат осмысления, результат снятия противоречий между полюсами дуальной оппозиции, зависит основанная на этом снятии воспроизводственная программа функционирования социальных систем. Полученный смысл должен быть достаточно глубок, т. е. должен отвечать общему уровню развития культуры, знаний, а в итоге — задачам воспроизводства общества, следования социокультурному закону. В этой связи на первый план выходит исследование самой логики (пере)осмысления, снятия полюсов оппозиции в каждом акте осмысления.

Важнейшее значение дуальной оппозиции заключается в существовании напряженности между ее полюсами, т. е. в фиксированном культурой логически принудительном и эмоционально значимом требовании осмысливать каждое явление, по крайней мере в тенденции, как тождественное одному полюсу (например, добру, «нашему») и противоположное другому полюсу (некоторому злу, «Они», иному племени, партии и т. д.). Например, между основными полярностями китайской культуры — инь и ян — люди «видели прообраз напряжений в целом мире — между великим и малым, небом и землей, мужским и женским и т. д. Дао пребывает в напряжении»¹⁰. В дуальной логике реализуется не только культурологический, но и психологический механизм. «Конечной целью всех душевных стремлений является уравновешенность, безопасность, приспособление, целостность»¹¹, что и заставляет человека постоянно уходить от двусмысленности дуальной оппози-

⁹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 350.

¹⁰ Роули Дж. Принципы китайской живописи. М., 1989. С. 15.

¹¹ Адлер А. Индивидуальная психология// История зарубежной психологии: Тексты. М., 1986. С. 134.

ции, преодолевать ее в поисках синтеза. Эту напряженность можно назвать *конструктивной напряженностью*, так как она нацеливает человека на воплощение, воспроизводство некоторого заложенного в культуре идеала, отождествляемого с одним полюсом и противопоставляемого другому. Напряженность означает, что осваивающий эту оппозицию субъект нацелен на преодоление собственной пассивности, сопротивления внешнего мира. Но это означает также, что эмоциональная жизнь человека поляризуется. Культура окрашивает мир в цвета любви и ненависти, добра и зла, делает его сферой эмоциональной, определенным образом направленной, имеющей вектор деятельности. Каждое явление становится полем борьбы в душе личности, превращается в проблему, которую можно решать по-разному, т. е. либо любить, либо ненавидеть, либо менять свое ранее принятое решение, свою эмоциональную привязанность. Мир культурного, т. е. приобщенного к любой, даже самой примитивной культуре, человека является сферой поляризации, субординации, иерархизации эмоционально окрашенных ценностей, и человек в этом мире является субъектом, постоянно стремящимся решить задачу овладения одними ценностями в ущерб другим и преодоления препятствий на этом пути. Культура организована лишь для деятельного, «озадаченного» человека.

Рост дезорганизации в обществе может вызвать представление о разрушении основ жизни, переживаться как страдание, как состояние раздвоенности, породить гнев и страх. Такого рода эмоциональная реакция личности может достигать значительной силы. Возникает *дискомфортное состояние* в результате разрыва конструктивной напряженности личности и общества. Это воспринимается личностью как хаос, как превращение реальности в своеобразный шабаш зла. Фактически суть дискомфортного состояния заключается в том, что в жизнь личности вторгаются явления, которые лишь с возрастающим трудом могут быть истолкованы с точки зрения уже сложившихся ценностей, конструктивной напряженности личности. Например, дискомфорфтное состояние может возникнуть в результате вторжения в страну каких-то далеких культурных ценностей, новых непонятных форм жизни. Они способны привести человека в состояние крайнего возбуждения, агрессивности, направленной против раздражающих явлений.

Движение между полюсами оппозиции определяется тем, что один из них оценивается человеком как носитель абсолютной ценности, как комфортный, выступающий объектом *партиципации, приобщения*, т. е. *идеалом*, с которым человек должен слиться, отождествиться. Другой же полюс рассматри-

вается как дискомфортный. Отношение к нему может быть охарактеризовано как стремление к отпадению, к отказу от отождествления. Комфортное представление связано с привязанностью к освоенной культуре. Оно может быть соотнесено в той или иной степени с феноменом импринтинга, запечатления, т. е. способности человека впервые воспринимаемое (например, элементы среды, идеи) оценивать как привычное, приятное, естественное, родное. *Освоенное* таким образом становится *комфортным*. Оно предстает как самоудовлетворенность психологического и культурного самоощущения сложившимися отношениями, образом жизни и т. д. Это состояние связано с привычными ритмами окружающего мира. Дискомфортное состояние воспринимается как противоестественное, вызывающее отвращение, ужас, как хаос, разрушающий жизнь. Это ощущение нарастающего хаоса может носить индивидуальный или массовый характер, охватить значительные группы людей. Оно может вызвать шок, растерянность, потерю способности своевременно принимать эффективные решения.

Конструктивная напряженность между полюсами дуальной оппозиции, один из которых воспринимается как комфортный, а другой как дискомфортный, является фиксированной в культуре движущей силой воспроизводственной деятельности, а следовательно, и движущей силой всех особых форм деятельности, включая и формы духовной деятельности. Одновременно конструктивная напряженность выступает как пружина разворачивания логических форм мысли и деятельности. Любая дуальная оппозиция, ставшая содержанием человеческой деятельности, приобретает определенный вектор, *вектор конструктивной напряженности*, направляющий логическую, эмоциональную деятельность субъекта от отпадения к партиципации, от одного полюса к другому, от зла к добру, от дискомфортного состояния к комфортному. Существование этого вектора есть необходимый элемент каждой клеточки культуры, каждого сообщества, каждого акта деятельности.

Эта напряженность дает мощный импульс *инверсии*, т. е. переходу от осмысления явления через один полюс к осмыслению через противоположный. Инверсия — это важнейшая логическая категория, возникающая вместе с человеческой мыслью. Она носит консервативный характер. Взятая в своей изолированности, инверсия не выводит за рамки исторически сложившегося культурного богатства, остается в рамках манипулирования его наличным содержанием. Инверсия основана на минимизации рефлексии. Инверсионный переход от одного полюса оппозиции к другому происходит логически момен-

тально, т. е. отпадение от одного полюса и партиципация к другому — логически один и тот же акт. Инверсия является логической формой самого простого способа принятия решения, заключающегося в простом выборе между двумя вариантами. Инверсия есть форма альтернативного выбора, но в рамках исторически сложившейся культуры, уже накопленного богатства альтернатив. Инверсия — это способность использовать уже накопленные варианты, применяя их к постоянно новым ситуациям, это исходная клеточка простого перебора заданных вариантов, исходная форма принятия абстрактных решений.

Инверсия в процессе исторического развития культуры перерастает в *медиацию*, которая протекает как сложное сканирование. Фокус этого поиска движется между полюсами оппозиции. Сердцевина медиации в том, что процесс осмысления не заканчивается отождествлением осмысляемого явления с одним из ранее сложившихся полюсов дуальной оппозиции, но ищет некоторый промежуточный вариант, некоторое, возможно сложное, соотношение внутри взаимопроникновения полюсов, отвечающее новым, более сложным условиям. Медиация в отличие от инверсии является процессом формирования ранее неизвестных, не существовавших в данной культуре альтернатив, расширения их спектра. Медиация — процесс наращивания рефлексии соответствующего субъекта через формирование последовательной системы все более конкретных оппозиций¹².

Медиация не содержит внутренних запретов на поиск путей и методов формирования нового смысла, хотя в каждом конкретном случае эта способность определяется общим уровнем творческого потенциала соответствующего субъекта, его способностью повышать этот потенциал. Результатом медиации является то, что Н. Бердяев называл средней культурой¹³ (срединой культурой), т. е. получением нового результата, новых элементов культуры, не сводимых к старым, к ее крайним полюсам. В конечном итоге вся культура создается как результат медиации, как срединная культура, как следствие преодоления ограниченности ранее сложившейся культуры. Способность формировать срединную культуру — показатель меры развития медиации и в то же время уровня развития культуры. Осмысление этого процесса на философском уровне опирается на обобщающую способность человека превращать в предмет своей деятельности саму деятельность в единстве ее противоположностей, способность снимать эти противополож-

¹² *Леви-Строс К.* Структура мифа// Вопросы философии. 1970. № 7. С. 161.

¹³ *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1990. С. 31.

ности как идеально, т. е. в культуре, в сознании, так и практически, т. е. изменять соответствующие социальные отношения. Строго говоря, инверсия и медиация представляют собой не разные логики, но взаимопроникающие полюсы дуальной оппозиции одной человеческой логики, где полюса существуют, взаимопроникая друг друга, постоянно ища меру этого перехода.

ОТ ЛОГИКИ К МАССОВОМУ СОЦИАЛЬНОМУ ДЕЙСТВИЮ

Конструктивная напряженность, будучи движущей силой воспроизводства, тем самым выступает не только как культурный, но и как социальный феномен, не только как логика, но и как воспроизводственный процесс. Дуальные оппозиции выступают как присущие не только процессу осмысления, мышления, но и социальным отношениям. Люди на всех уровнях социального целого членили себя на оппозиции. Например, «даже для соседних деревень в дореволюционной России отмечалось наличие дуализма по той или иной *сознательно акцентированной этнографической детали*»¹⁴.

В принципе, любое сообщество, социальное отношение могут существовать, если им присуща конструктивная напряженность, т. е. необходимость для членов организации направлять свою творческую энергию на защиту, воссоздание, формирование определенных ее характеристик (*гиперцентра*) и стремление уйти от нежелательного состояния (*гипоцентра*). Сообщество может существовать лишь в том случае, если полярности, напряженность личности и сообщества совпадают, если личность, воссоздавая свою напряженность, тем самым воссоздает напряженность сообщества.

Напряженность культуры есть одновременно напряженность личности и соответствующего сообщества, напряженность одного из компонентов и одновременно напряженность остальных. Реальное воспроизводство общества происходит лишь тогда, когда им охватываются все названные элементы. Все это, однако, не исключает существования *трех специфических форм конструктивной напряженности*. Каждая из них может изучаться разными науками, например, наукой о культуре, наукой о сообществах (например, теорией организации), науками, изучающими личность. Все эти три формы конструктивной напряженности существуют в органическом

¹⁴ Поршнев Б. Ф. Принципы социально-этнической психологии, м., 1964. С. 7 (курсив мой.— А. А.).

единстве. Они — аспекты ценности воспроизводственного процесса. Но тем не менее в основе каждой из этих трех форм конструктивной напряженности лежат разные закономерности.

Сущность социокультурного противоречия заключается в том, что противоречия между конструктивной напряженностью сообщества и конструктивной напряженностью соответствующей (суб) культуры *проявляется как внутреннее раздвоение культурной напряженности личности*. Оно приводит к двум взаимоисключающим последствиям. Во-первых, вызывает дискомфортное состояние личности со всеми его разрушительными последствиями. Во-вторых, социокультурное противоречие может, наоборот, вызвать прилив творческой энергии субъекта, направленной на повышение его способности следовать социокультурному закону, т. е. стремление снять возникшее внутреннее дискомфортное состояние. Это может быть достигнуто либо изменением социальных отношений в процессе воспроизводства в соответствии с комфортной культурой, либо, наоборот, изменением культуры в соответствии с социальными отношениями, либо изменением и того, и другого одновременно. Существуют также еще специфические идеологические методы преодоления социокультурного противоречия, о которых я буду говорить в соответствующем месте.

Необходимость конструктивной напряженности в трех формах для самого существования общества прослеживается в истории, например, в существовании двух экзогамных родов, отношения между которыми неоднозначны. Каждый род — это «замыренная среда»¹⁵. Отношения между двумя такими «средами» амбивалентны. Они, с одной стороны, едины, т. е. совместно выступают в охоте, войнах, праздниках. Но, с другой стороны, они чужаки, соперники. Между ними возникают ритуальные драки, часты взаимные насмешки. Их существование немислимо без разнообразных форм взаимопроникновения. Они воспроизводят себя через воспроизводство конструктивной напряженности во всех формах. Прогресс или регресс общества связаны с изменением масштабов этих «сред», конструктивной напряженности, с изменением в механизмах воспроизводства амбивалентности между ними.

Для понимания функционирования социальных процессов существенно различие между конструктивной напряженностью инверсии и медиацией. Первая нацеливает личность, соответствующие конкретно-исторические сообщества на воспроизводство ранее сформировавшихся идеалов, устремляет к идеалам прошлого, к господству прошлого над настоящим и будущим

¹⁵ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 283.

как в культуре, так и в социальных отношениях. Подобный идеал проповедовал, например, Пугачев, обещая в своих манифестах тишину, спокойную жизнь. Для медиации характерно возрастающее стремление к получению нового результата, к отказу от идеала неизменности. В тех культурах, где преобладает медиация, идеалы будущего господствуют над прошлым. Отсюда стремление к развитию, прогрессу. В дуальной оппозиции «старое — новое» первое является ценностью в инверсии, второе — в медиации. Это различие выступает как фундаментальное для понимания внутренних механизмов жизни общества.

Инверсия в результате превращения социального мира из комфортного в дискомфортный может принять массовый характер. Это может быть вызвано ростом в традиционном обществе дезорганизации, усилением потока дискомфортных новшеств, если, например, они разрушают уравнивательность. В результате реальность начинают рассматривать как воплощение мирового зла, т. е. ее оценка инверсионным образом переходит от добра ко злу. Инверсионный поворот может получить форму бунта, погрома, массовых беспорядков, направленных против реальных, а чаще мнимых «виновников» потока дискомфортных инноваций. Социальная инверсия в своих крайних формах вызывает *косу инверсии* — массовое уничтожение людей, имущества, культуры, социальных институтов, этнических групп, сословий, слоя управляющих, врачей (холерные бунты), интеллигенции, центров власти, государственности. Коса инверсии может остаться локальным явлением, но иногда охватывает все общество. Инверсия — наиболее мощный массовый инструмент консерватизма. При этом инверсия слепа, охваченные ею сообщества не знают и подчас не желают знать ни того, откуда берутся инновации, ни границ, где уничтожение инноваций может привести к необратимой дезорганизации.

То обстоятельство, что логика инверсии не знает времени, ориентирована на моментальное оборотничество, означает, что носители инверсии в той степени, в какой они следуют ее логике, не озабочены тем, что возникнет в результате избие-ния оборотней, уничтожения дискомфортного состояния. Логика инверсии исходит из того, что позитивное начало, комфортное состояние естественно и моментально возникает в результате уничтожения зла, т. с. что отпадение от него тождественно приобщению к добру. Значимая культурная инновация в традиционном обществе имела много шансов нарушить социокультурный закон, создать дезорганизацию, возможно необратимую. Поэтому устранение значимых инноваций могло

соответствовать этому закону. В условиях модернизации дело обстоит иначе. Инновация в обществе имеет больше шансов быть комфортной, отвечающей культурным ценностям, утвердившимся или утверждающимся в обществе. В изменяющемся обществе массовое избиение инноваций уродует общество, но не возвращает его в исходное состояние (не говоря уже о том, что само прежнее состояние в изменяющемся обществе может оказаться дискомфортным).

Медиация также есть не только логическая форма, но и форма социальных отношений, деятельность, направленная на их воспроизводство. Медиация как способность постоянного воспроизводства нового содержания возникает вместе с человеком, с культурой, хотя и скрытая первоначально за видимым господством инверсии. Кстати, это последнее обстоятельство иногда стимулирует представление, что мышление древних людей имеет логику, коренным образом отличную от современной. Логика одна, но мера преодоления полюсов дуальной оппозиции «инверсия — медиация» может быть различна. Эта мера исключительно подвижна. Логика инверсии — лишь крайний случай логики медиации. Медиация — кумулятивный процесс, что может в конечном итоге привести к соответствующему смещению меры, к ее превращению в господствующую форму логики и социальных изменений. В конечном итоге медиация превращается в важнейшую ценность развития личности, культуры, сообщества, дорастает до прогрессивного типа социальных изменений, до осознанного стремления к прогрессу, подводит к обществу, которое не только не боится изменений, но основано на них, а их отсутствие рассматривает как дискомфортное явление. Появление такого типа общества не историческая случайность. Усложнение общества требует его воспроизводства через рост и развитие, через обеспечение прогрессивного развития, через наращивание срединной культуры, выработку новых путей. Общество, достигшее определенной степени сложности, как и любая сложная система, достигшая некоторого критического уровня, не может существовать, не развиваясь, не совершенствуясь.

Логически инверсия является исходной точкой медиации. Каждый этап движения любого общества характеризуется определенным уровнем развития медиации. Опыт истории ее становления дает ключ к пониманию сложных, противоречивых социальных процессов. Каждый шаг развития медиации означает изменение представлений о комфортном и дискомфортном сначала у части общества. Это способно породить в большом обществе, у другой его части, опасную для медиации инверсию, которая может приобрести характер *антимедиации*.

Механизмы и результаты медиации, срединной культуры могут оказаться раздавлены инверсионными взрывами. Подобные явления наблюдаются и в индивидуальном поведении, когда личность в стрессовой ситуации отказывается от наработанных в культуре правил поведения, переходит к насилию, к хулиганским действиям. Антимедиацию можно видеть в действиях социальных групп, например, в ответе крестьянства на наступление товарно-денежных отношений, заключающемся в возврате к общине, к уравнительности, натурализации отношений, локализму. Усиление антимедиации чрезвычайно опасно попаданию прогресса под нож массовой разрушительной инверсии, конфликтом между развитием срединной культуры и стремлением стереть ее с лица земли.

При переходе от чисто логического рассмотрения инверсии и медиации к их рассмотрению как форм логики массовой воспроизводственной, социальной деятельности принципиально меняются представления об их движущих силах. Движущие силы в чистой логике остаются как бы за ее рамками, и поэтому абстрактное логическое движение есть некоторый постулат, принятое допущение. Это обстоятельство, например, является причиной слабости гегелевской философии, которая, по сути, не в состоянии указать конечный источник движения всей его системы. *Движущая сила социального процесса заключается в самой массовой деятельности людей*, которую можно рассматривать как некоторую субстанцию, лежащую в основе понимания и объяснения общественных явлений. Импульс инверсии и медиации задается ростом постоянных реальных и потенциальных опасностей, угроз существованию общества, его подсистем, воспроизводственному процессу, что может создавать дискомфортное состояние. Это активизирует людей, приводит в действие механизмы движения от одних полюсов оппозиции к противоположным, стимулирует поиск альтернатив, новых решений.

МАНИХЕЙСТВО

Исторически сложившиеся соотношения инверсии и медиации в обществе меняются. Анализ этого процесса — необходимая ступень изучения конкретного общества, так как он составляет логическое содержание любого нравственного идеала, а следовательно, и соответствующей человеческой деятельности. При решении столь сложной задачи целесообразно обратить внимание на то, что логические формы культуры могут найти свое развитие и завершенное выражение в некоторой концепции, логической, философской теории. Они помогают

раскрыть скрытый потенциал соответствующего культурного феномена, в частности *манихейства* как массового воплощения инверсионной логики. Оно возникло в III веке н. э. на основе зороастризма, который в свою очередь появился примерно 3 тыс. лет назад и может считаться самой древней из мировых религий. Манихейство оказало на человечество, по-видимому, «больше влияния, чем какая-либо другая вера»¹⁶. Оно возникло на основе протоиранской культуры, в которой содержалась, в частности, идея деления людей на «праведных», придерживающихся истины, и «приверженцев зла». Зороастр в противоположность массовому политеизму выдвигал идею об одном Творце, о мире как космической борьбе двух противоположных сил. Борьба двух космических сил, в соответствии с древней традицией, проходила в форме оппозиции «Ахурамазда (носитель добра, премудрости) — Ангро-Майнью (глава сил зла, смерти, тьмы)». Мани придал зороастризму пессимистический характер, рассматривая мир как реальное воплощение зла.

О манихействе можно говорить в двух смыслах: в узком — как о конкретном учении, сформулированном Мани, и в широком — как о методологической и гносеологической категории, обозначающей абсолютизацию логики инверсии, склонность осмыслять явления через радикальные инверсии. Суть манихейства в широком смысле слова не в самом существовании оппозиций, — поскольку они изначально присущи познанию и деятельности, — но в их абсолютизации, в формировании конструктивной напряженности, жестко ориентированной против срединной культуры, против взаимопроникновения полюсов, амбивалентности. Фактически манихейство можно интерпретировать как концептуальное, относительно детализированное представление об исключительном значении инверсии для существования человека в мире, как концепцию, противостоящую медиации, создающую нравственную основу антимедиации. Манихейство основано на абсолютизации жесткого противопоставления добра и зла, которые рассматриваются как две субстанции мира. Манихейство, следовательно, не только конкретно-историческая форма культуры, но методологическая и гносеологическая категория, метод якобы простого, ясного решения сложных проблем. Манихейство — наиболее простой и прямолинейный ответ на усложнение социокультурных проблем. Этот ответ заключается в том, что зло тождественно людям, которые отпали от добра и приобщились к космическому злу. Отсюда все человеческие проблемы должны ре-

шаться избиением людей-«насекомых», уничтожением враждебных сил: сословий, групп, государственности и т. д. Разумеется, далеко не все исторические формы манихейства как в широком, так и в узком смысле слова доходили до крайних выводов. Но общая тенденция манихейства тяготела именно к поиску решений социальных задач на путях ненависти к людям, помеченным признаками зла, на путях ненависти к государственности и сословности как таковым.

Об огромной популярности манихейства свидетельствуют исторические факты. После мучительной казни Мани и части его сторонников его учение распространилось от Монголии и Китая до Египта, Северной Африки и Рима. Оно стало питательной средой многочисленных ересей средневековья: павликиан, богомилов, катаров, альбигойцев, молокан и т. д., которые сотрясали основы государственности. Как известно, влияние христианства в средневековой Европе многие столетия носило весьма поверхностный характер. В широких народных массах сохраняли свою силу языческие представления, в которых существенную роль играла вера в дьявола. В обществе господствовали инверсионные представления, инверсионная форма реакции на стрессовую ситуацию. Это открывало большой простор для ересей манихейского типа, трактующих мир как извечную борьбу добра со злом, бога и дьявола, истолковывающих государственность и сословность как проявление извечного зла. Эти ереси противостояли самой идее середины как в развитии культуры, так и в социальных отношениях. Например, движение вальденсов и катаров не признавало за церковью роли посредника между людьми и богом, т. е. не признавало социальные институты, способные быть своеобразным медиатором между противоположностями. Манихейство, во всяком случае, в его расхожих вариантах ожидает наступления времени, когда добро окончательно восторжествует, т. е. будет существовать лишь один полюс дуальной оппозиции. Утопизм манихейства — в абсурдности попыток найти этот идеал. Исключительная привлекательность манихейства для широких масс объясняется бесхитростной простотой, с которой оно объясняло существование социального зла.

Манихейство стало идеальной системой представлений, противостоящих государственности, всякому усложнению социальных отношений, культуры, всякой «зауми». Оно сеяло иллюзии, что все это — результат козней злых сил и что ликвидация возникшего в связи с этим дискомфортного состояния лежит через использование первобытной формулы, т. е. борьбы людей с нелюдьми, с демонами. Те слои населения, где преобладали догосударственные настроения, стремление во что

бы то ни стало сохранить дословные и догосударственные формы жизни, нашли в манихействе свою культурную почву, свое мирозерцание.

Манихейство — вечный соблазн культуры. Оно постоянно концентрировалось на нижних уровнях культуры, но в скрытой форме пробивалось и на высшие в формах, в целом чуждых ему и даже враждебных, например, внутри монотеистического христианства. Оно проникало туда в форме сомнения в том, имеет ли право существующая церковь связывать себя с христианством, не подменена ли она царством сатаны, антихриста. Манихейство могло скрываться на заднем плане монотеизма. Так что высшая культура тоже несла в себе скрытую эстафету манихейства. Элементы дуалистической картины мира, трактованной как противоборство добра и зла и тяготеющей к манихейству в широком, гносеологическом смысле слова, можно обнаружить у пророков Израиля. У них налицо противопоставление Правды низов кривде царей. Пророк Малахия провозглашал, что нечестивые будут опалены огнем, когда «взойдет солнце правды». Дуалистические традиции пророчества развивались в ветхозаветных и новозаветных писаниях, в канонических книгах и апокрифах — в Книге Притчей Соломоновых, книге Еноха, книге юбилеев, Заветании двенадцати патриархов, Успении Моисея, Апокалипсисе, в откровениях, приписываемых Баруху, Ездre и другим. В Новом Завете можно отметить тенденцию к абсолютизации логики инверсии. Достаточно указать на Апокалипсис, где кесари рассматривались как чудовищное воплощение сатанинской «бес-тии». Тем не менее монотеизм иудаизма и христианства противостоял манихейству.

Требуется специальное исследование о влиянии зороастризма и манихейства на славянскую культуру. Народы, населявшие земли, где затем стали жить русские, находились под большим влиянием зороастризма. Многие языческие славянские боги восходят к индоевропейской эпохе. Бесспорно «воздействие иранской мифологии» — «наследие скифо-скотского времени» в славянской культуре¹⁷. Видимо, именно из этих «глубин фольклорной памяти черпали волхвы-жрецы материал для своей интересной системы»¹⁸.

Зороастризм как мощное религиозное движение в древнем Иране, как «религия спасения» вдохновил гностицизм и манихейство. Ему, в конечном счете, обязаны своим возникновением альбигойство, богомилство, павликианство и религия рус-

¹⁷ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 453.

¹⁸ Там же. С. 447.

«Перспективными являются поиски в религиозно-мифологических представлениях скифов исконно иранских незаимствованных мотивов, выявление сходжений с другими системами на уровне общеиранского и даже общеарийского мифологического пласта»²⁰. Официальный облик религии скифские царства приняли от Ирана в форме маздакизма, манихейского учения III века²¹. Есть сведения о влиянии манихейства в узком смысле слова на волхвов — носителей дохристианской мифологической культуры на Руси. Развитие христианства стимулировало борьбу против манихеев²². Имеет место, однако, и точка зрения, что при утверждении христианства на Руси победу над греческой верой одержала «мрачная религиозная доктрина» — богомилство²³. Объединения богомилов существовали в Киеве еще до крещения Руси. Влияние богомилства можно проследить в летописях, например, в дуалистическом сказании волхвов о сотворении человека богом и дьяволом, «имевшем богомильско-апокрифическое происхождение» (1071). В Киевской Руси приобретали популярность апокрифы. Многие из них сложились в еретических общинах (например, среди болгарских богомилов)²⁴.

Первостепенный интерес при изучении культуры представляет анализ степени абсолютизации противоположности полюсов оппозиции, значимость инверсионных методов принятия решений, действий в процессе преодоления противоположности этих полюсов. Это можно проследить в развитии литературы и, что еще важнее, в массовом сознании. Идеал Правды в народной утопии «представляет собой предвосхищение совершенного состояния рода человеческого на земле. Он необходимо включает представления и убеждение, что предельно-совершенное состояние является изначально и непреходящим достоянием человеческого рода на земле, не химерой, не вооб-

¹⁹ Светлов Э. Вестники Царства Божия: Библейские пророки от Амоса до реставрации (VIII-IV вв. до н. э.). Брюссель, 1986. С. 363.

²⁰ Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 15.

²¹ Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре// Известия Археологической комиссии. СПб., 1913. С. 17.

²² См.: Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 1913. Т. 2. С. 68.

²³ См.: Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 5.

²⁴ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI-XIII вв. М., 1980. С. 172, 69. О влиянии богомилства см. также: Замалеев А. Ф., Зоц, В. А. Отечественные мыслители позднего средневековья. Конец XIV — первая треть XVII в. Киев, 1990. — «В своем большинстве поздние средневековые христианские ереси находились в преемственном отношении к болгарскому богомилству» (с. 94-95, 130). См. также: Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1903. Ч. 3. Вып. 1. С. 49-51 (в частности, о влиянии богомилства на Афоне).

ражением, а реальным достоянием, насильственно отчужденным, однако, и подлежащим возврату по законной принадлежности»²⁵. Антитеза «Правда — кривда» шагнула из книжности в устное народное творчество, что следует рассматривать как «свидетельство созвучия ее народному мировоззрению». В этой связи интересна переведенная с греческого и подвергнутая богомилской (т. с. манихейской) обработке «Беседа трех святителей», которая вошла в древнерусскую письменность с XI века. Показательно, что эта манихейская «Беседа» являлась своеобразным народным эквивалентом Библии и расходилась во множестве списков среди широких кругов слушателей и читателей. Она была необыкновенно популярна. Даже после появления печатной Библии влияние «Беседы» не исчезло. Другой столь же популярный памятник, «Палея Толковая» (XIII век), излагает идею о небесном происхождении Правды. Идея извечной борьбы Правды и кривды — строительный материал народной утопии, формирования социальных ценностей народа.

Литература Древней Руси видела мир в чисто манихейских представлениях через прямолинейное разграничение, противопоставление добра и зла. Грех и греховодники всегда сурово осуждались. Эмоции, переживания героев, особенно в житийной литературе, изображались обычно одномерно и контрастно — через оппозиции: либо скорбь, горе, либо радость, веселье. Сам человек выступал либо абсолютно добрым, либо абсолютно злым. У писателя-агиографа Пахомия Логофета (Серба) (XV век) подвижники рождаются «такими же святыми, какими и умирают... В жизни подвижников мы не находим ни единого темного пятна от раннего детства до блаженной кончины в старости глубокой»²⁶. Первое крупное произведение агиографии «Чтения о Борисе и Глебе» (XI век) носит отчетливо манихейский характер. Князь Святополк — злодей по своему существу, воплощение тьмы. Он упоминается только с эпитетом «Окаянный» и подлежит полному и безоговорочному осуждению по божественному и человеческому закону.

Само православие истолковывалось в соответствии с идеалом Правды. Отношение к Христу также приобрело манихейский характер. Человек вместе с Христом противостоят дьяволу как равноправные начала. В старейшем памятнике древнерусской письменности «Слово об Адаме» «дьявол спорит с Христом „на равных“... В великом противоборстве Правды и Кривды бог стоит по одну линию с укрепленным Адамом»²⁷.

²⁵ Клибанов А. И. Народная социальная утопия и России. С. 9.

²⁶ Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1906.

²⁷ Клибанов А. И. Народная социальная утопия и России. С. 17.

Христос мог рассматриваться как землепашец. Он, как и человек, противопоставит Кривде-дьяволу как внешней силе. Здесь нет ни монотеизма, ни проблемы борьбы добра и зла в самом человеке. В своих сочинениях современник Ивана IV И. Пересветов писал: «Не веру Бог любит, правду»²⁸. Правда, по его мнению, имеет первенство над верой. Он полагал, что православные греки были менее угодны богу, чем магометане-турки, которые не имели истинной веры, но «правду» осуществляли. И. Посошков (1652-1726) опирался на древний афоризм: «Бог правда, правду он и любит». Двоеверие, которое появилось в результате официального принятия христианства на Руси, оказалось под сильным влиянием манихейства. «Христианство отразило и первобытный дуализм. Главой всех сил зла был непобежденный богом Сатанаил с его многочисленным и разветвленным воинством, против которого и бог, и его ангелы были бессильны. Всеведущий, вездесущий и всемогущий бог не мог уничтожить не только самого сатану, но и мельчайшего из его слуг»²⁹. Это по существу манихейская противоположность монотеизму.

Манихейская логика Правды, следовательно, строила конструктивную напряженность, формировала путь следования социокультурному закону через полнейший, бесповоротный, бескомпромиссный отказ от того, что в данный момент называлось кривдой. Идеал Правды в отличие от идеалов православия связан с идеальным устройством на земле, с земным градом. Эти идеи служили основой для истолкования христианства в свете веры в торжество «Божией Правды» на земле. Устремленность к земному царству Правды — важнейшая специфика русского массового сознания. Идеал Правды зиждется на мечте об устройстве жизни, очищенной от искажений, в которых виноваты, может быть, начальство, иноземцы, собственная слабость и т. д., он зиждется на вере в естественную жизнь, которая, хотя и утеряна частично, но неизбежно восторжествует. Идеал Правды — идеал синкретической жизни. Он включал Правду-истину, Правду-справедливость, Правду-силу. Правда — высшая ценность жизни.

ПОИСК СРЕДИННОЙ КУЛЬТУРЫ

Существование скрытых логических форм в сознании и деятельности человека постепенно становилось особым предметом для развивающегося самосознания. Эти формы служили

²⁸ Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 207.

²⁹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 558.

своеобразным базисом, стартовой площадкой для развития сложных форм самосознания, сложных форм элитарной мысли. Логические формы сознания, проникая на высшие этажи человеческого самосознания, тем самым формируют новые формы своего сохранения для передачи последующим поколениям. Скрытые логические формы, попадая в сферу высшей культуры, превращаются в религиозные, философские, культурные системы. Этот процесс можно усмотреть прежде всего в движении мировой философской мысли. Идея медиации, осознание срединной культуры с большим трудом пробивали себе путь в элитарную культуру. В истории философии можно найти постоянное углубление представления о медиации, попытки решать на ее основе всё более сложные проблемы. Например, Аристотель полагал, что нравственное поведение следует искать в середине, равно удаленной от двух крайностей. Человек, по Аристотелю, на основании собственного нравственного чувства ищет эту линию поведения, лежащую далеко от обеих крайностей. Интересна в этой связи точка зрения Плотина, оказавшего сильное влияние на формирование христианской культуры. У него постоянно сквозит стремление замкнуть дуализм на монотеизм, идти *по традиционному для европейской культуры пути формирования срединной культуры*. Он полагал, что тело и душа являются двумя обитателями одного дома. Плотин возражал против постоянного подчеркивания различий в распределении счастья и богатства, так как тем самым можно разрушить здание нравственности, общества, государства.

Средневековый еврейский философ Маймонид возвел в высшее нравственное начало необходимость отличать крайности от «среднего пути». Он полагал, что крайности удаляют человека от достижения разумной цели, разрушая его телесное здоровье и душевное спокойствие; именно средний путь приближает человека к цели. Гегель выдвинул обобщающую идею меры, идею синтеза противоположностей, которая только и заключает в себе истину. Эта идея затем нашла свое дальнейшее развитие и охватила не только движение духа, но и деятельность самого человека, которая стала осмысливаться как поиск синтеза через диалог.

Россия не осталась в стороне от этого процесса. Здесь следует прежде всего указать на концепцию всеединства В. Соловьева и идеи Н. Бердяева. Тем не менее в элитарной культуре в рамках непреодоленной антиномии мышления, игнорирующей поиск синтеза и меры противоположностей, значительное влияние имеют попытки превратить известный принцип дополнительности в некоторый общефилософский принцип, ис-

пользуемый для осмысления взаимоисключающих представлений и понятий. *Тяготение медиации к высшим, элитарным уровням культуры и к концентрации инверсии на нижних уровнях может стать серьезнейшей проблемой как условие и предпосылка социальных конфликтов.* То, что в логике может выступать как отказ от взаимопроникновения полюсов, от амбивалентности, в жизни общества выступает как патология, как разрушение культуры, социальных отношений, государства, личности. Поэтому предметом изучения логики воспроизводства, логики исторического процесса должно быть не только соотношение инверсии и медиации в тот или иной момент истории, но прежде всего способность людей постоянно углублять через критику исторического опыта значимость медиации, культурных оснований принятия массовых решений.

НАЧАЛО РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Применительно к истории России изложенные теоретические положения приобретают свою специфику.

Племена восточных славян, которые широко заселяли Восточно-Европейскую равнину в VI-VII веках н. э., жили, как свидетельствует летописец, разрозненно на своих территориях, между которыми лежали обширные незаселенные пространства. Племена не были связаны ни организационно, ни общими целями. Характер их социальной организации вызывает большой интерес у многих поколений историков. По этому поводу высказывались различные точки зрения. Одни историки полагали, что у славян господствовала родовая организация на основе кровнородственных отношений. Род «означал всю совокупность степеней родства как самых близких, так и самых отдаленных: род означал и совокупность родственников, и каждого из них». Первоначально это слово употреблялось в смысле соотечественника, народа, «для означения родовых линий употреблялось слово племя»³⁰. Другие историки (славянофилы) рассматривали в качестве коренного устоя русской жизни семью и общину. Третья точка зрения исходила из задружно-общинного характера быта Древней Руси, перехода от родового быта к общинному. Выдвигались представления о патрионимии, т. е. группе «семей, больших и малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины»³¹.

³⁰ Соловев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 1. С. 90.

³¹ Косвен М. О. Семейная община и патрионимия. М., 1963. С. 97.

При всей важности исследования различий в этих точках зрения в основном все историки едины, считая, что в социальной организации славян господствовало локальное сообщество, локальный мир. В воспроизводственном процессе это означало преобладание стремления воспроизводить как высшую ценность локальные сообщества, соответствующую культуру, нравственный идеал. Древние локальные сообщества носили замкнутый характер. Они «вели дробную жизнь мелкими, мало зависящими друг от друга, часто враждебными союзами». Между ними, по свидетельству древних арабских путешественников и географов, были постоянные несогласия и междоусобные войны. «*Племенная рознь и разнообразие* составляет главное явление, которое по преимуществу определило всю историческую судьбу Славян»³². Даже крестьянская община XIV–XV веков «представляла собой закрытую социальную систему»³³. Эти локальные сообщества обычно насчитывали от нескольких десятков до нескольких сотен человек, т. е. каждый из них мог непосредственно знать всех и каждого, социальные связи основывались непосредственно на эмоциональных отношениях. Все общество, все отношения в нем могли быть подконтрольны каждому его члену. Все виды деятельности: трудовая, обрядовая, организационная и т. д.— осуществлялись и в форме непосредственных личностных контактов. Эти люди могли сообща обрабатывать землю и сообща потреблять. Связь между людьми базировалась на общем происхождении от единого предка, родоначальника, на представлении о едином тотеме.

Способность древних славян воспроизводить локальные сообщества является исходной клеточкой, если угодно, логическим и конкретно-историческим началом дальнейшей государственной истории страны. Эта исходная клеточка существует не только как социальное сообщество, как некоторая система социальных отношений, но и как содержание ее специфической культуры, как всеобщая основа воспроизводственной деятельности, соответствующая конструктивная напряженность. Хорошо известная сельская территориальная община с периодическими земельными переделами является относительно позднейшим ответом древних форм жизни на возникшую ограниченность земельных ресурсов. Община несла в себе «перехитки первобытных общинных отношений»³⁴. Существование ста-

³² Леонтович Ф. История русского права. Одесса, 1869. Вып. 1. С. 76, 78.

³³ Данилова Л. В. О внутренней структуре сельской общины Сеперо-Восточной Руси// Россия на путях централизации. М., 1982. С. 10.

³⁴ Шапиро А. Л. Переход от повитной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями// Ежегодник по аграрной истории

тичного локального сообщества хорошо выражалось словом «мир». Мир — это прежде всего локальная общность, сход, но также весь народ, человечество и даже Вселенная. Это слово противоположно слову война, т. е. выступает как сфера замирения, единства мира. Мир совпадает с Правдой и одновременно с космосом, с миром в целом.

Воспроизводство локального мира невозможно без убеждения, что внешний мир враждебен, что Правда нашего мира противостоит кривде иного мира. Это противопоставление внешнего и внутреннего создает конструктивную напряженность. Внешние злые силы, их козни мешают реализации идеала. Поэтому борьба за идеал тождественна борьбе с силами, препятствующими естественной самореализации Правды. В мире, который расценивается как естественный, неспособность Правды к спонтанной самореализации может быть объяснена столь же естественной самореализацией кривды, пребывающей вне локального мира и подавляющей Правду. Статичный древний идеал расценивался как комфортный, тогда как всякое отклонение от него, выходящее за рамки принятых в соответствующей культуре, воспринималось как дискомфортное. Иначе говоря, *вектор конструктивной напряженности в этой культуре твердо направлял энергию людей на воспроизводство статичного идеала и против значительных от него отклонений. То есть он основывался на сложившейся культуре, которая в своих основных параметрах представляла неизменной, абсолютной, единственно мыслимой, максимально противостоящей критике.* Подобный культурный механизм реализуется лишь в одном случае: если культура воспринимается как фактор, санкционированный некоторой сверхличностной, сверхчеловеческой силой, субъектом, лежащим вне человека. Содержание этой культуры должно рассматриваться человеком как приказ, определяющий не только действие, но и внутреннее психологическое состояние. Возможно, этот тип сознания легче понять, если принять гипотезу профессора Принстонского университета Д. Джейнса. Он полагает, что древние народы от Месопотамии до Перу не умели думать, заниматься самоанализом. В напряженных ситуациях они испытывали звуковые галлюцинации, которые принимали за голос богов, подсказывающих им, как поступать. Лишь катастрофа 3 тыс. лет назад послужила толчком для коренных изменений в сознании³⁵. Разумеется, эту гипотезу нельзя авто-

Восточной Еропы. 1960. Киев, 1962; *Патрикеев Д. И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. (по материалам вотчины боярина Б. И. Морозова). Л., 1967.

³⁵ *Jaynes J.* The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Boston, 1976.

матически переносить на другие народы и эпохи. Но ее ценность в том, что она показывает исходные основания человеческого мышления, которые преодолевались последующим развитием. *Человек превращал себя в объект внешних сил, в некоторую экстраполяцию прошлой культуры. Накопленное культурное богатство властвовало над сегодняшним днем, прошлое диктовало будущее, внешнее господствовало над внутренним, статика над динамикой.*

Следовательно, исходной клеточкой анализа и социальной жизни является локальное сообщество-субъект, способное воспроизводить само себя в своей неизменности, обеспечивать противоречивое единство своих социальных отношений и культуры. Достигается это с помощью специфической организации культуры, странной с точки зрения современного человека. Однако эта организация культуры естественна для людей, воспроизводящих локальный мир на статичной основе. Центром ее организации является *тотем*. «Принимая себя за внешний мир, первобытный человек делает все то, что этот внешний мир делает. Он повторяет его жизнь»³⁶. Однако он «повторяет» жизнь не в ее предметной сущности, но в формах, освоенных конкретно-исторической культурой, которая структурирована необходимостью обеспечить воспроизводство соответствующих форм жизни. Тотем учреждает обряды, «назначение которых — магическим способом обеспечить воспроизводство в природе и обществе»³⁷. Он возникает при господстве культуры, где реальность выступает как бесконечное скопление «людей», все явления вокруг — живые субъекты, с которыми есть возможность договориться. Человек этой культуры рассматривал себя в качестве некоторого объекта этих внешних сил. «Тотемизм понимает жизнь человека в виде жизни внешних стихий, а стихии принимает за людей»³⁸. Из этого следует, что тотем должен соединить в себе разнородные элементы.

Тотем — прежде всего некоторый содержательный элемент культуры. В принципе это может быть любое явление: любое животное, растение, любая вещь, действие, в принципе все, что угодно (скажем, сокол). В основании мирозерцания великороссов «лежит первобытное непосредственное поклонение предметам, явлениям и силам природы»³⁹. Сокол, однако, этими людьми рассматривается не как некий орнитологический вид, не как птица, отличная от человека, противополож-

³⁶ Фрейдберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 73.

³⁷ Криницкая Н. А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988. С. 60.

³⁸ Фрейдберг О. М. Миф и литература древности. С. 53.

³⁹ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 194.

ная ему. Тотем — тот элемент внешнего мира, который человек делает центральным, наделяет функцией субъекта культуры среди бесконечного множества других субъектов, возможно, враждебных. Выбор тотема более или менее случаен, как случайно и слово по отношению к предметной сущности обозначаемого явления. Субъективность же внутри личности оценивается самим человеком как нечто негативное, как возможность ошибки, отпадения, ереси. Тотем — некоторый носитель культурной программы, которая воспринимается как тождественная Я, прошлому этого Я, богатству культурных ценностей предков, социальному целому, роду, племени. Тотемизм требует от человека прогнозирования предполагаемых действий тотема для установления с ним комфортного общения, переходящего в партиципацию, сопричастие. Для тотемизма характерно постоянное стремление личности отдать себя под власть сильного как в сфере духа, так и в социальной жизни. Историк Н. Костомаров, описывая период царствования Ивана IV, говорил о холопах, которые становились свободными в результате гибели своих господ: «Свобода была им несвойственна, как рыбе воздух без воды: обыкновенно в Московской Руси освобожденный холоп делался снова холопом другого господина». Разбойники — бывшие холопы «не понимали никаких других отношений зависимости, кроме рабского повиновения тому, от кого получали жалования»⁴⁰. Следует лишь отметить некорректность определения отношений этого типа как рабства. Раб — собственность рабовладельца, он удерживается силой. В изложении же Костомарова речь идет о внутренней ориентации людей, которые никак себя рабами не ощущали.

Специфика конструктивной напряженности тотемизма заключается в том, что в качестве комфортного позитивного идеала выступает некоторый статичный неизменный идеал жизни и деятельности, идеал, воплощенный в тотеме. Тотем в конечном итоге в глазах человека — реальный субъект, носитель образов поведения, решений. Тотем — это фокус организации культуры. Он — неизбежный элемент синкретизма, т. е. нерасчлененности реальности в глазах человека, точнее, — отсутствие способности человека устойчиво расчленять культуру и природу, знак и обозначаемое, выделять устойчивые предметные формы. Для синкретического сознания тотем требуется как некоторый внешний для неупорядоченного хаоса элемент. В свою очередь, в тотемическом мышлении преобладает инверсионная логика как метод соотнесения осмысляе-

⁴⁰ Костомаров Н. И. Кудеяр: Историческая хроника М., 1982. С. 187.

мого явления с фокусом организованной культуры. Тотем выступает для личности как полюс приобщения, слияния. Но это возможно, если одновременно существует противоположный полюс — антитотем. Антитотем — это тотем враждебного сообщества. Чтобы причинить врагу вред, достаточно убить его тотем⁴¹. *Антитотем* — это оборотень, т. е. явление, которое лишь по видимости выступает как комфортный тотем, но на самом деле скрывает в себе вред, опасность. Антитотем враждебен, коварен, разрушителен. Тотем и антитотем — полюса конструктивной напряженности в состоянии амбивалентности. Конструктивная напряженность между ними как раз и есть организующая структура всего богатства культуры в древности. Если тотем несет программу позитивной конструктивной деятельности, то антитотем воплощает опасность, угрозу существованию сообщества, возможности антиэнтропийной деятельности. Антитотем — постоянный возбудитель активной деятельности, направленной против бесчисленных внутренних и внешних угроз, стимулятор, возбуждающий индивидуальную и массовую творческую энергию. В этом позитивное социокультурное значение антитотема.

Тотем выступает как единство воспроизводства культуры, социальных отношений (локального сообщества), личности. Каждый из этих элементов есть тотем и содержит в себе все остальные. Отсюда важнейший принцип синкретизма — «всё во всём». Тотем, потенциально содержащий в себе зародыш всей многообразной воспроизводственной деятельности, — это первоначало дальнейшего развития культуры данного сообщества.

ВЕЧЕВОЙ ИДЕАЛ

Современное мышление способно вычленить в тотеме множество составляющих, которые для человека времен господства тотемизма были неизвестны, не выступали как устойчиво вычленяемые элементы. Это вычленение, однако, не может быть сведено лишь к логике, к познавательному процессу. Оно — результат конкретной исторической дифференциации реальной истории. Именно этот многовековой исторический воспроизводственный процесс, а не только его абстрактный логический аспект представляет первостепенный интерес для данного исследования.

⁴¹ Штернберг Л. Я. Первобытные религии в свете этнографии. Л., 1936. С. 477.

При анализе любого общества, включая и самое примитивное, важно выявить причины того, что люди при всем их разнообразии, различии ценностей тем не менее сохраняют единство, а следовательно, и целостность сообщества, общества во всех его масштабах. В формировании механизма этой целостности определяющую роль играет специфический для данной общности нравственный идеал, так как он содержит в себе программу воспроизводственной деятельности, менталитет и, следовательно, соответствует специфическим социальным отношениям.

Единственный синкретический нравственный идеал, который можно обнаружить в первичных клеточках-сообществах древних славян,— это *вечевой идеал*. Он представляет собой *форму традиционного идеала*, через который в той или иной форме прошли (или еще не прошли) все народы и который лежит в основе истории народов (или, как иногда полагают,— предистории). *В самом общем виде для традиционного идеала характерен синкретизм, преобладание ценности абсолютного, неизменного, приоритет структуры над функцией, отсутствие ориентации на повышение эффективности деятельности, превышающей исторически сложившийся уровень, преобладание монолога, инверсионных форм логики, постоянное стремление через партиципацию к тотему, постоянный страх отпадения, стимулирующий позитивную деятельность*. Название вечевого идеала идет от веча, т. е. от присущего первичным клеточкам-сообществам способа вырабатывать решения, определяющие воспроизводственную деятельность этого сообщества. «Образуются в поселениях общине совещания — веча (от вешать), такие же неопределенные, юридически не установленные собрания, как и весь тогдашний быт. То были сходбища семей для общего совещания — праматери теперешних крестьянских сходок, и столько же неправильные»⁴². На вече решали «сдумавши», т. е. взвешивая и обсуждая. Синкретический нравственный идеал неизбежно распадается в процессе усложнения общества, выявляя свою скрытую двойственность, дуальную оппозицию. Его полюса противоположны, но в то же время не могут существовать друг без друга. Они инверсионным образом переходят друг в друга на основе своей амбивалентной природы, способности к взаимопроникновению. Вечевого идеала включает в себя ориентацию на ценности первого лица как олицетворение комфортности, тотема, как идеала, положенный в основу воспроизводственной деятельности. Одновременно прямо противоположным образом

вечевой идеал ориентирован на ценности земли, почвы, т. е. на власть собрания локальных миров низшего уровня, на собрание глав семей, глав домов, входящих в мир. Процесс принятия решений в локальных мирах носит поэтому двойственный характер.

Принятие решения должно воплотить как единство, цельность локального мира, так и его многообразие, множественность мнений и обстоятельств. Решение должно быть единым, единственным, как бы воплощением голоса, монолога одного человека, говорящего от имени господствующего идеала высшей Правды. Но вместе с тем оно должно быть воплощением голоса каждого члена мира, члена организации, его целей и опыта. Решение должно содержать вечные ценности и необходимые новшества, т. е. многообразие единого. Эта амбивалентность нравственного идеала имеет свое организационное воплощение в сложном сочетании власти первого лица сообщества (главы патриархальной семьи, вождя племени, князя и т. д.), несущего функции военачальника, жреца, судьи, и власти веча — своеобразного народного собрания локального мира. Так что решение принимается и вождем, и каждым членом веча, который вносит в него свой специфический опыт.

Необходимость рассмотрения вечаемого идеала как оппозиции двух взаимопроникающих полюсов вытекает из самой *двойственной сути тотема*, как несущего в себе скрытые внутренние различия. «Тотем всегда обоюден (двусторонний); и отдельный предводитель клана, и весь людской коллектив в целом»⁴³. Двойственность тотема определяется тем, что он есть и единый символ всего рода, воплощенный в вожде-предводителе, и единство всех его членов. Тотемизм — наглядное и очевидное олицетворение принципа «всё во всём». Эта двойственность культуры, языка в процессе усложнения общества определяет расчленение исторически исходного вечаемого идеала на два амбивалентных идеала: соборный и авторитарный. Категория соборности, выработанная русской мыслью, констатирует существующую в массовой культуре с древнейших времен первичность «Мы», которая реализуется через взаимопроникновение индивидуальных монад. Соборность, как считали славянофилы, — это свободная братская общность, истоки которой можно видеть в жизни крестьянской общины. Вечевой идеал не следует рассматривать как синоним современных форм демократии с присущим ей плюрализмом и высокой ценностью личности. «Дела решались не по большинству голосов, не единогласно, а как-то совершенно неопределенно сооб-

⁴³ Фрейдберг О. М. Миф и литература древности. С. 68.

ща»⁴⁴. Вместе с тем вечевой идеал постоянно и повседневно несет в себе авторитаризм. На вечевой сходке, которую можно рассматривать как воплощение соборности, участвовали лишь главы семей, домохозяева, первые лица локальных миров. Младшие члены семейства, работники, сброд (бездомники) в вече не участвовали. Вече было полем столкновения монологов, собранием авторитарных глав локальных миров низшего уровня. Эти главы синкретически отождествлялись со своими локальными мирами. Поэтому само решение веча, будучи монологическим, имело авторитарный смысл и в определенной ситуации приобретало авторитарную организационную форму, т. е. признавало над собой власть одного авторитарного лица (патриархального главы, князя и т. д.). Решение веча носило авторитарный характер для своих членов, так как не признавало права меньшинства на особое мнение, независимых прав личности. Если одно вече попадало под власть другого, то власть первого была авторитарна по отношению ко второму.

Локальность вечевого идеала в сочетании с эмоциональными механизмами принятия решений способствовала отождествлению локальной Правды семьи, рода, племени со всеобщей Правдой. Отсюда психологическая потребность в единстве, хотя бы в его видимости. В этих условиях *решение веча выступает не в качестве позиции большинства, но как единственно возможная точка зрения*. Решение веча воспринималось как абсолютное выражение Правды, не допускающее критики («против мира не пойдешь»). И так до очередного решения, которое может быть инверсией первого.

Как в глубине соборных институтов можно выявить их авторитарное содержание, так и в глубине авторитарных институтов можно обнаружить их соборное содержание. Власть первого лица может осуществляться лишь с общего согласия соборных институтов, членов сообщества, лишь на основе их общего согласия и готовности, активной или пассивной, выполнять его решения. Власть первого лица не может не опираться на согласие общества, она заглублена в почву. Однако возможность получить такую поддержку всегда проблематична. Отношение между двумя полюсами вечевого идеала определяется инверсией, т. е. прежде всего стремлением одного из полюсов полностью заместить другой. Отношение между ними может выступать как прямой конфликт, как битва монологов. Это объясняется вовсе не тем, что соборные институты всегда стремятся свести к нулю власть первого лица или первое лицо пытается подавить соборные институты, хотя и то, и

⁴⁴ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. С. 37.

другое могло иметь место. Опасность лежит в самой инверсии, где каждый голос выступает как монолог. Монологичность каждого вечевого голоса органически связана с жесткой социальной организацией, со стремлением каждого человека усилить свой престиж в социальной системе.

Каждый член веча обладал определенным социальным статусом, авторитетом в глазах людей. Престиж определялся многими факторами, которые постоянно взвешивались, сравнивались в процессе принятия решений и составляли важнейший компонент всего процесса. Престиж зависел от численности, возможно, от богатства семьи, от влияния той организации, например, «конца» города, которую он персонифицировал. В обществе существовали «нарочитые мужи», «лучшие люди», которые в силу опыта, традиций и общественного положения обладали высоким престижем и оказывали решающее влияние на принятие решений.

В этой связи представляет интерес описание Ключевским веча Великого Новгорода. «На вече по самому его составу не могло быть ни правильного обсуждения вопроса, ни правильного голосования. Решение составлялось на глаз, лучше сказать, на слух, скорее по силе криков, чем по большинству голосов. Когда вече разделялось на партии, приговор вырабатывался насильственным способом, посредством драки: осилившая сторона и признавалась большинством. Это была своеобразная форма *поля*, суда божия... Иногда весь город „раздирался“ между борющимися партиями, и тогда собирались одновременно два веча, одно на обычном месте, на Торговой стороне, другое на Софийской; но это были уже мятежные междоусобные сборища, а не нормальные веча. Случалось не раз, раздор кончался тем, что оба веча, двинувшись друг против друга, сходились на большом волховском мосту и начинали побоище, если духовенство вовремя не успевало разнять противников... Древняя новгородская летопись, сухая и тусклая по изложению, не скупится на краски в описании „усобных ратей“ в родном городе и наглядно изображает, как разыгрывалась на площади внутренняя нескладица новгородской политической жизни. Автономия кончанских и уличских обществ проявлялась в пренебрежении к верховному вече державного города»⁴⁵.

Вечевые институты, следовательно, несли в себе постоянную возможность конфликтов. Причем их острота и масштабы возрастали при усложнении общества. Недостаток вечевых ин-

⁴⁵ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 69, 89-90.

статутов заключался также и в том, что они не создавали основу для прекращения межплеменных усобиц.

Положение осложнялось тем, что границы страны были открыты как со стороны Востока, так и со стороны Запада. Через так называемые «ворота народов» — проход между Каспийским морем и Уральскими горами — с востока в Европу двигались азиатские народы, не встречая на своем пути практически никаких преград. На протяжении многих веков на пастбищах южнорусских степей сменяли друг друга различные племена кочевников-скотоводов.

Все это порождало дискомфортное состояние, что стимулировало стремление искать новые решения, порождало сдвиги в нравственном идеале. Его амбивалентный характер открывал для этого реальные возможности.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЙ ЦИКЛ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

- I. Соборность, начало и крах государственности
- II. Господство раннего умеренного авторитаризма
- III. Новая государственность и господство идеала всеобщего согласия
- IV. Крайний авторитаризм и зрелость раскола
- V. Поздний идеал всеобщего согласия и либерализм
- VI. Поздний умеренный авторитаризм
- VII. Соборно-либеральный идеал и новая катастрофа

ГЛАВА I

СОБОРНОСТЬ, НАЧАЛО И КРАХ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

КАК ВОЗНИКЛО ГОСУДАРСТВО

Догосударственное общество, которое можно рассматривать как множество локальных миров, испытывало возрастающее дискомфортное состояние из-за усложнения жизни, внешних конфликтов, роста междоусобиц. В этих условиях нужна была иная, более сложная социальная организация. Ее воспроизводство могло происходить лишь на базе адекватного культурного основания, которое может быть только результатом накопления культурного богатства. Его использование опиралось в первую очередь на *экстраполяцию*, т. е. способность людей истолковывать нечто новое в представлениях, понятиях старого, уже известного, в формах сложившейся культуры. Например, индейцы Америки, впервые увидевшие лошадь, осмыслили ее как большую свинью, т. е. перенесли исторически сложившиеся представления на новое осмысляемое явление. Оно было тем самым интегрировано в соответствующую (суб)культуру, что было предпосылкой рассмотрения этого явления как комфортного. Теперь оно не вызывало замешательства, негативной реакции. Экстраполяция — важнейший механизм, обеспечивающий господство комфортного идеала, приобщение к нему личности, предотвращающий рост социокультурного противоречия между социальными отношениями и культурой. Этот механизм заложен в большом законе семантизации, по которому такие понятия, как «раб» или «царь», существовали до рабства и до царской власти¹.

Экстраполяция как логическая форма открывала возможность распространить ценности локального мира на значительно большую сферу социальной реальности, воспроизводить государственность по образу и подобию патриархальной семьи,

¹ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 45.

локальных сообществ. Это открывало путь к возникновению нового для человечества феномена — к формированию государственности, хотя и на основе неадекватных ей культурных форм, но в тех формах, которые были близки и понятны людям, выходящим из догосударственного и безгосударственного состояния. Вече, как собрание в рамках локального мира, выступило основой при формировании собрания локальных миров, собрания племен, всех частей *возникающего большого общества*. Вечевые идеалы локальных миров при возникновении государственности, большого общества могли быть единственной нравственной основой.

В вечевых собраниях участвовали прибалтийские, финно-угорские и другие племена, составлявшие коренное население данной территории, а также пришельцы, которым дозволялось селиться на ней,— берендеи, печенеги и др. Необходимость управлять более крупными, нежели локальный мир, образованиями приводила к формированию иерархии вечевых институтов. Большому миру, как писал И. Д. Беляев, «подчинялись средние миры, а средним меньшие, так что каждый мир подчинялся вече того мира, к которому он тянул по земле и воде, или иначе — на земле которого он стоял». Вече управляло сельской общиной, но оно могло охватывать большие миры, т. е. город с тяготеющей к нему территорией. Оно могло охватывать племя. В городе, кроме общегородского вече, могло существовать также вече улиц и концов города. Причем этим мирам свойственна внутренняя однородность независимо от их размеров. И. Д. Беляев говорил о «внутреннем, более или менее одинаковом устройстве общественной жизни на всех ступенях общества, начиная от старшего города до семьи»². Эта «одинаковость» была результатом экстраполяции.

Русские историки XIX века, тяготеющие к славянофильству, обращались к специфическим формам жизни древних славян как к основе русской государственности, видя в них определяющий для последующей русской истории фактор. И. Е. Забелин писал: «Род налагал свой нравственный отпечаток на все социальные отношения в обществе, вносил всюду родственные отношения, придавая власти царя отеческие черты, устанавливал братские отношения». По мнению К. Аксакова, И. Беляева, В. Лешкова, древняя общинность легла в основу сельской сходки, вечевое собрание, земского собора. «Отличительное свойство нашего народа, сообщившее особенность его истории, состоит в общинности, в общинном быте, в способности составлять общины и постоянно держаться общин-

² Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1905. С. 13.

ного устройства, порешая все при посредстве общины»³. В основе общины лежит «семейное складство, „печище“, и следы такого семейного происхождения общины не всегда затерлись еще и в XVII в., если обратить внимание на прозвища поморских крестьян»⁴. Беляев объясняет самый процесс объединения Руси воздействием общины. Общинный порядок сохранялся тем вернее, чем ненадежнее и бедственнее была жизнь русско-крестьянина.

К. Кавелин выводит русскую государственность из рода: «В основе всех частных и общественных отношений лежит один прототип, из которого все выводится, — именно двор или дом, с домоначальником во главе, с подчиненными его полной власти чадами и домочадцами. Это, если можно так выразиться, древнейшая, первобытная и простейшая ячейка оседлого общежития. Этот начальный общественный тип играет большую или меньшую роль во всех мало развитых обществах; но нигде он не получил такого преобладающего значения, нигде не удержался в такой степени на первом плане во всех социальных, частных и публичных отношениях, как у великороссов»⁵. По мнению К. Кавелина, родовой быт пропитал все явления русской жизни, с чем полностью соглашался и С. Соловьев. Все более поздние и сложные формы социальных отношений, сообществ формировались на базе синкретического идеала, его социокультурной ячейки. Иначе и быть не могло, поскольку древние славяне никакого иного идеала не знали. Эти социальные структуры экстраполируются через культуру.

Язык древних славян позволяет полагать, что все свои взаимоотношения славяне истолковывали через родственные отношения. «Посмотрите же, как крестьяне понимают свои отношения между собою и к другим. Помещика и всякого начальника они называют *отцом*, — себя — его *детьми*. В деревне старшие летами зовут младших *ребятами*, *молодками*, младшие старших — *дядями*, *дедами*, *тетками*, *бабками*, ровные — *братьями*, *сестрами*. Словом, все отношения между родственниками сознаются под формами *родства* или под формами, прямо из него вытекающими... В древнейшие времена русские славяне имели *исключительно* родственный, на одних кровных началах и отношения основанный быт... В эти времена о других отношениях они не имели никакого понятия, и

³ Мешков В. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. СПб., 1858.

⁴ Богословский М. М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. М., 1912. Т. 2. С. 105.

⁵ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Вестник Европы. СПб., 1866. Июнь. С. 349-350.

потому, когда они появились, подвели и их под те же родственные, кровные отношения»⁶. В. Лешков находил слова «челядь», «холоп», «раб» созвучными словам, обозначающим происхождение. Первоначальный смысл слова «князь» — отец, основатель рода. Новобрачных, как основателей новой семьи, именуют князем и княгиней. Глава рода мог носить название старца, жупана, владыки, князя. С. Соловьев полагал, что слово «князь» происходит от того же корня, что и латинское слово «генитор» — «родитель». Представление о первом лице складывалось под непосредственным влиянием этих отношений, образа отца, который должен заботиться о своих детях, опираясь на свой авторитет, на авторитарный характер своей власти, на казавшийся естественным свой престиж.

Тотемизм несет в себе громадный, исключительно стойкий культурный потенциал. Развитие тотемизма приводит к тому, что центральным героем мифов-преданий становится «потомок» тотемных предков. Возникает способность отчленять тотем от его потомков, которые, однако, несут на себе функции тотема. На этой основе формируется возможность рассмотрения царя, вождя как носителя функций тотема. Например, в Древнем Египте основными тотемами были бык, сокол и лев. Они были неразрывно связаны с царем. Сокол был также и одним из тотемов славян. Он стал княжеским знаком, изображался, в частности, на монетах Рюриковичей X-XI веков. Образ сокола соответствует символике «Слова о полку Игореве», где он обозначал того или иного князя. «Сокол» в эпическом творчестве находится в оппозиции к «черному ворону»⁷. В культуре не было запретов на перенос, экстраполяцию того или иного представления о тотеме на первое лицо, от локальных первобытных сообществ на князя, в конечном итоге, на первое лицо государства. Это создавало культурную основу для формирования большого общества, государства на базе неадекватной этой задаче тотемно-родовой культуры.

ЧТО ТАКОЕ БОЛЬШОЕ ОБЩЕСТВО

Специфика большого общества заключается в том, что оно уже не может, в отличие от локального сообщества, опираться лишь на группы людей, которые все лично знают друг друга, находятся в эмоциональном контакте. В большом обществе отношения между ними неизбежно приобретают абстрактный ха-

⁶ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 15-16.

⁷ Криничная Н. Я. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988. С. 17.

рактер, т. е. на эмоциональные личностные отношения накладываются абстрактные безличностные. При этом люди древности могли думать, что, формируя вече большого масштаба, они остаются жить в локальном мире.

Здесь следует обратить внимание на возникающие в результате *экстраполяции* различия между массовыми представлениями о своем сообществе, сложившимися в культуре, и реальностью этого общества, реальными социальными отношениями. Например, возникающая государственность может опираться на некоторое меньшинство, которое в своих действиях апеллирует к реальной или мнимой внешней опасности, активизирует массовое представление об угрозах антитотема. Возникает государство, которое и есть особая организация власти, сознают ли это люди или нет. Но вместе с тем в обществе возникают и различные социокультурные группы, имеющие различные, подчас противоположные представления о государственности. Возникают социокультурные противоречия, возможность нарушения социокультурного закона, которое в конечном счете неизбежно порождает в обществе очаги дезорганизации, источники социальной энтропии. В. Ключевский на примере вечевой системы убедительно показал, как возникают такие очаги дезорганизации, как в большом городе вечевая система спонтанно перерастает в мятеж, в анархию, в дезинтеграцию. У новгородского веча «мятеж был единственным средством сдерживать правительство, когда оно, по мнению народа, угрожало народному благу». Город оказывался под угрозой распада: «При неумелом или своекорыстном обращении центра с местными мирами эта общность политической основы стала причиной земской розни в Новгородской области. Неурядицы и злоупотребления, шедшие из Новгорода в пригороды и волости, побуждали их стремиться к обособлению, а местная автономия давала к тому возможность... В минуту последней решительной борьбы Новгорода за свою вольность не только Псков и Вятка, но и Двинская земля не оказали ему никакой поддержки или даже послали свои полки против него на помощь Москве». Хотя «ни в каком другом краю древней Руси не встретим такого счастливого подбора условий, благоприятных для широкого развития политической жизни,— пишет Ключевский,— непримиримые противоречия политической жизни Новгорода стали роковой причиной внутреннего разрушения его вольности»⁸.

Перерастание процесса принятия решений в конфликт объяснялось прежде всего тем, что институт веча, когда он

⁸ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 91, 99, 97-98.

объединял такую большую социальную организацию, как Новгород, не мог обеспечить его интеграцию: архаичная форма не соответствует масштабу подлежащих решению проблем. Так конкретно проявлялось социокультурное противоречие между древней культурой и новыми социальными отношениями. Шла ожесточенная борьба между городом и локальными мирами. Даже Новгородские восстания XII — начала XV века сохраняли в значительной степени черты борьбы между «концами». Пример Новгорода показывает, что на пути к большому обществу возникают острые противоречия.

Экстраполяция никогда не выступает в чистом виде. Она всегда амбивалентно связана с другим полюсом — с *интерпретацией*, которая, как и экстраполяция, есть всеобщий атрибут человеческого мышления, а в конечном итоге и воспроизводства. Субъект интерпретации — отнюдь не только элита общества, но и люди вообще, которые своей повседневной деятельностью в конечном итоге решают, какие именно социальные отношения воспроизводить, питать своей социальной энергией, а какие можно оставить на произвол судьбы как чуждые, непонятные, дискомфортные. Логически преодоление противоречия между полярными категориями происходит в процессе поиска меры между ними. Близость этой меры к древним ценностям создает предпосылки для того, чтобы племенные ценности выступали как основа для институтов, выходящих за локальные рамки, для государства, самодержавия и т. д. Процесс осмысления — напряженный поиск меры для преодоления полюсов дуальной оппозиции, и в процессе этого поиска мера каждого акта осмысления, проходящего в рамках вечевых идеалов, смещается либо к полюсу экстраполяции, что в данном случае означает тяготение к ценностям локального мира, либо к интерпретации, что может открыть путь к осмыслению ценностей большого общества. Любое смещение меры в ту или другую сторону, очевидно, свидетельствует, что в обществе всегда существует альтернатива. Альтернативность выбора имеет повседневное, жизненно важное значение для общества, для деятельности каждого его члена. Вместе с тем она свидетельствует о постоянной возможности разрушения чистоты древнего синкретизма, слепой веры в природный тотем, что, однако, не означает его уничтожения как ценности, как некоего страстно желаемого идеала, как устремления к милому идеализированному детству. Альтернативность свидетельствует о необходимости смещения меры к полюсу интерпретации, о

⁹ Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (К вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины)// Исторические записки. М., 1979. № 103. С. 270.

неизбежности подведения под государственность адекватной ей культуры, о тенденции к снятию социокультурного противоречия. Возможность такого сдвига в переосмыслении исторически сложившейся культуры, унаследованного нравственного идеала является одной из форм человеческой свободы, позволяющей не только следовать прошлому, но и противостоять инерции истории. Следование социокультурному закону в большом обществе, особенно в условиях, когда в значительной степени господствуют догосударственные, локальные формы культуры, превращается в сложную и мучительную задачу. Интерпретация, как и экстраполяция, их взаимопроникновение в процессе поиска меры между ними — важнейшая и сложнейшая логическая, культурная, психологическая и одновременно социальная проблема, особенно на ранних этапах развития большого общества.

Большое общество несет в себе опасность больших конфликтов, опасность необратимой дезорганизации, катастрофы. Поэтому его существование, воспроизводство возможно лишь при условии, что одновременно со своим становлением оно создает достаточно эффективные средства для предотвращения стихии, дезорганизации. Важнейшее из таких средств — государство как организационное воплощение интеграции общества, как объединяющий его костяк. Государство — *медиатор*, т. е. некоторый механизм, постоянно нацеленный на интеграцию общества. Медиатор и государство в принципе тождественны. Однако в определенных социально-исторических условиях роль медиатора могут выполнять и другие, весьма разнообразные социальные институты (партия, церковь, профсоюзы и т. д., потенциально — все общество).

Для обеспечения интеграции общества в сложных, постоянно изменяющихся условиях государство должно все время решать *медиационную задачу*. Последняя является особым частным случаем преодоления социокультурного противоречия, следования социокультурному закону. Решать медиационную задачу — это значит преодолевать противоречия между массовым сознанием, т. е. культурой, господствующей в обществе, точнее ее массовой основой, и интеграцией общества, его организационной формой.

Медиатор — специализированный орган, нацеленный на поиск меры между конфликтующими силами. Большое общество может существовать лишь тогда, когда социальные отношения, организация целостности воспроизводятся членами общества. Если не всеми, то во всяком случае большинством, его достаточной частью. Без хотя бы слабого массового тяготения к воспроизводству большое общество и государственность

существовать не могут. Социальная функция медиатора — превратить это слабое стремление посредством простых, а возможно и сложных методов в опору, ресурс, источник социальной энергии для собственного воспроизводства. Трудность решения медиационной задачи заключается в том, что культурная программа массового сознания может носить утопический, догосударственный характер. Например, в массовом сознании может господствовать представление, что большое общество создается лишь путем пространственного раздвижения локального сообщества, увеличения его состава. Между тем увеличение масштабов любой системы требует качественных изменений в ней. Медиатор, государственность призваны в любой ситуации решить эту задачу. Этот процесс возглавляется *правящей элитой*, т. е. особым социальным слоем, субкультура которого включает ценность государственной жизни. Профессиональная функция этого социального слоя — управление, обеспечивающее социальную интеграцию. Медиатор возможен и необходим в диапазоне условий, теоретически ограниченных, с одной стороны, полным нежеланием, неспособностью людей поддерживать, воспроизводить государство, полным отсутствием ценностей большого общества в культуре людей, что исключает возможность государства, с другой — максимальным развитием среди граждан культуры, включающей эти ценности и делающей особый бюрократический слой излишним. Понять специфику государственности в любом случае можно, лишь определяя степень ее приближения к тому или иному граничному условию.

Государство необходимо в той степени, в какой граждане не в состоянии, не хотят, не могут решить задачу интеграции в масштабе общества в интересах всей страны, замыкаются в своих локальных мирах, преследуют свои узкие цели. Но при этом они могут передавать, делегировать первому лицу, бюрократии возможность управлять обществом. Государство было бы не нужно, если бы люди расценивали ценности целого как свои собственные, если бы конструктивная напряженность личности совпадала с конструктивной напряженностью общества. Решение медиационной задачи может оказаться неимоверно трудным, если сознание масс тяготеет к догосударственным ценностям, когда ценности большого общества в культуре слабы и односторонни. Оно требует постоянного нахождения меры для соединения организации общества и культуры, для отхода от манихейских крайностей, для повседневной, подчас мучительной работы над углублением культуры, совершенствованием организационных форм интеграции общества.

Медиатор может столкнуться с ситуацией, когда вектор конструктивной напряженности широких масс оказывается весьма далеким от вектора конструктивной напряженности, способного обеспечить интеграцию. Возможна ситуация, когда развитие ценностей интеграции, ценностей укрепления центральной власти в глазах масс будет выглядеть как дискомфортный процесс, как действие сил мирового зла. В этой ситуации каждый шаг, предпринятый для укрепления порядка, воспринимается массами как рост хаоса, дезорганизации. Две силы общества — та часть общества, которая склонна к формированию государства, и широкие массы, не склонные искать меру единства, — вступают в конфликт, часто ожесточенный, толкающий к катастрофе. Рост сложности проблем неизбежно толкает людей не только к экстраполяции, но и к интерпретации сложившихся форм жизни, культуры, социальных отношений, вечового нравственного идеала, к поиску альтернативы ему в форме соборного и авторитарного идеалов.

История человечества показывает, что далеко не каждый медиатор находится на высоте своих задач. Об этом говорят многочисленные примеры гибели могущественных государств. Катастрофам предшествовали усиление социальной энтропии, дезорганизации, падение способности социальных институтов обеспечивать интеграцию, следовать социокультурному закону, решать жизненно важные задачи в условиях усложнения общества.

ГОСПОДСТВО СОБОРНОГО ИДЕАЛА

Определенная степень свободы в поиске меры преодоления оппозиции экстраполяции и интерпретации в процессе воспроизводства большого общества означает, что в этом процессе возможны односторонние решения. Экстраполяция вечового идеала в условиях большого общества может перерасти в интерпретацию, направленную на одностороннее преувеличение значения соборного аспекта и игнорирование авторитарного. На этой основе при возникновении первой государственности на Руси происходил отход общественной жизни от ситуации «одинакового устройства на всех ступенях общества»¹⁰. Оба начала, очевидно, всегда в какой-то степени конкурировали между собой на локальных уровнях. «По мере того, как возрастала особенность семей и они вживались в свои особенные интересы, единство общин продолжало ослабевать. Власть из рук общинных старейшин переходит к главам семейств, к ста-

¹⁰ *Беляев И. Д.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси. С. 13.

рейшинам отдельных, родственных союзов. Наконец первые исчезают и избираются только в случае войны или опасности. Их место заступают вечевые собрания»¹¹, что, однако, приводит к росту междоусобиц.

Негативные последствия прямой экстраполяции заставляли людей прощупывать разные варианты отхода от прямолинейности следования старому идеалу в новых условиях. Государственность могла образоваться в результате попытки сместить идеал к соборному полюсу, соответствующему перераспределению престижей. Это обстоятельство не нашло должного понимания в исторической науке, которая слишком часто односторонне пыталась изобразить историю России в авторитарном ключе. Институту веча, понимаемому как противоположность авторитаризму, не повезло в русской исторической науке. Еще древние летописцы видели в нем проявление «силы ненавистника человеческого рода». Большинство русских историков, за исключением И. Беляева, В. Сергеевича, невысоко оценивали этот институт. Крупнейшие русские историки С. Соловьев и В. Ключевский не видели ни в вече, ни в земских соборах органических элементов русской жизни. Община представляла для них интерес лишь в первоначальных ее формах. Советская историческая наука также давала весьма смутное представление о роли синкретического веча, его массовых интерпретаций в истории страны.

Специфика соборного идеала хорошо просматривается в памятнике древнерусской литературы конца XII века «Слово о полку Игореве». Его идеал — единство, братский союз князей. Причина неурядиц в стране лежит не в той или иной организации общества, но в характере и поведении князей, в отсутствии у них единства, соборного согласия, в том, что они «розно несут» Русскую землю. Идеал автор «Слова» видит в том, что «князья возродят былое единство, верность крестному целованию, что брат перестанет говорить брату: „Се мое, а то мое же“. Поэтому автор „Слова“ не только осуждает князей как виновников „невеселой години“, но и прославляет их как будущих спасителей Русской земли»¹². Идеалом, следовательно, является своеобразное вече глав локальных миров, собрание князей, олицетворяющих части единой страны¹³. О единовластии одного князя над страной не могло быть и речи.

¹¹ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. С. 27.

¹² Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — начала XIX века // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 341.

¹³ «Съезды князей... соответствуют вечам в истории общин» (Кавелин К. Д. Наш умственный строй. С. 34).

Государственность, следовательно, формировалась как экстраполяция на ее вершину соборного института, т. е. власти над страной династии, которая осуществляла некоторое подобие коллективного управления, где, однако, местнические интересы преобладали над общими. Единовластие единого князя над всей страной существовало как некоторый находящийся на заднем плане нравственный идеал. В. Ключевский писал: «Единовластие до половины XI в. было политической случайностью, а не политическим порядком...» Если единовластие и имело место для княжения Ярослава, то после его смерти оно не повторялось; никто из его потомков, по свидетельству летописи, не принимал «власть русскую всю», не был «самовластцем Русской земли»¹⁴. И далее, Ключевский так характеризует статус князя в этой ситуации: князя «видели в себе не столько владетелей и правителей Русской земли, сколько наемных кормовых охранителей страны, обязанных „блюсти Русскую землю и иметь рать с погаными“. Корм был их политическим правом, оборона земли их политической обязанностью, служившей источником этого права, и этими двумя идеями исчерпывалось все политическое сознание тогдашнего князя»¹⁵.

Варяжские князья ограничивались военной деятельностью и взиманием дани, на первых порах принимая минимальное участие во внутриплеменных делах славян. В X веке у князя не было права суда, но он мог выступать как третейский судья в вечевых спорах. Население видело в фигуре князя символ единства и благополучия его подданных. Однако князь не правил самовластно даже в собственной дружине. Соборный идеал господствовал не только в массовом сознании, но и в княжеском окружении. Окружавшие его бояре составляли своего рода вече при князе, без которого он был не вправе выносить важные решения. «Оторвавшаяся от общины, дружина воспроизводила общинные порядки в своем внутреннем устройстве»¹⁶.

Смерть князя-отца означала, видимо, разрыв всех политических связей земель, в которых княжили его сыновья. Младший князь, недовольный действиями великого князя, мог не подчиняться его воле. Эта система не выдержала давления локальных устремлений. Власть князя была ограничена. В обществе не развивались представления о безусловной верности князю. Соборные институты могли не только удалить князя,

¹⁴ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956. Т. 1. С. 169-170.

¹⁵ Там же. С. 178.

¹⁶ Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси: К постановке проблемы// История СССР. 1991. №4. С. 55.

но и разграбить его двор и даже убить его. Спустя два года после призвания на княжество Рюрика ему пришлось пойти на военное столкновение с новгородцами. Общеизвестен конфликт князя Игоря с племенем древлян, приведший к гибели Игоря. Один из договоров, заключенных новгородцами с князем, гласит: «А самосуда ты, князе, не замышляти». Князь ставился в зависимость от условий договора и должен был подчиняться голосу веча. Согласно соборному идеалу, он выступал как родоначальник, власть которого ограничивалась властью народной Правды. Институт веча фильтровал, задерживал те культурные мутации, которые содержали угрозу авторитарности, тем самым население защищалось от произвола княжеских слуг. Епископ Симеон Тверской (XIII век) писал, что княжеские слуги способны «напуститься на людей ради денег, как голодные псы на мясо». Защиту населения обеспечивали городские и сельские общины, а также система открытого судопроизводства. На сходах княжеские слуги могли получить серьезный отпор.

Киевская Русь — яркая страница в истории страны, время относительно высокой общественной активности. Политическая жизнь в городах была ключом. Население видело в проблемах города, княжества свои личные проблемы, острые политические моменты (например, случаи обвинения в ереси) будоражили всех, широко обсуждались на торгу, на улицах. Согласно летописным свидетельствам, вече, противостоящее князьям, характерно для всех городов Киевской Руси. В таких городах, как Киев, Новгород, Ростов Ярославский, Владимир, вече правило городом, ставило и низвергало князей. Из 50 киевских князей 14 были приглашены вечем. Оно представляло главную политическую силу, которая вправе была требовать от князя тех или иных мероприятий. Иногда вече самостоятельно проводило мирные переговоры, устанавливало размеры денежных сборов. Деспотические тенденции княжеской власти, стимулируемые требованиями обороны, смягчались, парализовались традициями общей ответственности, идущей из глубин истории. Княжеская власть следовала соборному принципу не только по необходимости, но и по убеждению. И. Беляев заметил, что в княжеских междоусобицах тот князь оказывался сильней, кто опирался на вече. Стремление князя к единению с вечевой организацией нашло яркое выражение в княжении Владимира Мономаха (1113-1125). Сознание важности такого единства унаследовали преемники Владимира. В это время была даже попытка созыва общерусского веча.

ПЕРВАЯ КАТАСТРОФА

Итак, возникновение государственности, большого общества означало возникновение конструктивной напряженности, где позитивный полюс — соборность как высшая ценность. Другой полюс связан с оценкой авторитарного начала, воплощаемого во власти князей, которая не должна выходить за рамки господства соборного идеала. Выход княжеской власти за рамки соборности к авторитаризму возбуждал дискомфортное состояние, отпадение от княжеской власти.

Тем не менее сложившийся порядок не гарантировал от роста социокультурных противоречий. Большое общество, государственность оказались пропитаны локалистскими принципами. Возник разрыв между культурой, тяготеющей к большому обществу, и социальными отношениями локального типа. Соборные институты по своей природе основаны на принципе непосредственных эмоциональных связей людей, знающих друг друга и потому внутренне не готовых воспринимать большое общество и обеспечивать его воспроизводство. Целое осталось без поддержки основной части общества, без эффективных институтов. Распределение престижей соборного идеала было таково, что локальные силы ослабляли князей, их съезды. Сила варяжских дружин позволяла князьям противостоять силам локализма, но процесс растворения варягов среди местного населения ослаблял возможности такого рода. Вся жизнь пронизывалась локализмом, правящий слой не только не мог бороться против этого, но сам был под властью догосударственных ценностей. Возрастала тяга князей к вотчине, склонность прежде всего получить отцовское наследие. Это имело по крайней мере два важных последствия: усиливало распад уделов, общий поток локализма, но одновременно создавало локальную организацию, в пределах которой усиливался и стимулировался авторитаризм, и вместе с тем для него возникали организационные основания.

Со смертью Ярослава фактически окончилась зависимость князей от Киева, страна распадалась, княжеские династии и отдельные князья враждовали между собой, авторитет княжеской власти падал, уделы дробились подчас до мизерного размера. В XII веке страна представляла собой несколько слабо связанных между собой территорий. Князья нападали на соседние княжества, выжигали села, грабили и истребляли запасы, убивали людей. Цель нападений состояла не в территориальных захватах, а в добыче пленных — собственных соотечественников — для продажи их в рабство. Участились нападения на русские земли извне. «Под гнетом этих тревог и

опасностей, при возрастающих усобицах князей почва общественного порядка в Киевской Руси становится зыбкой, ежеминутно грозившей погромом; возникло сомнение в возможности жить при таких условиях»¹⁷.

После смерти сына Владимира Мономаха Мстислава (1125—1132) единое древнерусское государство прекратило свое существование. Сам Киев пал жертвой междоусобиц; в 1169 году он был приступом взят несколькими князьями и беспощадно разграблен. Не пощадили ни женщин, ни детей, ни храмов. Население массами покидало страну, уходило на Запад — в Галицию, Польшу, а также на северо-восток, в Суздальский край. Татаро-монгольское нашествие 1237—1240 годов застало страну в раздроблении и запустении. После подчинения Северо-Восточной Руси Золотой Орде остальная часть русских земель была завоевана литовцами, которые не встретили значительного сопротивления.

Попытка создать устойчивую государственность, систему интеграции общества, решить медиационную задачу окончилась неудачей. Это объяснялось неэффективностью попыток положить в основу воспроизводства государства, организации управления большим обществом соборный идеал, который по самой своей сути был эффективным лишь в локальных сообществах. Его экстраполяция на большое общество должна была быть дополнена углубленной интерпретацией, отвечающей специфике качественно новой задачи. Однако для ее решения не хватило сил. Для этого общества были характерны определенные тенденции формирования феодализма. Однако результат мало походил на европейский феодализм с его сочетанием вассалитета и феода, корпоративностью, формированием трех уровней иерархии общества: массового слоя локальных сообществ (общин), слоя среднего уровня (собственников, устойчивых владельцев средств производства — земли, получающих за нее ренту и осуществляющих власть над нижним уровнем в своих регионах) и высшей власти (сакральной точки, воплощающей единство страны). Контуры этого порядка на Руси лишь просвечивались как некоторая возможность. Верхний уровень не сложился, средний обанкротился в ходе междоусобиц, нижний оказался под угрозой потери национального существования. Произошла первая в истории страны национальная катастрофа, связанная с необратимой дезорганизацией, с распадом, с конфликтом частей общества между собой, с беспомощностью перед внешней силой.

¹⁷ *Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. С. 280.*

Внутренняя слабость и дезорганизация, неспособность разрешить социокультурное противоречие между потребностью в социальной организации большого общества и сложившимся господствующим соборным идеалом явились причиной национальной катастрофы. Завоевание земель Киевской Руси Золотой Ордой и Великим княжеством Литовским было лишь следствием этого.

ГЛАВА II

ГОСПОДСТВО РАННЕГО УМЕРЕННОГО АВТОРИТАРИЗМА

НОВАЯ ПРАВСТВЕННОСТЬ В БЕДНОЙ СТРАНЕ

Крах Киевской Руси был одновременно банкротством соборной версии догосударственного вечевого идеала. Катастрофа на уровне психологии, содержания культуры, на уровне массовой воспроизводственной деятельности вызвала массовое дискомфортное представление об активности сил зла. Оно в чисто логическом аспекте означало возникновение мощного стимула, включающего инверсию — движение господствующего нравственного идеала от соборности, от соборной версии догосударственного вечевого идеала к господству противоположной, авторитарной версии. Новый идеал, который представлялся теперь все более комфортным, характеризовался прежде всего ориентацией на высшую власть, на тотем, на первое лицо как на носителя высшей Правды. Общество ответило на катастрофу этой альтернативой, однако она уже содержалась в арсенале накопленного богатства культуры, прежде всего в самой элементарной клеточке движения вечевой культуры.

Новая версия послужила основой для ее экстраполяции на большое общество, на государство. Этому повороту способствовали значительно более трудные условия жизни на новом этапе. Центр страны переместился на северо-восток. Началась история великороссов. К. Кавелин заметил, что с XIII века развитие государственности протекало в наименее культурных областях Древней Руси. С его точки зрения, ссылки на татаро-монгольское завоевание для объяснения низкого культурного уровня нового общества недостаточно. Он писал: «Значение ига сильно преувеличивается... Напрасно станем мы отыскивать следов органического влияния кочевников на нашу жизнь». Новая родина была «печальна и сурова», население разбросано, разобщено, отрезано друг от друга лесами и болотами. Природные условия были существенно иными, нежели в

Киевской Руси. Их суровость породила менее благоприятные условия для хозяйственного развития, для воспроизводства ресурсов. В Киевской Руси преобладало доземледельческое хозяйство. Земледелие медленно вращало в охотничьи промыслы и вытесняло их. Оно выдвинулось на первый план в XI-XII веках. Важно, что земледелие создает менее благоприятную основу для развития меновых отношений¹. Это обстоятельство, очевидно, сыграло определенную роль в существенном падении значимости торговли на новом этапе развития общества. Суровая и продолжительная зима оставляла на земледельческие работы пять-шесть месяцев в году, ограничивала возможности животноводства. В стране были плохие почвы, ненадежные осадки, низкая урожайность. Природные условия затрудняли развитие дорог, торговли, географической специализации производства, обмен производственным опытом.

Любопытна оценка, которую дает хозяйству того времени американский ученый Р. Пайпс. Сравнивая хозяйство разных народов, он указывает, что коренное финское и тюркское население рассматривало земледелие как побочное занятие относительно охоты, рыболовства, скотоводства. «Русские поступили по-другому. По всей видимости, сделанный ими упор на земледелие в самых неблагоприятных природных условиях является коренной причиной многих трудностей, которые сопровождали историческое развитие»² России. До XVI века на Руси преобладала подсечная система земледелия и полукочевой образ жизни ввиду низкого уровня земледелия. Только во второй половине XVIII века в центрально-черноземной полосе трехполье стало преобладающим, хотя применялись и подсека, залежь, перелог³.

Население деревень находилось во власти синкретических представлений, оно не могло подняться над повседневными интересами. Условия не способствовали сплочению народа и развитию широких интересов. Обилие незанятых земель позволяло земледельцу передвигаться в поисках пашен, не истощенных эксплуатацией, на необозримых пространствах. Семья в одном поколении меняла не один десяток таких заимок. С. Соловьев называл русское крестьянство «жидким элементом русской истории». Малолюдность, обширность территорий, возможность переселения в более отдаленные, более безопасные

¹ *Огановский Н.* Закономерность аграрной эволюции. Саратов, 1911. Ч. 2. С. 31, 34, 37.

² *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 5. См. также: *Милов Л. В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-5. С. 37-56.

³ *История крестьянства в Европе.* М., 1986. Т. 3. С. 326.

районы были факторами сохранения самобытности восточных славян. Условия их жизни стимулировали преобладание авторитарной версии древнего синкретического идеала. Для этого общества были характерны натуральная система хозяйства со слабо развитой торговлей, зависимость от природной стихии, а также экономическая слабость личности, общая бедность. *Если Киевская Русь развивалась на городской основе, то основу возникшего Московского государства составляла деревня.* М. Покровский характеризовал новое государство — московский этап — как «более захолустный, провинциальный»⁴. Не последнюю роль сыграл разгром городов Батьем, что способствовало перемещению власти от городского веча к князю и нанесло удар товарно-денежным отношениям, возможности накопления капитала. Это стимулировало не интерпретацию князя в понятиях магдебургского права, а укрепление представления о нем как о тотеме.

Власть главы семьи, дома, локального мира служила почвенным стимулом для авторитаризма. Усиление княжеской власти, воплощавшей авторитаризм, было возможно на основе давно зревшей уверенности, что без князя невозможно воевать, сражение может быть проиграно лишь в силу отсутствия полководца — князя. Развитие авторитаризма стимулировалось культурными представлениями, идущими из древности. В «Слове о полку Игореве» князья назывались «Дажьбожьими внуками», т. е. потомками божества — солнца, солнечного дня. Дажьбог был Царем-Солнцем, мифическим родоначальником русских людей. Интересно, что «имя этого солнечного божества имеет явно иранский облик». Последний русский великий князь-язычник Владимир именовался в былинах Владимиром-Солнцем⁵. Следовательно, культурное наследие способствовало тому, чтобы первое лицо в государстве могло вписаться в нравственный идеал, выдвигающий князя в качестве источника, носителя высшей Правды. Кстати, по Марру, «изумительное до невероятности русское слово правда, восходя по семантической палеонтологии к „солнцу“, имеет скифо-сарматское происхождение»⁶. Царь как преемник князей вписывался в ту же культурную основу. В результате крещения Руси первое лицо стало помазанником Божьим, что «не отменило, но возвысило и подтвердило дохристианскую

⁴ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М.; Л., 1925. Ч. 1. С. 48.

⁵ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 266; *Он же.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 247, 652, **864**.

⁶ Марр Н. Я. Избранные работы: Основные вопросы языкознания. Л., 1936. Т. 2. С. 256.

веру»⁷, т. е. имела место полная культурная преемственность. Так создавались необходимые условия для экстраполяции на большое общество авторитаризма, для отхода соборности в тень. «Идея морального единства всей „братии" уступила место безусловному политическому подчинению всех остальных перед „старшим" их господином»⁸.

Следует отметить, что создание государственности, формирование большого общества часто сопровождается принятием новой религии, которая должна создать для этого более адекватную, чем местные верования и традиции, культурную основу. Принятие православия, господствовавшего в Византии, отвечало этой цели в значительно большей степени, чем ограниченный пантеон языческих богов, который создавался в Киеве. Христианство способствовало достижению поставленной цели не только монотеизмом, но всеобщностью своих представлений, способностью объединять людей в неограниченном масштабе независимо от их принадлежности к той или иной локальной общности. *Тенденция к максимальному слиянию церкви и государства* содействовала формированию культуры, соответствующей воспроизводству авторитаризма. Тем не менее значение церкви не могло быть решающим, так как выявились в конечном итоге недостаточный интерес ее к участию в решении социальных проблем, возрастающая зависимость от государства, что в итоге ослабило общий поиск наилучших форм жизни. Кроме того, само влияние церкви на исторически сложившийся менталитет было не слишком велико.

Для понимания сути нового общества следует различать нравственный и социальный аспекты проблемы. В каждом случае необходим анализ социальных отношений, сообщества, которое объективно лежит в основе сложившихся ценностей, в процессе их экстраполяции на государственность. Если ячейкой первой государственности было вече в его соборной интерпретации, то второе государство строилось на основе удельной вотчины, обособленного, самостоятельного княжества. Население отдавало себя под покровительство вотчинника, экстраполировало на него односторонние представления об отце, тотеме и т. д., видело в отдаче себя вотчиннику, в участии к нему как внешней силе предпосылку собственного существования. Вотчина была, с одной стороны, результатом односторонней экстраполяции синкретического идеала на более высокий этаж организации общества, а с другой — предпосылкой для дальнейшей экстраполяции этого идеала на масштаб всего об-

⁷ Дугин А. *Континент Россия*// *Континент Россия*. М., 1990. С. 56.

⁸ Миллюков П. Н. *Очерки по истории русской культуры*. СПб., 1903. Ч. 3. Вып. 1. С. 33.

щества. В вотчинах, рост которых имел место в XI-XII веках, структура власти основывалась на власти отца. Это послужило основой тому, что «переход к государственному подданству произошел... от подданства-министералитета, подданства в холопской форме. Типологически русский вариант деспотического самодержавия близок византийскому, в котором также не было развитого вассалитета»⁹. Термин «отчина» экстраполировался на большое общество. В XIV-XV веках он «применялся к территории „великого княжения“, т. е. ко всей Северо-Восточной Руси»¹⁰.

Сложившаяся в X-XI веках в принципе централизованная власть князя при всех ее слабостях давала организационную основу для дальнейшего развития авторитаризма. Для анализа истоков возникновения большого общества следует вновь вернуться к древним синкретическим сообществам. Исследования свидетельствуют, что в древнеславянских представлениях в качестве тотема выступали «князь» и «княгиня». Первое означало «тотем-мужчину», второе — «тотем-женщину»¹¹. «В условиях первобытного родового строя князь (от корня „кньн“ — основа) был главой семьи и главным исполнителем обряда. В русском крестьянском быту XIX в. жениха и невесту во время свадьбы называли „князем и княгинюшкой“. На таком семейно-родовом уровне „князь“, очевидно, расценивался как глава житейских дел и как руководитель семейных религиозных закланий»¹². В этих социальных и культурных формах культивировался синтетический архаичный принцип нерасторжимости власти, собственности и жреческо-идеологических функций, что органически легло в основу новой государственности. Развитие по этому пути позволяет говорить о существовании *типа большого общества, получившего название азиатского способа производства*, фигурирующего также под названием *государственного способа производства*¹³, а также *политарного*¹⁴. Его называют еще *кабально-общинным*, а также *потестарной (властной) формацией*. Для него было характерно подчинение хозяйственной деятельности государству. Это об-

⁹ Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси: К постановке проблемы// История СССР. 1991. № 4. С. 61.

¹⁰ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 187, 195.

¹¹ Мэпп Н. Я. Избранные работы... Т. 2. С. 274.

¹² Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 294.

¹³ Васильев Л. С. Курс лекций по Древнему Востоку (Ближний Восток). М., 1985. С. 15.

¹⁴ Семенов Ю. И. Социально-экономический строй древнего Востока: Современное состояние проблемы// Народы Азии и Африки. 1988. № 2. С. 158.

шество может быть названо *синкретическим*, так как господство синкретизма сохранилось здесь в сфере ценностей, в стремлении ориентировать воспроизводство на тотемическое мышление. Оно ориентировано на нерасчлененность знания, ценностей, власти, собственности, социальных отношений, которые рассматриваются как результат активности внешнего для личности субъекта. Важнейший аспект тотемического мышления — стремление субъекта отдать себя под власть сильного, носителя тайн жизни, высших ценностей.

«БЕЗ БОГА СВЕТ НЕ СТОИТ И БЕЗ ЦАРЯ НЕ ПРАВИТСЯ»

Инверсионный переход от соборности к авторитаризму может быть интерпретирован *не только как переход к власти князя, но и как основа ее обожествления*. По сути дела, это все та же архаичная инверсионная схема, где человек осознает себя лишь в сопричастии к высшей сакральной точке, опасаясь губительного отпадения. На этой основе может формироваться деспотическое государство, охватывающее большие территории и многие народы. Для него характерен перенос на первое лицо ценностей тотема, потомка тотема, отца, божества, экстраполяция на него древней модели мира. «Без Бога свет не стоит и без царя не правится». Это лицо является, по крайней мере в тенденции, собственником и абсолютным господином, владыкой всех вещей и людей. Однако авторитарная версия может приобретать и иные формы, которые, в частности, можно рассматривать как разные формы антигуманизма¹⁵.

Большому обществу противостоят локальные миры, опирающиеся на ту же культуру, например, догосударственные локальные сообщества, сельские общины, для которых все, что лежит за границами деревни, может представлять враждебный антимир. И локальные миры, и большое общество пытались установить свою монополию на ресурсы, на землю, власть, на жреческие функции и т. д. и тем самым могли вступать в ожесточенное соперничество. Монополия обеспечивала неизменность натурального хозяйства, циркуляции его плодов, что поддерживало в обществе определенную стабильность. Между этими крайними полюсами возможно формирование *миров среднего уровня*. Они выступают как большое общество по отношению к локальным мирам и как локальные миры по отношению к большому обществу. Именно сюда относятся

¹⁵ См.: Ахизер А. С., Матвеева С. Я. Гуманизм как элемент культуры // Общественные науки. 1990. № 2. С. 148.

вотчины. Над волостью и селом «надстраивался новый этаж, появлялся собственник, хозяин земли и людей, сам в свою очередь зависимый от князя»¹⁶. Каждая из этих форм обществу стремилась утвердиться, отгнав другие. Ситуация усложнялась возникновением новых социальных форм (например, поместий). Общинники могут бороться с вотчинниками, объединяясь с властью большого общества. *Порядок, выдвигающий локальные миры среднего уровня в качестве господствующей формы, выступает как феодализм.* «Стадиальный „классический“ доренессансный европейский феодализм совпадает с ранней фазой в цикле развития традиционного Востока, близкой к первобытности и связанной с децентрализацией. Вне Европы — феодализм лишь элемент цикла»¹⁷. Феодализм следует рассматривать как этап на пути формирования максимально централизованной государственности, а также как возможный этап на пути обратного движения.

Существование в обществе по крайней мере трех форм авторитарного идеала не означает их полного равноправия. Различия между тремя уровнями авторитаризма затрагивают и процесс осмысления мира в связи с возможностью функционирования на этих уровнях разных представлений о добре и зле. То, что для одного уровня благо и носит комфортный характер, для другого зло и носит дискомфортный характер. В разных представлениях о добре и зле могут найти свое воплощение различные варианты интерпретации как вечевое, так и других идеалов. Сложность заключается в том, что тот или иной уровень в ущерб другим может занять ведущее положение в обществе. Сложные отношения между этими уровнями — важный конституирующий элемент последующей истории.

Существенным симптомом растущей силы нового идеала был отказ суздальского князя Андрея Боголюбского (1157–1174) после захвата и разгрома им Киева в 1169 году остаться киевским князем. Его поведение имело двойной смысл: с одной стороны, это явная победа локальных ценностей над государственно-соборным идеалом, а с другой — здесь налицо уже возможности нового типа государственности. «Княжеское старшинство, оторвавшись от места, получило личное значение, и как будто мелькнула мысль придать ему авторитет верховной власти»¹⁸. Андрей Боголюбский избрал своей резиденцией место недалеко от Владимира, стоящее в стороне от вечевых

¹⁶ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.; Л., 1946. С. 534.

¹⁷ Васильев Л. С. Что такое «Азиатский способ производства»? // Народы Азии и Африки. 1988. № 3. С. 75.

¹⁸ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956. Т. 1. С. 320.

центров Ростова и Суздаля, и попытался стать самовластцем во всей Суздальской земле. Но это была лишь попытка, пока не удавшаяся. Свое действительное начало новая государственность авторитарного типа ведет от княжения Ивана I Даниловича Калиты (1325-1340), приступившего к собиранию земель под эгидой Москвы. Происходило перенесение авторитарных порядков, свойственных княжеским уделам, на государство в целом. Местный князь становился боярином московского князя. Страна превращалась в один громадный удел. При этом ни власть, ни массовое сознание синкретически не отличали государственное управление от управления дворцовым хозяйством. Вся страна мыслилась как вотчина государя-батюшки. При Иване III Васильевиче (1462-1505) господствовало представление, что «вся русская земля Божьей волей из старины от наших прародителей — наша вотчина». Территориальная неопределенность вотчины позволяла «постоянно расширять требования»¹⁹.

Круг задач административного аппарата оказался крайне ограниченным, а методы их решения — несложными. Влияние авторитаризма возрастало по мере ухудшения условий жизни, дробления уделов, упадка княжеской власти на местах. Оно выражалось в растущей тяге местных обществ к Москве. Московский князь, казалось, отвечал идеалу правителя. Авторитаризм одерживал все новые победы, Московское княжество постепенно преобразовывалось в национальное государство. При Иване III оно освободилось от власти восточных завоевателей, что укрепило военно-политическое положение страны. Московский князь именуется царем, а в присутствии иностранцев — Государем Всея Руси, рассматривая себя как единственного в мире православного независимого государя, преемника Византийского императорского дома. Самодержавие было дальнейшей экстраполяцией представлений о функциях хозяина-вотчинника, где «вольные люди были политической случайностью». В. Ключевский замечает: «На таком основании можно было построить не государственный порядок в объединенной Великой Руси, а запоздалую пародию удела...»²⁰.

Специфика авторитаризма заключается в том, что центр тяжести принятия решений смещался к монологу, который охватывал все общество, тогда как учет разнообразия интересов локальных миров отходил на второй план. Высшее руководство, воплощавшее авторитарный монолог, включало не только первое лицо, но и боярскую думу — этот модифициро-

¹⁹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 1. С. 37, 38.

²⁰ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. Пг., 1919. С. 341.

ванный институт соборного типа. На этой основе возник *идеал, который можно назвать ранним умеренным авторитаризмом. Он опирался на представления о власти отца, осуществляемой в рамках обычая, традиции, основанной в конечном итоге на общем согласии семьи, рода. В противном случае в действиях первого лица могли видеть нарушителя порядка, носителя зла.* Боярская дума, как и вече, возникла как собрание локальных миров. Но это было уже собрание не глав семей, а первых лиц, отождествляющих себя прежде всего с бывшими независимыми княжествами. Князья шли на службу московскому князю точно так же, как старая племенная знать шла на службу в Киевском государстве. Еще в XVI в. большинство бояр в думе составляли потомки удельных державцев. В думе сидели «всё старинные, привычные власти Русской земли, те же власти, какие правили землей прежде по уделам; только прежде они правили ею по частям и поодиночке, а теперь, собравшись в Москве, они правят всею землей и все вместе, в известном порядке старшинства расстановливаясь у главных колес правительственной машины»²¹. Авторитаризм, смещавший власть вверх, фильтровал этот поток князей. Влияние «государева двора» привело к тому, что основная масса князей во второй половине XV и первой половине XVI века уже не входила в думу²². Не могло быть и речи о принципе демократического представительства бывших княжеств в думе, тем не менее сам принцип совместного управления первого лица и «князей и бояр» оставался неизблемым. Боярская дума принимала все важнейшие решения по формуле: «Царь указал, а бояре приговорили».

Бояре в значительной степени сохранили свою мощь и влияние, что было связано с тем, что до середины XV века высшая власть практически не пыталась подчинить постоянному контролю местные власти. Ключевский называл такой порядок «локализацией управления». Бояре считали себя независимыми от воли государя, но признавали его «самодержавство». Общество не доверяло князю, если он действовал без бояр. Государь и дума — нераздельные элементы единой верховной власти²³. Никто не стремился и не мог изменить сложившийся порядок. Поэтому конфликты, возникавшие в процессе принятия решений, могли разрешаться не изменением социальных отношений, а столкновениями между его

²¹ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. С. 230.

²² Зимин А. А. Княжеская знать и формирование состава Боярской думы по второй половине XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. 1979. № 103. С. 226.

²³ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. С. 464.

участниками, как это имело место и раньше. Характерны постоянные конфликты между первым лицом и боярством, которое роптало или вовсе «отъезжало». Царь мог называть бояр «смердами», мог подвергать того или иного боярина опале, но ни с той, ни с другой стороны не было поползновений к коренным переменам в отношениях. Даже Иван IV Грозный (1533-1584), изрядно потрудившийся над избиением бояр, признавал, что дума является необходимым, естественным посредником между царем и народом.

Соборность боярской думы превратилась в свою противоположность, дума стала инстанцией, высоко стоящей над всеми локальными мирами. Ее решения приобретали авторитарный характер, т. е. были заданными извне для всех локальных миров. Здесь действовала уже известная формула: «На что же старейшие сдумают, на том же пригороды станут». Но теперь речь шла не только о пригородах. Высшая власть стала особым локальным миром, чьи решения касались всех локальных миров, всего общества. Соборный идеал обернулся авторитаризмом.

Идеал, ставший господствующим в результате инверсии, однако, не дошел до логически возможной крайней точки, т. е. до абсолютной противоположности соборности, до авторитарной власти одного лица, подчиняющего себе не только общество, но и всю систему управления. Такое несоответствие реального процесса с логикой инверсии объясняется тем, что инверсия никогда не существует в чистом виде. Определенный уровень способности формировать срединную культуру неизбежно тормозит инверсию, которая тем самым приобретает характер вялой инверсии. Ее можно расценивать как инверсию, застрявшую на половине пути.

Государственность, возникшая на основе раннего умеренного авторитарного идеала, достигла важных успехов. Тем не менее постепенно выявились существенные недостатки сложившегося порядка, которые стали порождать дискомфортное состояние, постепенно переходящее опасный порог. Для решения задач большого общества выдвигались методы, оправдавшие себя в рамках локальных миров, но в условиях большого общества они оказывались неадекватными, порождали нарастание социокультурных противоречий, ослабление способности следовать социокультурному закону.

ОШИБКА ИВАНА ГРОЗНОГО

Яркой фигурой господства раннего умеренного авторитаризма и одновременно его упадка был Иван IV. Для его по-

пытки решить медиационную задачу характерны два существенных элемента. Во-первых, он стремился выйти за рамки вялой инверсии, прибегая к тем или иным методам, прежде всего к террору, и тем самым сокрушить умеренный авторитаризм и утвердить крайний. Это стремление довести авторитаризм до крайности выразилось в разных формах. Царь, например, говорил, что в отличие от других государей он правит не людьми, а скотом. Он возводил произвол в принцип: «Жаловать своих холопов мы вольны и казнить их вольны же». Царь в своих посланиях князю Курбскому говорил, что нарушение воли царя есть нарушение воли Божьей. Во-вторых, в его политике налицо попытка объединиться с вечевым идеалом, господствующим в локальных мирах, направленных против начальства, против ценностей сообществ среднего уровня. Сами эти попытки и их результаты оказались весьма поучительными для всей последующей истории страны.

Глубинная причина террора Ивана IV заключалась, видимо, в том, что до крайних пределов обострился конфликт между существующей консервативной организацией власти и потребностью царя сделать ее более управляемой на путях усиления авторитаризма. Царь видел в препятствиях, чинимых советниками из бояр, причину ограниченности его авторитарной власти. Здесь он совершил распространенную в последующей истории ошибку, состоящую в персонификации социальных явлений, т. е. в сведении тех или иных расцениваемых негативно явлений к проявлению злой воли конкретных лиц (в данном случае — прежде всего бояр), но никак не общего, исторически сложившегося порядка вещей. Это породило у царя постоянный страх. Он то пытался заручиться одобрением английской королевы на убежище, то собирался в монастырь. Опасаясь своего окружения, он тайком бежал из Москвы и дважды отрекался от престола. Успеху антибоярской политики как будто способствовало экономическое ослабление бояр в связи с уходом крестьян на новые земли, а также явные антибоярские настроения в массах, в интеллектуальных и церковных кругах. Тем не менее всего этого оказалось недостаточно для окончательной ликвидации боярства и установления крайних форм авторитаризма. Бояре были сильны своей квалификацией в деле управления, в их руках были связи, навыки. Бояр можно было истребить, но без них нельзя было обеспечить абсолютно необходимый организационный уровень государственного управления. Это обрекало царя и его антибоярскую политику на поражение. Государство не могло существовать без авторитетного и квалифицированного слоя посредников между царем и дворянством. Хотя к этому времени уже

существовали приказы, но они были еще слабы и неавторитетны без бояр.

Иван IV не понимал, что против него стояли не втайне сговорившиеся враги, а организационная неразбериха, хаос, с которым не могла справиться незрелая бюрократия; недоставало квалифицированных администраторов. Он, как и Пересветов, полагал, что все государственные бедствия коренились в том, что «вельможи своим чародейством привратили к себе сердце царев и научили его во всем волю свою творити». Отсюда «умалилась правда в московском государстве»²⁴. Все проблемы решались изобличением оборотней зла и их уничтожением, попыткой возбуждения массовых представлений об активизации антитотема, персонифицированного зла. Реальная причина дезорганизации аппарата была следствием неустройства, *общей враждебности к государству*, но не к царю лично. Безнадежно провалилась попытка опричнины заставить систему силой перестроиться соответственно принципу крайнего авторитаризма. Рыхлое и инертное государство попросту разрушалось. Боярство пыталось в противоположность царю сохранить умеренный авторитаризм, свое место в системе управления.

Каждый боярин тяготел к местным интересам, к подчинению своих действий некоторым ценностям своего специфического мира. *Развивалось местничество как важнейшая форма локализма*, т. е. стремление к смещению центров власти максимально вниз без соответствующей компенсации развитием культурных интеграторов. В местнических схватках московское боярство проявило энергию и стойкость, не виданную у него при защите интересов общества. «За места наши отцы помирали», — говорили бояре XVII века. Разумеется, эта специфика конструктивной напряженности боярства противоречила стремлению решать медиационную задачу в обществе в целом. Однако бороться с боярством и местничеством путем избиения людей было бессмысленно, так как их действия обуславливались сложившейся системой сообществ, их субкультурами. Борьба против них вылилась в жесточайший террор, бояр истребляли целыми семьями со слугами, имущество отбирали в казну. Н. Карамзин называл Ивана Грозного кровопийцей, по сравнению с которым Калигула и Нерон выглядят младенцами. Объятый страхом, неспособный уменьшить дезорганизацию, дискомфортное состояние, Иван IV лишь разрушал государственность.

Исторические документы свидетельствуют о глубокой вражде народа к чиновникам, к начальным людям, к начальству.

²⁴ Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 1. С. 61.

Это слово, которое вряд ли имеет достаточно полный эквивалент при переводе на другие языки, носит амбивалентный характер. Начальство — это те, кто отдает приказы и кому необходимо подчиняться. Но одновременно они, как проповедовал Аввакум, подстрекаются дьяволом. Начальство руководствуется личной корыстью и глупыми заумными идеями. Начальство нельзя урезонить и от него лучше держаться подальше, делая вид, что исполняешь его требования. Чиновник, как пишется о нем в челобитных, т. е. просьбах и жалобах в высшие инстанции, лишь «смотрел своего прибытка». В мирских челобитных кормленщики именовались «волками, мучителями и разорителями». Челобитчики писали: «Наместники, волостели и приветчики и их пошлинные люди чинят продажи и убытки великие...»; «Наместника и пошлинных людей впредь прокормить нам не мочно и от того-де у нас в степях и волостях многие деревни запустели и крестьяне-де от того насильства и продаж разошлись по иным городам... безвестно разбрелись врозь. От кормщиков убытки не меньше, чем от самих разбойников». Идея замены системы кормления соборными институтами была неистребимой в массовом сознании. В действиях начальства видели нарушение воли царя.

Всенародная вера тотемного типа в царя как воплощение высшей Правды, гаранта покоя и порядка противостояла боярству. Для промежуточного слоя между царем и народом в манихейской модели мира места не остается. Он как среднее звено отсутствует в манихейской модели и расценивается как дискомфортное явление.

Массовое сознание симпатизировало царю, положительно оценивая его личность, что отразилось, например, в многочисленных впоследствии сложившихся песнях о взятии Казани. Иван IV изображался как справедливый царь. Бедствия же, связанные с террором и разорением, воспринимались как естественные и в вину царю не вменялись. Массовое сочувствие способствовало делу истребления бояр, пополнению рядов опричнины, готовой расправляться с ними.

Эта вера, казалось бы, открывала широкие возможности для решения медиационной задачи, т. е. выработки политики, которая соединила бы массовое сознание с системой ценностей первого лица. Обращаясь к народу, Иван IV в своих грамотах обвинял бояр в измене, в ущербе, причиненном ими стране в годы его малолетства, в незаконном обогащении, в нежелании защищать православную веру от многочисленных врагов — литовцев, татар, немцев. Однако обвинения отражали не столько реальные провинности бояр, сколько идеологические, по сути демагогические устремления царя к консолидации

своих ценностей с массовыми. Власть пошла навстречу идеалам низов. В 30-е годы в ответ на челобитные власть передала в руки местных миров полицейские и судебные функции. Соответствующие правительственные грамоты основывались на крестьянских челобитных. Согласно судебнику 1550 года вводился институт присяжных, существовавший в Новгороде. В 1550 году, ссылаясь на «докуку великую», царь передал власть на местах земству, т. е. соборному институту. Никогда полностью не исчезавшая система выборных «излюбленных людей», старост, голов, целовальников была официально признана основанием всего административного устройства.

Следует заметить, что история страны не знала другой формы, в которой правящая элита столь последовательно и далеко шла бы навстречу конструктивной напряженности локальных миров. Она стремилась следовать формам народной жизни в самой организации медиатора. Земская реформа открывала путь локальному идеалу, обнажала и легализовала локальность жизни. Земского старосту выбирали в волости и даже в слободе. Служилые люди, помещики и вотчинники были отстранены от участия в их управлении. Правящая элита пыталась без среднего звена начальства непосредственно опереться на народную почву. Авторитарное государство произвело прямое организационное слияние государственного аппарата, подчиненного царю, с низшим уровнем управления, сосредоточенным в локальных мирах. Так можно было действовать лишь в убеждении, что этот нижний уровень несет в себе полную поддержку царской власти. Не заключалась ли здесь еще одна ошибка? Специфическая культура локальных сообществ низшего уровня, действительно, характеризовалась преклонением перед царем, чему сохранилось достаточно свидетельств. Кроме того, на этом же уровне концентрировалось стремление к сохранению натуральных форм хозяйства, противостоящих развитию товарно-денежных отношений. Сохранился любопытный документ — обращение «К благохотящим царем, правительником и землемерием», относящееся, видимо, к 30-м годам XVI века и принадлежащее предположительно духовному лицу южнославянского происхождения. Документ был направлен к «благополучию всем сущим под царем» путем реформ. Он исходил из того, что «в начале всего потребни суть — *ратяеве*» (пахари), и противостоял денежным отношениям, требовал натурализации связей. Служилый класс должен был нести даровую службу и жить исключительно натуральными доходами со своих крестьян. Категорически запрещалось «взимать серебро», заменять натуральные повинности денежными. Повинности государству отменялись, и оно долж-

но было жить доходами с государственного имущества. Основной мотив этого документа — натурализация отношений. П. Милуков предполагал, что, возможно, под влиянием этого проекта была отменена система кормлений и проведен ряд других мероприятий²⁵.

Высокая ценность в крестьянском сознании сохранения натурального характера хозяйственных отношений, веры в царя создавала определенные предпосылки для реформ Ивана IV, так как господство натуральных отношений в сочетании с массовой уравнительностью, с одной стороны, требовало авторитарной власти, способной «всех равнять», а с другой — создавало у власти представление, что крестьянство — истинная и надежная опора царя.

Уничтожив раздражавшую локальные силы систему кормления, власть рассчитывала на исправные платежи. Вероятно, столь глубокая реформа в стране с развитым государственным сознанием дала бы импульс росту ответственности за государство, за целое, такого рода акт явился бы важной вехой в развитии правового государства. Здесь же она, развязав локальные силы, была шагом к новому краху государственности, к развалу большого общества. В стране выявилось существование своеобразного двоевластия, т. е. власти местных локальных миров со своими ценностями и власти государства — со своими. На это высшая власть ответила собственным вариантом двоевластия. Царь до невиданных размеров расширил свой двор, т. е. личную вотчину, за счет прежних уделов, поскольку вотчиной царь мог править без бояр. Страна была разделена надвое, одна часть управлялась непосредственно царем, другой правили бояре. Низы замыкались в своих локальных мирах, активно вмешивались в государственные дела главным образом для избиения ненавистного начальства.

Царь нуждался в разрушительных силах, так как пытался возвести уголовную практику в ранг государственного института — опричнины. Опричнине требовались люди, разорвавшие нравственную связь с ранее сложившейся системой. Были необходимы не только уголовные элементы, увидевшие в государстве институт преступности, но и враждебные начальству (прежде всего боярству) выходцы из локальных миров, нужен был также доброжелательный нейтралитет свидетелей избиения. Террор говорил об отчаянии, в котором впал царь в своих попытках апелляции к заведомо разрушительным силам. Надежда на них как на силы, которые автоматически обеспечат торжество Правды, свидетельствует лишь о древней вере, со-

²⁵ См.: *Богословский М. М.* Несколько слов об одном проекте реформ XVI в. М., 1898. С. 6, 7, 11, 19, 21.

гласно которой победа над злом неизбежно приводит к торжеству добра. Возможность победы еще худшего зла в голову не приходила. Он синкретически отождествлял Правду с силой. В официальных документах того времени можно читать: если «не великою угрозой угрозили, то и правды в землю не ввести». Сила сливалась с Правдой воедино. Произошла парадоксальная вещь. В борьбе с нарастающим хаосом царь пытался опереться на широкие массы, но это открывало путь еще большему хаосу. *Решающим оказался конфликт не между царем и боярством, а между авторитаризмом и древним синкретизмом.* Ценности, таящиеся в локальных мирах, постоянно периодически обращали свою конструктивную напряженность против государственности, дезинтегрируя общество. Причем *эта враждебность по своей сути носила догосударственный характер, истолковывала реальность в древних догосударственных представлениях.* Массовая интерпретация не доходила до уровня осознания в должных масштабах необходимости воспроизводства институтов государственности, за исключением власти самодержавного государя. Выбросы архаики могли носить сокрушительный для большого общества характер.

ВТОРАЯ КАТАСТРОФА

Событие, происшедшее в 1547 году, можно считать началом упадка второй государственности. В большом московском пожаре погибло около двух тысяч человек, после чего начались антибоярские восстания. Пожар приписывали волхвованию бояр Глинских, родственников матери царя. По слухам, княгиня Анна, царева бабка, разрывала могилы и из сердец покойников изготавляла порошок, с помощью которого и вызывала пожары²⁶. Древний миф обернулся реальностью бунта, непосредственной целью которого явилось истребление правящей элиты. В синкретических представлениях бояре отождествлялись со злыми силами, собственный бунт — с голосом Правды. Позднее Иван IV признавался: «Вошел страх в душу мою». Восстание 1547 года свидетельствовало, что разрыв в ценностях между правящей элитой и широкими массами приобрел острую форму. Выявились существование возрастающей вражды народа к власти, его стремление свести к нулю престиж всей правящей элиты за исключением царя.

²⁶ Одна из версий этих слухов — см.: *Афанасьев Л. Н. Древо жизни: Избр. статьи.* М., 1982. С. 416.

Однако, и это крайне важно, решение такого типа, т. е. попытка партиципации первого лица к народу в ущерб медиатору, государственности, не только не способствовало преодолению социокультурных противоречий, но и, наоборот, резко их обостряло. Причины этого достаточно очевидны. Массовая поддержка царя народом реально носила догосударственный характер и в силу этого неизбежно сочеталась с разрушением государственности, большого общества. Она при субъективной приверженности народа к царю неизбежно подрывала высшую власть, так как в силу локальности своей конструктивной напряженности рассматривала государственный аппарат как дискомфортное явление. Народ и царь объединялись не столько в творческом созидании, сколько в разрушении, в истреблении персонифицированных злых сил.

Между тем положение страны осложнялось. Вторая половина XVI века ознаменовалась распадом Золотой Орды, что далеко не всегда было благоприятно для положения русских земель. Многочисленные улусы, образовавшиеся вместо единого государства, тревожили страну постоянными набегами, разоряя и убивая население, выжигая селения и города. В 1521 году такой набег опустошил села под Москвой. В 1571 году она была сожжена. Объединение Польши и Литвы поставило в тяжкое положение население Южной Руси, подвластное до тех пор Литве. В XV веке Литвой были захвачены значительные территории на путях к Москве. Войны требовали от общества все больших усилий, ресурсов, качественных сдвигов в управлении, роста творчества, позитивных новшеств с целью укрепления общества, смягчения несоответствия между локализмом и задачами интеграции. Однако существовавшая культура общества не давала предпосылок для подобных изменений.

Дискредитация боярской власти со стороны царя привела к тому, что сама по себе власть превратилась в фактор дискомфорта состояния; распространилось представление, что царь — колдун, продавший душу дьяволу. Князь Курбский назвал его «зверем-антихристом», сидящим «на месте святом». Стремление царя к усилению авторитаризма, к неограниченной власти, идущее вразрез с господствующим идеалом, было опасно для страны, так как лишало ее эффективного управления, ослабляло важнейший фактор интеграции. Саморазрушение власти привело к отрыву царя не только от почвы, но и от государства, от своего ближайшего окружения. Иван IV был, по-видимому, отравлен и задушен своими приближенными, которые тем самым отвели угрозу, нависшую над их жизнью²⁷.

²⁷ См.: *Корецкий В. И. Смерть грозного царя// Вопросы истории. 1979. № 9.*

Мифические силы зла материализовались и вернулись к своему жрецу, заставив его сыграть свою амбивалентную роль как источника и одновременно жертвы зла до логического конца. Государство попросту теряло контроль над обществом. К концу правления Ивана IV в стране царил разуха. В результате трехлетнего голода 1569—1571 годов и моровой язвы погибли сотни тысяч людей, дело доходило до людоедства. Бедствие усугублялось вторжением неприятеля. Это время отмечено массовым бегством крестьян на окраины. Население Москвы сократилось втрое, сельская местность обезлюдела. Большая часть земель не обрабатывалась. Так, в Московском уезде к моменту смерти Ивана IV не засеивалось $\frac{5}{6}$ пашни. Общество не смогло повышением эффективности своей воспроизводительной деятельности нейтрализовать ухудшение ситуации, в частности, последствия негативных временных климатических изменений. Дворянство скудело. Царствование Ивана IV оставило после себя дотла разоренную страну. Процесс саморазрушения авторитаризма в конце концов обрел на гибель династию. Живая жизнь ускользала из-под контроля медиатора.

Началась длительная агония медиатора, который разрушался конфликтом двух типов конструктивной напряженности (локального и общества в целом), ростом социокультурных противоречий. При слабом правителе царе Федоре Иоанновиче (1584-1598) последовала серия грозных народных выступлений. Бунтом были охвачены разнообразие слои населения — кабальные люди, купечество, малоземельное дворянство. Находившаяся во власти локальных интересов значительная часть населения по существу пришла в противостояние государственности, большому обществу и наносила им жестокие удары.

Царь Борис Годунов (1598-1605), способный и гибкий правитель, много сделал, чтобы предотвратить крушение власти, попытался оттеснить бояр, чтобы укрепить единовластие и обрести поддержку народа. Натиск вечевого начала снизу он старался смягчить, облегчая тяготы, искореняя произвол и беспорядки, заботясь о правосудии, защищая слабых. Но положение ухудшалось, возрастал разрыв векторов конструктивной напряженности, один из которых был направлен на воспроизводство локальных миров, другой — большого общества, разрыв массового сознания и государственности.

В 1601-1603 годах страна переживала невиданный голод. Мероприятия царя Бориса в помощь голодающему населению не имели результатов и не встретили сочувствия. Грозным предзнаменованием катастрофы явились бесчисленные слухи с ложными обвинениями в адрес царя, превращавшие его в выс-

шее воплощение земного зла. Его личная трагедия — бессилие перед стихией массового сознания. Алкавшее «природного царя», оно обрело его наконец в самозванце, авантюристе, выдававшем себя за сына Ивана Грозного, убедившем народ в том, что он и есть потомок тотема. Его поддерживали казаки, крестьяне, оппозиционное боярство, служилый люд и частично духовенство. Однако уже через несколько месяцев после своего восшествия на престол Лжедмитрий, который не скрывал своего стремления к реформам, лишился народной поддержки. В этом видна инверсия массового сознания, психология крайностей. Не последнюю роль здесь сыграло его поведение, отличное от образа жизни прежних русских царей, его польская одежда, бешеные скачки верхом по городу, музыка и пение во время обеда, «богопротивная телятина», которую он употреблял вопреки распространенному убеждению в греховности этой пищи. Период крушения авторитаризма по смерти Ивана Грозного получил в истории название «Смутного времени». Английский посол, посетивший Россию в 1588 году, предвидел возникновение «гражданского пожара»²⁸.

Основное содержание Смутного времени — активизация локальных идеалов, соответствующей конструктивной напряженности. Немаловажной движущей силой Смуты было сопротивление начавшемуся в XVI веке стремлению власти «перевести натуральные повинности своих подданных в денежные»²⁹. Это было результатом определенного роста удельного веса денежной ренты в XIV-XV веках³⁰. Но во второй половине XVI века вопреки политике правительства имело место «попятное движение в сторону натурально-хозяйственных форм»³¹. Эта тенденция больше соответствовала уровню хозяйственного развития Московского государства (где мы «встречаемся с царством натурального хозяйства»³²), чем противоположные устремления высшей власти, которая нуждалась в деньгах. Это существовавшее для судеб страны расхождение, несомненно, сыграло свою роль в обострении отношения народа и власти. Дезинтеграция перешла порог необратимости. Наступил развал государственности и общества. Бедствия этого

²⁸ Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 31-32.

²⁹ Покровский М. Н. Местное самоуправление в древней Руси// Мелкая земская единица. СПб., б. г. С. 224.

³⁰ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. С. 240. — Впрочем, не все согласны с доказанностью этого тезиса (см.: Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси XIV-XV вв.// История СССР. 1962. № 3. С. 153).

³¹ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. С. 250.

³² Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2. С. 74—75.

времени не поддаются описанию. Некоторые историки полагают, что в Смуте и от голода погибла треть населения Московского государства. Например, плотность населения Замосковья в начале XVI века составила 17,6 человек на кв. версту, а в 20-х годах XVII века — 7 человек³³, т. е. снизилась на 60%. Разумеется, не все они погибли, многие бежали из своих поселений.

К Смутному времени идеи единства страны еще не получили законченного выражения. Официально в соответствии с ценностями массового сознания была выдвинута формула: «Все государства Российского царствования». В Смуте отдельные города и территории сами решали, кому целовать крест, что было характерно для периода царствования Василия Шуйского (1606-1610). Московское государство разделилось на Московскую и Тушинскую зоны. В Тушине сидел Лжедмитрий II, «Тушинский вор», с немалым количеством сторонников. Псков, Новгород, Астрахань и другие города после гибели Лжедмитрия I не признали власть Шуйского и отпали от Москвы, отпал в «воровство» и юг страны, усилились нападки на московские власти. Авторитарная власть быстро теряла контроль над страной. В царствование Василия Шуйского боярство получило первенство. Вступая на престол, царь обещал «держать царство» по образу «своих прародителей», что означало отказ от усиления авторитаризма. Политика попала под власть толпы. В событиях 1584-1587 годов, по словам С. Платонова, толпа вела себя в Москве «без всякого разумения»; по свидетельству Маржерета (французский капитан на службе у царя Бориса, а затем Лжедмитрия I), она готова была «ежедневно менять государей в надежде на грабеж». Царь Василий пытался использовать настроения толпы в своих политических интересах, но тем самым лишь развязывал антигосударственную стихию, лишившую его престола. «Свержение московского государя было последним ударом московскому государственному порядку. На деле этого порядка уже не существовало, в лице же царя Василия исчез и его внешний символ»³⁴.

Локальные силы разрушили авторитаризм, все подспудно дремавшие ценности теперь оказались в открытом конфликте друг с другом. Обнаружилось недовольство крестьян, лишенных права самостоятельно владеть землей, которую они считали своей, обострилась враждебность «рабочих» людей к служилому люду, вспыхнула борьба между крестьянством и служилыми людьми (важнейшим элементом медиатора). Кре-

³³ *Огановский Н.* Закономерность аграрной эволюции. С. 113.

³⁴ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII веков. М., 1937. С. 389.

стьяне выступали против «обояренной» пашни и политики личного закабаления.

В Смутное время насилие как способ утверждения монолога, локальной Правды приобрело небывалый размах, вплоть до призывов к поголовному истреблению правящей элиты. Идеалы восстания под водительством Ивана Болотникова (1606-1607) были разрушительными для государственности в целом: вся земля, имущество бояр и гостей должны быть поделены между холопами, крестьянами и казаками, начальство целиком предполагалось истребить. По свидетельству патриарха Гермогена, обращаясь к народу, восставшие «велят боярским холопам побивать своих бояр и жен их, и вотчины и поместья им сулят». В царской грамоте 1606 г. сказано, что восставшие «дворян и детей боярских, и гостей, и торговых всяких посадских людей побивали», что они хотят в Москве «лучших людей побить».

Болотниковцы побивали бояр и начальство за «неправду», насильовали их жен и дочерей. Ненависть к правящему слою была безгранична, причем образы богача и начальства не разделялись. Государство и начальство выступали в глазах масс как дискомфортная сила, разрушительная для их жизни. На институт царской власти эти оценки не распространялись, в нем все еще видели олицетворение древней Правды. Большое распространение получило бегство крестьян на незанятые земли, где образовывались казачьи поселения, отвечавшие идеалам догосударственных форм, личностных отношений братства-товарищества. Казачий круг, построенный по вечевому образцу, был автономен, власти были выборными, казачество не знало ни общего центра, ни общей организации. Казачьи идеалы противопоставлялись боярскому царству, воля — насилию начальства.

На Руси казачество складывалось издревле. В XIII веке известны русские кочевники «бродники», предводительствуемые Плоскыней. Предполагают, что это были потомки славян-скотоводов, ушедших в степи от преследований христианской церкви. С XV века они именуется казаками, пополняются за счет притока беглых крестьян и холопов. В XV веке известны первые казачьи районы, которые располагались за оборонительными линиями Руси на ее границах. Люди бежали от государства, не доверяя ему. Эта хаотическая масса с легкостью переходила от разбойничьих набегов к службе государству. Она несла в себе мощный заряд догосударственных ценностей и стимулировала их активизацию по всей стране.

Тенденция феодализации, формирования сообществ среднего уровня, способных стать узловым пунктом единства общест-

ва, с одной стороны, управляющих отдельными территориями, рассеянными по лицу земли локальными сообществами, а с другой стороны, превращающих разнообразие в единство, воплощаемое в первом лице, вновь не была реализована. Для этого опять не хватило массового распространения соответствующих культурных ценностей, соответствующего переосмысления массовой исторически сложившейся нравственности. Это создало возможность для попытки первого лица сформировать власть на основе крайней авторитарной интерпретации синкретизма, слить общество, государство, первое лицо, собственность и т. д. в одно нерасчлененное целое. Здесь было заложено стремление сформировать общество, соответствующее тому, что К. Маркс связывал с азиатским способом производства. В нем высшая власть стремится опереться непосредственно на силу локальных миров, где средний слой — некоторая система технической связи верха и низа, а не самоценность. Однако и для этого не хватило сил, так как массовая активизация авторитаризма не давала основы для его крайних форм. Это выражалось, в частности, в том, что *в обществе не сложился достаточно влиятельный слой, способный обеспечить сильную массовую критику вещевого идеала с позиций крайних форм авторитаризма*. Общество опять не сумело найти прочную нравственную основу для интеграции большого общества, для решения медиационной задачи. Власть не только не сумела сдерживать рост дезорганизации до опасного порога, но и сама в борьбе с дезорганизацией ее усиливала. Поиск выхода из стрессовой ситуации на путях инверсионного перехода от одной крайности к другой, недостаточное развитие срединной культуры не создали предпосылок для преодоления разрыва между ценностями медиатора и массовой культуры, между представлением широких масс о реальности и их идеалом, между единством и многообразием общества. Ценности большого общества не утвердились в должной степени в сознании миллионов, и, следовательно, они не воспроизводили его и не противостояли его дезорганизации. Общество не сумело приостановить рост дезорганизации, которая, достигнув определенного порога, превратилась в необратимый процесс. Разнообразие общества, не включенное в функционирование государства, накопилось за его пределами и в конце концов сокрушило авторитарный монолог. Творческая энергия миллионов не столько концентрировалась медиатором, сколько накапливалась вне сферы его власти и в возрастающих масштабах подрывала государственность. Люди, встревоженные давлением власти, возрастающей дезорганизацией, ослаблением авторитаризма, увидели в начальстве и даже в личности

царя силу зла, что означало для власти катастрофическую потерю престижа и в конечном итоге полную неспособность принимать решения, которые общество было бы готово выполнить. Государство пало в результате бунта локализма. Страна второй раз погрузилась в пучину катастрофического хаоса. Это породило условие для массового инверсионного перехода к новому нравственному идеалу.

ГЛАВА III

НОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ГОСПОДСТВО ИДЕАЛА ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ

«ОСТАВЬТЕ ДРУГ ДРУГУ ВРАЖДЫ И ТЯГОТЫ СВОИ»

Катастрофические результаты господства в обществе авторитарного идеала сделали его дискомфортным в глазах значительной части людей. Это неизбежно стимулировало новую инверсию, т. е. стремление перейти к противоположному идеалу. Однако накопленное культурное богатство может стать тормозом для резкого инверсионного перехода, создать условия для вялой инверсии, которая позволяет создавать критический барьер на пути инверсии, инерции истории. Новый идеал формировался под влиянием негативного опыта как авторитаризма, так и соборного идеала, которые оба не создали основу для предотвращения катастрофической дезинтеграции общества. Это послужило мощным стимулом для возвращения к древнему вечевому идеалу, где все элементы находились (по крайней мере в идеале) в гармоничном согласии. Однако возврат к классическому синкретизму был невозможен. Поэтому в действительности речь могла идти о формировании нового порядка из вычлененных элементов вечевого идеала.

Новый идеал, который можно назвать *ранним идеалом всеобщего согласия*, гармонично соединил разные слои общества. Он нес идею, что долг народа — подчиниться воле царя, долг царя — прислушаться к голосу земли. С. Платонов считал, что политика первого после Смуты царя Михаила Федоровича, «руководствовалась общественной серединой»¹. Эта ориентация получала вполне конкретное воплощение. «Поражаешься тем

¹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. СПб., 1899. С. 147.

вниманием и благосклонностью, с которым по крайней мере в первую половину XVII столетия встречали их челобитные верховная власть и правительство... Из 100 первых всеуездных земских челобитных, попавших нам под руку среди бумаг устюжской и новгородской четвертей, отказано было по 3, удовлетворено 76...»². Это свидетельствовало о стремлении верхов к гармонии, в которой должна осуществляться Правда. Идеал получил обоснование у келаря Троице-Сергиевской лавры Авраамия Палицына (ум. 1627). Защиту от бедствий самовластья он видел в союзе государя, «царского синклита» и «всего воинства» с опорой на «всенародное множество всех чинов», т. е. на Земский собор. Дьяк Иван Тимофеев (ум. около 1631) писал, что «истинный царь лишь природный и вместе с тем избранный», избирать можно лишь «природного царя». Согласно мысли Ивана Тимофеева, несмотря на то, что Борис Годунова допустили к «помазанию» «все люди земли», что решение собора было согласно воле народа («чадь малая»), он не был природным царем, не имел Божьей санкции. Повиноваться же следует законным царям, которые придерживаются «повеления данных Богом». В новом идеале парадоксально уживалась соборная идея выборности царя с авторитарным принципом природой данного. Тем самым создавалась предпосылка некоего «третьего» в организационных формах, снимающих крайности. Любопытно, как понимал Иван Тимофеев существо общественных организаций: городские советы, объединение их, совет «всей земли», «малое совокупление», «многолюдное собрание», «вселенский собор» — он пытался распространить новый идеал на все этажи общества. Весь идеал был пронизан пафосом соединения некоего естественного или божественного установления с определенными формами активности, социальной ответственности людей.

Новый идеал овладевал обществом медленно, как бы клиньями врезаясь в отдельные его сферы, формируясь в борьбе против слабющего авторитаризма. Он был продуктом массового творчества, активизировавшегося в кризисной ситуации смуты.

Формирующийся государственный аппарат объединил древние общинные институты и бюрократию. Уложение 1649 года отразило существование в сфере местного управления бюрократической власти воевод и одновременно показало, что низовой аппарат «использовал институты и обычаи, свойственные общинному строю»³. Однако наиболее ярким воплощением

² Богословский М. М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. М., 1912. Т. 2. С. 100-101.

³ Маньков А. Г. Уложение 1649 года. Л., 1980. С. 254.

нового идеала был Земский собор. Его возникновение следует признать одним из наиболее важных социокультурных новшеств в истории страны. Имеется историческое свидетельство о созыве собора еще в 1211 году. Следующий Земский собор, так называемый Собор примирения, состоялся в 1549 году в начале упадка раннего авторитаризма. Иван IV «заповедал своим боярам, приказным людям и кормленщикам» помириться «со всеми хрестьянами». Царь увещевал: «Молю вас, оставьте друг другу вражды и тяготы свои... Я сам буду вам судья и оборона, буду неправды разорять и хищения возвращать». Об этом соборе В. Ключевский писал: «Представляется каким-то небывалым в европейской истории актом всенародного покаяния царя и боярского правительства в их политических грехах»⁴. Правящая элита решила на серьезную самокритику во имя установления всеобщего согласия, что можно рассматривать как появление элементов нового идеала еще в условиях господства авторитарного.

Существуют различные точки зрения на Земский собор. Он толковался как сословное совещание, переросшее в сословное представительство. В нем видели орган, связующий власть с народом и передающий народу волю верхов. По Ключевскому, земские соборы «являются совместными совещаниями Боярской думы, т. е. центрального правительства, с людьми столичных классов, служивших ему ближайшими ответственными органами...»⁵. Тот факт, что в земских соборах видели и орган правящей элиты, и народное представительство, говорит об особой промежуточной их роли как канала коммуникации между правящей элитой и населением, института, обеспечивающего единство. Земские соборы «в какой-то мере заменили княжеские съезды и вместе с думой унаследовали их политическую роль. В то же время земские соборы — это орган, пришедший на смену вечу...»⁶. В 1611 году Земский собор принял документ, который определял его значение как постоянного верховного государственного органа с законодательными и исполнительными прерогативами. Соборы собирались не только царем, но и в его отсутствие. Строгих правил формирования их состава не существовало. Например, до середины XVI века в соборе важно было участие представителей тех или иных областей государства, что расценивалось как представительство «земли». Норма выборов могла не определяться, и выбиралось «по колку человек пригоже». Численное

⁴ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 376.

⁵ Там же. С. 390.

⁶ Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 67.

соотношение разных групп, очевидно, играло значительно меньшую роль, чем престиж участников собора. Своих выборных посылали дворяне и посадские люди. На соборе могли участвовать, кроме духовенства, боярства и дворянства, также дьячество и купечество. В грамоте 1613 года говорилось об участии «казаков и стрельцов», а также имелось туманное упоминание о «всяких уездных людях». Крестьянство в соборе практически не участвовало. В 1613 году из 700 участников было двое крестьян. Присутствие крестьян отмечалось на соборе 1682 года. Поглощенность крестьян локальными интересами мешала этому количественно самому мощному слою участвовать в решении государственных дел. Земский собор не терял свой статус, несмотря на то, что его представительный состав мог резко сужаться. Он мог состоять из представителей одной Москвы. В глазах современников это ничего не меняло, так как Москва всегда «указывала всем городам», тогда как другие города никогда «не указывали». Впрочем, не все были с этим согласны.

Принятие решений собором, как и древним вечем, определялось непосредственным столкновением престижей его участников. В соборе могли иметь место стычки и насилие. В ряде случаев выборная часть побеждала бояр, например, на соборе 1681-1682 годов.

СЛАБОСТЬ СОСЛОВИЙ — СЛАБОСТЬ СРЕДИННОЙ КУЛЬТУРЫ

О росте значения земских соборов свидетельствовало то обстоятельство, что в процессе разложения авторитаризма после смерти Ивана IV наследственная монархия сменилась избирательной. Были избраны или утверждены собором цари Борис, Василий Шуйский, Михаил Федорович, Петр I, Иван V и, вероятно, цари Федор Иоаннович и Алексей Михайлович. Исключительная важность того, что земские соборы стали организационным воплощением нового господствующего нравственного идеала, заключается в том, что они стремились уйти от господства инверсионного типа изменений. *Существование земских соборов говорит о том, что был сделан важный шаг в развитии срединной культуры, создана ее определенная организационная форма, форма ограниченного диалога народа и власти, диалога сословий, соотнесения разнообразия общества и его единства, целостности.*

Развитие нового идеала могло происходить лишь на основе роста сословности, этого важнейшего проявления, формы реализации срединной культуры на пути общества от

первобытности. Точка зрения, что сословия — результат экономического разделения труда или политики правительства, выражает лишь отдельные аспекты проблемы. Развитие сословий — важнейшая сторона усложнения общества, дифференциации не только экономических, но и всех функций воспроизводства общества, включая государственное строительство. Возникновение государства требовало расчленения синкретизма общества на сословия управляющих и управляемых, интеграции разнообразия функций воспроизводства большого общества. Всякое значимое несоответствие между ростом государства и ростом сословий — свидетельство возрастания социокультурного противоречия между требующим все большей дифференциации государством и недоразвитостью сословий, что обозначало неопределенность синкретизма. Ориентация правящей элиты на государственное строительство постоянно опережала рост сословности. Это заставляло высшую власть постоянно способствовать росту сословий, с тем чтобы ослабить социокультурное противоречие между субкультурой государственности и организационными возможностями государства. Такая политика не результат чьей-либо корысти, но следствие мучительных, подчас драматических поисков социального слоя, порождающего людей и отношения, необходимые для воспроизводства большого общества в целом. Государство развивалось, стимулируя необходимые сословия, прежде всего помещиков, способных стать организующим звеном общества для мобилизации военной силы, финансовых средств, закрепления «жидкого элемента». Эти задачи могли решаться, лишь если значимая часть населения осознавала необходимость особого служилого сословия, готова была нести соответствующее бремя для защиты общества от внешних сил, для сохранения порядка.

Развитие сословий создавало предпосылки для создания форм государственной организации, противостоящей инверсионным формам изменений. Развитие сословий шло в направлении *формирования социальных предпосылок для возникновения особого промежуточного идеала спонтанного всеобщего согласия*, для противостояния манихейской практике абсолютизации инверсионных скачков. Возможность для этого увеличилась в результате того, что обратная инверсия вновь приобрела вялый характер, открывая путь некоторому синтезу полярностей. Уложение 1649 года законодательно закрепляло существование сословий, затрудняло переход из одного сословия в другое.

В России развитие сословий не дошло до завершённого состояния, до ясного осознания общности собственных инте-

ресов. Если на Западе внутрисословные интересы были сильнее местных, то в России дело обстояло наоборот. В стране «не было ни земских сословий, ни гражданства, ни дворянского сословия» и поэтому «не было сословных представительств»⁷. Поэтому *следует отказаться от представлений о существовании в стране сословно-представительной монархии. Это означало, что страна еще не прошла весь путь преодоления архаичного синкретизма*, когда специфические группы перестают осознавать себя через некоторую сакральную точку в обществе, но осознают собственную самостоятельную самоценность.

СИЛА И СЛАБОСТЬ ЦАРСКОЙ МОНОПОЛИИ

Преобладание в стране древних синкретических ценностей, согласно которым личность видела смысл своего существования, лишь растворяясь в некотором целом, партиципируя к первому лицу, неизбежно приводило к тому, что государство зависело от способности людей приобщаться к нему как к тотему. Государству не оставалось ничего другого, как имитировать порядок, исторически сложившийся в древних локальных мирах, в патриархальной семье, с неизбежными интерпретационными поправками. Важнейшей предпосылкой решения этой задачи было превращение всех условий и средств воспроизводства в сферу власти государства. При оценке этого процесса его часто модернизируют, рассматривают по аналогии с отношениями, сложившимися в обществе развитых рыночных отношений, интерпретируют как право собственности, как охраняемое законом право владеть, уничтожать, продавать, передавать разными способами другим собственникам, свободно распоряжаться ею. Собственность как таковая возможна, когда собственник вещи может быть легально изменен, причем этот процесс передачи собственности субъекту должен иметь некоторый хозяйственный смысл. Имущество крестьянского двора, государства лишь весьма условно может быть названо собственностью. Это была по сути дела *не собственность, а монополия*, т. е. неотчуждаемое в рамках установленного порядка условие, средство деятельности, некоторое неотъемлемое вещное продолжение субъекта, без которого воспроизводственная деятельность невозможна. Монополия незыблема и меняется лишь в результате конфликта, нарушения порядка, обычая, закона. Значение этой монополии в том,

⁷ Торке Х.-Й. Так называемые земские соборы в России// Вопросы истории. 1991. № 11. С. 3, 5.

что, будучи одновременно элементом культуры, она несет в себе определенную программу воспроизводственной деятельности, а именно: люди, эксплуатирующие монополизированные государством условия и средства, в процессе своей деятельности воспроизводят культурные программы деятельности статичного общества. Даже окружающая местность, выступающая как условие воспроизводственной деятельности, образа жизни, может интерпретироваться в представлениях оппозиции «тотем — антитотем», как сфера сложных поляризованных ценностей, дифференцированной деятельности во всех формах. Топор не просто средство для тех или иных целей, но реальный и фиксированный в природном, обработанном человеком материале носитель и возбудитель многих программ — строительства дома, колки дров и т. д.

Очевидно, охрана этих программ — жизненно важный вопрос для всех типов обществ, которые нацелены на статичные формы общественного воспроизводства, она необходима для сохранения исторически достигнутого уровня эффективности воспроизводства, так как инновации имеют больше шансов снизить эффективность, чем повысить ее. Сохранение культурного богатства является залогом сохранения достигнутого уровня и образа жизни. Отсюда полная невозможность для члена патриархальной семьи в рамках этого порядка изъять и продать общее имущество, превратить монопольное владение всей семьи в сферу бесконтрольного распоряжения того или иного ее члена. Общность нацелена на сохранение монополии на вещные условия — независимо от того, идет ли речь о малой группе (например, семье) или об обществе в целом. Главы сообществ, включая царя, не могут реализовывать этот порядок, чрезмерно увеличивая долю личного произвола в своих решениях. В условиях тоталитаризма, когда имеет место нарушение авторитарного порядка, фактически происходит отказ от некоторых важных принципов традиционализма ввиду доведения до крайности других его принципов. Поэтому укрепление государственности в условиях господства традиционного сообщества, при отсутствии достаточно продвинутых механизмов иного типа воспроизводства, неизбежно должно сопровождаться смещением монополии на условия и средства воспроизводства вверх, т. е. к высшему центру управления, к первому лицу.

Земля стала собственностью («отчиной») царя в XV-XVI веках. Монопольная власть царя стала распространяться почти на все производство, что имело место в XVI и XVII веках. «Издав серию указов по конкретным промыслам, монархия ввела на них царскую монополию и таким образом устранила

угрозу конкуренции со стороны частных лиц... Точно так же, как он ранее сделался крупнейшим землевладельцем страны и, де-юре, собственником всех поместий, царь стал теперь единственным собственником всех отраслей промышленности и шахт (как де-юре, так и де-факто), монополистом во всех областях коммерции, не считая самых мелких». Правители считали монополию на производство богатств страны естественным дополнением самодержавия. «Монархия прочно контролировала торговлю, а о промышленности же можно сказать, что она находилась в исключительной собственности самодержавия». Местный капитал не мог развивать технологически современное по европейским масштабам производство. Поэтому иностранцам «русская промышленность была обязана своим подъемом, находилась под попечительством монархии, финансировалась совместно царским и иностранным капиталом и управлялась иноземными специалистами. Они работали исключительно на монархию, которой продавали по себестоимости ту часть своей продукции, в которой она испытывала нужду, а прибыль получали от продажи излишков на свободном рынке». Даже «предприятия, созданные частично или полностью частным капиталом, не были частной собственностью в строгом смысле слова, ибо правительство могло в любой момент отобрать их у „собственников"»⁸.

Важно иметь в виду, что крупная предпринимательская промышленность в XVII веке возникла в вотчинном хозяйстве как монополия вотчинника, и в значительно меньшей степени в городе. В основе этого производства лежали крепостнические отношения. В XVI веке возникали «государевы», т. е. казенные, предприятия, производством на которых обычно руководили иностранные мастера. Подавляющая же часть потребностей страны удовлетворялась домашней переработкой продуктов в самой вотчине или домашней крестьянской промышленностью и сельским ремеслом⁹.

Напрашивается важный вывод. Производство на разных уровнях (на крестьянском, вотчинном, на уровне центральной власти) развивалось на основе крепостничества, на основе требований традиционализма сохранять в максимально неизменном состоянии сложившиеся отношения. В большом обществе это обеспечивалось высшей властью, ее подавляющим контролем и неограниченным правом вмешательства в производство. Хотя все уровни были едины и необходимы,

⁸ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 257-260, 278.

⁹ *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1947. Т. 1. С. 318, 319, 322.

монополия на производство была предметом трений, конфликтов между этими уровнями, борьбы за ее перераспределение. На разных этапах перевес в этой борьбе мог склоняться в ту или иную сторону.

В этой борьбе выявилось важное обстоятельство. Государство испытывало серьезные затруднения, пытаясь целиком подчинить себе производство, что объяснялось прежде всего слабостью аппарата, невозможностью привлечь и содержать достаточное количество чиновников для этой цели. Монополия первого лица на собственность далеко не всегда проводилась последовательно. В стремлении эксплуатировать свою хозяйственную монополию царь опирался на служилое сословие, наиболее богатых купцов, иноземцев, которые вовлекались в казенную службу. «У монархии не хватало управителей для руководства ее торговой деятельностью и разбросанными по всей империи промыслами, такими, как солеварение и рыболовство. Поэтому она часто отдавала свои монопольные предприятия в пользование частным лицам на условиях, что те будут ежегодно выплачивать казне определенную сумму из полученной прибыли»¹⁰. В середине XVII века высший слой состоявших на государственной службе деловых людей назывался «гостями» и насчитывал около тридцати человек. Они были не самостоятельными предпринимателями, но доверенными людьми царя. По сути, это были высшие хозяйственные чиновники и одновременно субъекты монополий на определенные виды хозяйственной деятельности, пресекающие всякую «неуказанную торговлю».

Очевидно, сложившийся порядок хозяйственного управления носил двойственный, расколотый характер. С одной стороны, монополия высшей власти на условия и средства производства означала закрепощение труда, бюрократическую регламентацию образа жизни во всех формах на всех уровнях; с другой — неспособность центральной власти в полной мере обеспечить монополию открывала какие-то неясные возможности для развития частной инициативы, для иного типа воспроизводства, для развития реальной собственности.

«ЕСТЬ ГРАМОТА — ВОЕВОДА И ГОЛОВ БИТЬ И ГРАБИТЬ»

Постепенно, однако, выявилась внутренняя слабость господствующего раннего идеала всеобщего согласия. Кон-

¹⁰ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. С. 257.

фликты оказались сильнее, чем культурная основа всеобщего согласия. Общество не выработало механизма, способствующего углублению интеграции в процессе разрешения противоречий. Государственность вообще, и в особенности государственность, опирающаяся на институты типа Земского собора, не могла бы возникнуть и существовать без единой культуры, пронизывающей и объединяющей специфические субкультуры общества. Выявилось, однако, что конфликты привели к распаду этого идеала между субкультурами, сложившимися в локальных мирах, в мирах среднего уровня, на уровне общества в целом.

Общество отвечало на рост конфликтов возвратом каждого из специфических сообществ к своим исторически сложившимся ценностям, что размывало господствующий идеал, обнаруживая слабость синтеза. Земский собор, как и вся страна, не был подготовлен к разрешению конфликтов путем компромиссов и диалога. Авторитарное давление, с одной стороны, и сопротивление локальных миров этому давлению — с другой, подрывало идеал, его организационные формы. Например, растущие государственные налоги вызывали недовольство населения, что заставило правящую элиту пойти по пути совершенствования порядка налогообложения, ввести в этих целях институт воевод. Воеводы назначались разрядным приказом, ведавшим личным составом служилых людей, утверждались царем и боярской думой. В XVI веке воеводы существовали только в некоторых пограничных городах. Согласно одной разрядной росписи, при царях Федоре и Борисе «воевод не было». Однако в 1614 году они правили в 103 городах с уездами. В 1616 году таких городов было уже 138, а в 1625 году — 146. Полномочия воевод были значительно шире функций наместников до земской реформы 1555-1556 годов. В эти полномочия входили охрана собственности, борьба с укрывательством беглых, охрана порядка, надзор над судом губных и земских старост, городовые и дорожные дела. Они осуществляли административно-полицейский надзор за личной жизнью населения, выполняли важные финансовые функции, финансовый контроль и надзор за деятельностью выборных властей и прежде всего — за сбором налогов. Широки были также и военно-административные полномочия воевод.

Все это не означало ликвидации идеала всеобщего согласия, система выборных должностей не отменялась. Идея согласия переносилась в сферу местного управления, так как предполагалось согласие выборных и воеводы. Власть пыталась спасти господствующий идеал, борясь со злоупотреблениями и насилием на местах. В челобитных говорилось: «Люди бьют челом

на бояр и всяких чинов людей в насильстве и в обидах, чтоб их пожаловать велети от сильных оборонить». Правительство учредило особый приказ, который принимал бы жалобы от тех, кто «на сильных бьют челом». Создавалась система защиты миров от воевод. Надзор над деятельностью воевод при том, что на местах власть воевод не отменяла выборных органов, должен был оградить выборные миры от злоупотреблений, закрепить какие-то формы согласия на местах. Однако идея эта не получила организационного воплощения. Ни верхи, ни низы не стремились к совершенствованию организационных форм в среднем звене. Идеал всеобщего согласия разваливался. Практически не существовало органа, который мог бы эффективно снимать противоречия между мирами и воеводами. Стремление миров оградить свои интересы, а власти — свои было сильнее ценностей согласия. Каждая из сторон боролась за свою Правду, принимая ее за всеобщую. Начало тридцатых годов XVII века, еще при царе Михаиле Федоровиче, можно рассматривать как начало разложения промежуточного идеала.

Правящая элита в этих условиях обнаруживала тяготение к авторитарным идеалам как средству борьбы с «мирским самовольством». Хотя воеводам запрещалось, как сказано в Уложении 1649 года, вмешиваться в губные дела (уголовное судопроизводство), в действительности губные старосты попали сначала под надзор, а затем — в подчинение воеводам. В случае конфликтов равновесие неизбежно нарушалось. Это вызывало отпор снизу. В 1632—1634 годах в стране существенно возросло количество следственных дел по политическим обвинениям. Крепло сопротивление воеводам, которое подчас возглавляли местные выборные. По стране прокатилась волна городских восстаний. 1648 год отмечен восстаниями в Москве, Воронеже, Сольвычегодске, Устюге Великом, Чердыни, Рузе, Томске и др.¹¹ Власть на время утратила контроль над событиями. Имели место восстания в 1650-1662 годах и, наконец, восстание под руководством Степана Разина. Все это свидетельствовало о развале господствующего идеала.

Истинная трагедия господствующего идеала заключается в том, что из-за разрывающих общество конфликтов деструктивные процессы шли быстрее, чем углубление влияния нового идеала. Народ не слишком заботился о защите и развитии среднего звена, включая и земские соборы.

Важным элементом механизма распада господствующего идеала является то, что можно назвать *двойственным отношением народа к власти*, т. е. способность расценивать власть

¹¹ См. подробнее: *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975.

как воплощение Правды и инверсионным образом переходить к ее оценке как воплощения кривды. Обе эти оценки сосуществуют как амбивалентные. Они касаются разных сторон, форм деятельности власти. Например, внешняя политика может расцениваться как воплощение Правды, а внутренняя, некоторые ее стороны, как воплощение кривды. Обе оценки могут существовать одновременно, относясь к разным этапам власти (например, царь воплощает Правду, чиновники — «крапивное семя»). Крайне важно, что это отношение к начальству, имеющее массовый характер, несовместимо с сословностью власти. В борьбе за уравнительность силы синкретизма могут использовать косу манихейства, чтобы срезать все, что лежит выше приемлемого уровня разнообразия, т. е. уничтожить сословность.

С одной стороны, «без начальства нельзя», поскольку самовластие несет анархию и разложение, с другой стороны, начальство есть зло. Во время восстаний в народе периодически возникало стремление к поголовному истреблению начальства. Промежуточный слой власти плохо вписывался в патриархальное массовое сознание. Беглый холоп Феодосий Косой (середина XVI века) выразил эту точку зрения словами: «Не подобает же в христианах влаstem быти», один есть «наставник Христос»¹².

Народ возлагал вину за тяготы, исходящие от государства, непосредственно на чиновников. Население испытывало жгучую ненависть к приказным и боярам: «Царь хочет, бояре не дают». Древнее языческое сознание не отделяет зла от его носителя: камень, о который человек ушибся, воспринимается как сознательный носитель зла. В массовом сознании утвердилось стремление полностью уничтожить ненавистное алчное начальство, помеху единению народа с «батюшкой-царем». В этой связи интересны городские восстания середины XVII века, антибоярские, но не антицаристские по своему характеру. Именно к царю обращаются восставшие за защитой от бояр и дьяков.

Активизация синкретического массового сознания выражалась, например, в слухах, враждебных начальству. Слухи эти, подобно другим мифам, материализовались в массовых акциях, грамотах, в появлении самозванцев, в новых формах власти. Так, в Воронеже распространялась грамота, в отношении которой один из допрашиваемых показывал: «Есть грамота — воевод и голов бить и грабить». Летом 1641 года накануне Земского собора по Москве поползла «мирская молва», что

¹² Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. М., 1977. С. 14 (см. также: Послание многословное: Сочинение инока Зиновия. М., 1963. С. 114).

«боярам от земли быть побитым». Вновь, как во времена Болотникова, поднялась антибоярская стихия, угрожавшая истреблением также и чиновникам, всему начальству. Разинцы, стремясь «выводить мирских кровопивцев», истребляли бояр, дворян, стрелецких начальников, приказных. Документы свидетельствуют: «Во всех городах и местах воевод и приказных людей побили и в воду пометали»¹³. Разин велел «в Руси выводить начальных людей и (на)ушников»¹⁴. Согласно одному из документов, «помесных де людей, дворян и детей боярских и мурз, и татар, за которыми крестьяне есть, рубят и лошадей берут». «...Город Алатарь выжгли весь, а воеводу... и дворян, которые в том городе были, всех порубили без остатку... Дворян и детей боярских и жен их, и детей и их людей и крестьян многих порубили и села, и деревни, и дома их пожгли и разорили без остатку»¹⁵. Расправы с начальными людьми отличались большой жестокостью, не щадили и детей их. Советский историк А. Н. Сахаров пишет: «И чем суровее и изощреннее С. Разин организовывал расправу над ненавистными народу воеводами, стрелецкими начальниками, дворянами, тем больше симпатий завоевывал он у своих сторонников»¹⁶. Нельзя не отметить постоянного зверства восставших: казни пленных, убийства посланцев противной стороны, ограбление и разрушение городов, массовое избиение их жителей и т. д. Это не могло быть объяснено даже стремлением к грабежам. Очевидно, причина лежала в полном неприятии государственной жизни, которая язычески не отделялась от ее прямых и косвенных носителей. Они истребляли не людей, а мировое зло, обернувшееся людьми. Начальство как зло отождествлялось с богачами, а Правда — с бедными. Идеал крестьян ясно проявлялся в жизни районов, захваченных восставшими. Власть в них принадлежала самоуправляющимся общинам, действующим по старым вечаевым принципам, т. е. идеалом крестьян была земля, освобожденная от воевод и бояр, т. е. от государства.

Двойственное отношение народа к власти привело к парадоксальному сочетанию приверженности к реальному царю и борьбы с ним. Вера в царя не мешала борьбе с царскими войсками, мотивированной тем, что они посланы боярами. Царские грамоты не принимались и объявлялись поддельными.

¹³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1962. Т. 3. С. 87.

¹⁴ Там же. М., 1959. Т. 2. Ч. 2. С. 20-21.

¹⁵ Там же. М., 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 69, 71-72.

¹⁶ Сахаров А. Н. Степан Разин — предводитель крестьянской войны// Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: Проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 161.

Восставшие настаивали на своей верности царю. Разин говорил о своем желании послужить «великому государю». Приговоренный к смертной казни, он надеялся на то, что он перед царем «изустно защитит дело свое»¹⁷. В своей речи на круге Разин противопоставлял царя боярам, призывал «итти в Русь против государевых неприятелей и изменников, чтоб им из Московского государства вывесть изменников бояр и думных людей и в городах воевод и приказных людей»¹⁸.

Двойственное отношение к власти также подвержено инверсии. Например, возможен переход от отождествления царя с Правдой к отождествлению реального царя с начальством, с нецарем. Имеется несколько свидетельств о слухах периода 1633-1643 годов о том, что «царь подменный». Правящая элита понимала опасность этих мифов и страшилась их. Например, в период разинского восстания специально созданным выборным людям демонстрировали место захоронения царевича Алексея. При царе Василии Шуйском по Москве оглашалась царская грамота, обвинявшая Лжедмитрия в самозванстве. Останки сына Ивана IV, малолетнего Дмитрия, привезли в Москву. Сам он был причислен к лику святых. Но попытки идеологической борьбы оказались малоэффективны, и легенда об истинном царе Дмитрие держалась несколько десятилетий. Двойственное отношение к власти означало постоянную возможность инверсии. С одной стороны, государство — это воплощение Правды царя, и, следовательно, само существование локального мира, личности зависит от способности раствориться в нем, приобщиться к нему даже ценой жертв. Но, с другой стороны, оно — воплощение коварной и злой кривды, подлежащей истреблению, подлежащей замене. Отсюда *колебания от крайности послушания к крайности разрушительного бунта*.

При разрозненности бунтовщиков и их страхе перед собственным бунтом достаточно сильная правящая элита получает возможность укреплять государственную систему, следуя по стопам бунта, выступая как инверсия этого бунта, используя жажду порядка на неостывшем пепелище разгульного праздника. Отсутствие реальной конструктивной альтернативы приводит к саморазрушению восстания. Это объясняет, почему многочисленные бунты не сокрушили власть. *Сам разгром бунта выступал не только как результат внешнего насилия, но и как превращение бунта в свою противоположность*,

¹⁷ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 113.

¹⁸ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1954. Т. 1. С. 235.

т. е. как согласие людей на определенное насилие над собой со стороны власти.

«БОГ ИСПРАЗДНИТ ВСЯКО НАЧАЛЬСТВО
И ВСЯКУ ВЛАСТЬ И СИЛУ»

Особенно важны в этой связи события, связанные с церковным расколом. Наступление авторитаризма неизбежно потребовало унификации официальной идеологии, уменьшения необходимого разнообразия локальных миров. Этой цели была подчинена церковная реформа.

Ответом был взрыв несогласия с церковной реформой, выразившийся в стремлении держаться старой веры, старообрядчества, староверия. А. Робинсон пишет об образовании в «движении раскола дуалистической идеологии (борьбы „Христа" и „Антихриста", „правды" и „кривды", „благочестия" и „греха"), окрашенной эсхатологическими размышлениями о надвигающемся „конце света" и „Страшном суде"»¹⁹. Староверие было одним из множества средневековых манихейских движений широких народных масс, выступавших против усложнения форм большого общества, против сословного общества и основанной на нем государственности.

Главный идеолог староверия протопоп Аввакум (1621—1682) видел мир как извечную борьбу бесовского хаоса с «делом божьим». А. Демин показал, что Аввакум, изображая свою жизнь как наполненную непрерывными мучениями до предела, тем самым «возвещает, как строиться» в державе, т. е. его муки лишь пример для общей картины. Мир изображается как неистовство злых сил. Разъяренные «никониане» тесно окружают Аввакума. Они напоминают ему разбойников, сгрудившихся в церкви. Никонианин «что бешеная собака бросается на человека — тово», «коли взбесился, не унять тебя», «что волки, с сердца — тово в клочья изорвут». В ответ на этот безумный бесовский шабаш зла Аввакум готов применить самые крайние средства: «А бы их... всех перепластал во един день», «перерезал бы... всех, что собак», «как бы мне мочь... всех бы еретиков тех... ножом переколол», «всех вас развешаю по дубю»²⁰. Манихейское сознание не склонно выполнять христианский завет любви к своим врагам. Все люди, о которых пишет Аввакум, четко делились на друзей и врагов. В его

¹⁹ Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 374.

²⁰ Демин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века. М., 1977. С. 124, 137, 138, 65, 64.

«Житии» добро и зло почти равномерно чередуются. Однако если образы зла, «чужой земли» даются чрезвычайно ярко, то позитивный идеал выглядит весьма туманно. Он заключается в некоторых общих представлениях о справедливом государстве, о замкнутом братстве «верных», о райском блаженстве.

Было бы, однако, неверно думать, что все эти формы манихейского языка были характерны лишь для староверов. Они были типичны для всего общества. Например, патриарх Никон, обращаясь к князю Н. Одоевскому, главе Уложенной комиссии, говорил: «Ты, князь Никита, новый закон написал советом Антихриста, учителя твоего». Бросается в глаза многоплановость у староверов модификаций манихейства, которые в конечном итоге затрагивали все важнейшие стороны жизни общества.

Манихейство было очень удобно для борьбы с государством и церковью. Эту традицию развивал украинец Стефан Зизаний, который указал на папу римского как на Антихриста. Теперь в качестве такой модификации выступают царь и патриарх, вся власть. Аввакум надеялся, что Бог «испразднит всяко начальство и всяку власть и силу». Последователь Аввакума диакон Федор прямо отождествлял патриарха и царя с Антихристами. Кузьма Косой, кузнец из Ельца, проповедовал на Дону войну против Антихриста и его слуг — царя, патриарха, бояр, очищение земли от этой нечисти и разрушение их столицы Москвы, призывал казацкий меч с помощью небесных сил уничтожить антихристов мир.

Одновременно староверы разрабатывали и иную модификацию манихейства, которая была заострена против иных культурных влияний, против иных религий. Староверы были убеждены, что царь и патриарх ввели веру, пропитанную «лютеранской, кальвинской и папской ересями», т. е. манихейство приняло форму борьбы различных христианских конфессий. Еще одна модификация была связана с верой, что антихрист имеет еврейское происхождение, что антихрист — сын погибели, «зачат от блуда еврейской женщины от колена Данова». В «Кирилловой книге», послужившей одной из основ для создания староверами теории Антихриста, говорилось, что дьявол «от жидов приведет беззаконно человека, волхва, еретика и отметника чародея». Вместе с тем манихейство староверов исходило из извечной борьбы России с Западом. Зло рассматривалось как имеющее чисто западное происхождение.

Интересно, что сам облик никониан воспринимался как нерусский. Например, Никита Пустосвят называет патриарха «странным иноземцем». Никонианство рассматривается как «чужая земля». Аввакум называл своих противников «немцы

русские». «Ох, ох, бедная Русь! Чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев?»

Манихейство создавало основу для рассмотрения общества как поля извечной борьбы богатых и бедных. Манихейское деление общества по Аввакуму на «слуг антихристовых», «никониан» и «верных», «христиан» в принципе совпадало с делением на богатых и бедных. Насилие — естественная форма отношений между манихейскими оппозициями. Интересно также, что представление о зле у староверов включает также определенные элементы утилитаризма, стремление к земным благам, которое символизируется туго набитым «чревом», свидетельствующим о суетной жизни. «Утроба» стала олицетворением порока, отказа от истинной веры. Об одном из своих идейных противников Аввакум писал: «Тот не живал духовно — блином все торговал да оладьями, да как учинился попиком, так по боярски двory блюды лизать научился, не видел и не знал духовного того житья». Богатство бесцельно и греховно, оно обременяет человека и делается ненужным после смерти. Зато аскетизм и даже самосожжение есть очищение от скверны.

Зло по существу занимает в верованиях староверов центральное место. Оно выступает в разных, свободно переходящих друг в друга формах. Но носителями всех этих форм зла в конечном итоге являются определенные группы людей — начальство, никониане, лютеране и т. д. Так что манихейство становится мощной убойной социальной силой, сортирующей людей на своих и оборотней зла, на людей и нелюдей, на тех, кому следует жить, и тех, кого следует «ножом переколоть», «развешать по дубю». *Манихейская натуралистическая концепция зла разрушительна для общества, она коренным образом расходится с христианством, отделяющим грех, зло от человека. Это массовое стихийное манихейство, идущее из глубины веков, не было преодолено монистическим по своей сути христианством.*

Синкретическое сознание не задавалось вопросом о мотивах действий этого зла, о том, почему кривда должна постоянно пакостить стране. Творить зло есть естественное свойство кривды, такое же, как стремление человека есть и спать. Интересно отметить, что фольклор вообще не указывает на мотивы своих персонажей. Например, «действия змея и очень многих других вредителей сказок ничем не мотивируются. Конечно, и змей похищает царевну по известным мотивам (для насильственного супружества или чтобы ее пожрать), но сказка об этом умалчивает. Есть основание думать, что сказке

вообще не свойственны мотивировки»²¹. Зло не требует объяснения. Оно изначально, субстанциально. В этом заключается важнейший элемент манихейства.

Староверие явилось важнейшим компонентом в антигосударственном движении, несло в себе идеал воли и праведной жизни прежних времен. Его влияние можно проследить на целом ряде восстаний — разинском, пугачевском, булавинском, соловецком (1668-1676), московском (1682), донском (1688—1689), астраханском (1705-1706). Староверие заняло важнейшее место в борьбе против государства. В движении староверов значительная часть народа активно противостояла разрушительным для народной жизни действиям власти, показала себя способной отстаивать собственные духовные ценности. Она ответила на попытки правящей элиты вмешиваться в их духовную жизнь мощной активизацией антимедиации, т. е. стремлением отвергнуть достижения срединной культуры, медицины.

Борьба против государственности не сводилась к частностям, речь шла не только о том, чтобы «усов и бород не брить и немецкое платье не носить», она была направлена на то, чтобы «за веру и за Правду постоять» (Астраханское восстание). Иначе говоря, дело было в глобальном конфликте по поводу всего строя жизни, основополагающих ценностей.

Протоиерей Шмеман квалифицировал старообрядчество как «уход из истории», как уход в «апокалиптический испуг и утопию», «неспособность к трезвости и самопроверке»²². Здесь схвачен инверсионный характер староверия. Староверие как синкретическая реакция, действительно, есть попытка ухода из истории, если под историей понимать поступательное движение общества к новым, более сложным творческим формам. Церковный раскол был симптомом раскола общества. Д. Мережковский (1866-1941) писал: «А ведь русский народ расщепился, раскололся великим расколом». Он определил раскол как революцию во имя реакции. «Раскол, соединившись с казацкой вольницей, пугачевщиной, есть революция, черный террор»²³.

Староверие времен церковного раскола можно рассматривать как своеобразную энциклопедию модификаций манихейства, необходимых для борьбы со срединной культурой, с большим обществом, с прогрессом, с сословностью и основанной на ней властью, с социальным разнообразием, противостоящим уравнительности.

²¹ Пронн В. Я. Морфология сказки. М., 1969. С. 69.

²² Вестник русского христианского движения. 1976. № 117.

²³ Мережковский Д. С. Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 67.

Манихейство способно превратить любые эмпирические различия (между народом и властью, бедными и богатыми, между этническими группами, религиозными течениями и т. д.) в смертоносный и бескомпромиссный конфликт. Манихейство может стать нравственной основой активности масс, направленной против любых раздражающих, нарушающих древний идеал различий.

Массовое двойственное отношение к власти — мощный фактор ее дезорганизации. Это — постоянная мина, заложенная в основание государственности. Манихейство выступает в России на рассматриваемом этапе как фактор, превращающий скрытую культурную возможность отрицания государства в активную массовую силу. Обычно восстания, протесты в литературе рассматриваются как ответ на насилие, чинимое властью, экономическую эксплуатацию. Однако при этом в тени остается самое главное. В любом обществе могут иметь место факты, вызывающие недовольство, гнев и т. д. Суть дела в том, каким образом те или иные группы на них реагируют. В принципе на любые безобразия в обществе можно реагировать расширением своей ответственности за общество, за государство, стремлением внести изменения, которые поставили бы под контроль причины явлений, опасных для общества, вызывающих недовольство. Это снизило бы социокультурное противоречие между исторически сложившейся культурой, ценностями и системой социальных отношений, между массовым сознанием и государственностью. Такой подход способен предотвратить конфликты, разрушающие общее согласие, остановить обострение борьбы типов конструктивной напряженности в разных сообществах, борьбу локализма и сил интеграции, ограничить конфликты полюсов нравственного идеала, наносящие ущерб способности их взаимопроникновения. Этот путь требует конструктивного отношения к организации, культуре и ценностям общества. Возможна, однако, и иная реакция, т. е. эмоциональный взрыв, стремящийся уничтожить не причины зла, о которых люди могут ничего не знать, а те группы, которые в соответствии с манихейскими представлениями рассматриваются как оборотни, носители зла, якобы творящие зло по своей природе.

Манихейское представление о зле, которое приобретает самые различные и исключают друг друга формы, явилось мощной силой борьбы с новшествами, включая реальное государство. Однако эта сила не несла в себе какой бы то ни было версии решения медиационной задачи, создания государства, большого сообщества, какой-то реальной программы, позволяющей уменьшить дезорганизацию до безопасной величины.

Манихейство, став духовным оружием в борьбе против опасных дезорганизирующих действий власти, само могло противопоставить этому лишь иную форму дезорганизации.

Возникновение идеала всеобщего согласия, создание соответствующих организационных форм само по себе было важнейшим событием истории России. Оно открывало путь для преодоления манихейства, господства инверсионной логики, способствовало развитию государства, которое принимало бы решения на основе учета разнообразия мнений, ценностей, обстоятельств, на основе необходимости интеграции, концентрации творческой энергии в интересах большого общества. Само существование в истории такого господствующего идеала показывает, что Н. Бердяев ошибался, когда утверждал, что в России «нет дара создания средней культуры»²⁴. Такой дар был, но слишком слабый. В стране не хватало культурных сил для закрепления успеха. Господство идеала всеобщего согласия скрывало не только борьбу авторитарной и соборной версий массового сознания, но и борьбу с феодализацией, с усилением среднего уровня общества. Конфликты активизировали локальные силы, что постепенно подрывало господствующий идеал в результате как антигосударственного нажима снизу, так и стремления власти устранить двоевластие местных миров и государственной администрации авторитарным путем. Реальность стала восприниматься как нарастающий дискомфортный хаос, что свидетельствовало об опасности перехода социальной энтропии, дезорганизации через порог необратимого движения к катастрофе. Это вызвало к жизни новую массовую инверсию. Феодализация встретила сопротивление как дофеодалных низов, склонных замыкаться в своих локальных мирах, так и высшей власти, стремившейся выйти из кризиса путем укрепления центральной власти, распространения крепостничества на все уровни общества. Эти противоположные тенденции с разных сторон размывали всеобщее согласие.

²⁴ Бердяев Н. А. Судьба России, м., 1990. С. 31.

ГЛАВА IV КРАЙНИЙ АВТОРИТАРИЗМ И ЗРЕЛОСТЬ РАСКОЛА

«ЦАРЬ ЯКО БОГ, ЕЖЕ ВОЗХОЩЕТ, В ОБЛАСТИ СВОЕЙ МОЖЕТ СОТВОРИТЬ»

Ослабление раннего идеала всеобщего согласия сопровождалось ростом общего беспокойства, представлений людей о нарастании хаоса, усилились жалобы на «насильства» выборных, деятельность которых наряду с бунтами стала фактором дискомфортного состояния. Нравственные связи между локальными мирами и теми, кого они выбирали для представительства вне своего мира, были слабы. *Выборные рассматривали свою деятельность как государеву службу.* Шла борьба между полюсами вечевоего идеала, каждый из которых выступал как самостоятельный нравственный идеал. Общее разочарование в порядках, установившихся на третьем этапе, поражение активных сил антигосударственного манихейства привели к стремлению людей замкнуться в своих локальных мирах с надеждой, что высшая Правда в лице царя является реальным гарантом справедливой жизни, защитой от зла. Наступила инверсия.

Специфика возникновения нового, четвертого в истории российской государственности господствующего нравственного идеала заключается не только в инверсионной реакции на предшествующий идеал. Он оказался также реакцией на вялый характер инверсии, на ее торможение ограниченным оттеснением инверсии медиационным творчеством. Содержавшаяся в древней культуре высокая ценность крайних, манихейского типа решений создавала предпосылки для роста дискомфортного состояния не только в связи с банкротством того или иного конкретного господствующего идеала, но и в результате значимого отступления от инверсионной логики. Возникает особое *остаточное дискомфортное состояние*, которое накапливается на протяжении более чем одного периода гос-

подства сменяющих друг друга идеалов. Такая ситуация может быть вызвана возникновением вялой инверсии. Именно это совпадение остаточного дискомфортного состояния с дискомфортным состоянием, вызванным банкротством господствующего идеала всеобщего согласия, стимулировало возникновение крайнего авторитаризма. Этот идеал, если взять чисто логическую сторону, завершает прямую инверсию, полный переход от одного полюса вечевых идеалов к противоположному, от соборного идеала к авторитарному. В обществе этот процесс выступает как тенденция смещения всей полноты власти максимально вверх.

Царь Федор Алексеевич (1676-1682) принимал некоторые попытки оживить умирающий идеал всеобщего согласия: стремился активизировать земские соборы, по разным поводам призывал выборных, уничтожил Приказ тайных дел. Воеводы и приказные были отстранены от сбора большей части подати. Однако царь не получил поддержки снизу. Массовая пассивность, стремление приобщиться к Правде первого лица оказались сильнее. Выборное начало слабело, в городах укрепляли власть воеводы, служилые люди, т. е. представители государства. Результатом стремления достигнуть партиципации к авторитарному отцу стала массовая поддержка авторитаризма. Уже в 1639 году поступали прошения о восстановлении на местах власти воевод и приказных. М. Покровский писал, что мысль об опеке сверху пришла снизу, из самого населения. Посадским начинает «казаться, что приказный человек... все же будет лучше. И каждый раз центральное дворянское правительство утилизирует этот взрыв отчаяния посадских, чтобы лишить их и последней доли самостоятельности»¹. «Само население просило освободить его от предоставленного ему права самоуправления, чтобы „от такого великого разорения не стоять на правее с голоду и стужи и достальным не погибнуть, и розно не разбрестися"»². Злоупотребления выборных свидетельствовали о неэффективности соборных институтов, о неспособности низов держать выборных под контролем. Правящая элита, опираясь на народные настроения, пошла по пути ликвидации организационных основ идеала всеобщего согласия, по пути установления правления воевод и приказных людей³.

Авторитарный идеал постепенно укреплял свои позиции еще во время господства предыдущего идеала. Имели место

¹ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Л., 1924. Т. 2. С. 108.

² Витте С. Ю. Самодержавие и земство. СПб., 1908. С. 195-196.

³ См., например: Мелкая земская единица. СПб., [б. г.]. Вып. 1. С. 233.

неуклонный рост вотчинного и сокращение поместного землевладения. Отсутствовало сопротивление чернососных дворянских крестьян при передаче их в вотчинное землевладение. Вотчинники и помещики не оказывали сопротивления строительной законодательной регламентации, ограничивающей их инициативу в распоряжении землей, не возражали против оговорок власти по поводу привилегий вотчинников по ранее выданным охранным грамотам. Не было решительного сопротивления крестьян росту власти помещика над крестьянским миром. Возрастали тенденции к единовластию помещика и его доверенного лица среди крестьян⁴.

В XVIII веке усилилось стремление государства подчинить вотчинную жизнь определенным правилам, нормам, инструкциям. «Вместо общих положений и ссылок на обычай, вместо молчаливого допущения существующей практики, инструкция XVIII века вносит точные и детальные указания, проникающие в жизнь вотчины и регулирующие все ее подробности. Наказы XVII века гораздо больше полагаются на непосредственное холопское чутье приказчиков, которые должны были чувствовать и угадывать волю вотчинника». Инструкции четырех поколений князей Щербатовых показывают, что с 1720 по 1780 год происходило все большее подчинение крестьянской общины хозяйственной деятельности вотчины. Существенно возросло стремление к регламентации и опеке. Древние локальные миры ставились под непосредственное авторитарное управление.

В 50-х годах был организован Приказ тайных дел — личная канцелярия царя. Он давал возможность царю решать важнейшие вопросы в обход думы. Возникла практика так называемых «именных указов», т. е. законодательных актов, принятых царем без думы. *С этого момента можно полагать начало крайнего авторитаризма.* Выборные должности превращались в обычную службу царю, с той лишь разницей, что она не давала обычных выгод. Именно царь творит «суд и правду», — говорится в постановлении собора 1660 года. Манихейская логика брала реванш за свое ограниченное временное ослабление. Этот инверсионный поворот привел к авторитарному идеалу в его крайних формах, далеко выходящих за традиционные формы авторитаризма. Господство авторитарного

⁴ Алефиренко П. К. Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. № 1. См. также: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1965. Сб. VI. С. 432.

⁵ Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М., 1929. См. также: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России: Сельскохозяйственные инструкции. М., 1984. С. 9.

идеала возникает на основе разочарования людей в своей способности брать на себя ответственность за собственную жизнь в масштабе общества. Возникает настроение, которое Гоголь в «Тарасе Бульбе» выразил словами: «Лучше бы и не было того пира». Это порождает стремление искать Правду в тотеме, отце, вожде, царе. Оно включает согласие на насилие над собой внешнего детерминированного жесткого порядка, что развязывает руки «начальству». Крайний авторитаризм основывался на представлении о высшей Правде как эманации монарха. Этот идеал был закреплен законодательно: «Его величество есть самовластительный монарх, который никому на свете в своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет, свои государства и земли, яко христианнейший государь по своей воле и благомнению управляет»⁶. «Монархов власть есть самодержавная, которой повиноваться сам Бог за совесть повелевает»⁷. Точно так же как древний тотемизм оказался, говоря языком классической философии, снят в монотеизме, тотемистическая культурная основа власти первого лица была снята обоснованием власти царя как божественной. «Царь яко Бог, еже воззоцет, в области своей может сотворить»⁸.

Таким образом, единство достигалось единоличной волей монарха, воля каждого и всех должна была слиться с его волей. *Монарх выступал как единственное воплощение Правды*, а его решения были своеобразным благодеянием, благодатью, нисходящей на подданных. Народ, следовательно, сам по себе, без благодати власти, не способен следовать Правде. Осуществился идеал писателя Симеона Полоцкого (1629-1680), уподоблявшего отношение начальников к народу отношению пастуха к овцам. Подданный, подобно овце, не ропща должен снабжать власть молоком, мясом, шерстью. Пастух же обязан обеспечить охрану их от хищников, а при стрижке не резать шкуры. По его представлению, власть и право самодержавно повелевать вручил царю Бог. Сам Петр считал, что его указы являются «фортецией правды». Поэт, общественный и церковный деятель Феофан Прокопович (1681-1736) придерживался точки зрения, что царь — наместник Бога на земле. Ю. Крижанич в книге «Политика» (1663-1666) полагал, что «самовластво», т. е. самодержавие, «это — жезл Моисеев, которым царь-государь может творить все необходимые чудеса». Мо-

⁶ Воинские артикулы Петра I. М., 1940. Гл. 3, арт. 20 (Толкование к 20 статье воинского устава 1716 года).

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. № 4870.

⁸ *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1937. С. 15.

нарх стал рассматриваться как монополист творческого начала в обществе, единственный источник позитивных инноваций.

Возникновение крайнего авторитаризма неизбежно ставит важный и принципиальный вопрос. Сам характер этого идеала, его конкретное содержание определяется стремлением человека к партиципации в соответствии с древней тотемической культурой. Тем не менее в крайнем авторитаризме есть какие-то новые элементы, которые, хотя и не являются определяющими, тем не менее достаточно существенны. Среди них следует прежде всего обратить внимание на *идею общего блага*. Она в принципе выходит за рамки традиционализма, так как нацелена не только на сохранение исторически сложившегося строя жизни, но в той или иной степени — на его улучшение. Идея общего блага может стать элементом ценностей первого лица, которое как тотем, отец, сакральный царь берет на себя ответственность за все. Идея «общего блага» впервые появилась на Западе (Г. Гроций, С. Пуфендорф) и была включена Петром в систему своих ценностей. В манифесте 1702 года он ставил своей целью, чтобы «все наши подданные попечением нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучное состояние». В 1721 году он говорил, что «подлежит трудиться о пользе и прибытке общем». Возникла идея о цивилизаторской миссии государства, о совпадении его деятельности с распространением просвещения.

УТИЛИТАРИЗМ

Сама возможность обращаться к людям на языке благ означала, что в стране уже приобрела осязаемое влияние некоторая новая, выходящая за рамки синкретизма система ценностей, создан и получил влияние новый пласт культуры. Речь идет об исключительно важном для страны явлении, о развитии утилитаризма.

Значение утилитаризма в наиболее общем виде заключается в том, что через него люди осознанно вступают на путь расчленения мира, на путь подчинения окружающего мира повышению эффективности своей деятельности; человек начинает рассматривать действительность как мир реальных и потенциальных средств. Этот подход несовместим с синкретизмом, для которого мир — это прежде всего некоторое нерасчлененное условие жизнедеятельности, сама жизнедеятельность. Утилитаризм играет возрастающую роль в механизмах последующей истории страны, в развитии нравственных основ общества. Утилитаризм развивается как способность человека

видеть свою задачу в вычленении эффекта как особой проблемы своей деятельности, в стремлении сделать последнюю более эффективной. Эта способность развивается именно из желания обеспечить своей деятельностью партиципацию, не в последнюю очередь через совершенствование отношения с субъектами окружающего мира, например, через обмен, коммуникации. В синкретизме не может быть выделена проблема эффективности как некоторая рефлексированная особая задача, отличная от партиципации к нерасчлененной культуре. Тем не менее в какой-то скрытой невычлененной форме такая проблема существовала. Здесь можно видеть некоторый намек на способность людей фокусировать внимание на повышении эффективности, что достигается через постоянные контакты с окружающими явлениями-субъектами посредством жертв, обращения к этим явлениям с требованиями и даже угрозами.

О реальном *возникновении умеренного утилитаризма* можно говорить, когда вычленяется способность не только сохранять некоторый результат, но и его повышать, превращая это в повседневную задачу. Простой утилитаризм есть стремление достичь некоторого уже реализованного в обществе образца, например, в процессе собирательства, с помощью экспроприации, перераспределения, кражи и т. д., получая продукт в готовом виде. Каждый шаг развития утилитаризма является одновременно шагом, возможно скрытым, распада синкретизма. *Умеренный утилитаризм* переходит в *развитой утилитаризм*. Его специфика заключается в осознании связи результата, эффекта деятельности с собственной творческой продуктивной деятельностью, т. е. с рассмотрением эффекта как результата своей собственной активности. Умеренный утилитаризм отличается от развитого тем, что в первом случае увеличение эффективности рассматривается прежде всего как результат внешних сил, как присвоение уже готового результата, тогда как во втором — как результат собственных усилий.

В утилитаризме в отличие от синкретизма осознается различие, противопоставление ситуации и расчета, направленного на эту ситуацию, своеобразный микрорационализм, т. е. утилитарная целесообразность, способность связать выхваченный элемент мира не с бесконечным миром, а с чем-то ему противоположным, т. е. с человеческим благом.

Возникновение утилитаризма было революцией в человеческой деятельности, которая происходила сначала на каких-то глубоко скрытых этажах повседневного труда и общения. Человек начал осознанно бороться с тиранией прошлого опыта. В культуре из ее самых глубинных слоев стала уси-

ленно пробиваться критическая сила, пытающаяся вывести человека *из слепого подчинения ритуалу, из-под авторитаризма накопленной культуры*. Возникновение утилитаризма означало, что ориентация на сохранение незыблемости культуры стала замещаться способностью подчинить ее развитие росту потребностей. Центр тяжести человеческих ценностей стал перемещаться от стремления максимально раствориться в космической живой стихии к самому человеку, что требовало противопоставления этой стихии. Возникла способность идеального оперирования с элементом мира в отрыве от мира, размышления о мире с точки зрения, отличной от самого мира. Возникло осознание различия культуры и окружающего мира, что позволило рассматривать мир фрагментарно, мозаично, т. е. оценивать и использовать отдельные элементы мира. Деятельность людей с этими фрагментами была ограничена, а размышления по этому поводу заземлены, привязаны к ограниченной сфере интересов. Локальность, фрагментарность, эклектизм — важнейшие черты этого процесса. Ценности утилитаризма медленно пробивались на более высокие этажи культуры, чему способствовали различные стрессовые ситуации в обществе. Тем самым массовый утилитаризм не только укреплялся, но и получал нравственную санкцию в философии, религии, получал легальный нравственный статус. *Развитие утилитаризма является важным элементом прогресса медиации*. Утилитаризм, нацеленный на повышение эффекта деятельности, стремится адаптироваться к господствующему идеалу. Поэтому он всегда может быть использован силами последнего как средство утверждения синкретизма, авторитаризма и т. д., вовсе не претендуя при этом на положение господствующего идеала. Утилитаризм сам по себе противостоял априоризму манихейства, хотя, разумеется, на практике не мог не считаться с ним как с мощной социальной силой. Тем не менее рост утилитаризма подтачивал как синкретизм, так и манихейство. От утилитаризма шел далекий, мучительный путь вперед, он давал импульс прогрессу производства, формированию высокоразвитой культуры, новым нравственным идеалам и т. д. Но все это, однако, была лишь одна из туманных возможностей. Пока утилитаризм был слаб, его влияние на общую атмосферу в обществе происходило в рамках господствующего идеала как некоторого средства реализации его ценностей. Новые культурные веяния не стали еще на собственную массовую почву и могли лишь воздействовать на господствующий идеал, вносить в него новый компонент. Эти ограниченные возможности, однако, правящая элита немед-

ленно попыталась использовать для решения медиационной задачи.

Важнейшая особенность утилитаризма заключалась в том, что с определенного этапа представление о человеческом благе требует конкретизации, т. е. перевода на язык конкретных вещей и явлений. *Необходимой становится денежная оценка. Деньги* позволяют все свести к единому, растворить каждое единичное, каждую натуральную вещь в абстрактной всеобщности. В деньгах таится удивительная, чуждая традиционализму возможность соединять несоединимое, далеких людей, таланты, формы труда, затраты и результаты в общей деятельности, т. е. открывать дорогу всеобщему, не знающему границ творчеству. Но это возможно где-то в далеком, пока весьма проблематичном будущем. По литературе можно проследить существование утилитаризма, видимо, еще с XI века, когда среди противоборствующих больших идей-настроений можно выделить стремление к личному благополучию, по возможности не зависящему ни от Отечества, ни от Власти⁹.

Превращение утилитаризма в массовую повседневную ценность можно отчетливо зафиксировать в России в XVII веке. В обществе появилась большая группа инициативных людей, занятых в самых разных областях хозяйства, торговли, политики, культуры. Можно перечислить ряд известных деятелей, занятых активной и напряженной работой, начиная от царя Алексея и патриарха Никона. Усилился размах купеческих операций. Этот процесс хорошо прослеживается в русской литературе, отражающей смену ценностей в обществе, стремление повысить эффективность своей деятельности. До XVI века литература чаще всего призывала к неустанной молитве, к благочестивому ночному бдению, в лучшем случае — к мелочной работе. Герои в повестях XV-XVI веков почти никогда сразу не приступали к делу. Вообще в XV-XVI веках ценилась тишь, покойность, плавная красота людей и событий. В повести XV века о двух сапожниках в качестве отрицательного явления рассматривался неустанный труд. Перелом наступил примерно в конце 40-60-х годов XVII века, когда усиливалось осуждение бездельников, возникло требование энергичной деятельности и активности. Слово «польза» в первой четверти XVIII века становится одним из самых распространенных. Например, его применяет М. Ломоносов для описания образа идеального правителя, работника на троне.

Рост утилитаризма органически связан с ростом значимости личности, ее творческого потенциала, способности вычленять

⁹ Кузьмин А. Г. «Мудрость бо велика есть...» // Златоструй: Древняя Русь X-XIII веков. М., 1990. С. 15-16.

эффективность, условия и средства ее достижения. Д. Лихачев писал о раскрепощении, «эмансипации личности в литературе XVII в.»¹⁰.

Важнейшее значение утилитаризма заключается в возникновении принципиально отличной от традиционалистской культуры конструктивной напряженности. В ее основе лежит дуальная оппозиция «повышение эффективности деятельности (в частности, труда) — снижение эффективности». Первый полюс рассматривается как комфортный, второй — как дискомфортный. Развитие утилитаризма существенно усложняет следование социокультурному закону, деятельность, направленную на преодоление социальной энтропии, социокультурных противоречий. Если следование социокультурному закону на основе вечового идеала означает постоянный возврат к некоторому исторически сложившемуся социальному и культурному стереотипу, то *развитие утилитаризма включает возрастание критического отношения к ранее сложившемуся идеальному состоянию*. Это усиливает необходимость установить единство культуры и социальных отношений на изменяющейся основе. В условиях умеренного утилитаризма эта новизна ограничивается лишь попытками количественных изменений в рамках сложившегося порядка, например, накопления благ. Это выражается в мечте о стране, где текут «молочные реки в кисельных берегах», в стремлении накопить богатство, овладеть тайной изобилия, скажем, достать скатерть-самобранку. Развитой утилитаризм включает стремление к новым средствам — вовлекать в торговлю новые товары из далеких стран, создавать новые формы деятельности, превращать накопленное богатство в новое богатство (например, получать дополнительные блага передачей тех или иных средств в аренду, денег в рост и т. д., создавать новые технические средства и т. д.).

Влияние утилитаризма на господствующий нравственный идеал можно видеть не только в идее блага, но и в тенденции к повышению масштабов и уровня производства, в определенной ограниченной поддержке обществом людей, которые к этому способны. Это можно отметить в России с середины XVII века, что проявилось в стремлении изменить распределение престижа людей, участвующих в принятии важнейших государственных решений. Новый идеал ставил их в зависимость от способности обеспечивать достаточно эффективные решения. Утилитаризм требовал выдвижения на государственные должности людей с более развитым умом, способных решать все более сложные задачи. Петр I вербовал офицеров

¹⁰ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X-XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 144.

даже в среде холопов. Медиатор ставил себе на службу тех, кто оторвался от почвы, от местных миров. Таких людей было немного, так как те, кто принадлежал к верхам, были привязаны к сословным ценностям, древним привилегиям. Местничество, т.е. система служебных отношений, связанная с боярскими титулованными фамилиями, было пригодно в сравнительно неизменном обществе, где место каждого четко определялось в значительной степени еще до рождения.

В 1682 году собор постановил: «Быть всем чинам без мест и служить там, где государь укажет». Местничество было отменено. Иначе говоря, чиновник стал средством в руках государства для получения более эффективного результата в ущерб архаичной растворенности личности в некотором целом, в общности. В 1722 году была введена Табель о рангах, что логически следовало из уничтожения местничества. Само понятие «благородный дворянин» связывалось при Петре не с происхождением «от благородного корня», но со служебным положением. Это существенно расширило возможности высшей власти стягивать к центрам управления людей, максимально способных к организационной деятельности. Правящая элита осуществляла политику формирования сословия чиновников точно так же, как некогда осуществлялась политика формирования сословия помещиков. В обоих случаях эта политика была проявлением потребностей усложняющегося большого общества, а не случайной прихотью.

«И НИКТО БЫ БЕЗ ДЕЛА НЕ ШАТАЛСЯ»

Своей высшей точки крайний авторитаризм достиг при Петре I (1682-1725). Царь пытался перестроить систему управления соответственно модели, сочетавшей авторитаризм с элементами коллегиальности. Лично Петру, следовательно, были присущи не только крайние авторитарные стремления. Вместе с тем усиливалась власть губернатора, который назначался царем и сосредоточивал в своих руках всю власть в губернии, включая военную и финансовую. При губернаторе должен был существовать выборный из дворян «ландрат», решениям которого губернатор должен был подчиняться. Этим впервые вводился принцип равноправного участия в делах чиновника авторитарной власти и местных избранников. Однако эти любопытные учреждения, во-первых, фактически никогда не были выборными. Во-вторых, они вскоре бесследно исчезли. Коллегиальный институт не нашел поддержки в обществе. Это подтверждается, например, абсентеизмом местных дворян, когда в 1724 году им было предоставлено право избирать земско-

го комиссара для сбора подушной подати. Общество восприняло лишь авторитарную сторону этих институтов. Царь был бессилён, когда дело касалось каких-то элементов представительного правления. Его попытки создать местное самоуправление окончились полной неудачей. Эти аспекты реформ абсолютно не принимались обществом. Авторитарное управление распространилось на повседневную жизнь горожан. Чиновники должны были обеспечить охрану жизни, здоровья и имущества, покровительство торговли, промышленности, просвещения и благоустройства, охрану нравственности и чистоты веры путем зоркого наблюдения за поступками и помыслами местных жителей. Подданный обязан был не только нести установленную указом службу, но должен был жить не иначе как в жилище, построенном по «указному» чертежу, носить «указное» платье и обувь, предаваться «указным» увеселениям, подчиняться «указным» порядкам, в «указных» местах лечиться, в «указных» гробах хорониться и «указным» образом лежать на кладбище, предварительно очистив душу покаянием в «указные» сроки (М. Богословский). Преследование национальных форм быта принимало крайние формы издевательства, часто без серьезного на то основания. Чтобы иностранцы не выделялись в толпе и не подвергались опасности, население вынуждалось брить бороды, носить иноземную одежду.

Гражданская бюрократия соединилась с военным начальством. Военизация управления более соответствовала смыслу крайнего авторитаризма. Бесконечные формы надзора и контроля теперь дополнялись тем, что губернаторов, воевод, комиссаров за нерадивость и неисправность в сборе податей военные получили право заковывать в цепи, сажать в тюрьму и штрафовать. Боярская дума утратила всякое значение и наконец перестала собираться. В 1704 году был создан кабинет Петра — личная канцелярия царя — как высшее государственное учреждение.

В октябре 1721 года Петр провозгласил себя императором. Отныне никакие общегосударственные законы не могли исходить от какого-либо другого учреждения. Интеграция обеспечивалась стремлением центра власти держать под своим контролем все социальные процессы, включая процесс распределения престижей.

При Петре было издано 392 указа, касающихся норм уголовно-полицейского характера, в целях борьбы с беглыми бунтовщиками, «ворами», разбойниками и т. д. Если в 1649 году смертная казнь предусматривалась в 60 случаях, то в 1716 году к ним прибавилось еще 13, включая «сопротивление начальству». Существующие меры наказания пополнились вы-

рыванием ноздрей, языка и клеймением. К гражданским лицам широко применялись военно-уголовные законы. Всего при Петре было издано 3 314 указов, регламентов и уставов.

Рост авторитаризма выразался в стремлении к дальнейшему закреплению общества, превращению всех и каждого в составной элемент медиатора. Оно протекало как процесс своеобразной кристаллизации «жидкого элемента», как прикрепление личности к месту, например, к определенному поместью, к начальству, к помещику. Крестьянин был подчинен важнейшей функции государства, необходимости содержать помещика — царского слугу. Это состояние, которое иногда ошибочно отождествляется с рабством и которое действительно в своих крайних формах тяготело к рабству, нельзя было достигнуть, закрепить лишь средствами насилия или даже экономического закабаления. Не было такой силы, которая могла бы установить крепостничество вопреки воле миллионов. Тем более на это не была способна слабая бюрократия. Крепостничество в России могло возникнуть в результате того, что формирование органического внутреннего единства общества, рост и укрепление государства могли черпать силы главным образом в ценностях локальных миров, в системе локальных личностных отношений.

Сама природа крепостничества в России — результат не манипуляции слабого государства, но экстраполяции на большее общество социальных отношений, конструктивной напряженности первобытных локальных миров, выброса этих ценностей древнего локального мира до самых вершин власти, и это означало закрепощение всех, вплоть до правящей элиты. «Основанием крепостного права служил начальный тип великорусского общественного быта — дом и двор... Чадам и домоладцам, состоящим под властью господина, по тогдашней терминологии „государя“, казалось очень естественным состоять под его „наказанием“... Древняя великорусская общественность, построенная снизу доверху на начале двора или дома и проникнутая вытекающим из него крепостным правом, была в народных нравах и убеждениях, поддерживалась не насилием, а сознанием»¹¹. Эта идея развивалась и в исследованиях других авторов, кто видел в этом процессе стремление человека найти «крышу», подчиниться покровителю, стать винтиком некоторой монополии. Закрепощение рассматривалось как стремление «экономически и социально слабых элементов общества стать под защиту и покровительство сильных. Это стремление

¹¹ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 213, 215.

вытекало из того, что при известных политических и социальных условиях самостоятельное хозяйство и самостоятельная борьба за существование становятся настолько трудными, что слабые люди предпочитают отказаться от свободы, а иногда и от личного имущества, чтобы жить и вести самостоятельное хозяйство под защитой сильного человека. В крайних случаях человек продавался в полное холопство. В других — поступал на службу. Затем защита сильных людей достигалась иногда тем, что человек вступал фиктивно или действительно в такие долговые отношения, которые ограничивали его свободу в пользу покровителя»¹².

Стремление отдать себя под власть сильного соответствовало ценностям тотемического синкретического сознания с характерным для него стремлением раствориться в как бы заданной внешней силе, черпать в ней собственную силу. Историк В. И. Сергеевич писал: «Сельское население еще задолго до прикрепления крестьян к земле находилось уже под вотчинным судом владельцев». Он полагал, что вотчинное право суда и управления вошло в состав крепостнического права, некоторые черты которого имеют, таким образом, более глубокие корни, чем указы, сперва ограничившие, а потом и вовсе отменившие вольный переход крестьян. Историки К. А. Неволин, Н. П. Павлов-Сильванский, М. А. Дьяконов полагали, что крепостничество опиралось на существующий с древности порядок, когда землевладелец управлял, судил, взимал подати. Очевидно, древность подобного порядка свидетельствовала о его общепринятости, о восприятии его всеми как чего-то естественного.

Крестьянин XV-XVI веков лишь в редких случаях мог обзавестись хозяйством без материальной помощи со стороны землевладельца или без льгот от казны. Однако сама по себе экономическая зависимость не перерастает автоматически в личную. Для этого нужно еще одно условие — отсутствие в личном сознании ценности свободы. Вспомним античный мир, где экономическое закабаление с последующими попытками порабощения должника встречали непреодолимое препятствие — систему ценностей свободного гражданина. Государственная власть, санкционируя процесс закрепощения, лишь выражала страх общества перед силами дезорганизации, опираясь на тот способ обеспечения единства, который был под рукой.

Процесс закрепощения, кристаллизации общества, закрепления личности за ее функциями был мучительным и сложным. Он совершался на всех этажах общества. Важным звеном

¹² Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 20-21.

было закрепощение самой правящей элиты. Если в Западной Европе социальный статус вассала определялся размерами земельной собственности, которой он владел, то в России статус слуги определялся его положением на княжеской, затем — на царской службе. В условиях примитивных форм земледелия и отсутствия стабильных форм частной собственности на землю земля представляла ценность не сама по себе, а как плата за службу. Экономическая несамостоятельность ставила личность в положение, зависимое от власти. Превращение службы в личную зависимость явилось лишь модификацией и переносом отношений, сложившихся в синкретических коллективах, в которых не расчлняются личность и ее социальные функции, где индивид закреплен за определенной функцией. Государство выступало как особый мир среди других миров и, следовательно, получало право на личность своего чиновника.

Чиновника соединяла с медиатором утилитарная система ценностей, например, надежды на получение поместья. Это отличало чиновника от дружинника киевских князей. Дружинники понимали свою службу как основанную на личном отношении к князю. Например, захваченная добыча делилась князем полюбовно на равноправных основах. Теперь же выросло значение безличной утилитарной связи, привязанной не столько к личности царя, сколько к месту службы, к поместью. Личная связь замещалась безличной организацией, однако синкретически персонифицировалась в личности первого лица государства.

Все предшествующее развитие общества, весь путь медиатора, вся система первобытного мировосприятия логически вели к дальнейшему процессу включения новых слоев общества в структуру медиатора, т. е. к дальнейшему закрепощению. Из закрепощения служилых сословий логически вытекало закрепощение крестьянства — населения пожалованной за службу земли. Крестьянский труд был экономической основой царской службы. Прикрепление к службе требовало закрепощения крестьян. Иначе сам поместный институт, вся система ценностей медиатора оказывались под угрозой стихии «жидкого элемента». Со своей стороны, крестьянство, перенося на царских слуг свое позитивное отношение к царю-батюшке, рассматривало работу на помещика как своего рода службу государству, так как видело в ней вознаграждение помещика за военную службу. Собственно, так на это смотрело и правительство.

На разных уровнях сообществ процесс закрепощения приобретал специфическую интерпретацию. Дворянство с самого начала было склонно истолковывать крепостную зависимость

как форму холопства, а значит, как лишение крепостного всех человеческих прав. Помещик как составной элемент медиатора был надзирателем крестьянской жизни, сборщиком казенных податей, правителем, что делало его в тех условиях фактически собственником личности крестьянина. Неповиновение обрекало человека на определенных этапах крепостничества на жестокие истязания, каторжные работы. Законодательство XVII века рассматривало владельца земли как своего рода чиновника с возложенными на него правительством обязательствами — обеспечения в голодные годы крестьян продовольствием, оказания им материальной помощи в случае бедствия. Эти обязательства выполнялись плохо, что свидетельствовало скорее о слабости государства, нежели о его нежелании наладить взаимопонимание с крестьянством. Высшая власть тяготела к истолкованию, согласно которому взаимоотношения крестьянина и землевладельца — важное звено в отношениях между крестьянином и государством, что требовало подчинения всей системы отношений интересам государства. И, наконец, у крестьян формировалось свое отношение к крепостной зависимости, основанное на идеалах общинной жизни: признавалась зависимость от царя и его слуг, но отрицалось разрушительное вмешательство начальства (т. е. тех же слуг) в традиционный уклад жизни.

Любой нравственный идеал в этих условиях не мог не быть версией крепостничества. Крах государственности в Смутное время подготовлялся сопротивлением крестьян крепостничеству в той степени, в какой крепостничество вступало в конфликт с древними формами жизни. Однако само согласие крестьян, пусть ограниченное, на государственность в условиях господства синкретизма практически означало согласие на крепостничество. *Крепостные отношения распространялись на все более широкие слои населения. Все вольные люди, непригодные к военной службе, обязаны были записаться в крестьяне или дворовые, чтобы «гуляки за ремесло принялись и никто бы без дела не шатался»¹³. Уже по смерти Петра I появился указ о ссылке гулящих людей в Сибирь, если никто не дал согласия на признание их своими крепостными. *Вольный человек немислим в России вплоть до конца XVIII века.**

Сложилась ситуация, существенно отличная от той, которая когда бы то ни было имела место на Западе. *Острая потребность в государственности приобрела в массах в результате страха перед хаосом форму согласия на закрепощение, на подчинение царю, начальству, согласия на наси-*

¹³ См.: Ключевский В. О. Сочинения. М., 1958. Т. 4. С. 212.

лие над собой как на что-то естественно неизбежное со стороны капризной, то злой, то доброй воли.

Крепостничество как форма экстраполяции на большое общество древнего локального идеала при недостаточном развитии срединной культуры никогда не получало законодательной санкции. Оно оформлялось на основе практических распоряжений властей, преследующих задачи упорядочения «жидкого элемента», в частности, решения финансовых задач. Крестьянин прикреплялся к личности помещика или вотчинника. Это было, видимо, результатом слабости сословий и, прежде всего, слабости крестьянства, недостаточного осознания им своих сословных интересов, выходящих за рамки локального мира. Это было *результатом своеобразного усиления государственного /мчала за счет сословного*, когда надо всем преобладало стремление все связи в обществе свести к вертикальным, т. е. от первого лица к каждому подданному. При слабости горизонтальных внутрисословных связей это действительно могло превратить личность в собственность человека, стоящего на ступень выше.

РЕФОРМА

Существование стран либеральной цивилизации, обладающих большей способностью повышать эффективность своей деятельности, создавало для России все более сложные проблемы. Оказалось, что страна не в состоянии вести войну старыми организационными и техническими средствами. В XVII веке отсталость, скудность собственных материальных и духовных средств по сравнению с западноевропейскими ощущалась сильнее, нежели в начале XVI века. Со времен Ивана IV оборона страны во всевозрастающей мере зависела от иностранцев. Уже в конце XVII века из них вербовались отряды царских телохранителей.

В. Ключевский писал, имея в виду XVII век, о чувстве национального бессилия, все более явно вскрывавшегося и в войнах, и в дипломатических отношениях, и в торговых сношениях. Сражения под Азовом показали Петру, что только европейское военное искусство может помочь пересилить Турцию. Правительство прибегло к заимствованиям прежде всего в области военной, в войнах предпочитали использовать наемные отряды, в дальнейшем иностранные офицеры использовались для обучения ратных людей. В соответствии с новыми требованиями организованы были полурегулярные войска, оружие и боеприпасы для которых ввозились из Швеции и Голландии. Само это обращение к иностранной помощи свиде-

тельствовало не только об отставании России, но и о ее развитии, о росте ее сложных потребностей, о ее определенной способности овладеть более сложными средствами и перейти к более сложным формам жизни.

Общество ощущало прежде всего общий недостаток ресурсов и квалификации для решения тех сложных проблем, которые оно поставило перед собой. Очевидно было, что отсталость страны не позволяла занять то положение, которое соответствовало претензиям в сложных условиях меняющегося, овладевающего невиданными средствами мира. Отсюда мучительное стремление ликвидировать этот разрыв, прибегая к освоению западных средств. Результатом были попытки реформ. Реформы выражали на деле стремление царя, правящей элиты превратить дискомфортное состояние в движущую силу роста эффективности воспроизводства, во всяком случае некоторых его сфер. *Идея реформы означала критику исторических форм реакции общества на рост дискомфортного состояния, отношения к нему как к результату козней злобных внешних сил, означала рассмотрение этого состояния как энергетического импульса для саморазвития, самосовершенствования. Идея критики исторического опыта здесь приобретает рефлексивный характер в масштабах общества, превращается в средство его самосовершенствования. В этом можно видеть принципиальный отход от чисто архаичной инверсионной реакции на дискомфортное состояние, которая означала форму перехода к альтернативе в рамках исторически сложившегося опыта. Реформа включала поиск, созидание новых альтернатив.*

Планы реформ не были систематизированы, продуманы, не имели общей концепции. Это были скорее импульсивные ответы высшей власти на выявившуюся внутреннюю неспособность отвечать на вызов истории. Это была система эклектических, оторванных друг от друга утилитарно мотивированных мероприятий, нацеленных в конечном итоге на то, чтобы любыми методами подвигнуть людей на определенные действия, на увеличение производимых ресурсов, овладение для этого определенными более сложными видами деятельности. Конечно, эти вполне утилитарные задачи могли решаться лишь теми средствами, которыми общество реально располагало.

Во время царствования Петра количество промышленных горнодобывающих предприятий возросло в четыре раза. Здесь не было, по сути, ничего оригинального, продолжалась в больших масштабах и с большей жесткостью политика предшествующего этапа. Основанные правительством предприятия управлялись чиновниками. Каждый шаг усиливал раскол меж-

ду промышленностью на крепостнической, дорыночной основе и промышленностью, развиваемой на основе частной инициативы. Эти реформы были *попытками модернизации, которые, однако, в значительной степени опирались на потенциал крепостничества.*

Предприятия могли передаваться в пользование дворянам и купцам. Однако «частные предприниматели пользовались лишь правом владения... Как и в XVII в., при Петре промышленность и шахты работали исключительно на государство. На свободном рынке можно было продавать лишь ту часть продукции, которая была не нужна государству. Правительство покупало продукцию частных промышленных и горнодобывающих предприятий по твердой цене, обычно по себестоимости. Прибыль можно было получить лишь с продажи излишков. Государство давало указания о качестве и количестве изготавливаемой продукции; невыполнение их грозило наказанием»¹⁴. Аналогичные меры принимались и в сельском хозяйстве. Воеводы получали распоряжения «заводить пашни» в отдаленных районах, чтобы снабжать Москву, делались попытки повысить уровень сельскохозяйственной техники, приглашались специалисты и т. д.¹⁵

Однако усилия правительства не привели к решающему успеху. Подспудные силы подтачивали господствующий нравственный идеал, соответствующие формы организации. Подати превысили вдвое прежнее обложение. Они, по словам В. Ключевского, доведены были до «непереступаемого предела». Налицо было «крайнее налоговое изнурение труда»¹⁶. Осуществив закрепощение всего общества, всех сословий, поглотив всё, исключая бунтовщиков, медиатор оказался бессильным выполнить свою социальную функцию, ту функцию, которая нравственно оправдывала его деятельность: обеспечение единства общества. Закрепощение общества парализовало медиатор, сделало его жертвой рабского духа, рабских принципов, рабских идеалов. Медиатор, решая задачу укрепления организации власти, одновременно разрушал источники творческой энергии масс и тем самым подрывал собственное существование.

Внедрение более передовых форм ремесленного труда не сопровождалось прогрессом системы управления, законодательной деятельности. Реформы не стимулировали людей к поискам более совершенного уклада жизни, а методы насилия лишь возводили бесправие в правило, рвали нити, связываю-

¹⁴ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 278-279.

¹⁵ *Ляценок П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1947. С. 375.

¹⁶ *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 4. С. 143, 145-146.

щие народ с властью. Правящая элита не была ориентирована на социальные улучшения и, в сущности, вряд ли подозревала, что к этому нужно стремиться. Ничего не было сделано для выработки культурных мутаций, открывающих возможности новых путей развития самосознания людей. Напротив, медиатор закреплял прежде всего своими средствами низкий уровень самосознания и тем самым отрезал пути выхода из создавшегося положения. Печальные обстоятельства русской истории и, прежде всего, сложность задач, подлежащих разрешению в условиях господства синкретической культуры, создали слабую государственность, получающую из почвы недостаточное по сравнению со сложностью проблем количество творческой энергии.

Несмотря на рост задач государства, численность чиновников в государственном аппарате нельзя считать чрезмерной. Отсутствие средств не позволило содержать даже существующий аппарат. Государство затрачивало на управление такую же сумму, как маленькая Ливония. В 1714 и 1715 годах были сделаны попытки повсеместно ввести денежное жалование чиновникам вместо раздачи поместных окладов и выдачи хлеба. Однако на это не хватало денег. В 1727 году выплата денежного жалования канцелярским служащим была отменена. Вернулись к порядкам XVII века, когда чиновники «кормились от дел», т. е. фактически пробавлялись взятками. Узаконенное взяточничество усиливало в глазах народа представления о чиновнике (т. е., в конечном итоге, о государстве) как о враждебной силе. Эти настроения стимулировались воровством чиновников, в том числе самых высокопоставленных. Оно достигало фантастических размеров. Симптомы бессилия, дезорганизации власти были налицо еще при Петре. К концу жизни он издал ряд указов, где жалуется на общую служебную распущенность, на пренебрежение правительственными указами, что было, по словам В. Ключевского, «настоящей язвой управления».

Таким образом, выход за рамки тотемизма, переход к самокритике охватил лишь крайне ограниченную часть общества, не проникая в его толщу, где продолжали преобладать архаичные представления о существовании внешней силы как фактора, порождающего дискомфортное состояние, о борьбе с ней как средстве восстановления комфортабельного состояния. Все это дает основание для заключения, что петровское царствование еще более углубило раскол в обществе.

«ЖИДОВИН ИЗ РОДА ДАНОВА»

Атмосфера петровских реформ была разрушительна для повседневной жизни рядового человека. В их основе лежало стремление рассматривать людей и общество как некий механизм, который может управляться мастеровым. В концепции Петра проступали черты общества-машины, где человек представлялся объектом манипулирования, деталью механического целого. Если обычное синкретическое государство оставляло нетронутым уклад жизни населения, общину, семью, то теперь авторитарное государство, получив мандат на управление, пыталось поставить все с ног на голову, вторгалось и в повседневную жизнь, быт, навязывая ценности, до того чуждые русскому сознанию.

Тем самым крайний авторитаризм приобрел черты тоталитаризма, стремящегося превратить первое лицо в единственного реального субъекта жизни людей на всех уровнях, вплоть до повседневности. Как говорили некоторые иностранные путешественники, указы Петра написаны кнутом. Петр полагал, что ему удалось создать новую породу людей. Сам он любил принуждать к противоестественным и мучительным действиям. Это касалось и ближайшего окружения, и всей страны. «Сейчас мы с ужасом отвращения думаем о том сплошном кошунстве и надругательстве, каким преломилась в жизни Петровская реформа»¹⁷. Но с особенной силой дезорганизация проявилась после смерти Петра I, когда стало очевидным, что правящая элита не способна ни продолжать дело реформ, ни просто обеспечить удовлетворительное функционирование медиатора. Причина была в том, что стремление ввести новую конструктивную напряженность, ориентированную на развитие, вступило в конфликт с обществом и не смогло воодушевить необходимый минимум сторонников, активно поддерживающих реформы.

Низшей точки нравственного падения общество достигло в царствование Анны Иоанновны (1730-1740). Недоимки, достигшие размера почти двухгодичного государственного дохода, выколачивались путем жесточайшего насилия. Вооруженные отряды забирали все имущество у зажиточной части населения. Если полученных денег не хватало, то бывших собственников выводили на правеж. Били всех повсеместно и постоянно: дворян, воевод, низшее и высшее духовенство. Крестьян тысячами ссылали в Сибирь. Люди массами бежали за границу. За десять лет около 250 тыс. скрылись в Польше и

¹⁷ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции// О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 419.

Литве. Результатом были заброшенные деревни и голод. Медиатор, пытаясь подключиться к энергии общества, фактически его разрушал. Русские войска, попавшие за границу, имели приказ хватать всех беженцев, которые затем ссылались в Сибирь. Торговля людьми была узаконена. Она была обложена налогом, как и продажа любой другой собственности. Можно говорить «о страшном разложении русского общества в XVIII веке»¹⁸. Знаток России француз Леруа-Болье писал, что XVIII век был для России школой дезорганизации. Посланник Пецольд писал: «Все русские признают, что можно делать что угодно, имея в своем распоряжении известное количество гренадеров, погреб с водкой и несколько мешков с золотом». Граф Н. И. Панин говорил о режиме «временщиков и куртизанов», худшей форме личного произвола, правительственные учреждения он определял как «безгласные» и никакого образа государственного не имеющие.

Екатерина II застала страну в крайне мрачном состоянии. Почти все отрасли торговли были обращены в разорительные для страны частные монополии. Тюрьмы переполнены. Пытки и неправомерно жестокие наказания были в обычае. В суде господствовал произвол чиновников, народ страдал от незаконных поборов. Распоряжения сената исполнялись лишь после третьего указа. В сенате не было даже карты империи. «Доверия к правительству не было никакого,— писал В. Ключевский,— но все привыкли думать, что никакого другого распоряжения от него и исходить не могло, кроме вредного к общему благу. Значит, государство утратило свой смысл в народном мнении и даже превратилось в какой-то заговор против народа»¹⁹. Жизнь покидала закостеневшую государственную систему. Крайний авторитаризм, как и ранний умеренный авторитаризм, подвел страну к краю пропасти, к реальной угрозе новой национальной катастрофы. Массовое насилие власти имело разрушительные последствия. Впрочем, само это насилие было следствием массовой инверсии, утвердившей авторитаризм и дававшей властям нравственное право на насилие. Однако при этом предполагалось, что власть использует это право в других целях, для воплощения массовых идеалов. Следовательно, в глазах народа насилие, правомерное по своей сути, подчас применялось не по назначению. Фактически оно стимулировало обратную инверсию, отход народа от авторитарной власти.

Постоянное массовое стремление к локализму, желание замкнуться в локальных сообществах приобрело в результате

¹⁸ Коялович М. О. История русского самосознания. СПб., 1884. С. 151.

¹⁹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 5. С. 67.

банкротства крайнего авторитаризма новые черты. Негативное отношение к власти стало переноситься и на первое лицо, на царя, что имело громадные последствия для дальнейшей судьбы страны.

Наступление власти на ценности широких масс народ неизбежно воспринимал как рост дискомфорта, рост хаоса, провоцируемый силами зла. В качестве непосредственных носителей зла теперь рассматривалось не только начальство, но и сам царь, т. е. личность царя инверсионным образом переводилась в сферу зла. Тем самым все государство снизу доверху рассматривалось как носитель кривды. В конце XVII и в начале XVIII века возникла идея о подмененном царе. Ходили слухи, что Петр I — сын польки, что царица родила девочку, которую подменили немчком. О Петре существовала легенда, что он является «жидовином из рода Данова», подменившим истинного царя, пропавшего без вести в «стеклянном государстве». Деятельность Петра I рассматривалась как продолжение богопротивных дел Никона: в таких мероприятиях, как введение нового календаря, видели нарушение сложившегося порядка, покушение на православие. Отсюда многочисленные версии о Петре-антихристе, от которого гибнет благочестие и вера, а царство его есть наступление конца мира. Вспыхнувшее восстание К. Булавина угрожало правящей элите новым истреблением. Восставшие обращались к «черным людям», к «голытьбе непокрытой» с призывом бить князей и бояр, «сажать в воду» (т. е. топить), расправляться с воеводами, начальными людьми, старшинами, подъячими, «неправедными» судьями, «обидчиками», «злыми супостатами» и т. п. Характерно двойственное отношение восставших к власти, неоднозначное отношение к царю. Известно не менее пятнадцати обращений восставших к Петру, к воеводам, «полководцам», «добрым начальникам», в которых они стремились открыть власти глаза на положение народа. Однако вскоре наступила инверсия. В 1708 году Булавин пригрозил смертной казнью всем, «кто станет говорить, чтоб принести великому государю повинную». Влияние староверов в этом восстании было, по-видимому, сильнее, чем в восстании Разина.

То, что чисто просветительскому взгляду может показаться нелепыми предрассудками темного народа, в действительности было творческим изменением представлений людей, реакцией на попытку разрушить синкретические ценности. Эта реакция перерастала в активную вооруженную борьбу с государством как кривдой антихриста. Трагедия этой борьбы заключалась в том, что активизация синкретизма не несла в себе иного, более совершенного идеала государственности, нового принци-

пиально реализуемого решения медиационной задачи. Она опиралась на локалистские догосударственные ценности.

ОТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАСКОЛА К ХРОМАЮЩИМ РЕШЕНИЯМ

Именно во время царствования Петра I приобрело свою зрелую форму такое специфическое для России явление, как раскол. Представление о расколе возникло в связи с церковным расколом, но затем приобрело обобщенный смысл некоторой всеобщей характеристики России. Раскол может рассматриваться как важнейшая категория, характеризующая некоторую крайнюю форму существования общества. Вот два высказывания по этому поводу. «Петру удалось на века расколоть Россию: два общества, два народа, переставших понимать друг друга»²⁰. «С той чреватой поры, как примчался к невскому берегу металлический Всадник, как бросил коня на финляндский гранит — надвое разделилась Россия; надвое разделились и судьбы отечества, надвое разделилась, страдая и плача, до последнего часа Россия. Ты, Россия, как конь! В темноту, в пустоту занеслись два передних копыта; и крепко внедрились в гранитную почву — два задних»²¹. Раскол, следовательно, рассматривается как потеря взаимопонимания двух слоев общества, один из которых связан с народной почвой, другой — с оторванным от почвы стремлением к новому. Раскол есть особое состояние социальной системы, для которого характерен стойкий длительный разрыв коммуникаций между слоями общества, жизненно важными для целого, их стойкое отчуждение друг от друга, невозможность взаимопроникновения смыслами и, следовательно, их социального взаимопроникновения. Раскол возник на объективной основе достаточно общеизвестного факта. Исследователи подчеркивают чрезвычайную устойчивость, «вневременность», статичность бытового, народного пласта культуры, который обладает собственным ритмом, не совпадающим во времени ни с изменениями действительности, ни с формами существования «высокой» культуры. В то же время он — «часть культуры своего времени, составляет с ней амбивалентное целое»²². В силу тех или иных конкретных социальных и культурных причин это нарушение

²⁰ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции. С. 419.

²¹ Белый А. Петербург. М., 1978. С. 89-90.

²² Ястребицкая А. Л. Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике// Одиссей: Человек в истории. М., 1991. С. 97.

приобретает устойчивый, застойный характер. Для раскола характерен *заколдованный круг*.

Раскол является не простым разрывом между противоположными ценностями. Попытка одной части общества, скажем, правящей элиты, распространить на все общество свои ценности приводит к активизации, усилению противоположных ценностей. Например, стремление власти модернизировать страну, внедрить ценности роста и развития может восприниматься носителями синкретического сознания как негативное, что вынуждает их активизировать свои ценности.

Существование раскола признавали самые разные и далекие друг от друга деятели. В. И. Ленин говорил о существовании двух культур в каждой нации — буржуазной и пролетарской²³. Богослов Г. Флоровский писал о наличии в древнерусском обществе двух культур: «дневной» и «ночной». «В подпочвенных слоях развивается „вторая культура“, слагается новый и своеобразный синкретизм, в котором местные языческие „переживания“ сплавляются с бродячими мотивами древней мифологии и христианского воображения»²⁴. Д. Мережковский также говорил о дневной и ночной России. К первой он относил Писарева и Чернышевского, ко второй — Достоевского и Лермонтова. «Какая из этих двух Россией подлинная? Обе одинаково подлинные». Он говорил о крайностях, «которые так удивительно совмещаются в России»²⁵. На раскол указывали Н. Бердяев²⁶, В. Ключевский²⁷. А. Герцен писал: «Ужасное последствие полного разрыва народной России с Россией объевропеизированной. Между двумя лагерями порвалась всякая связь»²⁸. Идея раскола под разными названиями пронизывает элитарную культуру.

Возможность раскола коренится в самой логике мышления и деятельности. Она заключается в гипертрофированном по отношению к сложности проблем использовании инверсии при недостаточном развитии медиации. Сложные проблемы решаются не столько наработкой нового соответствующего содержания культуры, интерпретацией, сколько обращением к уже накопленному ее богатству, к односторонней экстраполяции прошлой культуры на осмысляемое явление, к слепой вере в

²³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 24. С. 120-121.

²⁴ Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 3.

²⁵ Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 371.

²⁶ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 10-11, 14-15 и др.; Он же. Судьба России. М., 1990. С. 14, 33, 73, 223 и др.

²⁷ Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 13-14.

²⁸ Герцен А. И. Поли. собр. соч. и писем. Пг., 1917. Т. 6. С. 364.

то, что дискомфортное состояние может быть снято в процессе инверсионного перехода от одного полюса дуальной оппозиции к противоположному. Необходимым условием возникновения раскола является смещение меры между экстраполяцией и интерпретацией, меры между инверсией и медиацией к первым полюсам в ущерб вторым: меры, которая определяется сложностью и динамизмом поставленных проблем, фактически их выходом за рамки исторически накопленного опыта. Именно в этом случае можно говорить о слабости срединной культуры.

Это негативное обстоятельство уже обращало на себя внимание исследователей. «Основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе русского средневековья располагаются в двуполусном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны... В реальной жизни западного средневековья оказывается широкая полоса нейтрального поведения, нейтральных общественных институтов, которые не являются ни „святыми“, ни „грешными“, ни „государственными“, ни „антигосударственными“, ни хорошими, ни плохими. Эта нейтральная сфера становится структурным резервом, из которого развивается система завтрашнего дня... Система русского средневековья строилась на подчеркнутой дуальности... Промежуточных нейтральных зон не предусматривалось... В земной жизни поведение могло быть или грешным, или святым... Светская власть могла трактоваться как божественная или дьявольская, но никогда — как нейтральная по отношению к этим понятиям. Наличие нейтральной сферы в западном средневековье приводило к тому, что возникала некоторая субъективная непрерывность между отрицанием сегодняшнего и ожидаемым завтрашним днем... Нейтральная сфера жизни становилась нормой, и высоко семиотизированные сферы верха и низа средневековой культуры вытеснялись в область культурных аномалий. В русской культуре соответствующего периода господствовала иная ценностная ориентация. Дуальность в отсутствие нейтральной аксиологической сферы приводила к тому, что новое мыслилось не как продолжение, а как эсхатологическая смена всего... Изменение протекает как радикальное отталкивание от предыдущего этапа... Новое возникало не из структурно „неиспользованного“ резерва, а являлось результатом трансформации старого, так сказать, выворачивания его наизнанку. Отсюда, в свою очередь, повторные смены могли фактически приводить к *регенерации* архаических форм»²⁹.

²⁹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)// Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1977. Т. XXVIII (Литературоведение). С. 4-6.

Таким образом, гипертрофированная приверженность к полярностям и недооценка середины, поиска синтеза, меры в каждом акте осмысления порождает возможность раскола на два противоположных полюса в каждом таком акте.

Логически или гносеологически возможность раскола существует в каждой клеточке мышления. Эта возможность в определенных неблагоприятных условиях может реализовываться в воспроизводственном процессе как в функциях, так и в структурах общества. Раскол был возможен, когда важные инновации не столько осваивались всем народом до самых его глубин, сколько вызывали у него отталкивание, дискомфортное состояние. В этом случае возникала враждебность к тем силам общества, которые были, или казалось, что были, проводниками этих новшеств. Это в свою очередь могло иметь место в результате того, что масштабы и темпы новшеств значимо превышали исторически сложившуюся в культуре способность их принимать, осваивать, превышали некоторый сложившийся в культуре допустимый шаг новизны. Поэтому новшества могли служить фактором накопления взрывоопасного материала, но при этом в обществе сохранялись очаги инноваций, без которых оно существовать не может.

Суть раскола заключается в том, что способность общества следовать социокультурному закону снижается до уровня всего лишь способности сдерживать дальнейший рост социокультурного противоречия на грани необратимости. Иначе говоря, расколотое общество живет в условиях постоянной хронической собственной неспособности последовательно преодолевать социокультурные противоречия, вынуждено существовать в условиях острейших противоречий, конфликтов во всех формах, подводящих страну к катастрофе. Первой исторической формой раскола и одновременно той его формой, которая порождает все последующие, является раскол между обществом и государством. Его суть заключается в том, что конструктивная напряженность большого общества не может быть результатом чистой экстраполяции, конструктивной напряженности локального мира. Специфические задачи государственности, интеграции большого общества, необходимость новых средств для увеличения жизненно важных ресурсов приводят к столь существенной интерпретации исходной конструктивной напряженности, что она вызывает массовое дискомфортное состояние.

Первые элементы раскола наличествовали на Руси уже при возникновении государства, которое было одновременно и результатом творческой силы народа, и результатом внешней силы. В этой ситуации стремление правящей элиты ввести

христианство привело к дальнейшему усугублению раскола. «Именно в Киеве заложено зерно будущего трагического раскола в русской культуре»³⁰. Аналогична точка зрения Р. Пайпса. Он писал, что при варягах общество отличалось «необычайно глубокой пропастью между правителями и управляемыми. В Киевском государстве и в киевском обществе отсутствовал объединяющий общий интерес, государство и общество сосуществовали, сохраняя особые обличия, и вряд ли чувствовали какие-то обязательства друг перед другом». Для этого общества характерна «необыкновенно глубокая пропасть между держателями политической власти и обществом и собственническая, вотчинная манера отправления державной власти»³¹. В том же направлении действовала враждебность власти и церкви к народной культуре. «„Нечестивая“ языческая традиция, куда входили значимые элементы образа жизни, оценивалась как угроза господствующей идеологии»³². Христианство распространялось не как спонтанное движение широких масс, а в силу решения правящей элиты, которое осуществлялось также и средствами насилия. Это не могло не наложить глубокий отпечаток на отношение народа к христианству, церкви и государству. Как писал авторитетный историк русской церкви профессор Е. Е. Голубинский (1834-1912), государство пошло по пути «принудительного крещения». «Введение новой веры сопровождалось немалым волнением в народе, были открытые сопротивления и бунты»³³. Раскол обострил противоречие между локальной конструктивной напряженностью и конструктивной напряженностью, от воплощения которой зависит интеграция общества, существование его как целого. Раскол выступает как фактор дезинтеграции, дезорганизации.

Раскол порождает одно важное следствие, с которым придется сталкиваться в дальнейшем изложении, — то, что можно назвать хромающими решениями. Раскол есть фактически неспособность воспроизводить гармоничную интеграцию, единство общества, балансирующего на пути к необратимой дезорганизации, дезинтеграции. Раскол есть неспособность в обществе принимать целостные, значимые, охватывающие существенные стороны жизни общества решения. Принимаемые решения представляют собой некоторую неопределенно длинную цепь, в которой каждое решение корректирует, отменяет,

³⁰ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции. С. 411.

³¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 181-182.

³² Романов Л. Н. Культурологические аспекты крещения Руси// Религии мира: Ежегодник, 1987. М., 1989. С. 181-182.

³³ Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1880. Т. 1. Ч. 1.

ограничивает предшествующее и само в свою очередь становится жертвой последующего. Это естественный результат существования в обществе противоположных, парализующих, разрушающих друг друга сил, находящихся в разных смысловых полях. Активность в одном поле неизбежно вызывает противоположную в другом, что и находит выражение в цепи последовательно отменяющих друг друга решений. Это четко видно на примере петровских реформ. Высшая авторитарная власть постоянно металась между крайними решениями, будучи не в состоянии ни одну из крайностей довести до конца. Например, в первой половине XVIII века было издано около 200 указов, где строжайше предписывалось возвращать беглых их владельцам. Но само правительство не только не предпринимало необходимых мер для их осуществления, но и приостанавливало сыск с целью хозяйственного освоения новых районов. Та же ситуация сложилась с запретительными законами против крестьянской торговли и промышленности³⁴.

Это крайне негативное проявление раскола является важной особенностью общественной и государственной жизни, динамики российского общества.

АЛЬТЕРНАТИВА РАСКОЛУ?

В основе раскола лежит конфликт двух типов конструктивной напряженности, каждый из которых связан с определенным типом воспроизводства, типом цивилизации. Один из них является необходимым элементом традиционной цивилизации, соответствующей статичному воспроизводству. Другой — необходимый элемент либеральной цивилизации, интенсивного воспроизводства. Суть раскола заключается в том, что оба типа конструктивной напряженности оказались фантастическим образом совмещены во времени и пространстве, что порождало между ними разрушительный, периодически усиливающийся конфликт. Общество постоянно пыталось преодолеть раскол, усилить значимость то одного, то другого аспекта раскола, соответствующей системы ценностей. Очевидно, попытки реформы, использование ограниченных либеральных ценностей неизбежно означали стремление усилить в обществе конструктивную напряженность либерального типа. Это отчетливо видно при сравнении документов петровского царствования с предшествующими. Раньше в грамотах, которые получали наместники, содержалась стереотипная фраза: наместник, волостель «вас ведает и судит и входит у вас по всему по тому, как

34 Индова Е. И. Аграрный строй в России в XVIII в. М., 1966. С. 2.

было *преж сего*»³⁵. Власть, следовательно, ориентировалась на сложившиеся порядки. Теперь же она стремилась их изменить. Языческие представления носили циклический характер, т. е. основывались на повторяющихся элементах, например, смене времен года. Однако постепенно стала складываться идея истории, возникла ориентация на будущее. Представление о времени — элемент конструктивной напряженности. При Алексее Михайловиче в русской культуре появилось представление о бесконечности истории. «Если прежде настоящее воспринималось как эхо вечности, эхо прошедшего, то теперь оно стало зародышем будущего»³⁶. Изменение отношения к будущему означало изменение отношения к личности. Если сравнить тексты петровских указов с царскими указами XVII века, то для последних характерна следующая форма: «А буде, которые люди учнут делать то-то и то-то... и тех людей казнить без всякого милосердия»; в указах же Петра заметна мотивировка, элементы поучения — политического, юридического и естественно-научного характера.

Общество, по крайней мере правящая элита, постоянно пыталось преодолеть одну из систем ценностей, заменить ее другой, сместить центр тяжести между ними. Очевидно, что если бы это удалось, то в обществе сохранилась бы какая-либо одна конструктивная напряженность, т. е. исчез бы раскол, основа для хромающих решений. Однако специфика расколотого общества заключается в том, что оно оказывается не в состоянии преодолеть старую систему ценностей в пользу новой, так как обе системы ценностей оказались в той или иной форме достаточно укоренены, и потому раскол также остается непреодоленным: в обществе формируются силы, буквально его разрывающие, атомизирующие. Ни одна из противоположностей расколотого общества не может уничтожить другую, не уничтожив себя. Поэтому история страны становится в значительной степени историей постоянных попыток абсолютизировать одну из противоположностей в ущерб другой. Периодически вспыхивают конфликты между низшей формой конструктивной напряженности (например, локализмом, статичными ценностями), с одной стороны, и стремлением к интеграции большого общества, к динамичным типам конструктивной напряженности — с другой.

Переход от заторможенной вялой инверсии к раннему авторитаризму довел раскол до зрелой формы. Он приобрел харак-

³⁵ См., например: Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 156.

³⁶ *Панченко А. М.* История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко// Куликовская битва и подъем национального самосознания. М., 1979. С. 198.

тер острого конфликта между общегосударственными ценностями роста и развития и локальными ценностями статичного общества, между ценностями поступательного развития и инверсионным типом социальных изменений. Рост раскола усилил ненависть широких масс к начальству, взаимное непонимание между ними, неспособность власти воздействовать словом на чувства и разум подданных. Раскол стал тривиальной естественной трагической повседневностью.

«В ОГОНЬ И ВОДУ ТОЛЬКО И ХОДУ»

Период царствования Петра I всегда был предметом особого внимания исторической науки и иногда рассматривался как водораздел русской истории, как поворотный пункт от варварства к цивилизации, по мнению одних, или отказ от национального развития, самобытности, по утверждению других. Очевидно, обе эти точки зрения имеют определенные основания. Значение реформ Петра заключалось в том, что они усилили в высшей культуре «фермент западничества», стремление опереться на определенные ценности западного либерализма, сделали это стремление содержанием деятельности власти и образованного слоя. *Однако ограниченный, уродливый характер этого западничества заключался в том, что Запад, западная культура на русской почве были превращены лишь в набор реальных и потенциальных средств.* Еще Г. Плеханов подметил, что «по методам своим Петр был славянофил». Практически реализация идей западничества приводила к стремлению овладеть новыми средствами, но не целями. В результате новые средства были использованы для достижения старых целей. Но старые методы в значительной степени разрушали то, что должны были создавать. В. Ключевский писал о «домашних средствах», используемых для осуществления реформ, о том, что они «состояли только в расширении государственной власти за счет общественной свободы и в стеснении частного интереса во имя государственных требований... каждая реформа этого порядка сопровождалась какой-нибудь тяжелой жертвой для народного благосостояния и общественной свободы». Других методов общество почти не знало и не понимало. Этот разрыв между исторически обоснованными задачами и непригодными для их решения методами был невыносим. «В огонь и в воду только и ходу» — так квалифицировали в народе сложившуюся ситуацию.

Сама историческая оценка этих попыток модернизации не может быть однозначной. Они стимулировали идеал, связанный с ростом и развитием, без чего в мире уже нельзя было

существовать. Слишком большое отставание от Запада могло иметь губительные последствия. Но эти попытки усилили раскол, разрушительное несоответствие двух векторов конструктивной напряженности.

Негативное значение петровских реформ заключалось в том, что их объективным результатом не стало подтягивание основной массы населения до сколь-нибудь более высокого уровня культуры. Наоборот, они привели к усилению поляризованности расколотого общества. Внедрение элементов более высокой культуры происходило таким образом, что они стали фактором наращивания массового дискомфорта. Результатом стал подъем не общества в целом, но лишь некоторой сравнительно небольшой группы. Это в конечном итоге усилило раскол в обществе, придало ему завершенную форму. Парадокс заключался в том, что прогресс оказался фактором, стимулирующим регресс, традиционализм, локализм. Возникли новые формы социальной структуры, например, промышленные предприятия, но на крепостнической основе. Они лишь имитировали либеральные формы. Таким образом складывалась система псевдоструктур и псевдофункций. Их основа лежала не в собственной производительной деятельности, но прежде всего в том, что они могли существовать за счет производительной перекачки ресурсов государством.

Попытка использовать «Моисеев жезл» для укрепления интеграторов на основе новой конструктивной напряженности привела к росту в стране состояния дискомфорта, к эффекту социального бумеранга, к уходу творческой энергии масс из-под влияния медиатора. Попытка на основе крайнего авторитаризма решить медиационную задачу, соединить единство с разнообразием ценностей и обстоятельств, с устойчивым стремлением к росту и развитию не удалась. Разнообразие не укладывалось в рамки государственности и противостояло ей. Дезорганизация угрожающе нарастала.

В главном, т. е. в деле ликвидации раскола, в формировании срединной культуры в важнейших сферах, произошло попятное движение. Культурный разрыв между верхом и низом возрос. Об этом свидетельствовало, например, то обстоятельство, что, по некоторым данным, общий уровень грамотности в стране во времена Петра снизился по сравнению с серединой XVII века. Имела место всеобщая убыль населения, которую можно сравнить с аналогичным процессом в эпоху Великой смуты. По данным за 1730 год снизился удельный вес горожан³⁷. Крайне важным для понимания судьбы страны было то,

³⁷ Миронов Б. Н. Русский город в 1740-1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 28, 225.

что деревенская Россия «ничего на самом деле не приняла из реформы Петра I»³⁸. В царствование Петра произошла задержка в развитии русской литературы — важнейшей сферы развития высшей культуры в стране, пришли в упадок искусство, иконопись и т. д. Основной порок попытки модернизации России заключался в том, что ее движущей силой была прежде всего поверхностная импульсивная реакция малочисленной части правящего слоя на сложившуюся ситуацию, на военное и экономическое состояние страны, на ее отсталость. Эта реакция не опиралась на соответствующее развитие культуры, новые ценности в толще общества. Симптомы культурного застоя и деградации не беспокоили сторонников реформы. Реформаторы не понимали, что для достижения поставленных целей необходимо нечто большее, чем обучение техническим приемам, что необходим массовый коренной сдвиг в ценностях, новый подход к интеграции общества, необходим новый тип личности, новые цели. В противном случае поверхностное стремление к модернизации станет лишь фактором, подготовляющим мощную волну антимодернизации, контрреформы, приведет ко всеобщей дезорганизации и, возможно, к распаду государства.

Рациональный смысл утверждения о «Петре-Антихристе» заключался в том, что созданная государственность теряла связь с системой ценностей масс и превращалась в античеловеческую силу. Подрывались основы решения медиационной проблемы, народ отстранялся от власти, лишал ее поддержки. Фигура царя в этой ситуации приобретала трагический характер.

Социальные интеграторы оказались у порога способности сохранить большое общество. Если очередной крах большого общества не произошел, то это можно объяснить лишь сильнейшей массовой апатией, отсутствием стремления выработать реальную альтернативу существующей государственности. Это касалось не только широких масс, но и высшего дворянства. Попытка верховников в 1730 году ограничить самодержавие встретила сопротивление со стороны дворянства и поэтому провалилась. Дворяне отказались взять на себя частицу ответственности за высшую власть и тем самым обрекли себя на унижения в царствование Анны Иоанновны, а страну — на деградацию.

³⁸ Герцен А. И. Поли. собр. соч. и писем. Т. 6. С. 406.

КОНЕЦ ПРЯМОЙ ИНВЕРСИИ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Подъем творческих сил народа, приведший к возникновению большого общества, после ряда интенсивных колебаний завершился переходом к низшей точке упадка. Отрыв власти от почвы привел к отрыву первого лица — этого высшего организационного воплощения интеграции общества — от пронизанного локальными ценностями государства, что выявилось, в частности, в легкости последующих дворцовых переворотов.

Крайний авторитаризм завершил важный период в истории страны. Общество прошло путь между двумя крайними точками инверсии, завершило сложное колебательное движение, импульсом которого было осознание необходимости общего порядка, тяга к государственности, к объединению. Однако это стремление не опиралось в должных масштабах на рост способности создавать соответствующую большому обществу организацию, на соответствующее развитие срединной культуры. Отсюда само это движение возникло как компромисс между двумя несовместимыми типами социальных изменений, между стремлением к неизменности и стремлением к развитию. Исторические события дают сложную картину постоянного поиска нравственной и организационной основы государственности большого общества, решения медиационной задачи, соединения интеграции и творческой энергии масс.

Накопленный исторический опыт страны показал, что общество, пройдя четыре этапа, не вышло за рамки господства манихейского типа мышления и действий, во всяком случае в том, что касалось формирования большого общества, государственности, социальных интеграторов. Страну бросало из одной губительной крайности в другую, от господства воспроизводства на основе соборной Правды локального мира к господству воспроизводства на основе авторитарной, даже тоталитарной Правды первого лица. Недостаточный уровень рефлексии, конкретно-исторической способности соответствующей интерпретации своего культурного богатства привел к ситуации, когда поиск выхода приобрел форму периодических переходов от одной крайней интерпретации вечного идеала к противоположной. Развитие приобрело циклический характер, осложняемый, однако, тем, что постоянно накапливаемая интерпретация оказывает воздействие на циклы, прежде всего смягчая некоторые инверсии, превращая их в вялые, замедленные, мешая им доходить до логического конца.

Циклическое развитие, инверсии порождали волны дезорганизации, разрушали большое общество, государство, то переходя через порог, ведущий к катастрофе, то приближаясь к

нему. Одна крайность в огне бунта приводила к растаскиванию большого общества по локальным мирам, вторая — к подавлению творческой энергии, жизненных сил общества. Отсюда слабость интеграторов большого общества, государства, которые нуждаются в опоре на срединную культуру, на рост способности ее формировать в соответствии со сложностью проблем, способности опережать эту сложность. Только в этом случае общество сможет опираться на идеалы, которые будут не только экстраполяцией некоторых древних ценностей, но и результатом углубления в предметную суть современности. Отсюда *раскол, приводящий к бесконечному спору общества и медиатора, где последнее слово остается всегда за многомиллионным народом*. Именно он своей воспроизводственной активностью или пассивностью способен показать медиатору, что последний — всего лишь тень общества со всеми его достоинствами и слабостями. Отсюда, между прочим, следует, что *точка зрения, подчеркивающая особую мощь государства в России, является мифом*. Сила государства, которая проявлялась в насилии, в попытках поднять народ против «зла», внешнего или внутреннего, — эта сила рассеивается как дым, когда речь идет о решении позитивных творческих задач. Сами эти творческие задачи требуют субъекта, ориентированного на развитие и прогресс, тогда как реально он оказывается еще на уровне статичных ценностей локальных миров. Такая государственность после каждой своей напряженной попытки вывести общество на новые рубежи теряет силы, доходя до полного изнеможения, до полной или почти полной потери связи с народом, с массовой воспроизводственной деятельностью.

Страна прошла четыре этапа, которыми, по-видимому, был исчерпан некоторый круг возможных комбинаций для инверсионного движения, для решений медиационной задачи, для создания соответствующих социальных интеграторов. Серия попыток привела в конечном итоге после двух национальных катастроф к созданию государственности, способной пережить очередную инверсию. Собственно, в этом и заключается успех, который был достигнут, однако, неисчислимыми жертвами, ценой архаичной деспотической государственности, опирающейся на веру в царя-тотем, и осложнен попытками модернизации варварскими методами, что как раз именно эту веру подрывало. Тем самым была исчерпана прямая инверсия, идущая от соборного идеала к авторитарному полюсу, что и привело к зрелой форме раскола, к тому, что внутри общества была заложена мина замедленного действия. Однако уход жизни из стабилизирующих государственных форм не привел го-

сударство к гибели. Но общество не нашло себя, не создало стабильной системы. Оно не достигло принципиального согласия с собой, не нашло основы, которая позволила бы всем слоям населения творчески работать в своем локальном мире для общества, а обществу — для всех сообществ. Работа внутри локального мира и работа большого общества гармонично не воссоединились. Историческое движение приобрело завершённый мучительный, уродливый, мятущийся характер.

ГЛАВА V ПОЗДНИЙ ИДЕАЛ ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ И ЛИБЕРАЛИЗМ

РОССИЯ «ПРИШЛА В СЕБЯ»

Банкротство воспроизводственной деятельности, опиравшейся на идеал крайнего авторитаризма, на тоталитарные принципы, вызвало в обществе массовое дискомфортное состояние. Гигантская инверсия, которая прошла от господства соборного идеала до крайнего авторитаризма, достигнув своей крайней точки, повернула назад. Этот процесс можно было наблюдать, например, на ослаблении власти вотчинника над сельским локальным сообществом. Община никогда не теряла своей способности бороться за самосохранение. Даже в наиболее сильных вотчинах община противодействовала авторитарному давлению. В случаях, когда помещикам удавалось уничтожить мирское управление, оно быстро восстанавливалось¹. К концу XVIII века отмечалось усиление крестьянской общины². Община оказалась сильнее государства. Характерна борьба, которую вели крестьяне новооскольской вотчины Салтыковых. Она завершилась в 1808 году переводом крестьян на оброк. Это повлекло за собой изменения в организации управления. Раньше управляющий представлял господам свое мнение по поводу хозяйственных и иных решений на утверждение. С переводом хозяйства на оброк «суд и расправа» были переданы мирским представителям, «атаману» и десяти «старейшим». Авторитаризм отступал в отношениях между общиной и помещиками.

¹ *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 187.

² *Ван Режемортер Ж.* Упадок крепостного права. 1796-1855// Современные зарубежные исследования русской правовой мысли XIX века. М., 1982. Вып. 1. С. 92

Новая инверсия опять приобрела вялый характер. Этому способствовала сама резкость прошлого перехода к авторитаризму, давшая в конечном итоге негативный результат. Вялый отход от авторитаризма привел к попытке восстановить древнее синкретическое равновесие между элементами вечowego идеала, их гармоничное согласие. На полпути обратной инверсии возник *поздний идеал всеобщего согласия*. Это движение охватило все общество. Налицо была новая попытка продвинуть вперед срединную культуру, найти новую альтернативу, отказаться от манихейских крайностей, создать систему отношений, воплощающих стремление ликвидировать раскол, искать Правду, формируя слияние народа и власти. *Этот идеал нашел своего теоретика в лице историка и писателя Н. Карамзина (1766-1826)*. Он выдвинул идею: «История народа принадлежит государю». История страны сводится им к истории самодержавия, безусловное повиновение народа признается необходимостью, что не исключает строгой законности, установления широких гражданских свобод, включая свободу слова, всенародное участие в общественных делах. Он писал: если народ обязан склоняться перед монархом, то и монарх имеет определенные обязательства перед народом. В *«Истории» Карамзина апологии самодержавия сопутствовало резкое осуждение его злоупотреблений*.

В системе Карамзина заметны особенности, отличающие ее от раннего идеала всеобщего согласия: 1) ударение на нравственный аспект проблемы, 2) исчезновение идеи промежуточного социального института — Земского собора, что свидетельствует об углублении раскола и его разрушительном воздействии на организационное творчество общества. Карамзин выдвигал некие общие правила поведения, правила игры, но не предусматривал введение соответствующих институтов, обеспечивающих соблюдение этих правил. Аналогичные идеи получили широкое распространение. Согласие должно было достигаться само собой. Как заявил один из дворянских депутатов в комиссии, созданной Екатериной II, собственный интерес помещика достаточно побуждает его заботиться о благосостоянии своих крестьян. Известный просветитель Н. Новиков (1744-1818) в своей комедии, напечатанной в журнале «Кошелек», говорил, что барин должен заботиться о своих крестьянах, а крестьяне — искренне любить своего барина. Новый идеал позволял идти навстречу разнообразию ценностей различных слоев и групп, рассчитывая на их спонтанную внутреннюю гармонию. *Стремление искать в большом обществе гармонию, аналогичную идеалу древнего локального сообщества, наталкивалось, однако, на глубокую расчленен-*

ность большого общества. Эта расчлененность требует интеграции общества, предотвращения разрушительных конфликтов между его частями. Общество может достигать этого в борьбе за объединение разнородного. Но может и выдвигать идеал синкретизма, нивелирующего внутренние различия, что порождает социокультурное противоречие между культурным идеалом и спецификой большого общества.

Практически это противоречие между верой в спонтанную гармонию большого общества и разнообразием групп решалось путем экстраполяции представления о целом на часть, расширения прав того или иного сословия. Ослабление сословия, его закрепощения может быть ошибочно оценено как шаг навстречу целому. Первый нерешительный шаг на высшем уровне в этом направлении был сделан в царствование Анны Иоанновны: служба дворян была ограничена двадцатипятилетним сроком. В царствование Елизаветы Петровны (1741-1761), когда Россия «пришла в себя», «никто из людей, враждебных и опасных правительству, не был казнен смертью, при допросах никого не пытали». Правда, не всем это нравилось. Когда на площади выведенные на казнь были помилованы, «никому не отрубили головы, то встало волнение, которое должны были усмирять солдаты»³. Для этого царствования характерно стремление следовать историческому наследию Петра, «дать силу его указам, поступать в его духе», но одновременно наметились попытки обратиться к ценностям низов. Возникла мысль о созыве депутатов для внутреннего благоустройства в стране. Идеал согласия становится господствующим. 18 февраля 1762 года Петром III был опубликован манифест о пожаловании всему российскому благородному дворянству вольности и свободы. От политики закрепощения общества, которая превращала всех и каждого в элемент бюрократической машины, медиатор встал на путь ликвидации крепостной зависимости. Власть отказалась от взгляда на страну как на вотчину. Медиатор получил мощный животворный импульс: его деятельность приобрела нравственное оправдание как выражающая интересы народа. Правда, манифест касался только дворянства, но при данной расстановке сил именно оно рассматривалось как народ, т. е. как часть, которая и была целым. В манифесте выразилось намерение заменить принуждение апелляцией к совести, к общественному мнению. Уже тот факт, что для дворян отменялись телесные наказания, можно считать подлинной психологической революцией во взаимоотношениях их с властью. Начинался золотой век дворянства.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. XI (тт. 21-22). С. 140.

Императрица Екатерина II (1762-1796) отошла от провозглашенной Петром I идеи всевластия царя, от трактовки личного усмотрения государя как единственного двигателя жизни общества. Царским манифестом от 6 июля 1762 года было объявлено, что самодержавное самовластие само по себе без узды добрых и человеколюбивых качеств есть зло, пагубное для государства, усматривалась ценность в конкретных человеческих свойствах, признавалось определенное право личности поступать по собственной воле. В 1775 году было издано «Учреждение губерний для управления Всероссийской империей», что способствовало укреплению позиций как местного чиновничьего аппарата, так и местного дворянства в администрации и суде на местах. На базе местного самоуправления должны были объединяться усилия всех сословий.

На местах учреждался совестный суд, который должен был противостоять административному и судебному произволу, ему предоставлялось право освобождения из-под стражи лиц, содержавшихся в заключении более трех дней без достаточных на то оснований. На Приказ общественного призрения возлагалась обязанность насаждать просветительные и филантропические учреждения — осуществлять строительство школ, больниц, приютов, богаделен и т. п.

Налицо решительный поворот. А. А. Кизеветтер писал: «Стародавняя историческая традиция приучила общество смотреть на все административные учреждения как на насосы, приставленные к источникам народного благосостояния и выкачивающие материальные ресурсы народа на пополнение государственной казны. Теперь закон провозглашал ту истину, что администрация должна служить обществу, расчищая почву и облегчая пути к подъему его культуры, причем было признано, что выполнение этой задачи может быть доступно для администрации лишь в том случае, если к участию в ней призываются сами местные общественные силы». Идея сотрудничества, активизации местных сил пронизывала все мероприятия власти.

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Становление позднего идеала всеобщего согласия стимулировалось не только инверсионной реакцией на банкротство авторитарного идеала. Формирование субкультуры правящей элиты включало также интерпретацию приобретающего *все более существенное влияние утилитарного идеала, а также обращение к либеральному идеалу*. Нравственная духовная жизнь приобрела сложный многоаспектный характер. Возник-

новение все более сложных проблем неизбежно заставляло смотреть в сторону Запада, который, как казалось по крайней мере определенным группам, обладал более эффективными средствами для решения возрастающего множества проблем. Запад постоянно посылал вызов, показывая свою более высокую эффективность в решении вроде бы тех же самых проблем, количество которых неуклонно множилось в стране. Поэтому Запад для России всегда оставался сложной амбивалентной проблемой. Он — носитель знаний и умений, внушавших, однако, подозрение в своем дьявольском происхождении. Своих результатов Запад добился на иной культурной нравственной основе, на протяжении столетий и даже тысячелетий развивая утилитаризм. Утилитаризм оказал мощное стимулирующее влияние на все стороны жизни общества, что в конечном итоге было необходимым условием возникновения либерализма — нравственного идеала принципиально нового типа.

Либерализм несет в себе новый тип социальных интеграторов, соответствующих специфике большого общества. Этот идеал *в определенном смысле противоположен синкретизму во всех его версиях*. Либерализм — нравственное основание общества либерального типа, т. е. общества либеральной цивилизации, коренным образом отличной от традиционной цивилизации с ее ориентацией на статичное воспроизводство. Интеграторы либерализма носят всеобщий характер. Они являются сложным результатом многовековой творческой деятельности миллионов, создавшей большое общество на его собственной основе. В этом существенное отличие от вечового идеала, который предоставлял для воспроизводства государственности культурное богатство догосударственной жизни. *Либеральный нравственный идеал по самой своей природе способен быть нравственной основой большого общества*. В этом его отличие от утилитаризма, который со своим своеобразным микроэмпиризмом и микрорационализмом привязан к частному, случайному и способен постоянно приспосабливаться к любому господствующему нравственному идеалу, выступать как средство его укрепления.

Определенный поворот правящей элиты к утилитаризму и тем более к либерализму мог быть результатом существенной духовной работы в обществе, нацеленной на постоянное переосмысление, интерпретацию, переинтерпретацию нравственных идеалов. Это означало, что *в обществе постепенно формировалась духовная элита*, т. е. социальная группа, профессионально занятая культивированием высших духовных ценностей общества на основе критического переосмысления высших результатов национальной и мировой культуры.

Большое общество, в особенности вступившее на путь утилитаризма, не может существовать, если в нем не сложилась духовная элита, занятая разработкой высшей культуры. Той культуры, которая поднялась до осмысления задач большого общества, человечества, которая ищет новые нравственные идеалы, пути воспроизводства большого общества, новые, более совершенные, достойные средства единения людей, более высокие цели. Гибель духовной элиты, изоляция ее от общества может быть аналогична потере человеком разума в сложной ситуации. Она — центр духовной жизни общества, где сконцентрирована выработка новых культурных и организационных мутаций. Она аккумулирует, концентрирует важные культурные новшества, возникающие в обществе, во всей толще народной почвы. *Духовная элита расширяет сферу самосознания.* Последнее является не чем иным, как способностью человека превращать свое сознание, свои идеалы в особый предмет рассмотрения. Самосознание — это рефлексия сознания, необходимый элемент всякого сознания, который может противостоять сознанию. В принципе *сознание и самосознание — полюса дуальной оппозиции, находящиеся друг с другом в диалоге*, в состоянии амбивалентного взаимопроникновения. Даже самое примитивное человеческое сознание постоянно порождает самосознание.

Духовная элита осмысливает, переосмысливает, разрабатывает идеи, лишь наметившиеся в сознании народа. Она формирует высшую форму осознания усложняющихся задач общества. Ее задача — поднять сознание от узких частных задач до уровня проблем большого общества, всего человечества.

Духовная элита постоянно занята переосмыслением нравственных основ жизни общества. Это делается с разных позиций: философии, богословия, литературно-художественного творчества и т. д., что приводит к расслоению в самой духовной элите. В обществе, тяготеющем к синкретизму, где сохранилась древняя синкретическая монополия власти на жреческо-идеологические функции, правящая и духовная элита слиты и медленно, с трудом осознают различие своих задач. Правящая элита призвана обеспечить повседневное решение медиационной задачи, постоянное следование общества социокультурному закону, слияние возможностей интеграции общества и ценностей массового сознания. Правящая элита по самой сути своих социальных функций должна ежедневно предотвращать углубление раскола вплоть до необратимой деструкции, максимально сужать разрыв между ценностями локалистского массового сознания и интеграцией общества. Задачи, стоящие перед духовной элитой, принципиально иные.

Переосмысление сознания выводит ее на новые ценности, на поиск путей новой, более достойной жизни. Она вдохновляется логикой высшей культуры, тогда как правящая элита следует логике наличных культурных форм, логике компромисса между ними. *В тенденции духовная элита действует по логике самосознания, а правящая — по логике сознания.* Поэтому диалог между ними — абсолютная необходимость для воспроизводства общества. Однако между ними возможен раскол, когда они превращаются в фактор дискомфорта для друг друга. Для общества это может иметь трагические последствия.

Специфика духовной элиты в том, что ее шаг новизны, масштабы культурных новшеств могут быть больше приемлемых для основной массы населения. Это обстоятельство создает *предпосылку для раскола между духовной элитой и народом*, т. е. результаты творчества духовной элиты могут вызвать массовое дискомфортное состояние, раскол между разными формами сознания, между сознанием и самосознанием. Народ в условиях раскола для духовной элиты может выступать как «таинственный незнакомец» (И. Тургенев). В этом случае культурные мутации, вырабатываемые духовной элитой, не получают реального выхода за ее рамки. *Раскол не происходит в тех странах, где существует диалог духовной элиты с массовым сознанием*, где результаты творчества каждой из частей общества постоянно осваиваются другими частями и масштабы приемлемых новшеств, шага новизны постоянно расширяются.

По словам А. Герцена, до начала XIX века лучшие люди России шли вместе с властью, поэты воспевали царей, не будучи рабами. Духовная элита не видела в своей деятельности ничего, что противоречило бы задачам власти, стремилась к слиянию своих и ее целей. Таким образом, власть могла опираться на образованную часть общества. Например, идея особого назначения русского православия послужила обоснованием политики власти в борьбе против Новгорода. Труды представителей интеллектуальных кругов чаще всего выступали в форме челобитных царю, который в глазах общества был единственной силой, способной реализовать предполагаемые мероприятия. Мыслитель середины XVI века Ермолай-Еразм, протопоп дворцовой церкви, в трактате, написанном для Ивана IV, предложил программу переустройства управления страной, проект военных и судебных реформ. В трудах И. Пересветова нашло обоснование неограниченное самодержавие: «Не мочно царю без грозы быти: как конь под царем без узды, так и царство без грозы». Любопытно, что

труды Пересветова пользовались популярностью вплоть до конца XVIII века, что, по-видимому, было связано с культом авторитарных идей в читающем слое общества. В «Повести о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича» (1603) патриарха Иова нарисован идеал монарха. Там доказывалось, что Борис Годунов — наилучший преемник династии Калиты.

Преобразованиям петровского царствования предшествовала не одна программа реформ. Так, проект панслависта Крижанича чрезвычайно близок реформам Петра I. Вокруг Петра сложилась группа интеллектуалов — «ученая дружина», по определению Феофана Прокоповича. И подготовка, и сам ход преобразований проходили под влиянием интеллектуальных сил.

Представители духовной элиты часто занимали крупные государственные посты. Все крупные историки XVIII века были чиновниками на службе у правительства. Приверженность духовной элиты власти имела и негативную сторону, препятствуя ее влиянию на общество. По мнению В. Ключевского, прожектеры петровской эпохи не оказали заметного влияния на общественное самосознание. В этой связи эпоха Петра I была, как заметил Д. Лихачев, «самой нелитературной эпохой за все время существования русской литературы».

Нелегким оказался самостоятельный путь духовной элиты. Она не могла оставаться «мальчиком на побегушках» у власти, исполнителем ее утилитарных требований. Освободившись в результате падения крайнего авторитаризма от узкого утилитаризма, от нравственной зависимости от медиатора, она тем самым становилась наследницей идущей от Аввакума традиции нравственной независимости от власти. Это расширило возможность либерального разномыслия. *Либерализм в России опирался на два источника: во-первых, на отдаленные возможности перерастания утилитаризма в либерализм*, чему способствовало развитие городов, разнообразия форм деятельности; *во-вторых, на внутреннее движение высшей культуры*, стимулированное ростом внутреннего напряжения в стране, остротой раскола, возможностью постоянного использования культурного материала других стран и народов. Отдаленные истоки возникновения либерализма в стране можно видеть в линии, идущей от духовного вождя «заволжских старцев» («нестяжателей») Нила Сорского (ок. 1433-1508), который, в противовес господствующим взглядам на обрядовую сторону религии как на основную, проповедовал внутреннее совершенствование человека. Он требовал личного переживания веры, сосредоточения человека на своем внутреннем мире. Учение

его вело происхождение от византийских исихастов (XIV век), выдвигавших идею примата внутреннего созерцания, от отцов восточной церкви, от библейских пророков, ставящих выше всего Правду в человеческом сердце. Видения пророков, по словам А. Тойнби, всплывали из подсознательной глубины человеческой души.

Российский либерализм постоянно получал стимулы от высших достижений западной культуры, от западного либерализма. Важным звеном развития либерализма стало масонство, появившееся еще при Елизавете. Оно было нравственным движением дворянской молодежи. Масоны обращались к разуму и сердцу человека в поисках источника «истинной нравственности», нравственных оснований жизни в кризисной ситуации. Масонство стремилось преодолеть крайне болезненную для страны локальность, замкнутость мировосприятия, выдвигая идею всемирного братства. Цель его — «собрать добродетель со всех земных стран» без различий племенных, религиозных, сословных, поскольку у всех один отец. Видный масон И. Лопухин (1756-1816) составил катехизис, в котором было сказано: «Масонство видит во всех людях братьев, которым оно открывает свой храм, чтобы освободить их от предрассудков их родины и религиозных заблуждений их предков, побуждая людей к взаимной любви и помощи»⁴.

Образованные круги вступили на путь либерализма, нравственного и социально-политического движения, осознавшего реальную необходимость и целесообразность для общества прогресса во всех его формах — нравственного, социального, экономического, политического и т. д. *В тенденции русский либерализм выступал как деятельность элитарного самосознания, преодолевающего синкретизм и творящего нравственный идеал общества нового типа.*

В либерализме инверсии противопоставляется диалог и, следовательно, заложено стремление преодолеть инверсионный тип социальных изменений в процессе поисков новых путей развития общества. Либерализм противопоставляет инверсионному типу изменений медиацию, анализ и синтез, постоянный поиск меры. Согласие достигается, таким образом, через диалог, движение к согласию посредством критики и к критике через согласие. Согласие же, основанное на вариантах древнего синкретического идеала, статичное по характеру своему, опирается на веру в его заданные нормы. *Либеральный и синкретический идеалы несовместимы.* Либерализм преодолевает локализм сознания, переходя к принципу всеобщей ответст-

⁴ Сидоров Н. П. Масонство и крепостное право// Великая реформа. М., 1911. Т. 3. С. 163.

венности, ответственности каждого за целое, целого за каждого. Либерализм видит в расколе проблему, ему чужда вера в отвлеченную Правду традиций и заветов предков. В центре его — активная личность, синтез личного и общего в процессе развития. Идеал либерализма — активное стремление к общей пользе, которая совпадает с саморазвитием личности. Личность выдвигается на первый план как источник нового, как активное начало, как самоценность. Либерализм опирается на науку, на технику, тогда как синкретизм враждебен изменениям. Либеральный идеал носит динамический открытый характер и находится в непрерывном развитии. Он не имеет завершенной формы. Для понимания исторических путей либерализма в России крайне важно то обстоятельство, что он стал удобной формой интерпретации идеала всеобщего согласия как духовной, так и правящей элитами.

Екатерина II, которая, не в пример предшествующим правителям страны, была европейски просвещенным человеком, мечтала о переустройстве России на либеральных основах. У нее был достаточный запас наблюдений, опыта и знаний. Отсутствие национальной социальной науки вынуждало Екатерину обращаться к теориям западных просветителей, к сочинениям Монтескье, Беккариа, немецких публицистов и французских энциклопедистов. Но если для Запада эти сочинения были важнейшей ступенью самосознания, самосовершенствования общества, то в России они приобретали совершенно иной смысл, оценивались в иной модальности. Обращение к западной науке явилось прежде всего симптомом поисков выхода из социального и политического тупика, знаменовало собой порыв к реформаторству, а также говорило о содержании интересов духовной элиты, о ее критическом настрое. *Но западные теории, выросшие на принципиально иной культурной почве, оказались практически беспомощными в условиях России.* Они не были бесполезными для русского читателя, показывая ему, что общество должно быть предметом изучения, и тем самым приводя к мысли о необходимости реформ, о назревшей потребности в социальной теории и практическом ее воплощении. Они, наконец, познакомили русских с идеалами Запада, причем оказалось, что социальный идеал не обязательно заимствуется из прошлого, но может созидаться по мере прогресса знаний. Идеи эти для духовной и правящей элиты России имели скорее общеметодологическое значение: реальной программой в условиях России они стать не могли. В екатерининском «Наказе» Комиссии Уложения изложены основные идеи, касающиеся преобразования жизни страны на основе либерализма, достижения согласия между обществом и

государством. Одновременно он свидетельствовал *об абстрактности либеральных стремлений, оторванности их от реальных мотивов, которыми руководствовались социально значимые слои общества.*

С правительственного одобрения развернулась широкая издательская деятельность, выросло количество издаваемых в стране журналов. Либерализм выступал и как независимая сила, и как правительственная политика.

РАСКОЛ ПРАВЯЩЕЙ И ДУХОВНОЙ ЭЛИТ

При Екатерине II сложилась, казалось бы, исключительно благоприятная ситуация: единство правящей и духовной элиты, т. е. власти и разума, создавало основы для совместной деятельности, организационного созидания, для осуществления самых заветных замыслов. Тем не менее *в расколотом обществе раскол между правящей и духовной элитами был неизбежен.* Причина его лежала достаточно глубоко. *Духовная элита шла к либерализму, тогда как правящая элита страшилась прежде всего накопления социокультурных противоречий, противоречий между массовым сознанием, наиболее влиятельными ценностями общества, с одной стороны, и государственностью, ее политикой, функциями, всей организацией власти — с другой.* Это особенно ярко видно на примере Екатерины II, которая в силу своего образования и воспитания склонялась к либерализму. В стране не было третьего сословия. Питая интерес к этой проблеме, императрица пригласила к себе 28 купцов. «Однако их просьбы оказались самыми прагматическими (пошлины, цены, монополии) и совершенно не касались политических, судебных прав, столь заботивших французского буржуа; среднее же российское купечество и мещанство, узнав о совещаниях, испугалось, как бы не усилилась, не выгадала от новых привилегий приглашенная царицей верхушка... Выяснилось, что конституции, высшие советы, парламенты совершенно не волнуют российское дворянство, за исключением самой небольшой группы мыслящих идеологов (братья Панины, Дашкова, Фонвизин и др.); боязнь мелких дворян, что в высших совещательных, политических органах укрепятся могучие аристократы, явно перевешивала стремление к свободе, независимости... Поэтому уже подписанный в августе 1762 года указ о создании „конституционного“ Императорского совета Екатерина вскоре надорвала, остановила»⁵.

⁵ Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 72-75.

Екатерина II была даже вынуждена однажды использовать военную силу для защиты от бесчинства выбранных органов.

Раскол, который мучительно, с возрастающей силой ощущала правящая элита, стимулировал ее попытки усилить политическую активность определенных слоев, активизировать систему самоуправления. Новые институты там, где они насаждались, превращались в форму государственной службы. Складывался заколдованный круг. С одной стороны, власть административными средствами эпизодически пыталась повысить политическую активность тех или иных слоев, но, с другой стороны, эти люди, не ощущая еще в этом внутренней потребности, не отличали эти попытки от других неприятных для них форм административного нажима, что лишь усиливало сопротивление этим попыткам.

Императрица, не встречая в стране даже минимальной поддержки либерализму, отступила. В 1792 году по указанию Екатерины без суда и следствия был заключен в Шлиссельбургскую крепость Н. Новиков. В издаваемых им журналах велась полемика с императрицей, высмеивались знать, судебные порядки, хотя до принципиального осуждения существовавшего режима дело не дошло. В лице Новикова мысль, высшая культура впервые выступила как независимая от власти сила. В том же году были запрещены масонские организации. Екатерина II, казалось, забыла о «Наказе» — правящая элита увидела в лице духовной элиты потенциального врага, в плодах ее труда — разрушительное оружие. Наиболее ярким фактом разрыва явилась расправа с А. Радищевым (1749-1802). Его книга «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) прямо объявляет самодержавие «наипротивнейшим человеческому естеству состоянием». Он считал закономерной вековую тягбу народа с государями и отстаивал свободу слова. Безрезультатной оказалась попытка авторов конституционного проекта графа Н. И. Панина и писателя Д. И. Фонвизина. В их тайных проектах 1770-х годов проводилась идея освобождения крестьян. В сущности, проекты были вполне в духе «Наказа». С новым этапом раскола власть лишилась разума, а духовная элита — силы, возможности диалога с обществом посредством сложившихся социальных институтов. В крайне сложной ситуации власть оказалась вооруженной лишь рассудком, обыденным сознанием, а духовная элита, теснимая властью, оказалась под угрозой изоляции. Крах либеральных идей Екатерины еще раз подтвердил ограниченность возможностей власти, ее зависимость от господствующих в обществе ценностей.

В повороте Екатерины от либерализма и просветительства, бесспорно, сыграл свою роль и страх перед разразившейся

Великой Французской революцией. Екатерина II лучше других почувствовала смысл краха крайнего авторитаризма, к чему понуждала ее и неустойчивость ее положения государыни, захватившей трон без всяких законных оснований. Оно осознала неприятие широкими слоями как дворянства, так и крестьянства ценностей либеральной цивилизации. В этом главная причина поворота политики в 90-х годах и разрыва с духовной элитой.

Однако правящая и духовная элиты нуждались друг в друге, и либерализм, казалось бы, мог стать нравственной основой их единства. Александр I (1801-1825) объявил, что будет управлять «по законам и сердцу» своей «премудрой бабки», что свидетельствовало о попытке вернуться к либерализму и примириться с Духовной элитой. Царь пытался подготовить некоторые либеральные реформы. Их общее направление можно определить как уравнивание всех сословий перед законом и приобщение к совместной деятельности, дружному участию в государственном управлении. Император и его приближенные главным злом в управлении считали «произвол», отсюда их планы водворения строгой законности. Проект М. Сперанского предполагал введение выборности всех законодательных, исполнительных и судебных органов, учреждение Государственной думы с правами законодательными и с ответственным министерством. Правящая элита пыталась нейтрализовать негативные последствия всеобщего крепостничества. Крестьянство нельзя было оставлять во власти дворян, так как это в конечном итоге было чревато взрывом.

В начале царствования была запрещена аренда населенных земель в частную собственность, по указу 1803 года помещики получили право отпускать на волю крестьян, наделив их землей, официальное подтверждение получило существование сословия «свободных хлебопашцев». Была запрещена продажа людей на ярмарке, что, впрочем, не сыграло важной роли; отменено право помещиков ссылать крестьян на каторгу. При Александре I были сделаны определенные шаги навстречу ценностям крестьян и даже фабричных. Кабинет министров принял специальное постановление: «По справедливым жалобам крестьян помещиков предавать суду, а имения их брать в опеку; по справедливым жалобам дворовых людей освобождать их от услуг помещику, выдавать паспорта для снискания пропитания». В результате деятельности особого комитета по расследованию положения на казенных предприятиях в 1818 году был издан царский указ «Об улучшении на казенных предприятиях способов содержания фабричных». Выступая в польском сейме, Александр I подчеркнул значение «законно-

освободительных учреждений». Их «спасительное влияние» он обещал распространить на всю Россию. Конституционный опыт Польши рассматривался царем как этап в развитии представительного правления по всей стране. Будущая конституция должна была соединить западную идею права с неограниченным самодержавием.

Однако и эти попытки либерализации успеха не имели. А. Герцен писал об Александре, что он желал улучшений, но не знал, как приступить к ним. Предпринимая попытки двигаться по либеральному пути, он терял опору в социально значимых слоях, среди основной массы общества — дворянства и крестьян. Отсюда отмеченные декабристом А. Беляевым «частые колебания» правительства, т. е. неспособность преодолевать ограниченность хромающих решений. Проекты реформ повисали в воздухе.

В. Ключевский так характеризовал деятельность Сперанского в первые годы царствования Александра: «Приступив к составлению общего плана государственных реформ, он взглянул на наше отечество, как на большую грифельную доску, на которой можно чертить какие угодно математически правильные государственные построения. Он и начертил такой план, отличающийся удивительной стройностью, последовательностью в проведении принятых начал. Но, когда пришлось осуществлять этот план, ни государь, ни министр никак не могли подогнать его к уровню действительных потребностей и наличных средств России... <...> Это была политическая мечта...»⁶. Либерализм этого этапа носил абстрактный характер, т. е. не мог в должной степени конкретизировать собственные идеи. Тяготеющая к либерализму система ценностей правящей элиты и система ценностей крестьянства могли сохранять определенную видимость единства в статике. Но любая попытка правящей элиты что-либо существенно изменить выявляла скрытый глубочайший раскол, что внушало страх перед любыми значимыми изменениями. «Александровская весна» зашла в тупик. Интимный кружок при императоре распался, Сперанский был отстранен. Это дает основания говорить о трагедии Александра, вынужденного проводить политику, противоречащую его убеждениям. Царь оказался совершенно бессильным. «Александр начал Марком Аврелием, кончил Тиберием. Солнце, взошедшее так ясно, закатилось в кровавый туман. Он умер среди наступающего террора, среди ужаса, который внушал другим и который равен был ужасу, который сам он испытывал»⁷.

⁶ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1958. Т. 5. С. 218-219.

⁷ Мережковский Д. С. Поли. собр. соч. СПб.; М., 1911. Т. 10. С. 43.

Опыт общества в условиях господства позднего идеала всеобщего согласия показал, что смыкание духовной и правящей элит происходило на основе обоюдного стремления к либерализму. Расхождение же между ними, конфликт, доходивший до вооруженного столкновения, возникает в результате краха либеральной политики власти. Правящая элита, нацеленная на повседневное решение медиационной задачи, в результате кризиса своей политики может быстро изменить курс, тогда как духовная элита, склонная заглядывать далеко вперед, сделать это не может. Однако проблема заключается в том, что в условиях преобладания в обществе тех или иных вариантов вечевое нравственное идеала либеральный идеал, во всяком случае в сложившихся в то время формах, не открывал путь решения медиационной задачи. Инверсионная волна оставалась в рамках древнего вечевского идеала и могла лишь перемещать фокус между двумя крайними полюсами оппозиции «авторитаризм — соборность». Следовательно, во всех случаях господствующий идеал оставался в рамках общества, тяготеющего к синкретизму. Господство разных форм вечевского идеала не выходило за рамки доминирования партиципации, стремления слиться с тотемом — монополистом на Правду, на власть. Это означало, что медиационная задача во всех случаях могла решаться лишь на основе социальных отношений, сохраняющих статичный образ тотема, который выступал одновременно и как некоторое сообщество, и как отец-вождь-царь. Либеральный идеал, однако, означал отказ от партиципации и, следовательно, требовал решения медиационной задачи на противоположном принципе личной ответственности за общество, требовал динамичности целей и ценностей. Эта раздвоенность не могла не усиливать социокультурное противоречие, дискомфортное состояние: негативное впечатление об общем нарастании хаоса в обществе усиливало противоречие между культурой и социальными отношениями, между субкультурами государственности и локальных миров, между разными типами социальных отношений. В основе этого лежало мощное и изменяющее свою направленность развитие массового сознания, которое оставалось во власти догосударственных идеалов и двойственного отношения народа к власти.

«ЖЕЛАЕМ ОСТАТЬСЯ КАЗЕННЫМИ»

Власть постоянно сталкивалась с манихейской враждебностью народа к правящему слою и одновременно с его стремлением слиться с царем. В одном из подложных указов

Екатерины II, распространявшихся среди крестьян, дворяне обвинялись в том, что по их вине изринута из России Правда. К екатерининской эпохе относится литературный памятник «Плач холопа», автором которого, видимо, был крепостной человек. В нем сказано, что только воля выведет всякую неправду, что тогда переведутся злые господа. В «Плаче» видна и враждебность к иностранцам. Но сама царская власть в нем трактуется как высшее благо. Некий И. Батурич, подкараулив однажды цесаревича Петра, предложил «взбунтовать народ в его пользу»⁸. Башкиры об императрице говорили: «Она правосудна, но правосудие от нее не отошло и к нам не пришло». Взбунтовавшиеся крестьяне Полоцкой губернии заявили: «Ничего нам не будет, ибо государь позволил просить на отягчающих помещиков, да от нас уже и посланы с прошением к царю». Своей высшей точки возмущение достигло в восстании Е. Пугачева (1773-1776), охватившем чуть ли не половину страны. Восставшие грабили усадьбы помещиков, истребляли представителей правящего слоя, разрушали города, сжигали металлургические заводы на Урале. Интересно, что изучение А. Пушкиным истории пугачевщины послужило его освобождению от поклонения перед народом.

Пугачев был по крайней мере седьмым по счету самозванцем, выдававшим себя за Петра III. В восстании было велико влияние староверия, некоторое время на знаменах восставших был староверческий крест. При всем разнообразии этнического и религиозного состава восставших их объединяло стремление к старой вере; для народов Поволжья это был возврат к своим старым дохристианским верованиям. Их общность с русскими староверами состояла в ориентации на древние формы жизни, в неотступном желании обрести на престоле природного царя. В. Короленко говорил о значении образа Петра III — Пугачева: «Найден царь, настоящий, общий, способный всех примирить, установить гармонию интересов. Великая народная мечта, великий и трагический обман!..»⁹

Народу нужен был царь-избавитель. В одной из староверческих легенд Петр I предрекает явление другого Петра — мстителя и избавителя, и тот обещает: «У всех у них отниму крестьян и сделаю, как в старину бывало». Пугачев выступал как воплощение Правды, гарант народной свободы. «Свобода», как это явствует из крестьянских документов, означала жизнь под «премудрым управлением всероссийского скипетра» в противоположность жизни под властью помещика. Пугачев жало-

⁸ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967. С. 138.

⁹ Короленко В. Г. Записные книжки (1880-1900). М., 1935. С. 367.

вал своих подданных «вольностью, без всякого требования в казну подушных и прочих податей и рекрутов побору, коими казна сама собою довольствоваться может, а войско наше из вольножелающих к службе нашей великой исчисление иметь будет. Сверх того, в России дворянство крестьян своих великими работами и податями отягощать не будет, понеже каждый несочувствует прописную вольность и свободу». Он обещал народу «свободу и тишину» на земле, «кая до века продолжаться будет». «Тишина» пугачевских манифестов и состояние «покоя» в сказочных сюжетах, которое дает народу получивший царство герой,— проявления одного и того же менталитета. «Как только цель достигнута и несправедливость устранена, наступает состояние покоя („Стали жить-поживать и добра наживать“), действие дурных закономерностей прекращается, динамический сюжет исчерпан и будущее мыслится как некая статичная социальная структура»¹⁰.

Пугачев обещал мир на веки вечные, социальную гармонию и избавление. Он был враждебен начальству, и это определяло его непосредственно эмоциональную связь с народом: «Жалуем сим именным указом, с монаршеским и отеческим нашим милосердием, всем находящимся в крестьянстве и подданстве помещиков быть верноподданными рабами собственно нашей короны». Рабство помещику заменялось рабством царю. Интересно, что этой идеей обосновывал абсолютизм Посошков в своем сочинении «О скудости и богатстве», утверждая, что помещики крестьянам не вековые владельцы, а владелец им царь. Переход от помещика под власть царя понимали как переход в разряд государственных крестьян, «в казну»: «Умрем, а не хотим быть за помещиком. Желаем остаться казенными». Это было наиболее радикальным из требований крестьян. Оно коренилось в тотемических представлениях, требующих от людей партиципации к внешнему сильному авторитету, держателю монополии.

Рабство царю, т. е. носителю высшей Правды, не есть, собственно, рабство, но отдача себя под власть справедливого отца — могущественного царя. Одновременно крестьяне несли в себе непримиримую вражду к правящему слою, так как он не вписывался в тотемическую модель мира. Восстание мордовских крестьян Тюрюшевской волости в 1743 году было вызвано религиозными притеснениями, затем оно перекинулось в соседние районы и продолжалось два года. Восставшие угрожали начальству «побить вас всех до смерти». В пугачевских манифестах крестьяне призывались истреблять «злодеев-дворян...

¹⁰ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. С. 161.

Кои дворяне в своих поместьях и вотчинах,— оных, противников нашей власти, возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать». Суд над большинством помещиков, «облихованных» крестьянами, оканчивался виселицей. Обычны были самосуды с убийством всей семьи помещика, включая детей. Один из эmissаров Пугачева объявил: «Если кто помещика убьет до смерти и дом его разорит, тому дано будет жалование сто рублей, а кто десять дворянских домов разорит, тому 1 000 рублей и чин генеральский». Восстановление общинного самоуправления, независимого от помещичьей вотчинной администрации, явилось главным требованием волнений в 1820-1840 годах в целом ряде имений. Во всех этих случаях крестьяне отказывались повиноваться старостам и бургомистрам, которых навязывали им помещики, и выбирали своих, которые обычно возглавляли волнения.

В первой половине XIX века сокращалось число наемных управляющих и управление в имениях передавалось бургомистрам из крепостных, которые выбирались миром. Разумеется, этот процесс не проходил везде одновременно. Существенно, что единичей крестьянских волнений была община, т. е. волнения почти никогда не охватывали лишь часть общины и, как правило, не выходили за рамки имения или общины. Крестьяне стремились предотвратить нежелательные изменения, вернуться к идеальному прошлому. Декабрист А. Бестужев писал о них: «Все они вздыхали о прежних годах, все роптали на настоящее, все жаждали лучшего»¹. В рапорте Курского наместнического правления Сенату о вооруженном выступлении крестьян села Новосергиевского в 1796 году указывалось, что крестьяне, по их словам, стремились «к удержанию им себя в настоящем положении»². Все требования сводились к отмене разрушительных для сложившихся форм жизни перемен, противостояли государству и помещикам.

Требования солдат также не выходили за рамки существующих порядков. Они сводились к защите элементарных условий жизни. Протесты их связаны с хищением солдатских провиантских сумм, с чинимыми ненавистными командирами жестокостями и непосильными учениями. Особенно сильное недовольство вызвано было военными поселениями, где вся жизнь подчинялась военному режиму, регламентация жизни была доведена до крайней степени (полевые работы проводились по команде капрала, браки устраивались по воле начальства и т. д.).

¹ Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 37

² Крестьянское движение в России в 1796-1825 гг. М., 1961 С. 40

Сказывалась парадоксальная ситуация, когда диалог власти и крестьянства превращался в свою противоположность, в конфликт, порождающий у той и другой стороны дискомфортное состояние, представление о нарастающем хаосе. Буквально все постановления правительства толковались в народе совершенно превратным образом. Например, запрет Петра III (1761—1762) на покупку заводчиками крестьян вызвал среди последних волнения, так как они решили, что их освободили от работы на заводах. Слухи о «вольности» возникали, например, в результате лишения церкви права владения крестьянами, в результате освобождения дворян от обязательной службы, в результате собрания комиссии Екатерины II. Крестьяне упорно рассматривали нежелательные указы как подложные и ожидали «истинного» указа. Смена царя сопровождалась новыми ожиданиями. Указ Павла I, требовавший присяги от крестьян, стал истолковываться следующим образом: присягать велено «для того, чтобы крестьянам не быть за помещиками». Распространился слух, что царь дал волю, но господа ее скрыли. Это тоже вызвало волнения. Такое же воздействие оказал указ 1796 года о дозволении крестьянам подавать жалобы на высочайшее имя. Инверсионное сознание не воспринимало промежуточных половинчатых решений. Указ 1803 года о свободных хлебопашцах был воспринят как право самих крестьян возбуждать дело о выкупе на свободу, в результате чего опять-таки имели место волнения. В этой ситуации любое изменение могло быть опасным, что порождало консерватизм власти, парализовало либеральные стремления к переменам. Страх перед иррациональным поведением народа, перед бунтом, перед новой пугачевщиной постепенно стал постоянным состоянием правящей элиты. Г. Федотов писал: «С последних дней Екатерины монархия находилась в состоянии хронического испуга». Правящая элита постоянно слышала угрожающий шепот, который не поддавался контролю и мог стать предпосылкой взрыва.

Требования крестьян носили антигосударственный характер, но это обстоятельство маскировалось тем, что непосредственным объектом их недовольства были помещики. Считалось, что все дело в экономических отношениях помещиков и крестьян, в стремлении крестьян «стать казенными», т. е. перейти в крепостную зависимость к царю. Однако причины недовольства крестьян были более глубокими: они тяготели к древнему земледельческому идеалу вольной догосударственной жизни. Постоянно выдвигались требования, разрушительные для государства, например, отказ от платежа податей, от рекрутчины. После разгрома Пугачева в течение

двадцати лет появились еще по крайней мере тринадцать самозванцев, распространялись подложные указы, вспыхивали бунты. *Крестьяне продолжали поиск пути в свое утопическое царство с народным царем, защищающим локальные миры от государства.* Усиление враждебности к начальству, помещикам, которые как будто потеряли моральное право владеть крестьянами, общая дезорганизация от бунтов вызывали рост дискомфорта состояния. Общее разочарование в сложившемся порядке толкало к господству авторитарного идеала. Эта тенденция охватила и высшие уровни власти. *Крах государственного либерализма привел к существенным расхождениям среди либерально настроенных людей.* Часть из них опасалась бороться за осуществление своих идеалов, страшась разрушительных последствий. Известный поэт и критик П. А. Вяземский (1792-1878) писал в 1820 году: «У нас что ни затей без содействия самой власти, все будет пугачевщина». С.И. Тургенев полагал, что «попечение об улучшении жребия России вовсе отложить должно». Подобные настроения означали, что часть образованного слоя продолжала поддерживать власть, поставляя ей просвещенных организаторов. Другая часть, однако, предпочла не отступать от своих идеалов. Возникло движение декабристов.

ДЕКАБРИСТЫ

Декабристы по своим целям были близки к реформистским идеям М. Сперанского, в той или иной степени пытались воплотить неосуществленные замыслы «дней Александровых прекрасного начала». Преследуя, казалось бы, либеральные цели, они в своих средствах намеревались вступить на путь насильственного подавления своих противников, полного отказа от идеала всеобщего согласия, отходя вновь на позиции авторитаризма. Декабристы мучительно переживали раскол между народом, прежде всего крепостным крестьянством, и высшим слоем общества. Патерналистская жалость к народу — характерная черта декабристов. Они были наследниками А. Радищева, хотя большинству из них «Путешествие из Петербурга в Москву» не было доступно. Радищев писал: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала»¹³. *Мотив покаяния, покровительства и жалости становится неизменным элементом мировосприятия духовной элиты.* Декабризм развивался в русле этих идей. «Народ, для

¹³ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Столетие безумно и мудро. М., 1986. С. 125.

которого мы восстали» — это слова П. Каховского. М. Лунин говорил о потребностях народа, которые надлежало удовлетворить. Народные бедствия — постоянная тема, обсуждавшаяся декабристами. По сути дела, это была партиципация, где народ рассматривался как тотем, как единственный источник Правды. При этом не делалось выводов из принципиальных различий в системах ценностей, что обрекало замыслы декабристов на полный провал, независимо от событий на Сенатской площади. Декабрист И. Д. Якушкин попытался освободить своих крестьян, сохранив за ними имущество, строения и усадьбу с огородами, а также выгон без денежной компенсации (примерно по одной десятине на двор). Он решил освободить их от крепостного состояния, в котором крестьянин работает, «никогда не напрягая сил своих», почему и не может выйти из нужды. Якушкин предоставлял крестьянам право аренды помещичьей земли, что, по его мнению, было крестьянам выгодно, но столкнулся с полным непониманием. Крестьяне отвечали помещику: «Ну, так, батюшка, оставайся все по-старому, мы ваши, а земля наша»¹⁴. Страх перед системой аренды оказался сильнее тяги к личной свободе в либеральном ее понимании.

Почему же крестьянство не поддержало тех, кто сулил им волю, землю, народовластие? Крестьянство видело мир в соответствии с исторически сложившимися архаическими представлениями, в свете которых царь являлся началом позитивным, а начальство и, следовательно, декабристы — началом негативным. Расправа с ними царя повсеместно воспринималась как справедливое возмездие начальству: «Начали бар вешать и ссылают на каторгу, жаль, что всех не перевешали, да хоть бы одного кнутом отодрали и с нами поравняли; да долго ли, коротко ли, им не миновать этого», — таков отклик кантонистов на происходившие события¹⁵.

Восстание декабристов связывалось с легендой о царе Константине, брате Александра I и Николая I, отречьшемся от престола. Ему приписывали желание освободить крестьян, чему мешали «господа». Слухи эти распространялись повсеместно. Любопытно, что солдаты не реагировали на лозунг: «Долой крепостничество, самодержавие, рекрутчину», но вышли из казарм после лозунга: «Ура, Константин!»

По сути дела, декабристы в обращении к солдатам использовали опыт самозванцев, вписываясь в архаичные представления о «природном царе». Как отмечал «Федор, Федоров сын»,

¹⁴ *Семевский В. И.* Декабристы и крестьянский вопрос // Великая реформа. М., 1911. Т. 2. С. 180.

¹⁵ *Декабристы.* М., 1926. С. 37.

восстание декабристов — это все действия «господ» «против освобождения крестьян». По его мнению, Александр I жив, но «продан в рабство». Аресты дворян, причастных к декабрьским событиям, порождали у крестьян уверенность в «законности» выступлений против помещиков¹⁶. *В конфликте между декабристами и царем народ был на стороне царя, т. е. авторитарной власти первого лица.*

Изолированные как от власти, так и от народа, декабристы пошли по пути тайных организаций, следуя опыту дворцовых переворотов. Организации декабристов насчитывали всего лишь десятки и сотни человек. Насколько это мало, видно хотя бы из того, что во Франции, Италии, Греции общества карбонариев располагали тысячами и десятками тысяч членов. А. Грибоедов иронизировал: «Сто прапорщиков хотя бы изменить весь государственный быт России». Малочисленность декабристов была одним из свидетельств их отрыва от почвы.

Движение декабристов и его разгром — важная веха в истории страны. Духовная элита, еще совсем недавно не отделявшая себя от правящей, показала свою самостоятельную нравственную силу, способность следовать собственным принципам независимо от внешних обстоятельств. Однако уровень понимания этих задач оказался крайне низким. Декабристы считали, что достаточно добиться новой государственности революционным путем, чтобы автоматически осуществить все желаемые изменения, включая и улучшение нравов. Хотя мнение это и не было общим, тем не менее данная точка зрения легла в основу всей деятельности декабристов. Всегда и во всех планах у декабристов захват власти выступал как бесспорная практическая задача, как средство для достижения свободы. При этом не учитывался негативный опыт правящего либерализма.

Стремясь отменить крепостное право, они имели в виду лишь отношения крестьян с помещиками и государством, не зная о глубокой укорененности крепостничества в локальных крестьянских сообществах. Кроме того, отмена крепостничества означала бы развал всей сложившейся государственности, так как при этом помещики немедленно лишались возможности нести свои административные функции. Тем самым ломалась сложившаяся скверная, но тем не менее функционирующая система, питающая медиатор. Каким образом новая власть осуществляла бы связь с многочисленным свободным крестьянством, для которого враждебный мир начинался там,

¹⁶ Чернов С. Н. Слухи 1825-1826 годов (Фольклор и история)// Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения: Избр. статьи. Саратов, 1960. С. 329-346.

где кончалась граница локального мира? Об этом декабристы, кажется, не слишком беспокоились. Общинный крестьянин, почти не заинтересованный в рынке, стремился превратить свой локальный мир в крепость, защищающую от начальства и государства. Он бросил бы государство на произвол судьбы, чтобы затем вновь обрести себе тотем-царя, который бы «всех равнял» и охранял от внешнего зла. *Поэтому декабристское движение можно рассматривать как результат определенного слияния незрелого абстрактного либерализма, заполняющего свои пробелы синкретизмом, локализмом; как движение, объективно направленное на усиление локализма. Его мощь в обществе была столь велика, что любая активизация либерализма, попытка изменить общество на его основе вела к активизации локализма.*

РАСКОЛ СОЗНАНИЯ И САМОСОЗНАНИЯ

Независимый либерализм, как, впрочем, и правительственный, оказался несостоятельным как конструктивное начало. Он обнаружил значительную зависимость от синкретизма, которая выражалась не только как вера во всемогущество внешних сил, в данном случае государства, но и как склонность к инверсионным актам. Отсюда крайности — полная пассивность одних и вооруженное выступление других, отсюда характерное поведение арестованных декабристов, отвечавшее обычной схеме бунта: разочарование в инверсии вызывало обратную инверсию — раскаяние, отказ от идеи бунта. Следуя либеральным целям, декабристы тем не менее обратились к насилию, склоняясь к тайным методам заговора вплоть до готовности к убийству царя.

Либерализм столкнулся с исключительно сложной медиационной проблемой, которую он не мог даже осознать в удовлетворительной степени. Поражение правительственного и независимого либерализма, их неспособность реализовать свою программу имели одну и ту же причину — глубочайший раскол общества и слабость почвенных истоков либерализма.

Отсюда, однако, было бы неверно делать вывод, что либерализм в России — своеобразная ошибка, результат внешних влияний. Либерализм опирался на неистребимый источник, на пробивающееся через толщу синкретизма стремление к росту и развитию. Либерализм нес в себе знание, хотя на первых этапах абстрактное, одностороннее, крайне ограниченное, — знание того, как строить большое общество на основе новых социальных интеграторов. Развитие либерализма создавало необходимую предпосылку для осмысления реальности России,

для развития срединной культуры, способной стать предпосылкой ликвидации раскола. *Общество нуждалось в либерализме, даже если его активизация и вызывала враждебную реакцию синкретизма.*

Либерализм постоянно искал выход в медиации, в массовом творчестве, в создании более совершенной цивилизации, в поисках не только новых целей, но и новых, более совершенных, более эффективных средств. Именно за это ухватились разные слои общества, в особенности правящая элита. Но между западным либерализмом и либерализмом в России имелись существенные различия. Западный либерализм вызревал в условиях развитого сословного общества, стремясь оторвать государственность от сословий, положить в основу государственности ответственную личность. В России борьба вокруг государственности шла в иной плоскости, т. е. между сословиями, в той или иной степени растворенными в государственности, и уравнительными силами, угрожающими не только государству, но и самим сословиям. Российский либерализм развивался в традиционном обществе, что, однако, не исключало эпизодическое, эклектическое использование его как основы государственной политики. Это усилило в либерализме патерналистский аспект, озабоченность тем, чтобы все, прежде всего новые поколения, интериоризовали определенные ценности общества. *Элемент патернализма неизбежен в любой форме либерализма как импульс для широких слоев с целью их саморазвития. Однако в расколотом обществе патернализм в либерализме приобрел гипертрофированные размеры.* Патернализм опирался на представления о том, что высшие ценности либерализма должны быть внедрены в массы всеми средствами, включая административное давление (правительственный либерализм), революционный захват власти, т. е. в конечном итоге террор. *Подобный патернализм еще не оторвался от представлений синкретизма и выводил либерализм за его собственные рамки.*

Усложнение общества привело к переходу раскола в следующую стадию. Произошел раскол сознания и самосознания, правящей и духовной элиты, принявший форму вооруженного столкновения. Раскол произошел между людьми, которые пытались найти выход из создавшейся ситуации, опираясь, насколько это возможно, на консервативное массовое сознание, не склонное к переменам, и теми, кто искал выхода, опираясь на самосознание, на высшее содержание культуры, открывающее путь использованию изменений, прогресса. Правящая элита колебалась между этими решениями. Однако суровая необходимость следования ценностям массового сознания требовала

первого решения. Духовная элита тяготела ко второму решению. Менее озабоченная повседневным, локальным, частным, она была обременена заботой о будущем, устремлялась к всеобщим ценностям. *Сложная динамика отношений правящей и духовной элит является одной из важнейших проблем истории страны.*

КРАХ ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ

Поздний идеал всеобщего согласия так же, как и все предшествующие, потерпел банкротство независимо от того, в каких формах он выступал. Общество не нашло в себе сил продолжать поиск альтернативы, выходящей за рамки возможностей инверсии. Это неизбежно вновь вызывало нарастание дискомфорта в состоянии во всех слоях общества. Попытка Екатерины идти навстречу народным потребностям фактически оказалась попыткой идти навстречу дворянству. Эта часть общества выступила перед первым лицом как целое, как представитель целого. Государство уступало дворянству права на личность и труд крепостных, возлагая за это на него ответственность за уплату подушной подати и поддержание крестьянского хозяйства. Для русского крестьянства это означало лишь наступление нового этапа закрепощения. Ориентируясь на дворян, Екатерина II, по выражению Г. Плеханова, головой выдала им крестьян. Уже одно это обстоятельство свидетельствует о крахе идеала всеобщего согласия.

Манифест о вольности дворянства нанес мощный удар по нравственным основам системы. Неслыханная в России отмена крепостничества хотя бы для одного сословия не могла не потрясти все здание. Сложившееся равновесие было нарушено. Все более перед лицом власти выступали особые интересы крестьянства. Крестьянин видел оправдание своей крепостной зависимости в том, что его труд был платой помещику за службу государю, за сохранение власти царя-батюшки. Попытка воплотить в жизнь либеральный идеал означала, что государство вступило в конфликт с синкретизмом, т. е. с реальной нравственной основой интеграции общества. Принцип партиципации личности к целому оказался подорванным в одном из социально значимых пунктов, тогда как либеральный идеал не мог заполнить образовавшуюся пустоту в массовом сознании. По крестьянской логике царь, освободив своих слуг от обязательной службы, должен был освободить и крестьян от обязанности их содержать. Эти настроения выражены небогатым дворянином Федором Кречетовым: «Раз дворянам сделали вольность, для чего же не распространить оную и на крестьян,

ведь они тоже человеки». Он был репрессирован и вышел из заключения лишь в царствование Александра I.

Локализм обескровливал государство. Весь государственный аппарат был подвержен его влиянию. Даже губернаторы были не только представителями самодержавия на местах, но и локальными центрами власти, в каких-то позициях противостоящими центру. Дворянину предоставлялось право ограничиваться своими местными делами. «Начался процесс обезгосударствления, „дезинтеграции" дворянства»¹⁷. В первое время на местах наблюдался известный энтузиазм, но уже вторые выборы выявили традиционное отношение к выборной должности как к обременительной обязанности, к тяглу. В начале XIX века гражданская служба у дворян «не пользовалась особенным сочувствием, клички „приказной", „чернильная душа", „крапивное семя" и т. п., бывшие в общем употреблении со времени Сумарокова и Фонвизина, наглядно свидетельствовали о пренебрежительном отношении к людям, которым, однако, вверялись важные государственные дела. Для дворянина вступление в ряды чиновников считалось даже неуместным, и взгляд этот поддерживали иногда указанием высших правительственных лиц»¹⁸. Это негативное отношение распространялось также и на выборные должности.

Выборные органы пасовали перед бюрократией. Причины заключались в традиционной слабости государственного самосознания. Не дала также ожидаемого эффекта ликвидация самостоятельных центральных учреждений. Местный аппарат не справлялся с растущим потоком бумаг, поступающих сверху. Злоупотребления и волокита местных властей порождали недовольство. Новые учреждения работали медленно и обходились дорого. Коллегиальность рождала невиданную волокиту. Идеал согласия весьма быстро показал свою ограниченность, поскольку глубоко расколотое общество не создавало более или менее удовлетворительных организационных форм, соответствующих идеалу, да и сам он не получил достаточно конкретизированной разработки. Иначе говоря, этот идеал, как, впрочем, и все предшествующие, не создавал достаточной основы для преодоления социокультурных противоречий, противоречий между массовым сознанием и государством как социальным интегратором. Реформа управления, предполагавшая объединение государственного и локального интереса в единой организации, реально не смогла способствовать их слиянию. Не хватало творческого объединяющего начала, общей основы для большого общества и местного мира. Спонтан-

¹⁷ Федотов Г. П. И есть и будет. Париж, 1932.

¹⁸ Государственная канцелярия 1802-1902 гг. СПб., 1902.

ные силы во всех сословиях, включая дворянство, не стремились достаточно активно к интеграции, не были пронизаны сознанием ценностей большого общества. Положение все больше усложнялось. Отказ от некоторых элементов государственного крепостничества означал, что в правящей элите возникло стремление демонтировать основы синкретического общества и государства. Но этим не решался вопрос об альтернативе. Либерализм пытался выдвинуть новый идеал, но его абстрактность и оторванность от массовой базы практически не позволяли рассматривать его в качестве альтернативы, имеющей реальные шансы на реализацию. Принцип всеобщего согласия не мог быть превращен в государственную политику по отношению к основной массе населения — крестьянству. Оно в глазах власти выглядело скорее как нечто внешнее по отношению к государственности. Положение государства, высшей власти ухудшилось вдвойне как в связи с уходом дворянства в местные дела, так и с появлением в сознании крестьян представления о несправедливости своего положения, ростом враждебности ко всякому начальству, стремлением отдаться царю-батюшке. Все это угрожало катастрофической дезинтеграцией.

Поздний идеал всеобщего согласия, как и его ранний вариант, могли обеспечить основу для единства лишь до тех пор, пока изменения и конфликты не достигли некоторой критической пороговой величины. Новшества, сдвиги в отношениях между сословиями привели к распаду идеала. Ранний и поздний идеалы всеобщего согласия отличались условиями своего происхождения. Ранний возник в результате своеобразного остывания вечевой бури, пронесшейся над страной, как некоторая задержка инверсии движения от соборности к авторитаризму. На его основе сформировался Земский собор, т. е. своеобразное среднее звено между народом и властью.

Поздний идеал возник в процессе обратной инверсии, в результате отступления от крайнего авторитаризма. После банкротства авторитаризма народ потерял слабый и, очевидно, недостаточно глубокий опыт земских соборов и тем самым не выявил достаточного стремления развиваться по пути медиации, во всяком случае в масштабах, необходимых для преодоления раскола. Хотя господство этого идеала и не ознаменовалось серьезными организационными новшествами, тем не менее срединная культура продолжала развиваться. Это выражалось в росте утилитаризма, в развитии высших ценностей культуры.

Существенное различие между ранним и поздним идеалами всеобщего согласия заключалось в том, что развитие первого сопровождалось определенным укреплением сословий. Это соз-

давало предпосылки для укрепления власти, развития срединной культуры, ее организационного воплощения. Во втором случае, хотя развитие сословий и продолжалось, но тем не менее выявилось, что активизация почвенных сил объективно по своей сути носит уравнительный, антисловный характер. Двойственное отношение народа к власти практически означало признание власти царя и одновременно стремление ликвидировать сословия, а следовательно, и государство. Правящая элита под воздействием новых тенденций, роста утилитаризма сделала попытку ослабить жесткую связь между принадлежностью к сословию и служением государству, т. е. пошла навстречу локалистским настроениям.

Ослабление господствующего идеала усилило опасность растаскивания ценностей большого общества по локальным мирам. Это сопровождалось ростом общей дезорганизации, усилением социокультурных противоречий, т. е. столкновением между социальными отношениями и культурой, между субкультурами, внутри социальных отношений, усилением раскола. Одним из проявлений этого процесса было *двоевластие*: власть шла от локального мира и от правящей элиты. Это дало импульс дезорганизации общества и одновременно стимул поиску выхода, новой инверсии.

ГЛАВА VI ПОЗДНИЙ УМЕРЕННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ

«ДОЛЖНО ПОВИНОВАТЬСЯ, А РАССУЖДЕНИЯ СВОИ ДЕРЖАТЬ ПРО СЕБЯ»

Воспроизводственный процесс, опирающийся на идеал всеобщего согласия, разрушался, социальные отношения превращались в конфликт, возрастала социальная дезорганизация, что усиливало массовое ощущение роста дискомфорта состояния. Это неизбежно вызывало массовую инверсию, стремление отойти от господствующего идеала, инверсионным образом перейти к противоположному. Господство идеала всеобщего согласия сложилось в результате вялой инверсии как реакция на поражение крайнего авторитаризма. Теперь начался обратный процесс, обратная инверсия к авторитаризму. Этот процесс также носил вялый характер. Это была ограниченная флюктуация в рамках большой обратной инверсии, противоположной ушедшей в прошлое прямой инверсии от соборности к авторитаризму. Однако вера в царя как гаранта от хаоса, от бунтовщиков-начальников, царя как воплощения высшей Правды пока что вновь начала становиться первостепенной. На этой основе господствующее место занял массовый идеал *позднего умеренного авторитаризма*.

Авторитаризм, хотя и оттесненный господствующим идеалом, никогда не исчезал. Например, вскоре после прихода к власти Екатерины II, в июне 1763 года, был обнародован манифест, где отмечалось, что среди подданных государыни появились «развращенных нравов и мыслей люди», которые позволяют себе рассуждать о делах, совсем до них не принадлежащих. В манифесте им предлагалось замолчать и заняться своими собственными делами. «А если сие Наше матернее увещание и попечение не подействует в сердцах развращенных и не обратит на путь истинного блаженства, то ведал бы всякий, что Мы тогда поступим по всей строгости законов и

неминуемо преступники почувствуют всю тяжесть Нашего гнева, яко нарушители тишины и презрители Нашей высочайшей воли». Следовательно, нарушение согласия сознательно воспринималось правящей элитой как сигнал, требующий обращения к авторитаризму.

Сильная авторитарная инверсия возникла в достаточно широком образованном слое, в духовной элите. Такие люди, как Пушкин, Гоголь, Тютчев, Вяземский, Жуковский, Надеждин, а также в определенный период Бакунин и Белинский, не противопоставляли себя авторитаризму. Само стремление Пушкина к слиянию представлений о государстве и свободе означало, что духовная элита в принципе принимала и поддерживала авторитарную государственность. Гоголь полагал, что весь смысл нашей истории в царе. «Все события в нашем отечестве, начиная от порабощенья татарского, видимо, клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного, дабы один был в силах произвести этот знаменитый переворот всего в государстве, все потрясти и, всех разбудивши, вооружить каждого из нас тем высшим взглядом на самого себя, без которого невозможно человеку разобрать, осудить самого себя и воздвигнуть в себе самом ту же брань всему невежественному и темному, какую воздвигнул царь в своем государстве...»¹ По крайней мере часть духовной элиты последовательно разделяла древние представления массового сознания о зависимости человека от внешних сил, от Отца, берущего на себя ответственность за все.

Крестьянство предоставляло царю попечение о государстве, пытаясь ограничить свои заботы о большом обществе минимумом, — главным образом, действиями, связанными с борьбой против внешнего врага. Существование раскола сводило к минимуму взаимопонимание между народом и властью, делало активизацию каждого из этих полюсов фактором роста дискомфорта состояния. Действия, высказывания, намерения, ценности власти в глазах народа и действия народа в глазах власти вызывали взаимный страх, выглядели как нечто иррациональное, не поддающееся пониманию, прогнозу и, следовательно, опасное.

Для дворянства, которое составляло важный элемент государственности, складывалась неблагоприятная атмосфера. Оно все больше выглядело между крестьянами и царем «третьим лишним», что вовсе не означало, что их государственные функции были не нужны или их мог выполнять кто-либо другой. Теперь народ уже не мог отождествляться с дворянством,

¹ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями// Собр. соч. в 8-ми томах. М., 1984. Т. 7. С. 222-223.

как это было при Екатерине II. Власть должна была думать об организационном воплощении нового идеала, о решении медиационной задачи в изменившихся условиях, в условиях роста значимости локализма не столько в формах сообщества среднего уровня, сколько в формах низовых сообществ, крестьянских миров. Но это означало необходимость авторитаризма, следования стремлению крестьян освободиться от начальства, вступить в непосредственные отношения партиципации к царю-батюшке. Этот импульс пронизал все общество.

Ориентация на авторитаризм получила воплощение в длительном согласии общины на авторитарную власть над собой вотчины. Не было активного стремления общин освободиться от авторитарной власти вотчины, что ясно видно, например, из книги В. А. Александрова².

Николай I (1825-1855) начал свое правление в момент декабрьского восстания. «Ужас правительства был тем более велик, что оно обнаружило, с одной стороны, что все элементы дворянства и военной иерархии замешаны в заговоре, и что, с другой стороны, оно осознало отсутствие всякой реальной связи между собой и древним народом, оставшимся русским»³. Первыми его актами были подавление восстания и казнь руководителей. На фоне исторического опыта России действия власти вряд ли можно оценить как слишком жесткие. Из 39 человек, приговоренных к смерти, казнено было пять. Страх перед возмущениями диктовал линию поведения в период нового царствования. Уже в первом обращении к народу 12 мая 1826 года Николай I потребовал немедленного прекращения толков о свободе и отмене платежей. Принцип умеренного авторитаризма был сформулирован самим царем: «Ни хвалить, ни бранить наши правительственные учреждения, *для ответа на пустые толки*, не согласно ни с достоинством правительства, ни с порядком у нас, к счастью, существующим. Должно *повиноваться*, а рассуждения свои держать про себя». Ему же принадлежат слова: деспотизм «составляет сущность моего правления, но он согласен с гением нации»⁴. Интересно, что царь видит обоснование правомерности авторитаризма (деспотизма) в его почвенном характере. Еще более важно, что авторитаризм явно не рассчитан на веру в него всех. Требуется лишь, чтобы никто не высказывал вслух своих сомнений. Это свидетельствовало о том, что власть не могла и

² Александров В. А. Сельская община и России (XVII — начало XIX в.). М., 1976.

³ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1917. Т. 6.

⁴ Лемке Мих. Николаевские жандармы и литература 1826-1865 гг. СПб., 1908. С. 142.

не была склонна вернуться к синкретизму и полностью расстаться с либерализмом. Возражение против возможности хвалить правительство свидетельствовало не только о страхе перед диалогом, но и о признании реальности внутреннего духовного мира, неподвластного начальству, о признании реальности разномыслия. Господство нового идеала охватывает шестой этап развития большого общества, государственности в России. Его можно рассматривать как господство *шестой версии вечевоего идеала. Либерализм был разгромлен и отброшен, но не уничтожен.*

Важнейшим проявлением усиления авторитаризма был рост значения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Широко известное третье отделение этой канцелярии заведовало политическим сыском. Однако агентура этого учреждения была очень слаба. В центральном аппарате в момент его организации работали 16 человек. В лучшие времена для отделения их количество возросло до 45. Происходила дальнейшая бюрократизация государственного аппарата, ликвидация остатков коллегиальности в центре и на местах. Права Государственного совета, значение которого существенно возросло после его преобразования в 1810 году, всячески ущемлялись. Правящая элита пыталась в максимальной степени сместить ответственность вверх. Известный журналист М. Катков (1818-1887) удачно выразился об администрации того времени, что она была «всё во всём», присвоила себе атрибуты, подходящие одному лишь всемогущему божеству⁵.

Наступающий авторитаризм опирался на силу, что в конечном итоге всегда требует согласия народа предоставлять эту силу и ее терпеть. Любопытно, что именно для военных была ясна ограниченность возможностей силы. Об этом свидетельствовали донесения офицеров — участников подавления беспорядков на местах. Например, по докладу флигель-адъютанта Сумарокова, войска оказались непригодны для принуждения крестьян к работе, кроме как на пашне. Опасно и сближение крестьян с солдатами. Жандармский офицер Ф. Загорский указывал на серьезную опасность использования для усмирения крестьян большого числа понятых. И т. д.

ПОПЫТКИ РЕФОРМ

Низкая продуктивность сельского хозяйства, основной отрасли хозяйства страны, становилась все более острой проблемой. Увеличение его производства объяснялось в значитель-

⁵ Московские ведомости. 1866. № 198.

ной степени ростом населения. Однако производство не поспевало за этим ростом, за растущими потребностями общества. За два века — с середины XVII до середины XIX — урожайность повысилась едва на 9-10%, в том числе за последние 50 лет этого отрезка — на 1,4%⁶. В начале 30-х годов все чаще повторялись неурожайные годы. Подавляющее большинство работоспособного населения деревень не могло прокормиться собственным хозяйством и искало посторонних заработков. «Основная масса мелких сельских производителей оставалась во власти традиционных приемов полеводства, была бессильна применять систематическое удобрение полей, производить осушение и орошение почвы, покупать улучшенные сорта семян, повышать количество и качество скота». Налицо была общая «застойность сельскохозяйственной техники, низкая урожайность полей, плохое содержание скота и общая бедность государственной деревни. Периодические неурожай, массовые эпидемии, постоянные эпизоотии и хроническое нищенство наиболее нуждавшегося слоя крестьян были характерными явлениями 40-50-х годов XIX века. Еще тревожнее было начавшееся оскудение природных ресурсов и в северных, и в центральных, и в южных районах: истощение когда-то плодородной почвы, сокращение количества пушного зверя и рыбы, относительное уменьшение лугов и пастбищ, вырубка и недостаток лесов, когда-то процветающего пчеловодства». Почти безраздельно господствовала традиционная трехпольная система⁷.

В этой связи весьма любопытен следующий факт, относящийся к 1834 году. Жители села Коробова за заслуги своего предка Ивана Сусанина еще в Смутное время были поставлены в исключительно привилегированное положение. Они были освобождены от податей. Чиновники и полиция могли въезжать в село только по специальному разрешению правительства. Решение это неукоснительно выполнялось. Правительство невольно поставило длительный эксперимент. В 1834 году царь лично обратил внимание на исключительную бедность этой деревни. Льготы «были причиной слабого развития как Коробовского населения, так и самого благосостояния этих людей... Свобода от всех обязанностей... почти неограниченное изъятие от влияния всех местных властей, обеспеченность в пользовании пространством земли, достаточным, однако, для поддержания насущного существования, все это, вместе взятое, заставило их мало заботиться об улучшении своего

⁶ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 147.

⁷ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: Реализация и последствия реформы. М., 1958. Т. 2. С. 321, 575-576, 347.

положения и довольствоваться спокойным и свободным пользованием скудных средств своих»⁸.

Застой в хозяйстве вел к нарастающей социальной дезорганизации, что заставляло правящую и духовную элиты искать выход из создавшейся ситуации. Уже в 80-х годах XVIII века была осознана необходимость хозяйственного подъема, что предполагало выдвигание идеи ликвидации поземельной общины, введение мелкой земельной собственности, наследственно-индивидуального землепользования. В 30-х годах XIX века появились проекты постепенного преобразования помещичьих крестьян в «свободных сельских обывателей», установления над всеми крестьянами системы «попечительства». На этой основе и родилась идея реформы, которую сформулировал и проводил в жизнь министр государственных имуществ граф П. Д. Киселев, занимавший этот пост в течение 19 лет.

Реформированию подлежало управление государственными крестьянами. В административных положениях 1837-1841 годов заложено стремление к всестороннему преобразованию государственной деревни, где проживала примерно половина крестьян. Государственные крестьяне, сословие которых было образовано указами Петра, отбывало повинности, подчиняясь непосредственно органам власти. Замысел реформы заключался в том, чтобы на основе ее позитивных результатов приступить к преобразованию частновладельческой деревни. Реформа была направлена на экономическое развитие деревни, предусматривала сложную систему государственных мероприятий: ликвидацию крестьянского малоземелья, введение более совершенной системы фискального обложения, повышение производительных сил, различные агрономические и культурно-бытовые улучшения, облегчение для крестьян занятий мелкой промышленностью и торговлей. В числе мероприятий предусматривались введение жребия при осуществлении воинской повинности, частичное наделение землей малоземельных селений, организация вспомогательных и сберегательных ассоциаций устройства сельского хозяйства, организация выставок, садовых питомников, случных конюшен. Планировались распространение грамотности, оказание врачебной и ветеринарной помощи, борьба против крестьянских пожаров. В конечном итоге ставилась задача снять различия между категориями государственных крестьян и обеспечить широкий сбор статистических сведений о положении государственной деревни.

⁸ *Вешняков В. И.* Белопашцы и обельные вотчинники и крестьяне // Журнал министерства государственных имуществ. СПб., 1859. № 5. С. 108.

Предусматривался также перевод натуральных повинностей в денежную форму⁹.

Другие действия правительства охватывали помещичьих крестьян. В 1826 году вышло Высочайшее повеление об истреблении всех железных вещей, употребляемых для истязания. В период с 1838 по 1853 год было взято под опеку 592 имения за жестокость помещиков по отношению к крестьянам. Например, в 1849 году специальным указом были преданы суду предводители дворянства двух уездов за допущение помещиков и их жен «к чрезмерному жестокому обращению с крепостными людьми их». Правительство усиленно занималось крестьянским вопросом; за время царствования Николая I было учреждено девять секретных комитетов в целях подготовки ряда реформ, в большинстве своем связанных с положением крестьянства.

Следует отметить закон, требующий предоставления крестьянам минимального надела в 4,5 десятины на душу. За его нарушение помещику грозила конфискация имения. Было запрещено продавать крестьян отдельно от семьи, а также без земли, отдавать крестьян на заводы, ограничено право помещиков ссылать крестьян в Сибирь, запрещено сдавать в аренду земли, населенные крестьянами. Министерству государственных имуществ предоставлялось право приобретения помещичьих крестьян. Не решая проблемы в целом, все эти мероприятия меняли нравственную и юридическую сторону взаимоотношений помещиков с крестьянами. Были подорваны нравственные основы — основы отношения к крестьянам как к одному из видов собственности. Один из законов содержал мысль, совершившую переворот в оценке социального статуса крестьянства: он предусматривал отказ от принципа оплаты личной свободы крестьянина при его освобождении. Не нанося дворянству заметного экономического ущерба и не слишком ущемляя его политически, медиатор пытался выйти на прямую связь с крестьянством.

Такая политика имела ряд существенных результатов: дворянская версия крепостничества, занимавшая преобладающее положение с 1762 года, потеряла свои позиции. В. Ключевский полагал, что установление взгляда на крепостного прежде всего как на подданного государства является «важным результатом, который сам по себе мог бы оправдать все усилия, потраченные Николаем на разрешение крестьянского вопроса»¹⁰. Николаевский режим ставил своей целью прекращение дворянского произвола в тех его проявлениях, которые

⁹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... С. 7, 3, 573, 38.

¹⁰ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1958. Т. 5. С. 278-279.

наиболее раздражали крестьян. В то же время эта политика ослабляла влияние дворянства на государственную жизнь. *Правящая элита в рамках авторитарного режима делала робкие движения в сторону либерализма.*

РАСКОЛ САМОСОЗНАНИЯ

Общество медленно шло по пути прогресса, и правящая элита не могла хотя бы смутно не осознать это, она должна была, в интересах государства, стремиться к прогрессу, явно или тайно. Именно поэтому в стране легально существовала духовная элита, могла развиваться величайшая литература. Правящая элита нуждалась в просвещенных людях. Либеральная интеллигенция была склонна сотрудничать с властью, с тем чтобы смягчить крайности ее деятельности, чтобы предложить правящей элите, а через нее — и обществу либеральную систему ценностей. Правящая элита стремилась привлечь интеллектуальные силы, в частности Пушкина. На государственную службу был вновь приглашен граф М. Сперанский, представивший Александру I еще в 1816 году записку «О постепенном уничтожении рабства в России». Президент Академии наук (1818-1855), министр просвещения (1833-1849) С. Уваров пытался сочетать политику просвещения с полным его подчинением задачам государства. Отсюда его предписание: «Каждый из профессоров должен употребить все силы, дабы сделаться достойным орудием правительства».

Духовная элита, однако, сама не была в достаточной степени способна дать нравственное и теоретическое основание для политики правительства, для вывода страны из состояния раскола. Более того, раскол проник и в духовную элиту. Произошел *раскол самосознания*, проявившийся прежде всего в *расколе духовной элиты*. В результате рефлексии реального раскола сознания она предложила две противоположные его версии: *славянофильство и западничество*.

Оба направления болезненно переживали раскол с народом и видели в своих идеях средство его преодоления. Славянофил А. И. Кошелев (1806-1883) писал: «Все мы ощущали и сознаем необходимость прекращения разрыва интеллигенции с народом, разрыва, вредного для обоих, равно их ослабляющего и препятствующего самостоятельному развитию России»¹¹. И тех, и других угнетала, говоря словами Ф. Достоевского, «бездна между благородным и простолюдином». *Славянофилы* пы-

¹¹ Цит. по: Уланов В. Я. Славянофилы и западники о крепостном праве// Великая реформа. СПб., 1911. Т. 3. С. 176-177.

тались преодолеть раскол, углубляясь в народную почву. Для А. Хомякова (1804-1860), которого Н. Бердяев назвал камнем славянофильства, отношения Востока и Запада, раскол между ними — основная проблема русской истории. Это был помещик, который и в своих воззрениях, и в образе жизни пытался воспроизвести, реализовать древние идеалы патриархальной жизни. Раскол стал уделом русского общества, по мнению Хомякова, потому, что образованный слой, правящий класс, дворянство изменили русскому духу и, как Антей, должны были прикоснуться к матери-земле, чтобы набраться сил. *В этом движении самосознания к почве и заключалась сила славянофильства, столь мало оцененная современниками.* Н. Бердяев считал их основоположниками «нашего национального самосознания». «С них начинается перелом русской мысли», — говорил А. Герцен. И. Киреевский (1806-1856), один из отцов славянофильства, писал: «Наша философия должна развиваться из текущих вопросов и господствующих интересов нашего народного бытия». По словам М. Гершензона, мышление идеологов славянофильства Киреевского, Хомякова, Кошелева, Самарина оказалось «каналами, через которые в русское общественное сознание хлынуло веками накопившееся, как подземные воды, мироощущение русского народа». Свое внимание славянофилы сосредоточили на анализе исторически сложившегося сознания, культурных стереотипов, мировосприятия русского человека. Для И. Киреевского, как и для Пушкина, идеалом является целое, постигаемое эмоционально. Славянофилы, как и Пушкин, пытались рассматривать русскую культуру как нерасчлененную.

Однако углубление в ценности народной почвы привело славянофилов к отрицанию государства, большого общества, к идеалам жизни, чуждым и не соответствующим достигнутому мировому опыту. По словам Бердяева, славянофилы хотели навеки утвердить «безвластный, пассивный, неволевой характер русского народа». Они выступали как выразители массового сознания — «не государственного, не формалистического, мало склонного к политическому строительству». Фактически, признавая правомерность государства, славянофилы тем самым уже отступали от идеалов почвы. Они пытались выйти из этого противоречия, истолковывая государственность в почвенном духе. Как говорил Бердяев, их монархизм носил не государственный, а анархический характер. Славянофилы были сторонниками самодержавия не потому, что народ любит власть, а потому, что народ «отказывается от политической мощи». Следуя массовому сознанию, славянофилы дорожили русской общиной, связывали с ней будущее Рос-

сии, весь духовный облик русского народа. «Без общины не может существовать дух России», несмотря на то, что в русской общине заложено «исконно языческое начало»¹².

Славянофилы стремились строить государственную жизнь на основе догосударственных ценностей, локальной конструктивной напряженности. А. Хомяков, уверенный, что его имение передано ему народной сходкой в целях общего народного блага, питал непоколебимое доверие к решениям общины, к вечевым формам народной жизни. Все общественные отношения интерпретировались как семейные, т. е. сводились к взаимоотношениям отцов и детей, включая отношение царя к своему народу. Отношения власти с народом лишь тогда нравственны, считал он, когда они носят патриархальный характер. Даже отношения в промышленности предлагалось организовать на патриархальных началах: фабрикант — отец, рабочие — дети. Политический идеал Хомяков ищет в сельской общине и в народно-патриархальной монархии, что делает его позицию непримиримой по отношению к бюрократии, государственной службе. Реальная бюрократия и абсолютизм рассматриваются им как измена русским традициям и целиком относятся к петербургскому периоду истории; власть не служит христианской правде, ее разрыв с народом является роковым. В отличие от Карамзина Хомяков склоняется к соборной интерпретации патриархальной модели. Идеал Хомякова распространялся на все общество, включая взаимоотношения помещиков с крестьянами, так как земледелец «был искони помещику родным кровным братом». Инициативу ликвидации раскола обязан взять на себя правящий и образованный класс, который сам должен вернуться к утраченным им патриархальным идеалам народа, вплоть до усвоения быта крестьян. Необходимость приобщения к жизни крестьянства обоснована тем, что в ней заложены нравственные основы общества, она олицетворяет идеал социальной и духовной жизни. Возвращение к целостной жизни с ее национальными и религиозными началами представляется Хомякову условием и средством преодоления раскола.

Славянофильство воспроизводило господствующее в массовом сознании двойственное отношение к власти. Оно противопоставляло государство как внешнюю Правду внутренней нравственной Правде народа, общины, земства, вечеревого начала. «Русский народ по преимуществу есть народ не государственный»¹³. Народ отказывается от государственной жизни во

¹² Бердяев Н. А. Хомяков. М., 1912.

¹³ См.: Аксаков К. С. Полн. собр. соч. М., 1889. Т. 1. С. 242, 245; Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1914. Т. 3. С. 282.

имя общественной, он передал государству сферу политики, так как ищет свободы нравственной, духовной. Общественную жизнь Хомяков понимает как бытовую и семейную. Власть избавляет народ от антипатичной ему жизни политической. Здесь любопытно не только противопоставление народа власти, но и само признание правомерности такого противопоставления. Славянофилы, говоря о своей любви к царю, целиком стояли на позиции самодержавия и в то же время выступали, вопреки здравому смыслу, против всевластия чиновников. Они предлагали сформировать среднее организационное звено — земский собор, земскую думу. По мнению братьев Аксаковых, царю было бы полезно в критических условиях совещаться с сословиями о предметах, их непосредственно касающихся, но это не предполагало ограничения царской власти. *Фактически славянофилы санкционировали раскол общества и государства, пошли по линии апологетики своеобразного сложившегося в стране двоевластия — власти царя в сфере государственной и мирской власти на местах.* Такая позиция требовала, однако, ответа на вопрос: каким образом могут быть разрешены конфликты между двумя формами власти? Для славянофилов согласие между ними было чем-то естественным. По мнению И. Аксакова (1823-1886), власть в стране, в противоположность европейской, утвердилась с согласия народа, согласие это явилось выражением самой нравственной жизни русского народа. Однако закрывать глаза на возможность конфликтов между ними было невозможно. Решение, предложенное И. Аксаковым, было неподражаемо в своей доктринерской наивности. «Гарантия не нужна! Гарантия есть зло. Где нужна она, там нет добра; пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет добра, чем стоять с помощью зла». В сущности, здесь налицо *банкротство идеи согласия, идеи двоевластия, капитуляция перед реальностью раскола.*

Приверженность славянофилов монархии была весьма условной, так как они, как и народ, верили в царя, но были против начальства, чиновников, т. е. фактически против государства. Вера в царя сочеталась с убеждением, что «государство как принцип — зло... государство есть ложь», «правительство, а с ним верхние классы отделились от народа и стали ему чужим»¹⁴. «Все зло происходит от угнетательской системы нашего правительства», — писал К. Аксаков (1817-1860) в 1855 году. «Славянофилы и Хомяков не говорили прямо и не могли прямо сказать, что историческая власть у нас не народная, чуждая власть, но они думали это, все их ученье вело к

¹⁴ Теория государства у славянофилов. СПб., 1898.

этому выводу»¹⁵. Фактически они переводили массовые представления о государстве как о силе зла на язык образованного слоя.

Славянофилы стремились развивать высшую культуру на основе почвенных ценностей. Некритическое отношение к массовому сознанию, его апологетика, двойственное отношение к власти вело славянофилов к переводу ценностей синкретизма на язык большого общества. В лице славянофильства духовная элита осознавала свое назначение носительницы и хранительницы исторических ценностей народного духа, почвы как основы духовного и любого другого движения вперед. Но одновременно налицо попытка низвести высшую культуру до уровня массового синкретического сознания, что открывало путь развитию какого-то промежуточного слоя культуры, смешению высшей культуры и массовой народной культуры. Но тем самым и само славянофильство раздваивалось. Оставаясь достоянием высшей культуры, оно одновременно превращалось в систему расхожих представлений. Просчет славянофилов заключался в том, что, преклоняясь перед определенными аспектами массового сознания, они не знали пути построения реальной государственности на основе локалистского сознания, пути его соединения с реальными потребностями воспроизводства большого общества. *Вместо государственности они защищали утопию крестьянского государства во главе с царем, но без государственного аппарата. Они пытались ввести в высшую культуру антигосударственные мифы массового сознания. Тем самым славянофилы углубляли основное заблуждение интеллигенции, т. е. слепую веру в народ, который они, по словам Бердяева, отождествляли с простонародьем*, представление, что народ, освобожденный от власти, начальства, бюрократии, способен дать высочайшие образцы творчества, построить идеальное общество Правды. Славянофилы практически игнорировали всю бездну проблем, вытекающих из несоответствия между массовым догосударственным сознанием и реальной государственностью. Следовательно, они не только обезоруживали общество перед реальным расколом между народом и властью, перед ростом раскола, но и нарушали свой долг духовной элиты, пытаясь превратить утопические представления народа о власти и царе в официальную основу политики государства и всех сил общества. Объективно они консервировали низкий уровень рефлексии, отказываясь от критики народной культуры, сосредоточивая критику лишь на государственности. Но это значит, что

¹⁵ Бердяев Н. А. Хомяков.

они толкали страну по пути усиления социокультурного противоречия между культурой народа и властью во все более сложных условиях.

Западники, в отличие от славянофилов, осознавали необходимость изменять жизнь народа вместе с изменениями, происходящими в масштабах человечества, невозможность неизменности жизни в изменяющемся мире. Здесь истоки мощной критики ими действительности, официального мира. Западников поражало противоречие между идеалами высшей культуры и реальностью. Там, где славянофилы видели позитивные ценности, западники находили лишь невежество, насилие и страдания. Критика западников служила делу обновления общества. Т. Грановский (1813-1855) в своих лекциях в Московском университете говорил о том, какой большой «долг благодарности лежит по отношению к Европе, от которой мы даром получили блага цивилизации и человеческого существования, доставшиеся ей путем кровавых трудов и горьких опытов»¹⁶. Ограниченность этих рассуждений заключалась в том, что культурные плоды нельзя использовать так, как используются реальные плоды. Их нельзя просто взять — их нужно освоить в процессе воспроизводительной деятельности, которая по своему уровню, культурному содержанию близка к уровню, достигнутому деятельностью, создавшей эти плоды. Если уровень осваивающей деятельности отстает, то эти плоды иной культуры могут быть восприняты в лучшем случае односторонне. То, что в одной культуре — проявление творческой самооценности человеческой деятельности, в другой может стать всего лишь условием жизни. Например, город в одной культуре — результат и сфера творчества, в другой — место прожигания жизни. Чужие плоды могут быть средством, например, микроскоп может быть использован для забивания гвоздей (образ братьев Стругацких). Такое освоение чужой культуры не только не позитивно, но и вредно, даже опасно.

Идеи Запада в России неизбежно приспособлялись к национальной культуре. Западные идеи дробились, перемалывались и помогали рационализации тех или иных элементов массового сознания, стимулируя развитие высшей культуры.

Наиболее видным западником был Петр Чаадаев (1794-1856). Чаадаев рассматривает раскол России и человечества как драму страны и каждой личности: «Необходимо, чтобы каждый из нас сам пытался связать порванную нить родства»¹⁷ со всем человечеством, со своим прошлым. С его точки зре-

¹⁶ См.: Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки. СПб., 1881. С. 75.

¹⁷ Чаадаев П. Я. Поли. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 195.

ния, национальное самосознание формируется в процессе совершенствования и единения отдельных личностей.

Но тем самым Чаадаев возлагает громадную нравственную ответственность на духовную элиту. Он углубляет старую идею о единстве всего человечества. Отсюда несогласие со славянофильством, препятствующим, по мнению Чаадаева, созданию из человеческого рода одного народа братьев.

Чаадаев выдвинул идею единого человечества, единства целей и путей нравственного совершенства, единства духовного и физического миров. То обстоятельство, что человечество нездорово, он объясняет нарушением этого органического единства. Трагизм судеб России он связывает с оторванностью от человечества: «Опыт времен для нас не существует... Здесь сведен на нет всеобщий закон человечества. Одинокое в мире, мы миру ничего не дали, мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось... Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унизительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала,— вот печальная история нашей юности... Я не перестаю удивляться этой пустоте, этой удивительной оторванности нашего социального бытия»¹⁸. «В противоположность всем законам человеческого общежития Россия шествует только в направлении своего собственного порабощения и порабощения всех соседних народов»¹⁹. Итак, цельность России есть то, что еще должно быть достигнуто. Чаадаев признавался, что «любит в своей стране лишь ее будущее»²⁰.

Эта идея и явилась важнейшей в западничестве. Страдания Чаадаева, его тревоги о судьбах России достигают крайнего накала. Чаадаев — своеобразный подвижник нравственности, пренебрегший карьерой, отдавший свой интеллект делу создания собственной версии будущего России. Его путь — путь одиночки. Нравственный и интеллектуальный прогресс в русле христианства, преодоление провинциализма православия, воссоединение России с человечеством — основное для Чаадаева.

Сила западничества состояла в том, что оно ориентировалось на мировую культуру, на идею государственности, на науку как средство совершенствования общества. Развивая идею прогресса, западники защищали жизненно важный для

¹⁸ Чаадаев П. Я. Поли. собр. соч... Т. 1. С. 330, 323, 324, 330-331.

¹⁹ Там же. С. 569.

²⁰ Там же.

страны, для существования государственности тип конструктивной напряженности.

Слабость западничества была в том, что оно, указывая пути и цели прогрессивного развития общества, однако, не могло выявить реальных основ для этого движения в самой почве, в массовом сознании и деятельности. Отсюда абстрактность, отсутствие неутопического перехода от реальности к идеалу. В противоположность славянофилам западники недооценивали массовые реальные ценности и переоценивали все, что, как казалось, должно приводить к росту и развитию общества, от просвещения до государственности, от демократии до террора, от науки до идеологии. Славянофилы не могли показать путь решения медиационной задачи, так как не были озабочены несовпадением реальной государственности с народной мифологией, но становились на почву этой мифологии, пытаясь ее рационализировать. Однако западники также не могли предложить реализуемый вариант решения медиационной задачи. В споре государственности и народной мифологии они заняли противоположную сторону, т. е. стали на сторону государственности (не обязательно той, которая реально существовала в то время), игнорируя значимость для государства содержания массового сознания. И те, и другие с разных сторон толкали общество к обострению социокультурного противоречия.

Славянофилы и западники воплощали раскол своей неспособностью к синтезу расколотых частей самосознания. Борьба этих двух течений русской элитарной мысли свидетельствовала о том, что два типа конструктивной напряженности обратились друг против друга и на элитарном уровне, что духовная элита оказалась неспособной дать власти и оппозиции реальное нравственное основание для конструктивных решений, преодоления раскола.

Борьба славянофильства и западничества — не эпизод в истории духовной жизни России. Она — модель жизни духа в расколотом обществе. Принципиальная возможность синтеза заключалась в амбивалентности славянофильства и западничества как амбивалентности полюсов самосознания. До конца последовательное самоуглубление славянофильства должно привести к западничеству, так как глубокое укоренение в почву неизбежно приводит к выводу, что развитие почвы необходимо для самого ее сохранения. Вместе с тем, развитие и изменение общества возможны лишь как почвенный процесс, его реальное содержание. Тем самым до конца последовательное самоуглубление западничества неизбежно приводит к славянофильству. Раскол мешал этому самоуглуб-

лению. Эти теоретические соображения свидетельствуют о возможности синтеза. Для него требовался высокий уровень медиации, отказ от господства логики инверсии, на что духовная элита оказалась не способна. Славянофильство и западничество не осознали себя как равноправные взаимопроникающие голоса диалога.

Тем не менее раскол самосознания имел и позитивный смысл. Пушкин, как подметил В. Соловьев, легко мирился с противоречием. Он даже не подозревал, что в противоречии есть задача, требующая решения. Резкий разлад между творческими и житейскими мотивами был у него чем-то окончательным, не затрагивал сферу нравственности. Раскол самосознания изменил положение. Он подвел к осознанию этого противоречия как к задаче, требующей решения на путях анализа, формирования срединной культуры, углубления медиации.

«ТАИНСТВЕННЫЕ СТРУИ НАРОДНОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ»

Не следует забывать, что в конечном итоге битвы, раскалывающие самосознание, как и мучительные попытки власти решать медиационную задачу, были, по сути, формами экстраполяции и интерпретации того, что происходило в океане массового сознания. В глубинах народного сознания шли сложные и исключительно важные процессы. Л. Толстой писал: «Между ними (крестьянами.— А. А.) всегда ходили какие-нибудь неясные толки, то о перечислении их всех в казаки, то о новой вере, в которую их обратят, то о царских листах каких-то, то о присяге Павлу Петровичу в 1797 году (про которую говорили, что тогда еще воля выходила, да господу отняли), то об имеющем через семь лет воцариться Петре Федоровиче, при котором все будет вольно и так будет просто, что ничего не будет. Слухи о войне и Бонапарте и его нашествии соединились для них с такими же неясными представлениями об антихристе, конце света и чистой воле»²¹. Толстой говорил о том, что существуют «таинственные струи народной русской жизни, причины и значение которых бывают необъяснимы для современников»²².

Народ видел во власти силу стихийную и бессмысленную, действия которой не поддаются объяснению. Ее решения навя-

21 Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3. Ч. 2// Собр. соч. в 12-ти т. М., 1987. Т. 5. С. 150.

22 Там же.

зываются силой. Она не способна ни понять, ни даже услышать возражения. Например, такой шаг, как царский рескрипт о злоупотреблениях помещиков в отношении крепостных, мог получить в глазах крестьян значение «грамоты» о воле и привести к эксцессам. Архаичное сознание склонно воспринимать с доверием слухи, которые элитарному сознанию представляются абсурдными; так, распространялись слухи, что в определенной местности выдают паспорта на проезд в какие-то земли на вольные поселения. Люди продавали имущество, покидали родные места, стремясь добраться до обетованной земли. Их силой возвращали обратно. Сам акт благодарности Александра I русскому народу за победу в войне над Наполеоном был воспринят многими как акт освобождения: «Царское спасибо только вольный человек может получить, а не раб». В манифесте от 12 мая 1826 года крестьянам предписывалось «беспрекословно повиноваться установленным над ними властям». В народе это объяснялось тем, что «господа принудили царя издать оный», а то обстоятельство, что манифест велено читать в течение шести месяцев, трактовалось среди городских низов, дворовых и кантонистов так, что «только шесть месяцев господа будут владеть нами, а там мы будем вольные». Причиной волнения на фабрике князя Гагарина в 1826 году был слух «об ожидаемой к весне вольности». Большое распространение получали слухи о подкупе тех или иных должностных лиц господами, о сочинении господами подложных царских указов. Реакция населения на уже упоминавшийся манифест Николая I была не слишком обнадеживающей. Крестьяне не только оставались непреклонны и упорны в своих требованиях, но, что особенно важно, каждый раз выражались сомнения в подлинности самого манифеста: «Вольно-де господам было написать оный», «много мы слышали таких указов». О том, что думали крестьяне о начальстве, можно судить, например, по распространявшемуся в 1839 году слуху, что наследник женится на дочери султана и на радостях будет сожжено три губернии²³.

Реальность постоянно интерпретировалась через представления о злых оборотнях. Во время эпидемии холеры в 1831 году народ искал реальных живых виновников этой болезни, людей, которых они отождествляли с холерой. Естественно, что такими людьми могло быть начальство и интеллигенция. Ходили слухи, что доктора и начальство рассыпают по дорогам яд, отравляют хлеб и воду. Эти слухи привели к восстанию солдат, к которому затем присоединилось население города

²³ Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. М., 1961. С. 347.

Старая Русса (Новгородская губерния). Восставшие избивали фельдшеров, лекарей, офицеров, разграбили аптеку, присутственные места, квартиры начальствующих лиц. Бунт распространился по соседним поселениям. Толпы людей охотились за докторами, офицерами и даже унтер-офицерами, требуя у них признания в том, что они отравили воду. Более ста офицеров, врачей и начальствующих лиц умерло от побоев. В совершенной искренности действий мятежников не приходится сомневаться. После организации управления в захваченных округах мятежники отправляли депутатов в Петербург с докладом об истреблении изменников и отравителей. В 50-х годах распространился слух, что крепостная зависимость автоматически прекращается со смертью помещика. Это привело к росту покушений на их жизнь. Массовые слухи приводили подчас к совершенно неожиданным последствиям. Например, участились слухи об освобождении за особые заслуги — за службу в резервной гребной флотилии Балтийского моря, за участие в строительстве Петербургско-Московской железной дороги, за военную службу. Говорили, что царь обещал вольную, освобождение от рекрутских наборов и налогов. Множество семей снималось с места, чтобы достичь желаемой цели. Летом 1856 года распространился в южных губерниях слух, что в Перекопе в золотой палате сидит царь и явившимся лично раздает волю. Отсутствующим или опоздавшим воли не дают. Последняя деталь особенно характерна для типа мышления, не ведающего других отношений, кроме чисто личных. Возник слух о выдаче пособий беглым крепостным для поселения в разоренных крепостях Крыма, вызвавший массовое самовольное переселение в Крым населения из многих губерний.

Общее напряжение выразилось в усиливавшейся ненависти, которая проявлялась в эксцессах, направленных против тех, кто в глазах крестьян олицетворял враждебные силы — против чиновников, помещиков, евреев. Судя по донесениям полиции, во время так называемых питейных бунтов в одном из уездов Оренбургской губернии несколько человек распространяли слух, что правительство желает уничтожить откупа и ввести вольную продажу вина, что «помещики, вопреки распоряжениям правительства, медлят с освобождением крестьян из крепостной зависимости и что, следовательно, им остается грабить питейные дома, а потом приняться за расправу с помещиками». Росла ненависть к «слугам царя», которые якобы скрывали его распоряжения, утверждалось даже, что зачинщики беспорядков награждены от царя деньгами. В 1839 году в ряде губерний свирепствовали опустошительные пожары из-за весенней засухи. По этому поводу в справке III отделения гово-

рится: «В народе возникли толки о поджогах, и когда в некоторых селениях были учреждены караулы и конные разъезды, то жители, признавая эти меры подтверждением их догадок, распространяли превратные слухи, что поджигают чиновники или помещики для разорения своих крестьян прежде отобрания их в казенное ведомство, или же евреи, из мщения за установление рекрутской между ними повинности. Ожесточенный народ возмущался против властей, ловил на пожарах проходивших и проезжающих лиц, вынуждал от них признание в преступлении побоями и нескольких человек предали пламени». Далее приводится перечень лиц, погибших и пострадавших от самосуда. Крайне любопытно, что материализация слухов о поджигателях пошла гораздо дальше, чем только расправа с попавшимися под руку людьми. Слухи привели к появлению действительных поджигателей. Тот же документ отмечает: «Слухи сии дали повод некоторым лицам к умышленному поджигательству, по злобе или с целью умышленного грабежа»²⁴. Иначе говоря, не слухи были результатом поджогов, но поджоги явились результатом распространения слухов. Воистину, прав был Маркс, говоривший, что «сознание становится материальной силой, когда оно овладевает массами». Мифы массового сознания, получившие массовое распространение, — самая грозная сила в обществе.

На волне слухов возникали массовые движения. Неурожай 1832-1834 годов, холера начала тридцатых годов активизировали и хилястические движения, нацеленные на восстановление царства Божия на земле, «нового Иерусалима». Люди верили в «град сокровенный Китеж», который скрыт «невидимой дланью» от недостойных. Существовала легенда о Беловодье, заселенном беглецами из России, которые искали «древнего благочестия православного священства». Там было якобы изобилие благ, идеальный общественный строй. Синкретическое сознание рассматривало эти земли как нечто реальное. Люди поодиночке и группами до нескольких сот человек пускались на поиски этих земель, подчас имея весьма смутное представление не только о месте, где следует искать «обетованную землю», но и о географии вообще. Продолжала существовать легенда о царях-избавителях. Пользовалась популярностью легенда о великом князе Константине, отказ которого от престола после смерти Александра I был истолкован как результат его стремления к освобождению крестьян. Он якобы потребовал от брата своего Николая устелить ему «дорогу боярски-

24 См.: Крестьянское движение 1827-1869 годов. М., 1931. Вып. 1. С. 31-37; Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. С. 343 и след.

ми головами»²⁵. Продолжало существовать самозванство. Так, в 1826 году в Уманском уезде появился некий Семенов, солдат, выдававший себя за майора, «посланного от государя-императора арестовать помещиков и объявить мужикам свободу от повинностей». В сопровождении добровольных помощников он делил между крестьянами помещичье имущество, заковывал в кандалы помещиков, порол управляющих²⁶. В отчете III отделения за 1827 год можно прочесть: «Среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний: они ждут своего освободителя, как евреи своего мессию, и дали ему имя Метелкина. Они говорят: „Пугачев попугал господ, а Метелкин пометет их“»²⁷.

Наряду с анонимными слухами в общий поток народного сознания вливались слова народных проповедников. Некоторые собирали «тысячи народа». Крестьянин Ф. Булгаков (1809-1876) писал о «земном царстве Божии, в котором возрождался земной рай, прекращалась вражда между людьми, исчезает война, перековывается оружие в орудие земледелия». Во второй половине 20-х годов появился труд представителя бегунской секты В. Москвина «Разглагольствование тюменского странника». Эта староверческая секта учила, что от власти надо «бегать и таиться», не подчиняться законам. Бегуны отрицали царя, никонианскую церковь, паспорта и подушную подать, законы, установленные правительством, рекрутчину, армию, деньги, ревизию (т. е. перепись). «Не имети града, ни села, ни дому». Эта секта ярко воплощала антигосударственные ценности широких масс, под названием «истинно православных крестьян странствующих» она существует и сегодня. Москвин провозгласил, что на месте «сокрушенного Вавилона» воздвигнется «новый Иерусалим». Идеи бегунов получили широкое распространение.

Нетрудно видеть, что эти народные представления являются, по сути, проявлением древнего манихейского менталитета, связанного с истолкованием мира через абсолютизацию полюсов добра и зла, с тем, что все негативное идет от злых сил, в данном случае интерпретированных как начальство, помещики, а все позитивное идет от тотема или его потомков, т. е. в данном случае от природного царя. При этом и реальный царь может расцениваться как оборотень, как антитотем, как зло, принявшее обличие царя. Это могло иметь место в

²⁵ Чистов К. Б. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967. С. 211.

²⁶ Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. С. 39.

²⁷ Крестьянское движение 1827-1869 годов. С. 9.

тех случаях, когда действия царя, содержание его указов не соответствовали представлениям о тотеме.

БЕССИЛИЕ РЕФОРМАТОРОВ

Правящая элита оказывалась под возрастающим давлением людей, с которыми она не могла установить элементарное взаимопонимание. Страх стал ее постоянным состоянием. III отделение в 1839 году предостерегало, что «крестьянское сословие есть пороховая мина»²⁸. В 1841 году начальник III отделения А. Бенкендорф предупреждал царя: «Мысль о свободе крестьян тлеет между ними непрерывно. Эти темные идеи мужиков все более и более развиваются и сулят нечто нехорошее». Власть с большим трудом улавливала некоторые закономерности инверсионного типа. Среди них важное значение имела не только возможность быстрого перехода от покорности к бунту, но и возможность молниеносной локальной обратной инверсии как реакции разочарования в результатах прямой инверсии. Полнейшая покорность после вспышки бунта — довольно частое явление. В жандармском отделении по поводу одного из нападений на кабаки в Самарской губернии сказано, что после инцидента «по требованию полицейского чиновника крестьяне являлись на сход, и из них зачинщики грабежа заключались под стражу без особого возмущения»²⁹. По поводу возмущений, связанных с пожарами, в уже цитированной выше справке III отделения отмечается, что почти во всех местах, где жители возмущались, Перфильев (генерал, которому было поручено расследование на месте) находил их покорными, но собирал их, делал внушения, потом судил виновных. «В селениях, где крестьяне наиболее буйствовали, при появлении генерала Перфильева они являли искреннее в том раскаяние и со слезами на коленях просили пощады...»³⁰. Через двадцать лет, во время питейного бунта, можно было наблюдать аналогичную картину. В рапорте тамбовского жандармского офицера читаем: «Наказания по большей части были весьма умеренные, но при этом все более действовали на умы народа торжественность и строгий порядок, с которыми приступали к разбору и наказанию виновных, так что все они высказывали сильнейшее раскаяние и, на коленях изъясляя

²⁸ Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. С. 345. См. также: Крестьянское движение 1827-1869 годов. С. 31.

²⁹ Крестьянское движение 1827-1869 годов.

³⁰ Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. С. 350. См. также: Крестьянское движение 1827-1869 годов. С. 27 и след.

покорность, просили прощения в своем проступке». Это сильнейшее колебание настроений создавало для власти возможность сохранить относительный порядок.

Неспособность к взаимопроникновению смыслов крестьянства и власти была мощным препятствием для реформ, для всех планируемых властью и затрагивающих образ жизни крестьян изменений и в определенной степени сознавалась правительством. Николай I писал П. Д. Киселеву, что рассматривает крестьянские волнения как «заблуждение крестьян по случаю распространения ложных слухов о перемене их состояния». Реформаторская деятельность Киселева непрерывно сталкивалась с этим, с его точки зрения, иррациональным, неадекватным реальности поведением крестьян. Например, в 40-50-х годах во многих районах России прошла волна протестов против тех изменений, которые вносились в управление государственным имуществом и касались крестьян, живущих на государственных землях. Крестьяне решили, не имея на это объективных оснований, что их хотели лишить части земельных наделов и перевести на барщину, на положение помещичьих крестьян. «У крестьян вкоренилось прочное убеждение, что их обратят в удельные или помещичьи крепостные. Каждое нововведение Министерства подкрепляло эту мысль и возбуждало страстную жажду сопротивления...» Они отказывались принимать новое Положение, выбирать сельских начальников, подчиняться назначенным чиновникам. Исследования показывают, что волнения «возникли раньше, чем обнаружались результаты новой системы, созданные реформой 1837—1841 годов». Крестьяне видели в самой идее реформ вмешательство в мирское самоуправление³¹. Все действия или бездействие власти, которые могли интерпретироваться крестьянами как проявление по отношению к ним мирового зла, злодейских действий начальства и т. д., имели парализующее значение для реформаторов. *Налицо заколдованный круг как проявление далеко зашедшего раскола. Раскол, непроницаемость смысловых полей крестьянства и правящей элиты заблокировали попытки власти внедрить в повседневную жизнь крестьян прогрессивные инновации.* Эти попытки интересны тем, что шаг новизны в этом случае был невелик. И тем не менее они не прошли. Большинство крестьян не приняло эту ограниченную альтернативу.

Раскол еще более усиливался в связи со сдвигами в массовых настроениях крестьян. Масштабы этих сдвигов могли быть и не очень велики, но, помноженные на численность крестьян-

³¹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... С. 521, 467, 457, 458.

ства, они оказывались фактором первостепенной важности. Определенный поворот крестьянского сознания отразился в фольклоре. В частности, в сказочном творчестве первой половины XIX века усилились мотивы глумления над помещиком, высмеивались его жадность, лень, тупость, что свидетельствовало о падении уважения к нему. В сатирических сказках крепостной мужик, как правило, герой положительный, противостоит барину, персонажу отрицательному. Крестьянское движение приобретает более массовый и стойкий характер.

Росли потребности крестьян. «Земледельческий журнал» в 1832 году писал, что крестьяне начали носить сапоги. Прежде мужик шапку носил всю жизнь и даже оставлял детям в наследство, теперь же он по три раза в год меняет картуз. Крестьяне стали заводить чай и самовары. Журнал отмечает изменение настроений с 1812 года, когда начали ослабляться старые патриархальные нравы. Возникло представление о вольности: «Пить и гулять, сколько душе угодно, не давая никому в поведении своем отчета»³². В литературе того времени говорится об опасности новой пугачевщины. Усилилось недоверие к местной и центральной власти. Не отдельные волнения, а общий «дух неповиновения» усиливал угрозу.

Волнения 1854—1856 годов существенно отличались от волнений 1826 года, возникших на почве слухов о воле и связанных с частными причинами. Теперь волнения возникали независимо от положения в том или ином имении. Крестьяне, уходя «в Таврию за волей», подчас вполне дружелюбно расставались с владельцами. В донесениях с мест учащаются сообщения о случаях неповиновения крестьян, об усиливающемся духе протеста. Шеф жандармов писал в 1858 году, что крестьяне «при ожидании переворота в их судьбе находятся в напряженном состоянии и могут легко раздражиться от какого-либо внешнего повода»³³. По свидетельству будущего министра А. В. Головнина, лично ознакомившегося с положением в ряде губерний в 1860 году, в крестьянах заметно «нравственное пробуждение и проявление как бы чувства собственного достоинства. Они теперь оскорбляются поступками, которые в прежние времена не оскорбляли их». Далее он говорит о существенном различии между поколениями, о молодежи, которая в скором времени «составит буйную вольницу, какой Россия уже давно не имела и которая доставит правительству много

³² Довнар-Запольский М. В. Крепостники в первой четверти XIX в. // Великая реформа. М., 1911. Т. 2. С. 131-132.

³³ Крестьянское движение 1827-1869 годов. С. 124.

затруднений»³⁴. Донесения с мест обращают внимание на упорное нежелание платить подати. Крестьянство стремилось отклониться от жизненно важной для медиатора функции, т. е. исключить из своей воспроизводственной деятельности воспроизводство государства, большого общества. *Активизация крестьянства проявлялась не в стремлении перестроить государство, а в желании отпихнуться от него, замкнуться в своих локальных мирах. Отход крестьянства от начальства неизбежно заставлял государство укреплять аппарат чиновников и поддерживать дворянство.*

Правящая элита пыталась активизировать творчество тех или иных слоев населения, вдохнуть живые силы в механизм управления, оживить дворянское самоуправление. В 1831 году права губернаторских и уездных дворянских собраний были несколько расширены, вводились штрафы за непосещение дворянами собраний, но это не дало результатов. Стремление власти к некоторому отходу от авторитаризма не встретило поддержки снизу. Дворянство было равнодушно даже к тем правам, которыми оно располагало по закону. Как крестьяне, так и дворяне не проявляли интереса к тому, что находилось за границей их локальных миров. Тем самым они передавали свои прерогативы чиновникам, первому лицу. Слабость, апатия, равнодушие парализующе действовали и на правящую элиту. Реформа, как казалось царю, могла быть единственным выходом. Здесь можно было опереться на авторитет высшей власти, на некоторое количество способных администраторов. Крайне важным обстоятельством, благоприятным для реформ, был рост понимания ценности государственных организаций, понимания ценности службы государству в интересах общества, ценности общества для воплощения личных интересов. Сам царь говорил о себе, что он «смотрит на всю человеческую жизнь как на службу, так как каждый служит». Гоголь писал: «Нужно подумать теперь о том всем нам, как на своем собственном месте сделать добро. Поверьте, что Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит»³⁵.

Однако эта вера в нравственную необходимость исполнять долг на своем месте, исправно служить обществу в государственной организации омрачалась рядом обстоятельств. Во-первых, она охватывала относительно тонкий элитарный слой. Во-вторых, само это стремление служить еще не оторвалось от

³⁴ Головин А. В. Общие заметки о поездке по некоторым губерниям в 1860 году // Записки научного общества марксистов. М.; Л., 1927. № 7(1). С. 142, 143.

³⁵ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. С. 190.

конструктивной напряженности, нацеленной на неизменность. По словам В. Линкольна, «паралич русской бюрократии середины XIX века усиливался из-за общей инертности и из-за того, что чиновники низших рангов пассивно противились каким-либо изменениям». Это совпадало с общим безразличием к общественным делам. Дворяне избегают выборов, «и скоро надобно будет собирать их жандармами, чтобы принудить пользоваться правами»³⁶.

Отсутствие в обществе достаточно развитого сословия, способного взять на себя ответственность за большое общество, за государственность, неизбежно усиливало значение бюрократии. С 1796 по 1847 год численность чиновников возросла в четыре раза, а с 1796 по 1857 год — почти в шесть раз. Государственный аппарат в первой половине XIX века рос примерно в три раза быстрее, чем население. Причина этого была в усложнении функций общества, которые в значительной степени должно было брать на себя государство. И все же удельный вес бюрократии в стране был невелик.

В Петербурге на 1 000 жителей было всего 1,1-1,3 человека администрации, тогда как в Лондоне и Париже эта величина соответственно составляла 4,1 и 4,8³⁷. Это свидетельствует о слабости якобы всесильного государства. Мировосприятие чиновника, рассматривающего общество как силу внешнюю и чужую, с неизбежностью порождало коррупцию и вместе с тем *конфликт в самом медиаторе*. Вся история государства есть глухая скрытая борьба правящей элиты с массой собственных чиновников.

Именно в этот период учреждения, канцелярии, палаты, конторы приобрели славу разбойничьих притонов. Взятка давно стала формой связи локального сообщества с местными властями. Подношение считалось чем-то естественным, и поэтому дача взятки официально предусматривалась в мирском приговоре, о чем делалась соответствующая запись. Взятка чиновнику по решению мира была системой, что превращало ее в ренту держателя монополии. Из сохранившейся расходной книги старосты одной из деревень владения Орловых И. Иванова (1822 год) видно, что взятки давались по самым различным поводам: при сдаче подушной подати, за выписку квитанции, сторожам, за принятие показаний в суде и т. д. Общая же их сумма составляла более шестой части официальных платежей. Складывалась специальная шкала «по-

³⁶ Сперанский М. М. Письма Сперанского к А. А. Столыпину // Русский архив. 1869. Т. 7. № 9. С. 197.

³⁷ См.: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 66-68.

дарков»³⁸. Чиновники не выходили в основном за рамки локальных идеалов, они не могли подняться до понимания необходимости защищать интересы всего общества, до осознания социальной роли чиновника как носителя общественного служения. Следуя локальным и, одновременно, утилитарным ценностям, они разрушали медиатор как организационную силу общества, пытаясь в каждой ее точке подчинить аппарат случайным, личным, местным целям.

«СВЕРХУ — БЛЕСК, ВНИЗУ — ГНИЛЬ»

Силы, казалось бы, могучего государства оказались ничтожно малы для подъема хозяйственного и социального уровня многомиллионного крестьянства, точнее, той его части, которая находилась в непосредственном ведении Министерства государственных имуществ. Государственный аппарат оказался бессильным в деле обеспечения агрономической службой основной массы населения. Врачебная помощь и признание престарелых были организованы в микроскопических размерах. Ежегодно недоборы налогов и сборов возрастали, сумма недоимок за 19 лет реформ выросла на 66%. С мест продолжали поступать сведения о бедности крестьян, их ропоте недовольства, коррупции чиновников. Полная неудача привела к отставке П. Д. Киселева. Новый министр М. Н. Муравьев, как и Киселев, следовал логике хромающих решений, каждый шаг которых частично или полностью отвергает предшествующие решения. Он пытался перевести «свободных сельских обывателей» (государственных крестьян) в условия, в которых находились частновладельческие, сократить их наделы, повысить оброчные платежи, т. е. покончить с «попечительными» преобразованиями³⁹. Но таким способом была лишь подготовлена почва для следующего витка хромающих решений. Потребность в изменениях и одновременно неспособность общества их обеспечить создавали тупиковую ситуацию. Люди, склонные к поверхностным наблюдениям, оценивали положение оптимистически, тогда как более глубокий взгляд на ситуацию породил прямо противоположную точку зрения. Николай I говорил в 1842 году: «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло для всех ощутительное и очевидное; но прикасаться к оному было бы злом, конечно, еще более гибельным. ...Я никогда на это не ре-

³⁸ Александров В. Л. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). С. 171-172.

³⁹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... С. 575, 289, 517.

шусь... Но... необходимо, по крайности, приуготовить средства для постепенного перехода к иному порядку вещей»⁴⁰. Ясно видно нарастающее осознание бессилия правящей элитой, самим царем, явный страх перед неконтролируемыми последствиями изменений и одновременно признание их необходимости.

Консервативные, застойные тенденции особенно усилились в результате революции 1848 года в Европе, за которой в России последовало наступление правящей элиты на просвещение. Отставка в связи с этим С. Уварова означала поражение интеллигенции, перешедшей на позиции медиатора. Его деятельность показала, что управление наукой и просвещением в условиях раскола содержит в себе постоянную угрозу конфликта, вытекающую из расколотости системы ценностей.

К двадцатилетию царствования Николая I в правящей элите в целом (были и исключения) царили оптимистические настроения. Царь полагал, что «положение России и ее монарха никогда еще, с самого 1814 года, не было более славно и могущественно». Тем не менее подспудные силы, на которые можно было до времени закрывать глаза, подтачивали систему. В стране назревала новая инверсия. Правящая элита, однако, не была к этому подготовлена. Жизнь ускользала из теряющей связь с реальностью системы власти.

Н. Милютин (1818-1872) писал в марте 1856 года новороссийскому генерал-губернатору: «Сердце обливается кровью при чтении ваших депеш... Все, что мы тут (в Петербурге) ни сделали, принесет ничтожную пользу стране». Граф П. Валуев (1815-1890), впоследствии председатель комитета министров, в 1856 году указал на один из наиболее слабых пунктов бюрократической централизации: «Управление доведено в каждой отдельной части до высшей степени централизации, но взаимные связи этих частей малочисленны и шатки. Каждое министерство действует по возможности особняком и ревностно применяется к правилам древней системы уделов»⁴¹. Валуев подметил крайне важное обстоятельство. *Каждый бюрократический институт превращался в особый локальный мир, противостоящий другим мирам.*

М. Корф, главноуправляющий II отделения личной канцелярии царя, полагал, что система могла существовать, без сомнения, лишь потому, что на самом деле большая часть предписаний высшего правительства на местах не исполнялась и действительная жизнь шла врозь с ними. Трудно дать более

⁴⁰ См.: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 2. С. 60-61.

⁴¹ *Дневник графа П. А. Валуева. 1847-1860 гг.// Русская старина. 1891.*

убийственную характеристику управлению, указав на то, что оно могло существовать лишь потому, что его предписания не исполнялись. «Дела обыкновенно шли прекрасно на бумаге, но никто не сверял бумагу с действительностью» (А. Н. Пыпин). На это полнейшее расхождение всей жизни общества и государства указывал И. Аксаков. Он писал о периоде царствования Николая: «„Фасад“ его был действительно блестящий до такой степени, что он и теперь (т. е. в 1884 году) вызывает иногда ретроспективное удивление. Но не даром же сказано было про Россию, что она — страна фасадов и парадов». Граф П. Валуев писал: «Сверху — блеск, внизу — гниль»⁴². Можно без конца цитировать авторов, вскрывавших совершенно неестественное противоречие между видимым блеском и внутренней несостоятельностью строя, основанного на умеренном авторитаризме. *В условиях раскола, неорганического существования общество оказывается неспособным воспроизводить себя на основе определенной конструктивной напряженности, на основе органического процесса воспроизводства.* Общество, с одной стороны, вступило на путь изменений, развития, включая развитие самосознания. Но, с другой стороны, оно стремилось ничего не менять, дабы не вызвать неконтролируемых последствий. Например, С. Уваров писал: «Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовит ей теория, то я исполню свой долг и умру спокойно»⁴³.

Правящая элита оказалась в мучительном противоречии. Опираясь на сословия, она видела, что взаимоотношения между ними требуют изменения, так как растет опасное недовольство крестьян. Однако сместить опору власти достаточно близко к крестьянам было невозможно, так как их локалистские представления мешали воспроизводить государственность.

Усилившийся раскол, неспособность преодолеть коренное расхождение векторов конструктивной напряженности парализовали общество. *Страх перед катастрофой превратился в страх перед изменениями*, а это означало, что авторитарная система привела к застою, к отставанию общества от предъявляемых к нему требований извне и изнутри. Политика правящей элиты судорожно металась между исключаящими друг друга принципами, усиливая дезорганизацию. Академик, цензор, тонкий наблюдатель А. Никитенко (1804—1877) писал вскоре после смерти Николая I: «У нас ныне настоящее царство хаоса. Хаос во всем: в администрации, в нравственных началах, в убеждениях. Хаос в головах тех, которые думают

⁴² Дневник графа П. А. Валуева. 1847–1860 гг. // Русская старина. 1891. Кн. 5. С. 354.

⁴³ Цит. по: Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 264.

управлять общественным мнением»⁴⁴. Каждое важное решение в условиях раскола превращалось в собственное отрицание. Система позднего авторитаризма подтачивалась локальными силами даже внутри государственного аппарата. Решение медиационной проблемы оказалось под угрозой, так как массовое сознание уходило из-под влияния государственности. Ставка на силу оказалась ставкой на слабость. Крымская война (1853-1856), в которой Россия выступила против объединенных сил Англии, Франции и Турции, показала всю гнилость режима. Армия технического уровня 1812 года не могла противостоять армиям передовых европейских держав. С. Витте писал впоследствии: «Крымская война открыла глаза наиболее зрячим; они осознали, что Россия не может быть сильной при режиме, покоящемся на рабстве»⁴⁵. По определению Витте, николаевский режим завершился «севастопольским погромом». «Мы накануне сильного потрясения, тяжких испытаний,— если не конечного распада того, что доселе называлось Россией. Правительство ежедневно более или менее обнаруживает и свой внутренний разлад, и свое внешнее бессилие. А в тех силах, которые под ним движутся и его колеблят, как мало признаков будущего единства»,— писал П. Валуев в 1859 году⁴⁶. О настроениях, вызванных крымской катастрофой, говорят записки известного дипломата князя А. Горчакова (1798—1883): «Если бы мы продолжали борьбу, мы лишились бы Финляндии, остзейских губерний, Кавказа, Грузии и ограничились бы тем, что некогда называлось Великим княжеством Московским».

Массовый отход от власти свидетельствовал о росте социокультурного противоречия между ценностями массового сознания и исторически сложившейся государственностью, о ее нарастающей дисфункциональности. Срединная культура росла, но манихейство оставалось господствующим мировоззрением. Новые утилитарные и либеральные ценности не могли переработать толщу массового синкретизма, что делало положение правящей элиты, стремящейся отстоять некоторые либеральные ценности, все более трудным.

Общество пыталось преодолеть ограниченность синкретизма, использовать элементы либерализма. Они приобрели характер ограниченного культурного плюрализма в образованных слоях, стремления к реформам, к техническому и экономическому развитию и т. п. Элементы либерализма играли

⁴⁴ Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. 2. С. 38.

⁴⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2.

⁴⁶ Дневник графа П. А. Валуева. 1847-1860 гг. // Русская старина. 1891. Окт. С. 140.

роль, по крайней мере отчасти, некоторого критического фактора, некоторой потенциальной возможности, которая могла организационно воплощаться в тех или иных случаях, например, в законодательных актах, несколько ослаблявших давление на крестьян. Либерализм, следовательно, выступал и как некоторый внутренний элемент господствующего идеала, и одновременно как некоторое неофициальное движение, претендующее на то, чтобы вырабатывать на основе мирового опыта некоторую альтернативу вариантам вечевоего идеала, альтернативу инверсии.

В конечном итоге государственность была вынуждена опереться на иллюзии совпадения реальности большого общества с мифами синкретического сознания, что и воплощалось в официальной идеологии единства православия, самодержавия и народности. Провозглашая это единство, идеология тем самым скрывала реальность раскола. Таким образом, государство само оказывалось во власти мифов и, следовательно, не могло предотвратить уход широких масс из-под влияния государства, рост общей социальной дезорганизации общества, а значит, и банкротство господствующего идеала, его смену на противоположный, распад внешней и внутренней политики. Государство, пытавшееся реализовать новую альтернативу, оказалось бессильным перед бездонным морем повседневности миллионов, не вышедших за рамки альтернативы инверсионного типа.

ГЛАВА VII

СОБОРНО-ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ И НОВАЯ КАТАСТРОФА

НОВАЯ ИНВЕРСИЯ

Банкротство позднего умеренного авторитаризма означало, что вялая инверсия, попытка общества преодолеть инерцию истории, найти альтернативу за рамками исторически сложившихся циклов оказалась неудачной. Обществу не хватило массовой критической рефлексии своего исторического пути, уровня медиации, способности формировать срединную культуру.

Катастрофическое поражение в Крымской войне и неожиданная смерть императора произвели гнетущее впечатление, усиливая массовое дискомфортное состояние. Князь П. Кропоткин (1842-1921), теоретик анархизма, писал в своих воспоминаниях: «Ужас охватил как наш, так и соседние дома. Передавалось, что „народ" на базаре держит себя очень подозрительно... высказывает опасные мнения. Взрослые разговаривали не иначе как шепотом... Помещики ждали ежеминутно бунта крепостных — новой пугачевщины»¹. Для страха были определенные основания. Если в первой четверти века в год в Центральной России было восемь волнений, то в следующую четверть века их количество возросло до девятнадцати, а в 1851-1860 годах до сорока семи. Волнения, вопреки представлению о всемогуществе государства, способного вооруженной рукой подавить любое выступление недовольных, часто оканчивались победой крестьян, т. е. взятием помещика в опеку. Это могло быть связано со снижением оброка и отменой натуральных поборов, с отменой решений о переселении, с отказом помещика от попыток принудить крестьян работать на своих заводах, с уничтожением барщины, с возвращением отобран-

¹ *Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966. С. 94.*

ных земель и т. д. «Со временем независимость крестьян от помещиков росла»².

В сообщениях, поступающих из губерний, говорилось о «духе упорства и ослушания в исполнении не только вотчинных, но и правительственных распоряжений». Например, в 1858 году крестьяне ряда уездов Тверской губернии объявили себя вольными, отказывались от несения повинностей, самовольно уходили на заработки и игнорировали распоряжения помещиков. Крестьяне вышневолоцкой помещицы фон Ренгартен заявили полицейским и чиновникам: «Мы... уже вольны, и помещица над нами не имеет никакой власти». Чиновники свидетельствовали, что крестьяне не исполняли никаких обязанностей перед помещицей, «которую знать не хотят», уходили из имения, «кому где захочется, нанимались в других уездах на постройки в работы». Восставшие крестьяне одного из поместий Костромской губернии заявили, что «они теперь должны управляться миром, а не помещиком». В другом поместье крестьяне вырубили и продали помещичий лес, «в том убеждении, что земля принадлежит вся крестьянам, и помещица не имеет на нее права». Крестьяне отказывались платить подати. Костромской помещик Лугинин в 1857 году сообщает губернатору: «В имении моем проявляется брожение в умах крестьян и остановка в уплате оброка. Те же из крестьян, которые оброк отработывают в лесных дачах моих, стали всячески от исполнения сих работ уклоняться, не оказывая, впрочем, явного и общего неповиновения, но под разными предлогами и отговорками». Крестьяне одной из деревень вотчины князя Б. Черкасского запретили отправлять собранный оброк, будучи убеждены, что «скоро получат свободу и деньги их пропадут». Крестьяне помещика Салова отказались платить оброк, заявляя, что «они уже вольные» и т. д.³ В обществе складывалась драматическая ситуация. Рост утилитаризма, самосознания, активности крестьянства приводил к тому, что оно отслаивалось от государственности, отпихивалось от нее, пытаясь построить свою жизнь на принципах догосударственности, отказываясь воспроизводить большое общество, государственность. Миллионы людей творили историю, однако весьма слабо представляя, какую именно.

Банкротство позднего умеренного авторитарного идеала дало импульс новой инверсии, переходу к соборному идеалу,

² Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850-1880 гг. М., 1978. С. 51.

³ Федоров В. А. Крестьянское движение в Центральной России. 1800-1860 (По материалам центрально-промышленных губерний). М., 1980. С. 135—138 и др.

возврату к исходной точке движения государственности, т. е. к альтернативе в рамках сложившегося богатства культуры. Импульс инверсии шел не только от дискомфортного состояния, вызванного банкротством господствующего идеала предшествующего этапа, но и от остаточного дискомфорта состояния, обусловленного скрытым накоплением результатов банкротства ряда последовательных господствующих идеалов, начиная с крайнего авторитаризма. Инверсия, следовательно, накопила значительный потенциал, набирая массовую энергию в движении к господству соборного идеала. Это грозило придать процессу сокрушительный характер. Отход от вялой инверсии, от попыток преодолеть ограниченность возможностей альтернатив вне рамок инверсии, а также мощь накопленной инверсии таили в себе угрозу разрушительного конфликта распавшихся частей общества. В стране с массовым господством локализма это неизбежно ведет к громадным бедствиям. Правящая элита, находясь во власти новой инверсионной волны, несущей общество к катастрофической дезорганизации, вновь судорожно искала свою интерпретацию инверсии, вновь стала сближаться с духовной элитой.

Новая соборная инверсия стала интерпретироваться как либеральная.

ОТ УТИЛИТАРИЗМА К МАТЕРИАЛИЗМУ

Важнейшей движущей силой изменений в обществе было дальнейшее развитие утилитаризма не только умеренного, но и развитого. Развитой утилитаризм является нравственной основой для совершенствования производства, саморазвития инициативы, творчества. Утилитаризм возник из синкретизма, постепенно его расчленил, разрушая. Это, однако, не мешает тому, чтобы на протяжении громадных отрезков времени утилитаризм служил средством укрепления синкретизма.

Развитой утилитаризм с его ориентацией на прогресс производства, требующий развития личности, высокой оценки потребностей личности, в конечном итоге подготавливает почву для либерализма с его повышенным вниманием к духовным ценностям, идеалам свободы, саморазвития, законности, диалога и т. д. Но для духовной элиты России характерна стойкая неприязнь к утилитаризму. В. Белинский говорил о царстве «материальной животной жизни, чиновлюбия, крестолубия, деньголюбия, взяточничества, безрелигиозности, разврата, отсутствия всяких духовных интересов, торговли бесстыдной и наглой глупостью, посредственности, бездарно-

сти». Русская литература подхватила представление массового сознания о богаче как о воплощении зла. Гоголевский Плюшкин, Иудушка Салтыкова-Щедрина воплощали ужас перед, как казалось, нечеловеческой, безнравственной силой растущего утилитаризма, лишённого элементарной целесообразности. Вот картина, которую дал Салтыков-Щедрин. «В последнее время русское общество выщелило из себя нечто вроде буржуазии, т. е. новый культурный слой, состоящий из кабатчиков, процентщиков, железнодорожников, банковых дельцов и прочих казнокрадов и мироедов... В короткий срок эта празднующаяся гля успела опутать все наши палестины: в каждом углу она сосет, точит, разоряет и вдобавок нахальничает. Во многих городах и в особенности в деревнях она подла и невыносима. Это ублюдки крепостного права, выбивающиеся из всех сил, чтобы восстановить оное в свою пользу, в форме менее разбойничьей, но, несомненно, более воровской».

Г. Успенский говорит о «живорезном направлении» в деревне. Слова, которыми он описывает кулака: «жрет», «утроба» и т. д.— очень напоминают образы врагов у Аввакума. Это также синкретическое, чувственно воспринимаемое зло, не отделяемое от личности. Подобное направление литературы свидетельствовало не только о разрушительном воздействии утилитаризма на синкретизм, но и о неспособности духовной элиты на этом этапе найти формы ассимиляции утилитаризма. Общественное мнение, направленное против роста утилитаризма, не смогло осознать того, что утилитаризм в стране развивался не столько на своей собственной основе, сколько на основе синкретизма. Отсюда крайняя болезненность этого процесса. Утилитаризм опирался на древнюю нравственность, тем самым создавая химеры. Общество, двигаясь по пути утилитаризма, парадоксальным образом тяготилось им. Его рост не получил позитивной нравственной санкции ни в элитарном сознании, ни в массовом. Общество за это жестоко расплачивалось, так как носители утилитаризма начинали самоощущать себя в качестве носителей зла. Утилитаризм оказался как бы на нелегальном положении. Он выступал антиподом нравственных принципов, дьявольской силой, разрушающей жизнь. И в этом отношении Россия представляла собой противоположность Западу, где рост утилитаризма на определенном этапе находил обоснование в философских, этических, религиозных системах. *Тяга к утилитаризму и одновременно страх перед ним порождали раздвоенность сознания, усиливали нравственное напряжение, сознание греховности общественной жизни. Этот конфликт в условиях раскола общества приобрел застойную форму, стал элементом раскола. Сло-*

жилось, следовательно, своеобразное двойственное отношение к утилитаризму. Это открывало путь инверсионным крайностям в отношении к нему, переходу от ничем не ограниченного мироедства к попыткам его уничтожить. *Вся великая русская литература XIX века, несшая в себе гигантский нравственный заряд, была направлена против реального утилитаризма. Тем самым она толкала общество на борьбу не столько с его уродливыми формами, сколько с утилитаризмом как таковым.*

Впрочем, ограниченную нравственную санкцию утилитаризм получил в материализме, который пытался соединить его с синкретизмом. Трудно представить тот энтузиазм, который охватил русское образованное общество, овладевшее наконец истиной. В 50-60-х годах материализм проповедовали с большим эмоциональным подъемом, с истинно религиозным энтузиазмом. Русский философский материализм, формировавшийся на элитарном уровне, основывался на достижениях мировой культуры и являлся выражением общемировой тенденции.

Поворот к материализму в России происходил как переосмысление определенных сторон синкретизма средствами высшей культуры. Древняя Правда осмыслялась как тождественная реальности. Мифологическое мышление с его принципом «всё во всём» не знало различия между мыслью и реальным миром. А. Афанасьев писал: «В эпоху незапамятной, доисторической старины ни одно нравственное, духовное понятие не могло быть иначе выражено, как чрез посредство материальных уподоблений. Поэтому кривизна служила для обозначения всякой неправды...»⁴. Для синкретического мышления все окружающее представлялось телесным, т. е. обладающим чувственно воспринимаемой формой. Материя стала преемницей языческого божества. Идол древнего славянина был капризен. Материя же рассматривалась как носительница однозначных строгих законов, включая, в конечном итоге, и нравственность. *Философский материализм в России противопоставляет материю и сознание как две абсолютные противоположности, но при этом сознание парадоксальным образом целиком определяется материей. Это представление можно рассматривать как философское воплощение раскола и умозрительную попытку его снять.* Оно несет в себе постоянную возможность отпадения человека от материи, которая воплощает Правду. Здесь воспроизводится старая тотемическая схема. Гарантом, истолкователем этой Правды выступали вла-

⁴ Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избр. статьи. М., 1982. С. 325.

стителю дум, журналисты, писатели, а затем и «отцы народа». Эта партиципация человека к объективным законам материи делает его владыкой мира, т. е. хозяином всех вещей и процессов, что открывает путь утилитаризму.

На Западе получила преобладание философия, выдвигающая на первый план активность человека. Это направление включало в себя и марксизм. В рамках последнего материализм приобрел антикапиталистический характер. В марксизме отрицалась необходимость творческой предпринимательской деятельности. Иначе говоря, принимались результаты развития капитализма — рост благосостояния, успехи науки и техники, но сам капитализм, создававший все более совершенные формы труда, деятельности, соответствующие формы конструктивной напряженности, отвергался. *Если западный материализм расчищал путь капитализму и либерализму, то русский вариант явился формой защиты общинных идеалов от капиталистических разрушений, от либерализма.* Европейский материализм развивался под лозунгом раскрепощения человека, переделки общества, созидания царства разума в процессе личного творчества.

Материализм в России унаследовал от синкретизма его монологический характер, признание возможности лишь одной точки зрения, противостоящей бесконечным заблуждениям. Этот монолог должен формироваться наукой, так как материализм рассматривает себя как ее результат и одновременно как ее основу. Возможно, именно в оценке науки с наибольшей силой сказалась связь русского материализма с синкретическим миропониманием. Наука в этом случае выступала как предмет веры. Материализм был одним из важных результатов утилитаризма, попыткой привязать человека к «науке» как внешней силе. Однако наука в этих условиях вопреки своей сути становилась отражением ранее сложившейся культуры, попыткой ее модернизировать, подчиняя не столько логике формирования предметного знания, сколько новым ценностям, возможно, новых социальных групп. Между расколотыми частями общества неизбежно складываются различные промежуточные группы. Важнейшая среди них — интеллигенция. Это был слой, который усваивал высшую культуру в той степени, в какой это позволяло перевести менталитет массового сознания на язык науки или того, что принималось за таковую. Относительная образованность интеллигенции позволяла интерпретировать явления социально-инверсионного типа на языке науки, например, трактовать бунт как революцию. Но этого было недостаточно для понимания сущности как бунта, так и революции. Представления элитарной культуры,

используемые для подобной интерпретации, блекнут, теряют свою внутреннюю связь с высшей культурой. Основной задачей интеллигенции было включение содержания массового сознания в культурный контекст большого общества, стремление преодолеть раскол между народной и элитарной культурой, возможно, через ликвидацию того или иного полюса. При этом народ с его нравственными принципами воспринимался как тотем, с которым интеллигенция должна находиться в состоянии партиципации. Поскольку речь шла об инверсионном, локальном сознании, эта деятельность интеллигенции тяготела фактически к ликвидации большого общества, государственности, по крайней мере в тенденции. Тем самым *интеллигенция игнорировала свою социальную функцию критики народного сознания*, стимуляции приобщения народа к реальным высшим ценностям культуры, хотя практически такой процесс в ограниченных масштабах имел место.

В монологических идеалах интеллигенции, в ее подчас доктринерском пренебрежении к ценностям культуры просвечивала и способность во имя абсолютной цели, т. е. высшего утилитарного блага, быть беспринципной в средствах вплоть до пренебрежения всеми нравственными ценностями. *Утилитаризм логически и исторически занял некоторое промежуточное состояние между синкретизмом и либерализмом*. Он сходен с синкретизмом в некритическом отношении к целям, в рассмотрении их как чего-то естественно заданного. Но утилитаризм, в отличие от синкретизма, отказывается от подобного отношения к средствам. Средства для него — это сфера поиска безгранично растущих возможностей. В этом определенное сходство утилитаризма с либерализмом. Однако между либерализмом и утилитаризмом существовало важное различие. Утилитаризм сохранил некритическое отношение к целям, тогда как либерализм, опираясь на науку, на представление о прогрессе, распространял критическое отношение и на них.

Интеллигенция стимулировала инверсионное сознание на уровне философии. *Материализм в стране стал философией инверсии*, которая нацеливалась единовременным актом утвердить на развалинах государственности высшую народную Правду. Революционеры, т. е. сторонники инверсии — бунта — революции, ставили своей задачей вызвать, ускорить, усилить массовую инверсию. Они верили в молниеносное чудо. «Мы не можем ждать... Революция в России действительно необходима и необходима именно *в настоящее время*. Мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления»⁵. Интел-

⁵ Ткачев П. Н. Избр. соч. М., 1933. Т. 3. С. 70.

лигенция говорила на языке науки и одновременно на языке синкретизма — с народом, и тем толкала его к инверсии. Еще Рылеев и Бестужев накануне 14 декабря 1825 года распускали в Петербурге слух о том, что покойный царь Александр дал народу волю, а Николай не желает выполнять волю прежнего царя. Восставшие офицеры объяснили народу на Сенатской площади, что «вот теперь немцы всем заправляют и угнетают народ». Об этом же стремлении говорить на языке народа, раствориться в его системе ценностей свидетельствует воззвание 3 марта 1881 года после убийства царя: «Сегодня, 1 марта Александр II убит, мучитель своего народа убит нами, социалистами. Объявляем об этом всенародно. Убит за то, что отдал рабочего грабителям и мироедам. Он не давал воли народу. Мирских людей, которые стояли за народ и Правду, он вешал, ссылал на каторгу. Александр II был волком. А царь должен быть пастырем добрым». Здесь налицо целый букет синкретизма: вера в абсолютное деление реальности на Правду и кривду, абсолютная вера в единственность своего истолкования Правды, персонификация зла в живом оборотне, в данном случае в Александре II, который не соответствовал представлениям об идеальном царе.

Все подчинялось одной цели — вызвать массовую инверсию, бунт — революцию. Прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» (1860-1861) содержала призыв «волю добыть» посредством вооруженного бунта во имя того, «чтобы рекрутчины, да подушной, да пачпортов не было, да окружных там, да всей этой чиновной дряни» не было, чтобы «мир был всему голова».

Рассматривая общество как поле битвы двух сил — добра и зла, отождествляя себя с силами добра, авторы текста пытались преодолеть раскол, доведя его до крайней степени обострения, до гражданской войны, до всеобщей резни, до катастрофы. *Интеллигенция превращалась в активного проводника слепой исторической инерции, разрушительных инверсионных колебаний.* Однако груз ценностей большого общества мешал ей целиком слиться с народом (отказ от этого груза означал бы потерю специфики интеллигента). *Фактически эти люди работали над формированием нового нравственного идеала. Таким идеалом стал, например, социализм, в котором сочетался общинный социализм, т. е. идеал локализма, и государственный социализм, т. е. идеал, связанный с заботами о большом обществе.* Хотя духовная деятельность интеллигенции питалась крошками со стола высшей культуры, это не уменьшало ее значения в области подготовки новых нравственных идеалов.

Критическое острие этой деятельности интеллигенции было направлено против либерализма как источника зла, социального хаоса, дискомфорта. *Интеллигенция стремилась манихейством подменить либерализм, оценивая существующую государственность как воплощение зла. Зло объяснялось уже не кознями Антихриста, а утилитаризмом буржуазии.*

Формируя свою специфическую субкультуру, интеллигенция стремилась соединить несоединимое, в данном случае массовое вечевое сознание и элементы высшей культуры.

ГИБРИДНЫЙ НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ

Усиление раскола при неспособности общества его преодолеть требует усиления идеологической деятельности для того, чтобы предотвратить необратимую дезорганизацию. Власть создавала идеологию — искусственную культуру, которая имитирует менталитет массового сознания, монтируя в него ценности большого общества, государственной жизни, непостижимым образом их соединяя. *Идеология правящей элиты выступает как результат интерпретации массового сознания, которое, в свою очередь, есть результат интерпретации своих исторически сложившихся идеалов, прежде всего синкретического вечевого идеала.* Идеология, следовательно, есть интерпретация второго порядка, диктуемая необходимостью решать медиационную задачу, следовать социокультурному закону. Ее формирование реально лишь в результате осознания возможности превращения культуры в предмет манипулирования. Формирование идеологии органически связано с возможностью гибридных нравственных идеалов, т. е. особой формы нравственного идеала, характеризующейся отождествлением, слиянием существенно различных, даже противоположных и, по сути, конфликтующих между собой идеалов, связанных с различными, подчас враждебными социальными группами, с разными частями расколотого общества. Сама гибридность должна тщательно скрываться. Она несет в себе тайну. Гибридный идеал выполняет интегративную функцию лишь тогда, когда, например, либеральный и вечевого идеалы воспринимаются в обществе не как два идеала, но как один, истолкования которого разными группами могут, однако, отличаться.

«Русская государственность могла, должна была погибнуть от просвещения», — писал Г. П. Федотов. Корень трагического расхождения между исторической властью и интеллигенцией «в измене монархии своему просветительскому призванию... Благодаря петровской традиции и отсутствию революционных

классов для русской монархии было вполне возможно сохранить в своих руках организацию культуры». Отказ от просвещения нес гибель. «Без опасной прививки чужой культуры, и притом в героических дозах, старая московская государственность стояла перед неизбежной гибелью». Но и просвещение «православно-национальное славянофилов или космополитическое и безбожное западников» несло в себе опасность, так как оно «разоблачало основную ложь», поддерживающую всю систему⁶. Итак, Россия не могла жить без просвещения, так как, отстав от других, она могла потерять свою государственность и национальное существование. Вместе с тем просвещение несло в себе для пораженного расколом общества смертельную опасность. Оно всем показало бы, что власть, государственность, царь, большое общество ничего общего не имеют с теми представлениями о социальной жизни, которые характерны для синкретического сознания, древнего тотемизма во всех его модификациях. Однако если для всех стало бы ясно, что царь вовсе не батюшка, а глава сословной системы и бюрократии, то это означало бы, что люди, опирающиеся на принципы древнего локализма, могли инверсионным образом отказаться от воспроизводства государственности, большого общества. В этом случае исчезла бы возможность решать медиационную задачу, так как локалистски настроенные слои, верящие в необходимость иметь некоторого вождя-тотем-батюшку, неизбежно отказали бы сословной бюрократической системе в воспроизводстве, так как она оказалась вовсе не тотемом, а превратилась бы в разоблаченного оборотня, в антитотем.

Принципиальная возможность гибридного идеала возникает лишь при развитии по крайней мере в одной из расколотых частей общества метафорического мышления, способности формировать, использовать метафорический смысл, осознавать различие между словом и вещью, понимать, что, например, представление о злом ветре не означает, что ветер — это человек, могущий быть злым, неприятным и т. д. В основе идеологии и лежит подобное отождествление. В истории различают мифопоэтическое и понятийно-логическое мышление, которые существовали одновременно. Разрыв между ними мог означать кризис, раскол, грозящий гибельными последствиями для общества. Предотвращение этих опасных последствий обусловлено возможностью использовать метафорическую сущность мышления. Метафора «соизмеряет разные сущности, создавая новый „гештальт“ из редуцированных прототипов, формируя

⁶ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 130.

на его основе новый гносеологический образ и синтезируя в нем признаки гетерогенных сущностей»⁷. Эта попытка метафорического отождествления типов мышления может стать основой для убеждения общества или его части в том, что реально нет двух значимых типов мышления, а есть лишь один. Обе эти формы мышления выступают «не как независимые, параллельные явления, а как ипостаси нового, высшего звена, со своей особой ипостасной грамматикой», где «слово не равно себе и равно другому и в своем тождестве другому воплощает Единое»⁸. Например, идея Бога, сформулированная в высококультурных слоях, может слиться в сознании полуграмотного мирянина с идеей местного тотема. Тем самым нивелируется представление о двух разных типах мышления, двух концепциях мироздания, двух путях интеграции общества.

Метафорическое мышление может быть использовано в расколотом обществе, где одна его часть владеет метафорическим мышлением, а другие истолковывают метафоры буквально (например, идею «капиталист-грабитель»).

Гибридный идеал включает в себя *ипостаси*, т. е. исходные нравственные идеалы, различие между которыми этот идеал и должен скрыть. Такими ипостасями явились вечевой и либеральный идеалы, взятые в усеченном, одностороннем виде, прежде всего как кладезь средств, а также некоторый дополнительный элемент, который позволяет манипулировать этими ипостасями. Им как раз и является ипостась утилитаризма, которая позволяет вопреки исторической традиции рассматривать любой элемент культуры, любой идеал как средство для каких-то целей, в данном случае для решения медиационной задачи, следования социокультурному закону. В сущности, сама комбинация синкретизма и либерализма, определенная версия гибридного идеала могла формироваться как некоторый утилитарный компромисс, конъюнктурная сделка, приспособленная к конкретной ситуации, к сиюминутной расстановке сил. Гибридный идеал открывает такую возможность, хотя и далеко не безграничную. Он создает иллюзию, что то или иное социальное явление, которое по своей сути чуждо исторически сложившейся культуре данной группы и, следовательно, могло бы вызвать массовое дискомфортное состояние, является старым, привычным комфортным явлением. Известная формула «царь-батюшка» является гибридной попыткой изобразить новую государственность, подчинить ее структуру и функции тотемическому сознанию, представлению об обще-

⁷ Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 4.

⁸ Померанц Г. С. Национальное мышление как система и диалог семиотических систем// Историко-филологические исследования. М., 1974. С. 422.

стве, сложившемуся в локальных мирах. Это открывает возможность подключить людей к воспроизводству большого общества, по крайней мере до тех пор, пока тайна этого гибрида сохраняется, известна лишь узкому кругу посвященных.

Подобные гибриды всегда формировались в мышлении стихийно, неосознанно и были в какой-то степени формой развития осмысления мира вообще. Однако на определенной степени развития большого общества формирование гибридных идеалов стало осознанной деятельностью правящей элиты, первого лица как монополиста на жреческо-идеологические функции. Формирование подобных идеалов в конечном счете может быть особой формой профессиональной деятельности специалистов-идеологов, состоящих на службе у первого лица, ставших определенным элементом правящей элиты и, возможно, черпающих свои идеи в культурном богатстве духовной элиты.

Важнейшей проблемой гибридного идеала является соотношение между собой его ипостасей, соотношение социальных групп, стоящих за каждой из них. В свете либеральной ипостаси вечевой идеал может рассматриваться как результат невежества, которое, как представляется, можно в результате просвещения изжить. Либеральный идеал может расцениваться группами, стоящими за вечевым идеалом, как удобный для достижения «послабления» от государственности, как средство получения «воли», т. е. освобождения от обязанностей перед большим обществом. *Гибридный идеал неизбежно включает определенный уровень взаимонедопонимания, взаимный страх и подвергается нападкам с обеих сторон, т. е. и от носителей вечевого, и от носителей либерального идеалов. Но, тем не менее, позитивный смысл гибридного идеала в том, что он помещает взаимный страх и непонимание в рамки некоего абстрактного единства, того самого, которое сохраняет интеграцию, несмотря на раскол, несмотря на двойственное отношение к власти, на вражду к начальству.*

Гибридный идеал может существовать только тогда, когда различия двух сторон этого идеала не достигают некоторого порогового состояния. Логика гибридного идеала сходна с логикой алхимии, т. е. с попыткой универсализации, синтеза через рецепт, который предусматривает смешение разнородных явлений, прокладывающее путь к синтезу вопреки самой природе подлежащих объединению явлений. Гибридный идеал, как и работа алхимика, является священнодействием, так как он обращен к некоторым высшим ценностям, например, к общему благу. Но гибридный идеал, как и алхимия, является кощунством, так как разрушает эти высшие ценности, соединяя

их с чем-то чуждым и инородным. В гибридном идеале отождествляется различное и несовместимое. Импульс к этому идет от общества, от его стремления к интеграции, в результате потребности сохранить целое от распада, от обособленного существования. Следовательно, налицо стремление скорее навязать это целое компонентам, чем открыть его в их развитии. Поэтому как алхимия не была наукой и производством вещей, так и гибридный идеал весьма условно можно рассматривать как действительный нравственный идеал, как принцип реальной перестройки общества.

Однако как алхимия, так и гибридный идеал необходимы на определенном этапе развития культуры, так как они воплощают некоторую культурную потребность общества, а именно потребность в интеграции, т. е. в определенных условиях возникает культурная потребность в гибридном идеале, когда старые методы в этой области уже себя не оправдали, а новые только зарождаются. Неэффективность, непрактичность, слабость, заземленность, отсутствие научной, нравственной последовательности алхимии и гибридного идеала — результат мучительной попытки интеграции в переломную эпоху. В них старое и новое встречаются, но не узнают друг друга. Они принимают друг друга за свое отражение, возможно, слегка затемненное, искривленное. Алхимия, как и гибридный идеал, — результат потребности в срединной культуре, растущей вместе с развитием общества. Они сами — формы этой культуры, но и одновременно ее эрзац в силу своей неорганичности, в силу ограниченности и поверхностности, неспособности в стрессовой ситуации соединить науку и производство, расколотые компоненты общества. Однако и алхимия, и гибридный идеал озаменовали важное новшество — развитие личного начала в рецепте, в формировании нравственности. Рецепт деятельности в алхимии, как и нравственность в гибридном идеале, перестает быть чем-то сверхчеловеческим. Распался древний синкретизм. Как алхимик стремится изменить природу, так и носители гибридного идеала стремятся изменить общество. Синкретизм стал в возрастающей степени подчиняться утилитаризму.

Гибридный идеал можно видеть в идее общего блага как государственной политики еще до Петра I. Синкретические тенденции постоянно перерабатывались в духовной элите. Например, Пушкину «грезилось нечто среднее между псковской вечевой вольницей и сенсимонистским идеалом общества, где царствует аристократия ума и талантов»⁹.

⁹ Волков Г. Пушкин и Чаадаев: высокое предназначение России// Новый мир. 1978. № 6.

Гибридные идеалы постоянно формируются, интерпретируются в рамках господствующей и оппозиционной идеологии. В первом случае в них находят свое выражение стремление доказать единство, тождество власти и народа, доказать, что между ними нет и не может быть раскола, а последний существует лишь между Правдой и кривдой, между нерасторжимым единством народа и власти, с одной стороны, и, например, басурманами, немцами, революционерами, папистами и т. д.— с другой. Гибридный идеал «отводит глаза» от реального раскола и строит его иллюзорный образ. Раскол в этом случае рисуется как результат происков реальных или мифических врагов, что позволяет использовать эту идею для возбуждения ярости народной, открывая путь манипулированию. Идеология постоянно стремится как бы передвинуть раскол, как тяжелый шкаф переносят из одной части квартиры в другую, с тем чтобы изменить ее планировку, а следовательно, и образ жизни, закрыть один из входов в комнату и то ли открыть другой проход, то ли обнажить ранее скрытую стену в надежде, что там обнаружится новый коридор. Государственная идеология пыталась так «передвинуть шкаф», чтобы доказать, что нет раскола между народом и властью, но есть раскол между их единством, тождеством и внешними, внутренними врагами (например, революционерами). То же делала революционная интеллигенция, но «толкала шкаф» в противоположном направлении. Она пыталась доказать, что раскол существует между народом и властью, тогда как по сути его нет между революционерами и народом. Шла борьба версий гибридного идеала. Но в этой борьбе актуален был лишь вопрос, где именно проходит раскол и кого охватывает тождество, т. е. шла борьба между коренным образом отличными программами воспроизводства общества, между противоположными альтернативами, однако *обе эти альтернативы не выходили за рамки приспособления к расколу.*

СОБОРНО-ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ

Вооруженные практикой формирования гибридных идеалов правящая элита, царь вновь пошли по пути интерпретации новой инверсии, поворота к соборному идеалу в свете идеалов либерализма. Тем самым формировался господствующий идеал седьмого этапа инверсионного цикла, седьмая господствующая версия вечевого идеала — *соборно-либеральный идеал*. Он может быть осмыслен как одна из разновидностей гибридного *вечевого либерального идеала*, т. е. идеала, который может возникнуть в результате *растущего влияния либерализма в*

условиях господства разных видов вечевое идеала. Соборно-либеральный идеал существенно отличался от раннего соборного, с которого начиналась государственность в стране. Тогда общая тенденция развития, хотя далеко и не прямолинейно, вела к созданию большого общества. Теперь же рост творческой активности шел к укреплению локализма, разрушительного для большого общества. По сути, нравственный идеал возвращался к исходной точке возникновения государственности, что означало завершение глобального инверсионного цикла.

В этой критической ситуации правящая элита пошла по пути беспрецедентной в истории страны интерпретации господствующей инверсии в духе либерализма. Это воплотилось в курсе на *коренные реформы*. Александр II (1855-1881) в 1856 году заявил: «Лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». Началась невиданная в истории России *эпоха великих реформ*.

В духовной элите стремление к реформам зрело уже давно. В известном письме Гоголю Белинский в 1847 году писал: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть»¹⁰. Эти идеи широко распространялись в образованных кругах. В кризисной ситуации они не могли не оказать влияния на правящую элиту. Александр II как-то сказал, что с тех пор, как он прочел «Записки охотника» И. С. Тургенева, его ни на минуту не оставляет мысль о необходимости освобождения крестьян от крепостной зависимости. Л. Толстой полагал, что освобождение крестьян было делом не Александра II, а Радищева, Новикова, декабристов.

Влияние идей декабристов на правящую элиту было существенным, так как их разделяли не столько цели, сколько средства. Еще Николай I пытался руководствоваться в своей деятельности «Сводом показаний» декабристов, который был составлен по велению царя и касался недостатков государственного управления.

Идеал просвещения, либерализма охватил образованные слои. В науке, разуме видели силу, способную преодолеть бедность, глупость, невежество, лень, раболепие. В массе листов, газет, журналов, количество которых резко возросло, преобладало стремление переосмыслить действительность, выработать новые нравственные начала жизни. Добролюбов, Герцен гово-

¹⁰ Белинский В. Г. Избр. философские сочинения. М., 1941. С. 468.

рили о конституции. Катков писал: «Бывают эпохи, когда силы мгновенно обновляются, когда люди с усиленным биением собственного сердца смыкаются в общем чувстве; благо поколениям, которым суждено жить в такие эпохи».

На первом в России политическом банкете, где собравшиеся 28 декабря 1857 года приветствовали новые времена, встретились консерватор Погодин, либерал-конституционалист Катков, откупщик Кокорев, профессор Бабст, впервые в своем тосте провозгласивший Александра II царем-освободителем. Общий порыв объединил Чернышевского, предрекшего Александру II славу, которой не был увенчан ни один государь Европы, славянофила И. Аксакова, воспевавшего грядущее освобождение в стихах, Герцена, обратившегося к императору со словами: «Ты победил, галилеянин!»

К. Леонтьев (1831-1891) вспоминал впоследствии, что он думал, будто «мужики и мещане наши, теперь более свободные, научат нас жить хорошо по-русски, укажут нам, какими господами нам быть следует, предоставят нам живые образцы русских идей, русских вкусов, русских мод, даже русского хорошего хозяйства, наконец! Верили, кроме того, в знаменитый какой-то „здравый смысл“, в могучую религиозность их, в благоразумные, почти дружеские отношения к землевладельцам и т. д.». «Мы думали, что, погрузившись в это „народное море“, мы его еще более сгустим и сами окрасимся его оригинальными, яркими неевропейскими красками».

В невиданном восторженном единении всех направлений с властью сказалась *всеобщая жажда преодоления раскола*. К. Леонтьев вспоминал: «За исключением немногих рассудительных людей, которые нам тогда казались сухими, ограниченными и „отсталыми“, все мы сочувствовали этому либеральному движению».

Все предыдущее развитие либерализма готовило соответствующую духовную атмосферу. Уже в начале века появились работы, которые в той или иной форме ставили проблему освобождения крестьян (работа А. А. Кайсарова, вышедшая в 1806 году в Геттингене на латинском языке; работы Стройновского, Джунковского, профессора Якоба и др.)¹¹. Ведущие деятели либерализма К. Кавелин, профессор Б. Чичерин в более позднее время стали авторами программы, предусматривающей освобождение крестьян без общественного потрясения, а также допущение свободы совести, книгопечатания, преподавания, смягчение цензуры, сохранение неограниченной монархии с участием населения в местном самоуправлении, права

¹¹ См.: Пичета В. И. Противники крепостного права в начале XIX века// Великая реформа. М., 1911. Т. 2. С. 107-123.

которого должны быть существенно расширены, свободы оппозиции, гласности правительственной деятельности и судопроизводства.

Либерализм выступал как течение, которое отчетливо противопоставило прогрессивное развитие, основанное на медиации, инверсионному типу социальных изменений. Например, Б. Чичерин доказывал, что до сих пор в стране одна крайность могла быть побеждена лишь другой крайностью. Поэтому задача заключалась в уходе от такого рода разрушительной системы, в переходе к спокойному, всестороннему развитию. Один из вариантов либерального развития был разработан адмиралом Н. Мордвиновым (1754—1845), который считал необходимым работать над изменениями экономических отношений и культуры с тем, чтобы в новых условиях крепостничество исчезло «само собой». Для этого необходимо было развивать промышленность, поднимать культуру земледелия, культивировать в крепостнической среде работоспособность. Он предлагал открывать школы, удалить из деревни кабаки, проектировать финансовые меры для поднятия крестьянского благосостояния. По его мнению, одновременная административная отмена крепостничества без должной подготовки в малонаселенной стране, при недостатке капиталов, слабой городской промышленности, недостатке рабочих рук и т. д. может привести к разного рода осложнениям. Мордвинов не верил в чудодейственные последствия свободы, если она будет соединена с бедностью, с неизбежной зависимостью бедного от богатого. Он полагал, что свободу надо давать не сразу, а постепенно, «в виде награды трудолюбию и приобретенному умом достатку: ибо сим только ознаменовывается всегда зрелость гражданская»¹². Он считал, что экономическая, производственная, культурная активизация крестьян должна быть не только результатом, но и предпосылкой отмены крепостничества, что превратило бы освобождение в естественный элемент поступательного прогресса. Он делал ставку на частный интерес, т. е. в конечном итоге на личность: «Благосостояние частное есть начало и основание общественного»¹³.

Однако эти идеи, основанные на логике медиации, были неприемлемы для общества, где господствовала вера в инверсионное чудо, во всемогущество власти. Эти идеи противоречили ценностям крестьян, склонных верить не столько в свои силы, сколько в царскую волю. Идеи Мордвинова противоречили за-

¹² См.: Довнар-Запольский М. В. Крепостники в первой четверти XIX в. // Вестник реформа. Т. 2. С. 152.

¹³ Морозов Ф. Н. С. Мордвинов как экономист // Мордвинов Я. С. Избр. произв. М., 1945. С. 23.

мыслам царя, стремившегося дать свободу своими руками, играть роль отца-благодетеля. Эти идеи противоречили поверхностному либерализму, склонному верить в чудо, в то, что на основе свободы все устроится само собой, склонному разделять основное заблуждение интеллигенции.

Либеральная ориентация требовала продолжения линии, начатой Петром III в 1762 году, на раскрепощение сословий, на расширение круга лиц, ответственных за собственную судьбу. Либерализм стремился к начатой еще Павлом I политике отхода от безоговорочной опоры на дворянство. Эта политика, которую пытался проводить и Николай I, логически требовала отмены закрепощения крестьян. Реформа, однако, уже на уровне замысла несла в себе двусмысленность. С одной стороны, она стремилась укрепить общество в его целостности, но, с другой стороны, шла навстречу массовым локалистским ценностям.

Объединение различных сил на основе стремления к реформам привело к тому, что каждое слово реформы носило двусмысленный характер. Даже стремление крестьян к земле трактовалось по-разному. Земля для крестьян есть синоним Правды, воплощение всех ценностей древней жизни. Земля — «это лишь в некотором смысле свобода, в некотором смысле богатство, а в некотором (главном) — обязанность, а в некотором (высшем) — мистическая связь с миром, ощущение самоценности»¹⁴. Земля для крестьянина — воплощение его права на жизнь, права на труд для жизни. В «Слове об Адаме» можно прочесть: земля как дар божий человеку и есть та самая Правда, которая «с небес причиче». Насильно отторгнутая от человека, земля не перестает оставаться «божьей». Кривда пошла по земле, но она ходит не по своей земле, а по божьей, топчет «божью землю» и на ней «божьих людей», вынужденных голодать и насильем дать на себя «рукописание». Бог и человек совместно борются за Правду. Сам Христос выступает как «землепашец и сеятель, возделывающий ниву, погоняющий волов с палкой в руке — вылитый, с головы до ног, крестьянин не только по трудовым признакам, но и по социальным: Христос отбывал за ратая трудовую повинность»¹⁵. Поэтому если крестьянин говорил, что он борется за землю, то это не та земля, о которой спорили реформаторы. Крестьяне боролись за Правду, т. е. за утопию, за жизнь без дворян и чиновников, но с царем-батюшкой. Реформаторы сосредото-

¹⁴ Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания// Из-под глыб. Москва — Париж, 1974. С. 24.

¹⁵ Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977. С. 16. 18.

чили свои усилия на таком распределении земли между крестьянством и дворянством, которое, по их мнению, обеспечило бы и тем, и другим экономические условия существования. Это, как предполагалось, в свою очередь обеспечит и эффективность поддержки государства всеми сословиями. В принципе, все это было проблематично, так как экономические предпосылки существования зависели в тех условиях не столько от величины надела, сколько от способности поднять уровень производства, встать на путь интенсивного развития. Кроме того, эффективная поддержка сословиями государства обусловлена стремлением сословий воспроизводить большое общество, государственность, а это, в свою очередь, не находится в прямой, однозначной зависимости от экономических условий существования.

Борьба за распределение земли оттеснила на задний план более важную проблему — воздействие реформы на способность общества следовать социокультурному закону, решать медиационную задачу. Помещик был лишен своих государственных функций, перестал быть элементом государственной системы. Исчез посредник между высшей властью и локальными сообществами, который сочетал в себе черты патриархального отца и государственного чиновника, скрепляющего «жидкий элемент». Тем самым был нанесен сокрушительный удар исторически сложившейся синкретической государственности. Либералы в соответствии с основным заблуждением интеллигенции полагали, что отменой крепостничества автоматически раскрывается возможность для развития либеральной государственности, ответственной личности, способной заполнить вакуум снизу. Реформаторам казалось, что новая система, опирающаяся, с одной стороны, на свободного человека, с другой стороны, на человека, верящего в царя (противоречие между этими двумя принципами, по-видимому, их не очень беспокоило), окажется вполне функциональной и эффективной. Славянофилы оказывали давление на реформаторов с целью превратить локальный мир в единственную низовую ячейку власти, считая, что община сохранит и усилит свою роль как средоточие социальной и экономической жизни. Община, по их мнению, и должна быть волостью, т. е. административной единицей.

Правящая элита, однако, ощущала опасность такого решения. Поэтому реформаторы пошли по пути разделения общины и сельского общества, т. е. создавалась выборная, отличная от общины система органов управления. Сельские общества объединялись затем в волости. Эта система управления основывалась на стремлении опереться на инициативу низов, на

модернизированный древний вечевой институт. Председатель редакционной комиссии генерал Я. Ростовцев говорил, что контроль за мирским сообществом «вреден; нет, вы уже отнимите и эту пиявку у народа. Пусть волостное управление является, когда его призовет мирское общество, и этого уже довольно, но во всех других случаях пусть мир управляет сам собой». В каждом сельском обществе и в каждой волости заведование общественными делами предоставлялось соответствующему миру и его избранным. Сельское общество и волость на сходах решали свои хозяйственные и общественные дела, выбирали должностных лиц. Государственные функции помещиков теперь в основном перешли к миру. Была сделана серьезная попытка своеобразного, чисто либерального разделения властей; волостной суд был отделен от администрации, было гарантировано невмешательство в его дела местных крестьянских властей. Однако эти меры не спасли положения. Выявилось — что, собственно, было вполне естественным для архаичных форм жизни, — что крестьяне совершенно не способны влиять на состав и политику даже волостных депутатов. Это опять-таки хорошо чувствовали славянофилы, абсолютно, однако, не понимая всей трагичности складывающейся ситуации. Славянофил Ю. Самарин говорил, обращаясь к реформаторам: «Вы навязываете народу такую насильственную правительственную реформу в волостном управлении, в которой крестьяне не поймут ни вашего учреждения, ни того, что вы от них требуете, и примут на себя предписанные вами обязанности как тяжелую для них повинность. Они совсем не будут интересоваться этим управлением»¹⁶.

Был создан институт мировых посредников для проведения в жизнь реформы. Они мало вмешивались в дела крестьянского самоуправления. В министерстве внутренних дел преобладала точка зрения, что не следует чрезмерно вмешиваться в дела мира, во внутренний мир крестьян. Напротив, мировые посредники должны были охранять мир от местных начальников и уездной полиции. Абстрактный либерализм тщетно верил, что народ как источник высшей Правды, освобожденный от прессы сверху, быстро вступит на путь развития свободной ответственной инициативной жизни.

Многие критики реформы упрекали ее за недостаточную радикальность, хотя для своего времени ее радикальность была беспрецедентна. Однако этот упрек можно интерпретировать как указание на несоответствие реформы идеалам крестьянства. Оно стремилось к «воле», которую даст царь, к утопи-

¹⁶ См.: *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование Александра II. СПб., 1889. Т. 1. С. 215.

ческому обществу без начальства на всех уровнях, к догосударственному состоянию, но с царем, к переходу к общине всей земли, к разделу хлеба в господских амбарах, к отмене барщины, всех крепостных повинностей. Сам акт объявления реформы крестьяне воспринимали не в том содержательном ключе, который вкладывали в нее реформаторы, но как сигнал, данный царем крестьянству, реализовывать свои идеалы даже вопреки сопротивлению начальства и дворян. Отсюда бунты, неповиновение, массовый отказ от сотрудничества с властью при проведении реформ.

Центральной проблемой реформы являлся раскол в ее истолковании, хотя это и не сознавалось в должной степени. Крестьяне рассматривали ее как царскую милость, как «слушный час», как самореализацию Правды и воли. Текст манифеста был совершенно непонятен крестьянам. Это вызвало волну его интерпретаций, которые не только были далеки от реального содержания акта, но практически представляли собой голос иной цивилизации. Крестьяне разыскивали грамотных людей, например, священников, приказчиков и т. д. Однако им «вычитывали такое, что совсем не совпадало с их понятием об истинной воле». Эти книжные люди, по мнению крестьян, «нарочно вычитывали не то, что надо... они подкуплены господами». Такие представления были вполне естественны для людей, которые жили в мире, наполненном оборотнями, коварными силами зла. Крестьяне кричали становому приставу, читавшему манифест: «Не тот указ читаешь, знаем мы вас!.. Тебя господа подкупили... Земля теперь вся наша. Сам царь отдал... работать больше не пойдем». — «Это мошенничество» — «земли скорее нам подавайте». Распространилось убеждение, что объявленная царем воля скрыта помещиками, что они подменили царские книги о воле другими, своими, вымышленными. Солдатам, которые прибыли для восстановления порядка, крестьяне кричали: «Они царские ослушники, барами подучены», «Это войско не царское!» Вновь активизировалось стремление истребить все начальство. Крестьяне грозились, что они «предводителя (дворян) сожгут... царь велел дворян не миловать, а головы рубить». Следовательно, акты насилия, по мнению крестьян, санкционировались царем, великим князем Константином. Крестьяне говорили: «Помещиков не приказано больше слушать, а где исправник или становой попадет, то бить надо; а артачиться будет, то в землю живым закапывать. А господ таких щадить не велено, потому барское добро всем нам приписано. Барам, значит, шабаш». Чрезвычайно любопытно здесь это «не велено», т. е. архаичная интерпретация своих собственных действий как результата «слова», «приказа»

высшего авторитета — царя, «избавителя». Острейшая потребность в комфортной интерпретации царской воли неизбежно привела к возникновению «адекватных» интерпретаторов, способных выполнить социокультурный заказ, вписаться в массовый миф. Одним из них был крестьянин-сектант Антон Петров, который верил, что в Положении дана «истинная воля». Цифру «10%» в уставной грамоте он посчитал за печать святой Анны. Он разъяснял, что воля царя заключается в том, чтобы отпустить крестьян после десятой ревизии, которая была еще в 1858 году, т. е. по этой логике к моменту выхода манифеста крестьяне были уже свободны. Подобные представления толкали к массовой деструкции, что парализовывало возможность реализации реформ. Самоуверенность Петрова была столь велика, что он кричал стоящим под пулями крестьянам: «Крепко стойте, только три раза стрелять будут», — что, несомненно, повлекло множество дополнительных жертв. Этот человек интересен еще и тем, что он сформулировал некоторый принцип отношения крестьян к начальству, важный для понимания массового поведения. Если помещик «переступит шаг со своей земли — гони добрым словом; не послушался — секи ему голову, получишь от царя награду»¹⁷. С этим *принципом Петрова* еще придется сталкиваться в дальнейшем. По свидетельству помещика Носовича, крестьяне ожидали воли два года после объявления реформы с таким эмоциональным подъемом, что отвергали новые повинности, если даже они были легче прежних, подозревая, «что, вероятно, тут есть какой-нибудь обман со стороны помещика, иначе он не принял бы на себя подобного убытка, вероятно, он делает это для того, чтобы обязать нас навечно». Потому-то они требуют «быть по-старому», полагая, что настанет такое новое, о котором им не говорят и которое от них скрывают¹⁸. Крестьяне расценивали действия властей как хитроумный бесовский обман, как попытки заманить их в ловушку, навязывая им подписание обязательств, выгоду же оценивали как приманку.

Услышав о двухлетнем сроке, в течение которого сохраняется порядок несения повинностей в пользу помещика, один из крестьян воскликнул: «Какая же это воля?» Двухлетний срок, предусмотренный для нового устройства, вызвал реплику: «Да господа-то в два года-то все животы наши вымотают». По свидетельству современника, «манифесту никто не обрадовался. От крестьян ни слова, ни звука радости. Народ понял одно: оставаться, дескать, два года крепостными, да и шабаш, а

¹⁷ *Игнатович И. И.* На другой день после «освобождения». М., 1931. С. 35, 60, 36, 81, 59-60, 71-72, 78, 73.

¹⁸ *Носович С. И.* Крестьянская реформа в Новгородской губернии. СПб., 1899.

льгот никаких нет. Снова уныло повесил он голову»¹⁹. Налицо чисто эмоциональная реакция, двухлетний срок, отделяющий от воли, заслонил положительные перспективы. Общую отрицательную реакцию подтверждает Ю. Самарин: «Отпущенники грызут пальцы и рвут на себе волосы. Нигде не было выпито ни единого штофа, потому что разочарование было всеобщее и полное». Крестьянство, ожидавшее «полной чистой воли и в придачу бесплатного отвода земли», готово было «допустить обман или подлог»²⁰, т. е. что манифест подделан.

«ПРИКАЗАНО ИЗБЫ СТУДИТЬ»

Реформаторы не оценили всю глубину и значимость для общества, для судьбы реформы расхождения между ценностями расколотых частей общества. Правящая элита не могла наладить взаимопонимание с крестьянством ни в процессе подготовки, ни в процессе воплощения реформы в жизнь, несмотря на то, что реформа освобождала крестьян и расширяла их права. Идеалы крестьян были чистой утопией. Синкретическое сознание стремилось к уничтожению начальства, в конечном итоге — государства. Либерализм ориентировался на идеи свободы и прогресса. Но с этой идеей он обращался к крестьянству, для которого прогресс сводился в лучшем случае к росту утилитарных требований, а свобода — к воле. «Воля есть прежде всего возможность жить или пожить по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями. Волю стесняют и равные, стесняет и мир. Воля торжествует или в уходе из общества, на степном просторе, или во власти над обществом, в насилии над людьми. Свобода личности немыслима без уважения к чужой свободе: воля всегда для себя. Она не противоположна тирании, ибо тиран есть тоже вольное существо»²¹. О различном толковании слова «земля» уже говорилось. Каждое слово реформы скрывало раскол, пропасть взаимного непонимания.

Поэтому она формировалась по принципу хромающих решений. Реформу вначале даже боялись «назвать своим именем» — говорили не об «освобождении» крестьян, а только об «улучшении их быта», до конца разработки плана реформы правительство колебалось, «на каждом шагу ставило препятствия ее публичному обсуждению, ссылало наиболее откровен-

¹⁹ Соловьев И. Манифест 19 февраля в народном сознании// Крепостное право в России и 19 февраля. М., 1911. С. 356-357.

²⁰ Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г. М., 1963. С. 26.

²¹ Федотов Г. П. Россия и свобода// Знамя. 1989. № 12. С. 204.

ных сторонников ее и т. д.». Реформа несла в себе раскол между стремлением к «полному уравниванию гражданских прав крестьян, в частности их прав землевладения, с правами других» сословий и оставлением в силе «личных, сословно, публично-правовых ограничений, исстари тяготевшим над „податными“ сословиями»²². Налицо *раскол между либерализмом и традиционализмом*.

Любой шаг реформы вел гибридный идеал к распаду на его составляющие.

Реформа сама по себе не увеличивала благосостояние крестьян. Наоборот, она в среднем несколько уменьшала наделы, которыми они пользовались. Кроме того, выкупные платежи были тяжелее, чем оброк. Реформа, следовательно, не отвечала принципам умеренного утилитаризма, оценивающего все с точки зрения наличных благ. Она не отвечала инверсионной логике, т. е. требованиям одномоментного чуда. Утилитарные выгоды, которые крестьяне могли извлечь из реформы, носили потенциальный характер, т. е. требовали развития социально-экономической, политической активности. Реформа открыла возможности для активности личности, но не могла сотворить этой активности. *Стремление к повышению активности не входило в систему ценностей большинства крестьян, и, следовательно, для них не существовало то, что для реформаторов было главным.*

«В то время, как интеллигенция шла к нему (мужичку) с своей гордой самонадеянной верой, со своей мечтой о возрождении человечества, он был еще в эпохе Дажь-бога и молился аллилуевой жене, без мысли о собственном достоинстве»²³. Качоровский писал о русском крестьянстве, что, «застывшее в смутной и неподвижной религии, под властью привычки, традиций, не освящаемых ни одним почти проблеском критической мысли, оно было темным и инертным... В России, как и повсюду, сложился еще до крепостного государства общинно-трудовой быт, и я подчеркиваю... что эта форма „первобытной культуры“ не была... разрушена крепостным государством»²⁴. Отношение к начальству основывалось на древних мифах.

Писатель В. А. Слепцов (1836-1878) в рассказе «Свиньи» писал, что мужики легко поверили слуху, будто на людях скоро начнут ездить, и бабы под впечатлением этих слухов били горшки. Астырев сообщает, что появление на улице нового урядника с саблей привело в деревне к возникновению двух точек зрения: одни предполагали, что он будет головы рубить,

²² Вормс А. Э. Положение 19 февраля// Великая реформа. Т. 6. С. 6-7, 53.

²³ Андреевич. Опыт философии русской литературы. СПб., 1905.

²⁴ Качоровский К. Народное право. М., 1906. С. 17.

другие — что «только поджилки на ногах будут подрезывать»²⁵.

В основе Великой реформы лежало стремление усилить значение законности и права в стране. *Однако синкретическое сознание не в состоянии понять абстрактную природу закона, его независимость от человека, от представителя власти.* «Мужик не знает „законов“; он уважает только какой-то божий закон»²⁶. Иван Ермолаевич, один из персонажей Г. Успенского (1843-1902), почти ничего не знает насчет «своих правое, ничего не знает о происхождении и значении начальства... Царь пошел воевать, царь дал волю, царь дает землю, царь раздает хлеб. Что царь скажет, то и будет; деньги платят царю, а разбирать, что такое урядник или непреременный член,— это уже совершенно ненужные подробности»²⁷. Закон для крестьян — это древняя внешняя языческая сила. Роль закона в крестьянской жизни совершенно подобна грозным стихийным явлениям природы: смысл его непонятен, но сила непреборима и терроризирует всю жизнь мужика. Закон «в лучшем случае непонятен, а часто неподвластен, как нарушающий интерес, и возмутителен, как идущий против установившихся и развивающихся в трудовых слоях понятий совести и чести». Законы отождествлялись с волей начальства. Народ «знает только один закон: это то, что говорит или приказывает начальство, какое бы оно ни было — урядник ли, писарь, мировой или судья или судебный следователь... Закон стал атрибутом власти; власть по-прежнему внушает только страх (признаков уважения, доверия, любви — нет), закон, в глазах мужика, это — нечто грозное, необъятное, таинственное, то нечто, во имя которого начальство напускает страх, ругается, порет, выколачивает недоимки, ссылает в Сибирь, потрошит покойников, сносит избы, убивает больную скотину, бреет лбы, прививает оспу и т. д. и т. п. до бесконечности. „Сделать по закону“, значит с точки зрения мужика, сделать так, чтобы начальство, с которым придется иметь дело, осталось довольным, не придиралось бы»²⁸.

Синкретическое сознание продолжало существовать в малопонятном для образованных современников мифологическом мире. В народе продолжали жить легенды и мифы об

²⁵ Астырев Н. М. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. 3-е изд. М., [б. г.]. С. 239.

²⁶ Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987. С. 109.

²⁷ Успенский Г. И. Крестьянин и крестьянский труд// Успенский Г. И. Избранное. М., 1952. С. 385.

²⁸ Астырев Н. М. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. С. 234, 235.

избавителях. «В различных деревнях можно услышать рассказы, что не только Стенька Разин и Емелька Пугачев до сего дня живы и скрываются в змеиной пещере на том острове, где живут получеловеки, или сидят, заключенные в Жигулевских горах»²⁹. С ними связывалась надежда на создание идеального мира на земле. Легенда о движении Разина распространялась на огромные регионы — до Якутска, Печоры, Бессарабии. Разин в песнях о сыне клянется не только освободить угнетенных, всех заключенных и разнести по кирпичам темницы, но отомстить даже детям своих врагов, сажая их на кол, не делая зла добрым христианам.

То, что для образованного общества было древним фольклором, для широких масс оставалось реальной жизнью. Слухи в народе формировались на основе древних представлений, и казалось, что они заимствованы из сказок. «Крестьянин молится царю-Граду, чтобы он, батюшка, поля не побил градом».³⁰ Грамотных в середине XIX века насчитывалось 6%. Следовательно, отсутствовала важнейшая необходимая предпосылка выхода за рамки локального сознания.

Если начальство было для крестьянина чем-то вроде антихриста, то крестьянство было для начальства темной невежественной массой, которую надо было любыми средствами вынуждать к иной, лучшей, по понятиям начальства, жизни. Поскольку живое содержательное слово не преодолевало пропасть раскола, начальство опиралось на административную власть. Например, было приказано избы «студить», как выражаются мужики, т. е. растворять по нескольку раз в день двери в избах для очищения воздуха, приказано было для чистоты по два раза в неделю менять белье. Образованные современники недооценивали особую специфическую природу массовых представлений, необходимость понимания их внутренней структуры, особого древнего видения мира. Такого рода методами можно добиться тех или иных сиюминутных результатов, но они одновременно закрепляли и усиливали раскол, взаимное непонимание.

В конце 70-х годов распространился слух о «черном переделе». В некоторых местах толковали, что земля от дворян и купцов будет отнята и роздана крестьянам по числу душ, в других же местностях говорили, что земля будет отнята у всех, без различия звания, землевладельцев, имеющих более 100 десятин. К слухам о земле присоединились разговоры об освобождении от подушной подати, а также и от всех платежей, писал министр внутренних дел Маков в 1879 году.

²⁹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868. Т. 2.

³⁰ Энгелмарт А. Н. Из деревни. С. 442.

Его попытка специальным объявлением, изданным массовым тиражом, опровергнуть эти слухи была безрезультатна. Для крестьян черный передел земли был чем-то совершенно естественным. Это была попытка перенести уравнилельные отношения внутри мира на отношения крестьян и помещиков, на все общество. Отсутствие такого передела воспринималось как несправедливость, как результат господства кривды.

Известный государственный деятель С. Ю. Витте (1849-1915) писал: «Раз ты попечитель и я голодаю, то корми меня. На сем основании вошло в систему кормление голодающих и выдающих себя за голодающих... Раз ты меня держишь на уздечке: не даешь свободы, труда и лишаешь стимула к труду, то уменьшай налоги, так как нечем платить. Раз ты регулируешь землевладение и землепользование так, что мы не можем развивать культуру, делать ее интенсивнее, то давай землю по мере увеличения населения. Земли нет.— Как нет, смотри, сколько ее у царской семьи, у правительства (казенной), у частных землевладельцев? — Да ведь эта земля чужая.— Ну так что же, что чужая. Ведь государь-то самодержавный, неограниченный. Видно, не хочет дворян обижать, или они его опутали.— Да ведь это нарушение права собственности. Собственность священна.— А при Александре II собственность не была священна? Захотел и отобрал, и нам дал, значит, не хочет. Вот те рассуждения, на которых держится крестьянство». Действительно, если царь-отец мог своей волей освободить крестьян и наделить их землей, то почему он не мог вновь пожаловать им землю? Ведь царь как отец должен заботиться о народе, поскольку он полновластный хозяин в своей вотчине, а вотчина — вся Россия. В сущности, реформа 1861 года рассматривалась крестьянами как предпосылка к общему переделу всей земли, прелюдия ко «второй воле», теперь уже настоящей. Реформа породила дискомфортные факторы, ускоряющие инверсию. Крестьяне в громадных масштабах саботировали проведение реформы. По состоянию на 4 января 1863 года 57,9% крестьян уставных грамот не подписали. Саботаж приобрел довольно острые формы. П. Валув писал о положении в Саратовской губернии: «Крестьяне отказывались вспахать и обсеменить свои поля в том убеждении, что принятие от помещика земли на 1863 год противно воле царя и что, приступая ныне к обработке полей, они лишатся в будущем году новых милостей».

РАСКОЛ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМЫ

Реформаторы не учли, что значение реформы не в умозрительных целях, но прежде всего в том, какие социальные силы активизировались в процессе подготовки и реализации реформы, какие силы ослабли, как изменилась социокультурная ситуация. Прогноз этих процессов необходим был при подготовке реформ. Между тем реформы привели к существенному социальному сдвигу в обществе. Правомочия помещика публично-правового характера, например, его власть применять «исправления», наказания, ссылать, перешли полностью к органам управления, частью к общегосударственным органам, а главным образом к «миру, к сословному крестьянскому обществу. Последнему была дана почти безотчетная власть над личностью своих членов»³¹, вплоть до возможности их ссылки. Следовательно, *во-первых, возросла реальная социальная сила общины, а личность оказалась еще более подавлена, что не соответствовало самому смыслу реформы.* Теперь отсутствовал некоторый противовес власти мира в лице помещика, т. е. укрепились силы, склонные к локализму, к автаркии, к усилению натуральных отношений. *Во-вторых, между крестьянами и властью, т. е. чиновниками, исчез амортизирующий слой помещиков. Практически это означало, что раскол между народом и властью перешел к новой более глубокой стадии, а локализм, нараставший с момента апогея крайнего авторитаризма, сделал важный шаг к своему утверждению.*

Реформаторы пытались развязать скрытые, задавленные, по их представлениям, творческие силы народа, развитие которых должно было привести к хозяйственному и всем прочим формам прогресса. Они тем самым опирались на основное заблуждение русской интеллигенции. Но крестьянство не включало в свою систему ценностей представление о том, что рост благ есть следствие их собственной активизации, перехода к более совершенным формам труда, воспроизводства, а ждало милостей от царя, от начальства, т. е. следовало основному заблуждению массового сознания. Реформаторы следовали либеральным представлениям о росте значимости личности в обществе, ориентировались на ценности развитого утилитаризма как на формы осознания связи личных усилий и личных благ. Те же, кто реально должен был стать субъектом реформы, в своей массе стремились замкнуться в своих локальных мирах, ориентировались на господство натуральных

³¹ Вормс А. Э. Положение 19 февраля. С. 32.

отношений. Здесь столкнулись два типа ценностей, две цивилизации, два типа воспроизводства. Рациональная форма проекта реформы не учитывала потенциал раскола. Реформаторы не смогли спрогнозировать рост массового дискомфортного состояния в результате крушения утопических иллюзий, связанных с реформой, т. е. с интерпретацией ее народом как царской милости. Реформаторы не смогли понять свою реформаторскую деятельность как форму реализации некоторого назревшего в обществе инверсионного циклического поворота, как попытку его предотвратить, смягчить. Иначе говоря, они действовали неадекватно.

Таким образом, важным последствием реформы было явление ранее скрытого раскола между народом и властью, обществом и государством, усиление двоевластия, раскола медиатора. Реформа обнажила нарастающий локализм, из чего, впрочем, общество не сделало надлежащих выводов. Помещики как важный элемент медиатора были устранены, и поэтому было необходимо продумать соответствующую замену. Существовало сильное стремление саму общину превратить в орган власти, как это, собственно, и рассматривалось некогда князьями. Решено было, однако, над общиной, которая получила название сельского общества, организовать волость, объединяющую одну или несколько общин. Волость насчитывала от 300 до 2 000 душ. Значение волости было велико. Она была узловым пунктом, переводящим с языка государства на язык крестьян и обратно всю необходимую для функционирования государства информацию. Волостные должностные лица избирались на волостном сходе. Идея казалась демократичной и отвечающей замыслу реформы. Однако выясилось, что «никаких общих хозяйственных нужд,— по крайней мере таких, которые непосредственно интересовали бы крестьян,— в волости не было»³². Все споры вокруг замеров земельных участков, которые должны были достаться крестьянам и помещикам, имели меньшее значение для судьбы страны, чем это обстоятельство. Это означало, что страна в своей основе не развила сильных культурных и экономических интеграторов даже на уровне межобщинных отношений и уж во всяком случае не превратила эту проблему в содержание, в предмет массовой политической деятельности. Это означало, что *угроза локализма, распада на массовом уровне была осязаемой повседневной реальностью, что по закону инверсии стимулировало авторитаризм.* Его симптомы быстро проявились во вмешательстве мировых посредников в дела общины, а

³² Корнилов А. А. Крестьянское самоуправление по Положению 19 февраля// Великая реформа. Т. 6. С. 154.

затем в возникновении в 1889 году института земских начальников.

Второй, не менее важный вывод: *замкнутость общин приводила к тому, что крестьяне не интересовались выборами на волостном уровне, не несли ответственности за деятельность волости, стремясь уклониться от ее повседневного воспроизводства, т. е. лишали низовую власть социальной энергии.* «Волостное правление как коллегиальное учреждение оказалось совершенной фикцией...»³³. Н. Астырев пишет, что крестьяне не имели общих волостных интересов. «Мужик волостью, волостными делами и своим всякого рода волостным начальством ни мало не интересуется и даже не вспоминает о них»³⁴. Использовать же волостное управление для борьбы за какие-то новые цели, для отстаивания своих требований перед начальством широкой массе крестьян не приходило в голову. Власть вне мира всегда оставалась внешней силой, а не результатом их собственной силы. А. Н. Энгельгардт писал: «Крестьянам все равно кого выбирать в гласные,— каждый желает только, чтобы его не выбрали... Гласный от земледельцев, гласный от крестьян никакой инструкции от избирателей не получает, никакого отчета им не отдает: говори там, батюшка, что хочешь; спасибо, что идешь в гласные»³⁵. Общественная служба рассматривалась как одна из форм тягостной повинности.

Сельский сход оказывается подчас инструментом, разрушительным для интересов даже собственного мира. «Желание выпить в компании, поразнообразить бесшабашной гульбой свою вечно серую, будничную жизнь, заговаривает с особой силой, и сход делает невероятные вещи: отдает за бесценок мирскую землю, пропивает, в виде штрафа, чужой стан колес, закабляется за грош на многие годы, обездоливает правую из числа двух спорящих сторон, прощает крупную растрату мошеннику-старосте, ссылает невинного односельца на поселение, принимает заведомого вора обратно в общество и т. д. и т. п.». Назавтра «не более 5% из опрошенных... будут сознательно защищать и отстаивать совершенное ими вчера гнусное дело». Каждый из 95% скажет: «Да нешто это я? Я ни Боже мой, ни в жисть на такое дело сам не пошел бы, а общество... А супротив общества что ж поделаешь?» И далее Астырев пишет: «Тут каждый прчется за всех: выходит, будто каждый пил только

³³ Кузьмин-Караваев В. Д. Крестьянство и земство// Великая реформа. Т. 6. С. 154, 187.

³⁴ Астырев Н. М. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. С. 339.

³⁵ Энгельгардт А. П. Из деревни. С. 184, 84.

потому, что пили все... Решительно как маленькие дети, напроказившие вместе, но потом сворачивающие беду друг на друга»³⁶.

Волостные старшины и писари, окруженные поголовно безграмотными крестьянами, не способными, даже если бы хотели, контролировать многие аспекты деятельности своих выборных, получили возможность вступить на путь хищений и злоупотреблений. *Провал реформы определялся не тем, что крестьяне получили мало прав, а тем, что они не понимали смысла прав, которые им были предоставлены.* «Через 30-40 лет после освобождения гласные из крестьян обычно представляют собою в земских собраниях молчаливых манекенов, послушных малейшему жесту „своего“ земского начальника или предводителя дворянства»³⁷. Волостное начальство неизбежно попадало в двусмысленное положение между нижними и верхними этажами власти. «Чем лучше староста для волости, для начальства,— тем хуже для общества»,— писал Н. Астырев³⁸. *Усилилось двоевластие, раскол медиатора, раскол каждого сообщества.* Его главным проявлением была мощная дезорганизация, целая фронтальная линия, несущая угрозу отсечения медиатора от почвы. *Недостаточная зависимость нижних уровней власти от государства угрожала отрывом государства от почвы, а следовательно, угрожала самому его существованию.* Низшее начальство, хотя и стремилось угодить высшему, жило локальными представлениями. «Сравнительно самостоятельное положение местного управления покупается довольно дорогой ценою: ценою некоторого разрушения единства управления»³⁹. «Со стороны очень странно было видеть, как различно понимают дело разные люди: высшие полицейские чины „из господ“ под злонамеренностью понимали одно, а низшие полицейские чины „из мужиков“ понимали совершенно другое, противоположное. По одним, тот, кто думает, что нужно поравнять земли,— злонамеренный человек, по другим злонамеренный тот, кто думает, что не нужно равнять землю»⁴⁰.

Мощь уравнивательных ценностей, идущих из глубин народной почвы, пронизывала все общество, снижая престиж госу-

³⁶ Астырев Н. М. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. С. 291-294.

³⁷ Великая реформа. Т. 1. С. 287.

³⁸ Астырев Н. М. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. С. 68.

³⁹ Лазаревский Н. И. Самоуправление// Мелкая земская единица. СПб., [6. г.]. С. 51-52.

⁴⁰ Энгельгардт А. Я. Из деревни. С. 538.

дарственности, организатора, чиновника. Нет недостатка в документах, показывающих, что борьба крестьян с помещиками и чиновниками была всего лишь непосредственным проявлением уравнительных стремлений, достигших стадии борьбы с государством. Требования крестьян Нижегородской губернии, как они изложены в записке чиновника министерства внутренних дел в 1857 году, включали и ликвидацию государственного управления. «Государственное управление заменяется общественным крестьянским управлением на мирских сходах». Крестьянин «не обязан платить подушных и нести земской и рекрутской повинностей»⁴¹. Крестьяне требовали предоставления отдельным общинам самоуправления, независимого как от помещика, так и от царской администрации. Рост творческой активности крестьян был направлен на освобождение личности от обременительной обязанности воссоздавать большое общество, государство. Поскольку, однако, большое общество существовало, подобные стремления крестьян приводили к нарастающей дезорганизации.

Локальные ценности, враждебность к центральной власти были характерны не только для крестьян, но и для земств, судов присяжных. М. Катков, подводя определенный итог земской деятельности, говорил о полной неудаче попыток ввести земства в систему государственных учреждений, доказывая, что земства «не имеют ничего общего ни с каким управлением, отнюдь не служат местным продолжением общего и государственного управления». Это «как бы частные общества, хотя и организованные государством, но ему чуждые и от него отдельные»⁴².

Как особый тип местных учреждений земства были созданы в процессе Великих реформ. В январе 1864 года вышло Положение о земских учреждениях, предназначенных для заведования местным хозяйством. Земства должны были дать выход стремлениям либерально настроенных кругов к самоуправлению на местах и на этой основе улучшить местное хозяйственное управление. Земства переносили центр тяжести своей деятельности на местные «нужды», а не на «повинности». Конфликт земства с высшими этажами власти носил постоянный характер. Например, отчеты губернаторов полны жалоб на безрассудную, по их мнению, трату земских средств, на постоянную тенденцию к увеличению земских расходов. Земства стали ярким дополнением двоевластия в стране. Попытка ми-

⁴¹ См.: Федоров В. А. Крестьянское движение в центральной России. 1800-1860 (По материалам центрально-промышленных губерний). М., 1980. С. 151, 152.

⁴² Московские ведомости. 1867. № 14. 18 янв.; № 153. 15 июля.

нистерства внутренних дел объединить деятельность земств предписаниями центральной власти оказалась бесплодной. Через два года после земской реформы правительство начало против них наступление. Население относилось к земствам пассивно. В гласные нередко «наряжали» недоимщиков, т. е. людей, обладающих минимальным социальным престижем.

Особый интерес представляет судебная реформа, введение суда присяжных. Она была проведена в либеральном духе наиболее последовательно и была серьезной попыткой воплотить в жизнь принцип разделения властей. Однако *право и нравственность в судах оказались в подчинении антиправительственного общественного мнения*, о чем недвусмысленно свидетельствует, например, оправдание судом присяжных в 1878 году революционерки В. Засулич. Ее судили за покушение на жизнь петербургского градоначальника. Эти действия разрушительно влияли не только на право, но и на нравственность. «Присяжные заседатели оправдывали иногда по мотивам нравственно-физиологическим и тяжких преступников, а к сознанию народа, не имевшему возможности возвыситься до этих мотивов, примешивают чувство безнаказанности греха. Теперь эти оправдательные приговоры во многих случаях сделались поощрением порока и преступлений»⁴³. На «прогрессивном общественном мнении России лежит тяжкая ответственность за срыв единственной попытки в истории страны поставить дело так, чтобы правительство тягалось со своими подданными на равных»⁴⁴. *Суд присяжных стал элементом медиатора, открыто подрывавшим его основы.*

Реформа привела к тому, что по пути либерализма пошла лишь крайне ограниченная часть народа. Основная же масса населения, жившая в сельских общинах, а также переселившаяся в города, но живущая еще старыми ценностями, практически не вышла за рамки крепостничества. Главная сфера ее жизни, т. е. отношения людей внутри локальных миров, не была затронута реформой. Да это было и не под силу реформаторам. Были ликвидированы только верхние этажи крепостничества. Государственность оказалась под угрозой повиснуть в воздухе. Попытки ее реформировать не ослабляли раскола, но скорее усиливали его. Кроме того, существовала скрытая угроза выбросов этого затаившегося в локальных мирах крепостничества вверх, стремление привести «надстройку» в соответствие с «базисом». *Последующие события невозможно понять без учета того, что все значимые события в обществе*

⁴³ Антонов Н. Р. Русские светские богословы и их религиозно-общественное мирозерцание. СПб., 1912. Т. 1. С. 38.

⁴⁴ Пайпс Р. Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 398.

находились под постоянным давлением локализма и его крепостнических ценностей.

Глубокие изменения, происшедшие в обществе, привели к углублению раскола, к возникновению его новой формы. Пассивность низших этажей управления, их тяга к локальным идеалам, неспособность стать основой обновления государства внесли в медиатор и общество угрожающую дезорганизацию. Почвенные силы, проникшие в низший этаж управления, отрывали его от медиатора и тем самым подрывали основы его существования. В медиаторе произошел разрыв коммуникаций; открыто столкнулись два типа конструктивной напряженности с противоположно направленными векторами, что неуклонно усиливало социокультурные противоречия в обществе. В конце 70-х годов власти буквально *была* объята паникой. «Только во время уже разгоревшегося вооруженного восстания бывает такая паника, какая овладела всеми в России в конце семидесятых годов и в восьмидесятом. Во всей России все замолкли в клубах, в гостиницах, на улицах, на базарах... И как в провинции, так и в Петербурге все ждали чего-то неизвестного, но ужасного, никто не был уверен в завтрашнем дне»⁴⁵.

В этой ситуации правящая элита сделала попытку отказаться от либеральной интерпретации идущей инверсии и перейти к авторитарной (так называемый период контрреформ). Авторитаризм имел своих идеологов. Например, влиятельный деятель двух царствований К. Победоносцев рассматривал народовластие как ложное начало. К. Леонтьев полагал, что ради спасения архаики от разрушения, в борьбе против прогресса, либерализма, влияний западной культуры годятся любые средства — «внутреннее рабство», «организованное насилие, сложный деспотизм». Он призывал сохранять безграмотность населения, поскольку в этом «наше счастье, а не горе»⁴⁶. Государство, по его мнению, должно взять на себя инициативу установления нового феодализма, своеобразного социализма. Прямо провозглашая культ силы, Леонтьев выдвигал на первый план в христианстве не любовь, но страх. Консерватизм есть естественная реакция на опасности, которые связаны с изменениями. Однако коренная слабость такой позиции заключалась в поверхностности, *в неспособности понять, что общество уже не может отказаться от прогресса как источника энергии.*

Министерство внутренних дел, которое ранее придерживалось политики невмешательства, пришло к выводу, что вме-

⁴⁵ Плансон А. А. Былое и настоящее. СПб., 1905. С. 261-262.

⁴⁶ Леонтьев К. Н. Собр. соч. СПб., 1917. Т. 7. С. 23.

шательство в дела мира, мировых посредников не только необходимо, но и неизбежно. Усилилась атака на земства. Они представлялись как «какая-то бессмысленная оппозиция». М. Катков так характеризовал позицию, занятую земскими деятелями: «Система устранения правительства потребовала, чтобы оно отказалось от всякого дела, признавая себя ни к чему не пригодным. Сама администрация в ее разветвлениях по стране объявлена не делом правительства. Против государства выдвинута земля, т. е. учреждения 1864 года, именуемые земством»⁴⁷. Министр внутренних дел с 1882 года граф Д. Толстой предлагал ввести земские и городские органы самоуправления «в общий строй государственных установлений. Лежащие в основе сих учреждений начала общественного самоуправления должны быть заменены началом государственного управления». К. Победоносцев также писал о необходимости ввести судебные установления «в общий строй государственных учреждений. В Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти государственной». Принятый в 1889 году закон о земских начальниках нарушил принцип разделения судебных и административных функций, установленный в 1864 году; они были сосредоточены отныне в руках земских начальников. Им вменялось в обязанность иметь надзор за всеми установлениями крестьянского общественного управления. «Нужен сильный начальник уезда,— писал князь Мещерский императору,— народ любит единоличную власть и ненавидит всякие коллегии».

Рядом законов 1889-1892 годов были расширены права губернатора на вмешательство в дела земского и городского самоуправления, а также общины. В 1880-1890 годах «либеральное направление» журналистики было раздавлено цензурой. Искоренение всякого инакомыслия стало первостепенной задачей; медиатор уже не ждал ничего хорошего от новых идей. Цензурой был резко ограничен круг подлежащих обсуждению вопросов, не подлежали обсуждению в печати деятельность земских начальников, городских общественных органов самоуправления, судебные процессы по должностным преступлениям, ограничивалось обсуждение аграрного вопроса и т. д. Категорически запрещено было упоминание о двадцатилетней годовщине отмены крепостного права. Князь Мещерский не постеснялся опубликовать следующую сентенцию: «Прекрати сечь, исчезнет власть. Как нужна соль русскому человеку, как нужен хлеб русскому мужику,— так ему нужны розги. И если без соли пропадет человек, так без розог пропадет народ.

⁴⁷ Московские ведомости. 1884. 19 окт.

Человеколюбие требует розог»⁴⁸. Неспособность преодолеть раскол, непроницаемость смысловых полей подтолкнула консервативную часть общества к тому, чтобы решать проблему повседневным насилием.

ПОПЫТКА ПОВЕРНУТЬ ЦИКЛ

Ответом на либеральные реформы было появление в стране террористов-революционеров, после ряда неудачных попыток убивших Александра II. Этот зловещий и трагический акт свидетельствовал о том, что вырос слой интеллигенции, который стал ударной силой активизирующегося манихейства, воинственного антигосударственного традиционализма. Появились люди, склонные противопоставить обществу, существующей государственности, социальному разнообразию кровавый погром во имя Правды всеобщей уравнительности, готовые срезать, истребить все, что выше некоторого среднего уровня. Террор был симптомом нравственного разложения определенной исторической формы революционного движения в стране. Попытка обратиться к террору была реакцией на отказ народа, крестьянства признать революционную интеллигенцию как «свою». Отсюда стремление этой группы — осознанное или неосознанное — вызвать массовое всеобщее замешательство, убив тотем. Расчет был на то, что в результате всеобщего замешательства, необходимости обращения к новому тотему интеллигенция смогла бы занять место, заменить царя-тотем.

После убийства террористами Александра II правительственный авторитаризм стал перерастать в полицейское государство. Глава департамента полиции в начале XX века писал, что все население России было поставлено в зависимость от личного усмотрения полиции. Р. Пайпс считает, что Россия в это время была уникальным государством. До первой мировой войны ни одна страна не имела, кроме обычной, еще и особую политическую полицию, да еще наделенную судебными функциями⁴⁹.

Эта уникальность объяснялась взрывом сил хаоса, дезорганизации, нарастающей угрозой государственности, что проявлялось в массовом усилении враждебности к ней на всех уровнях общества, включая не только интеллигенцию, но, что особенно любопытно, и представителей самой правящей элиты.

Правящая элита повернулась против либерализма, против реформ, против диалога, против начавшегося процесса разде-

⁴⁸ Гражданин. 1888. № 49.

⁴⁹ См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 405.

ления властей. *Политика контрреформ* была реакцией на явные симптомы ослабления власти и развала системы, на нараставший в результате активизации синкретизма кошмар отрыва от почвы. Трагедия страны проявилась в полной мере в невозможности длительной политики, противоположной реформам. Если локализм вел к распаду общества, к усилению раскола на разные социальные и территориальные группы, то политика усиления авторитаризма вошла в конфликт с основной массовой инверсией, которая, начиная с этапа крайнего авторитаризма, подрывала доверие к высшей власти и тем самым обрекала на крах всякие попытки установить авторитарную систему.

Стремление власти к авторитаризму не могло рассчитывать даже на равнодушие. Оно встречало возрастающее сопротивление как в городе, так и в деревне. В критической ситуации сказался недостаток способных организаторов, которые могли бы взять на себя творческую организационную работу. Система выталкивала наверх людей, скорее склонных хорошо лавировать при дворе, чем в должной степени осознавать свою ответственность за судьбу страны. Сложившиеся условия требовали от власти большей гибкости, знаний, умения проникаться существом проблем, но близкие к трону деятели отличались непониманием ситуации и неспособностью к поискам выхода из кризисов. Например, о К. Победоносцеве говорили: «Он всегда отлично знает, что не надо, но никогда не знает, что надо». Министр народного просвещения (потом министр внутренних дел) граф Д. А. Толстой отличался тупой прямолинейностью. Его преемник А. А. Сабуров был «вполне бесцветной личностью, никогда и ни в чем не проявлялась его инициатива»⁵⁰. О министре внутренних дел И. Н. Дурново установилось мнение, что «он только чиновник, старающийся убогатворить свое начальство, но совершенно неспособный посоветовать ему что-либо разумное»⁵¹. Сам Александр III (1881—1894) первоначально не готовился к тому, чтобы занять престол, не обладал необходимым минимумом знаний, не мог вникнуть в суть обсуждаемых дел, мыслил упрощенно и прямолинейно. Например, он был убежден, что евреи — богом проклятый народ, так как они «распяли своего спасителя». Неспособность адекватно оценить реальное положение вещей, принимать глубокие содержательные решения — характерная особенность правящей элиты того времени. Уровень этих людей определялся не случайными обстоятельствами, а состоянием общества, его духовными силами.

⁵⁰ Воспоминания Е. М. Феоктистова. Л., 1929. С. 170, 174, 189.

⁵¹ Ламздорф В. Н. Дневник. М.; Л., 1934. С. 105.

Но одновременно и духовная элита была совершенно беспомощна. Философ Н. Н. Страхов (1828-1896) хорошо выразил общую растерянность: «Общественное сознание почувствовало, что в путях прежних прекрасных реформ был какой-то существенный недостаток, что их следовало бы чем-то восполнить. И движение остановилось, потому что прежние пути оказались опасными, а нового пути никакого не видно; кажется, что мы как будто вернулись назад, к той точке, с которой начались преобразования. Этот опыт, продолжавшийся четверть века, как будто ничему не научил нас; по крайней мере мы не умеем извлечь из него поучения. Растерянность общественной мысли очевидна; эта мысль несколько не созрела, потому что вовсе и не работала над вопросами об основах нашей государственной жизни, и хотя прошлое царствование, казалось бы, давало сильнейшие поводы к занятию этими вопросами, наши понятия о таком существенном деле не продвинулись вперед ни на шаг»⁵². Власть видела выход в силе, ее противники — в свободе-воле. Оба стремления были разрушительны, так как первым уничтожалось творчество, а вторым — сложившиеся социальные отношения, культура.

Реальная интеграция большого общества обеспечивалась слабой синкретической государственностью, хрупкой сословностью, разделением функций, которые росли и совершенствовались под прикрытием веры народа в царя. Реформа, вдохновленная смесью вечевых и либеральных идей, движимая в конечном итоге возрастающей силой уравнилельных ценностей миллионов, была мощным ударом по сословности и, следовательно, по существующему способу интеграции общества.

Дворянство в результате реформы понесло непоправимый ущерб. За тридцать последующих лет оно потеряло более четверти земли, перешедшей в руки купцов и крестьян. Влияние дворянских собраний падало. Дворянство теряло экономическую силу, социальный престиж, разваливалась бывшая главная социальная опора медиатора, что в расколоте обществе, в условиях неустойчивых взаимоотношений народа с властью создавало растущую опасность разрушительного взрыва. Сама по себе реформа не вызвала появления людей, способных активно развивать экономику и восстанавливать большое общество, хотя создала более благоприятные предпосылки для их постепенного развития. И после реформы как крестьяне, так и дворяне по-прежнему нуждались в помощи правительства, т. е. прежде всего в принудительной перекачке ресурсов сила-

⁵² Новое время. 1886. № 3599.

ми высшей власти. Привыкшие к опеке сословия не могли без организационной помощи со стороны государства устоять на ногах. Правительство пыталось с помощью Дворянского земельного банка облегчить дворянам сохранение наследственных владений, предотвратить обезземеливание крестьян путем образования Крестьянского земельного банка. Все эти меры, однако, не достигали цели, так как в основной своей массе крестьянство и дворянство не поднялись до осознания необходимости совершенствования производства, культуры, техники, организации. Патерналистское мировоззрение в этих условиях парализовало общество: все ждали поправок от власти.

Правящая и духовная элиты не уловили, что реформа, по сути, явилась приспособлением общества к новому бескомпромиссному инверсионному повороту широких масс, весьма далеких от либерализма. Либералы надеялись, что, создавая организационные формы, соответствующие потребностям диалога, определенным требованиям интеграторов либерального типа, они тем самым создают предпосылки для соответствующего развития народа, его приобщения к либеральным ценностям. Они пошли по пути создания некоторых организационных форм (например, системы выборов в волость) в надежде на то, что эти формы постепенно будут наполнены реальным культурным содержанием. Тем самым реформа строилась на заведомом нарушении социокультурного закона, поскольку предполагалось, что это стимулирует творческую активность людей. Но предположение не оправдалось. Крестьяне не проявляли интереса к работе выборных органов. Разрыв был заполнен локальными ценностями, битвой монологов, что меньше всего соответствовало ценностям либерализма.

Власть не имела средств приостановить перерастание шепота недовольства в громогласный угрожающий крик, воплотить в жизнь альтернативу гигантской обратной инверсии,двигающейся от крайнего авторитаризма к торжеству соборного локализма. Политика контрреформ быстро захлебнулась. Под натиском снизу правящая элита вновь повернула к прежнему соборно-либеральному курсу. Однако теперь положение значительно усложнилось.

РАСКОЛ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В основе замысла Великих реформ лежало представление, что их результатом будет формирование условий, которые будут благоприятствовать частной инициативе, толкать производство, стимулировать развитие его отраслей. Реформа делала ставку на развитой утилитаризм, на развитие либеральных,

капиталистических ценностей. И действительно, эти процессы получили соответствующий толчок. К концу века появились европейски образованные предприниматели, способные к творческой организационной работе в больших масштабах. *Однако основная черта развития хозяйства заключалась в том, что оно также приобрело расколотый характер. С одной стороны, его развитие было явным продолжением государственной монополии на хозяйство на основе крепостнических традиций. С другой стороны, в результате общей слабости государства, его аппарата возникала определенная возможность из глубин народа частной инициативы.* Отношение между этими двумя силами определяло дальнейшую хозяйственную динамику. Эти две линии развития имели различный, противоположный социальный смысл. Прежде всего, первая из них закрепляла и воспроизводила натуральные отношения, тогда как вторая тяготела к рынку, к товарно-денежным отношениям. Первая тяготела к тому, чтобы приспособить новейшую техническую базу к культуре и социальным отношениям традиционной цивилизации, тогда как вторая через развитой утилитаризм тяготела к либеральной цивилизации.

Шло развитие государственных железных дорог, телеграфа, организовывались кредитные учреждения. Государство владело громадным земельным фондом, 60% всех лесов, горными предприятиями, золотыми, платиновыми, серебряными рудниками. На казенных горных промыслах и заводах добывались руды, производились металлы и выделялись из них артиллерийские орудия, снаряды, оружие, паровозы для строящихся казной железных дорог и корабли для военного флота. А в 1897 году была организована казенная винная монополия, включавшая крупнейшие винокуренные и ректификационные заводы. Государственное хозяйство в 90-х годах прошлого века имело значительные размеры и разветвленный характер⁵³.

Мощный рост монополий привел к тому, что в начале XX века они стали важной основой хозяйственной жизни. Эти монополии, однако, постоянно нуждались в защите государства, практически сливались с государством, как это и должно быть в условиях синкретической государственности. Очевидно, их развитие приспособлялось не столько к рынку, сколько к государству. То, что у Ленина рассматривалось как государственно-монополистический капитализм, т. е. то, что связано с «высшей, загнивающей стадией капитализма», в действительности было *результатом недоразвитости капитализма, его*

⁵³ Подробнее см.: *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1948. Т. 2. С. 190 и след.

существования в условиях господства докапиталистических отношений и власти монополий под защитой синкретического государства. Государство брало на себя в той или иной форме ответственность за промышленное производство, так как стремилось приобрести определенную независимость от рынка. Это касалось прежде всего тяжелой промышленности. Американский экономист Джеконсон в изданной в США книге «Commercial Russia in 1904» писал: «Никогда, быть может, в истории человечества деятельность правительства в чисто промышленной области не была более широкой и всеобъемлющей, чем за последний период русской истории. Русское правительство с помощью центрального государственного банка контролирует финансовое положение страны; оно владеет и управляет $\frac{2}{3}$ всей железнодорожной сети и $\frac{7}{8}$ всех телеграфов. Почти $\frac{1}{3}$ всей земли и $\frac{2}{3}$ лесов еще в его непосредственном заведывании. Оно владеет наиболее ценными рудниками и обрабатывает на своих заводах продукты, добытые из этих рудников. Оно продает все спиртные напитки... скупает весь спирт». Русское правительство — «самый крупный землевладелец, самый крупный капиталист, самый крупный строитель железных дорог и самый крупный предприниматель во всем мире»⁵⁴. Л. Троцкий писал: «Самодержавие с помощью европейской техники и европейского капитала превратилось в крупнейшего капиталистического предпринимателя, в банкира и монопольного владельца железных дорог и винных лавок»⁵⁵. Важнейшей формой этого подчинения хозяйства высшей власти была система государственных заказов. «Нити всех промышленных экономических вопросов тянутся к правительственным учреждениям, без которых нельзя решить ни одного общего вопроса... Самыми существенными сторонами горного дела занято не горное ведомство, а другие учреждения»⁵⁶. В этих условиях развитие собственно капитализма приобрело довольно односторонние, уродливые формы. Определяющим было господство патриархальных дорыночных отношений, слабость рынка при недостатке капиталов, в условиях «крайне робкой и слабой предприимчивости населения»⁵⁷, массовой враждебности к этим формам деятельности. Эта в целом неблагоприятная ситуация для развития экономики, повышения эффективности могла, однако, открыть зеленую улицу для тех

⁵⁴ Цит. по: Фридман М. Наша финансовая система. СПб., 1905. С. 9.

⁵⁵ Троцкий Л. Д. 1905 год. М., [б. г.]. С. 22.

⁵⁶ Авдаков Н. С. О желательном преобразовании горного ведомства в связи с интересами горной и горнозаводской промышленности. СПб., 1907. С. 5-6.

⁵⁷ Что дает нам новая государственная роспись?// Промышленность и торговля. 1909. № 20. С. 389.

немногих, кто обладал капиталом и инициативой, кто вырвался вперед и смог идти по пути концентрации производства и формирования монополий. Здесь господствовала манихейская схема развития, т. е. гипертрофирование крайних форм и слабость средних форм, как и срединной культуры вообще. «Обычным стало образование предприятий сразу в огромных масштабах»⁵⁸, что требовало больших капиталов, и, возможно, именно с этим связано снижение с 70-х годов относительного числа выходцев из крестьян в московском купечестве⁵⁹. В 80-х годах происходило гигантское обобществление труда на крупных предприятиях. «Высокая концентрация русской промышленности замедляла количественный рост предприятий еще в конце XIX в. и почти приостановила в XX в.»⁶⁰. Монополизация происходила на таком уровне производительных сил, который соответствовал домонополистической стадии на Западе.

Благоприятствование крупным предприятиям в ущерб мелким было результатом неблагоприятных исторических обстоятельств. Оно было следствием того, что давление синкретической государственности на развитие хозяйства, которая предпочитала крупное производство мелкому, получило развитие в условиях, когда товарно-денежные отношения, ремесленничество, частное предпринимательство не достигли уровня, который позволил бы отстоять себя экономическими и политическими средствами. *Стремление к развитию именно крупного производства, по крайней мере в тенденции тяготеющего к авторитаризму, как характерная черта хозяйственного развития страны — один из результатов слабости почвенных потенций развития производства.*

Еще Петр I насаждал именно крупные промышленные предприятия: горные, оружейные, литейные и т. д. С середины XIX века изделия крупной промышленности стали вытеснять кустарей. С. Ю. Витте, еще будучи министром финансов, видел одну из задач своего министерства в развитии производительности, которое он отождествлял с насаждением крупной индустрии. Это не только разоряло кустарей, лишало побочных заработков крестьян, но и «этим сразу были выбиты из прежних позиций миллионы мелких производителей, перед которыми была поставлена задача приспособления к быстро изменяющимся условиям хозяйственной жизни страны. Приспособление никем не поддерживаемых мелких производите-

⁵⁸ Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850-1880 гг. М., 1978. С. 291.

⁵⁹ Там же. С. 250.

⁶⁰ Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности// История СССР. 1963. № 3.

лей к условиям жизни, меняющимся по мановению руки все- сильных чиновников — невежественных и безответственных, — не могло происходить с той быстротой, с какой изменялись эти условия. И в этом обстоятельстве следует видеть одну из причин, ускоривших расстройство крестьянского быта и обна- живших ненормальность экономического строя России»⁶¹.

Более того, подобное развитие — и на это следовало бы исто- рикам обратить самое пристальное внимание — подавляло, уничтожало, парализовывало развитие почвенной инициативы, развитие рынка, товарно-денежных отношений, прогресс сво- бодной личности. Тем самым *при видимости роста новых тенденций подрывалась возможность качественного суб- станциального изменения общества, закреплялась его тради- ционная основа, использующая новые средства*. Все это могло иметь место лишь на основе исторического развития, обусло- вившего, с одной стороны, согласие общества на функциониро- вание государства, правомочного принудительно перерас- пределять ресурсы, сливать в единое нерасчлененное целое собственность, власть, идеологию, а с другой стороны, форми- рование общества с крайне низким уровнем хозяйственной инициативы и товарно-денежных отношений. Последние могли пробиться, лишь используя слабости власти, в особенности вы- являющиеся в условиях хозяйственных кризисов. И действи- тельно, эти возможности постоянно использовались, что свиде- тельствовало об определенном росте сил медиации.

«КРИЗИС ПЕРВОБЫТНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ»

Положение крестьян после реформы постепенно и существен- но ухудшалось. В 1900 году крестьянин был беднее, чем в 1800 году⁶². Вряд ли можно видеть основную причину этого в платежах государству. Реформа потребовала существенного усилия от крестьян для приспособления к новым условиям. Она бросила своеобразный вызов, но не все могли справиться с новыми задачами. Усилилось расслоение. Если судить по бел- летристике 60-х годов, послереформенная деревня являла собой довольно безотрадную картину. Периодический голод свидетельствовал об оскудении. В 80-х годах можно было гово- рить об экономическом упадке крестьянства. Часть крестьян находилась в состоянии хронического недоедания. В стране,

⁶¹ В. В. [Воронцов В. П.] Очерки экономического строя России. СПб., 1906. С. 102.

⁶² Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 217.

где крестьяне составляли основную массу населения, эти процессы грозили вырождением всего общества.

Беспрецедентный рост населения крайне ухудшил ситуацию⁶³. По подсчетам департаментов окладных сборов, в пятидесяти губерниях европейской России за сорок лет после реформы население возросло на 72%, т. е. с 50 до 86 миллионов. За сорок пять лет после реформы масса людей, скопившихся на земле, почти удвоилась. Если в течение пяти веков количество земли в стране росло быстрее населения, то теперь положение коренным образом изменилось. С ростом населения сокращался крестьянский надел: если на ревизскую душу приходилось в 60-х годах 4,8 десятины, то в 1880 году надел уменьшился до 3,5 десятин, а в 1900 году — до 2,6 десятины⁶⁴. В дальнейшем надел сократился до двух десятин. Недостаток земли не компенсировался ни повышением урожайности, ни новыми запашками. Положение ухудшалось с падением цен на хлеб. Недоедание, высокий уровень заболеваемости — такова картина крестьянского оскудения в послереформенной России. Господствующей системой было трехполье. На юге преобладало залежное хозяйство. Травосеяние и разведение специальных культур встречалось лишь в немногих местах. Почвы плохо обрабатывались. На русских черноземах, которым нет равных в Европе, чаще, нежели в других районах, отмечались неурожаи и голод. Запад в сфере культуры земледелия далеко ушел вперед. Плодопеременная система там существовала уже давно. Комиссии, создаваемые в губерниях для выявления роста недоимок, сообщали весьма неблагоприятные сведения. Например, предводитель дворянства Ливенского уезда Орловской губернии писал о сельском хозяйстве своего уезда: можно подумать, что «местность эта разорена неприятелем, до такой степени она представляется жалкою». Курский губернатор отмечал, что сельское хозяйство «осталось в том же диком состоянии, в каком оно было прежде, как у помещиков, так и у крестьян».

К началу XX века крестьяне были приведены в «тяжелое положение», писал крупнейший специалист того времени⁶⁵. Крестьянские хозяйства разорялись в массовом масштабе, так как росли издержки сельскохозяйственного производства, прежде всего за счет арендной платы⁶⁶.

⁶³ Качоровский К. Народное право. С. 20.

⁶⁴ Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1919. С. 44, 159.

⁶⁵ Маслов П. П. Крестьянское движение в XIX столетии // Образование. 1907.

№ 10. С. 158.

⁶⁶ Он же. Аграрный вопрос в России. 3-е изд. М., 1924. Т. 2. Кн. 1. С. 25.

Суть процессов оскудения заключалась в том, что на изменение целого ряда условий, включая рост товарно-денежных отношений и населения, основная масса крестьянства не сумела ответить повышением эффективности своего труда, поднятием культуры земледелия, новыми формами организации производства. Изменения условий требовали отказа от архаичных экстенсивных методов труда, от древней системы конструктивной напряженности, нацеленной на постоянное повторение старых методов деятельности в измененных условиях. Теперь существовать можно было, лишь перейдя к конструктивной напряженности, нацеленной на развитие. Раньше крестьянин был уверен, что помещик не даст ему умереть с голоду, теперь же он в стрессовых ситуациях оказывался наедине с бедствиями. Уже одно это обстоятельство свидетельствовало, что крестьянская реформа не увенчалась успехом.

Чем примитивнее способ земледелия, тем больше земли он требует. В древности человеку для промыслов, сельского хозяйства нужны были огромные просторы. Прогресс сельского хозяйства есть интенсификация использования земли. Между тем способы хозяйствования оставались те же, что и 50-75 лет назад. Основная масса крестьян рассматривала улучшения в хозяйстве как барскую затею. Крестьяне — депутаты Думы говорили: «Культура — дело барское!» Деревня прежде всего пыталась увеличить свое землепользование. Крестьянин, если у него оказывались деньги, использовал их не на улучшение хозяйства, но для покупки земли. Общая пахотная площадь в стране в 1881 году увеличилась на 14,2%, а в 1887 году — на 25,8% по сравнению с 60-ми годами.

Сталкиваясь с другими народами — китайцами, корейцами, латышами, — русские крестьяне не могли не видеть преимуществ высокой сельскохозяйственной культуры. Если русским переселенцам не хватало 25—30 десятин, то местное население благоденствовало на 4—5 десятинах. Страх перед новшествами мешал переселенцу перенимать более совершенные методы. Переселенцам, по их словам, «не с руки», «не подходящее дело» копать в земле, как «копаются» латыши, сарты или корейцы; им надо распахаться пошире да побольше посеять, хотя бы его широкая запашка давала ему, в конце концов, гораздо меньше, чем дают маленькие поля китайца или сарта, пишет А. Кауфман. Этот же автор приводит выдержку из одного крестьянского приговора Новгородской губернии: «Чухна, хозяйствующая на участке такого размера, при котором русский крестьянин едва имеет хлеб, не только сыт, но и ест ветчину, мясо, масло, пьет молоко и прочее». Важен вывод Кауфмана:

«Никак нельзя будет сказать, чтобы многоземельным крестьянам жилось лучше, чем малоземельным. Скорее выходит как будто наоборот... а расширение крестьянского землевладения поведет к несомненному подрыву производительных сил страны»⁶⁷. Все это говорит о том, что не столько малоземелье, сколько низкая культура земледелия лежала в основе аграрной проблемы страны.

Алябьев, путешественник, посетивший в 60-х годах XIX века Амур и Уссури, писал, что крестьяне-переселенцы жаловались на тесноту. Между тем даже к концу века там приходилось по одному человеку на десять квадратных верст. Крестьянин в Западной Европе, обладая 1,8—4,5 десятинами, мог вполне жить на доход со своего участка, не только сам не нанимаясь в батраки, но даже имея возможность пользоваться наемной силой. «Сущность аграрного вопроса — кризис первобытного земледелия»⁶⁸, — четко констатирует А. Кауфман. А. Энгельгардт писал: «Хороших хозяев очень мало... Между крестьянами есть много таких, которые не только не могут быть хорошими хозяевами, не только не могут работать иначе как за чужим загадом, но даже и работать хорошо не умеют»⁶⁹. Уровень сознания большинства крестьян не давал основы для интенсификации производства, для поисков путей повышения культуры и эффективности земледелия. «На все несчастья, бедствия, неудачи в своей жизни крестьяне смотрят как на божье наказание. Трудно вести в деревне борьбу с такими бедствиями, как пожары, эпидемии, эпизоотии и вредители сельскохозяйственных культур. Крестьянин убежден, что с этими бедами бороться грешно. Организованные по деревням пожарные обозы в момент пожара оказываются почти всегда в полной пассивности ввиду мнения: „Все равно сгорит, если на то воля божия“, пожары же от молнии уже всегда приписываются гневу божию или Ильи-пророка. Во всех этих случаях (появление саранчи, вредной мухи, червя и т. п.) крестьянин обращается часто к священнику для совершения молебна, крестного хода или другого церковного обряда, следит со вниманием за точным исполнением его и считает, что если обряд выполнен, то он должен пассивно ожидать результатов молитвы»⁷⁰. Крестьянин чувствовал себя во власти капризного языческого бога: «Бог не дает — и земля не родит», даже «це-

⁶⁷ Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. С. 140, 141, 157, 175, 242.

⁶⁸ Там же. С. 135, 170, 205, 246, 265.

⁶⁹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. С. 385.

⁷⁰ Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности: Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям европейской России/ Сост. Петерсон Н. Л. СПб., 1904.

ны бог строит». Он просил божество, как в глубокой древности: «уроди, боже, с мешка три мешка», «дай, боже, дождю в толстую вожжу».

В условиях низкой культуры земледелия никакая экспроприация помещичьих земель не решила бы проблемы. К февралю 1917 года три четверти всей пахотной земли принадлежало крестьянам. Нельзя также забывать, что раздел помещичьих земель, где урожаи вдвое, а в хороших хозяйствах — вчетверо превышали урожаи окружающих крестьянских хозяйств, не только бы сократил объем сельскохозяйственной продукции, но нанес бы непоправимый ущерб культуре земледелия. Это обстоятельство особенно важно в связи с тем, что в 70-80-х годах помещичье земледелие достигло определенных успехов. Отсюда очевидно, что *борьба крестьян за землю имела совсем иной смысл, чем тот, что вкладывали в нее как сами крестьяне, так и та интеллигенция, которая переводила на язык «науки» мифы массового сознания. Эта борьба по самому своему существу не могла привести к конструктивным решениям, но была лишь активизацией древних ценностей, мощной попыткой растревоженной общины перейти в наступление и перенести свои уравнивательные идеалы на все общество, превратить все общество в уравнительную общину,*

РЕНЕССАНС ОБЩИНЫ

Основная масса крестьянства ответила на ухудшение условий не переходом к новому типу конструктивной напряженности, связанному с развитым утилитаризмом. Реакция крестьянства оказалась попыткой прорваться опять к синкретизму, усилением борьбы крестьян за сохранение древнего локального типа жизни. Наиболее ярко этот процесс проявился в укреплении сельской общины, древнего сельского мира.

Можно считать определенной исторической закономерностью, что на переломе эпох, когда новые ценности активно вторгаются в жизнь, старые, казалось, давно обесцененные идеалы неожиданно обретают волю к борьбе. В Среднем и Новом Царстве Египта историки констатировали полное или почти полное разложение общины, тогда как в птолемеевском Египте она существует. В поздней Римской империи также отмечается возрождение общины. Для Европы XV и XVI веков характерно возрождение древних суеверий как формы самозащиты древнего уклада, традиционных ценностей. Серьезные социальные бедствия всегда способствовали оживлению древних идеалов. «Черная смерть» в Западной Европе в конце XIV

века, унесшая почти четверть населения, вызвала многочисленные акты насилия, возрождение древних языческих ритуалов, массовую истерию. В последние 50-100 лет во многих странах третьего мира также наблюдается активизация древних ценностей.

Первые 10—12 лет после отмены крепостничества деятельность общины не носила активного характера. Но беллетристы 70-х годов описывают в деревне процесс возрождения общины. В стране учащаются общинные переделы земли, отчетливо просматривается стремление к уравнительному землепользованию. Массовость этого процесса заставляет привлечь к нему пристальное внимание. Этот процесс означал одновременно попытку бросить на произвол судьбы государство, замкнувшись в своих локальных мирах, отказ от роста и развития товарно-денежных отношений. Правительство, через реформы толкавшее страну на путь товарно-денежных отношений, столкнулось с мощной волной стремления крестьян укрепить локальные дотоварные отношения. Древняя, казалось бы, потерявшая силу под властью помещика община вновь активизировалась. Сравнительный анализ положения по 66 уездам различных губерний на 1880 и 1897-1902 годы показывает⁷¹, что за этот период процент общин, сохранивших беспеределное неуравнительное землепользование, уменьшился с 65 до 12. Общинно-уравнительные тенденции резко возросли, причем процент общин с наиболее уравнительным принципом передела — по числу едоков — вырос с 6 до 19%. Налицо явный возврат к древним уравнительным ценностям. По губерниям картина не менее впечатляющая. В Саратовской губернии процент общин, производивших передел, возрос за период с 1870 по 1900 годы с 33 до 63. Переделы по числу едоков произведены были в 41% общин по сравнению с 1% в 1870 году. Во Владимирской губернии с 1870 по 1902 год процент общин с уравнительным принципом распределения земли возрос с 20 до 94, в Московской губернии с 1870 по 1899 год — с 27 до 77. Причем повсеместно преобладает уравнительный принцип, возрастает удельный вес общин, перераспределяющих землю в зависимости от количества едоков. В упомянутых 66 уездах 68% общин бывших государственных крестьян изменили порядок разверстки в пользу уравнительности и только 11 % — наоборот. По Саратовской губернии в 73 % общин произведены уравнительные переделы и лишь в 10% наблюда-

⁷¹ См. богатый и интереснейший материал: *Вениаминов П.* Крестьянская община (что она такое, к чему идет, что дает и что может дать России?). [Б. м.], 1908.

лась противоположная тенденция, по Московской губернии в 90% общин переделы приняли более уравнительный характер.

Участилась купля земли общинами. С 1901-1903 по 1905—1906 годы она увеличилась в три раза, тогда как покупка отдельными домохозяевами снизилась. Рост товарно-денежных отношений в этой сфере фактически приводил к усилению общины. Общинное крестьянство, т. е. три четверти общей его численности, не только не намерено было отказываться от уравнительных принципов, но явно стремилось к их утверждению. Активизация древних ценностей — далеко не редкое явление в момент обострения социальных противоречий. Вероятно, такого типа социальный процесс имел место и в древности, когда возникавшая ограниченность земли приводила к ее периодическим уравнительным переделам. Каждый шаг в развитии товарно-денежных отношений, угроза перерастания умеренного утилитаризма в развитой усиливали набат древнего вечевого колокола, способного поднять на ноги несметные силы. Основная масса крестьянства с неохотой включалась в систему товарно-денежных отношений, противостояла дальнейшему их усилению, т. е. экономической необходимости капитализма. Перед слабым капитализмом возник грозный противник. Это был крестьянин, сформировавший свои представления в незапамятные времена и тяжело страдавший от перемен. По переписи 1897 года в деревне проживало 87,2% населения, причем грамотных там было 23,8% (по стране в целом — 28,4%). Сама практика общинных переделов показала ограниченность влияния утилитаризма: передел был невыгоден доброй половине крестьян, а некоторым наносил серьезный ущерб. Тем не менее крестьяне шли на это. Крестьянство неуклонно двигалось к торжеству локализма.

Эта активизация синкретизма получила свое выражение и в религиозной сфере. Усилилось движение к староверию, рост протестантских сект, что было еще одним свидетельством раскола почвы. Возросло стремление к языческой критике православия. Возникшая секта «хлыстов» пыталась вызвать ритуальными плясками — радениями — откровение святого духа, причем святой дух в понимании хлыстов — в сущности языческое «красное солнышко», которое обогреет «сирот бедных». «Духовные радости» хлыстов были проникнуты натурализмом крестьянских верований, в отделениях сект — кораблях — совершались языческие обряды ярилиной ночи. Количество староверов и сектантов в 80—90-х годах составляло не менее 20 млн., т. е. 20% всех православных и 13,6% всего населения

страны⁷². В высших кругах в середине века также отмечалось увлечение староверием.

Очевидно, что реформы не ослабили, а скорее усилили антимедиацию, т. е. массовое стремление вернуться к архаичным локальным формам жизни, основанным на натуральных отношениях, вернуться к миру без начальства, миру, парализующему всякую попытку ослабить уравнительность. Реформаторы же стремились к противоположным целям.

РАСКОЛ ПОЧВЫ

Ренессанс общины был ответом на развитие утилитаризма, товарно-денежных отношений. Умеренный утилитаризм перерастал в развитой, усилился процесс индустриализации, возросло значение денег, в частности, в результате появления на рынке после реформы гигантских денежных сумм. Некоторая часть крестьян шла по пути развития товарно-денежных отношений, занималась торговлей, промышленностью, земледелием на необщественных землях. Они обычно занимались и ростовщичеством. Если общине в нашей исторической науке явно не повезло, то развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве было любимой темой. Однако результаты этих исследований свидетельствуют об ограниченном и одностороннем росте товарно-денежных отношений. Например, производство товарной продукции в сельском хозяйстве крестьянами во второй половине XVIII века было «явлением спорадическим, даже исключительным»⁷³. Рост товарно-денежных отношений в России носил скорее циклический характер, чем прогрессивно нарастающий.

Проблема роста товарно-денежных отношений не может быть рассмотрена в отрыве от раскола. Высшая власть постоянно стремилась навязать крестьянству расширение масштабов товарно-денежных отношений, что было скрытой причиной конфликтов. Еще правительство Московского государства «с великими усилиями пыталось вводить денежные повинности в старинных культурных местностях суздальско-московской Руси; в земских уставных грамотах XVI века мы на каждом шагу чувствуем, как привык тогдашний плательщик к платежу натурой... Попытки ввести денежное обращение идут сверху, от

⁷² Пругавин А. Отщепенцы. СПб., 1884.

⁷³ Шапиро А. Л. Советская литература по проблемам истории русского феодализма в 1962 году // История СССР. 1963. № 4. С. 150.

правительства»⁷⁴. Петр I, да и все последующие правители практически проводили ту же политику. Например, министерство П. Д. Киселева при Николае I «всемерно поощряло перевод натуральных повинностей в денежную форму»⁷⁵. П. Милюков писал в конце прошлого века: «В классе крестьянском натуральное хозяйство процветало бы и до нашего времени, если бы необходимость добыть деньги для уплаты податей не заставляла крестьянина выносить свои продукты и свой личный труд на рынок»⁷⁶. Современный автор считает, что государство заставляло крестьян увеличивать производство для рынка и для того, чтобы они учились больше производить⁷⁷.

Причина этого — не только возрастающая нужда государства в деньгах, но и стремление создать рынок для промышленности, которая задыхалась без сельского рынка, что заставляло ее ориентироваться на сбыт своей продукции государству. Однако рост товарно-денежных отношений еще не являлся свидетельством, что производственная жизнь крестьян, массовый менталитет перестраиваются на основе рыночных и тем более капиталистических принципов. Этот рост носил для большинства крестьян внешний характер. «В крестьянском хозяйстве, как имеющем ремесленную организацию производства, так и работающем „на скупщика“, отсутствуют элементы капиталистического характера. У крестьянина нет, как и в промышленной работе на скупщика, капитала в истинном смысле этого понятия, так как он заменяется здесь простыми орудиями производства, которые должны быть во всяком, даже чисто натуральном хозяйстве. Здесь нет, следовательно, и экономических последствий применения в производстве капитала, т. е. нет прибавочной стоимости и капиталистического стремления получить ее эксплуатацией наемной рабочей силы. В хозяйстве нет также и ренты...»⁷⁸. Крестьяне, по крайней мере подавляющее большинство, могли производить продукты, которые через покупателей попадали в капиталистический оборот. Но сами они своим строем жизни и ментальностью ему противостояли. Мало этого. Следует обратить внимание на крайне важное обстоятельство, проливающее свет на скрытые тенденции крестьянства. «В продажу поступает не только тот хлеб,

⁷⁴ Покровский. М. Н. Местное самоуправление в Древней Руси// Мелкая земская единица. Вып. 1. С. 199.

⁷⁵ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 38.

⁷⁶ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. Ч. 1. С. 67.

⁷⁷ Анфимов А. М. Особенности аграрной истории России. М., 1960.

⁷⁸ Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. 3-е изд. Л., 1924. Т. 1. С. 62-63, 255.

который является излишним за покрытием собственного довольствия, но и тот, который отнимается от собственного продовольствия и продажу которого приходится восполнять обратной покупкой»⁷⁹. Торговля хлебом превращается в его залог под проценты, т. е. приобретает далекие от капитализма формы. Отсюда мощное накопление ненависти к росту товарно-денежных отношений даже в их докапиталистической форме, что угрожало разгромом товарно-денежных отношений с архаичных дорыночных позиций. Без учета этой постоянно тикающей мины, заложенной в фундамент государственности, невозможно понять историю страны. Крестьянин мог вести полностью натуральное хозяйство, а получатель крепостнической и натуральной ренты мог продавать ее в качестве товара⁸⁰.

Постоянная необходимость крестьян продавать, чтобы потом покупать, имела еще одну важную сторону. По сути дела, это было приспособлением к принудительному изъятию хлеба по заниженным ценам. Общество как бы стихийно приспособлялось к своей собственной неспособности установить сбалансированные цены, нормальные экономические отношения между городом и деревней, обеспечить то, что впоследствии стало называться «смычкой города и деревни» путем стихийного создания механизма принудительной экспроприации хлеба, т. е. некоторой скрытой продрозверстки. Здесь не было еще прямого насилия, изъятия хлеба, но создавалась ситуация, когда крестьяне вынуждены были осенью продавать свой хлеб, включая и необходимый для пропитания. Эта продажа была необходима для выплаты государству. За недоимки крестьяне наказывались не только изъятием имущества (например, коровы), а также, по старой традиции, они подвергались телесным наказаниям. Положение изменилось лишь в результате отмены выкупных платежей в 1907 году. Поэтому реальный рынок хлеба в стране начал складываться лишь с этого момента, незадолго до начала первой мировой войны, т. е. существовал лишь краткий миг, не оставивший глубокого следа в ментальных структурах миллионов людей.

Между тем крестьянская реформа в конечном итоге открывала путь силам, которые вступали в противоречие с древним менталитетом. Она расширяла возможности личной инициативы, возможности менять занятия, продавать и приобретать землю. Этот разрушительный для синкретизма процесс приобретал подчас крайне болезненные формы. Незрелость утилитаризма проявлялась часто в том, что рост творческой инициати-

⁷⁹ Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Т. 1. С. 243, 251.

⁸⁰ Чаянов А. В. К вопросу о теории некапиталистических экономических систем // Чаянов и Восток. М., 1991. С. 185.

вы был направлен не столько на производство, на созидание ценностей, сколько на использование сложившихся условий для закабаления соседа, для захвата чужих ценностей. Это стимулировало стремление найти виновника, оборотня, несущего зло. Им могли быть все те же начальство, студенты, евреи.

Однако для поднимающейся волны синкретической реакции существовал более близкий враг. Это был свой же сосед-крестьянин, который лучше приспособивался к новым формам жизни, шел по пути перехода от умеренного к развитому утилитаризму, ослаблял свои узы с древней общиной. Те, кто пошел по пути развитого утилитаризма, получили название «кулаки» и «мироеды». Раньше, в 60-70-е годы XIX века, так называли лишь кабатчиков и ростовщиков. Теперь эти ярлыки обратной зла распространялись на значительную часть деревенского населения. Манихейство «творчески» развивалось. К. Качоровский писал: «Существовал слой крестьян, связанный с культурными и экономическими формами индивидуализма». Он составлял контраст с «некультурным союзно-трудовым бытом массы народа». Очевидно, «тотчас же должна была начаться борьба между этими двумя социальными типами, борьба не на жизнь, а на смерть». Внутри общины усилились столкновения между двумя принципами жизни. Одна Правда противостояла другой. «Насколько плуг берет глубже сохи, настолько глубже укореняется и личное право; аргумент: „сколько я пота пролил“ — уступает перед аргументом: „сколько я навоза ввалил“, в праве труда выступила за человеческой силой затрата силы лошадиной и других средств производства. И это трудовое право, доставляемое лошадиной силой, служит рычагом, все резче разлагающим общину и застопоривающим уравнилельно-передельный ее механизм... Скоро плотные ряды „заможных“ антипередельцев как-то разрознились и сжались островками среди волнующихся и напиравших на них сторонников передела, лица их помрачнели, голоса охрипли и потонули в реве толпы: видно было, что за передел стоит значительное большинство»⁸¹.

Наступление уравнилельности постепенно превратилось в борьбу сел и деревень «против заимок и хуторов». В 70-х и 80-х годах эта борьба составляла «по-видимому главное содержание и во всяком случае — наиболее резко бросающееся в глаза явление в области земельных отношений...» Хуторян заставляют «подчиняться общим для всех... порядкам выпаса скота... Заимщики уклоняются от участия в деревенских нату-

⁸¹ Качоровский К. Народное право. С. 18, 153, 178.

ральных повинностях — их заставляют бросать заимки и переезжать на жительство в деревни»⁸². Усиливалась внутриобщинная регламентация, которая распространялась также и на хутора. Подвергаемая разнообразным формам насилия, часть крестьян обращалась к властям с просьбой защитить их жизнь и здоровье⁸³.

Возникла новая, самая глубокая и самая трагическая форма раскола. Расколелась народная почва. Раскол разделил миллионную толпу народа на две враждебные группы, между которыми исчезало взаимопонимание. Раскол прошел между умеренным и развитым утилитаризмом. Он приобрел в сознании общества искаженную форму раскола между кривдой и Правдой, между силами, стремящимися к социализму, к народному благу, и силами, стремящимися к людоедскому эгоизму, к капитализму.

Было бы ошибочным расценивать меньшинство как людей, принявших капиталистические ценности, перешедших на позиции активного предпринимательства, ориентированных на освоение новых видов производства, на повышение культуры земледелия, производительности труда. Вообще проблема развития капитализма в российской деревне требует более глубокого изучения, так как есть основания думать, что раньше здесь было больше идеологизированных мифов, чем осмысления объективных процессов. Система ценностей меньшинства в основном характеризовалась задачей освобождения от власти общины — внешней силы на локальном уровне, большей ориентацией на рынок. Меньшинство стремилось быть хозяином для достижения более высокого эффекта своего труда, для расширения сферы своей инициативы. Развитой утилитаризм боролся не столько с капитализмом, сколько с предшествующими ему формами утилитаризма.

Отношения между расколотыми слоями почвы постепенно достигали крайней степени обострения. Среди крестьян было распространено «убеждение, что земля не может составлять чьей-либо собственности, а должна состоять в пользовании только трудящихся и что поэтому необходимо произвести принудительное отчуждение всех частновладельческих земель»⁸⁴. В приговоре крестьян села Елховки Нижегородской губернии сказано: «Чтобы поднять экономическое положение крестьян и установить Правду и справедливость на земле, вывести нас,

⁸² Кауфман А. А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907. С. 35.

⁸³ Крестьянское движение в России в 1890-1900 гг. М., 1959. С. 232. Документ 1893 года.

⁸⁴ Правительственный вестник. 1906. 20 июня.

крестьян, из столь тяжелого положения, необходимо... добиться, чтобы земля стала общим достоянием всех трудящихся, чтобы каждый имел возможность иметь столько земли, сколько он может обработать своей семьей без найма рабочих... Земля должна принадлежать обществам, а не отдельным лицам и находиться в пользовании обществ бесплатно». Именно в вопросе уравнительного передела всей земли выявился раскол внутри самого крестьянства, расхождения, подчас доходящие до вооруженных столкновений. Так, в октябре 1905 года в Черниговской губернии крестьяне после разгрома помещичьей усадьбы пытались полностью осуществить принцип уравнительного передела и принялись отбирать у более состоятельных односельчан лошадей и потребовали денег. В результате были убиты пятнадцать человек⁸⁵.

Имели место случаи разгрома имущества богатых крестьян. В жандармском сообщении из Пензенской губернии читаем: «Настроение крестьян весьма враждебное не только в отношении помещиков, но даже и в отношении тех крестьян, которые владеют землей». *«У нас не должно быть гладких, пусть лучшие все будут шершавые»*,— говорили саратовские крестьяне в 1905 году, объясняя аграрные беспорядки, которые уже тогда не ограничивались помещичьими имениями, а обращались и против более достаточных крестьян. «И под знаком подобного поравнения проходила вся современная земельная разруха»⁸⁶. Теперь уже вражда, ненависть прошла не между народом и начальством с белыми пуговицами, а между самими общинниками. Община стала ареной раздоров между соседями. Страшная болезнь раскола все глубже врезалась в тело народа.

ОБЩИНА: ДА ИЛИ НЕТ?

Правящая элита испытывала возрастающую обеспокоенность положением крестьян и их настроением. С. Витте в письме к царю в 1898 году говорил, что «крестьянский вопрос является нынче первостепенным вопросом жизни России». Правящая элита искала путей к крестьянству. В проекте так называемой булыгинской думы содержалась явная ориентация на крестьянство, крестьянским выборщикам предназначалось не менее трети мест. Специальное совещание под председательством царя, посвященное подготовке Думы, рассматривало

⁸⁵ Дроздов И. Г. Аграрные волнения в Черниговской губернии в годы первой революции. М.; Л., 1925. С. 98-109.

⁸⁶ Котляревский С. А. Оздоровление// Из глубины. М., 1989. С 187 (курсив мой.— А. А).

крестьян как «ценный балласт, который придаст устойчивость кораблю — Думе в борьбе со стихийными течениями и увлечениями общественной мысли».

На заседании Совета министров 24 января 1906 года было решено, что крестьянский вопрос имеет «бесспорное первенствующее значение», от разрешения его зависит весь правовой уклад местной жизни и экономическое будущее России.

Недоимки катастрофически возрастали. В 1875 году их сумма не превышала 29 млн. руб., в 1900 году они составили 119 млн. Если в 1871-1875 годах процентное отношение крестьянских недоимок к годовому окладу по Симбирской, Тульской и Казанской губерниям соответственно составляло 5, 3 и 4%, то в 1898 году они уже составляли 277, 244 и 418%. В 1886 году министр внутренних дел граф Д. Толстой доказывал: «Так продолжаться не может, отовсюду я получаю известия о поголовном разорении, еще несколько лет — и мы дойдем до пугачевщины». Как и в Смутное время, наблюдалась «шаткость в умах и общественная рознь, то же пренебрежение к нравственным основам жизни... падение всякого авторитета власти среди крестьян»⁸⁷. Крестьянство обрывало свои связи с государством, отказывалось платить.

Тревога правящей элиты особенно усилилась после голода 1891-1892 годов. Правительство пыталось снять остроту земельного голода и ослабить налоговый гнет. Были понижены выкупные платежи, отменена подушная подать. Власть пыталась сочетать свое устремление к авторитаризму с уступками крестьянству. Она шла навстречу древним ценностям. Аграрное законодательство способствовало консервации патриархальных отношений в деревне: ограничивались семейные разделы с целью воспрепятствовать дроблению крестьянской семьи. Ориентация власти на архаичное крестьянство главным образом получила выражение в политике сохранения общины. С. Витте полагал, что «общинное землевладение наиболее способно обеспечить крестьянство от нищенства и бездомности». Община была удобна в фискальных целях, правительство могло ее полностью подчинить чиновникам. По закону от 14 декабря 1893 года запрещался выход из общины крестьянам, досрочно погасившим выкупные платежи. Николай II усиленно сопротивлялся мерам, которые могли бы подорвать общину.

Правящая элита все больше увязала в неразрешимом противоречии. С одной стороны, в обществе развивалась промышленность, социальные слои, связанные с прогрессивными формами производства. С другой стороны, значительная часть

⁸⁷ Пазухин А. Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886. С. 50, 18.

страны находилась, по словам Витте, в «некультурном (диком) или полукультурном виде». *Правящая элита пыталась теперь решать медиационную проблему, согласившись с ценностями общины, локализма. Тем самым правящая элита вписывалась в определяющую на этом этапе массовую инверсию, что объективно было поддержкой разрушительного для большого общества локализма.* Эта политика не могла долго продолжаться. Для самого существования государства было необходимо обеспечить неуклонный прирост творческой энергии, экономического роста, развитие, повышение доходной части бюджета. Это требовало политики, покровительственной в отношении промышленности и торговли. Потребности обороны также диктовали необходимость развития транспорта, промышленности. Власть стояла перед необходимостью ориентации на социальные слои, связанные с системой товарно-денежных отношений. Но это, в свою очередь, требовало отказа не только от курса на авторитаризм, но и от политики поддержки уравнилельных ценностей, т. е. ценностей большинства. В декабре 1904 года был издан указ, который возлагал на комитет министров обязанность изыскивать меры для водворения законности, расширения свободы слова, веротерпимости, местного самоуправления, устранения излишних стеснений инородцев и всяких исключительных законов. Однако противоречивость ситуации толкала Николая II в противоположную сторону, провоцируя хромающие решения. Попытки прогрессивных реформ показали правящей элите угрозой государственному строю. Исполнение указа от декабря 1904 года встречало все больше препятствий, и вся деятельность в соответствии с этим постановлением прекратилась.

В ноябре 1905 года был выработан законопроект о принудительном отчуждении части помещичьих земель с соответствующим выкупом их в том случае, если помещик добровольно не соглашался на продажу земли крестьянам по сходной цене. По свидетельству управляющего земским отделом министерства внутренних дел В. Гурко, правительство готово было в это время «передать в руки крестьянам если не всю, то значительную часть земельных владений частных лиц»⁸⁸. В октябре 1905 года профессор П. Мигулин предлагал отчуждение в пользу крестьян около половины помещичьих земель, причем немедленно. Однако власть не решилась на осуществление столь радикальных проектов. Боязнь ущемить помещиков не могла иметь для нее определяющего значения: опасность крестьянских бунтов была страшнее. Подобные меры не соответство-

⁸⁸ Гурко В. И. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909. С. 42-43.

вали важнейшему элементу системы ценностей медиатора — экономическому укреплению крестьянства, обеспечению его платежеспособности. Власть не решалась пойти по пути всеобщего уравнительного перераспределения земли, что лишь ухудшило бы положение сельского хозяйства. Правящая элита все время стояла перед убийственной альтернативой: либо идти навстречу системе ценностей большинства и тем самым снизить творческий потенциал сельского хозяйства, либо сохранить очаги с более высоким потенциалом и тем самым разойтись с большинством. Урожаи хлебов на помещичьих землях были существенно выше и возрастали быстрее⁸⁹, не говоря уже о том, что качество зерна там было выше. Оба решения могли иметь катастрофические последствия. В этой связи все острее становилась проблема существования общины — оплота синкретизма.

В среде правящей элиты росло влияние противников общины. Они видели главную причину неурожаев в пределах общинной земли, «которые повторяются в неопределенные сроки по усмотрению сельского схода, ставя крестьян в полную неуверенность относительно продолжительного пользования ими данными участками земли»⁹⁰. Статс-секретарь А. А. Половцов называл общинную систему земледелия «табунным ковырянием земли»⁹¹, предупреждал о катастрофе, которой угрожало сохранение общинного землепользования. С. Витте, ссылаясь на массовые обследования земствами общинных порядков, на выводы, полученные на местах, соглашался с тем, что община, уравнительное землепользование «убивает основной стимул всякой материальной культуры» вследствие «временного владения и зависимости от большинства $\frac{2}{3}$ домохозяев, в том числе и тех, которые запустили хозяйство по неумению, лени и нерадению и которые... стремятся пожить за счет более хозяйственных...». Витте предостерегал против смешения «начал первобытного экономического строя и высококультурного». «Временность владения воспитывает самые хищнические приемы эксплуатации земли: все сводится к тому, чтобы спяхать побольше, хотя и как-нибудь...» Витте называл общину «патриархальной организацией, давно исчезнувшей в других странах»⁹². Он рассматривал общинные порядки как величайшую несправедливость, деморализующую население и уни-

⁸⁹ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С. 329.

⁹⁰ Неурожаи и опасность народного бедствия. СПб., 1892.

⁹¹ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 1. С. 9.

⁹² Витте С. Ю. Записка по крестьянскому делу. СПб., 1905. С. 105, 112, 124, 107, 122.

чтожающую в корне понятие о праве и гражданской ответственности.

Возобладало мнение тех, кто меньше считался с системой ценностей крестьянства. Было ясно, что раздел земли может отсрочить катастрофу, но не предотвратить ее, что выход нужно искать в интенсификации крестьянского хозяйства и переселении части семей на новые земли.

Община являлась мощным бастионом синкретизма, силы которого не только не ослабевали, но и укреплялись.

Отступление от авторитарного курса вновь усилило влияние на правящую элиту либеральных сил. Реформы, начавшиеся в 1861 году, продолжались. Стимулом для дальнейшего углубления реформы послужило катастрофическое поражение в войне с Японией. Сама логика либерализации, активизации инициативы толкала к следующим шагам. От ликвидации помещичьего и государственного крепостничества, что не привело к осуществлению оптимистических надежд, общество двинулось дальше — попыталось освободить личность крестьянина из-под власти усиливающейся общины. В соответствии с Положением от 19 февраля 1861 года «свободный сельский обыватель» должен быть приписан к определенному «обществу» и не мог без его разрешения отлучиться. «В состоянии податных безвестное отсутствие или *самовольная отлучка считается побегом* и подлежит наказанию» (Общее положение... от 19 февраля). «Мир» имел право наказывать и ссылать. Неплательщика или члена его семейства можно было отдать в частные и мирские работы «для заработка недоимок», подвергнуть телесному наказанию до 20 розог, отдать в рекруты. Так как большак представлял семью, то он пользовался соответствующей властью по отношению к младшим ее членам. О характере общинного крепостничества можно судить, например, по такому факту. С 1861 по 1882 год число семейных разделов в 46 губерниях составило 2,4 миллиона. Из них только 12,8% получили разрешение сельских сходов⁹³. Некоторые ограничения свободы личности отменялись (например, круговая порука), однако это мало меняло общую картину.

9 ноября 1906 года Николай II утвердил указ, по которому «каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли». *Это означало отказ от поддержки общины, решительный поворот в политике правительства.* Правящая элита перемещала центр тяжести своей системы ценно-

⁹³ *Леонтьев А. А. Законодательство о крестьянах после реформы// Великая реформа. Т. 6. С. 173.*

стей от архаичного крестьянского большинства в сторону меньшинства. В гигантском конфликте, который расколол крестьянство, правящая элита заняла позицию, благоприятную для экономически активного, ориентированного на товарно-денежные отношения меньшинства. Закон от 14 июня 1910 года и положение о землеустройстве от 29 мая 1911 года были направлены на разрушение общины. Это был исторический поворот. Обращает на себя внимание исключительная смелость власти, не побоявшейся в период нарастания синкретической реакции фактически бросить вызов большинству крестьянства, нанести удар локальному миру. *Причину этой смелости следует искать в непонимании силы общины.* Этому способствовала атмосфера, связанная с основным заблуждением массового сознания, что сама община якобы была создана правительством в своих интересах и, следовательно, правительство могло ее ограничить, оттеснить, уничтожить.

Центральной фигурой этих реформ был глава правительства П. А. Столыпин (1862-1911). Он руководствовался соображениями об «оскудении земледельческой России», о том, что крестьянство является «самой большой, самой слабой частью» государства, что оно «хиреет», что необходимо освободить его «от тисков», т. е. от общины⁹⁴. Его политика была направлена на формирование в обществе среды мелких и средних собственников, которая повсеместно служит оплотом и цементом государственного порядка. Конечной целью новой политики было создание единоличных владений в форме отрубного и хуторского хозяйства. Лишь развитие у крестьян инстинкта собственности, освобождение наиболее энергичных и предприимчивых крестьян от гнета мира могут поднять деревню и упрочить ее благосостояние. «Правительство,— говорил Столыпин,— ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных»⁹⁵, т. е. отказывалось от поддержки уравнительной справедливости в пользу справедливости, основанной на стремлении к большей эффективности.

Хотя эти соображения и кажутся убедительными, следовало бы тем не менее задать вопрос, способна ли власть вообще решать эту задачу, да еще в ограниченные сроки. Столыпин оказался жертвой все той же трагической иллюзии всемогущества государства. Кроме того, не было исследований, доказывающих, что ликвидация общины явится реальной предпосылкой экономического подъема. Фактически уровень сельского хозяйства в России был столь низок, что в чисто экономическом плане община, как это ни парадоксально, не изжила себя.

⁹⁴ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. М., 1991. С. 87, 94, 97.

⁹⁵ Стенографический отчет 3-й Государственной Думы. С. 2283.

Факты не подтверждали, что на общинных землях хозяйство велось хуже⁹⁶. Община может быть выгодна для крестьян в условиях «примитивной культуры и дешевизны сельскохозяйственных продуктов»,— полагал С. Витте⁹⁷. Община на том уровне не исключала и определенного ограниченного прогресса земледелия. Например, незадолго до начала первой мировой войны целые уезды с преобладающей общинной формой землепользования переходили на более прогрессивную плодосменную систему.

Страна встала перед роковым противоречием. С точки зрения мировых достижений общинное земледелие было непродуктивной архаикой, но с точки зрения непосредственных носителей этой системы переход к более сложным формам хозяйства представлялся неоправданным и в значительной степени невозможным.

Либеральные идеи, положенные в основу реформы П. А. Столыпина, опять-таки носили ограниченный и абстрактный характер. А в бюрократическом истолковании они приобрели характер своеобразной антиобщинной инверсии. Община стала отождествляться со всем, что было негативного в деревенской жизни: круговой порукой, чересполосицей, бюрократическим нажимом, низкой культурой земледелия, отсутствием инициативы и стремления к прогрессивным новшествам и т. д.

Непосредственным и самым существенным результатом реформы явилось усиление раскола в крестьянстве. Правительство с присущей ему бюрократической прямолинейностью перешло на позицию поддержки интересов меньшинства, тогда как основная масса крестьянства стойко сопротивлялась политике, ориентированной на сильных. За период до 1 сентября 1914 года только 26,6% пожелавших выйти из общины получили согласие своего общества, 72,3% из выделившихся должны были для этого прибегнуть к помощи полиции или войск⁹⁸. Выделилось около одной пятой всех крестьян, т. е. меньшинство, хотя и значительное. Упорное сопротивление выходу из общины весьма убедительно объяснил саратовский губернатор: «Существует непреодолимое препятствие к обогащению, к улучшению быта крестьянского населения, что-то парализует личную инициативу, самодеятельность мужика и обрекает его на жалкое прозябание. Доискиваясь причины этого зла, нельзя не останавливаться на всепоглощающем влиянии на весь уклад сельской крестьянской жизни общинного владения землей,

⁹⁶ Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. С. 147.

⁹⁷ См.: Ананьин Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 45.

⁹⁸ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 211.

общинного строя. Строй этот вкоренился в понятие народа. Нельзя сказать, чтобы он его любил; он просто другого порядка не понимает и не считает возможным. Вместе с тем, у русского крестьянина страсть всех уравнивать, всех привести к одному уровню, а так как массу нельзя поднять до уровня самого деятельного и умного, то лучшие элементы деревни должны быть принижены к пониманию и стремлению худшего инертного большинства»⁹⁹.

Столыпинскую реформу можно охарактеризовать как беспрецедентную попытку высшей власти перестроить общество на атомарном уровне, предпринятую без страха перед последствиями такого вмешательства. Это вмешательство не увенчалось успехом.

Крах столыпинской реформы фактически означал, что альтернативная линия на переход страны к либеральной цивилизации, на освоение ценностей правового государства, частной инициативы, на переход к господству интенсивного воспроизводства зашла в тупик. Движение вперед было отрезано массовым нежеланием крестьян встать на путь частной инициативы. Но вместе с тем и путь назад, т. е. формирование государства, всей социальной и хозяйственной структуры, политической надстройки, соответствующих архаичным ценностям большинства, уравнительной справедливости, автаркии локальных сообществ, явно угрожал хозяйственным банкротством.

Страна раздиралась явными и скрытыми противоречиями. С одной стороны, общество пыталось идти вперед, развивая либеральные политические формы, пытаясь стимулировать частную инициативу, экономическое развитие. Но, с другой стороны, социальная расстановка сил менялась в пользу противоположных сил, что проявлялось в двойственности самой политики правящей элиты, в хромающих решениях, в шараханье от одной политики к противоположной, в попытках совместить несовместимое, продолжать Великие реформы и одновременно идти путем контрреформ. Мощная активизация общинных отношений, казалось бы, могла привести к возврату к каким-то давно ушедшим этапам развития общества. Но этому мешало усиление потребностей общества в росте разнообразных ресурсов, что вынуждало двигаться в противоположную сторону. В результате нарастало социокультурное противоречие между массовой архаичной культурой и теми отношениями, которые были необходимы для обеспечения роста потребления. Одним из последствий этого противоречия был

⁹⁹ Крестьянское движение в России. 1907-1914 гг. М.; Л., 1966.

разрыв между потенциальными возможностями работника, культурой труда и управления и каждой попыткой общества сделать шаг вперед. «Представители нашего землевладельческого сословия не в состоянии обеспечить доходность своих поместий, не только не могут поднять уровень сельского хозяйства, но не способны вообще сколько-нибудь толково заведовать своими имениями, а потому отрываются от земли, причем постепенно разоряются. Не в лучшем положении находится торгово-промышленный класс; его молодые силы также не обладают теми познаниями и свойствами характера, что требуют современные условия жизни от лиц, занимающихся торговлей или промышленностью»¹⁰⁰. Недостаточная склонность «к торгово-промышленной деятельности... объясняет в значительной степени ослабление производительности страны, малое использование ее естественных богатств». Автор связывал это с плохим состоянием образования. Речь идет не о неспособности овладеть более сложной техникой, технологией, но прежде всего о формах труда, связанных с выходом за рамки господства натуральных отношений, о тех формах, которые требуют ориентации на рынок, на подчинение человеческих отношений постоянно меняющимся проблемам все более сложного общества. Поэтому страна «занимала последнее место среди других великих мировых держав...». С 1905 года «экономическое положение проявляет грозные признаки ухудшения: количество многих производимых страной ценностей уменьшается, удовлетворение главнейших народных потребностей понижается, государственные финансы приходят все в большее расстройство»¹⁰¹. Налоговое бремя составляло в стране 15 рублей на душу из годового дохода (1904 г.). Этот налог почти вдвое меньше, чем у народов Западной Европы, однако переносился он с гораздо большим трудом, так как на Западе он выплачивался из безмерно большего дохода. Значительная часть хлеба вывозилась, что, без сомнения, усугубило продовольственные затруднения и голод после начала мировой войны. Уже в 1915 г. прошли сотни голодных бунтов. Германия в 1904 году, которая, как и Россия, производила в 1904 г. 26 пудов хлеба на душу населения, вывозила хлеб из России. Соответственно душевое потребление хлеба составило в том же году в России 18,34 пуда (т. е. упало по сравнению с 1894 годом на 20%) против 28,06 пуда в Германии. Из великих держав того времени потребление хлеба нигде не падало ниже 23 пудов. Налицо были «грозные признаки оскудения»¹⁰².

¹⁰⁰ Гурко В. И. Наше государственное и народное хозяйство. С. 226—227.

¹⁰¹ Там же. С. 18.

¹⁰² Там же. С. 10, 5, 6, 15, 75.

«ИДИТЕ БИТЬ СТРАЖУ И СОБСТВЕННИКОВ!»

Новый этап раскола стал отливаться в новые мировоззренческие формы. Крестьянское большинство стало отождествлять тех, кто выходил из общины, с начальством, с помещиками. Депутат Думы крестьянин А. Кропотков говорил в своем выступлении: «Мои избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября — это помещичий закон, который делает из крестьян деревенских кулаков, помещиков, а из бедняков — батраков, вечно голодных работников... Этот закон восстанавливает нас друг против друга». «И только начинают его применять в нашей местности, как с применением этого закона у новых помещиков, как говорят наши крестьяне, горят дома». 18 сентября 1908 года самарский губернатор сообщал об имевшем место избиении односельчан, пожелавших выделиться из общины. Они могли пахать лишь под охраной. Крестьянин И. Болтышев, «искренний патриот отечества и верноподданный его величества», как он именовал себя в письме к Столыпину от 9 ноября 1906 года, из своих личных наблюдений делал следующие выводы: «Закон 9 ноября производит страшную пертурбацию в среде крестьян, и по моему убеждению в законе 9 ноября зарыто начало очень серьезной будущей всеобщей революции». Настроения крестьян, по-видимому, выразились в призыве крестьянина села Домашки Самарской губернии, который в 1911 году выступил во время акта межевания: «Бейте в набат, берите вилы, колья. Что вы стоите? Идите бить стражу и собственников!» В результате последовавших столкновений были с обеих сторон раненые, трое из них умерли¹⁰³. В характерном лозунге, выкликнутом Балмашевым, отразилась *ненависть к собственникам*, т. е. к тем, кто оторвал общинные ценности и действует вкупе с начальством. *Их, как и начальство, отождествляли с силами зла.*

Сведению воедино крестьян-собственников и начальства способствовали бюрократические методы, которыми проводилась реформа. Одним из свидетельств этого явилась проникнутая большим драматизмом речь правого депутата крестьянина В. Образцова, утверждавшего, что даже мобилизация всей русской армии не позволит юридически и фактически превратить 50 млн. крестьян-общинников в личных собственников. «От неумеренного применения закона 9 ноября,— говорил он,— к осуществлению которого, в течение последнего полугодия, правительство приняло особые меры давления, образовалась

¹⁰³ Крестьянское движение в России. 1907-1914 гг. С. 286.

величайшая опасность не только для благосостояния, но и для самого существования России. Опасность эта чрезвычайная...»

Столыпинская реформа столкнулась с непреодолимой преградой. Исследования показывают, что «столыпинская аграрная реформа провалилась еще до первой мировой войны. В целом крестьянское землепользование осталось низкотоварным, надельно-натуральным... Реформа не привела к сдвигу в развитии земледелия...» Особенно интересен и неожидан вывод, что «земледелие все в большей мере основывалось на середнячко-бедняцких слоях деревни. Столыпинская реформа не только не прервала эту тенденцию, но в начале XX в. еще более усилила ее... В целом зажиточные крестьяне не только не превратились в определяющую экономическую и социальную силу в деревне, как замышлялось, но их роль даже заметно уменьшилась». Налицо было «нежелание основной массы крестьян выходить из общины и общая малочисленность зажиточной прослойки в деревне...»¹⁰⁴.

Крестьяне, выделившиеся из общины, не могли стать достаточно прочной опорой власти, так как частично разорялись, частично продавали землю и уходили в город, частью включались в общекрестьянский конфликт с властью, требуя уравнительного передела. В этом сказался *просчет правящей элиты, являющийся следствием основного заблуждения русской интеллигенции, той иллюзии, что стоит лишь снять внешние утеснения (в данном случае — общину), и начнется процесс, благотворный для общества, для творчества свободных людей.* Заблуждение это выявилось также и в точке зрения, что творчество обязательно будет конструктивным для общества и государства. *В действительности рост творчества на локальном уровне может быть разрушительным для медиатора.* Власть втянулась в конфликт с массовой силой общества. Убийство Столыпина лишь символизировало крах реформы. *В конечном итоге реформа была сорвана массовым сопротивлением крестьянства.* Тем не менее определенные экономические результаты реформы заслуживают внимания. Часть новых отрубников и хуторян успела сделать кое-что для улучшения своего земледельческого хозяйства, повышения производительности земли. Большими темпами росла крестьянская кооперация. Ощущались экономические сдвиги. *Однако основное историческое значение этой реформы заключалось в том, что она послужила важным звеном в развитии мощной нарастающей активизации массовой уравнительности, в нарастании эффекта бумеранга, что и явилось определяющим*

¹⁰⁴ Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа// История СССР. 1991. № 2. С. 63, 65, 67, 68.

фактором дальнейшей динамики общества, а не в тех или иных ограниченных и покоящихся на зыбкой почве экономических достижениях. Господство умеренного утилитаризма толкало к уравнительному перераспределению земли, к ее приобретению не за счет собственного труда, а за счет помещика, крестьянина-соседа. На этом пути невозможно существенно поднять производство. Большинство рассматривало деятельность правительства как бесовскую, разрушительную. Это отношение стимулировалось, в частности, тем, что власть стала на сторону разрушительной уравнительности, а также тем, что она толкала к рынку, заставляя платить денежный налог.

Советские историки, склонные везде искать классовую борьбу, ищут истоки раскола крестьянства чуть ли не с конца XVIII века¹⁰⁵. Действительно, борьба внутри крестьянства против более богатого соседа, резко усиливавшаяся с начала XX века, началась гораздо раньше. Но это не была борьба «сельской буржуазии» (кулаков) и «сельского пролетариата» (бедняков).— *Это было сопротивление носителей древних уравнительных идеалов против развивающегося утилитаризма, против тех, кто разрушал, или казалось, что разрушал, этот древний уравнительный образ жизни.* Эта форма раскола имела особенно тяжелые последствия для страны, так как она непосредственно вторгалась в повседневную жизнь почти всего народа.

«ВЗЯТЬ В РУКИ ДУБИНУ И СОКРУШАТЬ ВСЕ»

Набирающий силы утилитаризм получил поддержку и у растущих по численности рабочих, проживавших в городах. Русский рабочий — вчерашний крестьянин, оказавшийся в условиях городской жизни, но остававшийся тесно связанным с деревней. На Западе рабочие рекрутировались из городских ремесленников и свободных крестьян, тогда как в России — главным образом из крепостных крестьян, общинников. Немаловажным фактором было то обстоятельство, что фабрично-заводские предприятия часто возникали вне городов, т. е. там, где имелась избыточная рабочая сила. К 1902 году 57% предприятий и около 58% рабочих размещались в сельской местности¹⁰⁶. Из числа вновь поступивших на Трехгорную ману-

¹⁰⁵ См. подборку литературы в кн.: Федоров Б. А. Крестьянское движение в Центральной России. 1800-1860. С. 111.

¹⁰⁶ Погожее А. В. Учет численности и состав рабочих России. СПб., 1906. С. 51.

фактуру в 1880-1882 годах крестьяне составляли 60%, а в 1889-1890 годах — 77%.

Власть земли, поскольку рабочий живет на зарплату, замещается в его сознании властью денег, этого всеобщего эквивалента жизненных благ. В этих условиях формировалась *неустойчивая, маргинальная система ценностей*. Целиком завися от зарплаты, он не мог не видеть в ней важнейшего элемента своей системы ценностей, что создавало почву для чисто утилитарного конфликта с хозяином. Этот конфликт по существу означал отрицание принципа патернализма — права хозяина определять объем потребностей рабочего. Рабочий прокладывал себе путь к либеральным ценностям, сознавая правомерность диалога, спора сторон во имя достижения компромисса. Но это не исключало возможности обращения к идеалу, который чужд компромиссу и доводит любой конфликт до бунта. В то же время синкретический груз мешал безболезненному замещению власти земли властью денег: стремление к деньгам, от которых зависела вся жизнь рабочего, не могло не сочетаться с ненавистью к жизни, в которой деньги играют столь важную роль. Рабочий Орлов, литературный персонаж Горького, мечтал «уничтожить копейку». Рабочего не покидало чувство вины, поскольку он вынужден был приспособляться к жизни, не соответствующей Правде и греховной по существу. Отсюда поиск виновников, темных сил, оторвавших человека от жизни по Правде. Раскол почвы переносился из города в деревню.

Рост недовольства усиливался и в городе, прежде всего среди рабочих. Тесно связанные с деревней как родственными связями, так и своей системой ценностей, рабочие отличались от крестьян более сильным утилитаризмом, стремлением бороться за материальные блага. Вот образец мировосприятия городских низов. Это текст речи, произнесенной на улице перед шествием народа к царю 9 января 1905 года: «Товарищи, вы знаете, зачем мы идем. Помните ли вы Минина, который обратился к народу, чтобы спасти Русь? Но от кого? От поляков. Теперь мы должны спасти Русь от чиновников, под гнетом которых мы страдаем. Из нас выжимают пот и кровь. И вот, товарищи, мы идем к царю. Если он наш царь, если он любит народ свой, он должен нас выслушать». Здесь недвусмысленно ставится под вопрос роль царя как носителя Правды, ему предложено испытание, быть может, последнее.

Требование Правды неотделимо от утилитарных требований улучшения условий жизни. Рабочие, в отличие от крестьян менее связанные с традициями, добивались осуществления своих утилитарных целей, становясь в конфронтацию к хозяе-

вам и власти и доводя ее подчас до крайних форм. Забастовки стали обычным явлением, их запрет лишь приводил к ожесточению конфликтов. Министр внутренних дел в 1897 году писал: «Обращает на себя особое внимание образование в последнее время среди рабочих так называемых „боевых дружин“, т. е. групп наиболее революционно настроенных рабочих, которые путем угроз и насилий принуждают менее решительных рабочих присоединиться к стачке или препятствуют желающим стать на работу, а также подвергают всякого рода насилиям, до убийства включительно, рабочих, влияющих на товарищей в смысле прекращения забастовки или заподозренных в обнаружении перед полицией или фабричной администрацией главных стачечников». Один текстильщик заявил: «Нет другого выхода, как взять в руки дубину и сокрушать все, что мешает нам жить». Архаичная психология крайностей в сочетании с древней и вечно молодой верой в возможность борьбы со злом, сокрушая его силой, налицо. В России, где господствовало инверсионное сознание, забастовки были частым и бурным явлением. В этой области с ней вряд ли могла в то время сравниться какая-либо другая страна. Возможность бунта перемещалась вместе с рабочими в город, где, однако, могли существенно возрасти масштабы бунта.

КОНЕЦ ТАЙНЫ

Рост недовольства и беспорядков в городе и деревне стимулировало сближение широких масс и незлитарной интеллигенции. Непосредственно это выразилось в том, что новые слова, в которые интеллигенция облекала элементы массового сознания, стали проникать в толщу народа. «Раньше можно было думать, что народная душа недоступна и непроницаема для проповеди интеллигенции. Последнее же десятилетие, особенно же последнее трехлетие показало, что народ, особенно молодое поколение деревни и городские рабочие, оказываются восприимчивыми к интеллигентскому воздействию и постепенно обинтеллигентиваются или, как это называется, становятся „сознательными“»¹⁰⁷. Этот процесс напоминал прорыв материалистического элитарного сознания к широкому слою интеллигенции. Он не ликвидировал разрыва между духовной элитой и интеллигенцией, так как элита тем временем ушла вперед.

¹⁰⁷ Булгаков С. Н. Интеллигенция и религия// Русская мысль. М., 1908. Кн. 3. С. 98.

Да и сама элитарная культура, попав в среду интеллигенции, изменилась. Теперь проникновение идей интеллигенции в массовое сознание объяснялось стремлением широких масс бунтарской инверсией выйти за свои локальные рамки, раздвинуть свои идеалы до масштабов страны.

Интеллигенция несла в народ разоблачение тайны. Она доказывала, опираясь на «науку», что общество вовсе не то, за что оно себя выдает, это сословная, основанная на эксплуатации система, во главе которой стоит главный бюрократ и главный эксплуататор. Эти слова вряд ли могли иметь успех, если бы навстречу им не шло снизу стремление распространить на царя представление об оборотне, о носителе зла.

Разрабатывая свою идеологию, свою версию гибридного идеала, интеллигенция «двигала шкаф», пытаясь создать впечатление, что реальный раскол существует лишь между народом и властью, а не между народом и революционерами, интеллигенцией. Интеллигенция, постепенно приобретая влияние на широкие слои населения, делала все, чтобы разоблачить тайну господствующей идеологии, апеллируя в соответствии с двойственностью гибридного идеала как к научной истине, так и к народной Правде, игнорируя, что между ними лежит раскол, совершенно различные принципы формирования. Обманутыми почувствовал себя не только народ, но и монархисты различных толков, включая черносотенцев. Все осознали, что царь не соответствует царю из мифа. Обманутыми почувствовали себя либеральные круги, которые увидели неспособность общества эволюционировать по либеральному пути. Обмануты были люди, связанные с развитым утилитаризмом, которые увидели, что власть не в состоянии способствовать их развитию. Власть стала рассматриваться как сословная, т. е. отражающая чьи-то интересы. Это воплотилось в лозунге: «Долой власть помещиков и капиталистов!» То обстоятельство, что все увидели обман, вернее самообман, вовсе не означало, что восторжествовало истинное в научном смысле представление о власти. В качестве истины фигурировала некая манихейская карикатура, которая заклеивала власть как некий шабаш зла, насилия, мироедства. В сущности это было не обнаружение обмана в обычном понимании этого слова, а инверсия в понимании власти, включая царя. Массовое сознание, совершив эту инверсию, было столь же далеко от истинного понимания сути происходящего, как и сознание своих не столь отдаленных предков, которые «узнали», что царь — антихрист. Отсутствовало понимание того, что реальные и мнимые пороки власти, всего строя являются пороками самого общества, в той или иной форме — каждой личности. Лич-

ность видела кривду вне себя — в начальстве, что затемняло действительную суть дела, лишало личность ответственности за зло, открывало путь взрыву уравнительности.

Усилились новые формы интерпретации мирового зла прежде всего как тайных организаций, которые глубоко законспирированы и какими-то особыми недостижимыми методами управляют событиями, преследуя злодейские, корыстные цели. Если угодно, в этом можно видеть «прогресс» архаичного сознания, где зло в форме нечистой силы замечалось образами современного мира. Тайно организованные группы становились синонимом скрытой силы Правды или кривды. Д. Мережковский приводит следующий любопытный факт о беглом матросе Черноморского флота (1906): «Ему казалось, что декаденты составляют что-то вроде тайного общества и что они обладают каким-то страшным, но действительным способом, „секретом“ или „магией“ — он употреблял именно эти слова, — для того, чтобы „сразу все перевернуть“ и сделать человека богом. Сколько я ни убеждал его, что ничего подобного нет, он не верил мне и стоял на своем, что секрет есть, но мы не хотим сказать». Очевидно, эта вера в могущество организации стимулировалась появлением партий, а также ростом организаций, включая хозяйственные, что могло вызывать у народа дискомфортное состояние. При этом курьез был в том, что как раз организационное творчество, создание эффективных организаций, да еще способных сохранить тайну, было слабым местом российского общества.

ЦАРЬ-КАИН

Заводской крестьянин, судившийся в 1880 году за упорное нежелание платить подати, сказал, что «Бог дал всем землю без всяких пошлин и налогов, и это божественное установление соблюдалось до 1861 года, до которого заводские крестьяне пользовались всеми заводскими землями, лесами, покосами и другими угодьями, не неся за них повинностей. Положение 19 февраля 1861 года нарушило этот божий закон, введя уставные грамоты, выкупные платежи, размежевание и урезку земель, но нарушитель этого закона есть антихрист, ибо идет против установления Христа. Следовательно, с 1861 года власть стала антихристовой, император является антихристом, все чиновники и военные, „одевшие светлые пуговицы“ — слуги антихриста; поэтому „сыны божии“ не должны повиноваться антихристовой власти, не должны платить ей никаких податей и повинностей, не должны брать паспорта и отбывать воинскую повинность». Основатель секты еноховцев Андрей

Черкасов назвал антихристом Николая II, обвинив его в убийстве Александра II, отравлении Александра III и убийстве 30 тыс. человек во время коронации¹⁰⁸.

Рост массовых антицаристских настроений, которые имели длительную историческую традицию, приобрел разные формы. Важнейшая из них — попытка возложить ответственность за отпадение царя от народа на богатых и начальство. «Паны задурили царя», — говорил агитатор из крестьян в 1906 году. Логическим завершением этой линии было распространение лозунга: «Долой самодержавие!»¹⁰⁹, использующего язык интеллигенции.

Катализатором массового перелома отношения к царю послужили события 9 января 1905 года. Мирная демонстрация 200 тыс. человек под руководством священника шла к царю, чтобы передать ему петицию. В результате ее расстрела более тысячи человек было убито и около пяти тысяч ранено.

Среди кровавых событий, которыми изобилует русская история, безжалостный расстрел мирной демонстрации приобрел особое значение. Неизвестно, кто принял решение о расстреле, но для царя оно было в конечном итоге равносильно смертному приговору. Обвинения, обрушившиеся на царя, встретили возрастающее сочувствие не только в городе, но и в деревне. Сельский священник выступил перед односельчанами с ожесточенными нападками на правительство, назвал царя кровопийцей, тираном народа, настаивал на необходимости иметь выборного правителя. Предложение одного из крестьян бросить оратора в прорубь поддержки не встретило. Крестьяне повсеместно выступали с явно антицарскими речами: «Нас, крестьян, правительство ждало; виною всего — дом Романовых, государь продал Россию Японии. Дом Романовых за триста лет ничего для крестьян не сделал, а князя лишь пьянствуют; нам надеяться не на что, а брать надо все силой» (Казанская губерния). Священник Г. Гапон (1870-1906), возглавивший шествие, заклеил «царя-Каина», убившего своих братьев. Среди крестьян раздавались призывы: «Не надо ходить в церковь, так как там молятся за царя-убийцу». Любопытно, что сам Гапон ориентировался на веру в царя и мечтал быть мужицким царем в России¹¹⁰.

Лозунг свержения самодержавия приобретал массовую поддержку. Несомненно, большое значение имел рост утилитаризма, определившего взгляд на царя и его двор как на дармо-

¹⁰⁸ Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1988. С. 371, 403.

¹⁰⁹ Дроздов И. Г. Аграрные волнения и карательные экспедиции. М.; Л., 1925.

С. 163.

¹¹⁰

Пассе В. А. Воспоминания (1905-1917). Пг., 1923. С. 48.

едов, тунеядцев, расходы которых и являются причиной нищеты народа. Однако, видимо, более важную роль сыграло то, что царь перестал всех равнять. А. Энгельгардт писал, что в сознании народа «царь хочет, чтобы всем *равно*, потому что всех он одинаково любит, всех ему одинаково жалко. Функция царя — *всех равнять*»¹¹¹. Теперь все поняли, что царь отказался от этой функции. Очевидно, что *превращение царя в народном сознании в антитотем, разоблачение его как оборотня означало, что одновременно шел напряженный, подчас мучительный поиск нового тотема.*

РЕВОЛЮЦИЯ?

Интеллигентское сознание пыталось истолковать инверсию, ее пик как революцию. Под революцией в европейской традиции обычно подразумевали социально-политическую ломку изживших себя отношений, учреждений и установление новых политических форм в соответствии с новыми, более совершенными производительными силами, новым уровнем потребностей, новыми социальными отношениями. Эталоном служила французская революция XVIII века. *В общенациональном кризисе 1905 года можно найти некоторые элементы революции; либералы стремились к революции, действительно желали установления новых социально-политических порядков, тем не менее это были всего лишь элементы, потонувшие в хаосе разрозненных бунтов.* Бунт — характерная реакция низов на раскол, на коммуникационный разрыв народа с властью. Нравственные мотивы бунта носят древний догосударственный характер, и власть не может не только принять, но даже понять требований бунтарей. Утилитарная сторона их требований в принципе понятна властям, что создает условия для компромисса. *Но бунт направлен против нового, он разрушителен, бесперспективен, неконструктивен и анархичен в силу своей догосударственной природы, своего архаичного нравственного идеала.*

Всплеск инверсии и приходится именно на так называемую «революцию» 1905 года. Историк М. Покровский признает: «Нет никакого сомнения, что если бы московские и ряда других центров рабочие не выступили в декабре с оружием в руках, говорить о 1905 г. было бы очень трудно»¹¹². Характерно, что он не решается назвать события в деревне революцией.

¹¹¹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. С. 540.

¹¹² Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932. С. 405.

Вооруженные столкновения крестьян с войсками были явлением крайне редким, а сопротивление — слабым, действий же наступательного характера крестьяне почти не предпринимали. Лишь в Латвии и на Кавказе имели место вооруженные выступления. Сплошной массой крестьяне поднимались лишь в районе левобережной Украины. Между тем крестьянские волнения достигали значительных масштабов и направлены были в основном против помещиков, начальства, а также против интеллигенции, которую крестьяне считали виновницей перемен. Бунтарский по существу характер крестьянских выступлений, заключавшихся в разгроме и поджогах имущества, а также в убийстве или изгнании помещиков, раскрывается в требованиях, чуждых реальности государственной жизни, далеких от задач развитого общества. Крестьяне шли на разгром имений, руководствуясь интерпретацией своих архаичных представлений. Одна крестьянка объясняла, что люди «приехали грабить панское добро», так как «сам царь-батюшка повелел это делать и прислал нам бумагу с короной». Крестьяне были убеждены, что революционные прокламации «идут от начальства», и поэтому им «нужно верить»¹¹³. Крестьяне боролись не только против помещичьего землевладения, но выступали против частной собственности на землю вообще.

Бунтарская стихия, лишённая реальной перспективы, рационального расчета, вспыхивала и угасала, подчиняясь сложным эмоциональным законам. Люди, претендовавшие на руководство, ощущали существование этой ускользающей эмоциональной основы движения. Большевик И. Ф. Дубровинский призывал воспользоваться короткой вспышкой: «Настроение среди рабочих достигло высшего напряжения, необходимо немедленно действовать,— иначе начнется разложение»,— писал он¹¹⁴. Зависимость движения от эмоциональной сферы подчеркивалась многими. Один из руководителей восстания З. Доссер так характеризовал московские события: «Начало восстания было проведено блестяще, но оно уже опоздало. В городе уже начало чувствоваться понижение настроения, число митингов сокращалось, проходили они с меньшим воодушевлением, и район боев заметно сокращался...»¹¹⁵. Между 14 и 27 декабря «восстание начало гаснуть не вследствие победы царских войск,— такой победой не хвастался даже генерал-губернатор Дубасов,— а по причине истощения сил восставших, во-первых и бесцельности дальнейшей борьбы, во-вторых»,— писал

¹¹³ Дроздов И. Г. Аграрные волнения в Черниговской губернии в годы первой революции. М.; Л., 1925. С. 25, 26.

¹¹⁴ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 400.

¹¹⁵ Там же. С. 401.

М. Покровский¹¹⁶. Ни о каком вооруженном разгроме революции не могло быть и речи. На войска, находившиеся в распоряжении правительства, нельзя было положиться. Дальневосточную армию, потерпевшую позорнейшее в истории страны поражение, правительство боялось возвращать ввиду полнейшей ненадежности. Положение власти было жалким. Действительной «причиной» ее «победы» была абсолютная неконструктивность бунтов, их обратная инверсия.

События 1905 года еще раз опровергли миф о насилии, которым держится русская государственность, о силе штыков как единственной ее опоре. С падением нравственного авторитета таяли ряды защитников власти. Нарастающий кризис толкнул власть на новый поворот к либеральным ценностям.

ТОРЖЕСТВО ЛИБЕРАЛИЗМА И ВЗРЫВ ЧЕРНОСОТЕНСТВА

17 октября 1905 года был опубликован знаменитый манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», вводивший в стране либеральную систему. В каждом слове манифеста слышна жажда единения с народом: «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой тяжкой скорбью преисполняют сердце наше. Благо Российского государя неразрывно с благом народным и печаль народная — его печаль». Манифест дарует «населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», он гарантирует участие в Думе классам населения, лишенным ранее избирательных прав, «предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права». Далее власть проявляет озабоченность реальным осуществлением свобод, данных манифестом, «чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действия постановленных от нас властей»¹¹⁷. По существу, Россия была объявлена свободной страной, либерально-демократические принципы восторжествовали, утвержденные как официальная доктрина. Была совершена попытка беспрецедентных изменений в нравственных основах жизни. Казалось, на мгновение

¹¹⁶ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 403-404.

¹¹⁷ Государственная Дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 90-91.

правящие круги забыли о своем вечном страхе перед непредвиденной реакцией народа. Все без исключения классы населения находились в активной или пассивной борьбе с властью. Все газеты, объединившись для сопротивления цензуре, сплотились, по словам Витте, вокруг одного лозунга: «Долой подлое и бездарное правительство, или бюрократию, или существующий режим, доведший Россию до такого позора». Можно лишь поражаться полнейшей изоляции, в которой оказалась власть. «Никто и нигде искренне не высказывался в защиту или оправдание правительства и существующего режима; разница была лишь та, что одни винули его за одно, а другие за другое».

Против правительства настроены были крайние реакционеры, обвинявшие его в либерализме и бессилии. Высшие классы были в состоянии ожесточения. Молодежь, учащаяся в средних и высших учебных заведениях, поголовно симпатизировала крайним партиям. Земские и городские деятели требовали конституции, к ним присоединялись торгово-промышленные круги. Национальные меньшинства выступали с требованием автономии и равноправия. Армия обвиняла правительство в поражениях на фронте, участились волнения и беспорядки в войсках.

Противники власти и в то время, и впоследствии пытались изобразить ее политику как обман, ссылаясь на многочисленные отступления от духа и буквы манифеста. *Но для синкретического сознания всякий акт развития либерализма может восприниматься как обман. Развитие либеральной свободы есть прежде всего по своей природе призыв общества к ответственности, к диалогу. Однако синкретическое сознание, рассматривающее весь мир как источник коварных оборотней, корыстных замыслов, оценивает либерализм как попытку слабейшего противника прикрыть свой особо коварный монолог массой слов, дискомфортной говорильней.* На всякий акт развития либерализма в этих условиях синкретическое сознание реагирует как на обман, как на козни оборотней. Это, в свою очередь, разрушает либерализм, превращая его в столкновение монологов, борьбу одной Правды против другой. В 1905 году выявилась ранее скрытая бешеная ненависть разных слоев общества друг к другу. Все они или почти все рассматривали свою позицию как воплощение единственно возможной высшей Правды. Инверсионное сознание каждой группы требовало от власти безоговорочной, а не половинчатой поддержки. Власть же пыталась найти компромисс. Логика инверсионного сознания неизбежно воспринимала это как измену Правде, как переход на позиции кривды, как до-

казательство продажности власти. Идея продажности стала типичной формой модернизации древних представлений о функции зла.

Основная масса возмущившихся не имела разработанной конструктивной программы, так как синкретическое сознание верило, что ликвидация кривды, в данном случае самодержавия, тождественна реализации Правды. Разочарование в манифесте носило тот же характер, что и разочарование крестьян в реформе 1861 года. Он не удовлетворил крайне антигосударственные вечевые ценности. Многие рассматривали манифест лишь как этап в победоносной борьбе с самодержавием, а не как ценность саму по себе, требующую реализации, воплощения.

Либеральный манифест вызвал взрыв антилиберализма. Крестьяне расценивали этот манифест как санкцию на их борьбу с помещиками. В Самарской губернии крестьянин Шаров так разъяснял односельчанам суть манифеста: «Теперь свободно, айдаге, ребята, валите теперь к помещикам и разграбляйте их добро — за это теперь ничего не будет»¹¹⁸. На улицах городов появилась новая, ранее неизвестная сила, получившая название «черных сотен». Уже 17 октября, т. е. в день объявления манифеста, в Москве в Марьиной роще началось настоящее побоище. На следующий день по стране прокатилась волна антилиберальных погромов, жертвой которых стали прежде всего интеллигенция и евреи. Генерал Дубасов сообщал о таком ходившем толковании манифеста 17 октября: «Царь уехал за границу и дал до января сроку бить жидов и панов»¹¹⁹. Погромы прокатились в районах «черты оседлости», где до этого антиправительственных выступлений не было. Всего за две-три недели было убито 3,5-4 тысячи человек, искалечено до десяти тысяч. В Одессе насчитывалось до 500 убитых, в театре города Томска было заперто и сожжено более 1 000 человек. Были случаи, когда революционеры вызывали полицию.

Черносотенство — это прежде всего городское движение мелких собственников, стремившихся в духе традиционализма сохранить существующий порядок, оградить себя от перемен. В отличие от крестьянства, эти люди в значительной степени были своими интересами привязаны не к натуральному хозяйству, а к определенному типу товарно-денежных отношений, к первому этапу развитого утилитаризма. Они, однако, боялись углубления, расширения утилитарных отношений, что потре-

¹¹⁸ 1905 г. в Самарском крае. Самара, 1925. С. 401.

¹¹⁹ Дроздов И. Г. Аграрные волнения в Черниговской губернии в годы первой революции. С. 143.

бывало бы новых навыков, квалификации, способности к переменам и т. д. Отсюда страх перед интеллектуализмом и либерализмом, перед всем, что могло пошатнуть их положение.

На манифест 17 октября они ответили бунтом, который, как и бунт крестьян, проходил под лозунгом поддержки царя. Идеальный царь, по их представлению, должен был заботиться о сохранении привычного порядка. В действительности это был бунт против царя, подписавшего либеральный манифест, сдавшего свои позиции враждебным либеральным силам. На местах между черными сотнями и властью возникало взаимопонимание. Власти, далекие от сочувствия либерализму, подчас потворствовали погромщикам, вступали с ними в контакт, рассчитывая использовать в целях борьбы с беспорядками. По свидетельству С. Витте, местные власти сочувствовали погромам. Выявилась слабость либеральных влияний в аппарате власти, а также близорукость власти, неспособность разглядеть опасность для себя в союзе с погромщиками. Впрочем, распространенные представления о замешанности министра Плеве в организации еврейских погромов не находят подтверждения.

Черносотенное движение явно демонстрировало невозможность для правящей элиты если не либеральной политики вообще, то быстрого инверсионного типа перехода к либерализму. Оно показало, что диапазон возможностей правящей элиты уменьшается. Население было склонно жить и действовать на основе древних синкретических принципов, следуя инверсионному типу поведения, эмоциональные механизмы оставались ведущими. Люди действовали на основе локального противопоставления своего монолога всем иным монологам. Выяснилось, что вся страна представляла собой картину столкновения относительно замкнутых миров, что не либерализм при содействии власти овладел массами, а синкретически настроенные массы овладели либерализмом, превратили его в собственную противоположность. Ни одна предложенная версия развития страны не могла рассчитывать на всеобщее признание. Общественное сознание было ошеломлено выявившимися ранее скрытыми силами и их взаимной ненавистью. Все видели друг в друге злых демонов, возникла ситуация некоей иррациональной междоусобицы ослепленных ненавистью людей. Дух насилия охватил страну. С. Витте писал о настроениях правящих кругов в этот период: «Тогда был лозунг: „Нужно драть, и все успокоится“, как впоследствии явился лозунг: „Нужно расстреливать, и все успокоится“». А. Хвостов, будущий министр внутренних дел, выступил с проектом, по которому следовало всех смутьянов, лиц, заподозренных в принад-

лежности к революционной организации, попросту уничтожать любыми средствами.

«НАРОД ОДИЧАЛ»

Революционные партии перешли к самому разнузданному террору. В 1905 году только эсерами было убито 1 000-1 500 человек. За несколько месяцев 1906 года в результате индивидуальных террористических актов был убит и ранен 1 921 человек, включая 33 губернатора и генерал-губернатора, 38 начальников полиции и их помощников, 31 духовное лицо, 64 фабриканта и управляющих, их помощников, столько же банкиров и торговцев¹²⁰. Большевики с 1907 года также перешли к индивидуальному террору, занимались грабежами банков. Возник анархический «безмотивный террор» против «буржуазии вообще». Все это безумие скрывало под собой *глубокое нравственное разложение общества*. Л. Толстой в 1910 году писал: «Вандалы... уже вполне готовы у нас в России. И они, эти вандалы, эти отпетые люди, особенно ужасны у нас, среди нашего, как эти ни странно кажется, глубоко религиозного народа. Вандалы эти особенно ужасны у нас именно потому, что у нас нет того сдерживающего начала, следования приличию, общественному мнению, которое так сильно среди европейских народов. У нас либо истинное, глубоко религиозное чувство, либо полное отсутствие всяких, каких-либо сдерживающих начал: Стенька Разин, Пугачев... И, страшно сказать, эта армия Стеньки и Емельки все больше и больше разрастается благодаря таким же, как и пугачевские, деяниям нашего правительства последнего времени с его ужасами полицейских насилий, безумных ссылок, тюрем, каторги, крепостей, ежедневных казней»¹²¹. Среди крестьян жила вера, что Разин скоро вернется и расправится с врагами. Усилился массовый процесс разложения нравственных устоев общества. «О хулиганстве в деревне заговорили в начале столетия. Учитель делается первым объектом деревенских шуток, интеллигенция как класс — объектом ненависти»¹²². Существуют убедительные свидетельства быстрого нравственного разложения широких масс в этот период. «Народ спился, одичал, озлобился, не умеет и не хочет

¹²⁰ Спекторский С. (Пименов Р. И.) Происхождение современной власти. (Рукопись).

¹²¹ Толстой Л. Н. Три дня в деревне // Собр. соч. в 12-ти т. М., 1987. Т. П. С. 497.

¹²² Федотов Г. Л. Россия и свобода. С. 210.

трудиться»¹²³. Положение ухудшалось тем, что после освобождения крестьян начинается «полоса отчуждения народа от Церкви и духовенства»¹²⁴. Современники пишут о распутстве, воровстве, лени, хулиганстве, безверии, пьянстве, ослаблении традиционного уважения к старшим, буйстве, лжи, сквернословии, богохульстве, зависти к зажиточным, вражде между родственниками и знакомыми, жестоким обращении с людьми, склонности к даровщине, об отсутствии у народа религии и нравственности¹²⁵.

Нравственное разложение было результатом и формой разложения древних ценностей и попыток возместить их умеренным утилитаризмом, приобретавшим форму хулиганства, рвачества и прямого саботажа. Вот живой рассказ о довоенном периоде жизни в деревне: «Совести не стало в народе... Честь пропадает... Нравственные убийства страшнее уголовных... Государство распадается снизу. Этого никто не замечает, но это факт. Невозможно никакое общественное дело с этими массама. Начните вы что-нибудь делать у себя в имении... Если вы сами не приглядите за ним, можете быть уверены, что будет сделано не так, как надо и как было уговорено. А сделайте замечание рабочему или прогоните с работы, он в отместку сожжет вам в поле стог сена... Спички дешевы... Рабочие друг друга не жалеют в той же степени, как и самые жадные, самые злые кулаки... Нельзя никакого дела иметь в деревне. Ни плотника, ни печника, на пастуха не найти честного. Все норовят забрать деньги вперед, сделать кое-как... Рабочие требуют денег вперед, уходят с работы; а получив деньги запиивают и тоже уходят... Всюду жалобы, что в крестьянах совести не стало... Убыль специальных знаний в ремесленнике идет рука об руку с косностью производства»¹²⁶.

Происходила нравственная инверсия, затрагивающая глубокие пласты сознания, праздник перерастал в повседневность. Апелляция революционеров к культурному низу, стремление вызвать инверсию требовали превращения нарушителя порядка, разбойника в ведущую фигуру, в героизированного персонажа. Вечевой идеал подсказывал, что битва с дьявольскими силами неизбежна и нужно готовиться к ней, победить или по-

¹²³ Родионов И. А. Наше преступление (Не бред, а быль). Из современной народной жизни. 6-е изд. СПб., 1910. С. 111.

¹²⁴ Антонов И. Р. Русские светские богословы и их религиозно-общественное миросозерцание. Т. 1. С. 37.

¹²⁵ Зосимовский З. Второе и последнее продолжение моей книги: «Есть ли у русских религия». СПб., 1913. С. 147.

¹²⁶ Фаресов А. И. Голоса земли: Очерки с натуры. СПб., 1909. С. 111-115.

гибнуть. Цель заключалась в том, чтобы предельно расширить сферу конфликта, втянув в него все общество, и на поле этой битвы утвердить свою версию Правды. В глазах той части общества, которая была субъектом инверсии, революционеры стали воплощением высокой нравственности, так как они готовы были пожертвовать собой ради «освобождения» общества, всего народа. Но тем самым они превратились в авангард аморальности, нравственного разрушения, так как стали организующим центром всех разрушительных сил общества, стихии культурного низа, который всерьез решил не ограничиваться карнавалом, погромом, но сформировать общество по своему образу и подобию.

ОТСТУПЛЕНИЕ ИНВЕРСИИ

Реформа не нашла путей к тому, чтобы организационно направить рост активности людей на поддержку государства, не предотвратила превращения этой активности в разрушительную силу. Великий звездный час России, вступившей на путь свободы и прогресса, оказался шагом в бездну.

Однако ошибочно делать вывод, что, не будь реформы, страна избежала бы последующих катастрофических событий. Последние определялись не реформой, а расколом, его динамикой. Катастрофических событий можно избежать лишь на путях отхода от господства инверсионного типа социальных изменений, от раскола, разрывающего государство и творчество народа.

Инверсионная волна после хаоса 1905-1907 годов постепенно ослабела, не дойдя до своей крайней точки. Могло показаться, что инверсия захлебнулась. Конструктивные силы получили возможность активизироваться. Их деятельность оказалась успешной как в сельском хозяйстве, строительстве, так и в промышленности. В 1912 году прошла амнистия. Либеральные свободы были значительными. Суд был независимым. Книги более двухсот страниц издавались без цензуры. Социал-демократы имели свои газеты. В революционных партиях наступил разброд и развал. Все это создавало предпосылки стабилизации.

Перед войной отмечался подъем тяжелой промышленности. Имело место такое интересное явление, как рост тех отраслей, которые производили предметы потребления и были значительно меньше, чем другие, связаны с государственным аппаратом. Происходило определенное усиление независимости капиталистического хозяйства от государства. Все эти позитивные процессы, однако, происходили в неблагоприятной среде,

расколотой между разными системами ценностей, негативно реагирующей на значимые изменения, особенно на те, которые угрожают уравнительности, господству натуральных отношений.

Начавшаяся в 1914 году мировая война постепенно показала, что стабилизация системы охватила лишь ограниченную сферу. Война оказалась непосильным испытанием для общества. Успехи экономического, социального, культурного развития не закрепились, но под мощным давлением испытаний общество ответило на этот страшный по силе вызов истории откатом от уже имевшихся достижений, что, впрочем, во многих сферах можно было наблюдать и до войны. Испытания войны привели к тому, что дезорганизация общества, усиление раскола привели к разрухе. Общество реагировало на нее фактическим крахом рынка. Крестьяне прекратили продажу хлеба, и правительство вернулось к дорыночной системе принудительного изъятия и распределения натуральных ресурсов.

ТРЕТЬЯ КАТАСТРОФА

Большая война дала новый стимул инверсии, привела к катастрофическому нравственному и организационному развалу, к ослаблению способности медиатора черпать энергию в обществе. Серьезное недовольство зрело в деловых кругах. Пойти на уступки либералам царь не решался. По-видимому, причины отказа были разные: страх перед непредвиденными последствиями такого шага, традиционная вера в неограниченность и непогрешимость царской власти («сердце цареве в руке божьей») и т. д. Положение осложнялось тем, что Николай II пытался повернуться к синкретизму, восстановить свой тотемический статус «царя-батюшки» вплоть до фактического отказа от манифеста 17 октября, до оценки себя как «абсолютного монарха»¹²⁷. В ситуации поистине отчаянной царь пытался отыскать пути к народу. До последней минуты он надеялся на поддержку крестьян. Он персонифицировал народное начало в личности Г. Распутина. Получив громадную власть, этот человек лишь усилил общий паралич и разложение. Любопытно, однако, что после убийства Распутина в провинции говорили, что его убили придворные, так как он доводил до царя голос народа, защищал народ. Ряд идей Распутина: мир с Германией, раздел помещичьих земель — действительно соответствовал стремлениям масс. Власть в условиях острого кризиса

¹²⁷ См.: Уортман Р. Николай II и образ самодержавия// История СССР. 1991. № 2. С. 124, 126.

и возрастающего недовольства, неспособности обеспечить свое нормальное функционирование обанкротилась. Произошла так называемая Февральская революция.

В соответствии с либеральными и марксистскими теориями это должна была быть буржуазная революция, т. е. уничтожение политических и, в конечном итоге, социальных форм отжившего феодального строя, что должно было расчистить путь для либерального общества, для перехода власти к буржуазии. *Но буржуазия не только не представляла собой политической силы, способной стать ведущим фактором общества, перевести страну на путь либеральной цивилизации, но и не была еще способна стать ведущим фактором хозяйства, превратить рынок в основу жизни большинства населения.* Собственно буржуазия (т. е. люди, живущие на основе идеалов частной инициативы, способные искать пути для движения, самовозрастания капитала) была зажата между двумя мощными социальными силами: с одной стороны, основной массой населения, живущей дорыночными представлениями, способной лишь на ограниченное участие в рынке, а с другой стороны, властью, которая, опираясь на нравственные основания синкретической государственности, должна была держать частную инициативу под непосредственным контролем и управлением. Р. Пайпс не единственный, кто считает, что «Россия пропустила случай создать буржуазию, когда это было еще возможно, т. е. на основе мануфактуры и частного капитализма; поздно было это делать в век механизированной промышленности¹²⁸, в которой господствовали акционерные общества и банки».

В февральских событиях имели место элементы либеральной революции, стремление воплотить в жизнь демократию, частную инициативу и т. д., тем не менее их движущие силы были иными. Это было возмущение масс против дезорганизации. Нарастающий локализм дошел до крайней точки своего отказа от государственности, сокрушив ее не столько своим действием, сколько полным нежеланием ее поддерживать, воспроизводить. Это создало ситуацию, когда монархия рухнула как бы сама собой, от малозначимых причин. На последнем этапе своего существования царь, правящая элита шли, не без колебаний, по пути либерализма. Новая власть практически стремилась к тем же целям. Парадокс февральских событий заключался именно в том, что они были не концом инверсии, идущей от крайнего авторитаризма, но началом ее последнего решающего рывка. Рухнула

¹²⁸ Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 291.

структура власти, что и должно было произойти в результате банкротства авторитаризма, глобальной обратной инверсии, возвращающей общество к торжеству локализма, локальной соборности.

Самодержавие пало с молниеносной быстротой: власть оказалась не в состоянии обеспечить столицу хлебом, что послужило сигналом к взрыву ненависти. Повторилась ситуация предшествующего краха государственности в Смутное время, когда «дети боярские и черные всякие люди приходят к Шуйскому, с криком и вопом, а говорят: до чего им досидеть? Хлеб дорогой, а промыслов никаких нет и нечего взятьи негде и купить нечем!»¹²⁹. В обоих случаях результатом было разрушение власти. Правящая элита не смогла организовать вооруженной защиты монарха. Поражает полная неспособность власти к сопротивлению. Ее защитники нравственно созрели для капитуляции. Гвардейские полки, казаки не пожелали охранять императора. Ни один из великих князей также не попытался выступить на защиту царя. Кажется, что правящая элита не сочувствовала монархии и государственности. Враждебно к царю были настроены не только либералы, но и националисты и монархисты, например, В. М. Пуришкевич, который выступал с резкой критикой царя. Вновь, как и во время Смуты, разрыв между векторами двух типов конструктивной напряженности перешел критический рубеж. Могучая синкретическая многомиллионная волна уже давно отхлынула от государственности, еще раз показав беспомощность властителей страны.

Закончился еще один этап истории России, третья государственность завершилась полным крахом. Еще в 1908 году Д. Мережковский писал: «В химерической государственности народ любит собственно одну только ослепительную точку — самодержавие. Но любит ли он и самую государственность?.. Для него „государственность" значит „казенщина", а „казенщина" значит мертвая вода, которая на что ни брызнет, все мертвит»¹³⁰. Народ отвернулся от этой «ослепительной точки». Государство тем самым лишилось всякой опоры. *Победившие синкретические силы были склонны поддерживать некоторую неопределенную фантастическую версию синкретически-либерального идеала, который выдвигал на первый план либеральные формы, чтобы практически ежесекундно их ломать, разрывать в клочья в битве монологов.*

¹²⁹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. М., 1937. С. 330.

¹³⁰ Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 267.

«ЧТО НАМ ДО РОССИИ, ЕЖЕЛИ МЫ ПСКОВСКИЕ»

Массовая сила, отхлынувшая от государства и тем самым свалившая власть, была не конструктивна и не могла управлять государством. Эта сила локализма, боровшаяся против власти как таковой, не стремилась к строительству реальной государственности. Либералы и Дума были единственным конструктивным началом, которое могло быть положено в основу повседневной государственной функции.

Власть свалилась либералам как снег на голову. Они сами были изумлены происшедшим. За два дня до свержения царизма собрание друзей у А. Керенского, ставшего вскоре главой правительства, пришло к выводу, что «революция в России невозможна». Влияние либеральных кругов во время войны выросло. Такого типа общественные организации, как Всероссийский земский союз и др., оказывали существенное влияние на государственные дела. В земских и городских союзах сконцентрировались значительные творческие силы, способные к организационной работе, к налаживанию производства. Они показали, что есть люди, способные организованно укреплять страну. Власть, испытывая потребность в их помощи, вынуждена была с ними считаться, что, в свою очередь, давало повод этим организациям требовать расширения своих прав. Либерально-буржуазные круги, целясь в самое сердце медиатора, уже во время войны, потребовали создания «ответственного министерства». Либералы апеллировали к прогрессивным формам труда, к более совершенным формам организации государственной жизни, опираясь на более высокую способность к эффективным решениям. В августе 1915 года все партии, кроме крайних, объединились, образовав так называемый прогрессивный блок, который выдвинул ряд требований либерального характера. Власть пыталась сдержать этот напор. Однако нарастающая дезорганизация общества парализовала всякую конструктивную деятельность.

О самочувствии новой власти в то время В. Шульгин (1878-1976) писал: «Мы способны были в крайнем случае безболезненно пересест с депутатских кресел на министерские скамьи... под условием, чтобы императорский караул охранял нас. Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала у нас кружилась голова и немело сердце»¹³¹.

Тем не менее либерализм стал ощутимой нравственной силой в обществе. Это было подтверждено фактом принятия его

¹³¹ Русская мысль. Прага, 1922. № 6-7.

лозунгов всеми партиями. Не имея ничего другого, все партии встали на защиту либеральных институтов, идей свободы слова, печати, митингов и т. д. Все это, однако, практически рассматривалось большинством не как самоценность, но как средство ликвидации плюрализма.

Высшая власть вновь намеревалась идти по пути формирования либерального государства. Она стремилась подключиться к творческим, динамичным источникам инициативы. Для успеха, однако, было необходимо, чтобы эти источники сами стремились воспроизводить государство, а не пользоваться слабостями незрелого либерализма для борьбы против него под знаменем локальных идеалов. Либеральные ценности, носители которых склонны поощрять рост и развитие, тем самым открывали путь к изменениям. Но в России это означало открыть путь антигосударственным силам, стремящимся обескровить центры власти.

Правительство в этих условиях могло быть либеральным скорее в лозунгах, целях, но не в конструктивных решениях. Его деятельность проходила в условиях продолжающейся инверсии. Страна буквально разваливалась на куски, как и во времена великой Смуты XVII века. *Выявилось, что в Российской империи не существовало единого российского общества.* Мало общего было не только между селами и городами, расположенными в разноплеменных областях, но даже и в самой Великороссии многие города, как говорится, знали лишь свой округ, а деревни — лишь свою колокольню, и псковичанин, которому говорили о гибели России, отвечал: «Что нам до России, ежели мы псковские»¹³².

Слабость социальных интеграторов пронизывала все общество, все его стороны на протяжении всей истории. Это сказывалось, в частности, и в слабости транспортных связей, о чем писали еще в XIX веке: «Главная причина голода заключается в невозможности скорого и дешевого передвижения хлеба из местностей им изобилующих»¹³³. Именно отсутствие внутреннего единства, естественных для общества торговых и экономических связей порождало возможность голода. Временное правительство оказалось лицом к лицу с хаосом. Достаточно сказать, что чуть ли не все пулеметы были в руках дезертиров. Высшая власть превратилась лишь в символ, который держался по инерции, из-за того, что общество еще не нашло

¹³² *Тихтаев К. М.* Об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Пг., 1919. С. 133.

¹³³ *Фон Дершав.* О влиянии железных дорог на равновесие хлебных цен и устранение голода от неурожаев// Современная летопись. М., 1868. № 24. С. 2.

в своем культурном арсенале более или менее приемлемой альтернативы поверженному тотему старой власти.

Нарастала дезинтеграция, части общества отключались от целого. В обращении Временного правительства России можно прочесть: «К сожалению и к великой опасности для свободы, рост новых социальных связей, скрепляющих страну, отстает от процессов распада, вызванного крушением старого государственного строя». Разгул вечевой стихии вел к атомизации общества. Казалось, что каждый город, каждое поселение становились очагом сепаратизма и анархии. Локальные идеалы торжествовали победу. Попытки создания самостоятельных республик были уже в 1905 году в Ростове-на-Дону, Новороссийске, Сочи, Красноярске, Чите. Теперь этому развалу мало что могло помешать. В Петроградской губернии возникла, например, Республика Шлиссельбургского уезда. На съезде волостей в апреле было принято решение, что внутренняя жизнь управляется только гражданами уезда. Никакие декреты правительства, Петроградского Совета отныне ничего не могут предписывать гражданам новой республики. Аналогичные решения принял и Кронштадтский Совет. Точно так же была создана Республика Петроградского уезда. Возникли республики в Гельсингфорсе, Риге, Ревеле, Пензе, Казани, Самаре, Минске, Екатеринбурге, Царицыне, Красноярске, Енисейске и др. Например, губернский крестьянский съезд в Пензе объявил себя пензенским учредительным собранием. Перечень примеров можно продолжать. Фактически, даже если на местах формально и не объявлялась республика, то все равно центральное правительство не могло мешать местным властям управлять в соответствии со своим локальным идеалом. Характерна в этой связи телеграмма Енисейского Совета в адрес Петросовета: «Мы протестуем против желания ввести опять чиновничество, во-первых, мы не допустим управлять назначением чиновников, во-вторых, изгнанным крестьянским начальникам возврата нет, в-третьих, признаем только органы, созданные в Енисейском уезде самим народом, в-четвертых, назначением чиновников следует повелевать только через наши трупы» (апрель 1917 года).

Идея государства без начальства и чиновников вновь, как и во времена Пугачева, получила свое воплощение. Выдвигалось предложение о создании партии «Удельно-республиканская Русь»¹³⁴. В Балтийском флоте царила полнейшая анархия. На Северном Кавказе республики возникали чуть ли не в каждом уезде. Казаки также провозглашали свои республики. Инте-

¹³⁴ Красильников Н. За демократию социализма. 1917. Вып. 2.

ресно, что Ленин в этот период категорически отстаивал отмену «всяких государством назначенных местных и областных властей»¹³⁵.

Разваливалось производство. В записке временно управляющего министерством торговли и промышленности В. А. Степанова говорилось: «Страна стоит перед экономическим и финансовым крахом. Эти угрожающие симптомы особенно явственно проявляются в главнейших отраслях промышленности»¹³⁶. Разруху нельзя объяснить войной как таковой. Ее причины глубже. Расколота страна, источающая каждой своей клеточкой дезорганизацию, оказалась неспособной ответить на новый вызов истории, на напряжение, обусловленное войной. Неуклонно разрушались внутренние связи, дезорганизация охватывала жизненно важные центры производства, связи между отраслями, слабый рынок. Во все поры общества проникал иррациональный страх, заставлявший искать выход в обращении к древним формам жизни, к нравственности локальных миров. Это было разрушительно для большого общества, для государства, для способности обеспечить производство и доставку жизненно важных ресурсов. Господство традиционализма и ограниченных форм утилитаризма не создавало условий для культивирования и массового распространения такого объяснения и понимания ситуации, которые позволяли бы искать конструктивный выход. Страна погибала от повсеместно наступающего хаоса, разрушающего прежде всего наиболее сложные и эффективные достижения накопленного культурного богатства.

В стране господствовала атмосфера митинга, где все были заняты оттачиванием своего монолога. Времени на работу, естественно, уже не оставалось. Разгул вечевой стихии вел к параличу функций общества. Газеты констатировали падение производительности на заводах на 20-40%, писалось об угрозе экономического краха¹³⁷. Газетные страницы заполнялись взаимными обвинениями в дезорганизации. Вполне в духе традиционного русского сознания каждая сторона могла указать персональных виновников хаоса. Рабочие видели виновников в буржуазии, буржуазия возлагала вину на рабочих. Фактически все слои населения вносили свою лепту в растущую дезорганизацию. Большевицкая газета «Правда» неоднократно обращалась к рабочим, призывая их к более конструктивному поведению. 5 апреля 1917 года в ней была помещена информа-

¹³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 220.

¹³⁶ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской революции. М.; Л., 1957. Ч. 1. С. 220.

¹³⁷ Речь. 1917. 13 мая.

ция о заседании Петроградского Совета: «Разбирались причины дезорганизации жизни на заводах. Указано было, между прочим, что производительность на некоторых заводах едва ли превышает в среднем 25% производительности дореволюционного времени. Причиной этого является непривычка к организованным действиям рабочего класса». В своей резолюции Совет призывает рабочих прекратить разрозненные экономические выступления, дезорганизующие ряды революции, и спокойно ожидать выработки советскими рабочими депутатами минимума заработной платы. В номере от 7 апреля можно прочесть: «На фабриках и заводах Петрограда замечается безусловно ненормальное явление. Забастовки нет, но процесс производства дезорганизован, работа не клеится, не идет. Иногда даже неизвестно, почему не работают». 4 августа английский военный атташе доносил: «Если судить по теперешнему положению вещей, то страна движется к развалу. До тех пор, пока в тылу не восстановят дисциплину и не заставят войска сражаться, невозможно принудить рабочих работать в железнодорожных ремонтных депо и в угольных шахтах. Если они будут продолжать работать как теперь, то зимой произойдет окончательный развал железнодорожного транспорта с неминуемым голодом в армии и Петрограде»¹³⁸.

А. Солженицын оценил общее настроение в это время как право «каждому ехать с винтовкой, куда считаешь правильным. И с телеграфных столбов срезать проволоку для своих хозяйственных надобностей»¹³⁹. Митингование охватило армию. 7 июля 1917 года из ставки сообщали: «Наши неудачи в значительной степени объясняются тем, что под влиянием агитации большевиков многие части, получив боевой приказ, собрались на митинги и обсуждали, подлежит ли выполнению приказ». Некоторые казачьи части самовольно вернулись на Дон. Общий развал сопровождался ростом бесконечных требований к правительству, что свидетельствовало об активизации умеренного утилитаризма в ущерб развитому.

В Докладе Совету Московского совещания общественных деятелей говорилось: «В образовавшемся хаосе идей, программ и обещаний устойчиво лишь то пугачевское настроение, которое составляет в настоящее время общую духовную сторону народной жизни,— настроение, не заключающее в себе никаких положительных, ни культурных, ни государственных элементов».

Нравственное разложение нарастало. М. Горький, издававший с апреля 1917 года газету «Новая жизнь», дал ужасаю-

¹³⁸ Ллойд-Джордж Д. Воспоминания. М., 1938. Т. 5. С. 38.

¹³⁹ Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания. С. 25.

щую картину. «Мы переживаем,— писал он,— не только экономическую разруху, но и социальное разложение...» (27 апреля 1917 года). Горький пишет о растущем насилии и беззаконии, убийствах, самосудах, грабежах, разрушениях. «На улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут „творить историю русской революции“» (18 октября 1917 года). Газеты заняты «желчной и злобной грызней», разжигая ненависть десятков миллионов людей (9 июня 1917 года). «Количество людей, обезумевших от страха», который разжигается прессой, растет (31 мая 1917 года). «„Свободное слово“ постепенно становится неприличным словом» (31 мая 1917 года)¹⁴⁰.

«Главнейшим возбудителем драмы» являются, по мнению Горького, «не „ленинцы“, не немцы, не провокаторы и темные контрреволюционеры», а некоторые черты широких масс, и прежде всего «тяжкая российская глупость» (14 июля 1917 года). В русском народе «слабо развито чувство личной ответственности», мы привыкли «карать за свои грехи наших соседей» (31 мая 1917 года). Горький пишет о чудовищном холоде, безразличии в отношении людей. Чувства накаляются лишь тогда, когда появляется возможность расправы, «сладостная возможность судить... судом неправедным» (12 мая 1917 года)¹⁴¹.

Все это было результатом процесса всеобщего нравственного разложения общества, распада древних идеалов, слабой борьбы в обществе за новые конструктивные принципы.

КАПИТАЛИЗМ ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МОНОПОЛИЯ?

Для объяснения необычных, с точки зрения мирового опыта, явлений в российском хозяйстве следует прежде всего ясно видеть, что оно развивалось на *архаичной монопольной государственной основе*. В этой связи интересно, что появление богачей во второй половине XVIII века было результатом не торговли, как обычно полагают, а откупов и казенных подрядов, т. е. подключения к государственной монополии¹⁴². Да и развитие всего хозяйства имело скорее характер государственной монополии, хотя и не всегда последовательной. Это каса-

¹⁴⁰ См.: Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918 гг.). М., 1990. С. 27, 75, 54, 50, 49.

¹⁴¹ Там же. С. 69, 50, 41.

¹⁴² См.: Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России: Экономическо-историческое исследование. СПб., 1874.

лось не только промышленности, но и, что особенно важно, сельского хозяйства. Не следует забывать, что помещик при крепостничестве выполнял функции государственного чиновника, воплощал, хотя опять не всегда последовательно, крепостнические функции и всего государства. Недостаточно осознано, что после 1861 года изменилась форма, но не суть этого монополизма государства в деревне. К. Зендер пишет¹⁴³, что платежи крестьян (например, в Новгородской губернии) по отношению к их доходам с земли составляли от 100 до 215%, и можно говорить о «централизации государственной власти царизма», которая «отчетливо проявляется как раз в налоговом насилии». Эти деньги перекачивались в промышленность, что, по словам Маркса, позволяло говорить о «капиталистическом паразите», об «определенном роде капитализма», основанном на принудительной перекачке средств. Сам рынок поэтому встречал сопротивление деревенской общины. Рынок, который вынуждал крестьянина продавать жизненно необходимое, выступал как изощренное средство государственного монополизма. Это обстоятельство проливает свет не только на суть российского рынка именно в те периоды, когда, казалось, можно было говорить о его реальном развитии, но и на характер сложившихся отношений между городом и деревней. Здесь же следует искать корни ценообразования, являющегося средством перекачки ресурсов.

Все это создавало, мягко говоря, странную основу для развития капитализма в стране, появление и укрепление которого всегда есть некоторая загадка, так как на его пути стоит пронизывающий все общество традиционализм. Капитализм может возникнуть лишь при сочетании ряда условий. Во-первых, в обществе должен получить достаточное распространение развитой утилитаризм, что требует, по крайней мере, прочных массовых корней торговли, массового стремления втягиваться в нее как в признанную, позитивную форму воспроизводства. Во-вторых, для капитализма нужно массовое распространение соответствующих ценностей, санкционирующих позитивное отношение к этой деятельности, стремление расширить ее и углубить. И наконец, в-третьих, развитие капитализма на Западе происходило на основе сочетания зрелости традиционализма и роста критического к нему отношения, роста способности перестраивать традиционализм на основе развитого утилитаризма. Этот процесс создавал предпосылки для свободного движения капитала. В России развитой утилитаризм складывался некоторыми анклавами, не охватывая все общество. Эти

¹⁴³ Зендер К. Ленинизм и цивилизации: Русская община// Диалог. М., 1992. № 3. С. 82.

анклавы могли носить высокоразвитый характер, однако были окружены массовым недоброжелательством со стороны сил уравнительности. Стремление к модернизации сдвигало власть в сторону ценностей капитализма. Попытка полного невмешательства в хозяйственную деятельность, надежда на то, что частная инициатива сама по себе установит в обществе хозяйственную гармонию, имели место при Временном правительстве.

Своеобразный по российским масштабам звездный час капитализма наступил за несколько лет до начала первой мировой войны. Подъем промышленности превысил подъем, который имел место в конце прошлого века. Этому способствовало падение влияния высшей власти на хозяйственный процесс. Наибольшее развитие получили отрасли, не связанные с казной — производящие предметы потребления. На этом отрезке времени можно говорить о независимой основе русского капитализма. Эти спонтанные процессы могли возникнуть в результате существования определенного слоя носителей частной инициативы, неспособности власти удовлетворять хозяйственные потребности общества.

В период правления Временного правительства высшая власть выпустила из рук механизмы непосредственного управления хозяйством. Это было логическим завершением предшествующего процесса усиления влияния на власть абстрактного либерализма и давления локализма. Новая власть пыталась отказаться от всякого вмешательства в хозяйственную деятельность, т. е. стать на либеральную точку зрения, доведенную до некоторой абстрактной крайней формы.

Эта политика оказалась нефункциональной. Она столкнулась с потребностью общества ответить на кризис усилением монополии власти на распределение ресурсов. Правительство под влиянием нарастающей разрухи ввело несколько государственных монополий: хлебную (25 марта), кожевенную (21 апреля), на торговлю донецким углем (1 августа), сахарную (14 сентября). За два дня до своего падения правительство приняло решение о введении монополии на спички, махорку, кофе. Попытка сосредоточить сбыт в руках государства означала не только формирование принудительной циркуляции ресурсов, но и избавляла производителя от проблемы сбыта, а заодно и от проблемы рентабельности.

Хозяйственная разруха в стране породила стремление принудительно синдицировать промышленность и тенденцию к рестрированию во всех отраслях. Существовало намерение осуществить их в масштабе предприятий и отраслей спешно и принудительно, независимо от желания владельцев. Отноше-

ние к этому процессу в обществе не было однозначным. Против усиления монополии власти выступала часть промышленников. В частности, П. П. Рябушинский указывал, что хлебная монополия «разрушила торговый аппарат, который бездействует». Однако эти действия правительства опирались на сочувствие рабочих. В протоколе частного совещания при министерстве торговли и промышленности констатировалось сочувствие социалистических рабочих кругов к проектам обязательного синдицирования. «Рабочие полагают, что объединенный капитал сможет легче удовлетворить ничем не ограниченные их требования, чем отдельные, порою уже истощенные предприятия»¹⁴⁴.

Важной формой складывающегося единства производства и власти явилось оказание за счет казны финансовой помощи крупному производству в разных формах — отсрочка взысканий ранее выданных ссуд, передача новых ссуд и субсидий. За время своего существования Временное правительство выдало 40 млн. руб. в виде гарантий прибылей частным железнодорожным обществам, крупные ссуды выдавались металлургическим заводам и т. д. «Всевозможные подачки за счет казенных средств стали массовым явлением»¹⁴⁵.

Рост государственного вмешательства усиливался в связи с общей разрухой в стране. В «Проекте правительственной декларации по вопросам экономической политики» от 8 июня можно прочесть: «Предприниматели, не чувствуя под собой устойчивой почвы и утерев надлежащую энергию, обнаруживают желание приостановить производство или стремятся переложить на широкие потребительские круги и на казну непомерно возрастающие издержки производства путем крайнего увеличения цен». И далее автор документа пишет, что «перед лицом развала... необходимо планомерное вмешательство государства в экономическую жизнь, регулирование главнейших отраслей хозяйства»¹⁴⁶.

В этой ситуации с предложением о монополизации государством в различных формах могли выступать сами предприниматели, что еще раз демонстрировало слабое развитие рынка и капитализма. Например, съезд заводчиков и фабрикантов сельскохозяйственного машиностроения заявил, что «заказы и закупки сельскохозяйственных машин и орудий... должно при-

¹⁴⁴ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской революции. Ч. 1. С. 593, 186, 198, 277.

¹⁴⁵ Погребинский А. П. Государственно-монополистический капитализм в России: Очерк истории. М., 1959. С. 239, 240.

¹⁴⁶ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской революции. Ч. 1. С. 225, 226.

нять на себя государство», оно должно «принимать на себя заботу о планомерном и непрерывном снабжении заводов сельскохозяйственным сырьем, топливом и полуфабрикатами, оказывая в то же время содействие для наивысшей производительности заводов»¹⁴⁷. Тем не менее позиция предпринимателей нуждается в дальнейшем изучении. Она не была однозначной и отражала противоречивость самого их положения. Преобладало стремление к свободе частного предпринимательства, и одновременно было немислимо в условиях разрухи вести дело без активного вмешательства государства.

Исследования показывают, что «Временное правительство подвигалось к идее монополии очень медленно, исключительно под давлением слева». Первое из временных правительств игнорировало требования советов регулировать хозяйство. Однако затем был выработан радикальный план государственного регулирования экономики, предусматривавший государственный контроль над промышленностью. Значительную роль при этом играл германский образец. Меньшевик В. Г. Громан выдвинул идею «планомерной организации народного хозяйства». Состоявшееся в марте — апреле Всероссийское совещание Советов одобрило основные идеи этого плана, рекомендовало правительству «планомерно регулировать всю хозяйственную жизнь страны». В записке В. А. Степанова указывалось, что он «не может рекомендовать стране возврат к свободной экономике, как это настойчиво желали еще недавно представители торгового капитала. Как раз хозяйственная разруха исключает допустимость господства частных интересов»¹⁴⁸.

Одновременно крестьянство «согласилось на хлебную монополию, требуя введения такой же монополии на промышленные товары массового потребления»¹⁴⁹. Все это — свидетельства существования в городе и деревне массовой базы для восстановления хозяйственной монополии государства, на что, однако, Временное правительство практически не было способно. Ленин, который выступил с предложением об объединении всех банков и государственном контроле над их операциями, о национализации, принудительном синдицировании¹⁵⁰, двигался в общем русле существующего давления на власть.

На этом этапе сложилась крайне сложная ситуация. С одной стороны, ценности капитализма пробились до вершин власти и стали основой либеральной политики правительства,

¹⁴⁷ Промышленность и торговля. 1917. № 16-17. С. 325.

¹⁴⁸ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 192, 62-63, 74.

¹⁴⁹ Там же. С. 446.

¹⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 304-306.

делавшего ставку на свободную конкуренцию, на частную инициативу, в конечном итоге опираясь в явном или скрытом виде на представления о саморегулирующемся механизме рынка. В России это всегда выступало как форма проявления основного заблуждения интеллигенции — представления, что если народу не мешать совершить инверсионный скачок, то он сам, в кратчайший срок решит все проблемы. В данном случае под народом понималось не только простонародье, но и носители частной инициативы, однако исключались все представители власти. С другой стороны, в стране существовали мощные социальные силы, склонные отвечать на любое кризисное явление, на любое ухудшение ситуации стремлением подавить частный интерес и частную инициативу и восстановить монополию государства на хозяйственную деятельность, подавить рынок и соответственно усилить прямое распределение ресурсов. Силы, стоявшие за частной инициативой, были слабы и имели против себя гигантскую мощь традиций, пронизывающих весь общественный порядок, массовые традиционные патерналистские представления. *Временное правительство, оказавшееся во власти либеральных идей, не имело реальной среды для проведения либеральной политики. Мощное давление активизирующегося традиционализма, подкрепленное умеренным утилитаризмом, стало определяющим фактором в обществе.*

НОВОЕ ДВОЕВЛАСТИЕ

Мощь усиливавшегося на волне инверсии локализма привела к новой форме двоевластия, т. е. параллельного существования рядом с государственной властью системы советов. *Советы были организационным воплощением локальных ценностей.* Они фактически не несли ни за что ответственности, лишь выдвигая бесконечные утилитарные требования. *Существование этой странной двойственной системы власти раскрыло тайну раскола, сделало явным то, на что обычно закрывали глаза, т. е. существование в стране двоевластия как результата раскола.* Оно никогда не исчезало, концентрируясь обычно в низах общества. Но теперь, в период вечерней инверсии, в условиях национальной катастрофы эта скрытая, не замечаемая историками власть поднялась до вершины общегосударственного управления.

Двоевластие после гибели государства свидетельствовало о том, что великий спор верха и низа вступил в драматическую разрушительную фазу. Низ выплеснулся наверх, но, увы, там он оказался «не у себя дома». Бесконечные требования советов

к власти перерастали в ее разрушение. В этих условиях деятельность правительства постепенно парализовывалась кризисами. С марта по октябрь существовало четыре правительства (два правительства князя Г. Львова и два — А. Керенского). Первое правительство действовало два месяца, второе — менее двух месяцев, третье — месяц с небольшим и последнее — месяц. Одновременно росла длительность кризисов. Деятельность первого правительства завершилась двухдневным кризисом, второго — трехнедельным, третьего — почти месячным (вследствие мятежа Л. Корнилова).

Временное правительство не имело поддержки прежде всего потому, что оно пыталось затормозить гигантскую инверсию, задержать ее в момент, когда, как многим казалось, до чуда, до новой жизни, до победы Правды оставалось совсем немного. Правительство не истребляло богачей, когда это было так легко. Оно не отдавало землю крестьянам, отодвигая решение аграрных проблем к созыву Учредительного собрания, т. е. защищало помещиков. Оно требовало укрепления государственности и дисциплины, т. е. насаждало чиновников и поддерживало хозяев. И т. д. А между тем Правда, как казалось большинству, была рядом. Оружие в руках, власть слаба и занята разговорами. В стране не было силы, которая могла бы остановить инверсию, движущуюся к полному торжеству локальных идеалов, к власти, которая удовлетворит все утилитарные потребности.

Либеральная власть и народ жили в разных измерениях. Интересные образцы этого оставил И. Бунин. Мужик слушает предвыборную речь оратора, который говорит: «Осуществляйте свой великий долг перед Учредительным Собранием... Все голосуйте за список номер третий». Казалось бы, здесь крайне простое, прозрачное высказывание, не допускающее кривотолков. Между тем мужик понял в этой фразе два слова: «долг» и «голосуйте». Первое слово он осмыслил как упоминание о его долгах власти, а второе — как угрозу наказания, в результате которого он будет голосить. Вот его реплика по Бунину: «Ну и пес! Долги, кричит, за вами есть великие! Голосить, говорит, все будете, все, значит, ваше имущество опишу перед Учредительным Собранием. А кому мы должны?... Нет, это новое начальство совсем никуда... Ну да стой: как бы не пришлось голосить-то тебе самому в три голоса!» Бунин также приводит разговор с другим мужиком, который уже точно знает, кто виноват во всех бедах. Он говорит: «Покуда буржуазию не пере-

режут, будет весь люд голодный, холодный... Будут буржуазию резать, ох будут»¹⁵¹.

Об отношении широких масс крестьянства в ряде северных областей к выборам в Учредительное собрание свидетельствует эсер А. Суэтин: «Население голосовало, как говорится, наугад, смотря по тому, на кого указывают голосовать влиятельные в волости лица. „А мне и ни к чему, кто они такие, кандидаты-то — незнакомые какие-то...” Значение выборов население, видимо, не сознавало и относилось к ним как к какой-то повинности, кстати, не совсем приятного свойства»¹⁵². Особенность голосования в мирах заключалась в стопроцентном голосовании за одного кандидата. Иногда глава семьи опускал бюллетени за свою семью, «чуть ли не за всю деревню»¹⁵³.

Одним из проявлений двойственности ситуации явилась трагическая судьба Николая II и его семьи. Николай сам являлся воплощением двойственности. Еще С. Витте писал: «В натуре государя было постоянно качаться то в одно направление, то в другое. То, что сегодня он одобряет, завтра от этого отказывается». Эти хромающие решения были результатом приспособления к двойственности ситуации, результатом неспособности подняться над ней. Но синкретическое сознание народа не могло отделить личность царя от института монархии. Как раньше люди не могли понять, как «неприродный» царь может быть царем, так и теперь они не могли понять, как можно уничтожить монархию, но оставить в живых царя. Идея ликвидации монархии включала и истребление всех до последнего членов семьи, всего его «семени». Акт отречения царя в пользу сына Алексея, который, казалось, было можно воспринимать как победу революции, был встречен возмущением рабочих и столицы¹⁵⁴. В их понимании, ничто не изменилось, совершена лишь попытка обмана народа, спасения носителей зла. Гучков был задержан рабочими, которые потребовали от него уничтожения акта отречения.

По словам Керенского, «настроение солдатских масс и рабочих Петроградского и Московского районов было крайне враждебным Николаю. Раздавались требования казни, прямо ко мне обращенные. Сама сила злобы рабочих лежала глубоко в их настроениях. Смертная казнь Николая II и отправка его семьи из Александровского дворца в Петропавловскую крепость или в Кронштадт, яростные, иногда иступленные требо-

¹⁵¹ Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1990. С. 157, 156.

¹⁵² Известия совета крестьянских депутатов. 1917. № 170. 25 нояб.

¹⁵³ Русские ведомости. 1917. 22 дек.

¹⁵⁴ Милюков П. Н. История второй русской революции. София, 1921. Т. 1. Вып. 1.

вания сотен всяческих делегаций, депутатий и резолюций, являвшихся и предъявлявшихся Временному правительству». Охрана должна была обезопасить жизнь царской семьи от покушений, особенно при перевозке, возможность убийства членов семьи была более реальна, нежели вероятность попытки монархистов организовать побег. Левые эсеры и анархисты Екатеринбурга разработали план нападения на дом, в котором размещалась царская семья, с целью убийства Николая. Будучи выслана в Тобольск, царская семья столкнулась с враждебностью значительной части охраны и большинства населения. Комиссар Временного правительства эсер В. Панкратов писал, что на его имя «получались анонимки с угрозами с фронта, из Омска, Красноярска, Екатеринбурга и даже от самих тоболяков. Грозили даже послать целую дивизию за то, что я „распустил царскую семью“»¹⁵⁵.

На уральской областной конференции большевиков в первой половине 1918 года большинство делегатов с мест высказывалось за скорейший расстрел Романовых, мотивируя это угрозой реставрации монархии. Ярость масс обрушилась на всех членов царской семьи. В Перми, куда был выслан великий князь Михаил, брат Николая, на заседаниях совета и на рабочих собраниях неоднократно поднимался вопрос о его расстреле. По-видимому, местные власти воспротивились этим требованиям. Князь Михаил был убит вместе со своим секретарем группой из пяти человек, которые, очевидно, не были непосредственно связаны с властью. Находившиеся в заключении в Алапаевске некоторые члены царской семьи, в том числе великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, были расстреляны по решению местных властей. Сам царь был расстрелян по решению Екатеринбургского областного Совета. Народ издревле черпал уверенность в себе, растворяясь во внешней силе отца, идола, царя. Теперь к царю приобщаться было нельзя, так как он потерял моноличность, черты однозначной Правды, стал антитотемом. Им овладели силы зла, и его следовало убить, как некогда уничтожали не оправдавших себя божков. Не случайно в истории страны почти всех свергнутых царей убивали, так как «природный царь» парадоксальным образом оставался царем, пока был жив. *Это убийство было ритуалом уничтожения мирового зла. Советское правительство несло юридическую и моральную ответственность за это убийство. Однако нельзя не признать, что оно действовало в соответствии с настроением значительных масс населения, включая солдат.*

¹⁵⁵ Панкратов В. С. С царем в Тобольске// Былое. 1924. № 26. С. 213.

Любопытна такая деталь — сообщение, сделанное на заседании правительства Свердловым о расстреле царя, было встречено молчанием. Быть может, на миг присутствующие почувствовали ужас перед надвигающейся неизвестностью.

КРАХ СОБОРНО-ЛИБЕРАЛЬНОГО ИДЕАЛА

Либеральное Временное правительство пыталось продолжать либеральный курс, который старая власть, хотя и со значительными колебаниями, проводила с 1861 года. Временное правительство старалось делать это более последовательно, опираясь на свою безграничную веру в народ, в демократию. Абсурдность ситуации состояла в том, что власть с этими идеалами обращалась к обществу, где преобладала массовая вечевая стихия, массовое стремление к локализму, к уравнительности, к натуральному хозяйству, к слову власти. *Новая власть встречала возрастающую враждебность и массовое неповиновение. Ее рассматривали как буржуазную, хотя постепенно под давлением снизу правительство превратилось по своему партийному составу в социалистическое.* Возрастающее сопротивление встречали попытки управлять посредством закона. Правительство предлагало ожидать Учредительного собрания для решения аграрного вопроса. Соборная стихия непосредственно не могла породить из себя государство в масштабе большого общества по той причине, по какой она не могла участвовать в обсуждении и подготовке крестьянской реформы 1861 года. В масштабе большого общества эта сила была неконструктивна, не вписывалась при решении сложных проблем в государственность и мыслила в утопических категориях приоритета локальных натуральных интересов над целым, над всеобщим. *Господствующий гибридный соборно-либеральный идеал распался. Выявились, что именно либералы казались народу главным врагом. Более того, сама монархия пала потому, что царь, правящая элита повернули на путь либеральных реформ, а не потому, что эти реформы оказались недостаточно либеральными или недостаточно радикальными.* В этой ситуации либеральная власть не могла не стать очередной жертвой отказа народа воспроизводить большое общество, государственность, жертвой повсеместного стремления захватить что можно для себя и замкнуться в своей деревне.

Временное правительство пало по той же причине, что и царское. Его никто не защищал: ни войска, ни население. Его сбросили при полной безучастности народа, воспроизводственная деятельность которого уже давно покинула государство. В

городе шла нормальная жизнь, работали кино и театры. Вышние классы не выступали решительно против переворота. Имеются сведения, что «боязнь анархии парализовала много заговоров» (А. Амфитеатров, 1922).

Рассматривая сегодня последние полтора десятилетия существования старой государственности, нельзя не обратить внимание на то, что, если судить по ряду существенных сфер жизни до начала первой мировой войны (развитие экономики, высшей культуры, образования, расширение свободы), можно предположить возможность стабилизации общества, отход от господства инверсионного типа социальных изменений, возможность усиления интеграторов либерального типа. То обстоятельство, что вскоре все развалилось с молниеносной быстротой, может свидетельствовать о том, что действительно решающие факторы, движущие силы исторического процесса, коренных поворотов истории следует искать значительно глубже, чем все эти лежащие на поверхности факты. Их следует искать в законах изменения отношения личности к самой себе, к обществу, к характеру творческого воспроизводства.

Факты, указывающие на развитие, прогресс экономики, не должны, однако, скрывать от нас ту сферу реальности, где формируются механизмы воспроизводства, накапливаются дискомфортные представления, формируются силы инверсии и медиации. Анализ культурных процессов, игнорируемых экономическим материализмом, показывает, что *рост масштабов товарно-денежных отношений далеко не всегда свидетельствует о развитии капитализма или даже о движении к нему. Этот процесс может иметь обратный смысл, т. е. быть фактором массового роста дискомфортного состояния, которое подготавливает массовый взрыв, уничтожающий не только капитализм, но и формы жизни, ему отдаленно предшествующие, все, что несет отдаленную угрозу уравнительности.* Без знания этой сферы реальности нельзя понять механизмы исторического движения России.

Конец инверсионного цикла был предопределен всей предшествующей историей страны, господством инверсионного типа социальных изменений в сочетании с расколом. Он был предрешен не свыше, а деятельностью сменяющих друг друга поколений, которые не знали никакого другого типа изменений, кроме инверсионных. Предшествующие поколения не нашли в себе сил преодолеть раскол, инерцию истории. В России существовали иные возможности, пример тому дает древний Новгород. Однако они не реализовывались в широких масштабах и подавлялись другими вариантами развития.

Много говорилось о том, что если бы то или иное важное событие в России произошло иначе, то вся последующая история страны пошла бы по-другому. П. Струве писал о возможностях, которые открылись бы в случае победы декабристов и более ранней отмены крепостного права¹⁵⁶. А. Керенский говорил о пассивности своего правительства, о возможности победы над большевиками, если бы Временное правительство заключило мир с Германией, и т. д.

Подобные гипотезы весьма сомнительны. *В истории трудно назвать какое-то отдельное событие, которое само по себе изменило бы весь ход последующей истории. Отдельные события могли произойти как-то иначе или не произойти совсем, но ход истории определяется в конечном счете не ими, а деятельностью миллионов.* Можно предположить, что Керенский попытался бы заключить мир с Германией. Но для этого ему пришлось бы порвать со своим окружением, т. е. сделать шаг к большевикам и силам, стоящим за ними. Можно даже предположить, что это помогло бы ему удержать власть. Но инверсионная волна требовала бы от него все новых и новых уступок, до тех пор пока он не стал бы на точку зрения борца за землю и волю, за народную Правду. *В конечном итоге ему пришлось бы максимально приблизить свою позицию к ленинской.* Иначе говоря, можно предположить, что те или иные действия Керенского спасли бы правительство, но нет основания предполагать, что это изменило бы направленность дальнейшей истории. Не следует вообще забывать, что *история высшей власти в России — это сплошная цепь крушения иллюзий, проявлений неспособности существенно изменить положение, воплотить в жизнь альтернативу сложившейся циклической динамике без массовой конструктивной поддержки. Не в деятельности вереницы неудачников, возглавлявших страну, следует искать глубокие причины важнейших событий истории.*

КОНЕЦ ГЛОБАЛЬНОГО ЦИКЛА

Завершился глобальный цикл русской истории. Общество прошло гигантский тысячелетний путь развития государственной жизни. *Он отчетливо разделялся на две части. Первая — прямая инверсия от соборного идеала до крайнего авторитаризма.* Это был переход, через промежуточные этапы, от локальности разрозненных частей общества к объединению

¹⁵⁶ Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи// Из глубины. С. 264.

страны под властью единого отца-тотема, которому была предоставлена власть, разрушительная для локальных миров и в конечном итоге подрывающая свои собственные основы. *Банкротство порядка, связанного с крайним авторитаризмом, привело к обратному процессу, к обратной инверсии, ко второму полупериоду.* Массовое стремление отождествлять Правду с первым лицом, с его решениями инверсионным образом амбивалентно перешло в стремление отождествлять Правду с локальной соборностью. Произошло массовое отпадение от первого лица как от Антихриста, от силы зла, переставшей нести функции тотема, даровать милости, всех равнять, защищать от хаоса и дезорганизации исторически сложившиеся формы жизни. Началось движение к идеалу, при господстве которого, как надеялся Аввакум, не будет всякого начальства и всякой власти. Это движение дошло, преодолевая колебания, до своего логического конца, когда царь, портрету которого еще сравнительно недавно молились, был уничтожен как антитотем. Этому движению противостоят альтернативы, связанные с развитием товарно-денежных отношений, усилением влияния в обществе утилитаризма, либерализма, с качественными сдвигами в культуре, в развитии социальных групп. Они приводили к определенному пониманию нового, но ни разу не смогли преодолеть инерцию истории, выйти за рамки механизма прямой и обратной инверсии, которая, однако, под влиянием прогрессивных изменений, накопления культурного богатства приобретала модифицированный характер. На последнем этапе общество превратилось в хаотическое скопление локальных миров, где силы отталкивания перевешивали силы единства, где идеалом стало локальное соборное сообщество, ошестинившееся против всего, что находилось за его пределами. История окончилась или, как полагали некоторые, лишь с этого момента началась.

Какой же вывод можно сделать из анализа истории страны, охватившей тысячелетний период?

Циклы российской истории могут быть обнаружены и изучены лишь при условии выхода исследования непосредственно на социокультурную реальность, фокусации внимания на историю как воспроизводственную деятельность конкретно-исторического субъекта. Эта самовоспроизводственная деятельность направлена на преодоление постоянно возникающих социокультурных противоречий, противоречий между господствующим массовым нравственным идеалом и реальными социальными отношениями этого субъекта как целого. Субъект постоянно находится под угрозой, что социальная энтропия, потоки дезорганизации окажутся сильнее его способности

предотвратить рост опасности. Перемещение в центр внимания общественного субъекта, а также исследователя этой проблемы имеет важные теоретические и практические последствия как для методологии познания социальных процессов, так и для практики управления обществом.

Важнейшее требование такого подхода заключается в признании критики исторического опыта жизненно важным элементом, включенным в массовую воспроизводственную деятельность. Воспроизводство фактически — рефлексивный процесс, в конечном итоге обращенный субъектом на самого себя, а история — это рефлексивная способность субъекта выходить за собственные рамки.

Человеческая история сталкивается с ростом сложности задач, стоящих перед людьми. Это требует принципиально новых решений, формирования социальных отношений, выходящих за рамки древних сообществ, требует соответствующих культурных форм, соответствующего увеличения творческого потенциала воспроизводственной деятельности, массовой рефлексии истории, всесторонней критики исторического опыта, опыта воспроизводства, требует постоянного формирования альтернатив. *История тем самым превращается в сложный, противоречивый драматический процесс спора человека с самим собой,* с постоянно возобновляемым вызовом истории, является произвольным или непроизвольным результатом стремления людей ответить на этот вызов, т. е. повысить эффективность своей воспроизводственной деятельности, ослабить, устранить опасные для общества внешние и внутренние процессы.

Путь этот оказывается невероятно трудным и мучительным. Постоянно существует соблазн реагировать на новые условия так же, как на старые, действовать старыми средствами, преследовать старые цели, т. е. свести к минимуму критику исторического опыта, что грозит необратимой дезорганизацией. *В центр понимания, объяснения истории должно перемещаться не стремление производить блага, не изготовление орудий, не метафизическая вера или утилитарные ценности, хотя и без всего этого нет истории. Все это лишь разные стороны одного процесса, т. е. способности человека выходить за свои собственные исторически сложившиеся рамки через идеальную и практическую рефлексию.* Этот путь не прямолинеен, он не предрешен, не запрограммирован. Человек находится под воздействием инерции истории, запечатленной в культуре, в социальных отношениях, на него действуют явные или скрытые тенденции всей прошлой истории, которая всегда с ним. Человек, возможно, не сознавая

этого, повисает над непроходимой пропастью между тем, что он хотел бы видеть, и тем, что реально видит, между тем, чего он хочет, и тем, что может, между своими надеждами и реальностью, между самосознанием своего Я и оценкой этого Я обществом и т. д. Этот разрыв, который может дойти до раскола, причиняет людям бесконечные страдания. От них ведут два пути. Один — к нравственному упадку, к озлоблению против не оправдавшего надежды реального мира, что является попыткой уничтожить его, истребляя тех, кто персонифицирует негативность мира. Но это путь к самоубийству, к разрушению собственного дома. Однако есть и другой путь. Он лежит в творческом преодолении человеком своей ограниченности, в прогрессивном саморазвитии, в рефлексии.

В любом обществе заложена способность поиска устойчивого состояния. В этом поиске Россия, постоянно захлестываемая кризисом, опасностью омертвления государства, выбрала странный колебательный маршрут. Он диктовался древним инверсионным типом принятия решений, и поэтому история представляла собой цепь переходов от одной крайности к другой и одновременно альтернативное стремление преодолеть эти крайности. Инверсионное движение проникалось медиацией, развитием, поступательным прогрессом общества, техники, науки, возникновением новых ценностей, усложнением общества и государства, ростом рефлексии. Поэтому инверсии не возвращали общество к исходной точке, а постоянно смещали точку возврата в соответствии с более высоким уровнем медиации, что не исключало возможность разрушительного для медиации обратного процесса. Инверсия, оставаясь по своей природе движением в статичной ситуации, совмещалась с поступательным развитием, становилась как формой этого развития, так и силой, парализующей прогресс. Отсюда *формирование глобального модифицированного инверсионного цикла: глобального, так как он охватывает значительный период истории страны; модифицированного, так как первоначальная исходная инверсионная логическая клеточка в результате роста медиации, накопления срединной культуры деформируется, распадается на этапы. Инверсия и медиация как логические категории имеют реальный социальный смысл, воплощаемый в социальных процессах, в истории общества.*

Первый полупериод глобального цикла, характеризуемый в иных терминах, означал, что динамика страны, испытывая колебания, шла к утверждению государственности, подавлению локализма. С. Соловьев понял этот процесс как формирование единого государства в борьбе с родовыми отношениями. Второй полупериод — от крайнего авторитаризма до краха государ-

ственности в 1917 году. Динамика страны повернула назад, к торжеству догосударственного локализма. Этот аспект истории, однако, остался вне внимания С. Соловьева. Первый процесс можно рассматривать как *прямую инверсию*, второй — как *обратную*. Первый процесс означал преобладание массового согласия на государственность, хотя и в неадекватных, мифологических формах. Его воспроизводство происходило на основе экстраполяции ценностей догосударственных локальных сообществ на большое общество. Этот процесс, разумеется, не мог осуществляться без определенного элемента интерпретации, определяемого попытками нащупать специфику государственной жизни.

Второй полупериод означал обратный процесс и был результатом снижения ориентации на государственность, разочарования в ней, стремления людей направить свою воспроизводственную деятельность на локальные миры. Результаты дознания, «какие понятия имеют крестьяне о свободе», представленные министру внутренних дел в 1852 году, таким образом раскрывают содержание массовых крестьянских представлений: 1) «государственное управление заменяется общественным крестьянским управлением на мирских сходах», которые в том числе исполняют судебные функции по гражданским и уголовным делам; 2) отказ от оплаты подушных податей, от земских и рекрутских повинностей; 3) «денежное имущество, т. е. капиталы, должны быть уравниваемы между бедными и богатыми крестьянами»; 4) землями владеет чернь, а не помещики. По словам автора записки, подобные идеи господствовали повсеместно, «начиная от гор. Владимира, во Владимирской, Нижегородской, Костромской, частью в Казанской и Вятской губерниях»¹⁵⁷. Эта программа не нуждается в комментариях. Из нее следует, что активизация основной массы населения шла в направлении воспроизводства догосударственных, дофеодалных отношений. Эта тенденция сдерживалась, корректировалась верой в царя, носящей, однако, по своей природе тотемический характер. Государственность существовала, опираясь на массовую веру крестьян, что она служит царю, выполняет его волю. Возрастающая активность архаичных ценностей, направленность обратной инверсии делала эту нравственную основу государственности весьма эфемерной. Механизм этого процесса заключался в том, что в обществе неуклонно усиливалось социокультурное противоречие, которое выражалось прежде всего в противоречии между массовой культурой и государством. Это неизбежно приводило к перио-

¹⁵⁷ См.: *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 296-297.

дическим банкротствам господствующего нравственного идеала.

В связи с этим нельзя не коснуться споров о характере крестьянских движений в России. Одни историки утверждают, что они имели антифеодальный характер, расшатывали основы феодализма и тем самым расчищали путь капитализму, а следовательно, в конечном итоге и социализму. Другие исходили из того, что крестьянские движения не выходили за рамки феодализма. Мне кажется, что возможна еще одна гипотеза. *Если понимать под феодализмом не европейскую модель, а власть некоторого среднего звена между локальными мирами и высшей властью, кормящуюся за счет локальных миров, то крестьянское движение носило безусловно антифеодальный характер. Однако эта оппозиция боролась с феодализмом с дофеодальных позиций.*

Обычный инверсионный цикл включает три состояния, т. е. исходный полюс, например, соборный идеал, противоположный полюс, например, авторитарный идеал, и вновь исходный полюс, но уже обогащенный прохождением через прямую и обратную инверсии. В случае существенной модификации цикл в идеальном случае превращается в модифицированную инверсию, включающую семь состояний. Этот переход вполне естествен. Каждый из двух переходов нормального инверсионного цикла в результате возникновения вялой инверсии превращается в тройной переход. Например, переход от соборного идеала к крайнему авторитарному испытывает дополнительные колебания от соборного к раннему авторитаризму. Это колебание компенсируется отходом от авторитаризма к идеалу всеобщего согласия, и лишь после этого общество переходит к крайнему авторитаризму. Следовательно, прямая модифицированная инверсия включает семь состояний (именно семь, а не восемь, так как крайний авторитаризм, составляя последнее состояние прямой инверсии, одновременно является первым состоянием обратной).

Сочетание двух типов социальных изменений — инверсионно-колебательного и прогрессивно-поступательного — привело в России к расколу между ними. Раскол является результатом противопоставления двух форм социокультурных изменений, двух форм принятия решения, двух форм социальной интеграции, двух менталитетов. История страны сложилась таким образом, что сложность и масштабы большого общества существенно опередили развитие медиации, способности людей формировать срединную культуру, социальных форм интеграции общества. Это парализовало развитие общества и даже поворачивало его вспять. Инверсия, ее переход от

одной крайности к другой связаны подчас со сложными внутренними конфликтами. В различных слоях общества могут происходить разные, подчас противоположно направленные процессы. В одних слоях начинается обратная инверсия, в других продолжается движение прямой инверсии. Одновременно может происходить борьба за преодоление инверсионной формы движения вообще. Но победа в рамках определенного этапа остается за тем из процессов, за которым стоит основная часть народа, основной энергетический ресурс. При этом альтернативные тенденции как некоторый элемент культурного богатства отесняются на задний план. Раскол приобретает множество различных форм. Важнейшая из них заключается в расколе между ростом потребности общества в благах и отставанием потребности в развитии воспроизводства, соответствующего более сложным эффективным формам труда, необходимым для удовлетворения этих потребностей. Углубление этой формы раскола привело к тому, что постепенно в ситуации, когда экстенсивные формы попыток преодолеть это противоречие все больше сталкивались с ограниченностью ресурсов (например, ограниченностью земли), раскол стал приобретать форму столкновения внутри народной почвы. В этой борьбе за Правду активизировались архаичные пласты культуры, неотделимые от локализма, уравнительности и т. д. Это не могло не привести к трагическим последствиям.

Раскол законсервировал архаичные циклы, транслировав их в сложное общество, где они приняли разрушительный характер. Их проявления и результаты многообразны, о чем справедливо пишет А. Янов: «В какой другой стране могло случиться, чтобы одно и то же политическое нововведение понадобилось вводить снова и снова — дважды, трижды... Трагедия сталинизма столетия спустя повторила трагедии грозненской опричнины и петровского террора. В этом смысле русская история, можно сказать, постоянно беременна трагедией»¹⁵⁸. Анализ циклов позволил Янову увидеть закономерную смену реформ контрреформами.

Проделанное исследование дает основание для определенных выводов о самобытности истории страны. Проблема самобытности неотделима от специфики исторического пути России, от реальных возможностей и способностей общества ее разрешить. *Центральный элемент самобытности — существование раскола*, который пронизывает культуру, социальные отношения, воспроизводственную деятельность, личность. Раскол сформировался в результате исторически сложившегося

¹⁵⁸ Янов А. Если перестройка потерпит поражение...// Общественные науки. 1990. № 3. С. 46, 47.

промежуточного положения России как страны, находящейся между двумя суперцивилизациями: традиционной, где господствующее место занимает статичное воспроизводство, стремление сохранить соответствующие ценности, и либеральной, основанной на интенсивном воспроизводстве. История России сложилась таким образом, что она уже перестала быть страной чисто традиционного типа и одновременно не стала страной либерального типа. Можно сказать, что здесь сложилась особая промежуточная цивилизация. Раскол не позволяет обществу ни перейти к либеральной суперцивилизации, ни вернуться к традиционной. Отсюда постоянные мучительные пароксизмы, постоянные шараханья между попытками приобщения к ценностям, нашедшим высшее воплощение в либеральной суперцивилизации (наука, техника, развитый рынок и т. д.), и попытками приобщения к ценностям традиционной суперцивилизации — уравнительности, локализму.

Для истории страны характерно ослабление единого древнего органического нравственного идеала, способного интегрировать общество. Это превращает возможность раскола в угрозу существованию общества. Для ее сдерживания необходимы особые методы, в частности, гибридные нравственные идеалы. Такие идеалы оказываются возможными на основе развития утилитаризма.

Циклы истории России держат государственность, интеграцию общества под постоянной угрозой краха. Последний не обязательно происходит в результате бунта или действий чисто политических механизмов. Люди просто могут перестать воспроизводить государство, поддерживать его своей социальной энергией, ресурсами, например, крестьяне могут перестать поддерживать государство, общество хлебом, уплатой налогов и т. д. *Катастрофа может наступить в результате роста разнообразия, превосходящего конкретно-исторические возможности обеспечивать единство. В этом случае рост разнообразия из позитивного процесса превращается в рост дезорганизации, которая, достигая порогового состояния, приводит к катастрофе. Эта катастрофа не одномоментный акт. Падение социальных интеграторов неизбежно влечет за собой попытку последующей интеграции. Эта попытка может иметь разрушительные последствия, т. е. быть реальным развитием, продолжением начавшейся дезинтеграции. Например, гражданскую войну в России после 1917 года можно рассматривать как борьбу двух версий интеграции.*

Инверсионные повороты, наступление нового этапа были актами определенной исторической критики, которая отвергла господствующий идеал предыдущего как несостоятельный.

Тем самым изменялись условия решения медиационной задачи, формы соединения государственности и массового сознания. Массовый поворот включал в себя и поворот правящей элиты, которая вырабатывала свою версию этого события, создавала соответствующую форму идеологии. Она, в свою очередь, служила основой для политики, проводимой властью в новых условиях. Эта политика могла быть эффективной, но могла и не суметь решить медиационную задачу, что несло за собой снижение эффективности господствующего уровня воспроизводства ниже критического порога. Критика исторического опыта — массовый процесс, элемент воспроизводства, воспроизводственной деятельности самого человека. Она сама может быть предметом критики силами духовной элиты. Однако в обществе далеко не всегда существовали благоприятные для этого условия. Кроме того, раскол препятствовал тому, чтобы голос духовной элиты мог повысить культурный уровень массовой критики истории. Критика истории носит многоплановый иерархический характер. Историческая наука не может не включать в себя критику исторической практики отдельных групп, всего общества с точки зрения того, в какой степени соответствующий субъект использовал в принятии своих решений весь исторический опыт, способности опереться на свой теоретический потенциал, расширять и углублять его для принятия эффективных решений, для преодоления исторической инерции, для совершенствования воспроизводственной деятельности в соответствии с усложнением вызова истории. Эта критика сама является элементом человеческой истории, необходимой предпосылкой дальнейшей истории, роста рефлексии, медиации.

Анализ логики истории не может быть ограничен лишь частью истории. *Логика всеобща, и каждый дальнейший шаг истории может оказаться творческим актом, преодолевающим ограниченность логики предшествующей истории.* Это преодоление может быть как опровержением, так и развитием, новым витком самой логики. Отсюда необходимость *испытать критикой логику истории в масштабе всей истории страны.* Возможно, это поможет пролить новый свет на весь исторический процесс, на последующие беспрецедентные в мировой истории события, поможет в формировании обоснованного прогноза.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВТОРОЙ ЦИКЛ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Вновь начало истории, новая государственность
(Вместо введения)

I. Господство соборного идеала («Триумфальное шествие Советской власти»)

II. Господство раннего умеренного авторитарного идеала («Военный коммунизм»)

III. Ранний идеал всеобщего согласия (нэп)

IV. Торжество и падение крайнего авторитаризма
(Сталинизм)

V. Вновь идеал всеобщего согласия («Оттепель»)

VI. Вновь умеренный авторитарный идеал
(«Этап застоя»)

VII. Возврат к соборно-либеральному идеалу
(«Перестройка»)

ВНОВЬ НАЧАЛО ИСТОРИИ, НОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

(Вместо введения)

ТОРЖЕСТВО ПРАВДЫ-ИСТИНЫ

В ноябре 1917 года власть была захвачена большевиками — еще несколько месяцев назад маловлиятельной и малоизвестной партией, крайним крылом российской социал-демократии, которое было, «несомненно, самое почвенное из русских революционных движений»¹. Это, как многим тогда казалось, эпизодическое событие на краю цивилизованного мира явилось, однако, поворотным пунктом в истории России, событием мирового значения. Третья в истории страны государственность, возникшая после Великой смуты начала XVI века, развалилась под возрастающим давлением локализма, отказа рядового человека воспроизводить своей повседневной деятельностью социальные отношения большого общества, государственности. *Обратная глобальная инверсия, начавшаяся в результате банкротства крайнего авторитаризма Петра I, дошла до своего логического конца, до противоположного полюса, до массового превращения локализма в высшую ценность. Этот огромной силы рывок привел к национальной катастрофе, к гибели значительной части населения, к дезинтеграции, к гигантской ломке социальных отношений, к разрушительной инверсии в культуре.*

События ноября 1917 года означали, что мощная глобальная инверсионная волна дошла до противоположной крайности, застыла на какое-то время и повернула назад. Точкой этого поворота было возникновение новой, четвертой государственности, приход к власти правительства В. И. Ленина. Новую государственность можно рассматривать как попытку сохранившегося в этом хаосе слабого элемента государственности ответить на разрушительный хаос организацией власти,

¹ Федотов Г. П. Россия и свобода. Нью-Йорк, 1981. С. 53.

соединить локализм с его противоположностью — с интеграцией целого. Однако государственники в последней точке локалистской инверсии не имели ни малейшего шанса создать государство, если не подоспеет соответствующая массовая инверсия.

Страна развалилась на атомы локальных миров, способных вести бесконечную войну друг с другом, обрекая на гибель города, культуру, государство, миллионы людей. Общество, лишенное внутренних интеграторов, не спаянное даже общим торговым интересом, складывалось из множества натуральных хозяйств, интересы каждого из которых не шли дальше собственного огорода. Духовные предпосылки локализма, включая попытку сформулировать, восстановить догосударственный вечевой идеал, приняли характер анархизма. Его теоретик и практик Н. И. Махно мыслил строй, при котором «вся страна покрывается местными совершенно свободными и самостоятельными социально-общественными самоуправлениями тружеников... Через свои районные, областные и общенациональные съезды эти местные хозяйственные и общественные органы самоуправления устанавливают общую схему порядка и трудовой взаимности между собой... Наша трудовая община будет иметь всю полноту власти у самой себя и своей воли, свои хозяйственные и иные планы и соображения будет проводить через свои органы, которые они сами создают, но которые не наделяют никакой властью, а только лишь определенными поручениями»². Этот догосударственный идеал был чистой утопией в условиях большого общества, в условиях его раскола и растущего утилитаризма и не сулил ничего, кроме бесконечных малых конфликтов по самым разным причинам, постепенно перерастающих в большой конфликт. Общество вернулось в догосударственное состояние. Тем не менее, казалось бы, вопреки логике, государство возникло. Что же оно собой представляло?

Государство должно было в этой ситуации разрешить неразрешимые проблемы. Оно должно было соединить несоединимое, объединить в себе разные, исключаящие друг друга ценности. Оно могло рассчитывать на массовую поддержку, лишь воплощая мечты народа и интеллигенции об обществе, созданном на основе Правды, без начальства и буржуазии. Новое общество возникло на основе содержательного стихийного идеала, в котором было буквально все. Он включал представление о народе, который пришел к власти, чтобы воплотить свои вековые мечты. Как будто восторжествовали

² См.: Шубин А. Махновское движение: идеи и люди// Вестник Конфедерации анархо-синдикалистов. М., 1989. 22 мая. С. 4-5.

идеи славянофилов, утверждающие высокую ценность народного духа. Восторжествовали идеи западников, поскольку новый идеал включал ценности западной науки, модернизации. Восторжествовали великие нравственные устремления Аввакума, поскольку единственная высшая Правда воссияла на вершине власти. Восторжествовал идеал апологетов сильной государственности, таких, как К. Леонтьев. Восторжествовала вера Н. Федорова в ничем не ограниченные возможности человека. Восторжествовали интересы рабочего класса во всем мире, поскольку был «прорван фронт мирового империализма в его слабом звене». Восторжествовала исконная мессианская идея русского народа, начало осуществляться его предназначение в мире, предсказанное в той или иной форме старцем Филофеем, западниками, славянофилами, Чаадаевым, Герценом, Достоевским и многими другими русскими мыслителями. Народ раскрылся как высший хранитель Правды, ее носитель и надежда всех угнетенных в мировом и даже космическом масштабе. Власть, которая возникла в этой духовной атмосфере (т. е. советское правительство), «является представителем не только рабочего класса России, но и всего эксплуатируемого человечества», — говорилось в ноте народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина³. Победа нового идеала, уничтожив силы зла, открыв путь творчеству народа, расценивалась им самым таким образом, что общество, собственно, перестает нуждаться в государстве, медиаторе, организующей силе, так как творческий взрыв народной активности сам себя организует.

Власть, слитая с партийным руководством, сформировала новую правящую элиту, воплотившую в себе высшую Правду народа и истину науки. Она как будто воплощает, организует полное синкретическое слияние народа, партии и государства. В новом обществе личность, как в общине, приобщена к целому, человек осознает себя лишь в процессе партиципации к высшей Правде, воплощенной в правящей элите. Каждый человек, каждый социальный институт осознает себя как частицу целого, страшится отпадения и в этом находит нравственную основу своей жизни. В такой нравственной системе нет начальства, каждый, кто в достаточной степени достигнет высшей Правды, может занять любой пост, т. е. каждый — потенциальный вождь.

Те, кто сейчас эти посты занимают, — вчерашние рабочие и крестьяне, справедливые люди, праведники, которые стоят «за народ». Каждый советский человек горд и велик своей парти-

ципацией к высшему. Он выше человека Запада, который не постиг Правды и, в силу эксплуататорской сущности буржуазного общества, не желает прозреть, погрязнув в ложной жизни. Все общество будет жить по законам большой семьи в соответствии с высшей Правдой, включая, однако, в свою жизнь использование машин, научно-техническое развитие. Нравственный идеал народной Правды получил свое воплощение. Вместе с этим как будто кончились все муки раскола, неправды эксплуататорского общества. Кончилась предыстория человечества и началась действительная история. Над миром вспыхнул факел, осветивший путь к всеобщему освобождению.

Новая власть принимала самые крайние требования масс, исполненных решимости физически истребить кривду во всех формах ее проявления. Началась новая эпоха — эпоха торжества научного социализма, т. е. Правды; свободы, т. е. воли; равенства, т. е. всеобщей уравнительности; братства, т. е. общинных личностных отношений; народовластия, т. е. абсолютной власти на местах, и т. д. Пришедшие в движение древние идеалы стремились создать общество-общину, общество — братскую семью. Все до предела просто, так как все как будто естественно следует народной Правде и одновременно представляет собой научную истину.

Однако во всем этом заключается и нечто непостижимое, так как *по своей сути народная Правда и научная истина, вообще говоря, совершенно разные и даже противоположные явления*. Правда — нравственный идеал традиционного общества, тогда как истина науки — мысль, претендующая на соответствие некоторому объективному содержанию. *Новый идеал, следовательно, нес в себе скрытую антиномию, самоотрицание, нес раскол*. Трудность понимания путей возникновения нового идеала, нового общества заключается прежде всего в отсутствии осмысленного на категориальном уровне исторического прецедента в истории как России, так и за ее пределами. Трудность понимания этих событий заключается в том, что крах господствующего соборно-либерального идеала, сопровождаемый крахом государства, означал, что глобальный модифицированный цикл исчерпал себя, ознаменовав тем самым глубочайший рубеж в истории страны.

ТОРЖЕСТВО ОБЩИНЫ

Окончание глобального цикла в условиях господства инверсионной логики возвращает историю к своему началу, разумеется, в рамках этого цикла. Однако это не означает, что речь идет о возврате всего вплоть до покроя одежды, обычаев и т. д.

Задача науки как раз и заключается в том, чтобы установить уровень абстракции рассмотрения предмета, который соответствовал бы природе глобального инверсионного модифицированного цикла. На этой основе необходимо сформировать точку зрения, которая, с одной стороны, позволила бы не принимать несущественные различия за существенные, а с другой — не позволила бы утопить все в абстрактной тождественности явлений, где вообще исчезают значимые различия. Возврат к исходной точке в данном случае означал лишь господство в обществе древнего менталитета, очищение его от последующих наслоений и закрепление соответствующих форм сообществ, социальных отношений, в частности, господства дорыночных отношений.

О возврате к началу истории можно реально говорить в том смысле, что активизировалась аналогичная социальная ячейка общества, которая могла служить социальной основой для соответствующего нравственного идеала. Государственность в России возникла на основе экстраполяции синкретического вечевоего идеала, сложившегося в древних локальных сообществах. «В глазах простолюдина Россия не государство и не нация, а скорее семья. Этот патриархальный взгляд столь же древен, кажется, как и сама Россия; он... лишь распространился и упрочился»⁴. Остались ли в силе такие представления? В этом нет сомнения, так как новое общество само возникло как результат мощной волны локализма. Она сломала столыпинскую реформу и заняла прочную оборону против большого общества, заставив, в частности, большевиков принять уравнительную земельную политику, органически враждебную частной собственности.

Сельская территориальная община «несла на себе родимые пятна древней родовой патриархальной общины»⁵. Территориальная община возникла на основе общинно-уравнительной культуры как приспособление древних локальных сообществ к вызову истории, т. е. росту «утеснения», ограниченности земли. Она не оставалась единственным институтом древнего традиционализма, так как традиционализм пронизывал все общество, включая синкретическую государственность, а также и все прочие формы жизни: крепостную промышленность, город и т. д. Тем не менее община была определяющей формой социальных отношений, которую приобрел традиционализм в первом глобальном периоде. Это не снимало необходимости рассмотрения и иных форм, которые также были носителями

⁴ *Вумте С. Ю.* Самодержавие и земство. СПб., 1908. С. 52.

⁵ *Зырянов П. Н.* Земельно-распорядительная деятельность крестьянской общины в 1907-1914 гг. // Исторические записки. 1988. № 116. С. 107.

традиционных ценностей (например, семья). Община была сообществом, находившимся «между крестьянской семьей и феодальным государством»⁶. В общине не только концентрировалось большинство крестьян, в ней также вечевой идеал сохранился в наиболее последовательной синкретической форме, распадаясь одновременно на соборность и авторитаризм. В новом обществе община продолжала развиваться и укрепляться. При этом она возрождалась в наиболее архаичной форме, т. е. преобладало стремление к распределению земли по едокам⁷. Революция «приостановила распад общины», аграрные реформы привели «к возрождению и развитию общинного землепользования»⁸. При этом события, которые, как многим тогда казалось, перевернули мир, в действительности не могли «изменить сущность общины как соседской организации единичных крестьянских хозяйств»⁹.

Территориальная сельская община всегда была неприступным бастионом локализма. Кровнородственные отношения остались господствующими в семьях, объединение которых составило новый тип локальной организации, специфический локальный мир. Территориальная община возникла еще в процессе перехода к оседлому образу жизни с постоянной пашней, к более эффективным методам хозяйства. Это была лишь новая форма традиционализма, локализма, приспособленная к изменившимся условиям. Древний род сменился союзом семей. «Современная община — продукт разложения такого рода первобытных форм. Этот процесс разложения создавал в одних случаях так называемые семейные общины, в других — общины все менее родовые, все более территориальные — путем создания новых дворов по соседству со старинным; получала начало обыкновенная сельская община»¹⁰. Славянская родовая община превратилась в крестьянскую поземельную общину, которая сохранялась на протяжении всей русской истории. *Это была не просто организация, но элемент массового менталитета.* Она формировалась и тогда, когда не бы-

⁶ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 303.

⁷ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 108, 109.

⁸ Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1976. Т. 2. С. 77, 79.

⁹ Данилов В. П. Община у народов СССР в послеоктябрьский период// Народы Азии и Африки. 1973. № 3. С. 46.

¹⁰ Кауфман А. А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907. С. 4; см. также: И. Л. Поземельная община в Западной Европе (раздел 1 статьи «Поземельная община»)// Энциклопедический словарь/ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. СПб., 1898. Полутом 47. С. 186-187.

ло никакой внешней силы, которая ее к этому понуждала, когда крестьяне были свободны в выборе форм отношений¹¹.

Попытки приспособить общину к требованиям государства, к росту денежного обращения не изменили ее природу. Например, введение подушной подати по образцу западноевропейской податной системы, соответствовавшей частной собственности на землю, предусматривало чисто личное налогообложение. Однако этот принцип оказался несовместимым со сложившимися в России общинными отношениями. Подать по-прежнему налагалась на общину в целом и разверстывалась между наличными хозяйствами соответственно числу лиц мужского пола в семье, что стимулировало периодические перераспределения земли в общинах. *Буржуазный принцип налогообложения оказался в России стимулом активизации, стабилизации древних форм общественной жизни. Относительная независимость крестьянского мира от государства помогла миру пережить все перипетии государственности.* Это обстоятельство следует признать особенно важным для страны, где городское население едва превышало два процента. Крестьянский мир не был поколеблен ни господством иноземцев, ни государственным крепостничеством, ни крайними формами авторитаризма. Сила общины состояла в ее стойком сопротивлении любым переменам, в незнании иных форм жизни. О подобной системе у древних кельтов, долматов, германцев писали античные авторы — Диодор Сицилийский, Страбон, Тацит. Раннее сообщение о земельном переделе на Руси относится к 1500 году; в XVII веке масштабы земельных переделов возросли, а в XVIII веке переделы стали господствующей формой крестьянского землепользования. Усиливающееся значение переделов в крестьянской жизни было реакцией синкретического сознания на то, что земля перестала быть в избытке, на возникающую нужду в ней. Крестьянство дало ответ на этот вызов на основе общинных принципов.

Поземельная община — замкнутая локальная организация, для которой мир оканчивается за околицей. Обычно это была деревня в 30-50 дворов, иногда их число достигало сотни. Община выступала как хранительница древних догосударственных ценностей, древних форм социальных связей. Все дела решались сельским сходом, в котором принимали участие главы крестьянских семейств (дворов) и который ничем не отличался от древнего веча. В своих решениях сход всегда стремился к единогласию: «Что миром положено, тому быть так. Что мир порядил, то бог рассудил». Тем самым каждый член

¹¹ См., например: *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 187.

общины черпал силу в приобщении к внешней силе решения схода, воспринимая его как собственное. Личность растворялась в общине. Эта монологичность не только относилась к принятым на миру решениям, но и распространялась на повседневную жизнь общины, способствуя ее унификации. Интересны в этой связи жалобы одного из крестьян на обезличивающее давление общины: «Каждый крестьянин не то делает с землей, что хочет, а то, что говорит мир. У крестьян заведен порядок: начинать работу вместе, пахать, навоз возить, косить, жать, так что одному не дают какую-нибудь работу сделать... Я посеял бы на своей ниве клевер и пользовался бы им три года; на паровом поле я посеял бы весной, до сеяния ржи, вику; вику снял бы и посеял рожь. Я исправил бы землю и пользовался кормом, но прочие члены общины не согласны. Крот портит луга, я исправил бы их, а прочие говорят, что им некогда: „ладно и так“. На низких местах поля нужно прокопать канавы во избежание отмочек,— говорят: „наши отцы не копали, и мы не будем“. На каждом шагу неудобства — всего не опишешь»¹². В общине царствовал принцип круговой поруки, общей ответственности.

Сход представлял не лиц, а семьи, дворы. Большое влияние там имели старики 60—70 лет, что определялось общей ориентацией на древние обычаи, на господство прошлого над будущим. Решающим доводом при принятии решений была формула: «наши деды так делали». В общине верховодили середняки, которые составляли большинство. Соборный и одновременно авторитарный характер схода проявлялся в подчинении личности целому. Сход мог приговаривать к телесным наказаниям, отдавать «порочных», «нерачительных», «беспокойных» крестьян на поселение, сдавать их в рекруты, вмешиваться в семейные дела. Известны случаи выдачи миром своих людей властям, как якобы виновных в убийстве, с тем чтобы избежать ответственности за обнаруженный на территории общины труп. Здесь общая ответственность синкретически отождествляется с ответственностью одного, который должен «пострадать за мир». Мир вел розыск и творил суд по уголовным делам в общине, исключая некоторые тяжкие преступления. Решая судьбу своих членов, мир следовал общинным идеалам всеобщего равенства. Отсюда особенности рекрутской политики общины — отдача в рекруты беднейших, что способствовало унификации общины.

Мир подавлял личность: «Кто больше мира будет?», «С миром не поспоришь», «На мир и суда нет — мир один бог су-

¹² Чернышев И. Л. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 года. СПб., 1911. С. 5, 8-9.

дит», — говорит общинная мудрость. Полновластие мира базировалось на древних традициях. Государство же и власть помещиков были слишком слабы, чтобы управлять, минуя сход. Один из ближайших к Александру II сановников генерал Я. И. Ростовцев говорил: «Без мира помещик не собрал бы своих доходов ни оброком, ни трудом, а правительство — своих повинностей».

Община оставалась первостепенной, хотя и подспудной силой в обществе. В 1927 году 91,1% земель, находившихся в пользовании крестьян, в том числе 93,6% земель в Сибири и 99,8% на Дальнем Востоке, были общинными¹³. Исчезли внеугодные земли, которые могли служить основой крупных, относительно независимых от гнета общины хозяйств¹⁴. *Новое общество, возникшее после конца глобального инверсионного цикла, было прежде всего победой глубоко архаичных локальных форм социальных отношений и нравственного идеала.*

Социальные силы общин резко возросли. Теперь они владели землями, которые раньше принадлежали казне, помещикам, церкви, монастырям, а также хуторянам и отрубникам. *Крестьянин-общинник укрепил свое положение как почвенный слой общества.* Расширились функции общины. Государство приспособлялось к ней, используя общинный раскладочный механизм, круговую поруку. Община определяла важнейшие параметры жизни людей: механизм получения земли, процесс приписки к обществу, принудительное возвращение ранее выбывших, формы землепользования, выделение на хутора. Укрепление этих форм давало *мощнейший импульс уравнительности, охватившей все общество.*

Власть в новом обществе, судорожно искавшая опору для соединения государственности и массового сознания, попала прежде всего в зависимость от могучей массовой силы общинного крестьянства. Его сила была не только в численности, в высоком удельном весе в обществе (что делало рабочих жалкой кучкой, не говоря уже о том, что *система ценностей рабочих недалеко ушла от крестьянской*), но и в активном стремлении к локализму. Это нашло свое выражение в уравнительном распределении земли, причем последняя понималась как синоним Правды. Эти люди знали лишь интерпретацию локального вечевого идеала. Поэтому лишь этот идеал мог стать моделью формирования большого общества.

¹³ Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917-1927/ ЦСУ СССР. М., 1927. С. 120-121.

¹⁴ См., например: *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. С. 106 и след.

ОБЩИНА И КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Споры вокруг общины в истории России касались не только ее социального и духовного смысла. Возрастало внимание к ней как к хозяйственной ячейке. Специфика крестьянского хозяйства оказалась мало изученной, хотя это звучит несколько странно в стране, где на протяжении почти всей истории именно этот тип хозяйства определял судьбы страны. Наука пыталась изучать сельское хозяйство на основе методов политической экономии, которые были для этой цели непригодны. Что же касается тех исследований, в которых содержались попытки преодолеть этот недостаток, то они с трудом доходили до сознания общественности. После 1917 года эти исследования запрещались, а оставшиеся в живых ученые были уничтожены. За время своей учебы в Московском государственном экономическом институте на факультете экономики сельского хозяйства я ни разу не слышал об этих исследованиях, за исключением некоторых имен, которые упоминались лишь как «враги народа» и «кулацко-буржуазная агентура».

Между тем А. В. Чаянов, который, видимо, впервые в истории науки исследовал хозяйственные механизмы трудового семейного крестьянского хозяйства, показал, что в основе его деятельности лежит особая мотивация, субъективно ощущаемое равновесие между полезностью благ и тягостностью необходимых для их получения затрат. Здесь отсутствует капиталистическое стремление к максимизации доходов, но преобладает желание соблюсти некоторый баланс между затратами и результатами. 90% этих хозяйств не были затронуты капиталистическими отношениями¹⁵. Переворот уничтожил возможности капиталистического развития, тем самым выбрав докапиталистическую альтернативу. Этот выбор был результатом мощного массового давления. Власть, с ее народническими стремлениями, с одной стороны, и модернизаторскими — с другой, оказалась в сложной ситуации. Интересно, что в отличие от Столыпина высшее руководство новой власти никогда официально не выражало своего отношения к необщинному хуторскому землепользованию. Наркомзем же относился к нему как к нежелательному явлению. Выбор политики затруднялся тем, что именно на хуторах и отрубях урожай, как правило, были выше¹⁶. Между тем изменения удельного веса разных форм землевладения всегда вызывали острые дискуссии, в особенности переход к крестьянству земель, принадле-

¹⁵ Чаянов и Восток. М., 1991. С. ПО.

¹⁶ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 76-77.

жащих другим сословиям. Этот процесс внушал страх специалистам. Они видели в нем фактор падения культуры земледелия. «Не разоряйте страны нашей, не превращайте ее в исключительно серое крестьянское царство». Проблема заключалась в том, что в результате скупки общинами земель «культурный землевладельческий элемент с каждым годом тает, сходя на нет». Скупка земель приводит к тому, что «целые уезды совершенно лишены рентных хозяйств и, следовательно, культурного элемента, так как этот элемент представлен в наших сельских местностях исключительно землевладельцами»¹⁷. Инновации практически шли через помещиков, состоятельных хозяев, тогда как «бедняки с недоверием относились к нововведениям: „Мы люди темные, где уж нам, старики так делали“»¹⁸. Вектор динамики воспроизводства шел, отдаляясь от попыток интенсивного воспроизводства, и усиливал экстенсивное. Этот процесс не зависел от суеверия политических событий, но, наоборот, сам определял их с возрастающей силой.

В человеческой истории активизация традиционализма не явилась чем-то новым. Силы традиционализма и раньше в истории уничтожали государственность, допустившую чрезмерный для данной культуры рост товарно-денежных отношений, расслоение общества на богатых и бедных, и создавали новую синкретическую государственность, которая, впитав в себя заряд массового ортодоксального традиционализма, возвращалась к относительно сбалансированному обществу традиционного типа. О такой государственности мечтали славянофилы, за такое общество сражался Пугачев и в той или иной степени все поднимавшие восстания крестьяне. Именно в этом направлении шла обратная инверсия прошлого глобального периода, шли основные силы, уничтожившие старую государственность, вступившую на путь модернизации и либерализма.

Новое общество, по своей сути, стремилось отмести все ценности и социальные отношения, идущие от процессов нетрадиционного типа, от всего враждебного синкретической культуре и ее институтам, от форм конструктивной напряженности, которые отклонялись бы от локализма, отходили от статичного воспроизводства. Эта государственность могла опираться на общины и отвергать всякое правовое разделение власти, права личности, модернизацию и т. д.

Сокрушительная мощь локальных миров давала основание предположить, что для этой государственности будет характерна не сильная централизация, но, наоборот, господство ло-

¹⁷ Гурко В. И. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909. С. 59, 51, 50 (курсив мой. — А. А.).

¹⁸ Петерсон Н. П. Просвещение. СПб., 1904. С. 17.

кальных миров, возможно среднего уровня, т. е. общество типа Киевской Руси. Уместно вспомнить, что некоторые ставили под сомнение существование в ней государства. И развитие действительно шло в этом направлении.

НЕОБРАТИМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

История начиналась сызнова, с уровня господства локализма. Однако этот возврат к исходной точке не мог быть полным, так как в массовом сознании имели место необратимые глубокие качественные сдвиги, явившиеся результатом определенного прогресса, медиации. К ним относится, во-первых, существенный рост утилитаризма, причем умеренный утилитаризм, не оторвавшийся еще от синкретизма, приобрел массовый характер. Во-вторых, силами либеральной России был повышен образовательный уровень населения, что расширило возможность распространения абстрактных идей, прежде всего идеи необходимости государственности. В-третьих, рост утилитаризма стимулировал рост веры в технику и науку как в некий тотем, способный быть эффективным средством добычи благ, лечения болезней, создания общества Правды на земле. В-четвертых, в среде русской интеллигенции, непривычной к упорному труду, возник узкий слой, способный к напряженнейшей организационной работе, что явилось результатом роста утилитаризма, влияния либеральной культуры. Одновременно мимо интеллигенции не мог пройти, хотя бы и односторонне истолкованный, исторический опыт катастроф, инверсионных поворотов. В-пятых, усилилась напряженность раскола, т. е. напряженность исключаящих друг друга стремлений: стремления крестьян вернуться к замкнутым локальным мирам, основанным на натуральном хозяйстве, с одной стороны, и стремления к модернизации, обеспечивающей рост потребления, — с другой.

Переворот носил инверсионный характер, он был ярко выраженной антимедиацией, своеобразной косой инверсии, которая скосила все, что выходило за рамки санкционированного традиционализмом уровня уравнительности. Тем не менее рост влияния утилитаризма, пусть примитивного, означал, что *погромы и террор не смогли полностью уничтожить достижения медиации.* Одна из причин этого парадоксальным образом заключалась в том, что сами силы инверсии нуждались в достижениях медиации, науки и техники для своей победы. В связи с этим *господствующий идеал уже не мог быть чисто соборным.* Чтобы стать нравственной основой государственности, он должен был подвергнуться существенной интер-

претации. Эта проблема встает перед правящей элитой при любом инверсионном повороте. Однако на этот раз сложность проблемы возросла в исключительных масштабах. Могло ли существовать государство, которое было бы вечевым и одновременно учитывало бы имевшие место необратимые изменения?

Новая власть столкнулась с проблемой коренного расхождения массовых утопических замыслов и реальных социальных культурных возможностей. Не следует забывать, что точно так же, как невозможен вечный двигатель, крылатый слон,— *невозможно преодолеть раскол посредством элиминирования тем или иным путем частей общества, без которых целое существовать не может*. Они неизбежно восстанутся. Новая власть возникла на волне веры, что зло, т. е. нарушение уравнительности, эксплуатация, спекуляция и т. д., может быть уничтожено избием его носителей или, в лучшем случае, посредством осознания носителями зла торжества Правды и перехода на ее позиции. Однако раскол не исчез в результате победы власти советов. Он остался повседневной реальностью политической, хозяйственной, организационной, культурной жизни. Это означало, что *на первый план вышла проблема синтеза расколотых частей общества*, проблема обеспечения организационной и культурной интеграции общества. Основу этой интеграции нельзя было изобрести, необходимо было разыскать ее предпосылки в самой жизни общества. Космическая радикальность переворота, потрясшего мир, не отменяла того, что основы интеграции следовало искать не в туманных революционных мифах нового строя, но в исторически накопленном культурном богатстве. Среди различных вариантов интерпретации этой социокультурной ситуации, выдвигавшихся представителями правящей элиты, выделялась концепция В. И. Ленина, которая и была положена в основу деятельности нового общества.

СОВЕТЫ И ЛЕНИНИЗМ

Исключительное место В. И. Ленина в истории России определяется тем, что он открыл возможность превращения динамики массового сознания в условиях предкатастрофического состояния общества в особый предмет профессиональной деятельности идеологов, состоящих на службе у государства. *Успех Ленина заключался в том, что он открыл существование нравственного идеала, позволяющего объединить массовое сознание и государственность, организовать победы*

носную борьбу за превращение его в господствующий в условиях раскола идеал.

Под его руководством произошел беспрецедентный в истории социальный переворот, который обнажил метафизическую бездну не только российской, но, быть может, и всемирной истории. Кажется, что эта бездна столь глубока, что человечество до сих пор не разглядело ее до дна. Каждая фраза, написанная Лениным, проста и прозрачна, казалось бы, ее может понять любой, самый необразованный человек. Но понять Ленина в целом трудно. Что-то есть неуловимое в его прозрачных построениях. Все, что он писал и делал, пронизано внутренним единством. Но одновременно в этом единстве есть нечто такое, что дает последовательную систему аргументов для прямо противоположных точек зрения. Враги и последователи выстраивали друг против друга полчища цитат, противопоставляя Ленина-либерала Ленину — стороннику авторитарной власти, Ленина-гуманиста — Ленину-реакционеру, Ленина как воплощение высшей Правды — Ленину-грабителю и т. д.

Мнение, что Ленин «прост, как правда», можно понять не только как указание на его простоту, но и как намек на исключительную сложность, даже непознаваемость ленинизма, так как все понимают Правду на свой лад.

Истоки ленинизма следует искать в сфере представлений промежуточного слоя русской интеллигенции, решающей сложнейшую проблему соединения в единую систему массового народного сознания и определенных элементов высокой культуры, жизненно важных для обеспечения государственности. Ленинизм — этап этого культурного движения, приведший к новым исключительным результатам.

Ленин мыслил новое общество инверсионной противоположностью тому, с которым он боролся. Хотя прошлое общество возникало как соборное, тем не менее его дальнейшее развитие позволяло взглянуть на него как на государственное, в значительной степени тяготившее к вотчинной субкультуре и организации. Этому результату развития Ленин противопоставил, вольно или невольно, противоположную идею, тяготившую к древней соборности. Иначе говоря, он искал начало новой государственности в глубоких почвенных силах.

Будучи русским интеллигентом, Ленин на первый план выдвинул массовое народное творчество как некую субстанцию жизни общества. Он следовал основному заблуждению русской интеллигенции: если освободить народ от насилия власти и эксплуатации, то его спонтанные силы сформируют идеальное общество. «Живое творчество масс — вот основной фактор

новой общественности. Социализм не создается по указкам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм: социализм живой, творческий есть создание самих народных масс»¹⁹. «Ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение»²⁰. Однако пролетариат и беднейшее крестьянство выпрямятся «во весь свой рост лишь тогда, когда власть будет в руках пролетариата»²¹. Идеалом стал социальный низ, имеющий вполне определенное организационное воплощение — советы. Еще в 1905 году Ленин рассматривал советы как форму революционной власти «не интеллигенции, не группы заговорщиков, а рабочих и крестьян»²². Идея советов импонировала Ленину своей спонтанностью, простотой и всеобщим характером. Он писал: «Идея советской организации проста и может быть применена не только к пролетарским, но и крестьянским, феодальным и полуфеодальным отношениям». В стране с господствующими архаичными идеалами такой подход открывал путь активизации древних ценностей. Ленин выдвинул идею советов как власти не только на местах, но и в центре: «В политическом отношении Совет рабочих депутатов следует рассматривать как зародыш *временного революционного правительства*. Мне кажется, что Совет должен как можно скорее провозгласить себя временным революционным правительством всей России или (что то же самое, но лишь в иной форме) должен *создать* революционное правительство»²³.

Ленин сразу отверг политику прямого подчинения советов партии. Это было бы несовместимо с господством соборного идеала. Нецелесообразно «требовать от Совета рабочих депутатов принятия социал-демократической программы» и включения его в РСДРП, сужая тем самым его социальную базу. Отдавая дань антигосударственности, локализму советов, он выдвинул идею, что государство, построенное на основе советов, не является государством в обычном понимании. Оно не будет противостоять обществу, но окажется слитым с ним. Существующий разрыв между обществом и государством носит временный характер и определяется различным уровнем сознания разных слоев населения, а также сопротивлением со стороны бывших эксплуататоров. В начале 1918 года Ленин писал: «Именно теперь мы можем сказать, что мы имеем на деле такую организацию власти, которая ясно показывает пе-

¹⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 57.

²⁰ Там же. С. 281.

²¹ Там же. Т. 30. С. 328.

²² Там же. Т. 12. С. 366-367.

²³ Там же. С. 63-64.

реход к полной отмене всякой власти, всякого государства»²⁴. Народные массы должны были сами составить учреждения «новой власти без всякой регламентации»²⁵. Эти идеи, если забыть об иерархической структуре напряженного псевдосинкретизма, готового к переменам, близки к цитированным выше высказываниям Махно. Предполагалось создание небюрократической системы управления, социальной системы, в которой общество и государство синкретичны. Советы являются формой правления стихийных творческих сил: «Советская власть идет от самих трудящихся масс, она дает не парламент, а собрание трудящихся, которое создает законы, исполняющиеся непосредственно, проводящие в жизнь и ставящие своей задачей борьбу с эксплуататорами»²⁶.

Ленин призывал в 1920 году к «полному уничтожению бюрократизма», т. е. начальства, считая необходимым установить «поголовное участие в управлении самих трудящихся»²⁷. Большую ненависть к бюрократии, большой энтузиазм в деле приобщения масс к власти трудно вообразить. О том, что это не были демагогические фразы, свидетельствуют его многократные настойчивые рекомендации выдвигать на руководящую работу людей из низов. Ленин экстраполировал ценности локализма от общины до масштабов большого общества. Это было продолжением старых идей славянофилов, которые говорили о том, что одним из результатов развития является «единая, обнимающая всю Россию государственная община — последний вид, выражение земского и церковного единства»²⁸.

Итак, *совет выступает как клеточка нового общества, как его сущность*. Он объединяет несоединимое. «Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, массовый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица во время труда»²⁹. Вот где клеточка ленинской методологии. В советах, следовательно, олицетворялась двоякая функция: они, с одной стороны, были метафизической основой нового мировоззрения, идеологии нового общества, политики партии и т. д. и одновременно, с другой стороны, понимались в социальном плане как некоторая общественная реальность, с которой надо было повседневно иметь дело, как практически функциональная

²⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 273.

²⁵ Там же. Т. 12. С. 319.

²⁶ Там же. Т. 33.

²⁷ Ленинский сборник. М., 1975. Т. XXXVIII. С. 338.

²⁸ Самарин Ю. Ф. Сочинения. 1877. Т. 1. С. 52.

²⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 203.

форма революции и новой власти. Кажется, никто не уделил должного внимания этой необычной социальной форме, возникшей в нашей стране и крайне плохо приживавшейся в других странах. А между тем здесь проявляется глубокая вечевая специфика народного движения, что в мистифицированной форме и было схвачено Лениным.

Объективный возврат значительной части народа к архаичным формам управления, существовавшим в древних локальных мирах, в общинах, стал отправной точкой нового общества, новой государственности, новой идеологии. История начиналась сызнова, общество пренебрегло новыми альтернативами.

ПСЕВДОСИНКРЕТИЗМ

Массовая активизация архаичных форм управления, стремление В. И. Ленина рассматривать советы в качестве основополагающей для нового общества формы всенародного творчества, базы политики, воплощающей власть большевистской партии, означали, что новое общество опиралось или, во всяком случае, должно было опираться на синкретизм в его культурной и организационной формах. Однако было ли это возможно в глубоко расчлененном обществе, с далеко зашедшим разномыслием, с потребностью в государстве, науке и т. д.? Опыт существования в прошлом обществ, основанных на гибридных идеалах, свидетельствовал о такой возможности. Возврат к синкретизму, т. е. к культурному и организационному слиянию всего разнообразия, всех различий (например, соборности и авторитарности, диктатуры и демократии и т. д.), был невозможен. Тем не менее это стремление раскрывало суть целей и ценностей новой идеологии. Она противоречила повседневной реальности, где наличествовала многообразная расчлененность. Кроме того, общество, достигшее определенного уровня расчлененности и рефлексии, принципиально невозможно вернуть в первобытное синкретическое состояние. Тем не менее подобные тенденции, если они опираются на массовое стремление к синкретизму, могут приобрести характер имитации, попыток создать идеологию, трактующую реально расчлененное общество как синкретическое: например, общество, раздираемое конфликтами, — как братское сотрудничество, как спаянное «морально-политическим единством» и т. д. Этот подход к социальной реальности может рассматриваться не как синкретический, а как *псевдосинкретический*.

Псевдосинкретическая идеология оказалась гибким инструментом для попыток решать медиационную задачу, соединять

конкретное содержание массового сознания с интеграцией общества, с поддержкой институтов, обеспечивающих эту интеграцию. Здесь большевизм был преемником русской революционной интеллигенции, включая декабристов. Движущей силой революционной активности было страстное, доходящее до страдания чувство отпадения от народа, потери почвы, чувство своей беспочвенности, вины перед народом. Все это было результатом глубочайшего раскола между народом и интеллигенцией, образованным слоем. Ответ интеллигенции на раскол был достаточно прост. Она пыталась слиться с народом, перенять у него образ жизни, вплоть до отращивания бород, заимствования одежды, форм труда и т. д. Однако интеллигенция, пройдя определенную школу образования, формировала у себя особое интеллигентское мировоззрение, которое, с одной стороны, было интерпретацией все той же крестьянской культуры, а с другой — складывалось под влиянием ограниченного соприкосновения с мировым культурным опытом. Это стимулировало способность оперировать абстракциями, которые не имели непосредственного содержания в крестьянской жизни, включало представления об общей пользе, о борьбе с государством и т. д. Тем самым интеллигенция навязывала крестьянам чуждый и непонятный им образ жизни. Отторжение от народа происходило несмотря на важный идеологический прием, который пыталась использовать интеллигенция. Она исходила из того, что раскол между народом и интеллигенцией не отражает сути их взаимоотношений и может быть относительно легко преодолен революционным актом. Само представление о расколе интеллигенция пыталась всеми силами вдвинуть, как тяжелый шкаф, между народом и властью. Строилась некоторая иллюзорная модель раскола, которая как будто позволяла объединиться народу и революционерам с тем, чтобы этим нерасчленным единством сокрушить власть. *Трагедия революционной интеллигенции в России заключалась в том, что она не смогла преодолеть свой внутренний раскол между освоенными ею крестьянскими представлениями и представлениями, идущими от большого общества, далеко выходящими за рамки непосредственного крестьянского локализма.*

Пришедший на смену народничеству большевизм учел негативный исторический опыт и выдвинул новый, более сложный вариант решения все той же проблемы. Большевизм отказался от прямолинейной, как гвоздь, идеи непосредственного слияния части общества, теоретически дошедшей до осознания необходимости революции, с народом. В. И. Ленин увидел в учении К. Маркса об исторической миссии рабочего класса, о

его способности взять власть и создать в некотором смысле идеальное, справедливое общество открытие реального субъекта истории. Вместо непосредственного слияния с народом, т. е. главным образом с крестьянством, у большевистской интеллигенции возникла идея слияния через деятельность некоторого посредника, через медиатора. Культурные предпосылки и социальное основание большевизма по сравнению с народничеством расширились за счет включения более динамичных и относительно прогрессивных сил, связанных с городом, с современными видами производства, с западной наукой. Во всяком случае, могло казаться, что большевизм унаследовал от народничества не только реальность глубокого внутреннего раскола с народом, мучительное стремление к слиянию с ним, но и представление о том, что, по сути, на первый план выходит конфликт между эксплуатируемым, подавляемым творческим народом и злобной, враждебной народу властью. Здесь, следовательно, с одной стороны, была идея синкретического слияния народа и интеллигенции (у большевиков — партии), а с другой стороны — доведение до крайней манихейской формы оценки раскола между народом и властью как абсолютно антагонистическими субъектами.

Стремление Ленина к крайностям было средством для решения политических задач, а не самоцелью, как в синкретизме. На слова, что его политика крайностей заводит «черт знает куда», Ленин отвечал: «И прекрасно... Это вода на мою мельницу»³⁰. «Буржуазная или социалистическая идеология: середины тут нет...»³¹. «Средины нет, середина — пустая мечта мелкобуржуазного демократа»³². Так как буржуазия и другие эксплуататоры, по Ленину, господствовали в обществе, следовательно, общество — сфера зла, против которого выступает носитель добра, т. е. пролетариат, руководимый сакральным центром — партией, ее руководством. Постоянное стремление говорить на всем понятном языке манихейства привело к усилению все той же тенденции сводить все формы раскола к расколу между народом (бедными) и властью (богатыми).

Манихейское отрицание середины проявилось, в частности, в том, как в период назревания переворота Ленин постоянно повторял, что предлагаемые большевиками мероприятия просты, элементарны, что для их воплощения достаточно «одного удара», «декретирования». Иначе говоря, народу предлагалось, слившись с партией, совершить молниеносное чудо. Эта пози-

³⁰ См.: Авторханов А. Г. Ленин в судьбах России// Новый мир. 1991. № 1. С. 176.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 39.

³² Там же. Т. 34. С. 319.

ция отражала не только манихейские представления вождя большевизма, но и массовую веру в чудо инверсии-революции. Господство инверсионного механизма динамики страны предвещало инверсионный, приобретающий катастрофический характер переход от первого глобального периода ко второму.

СКОЛЬКО ЭЛЕМЕНТОВ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ БОЛЬШЕВИЗМА?

Идеологическая модель большевизма, в соответствии с до предела упрощенной манихейской моделью мира, содержит два основных элемента, две находящиеся в непримиримой схватке субстанции, два социальных субъекта всего миропорядка — добро и зло, интерпретируемые в большевизме как социализм и капитализм, бедные и богатые, рабочие и буржуазия и т. д. Однако эта примитивная модель, претендующая на социологическое объяснение бесконечного многообразия как российской, так и мировой реальности, вступила в противоречие с попытками большевизма осмыслить общество как некоторое многообразие. В идеологической модели абсолютно необходимой была фиксация трех основных сил. Это прежде всего буржуазия и пролетариат, что непосредственно укладывалось в манихейскую модель. Третий элемент — это «мелкая буржуазия»³³, фактически крестьянство, которое составляло подавляющее большинство в обществе. Но это сразу ставило проблему: где в этой модели предполагается раскол, куда двигать шкаф?

Отвечая на этот проблемный вопрос, В. И. Ленин создал теорию двойственности крестьянства, которое, согласно его схеме, постоянно колеблется между «Мы» и «Они», между рабочим классом и буржуазией. Крестьянин, по выражению Л. Д. Троцкого,— «Янус в лаптях». Это значит, что раскол проходит внутри крестьянства, даже внутри каждого крестьянина. Подобное развитие идеологической модели влекло за собой ряд важных следствий в концепции ленинизма. Во-первых, появилась возможность дифференциации иных социокультурных групп, истолкования их неоднозначного отношения к основополагающему признаку социальной принадлежности, т. е. возможность всю дифференцированную реальность общества интерпретировать через эту проблемную установку двоичности. Во-вторых, проблемность неизбежно требовала введения в модель фактора, который должен был разрешать эту проблему — определять, кто реально относится

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 41.

к сферам добра или зла. Решение этой задачи совсем не очевидно, и есть немало факторов, которые сдвигали бы колеблющихся либо к «Мы», либо к «Они». Все это весьма усложняло идеологическую модель, открывая возможность вводить в нее неопределенное множество элементов, и прежде всего элемент напряженности, а в конечном итоге — динамизма. Исключительная важность этой модели для понимания сути большевизма требует более детального ее рассмотрения.

ПАРТИЯ НОВОГО ТИПА

На первом плане в идеологической модели большевизма стоит сила, воплощающая высшую Правду и способная «тянуть» за собой все общество, всех, кого большевизм полностью не противопоставил себе. Таким центром тяготения в этой модели является так называемая *партия нового типа*, т. е. организация медиационного типа, главная функция которой заключается в решении медиационной задачи.

В отличие от партии в либеральном смысле, которая завоевывает свое влияние в диалоге, партия нового типа, для того чтобы стать правящей, должна быть монологичной, быть реальным воплощением высшей Правды, быть хранителем ценностей земли. «Партия всегда права», — говорил Л. Троцкий. Она монологична по своей сути, так как ведет народ к единой высшей Правде. Она претендует на крайне важный результат, на то, чтобы стать комфортным монологическим тотемом массового архаичного сознания. Поэтому партия нового типа противоположна партиям либерального типа, которые постоянно спорят друг с другом, уже тем самым вызывая у носителей традиционной культуры дискомфортное состояние. Монологическое сознание абсолютизирует цель и допускает обсуждение средств лишь в рамках, не ставящих ее под угрозу. Отсюда рассмотрение всякого плюрализма, любых организационных форм для постоянного диалога как обмана, как «говорильни», затемняющих совершенно ясное и очевидное лицо Правды либо по глупости, либо в результате злого умысла, подкупа.

В сущности, партия нового типа — не партия в обычном понимании. Это особый социальный феномен медиационного типа. Партия в своем самосознании права даже в том случае, когда ее точка зрения инверсионным образом меняется. Меняясь, она остается неизменной в некоем высшем смысле. Массы могли пойти лишь за вечной, абсолютной, готовой Правдой, не допускающей кривотолков, заумных и непонятных рассуждений. Партия нового типа могла победить, только если она

представала как убежище, обиталище этой единой и единственной самоочевидной Правды.

В мире, где господствует кривда, Партия существует как некоторый оазис. Например, староверы считают себя сообществом, где и «ныне Правда обретается». Различные сообщества, коммуны духовных братьев и «чад Божьих» являлись островками «Царства Божия на земле». Теперь таким оазисом стала партия, которая явилась воплощением Правды и, одновременно, научной истины. Эта модификация была уже подготовлена до Ленина промежуточной интеллигенцией, которая ставила на место праведников себя, «друзей народа», различные партии и группы.

Партия нового типа, следовательно, — организационное воплощение высшей Правды, организация силы Правды, она сама — Правда. Она — тотем, противостоящий антитотему. Люди партии, сливаясь с Правдой, сами становятся ее воплощением.

Важнейшая нравственная обязанность партии состоит в охране каналов информации от проникновения в них кривды. Это и определяет нетерпимость и организационную жесткость партии, не допускающей ни перерастания взаимоотношений партии с народом в полемику по поводу правомерности монолога вообще, ни вторжения конкурирующего монолога. Исключительное чутье Ленина подсказывало необходимость постоянной борьбы за органическое единство организационного и нравственного идеала. Пожалуй, никто до Ленина не ощущал так остро эту связь, не бился с таким ожесточением за организационную форму монолога.

Ленин связывал утверждение своего идеала с массовым взрывом инверсионного типа. Сердцевина этой тактики заключается в стремлении институционализировать энергию масс, ее активное, подчас разрушительное движение, претворить ее в мощный энергетический источник организации медиационного типа, ибо господство псевдосинкретизма возможно лишь на основе особого типа организации, которая способна улавливать массовую социальную энергию, стимулируемую идеологией, и использовать ее для создания государства нового типа. Псевдосинкретизм — это социокультурный феномен.

Для функционирования такой организации необходима определенная группа людей, способная превратить бремя государственных обязанностей, строительства государства в свою собственную цель. Крестьянские восстания прошлого могли в лучшем случае выдвигать вождей, способных управлять государством на основе традиционных ценностей, т. е. ценностей, созданных на культурной основе патриархального сообщества,

экстраполяции его культуры на большое общество. Теперь, однако, нужны были совершенно иные люди. «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918) обвиняли неэлитарную интеллигенцию в безалаберности и неспособности заниматься серьезным трудом. Критики проглядели, что в ней было меньшинство, способное к тяжелой организационной работе. Среди него попадались выдающиеся организаторы. Именно эта способность к организационной деятельности создавала определенное сходство между этими людьми и той интеллигенцией, которая находилась на службе у царского правительства и своим трудом строила государство. Новое движение ориентировалось на организаторов государства, которые вели свою традицию, как полагают некоторые, чуть ли не с князя Курбского³⁴. Федотов называл этих людей «русскими европейцами», «строителями империи». Характерно, что именно люди, способные к организационной работе, рассматриваются как европейцы, как западный элемент русской культуры.

Рост небольшого числа неправительственной интеллигенции, способной к организационной работе, был очень важным для страны явлением. Он открывал возможность построения организаций медиационного типа, соединяющих несоединимое, решающих медиационную задачу через использование утилитарных манипуляторских механизмов и идеологии псевдосинкретизма.

В стремлении сделать партию гарантом от кривды, превратить ее в тотем в глазах миллионов — суть ленинизма. Ленин постоянно стремился создать *не партию в обычном понимании этого слова, а особый социальный механизм, улавливающий энергию масс*. Подобная попытка соединить, как заметил Бердяев, Степана Разина и Маркса была, в сущности, труднейшей, мучительной работой по выявлению в окружающем вечевом хаосе крупниц государственности. Это была попытка создать в кризисной ситуации машину, борющуюся с губительным для расколотого общества энтропийным процессом, машину, высасывающую социальную энергию из среды и направляющую ее в организационное строительство. Вера в массовое творчество, однако, не мешала Ленину стремиться к созданию организации, которая, не ожидая взрыва энергии, постоянно и повседневно стремилась извлекать из общества ее крупницы. Один из методов решения этой задачи — эффект парусника. Парусник, благодаря определенной конструкции парусов и умелому обращению, может плыть не только прямо по ветру, но и под углом к нему и, прибегая к маневру, — чуть ли не

³⁴ Федотов Г. П. Русский человек// Россия и свобода. Нью-Йорк, 1981. С. 91.

против ветра. Точно так же медиационная организация может расти, используя возбуждение масс, содержание которого подчас весьма далеко от системы ценностей медиатора, от целей государственности.

Партия нового типа, как любая организация медиационного типа, ставила своей непосредственной целью увеличить свое влияние, с тем чтобы возвысить себя до масштабов всего общества. В конечном итоге она, в противоположность другим партиям страны, была нацелена на инверсию в ее самой крайней форме. Приход этой партии к власти объяснялся тем, что она единственная в стране была готова к массовой инверсии, к тому, чтобы превратить инверсию в силу власти. Она — единственная, в которой идеально воплотилось манихейство массового сознания. Все иные партии погибли, так как они не учитывали существование гигантского инверсионного маховика, который швырял Россию из одной крайности в другую. Они погибли, пытаясь задержать инверсионную волну, сметавшую все на своем пути. Эти партии не могли, в силу своих принципов, следовать к тому полюсу, куда катилась эта волна. Большевизм был исключением. Ленин говорил: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию»³⁵. В основе веры Ленина в партию, в ее способность перевернуть общество лежало не стремление к заговору, как это многие полагают до сих пор, а уверенность в неизбежности мощного инверсионного взрыва (революции), который вдохнет в партию могучую силу.

Псевдосинкретическая идеология и идея создания партии нового типа внутренне глубоко связаны между собой. Псевдосинкретизм внутренне напряжен, он несет в себе конструктивную напряженность большой силы. Его существование оправдано постоянным стремлением подтянуть к вершине, к высшей Правде все без исключения слои общества, сделать всех сознательными, объединить всех в борьбе против кривды. Идея партии нового типа как союза единомышленников, наиболее передового отряда народа означает, что непосредственно руководят, управляют наиболее сознательные, т. е. те, кто ближе всех к высшей Правде, будучи практически способными при этом к организационной работе.

Высший уровень занимает ядро партии, носители основной идеи, т. е. *правящая элита*. Она, в принципе, подчинена монгологу Правды, является воплощением ее нравственной и организационной сути в той интерпретации, которая в данный момент является господствующей в партии. *Руководящее ядро*

³⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 6. С. 127.

правлящей элиты воплощает авторитарный принцип. Это следует понимать как беспрекословное подчинение всех без исключения членов партии и зависимых от партии людей и организаций принятым решениям, которые, однако, не обязательно являются единоличным решением вождя. Следовательно, система псевдосинкретизма включала в себя авторитаризм, но не как абсолютную ценность, противостоящую другим идеалам, а как один из элементов некоторой сложной конструкции. Партия в идеале воплощала этот элемент. Любое значимое колебание в ее рядах, тем более в ее ядре, состоящем из профессионалов-революционеров, грозило утратой высших абсолютных ценностей, потерей тотемической сущности. Партия должна стать скалой в хаосе вечной анархии зла, которое несет буржуазия. В ее твердокаменности — залог возможности сохранить высшую Правду, передать ее народу. Диалог, сохранение меньшинством своего особого мнения, фракций и т. д. могут разрушить единственный путь к Правде, сделать его всего лишь одним из многих путей, что собьет народ с дороги социализма, оторвет авангард от масс.

Необходимость подчинения авторитарному монологу вызывала в партии ожесточенную борьбу. В ней возникло крыло, тяготевшее к либерализму. Его представители, как и Маркс, видели главную задачу партии в стимулировании развития самосознания пролетариата³⁶. Для этого течения была неприемлема авторитарная организация, невозможен отказ от определенных элементов разномыслия внутри партии. Это течение было несовместимо с псевдосинкретизмом.

Другое течение, получившее название меньшевизма, оказалось неспособным преодолеть местную кружковую ограниченность, подняться до понимания интересов целого. Оно оказалось в определенной зависимости от вечевого идеала, унаследовав в какой-то степени его локальную ограниченность.

Поскольку партия нового типа рассматривала себя как носительницу высшей Правды, она выступала как мессианская сила, как коллективный пророк, несущий Правду в массы. Ленин полагал, что партия должна идти во все слои общества и помогать всем двигаться к высшей Правде. Это возможно и необходимо, по мнению Ленина, так как народ инстинктивно тянется к Правде, хотя сам этого в должной степени не осознает. *Ленин был полон веры в существование классового чувства рабочего. В этом можно видеть важнейшую форму основного заблуждения интеллигенции.* По его мнению, «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что

³⁶ См.: Плеханов Г. В. Сочинения. М., Л., 1926. Т. 15. С. 123.

иное, как зачаточную форму сознательности»³⁷. Вместе с тем он видел в научном коммунизме теоретическое выражение потребностей рабочего класса. *Это позволяло рассматривать массовое сознание как скрытую неразвернутую высшую истину, а научную теорию — как развернутую формулировку Правды народного сознания.* Гарантом Правды выступает классовый инстинкт угнетенного, с одной стороны, и последнее слово науки — с другой. Различия между ними сотрутся в процессе приобщения масс к высшей Правде-истине. Поскольку к высшей Правде через мир зла ведет лишь один путь, то пройти по нему можно лишь с поводырем, который уже знает путь инициации, партиципации.

РАБОЧИЙ КЛАСС

Идеологическая модель большевизма в целом носит иерархический характер, в ней все уровни размещаются на прямой, ведущей от бездны кривды к вершинам (или наоборот). За партией идут рабочие, связанные с городом и машинным производством. Рабочие представляли для Ленина, для партийной интеллигенции особый интерес. В крестьянской стране (в 1897 году в деревне проживало 85% населения) для успеха ленинизма был необходим какой-то более или менее значительный слой населения, который был бы ближе к ценностям высшей культуры, прежде всего к ценностям государственности, ближе к ценностям машинного производства и связанных с ним форм организаций.

Сам рабочий класс не был однородным. К высшему уровню принадлежала «рабочая интеллигенция», передовой отряд рабочего класса, организатор партии и социальная база ее руководства. Близки к этой группе, а подчас и слиты с ней интеллигентные рабочие, способные воспринять «общую идею политической борьбы». За немногочисленным передовым отрядом следуют широкие массы «средних рабочих», которые, по Ленину, «жадно стремятся к социализму», но не в состоянии разобраться в теории. Наконец, «масса низших слоев пролетариата», которым недоступна даже газета. Иерархия уровней развития рабочего класса есть иерархия нравственных задач. Высшие нравственные требования предъявляются рабочей интеллигенции, суть их — в максимальном осознании Правды, поскольку ее миссия — стать выразителем классовых интересов рабочих в целом. Ее задача — «приблизиться к массе, к ее уровню», но ни в коем случае не «потакать предрассудкам и

³⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 6. С. 29-30.

отсталости массы, а неуклонно поднимать ее на уровень все более и более высокий и т. д., и т. п.»³⁸.

Ленин склонялся к определению рабочего класса через эксплуатацию, тем самым приспособляясь к массовому сознанию и одновременно делая границы класса неопределенными. С одной стороны, Ленин рассматривал инженеров как принадлежащих к рабочему классу, с другой же — провозглашал возможность определения беднейшего крестьянства как сельского пролетариата: «К представителям сельского пролетариата должно отнести не менее половины всего числа крестьянских дворов (что составляет $\frac{4}{10}$ населения), т. е. всех безлошадных и большую часть однолошадных крестьян»³⁹. Далее он настаивает на необходимости относить неимущее крестьянство к сельскому пролетариату⁴⁰. Его анализ имел явный крен к определению рабочего класса через схему «бедный — богатый», совпадающую с антитезой добра и зла. Эта русская версия марксизма и внедрялась в сознание масс. «Богатые и жулики — это две стороны одной медали, это два главных разряда *паразитов*, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма»⁴¹. Рабочие, разумеется, их антитеза. Партия могла повести рабочих за собой при одном обязательном условии: необходимо было убедить их, что идеалы, которые несет партия, дают средство для достижения целей, уже созревших в сознании рабочих. Но для решения этой задачи партии предстояло проникнуться ценностями рабочих, убедить их в том, что партия и есть та сила Правды, приобщение к которой вдохнет силу в самих рабочих. В принципе это соответствовало философским основам партийной доктрины, понимавшей партию как специфически рабочую. *В действительности же партия могла идти навстречу потребностям рабочих лишь в той степени, в какой это соответствовало, не противоречило решению медиационной задачи.* Надо было так интерпретировать настроения и действия тех, кого партия на данный момент рассматривала как рабочих, чтобы использовать их социальную энергию для создания государства.

Это требовало постоянной работы над доктриной, корректировки ее в соответствии с изменениями массового сознания, работы по поиску эффективного компромисса. Эта задача решалась в процессе ожесточенной внутрипартийной борьбы против доктринеров, следующих логике теории и угрожающих тем самым взаимопониманию между партией и рабочими, по-

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44.

³⁹ Там же. Т. 3. С. 170.

⁴⁰ Там же. С. 171-172.

⁴¹ Там же. Т. 26.

скольку, углубляя доктрину, они делали ее недоступной пониманию рабочих. Это практически означало, что те или иные доктрины партии не могли навязываться рабочим, но сами доктрины, сами действия партии должны были учитывать систему ценностей рабочего класса. Вот пример. В октябре 1913 года кадетская газета «Речь» подчеркивала, что сочувствием большинства рабочих пользуются большевистские депутаты Думы, но не депутаты социал-демократов, склонные к либерализму. Настроения рабочих толкали депутатов на крайние действия. Рабочие выражали недовольство недостаточно твердым их поведением. Большевики делали все, чтобы максимально сблизить свою систему ценностей с ценностями рабочих. Возможность этого лежала на путях перехода к более крайним действиям и требованиям, на путях поведения инверсионного типа, манихейской идеологии. Невозможность для слабой партии управлять рабочими авторитарными методами, необходимость идти навстречу их системе ценностей требовала от руководства партии основывать свое отношение к ним на идеале общего согласия. Руководство партии должно было работать над проблемой компромисса своей концепции Правды с реальными рабочими. *Таким образом, псевдосинкретизм включает в себя второй уровень иерархии, ориентированный на специфический социальный слой (рабочий класс) и несущий особый идеал, который в идеологической модели выступает не как самостоятельный, а в качестве необходимого элемента псевдосинкретизма как целого.*

КРЕСТЬЯНСТВО

Следующий уровень иерархии идеологической модели — крестьянство. Именно оно в конечном итоге решало судьбу страны, что постепенно поняли Ленин и его окружение. Уже вскоре после переворота было констатировано, что влияние в обществе массовых ценностей крестьянства было столь велико, что «рабочая по форме революция по существу была еще крестьянской; глухая стена деревенской диктатуры сковывала нас на каждом шагу»⁴². Для вовлечения крестьянства в орбиту деятельности революционной организации существовали на первый взгляд непреодолимые препятствия: во-первых, его система ценностей была чужда ценностям прогресса; во-вторых, локалистское мировосприятие противоречило ориентации на государственность; в-третьих, умеренный утилитаризм постоянно рождал развитие его формы, что было смертельно

⁴² Ларин Ю. У колыбели// Народное хозяйство. 1918. № 11. С. 21.

опасно для всей системы псевдосинкретизма. Возможности для формирования аппарата партии в деревне были совершенно незначительны. Удельный вес крестьян в партии вырос с 1905 по 1917 год с 4,7 до 7,6%. Учитывая, что общая численность членов партии до свержения монархии составляла менее 24 тысяч, влияние партии на крестьянство было мизерным. Оставалось ждать, следить за событиями, выдвигать лозунги, тесты и ожидать реакции масс, а главное — постараться в самой системе ценностей крестьян найти какие-то элементы, которые могли бы быть положены в основу системы коммуникаций с ними.

Для решения этой проблемы Ленин разработал учение о союзе рабочего класса и крестьянства. Его смысл заключался в необходимости через рабочих распространить влияние партии на основную часть населения. «Доверьтесь рабочим, товарищи крестьяне», — призывал Ленин⁴³. Он разработал концепцию революции в России, предусматривающую максимальное сближение партии с крестьянством.

Судьба буржуазной революции определялась, по мнению Ленина, колебаниями крестьянства между либеральной буржуазией и пролетариатом, что ставит перед пролетариатом задачу перетянуть крестьян на свою сторону и установить с ними союз, основу *будущей революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства*. Возможно, это самый безумный теоретический ход ленинизма. Необходимо было любой ценой избежать конфликта с крестьянством, нужно было стать своими для него. Но для этого требовалось включить в саму доктрину партии определенные крестьянские ценности. В сущности, от этого зависело все. *Ленин был вынужден признать ценности крестьянства, перейти на его позиции, практически усвоить вечерую точку зрения*. В 1894 году Ленин писал: «Социал-демократы безусловно примыкают к требованиям полного восстановления крестьянства в гражданских правах, полной отмены всяких привилегий дворянства, уничтожения бюрократической опеки над крестьянством и предоставления ему самоуправления»⁴⁴. В дальнейшем с нарастанием кризиса в стране Ленин выдвигает все более смелые, многообещающие лозунги соединения партии с крестьянством. В 1902 году он заявил: «Мы верим, что ввиду того, что социал-демократия выступила теперь на борьбу за крестьянские интересы, мы в будущем будем считаться с фактом, что крестьянская масса привыкнет смотреть на социал-демократию

⁴³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 34. С. 116.

⁴⁴ Там же. Т. 1. С. 300.

как на защитницу ее интересов»⁴⁵. Ленин выступил в защиту общины. Надежда на поддержку со стороны крестьянства основывалась на убеждении в способности партии указать беднейшему крестьянству причины его бед, отыскать реальных виновников.

Своего апогея подобная ориентация достигла на следующий день после установления советской власти. Известный декрет «О земле» и приложенный к нему в качестве руководства по осуществлению земельных преобразований крестьянский наказ о земле, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов, представляют собой торжество архаичных идеалов. О значении этого важнейшего события еще будет идти речь. Ленин считал: «Как демократическое правительство мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав... Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам»⁴⁶. Это высказывание представляет большой интерес. Ленин последовательно шел на разработку приемлемого для крестьянства компромисса, версии Правды, которая могла лежать в основе коммуникаций между партийной элитой и основной массой населения.

Это отступление партии перед ценностями крестьянства практически означало, что компромисс заключался не на основе авторитаризма и не на основе ценностей всеобщего спонтанного согласия. Он заключался на основе соборного идеала, т. е. признания необходимости включения в систему Правды стихийного, неуправляемого или слабо управляемого элемента. Это отступление перед ценностями крестьянства открывало для партии мощный источник энергии. Безусловно правы А. И. Елизарова-Ульянова, И. А. Бунин, которые утверждали, что своей победой Ленин обязан знанию мужика и своей крестьянской политике на основе предоставления крестьянскому сообществу права самим решать свои дела.

Следовательно, в качестве третьего уровня, включенного в псевдосинкретизм, выступал соборный идеал. Необходимость признания его, как и двух предшествующих, диктовалась не только тем, что за каждым идеалом стояла достаточно мощная реальность, но и тем, что воспроизводство государственности не могло игнорировать ни один из этих значимых элементов реальности.

⁴⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 6.

⁴⁶ Там же. Т. 35. С. 27.

Этот компромисс с крестьянством, далеко идущее стремление идти ему навстречу означали, что партия сделала своей главной опорой силы, защищающие докапиталистические идеалы, силы, тяготеющие к синкретизму.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Разнообразие социокультурных групп в обществе для большевизма, как, впрочем, и для других партий, пытающихся «овладеть массой», имеет двойной смысл. С одной стороны, система ценностей социокультурной группы, включенная в модель,— объективное явление, нечто внешнее, освоенное идеологией, нечто, с чем необходимо считаться. Но, с другой стороны, это внешнее становится определенным содержанием большевизма, элементом его идеологической модели. И соборный, и авторитарный идеалы, и марксизм, и «грабь награбленное», и «собственность есть кража» — все что угодно может стать предметом интереса большевистской идеологии, включиться в ее содержание, если это представляется значимым для достижения поставленных целей. Разумеется, преодоление разрыва между разными оценками является задачей идеологической деятельности. Например, превращение крестьянских представлений о целях и ценностях из внешнего фактора идеологии во внутренний означает, что сами эти ценности приобретают в партии свою оценку, внешнюю для крестьян и внутреннюю для идеологии. Эта внутренняя оценка связана с тем, что в идеологической модели любая значимая социокультурная группа занимает определенное место на напряженной идеологической прямой между абсолютной Правдой и абсолютной кривдой. Конечно, эти разные оценки, вошедшие в идеологию, противоречие, раскол между ними могут привести партию к гибели (вспомним народничество!) и являются предметом постоянной озабоченности, рефлексии, постоянного воздействия с тем, чтобы уменьшить разрыв между оценками. В соответствии с идеологической моделью преодолеть разрыв можно в результате движения к высшей Правде. *Большевизм существенно критичен и рефлексивен по отношению к собственным оценкам.* По сути дела, постоянная борьба против расхождения этих оценок составляет живое содержание идеологического творчества большевизма.

Для выявления механизма этого процесса необходимо выделить *обобщенные типы реальных систем ценностей, которые большевистская идеология была способна включать в свою систему ценностей, делать их в явном или скрытом виде своим содержанием, своими обобщенными ипостасями,*

своим языком. Здесь можно выделить, *во-первых, традиционализм*, необходимый для взаимопроникновения разных ценностных смыслов, для установления коммуникаций с основной частью народа; *во-вторых, усеченный либерализм*, необходимый для превращения всех достижений мирового либерализма, прежде всего техники, науки, организации труда и т. д., в набор средств для коммуникаций, обмена смыслами со всеми силами, способными быть движущей силой модернизации, для подтягивания общества до уровня проблем модернизации. Большевизм был нацелен на синтез этих двух различных, в некотором смысле даже противоположных, систем ценностей. *Над этими двумя ипостасями была надстроена третья — утилитаризм*, последовательно реализуемый на практике в деятельности партии нового типа. Эта третья ипостась может играть объединяющую, синтезирующую роль, что возможно, если первые две превращаются в реальный предмет манипулирования.

Роль утилитаризма в большевистской идеологии исключительно велика. Достаточно общеизвестно мощное влияние утилитаризма на мировоззрение русской интеллигенции. Там он был подчинен целям освобождения народа, удовлетворения его потребностей. Утилитаризм интеллигенции подошел к идее утилитарного отношения к искусству, к теории. Сложилось убеждение, что та теория хороша, нравственна, которая помогает достижению поставленной цели. Этот утилитаризм допускал парадоксальные выводы — что не нужны, например, бесценные творения национальной культуры, творчество Пушкина и т. д., так как они не утилитарны, не соответствуют сиюминутным задачам обеспечения блага народа. Более того, *утилитаризм открыл возможность использовать народные, как, впрочем, и либеральные, представления как средства для достижения целей, чуждых самим этим представлениям, их носителям.* Господствующая роль утилитаризма в большевизме могла быть выражена вполне безобидным образом, например, в убеждении о необходимости для партии разговаривать на языке соответствующих социальных групп. Ленин считал, что «человек, выступающий перед рабочей массой» может говорить «в терминах, наиболее обычных для неразвитой массы»⁴⁷. Внимание большевизма было направлено на постоянное вычитывание в массовом сознании основных ценностей, тенденций развития. В период нэпа Ленин говорил о необходимости «изобразить... возврат к меновой экономике, к капитализму как некоторое временное отступление». Это бы-

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 423.

ло, по его мнению, нужно, «чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе», поскольку нельзя «вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни»⁴⁸. Следовательно, проблема смысловых коммуникаций, диалога переходит с уровня слов на уровень интерпретации сложных процессов, что в конечном итоге является проблемой связи между социальными группами с глубочайшими культурными различиями.

Ленин не раскрыл суть механизма псевдосинкретизма, т. е. не подверг его рефлексивному исследованию. Но этот механизм хорошо прослеживается в ленинизме, выдвинувшем идею создания некоторой медиационной организации — хранителя народного идеала и идеи массовой инверсии. Соединение того и другого, т. е. превращение энергии инверсии в энергию партии, создало возможность интеграции общества, дошедшего до крайних форм распада и локализма. Без понимания этой сути ленинизма, которая с марксизмом, кстати говоря, не имеет ничего общего, нельзя понять новое общество, его идеологию.

Развитие утилитаризма приводит к появлению людей, способных быть идеологами, т. е. деятелей, способных отделять себя от собственных представлений и рассматривать культуры, их элементы не как естественную самооценку, но как средство для утилитарных целей, например, для соединения церковного богословия с массовым сознанием, для соединения государственности и ценностей основной части населения, даже если последняя мыслит и живет в догосударственных представлениях.

Утилитаризм не сводится к личной корысти, но является определенной формой логики, формой мышления, которое способно отвергать и использовать любых богов, любые ценности разных культур. Идеология есть особый феномен культуры, превращающий последнюю в утилитарное средство социальной интеграции. Псевдосинкретическая идеология большевизма была призвана постоянно интерпретировать, находить меру соотношения двух первых ипостасей для их соединения, отождествления в изменяющейся ситуации, чутко реагировать на сдвиги в массовом сознании, руководствуясь при этом лишь одной задачей — созданием общей нравственной основы для воспроизводства интеграции общества.

Идеология действительна лишь тогда, когда она является формой интерпретации массовых культурных процессов, способна вписаться в различные, противоположные культурные пласты расколотого общества. В самом общем виде суть идеологии в том, что она создает основу для убеждения людей, стоящих по

⁴⁸ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж; Нью-Йорк, 1983. С. 30, 117.

разные стороны раскола, что народная Правда и *есть* научная истина и, наоборот, что научная истина и есть Правда, что свобода и есть воля и, наоборот, что демократия и есть общинное локальное самоуправление, поднятое до масштабов общества, что государственный социализм и есть общинный социализм, что первое лицо в государстве и есть патриархальный отец, что любое явление — потенциальный оборотень, что любой ущерб, неудача тождественны воле скрытого врага и т. д. Например, люди, верящие в народную Правду, полагают, что наука приводит к тем же результатам, так как она открывает, систематизирует лишь то, что народ сознает, но не всегда может выразить.

Ипостасное мышление открывает достаточно широкие возможности социальной интеграции. Например, вокруг слова «империализм» можно объединить как тех, кто видит в этом научное определение капиталистической реальности, так и тех носителей архаичных традиций, кто ищет современное воплощение мирового зла. Идеология основана на двусмысленности слов, представлений, словосочетаний, понятий. Иногда они прямо носят сдвоенный характер, например, «батько-командарм», как именовал себя Махно, «народный академик», «руководящая роль партии как форма народовластия», «генеральный секретарь», «социалистическое государство, воплощая народовластие, является отрицанием государства» и т. п. В каждом из возможных представлений два различных, отрицающих друг друга полюса. Одну из ипостасей этого мышления можно рассматривать также и как форму освоения предметности, т. е. воспроизведения внекультурной предметной реальности в понятиях, представлениях, теориях, концепциях и т. д., в перспективе претендующих на научный характер, на объективное содержание. Другая ипостась является воплощением личностной культуры значительной части общества, несущей архаичное содержание.

Ипостасное мышление приобрело в псевдосинкретизме характер отождествления, слияния массового сознания и науки, что можно расценивать и как попытку вернуться к синкретизму, не расставаясь с наукой, и, одновременно, как попытку перейти к научному мышлению, не расставаясь с обыденным сознанием. Псевдосинкретизм излагается на языке науки (эксплуатация, революция, социализм и т. д.), что делает его понятным интеллигенции. Но одновременно его структура имеет форму синкретического повествования, манихейской нравственной притчи, лубка и именно в таком виде воспринимается широкими массами. Это достигается тем, что его научная сторона построена как модификация представлений массо-

вого сознания (мироедство, борьба за волю, царство Правды и т. д.). Люди, вышедшие из низов и получившие какие-то представления о языке науки, видели в ней рационализацию древних идеалов народа, а не выход человечества к ранее скрытой реальности. Характерно высказывание Н. И. Рысакова, одного из участников убийства Александра II: «Свои социалистические убеждения я почерпнул из крестьянства, убеждения эти правильно сформировались только за последние два года, когда я сумел их подвести под известные уже в науке формулы. Я убежден в том, что вся масса страданий низшего класса всякого государства, что деления всякого народа на два весьма не похожих друг на друга лагеря — имущих и неимущих, что порабощение неимущих имущими и т. д. происходит от существования строя, который я называю либеральным».

Псевдосинкретизм как попытка нерасчлененного слияния разнородных пластов мышления не был изобретением большевизма, но большевизм, усилив в нем значимость утилитаризма, превратив в средство специализированной идеологической деятельности, придал ему заверченный характер. Созданная идеологическая модель имела целью направить развитие страны к некоторому мысленно сконструированному идеальному состоянию, используя для этого все мыслимые и немыслимые средства. Причем для каждой социокультурной группы мог выработываться особый язык. Идеология носила жестко нормативный характер и не знала альтернатив. Имитируя и науку, и миф, она как бы точно знала, куда должно идти общество. Фактически, однако, альтернативы входили в эту модель. Это прежде всего альтернатива чисто инверсионного типа, связанная с возможностью движения общества по прямой, соединяющей Правду и кривду, но в обратном направлении. Во-вторых, сама высшая Правда могла подспудно интерпретироваться, изменяться, например, включать в себя модернизацию, элементы либерализма и все, что угодно. Это делало псевдосинкретическую модель способной в определенных рамках проявлять гибкость перед лицом вызова истории.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ БОЛЬШЕВИЗМА

Определяющее влияние утилитаризма в идеологии означало в конечном итоге, что сама Правда стала предметом утилитарного манипулирования. Как апостол Павел, который с иудеями говорил, как иудей, с эллинами — как эллин, с варварами — как варвар, так и Ленин с каждой из групп населения говорил на ее языке. Как только позволяла общая ситуация, утилитарные принципы открывали возможность для измене-

ния соотношения сил, отказа от компромисса, отступления от ценностей тех или иных сословий якобы во имя высшей Правды. Разномыслие, следовательно, рассматривалось как фактор, который следует, в конечном итоге, использовать как стимул для его ликвидации. Все сводилось к убеждению, что правда едина и единственна.

Выдвижение утилитаризма на первый план среди ипостасей псевдосинкретизма означало, что, хотя принцип моноло- гизма Правды оставался незыблемым, в действительности за этой видимостью шел постоянный поиск компромисса между ипостасями в соответствии с их социальной значи- мостью, в соответствии с необходимостью в конкретной ситуации решать медиационную задачу. Значит, была воз- можность в угоду конъюнктурности отойти от версии Правды, которая только что казалась единственно возмож- ной и оставалась таковой после своего изменения.

Тем самым псевдосинкретизм отошел также и от револю- ционного просветительства, признав, что сама высшая Правда нуждается в корректировке массовым сознанием. Партия, ден- но и ночью приобщая массы к высшей Правде, должна одно- временно корректировать, развивать высшую Правду, прислу- шиваясь к ней в народной жизни. Партия должна была учить народ и одновременно учиться у него. Таким образом, постоя- нно совершенствовалась возможность решать медиационную задачу. При господстве утилитаризма Правда не могла быть чем-то абсолютным, как это было в синкретизме. Она не могла быть и синонимом научной истины. Содержание Правды стало в известном смысле проблематичным. В этом отходе от синкретизма существенный признак псевдосинкретизма. Правда в псевдосинкретизме стала результатом постоянного утили- тарного поиска, решения медиационной задачи, т. е. компро- мисса между разномыслием и интеграцией, движения от не- сознательности к Правде в ее высшей форме. Для партии это означало необходимость отстаивать свои ценности на языке ценностей каждой из значимых групп, попавших в сферу «на- ших».

Значение государственной идеологии прежде всего в том, чтобы неустанно и повседневно формировать для массового сознания комфортную картину мира. Она, с одной стороны, должна опираться на господствующую сегодня форму нравст- венного идеала, а с другой — направлять массовую воспроиз- водственную деятельность против дезинтеграции. Накал идео- логической деятельности был не просто результатом злой воли тех или иных большевистских лидеров, но свидетельствовал о том, что в расколотом обществе решению указанной двойкой

задачи постоянно угрожала опасность несовместимости ее сторон. Тем не менее деятели «идеологического фронта» постоянно пытались строить картину комфортного мира, опираясь на прошлый опыт борцов за Правду, включавший и прямые фальсификации, составление подложных царских грамот⁴⁹, призванных вызвать у народа эмоциональный взрыв в «нужном» направлении.

Вся дальнейшая одиссея псевдосинкретизма драматическим образом следовала за массовыми нравственными идеалами, перебирая в определенной последовательности их возможные гибридные комбинации. Возможность и направления этого движения не были разгаданы ни самим основателем псевдосинкретизма, ни его критиками.

Формирование гибридных нравственных идеалов на основе утилитаризма содержало неожиданную возможность: утилитаризм как стремление ради некоторой заданной цели превращать все, включая и нравственные идеалы, в средство не нес в себе какого-то особого пристрастия ни к одному из имевшихся трех идеалов в ущерб другим. Безнравственному владельцу капитала все равно, куда вкладывать деньги: в производство отравляющих газов или лекарств, лишь бы был нужный ему эффект. Появлялась возможность комбинирования нравственных идеалов, включая как тоталитаризм, так и либерализм. Выбор определялся конъюнктурой, а не предвзятыми догмами. Большевистский псевдосинкретизм содержал в себе, кроме трех уровней нравственных идеалов, возможность их соединения посредством трех ипостасей — утилитаризма и через него традиционализма и либерализма.

Из этого следует принципиальное отличие логики большевизма от логики классического марксизма. Ленин действовал по логике конъюнктурного манипулирования. Маркс же в решении стратегических и тактических задач действовал «в зависимости от своих теоретических (философских, политико-экономических и иных) взглядов»⁵⁰, т. е. следовал имманентной логике мысли. Между тем официальная идеология как раз и пыталась доказать, что все ее постоянно меняющиеся идеологии — это выводы науки и философии. Многие критики ленинизма пытались выделить это теоретическое ядро и обру-

⁴⁹ Интересен подложный манифест, составленный группой крестьян и отставным солдатом, подписанный «кавалером финансов» и «царем». См.: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 480-481. (Не отсюда ли Гоголь взял жалобу купца Абдулина в «Ревизоре»?)

⁵⁰ Гранин Ю. Д. Марксов проект общественного переустройства: философско-социологический контекст// Социологические исследования. 1991. № 6. С. 30.

шить на него огонь критики. Ядром мог быть и марксизм, и «грабь награбленное», и прочее, и прочее. *В действительности эта идеология не содержала ничего абсолютного и неизменного, за исключением стремления постоянно решать любыми средствами медиационную задачу, манипулируя идеями, людьми, ресурсами.* Любая идея, которая может казаться самоценной, при изменении ситуации забывается в единый миг, а люди, которые принимают ее за чистую монету, подвергаются забвению или исчезают в огне террора. Так погибли и марксисты в партии (если считать, что они реально были), и те, кто осуществлял лозунг «грабь награбленное» (террор включал и попытку уничтожения уголовников: в частности, их топили в баржах), и все остальные, кто следовал некоторой последовательной логике идей, безразлично какой.

Самый большой секрет большевизма, следовательно, заключается в том, что большевики, став правящей партией, выхватывают из окружающей среды и превращают в определяющие для себя различные, практически любые, а значит, и исключают друг друга идеи, если они обещают решение медиационной задачи, сохранение государственной власти.

СОЦИАЛЬНЫЙ ВЗРЫВ КАК ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ

Институт, воплощающий организационное и идеологическое единство псевдосинкретизма, может занять господствующее положение в обществе, стать реальным медиатором лишь в результате массовой инверсии, возможно — взрыва, разрушающего общество, в результате массового инверсионного рывка миллионов к Правде, воплотившейся в партии нового типа, в ее вожде. Отсюда перешедшее от революционных групп интеллигенции к Ленину стремление поддержать, стимулировать массовую инверсию. Собственно, в этом, и только в этом, была движущая сила, которая могла превратить умозрительные результаты интерпретации нравственного идеала в социокультурную реальность. Отсюда стремление разжечь классовую борьбу, кровавое, ничем не ограниченное побоище. «Крайние меры сопротивления эксплуататоров могут лишь радовать», — писал Ленин. Отсюда рассмотрение Лениным повседневной жизни как периода подготовки бунта-революции, когда все подчинено будущей победе. Любая уступка со стороны власти или политического противника воспринималась не как залог соглашения, не как элемент конструктивного диалога, но как обусловленный законами истории акт победы, как

сигнал высшей Правды, как стимул для достижения новых побед, вплоть до ликвидации врага.

Понятие революции в ленинизме было, в сущности, переводом на язык марксизма древнего представления об очистительной, чудесной, освобождающей от кривды инверсии и ментальной массовой партиципации к Правде. Революция — высшая цель и спасение. Никаких половинчатых инверсий быть не может. Никаких действий, которые могли бы послужить на пользу старому миру, быть не должно. В этой связи интересно отношение Ленина к разрухе, катастрофически росшей в стране после падения монархии. Поскольку главной причиной разрухи он считал власть буржуазии, единственный выход он видел в революции. Отсюда отрицание «новых реформ», «планов», «всеобъемлющих преобразований»⁵¹. Иначе говоря, никакой конструктивной деятельности против разрухи как таковой, в отрыве от переворота. Революция решит все проблемы, и наоборот, «чем дальше будет оттянута пролетарская революция... тем труднее будет наладить подвоз и распределение хлеба»⁵².

Налицо типичный манихейский подход к конкретным социальным задачам. Уничтожение старой власти может быть описано на языке синкретизма как избиение злых сил, кровопийц, паразитов, оборотней и т. п.

Ленинизм опирался на уже сложившийся образ капитализма как всесветного аморального мироеда, способного на любое преступление, не признающего ни права, ни любви, ни сострадания, как разорителя и разрушителя. Коварство злых сил, ранее насылавших порчу, губивших урожаи и т. д., теперь стало проявляться в более современных формах — они вредили посредством денег и торговли, высасывая живую силу из людей, разлагая Правду деньгами. Главным оружием темных сил стал подкуп. Если раньше люди обвинялись в колдовстве, то теперь — в корыстолюбии, продажности, службе злым силам за деньги. Это открывало путь для модернизации манихейства посредством понятий экономической науки. *Манихейство у Ленина приняло модернизированную форму науки о классовой борьбе.* А. Потресов писал в своих воспоминаниях: «Ленин знал лишь две категории людей: свои и чужие. Свои, так или иначе входящие в сферу влияния его организации, и чужие — в эту сферу не входящие и, стало быть, уже в силу одного этого трактуемые как враги. Между этими полярными противоположностями, между товарищем-другом и инакомыслящим-врагом для Ленина не существовало всей промежуточ-

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 206.

⁵² Там же. С. 410.

ной гаммы общественных и индивидуально человеческих взаимоотношений». Вся история человечества есть история борьбы «обездоленных» и тех, кто «поддерживает помещиков и капиталистов». Их прислужники, например, либеральная партия, кадеты, являются врагами народа⁵³. Враг народа — не правонарушитель или преступник в либеральном смысле. Это живой носитель зла, оборотень, подлежащий разоблачению и уничтожению.

Утилитаризм по своему существу равнодушен к манихейству, как, впрочем, и к любому другому мировосприятию. Но он вынужден считаться с ним как с массовой силой, как с языком, посредством которого только и можно приводить в движение значительную часть населения. Основная масса народа знала лишь тот тип конструктивной напряженности, который был связан с ненавистью Правды к кривде. Поэтому действовать они могли лишь во имя Правды. Ленин это ясно видел. Его концепция классовой борьбы была, в сущности, специфической модификацией манихейства, имеющей целью направить массы на разгром сословного общества в стране, а в конечном итоге — во всем мире.

Партия нового типа могла реально утвердиться лишь в результате своеобразного схлопывания, т. е. разрушения всех социальных отношений, культуры выше определенного уровня сложности, упрощения общества до относительно примитивного уровня. Именно на этой основе силы общественного хаоса неизбежно примкнули к более или менее жесткой организации, которая является одновременно носителем идеала и структур, соответствующих новому господствующему уровню сложности. Ленин уловил новую культурную и социальную потребность, а затем организационно возглавил упорядочивание результатов схлопывания, возглавил первое в истории расколотое общество, уходящее от традиционализма и не пришедшее к либерализму.

Ни Ленин со своим незначительным количеством сторонников, ни вообще кто бы то ни было в мире не мог придумать и создать нечто подобное. Но это можно было открыть и использовать, что и было сделано.

При всей кажущейся сложности псевдосинкретизм удивительно прост. Слабость срединной культуры выдвинула на первый план то, что было «под рукой», т. е. утилитаризм, который мог использовать другие идеалы в качестве средств. *Большое общество могло быть создано не через уничтожение раскола, а через его превращение в энергетический потен-*

⁵³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 126.

циал возбуждения масс. Манихейское сознание, везде видевшее кривду, создало для этого определенные возможности.

ПСЕВДОСИНКРЕТИЗМ И «ОБЩЕСТВО НИЗШЕГО КЛАССА»

Было бы крайне опрометчивым предполагать, что общество могло положить в свою основу идеологическую и организационную систему псевдосинкретизма в результате злой воли какой-то группы лиц. Это могло быть лишь результатом крайне обостренного, угрожающего катастрофой противоречия между воспроизводимыми (или невозпроизводимыми, погибающими) социальными отношениями и культурой, исторически сложившимися культурными программами воспроизводственной деятельности. По сути дела, возведение псевдосинкретизма к вершинам власти было попыткой критики исторического опыта общества, где большое общество, вступившее на путь модернизации, опиралось на архаичную массовую культуру, несущую программы локализма и авторитаризма. Специфика этой критики, однако, состояла в том, что если субъектом либеральной критики могла быть группа либералов, один человек, то критика, способная вывести общество на уровень нового качественного состояния, требовала массового субъекта, миллионов людей. Но уровень критики в этом случае мог носить лишь инверсионный характер, что и обусловило политическую победу большевизма. Появление псевдосинкретизма открыто возвестило возникновение нового типа цивилизации, где древние ценности защищались современными средствами. Псевдосинкретизм явился отчаянной попыткой миллионов преодолеть раскол, вернуться к идеалам гармонии, естественной жизни, к покою и благосостоянию. Ленин лишь выразил этот порыв, создав для него идеологическую и организационную форму жесткой и одновременно динамичной партии нового типа.

Каково же то общество, которое выдвинуло к вершинам власти это странное учение, не имеющее длительного устойчивого концептуального пристрастия (что не исключало возможность таких пристрастий у каждого из его сторонников)? К ответу на этот вопрос можно подойти по-разному. Один из путей поиска ответа — изучить, как функционировала идеологическая модель ленинизма, и выяснить, какой ответ давало общество на нее. Какой материал давало общество для наполнения этой всеядной, хотя и жесткой идеологической схемы?

Модель общества, функционирующая как проявление и результат раскола, существовала на стыке двух потоков. На

одной стороне раскола были люди, склонные опираться на государство, на общие идеи государственности, на (псевдо)-науку. Навстречу им шли активизирующиеся почвенные силы. Люди, способные к организационной работе, росли на народной почве, в крестьянских мирах. После реформы 1861 года из крестьян «выделились такие личности, которые могли постоять за их (крестьянские) права»⁵⁴. Возник тип крестьянина, который «умственнее» прочих мужиков, лучше всякие «ходы» знает, в состоянии разобраться в законах, может толково и связно объяснить суть дела в спорах с начальством. Такие крестьяне были способны верховодить миром и быть ему полезными. Однако в первую очередь силы, способные к организации, кадры партии шли от высшей культуры, образования, просвещения. Эти организаторы развивались на той же почве, что и предприниматели, способные создавать новое производство, разные «заводы заводить». Эти люди, постепенно вытесняя, истребляя старую гвардию большевиков, несли наверх, к ядру партии, те ценности, которые в первый момент существования новой власти рассматривались как подлежащие вытеснению. Это означало, что общество находило канал воздействия на содержание основополагающих идей партии. Именно драматическое движение идей, постоянная борьба и смена идеалов внутри партии раскрывают не только специфику жизни партии, но и специфику псевдосинкретического общества на всех его этапах. Ленин сделал отождествление этих двух потоков, объединение разнородных, даже враждебных сил задачей партии, для чего, собственно, и нужен в определенном типе общества псевдосинкретизм.

Идеологическая модель псевдосинкретизма выступала как претензия на провозглашение новой послекapиTaлиCTичеCкой цивилизации, которая избавлена от пережитков и несознательности. *И это действительно была новая цивилизация, но не послекapиTaлиCTичеCкая. Это была уникальная форма общества, «застрявшего» между двумя основными цивилизациями — традиционной и либеральной*⁵⁵. Идеологическая большевистская модель была одной из попыток удержать расколотое между двумя суперцивилизациями общество от катастрофического развала. *Потребность общества в такой идеологической модели, согласие на ее функционирование возможны лишь в совершенно особых, исключительных условиях: во-первых, мощного влияния традиционализма, требующего интерпретировать новое как старое, как проявление*

⁵⁴ Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966. С. 149.

⁵⁵ См.: Ахиезер А. С., Матвеева С. Я. «Мы не принадлежим ни к Востоку, ни к Западу» // Атмода. Рига. 1990. 29 апр.

народной Правды, как реализацию чего-то исконного; *во-вторых, господства инверсионного мышления и слабости медиационного*, что требует от идеологов давать социальную интерпретацию реальных и возможных инверсионных поворотов; *в-третьих, существования мощного культурного перепада, раскола*, что, собственно, и порождает проблему гибридного идеала как основы манипулирования общественным сознанием и нравственными идеалами; *в-четвертых, существования партии нового типа*, объединившей в нерасторжимое целое организацию власти и идеологическую деятельность; *в-пятых, соблюдения тайны гибридности господствующего идеала*. При несоблюдении хотя бы одного из этих условий формирование такого рода идеала может в лучшем случае стать частным делом тех или иных групп, т. е. не иметь значимой роли в обществе.

Механизм псевдосинкретизма показывает, что его суть не может быть сведена к социокультурным характеристикам любой из групп, входящих в идеологическую модель. Новое общество было, безусловно, результатом массового стремления крестьян вернуться к древним идеалам жизни, отбросить либеральные новшества, товарно-денежные отношения и т. д. Одновременно новое общество было и результатом стремления городских рабочих остановить развитие капитализма, ослабить давление хозяина. Но в то же время новое общество являлось и результатом стремлений русской интеллигенции построить общество на основе высшей Правды, «общество низшего класса» (выражение социолога Э. Орловой), где интеллигенция могла бы слиться с народом.

Каждая из этих групп внесла свой вклад. Крестьянство тянуло в него традиционализм как культурный фундамент общества, постоянно порождающий то авторитаризм, то локализм. Рабочие обеспечили возможность развития городов, современного типа производства, возможность ограниченных форм модернизации. Интеллигенция сделала возможным организационное и культурное соединение расколотых частей общества. Баланс между этими силами никогда не оставался постоянным. История процесса их взаимодействия преисполнена драматизма и человеческих страданий.

Массовые идеалы не изобретаются. Они вырастают из народной почвы. И власть, озабоченная решением медиационной задачи, может лишь в определенных рамках их интерпретировать. Рамки эти не произвольны. Они определяются возможностью использовать эту интерпретацию как основу для коммуникации власти и народа, для обеспечения противоречи-

вого, неустойчивого единства общества, достигаемого подчас любыми средствами.

Псевдосинкретизм должен анализироваться в динамике. Вопреки распространенному убеждению, история советской системы динамична. Стержнем ее динамики является драматическая детективная история ожесточенной борьбы новой системы за свое выживание против постоянной смертельной угрозы внутреннего распада, против опасности осознания носителями разных ипостасей своей специфики, что может превратить их самовыражение в ожесточенный, смертельный для общества конфликт. Дальнейшая история страны — это ее постоянная борьба со смертью, подчас маскировавшаяся оптимистическими криками энтузиастов, заглушавшими стоны миллионов погибающих. Им казалось, что до царства Божьего на земле осталось пять минут. Эта история включает одновременно развертывание возможностей псевдосинкретизма, выявление правящей элитой его потенциала с целью предотвращения катастрофы.

НОВОЕ И СТАРОЕ В НОВОМ ИДЕАЛЕ

Новый идеал был тождествен нравственному идеалу, положенному в основу первой государственности, и одновременно принципиально отличен от него. Тождество заключалось в том, что оба они апеллировали к синкретическому менталитету, к его логике, к абсолютно очевидному идеалу справедливой нравственной жизни, основанной на уравнительности, на эмоциональных отношениях, на партиципации к некоторой Правде. Тем не менее различия носили не менее фундаментальный характер. В советском государстве глубочайший зрелый раскол еще больше усилился. В обществе получили широкое распространение определенные усеченные, искаленные элементы либерализма, прежде всего вера в возможность использовать науку и технику в качестве средств. Стал повседневным примитивный утилитаризм. Именно эти социокультурные феномены позволили возникнуть идеалу, который интерпретировал нравственную ситуацию, создавая имитацию синкретизма, возводя на уровень важнейшей задачи стремление убедить каждую личность, что сложившаяся ситуация и есть реальный синкретизм, т. е. древняя Правда и одновременно результат науки. Это действительно было Правдой в том смысле, что в массовых ценностях преобладал синкретизм. Это было голосом науки, так как она утвердила веру в победу высшего, лучшего, справедливого в результате мирового развития. Но одновременно в псевдосинкретизме не было древней

Правды в том смысле, что за этим псевдо- скрывалась попытка модернизации. Это не было разрушительной для древней Правды истиной, так как слабая, терроризированная общественная наука не могла удержаться от того, чтобы в той или иной степени не отойти от принципа следования логике предмета, не отступить от следования предметной модальности. В результате она стала рупором народных утопий, лишь поданных в рационализированной онаученной форме.

Новое общество, сформировавшее четвертую в истории страны государственность, следовательно, основывалось на новом важном элементе. Новая власть в отличие от старой, уповавшей до последней минуты на то, что «все в руках Божьих», осознала чрезвычайно драматическую остроту проблемы интеграции в условиях раскола, превратила в свою функцию саму культуру, сами нравственные идеалы, создавая их государственную интерпретацию и пытаясь на этой основе строить свою политику воспроизводства большого общества. В этом стремлении на пределе человеческих сил к государственному строительству, в наведении порядка ценой, не имеющей меры, заключалась причина победы новой власти во вспыхнувшей гражданской войне. Белые (быть может, за исключением Врангеля) практически мало выходили за пределы решения чисто военных задач, создавая не новое государство, а режим военной комендатуры. Государственное строительство Врангеля, который пытался проводить реформу на манер столыпинской, столкнулось с теми же проблемами, что и Столыпин, усугубленными к тому же войной и разрухой.

Сложность задачи новой советской власти заключалась в том, что внутреннее разнообразие, превратившееся в раскол, сделало различные системы ценностей почти несовместимыми. Вся суть была в том, чтобы превратить это «почти» в основу целостного воспроизводства. Это требовало такой организации общества, которая бы превращала социокультурное разнообразие в движущую силу единообразия, требовало интерпретации факта разнообразия как временного, изживаемого состояния на пути к высшей Правде, интерпретации каждой из форм разнообразия как некоторого этапа на этом пути. Природа соответствующих решений заключалась в максимальном, напряженном стремлении бросить все ресурсы, всю социальную энергию общества на предотвращение усиления раскола, дезорганизации, на воспроизводство целого, возможно, жертвуя частями, изыскивая ресурсы путями и методами, неизвестными классическому синкретизму.

ГЛАВА I

ГОСПОДСТВО СОБОРНОГО ИДЕАЛА («Триумфальное шествие Советской власти»)

ТОРЖЕСТВО ЛОКАЛИЗМА

Итак, гигантский маховик первого глобального периода завершил полный цикл и достиг своей крайней точки, логически совпавшей со своим началом. Страна представляла собой жалкое зрелище. Распадалась не только империя, но и собственно Россия. Р. Пайпс пишет: «За несколько месяцев Россия вернулась к средневековью до-московского периода, когда она представляла собой скопление удельных княжеств. Буквально за ночь рухнули столетние усилия, затраченные на строительство государства... Официальный лозунг „Вся власть Советам“ облегчал этот процесс, позволяя региональным советам различных уровней — краевым, губернским, уездным и даже волостным и сельским — требовать независимой власти над подчиненными им территориями. Результатом стал полный хаос... Существовало летом 1918 года по крайней мере 30 „правительств“... Края и губернии, в свою очередь, распадалась на более мелкие административные единицы, самой важной из которых была волость... Крестьяне одной волости, как правило, отказывались делить награбленную собственность с крестьянами соседней»¹.

Права народов на областную (национально-территориальную) автономию получили признание еще до захвата большевиками власти. В стране возникали самостоятельные республики: Курская, Казанская, Тверская и т. д. Свои правительства (совнаркомы) создавались на уровне губерний, уездов и даже волостей. Совнарком существовал, например, в Москве. Мест-

¹ Пайпс Р. Создание однопартийного государства в советской России (1917-1918)// Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. С. 93—95.

ные органы, имея смутное представление о своих полномочиях, вторгались в сферу общегосударственной политики. Создавались объединения областных советов, противостоящие центральной власти. Использовался даже специальный термин — областничество как тенденция к превращению области в фактически самостоятельное государство². Опасности распада страны, вероятно, Ленин не предвидел, веря, что народная мудрость этого не допустит. В декабре 1917 года он заявлял: «Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранился союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»³. Общество, лишенное достаточно сильных культурных интеграторов и рыночных связей, атомизировалось. «Господствовал лозунг: „Урал — уральцам“, „Волга — волгарям“ и т. д.». Налицо было противостояние «каждой фабрики и отрасли остальному пролетариату и населению. В этом смысле утверждено было Шляпниковым „Положение об управлении Уралом“, совнаркомом о Волге и т. д.»⁴.

Над возникающими республиками — Украинской, Белорусской, Азербайджанской, Армянской, Грузинской — правительство в Москве не имело власти. Существовала лишь общая идеологическая основа, если правительство республики было большевистским. Местные республики и советы не подчинялись вышестоящим советам, не исполняли правительственных декретов, принимали решения, им противоречащие, например: «Никакие органы местного Совета не могут получать предписания от кого бы то ни было». В центр приходили такие бумаги: «Казанская губерния объявлена самостоятельной республикой, и надо считаться с этим фактом. Полагаю неизбежным руководствоваться законом суверенного государства, в котором живу, а не великороссийским». Для народа революция означала появление возможности решения своих местных дел по собственному усмотрению, без вмешательства начальства. Наступил момент, когда стало можно жить сообразно требованиям своей группы, деревни, рабочего коллектива, возводя свои частные требования в ранг всеобщих.

Эта ситуация была не следствием паралича центральной власти, но отставанием достаточно сильных культурных интеграторов. Низкая оценка торговли в шкале нравственных цен-

² Морозов Б. М. Советы и образование СССР. М., 1974. С. 69-73.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 115.

⁴ Ларин Ю. У колыбели// Народное хозяйство. 1918. № II. С. 22.

ностей помогает понять механизм распада в результате краха административных интеграторов. В этой ситуации люди не нужны друг другу за рамками эмоционально интегрированного локального мира и представляют собой не столько потенциал для сотрудничества, сколько потенциальную опасность. В такой социальной субстанции силы распада могут оказаться сильнее, чем силы интеграции.

Локализм пронизывал все общество. Он шел снизу. «Русский народ распался, расплылся на зернышки деревенских миров»⁵. К весне 1918 года помещичье землевладение было в основном ликвидировано. Крестьянство получило 90% всех конфискованных земель. В 1919 году в 32 губерниях крестьяне владели 96,8% земель. Тем не менее увеличение площади на едока выразилось «в ничтожных величинах: десятых и даже сотых десятины на душу. В громадном большинстве губерний увеличение это не превышало полудесятины; лишь в немногих оно достигает одной десятины»⁶.

Из вышесказанного очевидно не только то, что движущей силой новой государственности был вечевой идеал с его ориентацией на локальные ценности, но очевиден и утопизм этих ценностей как средства разрешения проблем большого общества. Активизация вечевого идеала наносила удар по государственному аппарату, возникала власть, основанная на народной самодеятельности, торжествовал соборный принцип. Он воплощался не только в сельском мире, но хлынул и в города. *Соборность приобрела форму советов*. Они появились в 1905 году и были реализацией потребности рабочих в организации для борьбы за удовлетворение локальных утилитарных требований. Они возникли как стачечные комитеты, как органы местного характера, как попытка воссоздания некоего подобия крестьянского мира, общинного схода, веча в условиях города и промышленного предприятия, военной части и т. д. *Совет возник как орган, основанный на внутренней эмоциональной связи членов некоторой локальной группы для выражения и защиты ее особых интересов, как орган исторически сложившегося «Мы»*.

Сбывалась вековая мечта крестьянства и значительной части его идеологов. Складывалась жизнь без начальства, без власти вообще или по крайней мере с крайне слабой властью. Новая власть поддерживала всеобщий раздел земли, отмену на нее частной собственности, не препятствовала самим

⁵ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия?// Континент Россия. М., 1990. С. 28.

⁶ Книпович Б. Н. Очерки деятельности Народного Комиссариата Земледелия за три года (1917-1920). М., 1920. С. 8-9.

крестьянам восстанавливать формы жизни, которые прежняя власть в процессе столыпинской реформы пыталась уничтожить. Нельзя сказать, что крестьяне получили все, о чем мечтали, но они получили то, что было возможно в конкретной социально-экономической ситуации. Крестьянство поддерживало новую власть, так как оно получило удовлетворение в двух решающих пунктах: уравнительный раздел земли и заключение долгожданного мира с Германией. *Декреты о мире и земле имели решающее значение для получения новой государственностью массовой воспроизводственной энергии.*

НОВОЕ ГОСУДАРСТВО В БОРЬБЕ ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Основное заблуждение массового сознания исходит из того, что государство — всемогущая сила, которая лепит общество в соответствии с прихотями аморальных и алчных правителей. Оно может все, если, разумеется, захочет, если присущее ему зло не сделает власть бессильной. Этой древней сказке трудно найти подтверждение хотя бы на каком-нибудь ограниченном этапе российской истории. Для государства, возникшего после падения Временного правительства, характерно бессилие, как, впрочем, и для его предшественника. Аппарат Временного правительства продолжал действовать до конца января 1918 года. Государственный банк не подчинялся большевикам и продолжал финансировать железные дороги, перевозки хлеба, топлива⁷. Новый государственный аппарат по сути не существовал, так как овладевший обществом локализм отрицал его.

Государству нужна была массовая поддержка. Крестьянство поддерживало новую власть как силу, способную обеспечить получение определенного наследия от старого строя (прежде всего земли) и избавление от чиновников, а также как средство удержать эти достижения. Не трудно видеть противоречие между этими задачами. Если в первом случае государство могло исчезнуть, выполнив свою задачу, то во втором, наоборот, предполагалось оправдание государственности на неопределенный срок. Тем не менее *антигосударственное массовое сознание достигло на этом этапе высшего накала*. Поэтому судьба государства висела на волоске. Оно должно было решить невыполнимую задачу, т. е. максимально вписаться в волну локализма, отрицающего государство. Было необходимо сместить ответственность вниз и одновременно обеспечить ин-

⁷ Прокопович. С. Н. Что дал России нэп// Нэп: взгляд со стороны. М., 1991. С. 11-12.

теграцию большого общества, приостановить распад жизненно важных связей, войну всех против всех.

Здесь-то и выявилась гибкость псевдосинкретизма, способность идеологической интерпретации поворота в массовом сознании, формирования его организационных форм. Новая власть учла опыт столыпинской реформы, была сделана попытка опереться на большинство, а не на меньшинство народной почвы. Ленин как идеолог после прихода к власти выступал в двух качествах. С одной стороны, как теоретик новой формы псевдосинкретизма: народной. Но, с другой стороны, он обосновал именно первую версию псевдосинкретизма, соответствующую первому этапу новой инверсионной волны. В иерархии псевдосинкретизма в качестве ведущей, господствующей в обществе была выдвинута ипостась соборного идеала. В этой первой версии псевдосинкретизма, соответствующей первому этапу нового государства, доминировали уравнилельные ценности традиционализма. Первая версия псевдосинкретизма должна была соединить эти ценности с государственностью. Идеология подсказывала соответствующую интерпретацию массового сознания. Община отождествлялась с большим обществом, с государством, которое, однако, рассматривалось как временное, как «полугосударство»⁸.

Элита партии, ставшая теперь правящей элитой, должна была платить по векселям, действовать в соответствии с утилитарной, т. е. конъюнктурно изменяющейся и одновременно неизменной Правдой, которая позволила использовать энергию масс для захвата власти. Тонкий слой правящей элиты не имел выбора. Впрочем, происходящее соответствовало концепции Ленина, рассматривавшего партию как рупор проснувшейся народной Правды. Он писал: «Мы не навязываем никаких нами выдуманных новшеств народу, мы только берем на себя почин осуществления на деле того, без чего нельзя жить в России, по общему и единодушному признанию. Мы не замыкаемся от революционного народа, отдавая на суд его каждый наш шаг, каждое наше решение. Мы опираемся всецело и исключительно на свободный почин, исходящий от самих трудящихся масс»⁹. В этой ситуации новая правящая элита вольно или невольно пошла на компромисс на основе нового соотношения сил. Этот компромисс включал признание за народом права на повсеместное самоуправление. Псевдосинкретизм показал исключительную гибкость. Демон Максвелла широко распахнул дверь государственности для потока народной энергии.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 18.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.

ОБЩЕСТВО-ОБЩИНА-ЗАВОД

Ведущий характер вечевого идеала, его соборной формы не означал, что партия и рабочий класс, который рассматривался как носитель ограниченной модернизации, потеряли свое место в идеологическом схематизме. Сохранилось внутреннее нравственное, идеологическое и организационное напряжение псевдосинкретизма, т. е. скрытое и явное стремление носителей псевдосинкретизма, правящей элиты рассматривать эту ситуацию как временную. В первой версии псевдосинкретизма уравнительность рассматривалась как гарант того, что крестьянство правильно поймет свой общий интерес и под руководством партии и рабочего класса воплотит новый идеал, который на первых порах представлял собой фантастическую смесь западного либерализма, зовущего к модернизации, и пластов архаики с ее статичными идеалами, винегрет из авторитаризма и соборности, возбуждаемых верой в чудо технической цивилизации.

Для первого этапа была характерна вера в соборное согласие всех сил для достижения общей цели. Ленин говорил в начале 1918 года о социализме через несколько месяцев, через полгода. Делалась попытка быстро построить коммунистическое производство и распределение на основе уравнительности. «Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам,— и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»,— рассказывал Ленин впоследствии об этом периоде¹⁰. В новой ситуации крестьянство само собой, оставляя свои предрассудки и непоследовательность, должно через партию слиться с Правдой, воплощенной в высшем руководстве партии.

Общество-община, которую должна была явить собой Россия, представляется Ленину гигантским заводом, более того, он мечтает о превращении «всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководствовались одним планом»¹¹.

Разумеется, отождествление локального сообщества и общества с машиной стало возможным не в результате произвольной игры ума. Суть в том, что развитие утилитаризма в массовом сознании открыло путь поиску на этой основе новых средств, а значит, неуклонно усиливало культ машины, стремление «примерить» сложившийся идеал и по мерке машины.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 157.

¹¹ Там же. Т. 36.

Любопытно, что Ленин не видел противоречия между предполагаемым самоуправлением производственных и потребительских коллективов и жестким, механическим, однозначным характером отношений в них. Это можно объяснить ориентацией на подчинение людей закону машины, уверенностью, что творчество масс неизменно порождает жесткую однозначную организацию машинного типа. По своим последствиям государство и община представлялись тождественными. Например, переход инвентаря в исключительное пользование государства или общины¹² одинаково создает необходимость социалистического регулирования хозяйства. Впрочем, удивляться нечему, так как соборный идеал амбивалентен авторитарному. Он несет в себе жесткое закрепощение человека за его местом в общине, что открывало возможность рассмотрения человека как элемента машины. Древний идеал получил машинообразные черты. Модернизация приобретала новые, более сложные формы. Впрочем, зачатки стремления рассматривать общество как машину можно найти еще у Петра I (см. часть первую, гл. IV).

Ленин встал на почву соборного идеала не только в силу своей принадлежности к русской культуре (например, влияние Чернышевского на него несомненно сильнее, чем Маркса), но прежде всего в силу того, что сама логика псевдосинкретизма с принудительной силой толкала его следовать мощным массовым идеалам. Утилитарная природа псевдосинкретизма стимулировала способность выхватывать из окружающей среды любые ценности и опираться на них, если это способствует достижению заданной цели, решению медиационной задачи. Обстоятельства заставляли следовать соборному идеалу. При этом очевидно, что массовый соборный идеал и его интерпретация правящей элитой не были абсолютно тождественными. Различия заключались в том, что в первом случае он выступал как самоценность, тогда как во втором постепенно становился средством. Насколько это обстоятельство осознанно, является особым вопросом. Секретом это не было, так как Ленин отчетливо понимал различие между своей доктриной и массовыми ценностями крестьянства.

Славянофильство кажется умеренным по сравнению с ленинским апофеозом соборного начала. Славянофилам совершенно недоступна была идея повседневного творчества масс на всех этажах государственности. Ленин же видел в этом процесс растворения государственности в народовластии.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34.

В стране бушевала вечевая стихия, что соответствовало идеалам Ленина, видевшего в этом проявление творчества освобожденного от гнета и эксплуатации народа. Сепаратистские тенденции получили свое дальнейшее развитие. Партийная доктрина с ее ориентацией на массовое творчество открывала этому путь. Следуя логике вечаевого идеала в рамках псевдосинкретизма, Ленин стремился активизировать рабочих и крестьян, с тем чтобы усилить приток социальной энергии в медиатор. Это было возможно осуществить в определенных пределах, лишь следуя массовым ценностям, их стимулируя.

Правящая элита всеми средствами пыталась использовать потоки народной энергии, опираясь на ненависть к начальству, к богачам, ко всему, что мешает уравнительности. Летописцы не раз рассказывали о грабежах имущества умерших князей. Народные восстания сопровождались грабежами, так как это был естественный метод борьбы за уравнительность. Казацкий поход за «зипунами» мог превратиться в антиправительственное выступление. Революционная интеллигенция в этой связи подчас была склонна создавать романтический ореол вокруг разбойников. Известный революционер Нечаев, например, рассчитывал опереться на воровской элемент.

Ленин примкнул к этой традиции. Он публично поддержал лозунг «Грабь награбленное», призывал народ добратся до сундуков буржуазии¹³. Развивающаяся инверсия дошла до лозунга: «Воруй смело, хозяев нет» (Ек. Олицкая). Теперь наступил момент, когда ожившие древние обычаи, казалось, хотели взять реванш за упущенное время. Вечевая стихия, дошедшая до крайних разрушительных форм, определяла ориентацию высшей власти. Ленин пытался опереться на народную стихию, включая крайние формы ее проявления. «Одна из самых главных задач теперь, если не самая главная, развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплуатируемых в деле творческой организационной работы»¹⁴. Следовательно, *Ленин верил, что из разрушения вырастет организация идеального общества, если это разрушение — результат революционного народного творчества. По сути, это и есть основное заблуждение русской интеллигенции. Ленин выступил как продолжатель этой традиции.* Однако, положив эту идею в основу государственности, он как будто доказал, что это не заблуждение. В момент национальной катастрофы оказалось возможным соединить ценности народа и государственности на новой основе,

¹³ Правда. 1918. № 18. 6 февр. (24 янв.).

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 198.

на основе локального творчества, которое партия использовала уже вне локальных рамок, в масштабе общества.

Первая версия псевдосинкретизма вся пронизана архаичными ценностями. Например, торговля подлежала уничтожению или должна была свестись к минимуму. Предполагалась замена «торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе, распределением продуктов»¹⁵. Ленин говорил о прямой связи свободной торговли хлебом со всевластием помещиков и капиталистов¹⁶. Централизованное распределение натуральных продуктов есть передача обществу функций главы патриархальной семьи, хозяйственной единицы. Как и глава семьи, общество должно по справедливости распределять между членами *блага*, которые находятся в его распоряжении. Подобная модель не нуждается в существовании денег. Денежные знаки, по определению Ленина, — «свидетельства на право получения эксплуататорами общественного богатства, в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся»¹⁷. Ленин ставит знак равенства между ненавистным капитализмом и товарно-денежными отношениями.

Право, законность также ценятся не слишком высоко. Судьи должны руководствоваться «социалистическим правосознанием»¹⁸, т. е. классовым чутьем, чувством Правды. «Формальный демократизм» должен быть подчинен «революционной целесообразности»¹⁹, т. е. утилитаризму, нацеленному на конъюнктуру. Революционное правосознание само есть форма народного творчества и его результат, тогда как буржуазный закон есть препона стихии творчества. Ленин последовательно стал на позиции экстраполяции на большое общество ценностей локального мира.

Идеи соединения древних общинных форм с современностью выдвигал еще Чернышевский. Он, в отличие от славянофилов, видел в общине результат неблагоприятных условий исторического развития, застоя, неразвитости. И тем не менее общинные отношения предполагались им как основа будущего переустройства общества на социалистических началах. По мнению Чернышевского, община могла послужить прямой дорогой к организации земледельческих товариществ для обработки земли, общинные отношения с их отсталостью — дорогой к техническому прогрессу сельского хозяйства. Он полагал, что общинные отношения позволяют разумным образом

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 99.

¹⁶ См.: там же. С. 355, 364, 374 и др.

¹⁷ Там же. С. 100, а также с. 122.

¹⁸ Там же. С. 115.

¹⁹ Там же. Т. 42. С. 237, 268 и др.

увязать выгоды землевладельца с прогрессом земледелия, с улучшением качества обработки земли. Ленин развивал эти же по сути идеи, пытаясь вывести их за пределы системы общин в государственность большого общества.

Все население предполагалось организовать в производственно-потребительские коммуну, способные с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией, с наименьшими затратами труда распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат. Таким образом, планировалась натурализация всех экономических отношений, превращение страны в сеть соборных коллективов, способных, ввиду наличия стихийного правосознания, разрешать все проблемы современной государственности.

Бесчисленные коллективы, по мысли Ленина, сольются в гигантский коллектив, гигантскую общину-завод. Он пишет о кооперативах, которые должны охватить все население. Необходим переход «от частных раздробленных коллективов к единому кооперативу»²⁰. Он говорил, что для новой кооперации характерно «пролетарски-коммунистическое снабжение и распределение»²¹.

Хотя на разных этапах Ленин расценивал кооперацию по-разному, тем не менее он рассматривал ее как систему, связывающую локальные сообщества в гигантское сообщество.

КРУШЕНИЕ СОБОРНОГО ИДЕАЛА

Очень скоро оказалось, что господствующий в массовом сознании соборный идеал, а также соответствующая интерпретация его правящей элитой оказались нефункциональной утопией. Нарастающий локализм в разных сферах жизни постепенно переходил некоторый критический уровень, что порождало нарастающую дезорганизацию.

В сложившейся ситуации было крайне трудно решить медиационную задачу, следовать социокультурному закону, соединить культурные идеалы уравнительности, соборности, локальности с большим обществом. Вся система коммуникаций в новом обществе между правящей элитой и массами постоянно находилась на грани разрыва. Повсеместное стремление к локальным ценностям ослабляло связь с целым. Раскол принял угрожающие формы. *Нарастал развал власти.*

Неспособность советов к эффективному управлению определялась несоответствием их природы сложности реальных

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 162.

²¹ Там же. Т. 37. С. 472.

задач XX века. Советы выросли на местной основе как орган, призванный к решению ограниченного круга локальных вопросов. Они были неспособны осознать причины всеобщей дезорганизации и бороться с ней. *Положение советов определялось двойственным отношением масс к власти, которые склонны были использовать их не столько в качестве власти, сколько в качестве силы в борьбе против нее.* Основной формой деятельности советов как социального института стало митингование, т. е. постоянная борьба монологов, версий абстрактной справедливости и требований к внешним силам согласиться со всеми претензиями. Советы, не знающие сомнения в естественности своих требований, не ведающие самокритики, с самого начала шли путем саморазрушения.

Вот впечатления Г. Уэллса от работы Петроградского Совета, фактически центрального в стране: «Работа этой организации, как и всех других в Советской России, показалась нам исключительно непродуманной и бесплановой. Трудно себе представить менее удачную организацию учреждения, имеющего такие обширные функции и несущего такую ответственность, как Петроградский Совет. <...> По существу это был многолюдный митинг, который мог, самое большое, одобрить или не одобрить предложения правительства, но сам не способен был ни на какую настоящую законодательную деятельность. По своей неорганизованности, отсутствию четкости и действенности Петроградский Совет так же отличается от английского парламента, как груда разрозненных часовых колесиков от старомодных, неточных, но все еще показывающих время часов»²². По словам члена президиума ВСНХ В. Чубаря, советы после февраля 1917 года «превратились в пустые говорильни и не оказывали никакого влияния на органы, руководящие хозяйством страны»²³.

В советах не получал развития реальный диалог. Например, по свидетельству современников, в деятельности Иваново-вознесенского Совета (1905 год) решения, как правило, по всем вопросам принимались единогласно, без особых споров. Рабочие в массе не нацеливали совет на политические требования, не обнаруживали враждебности к самодержавию.

Кажется, еще никому не приходило в голову поставить вопрос о странной форме власти, которая не приживалась в других странах, а в России с поразительной быстротой теряла свой якобы демократический характер и выявляла полную нефункциональность в большом обществе, в условиях госу-

²² Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С. 62, 65.

²³ Чубарь В. Роль Ц. С. фабрично-заводских комитетов в организации ВСНХ// Народное хозяйство. 1918. № 11. С. 7.

дарственной жизни. Секрет советов в их архаичности, в органической связи с догосударственной системой ценностей, что делает их беспомощными в сложном мире. Эта слабость лежала в основе всяких попыток создать новые массовые организации. Работа в них строилась по аналогии с работой сельского схода. Это отсутствие организационных навыков было истинным бедствием. Л. Каменев еще до переворота опубликовал в «Правде» статью с характерным заглавием «Организация, организация, организация», где доказывал, что без нормально функционирующих рабочих организаций «наша сила только кажущаяся сила, которая завтра может рассыпаться»²⁴.

Г. Зиновьев отмечал факт отсутствия в рабочей среде организационных навыков и устремлений: «Это невероятно, но это факт... Рабочие не имели своего всероссийского съезда и не создали своего особого *рабочего* Совета, рабочего исполнительного комитета даже в столице. Особенно характерно положение вещей в Петербурге... Рабочая секция прозябает, собирается крайне редко, не имеет регулярно действующего выборного президиума, не имеет своей газеты. Создание прочной всероссийской организации рабочего класса является вопросом жизни и смерти и для рабочих, и для всего дела революции...»²⁵.

Соборные институты в условиях государственности очутились в весьма двусмысленной ситуации. Массы, создавая советы, могли в любой момент от них отвернуться, совершить инверсионный переход от признания их своими до прямой враждебности к ним. Ненависть к начальству при неудачах могла переноситься на совет. Так, после прекращения безрезультатной 47-дневной стачки рабочие в Иваново-Вознесенске пришли к выводу, что «депутаты подкуплены». А. Коллонтай писала в «Правде» о пятнадцатитысячной женской демонстрации в апреле 1917 года: «Шли с новой надеждой, что стоит изложить свою нужду, свои требования, рассказать о голоде, о том, как их дети, дети солдат, умирающих „за родину“, сидят без хлеба, и Совет немедленно откликнется, Совет постановит увеличить паек, Совет услышит голос голодающих матерей. А как же не откликнется? Совет — это же наш народный. Там все свои — рабочие и солдаты». Ну а если совет не сможет удовлетворить требований? Тогда совет — это враг, а его руководители — «переодетые помещики». Так, 3-5 июля 1917 года массы вышли на улицу вопреки прямому решению Первого Всероссийского Съезда Советов. Все партии, включая большевиков, с поразительным упорством и единодушием до

²⁴ Правда. 1917. 23 марта (5 апр.).

²⁵ Там же. 5 сент.

последнего дня делали все возможное, чтобы предотвратить выступление. В статье Г. Зиновьева, опубликованной в большевистской газете «Рабочий и солдат», говорилось о сверхчеловеческих усилиях, безуспешно затраченных большевиками для предотвращения массового выступления 4 июля. Большевики даже употребили особый термин «усмирять»: «Наши агитаторы только и делали, что „усмиряли“, т. е. убеждали рабочих и солдат не выступать сейчас на улицу»²⁶. По свидетельству Г. Зиновьева, все до единого большевики, прибывшие из районов, заявляли: «Никакая сила в мире не удержит завтра выступления на улице». Оставалось направить все усилия на превращение выступления в мирную организованную демонстрацию. Некоторые определяли события 3—5 июля как «проклятие всей демократической России»²⁷.

Ленин, поначалу принявший митингование за форму демократии, вынужден был признать, что советы себя не оправдали: «Советская организация еще не научилась управлять, мы слишком много митингуем»²⁸.

От местных советов исходила грозная опасность новому государству. Местные советы срывали хлебную монополию, перехватывали поезда с хлебом, идущие в города, обрекая тем самым их на гибель. Эта деятельность местных советов развивалась уже после февральской революции. Используя попытки Временного правительства установить в стране хлебную монополию, советы повсеместно занимались обысками, реквизицией хлеба у частных лиц, увеличивая общую дезорганизацию общества. В новых условиях эта деятельность усилилась. Теперь, однако, советы стали официальным звеном существующей власти. Советы на селе также не были новым органом. Они оставались все теми же сельскими сходами, просто переименованными в сельские советы. Это обстоятельство нашло свое выражение в Положениях о низовых советах, разработанных в некоторых губерниях и уездах. Заседания советов подчас мало отличались от собрания граждан села. *Это был все тот же древний крестьянский мир, почувствовавший, однако, свою силу.* Следует также учитывать, что влияние партии в деревне оставалось крайне слабым. В начале 1918 года члены РСДРП (б) были лишь немногим более чем в двухстах селах и волостях (всего волостей тогда насчитывалось около 13 тысяч). Выяснилось, что большинство советов на селе не могут рассматриваться как реальный элемент медиатора, т. е. соборное начало не стыковалось в должной степени с новой властью.

²⁶ Рабочий и солдат. 1917. 9-10 авг.

²⁷ Там же. № 14. 13 авг.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35.

Локальные миры стремились жить своей локальной жизнью. Например, в докладе Корсунского уездного Совета указывалось, что местные советы «почти все кулацкие и все их (вышестоящих) распоряжения и приказы в полном смысле дискредитируются этими Советами». С мест участились сообщения, что в советах сидят люди «правых убеждений». Я. Свердлов заявил 20 мая 1918 года на заседании ВЦИК, что «в волостных Советах руководящая роль принадлежит кулацко-буржуазному элементу»²⁹.

Советский исследователь П. Соболев сделал существенный вывод: «Образовалось несоответствие между классовым составом центральных губернских и ряда уездных Советов, большинство которых принадлежало пролетарским и полупролетарским элементам, и сельских и волостных Советов, в которых беднота была в меньшинстве». Идеологический жаргон не может скрыть того, что речь идет об уже знакомом расколе организации, о враждебности низших, близких к почве органов власти всей государственной системе, сложившейся на основе медиационной организации партии. Этот же автор считает, что примерно 15-20% волостных советов европейской России в середине 1918 года выражали интересы бедноты. Большинство же советов, как пишет Соболев, «по своему классовому составу были общекрестьянскими и очень напоминали советы дооктябрьского периода», т. е. до захвата власти большевиками. Эта *враждебность деревни по отношению к новой государственности*, буквально только что удовлетворившей исконную мечту крестьян о помещицкой земле, получила свое яркое выражение в крестьянских восстаниях. Природа этих восстаний очевидна. Активизация локальных идеалов была направлена против тенденции власти разрушить их локальность.

Новые формы управления оказались несостоятельными также и для установления связи с рабочими. Здесь особенно болезненным было то обстоятельство, что рабочие поддерживали новую власть из чисто утилитарных соображений, надеясь на то, что избиение буржуазии приведет к немедленному резкому повышению жизненного уровня. Вскоре, однако, наступило разочарование, сопровождавшееся усилением дезорганизации производства. Интересный материал о крутой перемене настроения петроградских рабочих дает документ «Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда»³⁰. Из этих материалов видно, что в массах рабочих возникла резкая инверсионного типа перемена настроений. Пред-

²⁹ Свердлов Я. М. Избр. произведения. М., 1959. Т. 2. С. 178.

³⁰ Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда 13 мая 1918 г. // Континент. 1975. № 2.

ставитель завода Нобеля говорил: «В прошлом году кричали „долой Николая“, теперь рабочие кричали „долой большевиков“». Представитель патронного завода говорил: «В районах, где было сильно влияние большевизма, рабочие бросаются слева на правый фланг». Многое для понимания сдвигов в массовом сознании дает А. Платонов. Он с враждебностью относится к тем, кто бюрократическими методами, не понимая законов природы и вещей, пытается навязать какие-то иные, чуждые данному явлению законы, невзирая на то, как называют себя насильники: большевиками, белогвардейцами, фашистами или царскими чиновниками. Просыпается защитная сила здравого смысла, которому предъявляются абсурдные требования.

Выявилось, что двойственное отношение к власти не исчезло, что власть снова в глазах народа попала в сферу зла, что личная ответственность за власть большого общества у рядового человека не возникла. Власть, которая могла найти поддержку в массах, играя роль тотема, рисковала превратиться в глазах значительной части народа в антитотем. Манихейские представления вновь обращались против государственности, бюрократии, которая, как показал Платонов, выступала в глазах людей как разрушитель жизни. Новое общество не избавилось от старых проблем.

Рост негативного отношения к новой власти, однако, в силу своей неконструктивности, пассивности, неорганизованности, отсутствия медиационной альтернативы не мог сокрушить се. Например, крестьянские восстания были древней формой сопротивления местных миров нажиму власти. Эти восстания, как и раньше, были обречены на поражение. Они часто носили кратковременный характер и кончались приходом восставших с повинной. Повторялась уже знакомая картина разрозненных крестьянских выступлений в царское время.

Выступающими на упомянутом собрании отмечались упаднические настроения среди рабочих Петрограда. Представитель невских судостроителей говорил о настроении «безысходности и апатии». Представитель завода Речкина сообщал: «На заводе перелом в настроении рабочих. Но выборов на совещании не удалось произвести до сегодняшнего дня из-за апатии рабочих». Эмоциональный подъем спал.

Выяснилось, что новые формы управления оказались совершенно не в состоянии обеспечить производство, остановить дезорганизацию. «Рабочий контроль очень скоро обнаружил свою истинную природу. Эти слова звучали всегда как начало гибели предприятия. Немедленно уничтожалась всякая дисциплина. Власть на фабрике и заводе переходила к быстро сменяющимся комитетам, фактически ни перед кем ни за что

не ответственным. Знающие, честные рабочие изгонялись и даже убивались. Производительность труда понижалась обратно пропорционально повышению заработной платы. Отношение часто выражалось в головокружительных цифрах: плата увеличивалась, а производительность падала на 500-800%. Предприятия продолжали существовать только вследствие того, что или государство, владевшее печатным станком, брало к себе на содержание рабочих, или же рабочие продавали и проедали основные капиталы предприятия... При „социалистических" порядках наступило чрезвычайное понижение производительности труда. Наши производительные силы при „социализме" регрессировали к временам петровских крепостных фабрик. Демократическое самоуправление окончательно развалило наши железные дороги. При доходе в 1,5 миллиарда рублей железные дороги должны были платить около 8 миллиардов на одно только содержание рабочих и служащих». Захват банков лишил «промышленные предприятия всяких средств. Чтобы сотни тысяч рабочих не остались без заработка, большевикам пришлось открыть для них кассу Государственного банка, усиленно пополняемую безудержным печатанием бумажных денег»³¹. О положении на производстве пишет в декабре 1917 г. также М. Горький: «Есть заводы, на которых рабочие начинают растаскивать и продавать медные части машин, есть очень много фактов, которые свидетельствуют о самой дикой анархии среди рабочей массы... „Новый" рабочий — человек, чуждый промышленности и не понимающий ее культурного значения в нашей мужицкой стране»³².

Из выступлений на уже упоминавшемся совещании рабочих Петрограда очевидна безысходная картина дезорганизации. Представитель Путиловского завода сообщил, что работа на его предприятии почти кончилась еще в декабре. Представитель Охтенских пороховых заводов сообщает, что, «когда, так сказать, взяли в свои руки предприятия, интенсивность сильно понизилась. Пришлось почти закрыть заводы. Хотя жалованье платят, а работы никакой нет».

Выявилось крайне важное обстоятельство: «Все государственное и частное хозяйство сведось к простому расходованию ранее накопленных капиталов»³³. Иначе говоря, *новая система сверху донизу была занята не производством, а распределением и перераспределением ранее накопленного. Причина*

³¹ Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм// Из глубины. М., 1989. С. 171.

³² Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918). М., 1990. С. 90.

³³ Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм. С. 171.

этого лежала не в разрухе. Наоборот — разруха была следствием преобладания в большом обществе ценностей локализма, набравшего силу в условиях машинного производства. Она была следствием древней оценки производства как чего-то естественного, постоянного, неизменного, не требующего усилий свыше некоторого обычного исторически сложившегося уровня. Вечевой идеал выдвигал в центр внимания разные формы уравнительного распределения. Это в условиях разрухи стимулировало рост умеренного утилитаризма, его рваческих форм, стремления к приобретению благ любой ценой.

Преобладание ценностей идеала распределения в ущерб производству вытекало из манихейского противопоставления Правды и кривды. По этой схеме отсутствие благ было не результатом моей плохой работы, неумения организовать труд, а результатом эксплуатации злых сил, их способности отнимать то, что по справедливости принадлежит мне. Естественно, что переворот, ликвидировавший кривду, направил всю энергию на избиение эксплуататоров, на захват того, что ранее принадлежало другим. Это древнее манихейство имело и другую сторону. Поскольку победа Правды есть результат приобщения к новому идеалу, к партии, к новой правящей элите, то именно они должны были решать все проблемы. Победа новой власти означала, что она должна была кормить народ как новая сила, которой народ заменил старую власть, не оправдавшую надежд. Но организация новой власти была не приспособлена к тому, чтобы наладить производство, так как эта власть возникла в результате ненависти к буржуазии, т. е. именно к тем слоям, которые олицетворяли организацию производства, его развитие. Выявились острейшее социокультурное противоречие между культурой, несущей в себе потребность в росте потребительских благ, и социальными отношениями, которые исключали необходимые элементы удовлетворения этой потребности.

Важнейшим следствием, проявлением торжества соборного идеала, локализма была *натурализация хозяйственных отношений*. Это вполне соответствовало локалистской, доэкономической природе исторически сложившихся форм хозяйства, где товарно-денежные отношения постоянно насильственно внедрялись государством посредством усиления денежного налогообложения. Последнее вынуждало крестьянство обращаться к рынку в масштабах, превышающих их непосредственные потребности, приемлемый для них уровень товарно-денежных отношений.

РАЗРУХА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Новое общество, возникшее на волне крайнего локализма, вновь столкнулось с проблемой натурализации хозяйства, процесс которой начался «снизу, со стороны деревни». Он проявился, в частности, «в форме превращения с 1917 г. денежных сбережений городского населения в натуральные запасы»³⁴. Натурализация привела к естественному, но по сути зловещему для нового государства явлению — к дальнейшему распаду сложившихся потоков ресурсов, производимых крестьянами. Симптомы этого явления можно было видеть, например, еще до начала первой мировой войны, когда определенный рост доходов населения привел к более полному удовлетворению внутреннего спроса, прежде всего на хлеб, что привело в первой половине 1914 года к превышению ввоза хлеба над вывозом³⁵. Это говорило прежде всего о существовании, по крайней мере до 1914 года, значительной неплатежеспособной потребности в хлебе, а также о слабой способности тяготеющего к дотоварным отношениям сельского хозяйства отвечать ростом производства на рост потребностей. После начала первой мировой войны посевные площади в крестьянских хозяйствах сократились.

Происходило уменьшение товарности производства в деревне, что резко перерастало в угрозу голода в городах. Легальная торговля хлебом была дезорганизована. В результате происходил дальнейший распад, раскол между городом и деревней. Хлебофуражный баланс **1918/1919** года показывает, что питание горожан уменьшилось более чем на 34%, а в некоторых губерниях — на 44%, тогда как у крестьян уменьшилось менее чем на 1%. В одних губерниях потребление хлебопродуктов сократилось на 21%, в других — увеличилось на 2%. Потребление мяса горожанами уменьшилось на 58 %, а крестьян — на 15 %³⁶. Это несло угрозу голода части населения даже при сравнительно удовлетворительном урожае. Общество распадалось по разным параметрам. Механизмы интеграции оказались совершенно неспособными воспроизводить в этой ситуации целостность общества. Дезинтеграция охватывала про-

³⁴ Кузовков Д. В. Основные моменты распада и восстановления денежной системы 1925 г. // Финансовое оздоровление экономики: Опыт нэпа. М., 1990. С. 14, 26.

³⁵ Литвинов-Фалинский В. Война и промышленность: Экономический очерк. Пг., 1915. С. 7.

³⁶ Бокарев Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989. С. 143.

мышленность, где усиливалась разруха, разрушение хозяйственных связей.

Торжество локальных идеалов, соборных форм управления везде приводило к катастрофическим результатам, к росту дезорганизации и недовольства, переходившего в открытое возмущение. Вечевая стихия разрушительно действовала на организацию власти, включая и центральные учреждения. Органы безопасности действовали бесконтрольно. Всякая попытка использования их в целях наведения порядка представляла опасность. О борьбе внутри советской системы свидетельствует резолюция второй Всероссийской конференции Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем от ноября 1918 года: «Контрреволюционеры удачно используют момент, порождая контрреволюцию на почве трений между разными советскими учреждениями и отдельными советскими работниками». ЧК далеко не обладала всевластием, как это сейчас представляется. Она вынуждена была прибегать к оправданиям своей деятельности, ссылаясь на происки контрреволюции, врагов, которые «стараятся проникнуть в советские учреждения. Саботирующая интеллигенция засела в канцеляриях...». Возникают конфликты в связи с арестом советских работников. В «Известиях» от 28 января 1919 года говорилось: «Работа в ЧК становится непомерно трудной и неблагодарной».

А. Солженицын дал несколько ярких примеров этого хаоса. Он писал: «Любой рабочий может не только не выполнить распоряжения инженера, но безнаказанно его оскорбить и даже ударить, и как представитель правящего класса рабочий при этом ВСЕГДА ПРАВ»³⁷. Он описывал случай, когда в суде обвинитель выступал заодно с защитой, а конвоиры лезли не в свое дело «слать резолюции»³⁸. Каждый отождествлял себя с властью и брал на себя ее функции. *Каждое звено власти, чуть ли не каждый функционер (что наиболее выявилось в деятельности института комиссаров) действовали на основе монолога, разрушая социальные отношения.*

Одновременно выявились угрожающие симптомы раскола почвы. Начало новой государственности прошло под лозунгами уравнительности, ликвидации богачей города и деревни. Среди крестьян также произошли существенные изменения. По официальным данным, количество тех, кому приклеивали ярлык «кулак», уменьшилось к середине 1918 года до 5% от всего количества крестьян. Это, однако, не ликвидировало раскол почвы. Инверсия, одержавшая решающую победу в сфере

³⁷ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1.

³⁸ Там же.

уравнительности, вторглась в деревенский мир. Раздел земли во многих местах охватывал не только помещичью, но и купчую землю самих крестьян. Имели место случаи, когда конфисковывались и распределялись также земля и инвентарь относительно более богатых крестьян. Вновь происходили столкновения между общинниками и хуторянами. Например, на заседании Пензенской губернской земельной коллегии 1 апреля 1918 года отмечалось существование угрозы кровавых столкновений между ними.

Стало очевидным также важное обстоятельство, касающееся примерно трех миллионов ранее безземельных крестьян, которые получили землю. Именно эта часть крестьян, которая, казалось бы, существенно выиграла, оказалась в числе наиболее недовольных. Причину недовольства можно понять лишь в свете представлений синкретизма. Уравнительное перераспределение земли в масштабе страны мыслилось как приобщение к Правде. Под этим не стоял какой бы то ни было рациональный расчет. На долю помещиков в 1916 году приходилось всего 11,3% всех посевов, лошадей — 6,2%, скота — 5,7%³⁹. По сути дела, попытка решить крестьянские проблемы за счет помещиков была чистой массовой утопией. Очевидно, что после конфискации помещичьих земель жизнь по Правде не наступила. Существенным фактором было то, что у получивших землю не хватало инвентаря. Естественным для синкретического сознания было искать виновного. Очевидно, виновниками казались относительно более богатые крестьяне, у которых всего было больше и все было лучше. Синкретическая инверсионная волна, пустившая в передел помещичьи земли и ликвидировавшая буржуазию и интеллигенцию, продолжала катиться дальше, угрожая соседу, чье состояние было выше среднего. В этом заключалась серьезная угроза обществу.

Истоки уравнительности лежат в древнем синкретизме. Однако в псевдосинкретизме она приобретает свои особенности. Правящая элита пыталась использовать стремление масс к уравнительности как источник энергии для формирования укрепляющей медиатор конструктивной напряженности. Поэтому власть была склонна поощрять уравнительные тенденции, несмотря на их разрушительный для производства характер. Кроме того, стремление к уравнительности выступало как попытка ликвидировать те социальные слои, которые несовместимы с социальной однородностью общества, например, эли-

³⁹ Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России// Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 182, 187.

тарную интеллигенцию, относительно более богатые слои и т. д. Граждане «низводятся до уровня посредственности и средней бестолковости»⁴⁰. Это была иллюзорная попытка всех уравнивать, чтобы ликвидировать раскол.

Опасность идущего все дальше и дальше вала уравнительности, который, казалось, ничем нельзя остановить, заключалась в том, что *большое общество немислимо на основе уравнительности*. Она разрушает не только очаги разнообразия, т. е. всякую возможность прогресса и развития, все лучшее, но и необходимое разделение труда между управляющими и управляемыми, между умственным трудом и физическим, между городом и деревней и т. д., в результате чего неизбежен всеобщий распад и крах. Проблема заключалась и в том, что превращение общества в набор замкнутых локальных миров ликвидировало общую основу, единство, люди, не связанные даже торговлей, обратились во врагов, в опасных конкурентов, борющихся за ресурсы, а мир предстал как перерыв между конфликтами. Вспомним вечевую Русь, где междоусобица принимала чудовищные формы, вплоть до того, что попавшихся по дороге детей из другого княжества сажали на кол.

Не следует также забывать, что новое общество возникло на дне нравственной бездны, в условиях всеобщей враждебности. Нравственная ситуация на первом этапе нового общества была ужасающей. М. Горький писал в своей газете «Новая жизнь»: «Наша революция дала полный простор всем дурным и зверским инстинктам, накопившимся под свинцовой крышей монархии, и, в то же время, она отбросила в сторону от себя все интеллектуальные силы демократии, всю моральную энергию страны»⁴¹. «В общем, в массе — незаметно, чтоб революция оживляла в человеке это социальное чувство. Человек оценивается так же дешево, как и раньше... „Новое начальство" столь же грубо, как и старое, только еще менее внешне благовоспитанно. Орут и топают ногами... И взятки хапают... и людей стадами загоняют в тюрьмы» (1917, 19 декабря). «Уличные „самосуды" стали ежедневным „бытовым явлением"...» (1917, 21 декабря). Книгопечатание почти прекращено, ценнейшие библиотеки уничтожаются одна за другой. «Предметы науки, искусства, орудия культуры не имеют цены в глазах деревни,— можно сомневаться, имеют ли они цену в глазах городской массы» (1917, 7 декабря). Происходит избиение интеллигенции. М. Горький обращается к морякам со следующими словами: «Ваши товарищи уже пробовали устраивать

⁴⁰ Зиновьев А. А. Зияющие высоты. М., 1976.

⁴¹ Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918 гг.). С. 122.

массовые убийства буржуазной „интеллигенции“, — перебив несколько сот грамотных людей в Севастополе, Евпатории, они объявили: „Что сделано, — то сделано, а суда над нами не может быть“» (1918, 26 марта). Горький писал о том, что интеллигенция насильственно отторгнута от жизни, ее представители объявлены врагами народа. Он отмечает факт возникновения работорговли: «В Феодосии солдаты даже людьми торгуют: привезли с Кавказа турчанок, армянок, курдков и продают их по 25 руб. за штуку» (1918, 16 марта)⁴². Вместо царства высшей Правды — работорговля, насилие и деградация.

ОПЯТЬ ДВОЕВЛАСТИЕ

Функционирование, хотя и кратковременное, нового идеала раскрыло важную особенность организационного аспекта псевдосинкретизма. Раскол неизбежно привел к тому, что необходимо было постоянно решать две взаимоисключающие задачи. Прежде всего обеспечивать рост и развитие общества, решать задачи модернизации. Но одновременно было необходимо считаться с преобладанием традиционализма, нацеленного на воспроизводство общества в неизменном состоянии. Общество должно было повседневно сохранять, воспроизводить некоторый исторически сложившийся порядок, т. е. попытку сдерживать дезорганизующую лавину массовой инверсии. Одновременно общество в условиях раскола, в условиях периодических инверсий разных масштабов должно идти на значительные, ранее не предусмотренные изменения. Отсюда не только хромающие решения, но и открытие практикой нового общества беспрецедентной организационной формы медиатора, которая включала в себя два различных института — *партию нового типа* и *государство*. Возникла *своеобразная организационная форма двоевластия*, без которой псевдосинкретизм немислим.

Государство в этой ситуации должно было пытаться сохранить определенную стабильность порядка, тогда как партия — в любой момент вносить в общество изменения любого масштаба, касающиеся социальных отношений, культуры и идеологии, законности, распределения ресурсов и т. д. Власть на основе псевдосинкретизма постоянно действует, опираясь на некоторый принцип, который можно было бы назвать *принципом шаха, способного постоянно перерастать в мат*. Это означало, что любое явление в обществе находится, по край-

⁴² Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918 гг.). С. 99, 101, 92-93, 129, 137, 121.

ней мере в тенденции, под абсолютным контролем высшей власти, первого лица и может быть в любой момент изменено, уничтожено, изолировано. Этот принцип обусловлен характером синкретической государственности, которая, по крайней мере в тенденции, воплощает абсолютную власть над людьми и ресурсами в обществе. Он постоянно создает потребность в экстремальных мерах, предотвращающих распространение опасных очагов дезорганизации, необходимость постоянно перебрасывать ресурсы всех видов на обескровленные, угрожаемые участки.

Организация псевдосинкретизма сложилась стихийно, в результате постоянных попыток власти нейтрализовать опасные последствия раскола. Возникла система, элементы которой постоянно сами себя отрицали. Партия постоянно подрывала способность государства стабилизировать порядок, тогда как государство как более стабильная система постоянно объективно независимо или почти независимо от собственных ценностей чиновников ограничивало возможность партии разрушать, изменять стабильный порядок. Следует, однако, отметить, что между ними не было симметрии, равновесия. В принципе партия обычно оказывалась сильнее, что объяснялось постоянным ощущением приближающейся катастрофы. В этой ситуации партия, как капитан на тонущем корабле, получала всю полноту власти для локализации опасного распространения волн дезорганизации, опасности очагов социальной энтропии. На разных этапах отношения между партией и государством могли меняться. Партия и государство постоянно проникались ценностями друг друга. Система двоевластия не была кем-то задумана, но являлась результатом стихийного приспособления общества к глубочайшему расколу.

Этот порядок мог в рамках псевдосинкретизма относительно быстро следовать за колебаниями господствующего в массовом сознании нравственного идеала, давать ему свою интерпретацию, более или менее приспособленную к решению медиационной задачи. Тем не менее господство соборности, локализма разрушало интеграцию целого, государственность. Господство соборной версии псевдосинкретизма позволило открыть важные стороны жизни страны, на которые оппозиционная интеллигенция раньше закрывала глаза. Уровень организационного творчества широких масс для решения медиационной задачи оказался недостаточен. В массах преобладало стремление к перераспределению уже готового продукта в ущерб развитию производства. Эта версия показала несостоятельность основного заблуждения русской интеллигенции, которое было одновременно важным элементом ленинизма.

Новый идеал, новая версия псевдосинкретизма оказались переходящими, как и предшествовавшие им идеалы первого глобального периода.

Новый идеал как в массовой форме, так и в форме версии официальной идеологии, доводя до абсурда раздробление политической и хозяйственной жизни, усиливал разруху, способствовал росту локальных конфликтов, давая новые стимулы начавшейся в 1918 году гражданской войне, что неизбежно порождало инверсию, несущую в себе идеал, противоположный соборному. Следовательно, альтернатива вновь предстала в инверсионной форме, тогда как силы, стоящие за медиацией, выходящие за рамки исторического опыта, были рассеяны.

ГЛАВА II

ГОСПОДСТВО РАННЕГО УМЕРЕННОГО АВТОРИТАРНОГО ИДЕАЛА («Военный коммунизм»)

САМООТРИЦАНИЕ ЛОКАЛИЗМА

Казалось, невозможно себе представить силу, которая могла бы остановить, повернуть назад движение к торжеству локализма. Однако постепенно сам этот процесс обнаружил внутреннее самоотрицание. Разочарование в существующем порядке, который приводил к бесконечным столкновениям множества монологов, несло в себе возможность поворота общества к единому монологу, т. е. к авторитаризму. Распад страны в условиях господства соборного идеала стимулировал рост массового согласия на сильную центральную власть.

Оттесненный на задний план авторитаризм мог превратиться в господствующую силу, в организацию авторитарного государства лишь при условии, что в самих локальных мирах возникнет ярко выраженное стремление приобщиться к высшей власти. Это могло быть результатом массового дискомфорта в низах, стремления найти защиту в высшей власти. Движущей силой этого процесса была возрастающая дезорганизация, в основе которой лежал раскол почвы, возникший еще в прошлом глобальном периоде. Люди, пытаясь преодолеть все формы раскола, включая и раскол почвы. Это неизбежно привело к столкновению в самой почве, прежде всего между частью народа, склонного к последовательной уравнительности, и меньшинством, склонным к утилитаризму выше общепринятого уровня, в особенности к развитому утилитаризму, основанному на осознании связи между собственными усилиями и результатами труда.

Идущая к локализму инверсионная волна, начавшаяся в XVIII веке, охватывала всех крестьян. Однако в конечном

итоге в крестьянстве не могли не выявиться внутренние различия. Наиболее архаичная часть, склонная к максимальной натурализации, уравнительности, шла к локализму до максимально возможной степени, тогда как крестьяне, склонные к утилитаризму, в особенности в его развитых формах, не могли идти по этому пути слишком далеко. Они нуждались в рынке, в связях хозяйственного характера, в городе. Это различие внутри почвы дало новой власти блестящий шанс получать социальную энергию, возглавив борьбу почвенного большинства против меньшинства, которое рассматривалось как воплощение зла, как последний его недобитый отряд. Власть, слившаяся с большинством, тем самым могла черпать из него, казалось бы, бесконечную поддержку, социальную энергию. В этом нельзя было сомневаться, так как именно идеалы уравнительности неизбежно требуют авторитаризма, внешней силы, способной «всех равнять».

Никакая власть не обладала способностью повернуть гигантскую инверсионную волну. Однако власть могла ею воспользоваться, оседлать ее, дать ей определенную интерпретацию, такую интерпретацию, которая позволяет использовать инверсию для формирования государства, для решения медиационной задачи. Псевдосинкретизм методологически оказался достаточно гибким для решения этой задачи. Он позволил по видимости в рамках одной и той же идеологии, принципа, именуемого демократическим централизмом, перейти от соборного идеала к авторитарному. Эта нравственная инверсия неотделима от качественного сдвига в самой синкретической государственности, т. е. от перемещения центра тяжести власти с уровней локальных миров, миров среднего уровня к высшей власти, что приводило к борьбе между собой разных версий интеграции общества. Ленин остро почувствовал назревание этого перехода. Тяготая к синкретизму, он не усматривал противоречия между соборным и авторитарным идеалами. Отождествление обоих идеалов, неспособность или нежелание понимать дуальность идеала при одновременных попытках использовать это различие для тайного манипулирования переходами между идеалами и составляет важный аспект псевдосинкретизма. Игнорирование различий между этими идеалами открывает возможность для утверждений, что «решительно никакого принципиального противоречия между советским (т. е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц нет»¹. Здесь со всей отчетливостью высказана идея синкретической неразличимости собор-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36- С. 199.

ности и авторитаризма. Эта идея, если акцентировать внимание не на словах, а на сути, вполне в духе славянофилов. А. Солженицын писал: «Прежние государи искали творить не свою волю, но выражать соборную совесть народа»². Многочисленные критики ленинизма прошли мимо этого фундаментального взаимоперехода, взаимопроникновения в массовом сознании авторитарного и соборного идеалов, амбивалентности идеалов. *Руководствуясь идеей тождества спонтанного народного самоуправления и авторитарной власти, Ленин мыслил и действовал в соответствии с древним почвенным синкретизмом*, который, естественно, к этому времени уже давно потерял свой непосредственно синкретический характер, но оставался некоторым идеалом. Пытаясь быть понятным народу, Ленин неизбежно тяготел к его ценностям, стремясь учесть в идеологии массовое желание усилить общинное начало, распространить его на все общество. *Ленин выступал как руководитель чисто архаического движения, возбужденного массового стремления к древним формам жизни. Однако для него, для партии эта архаика была не самоценностью, а навязанным средством, которое можно было попытаться использовать для модернизации, для укрепления государства.*

ОБЩИННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Ленин пытался отождествить по сути две разнородные, вступающие друг с другом в конфликт расколотые части общества, два расколотых пласта культуры. Он старался связать общинное движение с движением государственного производства, основанного на государственной собственности, что также было мощной традицией, унаследованной от прошлого. Соединяя общинное, соборное начало и государственное, Ленин, по сути дела, отождествлял идеи общинного социализма, т. е. социализма безгосударственной жизни множества крестьянских сообществ, и государственный социализм, где эти же люди добровольно соглашались на авторитарную государственную власть, обеспечивающую защиту всеобщей уравнительности. Ленин выступил как человек, искренне верящий в реальный синкретизм такого тождества.

Однако такое тождество для современного сознания в отличие от древнего не было задано как естественное, но стало некоторой задачей, требующей воплощения. Эту задачу должен был решать рабочий класс, который в идеологии играет роль трикстера, медиатора, соединяющего распадающиеся эле-

² Солженицын А. И. Собр. соч. Париж, 1983. Т. 13. С. 34.

менты целого, и, следовательно, в известном смысле является носителем государственного и одновременно общинного социализма. Псевдосинкретизм в отличие от синкретизма переносил центр тяжести на социальные институты, социальные группы, способные обеспечить это тождество. В государстве рабочих, как назвало себя общество после 1917 года, наука не заинтересовалась тем, что в старой России постепенно складывалось массовое артельное движение, где работники объединялись между собой для эффективной производственной деятельности, экстраполируя на свою работу древние общинные принципы. В 80-90-х годах прошлого века существовало бесчисленное количество артелей: рыболовецких, охотничьих, торговых, строительных, крючников, точильщиков, маляров, лодочников, брошюровочных и переплетных, старательских, ловли дров на реках, биндюжников, гребцов, полотеров, пильщиков и т. д. Этот список можно было бы значительно расширить. Известны случаи, хотя и немногочисленные, когда еще во времена крепостного права производственная артель рабочих «с полным успехом вела» «сложное фабричное дело» в результате договора с владельцем за «цены с выработанного продукта»³. Любопытно, что иногда эти артели выступали как владельцы предприятий. Например, в Царевококшайском уезде Казанской губернии из 300 заводов смолокурения только 20 имело по одному хозяину, тогда как на остальных заводах работали артельщики от 2 до 13 человек⁴.

Следовательно, в стране шел определенный процесс овладения общинными формами многочисленных умножающихся специализированных форм деятельности. Он, естественно, давал определенные основания для отождествления рабочих и крестьян как субъектов общинных форм жизни и столкновения самоуправления как основы общинного социализма со всеми вытекающими последствиями. Это давало основание включать их в общую концепцию синкретического социализма.

Существование этих артелей, охватывавших несельскохозяйственные формы производства, дает основание для предположения, что при благоприятных условиях и неограниченности исторического времени эти формы могли овладеть все более сложными производствами и в конечном итоге создать некоторое самобытное общество, сочетающее реальное экономическое развитие с общинными формами, чему дает пример Япония. Однако против этой гипотезы можно выдвинуть ряд

³ Туган-Барановского крепостная фабрика// Великая реформа. М., 1911. Т. 3. С. 149.

⁴ Смолокурение в Царевококшайском уезде// Волжско-Камское слово. 1882. №51, 52.

возражений. Прежде всего, развитие все более сложных напряженных форм труда могло все больше входить в противоречие с консерватизмом общинных форм. Кроме того, эти артели вряд ли могли выдержать реальную конкуренцию с индивидуальной инициативой, выстоять в конкуренции с монопольным государственным производством. Поражение артелей было бы одновременно поражением почвенных сил, которые пытались распространиться и на город, овладеть новыми формами труда. Скопление рабочих на крупных предприятиях позволило Ленину рассматривать их как представителей государственного социализма, сохранивших, однако, общинную способность к самоуправлению.

Псевдосинкретизм накладывает вето на возможность видеть здесь противоречие, раскол. Но лежащая в основе псевдосинкретизма идея единства общинного и государственного социализма не могла не подвергаться испытаниям при каждом повороте массовых нравственных процессов. На втором этапе советской государственности, в условиях массового стремления избежать анархии, прибегая к помощи высшей власти, Ленин пытался перестроить мозаику псевдосинкретизма. *Теперь на первый план выдвигалась уже не идея массового творчества низов, соборность, а согласие миллионов на авторитаризм, т. е. господство основного заблуждения интеллигенции инверсионным образом сменилось господством основного заблуждения массового сознания — веры в начальство, которое все может.* Происшедшее было попыткой преодолеть социокультурное противоречие между социальными отношениями соборного типа, охватившими все общество, и массовыми ценностями сохранения стабильности и порядка, между социальными отношениями локалистского типа и отношениями, олицетворяющими этот порядок, между локалистскими субкультурами и ценностями общества в целом. Этот поворот был более четким, более последовательным и одновременно *модифицированным повторением поворота от господства соборного идеала к раннему умеренному авторитаризму первого глобального периода, т. е. перехода от Киевской Руси к Московскому государству.* Тогда первое лицо не управляло как абсолютный властитель. Царь управлял совместно с боярами, что могло рассматриваться как коллегиальный авторитаризм.

Массовый поворот к авторитаризму, который соответствующим образом интерпретировался правящей элитой, был вызван мощным ростом дискомфортного состояния, связанным с гражданской войной. Попытки управлять атомизированными предприятиями, регионами полностью обанкротились. «Прошло еще несколько месяцев, пока руководители рабочих организа-

ций на местах убедились в большей целесообразности и правильности» противоположного порядка, т. е. административно-авторитарного. Аналогичный поворот имел место в деревне. Ю. Ларин изображает этот процесс как выход власти «из-под сапога деревенского кулака. ...Тот натуральный налог, провести который мы были бессильны в прошлом декабре, теперь принимается в ЦИК единогласно»⁵. Рост конфликтной ситуации в стране, невозможность спокойно жить в локальных мирах крайне осложняли ситуацию. Передел земли уменьшил производство хлеба. «Крупные земледельческие хозяйства, дававшие высокие урожаи, представляющие собою большую ценность, снабжавшие рынок большим количеством продуктов, были „разорваны на части“, были уничтожены»⁶. Следовательно, укрепились формы земледелия, которые еще недавно специалисты называли первобытными⁷.

Эта проблема не является изолированной, она связана с недоразвитостью экономических отношений. «Рынка нет, так как при существующих условиях сельское хозяйство в такой степени бездоходно, что не может служить для надежного помещения капиталов»⁸. Бедные натуральные хозяйства не ставили своей задачей следовать за растущими потребностями общества, не отличались склонностью к развитию, результатом чего и было уменьшение товарного хлеба. Деревня всегда, когда не было прямого и настойчивого изъятия натурального продукта, на кризис в обществе отвечала замыканием в себе, отказом от фактически даровой передачи продуктов своего труда городу, государству. Это было во времена упадка раннего идеала всеобщего согласия первого периода, когда крестьяне прекратили подвоз в город продовольствия, сена, дров, за которые им пытались платить медью вместо серебра. Это имело место и во время первой мировой войны, когда выяснилось, что деньги не нужны, так как за них ничего не купишь.

⁵ Ларин Ю. У колыбели// Народное хозяйство. 1918. № 11. С. 21, 22.

⁶ Книпович Б. Н. Очерк деятельности Народного Комиссариата Земледелия за три года (1917-1920). М., 1920. С. 9.

⁷ См.: Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1919. С. 246; Качоровский К. Народное право. М., 1906. С. 17. В 50-х годах прошлого века управляющий Орловской палатой пишет о «почти первобытном» состоянии (см.: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 360). А. Кизевсттер пишет о «первобытном складе» общества до эпохи Великих реформ {Кизевсттер А. А. История России в XIX веке. М., 1916. Ч. 2. С. 49). М. Покровский говорил о крестьянских хозяйствах 1913 года как о хозяйствах «средневекового, докапиталистического типа» (Покровский М. И. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932. С. 248).

⁸ Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России: Дежневое обращение/ Составитель Никифоров Д. И. СПб., 1903. С. 24.

«На вопрос: отчего не продаете? — один ответ: сами едим, ребятам нужно»⁹. Раньше ведь недопотребляли, чтобы продать, иметь деньги, чтобы заплатить в казну, а также на водку, которая теперь была запрещена. Эти эфемерные подпорки рынка в условиях разрухи рухнули, что означало резкое обострение раскола, рост конфликтов в каждой точке общества, создавало условия для гражданской войны.

В этой ситуации крестьянство, стремясь сохранить уравнительное распределение земли и боясь возврата частной собственности, поддерживало новую власть, что практически обеспечивало согласие на авторитаризм. Это не означало, что массовое недовольство властью исчезло. Но оно могло иметь решающее значение лишь тогда, когда несло в себе реальную альтернативу, возможность хотя бы на ограниченное время решить медиационную задачу. Недовольство проявлялось в стремлении к общему порядку, «к тишине и покою», в попытке покончить с произволом власти на местах в пользу центрального руководства, нового харизматического вождя — Ленина, который возглавил борьбу с кривдой собственников, «кадетов». Переход к авторитаризму не привел, как это было в прошлом глобальном периоде в Киевской Руси, к краху государственности. Не последнюю роль в этом, очевидно, сыграла гибкость псевдосинкретизма, который оказался идеологически и организационно подготовлен к такой возможности.

«СТИХИЯ — САМЫЙ ОПАСНЫЙ ВРАГ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ»

Ленин стремился найти выход из безбрежного хаоса не в авторитаризме, а в централизации, но в России это было практически одно и то же. Он писал: «Наш первый лозунг — централизация»¹⁰. Идея организации была у него основной. «Для социализма главная трудность состоит в обеспечении дисциплины труда»¹¹. Признание состояния дисциплины труда главной трудностью социализма было скрытым признанием краха идеи спонтанного стремления масс к новым, более совершенным формам жизни. Непосредственным результатом установления советской власти оказался не столько рост творческих сил, сколько сигнал «жидкому элементу» игнорировать организованные центры власти.

⁹ Шестов Л. Что такое русский большевизм?// Странник: Литература, искусство, политика. 1991. № 1. С. 54.

¹⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 30. С. 410.

¹¹ Там же. Т. 36. С. 261.

Ленин, преодолевая утопическую веру во всеспасительный подъем массового народного творчества, вступил в ожесточенную борьбу с хаосом, с «мелкобуржуазной стихией», по его терминологии, т. е. с реальным творчеством, с отсутствием осознания связи части и целого, «народнохозяйственной и политической связи голода и безработицы с распущенностью всех и каждого в деле организации и дисциплины»¹². Отчетливо сознавая всю губительность нарастающего хаоса, Ленин в апреле 1921 года писал: «Победа над беспорядком, разрухой, расхлябанностью важнее всего, ибо продолжение мелкобуржуазной анархии есть самая большая, самая грозная опасность, которая погубит нас (если мы не победим ее) безусловно»¹³. Стихия «не раз в течение революции показывала себя как самый опасный враг пролетарской диктатуры»¹⁴.

Жесткость древних сообществ и социальных отношений, а также стремление власти бороться с «жидким элементом», с «мелкобуржуазной стихией» на фоне усиливающегося влияния в обществе машинного фетишизма толкали Ленина к истолкованию авторитаризма как машинного. Он писал: «Центральным пунктом всей нашей революционной преобразовательной деятельности является» установление «строжайшей ответственности за исполнительские функции и безусловно трудовое дисциплинированное добровольное исполнение предписаний и распоряжений, необходимых для того, чтобы хозяйственный механизм работал действительно так, как работают часы»¹⁵. Ленин писал о невозможности дальнейшего существования «без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов»¹⁶. Он полагал, что это делает необходимым единство воли руководства, что может быть воплощено лишь в принципе единоначалия, «единоличной диктаторской власти»¹⁷. Идея диктатуры единоначалия была связана с общей оценкой власти как диктатуры пролетариата, что было переводом на понятный партии язык представления об авторитаризме. Революция, по Ленину, требует беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса. Организации «не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный

¹² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 197-198.

¹³ Там же. Т. 43. С. 209-210.

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Там же. Т. 36 (курсив мой.— А. А.).

¹⁶ Там же. Т. 43.

¹⁷ Там же. Т. 36. С. 20.

орган, работающий с правильностью часового механизма. Социализм порожден крупной машинной индустрией»¹⁸. В сущности, стремление к авторитаризму было обусловлено необходимостью сконцентрировать в руках центра все то позитивное в организационном отношении, что делалось на местах. «Попытки добыть хлеба или топлива в розницу „себе“, т. е. „своему“ заводу, „своему“ предприятию, только усиливают дезорганизацию, только облегчают спекулянтам их корыстное, грязное и темное дело»¹⁹. Ленин стремился убедить общество, что все, что оно делает, надо централизовать, передать в руки центрального правительства. Он действовал как отец большой семьи, который утверждает свою власть над многочисленными детьми, пытающимися промышлять единолично и мешающими друг другу.

Возникло общество, где наряду с традиционным страхом перед властью, ненавистью к ней усилилось языческое преклонение перед первым лицом, возник культ Ленина. Он появился совершенно независимо от того, как к этому относился сам Ленин. Этот тотемический культ был необходим для завершения представления о власти как воплощении высшей Правды, интеграторе высшей мудрости космоса и высшей мудрости человека — организатора и творца, причем он вполне мог сочетаться с потерей большевиками своего влияния. (В прошлом преклонение перед царем могло сочетаться с ненавистью к его слугам.) Об этом свидетельствовал, например, результат выборов в советы весной 1918 года. Культ первого лица автоматически требует мифологической идеологии, которая всегда имеет дело с идолом-субъектом, с божеством. В новой идеологии в неразличимое единство слились архаичные представления и модернизаторские идеи, ориентированные на машину, т. е. это был абсурдный симбиоз локалистского синкретизма и машинного фетишизма.

Однако реальное формирование авторитарной государственности даже при наличии соответствующей инверсии могло иметь место лишь при определенных условиях. Нужны были кадры, способные взвалить на себя тяжелое бремя. Новая правящая элита вышла из немногочисленной партийной элиты, прошедшей школу организационной работы. Власть пыталась использовать остатки старых кадров чиновников. Новая правящая элита стала фактически преемницей слоя организаторов и строителей государственности старой России. В своей организационной деятельности она использовала опыт западной культуры. Здесь собрались люди, обладавшие исключительны-

¹⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 157.

¹⁹ Там же. С. 361.

ми организаторскими способностями. Их было немного, но они подчас совершали чудеса. Ленин, например, говорил о Троцком: «Указали бы другого человека, который способен в год образовать образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть»²⁰. Эти чудеса организации были возможны лишь в условиях значительного энтузиазма, охватившего слой полуобразованных, просто грамотных, еле грамотных людей, которые готовы были идти на жертвы ради революции.

Партия укрепляла организацию в принципе тем же методом, который применяла и до захвата власти. Она буквально гонялась за каждым способным к организационной работе человеком. Партия вновь обращается к человеку с улицы, забрасывая в массы тесты-идеи, пытаясь проверить их приживаемость, обкатать их, с тем чтобы сформулировать идеологический компромисс для мобилизации на его основе организационной энергии. Например, большевистская газета рекомендовала всем демобилизованным заходить в комитеты большевиков. «Из комитета ты получишь указание, как вести в деревне большевистскую, народную работу... Познакомишься, как устроена и работает Красная Гвардия и как она защищает интересы рабочих и крестьян, знают ли крестьяне декреты советского правительства о мире и о земле... Заприметишь, какие есть в деревне крестьяне посмекалистее, побойчее. Конечно, ищи таких людей среди деревенских бедняков, таких же, как ты сам, среди бобылей да батраков... Как нашел таких, собери их в кучу да разъясни им все подробнее: про землю, про теперешнюю победу рабочих, солдат и крестьян, про новую советскую власть... И расскажи, что знаешь про большевистскую партию, как эта партия крепко за народ стоит...» Солдатам и матросам рекомендовалось созвать деревенский сход, «чтобы на всех выборных должностях состояли бедняки и кулаков нужно гнать вон»²¹.

Солдаты и матросы — люди бывалые и, очевидно, скорее, чем крестьяне, были способны усвоить некоторые общие идеи, конкретную интерпретацию правящей элитой ведущей инверсии, манихейского миропонимания, включающего и стремление соединить крестьянство с партией. Все это делалось в рамках древней дуальной оппозиции добра и зла, в которой теперь добро отождествлялось с единством народа и партии, а зло — с кулаками, буржуазией и т. д. Именно такой подход обеспечивал взаимопонимание с рядовым человеком.

²⁰ См.: Горький М. Владимир Ленин// Русский современник. 1924. Кн. 1. С. 243.

²¹ Солдатская правда. 1917. № 103. 3 дек.

ЛОКАЛЬНЫЙ МИР И ГОСУДАРСТВО

В принципе авторитарная власть в том виде, в котором она существовала в древних синкретических формах и в условиях того, что по Марксу иногда называют азиатским способом производства, опиралась на местные локальные патриархальные сообщества, общины. Эта власть была фактически формой их государственного существования. В России авторитаризм имел аналогичную природу. Однако *попытки модернизации и раскол в обществе толкали государственность к доведению авторитаризма до вторжения в общины, в локальные миры, до попыток изменить сложившийся там естественный порядок. Эти тенденции свидетельствуют о перерастании авторитаризма в тоталитаризм.* На рассматриваемом этапе была сделана такого рода попытка.

Деятельность сельских советов вызывала все большее недовольство высшей власти. 11 июля 1918 года были учреждены «комитеты бедноты», которые реально были второй системой власти. Тем самым была расширена система двоевластия. Это был весьма опасный шаг, так как *власть вторгалась туда, где она в конечном итоге всегда проигрывала, — в локальный мир, обладающий исключительной сопротивляемостью внешнему давлению.* Советы при этом изображались как кулацкие, как воплощение зла. Бедняки привлекались в комбеды соучастием в экспроприации деревенских богачей. *Комбеды, созданные в деревне, оказались организационной формой войны бедных против богатых, т. е. проявлением древнего разрушительного антагонизма внутри почвы.* Советы были уничтожены, и власть фактически перешла к комбедам, которые затем были переименованы в советы. Эта вылазка тоталитаризма, однако, не привела к его победе. Сельские миры в конечном итоге продолжали противостоять государственности в своих повседневных делах.

История вновь решала спор, который некогда разгорелся среди творцов крестьянской реформы, — передавать или нет местную власть крестьянским мирам. Реформаторы 1860-х годов не решились на такую передачу. Теперь, после того как советы в деревне стали фактически воплощением власти местного мира, выяснилось, что они не очень ценили и понимали значение мира как звена государственного управления. Советы оказались неспособными нести сложные государственные функции и подчас стихийно превращались из органов непосредственного народовластия всего лишь в местный инструмент централизованной власти. Ленин писал: «Низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей

программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы». «Отделы Советов превратились во многих местах в органы, сливающиеся постепенно с комиссариатами»²². Все это было естественным результатом догосударственной природы местных советов — этих вечевых локальных институтов, которые, попав под административную власть государства, были склонны либо не считаться с властью, либо адаптироваться к ней. *Пассивность миллионов, отсутствие интереса к защите своего голоса в большом обществе открывали государству зеленую улицу для насилия. Локальная соборность с легкостью переходит в опору государственного авторитаризма. Новая власть тем самым решила медиационную задачу, т. е. соединила уравнительное по своему содержанию массовое сознание и относительно устойчивую систему государственности, интегрирующую общество.*

Поражает способность сообществ советского типа в мгновение ока переходить от соборности к авторитаризму и обратно в моменты нравственных кризисов. Кризис соборного нравственного идеала привел к молниеносному амбивалентному инверсионному превращению соборных институтов в авторитарные, к согласию сообщества на авторитарную власть комиссара, вышестоящего начальника, нового тотема, знающего Правду. Этому повороту подвержены не только советы, но и старые кооперативы, массовые общественные организации независимо от их идеологической окраски. Например, анархист Н. Махно, не признававший никакого начальства и власти, провозглашавший лозунги безвластного советского строя, антигосударственного социализма в занятых его войсками населенных пунктах, «запрещал создавать какие бы то ни было органы власти, обязывая население признавать только его личную власть и власть назначаемых им комендантов, пользующихся полной свободой действий»²³. Крайняя соборность с легкостью переходит в авторитаризм.

Эта легкость, молниеносность перехода соборности в авторитаризм была возможна лишь при условии, если в стране развитие капитализма (поскольку оно имело место) не дошло до распространения массового менталитета частной инициативы, до формирования в ощутимых масштабах среднего класса — носителя частной инициативы. На пути поворота к

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36.

²³ Ермаков В. Д. Махновщина: некоторые социальные аспекты повстанческого движения крестьян Украины// Социологические исследования. 1991. № 3. С. 84.

авторитаризму не было не только линии обороны капитализма, но, более того, не было и линии обороны феодализма с его корпоративностью. Многомиллионная ударная сила локализма, вечевое идеала была по сути дофеодальной, направленной против феодальной иерархии и соответствующих форм власти и собственности. Она соглашалась лишь на подчинение сакральному центру-большаку и на экстраполяцию его в критической ситуации.

ВОЗВРАТ К КРЕПОСТНИЧЕСТВУ

Амбивалентный поворот советов к авторитаризму требовал нового решения медиационной задачи. Возникший авторитаризм носил умеренный характер, не доходил до крайних логически возможных форм. На уровне официальной идеологии эта непоследовательность выражалась, например, в противоречивости позиции Ленина по отношению к так называемым кулакам. Он выступал с яростными антикулацкими высказываниями, но одновременно пытался оградить тех, кого называл кулаками, от всеобщего погрома торжествующего локализма и уравнительности. Можно построить два ряда противоположных цитат как из высказываний Ленина, так и из других источников. Власть, чтобы найти общий язык с крестьянством, с силами, возможно, способными укрепить новые формы организации, обращалась с прямыми призывами к убийствам. Так, крестьянский отдел ВЦИК опубликовал обращение «Ко всему трудовому крестьянству и деревенской бедноте», в котором говорилось: «Арестовывайте и беспощадно истребляйте всех, кто подбивает вас на заговоры и выступления против советской власти»²⁴. На местах принимались такого рода резолюции: «Берегитесь! Настала пора уничтожить эксплуататоров. Да здравствует красный террор против врагов революции!» (постановление собрания бедноты Спасско-Никольской волости). Власть и народ синкретически слились в единое целое в своем стремлении истребить реальных, расхаживающих по улицам оборотней извечной кривды, принявших обличье кулаков, буржуев, заговорщиков и т. д. Ленин разжигал ненависть к кулаку: «Везде жадное, обожравшееся, зверское кулачье соединялось с помещиками и с капиталистами против рабочих и против бедноты вообще. Везде кулачье с неслыханной кровожадностью расправлялось с рабочим классом. Везде оно входило в союз с *иноземными капиталистами* против рабочих своей страны... Кулаки — бешеный враг Советской власти.

²⁴ Голос трудового крестьянства. 1918. 2 авг.

Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстания кулацкого, грабительского меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать... Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры...»²⁵. Ленин призывал к прямому их истреблению: «Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им!»²⁶. 11 августа 1918 года он писал: «Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомо кулаков, богатеев, кровопийц»²⁷. Он требовал «очистки земли российской от всяких вредных насекомых»²⁸ и т. д. Причины подобных призывов были те же, что и у Разина, когда его авторитет среди масс зависел от его способности совершить зверскую расправу с врагами, с их женами и детьми. Достаточно вспомнить, как до сих пор популярна песня, центральный эпизод которой — «и за борт ее бросает в набежавшую волну», и затем: «Что ж вы, братцы, приуныли?» В песне нет ужаса перед этим жестоким убийством, но есть недовольство окружения Разина его связью с княжной, что и толкает на убийство.

Открытый призыв к истреблению кулака (по подсчетам Ленина, кулацкие семьи составляли 2 миллиона из общего числа 15 миллионов земледельческих семей, т. е. немногим более 13%)²⁹ сочетался с иной, почти противоположной линией. «Богатого крестьянина не экспроприировать»³⁰. В замечаниях к проекту декрета об обложении сельских хозяев он пытается сузить понятие о кулаке: «1. Не все 2 миллиона кулаки. 2. Богатый крестьянин может быть очень зажиточным, но не кабалыщиком и прочее. 3. Капиталистов мы экспроприруем и конфискуем, — у богатого крестьянина — *НЕТ*»³¹. Ленин прямо говорит: «Экспроприация даже крупных крестьян никоим образом не может быть непосредственной задачей победившего пролетариата»³². Богатое крестьянство не было ликвидировано, но летом и осенью 1918 года две трети его земель при перераспределении попали в руки менее обеспеченных семей. К этому времени 95% сельскохозяйственной земли было в руках крестьян.

²⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 39-40.

²⁶ Там же. С. 41.

²⁷ См.: Известия. 1992. 21 апр.

²⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 204.

²⁹ Там же. Т. 37. С. 40.

³⁰ Там же. С. 40, 93.

³¹ Там же. С. 94.

³² Там же. Т. 41. С. 175.

Таким образом, выясняется на первый взгляд довольно странное обстоятельство. В своей интерпретации массовой инверсионной волны Ленин допускал определенную непоследовательность, двойственность, осторожность, т. е. следовал логике хромающих решений. Очевидно, он ощущал серьезную опасность в уравнительности, заключавшуюся прежде всего в том, что она наносила удар по хозяйству, подрывала экономические возможности общества. *Псевдосинкретизм был ориентирован не только на ценности массового сознания, но и на ценности роста и развития, на определенный вариант модернизации. Трагедия, однако, заключалась в том, что обе эти тенденции находились в состоянии раскола, т. е. они дезорганизовывали, подавляли друг друга.* Однако, чтобы это выявилось, требовалось время. Пока победа новой версии псевдосинкретизма проявлялась во всеобщем повороте к крепостничеству, которое стало буквально захлестывать общество. Обращает на себя внимание быстрота, с какой сельские миры, советы, кооперативы, промышленное производство, хозяйство и т. д. стали звеном крепостнической системы. *Военный коммунизм превратился в целостную систему всего за какие-нибудь несколько недель. Это не может быть объяснено только насилием, главное — массовый возврат к исторической традиции. Этот поворот открывал путь для решения медиационной проблемы на основе соединения уравнительных социальных отношений и массовых уравнительных ценностей.*

Возврату к крепостничеству не следует удивляться. Его природа вовсе не в насилии злодеев-эксплуататоров над беззащитными крестьянами, не в сфере политики, но в системе традиционных отношений, экстраполируемых на большое общество. «Крепостническая несвобода крестьян увековечивалась почти безысходной принадлежностью к своему сельскому словию и сельскому обществу»³³. *Экстраполяция субкультуры древнего сельского мира общины на большое общество неизбежно привела к распространению на все общество жесткой зависимости личности от целого.* В 1861 году реформа отменила лишь государственное крепостничество и крепостную зависимость от дворян, но не затронула и не могла затронуть крепостничество внутри общины. Следовательно, формирование новой государственности в условиях активизации архаичных сил неизбежно происходило на основе мощных выбросов крепостничества до самих вершин власти. Противостояние этому процессу посредством способности высшей власти интер-

³³ Рындыонский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850-1880 гг. М., 1978. С. 95.

претировать его на основе антикрепостнических идей имеет весьма ограниченные возможности. Та часть общества, которая во имя уравнительности согласилась пожертвовать локальной независимостью, личностным развитием, неизбежно воспроизводила общество по типу древней общины в ее авторитарной версии.

Напряженность псевдосинкретизма позволила использовать архаичное культурное наследие для жесткого подтягивания общества к высшей Правде, которая воплощалась в высшем руководстве, причем последнее закрепощалось в первую очередь. Каждый член правящей элиты был обязан беспрекословно подчиняться решениям партийных инстанций, отправляться в любое заданное место и заниматься любой порученной работой. Создавать свои группировки, фракции и защищать свое особое коллективное мнение запрещалось. Сложилась особая этика беспрекословного подчинения указаниям партии и самоотверженной работы чуть ли не по 24 часа в сутки во имя общего блага. Крепостническая зависимость этих людей была сильнее и уж во всяком случае требовала большего напряжения, чем это имело место у правящего слоя Московского государства. Закрепощение распространялось на весь партийный и государственный аппарат. Крепостничество охватило все общество. Никакое насилие, никакая даже самая могучая диктатура не могли бы дать такого эффекта.

Люди стремились к порядку в исторически известных им формах, к крепостничеству. Оно выступило прежде всего в форме принудительного труда. Эта идея жила с первых дней существования новой власти. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятая в январе 1918 года, содержала следующий пункт: «В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность». Кодекс законов о труде, вышедший в конце 1918 года, предусматривал «обязательное привлечение к труду всех трудоспособных граждан». Всеобщая трудовая повинность и милитаризация труда были основой политики военного коммунизма, все слои населения обязаны были нести натуральные повинности, такие, как заготовка, погрузка топлива, борьба со снежными заносами, земляные работы и т. п. Обычным явлением были мобилизация специалистов, милитаризация предприятий и учреждений. В Москве и Петрограде были введены трудовые книжки в качестве средства обеспечения участия всего трудоспособного населения в

«производительном труде». Уклонившиеся от трудовой повинности подвергались «увольнению с лишением свободы»³⁴.

Всеобщая трудовая повинность «состояла в принудительном привлечении буржуазии и близких к ней элементов, а зачастую и крестьянства определенных областей, к выполнению необходимых работ — чаще всего очистки снега, заготовки дров, земляных работ, и т. п... „Трудовые книжки“ должны были служить орудием контроля... Что касается милитаризации труда, окончательно завершавшей трудповинность, то она состояла в прикреплении рабочих и служащих к их предприятию без права прекращения работы или свободного перехода на др. предприятия. Подобное передвижение должно было совершаться только по указаниям соответственных хозяйственных органов — в первую голову Главкомтруда, — органа, проводившего трудповинность и „ведавшего“ движением рабочей силы. Профсоюзы обязаны были активно помогать проведению указанной системы, вводить трудовую дисциплину, бороться с трудовым дезертирством и т. д.»³⁵. Любопытно, что труд рассматривался и как благо, и как средство избавления от всех пороков, и как наказание. Все население страны включалось в кооперативы. «Каждый гражданин обязан стать членом коммуны»³⁶. Различие между свободными и заключенными неуклонно размывалось.

Насилие рассматривалось как средство решения любых вопросов: декретом от 9 мая 1918 года предлагалось в недельный срок сдать все излишки хлеба, причем объявлялось, что выполнение декрета будет обеспечено применением вооруженной силы³⁷. Лично Лениным было подписано следующее постановление: «В кратчайший срок отобрать у гражданского населения, а также у всех служащих во всех советских учреждениях, с изъятием временно для военных целей все шинели»³⁸. Очевидно, что это сравнительно быстрое восстановление крепостничества требует многозвенного, многоэтапного анализа, который бы охватил важнейшие стороны этого сложнейшего процесса. Необходимо исследование того, как это архаическое явление сплеталось с модернизацией, усеченными элементами либерализма и т. д., т. е. с другим аспектом расколотого общества.

³⁴ Декреты СНК от 14 ноября 1919 года и от 27 апреля 1920 года.

³⁵ Айхенвальд А. Военный коммунизм // БСЭ. 1-е изд. М., 1928. Т. 12. Стб. 374-375.

³⁶ Декрет СНК «О потребительских коммунах» от 16 марта 1919 г.

³⁷ Известия. 1918. 14 мая.

³⁸ Там же. 1919. 10 окт.

ГДЕ БЫЛ ОСНОВНОЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ?

Восстановление крепостничества было неотделимо от преодоления двойственности в развитии хозяйства: безусловная административная власть государства, его почти неограниченное право и способность принудительно перебрасывать ресурсы, но также определенное крайне суженное развитие частной инициативы, свободного рынка, конкуренции и т. д. Старое общество стало дискомфортным в результате несовместимости этих двух форм хозяйства, с одной стороны, в результате подавления мощными монополиями (включая государственную) ремесленников, артельщиков, мелкого бизнеса, но, с другой стороны, по прямо противоположной причине — из-за наступающего рынка, несущего угрозу уравнительности. В этой ситуации общество выбросило к вершинам власти людей, которые могли возглавить борьбу одновременно как против товарно-денежных отношений, так и против давления начальства, т. е. государства. Программа либерального развития, требующая наличия гражданского общества, частного предпринимательства, защитники которой твердили всякие непонятные слова, вроде того, что «аграрный вопрос должен быть решен законодательным путем», была отвергнута массовым сознанием, большинством населения. Социальный заказ последнего должна была выполнить новая власть. Дело не менялось от того, что заказ этот был утопичен: невозможно требовать одновременно ликвидации, существенного ограничения товарно-денежных отношений и ликвидации инструмента, способного это выполнить, т. е. государства.

Второй этап динамики общества после 1917 года отличался от первого тем, что теперь хаос локализма, междоусобицы привел к определенному признанию необходимости авторитета первого лица как нового тотема, к согласию на власть, способную восстановить некий порядок, удержать то, что было получено в результате торжества уравнительности. Этот поворот к авторитаризму уже содержал в себе определенный ответ на выбор пути хозяйственного развития — фактическое признание государства как орудия подавления товарно-денежных отношений, а на основе культа машины, возможно, и как орудия хозяйственного развития на доэкономической основе.

Эти архаично-модернизаторские представления получили у Ленина форму научной теории, точно так же как ранее тождество соборности и авторитаризма выступало у него как теория народовластия. *Идеал общества у Ленина сформировался на основе отождествления современной машинной индустрии, ее высших форм с общинным социализмом.* Парадокс, однако,

заклучался в том, что новые отрасли, т. е. прежде всего промышленность, развивались не на общинно-артельной основе, а в формах государственного, а также частного хозяйства. Здесь Ленин, как и во многих других случаях, «сдвигал шкаф», т. е. пытался «убрать» раскол между общинной и современной формой производства и перенести его на отношение рабочих и предпринимателей, бедных и богатых.

Большевики пришли к власти в условиях страшной разрухи и дезорганизации общества. Какими бы ни были их причины, очевидно, манихейская идеология не могла избежать соблазна рассматривать буржуазию, старую власть как их виновников. Это как раз и соответствовало антигосударственным и антивоенным представлениям массового сознания, его стремлению отождествить старую власть и буржуазию. Новая власть могла бы найти свое оправдание в глазах большинства, лишь если бы она оказалась способной прекратить этот плюралистический разлагающий хаос, восстановить синкретизм и, прежде всего, неразделенность экономики и власти. Новая государственность должна была преодолеть двойственность хозяйственных монополий, т. е. усилить их зависимость от государства и одновременно подавить их зависимость от рынка. Отсюда — стремление превратить всю хозяйственно значимую собственность в государственную. Новая власть отождествляла социализм именно с этой ситуацией.

Социализм, следовательно, трактовался как государственный, т. е. в конечном итоге как восстановление синкретического государства, и одновременно как общинный. Любопытно, что системе слияния монополий и государства называли «государственным социализмом» и «государственным капитализмом» не только большевики. Например, в старых журналах можно прочесть: «При принятой у нас системе государственного социализма наше государство в лице своего Правительства получило свое решительное влияние на развитие народнохозяйственной жизни страны»³⁹. «Правительство быстро идет к осуществлению государственного капитализма и все более и более будет ограничивать частную инициативу задержкой прилива частных капиталов»⁴⁰. «Казенный социализм», объявленный П. А. Столыпиным 9 ноября 1910 года, носит развращенный характер и «больше всего отражается на

³⁹ Занимать или сжимать?// Промышленность и торговля. СПб., 1909. № 11. С. 641; см. также: Выгодно ли быть русским промышленником?// Там же. № 20. С. 407.

⁴⁰ Казенная промышленность// Там же. 1913. № 20. С. 333.

спине русской фабрично-заводской промышленности»⁴¹. Однако эта политика, по мнению журнала, не ограничивалась Столыпиным. «Государственный социализм проходит красной нитью через всю русскую государственную систему последних 40-50 лет»⁴².

Очевидно, идея связи политики старой власти с идеями социализма и государственного капитализма витала в воздухе. Новая власть рассматривала свою задачу как преодоление двойственности этой политики старой власти, которая не только управляла хозяйством, но и начала в последние годы отступать перед капитализмом. Революционные партии сеяли иллюзии, что движущей силой конфликтов между социальными силами общества является частное предпринимательство. Постепенно, однако, стало очевидным, что движущей силой конфликта стал традиционализм. Он мог существовать под властью архаичного государства, но порождал дискордальные настроения в результате роста частной инициативы, под властью государственности, которая изменила традиционализму. Поэтому новое государство, опираясь на активизацию традиционализма, зародилось как попытка преодолеть этот конфликт, подавляя частную инициативу и возвращаясь к традиционной государственности, к ее монополии на хозяйственную деятельность. Это было возможно, так как в обществе оказались крайне слабыми промежуточные силы — ремесленники, массовое мелкое производство. Они подавлялись крупным производством, получившим государственное покровительство или прямо слившимся с государством. Это своеобразное манихейское развитие, постоянно вымывавшее и подавлявшее срединную культуру во всех видах, — трагическая особенность России. Л. Троцкий писал: «Где у нас в России мелкая буржуазия? Ее экономическая роль ничтожна. Русский капитализм с самого начала стал развиваться в своих высших централизованных формах»⁴³.

Именно описанное своеобразие хозяйственного развития России привело В. И. Ленина к выводу, что «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа»⁴⁴. Ленин, однако, глубоко заблуждался, думая, что эта монополия носит капиталистический или государственно-капиталистический характер. *Это была государственная докапиталистическая монополия,*

⁴¹ Простые формулы// Промышленность и торговля. СПб., 1909. № 23. С. 566.

⁴² Что даст нам новая государственная роспись// Там же. № 20. С. 388.

⁴³ Троцкий Л. Д. Сочинения. М.; Л., 1925. Т. 3. С. 247.

⁴⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 34. С. 192.

втянувшая в себя лишь техническую базу капитализма. Она имеет свою историю. Например, «для времени до середины XI-XII в. господствующей формой феодальной собственности была государственная»⁴⁵. *Ленин шел от капитализма к посткапиталистическому обществу, а от непоследовательного, противоречивого подчинения государству всей хозяйственной, политической жизни общества к последовательному, но осложненному попыткой использовать этот порядок для модернизации.* Он всеми силами обосновывал синкретическое по своей исторической сути слияние хозяйства и государства, диктатуры и народовластия, втягивание в государство всех независимых функций.

АРХАИЗИРОВАННОЕ ХОЗЯЙСТВО НА ГРАНИ КРАХА

В июне 1918 года был принят декрет о национализации крупных и частично средних предприятий всех основных отраслей промышленности. Местные советы часто стремились обобществить и мелкие предприятия для обеспечения удовлетворения локальных потребностей. Крупная промышленность перешла в руки государства к концу первого квартала 1919 года, средняя — к началу 1920 года.

Новая власть, которая провела массовую национализацию промышленности, выступала как авторитарная сила.

Ленин требовал национализации еще до прихода к власти. Он писал о крупных банках: мы берем их готовыми «у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь *отсечь то, что капиталистически уродует* этот превосходный аппарат»⁴⁶. Практика «отчуждения предприятий» началась сразу после прихода новой власти посредством «*красногвардейской атаки на капитал*». Ленин выдвинул идею о трех формах госкапитализма, посредством которых общество должно идти к социализму: хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и использование государством буржуазной кооперации. Торжествовала доэкономическая по своей сути уравнительность. Например, в 1917 году оплата труда высококвалифицированного рабочего превышала заработок чернорабочего в 2,3 раза, в 1918 году — в 1,3, а в 1920 — в 1,04 раза⁴⁷. Товарно-денежные отношения подавлялись, создавалась система управ-

⁴⁵ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 194.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 307.

⁴⁷ Петраков Н. Я. Золотой червонец вчера и сегодня// Новый мир. 1987. № 8. С. 211.

ления хозяйством, получившая название *главкизм*, т. е. управление через главные управления. Все это органически вытекало из распространения крепостничества на промышленность, хозяйство вообще, требующего, чтобы каждый был «крепок» некоторой функции, а следовательно, и власти, обеспечивающей сохранение этого порядка. Общество постепенно превращалось в псевдосинкретическое, лишенное, как могло казаться, двойственности, непоследовательности прошлой государственности.

Аналогичная ситуация сложилась в сельском хозяйстве. Инверсионная волна, начавшаяся после краха крайнего авторитаризма XVIII века и приближающаяся к своему логическому концу, несла в себе активизацию уравнительности. Ленин сознательно ориентировался на этот процесс. Еще в 1908 году он писал, что социализм «состоит в уничтожении товарного хозяйства... Социализм несовместим с обменом»⁴⁸. Рынок, который был в значительной степени подорван разрухой, натурализацией всех отношений еще при старой государственности, добивался всеми возможными средствами. Дело облегчалось возрастанием удельного веса середняка. Изучение крестьянских бюджетов до войны показывало, что наиболее денежное хозяйство вели самые бедные, безлошадные крестьяне и наиболее богатые, т. е. имеющие более четырех голов рабочего скота. Именно эти группы уменьшились в результате избиения более зажиточных и передела земли. Разруха в стране, начавшаяся во время первой мировой войны, вызвала острую нехватку продовольствия, продуктов сельскохозяйственного производства, прежде всего для армии и городов. Реакция на эту кризисную ситуацию также оставалась в пределах стремления к уравнительности. Ленин, как и в отношении промышленности, пошел по пути преодоления унаследованной «двойственности крестьянства», т. е. создания условий для крестьянина как труженика и устранения всех возможностей, которые позволяют ему рождать из себя «мелкобуржуазную стихию». Здесь была полная аналогия с промышленностью, где социализм отождествлялся с ликвидацией двойственности монополий, т. е. с укреплением их подчиненности государству и освобождением от рынка, от стихийности развития. За исключением восстановления синкретической государственности и натурализации всех отношений в сельском хозяйстве, другие варианты ответа на этот вызов истории в той социальной обстановке не рассматривались.

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 127.

Вызов этот, действительно, был грозным. В городах назрела катастрофа. «Катастрофа перед нами, она подошла совсем, совсем, совсем близко... Либо — либо. Середины нет. Положение страны дошло до крайности»⁴⁹, — писал Ленин в мае 1918 года. Перелом не наступил и после сбора урожая, хотя в 1918 году он был выше среднего. «Народ опять голодает»⁵⁰. Люди, пришедшие к власти в центре и на местах, расценивали голод не как стимул для того, чтобы наладить экономические связи города и деревни, а как результат злобных и корыстных происков сельской буржуазии. Эта первобытная политическая экономия, заимствованная от людей, отвечающих на любое бедствие избиением оборотней, колдунов и т. д., привела к стихийному возникновению продразверстки, т. е. к принудительному изъятию у крестьян той части продовольствия, которая условно рассматривалась как излишек. Принудительное изъятие возникло на местах в отдельных районах и лишь затем превратилось в общегосударственную политику⁵¹. Например, в штабе Красной гвардии Выборгского района Петрограда в 1917 году был создан продовольственный отдел, который изыскивал продовольствие «путем захвата по запискам штаба у перепуганных лавочников»⁵². Инициатива снизу была подхвачена правящей элитой.

Продразверстка не является чисто советским изобретением. Еще при царе Борисе в борьбе с голодом разрешалось посадским общинам реквизировать хлеб. В расколотом обществе, где возрастали масштабы принудительной циркуляции ресурсов, где развитие товарно-денежных механизмов обмена ресурсами постоянно, хотя и в разных масштабах, отставало от потребностей усложняющегося целого, продразверстка, натуральный налог были чем-то естественным, постоянным. Сбои в этой системе несли в себе угрозу прежде всего городам, а в конечном итоге всему обществу. В книге, выпущенной по случаю пятидесятилетия реформ Александра II, А. Пешехонов писал: «До сих пор удержался такой порядок: немедленно вслед за уборкой урожая начинается усиленное взыскание с крестьян долгов, податей и недоимок. Все, и власть в том чис-

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 359, 360.

⁵⁰ Там же. Т. 37. С. 382.

⁵¹ Стрижков Ю. Из истории введения продовольственной разверстки // Исторические записки. 1968. № 71.

⁵² Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Воспоминания активных участников революции. Л., 1956. С. 325—326.

ле, несомненно, боялись и боятся, что крестьяне сами съедят все, что они добыли»⁵³.

Угроза голода всегда вызывала стремление высшей власти установить контроль за продовольствием в стране. В этой связи интересны следующие строки А. Половцова, относящиеся к 1891 году: «Хлеб, нужный для прокормления нашего заводского населения, купленный нами в Томской губернии... задержан в Тюмени вследствие распоряжения министра внутренних дел о том, чтобы из Тобольской губернии запретить вывоз хлеба». После того как министр отменяет это решение, автор пишет: «Подобные распоряжения являются выражением нормального хода управления!» — т. е. налицо типичные хромающие решения. Обер-прокурор Синода К. Победоносцев настаивал на том, что «единственным средством выйти из теперешних затруднений представляется назначение правительством цены на хлеб и реквизиция хлеба по этой цене у всякого, кто имеет хлебные запасы»⁵⁴.

В августе 1915 года было учреждено Особое совещание по продовольствию, имевшее широкие, почти диктаторские полномочия в центре и в губерниях. Заготовка продовольствия для населения перешла к правительству. Правительство забирало почти полностью все товарное зерно, уничтожив тем самым свободный рынок хлеба. Эти заготовки включали частичные реквизиции. В конце 1916 года было принято решение о принудительной хлебной разверстке, его осуществлению помешало падение государственности. Эта политика продолжалась и Временным правительством. В марте 1917 года был издан закон о хлебной монополии, который Ленин рассматривал как демократический. Владельцу хлеба оставлялся минимум, остальное должно было передаваться в распоряжение государства. Общество стихийно искало выход, подсказывая возможные варианты государственной политики. При власти Временного правительства вопреки его воле многие местные продорганы по собственной инициативе заготавливали хлеб, обменивая его на промышленные товары⁵⁵. Теперь советское руководство пыталось поднять эту доэкономическую инициативу до уровня принципиальной общегосударственной политики.

⁵³ Пешехонов А. В. Экономическое положение крестьян в пореформенное время // Великая реформа. Т. 6. С. 225.

⁵⁴ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 2. С. 389.

⁵⁵ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 441.

У А. Солженицына есть описание заседания Государственной Думы от 14 февраля 1917 года в книге «Март семнадцатого»: «От первых же затруднений с хлебом начались по отношению к сельскому хозяйству такие репрессии, которых промышленность никогда не испытывала: реквизиции по ценам подчас ниже себестоимости. И вот, сперва перестали торговать. Но ужас пошел дальше: перестают *сеять*. И у города и у правительства мысли не было, что деревня может когда-нибудь оказаться не в состоянии *дать*, разверстку надо выполнять силой власти... Там, где, может, разверстка была слишком легка, а вот Тамбовская никогда не вывозила больше 17 миллионов пудов, а на нее наложили 28, и — придется сдавать с десятины по 30 пудов, а в Воронежской по 40...» Из всего этого вытекает, что введение продразверстки советским правительством, по сути дела, было всего лишь продолжением политики прошлых правительств, которая, однако, теперь осуществлялась более последовательно, без компромиссов и колебаний в сторону рынка.

Советское правительство, так же как и в других сферах, пыталось решить продовольственную проблему, последовательно продолжая синкретическую линию в политике и полностью отбрасывая либеральный аспект. В мае 1918 года были изданы два декрета, вводившие государственную монополию хлебной торговли, «продовольственную диктатуру», запрещавшие частную торговлю и требовавшие изъятия излишков хлеба прежде всего у так называемых кулаков. Все, кто не сдавал излишки хлеба государству, кто расходовал хлеб на самогон, *объявлялись врагами народа*.

На местах вспыхнула ожесточенная борьба с тем, что получило название «мешочничества». Фактически мешочничество было стремлением наладить обычное рыночное перемещение хлеба к потребителю или, чаще, доставку его с рынка к месту потребления, сохранить элементы товарно-денежных отношений, возможность неконтролируемого властью натурального обмена. Попытка силой воспрепятствовать этому процессу была проявлением стремления к натурализации отношений. С мест сообщалось: «Мешочники едут массами и разоружают охрану» (Казань). Местные власти говорили о жутком мешочничестве. Наталкиваясь на насилие и на расстройство рынка, крестьяне припрятывали хлеб «до лучших времен». Положение ухудшилось к концу 1918 года, несмотря на урожай, так как значительная часть заградительных отрядов была отправлена на фронт. Подвоз хлеба в промышленные центры резко сократился, запасы в городах иссякли.

Среднее звено власти, состоявшее из энтузиастов уравнительности и исходившее из идеала «общества-общины-машин», призывало к ужесточению административно-авторитарных мер. Усиливались требования применения крайних средств к тем, у кого были «излишки». Чисто перераспределительная логика умеренного утилитаризма — «взять все и поделить» — взяла верх над всеми иными соображениями. На рубеже 1918 и 1919 годов проходило совещание продовольственных органов, которое рекомендовало крестьянам сдавать излишки. В январе 1919 года был издан декрет, по которому все излишки зерновых и других культур подлежали «отчуждению». Высшая власть становилась полномочным распределителем ценностей, подобно главе патриархального семейства. Однако теперь эта сила вторгалась во все ячейки социальных отношений. Объектом авторитарного перераспределения оказалась в первую очередь продовольствие. Высшая власть захватила право определять потребности каждого хозяйства: «Ни один пуд хлеба, который не надобен хозяйству крестьянина, не надобен для поддержания его семьи и скота, не надобен ему для посева... всякий лишний пуд хлеба должен отбираться в руки государства. Как это сделать? Надо, чтобы были установлены цены государством, надо, чтобы каждый лишний пуд хлеба был найден и привезен», — писал Ленин.

Общепризнано, что понятие «излишек» не имело ясного смысла. Изъятие производилось, как писал нарком по продовольственным делам А. Г. Шлихтер, «исходя из соображения потребностей в хлебе для республики, а не наличных излишков»⁵⁶. Ленин признавал, что брали «необходимое крестьянину»⁵⁷. При получении продразверстки насилие применялось в самых широких масштабах: «Без оружия заготовка хлеба совершенно невозможна» (А. Л. Литвин, 1919). «Острая государственная необходимость заставляла отбирать у крестьянина последний хлеб...»⁵⁸. Конфискация, реквизиция, облавы стали повседневностью. По выражению Ленина, начался крестовый поход за хлебом. Авторитаризм и крепостничество шли вперед, сметая все преграды.

Постепенно система продразверстки стабилизировалась. К середине 1919 года количество принудительных изъятий уменьшилось. Крестьяне сдавали продукцию. Объем полученного государством хлеба возрастал даже несмотря на неурожай 1920 года. Очевидно, важную роль здесь сыграл страх перед

⁵⁶ Шлихтер А. Г. Аграрный вопрос и продовольственная политика в первые годы Советской власти. М., 1975. С. 417.

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 150.

⁵⁸ Дубровский С. М. Очерки русской революции. М., 1923. Вып. 1. С. 223.

поражением советской власти в гражданской войне, что грозило возвратом захваченных земель. Еще в 1881 году А. Энгельгардт писал о крестьянах: «И платить готовы, и начальство, и самоуправление терпеть и ублажать готовы, только бы земли прибавили...»⁵⁹. Власть усиливала авторитарный режим. В 1920 году продразверстка была распространена буквально на все виды продукции. Любопытно, что высший этап продразверстки, декрет о национализации мелкой промышленности, максимальная милитаризация попали на период, который совпадал вовсе не с разгаром гражданской войны, но, наоборот, с периодом, когда гражданская война фактически уже заканчивалась, а в целом в стране уже не было крупных военных действий, т.е. с весны 1920 года до зимы 1920-1921 годов. *Это опровергает попытки истолковать военный коммунизм как непосредственный результат трудностей военного времени. Дело намного сложнее. Военный коммунизм органически соответствовал авторитарной версии псевдосинкретизма.* Он был неотъемлемым элементом динамики как нового общества, так и его идеологии. Очевидно, что в сложившейся ситуации люди с различным мировоззрением вынуждены были бы действовать сходным образом, так как вся исторически сложившаяся система была пронизана внутренней необходимостью принудительной циркуляции ресурсов.

Система, получившая затем название «военный коммунизм», достигла высшей точки своего развития на рубеже 1920 и 1921 годов. Как впоследствии признал Ленин, она предполагала «без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране»⁶⁰. Ленин в то время применял слово «коммунистический» к учету каждого фунта хлеба, к правильному распределению хлеба, топлива, увеличению добычи угля и т. п.⁶¹ Получила широкое распространение точка зрения, что общество военного коммунизма и есть непосредственно коммунистическое. Воплотилась в жизнь утопия доведенной до абсурда полнейшей нефункциональности.

Постепенно, однако, выявилась слабость нового порядка, его массовой и идеологической версий, их утопизм. «Россия вконец разорена». Налицо «оскудение страны»⁶². Раскол не был ликвидирован и приобретал зловещие, угрожающие фор-

⁵⁹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987. С. 531-532.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

⁶¹ См.: там же. Т. 36. С. 362, 368, 403.

⁶² Троцкий Л. Д. Что нужно сделать крестьянам, чтобы вывести хозяйство из разорения. М., 1920. С. 5.

мы. Важнейшая из них заключалась в том, что новое общество базировалось на двух взаимоисключающих, взаимоуничтожающих принципах. С одной стороны, оно основывалось на уравнительности, т. е. на «справедливом» распределении уже готового. Такой порядок был естествен в условиях абсолютного господства традиционализма, когда производство, его эффективность, масса производимой продукции были естественным стереотипом. С другой стороны, новое общество опиралось на стремление повышать потребление, увеличивать количество материальных благ, т. е. в господствующей культуре, образе жизни существовал динамичный, хотя и крайне односторонний элемент. Он определялся неуклонным ростом утилитаризма, который начался еще в древности. Это стремление, в свою очередь, стимулировало модернизаторские ценности правящего слоя, который под этим давлением склонялся к идеологии роста и развития. Несовместимость этих двух принципов, взрывоопасность их столкновения достаточно очевидны. Каждый шаг укрепления уравнительности создавал предпосылки для укрепления авторитаризма, тогда как рост и развитие требовали преодоления уравнительности. Новое общество при своем возникновении опиралось на заманчивую и простую идею, что беднякам плохо, так как богатые все забирают себе. Поэтому все проблемы сводились к необходимости выгрести все из амбара соседа. Так действовали сами крестьяне, так действовало государство по отношению к крестьянам. *Высшая Правда-истина*, которая только что выступала как рецепт достижения земного рая, *предстала как идеал уравнительности, сползающий к уровню идеала грабителей.*

Система умеренного авторитаризма не сумела найти рациональный подход к производству ни в городе, ни в деревне. Она не могла не только восстановить производство, но даже приостановить его развал. По словам народного комиссара финансов Г. Я. Сокольников на XI съезде РКП (б), в 1922 году большая часть промышленности, организовавшейся в тресты, жила на иждивении государства. Неспособность решать медиационную задачу выступала как конфликт между городом и деревней. Идеалы города и деревни расходились. Массы городского населения также не расстались с идеалом локализма.

Наметилось принципиальное расхождение между крестьянскими идеалами и второй версией псевдосинкретизма. Попытка решить медиационную задачу толкала власть к максимальной концентрации ресурсов в своих руках, чтобы постоянно затыкать ими дыры, снабжать города, армию и т. д. Крестьянство же осмысляло эту деятельность не только как грабительство, но, более того, как разрушение исторического уклада

жизни, в который входило также ограниченное участие в торговле продуктами собственного труда. Это участие носило в своей массе докапиталистический характер, так как не включало рынок капитала и рабочей силы. Разумеется, развитие торговли содержало в себе возможность движения в сторону капитализма. Тем не менее в массе своей крестьянство еще было далеко от капитализма, и всякие поползновения в этом направлении беспощадно подавлялись самими крестьянами, не только соседями, но и теми, кто поступал на службу новому государству, вступал в партию. Крестьянство, подавив в своей среде возможность выделения наиболее активных элементов, ослабило свою способность борьбы против продразверстки.

Расколотое и неорганизованное крестьянство, неспособное противостоять прямому изъятию, постоянно искало обходные пути борьбы с продразверсткой. Лучшим средством было уменьшение производства. Правящая элита, постоянно решая повседневные задачи, кажется, не слишком обращала внимание на то, что, хотя заготовки продовольствия из года в год росли, производство катастрофически падало. Об экономических «успехах» военного коммунизма говорит, например, тот факт, что сбор хлеба в 1921 году составил 40,2% от довоенного, а объем промышленного производства — 25,4%. Продолжалось уменьшение посевных площадей, начавшееся еще при старой власти. Ухудшалась обработка земли, снижалась урожайность, уменьшалось поголовье скота и т. д. *Авторитарная система разрушала крестьянское хозяйство.* Крестьяне пытались обойти продразверстку, заменяя одни культуры другими, увеличивая посевы тех, которые не подлежали продразверстке, или тех, которые легче было уберечь от нее, например, гречихи. Увеличились посевы вики и трав. Однако с каждым годом рос список продуктов, подлежащих продразверстке. Крестьяне все больше сокращали производство, стремясь лишь обеспечить себя. Нарастала столь желаемая натурализация, но это ставило общество на край катастрофы. В 1921—1922 годах разразился страшный голод, который местами продолжался до 1923 и 1924 года. В конечном итоге Ленин признал: «Разверстка в деревне, этот непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе, мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы натолкнулись весной 1921 года»⁶³. Жизнь ускользала из-под власти партии и государства. Практически сложившийся порядок разрушал производство, что ставило под угрозу способность

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 159.

общества решать медиационную задачу. Он вступил в открытую конфронтацию не только с развитым, но и умеренным утилитаризмом основной массы населения, что само по себе грозило катастрофой. В стране росло массовое недовольство.

Произведения А. Платонова и других советских писателей двадцатых годов свидетельствуют, что традиционное двойственное отношение к власти оставалось в силе. Это означало, что продолжала существовать древняя культурная форма оценки власти как силы зла. Усилилось недовольство среди рабочих. По-видимому, влияние меньшевиков и эсеров оставалось ощутимым. Численность фабрично-заводского пролетариата уменьшилась наполовину. Усилился отток рабочих из города. Среди них росло недовольство. Само наступление авторитаризма встречало сопротивление. Профсоюзный деятель С. Лозовский отмечал, что во многих местах возник лозунг «раскрепощения» рабочих⁶⁴. Ленин признал «брожение и недовольство среди беспартийных рабочих»⁶⁵. В феврале 1921 года волна забастовок и демонстраций охватила Петроград. Однако особенно серьезен был рост недовольства в деревне. Запрещение торговли привело к тому, что все места заключения были переполнены крестьянами, которые сидели за «спекуляцией». Так называемые «кулаки» едва ли составляли среди них 1 %. Крестьянские восстания до 1921 года «представляли общее явление»⁶⁶. В 1921 году разразилось кронштадтское восстание, требовавшее советов без коммунистов. Брожение, охватившее массы, затронуло и партию.

Симптом банкротства второй версии псевдосинкретизма можно было видеть в том, что люди могли обеспечить свое существование, лишь постоянно нарушая распоряжения власти. «С продуктами становилось все хуже и хуже. Цены росли ежечасно... По карточкам выдавался только хлеб, да и тот нерегулярно. В среднем на человека доставалось 25 граммов в день»⁶⁷. Люди обращались к запрещенному нелегальному рынку. В 1918 году к покупке на рынке прибегало 85%, а в 1919 — 75% населения. Ленин признавал, что половину хлеба рабочий покупает нелегально, т. е. вопреки политике правящей элиты. А. С. Изгоев писал в 1918 году: «Если социалистические опыты не привели миллионы русских людей к катастрофической смерти от голода, то мы должны благодарить за это мешочников, с опасностью для жизни кормивших свои

⁶⁴ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стенографический отчет. М., 1963. С. 291.

⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 31.

⁶⁶ Там же. Т. 45. С. 285.

⁶⁷ От Москвы до Берлина в 1920 году.

семьи и поддерживавших обмен продуктов, в то время как социалистическая власть делала все для его прекращения»⁶⁸. То же самое оказалось справедливо и для этапа умеренного авторитаризма. Жизнь уходила из системы, грозя ей крахом государственности, полным уничтожением, повторением Смутного времени, которое было реакцией общества на авторитаризм.

НУЖНА СПАСИТЕЛЬНАЯ КРИТИКА

Новое общество вступило на путь синкретической государственности, крепостничества, оттесняя, разрушая ограниченные достижения либерализма, либеральных реформ и свобод, товарно-денежных отношений. Исторический опыт военного коммунизма раскрыл важную тайну истории страны. Реальный уровень товарно-денежных отношений является не только результатом спонтанных почвенных процессов, получивших санкцию массовой культуры, но и одновременно результатом вынужденной ненавистной необходимости работать на продажу, что в значительной степени инспирировалось обязательностью платежей государству. Отсюда массовая попытка снижения товарности производства при возникновении любой возможности. Без понимания этого нельзя понять механизмы крестьянских движений, таких явлений, как Великая смута, массовая активизация общины, и, наконец, нельзя понять существо военного коммунизма. Его крах был вызван тем, что господство инверсионных методов привело к перехлесту этого стремления, т. е. к попытке полной ликвидации товарно-денежных отношений в масштабах, подавляющих потребности крестьян, прежде всего в торговле излишками личного труда.

На мощной волне синкретизма, локализма общество пыталось преодолеть двойственность ранее сложившегося порядка, отказавшись от механизмов товарно-денежных отношений и делая ставку на авторитарные хозяйственные формы. Последние в соответствии с принципами синкретического общества можно включить в систему принудительного перераспределения ресурсов и одновременно ликвидировать все независимые центры перераспределения ресурсов, не учитывая, основаны ли они на товарно-денежных отношениях или на элементарном обмене натуральных вещей. При этом, однако, выявилось, что господство древних ценностей несовместимо с ростом и развитием, с растущими утилитарными ценностями, с ростом

⁶⁸ *Изгоев С. А. Социализм, культура и большевизм// Из глубины. М., 1989. С. 172.*

производства, даже с сохранением его на достигнутом уровне. Тайна, раскрытая на втором этапе, заключалась в том, что новая власть получала мощную поддержку в результате массового стремления снизу уничтожить раскол посредством избиения оборотней зла, в качестве которых последовательно или сразу выступали разные слои, социальные группы, меньшинства — от власти, духовенства, интеллигенции до непосредственно той части почвы, которая отходила, или казалось, что могла отойти, от уравнительности, традиционализма в целом. Опираясь на эту мощную волну, новая власть возглавила процесс закрепощения, борьбу за общество-общину, хотя и не всегда последовательно, испытывая подчас недоумение, колебания по поводу происходящего, подготавливая тем самым иные возможности. Все это привело в конечном итоге к новой форме нарушения социокультурного закона, новой форме подрыва возможности решать медиационную задачу: к росту социокультурного противоречия между социальными отношениями авторитарного типа и потребностью общества в росте, сохранении сложившегося уровня производства благ, между социальными отношениями большого общества и локальных миров, между субкультурами локальных миров и их интерпретацией на государственном уровне, между аспектами воспроизводственного процесса общества на всех уровнях.

Иначе говоря, выявилось, что *авторитарное давление, доведенное до крайних форм, подавило реальный воспроизводственный процесс и привело к возрастающей дезорганизации, распаду общества, что требовало критики господствующего нравственного идеала*, поиска новой версии псевдосинкретизма, которая сумела бы найти альтернативу, иной эффективный путь интеграции общества, требовало от общества выдвинуть соответствующего субъекта, способного поднять уровень критики истории.

ГЛАВА III

РАННИЙ ИДЕАЛ ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ (нэп)

НОВЫЙ ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВЫ

Господство раннего умеренного авторитаризма постепенно стало вызывать массовое дискомфортное состояние. «В последний год гражданской войны обособление деревни от города достигло крайних пределов. На участников продотрядов крестьянин стал смотреть как на врагов, стремящихся воспользоваться результатами чужого труда. Множились вооруженные выступления против членов продотрядов. В некоторых местах деревня превратилась в военный лагерь, занявший круговую оборону против любых попыток проникновения в нее извне»¹. Крестьянские восстания, выдвигавшие в качестве основного требования отмену продразверстки, в 1920 году имели место на значительных территориях Западной Сибири, Украины, юга земледельческого Центра. Кронштадтское восстание со всей очевидностью показало разрушение второй версии псевдосинкретизма. Господство авторитарного нравственного идеала, как, впрочем, и других идеалов на соответствующих этапах, не опиралось на достаточно разработанную меру своих возможностей, на минимально необходимое богатство срединной культуры. Неспособность не только правящей элиты, но и всего общества овладеть сложностью ситуации привела на втором этапе к подавлению воспроизводственных процессов. Новая власть столкнулась с неспособностью ее идеологических программ служить основой для самого необходимого воспроизводства ресурсов. В этой ситуации общество неизбежно повер-

¹ *Бокарев Ю. П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989. С. 148.

нулось лицом к тем ценностям, которые отрицались стихийной уравнильностью, перешедшей всякие разумные пределы.

Среди альтернатив существовала своеобразная «американская мечта», мечта об обществе, где люди умели бы хорошо, производительно работать. В печати появились выступления о необходимости развивать в массах американскую деловитость. «Прежде всего искать и находить себе новых людей — русских американцев. Помогать партии советом, ставить их на надлежащее место и следить, чтобы рязанско-пошехонско-чебоксарское губошлепство не затерло их на первых шагах. Только на первых шагах, ибо в дальнейшем сами „американцы“ отгеснят и отбросят губошлепство. „Американцев“ надо будет взять под всенародное наблюдение, сплотить их в стальную когорту и заставить по ним равняться остальных. Что такое „американцы“? Это люди, которые умеют работать таким темпом и с таким напором и нажимом, каких не знала старая Русь. „Американцы“ — это те, кто основательно подумают, прежде чем взяться за дело, но, взявшись за него, — без „авось“ и „небось“ — с несокрушимой верой в наши творческие силы, с трезвой их оценкой пойдут до конца... С 1923 года вновь организуемая партия русских „американцев“ объявит истребительную войну русскому губошлепству. „Американцы“ всей Руси, объединяйтесь!» (Л. Сосновский)².

Эта американская мечта раскалывается на две версии: связанную с ростом инициативы личности и связанную со способностью работать в организации машинного типа. Один из ведущих представителей правящей элиты Н. Бухарин пытался поддержать первую версию. Он считал необходимым создать условия, освобождающие крестьян от страха, что в результате повышения своего благосостояния они будут раскулачены. Он говорил: «Обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что всё прихлопнут»³. Подули новые ветры. В этом же направлении выдвигали политические идеи о создании двухпартийной системы⁴.

Однако для разработки этой, по сути, выходящей за рамки инверсионной логики альтернативы требовался массовый субъект развитого утилитаризма, способный противостоять уравнительности и подчинять систему своих отношений задаче повышения эффективности. К этому было готово, видимо, лишь незначительное меньшинство. По стране только что прошла коса инверсии, были сокрушены не только капиталистические группы, но и все, о которых можно было только подумать, что

² Правда. 1923. 1 янв.

³ Большевик. 1925. № 9-10. С. 4-5.

⁴ *Оссовский Я.* Партия к XIV съезду// Там же. 1926. № 14. С. 60.

они представляют угрозу уравнительности. Не было достаточно мощной силы, способной встать на этот «бухаринский» путь и дать соответствующую культурную программу стране. Общество вновь осталось в рамках альтернативы инверсионного типа, в рамках уже накатанного модифицированного инверсионного цикла.

Общество повернулось к ценностям ограниченной инициативы, ограниченной торговли, ограниченных форм утилитаризма. Оно ответило на банкротство умеренного авторитаризма вялой обратной инверсией. Этот поворот был интерпретирован высшей властью как новая экономическая политика; псевдосинкретизм принял форму раннего идеала всеобщего согласия. Возник логический аналог раннего идеала всеобщего согласия первого глобального периода. В обоих глобальных периодах общество, испытав крах как соборного, так и авторитарного идеалов, пыталось обеспечить консенсус, нравственное единство, совершить выходящий за рамки инверсионной логики шаг, т. е. пыталось *найти некоторую меру между крайностями* в определенном отступлении от них, в достижении согласия на основе признания внутренних различий в обществе, впрочем, в ограниченных рамках. Однако и различия между глобальными периодами были существенны. В первом случае общество развило такую организационную форму, как земские соборы, воплощающие идеал общего согласия. Во втором случае этот идеал возникает уже в совершенно иной ситуации — в условиях зрелого раскола, в условиях общества, стоящего перед проблемой модернизации. Поэтому центр тяжести по сравнению с прошлым периодом перешел в сферу экономической инициативы при попытке использовать ее для обеспечения притока ресурсов, для повышения эффективности воспроизводства синкретической государственности.

В попытке сформулировать *третью версию псевдосинкретизма* правящая элита изменила мозаику ее ипостасей. На основании оценки ситуации, угрожающей разгромом государственности, катастрофой, подобной имевшей место в конце второго этапа прошлого глобального периода, правящая элита скомбинировала эту версию, пытаясь в меру своих возможностей дать адекватный ответ на сдвиг в массовых настроениях. Ее специфика заключалась в том, что на первый план не был выдвинут тот или иной полюс вечевоего идеала, но была сделана попытка на основе утилитаризма установить некоторую меру между ними, что открывало путь к согласованию различий. По крайней мере, так казалось. Это была альтернатива в рамках инверсии, в рамках уже сложившегося перебора вари-

антов, но тем не менее это была попытка использовать некоторый медиационный потенциал, избежать крайностей и односторонности инверсии.

«СМЫЧКА ГОРОДА И ДЕРЕВНИ»

Спецификой этого этапа по сравнению с прошлым глобальным периодом была большая значимость для судьбы общества хозяйственного подъема, попытка усилить рынок, усилить определенное давление, чтобы вывести его из нелегального состояния. Повышение значения экономики было, несомненно, связано с общим ростом потребностей в ресурсах усложняющегося общества как результатом возросших утилитарных потребностей. В этой политике власть могла опереться на крестьян, которые в определенных рамках, не подрывающих господство уравнительности и сложившихся общинных натуральных отношений, поддерживали рынок. На третьем этапе подавление рынка было ослаблено и перешло в приемлемый для общества уровень рыночных отношений. Кроме того, хозяйственный подъем деревни рассматривался как необходимая предпосылка преодоления явно выявившегося раскола между рабочим классом и крестьянством, между городом и деревней, который сам по себе мог сокрушить слабую государственность. Изменение идеологии получило лозунговое название смычки города и деревни, что было модификацией старого лозунга Ленина о союзе рабочего класса и крестьянства. «Сущность новой экономической политики есть союз пролетариата и крестьянства, сущность — в смычке авангарда пролетариата с широким крестьянским полем»⁵. Продразверстка была отменена и введен продналог, который был вдвое меньше. Это был поворот навстречу массовой формуле крестьян: «Сколько-то (хлеба) дам, а потом хозяйничаю». «Реализацией этого требования явился и продналог, и переход к нэпу в целом»⁶. Разрешена была «спекуляция», т. е. частная торговля тем, что осталось после выполнения продналога. Был снижен на 40% сельскохозяйственный налог, увеличены государственные кредиты, облегчена процедура найма рабочих; расширены права на аренду, снижены цены на сельскохозяйственные машины и т. д.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 322.

⁶ Данилов В. П. Советская аграрная политика в 20-х — 30-х гг. // Перестройка аграрного производства в СССР: Проблемы и перспективы. М., 1990. С. 30.

Как и всякий новый господствующий идеал, новая версия псевдосинкретизма не возникла, как разорвавшаяся бомба. Она всегда существовала на заднем плане ранее господствующего идеала. Например, секретарь одного из губкомов Н. И. Немцов в 1920 году под давлением недовольства крестьян вводил в некоторых уездах продналог вместо продразверстки⁷. В разгар военного коммунизма Ленин говорил о необходимости «учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать»⁸.

Были сделаны ограниченные шаги и в политической сфере. В августе 1924 г., очевидно, под впечатлением крестьянского восстания в Грузии, была принята политика нового курса, направленная на оживление работы советов, устранение незаконного вмешательства в их деятельность. В декабре были отменены результаты выборов там, где явка избирателей была ниже 35% или имели место жалобы на незаконные действия организаторов выборов, делались попытки оградить избирателей от их давления. Это привело к значительному увеличению интереса к выборам, к росту числа избирателей.

Открылись новые возможности для творческой инициативы. Любопытно, что очевидцы событий характеризуют время введения нэпа приблизительно одинаково: «Все вдруг откуда-то появилось». *Переход к нэпу означал отступление государственного крепостничества*. Крестьянство в период с 1923 по 1926 год вполне лояльно власти⁹. Всеобщая трудовая повинность была отменена. Ее заменил закон о добровольном привлечении к труду. В КЗОТе от 1922 года говорится о «наемных» отношениях. Власть тайной полиции была ослаблена. Медиатор существенно самоограничивался, ставил себе преграду. Теперь его решения не только должны были считаться с ценностями массового сознания, но и поддерживали определенные ценности вне медиатора. Правящая элита должна была учитывать в своих решениях системы ценностей не только умеренного, но и, в определенных рамках, развитого утилитаризма.

Смысл нэпа был достаточно прост. Правящая элита надеялась на экономический подъем в результате новой политики, на существенный рост социальной энергии, рост ресурсов и одновременно предполагала подчинить эти процессы экономи-

⁷ Горинев М. М., Цакунов С. В. Ленинская концепция нэпа: становление и развитие // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 21.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 201.

⁹ Литвак К. Б. Политическая активность крестьянства в свете судебной статистики 1920-х годов // История СССР. 1991. № 2. С. 137.

ческим отношениям или по крайней мере держать их в рамках чисто экономическими методами. Новая власть должна вместо борьбы за «справедливое» распределение овладевать торговлей, рынком. Государство, установившее монополию на собственность, т. е. взявшее на себя ответственность за ее эксплуатацию, неизбежно столкнулось с тем, что односторонний упор на распределение результатов разрушает производство во всех его формах. Не будучи в силах вдохнуть творческий импульс в производство, оно рано или поздно вынуждено было предоставить производителю возможность проявить инициативу. Это давало надежду, что могучее государство сможет затем овладеть хозяйством экономическими методами. «Оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими или получая возможность подвергнуть их государственному регулированию лишь в меру их оживления»¹⁰. Регулирование, следовательно, должно было возникать по мере развития производства. Тем самым выдвигалась *идея некоторого равновесия, согласия между государством и производителями*. В принципе это соглашение могло иметь место лишь на почве утилитаризма, так как речь шла не только о поддержании исторически сложившегося уровня производства, но и о его росте и развитии. Правящая элита была вынуждена усилить конкурентную борьбу прежде всего на экономической почве. Для Ленина нэп — это «взнузданный капитализм», который пролетарская власть должна держать под контролем и который можно в любой момент ликвидировать. Все преимущества, казалось, были на стороне государства, так как оно оставило всю крупную и значительную часть средней промышленности за собой. Здесь, несомненно, сыграла свою роль вера в преимущества крупного производства, которая шла от правящей элиты прошлого глобального периода и уже тогда сыграла свою негативную роль. Однако это не мешало власти обратиться за помощью к мелкому производству.

ЭТИ СТРАННЫЕ ЦЕНЫ...

Важное значение нэпа как этапа в истории страны заключается, между прочим, в том, что он служит своего рода символом утраченных возможностей, неиспользованных альтернатив, подчинения политическим заблуждениям хозяйственных процессов. Вообще говоря, эта мысль может быть обращена к любому этапу. В конце концов, каждый шаг человеческой истории — это поиск и утрата альтернатив, осу-

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 222.

ществование одного варианта и смерть бесконечного множества всех иных. Анализ любых исторических альтернатив массовым сознанием, к сожалению, слишком часто сводится к альтернативе возможных политических решений, а альтернатива последних сводится к дворцовым интригам в духе «Стакана воды» Скриба — пьесы, которую так любит наш зритель. Между тем судьба страны решалась значительно более важными факторами. И немаловажно, что борьба многих альтернатив была борьбой одной утопии против другой, и мы подчас весьма слабо представляем себе, что такое реальная возможность в невозможной ситуации.

Особенность третьего этапа, в отличие от предшествующих, заключалась в более или менее реальной попытке решения крайне болезненной для всей истории страны проблемы — проблемы суущественного подъема уровня товарно-денежных отношений. Именно на этом этапе, возможно, с большей непосредственностью, чем на других, выявились катастрофические последствия нарушения некоторых органических законов развития общества, которые обратили в дым как благие намерения власти добиться устойчивого экономического подъема страны, так и надежды крестьян на ослабление давления власти.

В обществе, вступившем на путь товарно-денежных отношений, действует закон соотношения хозяйственных отраслей. Всякая вновь возникшая отрасль хозяйства, например, промышленность, может утвердиться и функционировать на рынке, если издержки производства позволяют установить такие цены на ее продукцию, которые окажутся приемлемыми для производителей ранее сложившихся отраслей, например, сельского хозяйства, если эти производители сочтут для себя приемлемыми ценовые соотношения между своей продукцией и продукцией новой отрасли. Многие факты свидетельствуют, что еще до первой мировой войны эта закономерность неуклонно нарушалась. Рынок был крайне слаб. Как известно, хлебный рынок в России без насильственного вмешательства властей стал складываться лишь в период 1907-1914 годов, после чего это вмешательство непрерывно нарастало независимо от политических перемен в стране. До первой мировой войны жители деревень, которые составляли основную массу населения, обеспечивали вряд ли более 30% всей емкости рынка промышленности, товаров, т. е. их участие в реализации продуктов промышленности было сравнительно ничтожно¹¹. Следовательно, уже тогда констатировалось, что «и для

¹¹ Гриневецкий В. И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919. С. 168.

этой жалкой (российской) промышленности нет достаточного сбыта»¹². Низкий уровень производства зерна по сравнению с другими странами создавал большие возможности для потенциального внутреннего рынка на продовольствие, чем на промышленные изделия. Это означало, что развитие отношений промышленности и сельского хозяйства не носило органического характера, а попытки непосредственной «смычки» в условиях значительно худших могли иметь успех не больше, чем проект брака между инопланетянами. Центром проблемы смычки, что бы о ней ни думали тогда, объективно была проблема приемлемого для сторон соотношения цен между продуктами этих двух отраслей. И вопрос этот не был новым.

Высшая власть в конце прошлого глобального периода столкнулась с несоответствием цен продуктов сельского хозяйства и промышленности. Еще С. Витте был вынужден встать на путь неэквивалентного обмена с деревней. Это объяснялось прежде всего тем, что «потребитель пришел в упадок. Рассчитанной на массовое производство и оставшейся без покупателя промышленности грозил крах». Любопытно, что автор видит единственный путь поддержать промышленность не в развитии «смычки», рынка и т. д., а в поддержке «новыми охранительными пошлинами и казенными заказами. Приходится, не сообразуясь с хозяйственным расчетом, строить ежегодно до 3 000 верст железных дорог. ...Дороговизна постройки не уступала быстроте, с которой была сооружена эта сеть. В результате железные дороги работают пока в убыток». Это ложилось «дополнительным бременем на земледельческий класс»¹³. Попытки подчинить сельское хозяйство принудительному обмену обострились во время первой мировой войны. Летом 1917 года крестьяне не приняли форму связи с промышленностью. Их не устраивало, например, что стоимость подковы была эквивалентна одному пуду хлеба. В подобной ситуации новая отрасль отторгается рынком, остается в экономической изоляции. Причина таких явлений очевидна. В условиях синкретической государственности новые виды производства могут развиваться и функционировать независимо от рынка, т. е. имеет место систематическое нарушение закона соотношения хозяйственных отраслей. Строительство оросительных, ритуальных сооружений в древних государствах не зависело от рыночного механизма. В России эта система приобрела значимый характер с момента внедрения крепостной мануфактуры. Развитие

¹² Русская промышленность и налоги// Промышленность и торговля. 1909. № 10. С. 590.

¹³ Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России: Дежневое обращение/ Сост. Никифоров Д. И. СПб., 1903. С. 8; см. также с. 7.

крепостнической промышленности продолжалось до самой реформы 1861 года. Например, сахарные заводы, появившиеся в XIX веке, базировались на крепостном труде. Это было естественно в условиях господства натуральных отношений. Синкретическое государство может стать на путь систематического и последовательного ограждения новой отрасли, например, промышленности, от установления цен посредством спроса и предложения.

Специфика хозяйственного развития в условиях господства синкретического государства заключается в том, что возникновение новых отраслей, например, промышленности, в тех или иных масштабах происходит независимо от рынка. Это может иметь место только потому, что государство осуществляет принудительную циркуляцию товаров, продуктов, рабочей силы, капиталов, осуществляет перекачку ресурсов посредством дотации, осуществляет принудительное увеличение удельного веса накоплений, а также допускает проедание основных фондов и т. д. Ценообразование в этом случае имеет лишь отдаленное отношение к закону стоимости, к реальному спросу и предложению, но является прежде всего средством перекачки ресурсов. В этой ситуации слияние государства и промышленного развития носило не экономический характер, не определялось всеобщей хозяйственной ситуацией в обществе в целом. Еще в первом глобальном периоде «государственные заводы могли снижать цены, не только не считаясь с себестоимостью изделий, но даже не имея о ней точного представления... без точных калькуляций, на основании приближенных расчетов. ...Государственные предприятия в своем большинстве находятся на сметно-бюджетном финансировании, не имеют точной калькуляции продукции, освобождены от промыслового и других налогов и имеют возможность продавать свою продукцию ниже себестоимости или даже по любой предложенной им настоящим ведомством цене»¹⁴. Это было результатом того, что страна не преодолела «примитивный, докапиталистический характер русской коммерции». Помещикам не было необходимости «тщательно вести бухгалтерские книги, поскольку в трудную минуту они всегда могли выжать чуть больше из крепостных». Теперь выжимать можно было из государства, которое платило не считая. «По всей видимости, хлебосоольство богатого русского дома не имело себе равных в Европе. Оно было возможно там, где толком не заглядывали в конторские книги». «Невежество по части бухгалтерии служило главной

¹⁴ Гиндин И. Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX — начало XX в.)// Исторические записки. 1980. № 105. С. 145, 147.

причиной провала деловых предприятий и сильно сдерживало рост русских компаний. Многие деловые предприятия разваливались после смерти своего основателя, поскольку наследники не могли продолжить их из-за отсутствия бухгалтерских книг¹⁵. Стоимостные категории были столь мало интересны для государственных предприятий, что самые размеры возрастающей убыточности, например, железных дорог не могли быть определены¹⁶.

Монополии отчасти в разной степени выступали и на рынке. Но по своей сути они носили внерыночный характер, существовали в нарушение закона соотношения хозяйственных отраслей, развивались на доэкономической основе. Это выразилось также в системе «государствления убытков»¹⁷. Например, в регулировке цен. Так, в производстве сахара «производство, потребление, цены — все регулировалось и нормировалось заранее правительством»¹⁸.

Разруха, которая разразилась в период первой мировой и нарастала во время последующей гражданской войны, была важнейшим аспектом, движущей силой усиливающегося нарушения закона соотношения хозяйственных отраслей. Среди крайне негативных последствий можно указать: деградацию ограбленных из-за системы цен или прямой реквизиции; необратимое разрушение ранее сложившихся элементов рынка и экономики; формирование сложных форм хозяйства на основе натуральных отношений; возникновение особой псевдоэкономики; превращение цен в случайные с точки зрения их экономического содержания и др. Цены превратились в средство перекачки ресурсов между основными социальными силами общества (например, между государством и ведомствами).

В стране складывалась странная, извращенная ситуация, когда с ростом промышленности, городов усиливалась разбалансированность товарообмена между сельским хозяйством и промышленностью, между деревней и городом. Чем больше обществу требовалось продукции сельского хозяйства, чем больше оно нуждалось в производстве промышленной продукции, тем острее ощущалась эта неспособность производителей в сельском хозяйстве приобретать на свои доходы продукцию промышленности. Обратной стороной этого процесса была неспособность города приобретать в достаточных масштабах про-

¹⁵ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 275, 247, 271.

¹⁶ *Гурко В. И.* Наше государственное народное хозяйство. СПб., 1909. С. 130.

¹⁷ *Гедфтер М. Я.* Топливо-нефтяной голод в России и экономическая политика третьейюньской монархии// Исторические записки. 1969. № 83. С. 104.

¹⁸ *Левин И.* Свеклосахарная промышленность в России. М., 1910. С. 38.

дукцию сельского хозяйства, что не создавало, кстати говоря, заинтересованности сельского хозяйства в росте и развитии производства. Происходило это потому, что нарушение закона соотношения хозяйственных отраслей создавало ситуацию, когда невозможно было установить цену, которая устраивала бы одновременно покупателя и продавца. Это было результатом развития хозяйства в условиях атомизации общества, слабости всеобщей связи, случайности хозяйственных условий в разных сообществах, что не стимулировало снижение издержек, повышение эффективности. Для цен, складывавшихся в результате нарушения закона соотношения хозяйственных отраслей, характерна тенденция «кризиса сбыта в условиях товарного голода», что отчетливо можно было наблюдать в 1923 году¹⁹. Эта патологическая закономерность обычно элиминируется, маскируется государственными дотациями, различными формами государственной перекачки ресурсов, но тем самым открывается возможность бесчисленных манипуляций ценами, посредством которых скрывается эта разрушительная тенденция.

Так, цены на продукцию сельского хозяйства, если они устраивали производителей, были слишком высокими для массового потребителя, для промышленности. Наоборот, снижение цен на продукты сельского хозяйства до уровня массовой доступности приводило к тому, что они не устраивали производителя на селе, который в результате ничего не мог купить. Очевидно, что цены на промышленные товары обладали той же особенностью: если они удовлетворяли производителей, то для сельского хозяйства, для потребителей на селе они были недоступными, но если они снижались, то промышленность работала в убыток. Отсюда — ножницы цен, дефицит, стремление менять дефицит на дефицит, избежать реализации за деньги без дополнительного социального эффекта. Отсюда нежелание крестьян продавать хлеб. Это имело место, например, еще при царе Алексее Михайловиче, когда медные деньги потеряли свою ценность.

Общество смутно осознавало причину неспособности формировать рынок. Попытка возложить на крестьянство бремя индустриализации выразилась в том, что крестьянский хлеб оплачивался чисто символически, проблемы общества решались за счет углубления архаичной принудительной перекачки средств. Это изъятие средств не было тем фактором, который породил перепад цен между отраслями, но оно катастрофи-

¹⁹ Югов Л. Индустриализация и проблема капитала// Нэп: взгляд со стороны. М., 1991. С. 181.

чески ухудшало ситуацию, ставило преграду реальному выходу из тупика.

Хозяйство, которое находится на доэкономическом уровне, в котором еще очень сильны натуральные отношения, не может справиться с проблемами, превышающими определенный уровень сложности, что приводит к неизбежному снижению эффективности хозяйственных решений. В частности, невозможно обеспечить взаимную заинтересованность отраслей, где перепад в издержках превышает определенный уровень. Зарплата, личный доход могут быть слишком низки, чтобы покупать товары с чрезмерными издержками, т. е. если издержки столь велики по сравнению с доходами людей, что при отсутствии инфляции потребитель не в состоянии их оплатить. Инфляция не спасает положение, так как весь товар при фиксированных ценах и дефиците просто попадает к потребителю, случайному с точки зрения реальной экономической и даже биологической потребности. Гибель такой системы предвращается лишь принудительной циркуляцией ресурсов.

Теоретически из этой ситуации могло быть два выхода. Один из них — обеспечение такого развития промышленности, которое приводило бы к снижению издержек производства и соответствующему снижению цен, что сделало бы ее продукты доступными массовому потребителю в деревне. Однако на пути этого процесса лежало отсутствие достаточного стимула к прогрессу в промышленности, существующей не столько под давлением рынка, сколько под крылышком синкретической государственности. Качественное развитие невозможно при отсутствии массовой частной инициативы, массовой конкуренции, при склонности к монополизации. Другая возможность заключалась в развитии сельского хозяйства, в повышении его эффективности, способности снижать издержки, получать необходимые средства не столько за счет высоких цен, сколько за счет массовости реализации. Однако здесь дело обстояло еще хуже, чем в промышленности, так как основная масса жителей деревни придерживалась социальных форм жизни, конструктивной напряженности, не позволявших в достаточных масштабах встать на путь развития и прогресса. Положение серьезно ухудшалось тем, что в среде марксистской интеллигенции и правящей элиты существовало сильно преувеличенное представление о степени развития товарно-денежных отношений в деревне, и, следовательно, власть не обладала должной информацией о реальной способности крестьянства пойти на «смычку» посредством развития высокопродуктивного сельского хозяйства.

ТОРГОВЛЯ ПРОТИВ РЫНКА

Нэп открывал ограниченные возможности для той части крестьян, которые имели склонность к росту и развитию, и общество проявляло заинтересованность в росте производства, пыталось создать для этого определенные предпосылки. Однако для реализации этой возможности требовалось значительное время. Главное, однако, заключается в том, что угроза уравнительности постоянно вызывала у большинства рост дискомфорта. К концу 1925 года в деревне появились группы бедноты, которые противопоставляли себя сельсоветам и кооперативам. Их возникновение воспринималось как антикулацкая акция. Возможность роста уравнительной агрессивности создавала крайне неблагоприятные условия для производственных накоплений. Известный экономист Н. Кондратьев писал: «Не может быть капиталовложений в деревне в условиях, заставляющих крестьянина направлять свои средства в сторону усиления личного потребления, вместо того, чтобы приобрести лошадь или корову, из боязни прослыть „кулаком" в деревне»²⁰. Однако и это не главное. Система ценностей крестьянина лишь отчасти была затронута ценностями товарно-денежных отношений. Это обстоятельство заслуживает специального рассмотрения.

Методология социокультурных исследований существенно отлична от одностороннего экономического подхода, тяготеющего к экономическому материализму, фетишизму. Последний исходит из того, что сами факты купли-продажи, их развитие и увеличение есть однозначное свидетельство втягивания крестьянина в товарно-денежные отношения.

Однако, во-первых, рост товарно-денежных отношений может быть стимулом активизации архаичных ценностей, накопления дискомфорта, ведущего к взрыву. Это и имело место в России. Поэтому можно сказать, что в определенной ситуации масштабы втягивания крестьянина в денежные отношения — величина, обратная вероятности утверждения капитализма. Это обстоятельство не учитывалось большевиками при разработке ими своей доктрины как до, так и после их политической победы.

Во-вторых, не менее важно и то, что само втягивание крестьянина в эти отношения может означать форму укрепления системы архаики. П. Г. Рындзюнский пишет: «При изучении крестьян, не принадлежащих к эксплуататорским кругам деревни, возникает вопрос: насколько они могут считаться това-

²⁰ Знамя. 1988. № 10. С. 177.

ропроизводителями в теоретическом, политико-экономическом смысле слова? На этот вопрос нелегко ответить даже в том случае, если известно, что сельские производители регулярно поставляли на рынок выработанные ими продукты. Конечно, внешние признаки товарного хозяйства здесь налицо, но это не разъясняет существа дела». В. И. Ленин замечает: «Про крестьянина же и теперь приходится сказать словами Маркса: крестьянин становится купцом и промышленником без тех условий, при которых можно стать настоящим купцом и промышленником. Рынок *требует* от всякого хозяина, как безусловной необходимости, подчинения новым условиям и быстрого приспособления к ним. Но без *капитала* это быстрое приспособление невозможно. Мелкое хозяйство неизбежно осуждено... на наибольшую рутинность, отсталость, наименьшую приспособленность к рынку»²¹. *Если у продавца-капиталиста подключение к рынку стимулировало перестройку производства, то у крестьянина последствия такого контакта были противоположные: связь с рынком не вела к прогрессу, она закрепляла хозяйственный застой и даже вела к деградации.* В. И. Лениным указывается одна причина такой особенности крестьянских продаж: *отсутствие у продавцов капитала.* С тем же связано и другое обстоятельство, которое уясняется из следующего положения К. Маркса: «Все товары суть непотребительные стоимости для своих владельцев и потребительные стоимости для своих невладельцев»²². *Для массы крестьян капиталистической России, продававших свой хлеб, молоко и другие продукты, их «товары» в свете цитированных слов Маркса не были истинными товарами, так как для производителя-продавца они обладали потребительной стоимостью: спустя несколько месяцев после продажи многие из таких продавцов должны были покупать те же товары, но, как правило, по более дорогой цене. Участие крестьян в торговле в подобных случаях было фактором не экономического прогресса, а регресса»²³. Отсюда следует важный обобщающий вывод, что поскольку капитализм в стране приобретал крайне ограниченные и патологические формы, то общество стремилось вытеснить его привычными, исторически сложившимися отношениями. Причем это сопротивление могло опережать прогресс и распространение развитого утилитаризма. Это не исключало ограниченных элементов модернизации, заимствования определенных достижений либеральной*

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 258.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 95.

²³ Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850—1880 гг. М., 1978. С. 173-174.

цивилизации (например, науки, техники), которые, однако, приобретали архаичные формы псевдо. В этой ситуации реальная, а не абстрактная альтернатива сужалась от альтернативы безграничного развития рынка капиталистического типа или сохранения административной системы до поиска меры рынка, приемлемой для основной части крестьянства. Возможно, она была бы недостаточна для гигантских планов нового общества, воодушевленных фантастическими утопиями и манихейскими страхами. Но воплощение этой меры было бы возможным и создало бы узкую, но реальную основу дальнейших сбалансированных решений.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ ИЛИ УСИЛЕНИЕ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ?

При оценке попыток реализовать замысел нэпа не следует забывать, что так называемая «смычка» должна была «смыкать» сельское хозяйство, которое специалисты того времени называли «первобытным», и промышленность, которая в основном формировалась на основе дорыночных отношений. Следовательно, возможности для реальной экономической смычки были весьма ограниченными. Историческое развитие сформировало слишком мало людей, которые могли превратить рынок в возрастающий по мощности стимул прогресса, а те из них, кто появлялся, подвергались притеснениям и в конечном итоге насилию. Высокоразвитый рынок должен стать не побочной, а определяющей сферой деятельности для производителя. Но он оставался побочным для основной массы крестьянства и промышленников, которые работали на казну. Переворот 1917 года и все последующие события свидетельствовали, что большинство крестьян отвернулось от более развитых форм труда и социальной жизни, от тех, кто требовал ослабления зависимости от архаичной власти общины, кто был способен к гибкому реагированию на рынок. Общество могло рассчитывать не на развитый утилитаризм с его стремлением много работать и много зарабатывать, но всего лишь на умеренный утилитаризм, в котором преобладали ценности адаптации к уже сложившимся порядкам. Подобная почва представляла собой весьма ограниченную предпосылку для прогресса. Близкая ситуация имела место и в промышленности, где интеллектуальный слой был подавлен, и государство не могло допустить банкротства плохо работающих предприятий, при котором пришлось бы увольнять рабочих.

Выход промышленности на рынок был явно неудачен. Цены на ее продукцию превышали на 8% довоенные, что не покрывало

вало значительно возросшие в результате разрухи издержки, подорожание сырья, снижение производительности, недогруженность производства. Была явной угрозой последующего повышения цен, что и не замедлило произойти. В октябре 1923 года уровень цен на промышленные товары составил уже 179% от довоенного уровня, тогда как продукция промышленности в 1922/1923 хозяйственном году составила 36,6% от довоенной, сельское хозяйство удержалось на уровне 72,2%.

Казалось бы, доведение цен до уровня необходимости покрыть издержки производства естественно. Однако эти издержки, не апробированные рынком, конкуренцией, были результатом стремления неквалифицированных в основной своей части людей овладеть некоторыми образцами современного производства, не считаясь с расточительными затратами, беспхозяйственностью и дезорганизацией. Возможно, что государство могло принудительной перекачкой средств как-то затыкать эту дыру, но этого не мог сделать потребитель на рынке, и тем более было бы утопией видеть в этом «смычку». В результате к концу 1923 года крестьянин за хлеб получал в три раза меньше ситца, гвоздей и керосина, чем до войны. Это позволило промышленности работать с прибылью, но возник острый дефицит на товары. Тогда это называлось *товарным голодом*. Были сделаны попытки снизить цены. К 1923/1924 году они были снижены на 33%. Однако с середины 1925 года цены на промышленные товары вновь стали расти²⁴. Это могло привести только к тому, что крестьяне стали сдерживать продажу, т. е. к развалу элементов рынка. В 1926 году были увеличены денежные компенсации за хлеб, что усилило инфляционные тенденции и, как сказал нарком финансов Г. Сокольников, превратило червонец в «качающуюся» валюту. Если формирование нэпа закончилось осенью 1923 года, то стремление использовать административные механизмы для преодоления «неувязок» началось в конце того же года, что свидетельствовало о неорганичности, неустойчивости порядка. Тем не менее в период 1923-1926 годов возникла тенденция восстановления свободного рынка.

В 1927 году товарные запасы у государства в связи с очередными слухами о предстоящей войне были выбраны, сложилась ситуация, когда крестьянство предпочитало не торопиться с реализацией хлеба в ожидании более высоких цен. Государственные цены на хлеб были низкими, а их увеличение неизбежно нанесло бы удар червонцу, привело бы к усилению инфляционных процессов.

²⁴ Айхенвальд А. Советская экономика: Экономика и экономическая политика СССР. М.; Л., 1928. С. 71-77.

Сбор хлеба 1927 года был меньше предыдущего на 6%, и это способствовало значительному снижению его товарности. Вновь стала актуальной мысль Л. Троцкого, высказанная в 1920 году, о необходимости «спасти города». Урожай 1927 года начал насильственно изыматься. В 1928-1929 годах в городах были введены хлебные карточки. Впервые в истории страны (за исключением нормирования сахара до первой мировой войны) в общегосударственных масштабах вводилось регулирование потребления. Иначе говоря, это был катастрофический крах альтернативного замысла буквально по всем существенным параметрам; поворот к экономике не удался.

В известном смысле сложившаяся ситуация была результатом существенной смены образа жизни крестьянства после революции. Во-первых, в связи со значительной убылью сельского населения во время гражданской войны земельные наделы несколько возросли. Во-вторых, ослабление экономической необходимости продавать часть урожая означало если не абсолютное, то существенное относительное улучшение крестьянского потребления. В-третьих, немаловажное обстоятельство заключалось в том, что существенно сократились отхожие промыслы, которые были совершенно необходимым элементом хозяйственного воспроизводства значительной части крестьянских хозяйств. *Все это усилило натурализацию крестьянских хозяйств, ценность ресурсов, получаемых в собственном хозяйстве, и одновременно ослабило связь с обществом по целому ряду параметров.* Теперь государство, забыв о том, что оно, собственно, и было государством, воплотившим эти устремления крестьян, пыталось усилить поток ресурсов из деревни и тем самым устранить изменения в крестьянском образе жизни, которые крестьяне воспринимали как позитивные.

Пленум ЦК в июле 1928 года отметил «опасность разрыва между социалистическим городом и мелкокрестьянской деревней, стало быть, опасность нарушения основного условия социалистического преобразования всего народного хозяйства». *Посевные площади достигли 95% довоенных, а товарность едва превышала 50%.* Пленум вынужден был констатировать «полунатуральный характер» сельскохозяйственного производства. Положение с хлебом «создавало угрозу кризиса для всего народного хозяйства»²⁵.

Объединенный Пленум ЦК и ЦКК в 1928 году отметил, что, несмотря на рост промышленности и получение трех хороших урожаев, «хлебозаготовительная кампания... натолкну-

²⁵ См.: ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1932). М., 1933. Ч. 2: 1924-1933. С. 474, 476.

лась на ряд затруднений, одно время грозивших вылиться в общий народнохозяйственный кризис...» Пленум констатировал «резкое нарушение рыночного равновесия», «обострение диспропорции в рыночных отношениях» в результате повышения «платежеспособного деревенского спроса», опережавшего товарное предложение²⁶. Произошло невиданное ранее в России явление — крестьяне предпочитали платить налог деньгами, а не натурой. На этот переворот следует обратить самое пристальное внимание. Это означало резкое обострение несоответствия между денежной системой и циркуляцией натуральных ресурсов и свидетельствовало о росте значения крестьянского хозяйства как субъекта естественной монополии на дефицит.

Объединенный Пленум сетовал, что баланс вовремя не был установлен «ни соответствующим ростом товарного предложения... ни соответствующим повышением налогового обложения зажиточных слоев деревни, ни обложением дохода неземледельческого характера»²⁷. Здесь сквозит характерное в таких случаях стремление возложить ответственность на богачей, т. е. искать выход на путях уравнительности. На XII съезде партии в 1923 году отмечалось, что благодаря нэпу «удельный вес кулачества все более и более растет»²⁸. Опасность расслоения, как показывают исследования, явно преувеличивалась. Но реальная опасность была в другом — в массовом страхе за судьбу уравнительности, который принимал мифологическую форму массовой ненависти к нэпману, «кулаку». Для того чтобы попасть в эту группу, достаточно было проявить некоторую хозяйственную инициативу свыше признанной нормы или попросту покрыть крышу железом. Любой кризис, затруднения объяснялись кознями этих людей. Это не создавало благоприятной атмосферы для экономического развития. Вместе с тем, даже тот уровень частной инициативы, который допускался, нес в себе симптомы разрушения монолита медиатора, отхода от монополии власти на циркуляцию ресурсов.

В стране совсем недавно архаичная община, куда входила большая часть населения, пережила возрождение. При анализе нэпа об этом обычно забывают, не учитывают, что новая политика неизбежно носила поверхностный характер. Промышленность, несмотря на введение хозрасчета, продолжала, как это и соответствовало историческим традициям, опираться на сильную поддержку государства. Действие рынка внутри про-

²⁶ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1932). С. 456.

²⁷ Там же. С. 457.

²⁸ Там же. М., 1932. Ч. 1: 1898-1924. С. 620.

мышленности, прежде всего между тяжелой и легкой, было сильно ограничено. Нэп повысил материальное положение рабочих, но не заинтересовал их в улучшении конечных результатов работы треста. С 1928 года рабочие стали снабжаться по заборным книжкам, что обрубало их связь с рыночной системой через производство. Рабочие стремились гарантировать себя от стихии рынка, поддерживая авторитарную систему распределения, определенные варианты *уравнительной оплаты*. Это было в той или иной степени реализовано *тарифной реформой 1928 года*.

Заинтересованность крестьянства в нэпе также была не безусловна. Конечно, часть крестьян стремилась продавать излишки. Однако 35% крестьян были освобождены от уплаты сельхозналога, что не только привязывало их к авторитарному порядку с его принудительной перекачкой ресурсов, но и лишало их старого традиционного для страны стимула к повышению товарности. Кроме того, ощущалась заинтересованность крестьян в различных формах кооперации, по тем же причинам, что и у рабочих, которые пользовались системой принудительной перекачки потребительских ресурсов.

Даже небольшое развитие рынка ставило под угрозу синкретическую государственность, всю систему медиатора синкретического типа. Развивались определенные опасные тенденции среди членов партии. Некоторые стремились «в интересах возрождения производительных сил советской республики» бросить партийную работу и уйти на свой клочок земли. Машинная версия утилитаризма оказалась под угрозой. Общество не смогло создать систему, где машинная и индивидуалистическая версии утилитаризма могли бы сосуществовать и стимулировать друг друга. Оказалось, что ставка на рост независимых источников творческой энергии не сопровождалась соответствующей способностью медиатора использовать эту энергию, снимать опасность разрушения медиатора. Слабое движение от индивидуалистического умеренного утилитаризма к развитому породило в неблагоприятных условиях (давление власти, недостаток промышленных товаров, враждебность определенных сил торговле) тенденцию очагов творчества к автаркии, к уходу с рынка. «Американский» элемент в России, с одной стороны, оказался потенциально опасным для медиатора, ориентированного прежде всего на сохранение своей организации, и, с другой стороны, слишком слабым, чтобы перестроить общество и медиатор на основе своих принципов, чтобы увлечь общество для перестройки медиатора, для развития рыночных отношений. Для утверждения нэпа нужен был мощный слой культурных организаторов, ясно понимаю-

щих необходимость существования источников творчества. Эти организаторы должны были пользоваться поддержкой хотя бы значительного меньшинства населения.

Истолкование нэпа как шага к капитализму вызвало возражения не только официальных идеологов, но и вдумчивых специалистов. «Только 1/6 часть всей продукции сельского хозяйства поступает на недеревенский рынок... Основной массив русского сельского хозяйства является только натурально-хозяйственной пристройкой к народному хозяйству, оставаясь в довольно слабой связи с ним». С глубокой проницательностью автор писал, что «в России имел место стремительный рост товарно-денежных отношений, сопровождающийся, однако, развитием некапиталистических организаций». Розничную торговлю «в тех жалких формах, в которых она после коммунистической реакции 1924 г. еще сохранилась (почти исключительно торговля вразнос и с лотков)... ни в коем случае нельзя считать явлением капиталистического порядка. Так торговали при царе Горохе. Кроме того, часть теперешних розничных торговцев вынуждена была превратиться в агентов госторгов и находится от них в полной зависимости. Ничтожна роль капитализма в промышленности. Уже в 1925-1926 гг. на частную промышленность, включая концессионную, приходилось всего лишь 4,2% всего производства цензовой промышленности. ...В городе нам приходилось констатировать не победу капитализма, а, наоборот, гибель всех его ростков»²⁹. Однако даже в этих условиях руководители арендованных предприятий сумели обеспечить лучшее положение своих рабочих, чем было положение рабочих на государственных³⁰.

Нэп был раздавлен, так как срединная культура оказалась слаба, а вера в реальность как в воплощение манихейских космических сил сильна. Синкретическое государство не могло сосуществовать с независимыми творческими силами. Удивления достойно не то, что нэп был уничтожен, а то, что общество после синкретического взрыва нашло в себе силы сделать серьезную попытку согласиться на господство идеала, нацеленного на срединную культуру. Сказалась определенная гибкость утилитаризма.

Несмотря на то, что нэп открыл путь экономическому росту, его участь была решена широкими массами, стремившимися разделаться со вновь появившимися оборотнями кривды. Власть, которая стала бы в глазах масс орудием кривды,

²⁹ Бруцкус Б. Народное хозяйство советской России, его природа и его судьба// Вопросы экономики. 1991. № 9. С. 131, 135, 134.

³⁰ Секушин В. И. Отторжение нэпа и командно-административная система. Л., 1990. С. 19-20.

рисковала своим существованием. Правящая элита оказалась не в состоянии держать в желаемых рамках частную инициативу чисто экономическими методами. По сути дела, *нэп открыл тайну: в стране есть хозяйство, но нет экономики, во всяком случае как определяющей хозяйственной формы. На экономической основе смычка города и деревни оказалась невозможной. Выявилась парадоксальная ситуация: люди в городе и в деревне нуждались в продукции, выпускаемой друг другом. Отсюда естественность смычки. Но одновременно оказалось, что для ее обеспечения нет всеобщего механизма экономического воспроизводства, так как в сельском хозяйстве и в промышленности преобладало натуральное воспроизводство.* Следовательно, практически смычка и могла носить характер натурального обмена, что требовало тотального принудительного механизма. Но это было невозможно экономически. Однако торжество архаичных ценностей несло запрет на подобные знания. Старая власть, постоянно нуждаясь в деньгах, стремилась заставить своих подданных добывать деньги на рынке для уплаты налогов, но одновременно препятствовала этим процессам, пытаясь развивать промышленность на дорыночной основе. Исторически развитие отраслей происходило через адаптацию к до- и антирыночной системе принудительной циркуляции ресурсов. Такая ограниченная, по сути примитивная попытка прорваться к некоторой усеченной форме экономики, как нэп, отягощенная утопическими целями, мечтами о молниеносном построении идеального общества, не опиралась на осознание исключительной сложности и драматизма сложившейся ситуации, но следовала лишь мифам и здравому смыслу. Это обрекло ее на провал.

БАНКРОТСТВО НЭПА

При оценке нэпа не следует забывать, что возникающие в нем несообразности, диспропорции, рост дезорганизации происходили на фоне роста производства как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Однако рынок не мог стать механизмом, интегрирующим эти процессы в целое, обеспечить гармоничную смычку всех элементов функционирования общества.

Несколько упрощая картину, можно сказать, что экономический аспект нэпа можно свести к установлению «правильных» цен, которые позволили бы обеспечить взаимную реализацию продукции отраслей. Однако опыт нэпа как раз и показал, что перепробованные варианты соотношения цен не давали устойчивой системы. В принципе можно предположить,

что такие цены вообще установить невозможно в условиях низкопроизводительного консервативного сельского хозяйства и промышленности, которая возникла и развивалась в результате властной перекачки средств, и когда хозяйственники мало интересовались издержками и могли годами работать в убыток (как, например, в промышленности с 1916/1917 до 1923)³¹. Цены здесь — лишь инструмент распределения ресурсов. Это не исключает возможность изменений, перехода к иному порядку. Но для этого нужны соответствующие социальные и интеллектуальные силы, те самые, на пафосе уничтожения которых и возникло это общество.

Иллюзия, лежавшая в основе нэпа, заключалась в том, что исторически ограниченный уровень товарно-денежных отношений, санкционированный обществом, его культурой и значительно пониженный массовой борьбой за уравнительность, массовой активизацией общины, казался способным нести на себе бремя решения гигантских задач, которые поставило себе утопическое общество.

После 1925 года началась, в соответствии со старой традицией, перекачка средств из деревни в индустриализацию, что еще больше обострило ситуацию, означало укрепление порядка, противостоящего рынку. Объятое страхом перед мировым злом население поддерживало это очередное безумие. В этой ситуации общество на всякий кризис отвечало ростом принудительной перекачки ресурсов, тогда как силы, которые могли бы этому противостоять, вытеснялись и истреблялись еще с прошлого века. Террор стал орудием смычки. Идеал всеобщего согласия разрушался, мирная повседневная деятельность одних возбуждала дезинтеграцию и враждебность других, раскол разрушал общество. Отсутствие спонтанного согласия означало, что всякие силы, социальные процессы, которые оказались бы независимыми от медиатора, могли стать очагами его разрушения. Общество продолжало жить крайностями, задыхаясь без достаточно развитой срединной культуры, без соответствующих организационных форм. Центр конфликта лежал не в политике и даже не в экономике, а в сфере основополагающих социальных ценностей, в сфере отношений к разным типам социальных интеграторов. Это проявлялось и в политике, и в экономике, где, однако, нельзя искать конечную причину трагических событий.

Нэп был ликвидирован. Очередного чуда не произошло.

Отношения к нэпу основной массы населения и правящей элиты не были тождественны. Правящая элита давала свою

³¹ Айхенвальд А. Советская экономика... С. 104.

интерпретацию массовой инверсии, она была вызвана не столько позитивными идеалами, сколько дискомфортным состоянием, рожденным удушающим авторитаризмом. Однако правящая элита строила на этом движении определенную позитивную программу, которая при всей своей ограниченности выходила за рамки ценностей массовой инверсии, т. е. шла к модернизации, к стимулированию соответствующих организационных форм. Мероприятия власти постепенно сами стали вызывать дискомфортное состояние. Развитие нэпа, официальное согласие на рост имущественного неравенства неизбежно наполняли дискомфортной информацией массовое уравнительное сознание, еще недавно разгромившее царство зла, где господствовали богачи. Всякие попытки избияния кулаков немедленно находили массовую поддержку. Противоположные действия власти в лучшем случае встречали пассивно-враждебное отношение.

Отказ власти от ряда административных функций, разрешение свободной торговли, политика снятия определенных запретов, ограничений, например, на денежные суммы, которые могут находиться в руках или в распоряжении организаций,— все это многими воспринималось как контрреволюционный переворот. Любопытно, что герой известной книги Н. Островского «Как закалялась сталь» Павел Корчагин в изъятой части рукописи категорически выступил против нэпа как измены делу революции. Страна оказалась неспособной вырваться из-под власти дотоварных представлений и методов труда.

Когда был введен нэп, произошло до тысячи самоубийств. Местные советы, продолжая крепостнические традиции, занимались в основном сбором налогов и выполнением различного рода указаний вышестоящих органов. *Нэп не пошел вглубь. Он не охватил отношений внутри деревни, не затронул ремесленничества и т. д.* Так называемый новый курс на местах рассматривался активистами часто как *сдача партией своих позиций*. Определенная активизация в низах, которая подчас приводила к оттеснению партии из выборных органов, вызвала тревогу в низовом аппарате. Положение особенно осложнялось товарным голодом. Стало ощущаться падение налоговой дисциплины. Общая атмосфера в стране приводила к тому, что не складывалось самое главное условие для экономического роста и развития в деревне — возможность накопления капитала.

Следовательно, с точки зрения закона соотношения хозяйственных отраслей, *нэп был попыткой с негодными средствами. Он не опирался на достаточно мощные силы, способные демонтировать синкретическое государство, на систему, способную использовать массовую приверженность к авторита-*

ризму для безумной попытки соединить доэкономическое хозяйственное развитие с индустриальным обществом.

Нэп как программа правящей элиты возник как мучительная попытка решить медиационную задачу, преодолеть возникшие социокультурные противоречия между уравнительными отношениями, скрепляемыми и защищаемыми авторитарной государственностью, и массовым недовольством экономической разрухой, подавлением исторически сложившейся воспроизводственной деятельности. Однако это решение оказалось временным и непрочным и вновь вызвало рост массовых дискомфортных состояний, социокультурных противоречий — в данном случае между массовым уравнительным сознанием и социальным порядком. Это привело к новой инверсии массового сознания, к необходимости формировать *новую, четвертую версию псевдосинкретизма* на основе деятельного нарастания массового процесса партиципации к харизматическому вождю.

ГЛАВА IV

ТОРЖЕСТВО И ПАДЕНИЕ КРАЙНЕГО АВТОРИТАРИЗМА (Сталинизм)

АБСУРД РЕАЛЬНОСТИ

Время правления Сталина в большей степени, чем любой другой этап советской истории, кажется чем-то фантастическим. В истории не было ничего подобного. Знакомство с массовыми социальными процессами на этом этапе истории ломает представление о мотивах людей, даже с точки зрения элементарного самосохранения и здравого смысла. Напрашивается мысль о каком-то *массовом безумии*. В 1937 году в лагерях сидело 8 млн. человек, а в 1938 — 16 млн.¹

Р. Редлих считает, что единовременное наказание отбывали 10% населения, всего репрессиям подверглось до 50% населения². У. Черчилль сообщил со слов Сталина, что во время коллективизации погибло около 10 млн. крестьян. А. Солженицын полагает, что крестьян погибло не меньше 15-17 млн. Только в 1937-1938 годах было арестовано 8-9 млн. «врагов народа»³. Тот же автор пишет, что в июне 1937 года была выдвинута «скромная» норма истребления, т. е. 3-4% населения — около 5 млн. Впрочем, добавляет А. Авторханов, план перевыполнялся. По подсчетам Р. Медведева, жертвами террора до 1937 года стали 17-18 млн. человек, из которых погибло не менее 10 млн. В 1937-1938 годах было репрессировано от 5 до 7 млн. человек, в 1939-1940 годах — еще 2 млн., а в 1941-1953 годах — 11 млн.⁴, т. е. всего 35—38 млн. Только в период 1936-1950 годов в лагерях умерло своей смертью 12 млн. чело-

¹ Максудов С. Начало тридцать седьмого: Перепись// Минувшее: Исторический альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 259.

² Редлих Р. Сталинизм как духовный феномен. 1971. Кн. 1.

³ Авторханов А. Г. Загадка смерти Сталина. Нью-Йорк, 1986. С. 879.

⁴ Московские новости. 1987. 27 нояб.

век. Всего потери составляли 20 млн., «причем цифра эта, вероятно, занижена»⁵. После смерти Сталина было подано около 20 млн. заявлений о реабилитации (по данным Р. и Ж. Медведевых). Надо думать, что таких заявлений было значительно меньше, чем пострадавших.

Осознание масштабов террора возможно лишь в сравнении. История знает немало изуверских режимов. Так, согласно Синодику опальных Ивана Грозного, в годы опричного террора было уничтожено три-четыре тысячи человек⁶. Эти данные далеко не полны, так как тысячи смертей не были зафиксированы в Синодике, будучи результатом опричного разбоя, всеобщего одичания, не говоря уже о голоде, разорении, о массовых иных репрессиях (например, неизвестно, сколько погибших было среди тех 12 тысяч служивых с их чадами и домочадцами, которые в 1564 году в зимнее время были «испомещены» с опричных земель на земские). Всего во времена Ивана Грозного погибло не менее нескольких десятков тысяч человек при населении от 6 до 10 млн. (по разным данным)⁷.

В том же веке в Англии за последние 14 лет царствования Генриха VIII казнено 72 тыс. человек (более 5 тыс. в год), за царствование Елизаветы I — свыше 89 тыс. (около 2 тыс. в год)⁸, при численности населения 4-5 млн. Герцог Альба за 6-7 лет своего правления в Нидерландах в конце XVI века казнил 18 тыс. человек. В Германии при Карле V было казнено около 100 тыс. человек⁹. В 1607 году по распоряжению царя Василия Шуйского пленных мятежников каждую ночь убивали сотнями (всего — до четырех тысяч человек), а тела топили в Яузе¹⁰. При подавлении восстания Степана Разина в одном Арзамасском уезде было казнено 10 тыс. человек. При Алексее Михайловиче в течение нескольких лет было казнено 7 тыс. человек, а при Петре I Великом иной раз в течение месяца подвергали казни свыше тысячи человек¹¹.

⁵ *Конквест Р.* Большой террор. Рига, 1991. Т. 2. С. 369-370.

⁶ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975. С. 191.

⁷ См.: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9. Стб. 49, 89 и др.; Там же. Примеч. к т. 9. Стб. 64-65 и др., Краткая история СССР. Изд. 4-е. М., 1983. Ч. 1. С. 85; *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. Изд. 4-е. М., 1922. Т. 1. С. 255; *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973. С. 27.

⁸ *Соловьев Вл. С.* О смертной казни// Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 169.

⁹ *Шишов О. Ф.* Смертная казнь в истории России// Там же. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 25.

¹¹ Там же. С. 28.

По делу декабристов было арестовано 316 человек¹². Существует список приговоренных судом к смерти в России с 1826 по 1906 год — 690 человек. Из них фактически казнен 151 человек¹³. По другим данным, в этот период за разные преступления было казнено 997 человек. В «проклятое царское время» в конце XIX века тюрьмы были расчитаны на 100 тыс. заключенных. В эпоху Николая I было официально казнено «всего» 40 человек, но тысячи гибли в результате внесудебных расправ. От царствования Елизаветы Петровны и до эпохи Великих реформ сечение кнутом, плетью, батогами, розгами, шпицрутенами было завуалированной формой смертной казни (не говоря уж о других способах репрессий). Памятна лицемерная резолюция Николая I на приговоре о смертной казни: «Виновных прогнать сквозь 1 000 человек. Слава богу, смертной казни у нас не бывало и не мне ее вводить»¹⁴.

По данным М. Н. Гернета, в 1906-1912 годах число казненных составило 3 998 человек¹⁵, причем массовым явлением было внесудебное применение смертной казни по решению губернаторов и главнокомандующих. «Казнили людей по спискам, по указаниям шпионов и сыщиков, полицейских и черносотенцев... убивали людей без суда, без вины, иногда в силу какой-нибудь случайности, иногда по случайному раздражению. Убивали на глазах у всех, открыто»¹⁶. Писатель П. Д. Боборыкин ставит в вину бюрократическому царскому режиму эпохи «всеобщего согласия» и страшные самосуды крестьянской толпы над конокрадами («народно-русский закон Линча»), и еврейские погромы, и зверства черных сотен, и позорные ужасы китайских погромов («массовые потопления») в Благовещенске — это были «массовые казни над населением целых городов и областей»¹⁷.

Интересно сравнение с гонениями на ранних христиан, длившимися два с половиной века. Античный теолог Ориген писал о христианах, что жертв было мало и «их легко сосчитать», другие отцы церкви говорили о «тысячах христиан, павших во время мучений»¹⁸. Во всяком случае, речь не шла о миллионах. Количество жертв ведовских преследований в Западной Европе исчислялось десятками тысяч. За год разгула

¹² Блудова М. Д. Разночтение в книгах о декабристах// Вопросы истории. 1991. № П. С. 225.

¹³ Против смертной казни. М., 1906. С. 319-339.

¹⁴ Шишов О. Ф. Смертная казнь в истории России// Смертная казнь: за и против. С. 35, 59.

¹⁵ Гернет М. Н. Смертная казнь. М., 1913. С. 98-99.

¹⁶ Владимиров В. Казнь без суда// Смертная казнь: за и против. С. 233, 237.

¹⁷ Боборыкин П. Д. Законное злодейство// Там же. С. 245-246.

¹⁸ Буасье Г. Падение язычества. М., 1892. С. 568.

якобинского террора во Франции с июня 1793 по июль 1794 года погибло 40 тыс. человек при населении примерно 25 млн. человек. Все эти факты показывают, тем не менее, что количество жертв сталинского террора среди собственного народа было беспрецедентно в истории. По свирепости и масштабам убийств Сталин превзошел всех своих предшественников, и количество погибших сравнимо лишь с деяниями Пол Пота, если учитывать удельный вес жертв террора в населении страны.

Загадка заключается в том, что массовая гибель людей, по здравой логике, должна была вызвать столь же массовое негативное отношение к власти, сделать невозможным решение медиационной задачи, лишить власть социокультурной основы. Между тем именно в этот период единство народа и власти достигло высшей точки. В громадных масштабах истреблялись собственные граждане, захваченные без оружия, не имеющие специфических расовых и религиозных особенностей, при отсутствии даже намека на стремление к враждебным правительственным действиям. Количество жертв было столь велико, что им достаточно было повести плечами, чтобы уничтожить эту невиданную в истории мясорубку. Если же учесть, что у каждого из пострадавших оставалось на воле несколько родственников, друзей, то эта масса людей практически могла составлять все население страны. Количество жертв было столь велико, что невозможно отказаться от предположения, что они сами были соучастниками этого истребления. *Именно в этой всеобщей причастности наиболее ярко открывается загадочность, абсурдность этой исторической реальности.* Об этих событиях невозможно говорить в рамках здравого смысла. Абсурдными были не только масштабы событий, но и методы террора. Например, совершенно неправдоподобным кажется установление высшим руководством страны процентной нормы истребления. Избиение миллионов неграмотных людей, которые даже не могли взять в толк, в чем, собственно, их обвиняют, невозможно объяснить борьбой за власть между претендующими на нее группами. Если предположить, что страной овладели маньяки, то все равно требуется объяснить, почему общество не могло найти других людей, чтобы доверить им свою судьбу.

Ответственность за события во время правления Сталина невозможно свалить на одно или несколько лиц, на оборотней зла. *Террор проводила и поддерживала вся страна. Это было невиданное в истории самоистребление.* Все население страны должно было работать, обеспечивая пополнение лагерям: доносить, арестовывать, оформлять дела, транспортировать, охра-

нять, расстреливать и т. д. Все другие проблемы (например, эффективность производства) были отодвинуты на задний план: не было дела более важного, более срочного, нежели выполнение контрольных цифр истребительного плана. Страна опускалась в некую метафизическую бездну, где происходил распад самих основ жизни. *Причина этих событий могла корениться в скрытых ценностных установках, в смертельной схватке между ценностями, которые раздирали не только почву, но и каждого человека, превращая его и в палача, и в жертву одновременно.* Это явление вряд ли можно исследовать традиционными методами.

КОНЕЦ ВЯЛОЙ ИНВЕРСИИ

Банкротство общества, пытающегося воспроизводить себя на основе господства раннего идеала всеобщего согласия, вызвало распад идеала, стимулировало массовую инверсию к авторитаризму. Прямая инверсия, начавшаяся соборным идеалом, теперь вышла на финишную прямую. Вялые инверсии ощущались как неспособность довести борьбу со злом до комфортного конца, что накапливало дискомфортное состояние во время всех трех первых этапов. Эта вялость была вызвана тем, что реальная инверсия никогда не протекает в логически чистом виде, но тормозится постоянными от нее отступлениями, накопленным богатством культуры. Она утверждает реальную жизнь между крайностями, постоянно сдерживает эмоциональное злоупотребление прошлым опытом, ищет меру вещей. Накопление остаточного дискомфорта, вызванного прошедшими этапами в рамках второго глобального периода, дало двойной импульс. Он вызвал инверсию, которая приобрела на порядок более мощный характер, что открывало возможность довести ее до логически возможных пределов. Мощный социальный поток, а не жалкие конъюнктурные решения Политбюро, был движущей силой событий. Правящая элита пыталась оседлать этот процесс, выдвинуть пригодных для организации этого процесса людей и убрать тех, кто не делал это достаточно эффективно.

Опираясь на третью версию псевдосинкретизма, власть запуталась в своих отношениях с двумя расколотыми частями почвы. В письме заместителя наркома финансов М. Фрумкина руководству страны отмечалось, что деревня переживает процесс деградации, она, за исключением части бедноты, «против нас». Далее Фрумкин показал неспособность власти разрешить противоречия между политикой роста производительных сил в деревне и политикой уравнительности. Он писал: «Мы требуем

расширения посевных площадей — крестьяне расширяют их, а тогда мы их записываем в кулаки! Мы требуем расширения товарооборота — люди открывают мелкие ларьки, а мы их записываем в спекулянты! Мы требуем поднятия промышленности — и люди открывают сапожные мастерские, а мы их записываем в нэпманы! Мы требуем советской демократии — люди указывают нам на нашу антидемократичность, а мы их сажаем в ГПУ»¹⁹. Вся система действий власти превращалась в трагическую цепь хромающих решений. Власть металась между двумя исключаящими и разрушающими друг друга политическими линиями. С одной стороны, она пыталась сохранять условия для поддержания производства на сложившемся уровне, для его роста. С другой стороны, она сдерживала рост расслоения, имущественного неравенства, угрожающий массовым дискомфортным состоянием, неконтролируемыми социальными процессами. В условиях господства сталинизма хромающие решения, органически вытекающие из раскола, приобрели крайние формы, которые вели к замене одного крайнего решения противоположным, вплоть до уничтожения людей, которые выносили или отстаивали отмененные решения. Сталин «правил страной, как рулевой в бурную погоду на океане, бездумно бросающий дырявую лодку навстречу грозным волнам. Пассажиры же ее — члены ЦК — то беспрерывно выкачивали воду со дна лодки, то отчаянно металась с одного борта на другой, чтобы сбалансировать ее движение, но неумолимый рулевой²⁰ балансировал его тем, что бросал их за борт одного за другим»²⁰.

Господство хромающих решений не позволяет обществу подняться над конъюнктурой, преодолеть инерцию истории, обрекает общество на пассивное следование узко понятому накопленному опыту, на критику одной формы опыта опытом другой формы и наоборот. Общество при этом не видит реальных альтернатив, в особенности на узловых пунктах истории, как это и происходило в конце нэпа.

РЕАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Многим кажется, что именно в конце нэпа произошел тот роковой поворот, который определил дальнейшее развитие общества, приведшее к губительным последствиям для страны, к

¹⁹ См.: Авторханов А. Г. Технология власти. Ч. 1 // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 144.

²⁰ Авторханов А. Г. Загадка смерти Сталина. Франкфурт-на-Майне, 1986. С. 126.

катастрофическому разгрому крестьянства. Однако констатация трагичности этого поворота не снимает обязанности осмыслить его с точки зрения реальной возможности другой альтернативы. Опыт истории страны показывает, что возможность подобного выбора между развитием по пути ценностей относительно активного меньшинства деревни или уравнительного большинства уже неоднократно вставала перед страной. Попытки пойти по первому пути в конечном итоге всегда кончались массовым поворотом на второй. *Исходный пункт этой альтернативы — реформа 1861 года, когда фактически была освобождена не личность крестьянина, а община. Это вело не к краху крепостничества, но к победе его общинной версии над государственной.* Общины — мощные многочисленные центры зависимости человека от целого — постоянно несли возможность массового выброса своих ценностей в общество вплоть до его высшей точки. Это, впрочем, не означает, что, поднимаясь вверх, эти ценности остаются всегда неизменными. Мощная уравнительная основа нравственности постоянно разбивала иную альтернативу, т. е. попытки меньшинства встать на путь утилитаризма и расслоения. Эта альтернатива потерпела поражение в процессе осуществления столыпинской реформы, когда крестьянство оказывало массовое сопротивление разрушению общины. Эта альтернатива вновь возникла в результате краха старой государственности и опять была сокрушена на этапе военного коммунизма.

Могла ли быть альтернатива отказу от нэпа, т. е. могло ли иметь место преодоление исторической инерции, циклического характера развития? Эта проблема еще требует корректной постановки. Сама возможность альтернативы в конечном итоге имманентна массовому субъекту. Однако всегда остается открытым вопрос о способности соответствующего субъекта ее реализовать. Не следует забывать, что этим субъектом были миллионы людей, всю историю боровшиеся за уравнительность, против роста развитого утилитаризма. Исследования показывают, что в то время «желание какого-то перелома было все заметнее. Все громче призывы придумать какой-нибудь зигзаг, чтобы поскорее прийти к заветной цели. Эта доминанта общественного сознания оказывала влияние на руководство и на выработку целого ряда политических решений»²¹.

Логически преодоление уравнительности могло осуществляться через медиацию, т. е. через поиск нетривиального решения, творчески сочетающего в себе элементы обеих альтер-

²¹ Бордюгов Г., Козлов В. «Революция сверху» и трагедия «чрезвычайщины»// Литературная газета. 1988. 12 окт. С. 11.

натив. Оно должно было, с одной стороны, избежать роста массового дискомфортного состояния у большинства, и, с другой — предотвратить крах наиболее производительного слоя, точек роста, очагов прогресса в сельском хозяйстве. Но для этого был необходим массовый культурный подъем, качественное изменение массовых ценностей.

Инверсия подгонялась мощной массовой экспрессией, возникающей дискомфортом в результате неудачи вялой инверсии — некоторого отступления на пути от соборного идеала к авторитаризму. Выбор определялся иерархией причин, в основе которых лежало существование мощного архаичного уравнительного большинства, не прошедшего соответствующий путь медиации. Новая правящая элита как огня боялась повторить путь прошлой правящей элиты, которая вступила в борьбу с уравнительностью и погибла. Новая правящая элита опять повернулась к уравнительности, не гнушаясь ее крайним форм. Однако при этом следует отметить поразительный факт. Среди членов Политбюро, даже в период кризисов, не было сторонников ликвидации нэпа. Никто не выступал против него и с ним как таковым не боролся. Споры, конфликты имели место постоянно. Например, на XV съезде партии в 1927 году трое делегатов — К. Бауман, В. Милютин, А. Шлихтер — выступили против В. Молотова, предложившего непосредственный переход к производственному кооперированию крестьянства. Однако разные варианты не рассматривались как альтернатива нэпу. Но когда нэп подошел к критической точке, никто из высшего руководства не мог предложить последовательной альтернативы в рамках нэпа, которая укрепила бы экономическую связь отраслей и одновременно обеспечила бы страну продовольствием, средствами для индустриализации. Это обстоятельство говорит о многом, прежде всего о том, что мышление этих людей, независимо от индивидуальных различий, было неадекватно стоящим проблемам. Правящая элита, даже вопреки собственным убеждениям (вспомним знаменитое обращение Бухарина в 1925 году к крестьянству — «обогащайтесь!»), перешла к введению карточной системы, к продрозверстке, к «чрезвычайке». По сути дела, произошел возврат к принципам синкретической государственности. Неожиданность этого решения, его несоответствие всей системе идей членов правящей элиты — свидетельство наличия мощных неконтролируемых сил в обществе, к которым всемогущая элита лишь приспособлялась.

ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА ИДЕТ ВПЕРЕД

Полный отход Ленина из-за болезни от управления в марте 1923 года лишил правящую элиту авторитетного и пронзительного лидера в исключительно сложной ситуации. Ленин, уже не способный управлять, мог видеть раздоры в своем окружении. Тем самым он пополнил длинный список людей, занимавших высший пост в России и переживших крах своих замыслов. Высшая власть теряла способность контролировать социальные процессы. Это означало, что раскол разрушал медиатор до самой вершины. Раскол, угрожавший существованию государства, стимулировал неуклонное нарастание изменений в составе правящей элиты.

Первое, ленинское поколение правящей элиты вело свое происхождение от интеллигенции, пошедшей некогда за идеями Белинского, Чернышевского. Но одновременно пришедшие к власти люди были наследниками той интеллигенции, которая строила государственность, находясь у нее на службе. *Ленинское поколение правящей элиты объединяло стремление к коренной инверсионной (революционной) перестройке общества и высокую способность к организационной работе.* Люди, пополнявшие первое поколение, сами были детьми интеллигентов или, во всяком случае, людей, имеющих образование, возвышающее их над основной частью народа. Эта интеллигенция в конечном итоге стремилась к синтезу, к объединению ценностей почвы и прогресса, славянофильства и западничества. Но где-то в глубинах сознания, в своих надеждах они тяготели скорее к исковерканным модифицированным идеалам Запада, стремясь воплотить некоторые из его ценностей (например, развитие машинного производства, приобщение населения к некоторому уровню западной культуры). *Однако у этого поколения правящей элиты была роковая слабость. Оно не могло воспроизводить себя, заполнить собой все руководящие посты. Его победа, как это и соответствует идеалу псевдосинкретизма, открыла людям из низов, способным к организационной работе, путь наверх.*

Как бы ни был вначале слаб этот поток, он постепенно усиливался. Это были люди, существенно отличные от ленинского окружения. Они вышли из локальных миров или, во всяком случае, разделяли в значительной степени соответствующую систему ценностей. Продвижение вверх требовало определенного образования. Оно заключалось в приобретении грамотности, приобщении к ценностям идеологии псевдосинкретизма, в приобретении определенных навыков организационной работы. Свой подъем вверх представители новой

правлящей элиты воспринимали как естественный результат революции, как свое завоеванное право. Это продвижение было для них воплощением власти народа, с которым они себя отождествляли.

Движение почвенных сил по капиллярам медиатора было важнейшим проявлением новой авторитарной инверсии, мощным ее клином. Постепенно ослаблялись западнические элементы псевдосинкретизма, усиливалось влияние модернизированного синкретизма. Вливание в партию из почвы было исключительно сильным. Псевдосинкретизм стал работать в обратную сторону, как неправильно собранный пылесос, т. е. *не столько высшее руководство партии подтягивало к себе низы, сколько низы заставляли верхи следовать своим ценностям.* Медиатор подчинялся давлению почвенных ценностей, сопротивляясь лишь тем из них, которые непосредственно угрожали государственности.

Такие процессы имели место и на других этапах истории. Например, идеалы Пугачева менялись в зависимости от давления снизу. Сначала содержание его воззваний определялось требованиями яицких казаков. Затем стали доминировать требования помещичьих и заводских крестьян, различных народов Юго-Востока страны, после чего на первое место вышли антикрепостнические требования крестьянства, так как именно крепостное крестьянство стало массовой социальной базой восстания.

Первое поколение правящей элиты вдохновлялось уравнительными, антисловными и даже антигосударственными идеалами. Поэтому оно было аскетично, не нуждалось в дополнительных утилитарных стимулах. *Новое поколение было воспитано на почвенном утилитаризме.* Оно могло служить медиатору, если видело в своей работе источник утилитарных благ. Это стремление к благам сочеталось с ростом способности к организационной деятельности, что требовало определенного соотношения между степенью сложности, ответственности работы и количеством утилитарных благ. Эти люди несли из глубокой древности веру в естественность своих целей, некритическое к ним отношение. Они слепо верили в технику, в технические средства и рассматривали организацию по аналогии с машиной. *Они пытались соединить две разновидности умеренного утилитаризма: старую идею общего блага и растущий индивидуалистический утилитаризм.* На этой основе медиатор пытался соединить идеал общества — патриархальной семьи-машины — с индивидуалистическим утилитаризмом, посредством которого цементировалась организация медиатора, создавалась система благ для его чиновников.

Новое поколение правящей элиты, будучи ближе к почве, было более склонно к решениям инверсионного типа. Оно стремилось единым махом перейти в царство Правды. Эта цель оправдывала все средства. Эти люди плохо понимали смысл дискуссий, которые вели представители первого поколения правящей элиты. Дело было даже не только в отсутствии необходимых знаний, но прежде всего в непонимании того, что выработка истины — тяжелый труд, что диалог есть форма этого труда. Ленин полагал, что состав партии в 300-400 тыс. человек чрезмерен. Не в последнюю очередь эта точка зрения, видимо, определялась тем, что в 1922 году 92,7% членов партии были полуграмотными²². Носителями Правды-истины могло быть лишь незначительное меньшинство. Сталин под давлением снизу круто изменил концепцию и практику формирования партии, ориентируясь уже не на узкий круг интеллигентов-модернизаторов, но на глубинные почвенные слои. После смерти Ленина к декабрю 1925 года численность партии достигла 1 млн. 88 тыс. человек. В 1928 году ленинская гвардия составляла в партии немногим более 1 %. Это свидетельствовало о крутой перемене содержания Правды-истины, о ее народническом опрощении, об отходе на задний план ее более изощренного варианта, еще как-то связанного с марксизмом.

НУЖЕН ВОЖДЬ

Уже с 1921 и особенно после 1924 и вплоть до 1937 года регулярно организовывались чистки партии, которые подчиняли ее массовому сознанию с его верой в вождя-тотем, способного обеспечить уравнительность, «справедливость». Новым людям нужны были простые и ясные слова, как проста, ясна и естественна была сама Правда, да еще совпадающая с пророческим словом науки. Им нужен был простой, соответствующий их уровню вождь, который повел бы их вперед на последний решительный бой с оборотнями зла. Им нужен был вождь, из приобщения к которому как к внешней силе они могли бы черпать свою собственную силу.

Стремление к авторитаризму на каждом историческом этапе приобретает свою конкретную форму, отвечающую потребностям не только крестьян, замкнутых в локальных мирах, но и горожан, людей, способных вести диалог с людьми иной культуры. Например, во времена Смутного времени происходил диспут о сути власти. Поляки советовали русским соединиться с польским народом и также приобрести свободу. Те

²² Правда. 1928. 27 янв.

отвечали: «Вам дорога ваша воля, нам неволя. У вас не воля, а своеволие... У нас... самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе царь творит суд и расправу. Если же сам царь поступит неправосудно, его власть... Нам легче перенести обиду от царя, чем от своего брата: ибо он владыка всего света»²³. По сути дела, это экстраполяция тотемизма, осложненная не затрагивающей основы древнего менталитета интерпретацией.

Такого рода представления всегда требовали вождя определенного типа, отвечающего конкретной интерпретации тотемизма. На четвертом этапе таким вождем не мог быть интеллигент ленинского окружения. Им не мог быть Л. Троцкий с его стремлением к независимости от массового сознания. Им не мог быть Н. Бухарин с его нежеланием идти на крайние меры в деревне. Таким вождем стал И. Сталин, единственный, кроме Г. Зиновьева, неинтеллигент среди ленинского окружения. Он удивительно точно соответствовал социальному заказу, идеалу второго поколения правящей элиты. Троцкий удачно назвал его «наиболее выдающейся посредственностью нашей партии».

Он казался окружению еще проще Ленина. Один из шедших за ним людей сказал: «Именно отсутствие у него блеска, его простота заставляла нас верить тому, что он говорил». Это почвенное стремление к простоте порождало губительные иллюзии, когда оно выходило за рамки древнего локального мира. Нужен был человек, который довел бы до дела утилитарное отношение к истине, к Правде, стал бы на точку зрения возможности безграничного манипулирования культурой. Бухарин говорил в 1928 году о беспринципности Сталина, о том, что «он всегда готов сменить свои взгляды» во имя власти. Эта беспринципность открывала путь для очередной смены идеологии на прямо противоположную по сравнению с исходной точкой развития нового общества. Эта беспринципность и была идеальным условием для постоянной выработки хромающих решений.

Авторитарная инверсия требовала от первого лица манихейской идеологии в ее крайней форме. Сталин был именно таким человеком. «Жизнь в Грузии, полной царских чиновников, внушала ему, что мир разделен на два враждующих лагеря — мир друзей и мир врагов. В это миропонимание входили также и традиционные обычаи кровной мести и романтический образ Кобы» (отважный страдающий герой романтичес-

²³ Дневник Маскевича// Сказания современников о Димитрии Самозванце. Изд. 3-е. СПб., 1859. Ч. 2. С. 56. См. также: *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1903. Ч. 3. Вып. 2. С. 84.

кого писателя Казбеги). В его сознании складывался «идеологический символизм, согласно которому все человечество разделено на два гигантских враждующих класса, класс угнетенных и класс угнетателей»²⁴.

Из наследия Ленина Сталину достался ключевой пункт — управление реальной медиационной организацией. Соединение административной власти с функцией мифологического носителя и гаранта Правды возносило первое лицо над обществом. Партия не связана законом и может быстро перебрасывать ресурсы на угрожаемые участки, только она в условиях псевдоэкономики может обеспечивать принудительную их циркуляцию, так как никакие другие механизмы, достаточно мощные, в обществе не существовали. Именно при переходе к авторитаризму это обстоятельство выявилось со всей полнотой, что и вознесло Сталина. Сталин, обладая способностью к конъюнктурному манипулированию, хорошо воспользовался этой ситуацией, отбросив всякие представления о человеческих правах, независимых от первого лица.

СТАЛИНИЗМ

С именем Сталина связано возникновение новой, четвертой версии псевдосинкретизма (сталинизма). Предшественник Сталина Ленин обладал выдающейся гибкостью, способностью постоянно переформулировать свои идеи в соответствии с массовыми инверсионными колебаниями. За сравнительно короткий срок (пять лет и четыре месяца, т. е. до 10 марта 1923 года, когда болезнь окончательно его свалила) Ленин сумел остаться во главе страны в условиях господства трех идеалов, был активным инициатором перехода от одной версии псевдосинкретизма к следующей. Для России это беспрецедентное явление. Неизбежен вопрос — каким образом Ленин осмыслил бы наступление массовой авторитарной инверсии? Если судить по последним работам Ленина, он попытался бы, видимо, смягчить этот поворот, пытаясь избежать его крайних форм. Это можно заключить по изменению его отношения к кооперации²⁵, по его борьбе против «преувеличения административной стороны» среди руководства партии (см. его письма с 23 по 29 декабря 1922 года)²⁶, это видно из его страха перед объ-

²⁴ Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879-1929// История и личность. М., 1990.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369-377.

²⁶ Там же. С. 343-355.

единением «аппаратов национальных с аппаратом русским»²⁷ и даже из стремления пойти «назад» в сфере централизации управления республиками (31 декабря 1922 года)²⁸ и т. д.

Ленин не мог не видеть, что его идея тождества общинного (т. е. основанного на локальном самоуправлении) и государственного социализма распалась. Если военный коммунизм еще можно было трактовать в свете этого тождества, то нэп, который не только обнажил бездну между городом и деревней, между народом и государством, но и свидетельствовал об отсутствии тождества государства и локальных миров, этого не позволял. Ленин при жизни потерпел крах в главном пункте: «освобожденный» от гнета народ не создал самоуправляемое общество, основанное на постоянной безграничной эманации народного творчества; рабочие не выполнили свою историческую миссию, свою роль посредника между партией-государством и крестьянством. Поражение ленинизма заключалось в том, что попытки «тянуть» все слои населения к высшей Правде не приблизили к ней народ, но потянули вниз. Этот процесс оставил Ленина в трагической изоляции и подталкивал его к точке зрения, что крестьянство, прошедшее культурную революцию, может создать новое общество. Это означало отказ от всего исторического пафоса исторически сложившегося ленинизма.

Можно было вновь и вновь предлагать методы активизации народа — от нэпа и кооперации до вовлечения рабочих в управление. Но эффект от этого в лучшем случае можно было ожидать не скоро. Сталин же предлагал быстрое, пользующееся массовой поддержкой средство. Ленин был более склонен вступить в борьбу с нарастающей инверсией, чем опираться на нее. К концу своего правления он отчетливо осознавал опасность административно-бюрократического, чисто авторитарного решения медиационной проблемы. Ленин был буквально в ужасе. «Все у нас потонуло в паршивом бюрократическом болоте „ведомств“... Ведомства — говно; декреты — говно» (21 февраля 1922 года)²⁹. Ленин не только вступил в борьбу со Сталиным, но и пытался ослабить наступление авторитаризма, выступая против засилья административных методов работы. К концу жизни он стал искать союза с Троцким, т. е. с человеком, который еще до 1917 года критиковал Ленина за антидемократизм. Тем не менее Ленин мог противопоставить наступлению крайнего авторитаризма лишь политику лавирования на основе третьей версии псевдосинкретизма. Остается откры-

²⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 362.

²⁸ Там же. С. 361.

²⁹ Там же. Т. 44. С. 369.

тым вопрос о том, на какие силы мог бы опереться Ленин в борьбе с крайним авторитаризмом. Вполне возможно, что здесь возник бы опаснейший для Ленин конфликт между ним и новым поколением правящей элиты. О том, что сам Ленин подвергался опасности со стороны этих сил, свидетельствует, например, публикация при его жизни, но без его ведома компрометирующих писем, доказывающих его связь с Ганецким, которую Ленин скрывал³⁰, а также и то, что во время своей болезни он находился фактически под домашним арестом.

Четвертая, сталинская версия псевдосинкретизма характеризуется таким изменением мозаики ипостасей псевдосинкретизма, которая *абсолютизирует авторитаризм*, доводя его до логически крайней формы, до *тоталитаризма*. Утилитарная манипуляция подошла к *идее использования традиционализма в качестве господствующего нравственного идеала*. Практически это означало, что все иные нравственные системы: идеал всеобщего согласия, либерализм и утилитаризм, который, собственно, и создал возможность манипуляторского подхода к нравственности, — стали рассматриваться как враждебные. Тем самым отрицались не только три предшествующие версии псевдосинкретизма, но и, по сути, сам принцип псевдосинкретизма, в основе которого лежала идея необходимости движения к Правде. Различия между разными нравственными идеалами при этом признавались, но сводились лишь к тем, что существуют по разные стороны колючей проволоки концлагеря.

В основе сталинизма лежал гипертрофированный древний менталитет, рассматривающий любую собственную активность субъекта как результат внешней силы, т. е. в данном случае — первого лица. Новая инверсия была результатом разочарования масс в самих себе, в своей способности реально управлять обществом, что и создало основу для инверсионного стремления примкнуть к внешней силе, к власти партии, к силе и разуму вождя-тотема. В четвертой версии псевдосинкретизма было отвергнуто двусмысленное сочетание выборности и диктатуры. Партия уже не могла рассматриваться как средство приобщения масс к высшей Правде. Медиационную задачу надо было решать сегодня, сию минуту, не дожидаясь, пока массы научатся творить новые организационные формы, выбирать людей, способных решать медиационную проблему.

Сталинская версия псевдосинкретизма отказалась от старого, разделяемого Лениным основного заблуждения русской ин-

³⁰ Неизданные письма тов. Ленина (1917 г.)// Пролетарская революция. 1923. № 9. С. 227-232.

теллигенции, касающегося способности народа единым махом создать идеальное общество. Четвертая версия исходила из того, что нужно опереться на более реальные силы, на силы организаторов, объединенных в медиаторе, на жесткий монолог, из того, что если народ не может создать новое общество, то его должна создать партия. Если и партия, теряющая свой монологический характер, не может это сделать, то она должна приобщиться к высшей Правде вождя, к его монологической воле.

Сталин стал высшим и единственным, абсолютным воплощением Правды-истины-справедливости-силы, всех атрибутов божества. Это был земной бог, власть которого не имела пределов. Он якобы формировал саму нравственность, освобождая людей от совести во имя высших целей. Отсюда обоснованность его власти над всем человечеством, которое должно приобщиться к высшей Правде через мировую революцию. Опыт такой гипертрофии в иных идеологических одеждах уже имел место в стране. Идея Москвы как третьего Рима, возникшая в первой половине XVI века, получила свое развитие в представлении, что русские властители являются вселенскими христианскими государями, императорами всех православных мира. И потому они «обладают правом править ими и защищать их, а также, надо разуметь, правом ставить их под русскую власть. Об этом заявлялось не раз, в том числе на церковном соборе 1561 г. В иных сочинениях утверждали, что русский царь является государем всех христиан, а не только тех, кто исповедует православную веру»³¹.

Сталин отказался от пахнувшей двоевластием идеи партии как повивальной бабки народовластия. Он отказался от двойственной идеи то ли безгосударственного народовластия, то ли народного государства. Утилитарный разум нового поколения правящей элиты не мог понять, зачем, с какой стати заменять власть партии и вождя народовластием. Это искренне казалось им опрометчивой глупостью и даже прямой контрреволюцией. В институте, где я учился, был преподаватель, который утверждал, что идея передачи власти рабочим контрреволюционна. Новая версия псевдосинкретизма отошла от ленинской идеи нерасчлененного синтеза общинного и государственного социализма, пытаясь все свести ко второму, подавив первый. Это, собственно, и означало попытку введения тоталитаризма. Сталин провозгласил: «Вмешиваться во все»³². Это означало, что вся истина, вся Правда во всех формах, включая повседневность, обретает себя, лишь приобщаясь к этой высшей са-

³¹ Пайнс Р. Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 312.

³² Сталин И. В. Сочинения. М., 1955. Т. 13. С. 41.

кравальной точке, которая черпает саморазвитие в самой себе и, следовательно, неподсудна никакой критике. Тем самым эта версия дала основания для обвинения в отказе от социализма, от ленинизма. В определенном смысле это верно, если под социализмом понимать попытку сочетать общинность-артельность с государственностью. Но это и неверно, так как сам псевдосинкретизм открывал возможность поиска различных вариантов, хотя лично Ленин противостоял этому варианту — крайнему авторитаризму. Медиатор стимулировал атомизацию общества, проникал во все закоулки. Запрет на организационные изменения коснулся всех элементов общества. Практически накладывался запрет на организационное творчество, за исключением громоздких и малоэффективных реорганизаций. Новая система, перед которой, казалось бы, не могло быть преград, получила в наследство от древности представление о незыблемости организаций. Такое наследство обрекало общество на застой и деградацию и, в конечном итоге, на отход от утилитарной идеи общего блага.

Необходимо было найти какой-то выход, т. е. сохранить в незыблемости медиационную организацию и обеспечить какое-то подобие прогресса. Эта задача кажется совершенно неразрешимой, так как рост и развитие немислимы без спонтанных изменений. *Выход был найден во введении новшеств через санкционированный сверху план, что воплощало древнее представление о вожде как единственном источнике инноваций.*

СТАЛИНИЗМ И ХОЗЯЙСТВО

Сталинизм превратился в ведущую силу, в реальную власть на волне мощного стремления покончить с товарно-денежными отношениями. Для власти в истории России характерно весьма сложное отношение к этому явлению. Своей фискальной политикой она постоянно требовала от крестьянства торговать, чтобы получать наличные деньги. Но подчас власть свирепо преследовала рыночные отношения. Во времена ордынского ига князья вели ожесточенную борьбу с вечевыми институтами, с торгово-ремесленными посадами. Тяжелейший удар по товарно-денежным отношениям был нанесен в царствование Ивана IV, когда были разгромлены Тверь, Новгород и целый ряд других городов — своеобразные «очаги прогресса», центры ремесленничества и торговли. «Опричина была попыткой одним ударом разделаться с европейско-феодальным и европей-

ско-рыночным укладами»³³. Постепенно, однако, власть все больше пыталась развивать рынок.

Новая, советская власть вновь повернула к старой традиции. Если Ленин в конечном итоге осознал необходимость рынка, то политики четвертого этапа псевдосинкретизма пытались бескомпромиссно подавить рыночные процессы. *Из двух хозяйственных традиций, в полном согласии с инверсионной, антитетической логикой, была выбрана только одна.* Она имела массовую опору в крестьянстве, которое стремилось не к постоянному повышению эффективности своего воспроизводственного процесса, а к сохранению себя в некоторых приемлемых и привычных рамках. «Всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел своей продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда со степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи»³⁴. Уже в этом содержалась некоторая мина, подложенная под сталинскую версию псевдосинкретизма. С одной стороны, антикапиталистическая направленность открывала власти возможность опереться на натуральное докапиталистическое хозяйство, склонное к автаркии. Но в четвертой версии, как и во всем большевизме, была и другая сторона — стремление к модернизации. И здесь существование «естественного предела своей продукции», о котором говорил А. Чаянов, свидетельствовало о конфликте между властью и крестьянством. Власть пыталась преодолеть это несоответствие. Она стремилась построить свои отношения с любой производственной ячейкой на основе плана, т. е. тоталитарной директивы, несущей изменения, от которых ждали развития и прогресса.

ХРОМАЮЩИЙ ПЛАН

План строится как система изменений, предусматривающих рост и развитие. Тем самым, казалось, решалась задача соединения развития и предотвращения опасных изменений. Государственный план является некоторой системой взаимоувязанных показателей экономической и социальной жизни, которые обязательны к выполнению и должны обеспечить строго контролируемое и сбалансированное развитие. Но одновременно была сделана попытка восстановить традиционный тип управления обществом, когда необходимость строгого следования статичным нормам и ценностям защищалась государственной

³³ Стариков Е. Н. От Ивана до Петра// Знамя. 1992. № 5. С. 193.

³⁴ Чаянов А. В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М., 1923. С. 5.

властью, возникшей на определенной ступени традиционного общества. Возникла задача обеспечить строго контролируемые изменения. Такая система возможна лишь тогда, когда, с одной стороны, общество страшится перемен, видит в них фактор, повышающий дискомфортное состояние с его опаснейшими последствиями, с другой стороны, когда в обществе творческие силы значительно ниже тех требований, которые предъявляют растущие утилитарные потребности и удовлетворение которых государство берет на себя, т. е. обеспечивает то, что должно делать общество. Иначе говоря, ставились две несовместимые задачи: сохранение исторически сложившегося порядка и одновременно внесение в него потока существенно изменяющих этот порядок инноваций. Расколота ситуация контролировалась установлением фильтра на пути опасных изменений. Этот фильтр заключался в постоянном внесении директивных изменений, коррекций в сам директивный план, а потому и директивный план, и решения, формирующие его, приобретают хромающий характер.

Планирование было, по сути, псевдопланированием, так как оно строилось на основе навязывания плана исполнителю. Оно исключало и подавляло самое главное — творческую волю работника, стремление его к саморазвитию, самосовершенствованию, к поиску в каждой клеточке общества такого пути ее собственного развития, которое было бы нацелено на устранение раскола в обществе. Все это выхолащивало планирование до уровня примерных прикидок количественного роста. Отсюда двойственное отношение исполнителя к плану. С одной стороны, с планом нельзя не считаться, как с объективной внешней силой, как с волей тотема. Но, с другой стороны, надо всеми средствами уменьшить свою зависимость от плана, ускользнуть от его давления в сферу собственной жизни. Такая странная система могла возникнуть лишь как результат низких темпов роста творчества, обусловленных сильным влиянием синкретизма, враждебностью широких масс к своему творческому авангарду, в том числе к авангарду в сфере частной экономической инициативы. Отсюда мучительная, уродливая попытка правящей элиты взять на себя через директивный план функции творческого начала всего общества, создать один гигантский источник творчества, один двигатель развития и роста на вершине власти. Только высший носитель Правды — реальный субъект инноваций. Подобная система требовала авторитарных иллюзий о всемогуществе государства, партии, первого лица. Однако система планирования, сложившаяся на этой платформе, оказалась расколотой в самой своей основе. В

частности, она была не в состоянии преодолеть несоответствие между натуральной и товарно-денежной сторонами плана.

НОВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА

На основе партии нового типа складывался медиатор нового типа. Организация превращалась в средство, в гибкий инструмент достижения утилитарной цели. В данном случае медиационная задача должна была решаться на новой нравственной основе — на абсолютной вере в вождя. При Сталине завершился процесс восстановления разрушенного синкретического государства, принявшего беспрецедентные тоталитарные формы. Это государство — составная часть медиатора. Гибкость партии, ее способность бросать все силы на угрожаемые направления, изменяя соответствующим образом свои организационные формы, отличали ее от традиционного государства. Поэтому, хотя собственно государство оставалось необходимым, оно подчинялось партии, т. е. организации,¹ ставящей выше любых функций государства, выше любых целей решение медиационной проблемы. *Партия подчиняет себе государство в рамках медиационной организации нового типа, которая, с одной стороны, преодолевает жесткую неподвижность старого государства, а с другой стороны, не доросла еще до способности развиваться, совершенствоваться вместе с обществом.* Медиатор нового типа носил двойственный характер. Он пытался соединить жесткость организации с возможностью ее изменять на основе изменения конъюнктуры. В соответствии с новой версией псевдосинкретизма народ должен был поддерживать, питать организацию, создаваемую первым лицом, ограничивать свое творчество приспособлением к уже существующей организации, как в седой древности. Партия и вождь брали на себя функцию монопольного демиурга инноваций, с тем чтобы народ приспособивался к этому процессу, к различного рода организациям, безропотно преклоняясь перед ним.

Четвертая версия псевдосинкретизма представляет собой логический акт инверсионного колебания общества, определяемого силой исторической инерции. Но одновременно она есть выход за общие рамки традиционного ленинизма, охватившего лишь три этапа, три варианта господствующего нравственного идеала нового общества.

Ставка новой версии псевдосинкретизма на уравнивательные идеалы практически означала ориентацию на экстраполяцию крепостничества, сохранившегося в локальных мирах, на все общество. После временного отступления при нэпе этот про-

цесс начался с невиданной мощью. Ситуация изменилась и в том смысле, что теперь власть не была на стороне меньшинства, как это имело место при Столыпине. Власть не придерживалась непоследовательной, половинчатой позиции, как это часто было при Ленине. Теперь к власти пришли люди, четко и однозначно идеологически вставшие на сторону безоговорочной, бескомпромиссной борьбы с мировым злом, с богачами, «кулаками», со всеми, чье благосостояние, уровень творчества были выше некоторого уровня, принятого за норму. Причем превышение этой нормы рассматривалось как результат эксплуатации, нетрудовых доходов и т. д. «От трудов праведных не построишь хором каменных». Общество рассматривалось как гигантская натуральная община, как воплощение дорыночных отношений, окончательного поражения всяких попыток утвердить господство товарно-денежных отношений. *Власть и уравнительная часть общества сошлись на общей нравственной платформе.* Это дало гигантский эффект. *Сложилось то, что получило официальное название «морально-политического единства советского народа».* Власть и народ объединились в борьбе с мировым злом, которое, как казалось, проникло чуть ли не в каждый дом, каждую семью. Было великим счастьем, что страной управлял такой всемогущий и всевидящий вождь-тотем, в крайнем случае его потомок (что по сути одно и то же), от которого не мог укрыться никакой враг. Массовому энтузиазму не было предела.

Этот новый молниеносный возврат к крепостничеству имел исторические прецеденты. Не говоря уже о военном коммунизме, можно в этой связи напомнить о попытке контрреформ Александра III. Он «частично восстановил крепостное право, подчинив крестьян (в 1889 г.) почти произвольной власти земского начальника, назначавшегося по рекомендации местных помещиков из „потомственных дворян“». У крестьянина теперь опять был „барин“... Новый барин, как и старый, мог сажать крестьян в холодную по своему усмотрению, а пороть — через волостной суд, который был подчинен земскому начальнику. Некоторые стали пороть так усердно, что вызвали крестьянские беспорядки и угодили в конце концов под суд. *Но в общем сопротивление новому крепостному праву шло не из деревни»*³⁵.

В древнем обществе экстраполяция крепостничества на все общество не разрушала общину, локальные местные сообщества. Наоборот, синкретическое государство опиралось на эти первичную ячейку, на свою со-

³⁵ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932. С. 155 (курсив мой. — А. А.).

циальную, экономическую, нравственную основу. Здесь же произошло нечто принципиально иное, на что следует обратить особое внимание. Парадоксальным образом избивение наиболее активного меньшинства деревни в действительности оказалось неслыханным в истории погромом, террористическим ударом по всей социальной структуре деревни.

Для того чтобы понять, что, собственно, произошло в деревне в период господства сталинской версии псевдосинкретизма, следует обратить еще раз внимание на амбивалентный характер соборных институтов традиционной системы самоуправления, неотделимой от вечевоего идеала. С одной стороны, это были институты, функционирование которых идет снизу, из почвы, из глубин народной жизни. Они призваны эту жизнь воспроизводить, охранять. Почвенный характер этих институтов иногда толкает либеральную интеллигенцию к их оценке как демократических, что в принципе ошибочно. Соборные институты быстро переходят в авторитарные. Это выражается в истолковании тех или иных внешних и внутренних отношений как авторитарных, т. е. несущих власть одного полюса над другим. Это может касаться отдельного члена этого института, который живет с сознанием «против мира не пойдешь». Это касается самого сельского мира, который склонен подчиняться абсолютной власти внешней силы, например, барина или царя. Даже мятеж против власти не меняет сути этого отношения, но приводит лишь к смене одного источника авторитарной власти другим, одного тогема другим. Вспомним стремления крестьян избавиться от барина и всем стать государственными, т. е. царскими. Опыт истории советского общества раскрывает поразительную картину быстрого, подчас молниеносного превращения таких самостоятельных институтов, как советы, кооперация, в инструмент государственной власти, хотя и не слишком исправный.

Теперь настала очередь сельской общины. Лишенное наиболее развитой, авторитетной части своих членов, которые, как нарушители принципа уравнительности, подвергались избивению еще с начала века, крестьянство так и не заметило, как и когда раскол между двумя группами крестьян перешагнул в процессе избивания меньшинства границу между меньшинством и большинством. Раскол почвы шел дальше, через толщу самих сторонников уравнительности. Большинство отбросило, растоптало не только утилитарное меньшинство. За ним пошли те из вчерашнего большинства, которые по разным причинам, даже будучи бедняками, середняками, не хотели доведения уравнительности до обобществления орудий и средств производства, т. е. трактовали уравнительность

ограниченно. В принципе стремление к уравнительности не знает пределов, всегда есть возможность выделить новые признаки нарушения уравнительности, все более тонкие и все менее уловимые. Этот *ажитаж уравнительности* доходил до крайних форм, до ежегодных переделов земли, что удивляло даже выходца из крестьян М. Калинина. Крестьяне прибегали ко все новым переделам, так как не были удовлетворены «дележкой даже на самых справедливых, по их мнению, началах. Вера в возможность справедливого и равного наделения всех толкала крестьян к новым и новым переделам»³⁶. В принципе здесь не было ничего нового. В определенные периоды «крестьяне не столько работают, сколько проводят время в дележах» сенокосов, предназначенных для посева клиньев, писали очевидцы и участники в ответ на вопросы Смоленской губернской управы о причинах упадка сельского хозяйства и путях его поднятия³⁷. Борьба за уравнительность не имеет логического предела, так как в любой момент можно найти различия и превратить их в повод для конфликта. Попытка оправдать эту борьбу опасностью роста «кулака» — миф, результат поиска некоторого основания для практики уравнительности. «Ретропрогнозы социальной структуры деревни показывают, что даже при долговременном сохранении благоприятных условий хозяйственной деятельности потребовались бы десятилетия для того, чтобы сложился мощный слой зажиточных крестьян-предпринимателей... Представления о неизбежности разделения крестьянства на полярные группы под воздействием законов рынка, как показывают результаты моделирования, были лишены реальных оснований»³⁸. О том, что деревне не угрожала реальная капиталистическая дифференциация, писалось уже давно. Известный специалист по аграрным проблемам П. П. Маслов отмечал лишь в степных районах «некоторые явления дифференциации крестьянства. ...Только здесь крестьянское хозяйство принимало частью капиталистический характер... Впрочем, и в степях использовался труд преимущественно рабочих, пришлых с перенаселенного северного чернозема, а не местных крестьян»³⁹.

³⁶ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 63.

³⁷ Чернышев И. Л. Крестьяне об общине накануне 9 марта 1906 г. СПб., 1912. С. 14.

³⁸ Бородкин Л. И., Свищев М. А. Моделирование социальных процессов в среде крестьянства// Перестройка аграрного производства в СССР: проблемы и перспективы, м., 1990. С. 52-53.

³⁹ См.: Бруцкус Б. Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы// Вопросы экономики. 1991. № 9. С. 134.

Страх перед капитализмом можно рассматривать как симптом мании величия. В стране со столь высоким уровнем уравнительности басни об опасности капитализма вряд ли можно рассматривать как нечто большее, чем одну из форм модернизированного мифологического страха перед мировым злом.

КОНСЕРВАЦИЯ АРХАИЧНЫХ ФОРМ ТРУДА

В борьбе за уравнительность постоянно побеждали те, кто продолжал традиции «первобытного земледелия», и гибли те, кто искал новые, более прогрессивные, эффективные формы труда.

Аграрное движение в 1917-1918 годах, которое С. Максудов называет «антистольпинской революцией», громило не только помещиков, но и «стольпинских помещиков», т. е. выделившихся из общины крестьян. Уничтожали оставшуюся технику. Вот отрывок описания разгрома имения депутата Государственной думы Фирсова. «В сарае толпа остановилась перед сеялками и плугами. Каждому хотелось воспользоваться этими ценными для хозяйства вещами, но желающих оказалось так много, что поделить было невозможно... „Бей их, чтобы никому не досталось“, — крикнул кто-то, и в несколько минут плуги, сеялки и паровые молотилки были превращены в щепки»⁴⁰. Это был не случайный инцидент. «В аграрном движении 1905 г. и 1917 г., особенно в разгромах имений... особо тщательно уничтожались машины...»⁴¹. Борьба бедных против богатых скрывала под собой борьбу против прогресса труда, против очагов более совершенных, новых его форм. Давно было известно, что именно той части крестьян, которая владела собственной, а не надельной землей, «принадлежала инициатива в применении сельскохозяйственных улучшений: заведение травосеяния, усиленного удобрения полей, совершенствования породы скота и т. д.»⁴². Уничтожение этого слоя означало подавление точек роста развитых форм труда.

Это разрушение труда, производительных сил четко подмечала русская литература. М. Пришвин писал в 1930 году о так называемых «кулаках», что они не знали счета рабочим часам своего дня. Теперь же «работают все по часам, а без часов, не

⁴⁰ Неуслышанные голоса: Документы смоленского архива/ Сост. Максудов С. Мичиган, 1987. Кн. 1: 1929: Кулаки и партейцы. С. 23.

⁴¹ Дубровский С. М. Очерки русской революции. М., 1923. Вып. 1. С. 209.

⁴² Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 319, а также с. 365, 750.

помня живота своего, не за страх, а за совесть, только очень немногие»⁴³. Коллективизация была ударом по очагам более производительных форм труда, по людям, тяготевшим к ним. Годом раньше другой писатель описывал жизнь среднерусского уездного города: «Хозяиничали медленным разорением дореволюционных богатств, головоотяпством и любовно. Маслобойный завод работал — в убыток, лесопильный — в убыток, кожевенный — без убытков, но и без прибылей... Зимой по снегу, сорока пятью лошадьми, половиной уездного населения таскали верст пятьдесят расстояния — новый котел на этот кожевенный завод,— притащили и бросили — за неподходящестью, списав стоимость его в счет прибылей и убытков... Улучшали рабочий быт, жилстроительством; купили двухэтажный деревянный дом, перевезли его на завод и — распилили на дрова»⁴⁴. Объектом раскулачивания были прежде всего те, кто чем-либо значимо отклонялся от идеала уравнительности. «Брали не кулаков, а тех, кого называли дураками — работать любили». Сюда относились кузнецы, псаломщики, фотографы, которые создавали неравенство своим особым умением⁴⁵. Новое общество было последовательно. В любой социальной группе, на любом производстве оно искало носителей зла прежде всего среди реальных и потенциальных субъектов инноваций, более сложных форм труда. Это видно, например, даже при поверхностном анализе списков расстрелянных во время террора, печатаемых в «Вечерней Москве» с конца 1990 года. За период с 1934 по 1941 год численность заключенных с высшим образованием увеличилась в восемь раз, со средним — в пять раз, а удельный вес первых повысился в три раза, вторых — почти в два раза⁴⁶.

Этот натиск на носителей более совершенных форм труда объединил значительную часть трудящихся города и деревни с государством, что открывало путь к их единству и при решении других сложных проблем.

КОЛХОЗ-ОБЩИНА

Часть крестьян не хотела инверсионного превращения соборных институтов в авторитарные, в элемент авторитарной власти, но стремилась сохранить определенную независимость.

⁴³ Пришвин М. М. Мирская чаша. М., 1990. С. 103.

⁴⁴ Пильняк Б. Красное дерево// Дружба народов. 1989. № 1. С. 130.

⁴⁵ Можяев В. Мужик// Правда. 1990. 2 нояб.

⁴⁶ Земское В. Н. Гулаг (Историко-социологический аспект)// Социологические исследования. 1991. № 6. С. 14-15.

Большинство, постоянно отвергая одну за другой наиболее активные свои части, неуклонно ослабляло себя, открывало путь дезорганизации своих древних институтов. Большинство, слабея, в конечном итоге неизбежно обращалось к авторитарной власти, которая должна «всех равнять». Опираясь на этот процесс, власть не только смогла утвердить авторитаризм, но и, всячески разжигая конфликты внутри крестьянства, используя для этого изощренные, ориентированные на массовое манихейство ценности, сумела включить общину в систему власти, т. е. опереться на авторитарный аспект древней вечевой нравственности.

Овладев при этом условиями орудиями труда, власть получила возможность не только превратить продрозверстку в *повседневную практику*, но и *подчинить воспроизводственную деятельность потребностям общества, как их понимала правящая элита, диктатор-тотем*. Большинство, ставшее на сторону уравнительной архаики, тем самым вручило власть диктатору, который по их представлениям должен был сохранять эту уравнительность, т. е. «всех равнять» вопреки противникам такого порядка. В принадлежности к ним мог быть заподозрен каждый, как некогда каждый мог быть заподозрен в колдовстве.

Широко распространено ошибочное мнение, что коллективизация была чистым результатом насилия власти над крестьянами, которые все были против нее. Это мнение в культурологическом смысле является еще одной иллюстрацией старого мифа о тождестве зла и власти, от которой ничего, кроме насилия, бесовщины, дурости, ждаты не приходится. Власть не была в состоянии превратить крестьян в колхозников без опоры на общинные идеалы, без использования страха крестьян перед богачом. В стране, где крестьянство составляло большинство (в 1926 году в деревне проживало 82% населения), единодушное сопротивление коллективизации могло бы в единый миг смести государство с лица земли. Да и вряд ли нашлось бы правительство, которое попыталось совершить такой шаг, не будучи уверенным в значительной поддержке.

Существование массового недовольства крестьян, вплоть до восстаний, доказывает, что крестьянство было против начальства, но не против отца-тотема, который как раз и должен держать начальство в узде. А именно это Сталин умел делать. *Власть, установившаяся в стране в период четвертой версии, возможно, была самой почвенной за советское время*. Второе поколение правящей элиты черпало свои силы из почвы, которая постепенно заполняла собой все институты власти, всю партию, вплоть до ее высших органов, постепенно

избивая старую гвардию, которая в конечном итоге была перебита как «кулацкая агентура». Иначе говоря, хотя сама власть в результате раскола и выступала как противоположность народа, но это раскрывалось лишь в период упадка господствующего идеала.

Предпосылки коллективизации, даже в той части, которая сводилась к грабительской продразверстке, *вырастали снизу*. И. Бунин в 1918 году где-то в газете прочитал: «Крестьяне говорят: дайте нам коммуну, лишь бы избавьте нас от кадетов...»⁴⁷. Июльский Пленум ЦК 1928 года констатировал, что на местах в связи с нехваткой продовольствия имело место применение чрезвычайных мер и административного произвола — практика «обхода дворов, незаконных обысков и всякого рода нарушений революционной законности»⁴⁸, что квалифицировалось как «рецидивы продразверстки» и неспособность к применению «гибких форм регулирования торговли со стороны государственных органов» (например, «закрытие базаров») ⁴⁹. Хотя Пленум не одобрял такого рода действия, *стихийный возврат на местах к авторитаризму был налицо*. Возврат к продразверстке, к административному изъятию определялся всей атмосферой того времени. Угроза физическому существованию городов, армии толкала пронизанное манихейскими представлениями общество к крайним действиям. Общество, хозяйство, как они сложились к этому времени, не могли существовать без государства, обеспечивающего принудительную циркуляцию ресурсов. Массовый традиционализм, манихейство создали для этого важные предпосылки. Люди, не избавившиеся от остаточного дискомфортного состояния, увидели в колхозе надежду жить по Правде, возможность возложить на него свои беды и тяготы, нашли в нем внешнюю спасительную силу, которая ограждала бы их от бед.

Социокультурной основой колхоза была старая община с ее обезличенным землепользованием, которая тем самым разрешила свое внутреннее противоречие между уравнительностью и стремлением овладеть результатами прогресса. В 1929 году земельные обществу в полном составе, но без кулаков перешли в колхозы⁵⁰. Другой автор с завидной откровенностью пишет: «Самой характерной стороной эволюции общины (в советский период) на заключительном этапе было использование

⁴⁷ Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1990. С. 87.

⁴⁸ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1932). М., 1933. Ч. 2. С. 477.

⁴⁹ Там же. С. 477.

⁵⁰ Тезисы докладов и сообщений XV сессии Международного симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1974. Вып. 2. С. 197.

в практической деятельности социалистическим государством ее позитивных возможностей — особенностей социально-экономических отношений, классового расслоения, общинного коллективизма, социальной психологии крестьянства в интересах развития производительных сил сельского хозяйства и социалистического строительства. Учет позитивных возможностей общины проявился и в законодательном подтверждении и использовании ее прав, что способствовало политической изоляции кулачества, усилению политической активности трудового общинного крестьянства, постепенному переходу его на путь социалистического развития»⁵¹. Существует ряд западных исследований о преемственности общины и колхоза. Наша наука не проявляет должного интереса к этой проблеме. Вдумчивый исследователь И. Клямкин пишет: «Вспомним сцену раскулачивания в „Котловане“ А. Платонова. Вспомним жуткий, ничем не остановимый танец, исполняемый деревней, только что сплавившей по реке в никуда своих бывших односельчан. Жуткий, потому что мы знаем и то, что было потом. Пляска на собственных похоронах! Но это было... Большинство крестьян примирилось с коллективизацией, потому что безлошадные бедняки (свыше трети населения деревни) видели в „кулаке“ своего врага, а середняки в массе своей не успели „обуржуазиться“, не были готовы к конкретной борьбе на рынке, боялись его разоряющей стихии еще с дореволюционных времен. Потому что едва-едва вышли, а точнее — выходили только из патриархального и мелкотоварного хозяйствования. Потому что идея коллективизации чем-то напоминала хорошо знакомую и близкую общинную коллективность... Если крестьянин примирился с коллективизацией, если благословил удаление из деревни наиболее зажиточной и приспособленной к свободному рынку, хозяйству, наиболее „буржуазной“ части населения, значит, он, крестьянин, в массе своей был добуржуазным»⁵².

Природа общины и природа колхоза тождественны. Для общины прежде всего характерна «принудительность» всей структуры образа жизни, а также всего производственного цикла, «обязанность во всем беспрекословно подчиняться решению большинства», что «превращает общинника в безответственного раба „мира“». «При малейшем отчуждении от заведенного порядка „мир“ кричит на них: „не смей, жди“». Мир контролирует каждый шаг «хозяина», домохозяин «не может делать с землей то, что хочет», а должен слушать, «что гово-

⁵¹ Осокина В. Я. Социалистическое строительство в деревне и община. 1920-1933. М., 1978. С. 14.

⁵² Позиция: Литературная полемика. М., 1988. С. 363.

рит мир». «Все это делает для активных членов жизнь в общине сплошным мучением и истязанием». «Община убивает хозяйственную энергию». Общинник скорее арендатор, чем хозяин. «Наша деревня сохраняет тот тип и то устройство, какие были 300 лет тому назад»⁵³.

Каким же образом крестьянство в своей борьбе за уравнительность не остановилось на пути к собственной гибели? Крестьянство не было единым субъектом. Община не ценила личность и могла жертвовать ею, если казалось, что это помогало выжить целому. «Кулаков» подчас выбирали на миру по аналогии со старостой. Выбор обычно падал на бездетных, бобылей, «чтобы не пострадали детишки» (Ек. Олицкая). Аналогичный случай описан в первом глобальном периоде. «Убивца», выдачи которого требовала полиция, выбирали, так как на территории общины было найдено тело убитого.

Крестьянство, согласившееся на колхоз, видело в нем нечто иное, чем предполагало государство. Аналогичная ситуация была и при реформе 1861 года. Для тех крестьян, кто хотел вступить в колхоз, он был модифицированным, основанным на технике древним миром, где нет начальства и мироедов. Для власти же колхоз был в известном смысле чем-то прямо противоположным, т. е. попыткой организованного включения в медиатор основной массы населения, низшим звеном жесткой административной системы. Возможность такого разночтения коренится в явлении, которое можно назвать инверсионной ловушкой. Суть ее в том, что люди могут бороться за свой давно сложившийся нравственный идеал (например, за уравнительность) в условиях, существенно изменившихся по сравнению с существовавшими, когда этот идеал складывался. Результаты этой борьбы могут столь же отличаться от ожидаемых, как отличен древний мир с господством уравнительности от современного сложного общества, как сельская община отличается от большого общества, как традиционализм отличается от утилитаризма. Инверсионная ловушка приводит к социокультурному противоречию, когда древние культурные принципы сталкиваются с неадекватными им типами социальных отношений. Поэтому, борясь за уравнительную общину, вооруженную техникой, крестьянство попало в авторитарную казарму-общину, подчиненную тотему-диктатору. Если в сельском мире крестьянин сам был частицей соборного субъекта некоторого ограниченного круга людей, которых он знал в лицо, то теперь он стал атомом бесконечного субъекта, в котором он

⁵³ Чернышев И. Л. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г. С. 46, 22, 41. 42. 53.

мог функционировать как бесконечно малый объект манипулирования. Сбылась старая мечта об обществе-общине.

Для понимания природы колхоза следует прежде всего обратить внимание на поразительную способность всех соборных институтов одновременно подчиняться высшей авторитарной власти, что, по сути, и является возвратом к синкретическим вечевым идеалам и институтам. В этой связи следует вспомнить, что община не в первый раз попадает под авторитарное управление. Например, «феодализм не привел к разложению сельской общины, он только изменил ее характер, и из свободной, какой она была вначале, община сделалась крепостной. Крестьянин сохранил пользование своей землей, он остался общинником, каким он был в предшествующую эпоху; совершенно изменилось только его личное положение, и его общинные права должны были подчиниться требованиям службы и платежей, которые возложил на него его сеньор»⁵⁴.

КОЛХОЗ И АВТОРИТАРНАЯ ТРАДИЦИЯ

Колхозы подхватили старую традицию вмешательства в хозяйственную жизнь крестьянина не только общины, но и государства. «Крестьянский „мир" не был свободен даже в решении узкохозяйственных вопросов. ...Окружные начальники и их деревенские агенты не ограничивались надзором за ведением крестьянского хлебопашества и скотоводства, который был установлен законами 1838-1841 годов; они назойливо вмешивались в хозяйственную жизнь деревни, предписывая крестьянам держаться тех или иных цен на хлеб... оказывая влияние на частные сделки... отправляя на принудительные работы»⁵⁵. А. Энгельгардт писал в 1880 году: «Бац! — *обязательное постановление: сеять рожь не ранее 15 августа*. И вот земледельцы нескольких губерний должны, *обязаны* сеять озимь в известный срок по назначению начальников»⁵⁶. Эта традиция прослеживается в далекой истории, когда, как доносил приказчик вотчиннику, «да указал ты, государь, чтоб крестьянам не велеть никакой животины продавать; и они, г., животины продают с голоду...»⁵⁷; когда крестьянам навязывались гуси, утки, куры и т. д., с тем чтобы взыскать затем с них птицу с при-

⁵⁴ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939. С. 171.

⁵⁵ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. С. 127.

⁵⁶ Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987. С. 455.

⁵⁷ Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.; Л., 1929. С. 176.

плодом. Приказчик докладывал, что птицы «померли... к Москве, к тебе, государь, послать нечего»⁵⁸. Еще по указу 14 февраля 1761 года вводились обязательные хлебные запасы. В 1799 году был издан указ об обязательных сельских запасных магазинах, что приводило к отобранию части урожая у крестьян, к специальным общественным запашкам хлеба⁵⁹.

Коллективизация — повторение этого вторжения внешних сил в крестьянские сообщества, но в значительно более тяжелых условиях, осложненных расколом, массовым избеганием «врагов» уравнительности, ростом различного рода потребностей, стимулирующих попытки модернизации. Впрочем, речь идет не только о вмешательстве, но и о существовании исторически сложившихся форм, однотипных колхозам, задолго до нашего времени.

В Древнем Египте, в Шумере, Ангкорской и Инкской империях существовали похожие на колхозы типы сообществ. Например, в Древнем Египте «государство изымало и перераспределяло не только прибавочный, но и необходимый продукт вплоть до посевного фонда! Посевное зерно, так же как и скот, древнеегипетские „колхозники“ получали из казны. Урожай целиком поступал на государственные токи и гумна и лишь впоследствии подлежал „распределению“, в результате которого государство забирало себе 30% урожая...»⁶⁰. Соотнесение колхозов с опытом мировой истории, а не только со сталинским тоталитаризмом, является для нашей научной общест-венности необычным. По сути, этот подход должен стать тривиальным.

Однако совсем не обязательно искать зарубежные примеры прототипов наших колхозов. Они были и в России. Это прежде всего знаменитая «месячина» — система, когда крепостные полностью, каждый день работали на помещика, получая от него определенное содержание. Существует целый пласт различных крепостных форм, возникавших в России, которые П. Б. Струве называл *крепостным социализмом*. В их основе лежала «глубокая реальная связь... между крепостным правом или, точнее, строем, и крестьянским миром»⁶¹. Особенно яркий пример описан помещиком, который соединил вместе свою

⁵⁸ Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. С. 116.

⁵⁹ Игнатович. И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 11, 21.

⁶⁰ Стариков Е. Н. Как и под сенью древних пирамид, или О радателях колхозного строя с незапамятных времен и до наших дней// Социум. 1991. № 3. С. 22.

⁶¹ Струве П. Б. Попытка артельной организации крепостного хозяйства крепостных крестьян// Начало. СПб., 1899. № 1-2. С. 307, 316.

землю и землю крестьян, создал своеобразные бригады (сохи, или дружины), работавшие под административным управлением помещика. К моменту публикации этот опыт продолжался уже пятнадцать лет⁶². Без анализа этих попыток организации коллективных хозяйств в прошлом невозможно понять глубокие корни коллективизации. Однако, кажется, после Струве никто у нас не ставил этой проблемы. Струве писал, что «артель и мир оказывались почти всегда явно несостоятельными, когда им приходилось защищать слабых против сильных... Эти формы не только уживались с сильнейшим гнетом, но и развивались в связи с ним и в зависимости от него»⁶³. Колхозы, возникшие на костях «сильных», подтвердили эту мысль. Теперь место «сильных» заступило государство.

ОТКУДА БРАТЬ РЕСУРСЫ ДЛЯ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ?

Россия исторически сложилась как бедная страна, бедная не своими природными ресурсами, но бедная из-за неспособности превращать их в реальное богатство, которое можно использовать на удовлетворение реальных потребностей. Низкий объем прибавочного продукта, низкая производительность земледелия, связанная с плохими почвами, неблагоприятным климатом, коротким летним периодом, входили в противоречие со всей концепцией нового общества, которое пыталось воплотить в жизнь некий синтез западноевропейских утопий, с одной стороны, с крестьянскими утопиями и, с другой — с уравнительными стремлениями, сметающими новые формы труда. Нужно было искать ресурсы.

Еще в самом начале XX века, когда Россия вступила на путь индустриализации, возрастающим по важности источником ресурсов, технических идей, технологии, прямого финансирования стал Запад. Он создал целые отрасли промышленности в России в новое время. Мировая война велась также за счет значительных иностранных кредитов. Гражданская война велась в основном за счет ресурсов, накопленных до войны. После 1917 года важным ресурсом было имущество состоятельных классов. Теперь, однако, положение ухудшилось. С

⁶² Стрелюхов Н. Мысли о возможности улучшения сельского хозяйства в России, основанные на природе человеческой и на древних Российских обычаях// Земледельческий журнал. М., 1829. Т. XXV; *Он же*. Продолжение мыслей об общественном хозяйстве и о составлении хозяйственных товариществ// Там же. Т. XXVI.

⁶³ Струве П. Б. Попытка артельной организации... С. 318.

одной стороны, росли потребности, но с другой — истощались, исчезали старые источники ресурсов, не говоря уже о массовом подавлении более производительных форм труда.

Выход был найден. Крестьяне были превращены в объект постоянной экспроприации. Это было продолжением идущей с прошлого века бесконечной цепи экспроприаций богатых соседей, которые проводила сама деревня. В деревне имел место постоянный тренаж экспроприации, постоянная борьба за уравнительную справедливость. Люди, способные к такого рода деятельности, были в избытке в самой деревне. Кроме того, крестьянство традиционно было источником, поддерживающим своими силами государственные доходы. Выкачивание средств из деревни было старой традицией. «В доброй половине России главная часть населения, земледельческая, платила в казну больше, чем сама получала от своего главного занятия — земледелия; таким образом, излишек, необходимый для казны, этой части населения приходилось зарабатывать на стороне посторонними занятиями»⁶⁴. Эта ситуация подтверждается и другими исследователями. «Через 15 лет после освобождения крестьянин платил казне самое меньшее на 20% больше дохода своей земли, а очень часто в два и даже в три почти раза больше (до 27 %)»⁶⁵. По расчетам С. Н. Прокоповича, крестьяне при доходах на душу населения в 33,6 руб. имели расходы 48,84 руб.⁶⁶ Следовательно, крестьянство не имело резервов, которые можно было бы безболезненно изъять. Важно также отметить, что забранный еще до 1917 года хлеб власть превращала в валюту. За 14 предвоенных лет от экспорта хлеба было получено 7,3 млрд. руб.⁶⁷, хотя его производство на душу населения было значительно меньше, чем в США (в 2 раза), Аргентине (в 2,5 раза), Канаде (почти в 3 раза)⁶⁸.

Крестьянство при господстве сталинизма находилось в условиях реализованного идеала крайнего авторитаризма. Это открывало для власти соблазнительную возможность получать те деньги, которые крестьяне раньше выплачивали помещикам за выкуп надельной земли, за ее покупку и аренду. За «период капитализма» было выплачено более 10 млрд. руб. Однако эти деньги тратились непроизводительно. «Заслуживает специального изучения вопрос о том, в какой мере извлеченные у кре-

⁶⁴ Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. С. 145.

⁶⁵ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 84.

⁶⁶ См.: Дубровский С. М. Очерки русской революции. Вып. 1. С. 94.

⁶⁷ Ляценко П. И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927. С. 311.

⁶⁸ Ляценко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1950. Т. 2. С. 260.

стьян ресурсы в конечном счете оказались использованными для индустриального развития»⁶⁹. Здесь таилась большой соблазн изымать эти освободившиеся в результате избиения помещиков средства, но уже для индустриализации, для реализации мифов нового общества.

В этой связи представляют большой интерес исследования изменений хозяйственного положения крестьянства, в частности, социальных и экономических последствий сокращения отходничества после 1917 года, его влияния на фискальные ресурсы государства, на усиление его давления на крестьян. Представляется недостаточным анализ производственных возможностей крестьянства, в частности, в связи с существованием точки зрения, что для финансирования индустриализации было достаточно обеспечить с 1928 по 1940 год 2% ежегодного прироста зерна⁷⁰. Для сравнения можно указать, что урожайность зерна с 1801 по 1914 год повышалась на 0,5% в год⁷¹. Возможность достижения этих 2% прироста весьма проблематична с учетом того, что достижения сельского хозяйства до первой мировой войны в России определялись в значительной степени ростом занятых в сельском хозяйстве. Это не решало проблемы, не говоря уже о том, что на этот ресурс нельзя было рассчитывать в результате мировой войны и глубоких социальных сдвигов. Победа дорыночных сил не создавала условий для увеличения товарного хлеба. Лютая массовая ненависть к частному капиталу, к собственнику, к отрубникам также не создавала для этого никаких предпосылок.

Высшее руководство в критической ситуации пошло по пути, подсказанному опытом славного революционного прошлого. Сталин несколько раз в 1928 году говорил о том, что крестьянство разбогатело. Дзержинский в 1926 году исчислял рост накопления в деревне в 4 руб. на человека. В речи на июльском Пленуме 1926 года с полной откровенностью он говорил, что крестьянство «платит государству не только обычные налоги, прямые или косвенные, но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности — это во-первых; и более или менее недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты — это во-вторых. Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подь-

⁶⁹ Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность)// Вопросы истории. 1991. № 2. С. 56.

⁷⁰ См.: Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 86.

⁷¹ Чаянов А. В. Проблема урожая и опыт ее разрешения в развитии русской научной мысли// Проблемы урожая. М., 1926. С. 35.

ема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе крестьянство. Это есть нечто вроде „дани“, нечто вроде сверхналога»⁷². Разумеется, такая политика не могла долго продолжаться, так как крестьяне, как свидетельствовал опыт прошлого, в аналогичной ситуации не только сокращали производство, но и отказывались от реализации уже имеющихся продуктов. Отсюда выход — передача чиновнику решения вопроса о производстве и реализации, т. е. коллективизация.

Однако это был не только возврат к дореформенной эпохе 1861 года. Теперь была сломана иерархия прошлого глобального периода, включающая систему защиты от высшей власти, в частности, власть помещика, связанного с общиной, с крестьянами патриархальными отношениями. Теперь авторитарная власть в лице чиновников всех рангов дошла до каждого человека. Теперь не требовалось, как во времена примитивного военного коммунизма, шарить под полом каждой избы, теперь все прямо и непосредственно принадлежало колхозу, синкретически тождественному государству. И не государство от крестьян, а крестьяне от государства должны были получать хлеб. Заготовки непрерывно росли. Деньги, которые за них выплачивали, носили символический характер. В 1932 году крестьяне сдали четверть урожая, в 1933-1934 годах — более трети, в 1935 — почти 40 %⁷³. В январе 1933 года были установлены цены на сданное государству зерно и большую часть других сельскохозяйственных продуктов в 10-12 раз ниже рыночных⁷⁴. Экспроприация стала повседневною.

Среди крестьян начался голод (1931-1933 годы). По одним данным, от голода умерло 5-6 млн. человек, по другим — около 9 млн. (проф. С. Н. Прокопович). Науке известен лишь один случай еще более страшного голода (Китай, 1877-1878 годы)⁷⁵. Но зато гигантски вырос вывоз хлеба за границу. Если раньше голод ставил под угрозу существование городов, то теперь гибла деревня.

Правящая элита добилась посредством коллективизации исключительного успеха. Власть превратила колхозы в звено медиатора. Открылась возможность повседневно и неограниченного вмешательства в дела модернизированной общины.

Превратившись в колхоз, вечевая община, пройдя длительный путь борьбы за уравнительность, пришла к согласию на авторитарную власть чиновника. Крайнему авторитаризму

⁷² Дзержинский Ф. Э. Избр. произведения. М., 1967. С. 385.

⁷³ Каряков М. Живая история 1917-1975. 1977.

⁷⁴ Данилов В. П., Телцов Н. В. Коллективизация: как это было// Правда. 1988. 16 сент.

⁷⁵ Конквест Р. Большой террор. Т. 1. С. 38-39.

удалось то, что не удавалось еще никому в истории страны — приставить к общине такой насос, который мог высосать буквально все. Правящая элита нашла источник социальной энергии, ресурсов, которые позволили идти по пути дальнейшего нарушения закона соотношения хозяйственных отраслей, одновременно как будто ликвидируя столь беспокоившую Ленина «двойственность» крестьянина.

САМООТРИЦАНИЕ УРАВНИТЕЛЬНОСТИ

Крестьянство, оказавшееся в большом обществе, было ни культурно, ни организационно не подготовлено к нему. Последовательный разгром одной группы меньшинства за другой привел не только к тому, что община амбивалентно перешла к авторитаризму, но и к тому, что она деградировала, подчинив свою внутреннюю жизнь чиновнику. Крестьяне не имели форм политической организации, способной объединить их мощные силы на основе реальной альтернативы политике медиатора. Крестьянство в борьбе за уравнительность одерживало одну победу за другой и перешло через приемлемую для собственного существования меру, за которой уже лежала деградация и распад. Крестьянство попало в инверсионную ловушку. Оно вошло со старыми архаичными ценностями и представлениями о мире в большое общество, где необходима была новая культура, новые цели. Это имело для крестьянства, для общества, где они составляли большинство, разрушительные последствия.

Ослабленное многолетней борьбой за уравнительность, крестьянство пыталось ответить на экспроприаторские устремления государства бунтами. Осенью 1929 года были вспышки массовых возмущений в связи с «чрезвычайными мерами» на хлебозаготовках. Они распространились на всю страну, включая Центральную Россию, Урал, Сибирь. Советские танки впервые вступили в бой во время подавления этих восстаний. В 1930 году крестьянские волнения охватили Украину, Северный Кавказ, Воронежскую область, Западную Сибирь. Одним из последствий этих событий было усиление в стране атмосферы всеобщего ожесточения. В городах волнения воспринимались как попытки буржуазных оборотней повернуть к капитализму. Люди, поднявшие восстание, часто испытывали сильное колебание, переходя от поддержки колхоза к его разрушению, чтобы затем вновь вернуться к его поддержке. Среди восставших были люди, которые отвергали советскую систему. Но в целом крестьяне, даже восставшие против новой власти, никогда добровольно не участвовали в белом движении, оставаясь тем самым на уравнительной нравствен-

ной основе. А последствия этого были очевидны. Множество основанных на уравнительности общин нуждалось в отце, который бы всех равнял, т. е. в конечном итоге требовало авторитаризма. Поэтому неизбежно утверждалась система, в основе повторявшая прошлую, про которую Г. Плеханов говорил еще в 1889 году, что «наша сельская община» составляла «главную опору нашего абсолютизма»⁷⁶. (И это несмотря на то, что Плеханов исходил из марксистского тезиса о разложении общины и из того, что община делается «в руках сельской буржуазии орудием для эксплуатации большинства земледельческого населения»⁷⁷.) Следует добавить, что община — всего лишь одна из форм древних синкретических сообществ, и, следовательно, абсолютизм опирался не собственно на общину, а на синкретическую воспроизводственную социокультурную основу древних сообществ.

Главный трагический результат коллективизации, после гибели миллионов людей, — не катастрофический удар, нанесенный сельскому хозяйству, превышающий ущерб от последующей второй мировой войны, но *прежде всего кристаллизация архаичных форм труда*, что стало мощным препятствием на пути прогрессивных инноваций. Предполагалось, однако, что колхоз можно будет соединить с современной техникой и тем самым добиться невиданного эффекта. Колхозы, как и совхозы, можно рассматривать как попытку соединить общинную форму жизни с современной техникой. Это можно было трактовать и как попытку поднять архаичные структуры до уровня современной науки и техники, и как попытку вооружить архаичные структуры современной наукой и техникой. Решение оказалось вполне в духе псевдосинкретизма, постоянно отождествляющего противоположные полюса расколотого общества. Система оказалась консервативной и хозяйственно неэффективной, никак не склонной к экономическим методам. Вооруженный современной техникой традиционализм породил «могущество за счет развития»⁷⁸. Современная техника, которая стала внедряться в систему архаичных отношений и субкультур, не нашла там работника, способного положить в основу ее эксплуатации критерий максимальной эффективности, что предreshало неизбежное банкротство всего комплекса аграрного сектора. Именно в таких ситуациях с наибольшей остротой ощущаются результаты ликвидации духовной элиты, которая, несомненно, раскрыла бы всю гибельность этого пути.

⁷⁶ Плеханов Г. В. Сочинения. М.; Л., 1923. Т. 4. С. 53.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Гэфтер М. Я. В предчувствии прошлого // Век XX и мир. 1990. № 9. С. 30.

ПСЕВДОЭКОНОМИКА

Критики сталинизма, как кажется, сравнительно более снисходительны к индустриализации, чем к коллективизации. Индустриализация, по мнению многих, спасла общество от врагов, открыла путь к прогрессу и т. д. Между тем *индустриализация и коллективизация — две стороны одной медали, одного процесса*. И судить их следует одним судом. Причина коллективизации глубже, чем превращение продразверстки в постоянно действующую систему. Коллективизация открыла путь попыткам общества сохранить господство натурального хозяйства посредством постоянно углубляющегося нарушения закона соотношения хозяйственных отраслей. Коллективизация и индустриализация во всем обществе далеко зашедшей уравнительности и натуральных отношений в хозяйстве породили неслыханную в истории попытку посредством перманентной экспроприации двинуть вперед техническую цивилизацию, матрицируя технические идеи, образцы, приглашая специалистов «гниющего» Запада. Началось неслыханное насильственное неконтролируемое изъятие ресурсов из сельского хозяйства для осуществления грандиозных планов индустриализации, что должно было создать материальные предпосылки для победы над кривдой в космическом масштабе.

Действительно ли индустриализация создала предпосылки для могущества страны, для царства изобилия? Средства, изъятые из сельского хозяйства, предполагалось использовать для индустриализации, начатой еще в прошлом глобальном периоде. Индустриализация преследовала чисто материальные цели, производство определенного набора товаров. Набор этих товаров определялся не рынком, не спросом, но манихейской предпосылкой, верой в неизбежность столкновения с мировым злом, империализмом, который по своей природе из зависти и корысти на нас обязательно нападет. В качестве второй причины выдвигалась необходимость производства благ для народа, который поддерживал власть в надежде на Царство Божье на земле. Впрочем, до принципиального решения второй задачи дело не доходило, так как и без этого проедались все ресурсы, как человеческие, так и естественные. Индустриализация, следовательно, как и коллективизация, являлась формой развития хозяйства на доэкономической натуральной основе, что органически вытекало из победы крайней уравнилельной идеологии в условиях отсутствия рынка. Это развитие шло через постоянно углубляющееся нарушение закона соотношения хозяйственных отраслей, что привело к форсированному развитию псевдоэкономики, кото-

рая в результате коллективизации и индустриализации приобрела господствующий характер в хозяйстве. Остатки экономики были уничтожены, оттеснены в сферу базара, теневой экономики.

Система псевдоэкономики развивалась на вне- и доэкономической основе сложного, многоотраслевого расколотого хозяйства, зависимого от синкретического государства. *Псевдоэкономика возникает на основе попыток сочетать господство натуральных отношений в хозяйстве с одновременным стремлением к модернизации.* Эта система возможна лишь на базе господства архаичной государственной собственности на условия и средства хозяйственной деятельности, что создает основу для принудительного перекачивания ресурсов из одной отрасли в другую (например, от крестьян на строительство ритуальных сооружений). Подобная практика открывала возможность получения ресурсов для модернизации. Этот порядок может функционировать лишь в особых условиях, прежде всего при массовом согласии на передачу государству, чиновникам заботы о людях, функций, которые в экономической системе принадлежат самой личности, при массовом отказе от частной инициативы и согласии на господство тотема в повседневной хозяйственной деятельности. Псевдоэкономика была возможна, лишь если крестьянство не обладало способностью превращать свои специфические интересы в политическое движение, при условии преобладания в массовом сознании стремления к архаичной статичной государственности. Политика индустриализации означала прежде всего превращение крестьянства, не склонного формулировать и защищать определенную государственную политику, в средство получения ресурсов, в чистое средство, лишенное самоценности. (Именно эту особенность крестьянства — основу постигшей его катастрофы в большом обществе — славянофилы в свое время возводили в его достоинство.)

Одним из важнейших последствий патологической перекачки ресурсов было *резкое изменение структуры национального дохода.* Это можно признать *узловым пунктом развития псевдоэкономики.* В 1908 году общий фонд заработной платы в промышленности по отношению к создаваемому национальному доходу составил 54,8%, в 1928 году — 58,1%, в 1950 году он снизился до 33,4%. Во всех странах, где велся соответствующий статистический учет, этот показатель был не менее 60—80%⁷⁹. Но это означает углубление одного из важнейших признаков псевдоэкономики как хозяйства высокой

⁷⁹ Зайченко А. С. США — СССР: личное потребление (некоторые сопоставления) // США: экономика, политика, идеология. 1988. № 12. С. 13.

сложности, развиваемого на принудительной доэкономической основе. *Удельный вес личных доходов граждан в национальном доходе оказался ниже некоторого критического уровня, который позволил бы им через цены служить реальным субъектом товарно-денежных отношений. «Человеческий фактор» вытеснялся из хозяйства. Оно все больше превращалось в некоторый элемент гигантского обмена натуральных вещей по искусственным правилам.* Рабочие, как и крестьяне, не обладали средствами для давления на собственника, для изменения форм собственности с тем, чтобы заставить хозяйство быть более эффективным, и с тем, чтобы получать большую долю национального дохода. Но тем самым они лишали себя возможности быть регулятором рынка, обеспечивать реальную связь промышленности и сельского хозяйства, реальную возможность «смычки», оставляя все на откуп авторитарному архаичному принудительному механизму. Эта система несла в себе по крайней мере две мины: отсутствовал механизм, сдерживающий рост издержек, что истощало общество, порождало дистрофию, парализовало возможность реального повышения эффективности; цели, которые диктовались производству, ускользали из-под контроля общества и отдавались на откуп узкой группе, подчас на произвол одного лица, что открывало новые возможности для углубления и расширения раскола.

В этой системе цены играли роль, имеющую мало общего с той, что им обычно приписывалась от имени науки. Они, с точки зрения экономической эффективности использования ресурсов, носили случайный характер, но играли важнейшую роль как средство перекачки ресурсов между отраслями, между высшей властью, мирами среднего уровня (ведомствами, регионами), а также локальными мирами (например, предприятиями). Массовый потребитель с его стихийной сменной потребностей, не укладывающихся в «научно обоснованные нормативы», представляет собой дезорганизирующий для этой системы элемент.

Расширение масштабов псевдоэкономики приводило и к изменению социальной структуры общества. Люди бросали разоряемое сельское хозяйство и уходили в другие отрасли, куда перетекали ресурсы. Новая хозяйственная система, медленно подтачивая свои основания, однако, парадоксальным образом прикрепляла к себе все возрастающее количество людей. Люди, приспособившись к системе псевдо, тем самым защищали ее от всяких попыток изменения, не давали обществу повернуть на путь реального экономического развития. Новая патологическая хозяйственная система нашла свою завершающую форму.

Эта социальная патология создала основу для идеологически извращенных продуктов культуры, для низведения науки до уровня архаичных мифов, до уровня массового сознания. Например, процесс натурализации в экономической науке рассматривался как закономерный, необходимо связанный с построением социализма. В социализме видели особую высшую форму безденежного натурального хозяйства. Денежные отношения отрицались, о прибыли «не может быть речи»⁸⁰. Ведущие теоретики Л. Леонтьев, Ш. Турецкий утверждали правомерность тенденции натурализации: «Окончательное исчезновение категории цены, денег, рынка... означает организацию социалистического продуктообмена»⁸¹.

Новая невиданная система хозяйства наступала, неотвратимо и активно воздействовала на все сферы социальных отношений, идеологии.

КРАЙНИЙ АВТОРИТАРИЗМ ПОДАВЛЯЕТ ХАОС

Крайний авторитаризм распространялся, как лесной пожар, охватывая все общество. Это само по себе свидетельствовало о *всеобщей готовности его принять, об отсутствии в толще общества представлений о возможности остановить это смертоносное движение исторической инерции*. Победа машинной версии утилитаризма привела к всеобщему распространению крепостничества. Оно охватило не только правящую элиту и крестьян, но и все общество. Крепостничество в городах распространялось в виде *повсеместного введения принудительного труда* в более широких масштабах и более последовательно, чем это имело место в условиях господства умеренного авторитаризма.

VIII съезд профсоюзов в 1928 и XVI съезд партии в 1930 году ознаменовали новый этап превращения трудящегося в компонент, придаток производства. Он отдавался во власть начальства. Основная задача профсоюзов определена была как «организация, дальнейшее развертывание и закрепление социалистического соревнования и ударничества». С 1928 года существует плановое распределение молодых специалистов, которые *обязывались в течение трех лет работать в соответствии с указаниями плановых органов*. В 1930 году народный комиссариат труда получил право «перевода квалифицированных

⁸⁰ Липидус И., Островитянов К. Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. М.; Л., 1928. С. 170.

⁸¹ См.: Гатовский Л. М. О природе меновых связей на новом этапе// На новом этапе социалистического строительства. М., 1930. Т. 2. С. 52.

рабочих и специалистов в другие отрасли народного хозяйства или в другие местности». В 1930 году была введена уголовная ответственность за так называемое «злостное нарушение трудовой дисциплины». Администрации было дано неограниченное право перевода работников на другую работу. В 1932 году был издан указ, в соответствии с которым за день неявки на работу без уважительных причин трудящийся увольнялся, лишался права на продовольственную карточку и ведомственную жилую площадь.

Решающим рубежом политики закрепощения можно считать постановление ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 года «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов». В нем было сказано, что целью постановления является «лучший учет населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно полезным трудом (за исключением инвалидов и пенсионеров), а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов». Отныне без разрешения начальства, без прописки никто не имел права переменить место работы или жительства. Содержание Положения о паспортах было засекречено, известно лишь в объеме извлечений, приведенных в паспорте. Без паспорта человек был чистым ничто, иллюзией.

Государство, от которого человек получает паспорт, выступает как истинная сущность личности, а получение паспорта — как признание государством существования личности. Закрепощение приняло две формы. Одна, более гибкая, распространялась на лиц, обладающих паспортами, и давала некоторую свободу действий в рамках паспортного режима и действующего законодательства. Владелец паспорта мог по существующим правилам обменять квартиру или сменить работу с согласия начальства. Другая форма, охватившая колхозников, заключалась в том, что им паспорта вообще не выдавались. Это ставило человека в положение жестко прикрепленного к земле, к данному хозяйству. Эта масса населения лишена была права перемещения без соответствующей справки, выданной местными органами. Каждый был закрепощен за своим колхозом-общиной. Люди, в особенности заключенные, рассматривались как рабочая сила, как груз на транспорте и т. д. Провозглашенный в свое время интеллигенцией идеал творческого подъема обернулся рабским, подневольным, губительным трудом. Хотя нельзя утверждать, что хозяйственные потребности целиком определяли количество заключен-

ных в стране, все же такая зависимость существовала: «Не число реальных „преступников" (или даже „сомнительных лиц") определило деятельность судов, но — заявки хозяйственных управлений», — писал Солженицын⁸². Идея Ленина об «очистке земли российской от всяких вредных насекомых»⁸³ (от людей-насекомых!) приобретала зловещее воплощение.

В постановлении от 28 декабря 1938 года правящая элита вступила в бой с хаосом на производстве. В нем говорилось о людях, которые своей «недобросовестной работой, прогулами, опозданиями на работу, бесцельным хождением по предприятию в рабочее время и другими нарушениями правил внутреннего трудового распорядка и также частыми самовольными переходами с одних предприятий на другие разлагают дисциплину труда, наносят большой ущерб промышленности, транспорту и всему народному хозяйству... Они не работают полностью даже установленных часов рабочего дня, нередко работают всего только четыре или пять часов, растрачивая остальные два-три часа рабочего времени впустую... Когда летунов и лодырей выгоняют, они пытаются сутяжничать и, не работая, добиваются оплаты за якобы вынужденный прогул... Некоторые профсоюзные, хозяйственные, а также судебные органы проявляют недопустимое попустительство к нарушителям трудовой дисциплины и даже потакают им вопреки интересам народа и государства, решая зачастую вопросы о восстановлении на работе, о выплате пособия по временной нетрудоспособности, о выселении заводских квартир и т. д. в пользу летунов или прогульщиков. Большие злоупотребления имеют место также в практике использования отпусков по беременности и родам...»

Правящая элита видела выход в дальнейшем закреплении, в усилении внешнего давления на людей. Другие методы, связанные со стимулированием внутренней ответственности, исчезли из реальной политики. Вершиной процесса закрепощения был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года, который в ответ «на просьбу профсоюзов», без всякой иной мотивировки, удлинял рабочий день на час и вводил семидневную рабочую неделю. Вместе с тем отменялось увольнение как мера борьбы с прогулами, заменяясь уголовной ответственностью. Запрещался самовольный уход и перемена места работы. Руководители, не подавшие на прогульщиков в суд, сами подлежали уголовной ответственности. Одновременно было издано постановление правительства «О повышении норм выработки и снижении расценок». В том же

⁸² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 3. М., 1990. Т. 2. С. 385.

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 204.

году был издан указ «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий на другие». Старая практика продажи крепостных «без земли» вновь была восстановлена. Теперь, однако, она распространялась и на образованную часть городского населения. Дальнейший процесс закрепощения связан с ужесточением уголовного законодательства в отношении опоздавших на работу, нарушающих паспортный режим и т. д., что обеспечивало «Архипелаг ГУЛАГ» бесперебойным пополнением. Вторая мировая война усилила процесс дальнейшего закрепощения.

Впервые в истории российской государственности было как будто ликвидировано двоевластие, локальные миры, противостоящие медиатору. Ни Петр I, ни Ленин не могли решить эту задачу. Впервые возникла организация власти, где до самого низа сидели чиновники, чья жизнь, а не только благосостояние зависели от верности системе ценностей центральной власти. Все было подчинено идее авторитарного порядка. Авторитарная версия псевдосинкретизма получила организационное воплощение в относительно короткие сроки. Сумбурная конфликтующая многоголосица ленинских времен сменилась простой стройной системой, где все просматривалось, прослушивалось. Теперь можно было повторить за Петром I: «Не все ль неволею сделано?»

ЗАГАДКА ТЕРРОРА

Система такого рода требовала повседневного террора. Он возник раньше, но теперь достиг высшего совершенства. Каковы же причины этого неслыханного по масштабам явления?

Победа нового строя означала для его сторонников, что Правда содержит в себе необходимость собственного самодутверждения. Ленин в 1918 году считал, что «если теперь найдутся в России десятки людей, которые борются против Советской власти, то таких чудаков немного, а через несколько недель не будет и совсем»⁸⁴. Очевидно, что Ленин верил в возможность избежать серьезных столкновений и тем более террора. В первое время суды выносили мягкие приговоры и даже отпускали людей, опасных для режима. На первых порах большевикам казалось, что рано или поздно люди поймут, где Правда. Однако эти ожидания оказались тщетны. Реакция на отказ от Правды носила инверсионный характер. Крестьянин прошлого века А. Петров говорил, что помещика, вступившего

⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 307.

на крестьянскую землю, следует сначала гнать «добрым словом». И лишь если он не послушает, «сечь ему голову». Никакого промежуточного варианта инверсионное сознание не предусматривало. Нежелание людей прислушаться к «доброму слову» неизбежно расширяло круг тех, которым следовало бы «сечь голову». Иначе говоря, в соответствии с этим *принципом Антона Петрова* террор был неизбежен как инверсионный ответ на дискомфортное состояние, появившееся в результате неспособности Правды самоутвердиться. На эту ситуацию манихейское сознание отвечает экстремистским избиванием врага. Человек синкретически сливается с Правдой и утверждает ее через себя, себя через нее, избивая кривду. Существование такого сознания является условием террора, направленного на некоторую модификацию образа врага.

Причины великого террора лежат глубоко в истории страны, в специфической реакции расколотой культуры на труднейшие, непосильные для этой культуры задачи. Чтобы понять причину стремления власти к террору, можно было бы указать на исторические прецеденты. Например, массовый террор, своеобразная тактика выжженной земли применялись ассирийскими правителями еще во II тысячелетии до н. э. В IX веке до н. э. ассирийские цари использовали эту тактику при покорении соседних царств и племен⁸⁵. В этой жестокости не было необходимости с военной точки зрения. Ассирийское государство стремилось включить покоренные племена в государственную жизнь, заставить их внутренне согласиться с навязанным государством, с самим принципом государственности, приучить их к государственной дисциплине сословного общества. Для этого применялись методы истребления местного населения, которые, однако, в следующем веке были заменены переселением этносов в другие места, чтобы оторвать их от родных мест и сделать более податливыми. В результате было создано огромное государство, охватившее пространство от Египта до Западного Ирана.

Эта отдаленная историческая аналогия показывает, что государственность может для ослабления догосударственных слов применять средства *массового истребления населения, направленные не столько против конкретных лиц, сколько против всего населения, с целью сломить определенные формы его социальной организации, вытравить определенные элементы догосударственной культуры.*

Однако аналогия с Ассирией может дать материал для объяснения действий власти, но не рядовых граждан. В СССР

⁸⁵ См., например: История древнего мира// Под ред. Дьяконова И. М. и др. М., 1983. Т. 1. С. 190-191; М., 1982. Т. 2. С. 30-33 и др.

террор был направлен на людей, хотя и далеко не всегда довольных, но в принципе лояльных и не помышлявших об оппозиционной деятельности. Загадочность террора именно в том, что он был направлен на своих. Очевидно, это было возможно лишь в условиях массового шока, массового дискомфорта состояния, раздражения против злых сил, которые, несмотря на то, что их беспрерывно били и громили, якобы умудрялись лишь лучше и глубже замаскировываться и еще эффективнее вредить. Разрушение старых связей превращало отношения людей с окружающим миром в кровоточащую рану, каждое прикосновение к которой могло вызвать опасное возбуждение. Дискомфортное состояние усугублялось официальным прокламированием того, что социализм, идеальное общество уже построены, что воплощена вековая мечта человечества о конце извечного насилия истории над человеком, той истории, в которой до сих пор хозяйничала кривда. Практически эта идея воспринималась как необходимость ликвидировать некоторые недоделки. Ситуация, когда до счастья, до изобилия оставался «один поворот», когда на часах было без пяти минут вечность, увеличивала ярость против затаившихся оборотней, которые, предвидя свою окончательную гибель, усиливали вредительские козни. Разрушение привычных форм жизни в городе и деревне при одновременном росте оптимизма и веры в близкое светлое будущее, во все хорошее в мировом масштабе создавало *фантастическое нравственное напряжение, находившее разрядку в ярости против врагов народа, этих модифицированных оборотней.*

Превращение родившегося в бунте самоистребления в официальный террор означало, что всякий эмоциональный взрыв масс против каких-то врагов, неважно — каких именно, позволял государству расширить сферу и масштабы террора. Каждый, пусть небольшой, успех постоянно увеличивал террористические возможности государства, силы медиатора. Решение медиационной задачи на основе крайнего авторитаризма требовало ликвидации всякой возможности укрепления организации на основе локальных ценностей, требовало сопротивления превращению любой организации в крепость локализма. *Борьба велась не столько против определенных лиц, сколько против склонности каждого лица превратить любую организацию, от колхоза до политбюро, от воинской части до министерства, в особый локальный мир, противостоящий центру.* Это объясняется тем, что люди, пришедшие к власти и концентрировавшиеся на всех уровнях управления, вплоть до политбюро, знали лишь одну форму организации жизни — локальные сообщества, группы «своих» людей, с которыми

можно было установить эмоциональную близость. Но именно с этим наступающий авторитаризм не хотел мириться. Собственно, здесь лежала непосредственная причина террора против независимых от медиатора социальных отношений, очагов творчества, равнодушие его исполнителей к личности жертв террора, к их индивидуальной вине. Отсюда — не стремление выявить и покарать виновных, а борьба за выполнение *контрольных цифр террора*. Террор должен был постоянно разрушать очаги локализма в каждой точке общества.

Страх перед человеческим общением — смысл террора. Это подметил А. Изгоев в 1918 году: «Никогда в обществе социальные связи не были столь слабы, столь подорваны, как во времена официального царства социализма. Человек человеку волк — вот основной девиз этих страшных дней. Сотрудничество и общность были лишь во время преступления»⁸⁶. Солженицын пишет о замысле «огромной мешалкой перемешать все сто восемьдесят миллионов»⁸⁷.

Расширение террора на базе стихийного самоистребления означало, что *значительная часть населения признавала право на насилие над собой правящей элиты*. Это вытекало из древнего представления о приобщении личности к внешней, подчас капризной силе, требующей человеческих жертв. Признание такого права на насилие над собой содержалось в двойственном отношении к власти. Оно связано со страхом древнего человека отпасть от целого, страхом перед своей неспособностью найти внутренние основания для жизни, которые могли бы заменить те, что порождаются страшной, но необходимой силой внешнего авторитета: идола, государства и т. д. Типична ситуация, когда реакция на арест окружающих за анекдот, за неосторожное выражение была аналогична реакции на нарушение древнего обычая, ритуала, на оскорбление идолов. Виноват сам арестованный, который был неосторожен, поддался настроению и т. д. При этом *массовое сознание осуждало ритуальную, а не содержательную сторону поступков*, в данном случае — не содержание анекдотов, а неосторожность.

КТО ЖЕ ВИНОВАТ?

Слабость срединной культуры, неспособность людей разобратся в происходящем превращали манихейство в единст-

⁸⁶ Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм// Из глубины. М., 1989. С. 161.

⁸⁷ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 2.

венную основу для комфортного толкования событий. Это делало насилие над оборотнем, погром все более важными формами отношения личности к окружающему миру. Всякая попытка реализовать это стремление фактически превращалась в самоистребление, так как оборотнем оказывался каждый. Н. Бердяев еще в 1918 году писал: «Я знал, что в русском народе и в русской интеллигенции скрыты начала самоистребления»⁸⁸. Гигантские размеры приняла охота за шпионами, борьба с троцкизмом, о котором рядовой человек часто не имел ни малейшего представления. (Характерный случай, когда один зэк объяснял, что он посажен за то, что был трактористом. В действительности его обвиняли в троцкизме, но он не знал этого слова.) *В основе террора лежит массовая вера в мировое зло*, воплощающееся в конкретных лицах, которых можно изобличить и уничтожить; массовая вера во всемогущество зла, которое может овладеть буквально всеми. Отсюда правомерность безличной борьбы с мировым злом, уничтожения практически любого, так как ошибки не будет. Например, следователь верил в «общую версию виновности. Эту общую версию надо умело применить к данному лицу и создать версию конкретную»⁸⁹. Другой работник органов высказывается еще более четко: всеобщая виновность делает правомерным то, что люди отличаются только тем, что одни попались, а другие — нет. Поэтому попавшиеся не должны жаловаться. Проблемы личной вины попросту не существует, а значит, и террор не является преступлением.

Исследование А. Гуревичем аналогичных по своей сути явлений на Западе показывает, что «многие судебные преследования ведьм начинались под давлением населения, которое требовало расправы над виновниками обрушившихся на него бедствий: падеж скота, неурожай, внезапные заморозки, смерть ребенка, болезни приписывались злокозненным действиям тех или иных лиц, и виновных надлежало устранить. Сельское и городское население легко поддается панике, вызываемой слухами об отравлениях, действии сглаза, колдовстве». «...В преследование ведьм были втянуты самые широкие круги общества...» Для крестьян XVI-XVII веков «враг был рассеян повсюду». «Известны многочисленные случаи, когда инициатива в гонениях на ведьм принадлежала жителям деревень, и прихожане обращались к властям с требованиями искоренить ведьм, не останавливаясь перед расходами...» Люди твердо знали, что «беда не может быть объяснена простой случайностью или одними естественными причинами,— здесь непре-

⁸⁸ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 6.

⁸⁹ Рыбаков А. Н. Дети Арбата// Дружба народов. 1987. № 4. С. 100.

менно должна была проявиться и чья-то злонамеренность, выразившаяся в магических, колдовских действиях, и было нетрудно заподозрить в качестве виновного то или иное лицо, репутация которого была безупречна или отношения с которым были натянуты». «Крестьяне и горожане оказывали давление на власти, требуя расправы с ведьмами, и ликовали при виде костров, на которых их сжигали», «Нужен был „козел отпущения“, некая фигура, на которую можно было возложить свои страхи и грехи (в том числе и свое собственное участие в магических ритуалах) и преследование которой вернуло бы деревенскому коллективу чувство здоровья и внутреннего благополучия». «Тот факт, что обвинения в черной магии сплошь и рядом выдвигались по инициативе сельских жителей, несомненно служит показателем трений и конфликтов внутри общины». «Факт остается фактом: во второй половине XVI и в XVII в. массы людей были охвачены страхом, побуждающим их искать виновников своих невзгод в соседях и доносить властям об их фантастических преступлениях»⁹⁰. А. Чижевский писал в 1927 году: «Обвинения против колдунов и колдуний случались тогда, когда страну постигали какие-либо бедствия и нервная возбужденность населения повышалась»⁹¹. В России, однако, подобные борцы со злом становились официальными лицами и выносили соответствующие приговоры от имени государства. Важнейшее различие заключается в том, что на Западе все подобные коллизии разыгрывались в рамках устоявшейся государственности, опирающейся на уже сложившееся христианство. В России дело обстояло наоборот. Массовое язычество сокрушило государство, тяготеющее к христианству, и новое государство мучительно пыталось институционализировать разрушительную активность традиционализма, испытывающего сильнейший дискомфорт.

Все физические явления древние славяне объясняли действием скрытых сил «богов или демонов», но к жизни эти силы вызывались «мольбами, заклинаниями и чарами вещей людей». Здесь видно чисто мифологическое представление о человеке, обретающем силу в результате его приобщения ко внешней среде. Зло в человеке, в сущности,— результат приобщения личности к внешней силе зла. Вера во всемогущество зла была исключительно велика. А. Афанасьев сообщает, что «крестьяне до сих пор убеждены, что колдуну стоит только захотеть, как тысячи народов падут жертвами смерти». Отсюда,

⁹⁰ Гуревич А. Я. Ведьма в деревне и пред судом// Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 14-15, 22, 34, 36, 38, 42, 44.

⁹¹ Чижевский А. Психические «эпидемии» и солнечные «взрывы»// Родина 1992. № 4. С. 29.

естественно, стремление разоблачить и уничтожить злые силы, с тем чтобы спасти себя и своих близких. Оборотнями могли быть даже близкие родственники. В XI веке вера в возможность оборотней вызывать голод, уничтожать урожай, делать безуспешным промысел рыбаков и охотников была так велика, что люди «сами выдавали на побиение своих матерей, жен и сестер». «Женщин, заподозренных в чародействе и похищении дождя и земного плодородия, жгли, топили и зарывали живьем в землю». Гуцулы топили ведьм еще в 1827 году. Сам акт уничтожения оборотней должен был возратить земле дождь и плодородие. Афанасьев приводит свидетельство Котошихина, который сообщает, что «мужчин за богохульство, церковную татьбу, волховство, чернокнижество и ереси сожигали живых, а женщинам за те же преступления отсекали головы». «В старину ни одно важное дело не обходилось без обвинения в чародействе»⁹².

Глубокие массовые основы террора лежали в древней враждебности локальных сообществ ко внешнему злу, в страхе перед всем, что лежит за пределами «Мы», в страхе перед оборотнями, которые постоянно прячутся среди людей. Это верно для всех народов на определенных этапах их развития. Исследования показывают, что «вера в оборотничество — характерная черта восточных славян». В оборотнях воплощаются зло, несчастье, горе, они «в русской народной поэзии, особенно в сказках... могут иметь образы как людей, так и животных»⁹³. Поиск носителей зла среди окружающих людей — постоянная задача архаичных обществ, значение и масштабы которой могут резко возрастать в периоды кризиса, слома комфортного мира. Факты расправ с оборотнями многочисленны. Например, в летописи говорится о сожжении 12 ведьм в Пскове в 1411 году. Известны факты, когда к сожжению на костре еретиков приговаривала боярская дума⁹⁴. Стольник А. И. Безобразов из старинного рода был казнен в 1690 году. Обвинение включало «злоумышление против царя через волшебство... Ворожившие в пользу Безобразова коновалы были сожжены „в срубе“. Его холопы, чувствуя предстоящее падение вотчинника, потянулись „в приказ Розыскных Дел“ с „известиями“ „про злой умысел“ Безобразова „на здоровье“ великого государя и его матери царицы „в волшебном воровстве“, за что некоторые из них получили по 100 рублей»⁹⁵. В

⁹² Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избр. статьи. М., 1982. С. 415-417. Большой материал об оборотнях см. в главе «Процессы о колдунах и ведьмах».

⁹³ Карский Е. Ф. Белорусы. М., 1916. Т. 3. Кн. 1. С. 43.

⁹⁴ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 512.

⁹⁵ Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. С. 29, 65.

Воинском Уставе Петра I за чародейство полагалось сожжение. Историк В. Татищев в своей истории России рассказывает, что он спас женщину от сожжения в 1714 году. В XVIII и даже XIX веке обвинения в колдовстве достаточно многочисленны. В XVIII веке известны случаи «разоблачения» и сожжения людей как упырей⁹⁶. Розыск ведьм мог завершаться закапыванием живой женщины для прекращения моровой язвы, а также сожжением живого человека для той же цели⁹⁷. В 1855 году была закопана в землю живая старуха в Новорусском уезде для прекращения холеры, а в 1864 в Харьковской губернии суд призвал в качестве эксперта знахаря, который и изобличил ведьму, обвиняемую в порче коровы. Собравшиеся крестьяне ее жестоко избили, а суд приговорил уплатить за корову. Ефименко цитирует документ, в котором говорится о том, что многих женщин сожгли⁹⁸. В периодике конца XIX века можно найти информацию об убийствах колдунов⁹⁹, о сожжении ведьмы в Сухумском округе, разоблаченной ворожеей¹⁰⁰. Все это не обходилось без активизации массовых представлений о том, что разрешается убивать еретиков как врагов божьих¹⁰¹. Но наказание изобличенных могло носить и более мягкий характер¹⁰².

Страх перед внешними опасностями мог выразиться в самых зверских формах. Многочисленные сообщения в газетах конца прошлого века говорят о самосудах над подозреваемыми в кражах и поджогах.

Подобные обвинения были необходимым элементом повседневной жизни, составной частью принимаемых решений. В каждом селении были люди, которые могли в кризисной ситуации рассматриваться как носители зла. Например, при всякой повальной болезни и падеже скота обрекали на смерть женщину, заподозренную в злом волшебстве. Один из героев Гоголя считал всех старых женщин ведьмами («Вий»). В этой ситуации могли возникнуть и самооговоры. В такой атмосфере само представление о ложном оговоре теряло смысл. Для синкретического сознания важно было не только изобличение

⁹⁶ Ефименко П. Упыри// Киевская старина. 1883. Т. 6, июнь. С. 371.

⁹⁷ Селецкий А. Колдовство в Юго-Западной Руси в XVIII ст.// Там же. 1886. Т. 15. С. 210-213.

⁹⁸ Ефименко П. Суд над ведьмами// Там же. 1883. Т. 7, ноябрь. С. 382-383.

⁹⁹ Внутренние известия// Русский курьер (Самарская губ.). 1880. № 46; см. также сообщение Белястина в «Новом времени» (1880, № 1436).

¹⁰⁰ Сожжение колдуньи// Губернские ведомости. 1889. № 39.

¹⁰¹ П-ъ И. Усинские старообрядцы// Русские ведомости. 1881. № 210.

¹⁰² Наказание по подозрению в волшебстве (Конопольский уезд)// Северный вестник. 1877. № 188; Порядок (Хоперский округ). 1881. № 26; Самосуд над колдуньей// Киевские губернские ведомости. 1882. № 67.

конкретного виновника зла. Сам акт уничтожения обвиняемого должен был то ли ослабить силу зла, то ли, как и всякая жертва, умиловать зло. Само возникновение представления о ложном доносе означало, что в обществе появились люди и институты, уже противостоящие этим мифологическим воззрениям. Есть свидетельства, что в XVIII веке суды уже вели борьбу с оговорами. В 1714 году плотничья жена Варвара, взятая к допросу, повинилась, что умышленно пыталась обвинить своих недругов в том, что они наводили порчу. В синкретическом сознании слово не отделялось ни от объекта, ни от оценки этого объекта и, следовательно, уже несло в себе определенную нравственную оценку, определенный приговор. Очевидна неадекватность архаичных представлений сложным проблемам большого общества, что в конечном итоге имеет разрушительные последствия.

«ЭТО НЕ ЛЮДИ, ЭТО КУЛАЧЬЁ»

Древние представления о добре и зле постепенно усложнялись и могли приобрести характер определенной социологической конструкции. Например, духовными христианами вся история рассматривалась как борьба двух родов — Каинова, т. е. сынов погибели, и Авелева, т. е. людей божьих. Еще Аввакум рассматривал социальный конфликт как борьбу Каина и Авеля. Люди из Каинова рода характеризуются тем, что «в оскудении плодятся у них всяких родов хитростей, лукавства, притворства, лицемерия, несправедливости, обманы, клеветы, поношения, суждения одного перед другим, грызения между собой» и т. д. Этому Каинову племени противостоит «новый человек», носитель добра. Люди такого рода — «чады божьи», которые находятся «во всем мире в разсеянии». Это, в сущности, модернизация старых идей о людях и нелюдях. Ведь люди Каина, в сущности, — нелюди. К ним применяются такие слова, как «волчьи», «песьи» и т. д.

В условиях псевдосинкретизма эти представления оказались важной предпосылкой террора, когда говорили: «Это не люди, это кулачье», когда кричали высылаемым: «Вы проклятые»¹⁰³. Налицо идущий из древности манихейский взгляд на причины социальных неурядиц, доживший до двадцатого столетия. Вот выдержка из газеты М. Каткова. После покушения на царя слесарь «с закопченными руками» говорил: «Спуску много давали. Всех бы передушить... Десяток невинных пропало бы задаром, зато, может быть, от сотни и больше злодеев царских

¹⁰³ Гроссман В. С. Все течет// Октябрь. 1989. № 6. С. 76.

избавили бы Россию»¹⁰⁴. При Сталине изменение коснулось лишь стремления передуть не сотню, а десятки миллионов.

Террор мог процветать лишь в условиях активизации массового страха. Между тем «страх есть господствующий элемент в крестьянской жизни; религия и земные власти действуют на мужика страхом, таинственные явления природы, могущие в каждую данную минуту пустить его по миру (град, ливень, гроза, засуха и пр.), заставляют его пребывать в постоянном трепете; не мудрено, что мужик, испытав на себе воспитательное значение страха, научается действовать, в случае нужды, на других преимущественно страхом же». Отсюда дикое самоуправство. «Очень немного удольских общественников было твердо уверено в виновности ссылаемых лиц; большинство же, вероятно, рассуждает так: „кто их знает, може они, а може и не они; во всяком разе, острастку им дать не мешаеет“»¹⁰⁵. Важнейшие параметры процедуры террора являются результатом экстраполяции на нее архаических ценностей. Например, известный принцип сталинской юстиции, что собственное признание подсудимого является главным доказательством вины, господствовал в волостных судах, созданных в 60-х годах прошлого века¹⁰⁶. Своим истоком этот принцип имел традиции древней (и в частности — средневековой) юриспруденции.

В моменты величайшего кризиса имел место мощный выброс страха в общество вплоть до вершин власти. *Страх — не результат запугивания, не чистая физиология. В обществе страх — элемент культуры, особый тип социальных отношений.* Что может быть страшнее гибели в лагерях людей, которые не совершали реальных проступков? Между тем миллионы не сопротивлялись. Эти люди относились к событиям, как к стихийным, независящим от них явлениям, как к землетрясению. Вместе с тем была громадная вера в вожда, в начальство, которые рано или поздно разберутся «по справедливости».

Нет свидетельств, подтверждающих, что все, кто был причастен к террору, работали из страха. Все говорит об обратном. В терроре как бы воплощалась высшая Правда, он воспринимался как последняя очистительная битва высшей Правды со злом. Писали доносы и расстреливали, искренне полагая, что исполняют великий долг, участвуя в исторической битве со злом. А. Солженицын приводит эпизод с чс-

¹⁰⁴ Московские ведомости. 1879. 19 апр.

¹⁰⁵ Астырев Н. М. В волостных писарях. Изд. 3-е. М., [б. г.]. С. 285-286.

¹⁰⁶ Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. СПб., 1877. Т. 1. С. 410-412.

кистами Осетии, которые, получив разверстку по республике расстрелять 500 человек, предложили встречный план и добились разрешения на расстрел еще 250 человек «сверх плана»¹⁰⁷. Здесь явный энтузиазм. Нельзя не согласиться с Солженицыным, что «даже сам Сталин начинает казаться лишь слепой и поверхностной исторической силой»¹⁰⁸. Люди, находящиеся во власти древних представлений, не знали, что они одним движением могли бы все изменить. «Зэкам никак не может придти в голову, что общий ход событий можно было бы изменить»¹⁰⁹. Люди были равнодушны к судьбе друг друга. «Что сменили всех областных вождей — так для нас это было решительно все равно. Посадили двух-трех профессоров, так мы с ними на танцы не ходили, а экзамены еще легче будет сдавать»¹¹⁰. Разве не отрекались жены от мужей, дети от родителей? Как могли люди так легко пожертвовать естественными привязанностями в угоду этой безумной всепожирающей силе? Растерявшие старые социальные связи, утерявшие веру в них, люди готовы были видеть врага в любом, даже близком человеке. В. Гроссман показывает, что те, кто раскулачивал, были «все свои же люди знакомые»; «кто отбирал хлеб, большинство свои же...»¹¹¹.

После Великой реформы общий страх перед изменением социальной ситуации усилился, что выразилось прежде всего в активизации древней общины, стремлении защитить себя от внешнего мира, где расширялась сфера товарно-денежных отношений, требующих изменения всей системы социокультурных взаимосвязей, изменения содержания, характера труда, перехода к его более сложным формам. Активизация архаичного локализма имела одним из своих аспектов усиление страха перед внешними скрытыми и явными оборотнями, активизацию поиска врагов. Это открывало путь для демагогов, доктринеров различных мастей брать на себя функцию разоблачителей этих оборотней. Впрочем, крестьяне и сами знали своих врагов. Уже на первом съезде Крестьянского Союза в 1905 году зал поддерживал высказывания, что «кулаки еще хуже помещиков»¹¹². Большевизм выставлял в качестве главного носителя зла коварного либерала. Г. Зиновьев еще до

¹⁰⁷ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 1. М., 1990. Т. 1. С. 60.

¹⁰⁸ Там же. С. 58.

¹⁰⁹ Там же. Т. 2.

¹¹⁰ Там же. Т. 1.

¹¹¹ Гроссман В. С. Всё течет. С. 75, 78.

¹¹² Материалы к крестьянскому вопросу: Отчет о заседании делегатского съезда Всероссийского Крестьянского Союза. 6-10 ноября 1905 г. Ростов-на-Дону, 1905. С. 7.

переворота писал: «Контрреволюция милюковская — вот подлинный враг, вот главный враг»¹¹³. Во время гражданской войны врагов нового государства называли кадетами. Слово «кадет» — сокращенное наименование члена русской либеральной партии — воплотило ненависть к либеральной интеллигенции, к поборникам нежелательных перемен, к защитникам старого строя.

Слова «кадет», «кулак», «подкулачник», «вредитель», «враг народа» и т. д. конкретизировали носителей зла, сообщая видимость бесспорности факту их принадлежности к злу. Фактически достоверность была на уровне плаката, где носители зла изображались в виде определенного символа, без конкретных человеческих признаков, которые лишь мешают распознать врага. «Кулак», т. е. носитель зла, например, всегда изображался толстым (традиция, которой держался еще Аввакум). Слова «вредитель» и ему подобные определяли безграничную злобу и коварство кривды, мировой буржуазии, якобы подкупившей тех, кого называли вредителями.

Превращение древних представлений в господствующие в условиях машинного производства и государственности в обществе с большим разнообразием социальных групп и профессий не могло не привести к фантастическим последствиям, к миру, где древние оборотни вышли из лесов и рек и заполнили городскую жизнь. Как, например, можно истолковать на языке вечной борьбы Правды и кривды проблемы организации и технологии промышленного производства?

Оказывается, можно. Например, процесс «Промпартии» (1930 год) пытался показать всем злые силы, которые виновны в дезорганизации промышленности. На процессе доказывалось существование единого организованного руководящего центра вредительской работы в основном управленческом аппарате всего народного хозяйства. В обвинительном заключении говорилось о многочисленных вредительских организациях, о длительном периоде их существования, об их внутренней организованности и спайке, об их постоянном контакте с зарубежными контрреволюционными организациями, с бывшими собственниками национализированных предприятий, о связи с международным капиталом. Указывалось, что вредительские организации не могли осуществлять свои замыслы «без помощи извне». Социальной базой вредительства были «политические настроения в рядах старого инженерства, колебавшегося обычно в границах от кадетских до крайне правых монархических убеждений» (показания Л. Рамзина). Подсудимым вме-

нялась в вину вся бесконечная система неурядиц производства, которые присущи советской системе на всех этапах ее существования. Все это затрагивало основные, ведущие отрасли промышленности, а через них — и все хозяйство. Таким образом, вредительством, т. е. современной модификацией злобной кривды, объяснялись все обычные неполадки. Это объяснение важно было тем, что оно было понятно массам, объясняло, почему никак не восторжествует Правда. Оно сплачивало народ вокруг власти как гаранта против злых сил, цементировало синкретическое государство, усиливало поток получаемой властью социальной энергии. Но эта форма коммуникаций власти и народа имела роковую слабость. Она лишь усиливала дезорганизацию на производстве и в стране. Она не имела ни одного атома конструктивного смысла. Древнее видение мира, древний язык органически требовали избиения оборотней, а не творческого созидания. Этот язык был связан с древней системой конструктивной напряженности, препятствующей развитию, совершенствованию.

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ПОГРОМА

Террор возник на улицах как средство расправы с представителями старой власти, с буржуазией, с полицией и т. д. Его потенциальные возможности были заложены в страхе крестьян, замкнутых в своих локальных мирах, и в их вражде к чуждому внешнему миру. Во время бунтов избиение представителей власти, включая и своих «выбранных», было распространенным явлением. Привыкшие к изуверству и «дешевизне» человеческой жизни, крестьяне и сами были пропитаны жестоким безразличием к человеческой личности. «Что за беда, если и 10 человек будет убито», — сказал один из крестьян Ирбитского уезда (1842)¹¹⁴.

Партия нового типа пыталась стать организационной формой этой ярости народной. Она приспособливалась к своим целям, стремилась использовать эффект парусника. После захвата власти большевиками разнuzданный уличный террор продолжался и нес в себе угрозу новой власти. Эта сила должна была быть поставлена на службу новому обществу. В докладе правительству глава карательных органов Ф. Дзержинский писал: «Полагая, что накопленная веками ненависть революционного пролетариата к своим угнетателям поневоле выродилась бы в ряд стихийных кровавых эксцессов, которые

¹¹⁴ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. С. 480.

смели бы с лица земли как наших врагов, так и наших друзей, я поставил себе задачей систематизировать производство репрессий революционной властью. В течение всего прошедшего времени ЧК была поэтому не чем иным, как разумной и целесообразной организацией революционного пролетариата» (17 февраля 1922 года). Аналогичная мысль была высказана во время Французской революции Ж. Дантоном, который под влиянием массового стихийного террора призвал организовать террор в государственном русле, заявив: пусть будем страшными мы, а не массы¹¹⁵.

Медиатор институционализировал погром, превратив его в организованную машину террора, пользующуюся всенародной поддержкой. Миллионы людей, взвинченные разрушением своего образа жизни и несбывшимися надеждами, составлявшие идеальную основу для власти, придававшие этому процессу организованную форму, направили ее на укрепление государства, механизма принудительной циркуляции ресурсов для повседневной борьбы с локализмом, с «жидким элементом русской истории», с самой возможностью уклониться в любой точке общества от крайнего авторитаризма. В террористической деятельности власти сквозит страх, навеянный опытом многих поколений, стремившихся истребить правящий класс. Делались попытки «прореживать» население, впрочем, при его полной поддержке, так как эта практика интерпретировалась как борьба с мировым злом.

Опыт Запада также подтверждает, что движущие силы массового террора шли из народной почвы, отвечавшей таким образом на дискомфортное состояние. В средневековой Европе массы могли быть в первых рядах борцов с еретиками. Церковь здесь скорее следовала за народом, чем вела его за собой (Р. Манселли. Рим). В Западной Европе в конце XV и в XVI веке укрепившийся абсолютизм «все более решительно и разносторонне вмешивается в жизнь крестьянства. Самосуды над ведьмами, которые подчас устраивались в сельской местности, пресекаются, ибо центральная власть монополизировала судебные и полицейские функции и не терпела неподконтрольной ей местной инициативы. Отныне расправа над ведьмами осуществлялась государственными судьями...»¹¹⁶. Разумеется, здесь нет полной аналогии с Россией, где старая власть пала жертвой архаичного взрыва, направленного против оборотней, проникших на высший уровень власти, вплоть до царя. Новая власть формировалась как попытка внести в мас-

¹¹⁵ Великая французская революция и современность. М., 1990. С. 32.

¹¹⁶ Гуревич А. Я. Ведьма в деревне и пред судом// Языки культуры и проблемы переводимости. С. 45.

совую борьбу с оборотнями элемент организованности, который означал бы одновременно укрепление этой власти. На Западе функцию борьбы с оборотнями взяла на себя уже существующая власть, постепенно затормаживая крайние проявления массовой тревоги, возникшей в эту эпоху в Европе. Общим является то, что *террор возник на основе массового страха, дискомфорта состояния, с которым локалистское сознание может столкнуться в большом обществе. Эта тревога была неотделима от враждебности к чужим.* «Русский рабочий, конечно, был прав, когда в каждом не своем видел скорее врага, чем друга», — говорил на одном из судебных процессов 1922 года Н. Крыленко¹¹⁷. Для России традиционно большой интерес представлял опыт Французской революции (1989), а также некоторые советские историки считают, что корни террора следует искать «преимущественно в безудержном разгуле народной мести»¹¹⁸.

Народ отвечал на страх массовыми доносами, т. е. обращением к власти, тем самым выражая ей определенное доверие, сопряженное с надеждами на ее спасительные функции. Власть, в свою очередь, поддерживала это стремление, видя в нем форму поддержки. Еще Уложение 1649 года сделало «навет в государственном деле» обязанностью каждого. Изобличенных полагалось казнить «без всякой пощады». За несправедливый навет не наказывали, а за подтвердившийся доносчик получал половину штрафа. При Петре I, как это следует из записок князя П. В. Долгорукова, донос был возведен в обязанность. Чтобы поощрять доносчиков, им обещалось имущество, конфискованное у обвиняемых. Крепостные, доносившие на своего барина, получали вольную немедленно. В тех же записках о периоде царствования Анны Иоанновны говорилось, что «доносчики были везде». В другую эпоху А. Энгельгардт писал: «Развелось такое множество охотников писать доносы, что, я думаю, целые массы чиновников требовались, чтобы только успевать перечитывать все доносы... Чуть маломальски писать умеет, сейчас донос и пишет»¹¹⁹.

Террор в значительных масштабах начался к середине 1918 года. Он был направлен в основном против наиболее зажиточ-

¹¹⁷ Крыленко Н. В. За пять лет (1918-1922). М.: Пг., 1923. С. 458.

¹¹⁸ Погосян В. А. Рецензия на «Исторический словарь Французской революции» // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 228; см. также: Dictionnaire historique de la Revolution franchise. Paris, 1989. P. 491. 1020, 1046; Актуальные проблемы изучения истории Великой Французской революции. М., 1988 (статья А. В. Адо, В. П. Смирнова и др.).

¹¹⁹ Энгельгардт Л. Н. Из деревни. С. 433.

ной части деревни. В городах он приобрел широкий размах с сентября 1918 года. В опубликованном в сентябре 1918 года постановлении правительства о красном терроре ставилась задача «обеспечить советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях», объявлялось, что «подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам»¹²⁰. Ленин предлагал в качестве наказания за грабеж и спекуляцию расстрел на месте. Объектом террора оказался и новый аппарат, не отвечавший, разумеется, идеалам пролетарского государства. Смертью грозила даже умышленная волокита¹²¹.

ТАЙНА САМОИСТРЕБЛЕНИЯ

Раскол, порожденный двойственным отношением к власти, создал ситуацию, в которой сама совесть как бы раскололась. Жизнь по совести — это и подчинение властям (царю, его слугам, комиссарам и т. д.) как носителям высшей Правды, это и бунт против них как против зла, которое воплощает начальство. Сила в синкретическом сознании слилась с Правдой. Поэтому сила, подавившая бунт, может стать фактором, раскрывающим, что Правда, во имя которой был поднят бунт, была в действительности кривдой. Раскаяние бунтовщиков и революционеров — характерное явление для русской жизни, начиная с декабристов. В сознании масс сила власти выступала как нечто несущее в себе нравственное содержание, некое очищение от неправды, как вестник и олицетворение Правды. Именно поэтому общеприняты были телесные наказания, которые долго не встречали нравственного осуждения, считаясь, вроде бы, неким атрибутом патриархальных отношений. Это был способ коммуникаций царя с его приближенными и даже с духовенством при Петре I, особенно при Анне Иоанновне, и вплоть до XX века, а также начальства с крестьянством.

Проблемы разрешались насилием со стороны власти, которое воспринималось как своеобразное самобичевание, самонаказание. Крепостной Селифан из «Мертвых душ» Гоголя в ответ на угрозу высесть его отвечает барину: «Как милости вашей будет угодно... коли высесть, то и высесть; я ничуть не прочь от того. Почему ж не посесть, коли за дело, на то воля господская. Оно нужно посесть, потому что мужик балуется, порядок нужно наблюдать. Коли за дело, то и посеки; почему

¹²⁰ Известия. 1918. 10 сент.

¹²¹ Там же.

ж не посечь?»¹²². Иначе говоря, по мнению Селифана, порядок, сохранение сложившейся формы жизни стоит порки, внешней санкции, где физическое насилие извне — условие порядка, которому нет альтернативы. Эта вера в право внешних сил на насилие прямо переносилась на власть. В «Записке, поданной духоворами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому», доказывается, что существование людей Каинового рода может привести к тому, что «немощнейших вдруг передушили бы», если бы не учредили «благословенного в злом мире средства власти царской, правительства, начал, удерживающих, вяжущих злость их». Мудрейшие учредили «различнообразные власти, удерживающие беспутства их». Существование в мире зла, следовательно, оправдывает насилие власти.

В терроре поражают не столько его масштабы, сколько всеобщая причастность и одновременно пассивное отношение к нему. Не Сталин создал людей, склонных к террору, а миллионы на соответствующем этапе своего развития выделили его из своей среды и сделали кумиром, идолом, который давал внешнюю санкцию собственным ценностям миллионов. За террор несли ответственность все. Разумеется, никто не знал всего, но каждый, без исключения, знал что-то. И тот факт, что это, пусть мизерное, знание не побуждало узнать больше, узнать все, говорит о том, что незнание не причина, но следствие. А. Солженицын приводит разговор двух милиционеров: «Четыре дня я слушал-слушал, так и не понял: за что их осудили? — А, не нашего ума дело!»¹²³.

Люди не знали потребности в системе отношений и институтов, которые обеспечивали бы защиту их прав от посягательств ими созданного государства, что имело роковые последствия. На рабочий митинг в Ярославле в 1921 году из Москвы от ЦК к рабочим приехал советоваться по существу спора о профсоюзах представитель оппозиции Ю. Ларин. Он разъяснял рабочим, что их профсоюз должен быть защитой от администрации, что у них есть завоеванные права, на которые никто не имеет права посягнуть. Рабочие отнеслись к этому совершенно равнодушно, просто не понимая, от кого еще нужно им защищаться и зачем еще нужны им права. Когда же выступил представитель генеральной линии и клял рабочих за их разболтанность и лень и требовал жертв, сверхурочной бесплатной работы, ограничений в пище, армейского подчинения заводской администрации — это вызвало восторг митинга и

¹²² Гоголь Н. В. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1984. Т. 5. С. 41.

¹²³ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 1.

аплодисменты¹²⁴. В сущности, один этот пример раскрывает тайну сталинизма, тайну великого самоистребления миллионов. *Террор был поддержан большинством, хотя бы на уровне принципиального согласия*. Не было активного, массового движения против машины террора. Интересно вспомнить для сравнения, что против Гитлера было совершено или готовилось примерно десяток покушений. В России террор не осуждали его жертвы. «Сами жертвы в согласии с оперативниками ведут себя как можно благороднее, чтобы не дать живущим заметить гибель обреченного...»¹²⁵. «Кажется достаточно всем намеченным кроликам повестки — и они сами в назначенный час и минуту покорно явятся с узелком к черным железным воротам госбезопасности, чтобы занять участок пола в намеченной для них камере...»¹²⁶. «Почти все держались малодушно, беспомощно, обреченно». «Крепчайшей из невидимых цепей» была «общая пониклость, совершенная отданность своему рабскому положению. Даже и посаженные на пять и на десять лет, они не представляли, как можно бы теперь одиночно (уж боже упаси коллективно)... восстать за свою свободу, видя против себя государство (свое государство)... И настроение общее такое было в ИТЛ: что вы там с винтовками торчите, оставились? Хотя разойдитесь совсем, мы никуда не пойдем: мы же — не преступники, зачем же нам бежать?»¹²⁷. «Мы, советские люди, ступали на почву Архипелага духовно безоружными — давно готовыми к растлению...»¹²⁸. А Солженицын рассказывает о настроении одной из жертв: «Никакой обиды за расстрел мужа и за собственные отсиженные восемь лет она не испытывает. Все эти несправедливости учинили, по ее мнению, отдельные ягодины или ежовцы, а при товарище Берии сажают только правильно»¹²⁹.

Террор не был делом только исполнителей, сами жертвы (во всяком случае, значительная их масса) были убеждены, что все правильно. Еще в 70-х годах встречались люди, утверждавшие, что они сидели по ошибке, тем самым давая понять, что других брали за дело. Солженицын пишет: «Удивительно, что лже-вредители, понимая, что сами они никакие не вредители, высказывали, что военных и священников трясут правильно. Военные, зная про себя, что они не служили иностранным разведкам и не разрушали Красной Армии, охот-

¹²⁴ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1.

¹²⁵ Там же. Т. 2.

¹²⁶ Там же. Т. 1. С. 18.

¹²⁷ Там же. Т. 2.

¹²⁸ Там же. С. 418.

¹²⁹ Там же. Т. 2.

но верили, что инженеры — вредители, а священники достойны уничтожения. Советский человек, сидя в тюрьме, рассуждал так: я-то лично невиновен, но с ними, с врагами, годятся всякие методы. Урок следствия и урок камеры не просветляли таких людей, они и осужденные все сохраняли ослепление воли: веру во всеобщие заговоры, отравления, вредительства, шпионаж. Жертва одобряет террор, тайну, его окружающую! Иной замороченный сын, брат или племянник осужденного еще и фыркает тебе с убежденностью: „А как же ты хотел? Значит, касается дело... Враги узнают! Нельзя...”¹³⁰.

Народом владело убеждение в необходимости совершавшегося, в его великом очистительном смысле. *Вера в нравственную правоту террора была основана на чувстве вины каждого перед высшей Правдой, порожденном сознанием собственного бессилия перед злом.* Человек чувствовал, что и сам живет не по Правде, что зло присуще ему лично. Зло он видел в собственном утилитаризме, в жажде материальных благ, более выгодной работы, жизни по собственному вкусу, в стремлении отдалиться повседневным интересам. Не обладая адекватной уровню утилитаризма нравственной системой, человек чувствовал себя виновным в помыслах. Непреходящее чувство вины побуждало к самооговорам на следствии. В сочетании с пытками и нравственным, психологическим нажимом оно давало самые фантастические результаты. Б. Пастернак так описывал состояние сознания того времени: «Совесть ни у кого не была чиста. Каждый с основанием мог чувствовать себя во всем виноватым, тайным преступником, неизобличенным обманщиком. Едва являлся повод, разгул самобичующего воображения разыгрывался до последних пределов. Люди фантазировали, наговаривали на себя не только под действием страха, но и вследствие разрушительного болезненного влечения, по доброй воле, в состоянии метафизического транса и той страсти самоосуждения, которой дай только волю, и ее не остановишь»¹³¹. Человек не только внешне подчинялся всепожирающему идолу, но осуществлял древнюю партиципацию, проникался его сущностью. Серьезные исследователи единодушно подчеркивают всенародную поддержку массового террора. Политолог А. Мигранян пишет: *«Одной из сильных сторон сталинского режима, которая всегда получала поддержку и одобрение у широких масс и которая и сейчас все еще могла получить большую поддержку у значительного числа наших граждан, была ее ориентированность на проведение систематических, жестоких репрессий против чиновников и на-*

¹³⁰ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1.

¹³¹ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго// Новый мир. 1989. № 4. С. 72.

чальства, начиная с самого высокого уровня. Традиционная ненависть к чиновникам и бюрократии и вера в доброго царя вызывали бурный восторг и одобрение, когда рушились вчерашние всемогущие чиновники и начальники. Это вызвало у многих людей иллюзию торжества справедливости... То, что управа совершалась с помощью самых диких мер беззакония, никого не волновало, так как народ ничего другого 'не знал, не умел и не понимал. Все жестокости, бесправие и произвол воспринимались как зло, но неизбежное, и переносились stoически. Утешением служило то, что доставалось всем, а начальству, может быть, больше и часто»¹³².

Судьбы людей того времени неотделимы от массового манихейского ажиотажа. Как отмечает биограф А. В. Чаянова, люди, «свято верившие в правоту своего дела и не жалевшие сил для победы социализма, верили тому, что неудачи в промышленности, скудные пайки, карточная система, а порой и настоящий голод — дело рук вредителей и их зарубежных вдохновителей — остатков белогвардейцев, помещиков и капиталистов... Поэтому проходившие в стране громкие политические процессы почти ни у кого не вызывали сомнений в их необходимости и в справедливости выносимых судьями решений. Бывало и так, что честные труженики даже выражали праведное недовольство мягкостью приговоров, удивлялись мягкотелости судей...» Атмосфера ненависти «разряжалась то массовыми демонстрациями протеста в связи с очередным судебным процессом, то разрушением шедевров архитектуры — церквей и соборов. Бурлила митингами и „Тимирязевка“, где, как оказалось, свили гнездо „враги народа“ — Чаянов, Дояренко, Голубев, Кондратьев и многие, многие другие. По просьбе студентов уничтожили церковь Петра и Павла, построенную в Петровском в 1691 году»¹³³. Этот чудовищный выброс архаичной борьбы с оборотнями, антитотемом был ответом на глубокий кризис патологического общества, которое решало свои проблемы, выдвигая вверх тех, кто мог организовать это чудовищное самоистребление, и уничтожая неспособных на это. Начиная с 30-х годов, постоянными стали призывы сверху к народу выявлять двурушников, троцкистов среди начальства. Они сочетались с призывами к большей демократизации в жизни партии, что и использовалось для замены тех, кто на местах занимался «самодеятельностью». Среди большого числа книг о Сталине нет книги «Сталин и народ», которая только и

¹³² Мигранян А. М. Механизм торможения в политической системе и пути его преодоления// Иного не дано. М., 1988. С. 105-106 (курсив мой.— А. А.).

¹³³ Балязин В. Н. Профессор Александр Чаянов. М., 1990. С. 209-210, 246.

может раскрыть, как беспримерное массовое поклонение вождю-тотему служило основой теории и практики сталинизма.

Психологическая атмосфера прошедших эпох является, возможно, самой загадочной страницей исторической науки, даже той истории, которую мы сами только что пережили. Всегда существует невольное стремление интерпретировать это состояние в свете последующего опыта. Сегодня трудно себе представить массовое, всеобщее одобрение борьбы с «врагами народа» и отсутствие даже в душе оппозиции этим фантастическим событиям. Тем не менее невозможно не пытаться вспомнить собственное настроение и настроение близких, соседей. Обрывки памяти ведут к трагическим дням убийства Кирова в 1934 году. Я помню себя в пятилетнем возрасте, сидящим на перекладине под большим столом у соседей по коммунальной квартире — семьи, состоявшей главным образом из работниц Трехгорной мануфактуры, выходцев из деревни. В тот день они в крайне эмоциональной форме обсудили гибель Кирова. Запомнился выкрик: «Какого хорошего человека убили!!!» Это был вполне типовой взрыв против «вредителей», которых искали в бывшем владельце краснопресненских бань, который имел две комнаты в одной из квартир нашего четырехэтажного дома. «Вредителями» были и мои родители, у которых иногда на общей кухне коптила керосинка. Они были слишком образованными, чтобы не быть «гнилой интеллигенцией» на языке того времени. Впрочем, соседи были людьми неплохими, между ними и родителями было все, вплоть до человеческой привязанности, свойственной людям, долго прожившим рядом. Само определение «вредители» не отличалось устойчивостью, подчинялось скрытым эмоциональным законам, что, впрочем, таило в себе грозную опасность непредсказуемого взрыва с катастрофическими последствиями.

Мои родители отвечали на террор, на пронизанную им жизнь молчанием, что не исключало стычек с соседями по бытовым проблемам. Это молчание было бесконечным и в некотором смысле загадочным, позволившим мне самому самоопределиться в этом мире. Впрочем, отец не мог удержаться от острот, подражая радио, когда оно рассказывало о появлении вождя народов на мавзолее. Сталин у него появлялся в окружении «своих сратников», т. е. исчезала всего одна буква. Слово «панно» при описании красот Красной площади производилось с неподражаемой смесью напыщенности и презрения. Во всем этом скрывалась зреющая в глубинах сознания сокрушительная инверсия, о которой в то время даже думать было невозможно.

Существование террора в то время не могло составлять тайны. По моим воспоминаниям, террор оценивался людьми как естественный элемент существующего порядка (как дождь, землетрясение), не имевшего альтернативы. В этой атмосфере проблема «вины» того или иного человека не возникала, так же как и проблема законности репрессий. Закон выступал как воплощение воли носителя высшей Правды-истины. Теперь очевидно, что эти представления были по своей сути возможны на основе синкретизма с невыделенной нравственностью и, тем более, правом. С годами этот парадокс порождал настороженное недоумение своими постоянными конфликтами со здравым смыслом на микроуровне. Например, я воспринимал как психологически неприемлемое постоянное возвеличивание Сталина, казавшееся мне симптомом того, что он лишь некоторое прикрытие для лиц, использующих его как символ для утверждения поклонения власти. Окружающая среда, изоляция от внешнего мира не стимулировала развитие представлений о возможных альтернативах. Мне помог отец, который хотя и крайне редко, но бросал замечания типа: «Советский человек думает, что ничего нет на свете лучше того дерьма, в котором он сидит». Он жил 12 лет в Германии и мог судить о качестве советских товаров или о поведении полиции, когда к ней обращаются за защитой от хулиганов и т. д. Об атмосфере того времени можно судить по такому, казалось бы, малозначительному факту. Мой школьный товарищ, который был старше меня и уже успел побывать на войне, на мои попытки собрать группу ровесников для обсуждения разных интересных проблем сказал, что делать этого ни в коем случае нельзя, так как такого рода собрания будут использованы в качестве прикрытия или для шантажа «иностранными разведками». Другой приятель, решивший проконсультироваться по этому поводу с соседом-милиционером, получил исчерпывающий ответ: «Недозволенные сборища запрещены». Хотя в народе постоянно шли какие-то неясные процессы, тем не менее элемент единства народа и власти, несмотря на террор, был преобладающим.

ТОТАЛИТАРИЗМ

Тоталитаризм является крайней формой авторитаризма, которая может возникнуть в условиях модернизации. Предпосылки тоталитаризма следует искать в стремлении высшей власти к некоторой абсолютной монополии на условия и средства производства. В этом смысле новая власть выступала как наследница старой, доводя ее действия до крайних форм. Не

следует забывать, что правительство до 1914 года «поддерживало монополии и видело в них естественный результат экономического развития и средство укрепления промышленности и повышения экономической мощи страны»¹³⁴. Тоталитаризм — доведение этой тенденции до предела, превращение государства в единственного монополиста, в единственного собственника, т. е. по сути уничтожение самого понятия собственности. Тоталитаризм одновременно выступает как крайняя попытка восстановить синкретическую государственность, доведенная до разрушения общины, до стремления поставить под контроль хозяйственную деятельность каждой личности, до отрицания собственности вне государства, запрета частной инициативы, до разрушения семьи. Тоталитаризм — форма антимедиаии, попытка использовать для этого государственный аппарат. Тоталитаризм отличается от авторитаризма способностью к подавлению, разрушению первичной ячейки общества, первичного сообщества, общины, крестьянского двора.

Тоталитаризм оказался высшей точкой инверсии, идущей от соборного идеала второго глобального периода. Новое общество достигло вершины развития. Организация, основанная на атомизации, на уничтожении всех независимых от медиатора элементов общества, была доведена до высшего совершенства. Люди не могли даже шептаться друг с другом, не боясь незримого присутствия государства. Повседневность растворялась в сакральном. Казалось, что большинство верило, будто возникло общество, воплотившее, наконец, вековую мечту о вечной Правде. Было построено общество, не знающее враждебных классов (раскола), общество свободы (свободы от заблуждений, искажений Правды, от поисков другой правды), равенства (всеобщей уравнительности, гарантированной отеческой властью), братства, тождества верхов с низами (начальства с последним тружеником), общество соборности и счастья (возможности жить без зла, противостоять ему всем миром). Впервые и навсегда уничтожена была возможность эксплуатации человека человеком (исчезли трудовые отношения, независимые от воли главы общины-государства), была ликвидирована эксплуатация на производстве (поскольку собственность ограничивалась установленным властью пределом), ликвидирована была экономическая и всякая другая независимость личности от государства. Что же касается жертв, то «лес рубят — щепки летят». Любые жертвы оправданы: ведь если бы к власти пришли «кадеты» или «враги народа», уж они наверняка истреби-

¹³⁴ Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности// История СССР. 1963. № 3. С. 56.

ли бы все живое или продали Россию международному капиталу (т. е. отечественному мироеду, выросшему до всемирных масштабов и надевшему американский цилиндр). Общество достигло идеального состояния, «история прекратила течение свое» (М. Салтыков-Щедрин). Новая система укрепилась окончательно и навсегда, так как, казалось, индустриализация создала базу для военного отпора любым силам зла, которые попытались бы «пожизниться за наш счет», внутренние же враги беспрерывно и в массовом масштабе с возрастающим успехом подавлялись и уничтожались. Общество оцепенело. Всё, включая развитие и прогресс, должно было осуществляться как результат высших предначертаний. Каждый должен был действовать в процессе партиципации к высшей Правде, воплощенной в вожде-тотеме, постоянно подгоняемый страхом отпадения, физической гибели.

ЛИЧНОСТЬ — СЛАБОЕ ЗВЕНО СИСТЕМЫ

Все было бы прекрасно — но слабость системы заключалась в том, что она постепенно все чаще сталкивалась с рядовой личностью, которая, казалось бы, и не помышляла о борьбе со сложившимся порядком. Советский человек как будто безропотно на все соглашался. Однако беда заключалась в том, что медиатор, следуя своей цели, начал предъявлять такие требования, с которыми личность при всем желании не могла справиться. Силы, ориентированные на сохранение некоторого статичного порядка, и силы, нацеленные на развитие и прогресс, постоянно разрушали друг друга. Миллионы людей постепенно все настойчивее пытались решать свои повседневные проблемы вне рамок сложившегося порядка. В борьбе с этой тенденцией власть институционализировала массовый страх и ненависть. Творчество во всех его формах неуклонно подавлялось, так как оно нарушало уравнительность, вносило дестабилизирующий элемент в общество. С неслыханной жестокостью ликвидировались сами предпосылки творчества, возможности любой инициативы, разрушались очаги прогресса. Были истреблены и рассеяны люди, склонные к хозяйственной инициативе, к созданию организаций, предприятий, обеспечивающих более высокую производительность, что подрывало и саму государственность. Это никак не компенсировалось «мудростью» верхов. Они принимали сложившуюся систему «за чистую монету», минимизируя критику исторического опыта, который в свое время привел к формированию этой системы. При всем своем возрастающем цинизме они верили в свою демагогию, в свою идеологию, что свидетельствовало об их совершеннейшем не-

понимании реальности. Тон здесь задавал сам корифей всех времен и народов, решая проблемы по манихейской схеме. Он считал, что уничтожение злых сил (например, «кулачества») автоматически или почти автоматически решит все проблемы (например, обеспечит экономический подъем). Он полагал, что в результате коллективизации, раскулачивания «наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире»¹³⁵. Это сказал человек, который возглавил борьбу носителей наиболее архаичных форм труда против носителей более развитых форм. Проблема эффективности производства синкретически слита у него с проблемой избиения оборотней.

Личность оказалась слабым местом тоталитарного порядка, в частности, в связи с нерешенностью *проблемы вины* и даже с отказом ее решать. Понятие вины — результат трудного пути социально-культурного развития. Для современного правового сознания определение вины — всегда проблема, предполагающая подчас сложную процедуру; вина человека не есть некий врожденный признак, вроде родинки, но предполагает выявление ее в процессе диалога, дискуссии, спора сторон о фактах и о праве. Философия террора не требовала выявления личной индивидуальной вины репрессируемого. А. Солженицын цитирует высказывание одного из руководителей ЧК М. Я. Лациса, относящееся к ноябрю 1918 года: «Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом — смысл и сущность красного террора»¹³⁶. Можно приводить бесчисленные факты, когда получали сроки заведомо невиновные. В большом терроре на разных этапах можно было обнаружить различные тенденции в выборе жертв, но в целом он был безличен, т. е. *в принципе было все равно, кого посадить. Важно было лишь, чтобы машина террора не простаивала, распространяя страх перед нарушением «порядка», людей друг перед другом.*

Например, имели место случаи, когда чекисты были неспособны выполнить план арестов в своей области, так как все «резервы» были исчерпаны. В этих случаях могли быть арестованы люди в поездах дальнего следования, которые проходили через данную область. Имели место случаи, когда арестованным самим предлагалось выбрать, шпионом какой страны они

¹³⁵ Сталин И. В. Сочинения. М., 1949. Т. 12. С. 132.

¹³⁶ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 1. Т. 1. С. 31.

хотели бы фигурировать в деле и т. д. Скорее достойно удивления именно то, что существовало подобие процедуры определения вины, что миллионам «клеили дело», что содержался гигантский аппарат, разыгрывавший перед каждым обвиняемым спектакль процедуры установления несуществующей вины с атрибутами судебного порядка. В чем смысл такой гигантской, дорогостоящей мистификации? Двусмысленность террора отражала сущность псевдосинкретизма как выражения архаичного сознания, представленного в наукообразных, юридических и других формах. Массовое, основанное на древних идеалах самоистребление, чтобы стать источником энергии медиатора, должно было превратиться из самосуда толпы в процесс, регулируемый, контролируемый государством, по крайней мере по форме.

Сам террор носил двойственный характер. Для одних это была борьба с оборотнями, а для других — источник жизненной энергии медиатора, средство борьбы с локальными идеалами, с независимыми центрами энергии. Для синкретизма избиение оборотней имело смысл как средство уменьшить сферу зла. С этих позиций имела значение не личная вина жертвы, но всеобщая причастность ко злу. Достаточно вспомнить, например, идею молодого П. Н. Ткачева об истреблении всех мужчин старше двадцати лет, так как все они заражены злом. Однако на почве утилитаризма в массовом сознании зрело иное представление об индивидуальной вине.

Здесь тоталитаризм столкнулся с неразрешимым противоречием. Сидя в лагере, может быть, и возможно было предполагать, что вокруг тебя сидят шпионы, изменники и диверсанты, но никак нельзя согласиться, что ты сам японский шпион. Атомизация общества могла не только стимулировать деградацию человека, но и усилить рост самосознания личности, включая и представление о личной вине. Заведомо ложное обвинение было пятном на светлом лице Правды. Каждый, против кого выдвигалось ложное обвинение, неизбежно видел это пятно. Постепенно количество людей, которые знали об этих пятнах, росло. Возникали и другие пятна, например, связанные с лозунгом «жить стало лучше, жить стало веселей», с тем, что повсеместно существует деловой и политический энтузиазм, и т. д. В сознании людей совершалась эрозия идеологии. Было невозможно сделать идеологию реальным содержанием повседневных действий личности. Все эти пятна постепенно становились предметом общения, обсуждения, диалога. В общении, которого так страшился тоталитаризм, они сливались, ослабляя влияние власти. Личность гибко приспособлялась к условиям и продолжала искать организационные

формы жизни, которые воплотили бы ее ценности. Если личность не умеет, не может этого делать в общегосударственном масштабе, то, пока она жива, она будет это делать в масштабе, который кажется привычным, естественным. После каждого бедствия, гибели близких, разрушения привычных форм жизни люди вновь и вновь соединяются между собой, чтобы жить, не понимая подчас, что, собственно, от них хочет власть. Сложившаяся тысячелетиями локальная культура не могла в своей повседневной жизни идти за крайним авторитаризмом, где локальное было тождественно всему большому обществу.

Человек только потому и человек, что он входит в систему общения, в систему сообществ, в малые группы, в семью и т. д. Человек немислим, невозможен без этих связей. Эти связи формировались в борьбе за кусок хлеба, за возможность унести с поля небуранный картофель, за возможность обмена взаимными услугами (советский «блат»); нужно было как-то жить за фасадом официальной видимости. Отсюда столь распространенные «липа», «туфта», очковтирательство, приписки и т. д. Во имя Правды можно было отказаться от близких, сослуживцев, вождей, но совершенно невозможно не контактировать с новыми близкими, новыми сослуживцами, нельзя было не приветствовать новых руководителей. Этот предел нельзя было переступить, не обрекая личность на физическую гибель. Личность не могла не вступить в какие-то явные организационные связи. Она устанавливала личные микроотношения, личные связи, предусматривающие взаимные услуги утилитарного характера в любой сфере жизни. Террор подрывал влияние этих связей, но не мог ни уничтожить их, ни пресечь возможность их постоянного возникновения. Эти тайные, но дающие жизнь связи имели свой язык, свой фольклор, свою специфическую субкультуру. Их ярким выражением стал *тайный шепот анекдота*, за рассказывание и выслушивание которого можно было «схватить десятку», но который никогда не исчезал, демонстрируя силу неофициальной жизни. Бесчисленные атомы, обьятые страхом, осмеливались лишь шептаться. Этот шепот, однако, был чем-то большим, чем слова. Это была опасная для крайнего авторитаризма форма общения, форма связи людей, возникающая не только независимо от власти, но и в связи с формированием негативного к ней отношения. *То обстоятельство, что в самые страшные времена террора этот шепот не умирал, говорило о том, что народное творчество непрерывно работало над альтернативой крайнему авторитаризму.* Где-то в глубинах жизни шли как духовные, так и организационные процессы, выбивающиеся

из-под власти крайнего авторитаризма. В самом движении авторитаризма скрывались саморазрушительные процессы. Официально анекдот рассматривался как антисоветская агитация, за которой следовал приговор. Это свидетельствовало о том, что крайний авторитаризм чувствовал таящуюся здесь смертельную опасность. Люди, не боящиеся вступить друг с другом в контакт в связи со своим негативным отношением к сложившимся порядкам, были для правящей элиты страшнее заговора или восстания. Здесь начиналось то, что сокрушило несокрушаемое. Пусть не покажется в этой связи дикой мысль водрузить когда-нибудь в Москве на площади против здания некогда всесильной тайной полиции памятник советскому анекдоту. Сила анекдотов, как и всякого духовного общения, заключалась в том, что они не только стимулировали развитие более сложных форм независимой духовной жизни, но и создавали основу для независимого общения.

НЕФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КРАЙНЕГО АВТОРИТАРИЗМА

Крайний авторитаризм мог существовать, лишь постоянно нанося удары по сложившимся сообществам, чтобы они не могли быть самостоятельными, но и не закостеневали, не препятствовали абсолютной монополии высшей власти на ресурсы и собственность. Это было легко делать, так как массовое догосударственное сознание сочувствовало избиению начальства. Аналогичные процессы можно было наблюдать во времена культурной революции в Китае. Решение медиационной задачи пришло к неразрешимому противоречию. Прекращение террора означало бы отказ от крайнего авторитаризма, так как тогда ничто не препятствовало бы установлению связей в обществе, не зависимых от медиатора. Продолжение террора сохраняло бы постоянно угрозы всем организациям, сообществам, что уменьшало их эффективность и, следовательно, несло в себе угрозу обществу. Способность бесчисленных сообществ определенным образом защищать себя, противостоять натиску власти — очевидное свидетельство ослабления господства крайнего авторитаризма. Знаменитое «дело врачей», по которому «убийцы в белых халатах» обвинялись в убийствах членов высшего руководства, очевидно, было подготовкой к новой массовой волне террора. Он должен был быть направлен против рождавшихся на всех уровнях, вплоть до самых высших, бастионов локализма, которые своим существованием тормозили производ, безграничное использование в управле-

нии принципа шаха, перерастающего в мат, ограничивали государственное крепостничество.

Тоталитарная сталинская система могла развиваться в основном лишь экстенсивными методами, усиленной эксплуатацией сложившихся возможностей людей, природных ресурсов. Экономический рост достигался через постоянное разрушительное перекачивание ресурсов из одной отрасли в другие, за счет массового рабского труда миллионов заключенных, всеобщего крепостничества. Однако каждый шаг такого роста подрывал основы будущего, подготовлял катастрофический крах, так как формировал тупиковую форму социальной организации, усиливал социокультурное противоречие. Сложившаяся система псевдоэкономики страдала отсутствием механизмов, способных отличить эффективное решение от неэффективного, что открывало путь дезориентации в сфере выбора путей социального развития. Общество, лишившееся духовной элиты, пытающееся методами, пригодными в локальной общине, решать сложнейшие проблемы развития большого общества, представляло собой помпезное, но жалкое зрелище. Воистину колосс на глиняных ногах!

Вопреки общераспространенному убеждению, крайний авторитаризм даже во времена расцвета не мог обеспечить элементарного порядка. Нарком вооружений, а затем боеприпасов писал о положении в промышленности в предвоенные годы, что текущая рабочей силы и массовые прогулы принимали «угрожающий характер»¹³⁷.

Подмена экономического развития чисто хозяйственным, ориентированным на получение определенного набора натуральных благ, выбор которых определялся подчас чисто идеологическими соображениями, требовала, наподобие древних ритуальных сооружений, гигантских усилий. Поэтому оценка развития по натуральным показателям имеет ограниченную ценность. Однако и она показывает весьма низкий уровень эффективности решений. Например, первый пятилетний план (1928-1932) по основным показателям — выплавке стали, чугуна, по прокату, по добыче угля, по производству электроэнергии был выполнен лишь в 1934 году, т. е. во второй год следующей пятилетки. Тем не менее объем промышленного производства в стране утроился, но сельское хозяйство сократило производство в полтора раза, что резко усилило несбалансированность отраслей, уменьшило возможность экономической смычки. В свою очередь, показатели второго пятилетнего плана (1933-1937), утвержденного в 1932 году, в 1934

¹³⁷ Ванников Б. Л. Записки наркома// Знамя. 1988. № 2. С. 148.

году, на втором году пятилетки, были снижены (план выплавки чугуна до 73%, по добыче угля — до 76%, производства электроэнергии — до 38% первоначального). Однако и в отредактированном виде план фактически не был выполнен; по официальным данным, лишь в 1938 году были достигнуты плановые показатели производства электроэнергии, в 1940 году выполнены показатели по добыче угля, в 1949 году — по выплавке чугуна. В первоначальном же его варианте плановых показателей страна сумела достичь лишь в послевоенные (1951-1952) годы. Что же касается третьей пятилетки (1938-1942), прерванной в 1941 году начавшейся войной, то итоги первых лет ее свидетельствуют о форменной катастрофе. План, утвержденный XVIII партсъездом в 1939 году, т. е. на втором году пятилетки, за три довоенных года был выполнен по выплавке чугуна на 52%, стали — на 5,9%, по прокату черных металлов — на 1,25%, по добыче угля — на 33%, нефти — на 12,3%, по производству электроэнергии — на 31,1%. В оставшиеся три года стране предстояло выполнить от 67 до 98,75% плана. Натурализация хозяйства при всем соответствии такой политики массовым идеалам ни к чему хорошему, естественно, привести не могла: ухудшилось экономическое положение, резко снизилось народное потребление, росли бюрократизм, дезорганизация, злоупотребления. Очевидной была явная катастрофическая неэффективность крайнего авторитаризма. Например, по некоторым подсчетам, доля национального дохода снизилась с 18% до 3-4 %¹³⁸. В 1946—1947 годах в результате засухи возник голод во многих областях, унесший тысячи жизней. Обескровленная войной страна не могла эффективно противостоять этому бедствию. Усилилось бегство из деревни¹³⁹. Индекс розничных государственных цен поднялся в 1947 году по сравнению с 1928 годом до 20,1.

Между тем Сталин до конца своих дней стойко защищал необходимость вытеснения из жизни общества товарно-денежных отношений, сохранения архаичных, доэкономических отношений¹⁴⁰. Чем больше росло производство, тем больше усиливалось странное, не предусмотренное наукой явление, получившее название дефицит. Он в возрастающих масштабах не только раскрывал бессилие авторитарного планирования, но и намекал на то, что новое царство Правды совсем не то, за что оно себя выдает, на существование некоторой тайны. Смысл ее общество было неспособно разгадать, но тем не менее было очевидно, что могущество тотема не беспредельно. Слабость

¹³⁸ Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра// Новый мир. 1987. № 2. С. 81.

¹³⁹ Волков Н. М. Засуха, голод 1946-1947 годов// История СССР. 1991. № 4.

¹⁴⁰ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

его усиливалась тем, что между вождем и народом вырастала плотная стена сообществ, которая перехватывала творческий поток, некогда вынесший безвестного грузина на вершину власти. Четвертая версия псевдосинкретизма оказалась в конечном итоге нефункциональной, как, впрочем, и все предшествующие. Подспудно росло осознание необходимости перемен.

Хозяйственный кризис начала 1932 года вынудил Политбюро весной принять решение о проведении крупной хозяйственной реформы. На XVII партконференции говорили о важности советского рынка. В мае были снижены заготовки и было разрешено торговать артелям и кустарям по рыночным ценам. Была сделана попытка уменьшить тяжесть инфляции, увеличив объем реализации продуктов питания и товаров народного потребления по твердым ценам, ограничив заработную плату. Однако реформа не дала позитивных результатов¹⁴¹. Политбюро повернуло к контрреформе, введя уголовную ответственность за сбор колосков, были введены паспорта, т. е. усиливалось общее закрепощение.

Колесания хозяйственного курса, хромающие решения еще требуют изучения. На XVIII конференции ВКП(б) в феврале 1941 года при обсуждении путей улучшения работы промышленности и транспорта делегаты полностью игнорировали тему вредительства, ставились вопросы о повышении самостоятельности предприятий, о прекращении наплевательского отношения к финансово-экономическим вопросам их работы. Это свидетельствовало о попытках поиска экономических решений, но их оборвала война.

«ВАШЕ СЛОВО, ТОВАРИЩ МАУЗЕР»

Четвертый в истории страны медиатор оказался более устойчивым, чем предшествующие. Он выступил при переходе от одного господствующего идеала к другому, тогда как первые два перехода в первом модифицированном цикле привели к разрушению государственности. Однако жертвы, которыми общество заплатило за это, были чудовищно велики. В Смутное время на рубеже XVI-XVII веков, т. е. во время событий, связанных с крахом второй государственности, погибла, по-видимому, треть населения. Если попытаться оценить преимущества нового строя с точки зрения ценности человеческой жизни, то здесь явно трудно говорить о достижениях. Новое общество

¹⁴¹ Девис Р. У. Советская экономика в период кризиса 1930-1933 года// История СССР. 1991. № 4. С. 204-206.

обеспечило определенный порядок, но в нем не нашлось легального места для человека. Это был порядок, который требовал человеческих жертвоприношений, так как человек самим фактом своей повседневной жизни разрушал большое общество, государственность. Чем дальше человеческое сознание проникало в суть происшедшего, тем глубже раскрывалась метафизическая бездна, из которой веяло ужасом.

Печать чего-то невысказанного, невозможного превращала общество в подобие листа, оторвавшегося от дерева и постоянно гонимого ветром в неизвестность.

Со смертью Сталина закончился самый парадоксальный этап в истории страны, а возможно, и в истории человечества. Он мог возникнуть лишь в исключительных обстоятельствах. Массовое самоизбиение людей было лишь внешним симптомом глубокого внутреннего саморазрушения, которое назревало и шло уже давно и теперь дошло до критической точки.

Сталинизм можно понять как *террористический ответ общества на потоки новизны, обрушившиеся на него в XX веке*, как крайнее, дошедшее до абсурда стремление власти взять на себя то, на что само общество оказалось неспособным,— обеспечить всеобщий рост и развитие. Точка зрения российских реформаторов, заключавшаяся в том, что предлагаемые ими реформы были хороши, но не могли быть реализованы из-за невежества крестьян и злоупотреблений чиновников¹⁴², возможно, сама по себе безобидна, но от нее идет путь и к массовому террору для искоренения «невежества» и «злоупотреблений». Другой аспект сталинизма заключается в том, что если раньше делались попытки уничтожить раскол, истребляя правящий слой, духовную элиту, т. е., условно говоря, верхнюю часть расколотого общества, то теперь была совершена попытка истребить другую, противоположную часть. Эти утопические попытки были возможны лишь при условии неспособности общества искать меру в новой, более сложной ситуации, охлаждать срединной культурой свои массовые импульсы, останавливать их еще до того, как они достигнут стадии саморазрушения, сея вокруг смерть и дезорганизацию.

В терроре была своя логика. Его удары приходились на все группы общества без исключения, и здесь было полное «равенство». Но в каждой группе они наносились прежде всего по тем людям, которые были выше среднего уровня, обладали особым знанием и умением. Это чрезвычайно важное, до сих пор недооцененное обстоятельство. Оно касалось и правящей элиты, где террор неуклонно и однозначно оставлял наименее

¹⁴² Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. С. 129.

компетентных. Селекцию террора наверху, как правило, могли пройти лишь по-своему «выдающиеся люди», способные, не задумываясь, вести страну в пропасть. Но это происходило и в каждой деревне, где избивались люди, склонные к торговле, к более сложным и производительным формам труда, в частности, те, которые искали пути перехода от доэкономических форм хозяйства к экономическим. Это происходило в городах, на каждом предприятии, так было и в науке, где Н. И. Вавилов был послан на смерть, а «народный академик» Т. Д. Лысенко, чей кругозор не шел дальше своего огорода, определял судьбу науки. Одновременно выявилась и другая, менее важная — «модернизаторская» функция террора. Он стимулировал те слои, культурный уровень которых был ниже потребностей общества осваивать определенный уровень инноваций, соответствовал некоторому уровню «серого творчества».

Все это было массовой реакцией на раскол в критической ситуации. Этот этап воплощал вариант выхода из раскола в простой однозначной формуле, опирающейся на признание очевидности добра и на непримиримость ко злу. Ее дал Маяковский, сказав: «Ваше слово, товарищ маузер», — т. е. проблемы автоматически решались уничтожением врага. Однако это было ложное решение, так как в действительности пули летели в стрелявшего.

Сталинский этап — аналог крайнего авторитаризма в прошлом глобальном периоде, переходящего в тоталитаризм с его разрушением первичных сообществ, как заметил еще П. Н. Милуков, с его принесением народа в жертву великодержавности¹⁴³, с тем, что позитивные ценности одной из расколотых частей общества приводили в действие негативные ценности другой. Создался, усилился дезорганизующий механизм заколдованного круга, что доводило раскол до крайнего напряжения, создавало ситуацию инверсионного поворота всего глобального периода.

¹⁴³ См.: *Медушевский А. Н.* П. Н. Милуков: ученый и политик // История СССР. 1991. № 4. С. 39.

ГЛАВА V

ВНОВЬ ИДЕАЛ ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ («Оттепель»)

ИСТОРИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

Падение крайнего авторитаризма, нравственный упадок означали нечто большее, чем смена одного этапа другим в рамках глобального модифицированного инверсионного цикла. Одновременно *окончился первый полупериод второго глобального периода в истории страны*. Инверсия, идущая от господства соборного идеала, испытывая на своем пути определенные колебания, дошла наконец до своей крайней точки. Но тем самым *выявились утопизм идеала*, который был реализован этим процессом, *нефункциональность соответствующей социальной системы*, невозможность на ее основе решать медиационную задачу, соединить государственность, обеспечивающую интеграцию расколотого общества, с ценностями массового сознания. *Это вызвало рост массового дискомфортного состояния*, немыслимость для рядового человека сочетать свое повседневное существование с требованиями вездесущего авторитарного государства. Постепенно стала выявляться обратная инверсия, началось движение от крайнего авторитаризма к противоположной точке, т. е. вновь к господству соборного идеала; *начался второй полупериод второго глобального периода в истории страны*. Определяющей движущей силой первого полупериода было стремление массовых почвенных сил утвердить уравнительность в масштабе большого общества, формируя для этого синкретическую государственность в ее различных формах, вплоть до самых крайних. Она должна была «всех равнять», что и требовало всеобщей и массовой партиципации к тотему-отцу-вождю. Эта цель была достигнута, но одновременно выявилась ее недостижимость. Большое общество в тех государственных формах, через которые оно прошло в первом полупериоде, не смогло достигнуть целей, заложенных в массовой культуре, т. с. устойчивого со-

четания уравнительности и простого утилитаризма, большого общества и массового господства ценностей локального типа. Идея народной Правды, воплощенной в тотеме — первом лице большого общества, обанкротилась, что дало импульс выходу на первый план тотема — локального мира, т. е. стремлению к локализму на основе отказа от начальства, включая первое лицо, как силы зла.

Противоположность авторитарного соборному идеалу означала, что в первом случае тотем прежде всего интерпретировался как первое лицо, тогда как во втором случае тотем интерпретировался прежде всего как соответствующее локальное сообщество. Этот переход формировал новую нравственную ситуацию, новые условия для решения медиационной задачи, новую форму соединения государственности и массового сознания, следовательно, требовал изменения официальной идеологии. Этот процесс с первого момента приобрел сложный и противоречивый характер. Он, как и всякая массовая социальная инверсия, на разных уровнях общества проходил с разной скоростью, интенсивностью, отесняя господствующий идеал.

«РОССИЯ ПРОПАЛА...»

Отход от авторитаризма на уровне массового личностного самосознания оказался крайне болезненным. На повседневном уровне он шел постоянно и выражался в стремлении воспроизводить утилитарно необходимые горизонтальные связи, в формировании соответствующих локальных сообществ. Массовая реакция на смерть Сталина является важным культурным феноменом. Для миллионов эта потеря была космической катастрофой, гибелью Правды. Вечность, едва начавшаяся, закончилась.

Многочисленные свидетельства раскрывают потрясающую картину страха и отчаяния, которые охватили всю страну. Зарубежный коммунист И. Бергер, сосланный в Сибирь, писал: «Когда в колхоз, где я работал, пришла весть о смерти Сталина, там началось такое, что я глазам своим не поверил и представить себе не мог. По всей стране происходило одно и то же: люди вели себя так, словно умер их родной отец, глава семьи и рода, защитник, укрывавший их от всех бедствий и невзгод. Старики, дети горевали так, что не могло быть и речи о каком-то притворстве. Горе их было искренним, неподдельным:

— Что с нами теперь будет? Придут немцы, чужеземцы, Россия пропала... Загубят Россию...

Предвещали междоусобную войну, хаос, голод... Особенно поражало горе детей... Плакали и взрослые, партийцы и беспартийные, плач стоял коллективный, всеобщий, неумолчный»¹.

Известный диссидент В. Буковский рассказывал: «Учителя плакали навзрыд с распухшими глазами». О девушках-учительницах пишет также Солженицын. Они рыдали: «Как же мы теперь будем?»². Г. Подъяпольский вспоминал, что в момент объявления о новом правительстве его подруга сказала: «Что же теперь с нами будет со всеми?» Плакали мои соседи по коммунальной квартире, работницы Трехгорной мануфактуры. Е. Евтушенко писал об этом времени: «Вся Россия плакала, и я тоже. Это были искренние слезы горя и, может быть, слезы страха за будущее». Даже те, кто относился к существующему режиму скептически и не сожалел об ушедшем властителе, в страхе застыли в ожидании худшего. Никто не знал, не означала ли смерть вождя, что теперь его место займет оборотень, который превратит «дело врачей» в начало еще невиданного погрома. Все стояли перед пустотой неизвестности. Абсурдность реальности закончившегося этапа превратила и саму смерть диктатора в абсурд. Обезумевшие толпы людей, чей сакральный мир погиб, бросились, сметая охрану и заграждения, к останкам жалкого старика. До сих пор никто не знает, сколько из них было раздавлено, растоптано. Этими толпами двигала последняя надежда прикоснуться к вечности. И таким образом они еще раз подтвердили, что причины большого террора, массового самоизбиения лежали в массовом поведении, в стремлении зачеркнуть свое Я и отдаться Правде языческого Молоха.

С древнейших времен в обществе господствовало представление, что жизнь вождя синкретическим образом слита с судьбой страны, с ее благосостоянием и благополучием. В случае его заболевания или старения заболит и перестанет размножаться скот, урожай сгниет на полях, эпидемия унесет людские жизни. От жизни вождя зависит ход природных явлений³. Вместе с тем абсолютность социальной роли вождя и ограниченность его человеческой природы неизбежно требовали разделения и даже противопоставления социальных функций и личности вождя. Например, в Византии личность императора отделялась от института власти. Личность государя должна быть «схематизирована» безличной «схемой». Государю должно быть внушено, что по своей личности он всего лишь греш-

¹ Бергер И. Крушение поколения. 1973.

² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 3. М., 1990.

³ Фрэнгер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 196-197.

ный человек, но по своему сану репрезентирует трансцендентное величие бога (С. Аверинцев). Следовательно, смерть монарха не затрагивала институт, принцип власти императора. Когда в Европе умирал государь, провозглашалось: «Король умер. Да здравствует король!» Это означало, что эмоциональное отношение к личности умершего отделялось от понимания ценности института королевской власти как такового. Короли могли меняться, как и отношение к ним народа, но принцип, институт королевской власти не зависел от этих перемен. Однако в истории были примеры и несколько иного рода, были попытки превратить царя, например, Александра Македонского, в земного бога, что ослабляло подчинение вождя исторически сложившемуся ритуалу власти. Смерть такого человека могла связываться в сознании людей с возможными переменами в государственной жизни, в существующих институтах.

Крах царской власти в 1917 году был в глазах народа не гибелью особой формы государственности, которую народ хотел заменить другой, например, монархию республикой, а крахом государственности вообще, результатом стремления вечевых сил разметать всякое начальство и всякую власть, сбросить старый тотем. Советская власть могла восстановить государственность лишь стихийно, неосознанно, нащупав какое-то приемлемое сочетание тотемизма древних мифов с утилитаризмом и элементами либерализма, провозглашая лозунги, отрицающие государство. Новый строй мог укрепить государственность, лишь опираясь на синкретическое отождествление личности отца — носителя высшей Правды с властью. Сталин был отцом, которого никто заменить не мог. Он не был символом нового общества. Он был в глазах людей самим этим обществом, как некогда бог Посейдон был не символом моря, а самим морем. Государство опиралось на веру людей в справедливость установившегося порядка, т. е. в уравнительность, и в то, что этот порядок защищает их от кривды. Смерть праведников Ленина и Сталина подорвала основу этой веры, так как гарантия заключалась не в том или ином институте, за который люди несли ответственность, а в личности праведников, о смерти которых было невозможно даже подумывать.

Санкцию на новый порядок могла дать харизматическая личность, которая опиралась на древнюю веру в то, что мир стоит на праведных людях. Именно от их праведности зависит сохранение космического порядка. Сталин хорошо вписался в эту веру и одновременно в веру в патриархального вождя-отца, несущего на своих плечах всю тяжесть ответственности за общество, за каждого, за весь мир, за вселенную. Его ответ-

ственность в глазах народа вытекала не из государственного порядка. Она не опиралась на сакральный царский титул. Сталин был естественно найденным тотемом. Немногие задумывались, какую реальную должность он занимал. Достигнув высшей и абсолютной власти, он не занимал никакой государственной должности. Наоборот, занятие им каких-то должностей означало сакрализацию соответствующей бюрократической системы. То обстоятельство, что сословное общество именно при Сталине было легализовано, получило развитие, рассматривалось как некоторая временная аномалия и, во всяком случае, не ставилось в вину Сталину.

Первое лицо как высшее начало давало определенную нравственную санкцию власти, существованию многочисленного начальства, вышедшего из народа. Историческая ненависть к начальству, однако, никогда не исчезала, но она не распространялась на первое лицо, в частности, потому, что время от времени первое лицо и народ объединялись для избивания начальства. Это служило основой нравственного единства, но одновременно усиливало нравственную дифференциацию. Сталин был высшей абсолютной космической ценностью и, следовательно, бессмертным по определению. Тем не менее наступил миг, когда он исчез. В этом парадоксе можно видеть модель любого нарушения социокультурного закона. То, что кажется естественным, самоочевидным, не подлежащим обсуждению, может оказаться чистейшей утопией, ставящей общество перед пропастью, так как объективно далеко не все мыслимые отношения реально возможны, могут противостоять энтропии, обеспечивать воспроизводство общества.

Смерть Сталина означала крах сложившегося порядка, так как он был реальным ядром, космическим организационным центром, гарантом справедливости. Потрясение было тем более страшным, что оно означало *не только смерть самой Правды, но и смерть главы патриархальной семьи*, за которой следовала опасность краха на бытовом уровне, так как она могла стать поводом для распада, для выделения сыновей в отдельные хозяйства. Это могло быть началом упадка этих хозяйств.

Смерть Сталина вызвала ужас, так как она казалась сигналом злым силам восстановить сословное общество, неравенство, эксплуатацию и т. д. Казалось, алчное начальство разрушит двухэлементную простую модель общества, так как фактор, который гарантировал ее существование, исчез.

Власть царей, как и власть Сталина, опиралась на свою способность поддерживать в народе иллюзию уравнительного несословного общества, иллюзию того, что первое лицо как

воплощение Правды если и не спасает от фактических козней начальства, то во всяком случае их сдерживает, держит кривду под контролем.

Все это поставило людей, на которых свалилась вся тяжесть власти, в крайне трудную ситуацию. *Необходимо было дать новую господствующую интерпретацию массового нравственного идеала, дать новое решение медиационной задачи.*

Высшее руководство после смерти Сталина не помышляло о сохранении системы крайнего авторитаризма. Л. Берия, игравший в новом руководстве важнейшую роль, «решил возглавить движение за реформы». Он считал, что «надо воспользоваться редким в истории случаем, когда сам палач может возглавить движение народа против наследства величайшей из тираний»⁴. Невозможность сохранения крайнего авторитаризма была очевидна. Берия хотел осуществить «спуск на тормозах», пытался усилить влияние местных национальных сил в партаппарате республик. В частности, были ликвидированы посты вторых секретарей ЦК республик — непосредственных ставленников Москвы. Тенденция к ослаблению крайнего авторитаризма развивалась на всех этажах. Все это стимулировало появление нового способа решения медиационной задачи на основе легализации тех связей, которые уже сложились вопреки авторитаризму в результате ухода жизни из системы. *Возникла новая, пятая версия псевдосинкретизма.* Она прежде всего была направлена на ликвидацию опасного крена к укреплению организации медиатора при ослаблении внимания к спонтанным процессам в жизни народа. Было необходимо повернуться лицом к массовой системе ценностей. Это было нужно в связи с ростом раскованности людей, с необходимостью удовлетворить растущие утилитарные потребности населения и одновременно перестроить работу самих сообществ на основе этой раскованности, вдохнуть в них новые силы. Следовало оживить застывшую, казалось, лишённую жизненных сил страну.

СОСЛОВНОСТЬ

К власти пришло третье поколение правящей элиты. Эти люди чудом уцелели от террора и сами были его организаторами. Они, как и второе поколение, вышли из почвы, были исключительно трудоспособны и преклонялись перед организацией. Их утилитарная ориентация, как, впрочем, и всего населения, продолжала возрастать. Пройдя школу государственно-

⁴ Авторханов А. Г. Загадка смерти Сталина. Франкфурт-на-Майне, 1986. С. 252-253, 251.

сти, эти люди осознали ценность государственной дисциплины, соглашаясь на определенное жертвование местными интересами во имя сохранения целого.

Нельзя не учитывать медленного, но реального повышения образовательного уровня бюрократии. Правда, образование, которое она получила, было крайне ограничено и односторонне, в основном оставаясь техническим. Знания об обществе подменялись, как правило, изучением очередной господствующей версии идеологии. Тем не менее сам факт приобщения к систематической логике науки, абстрактный уровень мышления подрывали слепую веру в мифы, столь характерную для миропонимания второго поколения правящей элиты.

Новая правящая элита состояла, главным образом, из руководителей наиболее влиятельных ведомств, миров среднего уровня, входящих в медиатор. Это были секретари обкомов, руководители республик, министерств, армии, органов безопасности, лица, отвечающие за отношения с зарубежными странами, и т. п. Два органа, действительно способные выносить важнейшие решения, Политбюро (Президиум ЦК) и ЦК, стали реальными формами организации управления правящей элиты. Они — собрания глав основных ведомств, контролирующих жизненно важные процессы в стране. Отставка главы ведомства неизбежно связана с его выходом из ЦК и Политбюро. На протяжении всей истории страны высшие органы власти воспроизводили эту вечевую форму управления через собрание большаков, т. е. глав локальных миров. Например, в XVII веке, как и в удельные времена, Боярская дума «состояла преимущественно из управителей центральных ведомств»⁵. По древнегреческим стандартам власть перешла от тирании к олигархии. При этом выявилось важное обстоятельство. Общество, возникшее в 1917 году, смело сословный строй и было практически антисословным, что органически было связано не только с волной крайних форм уравнительности, но и с антигосударственностью, с мощной антимидационной волной. Сословная система представляет собой результат определенного разделения труда, необходимого для функционирования государства. Попытка создать негосударственное общество на первом этапе была органически связана со стремлением предотвратить возникновение привилегий. Однако постепенно раскол, бесконечные конфликты, хаос неизбежно заставили формировать государство, стимулировать сословность со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сословность в обществе, далеком, как небо от земли, от гражданского, от правового

⁵ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 256.

государства, была очевидно необходима как сторона формирования государственности на догосударственной культурной основе. На ее пути стала, однако, не только массовая антисловная первобытная догосударственная уравнительность, но и постоянная склонность людей, идущих на службу государственности, к локализму, автаркии, к превращению любого учреждения, региона в замкнутое образование, склонное культивировать монополию на дефицит. Это вызвало жесточайший, находивший массовую поддержку снизу террор против растущих вместе с новым государством сословий. *Сословность, вышедшая на поверхность после краха крайнего авторитаризма, оказалась слабой, неорганизованной, лишенной традиций, своих специфических сословных ценностей.* Страх перед расколом и силами уравнительности мешал консолидации сословий, осознанию ими своих реальных государственных функций, способствовал росту локализма, ведомственности и местничеству, ведущим к конфликтам и хаосу. Тем не менее сословие, управляющее страной, вышло вперед, пытаясь опереться на всеобщее согласие, на своего лидера, способного одновременно установить согласие с народом. Собрание глав семейств, старцев градских, глав вотчин — вновь открылось за упавшей стеной крайнего авторитаризма.

Мясорубка, через которую прошло общество и которая, как казалось многим — и врагам, и сторонникам, — в корне его изменила, в действительности была лишь инструментом перевода и удержания общества в рамках дуальной оппозиции «соборность — авторитаризм». Крайний авторитаризм, который был вне критики и только что казался единственно возможной формой жизни, с молниеносной быстротой повернул к своей противоположности. Сама эта молниеносность свидетельствовала, что новый порядок был амбивалентен авторитаризму, был его оборотной стороной. *Новый идеал возник как результат вялой инверсии, вялого отхода от авторитаризма.*

С точки зрения специфики государственности новая система представляла собой результат стремления сместить ответственность вниз в рамках исторически сложившейся государственности, *сместить ответственность с первого лица к мирам среднего уровня*, т. е. к ведомствам, регионам, в тенденции к локальным мирам. Это движение не достигло полного торжества соборного идеала, локализма, хотя и шло именно в этом направлении. Локалистское движение прежде всего усилило значимость относительно самостоятельных частей общества. Новая система в соответствии с древней традицией сместилась к собранию большаков, к реальным главам частей общества. *Власть собрания частей, т. е. веча, приоб-*

ретала форму коллективного руководства. Этот порядок был компромиссным между авторитарной властью первого лица и властью локальных миров, в тенденции превращавшей в излишнюю власть государства вообще. Этот компромисс опирался на идеал всеобщего согласия верха и низа, всех уровней общества и государственной власти, на представления о народной Правде, несущей в каждой точке всеобщее согласие людей.

ПОБЕДА НОВОЙ ВЕРСИИ ИДЕОЛОГИИ

Модель псевдосинкретизма отошла от абсолютизации ипо-стаси авторитаризма, доведенной до тоталитаризма, где основой был жесткий, утрированный традиционализм. *Новая пятая господствующая версия была ориентирована на соединение трех этажей псевдосинкретизма на утилитарной основе. Утилитаризм здесь играл роль не только идеологического инструмента, соединяющего различия в единое целое, но и социального принципа, нацеливающего людей на обеспечение единства общества путем интенсификации всеобщей деятельности, преследующей утилитарные цели.*

Атмосфера всеобщего согласия опиралась на убеждение в естественности единства интересов медиатора и широких масс. Это единство мыслилось прежде всего во всеобщей напряженной работе народа и власти, опиралось на общее стремление к удовлетворению потребностей в питании, жилье, ширпотребе. Недавнее прошлое рассматривалось как серия ошибок, отпадение от правильного по сути учения. Нужно вновь совершить партиципацию к высшей Правде. Новое первое лицо Н. С. Хрущев (1955-1964) со всей определенностью торжественно провозгласил: «Не только наши потомки, а мы с вами... наше поколение советских людей будет жить при коммунизме!»⁶ «Движение к коммунизму» должно было осуществляться на основе коллективизма, т. е. системы соборных миров, включенных, однако, в систему синкретической государственности, управляемой на основе коллективных норм жизни.

Тем самым реальная власть переместилась от первого лица к сложной системе бюрократии, освободившейся от тяжелого бремени сверхцентрализации, оградившей себя от разрушительных террористических атак тоталитарной власти. Испытывая мощное давление снизу, новая власть освободила миллионы заключенных и прекратила массовый террор, что, кроме всего прочего, означало качественное из-

⁶ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 231; см. также с. 428.

меченые отношения к личности, признание ее жизни ценностью, признание ее права на пищу, жилье, подачу жалоб и т. д. Высшая ценность переместилась вниз. Началась новая жизнь.

Новая власть, следуя инверсионной волне, стремилась перестроить медиатор снизу доверху таким образом, чтобы, с одной стороны, он мог ассимилировать творческую активность народа, а с другой — обеспечить единство общества на основе интеграционной функции высшей власти. Делалась попытка привлечь на сторону власти ушедшие в подполье скрытые творческие силы разных слоев населения. Все общество перестраивалось. Каждое звено управлялось на основе идей всеобщего согласия, на основе коллективного руководства. Раньше любое учреждение находилось под властью его руководителя, контролируемого явно партийными органами и негласно — органами безопасности. Теперь власть получило вече, т. е. несколько лиц, обычно члены «треугольника» — руководитель учреждения, секретарь партбюро, председатель месткома; им приходилось считаться с мнением рядовых работников, если они высказывались достаточно настойчиво. Изменился характер совещаний: однозначные требования сверху стали корректироваться точкой зрения исполнителей. Шел процесс своеобразного раскрепощения бюрократии, или, по остроумному замечанию писателя Юрия Айхенвальда, «демократизации бюрократической верхушки» (1956). Неуклонно возрастала сфера компетенции низших этажей.

Про вече-треугольник, как и про все иные соборные институты, трудно было сказать, то ли это представительство низов, защищающих свою систему ценностей перед верхами, то ли это назначаемые сверху помощники, агенты верхов, необходимые для проведения авторитарной политики. Здесь амбивалентность вечевого идеала создает основу для всеобщего спонтанного согласия, для попытки найти некоторый промежуточный идеал, пытаясь удержать обе крайности вместе.

Н. Хрущев вышел из самых низов народа. Он любил хватать, что в детстве пас гусей. Эта колоритная фигура представляла собой контраст инверсионного типа по отношению к Сталину. Хрущев был идеальным воплощением новой инверсии, направленной на утверждение специфических ценностей ведомств, организаций, стремящихся жить в мире как с высшей властью, так и с народом. Он пытался сочетать интересы бюрократии с ценностями массового сознания, соединить бюрократию со стремлением к уравнительности, совместить

вражду к начальству и сословные привилегии, слить в единое целое разнородные силы.

В основе его действий лежал утилитаризм, выступавший в форме здравого смысла прижимистого мужичка, который блюдет свой интерес и которому в рот палец не клади. Хрущев взлетел вверх, так как новая ситуация требовала лидера, который имел бы какую-то мало-мальски пригодную интерпретацию новой массовой инверсии.

Новая власть начала сводить счеты с системой крайнего авторитаризма. В 1956 году на знаменитом XX съезде КПСС Н. Хрущев в докладе, который был опубликован в СССР лишь в 1989 году, потряс страну, подняв руку на мертвого диктатора⁷. Самым главным в этой речи были не разоблачения, которые приоткрыли лишь мизерную часть злодеяний, но факт легального покушения на Сталина, *самокритика системы*, попытка покончить с крайним авторитаризмом. Критика не отличалась глубиной, но в эмоциональном смысле была крайне острой и действенной.

Приход к власти нового поколения правящей элиты, противопоставившего себя сталинизму, тоталитарной форме синкретической государственности, породил «оттепель», определенную возможность независимой критики. Возникшая атмосфера надежды и возрождения напоминала атмосферу позднего идеала всеобщего согласия прошлого инверсионного цикла, царствования Екатерины II, александровской весны.

УСКОРЕНИЕ

Романтическая эйфория, присущая новой правящей элите, опиралась на уверенность, что реальное воплощение принципов Правды на основе всеобщего согласия позволит быстро удовлетворить утилитарные потребности народа. Отсюда — требование ускорить экономическое развитие общества. *Идея ускорения постоянно присутствовала на всех этапах псевдосинкретизма, хотя и в разных формах и степенях*. Она диктуется либеральной ипостасью псевдосинкретизма, хотя и в односторонней, искаженной форме. Идея ускорения постоянно стимулировалась растущим утилитаризмом, настоятельно требующим удовлетворения потребностей в благах. Доминирование утилитаризма посредством выдвигания на первый план материальной заинтересованности означало крутой поворот в псевдосинкретизме, что в конечном итоге было лишь одним из

⁷ Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях: Доклад XX съезду КПСС// Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128-170.

проявлений возрастающего массового утилитаризма. Традиционализм, по сути, противостоит утилитаризму. Тем не менее в определенных рамках они совместимы, и утилитаризм прорастает как бы изнутри традиционализма. Традиционализм в определенных пределах может быть вовлечен в процесс ускорения, когда последнее выступает как навязанное внешнее условие жизни, к которому можно и необходимо адаптироваться и которое можно рассматривать как средство воспроизводства традиционализма.

На этой нравственной смеси культивировались представления о необходимости за немногие годы пробежать тот путь, который США прошли за десятилетия. Потребность в этом определялась тем, что, например, сельское хозяйство давало продукции меньше, чем в прошлом глобальном периоде. Люди, которые сомневались в возможности догнать американцев раньше 1975 года, подвергались осмеянию. Н. Хрущев говорил: «Вы же видите, что многие колхозы буквально за два-три года увеличивают производство продуктов в несколько раз... Сила колхозного строя, патриотизм советского строя, советских людей, социалистическое соревнование позволят нам решить эту задачу в ближайшие годы». Писатель А. Стреляный, описывая одно из собраний, где обсуждалась эта проблема, замечает: «В этом смеющемся зале он (Хрущев) был самым трезвым человеком, не будем этого забывать, чтобы лучше понять, на какой почве он вырос»⁸. Если такой утопист, как Хрущев, был «самый трезвый», то каковы же были все остальные? Утопизм, вера в спасительность партиципации к Правде-истине, хотя и каждый раз различно трактуемой, сопровождали все этапы. В 1953 году выдвинута была задача за два-три года достичь уровня потребления продуктов питания, соответствующего научно обоснованным нормам. XX съезд партии сконцентрировал внимание на необходимости добиться «значительного повышения материального благосостояния и культурного уровня народа». Это вполне отвечало реальным стремлениям людей, которые, как говорилось в одном популярном анекдоте времен Сталина, были сходны с индейцами тем, что «были голые и с вождем». В ближайшие годы страна должна была догнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения. *Налицо было серьезный сдвиг: если раньше власть обращалась к народу главным образом на языке добра и зла, то теперь разговор шел в значительной степени на языке утилитаризма.* Однако этот утилитаризм произрастал на основе древней инверсионной логики, где результата предполагалось

⁸ Стреляный А. Год личной жизни. М., 1989. С. 118-119.

достигнуть не длительным трудом, а посредством чуда молниеносного перехода, где сам освобожденный от авторитаризма труд выступал как некоторое чудо. Тем не менее новый идеал знаменовал для людей начало новой жизни. Московский рабочий высказал следующую мысль: «Мы думали, что со смертью Сталина жизнь кончилась. Оказывается, она теперь только начинается».

Это стремление удовлетворить утилитарные потребности людей сливалось со стремлением сместить ответственность вниз. В марте 1956 года было принято прямо-таки революционное постановление об изменении практики планирования сельского хозяйства. В нем говорилось: «Для того, чтобы обеспечить государство всеми видами сельскохозяйственной продукции, совсем не требуется из центра доводить до колхозов и совхозов планы посева по всем культурам, планировать все виды скота и количество поголовья, не предоставляя возможность колхозам и совхозам проявить инициативу в более правильном и рациональном ведении хозяйства». Наносился мощный удар по самому принципу авторитарного управления. Сельскохозяйственные предприятия должны были учитывать необходимость обеспечить натуральные госпоставки продуктов полеводства и животноводства. В остальном они «по своему усмотрению определяют размер посевных площадей по культурам, а также продуктивность животноводства и скота по видам». Теперь планирование в сельском хозяйстве должно было начинаться непосредственно в колхозах совместно с МТС и в совхозах.

Практика «планирования снизу» вводилась не только в сельском хозяйстве. В промышленности должны были составляться предварительные планы на местах. Этими планами должны были руководствоваться планирующие организации при составлении общих планов. Идея таких новшеств заключалась в ограничении административного вмешательства в экономическую деятельность. В марте 1956 года было принято постановление, посвященное уставам колхозов. Оно было направлено против авторитаризма, против «нарушения колхозной демократии со стороны местных партийных, советских и сельскохозяйственных органов, когда колхозам навязываются общие, не отвечающие конкретным условиям производства и уровню развития хозяйства, организационные формы и хозяйственные нормативы». Колхозам разрешалось «самим дополнять и изменять отдельные положения принятого сельскохозяйственной артелью устава с учетом местных конкретных условий колхоза». Иными словами, допускались новшества да-

же в сфере организационного творчества, повышающего разнообразие колхозов, хотя и в узких рамках.

Расширились права местных советов. В 1956 году было принято постановление о повышении зарплаты низкооплачиваемым рабочим и служащим, принят закон о пенсиях, в 1957 году расширена программа жилищного строительства. В 1957 году были отменены обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов с личных хозяйств рабочих и служащих, принято постановление Пленума ЦК «О работе профессиональных союзов СССР», которое объявляло производственное совещание рабочих и служащих постоянно действующим органом. Тем самым ставилась задача вовлечь работающих в управление производством. В 1956 и 1959 годах были приняты постановления об улучшении общественного питания.

Государственному крепостничеству также был нанесен серьезный удар. 25 апреля 1956 года был принят указ «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений, за прогул без уважительных причин». Трудящиеся получили право уйти с работы, предупредив об этом администрацию за две недели. Положение это, однако, не касалось десятков миллионов колхозников, не имевших паспортов. Принципиально изменилась атмосфера в сообществах на всех уровнях. Раньше любой промах мог рассматриваться как вражеский выпад. Для новой версии характерна тенденция сглаживать острые углы, не усложнять обстановку; отсюда попытки помочь провинившемуся исправиться и включиться в общий ритм. Характерно нежелание акцентировать внимание на фактах реальных нарушений, подчас приобретающее комические или уродливые формы (например, коллективы обязывались брать на поруки подчас серьезных преступников). Такая позиция определялась традиционной верой в силы, присущие сообществу, локальному миру, связанному общими целями и системой личных отношений. *Новая версия псевдосинкретизма отходила от машинного идеала, увеличивая ценность личности, двигалась навстречу ее утилитарным потребностям.* Некоторые преграды перед инициативой исчезли, усилилась возможность прямо или косвенно получать выгоду от улучшения производительности на всех уровнях. Началась реализация эффекта, который можно было получить, опираясь на обыденное сознание, за счет ликвидации вопиющих, бросающихся в глаза фактов бесхозяйственности.

Важным фактором был рост активности в производстве, усиление ее стимулирования. Определенные успехи были и в сельском хозяйстве. Например, за первые пять лет пребывания

Хрущева у власти заготовки мяса выросли на 162%, молока — на 205%, зерна — на 189% и т. д.

СЛАБОСТЬ СРЕДИННОЙ КУЛЬТУРЫ

На фоне некоторых сдвигов очевидны также и явные слабости пятой версии псевдосинкретизма. Слабость всех промежуточных идеалов была результатом слабости срединной культуры, ее недостаточной способности сдерживать натиск манихейства, стремления миллионов отвечать на стрессовую ситуацию движением от одной крайности к другой. Теперь, однако, существовал фактор, способствовавший ее укреплению. Развитие сословий тормозило в определенных пределах опасность разгула манихейства. Рост утилитаризма в массовом сознании действовал в том же направлении. Сложилась противоречивая ситуация. Правящая элита, стремясь к коллективному управлению, опиралась на мощную антиавторитарную инверсионную волну, которая объективно подрывала централизованную организацию вообще. Отношения между этой инверсионной волной и правящей элитой носили двойственный характер. С одной стороны, эта волна несла социальную энергию, питающую государство. Эта сила дала возможность бюрократии бороться против крайнего авторитаризма, открывалась возможность для компромиссов на основе получения социальной энергии из прогрессивных инноваций. Но, с другой стороны, эта волна могла разрушить всю организацию медиатора, лишит власть возможности нормально функционировать, перенося центры власти в локальные миры. Правящая элита боролась, с одной стороны, с крайним авторитаризмом, с попыткой его реставрации, с авторитарным вариантом синкретической государственности, с другой стороны, она противостояла «жидкому элементу», склонному оставить без поддержки организационные центры власти, в лучшем случае поддерживать соборный вариант синкретической государственности.

Новая власть мучительно пыталась наладить коммуникации с народом посредством утилитаризма и расширения прав низов. Но исконная враждебность к начальству создавала для этого противоречивые условия. Положение правящей элиты было крайне сложным. С одной стороны, она была заинтересована в децентрализации для стимулирования творческой энергии, для освобождения организаций от давящего централизма. С другой стороны, именно в этой политике таилась угроза медиатору. Поскольку децентрализация неизбежно угрожала ослаблением центральной власти, то наверху одновременно со стремлением к децентрализации возникло стремление к цент-

реализации. Этот абсурд получил выражение в усилении влияния низов и одновременно власти первого лица, что подрывало организационную основу общего согласия.

Сложившийся порядок подвергался нажиму с обеих сторон: с одной стороны, имели место попытки сместить ответственность вверх, т. е. в той или иной степени вернуться к авторитаризму, а с другой стороны, стремление сместить ответственность вниз, к локальным мирам, ослабить государственность. Кроме того, прекращение террора выдвинуло на сцену еще одну важную силу — либеральное движение, стремление к развитию демократии, к восстановлению товарно-денежных отношений. В этой сложной ситуации Н. Хрущев не занял ясной позиции. На попытку сил авторитаризма сместить его в 1957 году он ответил усилением своей личной власти, совместив в 1958 году посты руководителя и партии, и правительства и усилив авторитарные методы управления в частности, в сфере экономики.

ОТ ВЕДОМСТВЕННОСТИ К МЕСТНИЧЕСТВУ

В стране явно нарастало расползание сил, составляющих единство идеала всеобщего согласия, что было в конечном итоге характерно пока для всех без исключения этапов господства идеала всеобщего согласия в России. Как и в прошлом, силы, которые могли сознательно защищать единство, оказались слабы и неспособны закрепить достигнутый успех. Усилив свою власть, т. е. централизацию, Н. Хрущев амбивалентным образом использовал ее для дальнейшей децентрализации, т. е. в соответствии с инверсионной волной, идущей к увеличению значимости и ценностей локализма. Эти попытки примирить необходимость идти навстречу локализму и одновременно сохранять централизацию приобретали подчас комичный характер. Например, «приближение руководства к исполнителю» воплотилось в переводе министерства сельского хозяйства и других организаций на периферию. Попытка, как говорилось в анекдоте, посвященном Хрущеву, «соединить пол и потолок», объяснялась стремлением уменьшить слой между верхом и низом, унифицировать управляющие сословия, максимально приобщиться к двухэлементной модели общества — этой вечной утопической мечте.

Хрущев, следуя инверсии, использовал власть для давления на бюрократию. В подконтрольной печати, кино и других формах массовых коммуникаций были нередки выпады против руководящих работников. Огонь критики направлялся против образа обобщенного бюрократа. В одной из речей Хрущева

прозвучала явная угроза. Он предупреждал, что народ все видит и знает и что каждый работник должен бояться людей, которые могут написать на него жалобу. Он поощрял жалобы на начальство как средство борьбы со злоупотреблениями. Были поползновения ослабить бюрократию, урезая ее негласные доходы, а также передавая некоторые ее функции в ведение общественности. Наконец, было принято решение о периодической замене руководства партийных и профсоюзных органов, вплоть до высшего.

Очевидное ухудшение хозяйственного состояния обусловило принятие руководством страны в феврале — мае 1957 года решений «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». Они были направлены против ведомственной централизованной системы управления экономикой и ставили задачу «приближения руководства к экономическим районам, расширения прав союзных и автономных республик, повышения роли местных партийных и советских организаций, а также профсоюзов». Хрущев и его сторонники пытались заменить ведомственный принцип управления, связанный с отвергнутым крайним авторитаризмом, на территориальный, который отвечал требованиям локальных ценностей. Была сделана попытка организовать управление промышленностью и строительством по территориальному принципу. Местная бюрократия получила власть над хозяйством. Тем самым был сделан важный шаг в воплощении ценностей локальных миров. Реформа 1957 года по своему направлению совпадает с административной реформой Екатерины II на соответствующем этапе первого глобального периода. Для нее была характерна не только децентрализация, стремление перенести из центра на периферию функции управления и контроля. Функции департаментов петровских центральных коллегий были тогда расчленены по губерниям. Общий дух идеала всеобщего согласия породил принципиальное сходство реформ в разных исторических эпохах.

Локализм, разрушая авторитаризм, фактически подрывал централизацию, которая обеспечивала единство хозяйственной системы. Замыкание связей на совнархозах, минуя министерства, создало бесчисленные новые проблемы. *Засилье ведомственности сменилось засильем местничества.* Раздробленная территориально промышленность утратила прежние малоэффективные бюрократические инструменты обеспечения прогресса производства, сломана была сложившаяся система воздействия бюрократического аппарата на предприятия в целях внедрения новой техники. Немедленно началось стремление совнархозов к автаркии. Хрущев пытался с этим бороться. Как

это всегда было свойственно псевдосинкретизму, он боролся с последствиями уже принятых решений. Он метался между двумя крайними, совершенно исключаящими друг друга принципами, т. е. следовал логике хромающих решений. Усилился административный нажим на местах. За нарушение плановых поставок была установлена уголовная ответственность.

Хрущев был весь во власти стремления соединить организацию с инициативой низов. Это привело к беспрецедентной реформе. В ноябре 1962 года было принято постановление о переходе к производственному принципу построения руководящих органов партии снизу доверху. Партия разделялась на две, одна из которых управляла промышленностью, другая — сельским хозяйством, что подрывало медиационную функцию партии. Хрущев в своем стремлении следовать антиавторитарной версии, в попытке удовлетворить утилитарные потребности общества пренебрег центральной идеей псевдосинкретизма, т. е. необходимостью подчинить всю жизнь общества решению медиационной задачи. Хрущев, как и его окружение, имел весьма слабое представление о действительной сути общества, которым они управляли. Их мнения формировались инверсионной волной, что толкало к ломке всей медиационной системы и к подчинению ее задачам материального производства, к решению хозяйственных утилитарных задач.

При Сталине решение медиационной проблемы было поставлено под угрозу в результате одностороннего укрепления медиатора, парализовавшего воспроизводственные процессы и оторвавшего власть от повседневных забот людей. При Хрущеве угроза решению медиационной проблемы шла с противоположной стороны, в результате усиления разрушительного для синкретической государственности локализма.

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ НЕ РОЖДАЕТ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ»

Постепенно сложившийся порядок сталкивался со все более неразрешимыми проблемами. Система отвечала на его мероприятия подчас разрушительным образом. Предоставление возможности планирования снизу привело не к активизации масс, которые этим мало интересовались, что еще раз опровергало основное заблуждение интеллигенции, а к активизации местного начальства, которое вопреки логике и смыслу подчас принимало фантастические обязательства, пыталось перешеголять друг друга. В этом был определенный риск. Но, видимо, не слишком большой. Опыт говорил, что кампании проходящи.

Кроме того, планы утверждались сверху, и можно было рассчитывать, что абсурдные цифры не пройдут.

Я наблюдал этот поразительный рост «творчества» низов, когда ничего не стоило запланировать по 600 яиц на курицу там, где по отчету не было и 100. Я работал в это время председателем плановой комиссии одного из сельскохозяйственных районов Тульской области. Непосредственные впечатления и наблюдения сильно подорвали мои народнические иллюзии, представления, что беды идут от «плохого начальства». Колхозников не интересовало, откуда идет планирование — «сверху» или «снизу». Они просто жили своей особой жизнью, которая постоянно «отпадала» как от бюрократического манипулирования, так и от стремлений навязать им какие-то новые обязанности по осуществлению собственных прав, которых эти люди не добивались. Отказ от типового устава сельскохозяйственной артели означал, что теперь колхозы могли сами формулировать и принимать уставы, не следуя официально установленному канону, лишь не нарушая существующего законодательства. Меня поражали вновь принятые уставы, которые в районе все приходили ко мне. Во всех без исключения переделанных уставах власть в колхозах четко и ясно смещалась вверх, т. е. от собрания колхозников к правлению и председателю колхоза. Никакого давления в этом направлении со стороны районного и другого начальства я не наблюдал. Следовательно, попытка открыть дорогу демократии фактически вполне спонтанно приводила к выявлению авторитарных тенденций в масштабе колхоза, к активизации вечевого идеала на низовом уровне. Эти процессы имели еще одно важное последствие. Принятие новых уставов было использовано для начала кампании против лиц, проживавших на территории колхозов, но работавших в райцентре, на железной дороге, в промысловых артелях и т. д. Этим «бездельникам» уменьшали приусадебные участки, вовсе лишали их, не давали лошадей для подвоза топлива и т. д., всячески вынуждая вернуться на работу в колхоз. Это была, по сути, форма очередного витка борьбы за уравнительность. Один из председателей колхоза на мое недоумение по поводу этой «второй коллективизации», как некоторые пытались назвать эти акции, объяснил свои действия хрестоматийно примитивно: «Я вкалываю на земле, а почему он (железнодорожник) должен получать зарплату и пенсию?» Председатели в это время получали и зарплату, и пенсию, но это мало что меняло. Это мнение председателя, по моим личным впечатлениям, вполне отражало общее настроение колхозников. Эти парадоксальные тенденции остались вне внимания советской науки. Они свидетельствовали о том, что

колхозники боролись не за демократию, а за уравнительность. Следует отметить, что притесняемые таким образом граждане не могли искать защиты у местных властей. Правовой статус приусадебных участков лиц, проживающих в колхозах, был таков, что закон не мог защитить этих людей от попыток колхоза обрезать эти земли «по самое крыльцо». Если бы наука могла обратить внимание на эти процессы, то стало бы достаточно ясно, что *колхозы функционировали не как искусственный результат государственного насилия. Колхозы функционировали как особый тип сообщества, вполне вписывающийся в историческую традицию крестьянской общины, включенной в медиатор общества.*

Раскрылась прискорбная картина, находящаяся в полном противоречии со старой верой в освобожденную народную Правду. Попытка высшего руководства освободить эту Правду, обратиться к ней вызвала к жизни активизацию начальства среднего и низшего звена, развитие авторитарных тенденций в низах, ущемление прав какой-то части населения другой частью. Росли конфликты внутри локальных миров, связанных с борьбой за ресурсы.

Следует отметить, что этот процесс децентрализации в условиях господства синкретической государственности не является уникальным историческим явлением. «Как показывает анализ исторического процесса (это особенно очевидно на примере Древнего Египта, чжоуского Китая, но прослеживается также и в Индии, Западной Азии), от политической децентрализации выигрывают лишь региональные правители, которые приобретают автономию, а то и независимость... Эта тенденция к феодально-удельному сепаратизму, однако, при всем своем дестабилизирующем воздействии на метаструктуру в целом не приносит в нее ничего принципиально нового... Сама структура и все свойственные ей отношения остаются неизменными, изменяются лишь масштабы... политическая децентрализация не рождает новых социальных тенденций...». Это обобщение мирового исторического опыта крайне важно для понимания локализма, к которому не без колебаний двигалось общество, разрушая господствовавшие до того нравственные идеалы.

В России этот процесс носил глубоко специфический характер, связанный с существованием раскола и одновременным стремлением общества к модернизации. На попытку обеспечить ускорение, заставить аппарат всеми методами организовать обгон Америки по производству продуктов сельского хо-

⁹ Васильев Л. С. Курс лекций по древнему Востоку (Средний и Дальний Восток). М., 1984. С. 96.

зьяства общество ответило «рязанской катастрофой» (выражение братьев Ж. и Р. Медведевых). Секретарь рязанского обкома, которого Хрущев сделал кумиром и «маяком» для всей страны, тип советского Ноздрева, дал обещание увеличить производство мяса в пять раз. Чудо, обещанное в 1917 году, как казалось, становилось наконец реальностью; миф материализовался. Для выполнения этого обязательства отправили на мясо почти весь скот области. Под предлогом эпидемии скот просто-напросто отбирался у колхозников. Колхозы вынуждены были для выполнения обязательств закупать мясо. Молоко разбавлялось водой. Вся эта история выплыла наружу. Не только в Рязанской, но и в других областях «хватали и гнали на бойню все, что могло передвигаться на четырех ногах: стельных коров и супоросных свиней, телят, поросят, которым бы еще расти и расти... Ожили времена феодального разбоя: одна область промышляла на территории другой»¹⁰.

Приписки в возрастающих масштабах стали для консервативного традиционного сознания средством разрешения противоречия между необходимостью каждого сообщества адаптироваться к сложившейся социальной среде, включая деятельность начальства, и невозможностью, неспособностью следовать курсом ускорения, т. е. совершать все те действия, которые предписывались начальством. Подобные действия исторически в стране рассматривались как воплощение «дурости», на которое крестьяне отвечали высказываниями типа «барин дурит». Волонтаристский нажим сверху встречался внизу либо разрушительной интерпретацией указаний, либо имитацией выполнения требований, которую традиционное сознание, тяготеющее к ритуализации диалога с начальством, могло и не отличать от реального выполнения этих требований. В конце концов, никогда не было известно, что требует начальство — реальный продукт или комфортный отчет о нем. Партийное руководство на местах буквально лезло из кожи, чтобы выполнить и перевыполнить план по сдаче тех или иных продуктов сельского хозяйства. Это стремление давало определенный эффект, например, повышение надоев. Но в конечном итоге оно носило разрушительный характер, так как подчиняло всю сложную систему хозяйства одной узкой частной задаче, например, достижению первого места по сдаче сегодня мяса, а завтра молока. Система кампаний, истерических попыток совершить переворот за счет сменяющих друг друга попыток организовать чудо, т. е. разведения кроликов, производства торфоперегнойных горшочков, механической дойки,

¹⁰ Стреляный А. Год личной жизни. С. 125.

кукурузы, ликвидации паров, освоения новых земель и всех иных витков хромающих решений, будучи формой проявления раскола, разрушала стабильность организационных связей, усиливала сопротивление власти и неуважение к ней. В этой системе приписки стали формой коммуникации между уровнями управления, формой защиты нижних уровней от разрушительного нажима верхов. Разумеется, приписки при этом разрушительно действовали на нравственное состояние общества, на реальные связи, превращаясь в мощный фактор общей дезорганизации. Кроме того, растущий утилитаризм позволял в возрастающих масштабах использовать приписки как элемент коррупции, условие хищений и разграбления общества.

Все попытки хрущевских реформ совершить чудо наталкивались на препятствия, которые были заложены в прошлом и не были известны реформаторам. Стремление поднять сельское хозяйство, обогнать США в этой области оказалось безрезультатным. Здесь Хрущев пошел по линии наименьшего сопротивления, действуя экстенсивными методами и тем самым оставляя страну в зависимости от стихийных факторов природы. Попытка решить проблему сельского хозяйства за счет значительного расширения посевных площадей означала, что ставка в конечном итоге делалась не на качественный подъем, не на повышение уровня культуры и организации. Освоение целинных и залежных земель подорвало исторически сложившееся животноводство на обширных территориях и было связано с громадными затратами.

Новая правящая элита была далека от понимания причин низкого уровня сельского хозяйства, его неспособности удовлетворить общество. Причины этого лежали в том, что страна унаследовала все то же «первобытное» сельское хозяйство, выросшее на экстенсивной основе и не склонное к инновациям, повышающим эффективность. Поэтому пути его подъема лежали прежде всего в развитии высших форм городской культуры, освоение которой на уровне личности — абсолютно необходимая предпосылка решающего подъема сельского хозяйства. Однако новый строй, хотя и шел под лозунгом ведущей роли городского рабочего класса, тем не менее привел к разрушению интеллектуальных сил общества. В стране происходила не столько урбанизация, сколько псевдоурбанизация, не столько интеллектуализация деревни, сколько «деревенизация» города.

Опыт Запада изучался, но весьма односторонне. Результаты поездки министра сельского хозяйства В. Мацкевича в

США, отчет о которой был опубликован в виде книги¹¹, произвели ошеломляющее впечатление. «Открыли Америку», как сказал М. Макаров, председатель райисполкома Заокского района Тульской области, ознакомившись с книгой. Однако в опыте Америки искали прежде всего технологические и технические аспекты. Совершенно игнорировалась организационная сторона, вся система ценностей, которая лежала в основе движущих сил развития сельского хозяйства США. Вывод, который сделал Хрущев из американского опыта, заключался в следующем: «Никакой особой особенной американской мудрости нет. Удобрений много вносят...»¹². Эта точка зрения может служить классическим примером того, как даже жизненно важные проблемы одной культуры не могут быть поняты представителями другой, которая не столкнулась еще с соответствующими пластами реальности — с организационной революцией, с влиянием рынка на рост производства и т. д. Все богатство опыта в этом высказывании Хрущева сведено к технологическому элементу, что свидетельствовало прежде всего о культурном потолке, существующем на данном историческом этапе в данном обществе, о редуccionистском сведении высшего к низшему, что отрезало путь к высшему.

Всякая попытка поднять сельское хозяйство наталкивалась на исторически сложившиеся нарушения закона соотношения отраслей, на неэквивалентный обмен между отраслями. Ориентация высшей власти на низы неизбежно вызывала попытки изменить перераспределение ресурсов в значительной степени через изменение цен. В 1953-1955 годах закупочные и заготовительные цены на продукцию сельского хозяйства были повышены в три раза. Сельское хозяйство стало рентабельным. Тем самым была сделана попытка изменить поток перекачивания средств из сельского хозяйства на обратный.

Однако постепенно усилились тенденции к восстановлению старого порядка. В 1959 году цены на запасные части были повышены на 90%, начиная с 1958 года неоднократно снижались заготовительные цены. Принудительная продажа техники колхозам нанесла серьезный урон их экономике. В 1963 году очередная засуха выявила полную неспособность страны решить сельскохозяйственную проблему. Пришлось провести громадные закупки зерна за рубежом.

¹¹ *Мацкевич В. В.* Что мы видели в США и Канаде (Впечатления участников Советской сельскохозяйственной делегации 1955 г.). М., 1956.

¹² См.: *Стреляный А.* Год личной жизни. С. 166.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

Попытка удержаться на основе идеала всеобщего согласия привела к ослаблению террора и идеологического пресса. Хрущев искренне верил, что только сумасшедшие могут выступать против разделяемых им идеалов. Тем не менее таких «сумасшедших» оказалось много. Важнейшим источником несогласия была постепенно возрождавшаяся после сталинских погромов интеллигенция, *выход на свет остатков духовной элиты*. Независимо от точек зрения на те или иные проблемы сама возможность легализации ее голоса несла опасность для официальной идеологии. Голоса духовной элиты всегда защищали некоторую последовательную систему нравственности, некоторую особую логику отношения к миру, к самим себе. Эта внутренняя последовательность по самой сути противостояла псевдосинкретизму, который постоянно формулировал свои решения, комбинируя, эклектически соединяя разные, разрушающие друг друга логики. Встреча этого принципа с любой последовательной точкой зрения приводила рано или поздно к неизбежному конфликту. *Отсюда столкновение правящей элиты с либеральной интеллигенцией.*

Важнейшим условием роста компетентности власти должен был служить поиск путей диалога с духовной элитой. Этому мешал раскол между элитами, который получил, в частности, форму культурного разрыва, мешающего установлению элементарного взаимопонимания. На ряде встреч руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией, проведенных в 1962 и 1963 годах, Хрущев со свойственным ему хамством не оставил сомнения в том, что никакое творчество, опирающееся на собственную основу, а не на костыли официальной идеологии, не будет допущено. Власть увидела в художественном творчестве силу, опасную для псевдосинкретизма. Было принято решение добить «Новый мир». Неудобный власти редактор неудобного журнала А. Твардовский был обречен. Журналу и ему лично был нанесен ряд сокрушительных ударов.

Разгром «Нового мира» означал, что либерализм был опять загнан в подполье. Диалог не получился, так как власть говорила на языке псевдосинкретического манипуляторства, тогда как силы, вступившие на путь нравственного, духовного развития, следовали своей внутренней логике. Либерализм объективно был направлен на выдвижение в обществе на первый план сил, способных выйти за рамки борьбы между разными формами синкретического государства. С либерализмом связана борьба иного типа, т. е. между синкретической государ-

ственностью во всех ее формах, с одной стороны, и силами демократии, гражданского общества и правового государства — с другой. Либерализм, однако, был слаб, малочислен, часто не осознавал своей специфики.

И все же значение этого слабого либерализма было исключительно велико. Появился слой, который объективно, даже независимо от своей оценки ситуации, вступил в конфликт с псевдосинкретизмом, отказался от логики конъюнктурной мотивации. Это открывало путь медиации, накоплению культурного богатства, формированию новых более глубоких альтернатив.

«БАРИН ДАЛ, БАРИН ВЗЯЛ»

Однако главной опасностью для государственности пятого этапа был не слабый и разрозненный либерализм, а неуклонное усиление раскола общества. Реформы сталкивались с непреодолимым препятствием: элементы расколотого общества отвечали не неудачи реформы различным, подчас противоречивым образом, увеличивая общую дезорганизацию, подрывая всеобщее согласие.

Развитие творческой активности шло какими-то своими путями. Все в меньшей степени его можно было использовать для роста производительности на государственных предприятиях, для медиатора. Оно шло преимущественно по пути активизации локальных ценностей. Широкие слои в основном игнорировали попытки власти вовлечь их в деятельность официальных органов управления, возвысить активность до уровня общесоциальных ценностей. Люди не имели ни опыта участия в управлении, ни опыта повседневной организационной работы, ни стимулов борьбы за прогресс производства. Постоянно действующее производственное совещание получило в народе название «постоянно бездействующего». Материальное стимулирование также не привело в достаточных масштабах к росту производства. Характерен ответ, который дал в то время мне крестьянин Тульской области на вопрос, почему же теперь колхозники плохо работают, хотя, не в пример прошлому, они стали лучше зарабатывать: «Барин дал, барин взял». Иначе говоря, действия власти случайны и импульсивны, подчиняются капризам, не поддаются прогнозам, верить ей нельзя. Никакой связи между очередной попыткой власти усилить материальное стимулирование и своей работой, результатом своего труда этот человек не видел. И то, и другое существует для него само по себе. Следовательно, увеличение оплаты не соединялось в сознании с необходимостью более эффективного

труда. Об аналогичных настроениях писал, например, веком раньше А. Энгельгардт. Крестьяне по поводу прощения недоимок и уменьшения выкупных платежей говорили: «Эти недоимки сложат — новых наделают»¹³. Все бури, прошедшие над страной, не вытеснили господства в массах локальных ценностей, отношения к власти как к внешней силе, за действия которой рядовой человек никакой ответственности не несет и которая оценивается негативно. Это не означает, что в народе не активизировалась инициатива. Усиливался умеренный утилитаризм в его индивидуалистической версии, что вело к уходу жизни, творческих сил из-под влияния сложившегося порядка. Власть вступила с этими процессами в ожесточенную борьбу. Стремление стимулировать инициативу непостижимым образом превратилось в политику ограничения инициативы, в систему хромающих решений. Началось наступление на приусадебные участки, на личное подсобное хозяйство колхозников, рабочих и служащих, т. е. *на рост локализма власть отвечала авторитаризмом*.

Стремление власти идти навстречу ценностям низов столкнулось с тем, что это фактически поощряло накопление социальной энергии в локальных мирах таким образом, что делало ее малодоступной для медиатора. Правящая элита вновь и вновь стремилась поставить личность в максимальную экономическую зависимость от государства, отсечь ее возможность накапливать и тратить свою энергию вне рамок медиатора. Однако тем самым истреблялись жизненно важные источники творческой энергии. Здесь вновь *повторилась старая российская тенденция подавлять мелкое индивидуальное производство* и вынуждать людей отдавать свой труд производству, слитому с монополией синкретического государства. Совершенно естественно, что эта политика вступила в конфликт не только с индивидуальной версией умеренного утилитаризма, но и с растущим слоем, склонным к развитому утилитаризму. Этот медленно оживающий слой хорошо откликался на стремление власти поставить зависимость оплаты от количества и качества труда. Однако именно эти люди оказались неудовлетворенными системой и уровнем оплаты. Они усиливали поиск путей удовлетворения своих утилитарных потребностей способом, независимым от государства. В сложившейся ситуации деятельность этого слоя принимала подчас уродливые формы хозяйственных преступлений, с которыми Хрущев боролся, не брезгуя даже смертной казнью.

¹³ Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987. С. 531.

АКТИВИЗАЦИЯ РАСКОЛА

Активизация народа приобрела формы, свидетельствующие о глубоком расколе в обществе. Массовое поведение подчас дезорганизовывало общество, что доходило до столкновений с властью. По стране, по отдельным районам подчас прокатывалась паника. Поводы, вызывавшие панику, установить трудно. Ими могли быть случайные обстоятельства (например, передача московского радио, в которой диктор Ю. Левитан навязчиво, с драматическим пафосом вещал об очередном агрессивном акте мирового империализма). Припоминаю, в районе, где я работал, случались паники, вызванные туманным по существу, но весьма эмоциональным сообщением, связанным с корейской войной. Главным образом паника выражалась в массовой закупке товаров — таких, как мыло, соль, спички и вообще всё, что попадалось на глаза. Подобные явления могли иметь место в специфических условиях, когда отсутствует доверие к власти, при сильном, постоянно подогреваемом страхе перед войной.

Недоверие к власти стимулировалось проведенной Хрущевым денежной реформой, замораживанием всех внутренних государственных займов. Слухи о новых реформах вызывали панику. Люди выстраивались в очереди у сберкасс и либо забирали свои вложения, либо наоборот — вкладывали деньги, полагая, что, оставляя их на руках, они имеют больше шансов их потерять. Все это свидетельствовало о том, что *народ и власть разделяла пропасть: отсутствие взаимопонимания, взаимный страх и ожидание каких-то совершенно неожиданных действий.*

Иногда дело доходило до открытых массовых выступлений. Солженицын писал, что события в Новочеркасске (1962) завязали «важный узел новой русской истории»¹⁴. События в Новочеркасске укладываются в традицию русского бунта с отсутствием конструктивной программы социальных изменений и обращением к справедливости власти. Основным лозунгом было, видимо, требование: «Пусть о нас проявят заботу». Люди говорили, что «ни хрена нет», т. е. ничего нет в магазинах, «начальство не думает», кругом «безобразия». События были вызваны повышением цен, ухудшением продовольственного снабжения, пересмотром тарифных ставок, т. е. речь шла не о защите прав, высоких идеалов, а о физическом существовании. После нескольких дней растерянности власти учинили жестокую расправу.

¹⁴ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2.

Действия определенных кругов населения представляются власти иррациональными, как некогда иррациональным было поведение крестьян в глазах царских чиновников. Однако новая власть еще меньше представляла себе, что это за люди, какова их численность и «география», в чем смысл их требований и что следует предпринять для установления контакта с ними.

УТИЛИТАРИЗМ И ВЛАСТЬ

Хрущев приобретал свой статус первого лица принципиально иным образом, чем это было в прошлом. Русские цари черпали свой престиж из исторически сложившегося социального института царской власти. Хрущев не был классическим харизматическим вождем, хотя элементы харизмы у него, несомненно, присутствовали. Харизматический вождь черпал свой престиж из оценки личности вождя как вновь найденного тотема. Харизматическим вождем мог стать тот, кто сумел каким-то образом вписаться в представления массового сознания о вожде-тотеме. Именно таким образом получали свое влияние первые вожди нового общества, так как старые институты себя дискредитировали и не могли обеспечить авторитет первого лица. Однако Хрущев не принадлежал ни к первой, ни ко второй группе. *Он пришел к власти на волне возрастающих утилитарных требований, явившихся реакцией на аскетизм прошлого.* Однако специфика господствующей культуры не позволяла власти надеяться на возможность решать медиационную задачу, опираясь на чисто утилитарные ценности, хотя элемент утилитаризма в системе ценностей общества постоянно возрастал. *Власть не могла быть чисто утилитарной, так как в стране преобладали уравнительные ценности,* стремление получать, независимо от результатов, за то, что «вкалывал». Правление Хрущева раскрыло ранее скрытое серьезное противоречие общества. Оно по своей исторически сложившейся природе развивалось как соответствующее государственности синкретического типа. Нестабильность институтов медиатора, периодически возникающие кризисы стимулировали стремление найти харизматического вождя. Однако банкротство сталинской аскетической харизмы инверсионным образом вызвало к жизни первое лицо, склонное обеспечивать рост утилитарных благ. Это в конечном итоге выявило социокультурное противоречие между активизацией массовых утилитарных ценностей и системой синкретической государственности, системой социальных отношений, недостаточно стимулирующих прогресс производства в соответствии с ростом

потребностей. В принципе, вообще умеренный утилитаризм в силу своей ограниченности не может быть основной нравственной базой государственности, так как он склонен к локализму, не способен обеспечить сложную систему ответственности личности за функционирование государственности.

Личность Хрущева воплотила в себе это противоречие. С одной стороны, он пытался быть народным вождем, выступающим против бюрократии в защиту интересов широких масс. Но, с другой стороны, консервативный характер общества толкал его на использование государства для принудительной модернизации, что рассматривалось как средство для обеспечения роста материальных благ. Административное давление подорвало сами идеалы всеобщего согласия. Хрущев объективно претендовал на харизматическую власть, но ее утилитарное содержание не соответствовало исторически сложившимся формам власти первого лица в стране. Хрущев, стремясь быть своим для народа, тем самым объективно подрывал веру в то, что власть несет высшую Правду. Он был слишком похож на простака с улицы, с которым можно было «сообразить на троих», чтобы люди могли поверить в его способность олицетворять высшую Правду. «Слыхал, чего наш Бобик натворил?» — так реагировал московский рабочий, узнав о срыве Хрущевым совещания в верхах в 1960 году. Казалось, что Хрущев сделал все, чтобы вызвать скептическую, издевательскую реакцию, что приводило к десакрализации его власти. Нашумевший эпизод на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, когда он стучал по столу снятым башмаком, вызвал почти всеобщий восторг. Но это было восхищение клоунадой, а не дань уважения вождю.

Отрицательные последствия реформ Хрущева были очевидны и служили поводом для бесчисленных убийственных анекдотов. Судя по ним, массы видели реальный факт невежества Хрущева. В одном из анекдотов его жена, разоблачая самозванную соученицу своего мужа, утверждает: «Он и в школе никогда не учился». Ирония стала элементом отношения к высшей власти, рассматриваемой как скопище дармоедов. О Хрущеве существовало мнение, что он хорошо устроился, т. е. достиг всего, к чему мог стремиться средний умеренно-утилитарно настроенный человек. Массовое представление о Хрущеве сливалось скорее с древним представлением о «начальстве», которое «дурит», а не с вождем-тотемом. Трагедия государственности заключалась в том, что власть не могла найти твердое основание ни в институтах, ни в харизме, ни в утилитаризме.

Вместе с тем рост утилитаризма открывал новые возможности для решения медиационной задачи. Рост утилитаризма был формой роста срединной культуры, роста способности решать и действовать, не прибегая к инверсионным поворотам. При всей слабости этого процесса по сравнению со сложными задачами, стоящими перед страной, стремление к материальным благам способствовало известной тенденции ослабления непримиримости к социальному неравенству, открывало отдушину в виде возможности перехода личности в более высокое сословие. Усиливалась концентрация творческой энергии личности на стремлении повысить свой престиж, не разрушая сословный строй, не поднимаясь вверх по сословной лестнице. Этому способствовало и усиление традиционных для России представлений о полезности власти как охранителя порядка, как источника материальных благ. Рост утилитаризма открывал возможности примирения с неправдой во имя пользы и, следовательно, мог ослабить ненависть правдолюбцев к тому, что в их собственных глазах было кривдой (например, начальство).

Рост утилитаризма был формой роста низших этажей срединной культуры. Однако этот процесс был еще слишком слаб, чтобы в решающей степени вытеснить синкретическое и манихейское отношение к власти. Подобный поворот означал бы победу прогрессивной формы изменений и отступление инверсионной.

Пятый этап второго глобального периода показал, что попытка возвести умеренный утилитаризм на уровень высшей ценности, отождествить его с высшей Правдой не создает достаточно эффективной жизнеспособной основы для функционирования государственности, для обеспечения модернизации, для решения медиационной задачи. По сути дела, аналогичный результат имел место в результате краха нэпа. Разница, однако, заключалась в том, что в первом случае ставка делалась скорее на индивидуалистический утилитаризм, тогда как во втором случае — на коллективный, общинный. Хрущев был последовательным сторонником коллективизма и противником всего частного и разделенного. В обоих случаях, однако, сложившийся порядок не оказался устойчивым.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АЛЬТЕРНАТИВ

В стране усилилось представление о том, что общество отошло от уравнительности, что алчное начальство сочетает в себе страсть к закрытому снабжению, безделье и неспособность

принимать самоочевидные разумные решения. Древнее, догосударственное отношение к начальству вновь вышло на передний план. Первое лицо, однако, по мнению значительной части народа, не противостояло в достаточной степени отходу от уравнительности, не смогло предотвратить рост сословий.

Правящая элита оставалась во власти инверсионных иррациональных процессов. Она не владела социальным процессом, но лишь приспособлялась к непонятым для нее стихийным силам. Фактически обновленное, критически настроенное против прошлого начальство оказалось не в состоянии протянуть руку разуму, совести и вере. Реформаторские устремления власти приводили к дезорганизации, несмотря на искренние намерения наилучшим образом разрешить проблемы.

Период господства пятой версии ознаменовался возвратом на сцену людей, чье сознание было ориентировано на высшие формы утилитаризма, тех, кто свое благосостояние рассматривал как результат собственного труда и собственной предприимчивости. Однако эти люди могли проявить себя, реализовать свои ценности лишь вне рамок закона. Личность не испытывала достаточной потребности в создании институтов, которые соединяли бы народ и власть и опирались бы на представительство самого населения. Для этого не было соответствующих культурных предпосылок. Наоборот, господствовало представление, что от подобных действий толку не будет. Действия личности определялись стремлением оградить свой мир от внешних опасностей, среди которых важное место занимали дезорганизующие действия власти.

Еще одна попытка положить в основу государственности срединную культуру, выйти на качественно новые альтернативы, выходящие за рамки исторически сложившихся циклов, потерпела неудачу. Общество вновь осталось в рамках исторически сложившейся альтернативы. Идеал всеобщего согласия распозался на части, общество не могло одновременно опираться на сословность власти и поддерживать уравнительный идеал двухэлементного общества. Это ссорило высшее руководство как с бюрократией, опасавшейся активизации сторонников этой модели, так и с широкими массами, которые возмущались существованием сословных привилегий. И эта пятая версия псевдосинкретизма, как и все предшествующие, не дала прочной базы для соединения общества с инициативой мест, статики с динамикой, локальных ценностей с большим обществом, ценностей власти с ценностями высшей культуры, массового сознания с государственностью, машинного и индивидуалистического утилитаризма, двух типов конструктивной напряженности.

Отсутствие духовной основы для диалога противоречивых сил, отсутствие организационных реформ, которые реально могли бы вырабатывать их единство, элементы хаоса и безответственности вызвали разочарование в господствующем идеале, в изменениях, которые приняли форму уродливых и непродуманных реорганизаций. Опасность роста дезорганизации на разных этапах стимулировала новую инверсию, направленную на восстановление порядка, что отождествлялось с возвратом к авторитаризму, с восстановлением власти, гарантирующей защиту от антиуравнительных сил.

Трагедия Хрущева заключалась в том, что, соединив в себе почвенные идеалы с государственной властью, он так и не осознал противоположности этих двух начал и действовал по логике двух взаимоисключающих принципов, переходя от одного к другому, т. е. не поднялся выше уровня хромающих решений. В результате ни одно из его мероприятий не могло быть доведено до конца. Опыт этого этапа показал, что патологичность общества осознавалась и объяснялась уже не ошибками и злодеяниями, а тем, что общество соглашалось на них, а возможно, и стимулировало. Это, однако, не помешало преемникам Хрущева оценить этап его деятельности как связанный с господством волюнтаризма, т. е. рассматривать его, как и сталинский этап, в качестве искажения исходных для нового общества идеалов.

Сам Хрущев в силу узости своего кругозора опирался на расхожие банальности, которые оказались возведенными в ранг «науки». Хрущев оказался не в состоянии сохранить свою власть в условиях наступления новой инверсионной волны. Он был устранен, как прозрачно намекнули в одном из спектаклей, «в связи с внезапно наступившей старостью».

Хрущев пополнил список лиц, чье руководство страной закончилось личным банкротством, чьи цели парадоксальным образом приводили к результатам, обратным ожидаемым.

Новый этап, сменивший сталинский, характеризовался тем, что общество попыталось ответить на раскол отказом от жестких авторитарных решений, поиском меры на основе всеобщего согласия, движением к ценностям низов при одновременном учете ценностей целого. Однако и эта попытка не увенчалась успехом. Возможность реального согласия лежала где-то значительно глубже старых альтернатив, которые всегда принимались за новые, а затем с ожесточением отвергались. Поиск качественно более глубоких альтернатив требовал значительных усилий и квалификации, которые были в дефиците. Вновь общество было вынуждено вернуться к поиску альтернатив.

ГЛАВА VI ВНОВЬ УМЕРЕННЫЙ АВТОРИТАРНЫЙ ИДЕАЛ («Этап застоя»)

САМЫЙ НЕРОМАНТИЧНЫЙ ЭТАП

Крах позднего идеала всеобщего согласия, его распад на составные элементы привел к обратной инверсии, к попытке построить идеал согласия где-то на пути между авторитаризмом и соборностью, вернуться к исходной точке этого движения, т. е. к авторитаризму, но в его ослабленном варианте. Это движение вновь проходило через вялую инверсию. Общее стремление к умеренному авторитаризму потребовало от правящей элиты *формирования новой, шестой версии псевдосинкретизма, где авторитарная ипостась вновь, как это было на втором этапе, выходит на первый план. Существенная разница, однако, заключалась в том, что в первом случае это было движение от соборности к крайнему авторитаризму, тогда как теперь это был этап противоположно направленного процесса, этап, на котором общество пыталось затормозить движение к локализму, к соборности.*

К власти пришло новое руководство во главе с Л. И. Брежневым (1964-1982), чье правление совпало с шестым этапом, получившим впоследствии название застойного. Любопытно, что аналогичное название в прошлом имел и соответствующий этап предыдущего периода. Новое руководство представляло собой коллективную олигархию, которая сформировалась как высший в обществе вечевой институт. Каждый его член был представителем некоторой могущественной части общества, одного из ведущих ведомств, регионов. По сути, в новом масштабе это было все то же собрание «золотых поясов», как в Древнем Новгороде, глав крестьянских дворов, общин и т. д., точнее — экстраполяция соответствующих ценностей на большее общество. Сохранение этой архаичной системы управле-

ния — свидетельство слабого развития неадминистративных форм интеграции.

По отношению к стране, ко всем мирам среднего и локального уровня это руководство обладало авторитарной властью, слабо связанной правовыми ограничениями. Оно в своих решениях руководствовалось принципом шаха, перерастающего в мат. Новое руководство, как и каждое из предшествующих, могло удержаться у власти, лишь формируя новую интерпретацию господствующего нравственного идеала, соответствующую сдвигам массового сознания. Эта интерпретация должна была создать основу для решения медиационной задачи, т. е. соединения деятельности медиатора с изменившимся реальным содержанием массового сознания. Официально общество стало рассматриваться как перешедшее на уровень развитого социализма, т. е. как достигшее относительно завершенного характера. Была сделана попытка сформировать власть и идеологию, максимально приспособленные к исторической инерции, лишённые романтизма прежних этапов. Господствующая идеология как бы говорила, что, наконец, именно теперь сформировалось разумное, сбалансированное, лишённое крайностей общество, воплощающее действительную суть социализма. Брежнев выразил эту мысль следующим образом: «Демократия социализма несовместима ни с казарменно-бюрократическими порядками, ни с анархическим своеволием в отношении к социалистическим принципам, нормам и законам»¹. Новая версия противопоставила себя как крайнему авторитаризму, так и стихии локализма. Многие западные советологи также прикнули к оценке этого этапа как определенного завершения внутреннего развития СССР после 1917 года.

Это был самый неромантический этап. Он характеризовался попыткой смещения господствующих ценностей от романтической мечты о завтрашнем дне к идеалу спокойной социальной удовлетворенности достигнутым. Воплощением этой идеи стала *новая конституция, которая носила открыто псевдосинкретический характер.* В ней содержались *взаимоисключающие идеи*, прежде всего идея народовластия и одновременно идея руководящей роли партии, записано бесконечное количество прав (например, право на жилище) без указания механизма защиты этих прав, т. е. фиксировалось фактическое отрицание этих прав, и т. д. Правящая элита, опираясь на механизм демона Максвелла, старалась нащупать некоторый уровень серого творчества, который, с одной сторо-

¹ Брежнев Л. И. Исторический рубеж на пути к коммунизму (1977)// Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1978. Т. 6. С. 636.

ны, обеспечивал бы государственность необходимой творческой энергией, а с другой — не разрушал бы медиатор.

Новый поворот не может быть объяснен закулисными интригами ограниченного круга лиц, так как сами эти интриги могли иметь шанс на успех, лишь опираясь на новые массовые тенденции. Новый порядок ознаменовался прежде всего ликвидацией последствий всех реформ, которые явно не соответствовали авторитаризму. Были уничтожены совнархозы — эти локальные фокусы управления, которые свидетельствовали об уходе власти из центра. Было восстановлено организационное единство партии, ликвидировано разделение на промышленные и сельские обкомы (крайкомы) партии. Система синкретической государственности вернулась к централизованному варианту, где власть миров среднего, а также нижнего уровня была уменьшена во имя централизации. Poleмика с прежним первым лицом носила скрытый характер, его имя вполне в стиле Оруэлла исчезло из всех публикаций. Ценности прежнего этапа фактически рассматривались как несуществовавшие. Разумеется, при этом возник вопрос о преемственности нового этапа. Эта проблема стала постоянным предметом борьбы. Новые лидеры не могли принять по этому поводу ясного и последовательного, нехромающего решения, так как продолжение критики сталинизма неизбежно превращалось в критику не только крайнего, но и умеренного авторитаризма, подрывало идеологические основы нового порядка. Но вместе с тем реабилитация Сталина, отказ от наследия XX съезда означали бы критику ограниченности авторитаризма, что прямой дорогой вело к террору, к обоснованию правомерности открытого произвола высшей власти, первого лица. Это вступило бы в конфликт со сложившимся уровнем локализма, со стремлением социальных слоев низшего и среднего уровня защитить себя, свои воспроизводственные функции от насилия и произвола. Система, как и на предшествующем этапе, старалась избежать крайностей. *В отличие от прошлого этапа, где первое лицо пыталось непосредственно опереться на локальные миры, на самоуправление на местах, причем сочетая это с попытками усилить свою личную власть, правящая элита теперь пошла по пути подавления соборного идеала авторитарным, т. е. авторитарная ипостась псевдосинкретизма опять вышла на первый план.*

УСИЛЕНИЕ АВТОРИТАРИЗМА

Новое руководство почувствовало в массовом авторитаризме ту основу, опираясь на которую, оно могло бы эффективно

управлять страной. Его объединяло с массовыми настроениями недовольство сложившимся порядком и *стремление к стабильности, стремление искать альтернативу существующему не в формировании нового веера альтернатив, а в некотором переборе уже накопленных в культурном богатстве вариантов действий.*

Аппарат власти, опираясь на эту новую, шестую версию псевдосинкретизма, предпринял повсеместную попытку ужесточить контроль над каждым сообществом, усилить централизацию в распределении дефицита, в принятии решений вообще, подчинить все жизненные процессы медиатору. Любопытно, что это стремление сопровождалось попыткой опереться на обычаи, сделать ставку на формирование советских ритуалов. После XXV партийного съезда орган ЦК КПСС газета «Правда» опубликовала статью «Советскому человеку — новые обряды»². Усилилось стремление применять принудительный труд. Если раньше речь шла лишь о сельскохозяйственных работах, что оправдывалось сезонными пиками, то затем людей стали отправлять на стройки, различные базы, в хранилища в целях помощи нерентабельным организациям, не справляющимся с планом. В письме, подписанном ста двадцатью работниками завода «Эталон» (Кишинев), написано, что горисполком вводит «принудиловку», т. е. систематически в течение трех лет использует принудительный труд для уборки улиц³. Подготовка к Олимпиаде 1980 года также послужила важным фактором усиления принудительного труда. Уже в то время просачивались сведения о насильственном переселении крестьян в Средней Азии с целью освоения новых земель. На местах изобретались всё новые, подчас причудливые формы принудительных мероприятий — от навязывания билетов на стадионы до сбора взносов в разного рода общества и принудительного донорства для студентов. Школьное начальство могло потребовать, чтобы каждый ученик принес в школу по кролику, очевидно, для выполнения плана района по мясопоставкам⁴.

Разумеется, масштабы государственного крепостничества были уже не те, что во времена Сталина. Если тогда можно было остановить поезд, проходящий через область, для того чтобы выполнить план по арестам «врагов народа», то теперь дело ограничивается почти безобидной остановкой рейсовых автобусов, с тем чтобы заставить пассажиров убрать участок хлопка. На местах процветало творчество в изобретении форм применения принудительного труда. На алма-атинском хлоп-

² Правда. 1976. 28 мая.

³ Там же. 1979. 26 июля.

Там же. 1978. 22 янв.

чатобумажном комбинате, имевшем свой жилой фонд, ордера жильцам не выдавались. Это значит, что люди юридически считались временными жильцами, лишались площади в случае увольнении, не имели права сменить квартиру, не могли, например, записаться в библиотеку, пользоваться кредитом и т. д.⁵ Формировался слой так называемых «лимитчиков», т. е. лиц, получающих в крупных городах временную прописку и не имеющих возможности сменить работу, одновременно оставаясь в городе. Существовала практика запретов выезда с места жительства в разгар сельскохозяйственных работ и т. д. Возможности манипуляций людьми порождали у власти иллюзии, что вместо конструктивных решений можно попросту затыкать дыры, перебрасывая дефицитную рабочую силу из одного места в другое.

Среди сфер, где авторитаризм утвердил себя с особенным «успехом», можно назвать науку. Существенно ужесточился контроль за научной работой, за процедурой защиты диссертаций, за самой возможностью публикаций, за встречами ученых. Наука ввиду своей способности получать непредсказуемые результаты по определению несовместима с авторитаризмом. Переход на его рельсы требовал определенной сакрализации и одновременно персонализации власти. Нужен был вождь, способный воплотить в себе представление о тотеме-батюшке. Однако новая власть не имела харизматического характера, не опиралась на массовую веру в вождя, несущего Правду. Сам Брежнев апеллировал к авторитету партии, которая исторически сложилась как институт власти, как источник престижа для ее руководства, подобно институтам старой власти, вне которых царь не существовал. Однако партия обладала важными недостатками. Она некогда утвердилась как антигосударственная сила, способная возглавить борьбу против начальства и государства. Это мало способствовало тому, чтобы государственность могла постоянно черпать в ней социальную энергию. Сама партия черпала свой авторитет у харизматических вождей недавнего прошлого и, следовательно, была весьма плохо приспособлена для решения противоположной задачи — придания авторитета вождю. Между тем новое руководство оказалось поразительно безликим, прошедшим через штамповочную бюрократическую машину и не могло претендовать на харизму. Это была самая непопулярная власть в стране с октября 1917 года. Попытка апологетики сложившегося порядка, попытка трактовать его как развитой социализм была, кроме всего прочего, и попыткой высшего руководства,

⁵ Правда. 1978. 4 февр.

первого лица получить дополнительный престиж, используя позитивно интерпретированный результат предшествующего развития, стать как бы результатом и элементом этого развития. Нельзя, однако, забывать, что партия была в глазах народа воплощением начальства и, следовательно, объектом ненависти, враждебности,— впрочем, как и всякое начальство в истории страны. Но в нравственной основе общества происходили и определенные позитивные сдвиги, выходявшие за рамки инверсионного поворота к авторитаризму. Власть могла опереться на растущий утилитаризм, на массовую веру в то, что она способна обеспечить растущий поток утилитарных благ. Если раньше народ требовал у тотема-батюшки земли, различного рода «милостей», «послаблений», то теперь люди рассчитывали на поток квартир, продуктов, на повышение доходов и т. д. Это был серьезный позитивный для власти элемент, значение которого неуклонно возрастало. Но эти утилитарные экспектации требовали постоянных экономических успехов, что было весьма проблематично, ставило высшую власть в прямую зависимость от количества ресурсов, которыми она могла располагать для удовлетворения возрастающих потребностей населения и производства.

МОНОПОЛИЯ НА ДЕФИЦИТ

На шестом этапе стал достаточно явным ранее скрытый феномен общественного развития страны, который можно назвать монополией на дефицит. Впрочем, о его скрытости можно говорить весьма условно. Народное сознание давно зафиксировало его существование в виде формулы «Блат выше совнаркома», фиксирующей *возможность разрешения проблем не через всеобщий порядок, но посредством системы личностных связей*. Научные исследования этого явления, его места и роли в стране существуют лишь в зачаточной степени, главным образом как разоблачение бюрократии, т. е. как некое частное явление. Между тем монополия на дефицит — всеобщее определение хозяйственного порядка России с определенного этапа ее развития.

Дефицит как таковой, т. е. более или менее устойчивая нехватка некоторых ресурсов (от сырья и товаров до новых идей и квалифицированных чиновников) может иметь место в любом обществе. Развитие рыночных отношений, демократии можно рассматривать как механизм преодоления дефицита в его разных видах. Для России прежде всего представляет интерес анализ дорыночных форм дефицита, т. е. при отсутствии или недостаточном развитии механизма его преодоле-

ния. В России в результате раскола возникла общественная система, где дефицит стал постоянным определяющим фактором социокультурной жизни. Это произошло в результате разрыва между потребностями общества в росте количества и разнообразия ресурсов и существенным отставанием массовых потребностей в формировании форм воспроизводства, необходимых для обеспечения этой возможности. Напряженность этой ситуации привела к формированию естественных монополий на ресурсы.

Исторически такие монополии вырастают из собственности, из владения условиями, средствами труда, воспроизводства, из складывающихся на этой основе рентных отношений. Монополия на дефицит состоит в получении ренты не только за собственность на условия и средства, но и за результаты труда, за любой продукт, в котором окружающая социокультурная среда испытывает возрастающую потребность. Это напряжение, если оно не реализуется в соответствующем росте производства, неизбежно усиливает общее состояние дефицита на те или иные ресурсы, потребность в которых институционализируется монополией, т. е. каждое сообщество тяготеет к превращению в монополиста. Специфика подобного явления не в захвате различными монополиями рынка, а в нарастающей зависимости определенного круга потребителей от держателя дефицита, сложившегося на дорыночной основе. Эти потребители могут находиться на территории всей страны, если производитель один. Но они могут находиться и в ограниченном ареале, в одной деревне, если потребитель не может ввиду ограниченности своих возможностей обратиться к другому производителю. Мощным стимулом усиления монополии на дефицит является прогресс в разделении труда, сопровождающийся ростом разнообразия массовых потребностей. Если процесс разделения труда не коррелирует с соответствующим ростом производства, то институциональный рост монополии на дефицит на архаичной рентной основе неизбежен.

В условиях роста городов, потребностей в затратах на армию и т. д. каждый крестьянин мог превратиться в субъект монополии на дефицит. Однако существующие в обществе механизмы изъятия у крестьян продукции означали, что фактически этим монополистом становилось прежде всего государство. Его власть опиралась на возможность принудительного перераспределения дефицита. В свое время эта роль государства ослабла, начиная с 1907 года, т. е. с отмены выкупных платежей, что расширило возможность крестьян распоряжаться большей долей своей продукции. Центр монополии на хлеб переместился к крестьянам. В полной мере это выявилось пос-

ле начала первой мировой войны и последующей разрухи. Тогда монополия на хлеб стала синонимом возможности существования. Последовательные попытки царской власти, Временного правительства, большевиков частично или полностью вернуть высшему центру монополию на дефицит (прежде всего на хлеб) в конечном итоге привели не только к конфликту с основной частью населения, но и к подрыву стимулов производства. Вынужденный переход к нэпу был по сути попыткой предотвратить с помощью допущения и развития товарно-денежных отношений восстановление монополии крестьян на дефицитный хлеб. Рынок, по крайней мере в тенденции, должен был подорвать саму возможность монополии на дефицит. Однако в стране не было условий для быстрого и всестороннего роста рынка, для преодоления дорыночной монополии. Это привело к тому, что денежные отношения города и деревни, которые государство попыталось стимулировать, превратились в своего рода фикцию, т. е. не стали регуляторами потока ресурсов и тем более стимулом увеличения их производства. Крестьянство, продавая второстепенную продукцию своего труда, с легкостью платило денежный налог, т. е. тем самым оно отдавало государству денежную фикцию, оставляя хлеб себе. Таким образом, монополия на дефицит хлеба перешла к крестьянству. Государство потеряло эту монополию, которая была наследием предшествующей истории. Убедившись в этом, советское большевистское государство молниеносным разрушительным ударом вновь захватило монополию беспрецедентными методами и в беспрецедентных масштабах. Это событие в должной степени еще не осмыслено как важнейшая веха борьбы в обществе вокруг монополии на дефицит.

Система монополии на дефицит началась, видимо, с момента резкого возрастания потребностей в ресурсах при явном отставании их получения, при отсутствии соответствующего новому уровню потребностей развития рынка. Это можно отчетливо наблюдать в царствование Петра I и на последующих этапах. Однако эта система постоянно подвергалась критике, давлению со стороны пробивающихся рыночных отношений, которые потенциально создают основу для порядка, не знающего монополии на дефицит. Рынок переворачивает отношения «производитель — потребитель», устанавливает зависимость первого от второго. Однако эта альтернатива в конечном итоге не нашла должной массовой поддержки. Борьба в обществе переместилась в сферу борьбы между разными уровнями держателей монополии на дефицит.

Гибель крайнего авторитаризма во втором периоде была одновременно крахом господства государства как единствен-

ного держателя дефицита. На следующем этапе была сделана неудачная попытка разделить эту монополию между разными уровнями и тем самым достигнуть всеобщего согласия. Однако банкротство этого порядка толкнуло государство на путь возврата к своей монополии на дефицит. Специфика шестого, «застойного» этапа оказалась в том, что как никогда общая сложность хозяйственного порядка и относительная слабость государства обнажили со всей очевидностью то, что ранее было упрятано за разными идеологическими мифами: в основе нашего общества лежит то ослабляющаяся, то усиливающаяся до ожесточения борьба разных уровней держателей монополии на дефицит. Выявилось в полной мере, что в обществе каждое сообщество является держателем определенного дефицита. Социальный престиж сообщества, получение утилитарных благ определяются способностью сохранить и реализовать свою монополию. Конструктивная напряженность соответствующего сообщества нацелена на постоянное воссоздание этой монополии. Это достигается стремлением усилить зависимость общества, всех сообществ, отдельных лиц от монопольной функции данного сообщества, от его деятельности посредством превращения результатов последней в дефицит.

Монополия на дефицит, следовательно, есть форма социально-экономической связи сообществ с другими сообществами, с обществом в целом. Социальный и хозяйственный статус человека в условиях господства монополии на дефицит определяется дефицитом, которым он располагает. В той или иной степени дефицитом, хотя и далеко не равнозначным, распоряжаются все сообщества, ведомства, учреждения.

На первый взгляд, социальному престижу дефицита противостоит порядок, по которому сообщества при авторитаризме лишены права свободной реализации и вынуждены руководствоваться утвержденными ценами, нарядами, прямыми указаниями и т. п. Но все это говорит о попытках власти в максимальной степени централизовать распределение дефицита, подчинить своему авторитету, а отнюдь не ликвидировать сам принцип. Борьба вокруг разных версий псевдосинкретизма идет не за уничтожение дефицита, его основ, а вокруг его распределения. Даже самые жесткие формы авторитаризма не способны лишить нижние этажи какого-то ограниченного права распоряжаться дефицитом. Там, где эта возможность сводится к нулю, имеет место дезорганизация (например, в колхозах в период крайнего авторитаризма). Вместе с тем неразбериха планов, организационная неопределенность, сложная система инструкций и отсутствие реальной правовой

защиты интересов потребителя создавали широкие возможности использования дефицита в интересах сообщества — держателя дефицита.

Попытка воспроизводить в масштабе общества систему отношений древней семьи превращает народнохозяйственное планирование в деятельность в основном по распределению дефицита. Балансовый метод являлся основным в планировании. Его задача — найти соответствие между потребностями и дефицитными ресурсами главным образом чисто административными методами, т. е. прямым распределением дефицита. В сущности, большак в патриархальной семье делал то же самое. Воспроизведение древней схемы в масштабах общества привело к тому, что *функция распределения превратилась в тайну руководства.* Хотя сам процесс распределения легален, на деле все его бесчисленные тонкости, его живая плоть окружены непроницаемой тайной. Сделать этот процесс гласным значило бы подвести под него некий общезначимый, т. е. выходящий за рамки данного сообщества, нравственный принцип. Но какому принципу можно следовать, если на десять пар иностранных дамских сапог, поступивших в магазин, имеется бесконечное количество желающих их приобрести? Можно было бы создать совет пенсионеров, который решил бы на основе справок, ходатайств и т. д., кому именно их следует продать. Но способен ли подобный совет справиться с гигантской толпой, которая, несомненно, пыталась бы попасть на заседание и, следовательно, создала бы новый дефицит, т. е. право представлять членам комиссии свои справки и соображения по поводу справедливости? Можно было бы поднять цены в соответствии со спросом. Но не говоря уже о том, что такая цена при избытке денег у части населения могла бы быть чудовищно высокой, сам подобный акт имел бы смысл лишь в том случае, если бы избыток прибыли шел на производство сапог. Но это требовало бы иной хозяйственной системы. Практически в любом случае в условиях монополии это распределение как раз и являлось для данного сообщества, для людей, выступающих от его имени, формой извлечения энергии и ресурсов из окружающего социального пространства, формой укрепления социального престижа, способом укрепления своей монополии. Это не результат эгоизма, алчности, злой воли, но следствие социокультурного противоречия между культурой и сложными социальными отношениями. Их конструктивная напряженность, как и в древности, требует воссоздания неизменных отношений, но в обществе уже созрело стремление к росту благ. Люди еще не научились рассматривать окружающее социальное пространство как сферу творческого приложе-

ния сил, сферу установления связей, способствующих повышению результативности собственного труда.

Продавец не может выбросить дефицитный товар на прилавок, не провоцируя столкновение между потребителями. Определить, кому товар более необходим, он тоже не может. Остается или воспользоваться дефицитом самому, или предложить своим знакомым, возможно, не потребовав даже вознаграждения. Если он даже и не возьмет лишних денег, хотя каждый готов заплатить, он выигрывает, получая доступ к дефициту, сосредоточенному в других руках. *Дефицит есть средство добывания другого дефицита* — путевки в санаторий, места в больнице, хорошего мяса, справки из ЖЭКа и прочих вещей, которые и составляли содержание жизни советского человека. Таким образом, строилась целая система отношений по поводу дефицита. В эту систему включались и те, кто стоит на нижних ступенях социальной лестницы. Уборщица овощного магазина, например, находилась в лучшем экономическом положении, чем уборщица строительного треста, — первая может приобретать более свежие и доброкачественные овощи. В эту систему отношений включен и директор магазина, который обменивается предметами дефицита с теми, от кого зависит снабжение магазина и другие услуги.

Все министерства и ведомства на шестом этапе вынуждены «выбивать» для своих предприятий дефицитное сырье, станки, валюту и т. д. В отношении дефицита вовлечено Политбюро, поскольку ему принадлежало последнее слово в решении кардинальных вопросов распределения дефицита, прежде всего капиталовложений. *Отношения дефицита всеобщие, охватывая всех — от вахтеров до первого лица в государстве.*

Дефицитными являются не только вещи и услуги, но и определенные пространственные и временные отрезки. Так, Москва, например, выступала как острый дефицит для желающих получить московскую прописку и работу. Право разрешения на прописку, а следовательно, на работу — монополия власти, ее прерогатива. Несмотря на то, что система крепостничества была значительно смягчена, сложность, которую представляла перемена места жительства, была чрезвычайно велика, поскольку жилым фондом в основном распоряжается государство.

Особо дефицитны на шестом этапе были разрешения на поездки за границу: граждане делились на «выездных», т. е. включенных в отношения по поводу этого вида дефицита, и «невыездных», находящихся вне их. *Дефицитным подчас становится время*: период заседаний XXV съезда КПСС, например, был дефицитным, что выражалось в улучшении снаб-

жения населения, в ужесточении режима в местах заключения, в активизации преследований инакомыслящих и т. д. Все снабжение товарами широкого потребления было подчинено принципам распределения дефицита: различные города и районы, больницы, звенья пенитенциарной системы и т. п. занимают свое место в системе отношений дефицита. Сама функция приема на работу на выгодные и престижные должности является одной из форм обмена дефицитом. В некоторых престижных учреждениях значительная часть сотрудников принималась на работу в результате стремления их руководства усилить обмен дефицитом, укрепить свою монополию.

О том, что дефицит не просто недостаток вещей, продуктов, а *особый тип социальных отношений*, свидетельствовал, например, дефицит бумаги, который, в отличие от других видов дефицита, афишировался. Ссылаясь на него, можно было бесконтрольно распоряжаться издательствами, сокращая тиражи одним изданиям, открывая зеленую улицу другим. Отношения дефицита характерны тем, что делают туманным, юридически неуловимым само понятие «злоупотребление». Отношения дефицита неразрывны с коррупцией. Создаются основы круговой поруки тех, кто получает от него различного рода выгоду, в том числе и систематическую ренту, часто в денежной форме. В повести В. Войновича «Иванькиада» крупный чиновник — держатель дефицита (от него зависит издательские планы) использует его для получения дефицита, которым располагает председатель жилищного кооператива писателей, сам писатель. Чиновник нуждается во второй квартире для расширения своей жилплощади в том же писательском кооперативе. По мнению Войновича, здесь имеет место взятка, но особого типа: «Обычно хотя бы дающий взятку несет при этом материальный урон, здесь же при взаимном обмене взятками все остаются с прибылью. Потому что Иванько (чиновник.— А. А.) предлагает взятку из государственного кармана, а его контрагенты взамен дают ему квартиру, которая им не принадлежит... Они ни от кого не скрывают, что делают, для чего и какими средствами»⁶. В таких случаях трудно определить, где именно начинается нарушение закона: в конце концов, нигде не сказано, что воспрещено печатание книг председателя жилищного кооператива или улучшение условий жизни крупного чиновника. Возможно, получение семьей двух квартир есть нарушение, но и в этом нет уверенности, так как никто не знает, каковы нормы для того, кто курирует работу издательств страны. Это тайна.

⁶ Войнович В. Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру. (Самиздат.) 1975.

Не случайно советское право не знает принятого в старом праве разделения взяточничества на лихоимство (получение подарка как вознаграждения чиновнику за нарушение) и мздоимство (вознаграждение за выполнение законных служебных обязанностей). Дефицит выступает в качестве валюты, системы коммуникаций, силы, формирующей социальные отношения. Дефицит имеет тенденцию превращать по крайней мере некоторые виды бесплатных услуг в платные: рабочие ЖЭКов, обязанные обслуживать жильцов бесплатно, берут за это деньги, ссылаясь на реальный или мнимый дефицит материалов; нелегально оплачивается медицинское обслуживание.

Дефицит определял образ жизни советского человека. Рядовой гражданин постоянно сосредоточивался на том, что необходимо что-то «достать», «поймать», «схватить». Он напоминал древнего охотника. Но для последнего охота была его работой, тогда как наш человек должен был еще и ходить на работу. Все постоянно разыскивали каких-то знакомых, которые помогут устроиться в больницу, достать путевку, поступить в институт и т. п. Все это было вполне естественно — ведь все блага двигались по каким-то скрытым каналам, и доступ к ним — главная проблема. Рядовой покупатель не имел даже представления о многих товарах, которые поступают в магазин, но не на прилавки.

Любая сложная задача решалась посредством проникновения в скрытые каналы дефицита. Каждое сообщество всеми средствами защищало право на свой дефицит, охраняло его тайну. Одним из способов защиты тайны дефицита от непрошенных претендентов являлась система нарядов, справок, отношений, с помощью которых выигрывается время и происходит отсев части претендентов, а вместе с тем нарождается новый дефицит — на справки. Система справок имеет собственную логику, собственную иерархию. Моя младшая дочь Оля говорила в то время, что существуют справки-дедушки, т. е. те, которые необходимы для получения по крайней мере двух последующих поколений справок.

Дефицит в чисто традиционном обществе может возникать в результате резких колебаний в природных условиях (например, дефицит пищи в результате засухи). Дефицит может носить характер некоторого нарушения, возникшего главным образом в силу внешних причин. В либеральном обществе дефицит, если он возникает, например, в результате энергетического кризиса, служит стимулом для развития производства, для поиска новых обходных путей его преодоления. В принципе дефицит — это стимул, активизирующий жизнь сообщества.

В советских условиях медиатор постоянно стремился компенсировать дефицитом неэффективность денежной оплаты рабочих и служащих. Это особенно ярко видно в сельском хозяйстве, где приусадебный участок дается колхозникам и работникам других сельскохозяйственных предприятий как условие их работы. Угроза отрезать приусадебный участок или лишить сенокоса весьма действенна. Само право пользования дефицитом, например, землей, обусловлено обязанностью работы на владельца этого дефицита, т. е. на государство. Надежда на получение такого дефицита, как квартира, возможность пользоваться ведомственными детскими учреждениями, дополнительным источником снабжения и т. д. — все это формы дефицита, дополняющие денежную оплату. *Дефицит является мощной силой, привязывающей личность к рабочему месту, задающей ей программу деятельности.*

Система дефицита способствовала тому, что сообщества старались удержать в руках запчасти, сырье, оборудование, лишних работников и т. п. — по древнему принципу «запас карман не тянет». Это приводило к накоплению, нерациональному использованию и потере натуральных продуктов, сплошь и рядом в весьма значительных объемах. Существование монополии на дефицит не опирается на ясный общепризнанный нравственный принцип и окружено тайной; оно постоянно питало недовольство. Монополия на дефицит противоречит синкретической нравственности традиционного общества. Она одновременно противоречит ценностям роста и, развития, поражая воображение повсеместной экономической неэффективностью.

Дефицит — средство, которым руководство сообщества, всей страны обеспечивало ее единство, связь ее частей. Все сообщества зависели от организаций более высокого ранга, так как там распределялся дефицит (капиталовложения, зарплата и т. д.). Все это — мощное средство, привязывающее часть к целому, личность — к организации, каждую организацию — к организации более высокого порядка.

Соотношение разных групп держателей дефицита — важнейшее условие решения медиационной задачи. Нравственность, версии псевдосинкретизма, тяготеющие к авторитаризму, сдвигают вверх центры распределения дефицита, что, однако, связано с ослаблением творчества, с опасным ростом дефицита. Версии нравственности, тяготеющие к почве, приводят к сдвигам вниз этих центров, что, однако, связано с опасным ростом неспособности общества мобилизовать дефицит и использовать его как средство интеграции. Оба варианта, следовательно, несли в конечном итоге одну и ту же

опасность потери правящей элитой ресурсов дефицита, необходимых для повседневного решения медиационной задачи, т. е. угрозу катастрофического развала всей организации общества.

Противоречивость формы руководства страной посредством распределения и перераспределения дефицита заключается в том, что исторически она возникла в результате преобладания в псевдосинкретизме синкретических перераспределительных ценностей в ущерб ценностям роста и развития производства. Этот метод еще имел относительное оправдание в период индустриализации, когда речь фактически шла о размножении готовых образцов. Однако он сохранился и тогда, когда потребность в качественном развитии стала вопросом существования производства. Сам метод разрешения всех острейших задач общества посредством оперирования дефицитом не создает условий для разрешения перспективных задач. *Он вынуждает начальство самого высокого ранга погружаться в решение задач оперативного управления и, следовательно, пренебрегать проблемами развития.* Над всей системой руководства витает жестокая потребность постоянного разрешения острейших повседневных проблем, *текучка пожирает все силы системы управления.* Любопытно, что именно эта способность правящей элиты бесконтрольно распоряжаться ресурсами страны рассматривалась в обыденном сознании и, в несколько завуалированной форме, в теории как главное преимущество социализма.

С дефицитом связано множество мифов. Массовое сознание видит в дефиците явление случайное, зависящее от временных неполадок, например, неурожая, или, наоборот, показатель фатального бессилия человека перед космическим злом, т. е. нечто извечно характерное для всего мира. Иногда дефицит рассматривается как результат расширения потребностей, роста городов и т. д. Все эти точки зрения — лишь модификация древнего статичного идеала жизни, через них совершенно невозможно осмыслить причины дефицита. Существование дефицита дает стимул широко распространенной концепции перерождения социалистической революции в России, термидорианского переворота. Она предполагает, что какие-то злые силы (агенты царской охранки или недорезанные буржуи) исподтишка захватили власть, вновь поработили народ и приняли его эксплуатировать. Главный довод сторонников этой точки зрения заключается в ссылке на систему распределения благ, в соответствии с которой блага растут при переходе к высшим этапам власти. Подобный подход, однако, ошибочен по крайней мере по двум причинам. Прежде всего, существо-

вавшая система распределения распространялась на шестом этапе на все общество без исключения, а не только на правящую элиту. Специфика распределения сложилась в результате банкротства уравнительности, идеала всеобщего равенства. Правящая элита использует ту же самую систему дефицита, что и уборщица овощного магазина, отбирающая для себя лучшие овощи за счет других покупателей. Разумеется, втайне присваивая дефицитные блага, правящая элита снижает уровень потребления остальных, но разве рабочий пользуется ведомственным домом отдыха и квартирой своего ведомства не за счет остального населения? Разве те, кто достает что-то «по благу», по знакомству, не лишают при этом кого-то другого этих благ?

В системе дефицита жили все, хотя и в разной степени пользуясь ее благами. Отчасти это отражает тенденцию формирования сословности. Дефицит — не результат узурпации власти, но результат согласия на него общества, результат системы ценностей, нацеленных прежде всего на адаптацию к сложившимся условиям, а не на предпринимательство. Та же уборщица могла оставлять гниль покупателям лишь потому, что те в массе своей были согласны на это, не стремились к самоорганизации в целях самозащиты, например, к созданию потребительских обществ, к собственной ответственности за обеспечение справедливого распределения, за производство и государственное управление. Каждый локальный мир во всеоружии традиционных ценностей стал на пути роста всеобщей экономической связи, строя бастионы натурализации, автаркии, унификации, незаинтересованности в том, что делается за пределами локального мира.

Деньги оказались оттесненными в узкую сферу и, следовательно, не приобрели характера реальной всеобщей связи. Всеобщая связь в условиях господства монополии на дефицит формируется через непосредственную связь парадоксальным образом как *псевдовсеобщая*. Она формируется через непосредственную связь каждой ячейки с рядом соседних. В этом случае отношения поддерживаются, как в глубокой древности — обменом натуральных благ, информацией, подарками. Эта связь представляет собой лишь *примитивную незрелую имитацию всеобщности связи*, так как она всего лишь результат суммирования бесчисленных локальных связей. Тень всеобщего незримо присутствует в бесконечном обмене натуральных товаров и услуг: стекло, картофель, книги, металл, сырье, водка и все, что угодно, используется как деньги, т. е. как то, на что можно купить, обменять все, что необходимо для воссоздания своей собственной организации, выполнения госу-

дарственного плана, достижения личных целей, установления любых связей: технических, экономических, культурных и т. д. Например, Харьковский завод подъемно-транспортного оборудования обменял сто тонн металлопроката на веретенное масло, кислород, углекислый газ и пиломатериалы⁷. Отсюда — неопределенность различия между взяткой и подарком, возникновение экономической базы для взяток «борзыми щенками» по образцу гоголевского судьи Ляпкина-Тяпкина⁸.

Даже отношения рабочих, определяемые технологией и организацией, реализовались, обрастая личными отношениями, включающими обмен услугами, поблажками, дефицитом. Сам престиж личности определялся возможностями в предоставлении дефицита. Передача сырья, заготовок, инструмента, т. е. обеспечение возможности элементарно трудиться на рабочем месте, становилась важной услугой, подчиненной движению дефицита. Отношения на производстве зависели от отношений социальных престижей людей, которые определялись их связями, возможностью распоряжаться дефицитом, получать доступ к нему. Вся плановая деятельность реально существовала как обмен дефицитом. Например, директор завода приводит слова другого директора: «На меня навесили столько, сколько я сделать все равно не смогу, поэтому буду выдавать только тем предприятиям, которые пришлют мне прессовщиков и еще помогут точить детали, и еще, и еще». Далее рассказчик от себя добавляет: «Ну что? Шлем прессовщиков, делаем все, что делают заводы, которые имеют фонды, да плюс еще целый ряд работ. И только поэтому получаем, что нам нужно. За счет заводов, которые не получают, даже имея фонды»⁹.

Воспроизводство в каждой точке подчинялось необходимости достать, получить, вырвать некоторый набор необходимых вещей, пробить некоторый локальный мир для получения от него милости, услуги, подачки. В каждой точке целого сидит владелец дефицита, власть которого неуклонно растет, пока в обществе не получил влияние в достаточных масштабах иной порядок.

Официальная наука не осознавала значения дефицита для понимания сложившегося порядка вещей. Сторонники экономического материализма не заметили, что отношения, связанные с монополией на дефицит, давно уже стали определяющими в обществе. Слова «дефицит — великий двигатель общественных отношений» принадлежат не советскому социологу или экономисту, а великому трагику-комику А. Райкину.

⁷ Правда. 1982. 18 февр.

⁸ Гоголь Н. В. Ревизор// Собр. соч. в 8-ми т. М., 1984. Т. 4. С. 11.

⁹ Литературная газета. 1979. 27 мая.

В странах, которые находились в сфере влияния СССР, подобные процессы могли иметь свою специфику, смягчаться существованием в явном или скрытом виде развитых форм утилитаризма, зачатков либеральных социальных интеграторов, ограниченных форм личной инициативы, определенного рынка, осознанием ценности торговой деятельности, возможностью вкладывать ресурсы в производство независимыми инициативными людьми.

РАЗНОМЫСЛИЕ

Важнейшей проблемой, с которой столкнулось новое руководство, было существование разномыслия. Разумеется, люди, которые отказывались придерживаться господствующей идеологии, существовали всегда. Более того, *специфика гибридного характера псевдосинкретизма неизбежно означала, что каждый человек тяготеет к одной из ипостасей господствующей идеологии, неизбежно нес в себе, даже не зная этого, потенциальную возможность инакомыслия, что и проявлялось в периодической смене господствующего нравственного идеала.* Открытое выступление против господствующей власти в первом глобальном полупериоде, как и практически в условиях господства любого синкретического государства, подавлялось силой. При Сталине складывались ситуации, когда об открытом протесте даже подумать было невозможно. В условиях господства пятой версии псевдосинкретизма положение изменилось. Хрущев, так же как и некогда Ленин, был убежден, что естественность и разумность создаваемого порядка неизбежно делает всех единомышленниками, все, по его мнению, кроме сумасшедших, должны были думать, как он. Расползание разномыслия, видимо, вызывало у Хрущева недоумение и озлобление, что и проявлялось на знаменитых встречах с интеллигенцией. Кроме того, «оттепель», цензурные послабления, хотя и неустойчивые и временные, давали некоторую надежду на либерализацию.

Слабость разномыслия объяснялась опустошением, которое сталинский террор внес в духовную элиту, в культуру вообще, в ряды людей, способных иметь собственное суждение. Для атмосферы того времени характерно, что даже в 1968 году, когда в ответ на советскую интервенцию в Чехословакии несколько человек вышли с протестом на Красную площадь, среди интеллигенции циркулировала версия, что «этого не может быть, это очередная провокация КГБ».

Однако постепенно положение изменилось. Разномыслие в конечном итоге стало повседневностью. Оно стимулировалось

реальностью, про которую мой отец сказал, что «были времена похуже, но не было подлей». Сложившийся порядок отличался вышедшей на самую поверхность жизни двусмысленностью, постоянной необходимостью во имя сохранения порядка совершать бессмысленные действия. Это приводило к потере существующим порядком своего нравственного основания, к разрыву со здравым смыслом, что постепенно осознали многие. Возникло то движение, которое получило название диссидентства.

Если при Сталине люди не ощущали возможности альтернативы, то диссиденты, само их существование делали такую альтернативу зримой для каждого человека. Этот диссидентский вызов у весьма многих породил сильное раздражение и даже ненависть к возбудителям нравственного беспокойства. Подавляющее большинство разделяло основное заблуждение массового сознания, т. е. веру во всеислие начальства, в его способность смолоть в порошок любое противостояние, относилось к открытому разномыслию негативно, рассматривая его как безумие, в лучшем случае как нечто совершенно бесполезное, так как «начальство делает что хочет», а в худшем случае как провокацию, как действие, которое объективно «играет на руку нашим врагам», как то, что, озлобляя начальство, тем самым мешает прогрессу демократии. Когда диссиденты стали собирать деньги для поддержки семей политзаключенных, я обнаружил, что среди моего окружения оказалась крайне мало людей, к которым можно было обратиться с подобной просьбой. Некоторые выражали беспокойство по поводу бесконтрольности движения этих денег, — не скрывается ли под благородным предлогом чистое мошенничество. По сути дела, это был все тот же страх перед оборотничеством, перед обманом, который некогда высказал мой школьный приятель Герман Г., — что любая неконтролируемая группа молодежи может стать объектом проникновения иностранных шпионов. Мы постоянно жили не в себе, в страхе, что мы окажемся жертвами собственного простодушия и чьих-то козней.

Правящая элита пыталась сформулировать свое отношение к диссидентскому движению. Теоретически оно заключалось в согласии с тем, что человек может иметь свое мнение по любым вопросам. Тем самым правящая элита косвенно признала, что господствующая идеология есть некоторый условный консенсус. Она согласилась с тем, что бессмысленно контролировать саму мысль в человеческой голове. Тем не менее запрещались передачи, обсуждение, проповедь этой мысли, обнаружение ее перед иными лицами, распространение, а также хранение соответствующих текстов. Тем самым правящая элита

вступила в ожесточенную борьбу с разномыслием, значение которого для общества, вопреки массовым представлениям, оказалось исключительно важным. Диссиденты далеко не всегда были связаны культурными нитями с подавленной в прошлом духовной элитой, но иногда получали импульсы от уцелевших носителей катакомбной культуры, которая чудом сохранилась в щелях разрушенного здания. Эта катакомбная культура несла в себе остатки какой-то иной культурной реальности, иных взглядов на мир. Новое нравственное движение содержало прежде всего стремление личности сохранить свое «Я», свои личностные представления, личностную культуру, что объективно, независимо от конкретного содержания этих представлений противостояло псевдосинкретизму как таковому, его гибриднему характеру, попыткам превратить разнородные элементы культуры в средство решения медиационной задачи. Само появление этих людей, независимо от конкретных идей, которые они несли, означало, что в обществе раздалась сигналы бедствия. Они, с одной стороны, касались конкретных людей, преследуемых за мысль, но, с другой стороны, постоянно, объективно, независимо от желания их носителей говорили, кричали о возможности иной мысли, иной нравственной позиции. Более того, эти люди постоянно говорили о том, что в обществе происходит нечто страшное, чудовищное, что в нем уничтожается человек во имя все менее понятных абстрактных сменяющих друг друга идей. Им навстречу шла литература, которая там или здесь пробивала цензурные рогатки, пыталась раскрыть бездну нравственного падения, в котором оказывалось общество, ослепшие, оглохшие люди. В обществе появилась мысль, что если при Сталине судили «ни за что», то теперь судят «за Правду», судят тех, на ком, по древнему представлению, «мир стоит». Разумеется, эти мысли не были господствующими, и ненависть к диссидентам даже среди образованных кругов была достаточно велика. Тем не менее крот продолжал копать, готовя новую инверсию. Непреодолимая сила этого нравственного движения заключалась вовсе не в возмущении людей вторжением в Афганистан или другими подобными акциями власти. Много ли можно насчитать людей, которые могли сказать, что они тогда, в те трагические дни были (хотя бы внутренне, перед лицом своей совести) против этого безумного акта? Локальное и одновременно авторитарное сознание советского человека в лучшем случае приходило к выводу, что все подобные действия лично от него не зависят и, следовательно, его не касаются, «им там виднее», т. е. они не являются для личности нравственными проблемами. В худшем же случае имперские

амбиции, вера в нашу вселенскую Правду толкали к искреннему массовому одобрению всех этих акций. Новое нравственное движение имело иной неиссякаемый источник: господство псевдосинкретизма означало не столько «плохую жизнь», сколько абсурдную, вступающую в противоречие как с архаичным синкретическим, так и с либеральным сознанием, а также с сознанием утилитарным. Например, мальчика Чика «удивляло и потрясало противоречие» между разрешением держать в городе корову и запретом ее пасти¹⁰. Вся жизнь состояла из таких парадоксов, постоянно возбуждавших людей. Подобные явления, которые пронизывали всю повседневную жизнь, постоянно стимулировали медленный, но неуклонный рост массового дискомфортного состояния. Более того, тем самым подрывалось древнее представление о Правде, формировалось представление, что жизнь идет не по Правде, что она вся погрязла во лжи. Значение этого явления в полном объеме раскрылось не сразу. Оно порождало в обществе серьезное нравственное беспокойство, тревогу за судьбу страны. Этому движению, однако, была присуща и определенная слабость — недостаточное внимание к интерпретации этих нравственных идей на языке социальных и экономических наук. Тем не менее нравственное движение стимулировало рост дискомфортного состояния, инверсию, подрывающую основы авторитаризма и шестую версию псевдосинкретизма.

Существенное значение имел получивший сильное влияние *антисемитизм*. Отождествление зла с евреями как с антиготемом — старая традиция в России. Еще в Смутное время тем, кто пытался воспрепятствовать избиению польско-литовского войска, говорили: «Вы жида, как и Литва». Петра I в народе называли «жид проклятый». Тем самым культивировалась точка зрения, что власть находится в руках оборотней.

Язык антисемитизма был понятен разным слоям общества и служил важным средством коммуникации. На этом языке люди объясняли свои личные неудачи (например, отказ в приеме на работу может быть объяснен кознями евреев, продавец в магазине может обрушить свой гнев на недовольную очередь, выражая желание, чтобы еврей, возмутивший людей, отправился в Израиль). То обстоятельство, что в данном учреждении или очереди могло вообще не оказаться евреев, не имело значения, так как мифологическое сознание уверено как в способности оборотня скрываться, так и в своей способности разоблачать оборотней. Язык антисемитизма может быть распространен на чисто природные явления. Например, был отме-

¹⁰ *Искандер Ф.* Из рассказов о Чике. 1977.

чен случай, когда человек, застигнутый непогодой, воскликнул: «Жи́ды проклятые!»

На языке антисемитизма шел скрытый спор голосов России. Почва выражала свою антипатию власти, используя язык антисемитизма. Было широко распространено убеждение, что власть попустительствует, потакает евреям и, в сущности, объективно идет у них на поводу в результате то ли легкомыслия и безответственности, то ли прямого подкупа. Например, человек лет шестидесяти в московском автобусе высказал во всеуслышание неодобрение власти, которая якобы позволяет евреям вывозить в Израиль золото, чтобы потом использовать его «против нас, русских». Подобные настроения существовали и среди определенной части почвенной интеллигенции, которая была убеждена, что КГБ — гнилая организация и совершенно не в состоянии докопаться до хорошо законспирированной деятельности сионистов.

Власть, в свою очередь, отвечала также на языке антисемитизма, пытаясь снять всеми средствами всякие следы своей связи с евреями, во-первых, оттеснением евреев с руководящих постов и, во-вторых, своей активной борьбой с сионизмом в мировом масштабе.

«Евреи» являлись своеобразной этикеткой зла, которую можно наклеить куда угодно. И. Бунин отмечал, что «левые» все «эксцессы» революции валият на старый режим, черносотенцы — на евреев. А народ не виноват! Да и сам народ будет впоследствии валиить на другого — на соседа и на еврея: «Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жи́ды на все это дело подбили...»

Налицо стремление описывать мироздание в дуальной позиции: «еврей — нееврей». Сама возможность антисемитизма опирается на господство в массовом сознании манихейской картины мира, в которой в разные периоды меняются ярлыки зла и добра. Возможность антисемитизма в интеллигентском сознании вполне подготовлена представлениями, что история движется различными злыми, корыстными тайными или явными субъектами: буржуями, масонами, партийной бюрократией, которые постоянно дезорганизуют мир своей слепой погоней за прибылью, закрытыми распределителями, кражей последнего куса хлеба у голодного и убогого. Эти силы делают что хотят, и народ ответственности за них не несет. Эта схема, которая ничего не знает о культуре как форме реальности, прямо просится быть выраженной на языке антисемитизма.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ

В стране продолжалось воспроизводство на технической основе индустриализации. Накапливались гигантские средства производства, что существенно усложняло систему управления хозяйством, сложность которого давно перешла предел возможности для дорыночного натурального хозяйства. Максимальные темпы хозяйственного роста конца 40-х — начала 50-х годов уже были абсолютно недостижимы. Вовлечение в оборот гигантских материальных ресурсов не сопровождалось адекватным развитием конструктивной напряженности, требующей неуклонного повышения эффективности — как социальной, так и чисто экономической — от каждого нового вовлеченного в оборот рубля капиталовложений. Попытка управлять потоками ресурсов без соответствующего механизма всеобщей связи неизбежно приводила к стремлению части и целого получать эффект за счет друг друга, что в конечном итоге приводило к истощению ресурсов, к общей социальной дистрофии. В результате показатели неуклонно ухудшались. Например, среднегодовые темпы роста национального дохода упали с 9% в 50-е годы до 4,4% в первой половине 60-х годов и продолжали падать и в 70-е годы. С конца 50-х годов темпы экономического роста постоянно падали и снизились к середине 80-х годов почти до нуля¹¹.

Хотя в 1974-1975 годах наблюдалось кризисное ухудшение экономических показателей, тем не менее десятилетие 1971-1979 годов можно при поверхностном взгляде рассматривать как сравнительно благоприятное. Однако в это время медленно, но неуклонно накапливались скрытые, по сути катастрофические процессы. В эти годы страна обогнала США по многим важным натуральным показателям, что примитивному хозяйственному мышлению, ориентированному на натуральные показатели, казалось победой. Между тем за этим скрывалось накопление разрушительной дезорганизации, снижение способности общества как субъекта воспроизводить это невиданное в истории хозяйственное чудовище. Только за две последних пятилетки шестого этапа сельское хозяйство поглотило около 600 млрд. руб. государственных инвестиций, дав нулевой прирост чистой продукции. Один этот факт сам по себе — приговор «социалистической» колхозно-совхозной системе, он свидетельствовал о внутренней неразрешимости проблем ее развития, о неспособности общества преодолеть груз унаследованных отсталых форм труда, выработать культурные

¹¹ Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 58, 53, 91.

принципы, способные стать основой качественного прогресса воспроизводства.

Хозяйственное развитие на доэкономической основе непрерывно приводило к росту расточительных издержек производства, сдерживаемому чисто административными методами. Это требовало неуклонного перераспределения ресурсов в пользу расточительного производителя, который, пользуясь своей монополией на дефицит, постоянно стремился переложить издержки на потребителя. Общий уровень цен на товары и услуги в 1971-1983 годах вырос не менее чем на 43%, т. е. примерно на 3% в год.

С 1979 года начало падать производство стали, угля, чугуна. Неэффективное натуральное хозяйство требовало возрастающих вложений. Уменьшилось производство мяса, молока, масла. Непрерывно ухудшались и другие показатели: росла материалоемкость и энергоемкость продукции, непрерывно создавались рабочие места, не обеспеченные рабочими, и т. д. В верхах началась глухая борьба¹², связанная с необходимостью изменений в структуре хозяйства.

Дальнейшая деградация хозяйства была, однако, сильно заторможена хлынувшими в страну нефтедолларами. За вычетом этих доходов, а также доходов от продажи алкоголя общество не имело бы роста национального дохода, а в конце этапа имело бы место его сокращение.

Складывается впечатление, что хозяйственные показатели на этом этапе мало зависели от хозяйственной политики. Можно предположить, что мероприятия правительства в лучшем случае тормозили ухудшение хозяйственных показателей. Из этого следует, что в основе хозяйственного развития лежали механизмы, которые были неподвластны высшей власти и неизвестны советской науке.

ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ

В 1965 году произошло важное событие, значение которого тогда было трудно осознать: появились первые бюджетные дотации государства на потребительские цены, которые составили 3,6 млрд. руб. Государство, опираясь на административную власть, на концентрацию в своих руках монополии на дефицит, сохраняло в зависимости от себя все общество. Этот порядок мог более или менее эффективно функционировать при отсутствии всякой иной значимой системы циркуляции

¹² См.: В. С. Павлов отвечает на вопросы «Известий»: Исповедь премьера// Известия. 1991. 15 июня.

ресурсов, которая могла бы ослабить монополию на дефицит государства и тем самым ослабила бы зависимость от него определенных элементов общества или даже общества в целом. Псевдосинкретическое государство предотвращало эту нежелательную для него опасность прежде всего тем, что поддерживало господство натуральных отношений, держало денежную систему, финансы в качестве второстепенного ограничителя растраниживания ресурсов. Установленный государством порядок позволял сбалансировать доходы граждан с получаемыми натуральными продуктами, используя различные способы нормирования отпуска потребительских товаров, в первую очередь продовольствия, начиная от системы карточек до ограничения отпуска продуктов в одни руки. Запрет на независимую торговлю, которая всегда рассматривалась как спекуляция, позволял худо-бедно поддерживать этот порядок. Потребитель в этой системе мог потреблять столько, сколько государство считало нужным и возможным ему выделить. При этом государство могло руководствоваться разными соображениями, поддерживая одни группы и обрекая на прозябание и вымирание другие. Основная суть системы от этого не менялась, поскольку затраты на рядового потребителя выступали только лишь как одна из форм издержек производства, которую было снижать легче, чем другие.

Но подобная система могла еще как-то функционировать в условиях первого полупериода, когда определяющая инверсионная волна, хотя и не без колебаний, шла от соборности к авторитаризму, к тоталитаризму, когда издержки на значительную часть населения можно было еще снижать, отправляя людей в лагеря или опираясь на державшийся еще энтузиазм сторонников уравнительности. Однако положение стало меняться, когда инверсионная волна, совершая определенные колебания, повернула назад. Усилились нажим снизу, давление потребителя, направленное на увеличение его доли среди других издержек производства. Это сопровождалось активизацией поисков иных, независимых от государства, источников потребления. В этом же направлении действовали распространявшиеся в обществе идеи развитого утилитаризма, которые позволяли рассматривать реальные и потенциально возможные доходы как функции от результатов труда. Следовательно, необходимо было установление зависимости дохода от личного или коллективного трудового вклада. Давление массового потребителя стало препятствием для попыток государства повышать цены на потребительские товары в соответствии с ростом издержек производства. Таким образом, государство, с одной стороны, не имея соответствующих рычагов для снижения из-

держек производства, вынуждено было устанавливать цены, их компенсирующие. Но, с другой стороны, оно вынуждено было устанавливать розничные цены, отвечающие в минимальной степени сложившимся доходам и определенному нажиму снизу. Эти два взаимоисключающих, взаимодезорганизующих, взаиморазрушающих требования привели к попытке государства вполне в духе псевдосинкретизма попытаться удовлетворить и то, и другое, вводя дотацию из бюджета, покрывающую эту разницу.

Следует притом отметить, что в первом глобальном полупериоде советской системы сложился огромный разрыв между низкими закупочными ценами на продукцию сельского хозяйства и розничными ценами на нее. Первые составили от вторых 15—10% и менее. Разница поступала в распоряжение высшей власти. Однако во втором глобальном полупериоде нарастающие силы локализма все менее могли мириться с этим бесцеремонным ограблением, так как они не могли воспроизводить свою собственную жизнь¹³. Происходила мощная перекачка ресурсов из сельского хозяйства. «Так, за проданный государству центнер зерна в 1953 г. труженики села могли купить в 15—20 раз меньше промышленных изделий, чем в 1928 г.»¹⁴. Теперь инверсионный маятник качнулся в противоположную сторону. С 1953 года закупочные цены на зерно повышались 9 раз, на картофель и овощи — 11, скот и птицу — 12, молоко и молочную продукцию — 9 раз. Общий уровень закупочных цен с 1955 года повысился в 4,6 раза. Власть под давлением локальных сил повышала закупочные цены, т. е. шла навстречу производителю, и одновременно под давлением массового потребителя не повышала розничные цены.

В результате дотация стала важнейшей категорией, фиксирующей способность архаичной государственности концентрировать и распределять дефицитные ресурсы, используя ее как средство, обеспечивающее социальное равновесие расколотого общества и компенсирующее последствия нарушения закона соотношения отраслей. Дотация на дорыночной основе усиливала значение затратного механизма, поощряя рост индивидуальной себестоимости, во всяком случае — препятствуя ее снижению, создавая ситуацию для иждивенчества и расточительства производителей. Дотация — важнейший элемент псевдоэкономики, современная форма древней способности общества воспроизводить себя посредством

¹³ См.: Кожин Л. Н. Радикальная реформа цен — путь к антизатратной экономике. М., 1989. С. 88.

¹⁴ Буздалов И. Н. Прибыль и материальная заинтересованность работников сельского хозяйства. М., 1967. С. 12.

принудительной циркуляции ресурсов, приобретающая патологический характер в условиях сложных хозяйственных форм, связанных с ростом и развитием.

Господство патологических цен в условиях псевдосинкретизма объяснялось нарушением закона соотношения хозяйственных отраслей, развитием промышленности в рамках натурального хозяйства, отсутствием рынка во взаимодействии промышленности и сельского хозяйства как определяющего фактора их взаимопроникновения. Следовательно, циркуляция ресурсов, включая и ресурсы, идущие на инвестиции, основывалась не на потребностях и возможностях общества, выраженных в демократии рынка, в платежеспособном спросе миллионов, но на случайных, утопических представлениях тех или иных представителей правящей элиты. С их стороны это не было узурпацией. Миллионы людей, выше всего ценившие уравнительность, замыкавшиеся в своих локальных мирах, фактически предоставили право решений людям, которые могли имитировать свою общность с «Мы».

Механизм спроса и предложения теоретически предусматривает в случае возрастания спроса на тот или иной продукт соответствующее повышение цены, что, с одной стороны, отесняет с рынка часть наименее платежеспособных потребителей, а с другой стороны, открывает возможность для перелива капитала, получаемого за счет более высоких цен, для увеличения производства, что в конечном итоге позволит снизить цену. Для того чтобы этот механизм действовал, нужны вполне определенные условия, прежде всего свобода установления цен, конкуренция, возможность свободного перелива капитала. Должно быть еще одно важное условие, носящее социально-психологический характер — способность общества в случае резкого повышения цен согласиться с вытеснением соответствующих потребителей с рынка, в случае соответствующего снижения цен согласиться с закрытием нерентабельных производств (т. е. с их банкротством).

Нарушение закона соотношения хозяйственных отраслей в России привело к тому, что ни одно из указанных условий не выполнялось и не могло быть выполнено. В этом обществе не было ни свободных цен, ни конкуренции, ни возможности перелива капиталов. Это общество не могло решиться на лишение значительной части потребителей возможности получать определенный минимум ресурсов. Это общество также не могло позволить себе закрыть нерентабельные предприятия, так как опасалось социальных последствий, а также потому, что эти предприятия выпускают дефицитную, возможно, жизненно важную для определенных слоев общества продукцию. Су-

существует еще ряд препятствий для действия теоретически безукоризненного механизма, устанавливающего равновесие спроса и предложения. Его бездействие не позволяет формировать взаимоприемлемые цены в разных отраслях. Строго говоря, им неоткуда взяться, так как в расколоте общества цены на разные товары имеют принципиально разные условия возникновения. Цены не формировались на общей экономической почве. Производители не стремятся друг к другу на основе общего поиска минимизации издержек, на основе уравнивания своих доходов и их общего повышения, на основе общего прогресса, приводящего к взаимопроникновению достижений, что в конечном итоге и создает общую основу для экономически обоснованной циркуляции ресурсов.

Российское общество не смогло преодолеть свою замкнутость перед лицом патологического процесса — дальнейшего наращивания гигантских ресурсов на натуральной основе, не проходившей рыночную апробацию на экономическую и, в конечном итоге, на социальную эффективность. Разумеется, это не специфика именно шестого этапа. Но именно здесь сложность патологического хозяйства приблизилась к критической точке, даже если взять чисто хозяйственный аспект.

УПАДОК ПОЗДНЕГО АВТОРИТАРИЗМА

Власть, опирающаяся на авторитаризм, была не в состоянии добиться эффекта при решении ни сравнительно мелких, ни крупных задач, доказывая свое банкротство на всех уровнях. Она не могла приостановить рост социальной дифференциации, наладить денежное обращение. Не решались и такие проблемы, как, например, восстановление прав крымских татар. Начальство предпочитало воздействовать на те сферы, в которых чувствовало себя уверенно, и не склонно было вторгаться в сферы, угрожающие стихийными, возможно, опасными последствиями.

Вместе с тем не решались и те вопросы, на которых, как кажется, концентрировались максимальные усилия. Освоение капиталовложений имело место обычно на 100—120%, но по вводу в действие производственных мощностей план обычно выполнялся не выше, чем на 50-60%. Смета как плановый документ имела весьма малую цену, фактически расходы превышали предусмотренные в 1,5-2 и даже в 4 раза. Проектировщики при существовавшем порядке были заинтересованы в дешевом строительстве, но не в высоком качестве проектов. Инвестиционный процесс затягивался на 8-12 лет, что является безумной расточительностью. Цикл строительства от

проектирования до ввода в эксплуатацию объекта занимал в среднем более десяти лет. Нормативы сроков строительства были примерно в два раза выше фактических сроков за рубежом. По данным за первые два года девятой пятилетки видно было, что сроки строительства растягивались вдвое, не говоря уже о длительном предпусковом и пусковом периоде, которые за рубежом в общей сложности составляют полгода.

Объем незавершенного строительства опережал рост капиталовложений. Если в 1965 году объем незавершенного строительства, исчисляемый от сумм капиталовложений, составлял 69%, то в 1974 году он достиг 77%, в 1977 — 85%. О необходимости решительных мер в области использования капиталовложений А. Косыгин и Л. Брежнев говорили на каждом партийном съезде, тем не менее не ощущалось каких-то признаков перемен. Страх перед усилением дезорганизации не только активизировал авторитаризм, но и еще в больших масштабах его парализовал, открывал путь хромающим решениям. Общество на шестом этапе, как и в прошлом, оказалось неспособным решать сложные задачи. Оно постепенно вновь пошло по пути инерции прошлого опыта, поворачиваясь к альтернативному нравственному идеалу.

Судьба господствующего идеала решалась в бесчисленных сообществах, где ощущалось неуклонное падение авторитета непосредственного начальства, что и означало неуклонный отход широких масс от шестой версии псевдосинкретизма. В частности, люди не приветствовали попытки поднять престиж Брежнева. Даже факт водружения его бюста на родине вызвал явное недовольство. Не существовало такой силы, которая могла бы обратить вспять этот процесс. В этой ситуации попытки усиления авторитаризма не только не опирались на массовую инверсию, но и вступали с ней в конфликт, что всегда губительно для господствующего идеала.

Поворот шестой версии псевдосинкретизма к упадку произошел между XXIV (1971) и XXV (1976) съездами КПСС. Последний съезд характеризовался отступлением высшего руководства перед натиском локальных сил. Это выразилось прежде всего в резком снижении планируемых показателей. Темпы роста капиталовложений в народное хозяйство составляли по плану 4,6%, тогда как на период 1966-1975 годов планировалось 7,4%. Для сравнения можно указать, что на 1929-1940 годы соответствующий показатель составил 17,9%. Запланированные темпы роста продукции составляли 6,5%, тогда как на 1966-1976 годы планировалось 7,9%, на 1929-1940 годы — 15,8%. Предусматривалось снижение темпов прироста сельскохозяйственной продукции по сравнению с пе-

риодом 1966-1975 годов. Эти цифры говорят о том, что в борьбе высшей власти и ведомств решающую победу одержали ведомства, заинтересованные не в росте количества продукции, а в укреплении своей монополии на дефицит. XXV съезд ознаменовал также уменьшение веры правящей элиты в свою способность обеспечить существенные позитивные изменения. Сравнение материалов XXIV и XXV партийных съездов говорит о том, что энтузиазм высшего руководства, связанный с перспективами научно-технического прогресса, заметно упал. Выдвинутый XXIV съездом тезис о зависимости производства от уровня благосостояния беспрецедентен для общества, в представлении которого производство вещей есть основа жизни. То же можно сказать и о тезисе соединения научно-технической революции с преимуществами социалистического строя. Первый из них остался незамеченным, не нашел отражения в советской социальной литературе. Что же касается второго, то он склонялся на все лады, но реально не был конкретизирован и разработан, был сведен к тривиальным идеям внедрения новой техники и развития науки. Советская общественная наука не смогла оказать практической помощи власти в ее попытках сохранить контроль над социальными процессами.

Постепенно выявились симптомы новой инверсии, подрывающие базу, на которую опирался авторитаризм. В сообществах происходили важные процессы. Возрастало значение личности. Это отчасти объясняется спецификой современного производства, усложнением техники и организации, что требует от человека роста инициативы и ответственности, а следовательно, и ослабления непосредственной зависимости от начальства. В этом направлении действовал утилитаризм.

Упадок авторитаризма проявлялся в неуклонном перераспределении монополии на дефицит: снижалось значение высшей власти и повышалось значение ведомств и отдельных регионов, предприятий. Постоянное усложнение экономики требовало смещения ответственности за дефицит вниз, что совпадало с общей тенденцией усиления локализма, начавшегося уже после краха крайнего авторитаризма и выразившегося в возрастании ценности низов. «Значение горизонтальных обменов непрерывно росло... К концу брежневского периода на долю таких обменов в совокупности приходилось более $\frac{2}{3}$ всех распределявшихся в стране ресурсов... В результате резко расширились массовые экономические и политические права населения, руководителей и организаций». Вопреки мировой практике это привело к тому, что между исполнителем и начальником стали действовать отношения, «в которых никто

никому ничего не должен»¹⁵. Власть поддавалась этому массовому давлению снизу, что сказалось в попытке описать изменяющуюся реальность и свои намерения изменить ситуацию к лучшему на знакомом языке товарно-денежных отношений. Попытка реформы 1965 года известна не столько своими хозяйственными последствиями, сколько определенным идеологическим поворотом, переходом описания хозяйственной реальности с языка директивного планирования (фонды, нормативы и т. п.) на язык прибыли, хозрасчета и т. п. Это означало, что правящая элита склонна была отступить перед нарастающим нажимом низших уровней держателей монополии на дефицит, что выражалось на неадекватном языке товарно-денежных отношений. Этот идеологический поворот мог иметь далеко идущие последствия, что выявилось далеко не сразу; он был симптомом процесса, ведущего авторитаризм к краху, обществу — к переходу на следующий этап.

Глубокой движущей силой новой инверсии было возрастающее стремление человека добиться независимости в сфере производства и потребления, ограничить свою зависимость от медиатора во всех сферах жизни, отойти от вялых инверсий, от не оправдавшего себя авторитаризма. Это стремление в свое время сокрушило сталинизм. Рост самостоятельности личности открывает творческие возможности, новые источники инициативы, без которой общество задыхается. Но этот процесс имеет и обратную сторону. Усиление независимости личности от власти и организации, если эта независимость не дополняется совершенствованием социальных интеграторов, если более свободная личность не включается в целое, неизбежно становится фактором разрушения целого. Одним из выражений этого процесса являлось повсеместное падение трудовой дисциплины, неспособность начальства полноценным образом интегрировать работника в трудовой процесс. Один читатель пишет, что «многие молодые люди в наше время впервые встречаются с необходимостью послушания, только будучи призваны в армию»¹⁶. На основе умеренного авторитаризма трудно было решать задачи укрепления дисциплины. Например, в одном письме из Харькова было высказано мнение, что «слово „дисциплина“ не согласуется с социализмом»¹⁷.

Личность самоутверждается тем, что во все большей степени использует свое учреждение, свое рабочее время, рабочее место для личных целей. Эти цели могут быть различными.

¹⁵ *Найшуль В.* Бюрократический рынок: Скрытые права и экономическая реформа// Независимая газета. 1991. 26 сент. С. 5.

¹⁶ Литературная газета. 1979. 21 февр.

¹⁷ Там же. 28 февр.

Наиболее простая — снижение интенсивности труда. Другая цель — использование своего положения для левых заработков любыми средствами, для использования государственного сырья, оборудования и т. д. Все это усиливало стремление сообществ к независимости от высшей власти. Известный диссидент Подъяпольский, вспоминая о положении дел в Институте физики Земли, где он несколько лет работал, говорил о том, что многочисленные подразделения института «жили в значительной степени своей собственной жизнью, имели собственный микроклимат и занимались собственными проблемами, зачастую определяемыми личными склонностями их руководителей. Неоднократные на моей памяти попытки дирекции института объединить деятельность всех отделов под флагом одной или нескольких крупных научных проблем не имели по этой причине реального успеха». В этом направлении двигалось все общество, все его этажи, включая самый высший.

В обществе шла постоянная борьба между правящей элитой и ведомствами. Например, общесоюзное законодательство парализовывалось так называемым «малым законодательством» в форме ведомственных инструкций, циркуляров и т. д. «Малое законодательство» — мощное оружие локальных интересов — может проигрывать сражения, но выигрывает войны. Руководителям предприятий еще в 1955 году было дано право использовать в течение года сэкономленный за предыдущие кварталы фонд зарплаты, что помогло бы освоению трудоемкой продукции. Всего через полтора месяца Госбанк принял контрнаступление — его инструктивное письмо фактически ликвидировало это право. В новом «Положении о предприятии» это право вновь подтверждалось. Госбанк не сдал позиций, об этом говорит, например, приказ от 8 января 1971 года. Фактически «малым законодательством» ведомств непосредственно была парализована хозяйственная реформа 1965 года.

Локализм в экономике неуклонно нарастал, подрывая авторитаризм. Об этом свидетельствуют обширные материалы в печати, касающиеся управления. «Правда» считала, что повышение эффективности управления и производства мешало то, что «каждое министерство решало проблему локально, исходя из своих собственных разумений, прав и возможностей. Поэтому изъяны ведомственного подхода дают о себе знать все острее»¹⁸. Бригадир из Брянска писал, что «интересы рабочего, бригады и участка еще не завязаны в тугую единый цеховой или заводской интерес. Поэтому нет единой ответственности.

¹⁸ Правда. 1979. 10 июня.

От рабочего что требуется? Дать деталь. От бригадира — узел, от цеха — комплект. Деталей мы сможем наштамповать сотни, тысячи, полного же комплекта может и не быть. „Биться“ за этот комплект никакого стимула нет. Потому что спрашивают и платят рабочему за детальку-штучку. Вот так и „рассыпается“ какая-нибудь машина по разным цехам на тысячи разных винтиков. К тому же одни винтики бывает выгодно делать, а другие — нет»¹⁹.

Транспортные организации были не заинтересованы в своевременной перевозке грузов и поэтому не вступали друг с другом в контакт для переброски грузов с одного вида транспорта на другой. Отсюда — «большие потери, связанные с тем, что лес и другая продукция народного хозяйства месяцами не вывозится»²⁰. Каждая транспортная организация руководствуется вовсе не общими интересами, которые неизвестно в чем заключаются, а своими локальными ценностями. «Представители разных видов транспорта устраивают на перегрузочных пунктах громоздкие переучеты, перепроверки, даже заставляют вручную разбирать пакеты груза, а потом опять собирать. Осложняет работу практика, при которой груз на своем пути успевает побывать на пяти и более складах, да еще и гостит в каждом из них неделями, а то и месяцами. Это ведет к порче многих продуктов, к нехватке подъемно-транспортных машин, вагонов, складов и рабочей силы»²¹.

Самостоятельность низов приобретала подчас острые формы. Можно было наблюдать, как директорами заводов фактически руководят начальники цехов, способные согласно собственным соображениям даже приостановить производство. В этой ситуации все больше трудностей возникало при попытках решения новых сложных задач. Вначале создавать новые сообщества было сравнительно легко. Они возникали подобно тому, как некогда дробились крестьянские хозяйства. Из старых выделялись новые ведомства, исследовательские и проектные организации и т. д. Медиатор создавал организации почкованием. Большие ресурсы рабочей силы позволяли создавать новые предприятия. Поскольку новые сообщества специально организовывались для решения конкретных задач, они подчас успешно функционировали. Достаточно указать на систему организаций, связанных с программой освоения космоса. Постепенно, однако, выяснилась невозможность бесконечного создания новых сообществ путем «деления» для решения лавины новых задач. Новые задачи дробились между многочисленными

¹⁹ Правда. 1979. 22 июля.

²⁰ Там же. 27 июля.

²¹ Там же. 24 июня.

ми организациями, что приводило к возрастающим потерям. Сфера интересов старых сообществ лежала в области защиты своей монополии на дефицит, а вовсе не в решении новых задач, навязываемых начальством. Сообщества принимали эстафету старых локальных миров: «Там, где новизна, там и кризис».

Наглядный пример — процесс формирования Братско-Илимского территориально-производственного комплекса для строительства Братской ГЭС, где обнаружились трудности в создании единого руководства строительством с единой стратегией освоения природных ресурсов. Ведомственная разобщенность оказалась источником огромных убытков. Несколько лет прошло, пока ведомства договаривались между собой о доле участия в строительстве железнодорожной магистрали. Постоянно возникали диспропорции в развитии экономики территории. Электростанции были построены значительно раньше предприятий — потребителей энергии. Отсюда серьезная проблема реализации электроэнергии. Сам город Братск стал как бы материализацией ведомственности: он состоит из нескольких изолированных друг от друга поселков, каждый из которых имел собственную канализацию, систему энергоснабжения, телефонную связь, систему снабжения топливом. Разве не поразительно, что общество с самым мощным в истории человечества централизованным аппаратом планирования не в состоянии строить города? Причина элементарно проста — у города не было своего ведомства. Серьезными конфликтами было отмечено распределение общих затрат, главным образом на производственную и гражданскую инфраструктуру города. Каждое ведомство преследовало цель уменьшения своей доли затрат.

Автаркия, свойственная ведомствам, влекла за собой полнейшую беспомощность при выработке общей точки зрения. Новые общие задачи ставили каждое ведомство в затруднительное положение, угрожая относительно устоявшимся формам деятельности, требуя напряжения и издержек, не оправданных его собственными интересами. Поскольку же в условиях господства монополии на дефицит ведомству не угрожала опасность остаться не у дел, наибольшую угрозу ему несли возможные убытки, которым оно всеми силами противилось, сваливая их на другие ведомства или пытаясь вообще выйти из игры. Рост замкнутости обострял борьбу за дефицит, за свои особые интересы. Шла борьба между отраслевыми и территориальными организациями. Выявился определенный симптом некоторого усиления последних.

Уменьшение престижа власти первого лица неизбежно подорвало усилия авторитаризма, направленные против перемещения центров воспроизводства вниз. Обострение социокультурного противоречия дошло до крайних форм. Оно развивалось как противоречие между ценностями автаркии и большим обществом, между ценностями авторитаризма и локализма внутри воспроизводственного процесса.

Сами локальные ценности в результате роста утилитаризма не остались неизменными. Миллионы людей все больше отдалялись от ценностей сельской общины и патриархальной семьи, что усиливало локализм на основе личностного утилитаризма в противовес коллективистскому, машинному. Эта форма утилитаризма развивалась главным образом вне легальных рамок, готовя новую инверсию. Одновременно усиливался локализм, направленный как против личностного, так и против общегосударственного утилитаризма, против общества-общины.

Складывалось впечатление, что дело и «недело» менялись местами. Истинное дело концентрировалось вокруг того, что официально считалось халтурой, спекуляцией, подпольным производством, шабашничеством и т. д. Жизнь уходила из сообществ, чтобы утвердиться в любом не занятом в обществе пространстве. Общество сохраняло жизнеспособность не потому, что люди следовали правилам и инструкциям, а благодаря тому, что их нарушали. «Комсомольская правда» за октябрь 1976 года приводит слова бригадира на строительстве совхозного склада: «Не украдешь — не построишь». Жизнь общества определялась не наличием государственного народнохозяйственного плана, а каким-то неизвестным скрытым законом. Наука, литература, идеология черпали творческие импульсы из нелегального: из самиздата, из западных теорий, которые официально громились, а втихомолку заимствовались, из нелегального рынка, где можно достать не только дубленку, книгу Пушкина, но и сырье для выполнения государственного плана и т. д. Живые силы общества стали немыслимы без полуправильной творческой деятельности.

Процесс ухода жизни из системы создавал новые источники творчества, но в конечном итоге подрывал существование медиатора, отсасывая из него энергию, укрепляя маленькие, но мощные противостоящие ему локальные миры. Усиление автаркии локальных миров приводило к обескровливанию всех центров общества, которые не могут существовать, не получая от них социальную энергию. Это приводило к дистрофии наиболее сложных, внутренне многообразных форм деятельности, высших центров распределения дефицита, т. е. высшей власти,

городов, промышленности, науки и т. д., которые вынуждены были бороться с авартикой локальных миров, с их нежеланием и неспособностью снабжать эти центры своей энергией. Но это означало проедание основного капитала общества, дальнейшее сведение затрат на технологию к голодному минимуму, что в конечном итоге разрушало производство, необратимо снижало качество на всех уровнях, делало его поддержание возможным лишь в ограниченных анклавах ценой возрастающих усилий, которые сами приводили к дальнейшему усилению дистрофии.

Таким образом, система позднего умеренного авторитаризма содержала в себе не только обычные признаки кризиса, которые сопровождали окончание каждого этапа. В ней явно просвечивали черты кризиса, выходящего за рамки одного этапа. Хотя власть и пыталась проявлять бодрячество, шапкозакидательство, тем не менее было очевидно, что все параметры общества неуклонно страдали от нарастающей дезорганизации и никакие из используемых средств не могли остановить этот процесс.

Шестой этап, несмотря на существенные различия, поразительно похож на умеренный авторитаризм модифицированного инверсионного цикла прошлого глобального периода, совпавший с царствованием Николая I. Многие оценки того этапа можно отнести и ко времени правления Брежнева. Историк Н. К. Шильдер говорил о «бесцельной страсти к тайне». Граф П. А. Валуев писал о «повсеместном недостатке истины», о «недоверии правительства к своим собственным орудиям и пренебрежении ко всему другому». Он говорил, что административная деятельность «обеспечивает всеобщую официальную ложь... Отделите сущность от бумажной оболочки, то, что есть, от того, что кажется. И — редко, где окажется прочная плодотворная почва»²². Даже по словам официального апологета николаевского режима, система могла существовать лишь благодаря тому, что предписания высшего правительства на местах не исполнялись и действительная жизнь шла врозь с ними. Нельзя игнорировать оценку, данную маркизом де Кюстинем николаевской России. Он писал, что власть «скорее страшна на вид, чем прочна на самом деле». «Осадное положение сделалось нормальным состоянием общества»²³.

Правящую элиту шестых этапов двух глобальных периодов сближает военная сила, мощный полицейский аппарат, власть над ресурсами страны, а вместе с тем — недееспособ-

22 Дневник графа П.А.Валуева. 1847-1860 гг.// Русская старина. 1893. Кн. 9. С. 509.

23 См.: Лемке Мих. Николаевские жандармы и литература 1826-1855. СПб., 1908. С. 141.

способность, когда речь идет о сложных экономических и социальных проблемах, неумение предвидеть и предотвратить стихийные разрушительные процессы, неспособность обеспечить рост и развитие, слабость экономическая и техническая. И в прошлом, и в нынешнем веке целью власти не являлось абсолютное единомыслие. Власть опасалась лишь проникновения тех идей, которые, по мнению ее представителей, были бы способны породить неконтролируемые последствия. Этапы позднего умеренного авторитаризма сближает то, что страна не знала массового революционного движения, направленного против существующего строя, а духовная элита искала контактов с правящей в стремлении к реформам. Сходство заключалось и в том, что сама правящая элита скрыто шла по пути осознания необходимости перемен, но и там, и тут не хватало способности и сил провести реальные реформы. И в том, и в другом случаях наблюдалась политика ограничения крепостничества. При Брежневе она выразилась, например, в выдаче паспортов всем совершеннолетним гражданам без исключения. Глубокая общность заключалась и в страхе правящей элиты перед неконтролируемым движением масс, перед материализацией слухов.

Это сравнение шестого этапа псевдосинкретизма с царствованием Николая I — нечто большее, чем некоторая аналогия. Это два соответствующих, совпадающих этапа двух глобальных периодов. Ни на секунду нельзя забывать, что *застой, неспособность к конструктивным переменам, ориентация на застывшую силу николаевского режима стали отправной точкой движения России в пропасть, движения, завершившегося крушением медиатора.* При всей ограниченности подобного сопоставления его невозможно игнорировать. Люди в состоянии изменить ход истории, преодолеть ее инерцию, отклониться от сложившихся образцов. Однако немислимо также и игнорировать устойчивую историческую инерцию.

ГЛАВА VII ВОЗВРАТ К СОБОРНО-ЛИБЕРАЛЬНОМУ ИДЕАЛУ («Перестройка»)

ПЕРЕЛОМ В МАСШТАБЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ?

Смерть Л. И. Брежнева, как и всякий уход первого лица, всякая смена персонификации синкретического государства, должна была стать стимулом новой интерпретации нравственных изменений в обществе, в данном случае — *далеко зашедшего локализма, превратившего авторитаризм в пародию.*

Пришедший к власти Ю. В. Андропов (ноябрь 1982 — февраль 1984 года), руководивший подавлением Будапештского восстания в Венгрии в 1956 году и с 1967 по 1982 год возглавлявший КГБ, искал теперь путь к предотвращению ухудшения ситуации в укреплении дисциплины на основе активизации авторитаризма. У него можно было проследить некоторые элементы концепции. Он вполне в духе синкретической государственности полагал, что в основе общества лежит общественная собственность на средства производства. Ею определяются нормы бережливости и инициативы, т. е. содержание человеческих действий. Поэтому Андропов очень заботился о соответствии поведения человека этому абстрактному представлению о собственности, приравнивал уклоняющихся от этих норм диссидентов к иностранным агентам, пытался укрепить дисциплину активной борьбой «с нетрудовыми доходами и с так называемыми летунами, прогульщиками, лодырями, бракоделами... нахлебниками общества»¹ и подобными массовыми акциями, заботился об укреплении идеологии и т. д. Он пытался сдержать усиление форм локализма, разрушавших основы сложившегося авторитарного порядка, сложившейся формы

¹ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. М., 1983. С. 16.

собственности, определяющей, по мнению Андропова, весь сложившийся порядок. Он писал, что «нам глубоко чужда такая трактовка самоуправления, которая тянет к анархо-синдикализму, к раздроблению общества на не зависящие друг от друга, конкурирующие между собой корпорации...»². Уже одно это высказывание подтверждает, что в правящей элите созревало осознание опасностей локалистских тенденций, проявившихся в годы «застоя». Несомненно проявляя значительно больше проницательности, чем предшествующее руководство, Андропов считал национальные проблемы серьезной опасностью, о чем явно свидетельствует содержание его доклада о 60-летию СССР в декабре 1982 года³.

Ю. Андропов, видимо, острее других чувствовал нарастание дезорганизации в стране. *Был ослаблен официальный оптимизм. Это выразилось в признании, что общество находится лишь в начале развитого социализма. Это, казалось бы, малозначимое изменение в идеологии можно рассматривать как стремление слегка расширить масштабы критики исторического опыта.* Как откровение воспринимались его высказывания о возможности в социалистическом обществе «серьезных коллизий»⁴. И особенно оглушительно на фоне привычного дифирамбизма прозвучало его заявление, что «мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать... эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок»⁵. *Устами первого лица было признано, следовательно, что общество, которое пыталось положить в основу своего управления научные принципы, до сих пор могло принимать решения лишь вслепую.* Высшая власть почувствовала угрозу того, что под ногами бездна, но не знала, что делать.

Чем же можно объяснить, что Ю. В. Андропов и следующий за ним руководитель страны К. У. Черненко (февраль 1984 — март 1985 года) не сделали заметного шага в интерпретации новой нравственной ситуации в обществе? Переход к новому этапу был не совсем обычным. Опыт прошлого глобального периода свидетельствует, что переход к седьмому этапу был результатом не только дискомфорта состояния,

² Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса... С. 22.

³ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР: Доклад на торжественном заседании 21 дек. 1982 г. // Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983. С. 5-19.

⁴ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса... С. 27, 30.

⁵ Пленум Центрального Комитета КПСС 14-15 июня 1983 года: Стенографический отчет. М., 1983. С. 124-125.

возникающего как реакция на дискредитацию умеренного авторитаризма, но также и остаточного дискомфорта состояния, накапливавшегося на протяжении всего глобального периода. Это несло угрозу отрицания не только предшествующего этапа, но и господствующего нравственного идеала всего глобального периода и, следовательно, псевдосинкретизма как основы для его интерпретации правящей элитой, угрозу отрицания ценностей всего глобального периода, как это уже имело место в конце прошлого периода. Рассмотрение положения в стране через призму исторического опыта создавало основу для общей тревожности, напряжения в обществе, увеличивало страх перед изменениями. Исторически сложившийся опыт интерпретируется разными социокультурными группами различно. Страшный опыт прошлого, зафиксированный в псевдосинкретизме, включал инстинктивный страх перед наступлением локализма с его войной против всех, подрывающей возможности решения медиационной задачи. Этот страх мешал правящей элите совершать шаги, которые могли рассматриваться как ослабление исторически сложившихся механизмов интеграции общества, прежде всего власти медиатора, как попустительство локальным силам.

Тем не менее перелом произошел. Приход к власти М. С. Горбачева (март 1985 года) ознаменовал начало седьмого этапа псевдосинкретизма, вступление страны в полосу реформ, аналогичных по своему духу и значению реформам седьмого этапа прошлого глобального периода, когда, кстати говоря, понятие «перестройка» также использовалось.

Переход к седьмому этапу означал нечто большее, чем результат массовой критики обанкротившегося умеренного позднего авторитаризма, доведшего до предела слепоту, неспособность оценить реальную ситуацию и подспудные разрушительные процессы при одновременном стремлении заткнуть рот разномыслию. *Переход к седьмому этапу означал, что обратная глобальная инверсия, идущая от крайнего авторитаризма, преодолев две вялых инверсии (господство идеала всеобщего согласия, а затем умеренного авторитаризма), вышла на финишную прямую. Начался решающий рынок инверсии, идущей от крайнего авторитаризма к противоположному полюсу — к соборности, к торжеству локализма.* Локализм выступал прежде всего как результат слабости культурных интеграторов, ослабления на этом фоне административных интеграторов, как смещение субъектов монополии на дефицит вниз, т. е. шел процесс, обратный преобладавшему в первой половине глобального периода. Власть, монополия на дефицит смещалась от центра к ведомствам, регионам, респуб-

лика и т. д. и дальше вниз, т. е. к отдельным сообществам и даже к их частям. Но этот процесс шел и еще дальше, доходя до отдельного человека, что совпадало с отмечаемым социологами процессом приватизации интересов⁶.

Этот поворот, как и все предшествующие, нуждался в новой интерпретации правящей элитой, в разработке новой, седьмой версии псевдосинкретизма, приспособленной к коренным образом изменившимся условиям решения медиационной задачи. *На этот раз в модели псевдосинкретизма на первый план вышел либеральный идеал, который был положен в основу соединения всех иных идеалов. Был введен принцип плюрализма, гласности, взят курс на демократию. Все остальные идеалы, поскольку они могли вступить в диалог, рассматривались как голоса плюрализма. М. Горбачев провозгласил новое мышление, суть которого заключалась прежде всего в разрыве с манихейством, со всей предшествующей идеологией, жестко противопоставлявшей своих и чужих.*

Либеральная интерпретация фактически означала выход псевдосинкретизма за собственные рамки, его самоотрицание. Новая версия была, по сути, прямо противоположна сталинской, где псевдосинкретизм отрицался абсолютизацией тождества ипостасей, отказом от разномыслия вне концлагеря. Теперь признание разномыслия означало отказ от рассмотрения его как временного этапа на пути к единой и единственной Правде. Этот поворот доказал *возможность перехода псевдосинкретизма в либерализм*. Он одновременно означал отказ — осознанный или нет, это другой вопрос — от нравственных оснований, на которых держалось общество с 1917 года. Это был поворот, который по своим масштабам и значению приобрел характер *перехода к иному типу суперцивилизации, по крайней мере в сфере духа*.

«КОНЧИЛОСЬ ЦАРСТВО ХАМОВО»

Как и Александр II, *М. Горбачев получил страну в полном расстройстве*. Хозяйство подошло к границе необратимых катастрофических изменений. Общество вело преступную, не отвечающую национальным интересам войну в Афганистане, резко усиливавшую международную изоляцию СССР. Вооружение производилось выше всяких разумных пределов с точки зрения как внутренних возможностей, так и требований внешней безопасности. Страна выступала для близких и далеких

⁶ Ядов В. А. Становление личности: общественное и индивидуальное // Социологические исследования. 1985. № 3.

народов как носитель смертельной иррациональной опасности. Престиж высшей власти снижался. Она все более явно теряла контроль над хозяйственными процессами. Сложилась уродливая структура хозяйства. Накапливались техническое отставание от Запада, устаревшая техника, истощение и удорожание ресурсов. Росла общая дезорганизация. Сложилась значительная безработица, износ основных средств труда достиг уровня, беспрецедентного в мировом масштабе. Страна тонула в грязи нравственной и экологической. Ранее казавшиеся безграничными ресурсы рабочей силы истощились, что само по себе требовало перехода к интенсивным формам развития. Сельское хозяйство продолжало поглощать ресурсы, не давая должной отдачи. Рост поголовья скота мог иметь место лишь в результате громадных покупок фуражного зерна за рубежом. Падало плодородие земель. Эффективность использования ценнейших ресурсов оставалась одной из самых низких в мире.

Социологические исследования демонстрировали слабое стремление к новшествам, желание закрепить низкий уровень труда в сложных неадекватных условиях, т. е. тогда, когда реальное разрешение проблем требовало увеличения шага новизны, выхода за рамки исторически сложившихся возможностей. Неспособность к этому порождала негативные нравственные деструктивные процессы в труде, в воспроизводстве. Исследования показывают, что «недоверие к переменам глубоко проникло в плоть и кровь». Новшества рассматривались как внешние, как нечто преходящее: «Обойдется и на этот раз». Это представление о навязанности перестроечных инноваций сочеталось с существованием «низкого уровня трудовой мотивации у большинства работников, отсутствием заинтересованности напряженно и качественно трудиться», что, кстати, как отмечает автор, не является новым выводом. «Профессиональная деятельность в общественном производстве перестала быть в центре интересов личности, уступив место семейно-бытовым установкам. Все большее число своих потребностей работники пытаются реализовать вне сферы труда», что свидетельствовало о распаде производства, о натиске локализма. Не существовало достаточно четкой связи производителя и потребителя. «На периферию общественного сознания оказались вытесненными мотивы общественного диалога, общественной пользы, ориентации на потребителя. Значительная часть опрошенных (38%) высказала неуверенность в том, что выполняемая работа необходима людям». Большинство «не видит связи между конечным результатом и своими личными усилиями», без чего нет развитого утилитаризма. «Трудовая пассивность, низкий уровень претензий, поддерживаемый уравниловкой,

приводят к утрате профессиональных навыков и умений». Все это крайне затрудняло формирование имеющих шансы на успех проектов реформ, в частности потому, что «для работника со слабой трудовой мотивацией положительные стимулы практически бездействуют... Существующие типы работников значительно отличаются от тех, на кого рассчитан новый хозяйственный механизм... не обладают инициативностью, предприимчивостью, целеустремленностью»⁷. В этой ситуации всякие попытки двинуться вперед превращались в поворот назад.

Возможности науки резко отставали от катастрофического нарастания проблем. Общество выступало не как носитель разумного, соразмерного проблемам социального заказа, но прежде всего как носитель идеологических требований, опасющийся науки как фактора дестабилизации. Результативность фундаментальных исследований падала. Анализ показывает, что «период застоя оказался для второй волны НТР... значительно более сильным тормозом, чем сталинские репрессии и военные разрушения для первой волны НТР»⁸. Выявились, что многие гигантские дорогостоящие проекты были фактически истреблением ресурсов. Например, в регионах, где мелиорация получила наибольшее развитие, производство зерна снизилось. Усилилась зависимость важнейших отраслей промышленности от западной технологии. Дистрофия технологии, организации труда, воспроизводства в каждой точке нарастала. С октября 1983 года начала падать месячная производительность. В 1984 году впервые после войны упала добыча нефти, вывоз которой давал 60% твердой валюты⁹. Низкое качество товаров закрывало путь на мировые рынки. Между тем Япония приближалась к рубежу двукратного превышения национального дохода на душу населения по сравнению с СССР. Потуги «догнать и перегнать» выявили свою полнейшую утопичность. Главная проблема, однако, коренилась глубже этих внешних проявлений скрытого, по сути безысходного для данной системы кризиса общества. Для понимания этой ситуации ни советская наука, ни правящая элита не располагали соответствующим категориальным аппаратом.

В начале седьмого этапа, как и в начале соответствующего этапа прошлого глобального периода, возникла идея коренных реформ. Это не было случайным совпадением. Хотя

⁷ *Беляева И. Ф.* Материальное стимулирование в новом хозяйственном механизме// Социологические исследования. 1989. № 3. С. 7, 8, 3, 4, 6, 9.

⁸ *Несветайлов Г. А.* Большая наука в большом обществе// Там же. 1990. № 11. С. 44-45.

⁹ *Голдман М. И.* Горбачев как экономист// Вопросы истории. 1991. №5. С. 109.

идеи реформ могли возникнуть и раньше, тем не менее здесь они сделались особенно настоятельными. Именно на этом этапе ощущение банкротства исторически сложившегося порядка стало очевидным, угроза катастрофы ощущалась в возрастающих масштабах. Критическое отношение к установившемуся порядку неуклонно нарастало. Все это вынуждало наиболее дальновидную часть правящей элиты встать на путь реформ. Для этого были нужны громадные нравственные и интеллектуальные силы. Диссиденты были выпущены из лагерей и психушек, был возвращен из ссылки академик А. Сахаров.

Как на последнем этапе прошлого глобального периода, когда давление духовной элиты было тем фактором, который постоянно стимулировал правящую элиту, Николая I и Александра II встать на путь реформ, так и теперь нравственная и духовная элита, гонимая и рассеянная, постоянно предлагала обществу альтернативу. Горбачев пошел навстречу этому естественному союзу правящей и духовной элиты. «Кончилось царство хамово» (слова матушки Фроси из документального фильма «Сказы матушки Фроси о монастыре Дивеевском», 1989).

Предшествующие версии псевдосинкретизма, пронизанные манихейской идеологией, никогда не были внутренне последовательными, но всегда утилитарно конъюнктурными. Они опирались на представления, что любая логика может быть нарушена внешними и внутренними силами зла, вредителями, империалистами, алкоголем и т. д. Опыт прошлого, его негативные аспекты рассматривались в манихейском духе как результат ошибок, злонамеренности, непоследовательности, недостаточной радикальности и т. д. Этот своеобразный личностный фетишизм, т. е. попытки объяснить историю, сложные массовые события злой волей явных и скрытых носителей мирового зла, имеет глубокие корни в тотемическом мышлении. Еще Аввакум говорил о действиях своих мучителей: «Не их то дело, но сатаны лукавого». Теперь же нравственный идеал, отбросивший манихейство, должен был давать иное объяснение неудачам. Например, Горбачев говорил: «Мы еще не создали эффективного механизма реализации целей политики перестройки в центре»¹⁰. Здесь ответственность за все позитивное и негативное возлагается на «Я», на «Мы». В прошлом причина негативно оцениваемых явлений возлагалась на «Они», в лучшем случае на ту часть «Мы», которая еще не совершила партиципацию (например, на недостаточно созна-

¹⁰ Горбачев М. С. Вступительное слово на Всесоюзном совещании представителей рабочего класса, крестьянства, инженерно-технических работников// Правда. 1990. 19 янв.

тельных), или на находящуюся в состоянии отпадения, т. е. переходящую к «Они». Таким образом, *выявился коренной разрыв со старым мышлением.*

ПРАВСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ

Седьмой этап возник как наиболее радикальный из всех предшествующих этапов второго глобального периода. Был открыт путь инакомыслию, разномыслию, многопартийности, свободному слову и мысли. Либеральный идеал впервые после 1917 года и во второй раз в истории страны занял господствующие позиции. Новый идеал основан на обобщении всех великих человеческих ценностей, на духовном наследии страны, на ликвидации далеко зашедшего отчуждения, на выдвигании гуманистических принципов на первый план.

Господство нового идеала можно рассматривать как попытку людей, достигших крайних форм отчуждения от своих собственных производственных, управленческих, духовных функций, вернуться к самим себе, к естественному здоровому смыслу, к повседневности, как отказ от ставших бесчеловечными социальных отношений, отказ от оценки человеческой мысли, творческого импульса как психической болезни. Общество, та его часть, которая пришла к власти, ужаснулись нравственному упадку, государственности, где методы уголовного мира применялись к гражданам, к мысли, к целым народам, где даже достижение гуманизма — медицина — превращалось в инструмент террора, орудие палача. Нравственное сознание независимо от его содержания не могло слишком долго нести на себе ответственность за этот мир. Жертвы диссидентов не были напрасны.

Чтобы новый идеал утвердился, нужен был глубочайший кризис всей системы, осознание угрозы национальной катастрофы. Выдвижение общечеловеческих ценностей на первый план вместо ранее господствовавшего манихейского классового принципа было идеологическим культурным поворотом не в масштабе этапа, но в масштабах глобального периода. Был отвергнут идеологический опыт предшествующих этапов. Новый антиманихейский идеал стал в центре теории и практики правящей элиты, в основе программы перестройки, что требовало привлечения антиманихейского опыта человечества.

Делая очередной шаг, М. Горбачев встречался с новыми проблемами и новыми потребностями общества и открыто шел им навстречу. Это была не столько последовательность политика, который внимательно оценивал свой шаг с точки зрения

общей расстановки политических сил, и не столько последовательность ученого, руководствовавшегося абстрактной логикой теории. Это была прежде всего нравственная последовательность человека, верящего в свой долг и ответственность, в необходимость спасения страны от нарастающей разрушительной дезорганизации. Нравственный поворот был необходим, но лишь как основа для дальнейшей конкретизации, для проработки на основе новой нравственности социальных, политических, экономических и других проблем общества. *Абстрактность идеалов перестройки проявила себя прежде всего в резком разрыве между ростом духовной активности и отсутствием соответствующих сдвигов в социальных отношениях.* Эта абстрактность была непосредственно унаследована не только от прежних правителей, но и от диссидентов, которые не были достаточно озабочены превращением своих нравственных представлений в глубокие системы социальных, экономических интерпретаций. *Идеи перестройки при всей своей радикальности опирались на уже давно накопленное русской интеллигенцией культурное богатство, прежде всего на основное заблуждение интеллигенции, на веру в народ-тотем, в то, что его освобождение от внешнего давления, от анти-тотема приведет к спонтанному восстановлению самореализации идеала народной жизни.* Эта радикальность оставалась в рамках уже сложившейся культуры большинства. Представление об идеале народной жизни меняется в разные периоды. На этом этапе идеал интерпретировался через идеи рынка и демократии как абсолютная, инверсионная противоположность господству дорыночного натурального хозяйства.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Отказ от цензуры, от однопартийного монолога означал возможность выхода наружу ранее скрытых голосов, которые даже не подозревали о существовании друг друга. Общая картина, однако, оказалась весьма специфической, не сводимой к формуле демократического плюрализма, господства либерализма. *Господствующий идеал фактически приобрел вечевой-либеральный, точнее, соборно-либеральный характер.* Россия уже накопила определенный опыт господства этого идеала на последнем этапе прошлого глобального периода, который, однако, в последующей истории был плохо понят. Как и всякий гибридный идеал, основанный на отождествлении различных, возможно — противоположных, исключающих друг друга систем нравственности, он нес в себе тайну своих внутренних различий. Массовое разоблачение тайны неизбежно означало

бы распад идеала. Ошибочная трактовка нового идеала заключалась в рассмотрении его через дуальную оппозицию «либерализм — антилиберализм» (или «демократия — реакция»), тогда как в России на первый план всегда выступала дуальная оппозиция, потенциально заложенная внутри вечевоего идеала, т. е. «соборность — авторитаризм». Интерпретация новой идеологии правящей элитой пошла по пути первого варианта. Либеральная интерпретация сдвига в массовом сознании была наиболее далекой от массового сознания.

Реформаторы воспринимали реальность в исторически сложившихся формах интеллигентского сознания, которое, как об этом свидетельствует исторический опыт, включало стремление слиться с массовыми ожиданиями народа, представляя, интерпретируя их через ценности интеграции целого, одновременно мучительно стремясь преодолеть противоречия между тем и другим. *Перестройка, следовательно, несла в себе весь груз противоречий прошлого, возрастающих трудностей решения медиационной задачи, противоречий между уравнительным массовым сознанием, ориентированным на статичные локальные ценности, и жизненно важными потребностями общества, которые стимулируются развитием утилитаризма, потребностями в росте и развитии.*

Либерализм в России внутренне пронизан древним вечевым содержанием, и тем больше, чем больше он рассчитан на массовую поддержку. Однако на это принято закрывать глаза. «Любой человек всегда, во все времена готов к свободе. Даже тот, кто не вполне осознает, и тот, который якобы не хочет. Демократия — это то, до чего дозрели все и что делает человека человеком»¹¹. Подобная точка зрения является либеральной разновидностью основного заблуждения интеллигенции. Здесь демократия — предмет веры, некоторая абстрактная презумпция. Свобода — историческое понятие, и вся человеческая история включает в себя борьбу за свободу, т. е. за ее расширение и углубление. Дуальная оппозиция «свобода — несвобода» в конкретно исторических условиях имеет конкретную меру. Абсолютное противопоставление свободы и несвободы существует только в логике как некоторая абстрактная предпосылка любых основательных конкретных рассуждений о свободе и несвободе, о путях и способах постоянно устанавливать меру свободы, искать историческую последовательность переходов одних ее форм в другие.

Широко распространена точка зрения о необходимости перейти от концепции «централизованного ускорения сверху» к

¹¹ Попов Г. Х. Корень проблем. М., 1989. С. 70.

концепции «самодеятельного ускорения всех звеньев»¹². Здесь — букет представлений, идущих из седой древности, но переведенных на язык современной науки, приводящих к идее необходимости сокрушить, «сломать административную систему». Именно в этом случае чудесным (т. е. инверсионным) образом будут решены все проблемы или, во всяком случае, будет создана для этого основа. Однако эта вера никак не соотновляется ни опыту мировой истории, ни историческому опыту России. Эти идеи опираются на древнюю веру, что все беды происходят не от собственной конкретно-исторической ограниченности, а от внешнего зла, носителем которого является начальство, отделяющее народ от возможности эмоционального взаимопроникновения смыслами с тотемом. Можно согласиться с тем, что централизованное управление не слишком подходит для осуществления модернизации (хотя и не безусловно, так как обычное противопоставление централизации и децентрализации следовало бы превратить в разговор о развитии конкретной их меры). Естественен вопрос, откуда в наших консервативных исторических условиях возьмется «самодеятельное ускорение всех звеньев»? Гораздо больше оснований полагать, что локальные миры будут стремиться укреплять свою монополию на дефицит (как теперь любят говорить — усилится «групповой эгоизм»), т. е. ответят на потрясения, связанные с общим кризисом системы, на попытки изменить сложившийся порядок дальнейшей активизацией своих исторически сложившихся ценностей.

Смысл соборно-либерального идеала заключается в том, что массовые движения рабочих, крестьян, жителей городов и деревень структурированы прежде всего локальными ценностями и, выходя на общегосударственный уровень, неизбежно прибегают к либеральной лексике, терминологии, лозунгам. Именно используя этот язык, можно выйти за рамки своего огорода и приобщиться к проблемам целого, что, впрочем, не мешает скрывать за новыми словами старое содержание. Без учета этой неадекватности языка массовых движений, неспособности локализма без идеологических одежд подняться до общегосударственных ценностей, невозможно понять суть происходящего на седьмом этапе.

Раскол как причина этой гибридности порождает не только отсутствие массового действительно либерального движения, но также и отсутствие реального консервативного движения, имеющего свою последовательную неутопическую программу, опирающуюся на устойчивые традиции, несущую в себе неко-

¹² Попов Г. Х. Второй съезд// Огонек. 1989. № 50. С. 5

торую реальную альтернативу. То, что принимается за консерватизм (например, так называемый учредительный съезд КП РСФСР), в действительности просто-напросто результат страха архаизированной бюрократии перед хаосом перемен, в которых они интуитивно видят опасность катастрофы. Подобные настроения — результат того консервативного базиса, которым они пытаются управлять. Однако в принципе эти люди, так же как либералы, находятся в состоянии раскола с носителями массовых локалистских ценностей, в той степени, в какой они реально втягиваются в управление.

Суть этапа перестройки можно понять, только учитывая, что буквально каждая клеточка общественной активности страны, каждая инновация пронизана скрытым расколом между соборным и либеральным нравственными идеалами. Этот раскол проявляется в бесконечном количестве форм, например, в ограниченном диапазоне возможностей ответственности людей за общество. Соборный идеал ориентирован на сохранение статичных традиционалистских структур и ценностей, стремится, насколько это возможно, замкнуться в ограниченных рамках локального мира. Хотя советская социология не различала эти типы нравственных идеалов, тем не менее она улавливала важные особенности соборного идеала. Они заключаются в том, что стремление управлять уменьшается при переходе от локальных групп к большому обществу. Например, А. В. Чаянов писал, что «крестьяне, привыкшие главенствовать в одной-двух семьях, не сумеют руководить десятками и сотнями семей, организованных городскими властями в кооперацию „по горизонтали“, т. е. в колхоз»¹³. Чаянов опирался и на значительный опыт прошлого, когда крестьяне не были заинтересованы даже в выборе своих представителей на уровень волости. Они говорили выборным: «Иди, батюшка, говори там, что хочешь, только нас не трогай». Аналогичную картину можно видеть среди рабочих. По некоторым исследованиям, доля участвующих в управлении рабочих на уровне предприятий в среднем в 8—10 раз меньше, чем в коллективе производственного участка. При этом на уровне предприятия участвуют в управлении от 1,6 до 6,9% рабочих, причем само это участие носит пассивный характер¹⁴. Эта тенденция подтверждена последующими исследованиями и носит устойчивый характер. Подобная ограниченность объяснялась тем, что субкультура предприятий унаследована от сельских локальных сообществ, от артелей городских работников. Поэтому поиск в них либеральных форм активности является неправо-

¹³ См.: Балязин В. Возвращение// Октябрь. 1988. № 1. С. 171.

¹⁴ Активность личности в социалистическом обществе. М., 1976. С. 172-177.

мерной экстраполяцией. Поиск этих форм должен опираться на исторические основания, на определенные накопления либерального культурного богатства, существование которых в каких-то значимых масштабах в среде рабочих также весьма проблематично.

РАБОЧИЕ

Перестройка возникла как возглавляемая правящей элитой, первым лицом мощная попытка кардинального поворота в истории, как всесторонняя критика предшествующего опыта, как решительное отрицание самой основы опыта второго глобального периода, т. е. как попытка нащупать новую альтернативу. От периодически возникавших критических всплесков каждого из советских этапов седьмой этап отличался тем, что критика исторического опыта здесь объективно приближалась к полному отрицанию всего опыта предшествовавшей советской истории, хотя сами вожди перестройки не дошли до логического конца в этом отрицании. Независимо от субъективных представлений этих людей страна подошла к рубежу новой попытки выйти за рамки инверсионных альтернатив, накопленного опыта двух предшествующих периодов. Иначе говоря, речь шла, независимо от степени понимания событий политиками, о переходе на новый уровень цивилизационного развития, о переходе от промежуточной цивилизации, отягощенной расколом, от состояния общества, «застрявшего» между традиционной и либеральной суперцивилизациями, к цивилизационному прорыву, о попытке действительного перехода наконец-то к либеральной суперцивилизации.

Каковы были возможности этого перехода, как они сложились на этапе перестройки?

Этот вопрос имеет целый ряд аспектов. Важнейший из них заключается в выявлении движущих сил этого процесса, в анализе развития достаточно мощного социокультурного слоя, который мог бы играть роль движущей силы. В этой связи важен социокультурный анализ рабочих, которым я не уделил должного внимания выше, но не только из-за ограниченности места, но и из-за недостаточной культурной самостоятельности этого слоя. В российских условиях рабочие крайне медленно рвут свои связи с традиционной крестьянской ментальностью не только ввиду слабости культурных основ урбанизации, но и по причине исторической связи развития промышленности с крепостной деревней, а не с передовым городом.

При исследовании рабочих в России наиболее ярко открывается важный аспект двойственности господствующего идеала

на этапе перестройки. Кадровые рабочие в конце XIX века существовали как отдельные группы в Москве, Петербурге, в городах Польши¹⁵. Экономист и публицист Н. Суханов (1882—1940) видел в русских рабочих переходный класс от потенциальных земледельцев. «Ушедшие в город элементы и составляющие основные массы современного пролетариата не имеют возможности порвать с деревней и хранят связь с ней как необходимое условие настоящей своей жизни и будущей», — писал он. В 1918 году в Петрограде, сосредоточившем цвет русского рабочего класса, более четверти рабочих оставалось неграмотными, лишь 37,2% имели законченное начальное образование¹⁶. Лишь 19,6% рабочих были горожане по происхождению, 79,1% были уроженцами деревни. Русские рабочие постоянно пополнялись за счет деревни. Культурно-психологический стереотип массового крестьянского сознания остался преобладающим в их среде. Тем более, что удельный вес рабочего населения страны был невелик. По данным академика С. Струмилина (1877-1974), в 1897 году общее число рабочих и «прислуги» составляло 7,3% населения страны, в 1917 году — 10%¹⁷. Данные большинства советских исследователей, склонных, как правило, к преувеличению численности рабочих в России накануне революции, близки к приведенным. Ленин видел базу пролетарского самосознания в крупной промышленности. Однако в 1917 году в ней работало 3,4 млн. рабочих из общего числа 15 млн. Следовательно, указанные 10% следует снизить до 2,3%. Ленин впоследствии высказал мысль, что действительным рабочим может считаться человек, проработавший на предприятии не менее десяти лет. Если учесть эту точку зрения, то приведенную выше численность рабочих в 3,4 млн. нужно снизить примерно наполовину. При населении страны в 169,4 млн. (1913 год)¹⁸ вряд ли можно было всерьез рассматривать идеи о построении государства рабочих. Впрочем, Ленин был слишком реальным политиком, чтобы действительно на это рассчитывать. Те русские рабочие, которые имели постоянную работу, не были самым бедным слоем.

В период господства псевдосинкретизма рабочие были привязаны к системе псевдоэкономики возможностью получения на предприятиях определенных благ, дефицита, квартир, дополнительного снабжения, доступа к детсадам и яслям, ис-

¹⁵ Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб., 1900.

¹⁶ Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А. Рабочий класс советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975. С. 89.

¹⁷ Струмилин С. Г. Два года диктатуры пролетариата. 1917-1919. М., 1919.

¹⁸ Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 432.

пользования своей легальной работы для иных целей и т. д. Они полагали, что установление другой системы может повысить требования к работнику и закрыть истощающие предприятия источники дохода рабочих (например, использование рабочего времени для «левой» работы). Они не хотели капитализма, так как опасались требовательного хозяина, не дающего поблажек, повышения интенсивности труда, опасались соревнования на рынке труда, так как считали, что кто-то хитрый их всегда обманет. Во время авралов они работали много и подчас с большим напряжением. Однако в целом ощущалось падение интереса к общественному труду.

Ценности этой современной почвы консервативны, так как они включают боязнь перемен. Но они не тождественны консерватизму старой крестьянской почвы. Городская организация ориентирована на значительно более свободную личность. Эта организация позволяет покидать предприятия. Возросшая независимость человека открывает путь дальнейшему развитию ценности личности.

Исследования показывают, что главная опасность, которая может исходить от организационно самостоятельного рабочего движения, заключается в том, что «его мощь может быть направлена против демократизации общества, обновления советской экономики, что оно может стать тормозом перестройки. Тормозом тем более страшным, что тогда рабочее движение легко соединится с консервативными силами»¹⁹. В целом сложившийся в условиях псевдосинкретизма слой рабочих воспроизводит своей повседневной деятельностью псевдоэкономику. Ее крах представляется для рабочих катастрофой. Они составляют мощный социальный слой, который существует в органическом единстве с системой господства дорыночного хозяйства, принудительной циркуляции ресурсов, включая соответствующую систему цен. Рабочие — действующее лицо системы монополии на дефицит. На рабочих сильное влияние оказывают правые популисты, для которых характерен «антибюрократизм, недоверчивое отношение к интеллигенции, критика власти в основном за коррумпированность (а не за неэффективность руководства)»²⁰. Последнее наблюдение крайне важно. Оно свидетельствует о преобладании традиционалистского сознания среди рабочих, которые предпочитают не достигательные ценности, ценности развития и прогресса, но озабочены в первую очередь борьбой с оборотнями зла. Это при-

¹⁹ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Рабочее движение: издержки и приобретения// Правда. 1990. 18 янв.

²⁰ Бызов Л., Гуревич Г. Перемены в политическом сознании// Аргументы и факты. 1990. № 7. 17-23 февр.

водит к акциям, производящим удручающее впечатление. Например, в г. Зеленограде 14 февраля 1990 года состоялся забастовочный митинг, в котором участвовало более 50 тыс. человек с 23 предприятий, в защиту следственной группы Т. Гдяна. Они потребовали отставки Прокуратуры СССР, которая выступила против незаконных арестов, длительного содержания под стражей членов семейств подследственных, против других злоупотреблений этой группы²¹. Очевидно, в системе ценностей забастовщиков ценности права, неприкосновенности личности не занимали значимого места, но преобладал страх перед оборотнями зла, о которых, как это обычно бывает в таких случаях, никаких конкретных изобличающих материалов у борцов с мировым злом не было. По сути дела, это явление того же порядка, что и массовые манифестации недавнего прошлого с требованием смертной казни «врагов народа».

Рабочие в своей массе не склонны поддерживать частную инициативу, рост личной ответственности, т. е. они не выходят за границы традиционализма, сдобренного утилитаризмом. В рамках сложившегося порядка они могут предстать мощной, даже решающей силой в борьбе против синкретической государственности за смещение фокуса власти вниз, к локальным сообществам.

Анализ социально-профессиональной структуры рабочего класса показывает, что научно-индустриальным трудом занято всего 13%, тогда как домашинным, доиндустриальным и раннеиндустриальным трудом — 35%. В обществе, следовательно, существует определенная часть работников, которые отражают «вчерашний день общественного труда»²². Некоторые авторы пишут о «люмпенизации трудящихся»²³, что связано с тем, что тяжелым ручным трудом занято около 50 млн. человек; в промышленности — 34,9%, в строительстве — 56,4%, в сельском хозяйстве — около 70%²⁴.

Эти цифры свидетельствуют о том, что общество практически не прошло индустриализацию, что существуют мощные пласты архаичных форм труда, которые в конфликте с современными формами, несомненно, окажутся сильнее, будучи массовой силой, определяющей культурную и нравственную атмосферу в обществе. Неблагоприятное влияние на

²¹ Аргументы и факты. 1990. № 7. 17-23 февр.

²² Гордон Л. А., Назимова А. К. Социально-профессиональная структура современного советского общества: характер и направление перемен // Рабочий класс и современный мир. 1983. С. 70.

²³ Стариков Е. Н. Маргиналы // В человеческом измерении. М., 1989. С. 191.

²⁴ Народное хозяйство СССР в 1986 г. М., 1987. С. 109.

развитие рабочих оказывал характер индустриализации, которая по сути всегда была устремлена на восстановление уже пройденного по мировым стандартам уровня производства. Сталинская индустриализация была нацелена на восстановление технологического уровня, сложившегося еще до первой мировой войны, связанного с первой промышленной революцией, с универсальной металлообработкой, низким качеством стали и т. д. После второй мировой войны восстанавливалась устаревшая довоенная промышленность. Все это стимулировалось не только уровнем квалификации творцов технологической политики, но и массовым уровнем исполнителей. Это, в свою очередь, давало недостаточный импульс для развития рабочих.

Не следует думать, что это — специфика советского периода. Отставание унаследовано от прошлого. В капитальном исследовании, анализирующем период еще до первой мировой войны, можно прочитать: «Низкий уровень общего развития русского рабочего, историческая его некультурность... представляли мало оценивавшееся до сих пор, но громадное препятствие развитию русской промышленности». Это касается и труда в сельском хозяйстве. Автор говорит о «примитивности его (населения) рабочих навыков в сельском хозяйстве»²⁵. Ошибка модернизаторов страны заключалась в том, что отсталость работника — не просто один из неблагоприятных технических факторов, который можно относительно просто устранить (одновременно избивая носителей высших уровней культуры и квалификации в каждой точке), но фундаментальная характеристика жизни общества, изменить которую труднее всего. Речь идет не только о квалификации, но о менталитете. Не следует забывать, что большая часть истории рабочих в России происходила в период крепостничества, и сами они представляли собой одну из форм крепостной зависимости. Первые крепостные мануфактуры — металлургические, текстильные, солеварные и другие — возникли в первой половине XVII века. Их работники не занимались торговлей. Они не стремились стать собственниками и взять свою личную судьбу в собственные руки, организовав свое дело. Рабочие в России не знали социального партнерства с теми, кто организовал производство и рисковал всем, предоставляя им возможность работать. Рабочие развивались не как полное общество, на основе взаимопроникновения с другим полюсом (т. е. частным предпринимательством), но как элемент традиционного поряд-

²⁵ *Гриневецкий В. И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. 2-е изд. М., 1922. С. 155, 154.

ка. Они постоянно переходили от стремления слиться с государственностью к желанию ее разгромить и обратно.

Забастовки в России глубоко отличны от забастовок на Западе. В конце XIX — начале XX века в России они были более кровавыми. Если стачки в США были попыткой рабочих «отстоять и утвердить личную собственность и свободу», то русская же «стачка, с точки зрения социально-психологической, была восстановлением в новой форме не успевших еще позабыться норм и ориентаций общинно-коллективистского сознания. Она была протестом против частной собственности в ее наиболее чуждой русскому пролетарию форме — капиталистической собственности, полным неприятием буржуазного индивидуализма»²⁶. Иначе говоря, смысл этих забастовок носит прямо противоположный характер. В первом случае рабочие стремились приблизиться к либеральным целям, тогда как во втором — утвердить локалистские ценности на городской почве. Требования забастовщиков показывали, что они не являлись авангардом либерализации. Рабочие России, вышедшие из крестьянства, но не прошедшие через развитую городскую культуру, не прошедшие школу рынка, конкуренции, предпринимательства, ближе к вечевому идеалу, чем к либерализму.

Проблема забастовок имеет еще один важный аспект. Забастовки на Западе направлены прежде всего против отдельной фирмы, тогда как в России они были направлены в конечном итоге против единственного владельца собственности, т. е. центральной власти. В условиях нарастания локализма забастовки могут стать мощным тараном, способным сокрушить интеграцию общества.

Самоуправление рабочих шло от общинного управления крестьянского мира²⁷ и не могло иметь на протяжении своей истории либерального характера²⁸. Надежды на рабочее самоуправление как на демократический институт, который, кроме всего прочего, может сыграть важнейшую роль в экономической реформе, в организации рынка, иллюзорны.

Хотя удельный вес городского населения резко возрос, тем не менее специфическая городская культура, сопряженные с этим сдвиги в менталитете не соответствовали темпу роста городского населения. Этот процесс происходил одновременно

²⁶ Кантор К. М. Стачка — специфическая форма борьбы рабочего класса// Стачки: история и современность. М., 1978. С. 46.

²⁷ Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. М., 1989. С. 132.

²⁸ См.: Ахиезер А. С. Культурные предпосылки самоуправления рабочих// Производственно-экономические предпосылки становления рабочего самоуправления. М., 1988.

как один из аспектов антимафии, истребляющей высшую культуру, уничтожающей ее очаги. Фактически урбанизация в значительной степени была псевдоурбанизацией — процессом, связанным с быстрым переселением значительного количества сельского населения в город, что приводило к общему снижению уровня городской культуры, росту в ней влияния традиционализма. Новое общество возникло на волне антиурбанизма, враждебности к городу, городской культуре. Удельный вес активного меньшинства среди населения города и в производстве составляет всего от 1 до 10% и менее²⁹. Город в новом обществе превратился в некоторый побочный продукт и условие индустриализации, в результат псевдоэкономики.

А КАК ЖЕ С КРЕПОСТНИЧЕСТВОМ?

Специфика расколотого общества заключается в том, что различные пласты общества могут до поры до времени двигаться в противоположных направлениях, до тех пор пока это не вызовет взаимного разрушения. Поэтому рост влияния либерализма на этапе перестройки происходил при одновременной активизации прямо противоположных процессов. Одно из важнейших явлений, которое антагонистично либерализму и тем не менее фантастическим образом может с ним сочетаться, — это крепостничество.

«Правда» через пять лет после начала перестройки писала: «Найм перестал быть свободным делом каждого. Куда ни повернись человек труда — ограничения и запреты. И на прописку, и на квартиру, ежели нет прописки, а прописки не может быть, если нет квартиры. Замкнутый круг — и только! А тут еще плата... Значит, отныне рабочий, инженер, врач, ученый, журналист — в полной зависимости не от самого себя, своих знаний и талантов. И даже не от каких-то там профессиональных конкурсов. А лишь от того, сочтет кто-нибудь из промышленных и иных „меценатов" возможным заплатить за работника изрядную сумму. Причем аппетиты местных властей трудно поддаются какой-либо логике. В Люберцах „новая душа" стоит даже дороже, чем в Москве или в Киеве.

Если раньше закрепощали людей колхозами, не выпуская из сельской обители, то теперь — в города не впускают. Какая же разница? Лишь в приемах, а не в существе. Но и этого „не пущать" теперь показалось мало: кроме усиления административных, ввели еще экономические рогатки. Изначальная суть

²⁹ Глазьев В. Л. Развитие воспроизводственной сферы: программа «завод-город»// Рабочий класс и современный мир. 1986. № 3. С. 49.

— держать всех и вся в узде — почти не меняется. Наоборот, крепнет местничество, расцветает „региональный эгоизм“...

Замедлился приток свежих сил, затрудняется разумная мобильность кадров, снижается демографическая подвижность населения. И общество словно оказалось разделенным на водонепроницаемые отсеки...

Наверное, после знаменитых венских соглашений легче сменить теперь одну страну на другую, чем город на город, прописку на прописку в своем любимом Отечестве».

Далее говорит директор объединения «Конвейер»: «Прежде всего меня удивляет некая всеобщность этих правил, нигде и никем публично не обсуждаемых. Причем горисполкомы сами устанавливают лимиты и сами же назначают и взимают одинаковую плату и с тех заводов, которые построили свои добротные микрорайоны, как наше объединение, и с тех, которые, образно говоря, гвоздя не вбили».

И далее автор корреспонденции А. Никитин продолжает: «Вот ведь еще чем оборачивается „подушная подать“! Да и не очень она вяжется с правом свободного выбора места жительства, правом на труд. Наконец, с принципами регионального хозрасчета в том смысле, что любая подобная плата должна исчисляться и взиматься только с дохода, а не с... расхода. А как быть тому, за кого столь же механически „заплатили“? Каждый может упрекнуть его... Купили тебя на „наши“ деньги! Значит, попал в кабалу?»³⁰.

Налицо выход крепостничества из скрытых локальных структур. Самые храбрые и радикальные власти терпели здесь поражение, а другие власти, например, сталинская, черпали потенциал для восстановления крепостничества во всех его формах. В последующие после сталинского этапа годы крепостничество усиливалось или ослаблялось на верхних государственных уровнях, но что именно творилось в бесчисленных локальных мирах?

Сохранение крепостничества, соответствующих ему общинных форм собственности имеет мощную поддержку в обществе. Оно не идет по линии традиционно понятых правых и левых. То же было и в конце прошлого глобального периода, когда крайне левый Ленин защищал общинные идеалы. Такую же позицию защищали те, кого называли реакционерами. К ним примкнуло либеральное Временное правительство, которое отменило направленные против общины столыпинские реформы. То, что колхозные формы собственности защищались в годы перестройки не только деревенскими феодалами, но и са-

³⁰ Никитин А. Подушная подать. Почему она воскресла в наши дни?// Правда. 1990. 10 янв.

ними рядовыми колхозниками, которые даже не делали попыток использовать перестройку для отказа от них, неожиданным образом доказывает органичность колхозов для этих людей.

А. Стреляный пишет о своей матери из бедняцкой крестьянской семьи, что она, пережившая коллективизацию, «в дальнейшем отношении к колхозному строю все более смягчалась» и сегодня «смотрит на вещи примерно так же, как я смотрел в пионерские годы, в то время как мое отношение все ближе подходит к ее тогдашнему. Вы не поверите, когда умер Брежнев, в моей деревне старики плакали... Крестьяне почувствовали вкус беспечной и сравнительно при этом сытой (в смысле неголодной) жизни»³¹. В свете этого исторического опыта понятной становится мысль Б. Ф. Поршнева, которую воспроизвел академик В. П. Маслов: «Наполеону не удалось избавить русских крестьян от крепостного права, вызвав крестьянскую войну, а Гитлеру, играя на собственнических инстинктах, уничтожить колхозы. И в том, и в другом случае крестьяне не были к этому готовы»³². Утилитаризм усилил возможность приспособиться к новым условиям, колхозники использовали приусадебные участки, эксплуатировали разными средствами ресурсы колхоза и совхоза, возможности получения денежных средств разными путями и т. д. Все это означало, что *крестьянство по сравнению с временами коллективизации приобрело определенный опыт освоения утилитаризма. Но путь этот еще не довел крестьян до такого уровня утилитаризма, когда возникает стремление стать хозяином, регулярно работающим на рынок.*

Колхозы защищают силы, тяготеющие к архаичным формам жизни. Блок общественно-патриотического движения России заявлял в 1989 году, что «надо всерьез считаться с традиционным свободолобием российского крестьянства, с его приверженностью артельному началу»³³. Здесь под свободой понимается независимость крестьянских артелей (т. е. колхозов) от высших этажей власти. *Подобное понимание свободы противостоит государственной версии крепостничества, но весьма далеко от свободы личности. Более того, это лозунг несвободы, так как артельный, общинный идеал включает зависимость личности от локальной общности, которая и лежит в основе крепостничества.* Это, кстати, еще один при-

³¹ Стреляный А. В человеческом измерении. М., 1989. С. 133.

³² Маслов В. П. Экспертизы и эксперименты// Новый мир. 1991. №1. С. 245.

³³ Из предвыборной платформы блока общественно-патриотических движений России// Советская Россия. 1989. 30 дек.

мер, как либеральное понятие интерпретируется в вечевом духе. Особенно ярко аналогичную позицию выразил писатель В. Распутин³⁴, который поддержал колхозы как преемников русских общин³⁴. С этой точкой зрения спорят те, кто противопоставляет колхозам частную собственность. «Наши земледельцы остаются в фаланстерах крепостными»³⁵.

Перестройка, как и реформы Александра II, означала отказ от господствующих государственных версий крепостничества. Но высшая власть не могла изменить исторически сложившиеся ценности локальных сообществ. Поэтому спор по поводу крепостничества будет решаться в конечном итоге соотношением сил между соборно-общинными ценностями и стремлением их преодолеть, что возможно на основе утилитаризма и либерализма.

МОЖЕМ ЛИ МЫ ПРИНИМАТЬ ЭФФЕКТИВНЫЕ РЕШЕНИЯ?

Важнейший вопрос, перед которым в годы перестройки встала страна (независимо от того, осознано ли это общество или нет), заключался в том, какой глубины и масштабов решения общество может принимать, окажутся ли эти решения способными привести к сложнейшему переходу к либеральной цивилизации. Прецеденты, которые зафиксированы в историческом опыте, мало обнадеживали. Достаточно вспомнить, что аналогичная проблема во всей своей остроте уже стояла после февраля 1917 года. Тогда общество не сумело реализовать альтернативу, перейти из промежуточного состояния к либеральной цивилизации.

Прежде всего необходимо иметь в виду существенную смену организационной основы принятия решений на всех уровнях. Речь идет о нараставшем стремлении общества отказаться от принятия значимых решений через механизм партии нового типа, который приспособлен к хромающим решениям в силу ситуации, навязываемой расколом. На первый план вышли советы, освобожденные от опеки партии. Способствовал ли этот новый механизм поднятию эффективности значимых решений?

При оценке возможностей советов не следует забывать, что они зародились как соборные формы управления, по самой своей природе предназначенные для регулирования отношений

³⁴ *Распутин В. Г.* Осознавая себя россиянином// Советская Россия. 1990. 1 июля.

³⁵ *Можжев Б. М.* Мужик// Правда. 1990. 2 ноября.

в рамках локального мира на основе эмоциональных механизмов. В тех случаях, когда советы организовывались на уровне большого общества, вплоть до Верховного Совета всей страны, они неизбежно приобретали иной характер, становились элементом медиатора, нуждались в подпорках административного управления. Кроме того, советы, лишённые возможности административной власти над ресурсами на подведомственной территории, не могли стать организационными центрами местного развития, так как они не опирались на частную инициативу. Не погруженные в среду частной инициативы, не располагая ресурсами, они не могли вообще принимать серьезных хозяйственных решений.

Эти обстоятельства оказались, однако, недоступными пониманию законодателей, так как они мыслили в усеченных либеральных категориях, исходя из моделей либерального общества.

Между тем наблюдения показывают, что хотя партия как инструмент принятия хромающих решений оказалась серьезно ослабленной, тем не менее практика принятия таких решений продолжалась. Иного и невозможно было предположить, пока существовал раскол. Это можно было наблюдать в деятельности высших законодательных органов власти, несших в себе взаимоотрицающие друг друга элементы вечевого идеала и правового государства. В этих органах депутаты группировались не по платформам, а по «делегациям». Каждая из них защищала определенный «местный интерес», что создавало предпосылки для «перераспределительных коалиций» дефицита на всех уровнях.

Реальный и авторитетный парламент может отвечать своему назначению, лишь будучи погруженным в среду, где преобладают значительные массы людей, способные видеть пути и средства воплощения своих локальных интересов через включение своего локального мира в общую воспроизводительную деятельность общества, путем воспроизводства целого через часть и одновременно части через целое. Если такая среда отсутствует или ее элементы слабы и не достигают некоторой критической массы, то в таких органах власти возможно проявление элементов земского собора. Одна из его функций заключается в том, что сословия, низы доводили до сведения царя свои бесконечные локальные нужды. Вместе с тем эта власть — источник вечевого возмущения, способного смести всякую власть во имя торжества локализма, ликвидировать ее как центральную, ответственную власть. Такие органы, по сути дела, несут в себе неразрешимое противоречие, раскол между локализмом и стремлением формировать боль-

шое общество на основе права. При этом, кажется, мало задумываются над тем, в какой степени общество, где нет рынка, нет представления об абстрактном эквиваленте различных ресурсов, где стекло меняется на трубы, а право на работу — на квартиру и т. д., может жить по законам правового государства. В России само представление о законе оторвано от представления о праве и закон расценивается как насилие власти, как нечто, навязанное властью и не имеющее под собой нравственной основы. Но тем самым сам Бог позволяет постоянно обдуривать власть, т. е. ответить на ее решения видимостью согласия, а затем действовать в противоположном направлении, усиливая общую дезорганизацию.

Расколотость, двойственность высших органов власти связана с парадоксальным массовым стремлением общества использовать демократические формы в неадекватных условиях, т. е. в обществе, в котором преобладало воспроизводство традиционного типа. В этом типе общественного воспроизводства нет рефлексивной задачи поддержания, постоянного формирования интеграции общества при постоянном стремлении к развитию, что не способствует формированию демократии.

Иллюстрацией может быть попытка Горбачева рассматривать развитие машиностроения как ключ к решению всех проблем, что фактически было ставкой на сохранение воспроизводства псевдоэкономических форм. Продолжалась широкая практика принятия разрушительных дезорганизующих хромающих решений. Например, в октябре 1985 года была запрещена в Москве и Грузии торговля сельскохозяйственными продуктами лицам, которые не имеют отношения к их производству. Однако в мае 1987 года было разрешено индивидуальное, семейное и кооперативное предпринимательство. Но затем посреднические кооперативы были запрещены. По словам Л. Абалкина, заместителя председателя Совета Министров СССР в 1989-1990 годах (он говорил о политике правительства), «происходит как бы постоянная смена курса движения не по прямой линии, а зигзагом»³⁶. По сути дела история страны после вступления на путь модернизации всегда шла по пути хромающих решений. Сами переходы от одного этапа к другому были одной из форм хромающих решений. Перестройка, подавив организационные формы, приспособленные к этим решениям, однако, не отменила, да и не могла отменить этот странный способ принятия решений. Разумеется, можно людей, которые принимали такие решения, обвинять в неком-

³⁶ Абалкин Л. И. Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве. М., 1991. С. 113.

петентности, но где те смельчаки, которые осмелятся бросить камень в грешников? Кто безгрешен? Миллионы рабочих и крестьян, повседневно формировавших социокультурную среду общества, которая не слишком стимулировала развитие более интеллектуальных форм труда и, следовательно, культурную атмосферу для принятия эффективных решений на всех уровнях? Ученые в сфере общественных наук, которых общество заставило прежде всего воспроизводить «хромающую» идеологию? Тайные мыслители, которые с ужасом вспоминали, спустили ли они, уходя из дома, в унитаз свои записи, за которые неизвестно что полагается? *Нам винить некого.*

Преодоление практики хромающих решений возможно лишь как аспект преодоления раскола. Оно достижимо на основе развития сложных решений, учитывающих реальность раскола, раздвоенность любого решения. Для этого нужен переход на более высокий уровень массового понимания социокультурной реальности общества.

ИЛЛЮЗИИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Правда заключается в том, что перестройка была основана, как, впрочем, и все предшествующие этапы, на некоторых иллюзорных представлениях, скрывающих существование раскола. На седьмом этапе, *в условиях отказа высшей власти от манихейства, в условиях утверждения ценностей плюрализма и гласности, общество оказалось безоружным перед тем, что плюрализм в действительности стал полем открытых столкновений сторон расколотого общества.* Они не сдерживались ослабевающей властью и постоянно стремились вцепиться друг в друга. Теперь власть не пыталась их направить против некоторого антитопема, и они без стеснения ринулись в бой друг на друга. Эта полемика не доходила еще до крайних пределов, до погрома, до вооруженных столкновений, но и она носила черты взаимонепонимания и даже взаимного недоумения по поводу того, что можно придерживаться противоположных взглядов. Раскол, который до сих пор иллюзорно маскировался под борьбу с мировым империализмом, вдруг обнаружился в результате краха идеологии у себя дома. Общество оказалось неподготовленным к тому, что возможны цивилизованное сопоставление и борьба разных точек зрения.

Грозная опасность заключалась в постоянном усилении недовольства в обществе не только чисто экономической ситуацией, ростом удушающего дефицита, но прежде всего тем, что широкие слои почувствовали себя в значительной степени обманутыми. Те ценности, за которые они в той или иной степе-

ни боролись, которые придавали их жизни высший смысл, оказались ложными, и об этом сообщили не зарубежные враги, не отщепенцы и диссиденты, а жрецы самой системы. Либеральная интерпретация событий встретила значительное неприятие. «Всё не то. Всё не так», — писал читатель Л. Белов из Воронежа. «Перестройка пошла совсем не в том направлении, как ожидали люди». И никак нельзя утверждать, что подобные настроения единичны. Например, как показывала редакционная почта, и раздражения, и недовольства хватало. «По поводу чего раздражение? Да, если хотите, по любому поводу»³⁷.

Вновь выявилось традиционное недовольство Верховным Советом, как и всяким парламентским органом: «Опять разговоры, дискуссии, бесконечные полемике» (Л. Салова из Костромы). Старое отношение к парламенту как к говорильне продолжало иметь место. В ужас приводили требования отказа от конституционного закрепления руководящей роли КПСС. Возмущало прекращение гонений на религию. Сама попытка ввести демократию и гласность вызывала дискомфортное состояние: «Все разрешается — и митинги, и какие-то сомнительные издания, и всякие неформальные движения» (А. Гладков из Керчи). Многие считали, что выборы ничего не дадут, так как они по-прежнему верили во всемогущество начальства, которое и повернет выборы в свою пользу. По отношению к прессе особенно часто применялись слова «вовсю распустилась»³⁸.

В массовой атаке на кооперацию среднее звено власти пыталось объединиться с народом, с широкими слоями, настроенными против предпринимательства. В условиях альтернативных выборов это могло быть немаловажным фактором. Например, глава Моссовета В. Т. Сайкин принятое в январе 1990 года решение исполкома, которое поставило 50% кооперативов в Москве под угрозу закрытия, оправдывал тем, что это было сделано «в соответствии с требованиями трудящихся». Важно отмеченное Л. Савельевой «стремление на все сложные вопросы найти простые ответы». «Быть может, именно отсюда идет и упорное желание, переходящее в агрессивность, обвинить во всем перестройку, которая ничего, кроме смуты, людям не дала?» (К. Воропаева, Москва). Сомнение, нетерпение, раздражение, как пишет Л. Савельева, «содержатся в большинстве писем».

³⁷ Савельева Л. Читая почту. «Всё не так. Всё не то»// Известия. 1990. 25 янв.

³⁸ Комаровский В., Корняк В. Как настроен избиратель// Известия. 1990. 30

Возрастающее раздражение, агрессивность всегда имеют свой авангард, который угрожает обществу террором и гражданской войной. Например, начальник Псковского клуба ДОСААФ писал: «Я готов вступить добровольцем в вооруженные формирования для участия в гражданской войне против реставраторов частной собственности. Я готов умереть с голоду, но не унижаться материальной зависимостью от владельца частного капитала»³⁹.

Можно, конечно, поставить под сомнение репрезентативность этих писем. Однако следует обратить внимание на то, что «никто не выходит на митинг с требованием закрыть фабрику, выпускающую негодную обувь или непомерно дорогую мебель. Никому также не приходит в голову расхаживать с транспарантом, призывающим ликвидировать убыточное производство, хотя оно обирает народ не хуже, а „лучше“ кооперативов»⁴⁰. *Любовь к госсектору имеет вполне конкретный источник — тысячелетнее господство традиционализма, переросшего в синкретическую государственность, которая берет на себя человеческие заботы, растворяя личность в своей синкретической целостности.* История страны сложилась так, что лишь 15% заявляли о себе как о сторонниках частной собственности и рыночной экономики⁴¹; по другим данным, 20% считали себя сторонниками рынка и частного предпринимательства⁴².

В обществе происходили сложные процессы. «Явно снижается порог допустимых ожиданий, соответственно возрастают надежды на немедленный эффект, например потребительский»⁴³. Неуклонно росла тревожность, предчувствие чего-то ужасного, непредвидимого. Никто не знает, так как этого никто не изучал, какова реакция людей, которые *вдруг узнали*, что мир, в котором они жили и к которому так приспособлялись, — дискомфортный мир ужаса, несовместимый с человеческим существованием, *что жизнь, труд миллионов людей ушли на создание псевдожизни.* Понятный монолог тотема сменился плюрализмом.

Разумеется, люди с различной личностной культурой расценивали эту ситуацию по-разному. *Сильнейший критический*

³⁹ *Воцаное П.* НесЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ// Комсомольская правда. 1989. 12 дек. (курсив мой.— А. А.).

⁴⁰ *Бергер М.* Расцвет на грани ликвидации// Известия. 1990. 19 янв.

⁴¹ *Попов Н.* Спросите у народа// Советская культура. 1990. 27 янв.

⁴² *Годов А., Гражданкин А., Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н., Левада Ю., Семенов Л.* Наши надежды// Огонек. 1990. № 15. С. 3.

⁴³ *Левада Ю. А.* Какие ресурсы сегодня исчерпаны?// Постигение. М., 1989. С. 72.

импульс мог стать стимулом для творческого поиска пути, пусть длинного и сложного, к изменению ситуации. Но люди, придерживающиеся инверсионного типа мышления, могли реагировать и реагировали иначе. Вопреки официальному отказу от манихейства росло постоянное стремление описывать наши проблемы, движение перестройки в манихейских оппозициях: в процессе постоянных поисков врагов перестройки. *Те или иные негативные события объяснялись «антиперестроечными силами», кознями номенклатуры, бюрократии, коррумпированных элементов, мафии и т. д.* Более того, депутаты, собрания народных депутатов постоянно усматривали в доводах оппонентов мотивы, призванные якобы защищать корыстные интересы скрытых аморальных групп. Манихейские идеи подчас представлялись в наукообразной форме.

Правящая элита пыталась в конечном итоге найти выход на пути углубления либерального подхода к проблемам. Постепенно в этом движении страна практически перешла ту грань, которая в свое время на соответствующем этапе прошлого глобального периода ознаменовалась тем, что обычно называли февральской революцией 1917 года. Быструю и сравнительно безболезненную потерю партией монопольного права на единовластие, падение ее реального авторитета, полную неспособность высшей власти противостоять валу локализма невозможно объяснить с позиций общей убежденности в твердокаменной неспособности идеологии псевдосинкретизма к изменениям. Однако это находит простое объяснение в общей модели псевдосинкретизма, которая несет в себе возможность господства либеральной ипостаси, ее реализации. Насколько прочно и с какой полнотой эта ипостась реализует себя в рамках псевдосинкретизма на определенных этапах циклического глобального периода — это особый вопрос. На этом этапе про страну можно было сказать то, что сказал в апреле 1917 года приехавший в Россию из эмиграции Ленин: «Россия сейчас самая свободная страна в мире...»⁴⁴ Разумеется, эти слова следует понимать с некоторой оговоркой. *Свободной может быть лишь страна, где люди рассматривают свободу как высокую ценность, где сама свобода развивается как способность личности преодолевать ограниченность своих способностей и ответственности и обеспечивать соответствующее развитие свое и общества. Общество же на этапе перестройки характеризовалось ростом воли, т. е. освобождением от обязанностей, от внешних факторов, авторитетов.* Страна несомненно занимала первое место по стремлению превращать

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114.

любое распоряжение власти в повод для неповиновения, дезорганизации, по проповеди в печати антисемитизма и т. д.

Опыт жизни после февраля 1917 года свидетельствует, что общество не сумело воспользоваться плюрализмом и гласностью для выхода на путь либерального развития, для поиска основ демократического общества, но это не закрывает путь поиску альтернатив.

ЛОКАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВО

Локализм вышел на последнюю прямую, движимый стремлением уйти от тоталитаризма, авторитаризма, от высших центров власти, от государственности вообще. Процесс шел к атомизации общества, к бесконечному распаду на локальные миры, на сообщества, где все знают друг друга. Налицо инверсионная ловушка, господство представлений, что все беды прошлого исчезнут, установится идеальное общество, если как можно дальше уйти от дискомфортной ложной жизни. Идея локализма, получившая новое название «суверенизация», как пожар, охватила все общество.

Б. Ельцин, став во главе РСФСР, провозгласил лозунг суверенитета вплоть до местных советов. Локализм, следовательно, как определенное движение и одновременно как идеология проник на высший уровень власти России. Практически Ельцин, будучи в 1990-1991 годах председателем Верховного Совета РСФСР, столкнулся с локализмом как фактором, раздирающим Россию на части, с тем, что получило название войны суверенитетов, войны законов даже внутри России. Тогдашний председатель Комитета конституционного надзора СССР отмечал общераспространенность идей локализма: «Ни у кого не вызывает сомнения то обстоятельство, что если то или иное государственное образование или даже административно-территориальное подразделение страны объявило в отношении самого себя „полный суверенитет“, то оно с сего момента вправе делать все, что угодно, принимать любые решения, совершать любые акции»⁴⁵. Локализм пытался нащупать свою традицию. Например, в Луганске вдруг вспомнили, что в 1918 году существовала Донецко-Криворожская Советская республика, которая на правах федерации отошла от Украины к России. Сторонники этого движения на определенных условиях выступали за автономию в рамках Украины⁴⁶. Красноярский крайсовет летом 1991 года принял решение о

⁴⁵ Алексеев С. С. Ставка слишком велика!// Известия. 1991. 12 янв.

⁴⁶ Киселев С. Луганск отделяется// Литературная газета. 1990. 31 окт. С. 10.

создании Енисейской республики, включающей Русский, Таймырский и Эвенкийский автономные округа; появились проекты создания Сибирской республики со столицей в Новосибирске и Дальневосточной республики со столицей в Хабаровске. Тюменская область, «подавшись эпидемии суверенитетов, распалась, по сути, на три части. Два северных округа, где расположены все месторождения нефти и газа... требуют власти над недрами. Пока же, однако, был уходит на дележку продуктов и ширпотреба, завезенных по бартеру. А интересы хантов, манси, ненцев, чем оправдывались притязания на суверенитет, забыты»⁴⁷.

Локализм распространялся на все уровни общества, что неизбежно приводило к усилению борьбы между ними. *Руководство РСФСР, охваченное волной локализма, выступило в масштабе СССР как передовой отряд локализма, требующий республиканского суверенитета, что нанесло жесточайший удар общесоюзной государственности и воодушевило локалистские силы как на разных уровнях государства, так и в различных регионах и на территориях внутри РСФСР и в СССР в целом.* Это несло угрозу не только государственности СССР, но и Российскому государству в принципе. Борьба между Горбачевым и Ельциным, какими бы мотивами ни руководствовались лично эти лидеры, была высшей формой ожесточенного столкновения между исторически сложившейся формой интеграции общества в масштабах СССР и локалистскими силами. На стороне Ельцина было решающее преимущество, которое в России всегда приводило к победе — разогнавшаяся инверсионная волна. На стороне Горбачева была традиция российской государственности, которую, однако, постепенно покидали живые силы общества, прекращая воспроизводить целое, необходимые для этого ресурсы и отношения.

Против сохранения исторически сложившейся государственности действовала исключительная слабость существовавших культурных интеграторов — эта старая особенность Российской империи, которую советская идеология смогла преодолеть лишь на время. Второй, не менее важный фактор, действовавший в этом направлении, заключался в том, что исторически сложившаяся интеграция включала множество народов с разными уровнями развития и с разнообразным историческим опытом, причем территории части из них в свое время были захвачены военной силой, сами они подвергались в прошлом геноциду. Движение этих народов к независимости несло в себе опасность различного рода местных кон-

⁴⁷ Бинкин Б., Огнев И. От Трощкого к Адаму Смиты?// Известия. 1991. 15 июня.

фликтов. Ситуация осложнялась и тем, что в обществе плохо осознавались различия между государственной интеграцией, опиравшейся на представление о единстве русского народа, его культуры, и интеграцией разных народов. Защита этой смешанной интеграции в условиях роста национального самосознания, происходившего на фоне активизации локализма, была безнадежным делом. Однако сохранение интеграции на уровне России могло иметь шансы при условии спада инверсионной волны локализма. В борьбе российской государственности и государственности СССР проявился аспект, который можно было бы назвать курьезным, не будь ситуация столь трагична. Борьба руководства Российского государства была не борьбой империи с покоренным народом, как это пытались изобразить некоторые, но борьбой двух вариантов российской государственности, проявлением ее внутреннего кризиса, когда на волне локализма любые различия между уровнями интеграции управления имеют тенденцию превращаться в конфликт. Среди людей, боровшихся и голосовавших в парламенте за суверенитет России, т. е. практически за ликвидацию СССР, были и люди, настроенные имперски, которые одновременно или последовательно боролись за сохранение империи. Это логически бессмысленное сочетание может быть объяснено лишь господством логики хромающих решений.

В сложившейся ситуации М. Горбачев проникся *необходимостью экономических реформ*. Потребность в них вызывалась, с одной стороны, тем, что высшая власть более не располагала минимумом ресурсов, необходимых для сохранения своей роли как высшего держателя дефицита. Она оказалась неспособной обеспечить минимальный прирост производства. С другой стороны, усиливался нажим снизу, росла активизация локализма.

Идея реформы возникла как попытка легализовать, упорядочить, осмыслить неуклонно идущий процесс локализма, охватывавший производство, распределение и вообще все элементы жизни. Из-под контроля государства вырвались цены, зарплата; предприятия, регионы, республики стали сами распоряжаться своей продукцией. Это было победой нижних и средних уровней держателей дефицита над центральной властью. Было трудно осмыслить эти процессы, так как для этого не имелось соответствующего языка, соответствующей теории. Попытка этого осмысления была сделана на основе либерализма. Это был абстрактный либерализм, тощие выжимки которого культивировались у нас таким образом, что это позволяло описывать реальную битву разных уровней держателей монополии на дефицит в терминах либерализма, демократии и т. д.

Нарастание локализма описывалось как рост демократии. Появление иных идей, иная интерпретация локализма обществом не стимулировалась и не замечалась.

Общество, отступая под натиском локализма, нижних уровней держателей монополии на дефицит, пыталось осмыслить, упорядочить этот процесс, конструировало различные проекты реформ.

По мере того как ситуация все больше выходила из-под контроля, выдвигались все более радикальные проекты реформы и тем больше они приближались к идеалу полного разрушения сложившегося к началу перестройки порядка (административной системы, номенклатуры и т. д.). Еще в середине 1989 года экономическая ситуация находилась под контролем, на втором Съезде народных депутатов СССР в декабре было принято постановление, в котором сохранялась ориентация на пятилетку и о рынке упоминалось весьма глухо. Однако в начале 1990 года ситуация грозила стать уже неуправляемой. В марте 1990 года было принято постановление Совета Министров СССР, в котором говорилось об «ускорении перехода к рыночной экономике». В мае на третью сессию Верховного Совета СССР был вынесен доклад «Об экономическом положении страны и концепции перехода к регулируемой рыночной экономике». Политика высшей власти неуклонно развивалась в определенном направлении. Сдвиг, если пользоваться терминологией экономической науки, шел от кейнсианской модели к монетарной, сводящей к минимуму экономические функции государства. Политика смещалась в сторону «шоковых», «обвальных» вариантов реформы, угрожавших скачком цен, банкротствами, безработицей, спадом производства.

В первом квартале 1991 года произошло резкое ухудшение важнейших хозяйственных показателей. Власть под давлением держателей дефицита теряла способность контролировать цены. Складывалось впечатление, что сменяющие друг друга правительства в конечном итоге лишь приспособливались к процессу повышения цен, препятствовать которому власть могла все в меньшей степени. Этот процесс начался еще после реформы 1965 года. В 1991 году он приобрел лавинообразный характер. Отсутствие эффективных механизмов снижения, сдерживания расточительных издержек производства, инфляции издержек ставило власть перед альтернативой: дотация из бюджета или повышение цен. Розничные цены и тарифы на товары народного потребления и платные услуги в мае 1991 года составили 192% по сравнению с маем 1990 года⁴⁸. Все

⁴⁸ *Абалкин Л. И.* Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве. С. 164.

труднее было административными методами сдерживать цены, и высшая власть скорее делала вид, что управляла этим процессом, чем реально его контролировала. В обществе, где господствовала монополия на дефицит, осознанное следование стремлению монополистов освободить цены от контроля означало, что реформаторы отступили под давлением этих монополий.

Цены росли под давлением вырвавшегося из-под контроля роста расточительных издержек производства. Правящая элита не имела концепции. Точнее говоря, в соответствии с практикой хромающих решений она придерживалась одновременно или попеременно по крайней мере двух взаимоисключающих концепций цен. С одной стороны, власть пыталась в духе традиционализма держать цены неизменными, даже снижать их, полагая, что тем самым обеспечивается стабильность общества и возможность определенного прогресса. Но, с другой стороны, власть эклектически следовала концепции развитого утилитаризма, которая открывала путь воздействию роста дохода на производительность, на рост и развитие, что открывало путь росту издержек производства, повышению цен. То, что эти два подхода разрушали друг друга, приводили к возрастающей дезорганизации хозяйства и общества, не принималось во внимание, во всяком случае, не занимало подобающего по значимости места в сознании реформаторов. Поэтому правительство чем дальше, тем больше отступало под натиском нарастающего издержки производителя в сторону повышения цен, что на определенном этапе перехлестнуло традиционный страх власти перед народным возмущением.

Политика эта не имела рациональной и продуманной основы. Она проводилась якобы для того, чтобы улучшить хозяйственную ситуацию, экономические показатели и в конечном итоге привести к развитию рынка. Очевиден явный обман зрения, когда под реальный процесс роста издержек и цен подводится некоторая удобная для данного случая уже известная экономическая концепция, которая и рассматривается как имеющая объяснительную силу и которую можно брать в качестве теоретической базы для проектов реформ. В действительности этот подход лишь отражает стремление общества, соответствующих групп психологически приспособиться к стихии, к вырвавшейся из-под контроля государством реальности. Здесь имеет место явная аналогия с выбором в прошлом в качестве основы для интерпретации российской реальности экономической теории Маркса, которая комфортно для определенных слоев общества «объясняла» российскую действительность как закономерно ведущую к «социализму». Этот

подход к реальности через готовые теории открывал путь для постепенного перехода к выбору все более либеральных концепций, т. е. таких, которыми можно было интерпретировать рост локализма как либеральный процесс, как процесс созревания демократии, рынка и т. д., таких, которые дают комфортную для либерально настроенной части общества интерпретацию событий.

Аналогичный курс проводило и правительство В. Павлова, который был «чистым» финансистом, проводил линию на дальнейшее ослабление вмешательства государства в хозяйство, перенося центр тяжести хозяйственной политики на сугубо бюджетные, финансовые процессы. Фактически эта политика была постепенной капитуляцией государства перед исключительной сложностью хозяйственной жизни. Тогда власть уже не имела другой возможности. Капитуляция инстинктивно прикрывалась верой, что отказ от вмешательства в хозяйство приведет к развитию экономики, к либеральной цивилизации, к рынку, рыночному социализму.

Капитуляция государства перед сложностью хозяйственных процессов фактически означала его банкротство как высшего держателя дефицита, как силы, определяющей принудительную циркуляцию ресурсов. Государство отступило перед держателями дефицита низшего и среднего уровня в результате неспособности воспроизводить ресурсы в масштабе исторически сложившихся потребностей.

НАСТУПЛЕНИЕ ЛОКАЛИЗМА

Представляется достаточно сложным определить, в какой степени нарастание локализма усиливалось сложившейся в годы перестройки политикой правительств, в возрастающей степени подпадавшей под влияние локалистской инверсии. Ясно, однако, что рост локализма пронизывал все общество. На предприятиях он проявлялся в стремлении прочнее овладеть потоками дефицита, которые связаны с деятельностью этого предприятия, получать за свой дефицит другой, более ценный дефицит. Предприятия в условиях, когда открылась возможность укрепить свою монополию на дефицит, склонны были сокращать ассортимент производимых товаров, который всегда поддерживался силой государственной власти. Теперь для укрепления своей монополии на дефицит предприятия смогли уменьшить реальный объем производства. Усиление монополии на дефицит проявлялось также в росте безудержного накопления сообществом дефицита всех видов, что усиливало об-

щую дистрофию, удушающее воздействие дефицита на общество.

Такого рода процессы могут охватывать целые отрасли, например, сельское хозяйство. Проявилась сильная тенденция накапливать продукты сельского хозяйства непосредственно у производителей даже в ситуации, когда другой части общества грозила гибель от голода. В Московском областном совете, в частности, собирались установить 50-процентный налог от выручки, «если продукция уйдет за пределы области»⁴⁹. Монопольное накопление дефицита неизбежно приводило к гибели его части не только в результате естественной порчи, небрежного хранения, использования не по назначению, на пятистепенные нужды и даже во вред обществу (например, хлеба на самогон), независимо от общей потребности в нем общества. Дефицит гибнет в результате прямого уничтожения излишних в данном сообществе ресурсов, занимающих склады, компрометирующих его держателя, грозящих издержками реализации, ослаблением монополии на дефицит и т. д.

Важнейшее проявление усиления монополии на дефицит у того или иного сообщества (например, предприятия) — расширение свободы в росте издержек, производственных и любых других, попросту говоря, расширение возможности транжирить без всякого для себя ущерба любые ресурсы. Все равно монополия на дефицит позволяет переложить любые издержки на потребителя. Например, ослабление давления государства на предприятия позволило на этапе перестройки возрасти расходам на управление на предприятиях по стране с 36 до 46 млрд. руб. Для сравнения следует отметить, что все расходы на центральные органы управления, которые в массовом сознании выступают часто как главный паразитический элемент, составляли всего 4 млрд. рублей⁵⁰. Следует отметить, что в этой ситуации некоторые кооперативы, удачно захватившие свой канал дефицита, получали высокие доходы при высочайших издержках и подчас крайне низких затратах труда.

Важной особенностью локальных миров, пошедших по пути локализма, было укрепление социальных связей на основе личных отношений ограниченной группы хорошо знающих, доверяющих друг другу лиц — держателей дефицита. Обратной стороной этого процесса стало отступление, подавление профессионализма, снижение способности, если она в той или иной степени была достигнута, подчинять отношения решению

⁴⁹ Панина Т. У разбитого корыта: Как душат и Московской области// Крестьянская Россия. 1991. 10 авг.

⁵⁰ Государственный бюджет — дело общее. (Телепередача.) М., 1991. 11 янв.

сложных проблем, т. е. подчинять структуру функциям. *Локализм всегда связан с подавлением жесткой структурой общества возможности изменять, совершенствовать функции деятельности.*

Локализм проявлялся в значительной степени в хозяйственной жизни, в разрушении хозяйственных связей, в таможенной войне, в попытках под разными предлогами и без предлогов отказаться от своих обязательств по поставкам дефицита (например, раздавались угрозы прекратить снабжение городов, прежде всего Москвы и Ленинграда). Подобные попытки «придушить» «мать городов русских» со стороны окружающих великорусских областей невольно вызывают вопрос — завершилось ли становление единого русского народа или общество продолжало еще жить в период господства племенных отношений?

Наступление локализма вызывало в обществе волны дезорганизации. Одна из форм борьбы локализма за свое утверждение — борьба за цены, которые в условиях господства монополии на дефицит имеют совершенно иной смысл, чем в условиях рыночного хозяйства. Всякое изменение цен — это прежде всего результат борьбы социальных сил, действующих подчас угрозами дезорганизации отраслей. Повышение цены может быть всего-навсего перекачкой средств от рядового потребителя к ведомству, которое выступает не только как мощная локальная сила, способная диктовать власти. Как ни парадоксально, но *в условиях господства монополии на дефицит фактором силы ведомства может быть его слабость, вызывающая страх общества, что крах отрасли лишит его жизненно важной, дефицитной продукции.* Тем самым эта отрасль может выкачивать бесконечные, неизвестно куда девающиеся средства. Ведомство может само следовать мощному нажиму своего персонала, требующего повышения зарплаты, что влечет за собой и повышение цен. При отсутствии рынка все это в лучшем случае игра с нулевой суммой, т. е. то, что дается одним, отнимается у других.

Правящая элита в условиях перестройки неуклонно отступала перед давлением локализма, силы, направленные на укрепление центральной власти, постоянно слабели. Это подрывало основы государственности, что проявлялось, в частности, в стремлении умножить собственность локальных миров, подчас путем прямого захвата государственной. Захватывались, например, государственные леса, территории заповедников, которые после этого подвергались хищнической эксплуатации. Перемещение собственности вниз означало слом запечатленной в ней исторически сложившейся воспроизвод-

ственной программы целого. Одновременно усиление монополии на дефицит в локальных мирах повышало зависимость личности от этих миров, ослабляя эффективность защиты ее государством от произвола местных властей. Именно здесь таится опасность активизации глубинных основ крепостничества, что не исключает и иных тенденций.

Локализм ярко проявлялся в сельском хозяйстве. При росте урожая хлеба сдача его государству снижалась. В 1989 году при валовом сборе зерна примерно 210 млн. тонн госпоставки составили лишь 58 млн. В прошлые годы при получении в среднем 195 млн. тонн госпоставки составили 73-74 млн.⁵¹ В 1990 году при урожае, близком к рекордному, госзакупки составили около 68 млн. тонн, на 20 млн. тонн ниже госзаказа. Доля сдачи зерна государству составила 29% от валового сбора. В 1991 году валовой сбор зерна составил не более 180 млн. тонн. При этом предполагалось, что «выжать» из совхозов и колхозов госпоставок удастся не более 42-43 млн. тонн, т. е. на 40% меньше, чем в 1990 году. Из них лишь половина могла быть использована на хлебопечение, производство макарон и круп. В среднем в обычные годы на продовольствие в СССР расходовалось 45-46 млн. тонн зерна. Дефицит продовольственного зерна, следовательно, существенно приблизился к 30 млн. тонн⁵². По России в 1991 году был намолочен 91 млн. тонн, а госзаказ составил лишь 22,5 млн. при потребности в 50 млн. тонн. Остальное должно было импортироваться, на что требовалось около миллиарда долларов в месяц⁵³. Министр продовольствия уже констатировал, что положение «критическое вследствие отказа населения продавать хлеб»⁵⁴. Но слова эти принадлежат министру продовольствия в правительстве А. Керенского А. В. Пешехонову. Очевидно, что описываемые проблемы могут быть поняты не изолированно в рамках того или иного этапа, но как важный аспект истории страны, не исчезающий в разных глобальных периодах.

Локализм активизировался на всех уровнях. Например, анализ выступлений на Всесоюзном совещании представителей рабочих, крестьян, инженерно-технических работников в январе 1990 года показывает, что «добрая половина ораторов отстаивает ведомственные интересы, налицо коллективный эго-

⁵¹ Милосердов В. Ох уж это сальдо// Литературная Россия. 1990. 3 авг.

⁵² Сизов А. Горы неоплаченных счетов вместо импортного зерна// Известия. 1991. 12 ноября.

⁵³ Хлеб — всему голова// Российские вести. 1992. № 4, 24 апр. С. 7.

⁵⁴ Бордюгов Г. А., Козлов В. А., Логинов В. Т. Куда идет суд?// Родина. 1989. №10. С. 75

изм, не учитывающий общего положения»⁵⁵. При этом любопытны были не только негативные хозяйственные последствия такого подхода, но и прежде всего удивительная инфантильность выступавших, которые боролись за ослабление власти высших уровней управления и одновременно против последствий этого ослабления.

Локализм приводил к снижению производства. Например, еще в 1958 году, имея большие надежды на целинный хлеб, Хрущев «освободил от обязанности поставлять зерно государству всю зону Нечерноземья. Думал: пусть ихнее зерно остается у них, будут кормить им скот. Черта с два! Они тут же свернули свое зерновое хозяйство, как будто оно не ихнее, это хозяйство, а чужое, его, хрущевское. Понадеялся на их сознательность, считал, что они чувствуют себя ответственными хозяевами. В Московской области, по сравнению с пятьдесят третьим годом, уменьшили посевы зерновых на 42 процента, изгнали гречиху. Что же у них вместо зерновых, вместо гречихи? Да то, что не требует труда и заботы, о чем все они, лодыри, мечтают, что спят и во сне видят — однолетние травы. Площадь под ними увеличилась в четыре раза, сена же берут 9 центнеров с гектара — стыдно смотреть на такую цифру»⁵⁶.

В самой этой реакции на ослабление административного нажима ничего удивительного нет, так как при отсутствии рынка потребительский интерес общества доходит до производителя главным образом через приказ чиновника. Удивительно другое: что богатая практика подобных негативных попыток оживления хозяйства как бы не существует для проектов реформ.

Локализм пронизал новую власть вплоть до самых ее верхов. Это выразилось, например, в изменении состава избранных депутатов. Раньше в Верховном Совете СССР «младший комсостав» был представлен лишь символически. Исключение составляли лишь колхозные руководители. В Верховном Совете СССР, избранном в 1989 году, их доля среди депутатов приблизилась к четверти⁵⁷. Поднятие вверх по капиллярам власти локалистских ценностей означало, что сама власть в большей или меньшей степени стала проводником массовых ценностей, среди которых существенное место занимает опережающее стремление к потреблению, к пользованию различного рода социальными программами и отставание потребности в производстве соответствующих ресурсов, стремление локаль-

⁵⁵ Известия. 1990. 20 янв.

⁵⁶ Стреляный А. Год личной жизни. С. 133.

⁵⁷ Назимова А. К., Шейнис В. Л. Выбор сделан// Известия. 1989. 6 мая

ного мира получить ресурсы из внешнего мира и минимизировать поставки своих собственных ресурсов. Этот разрыв, расширение которого раньше сдерживалось административной властью, в результате *прорыва локализма к высшим уровням власти* получил свое воплощение в катастрофических перекосах в бюджете, в инфляции, в попытках за счет чисто фиктивных манипуляций с доходами и расходами увеличить личные доходы. Возрастающее давление снизу стимулировало возникновение популистских правительств и парламентов, которые стремились прежде всего «удовлетворять потребности», а не создавать условия для умножения ресурсов. Ушедший в отставку министр финансов РСФСР писал про свое правительство: «Мы постоянно занимаемся раздачей денег и льгот, что ведет просто к банкротству России»⁵⁸. Под этим давлением общесоюзный бюджет в возрастающей степени превращался в бюджет социальной опеки. Более 100 млрд.— дотация к розничным ценам, 30 млрд.— жилищное строительство и дотация на содержание жилищного хозяйства. 67,5% расходов идет на социальные нужды. Принятые на 1991 год социальные программы требовали еще 47 млрд.⁵⁹ Все это происходило при отсутствии перспектив на рост соответствующих ресурсов.

ЧЕТВЕРТАЯ КАТАСТРОФА

События 19—21 августа 1991 года, получившие неадекватное название путча и приведшие к самоликвидации высшей власти в масштабе СССР и к последующему его исчезновению, *позволяют выдвинуть гипотезу: седьмой этап второго глобального периода, а вместе с ним и второй глобальный период в целом завершены*. Попытка переворота по сути дела была направлена на задержку этого процесса, на торможение нарастающего потока локализма. На 20 августа было назначено завершающее так называемый «ново-огаревский процесс» подписание нового союзного договора девятью республиками, которые еще соглашались на сохранение ослабленного варианта союза. Неудача переворота означала решающую победу локализма, крах общесоюзной государственности. Произошло событие, значение которого для судьбы страны и всего мира соизмеримо по масштабам с крахом общества первого глобального периода и переходом ко второму периоду в 1917 году.

Основная причина, которая привела общество к этому результату, заключается в том, что *события на протяжении*

⁵⁸ Федоров Б. Не хочу поддерживать иллюзии// Известия. 1990. 27 дек.

⁵⁹ Известия. 1990. 30 дек.

второго глобального периода, которые одним казались радикальной революцией, а другим — гибелью страны, не вывели общество за рамки исторической инерции сложившихся социальных альтернатив, за рамки экстраполяции накопленного исторического опыта на настоящее и будущее. Начавшаяся в результате банкротства крайнего авторитаризма волна локализма, испытав определенные колебательные движения, со второго удара привела общество к состоянию, близкому к противоположной крайности. Это означало катастрофическое нравственное и организационное ослабление воспроизводства, поддержки государства.

Окончание глобального периода определяется тем, что в рамках исторической инерции оказалась исчерпанной программа инверсионного цикла, круг возможных последовательных комбинаций господствующих нравственных идеалов. При всех поворотах, которые произошли в обществе за этот период, оно ни на одном этапе не поднялось до реализации принципиально новых социокультурных альтернатив, определяющих для общества в целом. Используя либеральные самооценки, общество, начиная с краха крайнего авторитаризма, шло по пути локализма, который в большом обществе нефункционален, утопичен, чреват непрерывными локальными и общими конфликтами. Его негативные последствия неизбежно вызывают массовое дискомфортное состояние, которое обрушивается прежде всего на «виновников» этого процесса, в качестве которых всегда выступают «начальство» и другие оборотни, т. е. группы, которые массовым сознанием рассматриваются как носители зла. В народе перестройка в конечном итоге вызвала дискомфортное состояние, росла ненависть к «начальству», которое «имеет дачи и думает только о себе». Первое лицо (М. С. Горбачев) потеряло свой сакральный характер и стало отождествляться с тем же начальством, что свидетельствовало о серьезной угрозе центральной власти, стабильности государства вообще.

Об окончании второго периода свидетельствовала потеря массового согласия на выполнение решений центральной власти, упразднение самого аппарата власти: президента, правительства, министерств и т. д. Власть не была разгромлена в результате заговора или восстания. Она испарилась. Общество лишило государство своей воспроизводственной социальной энергии, своих ресурсов. Горбачев, лавируя в этой отчаянной ситуации, оставлял одну ставшую безнадежной позицию за другой. Однако манихейский по своему характеру массовый отказ поддерживать центристскую политику сделал ее невозможной в буквальном смысле слова.

Либералы отказали Горбачеву в поддержке, требуя проведения реформ (хотя реальное их содержание продолжало оставаться некоторой абстракцией), а также ликвидации остатков старого аппарата власти (который обладал всем набором общеизвестных пороков, но при этом оставался единственной реальностью власти в масштабе целого). Этот конфликт между первым лицом и либералами усилил рост массовой враждебности к руководству. Отход либералов в оппозицию вывел их из-под непосредственного удара, направленного против центра. Эта ситуация, если ее сравнивать с шахматами, соблазняла своей возможностью начать атаку на незащищенного, лишенного фигур короля, овладеть центром бессильной власти и вдохнуть в нее жизнь, но на иной нравственной основе.

Правящая группа, окружавшая Горбачева, сделала попытку остановить поток локализма, нарастание всеобщего развала установлением жесткого авторитаризма. Она пыталась насильственно отстранить Горбачева, совершив тем самым государственное преступление. Самой любопытной подробностью этой попытки была, пожалуй, неспособность заговорщиков использовать свои многочисленные, бесспорно подавляющие вооруженные силы против людей, сплотившихся вокруг Президента РСФСР Б. Ельцина в Белом доме. Именно это обстоятельство, как никакое другое, бросает свет на суть исторических событий. Ими управляют какие-то совершенно иные силы, а не оружие и не авторитет центральной власти, начальства. Эти скрытые факторы оказались за пределами понимания заговорщиков, которые повторили неоднократно случавшуюся в истории России ошибку высшей власти или сил, на нее претендующих,— пытаться вести страну в противоположную ярко выраженному направлению массовой инверсии сторону. Иван Грозный пытался установить крайний авторитаризм тогда, когда в обществе господствовал умеренный. Александр I проектировал либеральные реформы, что не имело ни малейшей поддержки в обществе. Екатерина II также пыталась ввести либеральные изменения, но это не могло тогда встретить сочувствие.

Ставка заговорщиков на авторитаризм себя не оправдала, несмотря на то что в народе ощущалось усиление тенденций к сильной власти. Она, как полагали многие, сметет «болтунов-демократов», которые, как и всякое начальство, непременно воруют. В народе зрело стремление обрести власть, способную справедливо распределить имеющиеся ресурсы, подавляя спекулянтов, богачей, воров и т. д. И все же даже на фоне этих устремлений введения чрезвычайного положения потерявшей авторитет властью оказалось недостаточно для возврата авто-

ритаризма. Сами люди, которые пытались его утвердить, олицетворяли ненавистное начальство. Как сказала одна женщина в очереди: «Они уже все себе наворовали, а теперь просто борются за власть». Формула эта не очень точна, но достаточно ясно свидетельствует о массовых настроениях. Хотя в стране крепнет стремление к «порядку», что в России исторически всегда совпадало с авторитаризмом, однако ценности «порядка» не соединились с «начальством». Кроме того, очевидно, локализм еще не дошел до крайних форм дезорганизации, не изжил себя в массовом сознании.

В борьбе «начальства» против харизматического вождя первое всегда проигрывает. Б. Ельцин — харизматический вождь России — с безошибочным чутьем занял бескомпромиссную позицию и стал национальным героем. Провал заговора нанес последний удар обанкротившейся, подорванной локализмом центральной власти. Он повлек за собой крах всей сложившейся системы управления и прежде всего партии нового типа, старой государственности вообще.

Крах КПСС по своему значению несопоставим не только с поражением и уходом от власти какой-либо правящей партии на Западе, но даже со свержением однопартийного диктаторского режима в той или иной стране третьего мира. В России оказался разрушенным сам принцип, сами организационные основы власти, парадоксальным образом приспособленной к расколу, к необходимости принимать хромящие решения. Ликвидация власти партии — свидетельство не только банкротства власти, которая связывает часть и целое, части между собой, но и банкротства сложившегося на основе определенного нравственного идеала общества, распада его нравственных основ, идеологии, самоидентификации. Общество, как это было на последнем этапе прошлого периода, оказалось неспособным, во-первых, сдерживать дезорганизацию в приемлемых для существования общества рамках, обеспечивать необходимую интеграцию, во-вторых, обеспечивать необходимый минимум ресурсов.

Падение партии имело еще одно важное следствие. Советы, к которым теперь, казалось бы, должна была перейти власть, оказались нефункциональными. *Падение власти партии нового типа означало фактически падение власти советов. В полной мере выявилась их неспособность реально управлять. Фактически, идея совета как некоторого соборного управляющего самодостаточного института не могла быть воплощена в большом обществе и неизбежно постоянно вырождалась, заменялась авторитарными формами (что и показала убедительно вся история СССР).*

Раскол в правящей элите был тем толчком, который полностью дискредитировал уже до крайности ослабевшую под давлением локализма власть. Как и в прошлом, центральную власть некому было защищать, она распалась, растворилась в воздухе, оказалась как бы несуществующей. *Выявилось, что в минуту кризиса высшая власть великой империи, державшей в страхе весь мир, не имела реальных защитников, как не имели их царская власть и Временное правительство в 1917 году.* М. Горбачев — еще одна трагическая фигура в истории России. Его замыслы обернулись своей противоположностью. Его действия ускорили скрытую активизацию локализма, но не явились их причиной, как это многие наивно полагают. Его ошибки объяснялись неадекватным видением общества через абстрактный либерализм. При этом, однако, не следует забывать, что интеллектуальные силы общества мало сделали для создания адекватной духовной атмосферы, которая соответствовала бы сложности назревших задач. *Неадекватность решений, принимавшихся Горбачевым,— результат общего низкого уровня научного проникновения в реальность, господства мифов, превращения решения любой сложной проблемы в борьбу мифов.* Власть была перехвачена следующим уровнем, т. е. республиками. Вече трех славянских большаков, глав трех государств — России, Украины и Беларуси — политически возглавило процесс ликвидации СССР.

Очередная катастрофа государственности включала в себя по крайней мере два разнородных элемента. Она выглядела прежде всего как *крушение империи*, как распад на те государственные образования, которые и раньше признавались в качестве государств, хотя фактически не были таковыми. Распад империи, к которому никто не был подготовлен, означал, что в наследие будущему остается бесчисленное множество конфликтов, связанных не только со спорными территориями, но и с тем, что в сложной чересполосице народов стремление к независимости порождало *целую цепь дальнейших конфликтов между народами, населяющими республики.* В наследство остался также конфликт по поводу раздела собственности, армии, распределения ресурсов и их перевода на новые основы и т. д.

Распад империи означал упрощение системы, возможность решать накопленные проблемы в рамках менее сложных образований, опираясь на потенциалы, накопленные разными культурами в разных условиях. Однако запутанность, переплетение взаимных связей и неизбежный взрыв взаимных претензий, устрашающие перспективы борьбы за советское наследство требовали сохранения определенного консенсуса.

Крах империи неизбежно несет опасность катастрофических событий, не исключающих возможности национальной катастрофы для тех или иных народов бывшего СССР. Сложность оставленных проблем превышает накопленный позитивный опыт их разрешения.

Все это относится и к собственно России. Ее специфика заключается в исключительной слабости культурных интеграторов даже для собственно русского народа. Это обстоятельство, осложняемое возможными конфликтами с другими народами, населяющими Россию, также несет в себе угрозу катастрофических последствий. Соответствующие процессы и должны стать предметом самого пристального изучения, но они лежат уже за рамками второго глобального периода.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТРЕТИЙ ЦИКЛ?

I. Коренные проблемы нового исторического цикла

II. Какое будущее мы создаем?

III. Россия среди других народов и цивилизаций

ГЛАВА I

КОРЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЦИКЛА

СТАРАЯ ИЛИ НОВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА?

Окончание второго глобального модифицированного инверсионного цикла, второго (советского) периода российской истории означало, что некоторая спрессованная в культуре, апробированная прошлым опытом программа воспроизводства (воплощаемая как инерция истории посредством экстраполяции ранее накопленного опыта на будущее) себя полностью исчерпала. Вновь во всей остроте встала проблема выбора между новым повторением этой программы и выходом на принципиально новые альтернативы. В принципе можно говорить о двух типах альтернатив, т. е. старой, существовавшей в рамках циклов двух первых глобальных периодов, и новой, где, может быть, откроется возможность выхода за рамки сложившихся циклов.

В истории нет и не может быть никакой predeterminedности, автоматизма, внешней для человека заданности, железной необходимости, которым люди были бы вынуждены следовать. Экзистенциалисты правы в том, что человек обречен на выбор. Отказ от выбора, например, от попыток реализовать некоторую скрытую культурную мутацию,— это практически выбор в пользу инерции истории. Даже максимально полная реализация инерции истории всегда происходит в той или иной степени в условиях, отличных от прошлого, что всегда делает проблематичными направленность и содержание социокультурной динамики и ставит сложные проблемы перед прогнозированием.

Любая массовая социальная инверсия на обыденном уровне может казаться для сознания, не прошедшего достаточно глубокий путь теоретического осмысления общества, чем-то принципиально новым, выходом к высшей Правде-истине, коренным качественным поворотом, революцией, отметающей ста-

рые Ошибки, заблуждения, преднамеренное злодейство, попытки «отвести глаза», а заодно и всю предшествующую историю. Эта иллюзия может господствовать по крайней мере до тех пор, пока новая Правда-истина сама не окажется сметенной следующим поворотом, новым, а возможно, еще более старым вариантом Правды-истины. Анализ цепи этих поворотов открывает для критики исторического опыта возможность видеть здесь форму стояния на месте и одновременно осознать необходимость осмысления того, что можно рассматривать в качестве больших изменений. Каждый значимый поворот в социокультурной динамике неизбежно ставит вопрос о характере его альтернативности: является ли новое в динамике общества инверсионным повторением старой альтернативы в рамках исторически сложившегося опыта, но в новой одежде, или новой альтернативой, преодолевающей этот опыт.

События конца второго инверсионного цикла (советского периода) ставят вопрос о характере дальнейшей социокультурной динамики, о том, в какой степени можно в этих событиях видеть повторение сложившегося цикла и в какой — выход за его рамки. От решения этой проблемы зависит отношение общества к самому себе, к собственной программе воспроизводства, к условиям своей жизни, к средствам и к самим целям деятельности на всех ее уровнях от повседневности до воспроизводства большого общества.

Анализ имевших место событий, масервой деятельности позволяет выдвинуть гипотезу, что общество, пережившее, как многие полагали, «революцию», вступило в новый период, в *третий большой инверсионный цикл*. Принятие этой гипотезы означает одновременно, что страна вновь осталась в «застывшем» состоянии между традиционной и либеральной суперцивилизациями. Это связано все с тем же глубоким расколом, с существованием множества его форм. Конечно, остается возможность опровержения этого подхода не только новым, более глубоким уровнем теоретического осмысления, но и массовой критикой исторического опыта, возросшей массовой творческой силой, которая бы нащупала иную, более глубокую альтернативу. Анализ этой возможности требует дальнейшего углубления рефлектирующей мысли в реальное содержание динамики исторического процесса.

ГОД 1917 И ГОД 1991

События августа 1991 года и падение государственности СССР означали беспрецедентную победу либерализма. Его катастрофическая гибель после прихода к власти большевиков,

казалось бы, не давала реальных надежд на возрождение. Тем не менее на этапе перестройки он приобрел большое влияние на правящую элиту. Идеал, в котором делается акцент на демократию, народовластие, свободу слова, печати, на свободную экономическую деятельность, был положен в основу формирования новой государственности, социального устройства общества.

Победа либерализма произошла при несомненно более благоприятных политических условиях, чем в феврале 1917 года. *Быть может, самым большим достижением либерализма за всю историю страны была его способность оказать сильное влияние на массовое сознание общества.* Оно освоило лексику либерализма. Либерализм усилил всеобщее убеждение в том, что массовые убийства оборотней зла, как бы они сегодня ни назывались, недопустимы сами по себе, разрушительны для людей, которые пытаются так поступить, а самое главное — не решают никаких проблем. Разумеется, это не было прямым результатом воздействия либеральной прессы, которая наконец вышла к читателю. В основе этой победы либерализма была прежде всего массовая инверсия, массовый отказ от обанкротившейся системы принуждения, насилия и террора, было осознание того, что именно перебитые интеллектуалы, предприниматели, «кулаки», «враги народа» были теми людьми, от которых в первую очередь зависит существование и развитие общества. Стало в общем ясно, что созданное в России общество «низшего класса» является нефункциональным, утопичным. Либералы придали этому осознанно определенную систематичность. Этот поворот был подготовлен гнившими по психушкам и лагерям диссидентами, притаившимися в порах общества хранителями катакомбной культуры, российской эмиграцией, которая в период разорения культуры хранила и культивировала отступившие на задний план ценности.

Если сравнить совершеннейшее озверение, характерное для последнего этапа первого глобального периода, сопряженное с прямыми призывами к убийствам и гражданской войне, то современный переход к новому циклу представляется лишенным важного признака предшествующих катастроф — массовой гибели людей. Достаточно вспомнить не знавшую меры борьбу легальной оппозиции до 1917 года против власти. Например, министр императорского двора В. Б. Фредерикс говорил об оппозиции в первой Государственной думе: «Эти депутаты скорее похожи на стаю преступников, ожидающих сигнала, чтобы зарезать всех сидящих на правительственной скамье»¹. Край-

¹ См.: Наше отечество: Опыт политической истории. М., 1991. Т. 1. С. 235.

ние партии вели преступную террористическую деятельность, постоянно организуя покушения на царя и должностных лиц. Например, П. Столыпин пережил десять покушений. Еще более удручающее впечатление производит вовлеченность в борьбу за революцию представителей части буржуазии. Общеизвестна помощь крайним партиям, включая большевиков, со стороны С. Морозова. Крупные фабриканты П. Рябушинский и А. Коновалов склонялись к «надорганическому режиму» (т. е. к революции)². Сегодня нелишне напомнить, что даже некоторые активные деятели серебряного века сочувствовали террористическим актам революционеров³.

Существуют и более глубокие отличия начала второго периода от начала третьего. Важнейшее из них заключается в том, что в первом случае существовало массовое стремление ликвидировать целые слои населения, которые, по мнению уравнительного большинства, были носителями кривды, эксплуатации, несправедливости. Крестьянство, стремившееся к уравнительности, боролось за уничтожение сословий помещиков, собственников на землю вообще, тех, кто, по их мнению, угрожал уравнительности. Рабочие также были крайне агрессивны настроены против хозяев. Существовал мощный стойкий источник массового насилия.

Во втором случае положение оказалось принципиально иным. Крестьяне, несмотря на все насилие, которое они терпели за время второго периода, в своем подавляющем большинстве не несли в себе реальной альтернативы, за которую они хотели бы вступить в истребительную схватку с силами зла. Скорее, наоборот, преобладало похмелье от насилия, хотя, конечно, можно привести много фактов, которые этому противоречат. Валено, однако, что стремление к насилию не приобрело в России массовую организованную форму, опирающуюся на определенную идеологию, как это было в прошлом.

Принципиальное различие между началом третьего и второго периодов заключается, следовательно, в том, что на этот раз переход не ознаменовался уничтожением элитарной культуры, наиболее квалифицированных, творческих сил общества. Сама ранее немислимая возможность выхода этой книги является иллюстрацией этого различия. Сегодня в России практически нет целей, ради которых массы людей готовы были бы умирать. Основная масса населения не стремилась к значительным социальным переменам, требующим уничтож-

² См.: Агурский М. У истоков национал-большевизма// Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 4. С. 147.

³ Шерер Ю. Религиозные поиски начала XX века// Общественные науки и современность. 1991. № 2. С. 170.

ния каких-то сословий, групп, и в своих стремлениях не шла дальше попыток сменить начальство. Однако стремление увеличить свою долю дефицитных ресурсов может породить серьезные конфликты. И здесь заслуга либерализма оказалась в том, что он открыл возможность более или менее мирной борьбы с начальством, замены «никудышного» начальства на хорошее через выборы. Это придало выборам особый привкус голосования не столько «за», сколько «против» (если не касаться голосования за харизматического вождя). Иначе говоря, либерализм открыл определенную, хотя и весьма ограниченную, отдушину для мирной реакции на дискомфортное состояние. Кроме того, сам идеал, за который можно было бороться, приобрел, в отличие от прошлого, менее ясные социальные черты. В 1917 году этот идеал воплощался в лозунгах «власть советам», «земля крестьянам», «фабрики рабочим». Эти лозунги теперь утратили свой смысл. И хотя вину за утрату этих ценностей можно было возложить на алчное «начальство», все же для миллионов людей оставалось что-то загадочное в том, что эти идеалы каким-то образом испарились.

Разумеется, и в 1991 году существовали силы, которые, используя свободу печати и другие средства, разжигали страсти, пытаясь пустить страну по пути массового взаимного избения. Разумеется, при определенном росте кризисной ситуации, провале очередных прожектов эта деятельность может иметь успех. Тем не менее если сегодня определенные круги лишь пытаются нагнетать ненависть до опасного уровня, то в 1917 году эта грань была уже пройдена. Инверсионное массовое отпадение от крайнего антилиберализма, крах антилиберального общества толкнули людей к либерализму, к поддержке еще недавно гонимых и презираемых демократов. Еще вчера, как казалось, сторонников академика Сахарова можно было усадить на один диван. Переход к третьему периоду ознаменовал массовое появление последователей академика.

ПОБЕДА ЛИБЕРАЛИЗМА?

Победа либерализма на улицах Москвы в августе 1991 года была вполне очевидна. Речь идет прежде всего не столько о тех, кто собрался вокруг Белого дома. Там были разные люди, объединенные скорее ненавистью к начальству, чем позитивными идеалами. Победа либерализма заключалась уже в том, что он проник изнутри в гигантское воинство, которое оказалось парализованным. Армады танков бессмысленно толклись по улицам Москвы, и казалось, что они больше всего боялись что-то нарушить. Как военная сила они оказались бесполез-

ными. Они совсем не внушали страха, а скорее вызывали сильное раздражение у водителей автомашин, которые объезжали создавшиеся дорожные пробки, прорываясь через тротуары, перерезая колонны танков. Общая атмосфера психологически исключала возможность пустить эти лавины танков и БТР против защитников Белого дома. Ослабление культа насилия в душах людей оказалось главным врагом сторонников смещения Горбачева. Все это бросает яркий свет на характер событий и их место в общей динамике страны. Они, кстати говоря, подтверждают ту мысль, что *в России победа новой власти является результатом не столько организованности и силы заговора победителей, сколько саморазвала проигравшей стороны.*

Либерализм пришел к власти в России в результате не силовой конфронтации, но очередной массовой инверсии, идущей от антилиберального общества к его противоположности. Инверсия, вызревшая в советском периоде, резко повернула от господства антилиберализма к либерализму. В результате исторически сложившийся, но изживший себя порядок развалился сам собой.

Это обстоятельство дает основание рассматривать исходную точку третьего периода, начало нового модифицированного инверсионного цикла, исходя из гипотезы, что общество уже вступило на путь утверждения либеральных ценностей, путь демократии, связанной с рыночными отношениями, с преодолением системы псевдо, монополии на дефицит и т. д. В связи с этим возникает важный теоретический вопрос, имеющий большое практическое значение. Опыт предшествующих периодов показывает, что лежащая в основе каждого глобального периода некоторая исходная социокультурная клеточка всегда оказывалась лишь одним из полюсов, одной из реальных возможностей, которая периодически переходила в свою противоположность. Соборность, с которой начался первый период, была амбивалентна авторитаризму, так же как и советы второго периода. Переход к противоположности в обоих глобальных периодах был настолько силен, что позволил многим специалистам расценивать первый период как вотчинный, как развитие авторитарной государственности, а второй — как тоталитарный. Реальность исторической динамики России включает постоянное переворачивание исходной клеточки, периодическое обращение к ее альтернативе в рамках каждого периода.

Исходной клеточкой в новом периоде является демократически избранный институт, обладающий всей полнотой власти в соответствующем сообществе. Опыт прошлого не-

избежно ставит вопрос о возможности перехода демократического института в свою противоположность, о характере циклов в новом периоде, о возможности и характере альтернатив его динамики. Этот вопрос можно поставить иначе: является ли победа либерализма при переходе к третьему периоду реальным свидетельством субстанциальных сдвигов в воспроизводстве, в массовом менталитете, выхода на уровень гибких новых альтернатив, или речь идет об экстраполяции либерального языка на унаследованный вечевой соборный идеал, о возникновении нового массового мифа, о развитии некоторого двусмысленного гибридного идеала? По сути дела, решение этой задачи и должно дать ответ на вопрос: «В каком обществе мы живем?» — но применительно к новому периоду.

Общество, постоянно ищущее себя, периодически себя находящее и вновь теряющее, следуя сложной системе переходов от одной крайности к другой, все же встало под знамена либерализма. Но это значит, что оно согласно перейти на либеральный язык и следовать либерализму в определенных рамках, не разрушая свои глубинные ценности. Это означает, что общество сделало попытку жить по новым принципам. С этой попыткой в основном согласны все или почти все, все принимают соответствующие новые правила игры и новый язык. Впрочем, это не исключает, но предполагает, что все могут нести на заднем плане сознания иные ценности. *История как бы предоставляет обществу очередной шанс*, в данном случае либеральный, история как бы говорит: «Вот вам новая альтернатива обновления, спасения от разрушительных инверсий». Демон истории предлагает игру в либерализм. Он дает шанс. Воспользуется ли им общество? Поймает ли дьявола на слове? Или вновь потеряет этот шанс в сутолоке жизни из-за лености и частных склок на межах своих огородов?

Совсем недавно диссиденты уже дали урок такой игры. На знаменах общества советского периода были написаны либеральные лозунги свободы, законности и т. д. Некоторые из диссидентов не стали говорить, что это все обман, но пытались жить по этим принципам. И в конце концов они выиграли, — выиграли в том смысле, что поймали демона истории на слове, заставили его по крупицам реально признавать то, что он признавал лишь номинально. Они выиграли, так как общество подхватило эту игру, предоставив либералам политическую власть и согласившись всерьез играть в либеральную игру. Значит ли это, что демон истории проиграл? Само общество должно в своей сложной и повседневной деятельности ответить на этот вопрос. Продолжит ли оно эту игру до превращения ее в реальность своей повседневности или вновь, как гоголевский

герой, воскликнет: «Лучше бы не было того пира»,— вновь отдаваясь дьявольской разрушительной игре инверсий? Сегодня, как и всегда, мы играем ва-банк! Играем всерьез. Даже слишком серьезно, без иронии. Исчез даже не знающий преград анекдот. Однако ему на смену пришли карикатуры. Они подмигивают нам со страниц газет, как бы из другого мира. Однако смертельная игра продолжается.

ЛИБЕРАЛИЗМ ИЛИ СОБОРНОСТЬ?

Либерализм пришел к власти, разоблачая ложь идеологии второго глобального периода. Достаточно вспомнить солженицынское «жить не по лжи». Наблюдения за современной жизнью общества показывают, что суть лжи не сводится к попытке власти, газет и т. д. намеренно на основе каких-то злодейских мотивов ввести в заблуждение народ. Дело в чем-то другом, в том, что *сам язык, на котором мы говорим, сами, казалось бы, очевидные идеи, которые мы защищаем, сами институты, которые мы строим, сами цели, которые мы преследуем, содержат в себе какую-то двусмысленность, свое самоотрицание.* Эту двусмысленность нельзя преодолеть обращением к Правде, содержание которой всегда столь же двусмысленно и абстрактно. Либерализм пришел к власти, сражаясь с упрощенным представлением о лжи как результате злонамеренности и корысти. Но либерализм оказался неподготовленным к тому, что двусмысленность пронизывает нашу жизнь до самых ее метафизических основ и вовсе не готова рассеяться от одного слова Правды. Грозная опасность, которая стоит перед либерализмом у власти, возникла не с той стороны, откуда ее ожидали: не от остатков номенклатуры, а из каждой клеточки нашей жизни. Отсюда опасность того, что решения, принятые на либеральной основе, вновь созданное государство, реформы, включая экономическую, окажутся некоторым образом двусмысленными, т. е. содержащими в себе элемент саморазрушения.

Инверсия, приведшая к новому периоду, породила массовую веру «в наших демократов» (не столько в демократию, сколько именно в демократов). В ответ на эту веру они должны спасти страну, т. е. в некотором смысле совершить чудо, на которое способен лишь тотем. В противном случае общество готово отказать им в доверии, чтобы заменить их кем-либо другим, точно так же как не оправдавший себя божок может быть наказан и заменен другим. Таков реальный менталитет общества, его культурная основа. И сегодняшняя власть, как и предшествующие, опирается именно на эту специфическую

культурную основу, которая является по своей сути долиберальной. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать между февралем и октябрём 1917 года. *Существование либеральной власти означает не господство в стране либерального нравственного идеала, но, возможно, господство особого соборно-либерального идеала.* Либерализм имеет в стране слишком слабые культурные почвенные корни. Он может быть господствующим при иной социальной субстанции: в условиях массовой частной инициативы, развитой формы частной собственности, массовой ответственности за большое общество.

Либерализм в России ведет за собой людей, тяготеющих к соборному идеалу, к разным формам утилитаризма, включая и умеренный. Эти слои, порожденные традиционализмом, склоняются к локализму, но нуждаются в языке, лозунгах либерализма для доказательства якобы причастности сил локализма к ценностям большого общества. Им это необходимо для объединения сил в борьбе с властью, с государством, бюрократией, коррупцией, для возвышения до уровня целого. *Либеральные лозунги нужны локализму прежде всего для решения отрицательных задач, т. е. прежде всего для сокрушения государственности, превращения ее в собственную тень, для перехода монополии на дефицит на нижние уровни.* Эти по сути антилиберальные цели свидетельствуют о внутренней расколоте соборно-либерального идеала, о его гибридном характере. На последнем этапе первого периода этот идеал распался на свои ипостаси, вступившие в кровавый конфликт, который выявил *антитрадиционистскую суть либерализма*, в результате чего либерализм, «кадет» (т. е. либерал) стал главной и непосредственной жертвой поднявшейся волны архаики.

Соборные ценности, существующие в рамках соборно-либерального идеала и прикрытые либеральными оболочками, постепенно, не сразу раскрывают свою антилиберальную сущность. Идеи демократии, борьбы против удушьяющего централизма, против бюрократической номенклатуры оказываются на самом деле направленными на борьбу за локализм, стремящийся разбить все формы интеграции страны без соответствующей опоры на культурные интеграторы. Тем самым страна может превратиться в хаотический конгломерат захламленных провинций, каждая из которых лишь стремится захватить ресурсы в границах своего региона, не считаясь с жизненными потребностями соседей. Этот процесс в различных формах продолжается в масштабе не только бывшего СССР, но и собственно России. Локалистские тенденции проявляются то на Дальнем Востоке, то в Калининградской области, то на Урале, то в республиках, входящих в Российскую

Федерацию. Таков же характер возникших в 1991 году идей создать Енисейскую республику вместо Красноярского края, образовать Сибирскую советскую федеративную республику как субъект Российской Федерации, создать Русский автономный округ Енисейской республики⁴. Депутаты всех уровней Иркутской области предложили признать эту область территориально-государственным образованием с расчетом «обрести право принимать собственные законы»⁵. Высказывались предположения, что на территории стран, входивших ранее в СССР, может сформироваться 40-50 различного рода образований государственного типа, между которыми возможно возникновение конфликтов самой разной степени остроты⁶.

Пульсирующий процесс дезинтеграции по своей социокультурной сущности аналогичен процессам, протекавшим при окончании первого периода, когда на территории бывшей Российской империи летом 1918 года существовало по крайней мере 30 «правительств»⁷. На первом этапе первого периода существовало примерно 15 независимых княжеств-земель. Можно подумать, что исторический опыт существует лишь для того, чтобы его игнорировать. Эта сложная реальность, обусловленная исторической слабостью социокультурных интеграторов, создает весьма слабую базу для либерализма, для устойчивого перехода к либеральной цивилизации. Дело несколько не улучшается, а скорее ухудшается тем, что все эти процессы странным образом отождествляются с демократическими, либеральными и т. д.

Локализм разрушает всю структуру государства, систему управления, разгоняет квалифицированные кадры управленцев: «Ликвидация союзных министерств сейчас идет так, что может произойти лишь хаотический „сброс“ людей, профессионально знающих условия хозяйствования... Мы обрекаем себя на паническое формирование уже в недалеком будущем новых государственных структур из новичков... лишаем себя шансов ускорить движение к рынку»⁸. Точно так же, как после падения царской власти, новая система управления оказалась крайне неэффективной. Важнейшая ее особенность — это то, что представительные выборные органы власти стремятся

⁴ Тарасов А. Быть ли Енисейской республике// Известия. 1991. 22 нояб.

⁵ Сбитнев В. Съезд в «Иркутском государстве»// Там же. 18 нояб.

⁶ Основные направления дальнейшего осуществления социально-политических и экономических реформ в России. М., 1992. С. 19.

⁷ Пайнс Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917-1918 гг.)// Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 3. С. 94.

⁸ Храповицкий Д. Союзные министерства: последние дни// Известия. 1991. 14 нояб.

по советскому образцу соединить в себе и законодательные, и исполнительные функции. Беззакония в деятельности местных органов власти стали обычным делом. Нарушаются законы, указы Президента, никто не несет за это ответственности, что порождает эскалацию безответственности. При этом государственная система постоянно теряет свою органическую целостность, так как главные держатели монополии на дефицит смещаются на средние уровни. Имеет место сращивание соответствующих звеньев государственного аппарата и хозяйственных структур там, где это не произошло еще раньше. Хаотичность и неэффективность управления нарастают.

Аппарат Ельцина подготовил интересный документ «О дезинтеграции и срочных мерах по борьбе с сепаратизмом»⁹. Из него видно, что центральное правительство России не столько противостоит локализму, сколько само является важным элементом его нарастания. В документе говорится, что в последние месяцы (имеется в виду конец 1991 — начало 1992 года) резко возросло давление республик, краев и некоторых областей на правительство с целью получения прав по регулированию хозяйственной, внешнеэкономической деятельности, распоряжению государственной собственностью, распределению материальных и денежных ресурсов. Поток обращений возрастает каждую неделю, что превращает правительственный аппарат в механизм по предоставлению льгот отдельным регионам, влечет за собой экономическую дезинтеграцию страны. Авторы документа считают, что возникла серьезная угроза распада экономического пространства на автономные регионы с уникальными режимами хозяйственной деятельности. Вслед за хозяйственной дезинтеграцией неизбежна дезинтеграция государственного регулирования, которая, в свою очередь, приводит к политической дезинтеграции. В записке содержится перечень административных единиц, которым указами президента, решениями правительства предоставлены различные льготы в использовании ресурсов, освобождение от экспортных пошлин. Эта сокрушительная волна локализма повышает в каждом локальном районе возможность коррупции, истощения ресурсов.

Очевидно, что либерализм в условиях развитой либеральной суперцивилизации, как это имеет место на Западе, и либерализм в стране, еще не ставшей либеральной, — различные явления. Российский либерализм нуждается в серьезной перестройке, в преодолении своего абстрактного характера, в отказе от фетишистской веры в волшебный результат воплощения

⁹ См.: Льготы, «выбитые» для регионов, местная администрация неплохо использует для себя// Независимая газета. 1992. 24 марта.

либеральных идеалов любыми средствами. Неорганичное развитие российского либерализма привело к тому, что он подчас заражен все теми же манихейскими представлениями, верой в возможность инверсионного воплощения в жизнь своих идеалов (например, уверенность в возможности легких очевидных решений). Здесь можно проследить далеко идущую аналогию с ленинской идеей мгновенного переворота, программа которого может быть воплощена «одним указом», «одним ударом». Либерализм часто, отражая общий настрой, склоняется к такой точке зрения: «По сути нам действительно придется насаждать реформы в это общество, которое, по всей видимости, их отвергает»¹⁰. В России, к сожалению, это обычный метод проведения реформы. Еще П. Столыпин считал, что не следует «ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы: народ темен, и неизвестно, когда он дозреет до понимания ее настоятельной необходимости»¹¹.

В приведенных высказываниях сформулирован важнейший элемент трагедии российского либерализма, выброшенного к вершинам власти. *Российский либерализм оказался и дома, и одновременно неприютным. Либерализм с вершин мирового опыта в этой драматической ситуации пытается делать ставку на меры, которые неприемлемы для большинства населения, что в конечном итоге означает сползание либерализма с его собственных либеральных позиций.* Такая двойственность, внутренняя противоречивость либерализма в условиях господства локальной соборности создает условия для элементов *либерального утопизма*, для веры в воплощение либерального идеала через слово и административное насилие. «Утопия смотрит на нас из каждой журнальной статьи, из каждого газетного заголовка... Это уже не „город солнца" или „страна на Луне", а Запад или Америка... Этот Запад и эта Америка не более реальны, нежели „города солнца" и „сны Веры Павловны"... Новые утопии не менее опасны, чем прежде»¹².

Это переворачивание либерализма в России — результат расколотости общества, существования в нем двух взаиморазрушающих противоположностей — не означает невозможности либерализма в России. Но в этой необычной ситуации либера-

¹⁰ Федоров Н. Остаюсь бороться// Российские вести. 1991. №26, ноябрь. С. 11.

¹¹ См.: Зырянов П. П. Столыпин и судьба русской деревни// Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 124.

¹² Кагарлицкий Б. Отречемся от Томаса Мора?// Столица. 1991. № 29. С. 12-13.

лизм должен быть иным: он должен преодолеть свой абстрактный характер.

Положение либерализма осложняется тем, что он не смог осмыслить значения превалирования в системе управления страной хромающих решений и противопоставить им нечто иное. Власть до сих пор на всех уровнях постоянно захлестывается стихией хромающих решений. Например, в апреле 1992 года планово-бюджетная комиссия Верховного Совета рассматривала проект постановления «О прогрессивном налогообложении прибыли предприятий и организаций торговли и общественного питания в 1992 году», где предусматривалось обложение предприятий, получающих прибыль свыше 3-8%, по ставкам 75—90%. Вместе с тем в выступлении Б. Ельцина в январе говорилось о возможности снижения торговой надбавки примерно до 8%¹³. Очевидно, что все это отрицало сам замысел проводимой в стране экономической реформы. Решение об обложении 60-процентным подоходным налогом доходов иностранцев, живущих и работающих в России, заставит большинство крупных компаний переменить свои планы, так как этот налог большинству окажется не под силу. Правда, американская газета «Джорнэл оф коммерс энд коммершл» замечает на это, что «пока среди иностранцев в Москве никто не паникует, поскольку в местных обычаях менять законы в последний момент»¹⁴. Эти хромающие решения стали фактором обсуждения с другими государствами. Впрочем, сами эти решения — старая стойкая непрерывная российская традиция. Еще в прошлом веке в делопроизводстве была такая ситуация, что «составлять журналы по каждой бумаге совершенно излишне, потому что то и дело одна бумага отменяет другую»¹⁵.

Итак, действующий в России либерализм носит абстрактный характер, т. е. он недостаточно глубоко и широко прорабатывает социокультурную реальность через принципы либерализма, не проявляет достаточной озабоченности развитием самих принципов либерализма в специфических условиях России. Абстрактность либерализма проявляется сегодня, во-первых, в том, что он оказался недостаточно подготовленным к решению задачи, поставленной необходимостью формирования повседневного воспроизводства государства. В этом сказалась и традиционная оппозиционность большинства либеральной интеллигенции к власти как таковой. Эта оппозиционность выражает не что иное, как превалирова-

¹³ См.: Мельников В. Проект налога на торговлю: мы на горе всем буржуам...// Коммерсанта. 1992. № 17. С. 1.

¹⁴ См.: Российские вести. 1992. № 5. С. 3.

¹⁵ Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987. С. 435.

ние в ее сознании освоенных интеллигентским сознанием массовых догосударственных ценностей. Во-вторых, либерализм сегодня не в состоянии осмыслить свое положение как фактора формирования государственности в социальной среде, требующей сложных решений, не сводимых к расхожим ценностям здравого смысла. Иначе говоря, либерализм стоит перед угрозой собственной неспособности найти путь, ведущий к либеральной государственности. В этом — серьезная угроза либерализму, так как борьба за укрепление государственности как неизбежная реакция на ослабление государства может в этих условиях происходить не в рамках диалога разных форм либерализма, а в усиливающейся борьбе против либерализма. В-третьих, важнейший слабый пункт абстрактного либерализма — ограничение поиска выхода из создавшейся ситуации реформой, которая сводится к экономическим преобразованиям. По существу такой редукционизм противоречит принципам либерализма, является попыткой свести его суть к плоскому утилитаризму. Это теоретическое заблуждение само по себе достаточно, чтобы подорвать либеральную власть.

Критическая ситуация, в которой находится пришедший к власти либерализм, — свидетельство отсутствия оснований полагать, что имел место выход страны за рамки промежуточной цивилизации, что реально был осуществлен переход к либеральной суперцивилизации. Это означает, что в обществе пока еще господствует не либеральный, а соборно-либеральный нравственный идеал.

ПОПЫТКИ РЕФОРМ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Общая вера во всемогущество начальства в стране не находит своего подтверждения в повседневной жизни. Если говорить о хозяйственном развитии, то слишком часто складывается впечатление, что «собака лает, а караван идет»: позитивное влияние правительства на хозяйственное развитие слабее, чем воздействие спонтанных процессов, протекающих в самом хозяйстве. Впрочем, это не относится к негативным разрушительным действиям, которые являются результатом попыток реформировать хозяйство. В этой связи большое значение имеет накопленный исторический опыт реформ в России, который слабо изучен и слабо осмыслен.

Многие задачи, которые сегодня ставят себе реформаторы, в особенности в сельском хозяйстве, уже неоднократно были содержанием проектов реформ, попыток их воплощения. Еще во времена правления царевны Софьи ее приближенный князь В. В. Голицын составил обширную радикальную программу,

сочетающую замену натурального хозяйства денежным с освобождением крестьян с землей. Однако он не мог похвастаться успехами в осуществлении своих замыслов.

В 1766 году обсуждался проект перевода вотчинных крестьян царицы на подворное владение. Екатерина II предполагала отдать землю в вечное владение своим вотчинным крестьянам, прекратить общинные переделы земли. Крестьяне, однако, отнеслись к этим проектам негативно. Тем не менее разработка проектов, направленных на разрушение общины, продолжалась. В 1772 году среди вотчинных крестьян императрицы, имевших основания предполагать, что предстоящее размежевание ставит целью ввести подворное владение, имели место волнения, что помешало внедрению такого рода проектов. Цесаревич Павел, будущий император, в своем Гатчинском имении пытался превратить крестьян в фермеров. Видимо, предполагаемая реформа проводилась в более благоприятных условиях, чем современная. Крестьяне были снабжены всеми необходимыми техническими средствами, была предоставлена ссуда, организовано соответствующее обучение. Однако уже через два года крестьяне просили ввести у них старый порядок. К этому времени они утратили всю новую собственность и не были в состоянии платить ничтожный оброк¹⁶. Очевидно, будущий император, как и современные реформаторы, не учитывал какие-то скрытые параметры, которые мешали и продолжают мешать осуществлению великих замыслов.

А. Герцен писал о подобных попытках: «Бывали помещики, хотевшие ввести европейскую систему раздела земли на участки и частную собственность. Эти покушения исходили большей частью от дворян прибалтийских губерний, но все не удовлетворялись и обыкновенно кончались убийством помещиков или поджогом их замков»¹⁷. Отец М. А. Бакунина также пытался освободить своих крестьян. В 1820 году будущий декабрист, помещик И. Якушкин пытался освободить крестьян и перевести их на аренду, но получил ответ: «Оставайся все по старому: мы ваши, а земля наша». Нельзя не напомнить о реформаторской деятельности министра государственных имуществ при Николае I П. Д. Киселева. Его попытки реформ были достаточно умеренны. Он отказался от проектов, связанных с ликвидацией общины, и пытался преодолеть малоземелье среди государственных крестьян, ввести более совершенную систему фискального обложения, поднять производительные

¹⁶ *Семевский В. И.* Государевы крестьяне в XVIII веке // Русская мысль. 1901. № 1. С. 36-42.

¹⁷ *Герцен А. И.* Сочинения. Т. 6. С. 405.

силы государственной деревни путем агрономических и культурно-бытовых улучшений. Крестьянство ответило на эти реформы волнениями, которые прокатились по 22 губерниям. Государственный секретарь М. А. Корф писал во времена реформ Киселева, что не видно «никакого плода от его (Киселева) операций над казенными крестьянами, сколько они ни поглощают миллионов и как они ни наводняют свою часть морем новых постановлений»¹⁸. Реформы закончились контрреформами, которые проводил новый министр М. Н. Муравьев.

Реформационные попытки высшей власти, касающиеся свободы торгового оборота в стране и открытости внешнего рынка для сбыта сельскохозяйственных продуктов, можно отметить в законодательстве с середины XVIII века. В том же году, когда Екатерина II издает указ о безусловной свободе торговли, орловский губернатор запрещает вывоз хлеба из губернии. Правительство постоянно боролось против местных властей за свободу торговли¹⁹. Подобные хромающие решения постоянно парализовывали попытки реформ.

Вспомним «Барышню-крестьянку» Пушкина, где помещик рассматривал попытки своего соседа перестроить хозяйство на основе английского опыта как пустую трату сил. Эффект от подобных нововведений мог иметь место лишь тогда, когда они вписывались в реальную конструктивную напряженность субъекта воспроизводства, нацеленного на развитие и прогресс, когда каждый результат капиталовложений становился бы стимулом и фактором соответствующей перестройки воспроизводства, развития творчества. Если же у работника преобладает стремление рассматривать всякое новшество как навязанный элемент условий, к которому следует приспособиться на основе сложившихся ценностей, то вложенные средства могут стать лишь фактором издержек. Это камень преткновения, на который постоянно наталкивается модернизация в России.

Самой массовой попыткой страны вырваться из архаики была столыпинская реформа, ответом на которую стала полная победа общинных отношений. Общество с начала XX века хорошо поработало над подавлением отдаленных предпосылок ослабления уравнительности. Например, в результате поджогов в 1907-1913 годах в Смоленской губ. горело по 10-15 зажиточных хозяйств в месяц²⁰. Никакая реформа, которая игнорирует такого рода опыт, не может рассчитывать на успех.

¹⁸ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 576-577, 284.

¹⁹ Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Л., 1924. С. 106-107.

²⁰ Неуслышанные голоса: Документы смоленского архива/ Сост. С. Максудов. Кн. 1: 1929. Кулаки и партейцы. Мичиган, 1987. С. 42.

Интересен в этой связи анализ политики различных белых правительств во время гражданской войны. Самарское эсеровское правительство, правительства А. Колчака и А. Деникина пытались проводить политику свободы торговли и сохранения свободных цен. Однако эта политика не позволила им обеспечить элементарное снабжение населения и армий продовольствием²¹, она вступала в противоречие с мощной инверсионной волной локализма и натурализации.

ПОДАВЛЕННЫЙ РЫНОК ИЛИ МОНОПОЛИЯ НА ДЕФИЦИТ?

Главная причина реформаторских неудач заключалась в том, что в процессе формирования замысла реформ от внимания реформаторов ускользали определенные пласты реальности, которые при реализации этих замыслов возникали, как риф на пути корабля. Таким грозным рифом был исторически сложившийся менталитет уравнительного обобщинного типа, соответствующий образ жизни подавляющего большинства населения. Эту близорукость унаследовали и современные либеральные реформаторы. Они не учитывали, что либерализм может быть вполне приемлемым лишь как некоторая тенденция в масштабе мировой истории. Идеи реформаторов не могут быть в массовом масштабе реализованы на том отрезке времени, в который пытаются втиснуть реформу. К сожалению, проекты экономической реформы, которые пытаются реализовать реформаторы на первом этапе современного периода, представляют собой яркий образец абстрактности принимаемых решений.

Соображения, толкающие либералов к экономической реформе, достаточно просты и определяются в числе прочего и некоторыми бесспорными истинами. Они заключались прежде всего в констатации полного банкротства советского хозяйственного порядка, основанного, как полагало большинство, на управлении из единого центра. Бесспорной представляется необходимость развития рыночной экономики как единственно способной обеспечить рост и развитие, минимальные потребности общества. Отсюда, казалось бы, простой вывод — необходимость системы мер, направленных на превращение натурального по сути хозяйства в рыночное. Проблема, следовательно, заключалась в том, как это сделать. Игнорирование реформаторами содержания массового сознания, массовых

культурных стереотипов открывает путь для чисто конструктивно-инженерного подхода к реформам, для существования мнения, что реформу можно провести не только в 500 дней, но и в неделю.

Любая программа реформы основывается на определенной хозяйственной концепции. Проект реформы выступает как некоторая определяемая этой концепцией система параметров, на которые, по мнению реформаторов, государство может воздействовать таким образом, чтобы общество было приведено в желательное состояние. Очевидно, что различные концепции приводят к выделению разных показателей. По поводу устройства нашего хозяйства существуют разные точки зрения: «Авторы практически всех без исключения предлагаемых для России программ перехода к рынку исходят из того, что в России в принципе существует экономика в том смысле, какой привыкли вкладывать в это слово на Западе, и проблема, по их мнению, в том, что эта экономика больна. Поэтому фактически целью предлагаемых программ является, как правило, лечение такой больной экономики... В действительности же, по-видимому, правильнее будет говорить о наличии большой „неэкономики"»²². Что же это за «неэкономика»? Выше я пытался обосновать правомерность характеристики хозяйства, сложившегося в России, как монополии на дефицит. Этому подходу противостоит концепция, расценивающая наше хозяйство как экономику в «западном» смысле и лежащая в основе экономической реформы, проводимой на первом этапе третьего периода. С этой точки зрения наше общество по своей сути было и есть рыночное, но в условиях тоталитаризма эта рыночность была искусственно подавлена политическими средствами. Задача реформы, следовательно, — создать все необходимые условия для того, чтобы люди могли вступать друг с другом в разнообразные рыночные отношения. Причем склонность к этим отношениям рассматривается как нечто естественное, как постоянное свойство человека. Для его выявления, пробуждения необходимо устранить административные препоны и создать определенные условия, прежде всего финансовые. Я уже имел возможность анализировать важнейший слабый пункт такого подхода. Массовое стремление людей в России вступать в товарно-денежные отношения является предметом веры, а не знания, и вера эта — результат основного заблуждения русской интеллигенции. Совсем недавно предметом веры были прямо противоположные принципы — безграничный

²² Реформа без шока: Выбор социально приемлемых решений. М.; Сан-Франциско, 1992. С. 31.

подъем в коллективах без эксплуататоров на основе энтузиазма и т. п.

Проблема, однако, гораздо глубже. Исторически сложившаяся слабая приверженность к рынку и товарно-денежным отношениям создала в условиях России *совершенно особый тип хозяйства*, который выше назван мною *господством монополии на дефицит*. Вряд ли можно надеяться, что перевод *теории монополии на дефицит* на язык реформы приведет к тому же самому проекту реформ.

Попытка начать экономическую реформу открывает возможность анализа реакции общества на действия реформаторов, что позволит оценить соответствие массовой реакции той или иной концепции. На этой основе можно дать оценку возможным альтернативам нашего развития. Для решения этой проблемы важно рассмотреть *реакцию общества на «либерализацию цен» в свете обеих концепций*, выявить, какая из них способна реально прогнозировать события, привести хаос фактов в некоторую теоретически осмысленную систему, не противостоящую культурному опыту.

С точки зрения концепции подавленного рынка, положенной в основу проводимой правительством реформы, «либерализация цен» должна привести к массовому банкротству в результате того, что повышение издержек производства делает экономическое воспроизводство нерентабельным, невозможным с экономической точки зрения. С позиций же концепции господства в обществе монополии на дефицит значимость ценового аспекта этого процесса отступает на второй план, тогда как на первый план выходит способность предприятия сохранить свою монополию. Этот процесс непосредственно от цен не зависит, но при ухудшении хозяйственной ситуации может послужить даже фактором укрепления этой монополии, т. е. рост цены на товар несет в себе возможность уменьшения его доступности, усиления его монополизации. Так говорят теории. Положение дел недвусмысленно свидетельствует в пользу второй точки зрения. «Сегодня в России неоплаченные поставки товаров и услуг составляют 800 миллиардов рублей. Ни одного банкротства нет. Парадокс?»²³ Да, парадокс, но лишь с точки зрения первой концепции, согласно которой судьба предприятия зависит от экономической окупаемости производства, способности компенсировать свои издержки, сохранять устойчивость на конкурентном рынке, получать прибыль. С позиций второй концепции жизнеспособность предприятия зависит от его способности сохранять монополию на дефицит.

²³ Шохин А. «Наладить экономику можно лишь жесткими методами...»// Российские вести. 1992. № 2. С. 1.

В соответствии с концепцией подавленного рынка, «либерализация цен» должна привести с определенного момента к снижению цен, так как только в этом случае можно будет в процессе конкуренции обеспечить реализацию, увеличение количества продаж. С позиций концепции господства монополии на дефицит, носители этой монополии должны на любое потрясение отвечать стремлением усилить свою монополию, что требует, в частности, дальнейшего накопления натурального дефицита при сравнительной малозначимости самой проблемы цен. Печать сообщает, что предприятия еще в январе-феврале 1992 года, т. е. в самом начале реформы, ответили на новую акцию власти тем, что «бросились накапливать ресурсы, не доверяя „живому рублю"»²⁴. Именно скупкой материальных ресурсов предприятия ответили на реформу. Более того, вся система платежей в результате попыток рыночной реформы оказалась разрушенной, начался кризис неплатежей, т. е. полное нежелание платить поставщикам за продукцию. Предприятия не вступили на зыбкий и неясный для них путь рыночных отношений и сконцентрировали все ресурсы на собирании любого дефицита.

Согласно первой концепции, снятие преграды для торговли, упорядочение финансов открывает путь рынку, т. е. все начнут покупать и продавать и даже производить для того, чтобы продать. Вторая концепция предполагает, что резкое изменение хозяйственных связей (например, в результате краха, полного или частичного, сложившихся форм и связей системы монополии на дефицит) будет побуждать держателей дефицита не столько стремиться к рынку, сколько искать прикрытие, «крышу», некоторую могущественную монополию, некоторого мощного держателя дефицита, который обеспечивал бы стабильный обмен дефицитом, осуществлял защиту в социальной среде. Цитированное выше высказывание А. Шохина ясно показывает, что именно эта тенденция у нас является определяющей. Коренное различие между первой и второй концепциями заключается в том, что первая ожидает от масс стремления к свободному рынку, тогда как вторая — роста монополии из каждой клеточки общества как адекватной формы поведения в социальной среде, где существует раскол между потребностями в росте потребления и потребностями в соответствующих формах труда, воспроизводства.

Особенно ярко стремление к монополии выявилось при самых первых тенденциях отмены госзаказа. «Даже если министерства уменьшали свои госзаказы, нередко предприятия сами

²⁴ Кононенко В. Трехсторонняя комиссия склоняется к идее подчинить Центральный банк правительству// Известия. 1992. 3 июня.

старались увеличить их долю до 100%. При госзаказах предприятие избавлено от хлопот по поискам потребителя его продукции и уверено в том, что государство обеспечит ему поставщиков сырья. Без госзаказа завод сам должен брать на себя риск искать заказчика и договариваться с поставщиками... Большинство руководителей отказалось рисковать»²⁵. Социальное поведение руководителей предприятий показало, таким образом, что они отнюдь не мечтали о том, как бы им освободиться от стоящих над ними держателей монополии на дефицит.

ГЛАВНАЯ ПРЕГРАДА — МОНОПОЛИЯ НА ДЕФИЦИТ

Опасность укрепления монополии на дефицит на еще не появившемся рынке достаточно очевидна. Об этом говорит весь опыт истории России, где, например, купечество всегда добивалось у власти разрешения на торговлю и производство, стремясь одновременно к монополии в своей области, и находило достаточную поддержку. Монополии готовы охватить все новые сферы. Существует, например, угроза монополизации экспортных ресурсов России, сосредоточения основной части дохода от экспорта в руках наиболее развитых структур в результате либерализации внешнеэкономической деятельности²⁶.

Если рыночная концепция рассматривает всю современную хозяйственную деятельность как борьбу рыночных и антирыночных сил (к последним относят главным образом недобитую номенклатуру, мафию и т. п.), то концепция господства монополии на дефицит, не отрицая элементов подобной борьбы, в целом исходит из того, что *главный конфликт, основу интерпретации современной хозяйственной (и не только хозяйственной) ситуации следует искать в борьбе разных форм и уровней монополий на дефицит*. Сегодня налицо сдвиг не от монополии к рынку, а от центральной власти как главного и единственного держателя дефицита к держателям дефицита средних и нижних уровней. Распад СССР привел к переходу этих монополий на уровень республик, а точнее говоря, наоборот, переход монополии на уровень республик привел к распаду СССР. Неуклонно возрастает значимость держателей дефицита среднего уровня: ведомств, регионов, разного рода объединений, а также смещение держателей дефицита на низшие уровни (предприятия, колхозы, мелкие группы посредни-

²⁵ Славинский А. Ельцин указал открыть российскую экономику и закрыть валютную торговлю// Коммерсантъ. 1991. 11—18 нояб.

²⁶ Грешнова И. Советский демпинг на рынке вооружений// Там же. С. 21.

ков и т. д.). Борьба держателей монополии на дефицит является центром социальной жизни и подчиняется определенным законам, циклам, по своему значению далеко выходящим за рамки чисто хозяйственных проблем. Первая концепция даже близко не подходит к объяснению этой борьбы, не только ее общесоциального, но и чисто хозяйственного смысла. Только концепция господства монополии на дефицит в состоянии объяснить мощную натурализацию, архаизацию хозяйства, которую стали стыдливо называть бартером. Это одна из наших традиций называть архаичные феномены новыми для нас иностранными словами. Именно натурализация отношений, выступающая как форма активизации борьбы за укрепление монополии на дефицит, смещение главных держателей дефицита от когда-то всемогущего государства вниз объясняет стремление производителя, например, колхозов, не захватывать рынок, а накапливать у себя готовую продукцию, одновременно сокращая объем производства и упрощая ассортимент выпускаемых товаров.

Экономистами и публицистами все процессы описываются в неадекватных реалиям рыночных категориях, что порождает совершенно искаженную, иллюзорную картину состояния хозяйства. Это относится и к самим проектам реформ.

КАК БЫТЬ С РЫНКОМ?

Видимо, самый болезненный факт, не находящий объяснения при первом подходе, заключается в том, что в результате попыток освободить цены не складывается равновесие между спросом и предложением. Этого не произошло при нэпе, когда идея смычки города и деревни, т. е. экономической связи между сельским хозяйством и промышленностью на основе взаимоприемлемых цен, так и не нашла своего воплощения. Это оказалось невозможным и сегодня при «либерализации цен», когда никак не удается отказаться от бюджетных (т. е. государственных) дотаций.

Опыт нэпа как рыночной формы хозяйства у нас сильно идеализирован. Исследования показывают, что легальный внутренний рынок 1921-1923 годов состоял из обособленных, самостоятельных частей, вследствие чего спрос и предложение на нем были разобщены, т. е. «не было понятия рыночных цен» (А. М. Лежава). Отсутствие единого рынка, неустойчивая конъюнктура и малая емкость обособленных частей хозяйства затрудняли создание достаточных стимулов к развитию производства и повышению его товарности. Слабый товарооборот не мог способствовать снижению товарного голода и выравнива-

нию динамики цен, т. е. формированию устойчивых рыночных цен²⁷. Хозяйственная ситуация свидетельствовала о том, что отсутствие условий для развития рынка не могло быть результатом определенных политических событий недавнего прошлого, но имело глубокие корни, устранение причин этой ситуации выходило за рамки возможностей быстро исправить положение политическими и административными средствами. Исторически не сложился на рыночной основе баланс между топливно-энергетической промышленностью и остальными отраслями, между сельским хозяйством и промышленностью. Промышленность возникла и развивалась на дорыночной крепостнической основе, как зависимая от государства, задолго до введения «директивного планирования». Сельское хозяйство покупало технику и удобрения по заниженным ценам и получало дотацию на продаваемую продукцию. *В этой ситуации теоретически немыслима цена равновесия. Любая мыслимая цена либо не устраивает производителя, так как не позволяет покрыть издержки производства, либо не устраивает потребителя, как несоразмерная с его доходами.*

Нынешняя ситуация сходна со временем нэпа. Например, в Тюмени на складах скопилось огромное количество мясopодуkтов с очень высокими ценами. Это при том, что объем производства уже был уменьшен в два раза. Попытались снизить цены на 15%. Могут снизить еще на 15%, но это тоже не даст результата. Больше уже снижать невозможно, иначе производство станет убыточным. Другой не менее яркий пример. Потребление молока за год снизилось в Туле с 500 до 180 грамм на человека. Причина в том, что «потребитель не может покупать, а производитель — производить». Проблема в том, что, с одной стороны, нынешние цены на молоко — 6-9 руб., сметану — 40 руб., масло — 220 руб. — «неприемлемы для рабочих». Но, с другой стороны, закупочные цены 6,5 руб., а также еще дотация 2,3 руб. за литр молока убыточны. Общий рост цен на энергоносители, технику, стройматериалы, комбикорма сводят на нет и повышение закупочных цен, и дотацию. Все это приводит к снижению производства на молокозаводах. Цены, очевидно, по крайней мере в этом регионе, достигли критической величины, когда «спрос на молоко падает с каждым витком цен». Это приводит к снижению качества продукции, к стремлению молокозавода работать на склады, которые забиваются маслом и сухим молоком, к снижению потребления сметаны и сливок в 6 раз, мясopодуkтов — на 11%, сахара — на 14%, фруктов — на 25%. Стали больше есть лишь

²⁷ См.: Крюкова С. Опыт становления рынка в период нэпа// Вопросы экономики. 1991. № 2. С. 145-146.

хлеба и картошки. В результате — не только простаивание мощностей перерабатывающей промышленности, но и «катастрофическое сокращение поголовья скота и птицы в колхозах и совхозах»²⁸. Возникает и нехватка продукции, и ее затоваривание. Например, из выработанных в январе — мае 1992 года товаров народного потребления на 1 241 млрд. руб. товары на 215 млрд. остались в запасах розничной сети из-за неприемлемых для покупателей цен, что составляло 18,5%²⁹. Практически это означает, что общество не в состоянии установить взаимоприемлемые цены, т. е. установить хозяйственные связи, отношения производителя и потребителя на экономической основе, потому что в условиях господства монополии на дефицит отсутствует механизм перелива капитала в более прибыльные сферы. *Экономически нерентабельные предприятия не могут быть ликвидированы не только по социальным причинам, но и потому, что в условиях монополии на дефицит они по-прежнему могут выпускать жизненно важную для общества дефицитную продукцию.*

Обнажаются все несообразности в сфере издержек производства, которые раньше прикрывались различными типами принудительной государственной перекачки ресурсов. Способ проведения реформы грозит не только социальными потрясениями, затрагивающими каждую клеточку общества, но и полной неспособностью упорядочить этот хозяйственный хаос при расчете на стихийные силы. Налицо катастрофическая реальная нерентабельность производства. «Добавленная стоимость (чистая продукция) в большинстве отраслей советской промышленности и сельского хозяйства является отрицательной»³⁰. В этой ситуации трудно себе представить систему устойчивых сбалансированных цен, зато вероятно постоянная гонка цен и доходов, где любое изменение дезорганизует отношение между разными отраслями и группами населения. На пути рыночных отношений стоит также невероятно низкий удельный вес потребления в национальном доходе, что делает потребителя с его доходом величиной весьма незначительной, даже в некотором смысле аномальной в системе хозяйственных отношений.

Анализ показывает, что вместо возникновения в результате «либерализации цен» всеобщей связи *на первый план выходят естественные природные различия в непосредственной фор-*

²⁸ Пушкарь А. Пить молоко стало слишком дорого, производить — невыгодно// Известия. 1992. 17 июня. С. 2.

²⁹ Рытое Ю. «Экватор» года позади. Однако до «экватора» реформ еще очень далеко// Российские вести. 1992. 4 июля.

³⁰ Реформа без шока: Выбор социально приемлемых решений. С. 55.

ме, обнажаются дорыночные формы хозяйства, которые можно с определенной долей условности рассматривать как «естественные». Тем самым *создается новый импульс для локализма, распада*. «Либерализация цен» ставит в неоправданно выгодное положение регионы, обладающие запасами дефицитных природных ресурсов. В результате «экономика России неизбежно окажется разорванной на части». Возрастает значимость такого критерия, как время отдачи вложений. В связи с этим в худшее положение попадают «строительство, энергетика, металлургический комплекс, транспорт, фундаментальная наука, а также отрасли, где влияние удорожания сырья на затраты производства особенно велико»³¹. Теряется интерес к техническому прогрессу. Иначе говоря, реформа, как она выступала до сих пор, не только не переструктурирует хозяйство на рыночной основе, но подчиняет хозяйственные отношения структуре сложившегося дефицита, который определяется и чисто естественным фактором, и стремлением реализовать монополию наиболее простым и быстрым образом. Это ведет к упрощению, к попыткам использовать конъюнктуру без учета перспектив. Следовательно, изменения идут не в направлении экономически оправданных структурных сдвигов, но в противоположную сторону.

ЭЛИТАРНЫЙ РЫНОК

Повышение цен долгое время поразительным образом не влияло на спрос, что не находит своего объяснения в концепции подавленного рынка. «Все проводившиеся реформы оптовых цен в нашей стране мало влияли на экономические процессы и не оправдали ожидания их создателей, ибо они устанавливали некоторое подобие равновесия спроса и предложения весьма приблизительно и на короткий срок»³². Поэтому можно не удивляться тому, что после отпуска цен ни на один товар не установилась цена спроса-предложения³³. Академик С. Шаталин как-то не то в шутку, не то всерьез сказал, что цены будут зависеть от спроса, лишь если их увеличить в 1 000 раз, подчеркнув тем самым удивительную независимость спроса от цен. С позиций концепции монополии на дефицит это явление находит свое адекватное объяснение, поскольку

³¹ См.: Шпрыгин В. «Прыжок» в рынок// Российские вести. 1992. 11 мая.

³² Логинов В. Особенности перехода к рынку в СССР// Вопросы экономики. 1991. № 5. С. 14.

³³ См.: Демченко И. Наша промышленность благополучно движется к натуральному обмену// Известия. 1992. 6 янв.

изменение цены — второстепенный фактор хозяйственной жизни.

«Либерализация цен» приводит к их фантастическому взлету и тогда, когда спрос начинает уменьшаться. С определенного уровня подъема цен потребитель уже не может взять барьер и оттесняется из сферы потребления. Зажатые элементы рынка, которые всегда существуют даже в условиях господства монополии на дефицит, циклически могут то расширяться, то резко сужаться, оказываясь под угрозой полной ликвидации. «Либерализация цен» в такой ситуации может оказать на эти элементы рынка противоречивое воздействие. Она действительно активизирует рынок. Но этот рынок имеет свои особенности. Он душит потребителя, разрушая сложившийся порядок, обеспечивавший раньше каждому свою пайку. *Развитие рынка, когда огромная масса потребителей оказывается за бортом потребления или вынуждена кардинально его сократить, приобретает форму элитарного рынка, где акты купли на многие жизненно важные товары может совершать лишь существенно ограниченная часть потребителей.* А. Нечаев по этому поводу очень дипломатично выразился, сказав, что либерализация цен привела к улучшению положения на потребительском рынке, но «это связано с искусственным отсечением части потребителей»³⁴. Но ведь эта «часть потребителей» составляет миллионы людей.

Цены, которые складываются на элитарном рынке в коммерческой торговле, «нельзя считать ценами свободного рынка. Они приемлемы для очень узкого круга потребителей, а по некоторым категориям только для одного процента покупателей, среди которых и иностранцы», — пишет глава представительства Комиссии европейских сообществ в Москве Майкл Эмерсон³⁵. Резкая дифференциация доходов, связанная, в частности, с тем, что некоторые группы работников в результате забастовок выбивают себе по современным масштабам чудовищно большую зарплату, означает, что в ответ на это немедленно формируется элитарный рынок, который и близко не допускает к себе остальных потребителей. Например, резкое увеличение заработной платы горняков Донбасса до 10-12 и даже 30 тыс. руб. в месяц при средней зарплате в Донбассе менее 1,7 тыс. руб. вызвало резкое подорожание товаров и оттеснило от потребления тех, кто не входит в эту элитарную

³⁴ **См.:** Нарзикулов Р. Можно сменить правительство, но нельзя сменить проблемы: Министр экономики России Андрей Нечаев полон оптимизма// Независимая газета. 1992. 9 апр. С. 4.

³⁵ **См.:** Сычев А. Нынешний обменный курс рубля// Известия. 1992. 25 апр. С. 5.

группу³⁶. В условиях господства монополии на дефицит при слабом государстве определенные социальные группы получают возможность бесконтрольно увеличивать свой групповой и личный доход, стимулируя тем самым элитарный рынок. Например, средняя зарплата в Башкирии составляет 2 200 руб. в месяц, тогда как директора концернов, комбинатов и т. п. устанавливают сами себе оклады более чем в 120 тыс. руб.³⁷

Элитарный рынок возникает и в аграрных обществах как некоторая «точка роста», которая затем может стимулировать распространение рынка на все общество. Необычно другое. Все, кто раньше не удостоивался чести пользоваться элитарным рынком, не очень страдали от этого, так как жили своим натуральным хозяйством. Так, собственно, было и в России. Положение изменилось тогда, когда миллионы людей оказались оторванными от натурального хозяйства и стали зависеть от государственной пайки, которая теперь должна доставляться им не через государственное распределение, а посредством рыночного механизма. Для этого необходимо массовое производство, зависящее от рынка. Но это, в свою очередь, возможно лишь в результате медленной перестройки производства через его втягивание в рынок при одновременном сбланировании этого процесса, при его обеспечении отрывом широких масс людей от натурального хозяйства. В расколотом обществе мы сначала произвели этот отрыв от естественной базы потребления, а теперь, вися в воздухе, пытаемся восстановить то ли хозяйства первобытных земледельцев, то ли самые передовые в мире очаги производства.

Выявилась явная закономерность нашего элитарного рынка: цены на нем двигаются за элитарной группой, за группой, которая повысила свой доход, оттесняя всех иных, что влечет за собой, несомненно, важные социальные последствия. Экономическая теория для российского хозяйства, если бы кто-нибудь пытался ее создать, без сомнения, должна была бы обратить внимание на то, что потенциальный и вроде бы безграничный рост цен в условиях господства монополии на дефицит при отсутствии государственного, общественного механизма их контроля все-таки имеет верхнюю границу. Эта теория должна учитывать такой мощный для страны фактор, как постоянное стремление власти, различных организаций поддерживать прежде всего массовыми выплатами ту часть населения, которая вытесняется с рынка. Фактически речь идет о конфликте двух противоположных дезорганизующих друг друга процес-

³⁶ Лисовский. Н. Противников рынка в Донбассе стало больше// Известия. 1992. 4 апр.

³⁷ Растет жизненный уровень директоров// Там же. 6 июня.

сов: монополизации дефицита и приспособления к нему элитарного рынка, с одной стороны, и борьбы общества за расширение участия в потреблении дефицита, за расширение участия в элитарном рынке, поскольку таковой существует, с другой стороны. Эта форма раскола придает обществу неустойчивый характер, повышает возможность резких разрушительных инверсионных поворотов.

АНТИРЫНОЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Важнейшее различие между двумя концепциями и, следовательно, между возможными программами реформ приводит к принципиальным различиям в направленности поисков путей наращивания ресурсов. Рыночная концепция исходит из того, что развитие конкуренции приводит к росту ресурсов за счет повышения предпринимательской активности, за счет необходимости победы в конкурентной борьбе. Процесс этот может быть медленным, т. е. сама скорость должна быть оценена и учтена реформаторами. Сама по себе система монополии на дефицит не содержит в себе потенциальных возможностей существенного повышения эффективности производства, роста общественного богатства путем интенсификации. Более того, переход монополии на дефицит сверху вниз приводит к снижению производства, к уменьшению богатства. Это объясняется двумя разнородными причинами. Во-первых, усиление монополии на дефицит возможно при уменьшении количества и разнообразия дефицита, находящегося в руках того или иного сообщества. Во-вторых, переход господствующих форм монополии на дефицит сверху вниз позволяет уменьшить производство, так как фактически частично или полностью освобождает сообщества от необходимости воспроизводить общество в целом, государство. Реформаторы, которые ощущали эту особенность исторически сложившегося порядка, пытались разрешить проблемы за счет притока ресурсов извне или за счет беспощадного выжимания ресурсов из того или иного внутреннего источника. Это могло делаться за счет чрезмерного экспорта, что позволяло, например, увеличить ввоз техники, как это имело место, например, с начала застойного этапа или еще до 1917 года, когда две трети технологического оборудования ввозилось из-за рубежа. Разумеется, при недостаточном внутреннем творческом потенциале эти методы также не дают эффекта. Подобные попытки сделать ставку на завод оборудования периодически имели место, в том числе и в начале перестройки.

Противостояние двух описанных выше подходов может, конечно, рассматриваться на чисто экономической основе (например, в процессе анализа самой экономической возможности существования рынка при несколько странной ситуации с производством чистого продукта и не менее странной для рынка патологической структуре национального дохода). Однако главный спор лежит *в сфере мотивов массового поведения*. Коренное различие между двумя подходами заключается именно в понимании мотивов, лежащих в основе реального поведения людей. Общеизвестно, что ученый-экономист «просто воспроизводит рациональные представления предпринимателей, участвующих в бизнесе с целью максимизации своих прибылей, и описывает реакции потребителей...»³⁸. Эта предпосылка не доказывается в теории, а является ее исходным пунктом. Подобный подход естествен для стран либеральной цивилизации, но представляется совершенно необоснованным для *страны, где из каждой клеточки растет стремление к монополизму*. Кроме того, вряд ли обоснованно сводить жизненно важные реформы к экономическому аспекту.

Неадекватность теоретических предпосылок принятого в стране типа реформы реальному функционированию общества грозит серьезными последствиями. Попытки убедить общество, что этот вариант реформы не имеет альтернативы, нельзя принимать всерьез. Это — дань инверсионной логике. Проблема лишь в том, какая из мыслимых альтернатив имеет шансы на успех. Явная нефункциональность попыток перевода сразу всего архаичного хозяйства на рельсы рыночных отношений неизбежно становится фактором в борьбе различных держателей монополий.

В борьбу за свой проект реформы уже вполне очевидно вступают различные группы монополий, в первую очередь наиболее мощные из них. Это промышленные монополии, в которых заняты громадные массы людей, стремящихся к стабильности. Эти люди в ситуации катастрофического ослабления государства как источника дотаций, как гаранта и покупателя значительной части продукции не уверены в способности сохранить промышленное производство, гигантскую индустрию, все достигнутое в процессе индустриализации. Они страшатся того, что в результате краха хозяйственного порядка значительная часть производимой ими продукции потеряет свой дефицитный характер. В этих кругах возник проект реформы, защищающий систему монополии на дефицит. Его цель — прежде всего сохранить сильные позиции государства

³⁸ Леонтьев В. Экономические эссе. М., 1990. С. 101.

в экономике, государственную собственность на крупные предприятия и государственные дотации им. По этому проекту предполагается остановить рост цен на горючее и смазочные материалы (т. е. в тех сферах производства, которые в результате искусственно заниженных цен осуществляют скрытую дотацию промышленного производства) и провести приватизацию, в результате которой государству будет принадлежать 100% акций. Продажа акций может быть произведена лишь тогда, когда предприятие станет рентабельным³⁹, чего нет оснований ожидать.

Печать справедливо отметила, что такие прожекты весьма сходны «с моделями восточно-азиатских стран», проникнуты ностальгией по более авторитарному и закрытому режиму в экономическом, а следовательно, и политическом плане⁴⁰. Другой отклик в газете: «Экономика „отрицательной производительности“, поглощающая больше, чем производит, не захотела мириться с рынком. Смею заметить, что этот „накопленный потенциал“ вообще не производство — это откровенно паразитическое потребление невозполнимых материальных и человеческих ресурсов»⁴¹.

Эта программа практически не в состоянии решить хозяйственные проблемы, прежде всего ослабить удручающее влияние на общество беспредела в росте издержек производства; она обострит борьбу с аграрными монополиями за перераспределение ресурсов как раз в то время, когда они начали новый раунд борьбы за перекачку инвестиций в свою пользу. Налицо очередной акт хромящих решений реформаторов, когда задача финансовой стабилизации, сбалансированности бюджета как предпосылки рынка уплывает вдаль.

Все проекты промышленных монополистов могут оказаться в какой-то момент отодвинуты под давлением лобби аграрных монополий, которые меньше представлены в политической жизни, но обладают главным дефицитом. Их постоянные требования о повышении закупочных цен суть не что иное, как инверсионная попытка локальных сельских миров, освободившихся от политического давления, взять реванш за систему насильственного перераспределения ресурсов в пользу государства.

То, что получается вместо рынка, есть лишь открытый полигон, ристалище для смертельной схватки монополий разного

³⁹ Лукьянченко П. Пора делить деньги. «Я — за команду»// Аргументы и факты. 1992. № 21. С. 5.

⁴⁰ Вишневский Н. Обновляемся?// Российский вестник. 1992. 9 июня.

⁴¹ Леонтьев М. Стабилизация производства на трупe финансовой системы: Альтернативная программа «Гражданского союза»// Известия. 1992. 23 июля.

типа в условиях превышения потребностей в ресурсах над способностью их воспроизводить.

* * *

Спор между двумя подходами, вообще говоря, сам по себе при его анализе не только показывает тупиковость определенных путей выхода из кризисной ситуации, но и позволяет нащупать возможные направления реформ. Если инверсионный поворот к рынку столь же бесперспективен, сколь и попытка существенно увеличить ресурсы общества, опираясь на систему монополии на дефицит, то, следовательно, выход следует искать не на путях инверсионной конфронтации между ними, но на путях перехода. Его следует искать в переходе, возможно, длительном, от патологической системы монополии на дефицит к возрастанию низовой экономической инициативы, на путях поиска переходных форм от монополии на дефицит к рынку.

При этом, однако, должен быть ряд факторов, существование которых очевидно, но узость эмпирической базы не позволяет качественно взвесить их значимость. Это прежде всего логически очевидное столкновение стремлений монополий на дефицит усиливать свою монополию через повышение цен с неизбежной ограниченностью платежеспособного спроса. Этот конфликт углубляется традицией безразличия к издержкам. Если общество не впадет катастрофическим образом в полную архаизацию с принудительным распределением натуральных ресурсов, то возможно, что эта проблема будет выходить на передний план. Во-вторых, возможно вращение части хозяйства в мировой рынок. Хотя это может происходить при неблагоприятных условиях и ограниченными видами производств, сырьем и, возможно, оружием, тем не менее это может позволить нейтрализовать некоторые катастрофические хозяйственные диспропорции, прежде всего нехватку продовольствия, ширпотреба. Это позволит выиграть время и изменить структуру монополий. И в-третьих (возможно, это главный фактор), неясен хозяйственный и политический потенциал предпринимательства в стране, его способность переломить ситуацию.

ГЛАВА II

КАКОЕ БУДУЩЕЕ МЫ СОЗДАЕМ?

МУКИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Любой прогноз неизбежно умирает, наступаемый и поглощаемый историческим процессом. Поэтому существует постоянная гонка между прогнозом и историей. История постоянно захлестывает прогнозы, то воплощая их в действительность, то критикуя, то отбрасывая как вздор, как плод случайного мнения, как игру воображения. Человек постоянно зондирует свое будущее, опираясь на накопленное богатство культуры, на свои способности критически преодолевать свою ограниченность. Одновременно *история, поглощая этот прогноз, сама выступает как критика прогноза*, создавая тем самым предпосылки для повышения уровня, эффективности прогнозирования, для создания некоторого веера альтернатив, которые отличаются разной вероятностью своего воплощения, разными последствиями. Поэтому прогноз постоянно исчезает и вновь возникает на новой осяове.

Предлагаемый ниже прогноз — это определенный этап работы над книгой, один из следующих друг за другом вариантов. Работу над первым вариантом прогноза я закончил в 1979 — январе 1980 года. Работа над вторым вариантом была прекращена летом 1982 года. К сожалению, в моем распоряжении нет этого незаконченного неопубликованного текста. Оба они составлялись еще в рамках шестого этапа прошлого периода. В 1991 году был составлен третий прогноз, который стал первым из опубликованных — в первом издании этой книги. Следовательно, есть возможность при последующей работе сопоставлять ранее составленные прогнозы с дальнейшим ходом исторического процесса, оценивать эффективность предлагаемой методологии и совершенствовать ее для последующих вариантов. Ниже воспроизводятся фрагменты прогноза 1979 года.

Прогноз социокультурной динамики России должен опираться на все богатство знаний о глобальных периодах, о зако-

номерностях развертывания модифицированных инверсионных циклов. Этот пласт знаний — предпосылка для формирования «уверенности в том, что второй глобальный период и впредь будет развиваться на основе четко выявившейся исторической инерции. На этой основе можно предположить, что кризис современной шестой версии псевдосинкретизма потребует реформ, как это имело место в результате банкротства умеренного позднего авторитаризма прошлого глобального периода. Вступление на путь реформ означает поворот к новой — седьмой версии псевдосинкретизма.

Далее, опыт истории прошлого глобального периода под-сказывает, что реформы могут развязать инициативу низов, вдохнуть жизнь в коченеющее тело медиатора, но, вместе с тем высвободить силы, ориентированные на локальные ценности, угрожающие существованию государственности.

Отсюда опасность краха седьмой версии псевдосинкретизма, что, если судить по прошлому, может означать конец второго глобального периода, а возможно, и крах государственности, четвертую в истории России национальную катастрофу. Подобный прогноз подводит к выводу, что общество и государство, возникшее на основе попытки разрешить противоречия промежуточной цивилизации, возможно, потеряют крах. Противоестественный союз синкретизма и организационных, технических, культурных элементов либеральной цивилизации не сможет преодолеть внутренних противоречий, решить медиационную задачу во все более трудных условиях, предотвратить смыкание порогов. Пружина русской истории, сжатая национальной катастрофой 1917 года, полностью освободится, исчерпав заложенную в ней программу исторического процесса. Если это произойдет, то это поставит страну перед альтернативой — либо снова сжать пружину в единую плоскость и вновь начать дважды пройденный путь сначала, либо искать новые пути...»¹

Основная мысль этого прогноза, составленного в 1979 году, полностью оправдалась. Шестой этап, т. е. поздний авторитаризм, сменился седьмым, получившим название «перестройка», где господствующим идеалом стал соборно-либеральный. Вместе с ним окончился второй глобальный период, произошло катастрофическое разрушение государственности, развал всей нравственной, политической, хозяйственной системы. С карты мира исчез СССР. Прогноз 1979 года исходил из факта мощ-

¹ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 2. С. 300-301.

ного движения к торжеству вечевого (соборного) идеала, к локализму как инверсионной реакции на господство умеренного авторитаризма, как завершающему акту инверсионной реакции на крах крайнего авторитаризма (тоталитаризма). В издании 1991 года приведены обширные выдержки из этого прогноза, в котором излагаются его основания, сложившиеся на шестом этапе². Прогноз 1979 года исходил из того, что на протяжении второго (советского) периода ценой гигантских жертв обществу удавалось избегать катастрофы при переходе к каждому новому этапу. В конце второго периода решение этой проблемы стало сложнее на порядок, так как речь шла о конце не только этапа, но и периода модифицированного инверсионного цикла. Здесь прогнозировалась возможность очередной катастрофы, а также неизбежность начала реформы.

Таков первый пласт прогноза 1979 года. Он предполагал повторение модифицированных инверсионных циклов, уже имевших место в истории. В нем пока еще не взвешены большие альтернативы, выводящие общество за рамки исторической инерции, за рамки апробированного опыта, за рамки модифицированного инверсионного цикла.

В принципе прогнозы могут быть рассчитаны на различные сроки.

Это, во-первых, прогноз в рамках этапа, который рассматривается как *краткосрочный*; во-вторых, *среднесрочный прогноз*, который охватывает полупериод или период; и, наконец, в-третьих, *долгосрочный прогноз* может выходить за рамки глобального периода. Эта классификация прогнозов основана на определенном представлении о сложившейся инерции исторического процесса России, на его внутренней расчлененности, на определенной уверенности в том, что эта историческая инерция обладает достаточным потенциалом для того, чтобы вновь и вновь себя воспроизводить. Однако суть прогноза, тем не менее, именно в том, чтобы непрерывно нащупывать возможность, вероятность альтернатив. Речь идет о повторении старых альтернатив, качественных поворотов, которые уже имели место как на уровне этапов, так и периодов. Однако главное в прогнозе — это попытка нащупать большие альтернативы, выходящие за рамки исторической инерции, это прогноз возможностей общества сдвинуть гигантский маховик исторической инерции, сместить циклы исторического процесса, отодвинуть их на задний план, выдвинуть на первый план некоторый конструктивный творческий процесс созидания. Тем самым прогноз перерастает в анализ возможности изменений,

² Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 301-303.

в проект реформ, которые опирались бы на реальную возможность, содержащуюся в массовом воспроизводственном процессе, а не на очередную утопию, которая вновь насильно проталкивает нас по ухабам истории. Именно обоснованная альтернатива в наших условиях — главная задача прогноза.

Прогноз дает предполагаемым реформам ответы на вопрос о вероятности различных вариантов социальных процессов и о возможности внести изменения в реальный социокультурный процесс, повышающие вероятность благоприятных вариантов и снижающие вероятность неблагоприятных вариантов развития. В 1979 году можно было сделать вывод, что содержание альтернатив российского общества *«определяется прежде всего самим промежуточным характером цивилизации. Она предполагает возможность по крайней мере трех вариантов прогноза»*.

Первый основан на предположении, что весь дальнейший обозримый исторический процесс пройдет при господстве модифицированных циклов, что окончание второго глобального периода откроет путь третьему модифицированному глобальному периоду в рамках промежуточной цивилизации. Этот вариант прогноза ставит вопрос о взаимном приспособлении уровня социального разнообразия, например, его насильственного сокращения, и социальных интеграторов, например, возможного их совершенствования по сравнению со вторым глобальным периодом.

Второй вариант предполагает возможность выхода за рамки промежуточной цивилизации, переход к либеральной, преодоление исторической инерции, циклического характера изменений. Этот вариант требует творческого создания социальных интеграторов иного типа, которые не только не боятся разнообразия, но наоборот — основаны на нем, на его росте.

Принципиально возможен и третий вариант — возвращение из промежуточного состояния к древней цивилизации, ликвидация прогресса и максимальное подавление роста, абсолютное господство циклов, периодически избавляющих общество от разнообразия. Этот вариант возможен лишь в том случае, если разнообразие в обществе будет доведено до уровня, характерного для глубокой древности.

Разумеется, каждый вариант может предполагать бесконечное множество подвариантов»³.

События показали, что хотя окончательный выбор между этими тремя вариантами не является одноразовым актом, тем

³ Ахиезер Л. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 304-305.

не менее уже можно сказать, что по своим ценностям общество устремилось по либеральному пути, по пути второго варианта. Тем не менее сохранение раскола — значимый фактор. Он свидетельствует в пользу того, что общество еще не вырвалось из «застрявшего» состояния, осталось в рамках первого варианта.

В прогнозе 1979 года говорилось: *«Советская система возникла как реакция инверсионного типа на старую систему и, следовательно, не могла не быть в каком-то смысле ее прямой противоположностью. Эту противоположность можно видеть прежде всего в существенном различии нравственных оснований, в противоположности дуальной оппозиции: национальное (выступающее в форме православия) — всемирность (выступающая в форме народной Правды как всеобщей и одновременно как воплощение науки). В первом глобальном периоде господствующей оказалась национальная идея, важнейшей формой выражения которой был тезис: „Москва — третий Рим“. В качестве его противников рассматривались нехристи, басурмане, паписты и т. д.»*⁴

Социальная катастрофа, крах государственности сопровождалась отступлением национальной идеи, инверсионным выходом на первый план противоположной идеи, т. е. всемирного братства бедняков («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). В качестве ее противников рассматривались богачи, эксплуататоры, империалисты, т. е. те, кто во имя корыстных целей разрушает всеобщее братство. Православие было оттеснено с господствующих позиций идеалом интернационализма, идеей единого советского народа.

Господство культуры манихейского типа в массовом сознании обоих глобальных периодов периодически порождало крайне острые формы борьбы между господствующим идеалом и идеалом, оттесненным на второй план. Борьба могла приобрести характер массового истребления разоблаченных оборотней зла. Противоположные идеи постоянно переходили друг в друга. Национальная идея превращалась в классовую (например, стремление к национальному возрождению в борьбе с правящим классом, который рассматривался как предающий свой народ); классовая — в национальную (рассмотрение определенных народов как буржуазных, как проводников идей классовых врагов). Тем самым идеологически готовилась очередная инверсия.

В прогнозе 1979 года предполагалось, что идеология, которая может возникнуть в третьем глобальном периоде и претен-

⁴ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 323.

довать на господство, «по-видимому, вновь будет носить гибридный характер, так как раскол, существование враждебных систем ценностей при слабом развитии культуры диалога не оставляет другой возможности. Видимо, вновь идеология будет носить характер некоего „псевдо“, т. е. фиксировать его некоторую претензию на то, чтобы быть тем, чем она является лишь отчасти. Это может быть и псевдопочвенная идеология в связи с ростом русского национального самосознания и одновременной невозможностью государства в России без определенного отхода от почвы, без ее критики во имя государственности. Это может быть в случае сохранения преемственности власти и псевдосинкретическая идеология с претензией на то, что именно теперь воплощена некая Правда Октябрьской революции»⁵.

В обществе, возникшем на основе либерализма, государство не смогло взять на себя выдвижение и официальную защиту некоторой государственной идеологии, рассмотрение ее как единственно возможной. Но нельзя, однако, исключить такого варианта в будущем. В прогнозе 1979 года проблема идеологического синтеза освещалась следующим образом: «Как идеологическая окраска нового синтеза, так и само его содержание во многом зависит от характера перехода от второго глобального периода к последующему. Если не сохранится преемственность власти, если разразится национальная катастрофа с вышедшим на улицу массовым озлоблением, с разрушительным накалом стихии анархии, если наши пока еще находящиеся в тени хомейни всплывут вверх на волне возбужденного синкретизма, то можно ожидать возникновение новой гибридной идеологии, внешне, но не по существу прямо противоположной существующей...»⁶, т. е. господствующей идеологии второго периода. В этом отрывке предполагалось, что новая идеология должна быть инверсионной противоположностью идеологии второго периода. Можно констатировать высокую вероятность инверсионного поворота от интернациональной официальной идеологии к национальной, определенного инверсионного рывка к исходной точке, т. е. к идеологии, близкой к идеологии первого глобального периода. Речь, разумеется, идет не о буквальном повторении, но лишь о тенденции. Она давно готовится в многочисленных изданиях, пытающихся свести счеты с периодом господства интернационализма. Для этого направления, однако, характерен не только национализм вплоть до его крайних форм, но прежде всего стремление создать идеологию на основе возврата к

⁵ Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 324.

⁶ Там же. С. 325.

архаичным ценностям. Производя рецепцию древнейших племенных языческих форм культуры, идеологи этого типа заняты не только естественной для каждого народа работой над осмыслением развития ценностей собственной культуры, но и попыткой положить их в основу жизни современного общества. На основе возврата к архаичным этапам развития культуры формируется идеология, которая при всех индивидуальных различиях пытается подчас вернуть общество из промежуточной цивилизации на путь традиционализма.

Это идеологическое направление защищает свою позицию ссылкой на необходимость развивать национальную культуру, национальную самобытность. При этом игнорируется, что эта бесспорная необходимость, этот важный аспект роста национального самосознания может развиваться бесконечным количеством путей. Из них подчас выбирается один — тот, который противостоит плюрализму, диалогу, специфике современного мира и независимо от субъективных намерений идеологов толкает к насильственному подавлению плюрализма и диалога.

Тем не менее в прогнозе 1979 года в условиях дефицита информации трудно было учесть значительное снижение массового эмоционального накала, ярости к врагам, ведущей к взаимоистреблению.

ПРОГНОЗ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

В основе прогнозирования дальнейшей динамики России должен лежать прогноз развертывания модифицированного инверсионного цикла, возможность качественных сдвигов в этом цикле, его дальнейшей модификации. Еще более конкретный подход требует анализа возможности сдвигов России как страны промежуточной, «застывшей» между двумя основными цивилизациями, прогноза возможности изменения этого состояния, смещения в ту или иную сторону. Для решения этой сложной проблемы необходим анализ факторов, которые по своим масштабам и значимости могли бы расцениваться как реально и потенциально способные изменить положение страны между двумя цивилизациями. Эти факторы могут быть по своей природе разнородными. Они могут быть рассмотрены с нравственной точки зрения, т. е. как изменения социокультурной значимости в обществе массовых идеалов, несущих в себе определенную программу единства воспроизводства общества. Эти силы могут быть рассмотрены как политические, способные доминировать в правящей элите и стать основой для

объединения общества на основе ее программы. И, наконец, эти силы могут быть рассмотрены с точки зрения реально сложившихся или складывающихся социальных и хозяйственных структур, представляющих собой некоторую опору для позитивных изменений. Возможны и иные факторы.

Самым динамичным нравственным идеалом, который должен быть учтен в процессе прогнозирования, является утилитаризм. Его значение видно хотя бы из того факта, что советская система могла возникнуть лишь на основе имевшего место значительного роста утилитаризма. Он проявляется как процесс разложения традиционного сообщества, его расщепления в процессе деятельности противостоящих друг другу людей, преследующих свои индивидуальные утилитарные цели, и одновременно как попытка самих сообществ подчиняться утилитарным целям. Очевидно, что эти две тенденции противоречат одна другой и могут даже принять характер разрушительного раскола.

Органический путь от традиционной к либеральной цивилизации лежит именно через развитой утилитаризм. Утилитаризм имеет длинную и сложную историю. Вначале он был замкнут на узко понятую пользу, на ее наращивание, на ожидание благ от внешних сил: идола, барина, власти. Затем он перерос в развитую форму, где блага расцениваются как результат собственного творчества, инициативы и личных усилий. Этот рост развитой формы сам проходит ряд этапов: от стремления увеличить поток благ, развивая инициативу в древних сообществах, до создания сообществ, подчиненных задаче получения возрастающей массы натуральных благ и денег. Такой процесс выражается прежде всего в увеличении численности людей, отказывающихся от принятия решений лишь на основе обычая, от веры во внешние силы и склонных искать новые организационные формы деятельности; тех, кто в большом обществе гибко и оперативно восполняет беспомощность государства в разных сферах. Для них проясняется связь оплаты с количеством и качеством затраченного труда, характерен постоянный поиск новых точек приложения усилий, они выступают как активная динамичная сила.

Ориентация реформаторов на умеренный утилитаризм неизбежна и необходима. Однако этот путь имеет тот недостаток, что он органически неспособен быть основой превращения рынка в господствующий фактор, в устойчивую форму хозяйственной жизни, он не может преодолеть господство монополии на дефицит. Хотя умеренный утилитаризм стимулирует приобретательство, но он не готов еще к преодолению статичных потребностей традиционализма. Напротив, ориентация на

развитой утилитаризм может стимулировать прогресс рыночных отношений, но одновременно она может способствовать развитию изощренных форм коррупции. Не следует забывать также, что развитой утилитаризм имеет сегодня слабую массовую базу, и ориентация на него некоторого меньшинства, даже если это меньшинство — высшая власть, может создать кризисную ситуацию в обществе в целом, конфликт с массовым ограниченным утилитаризмом. В принципе бесконфликтный рост развитого утилитаризма является главным фактором, определяющим возможность качественно новых альтернатив, преодоления исторической инерции. Он — стимул организационных сдвигов.

Прогнозирование развития утилитаризма — сложная задача. Неясно, какова определяющая закономерность его роста. Можно выдвинуть гипотезу, что утилитаризм растет по некоторой кривой, и до определенного предела его рост имеет слабый кумулятивный характер. Можно предположить, что в определенной социокультурной среде достижение им некоторого порога роста стимулирует нарастание массового и крайне опасного для общества дискомфортного состояния, и это может в конечном итоге сильно понизить уже достигнутый уровень частной инициативы, как произошло после октября 1917 года. Можно сформулировать общее предположение, что развитие утилитаризма зависит от его уже достигнутого ранее уровня и масштаба страны. Самые поверхностные наблюдения показывают рост утилитаризма в среде молодежи, стремление ее к торговле, обогащению и т. п. Тем не менее это не исключает возможности попятного движения. Можно, однако, надеяться на медленный прогресс, если он не будет прерван массовым насилием борцов за уравнительность, традиционализм, умеренный утилитаризм.

Тем не менее прогноз не может не учитывать мощного массового антирыночного поведения, которое выявляется эмпирическими методами. Даже в условиях кризиса неплатежей происходят странные вещи. «Посмотрите, как ведет себя большинство руководителей предприятий,— говорил тогда министр экономики России А. Нечаев.— Вместо того, чтобы снижать цены, продавать активы, продавать запасы материалов (их особенно много у оборонных предприятий), они приходят ко мне и говорят: „Дайте заказы, дайте деньги"»¹. Было бы странно, если бы они поступали иначе. В условиях господства монополии на дефицит смешно менять дефицитные материа-

¹ См.: Нарзикулов Р. Можно сменить правительство, но нельзя сменить проблемы: Министр экономики России Андрей Нечаев полон оптимизма// Независимая газета. 1992. 9 апр. С. 4.

лы, открывающие доступ к каналам иных дефицитов, на деньги, которые сами по себе не открывают новых возможностей, и тем более снижать цены, что связано с необходимостью модернизации и роста производства. Очевидно, эти люди инстинктивно защищают исторически сложившуюся систему монополии на дефицит, отвечая мощным противодействием на всякую попытку ее ограничить и тем более разрушить. Это, в сущности, *обычный тип поведения людей, защищающих систему отношений, в которую они интегрированы.*

В этой связи любопытно наблюдать иных наших современных богачей, тех людей, которые по тем или иным причинам стали получать большие деньги. Некоторые из них страдают угрызениями совести, полагая, что их нужно расстрелять за нарушение разделяемых ими нравственных норм. Это тип людей, которые некогда на заре русского капитализма мучились нравственной ущербностью, предосудительностью своей предпринимательской деятельности, помогали революционерам и воспитали детей, которые привели Россию к катастрофе. К сюжетам о таких персонажах не раз обращался, например, М. Горький. Они — предшественники тех жертв сталинского террора, которые искренне считали себя предателями, так как не вели достаточно «праведный» образ жизни. Это прежде всего свидетельствует о слабой нравственной базе бизнеса, что разъедает его изнутри.

Информация о *враждебном отношении к частной инициативе* часто появляется в нашей прессе. Например, сообщается, что «Алапаевск сегодня один из многих малых городов, где начались погромы цыган, армян, азербайджанцев, привозящих в города продукты питания, овощи, фрукты. Подобные факты стали почти ежедневно мелькать в средствах массовой информации. Исподволь формируется образ нового врага — предпринимателя, торгового посредника». Автор статьи задает естественный вопрос: «Как развивать предпринимательство, если даже в таких его примитивных формах, как цыганский „бартер“, оно нетерпимо в народе?»⁸

Несоответствие действий реформаторов массовым ожиданиям усиливает антирыночные настроения. Исследование Донецкого облстатуправления показало, что доля людей, выступающих против «вольного ценообразования», возросла. Число приверженцев рыночной экономики сократилось, а число противников увеличилось на 15%. Исследования, проведенные в Сибири, показывают, что «село плохо понимает, что такое...

⁸ Пашков А. Выстрелы в Алапаевск// Известия. 1991. 29 июня.

⁹ Лисовенко Н. Противников рынка в Донбассе стало больше// Там же. 1992. 4 апр.

„рыночный механизм“, а потому и опасается его. Если в целом за рынок выступает 21%, то в деревне всего 10 %»¹⁰. Симптомы массового дорыночного поведения достаточно многочисленны.

Сегодня, когда рынок кажется якорем спасения, из десяти лучших директоров только трое при тестировании на элементарные знания о рынке ответили на слабую «тройку»¹¹. По некоторым данным, лишь 4-5%, максимум 10% населения страны обладают истинной предпринимательской жилкой¹². Дело, однако, не только в проценте предпринимателей. Известный минимум их имеется, и они никогда не составляют большинства населения. Суть в другом: главная проблема — в способности основной массы населения терпеть их и сотрудничать с ними, работать с ними, наниматься к ним и уж во всяком случае не бороться за их уничтожение. Речь идет не о равнодушии, а о сопротивлении рынку. Это является старой традицией страны по отношению к рынку, превышающему некоторый приемлемый для большинства уровень.

Социологические исследования, показывающие приверженность рынку, не заслуживают доверия по той же причине, по какой по результатам выборов нельзя судить о развитии демократии. Люди обычно голосуют не «за», а «против», т. е. преобладает не позитивный идеал, а негативное отношение к власти, к тем или иным кандидатам. При результатах социологических обследований следует учитывать, что экономика находится в кризисном состоянии, что «преобладающая часть населения при дихотомической постановке вопроса „план — рынок“ выбирает рынок»¹³. Обследования, проведенные в июле 1991 года, показали, что лишь 3,9% опрошенных стали или настойчиво стремятся стать предпринимателями, тогда как 46% не хотят этого, 20,3% хотят, но ничего не делают для этого, 21% вообще не смогли ответить на вопрос о своем отношении к предпринимательству¹⁴. Положение мало изменилось с тех пор, как Г. П. Федотов написал: «Народ, в общем, готов признать элементарный, мелкий капитал, еще не отодравшийся от трудовой основы, но понимание функций круп-

¹⁰ Коган В., Вавилина Н. У каждого третьего сибиряка настроение «в основном» плохое// Известия. 1992. 31 июля.

¹¹ Вольский А. И. Мы самые богатые, но... бедные// Аргументы и факты. 1991. № 42. С. 4.

¹² Чернов Е. Централизм: цель или окно в будущее// Диалог. 1991. № 12. С. 50.

¹³ Основные направления дальнейшего осуществления социально-политических и экономических реформ в России. М., 1992. С. 10.

¹⁴ Там же. С. 13.

ного капитала ему еще недоступно»¹⁵. Сегодня исследования приводят к выводу, что «большинство населения поддерживает введение частной собственности на мелкие предприятия и выступает против приватизации крупных фабрик и заводов... Психологически население страны тяготеет к коллективным формам собственности — арендным, акционерным, совместным предприятиям — и значительно меньше поддерживает кооперативы, частные фирмы, в том числе и иностранные»¹⁶. Более того, существует сопротивление сдвигам в образе жизни, которые могли бы приближаться к рыночным. «Цены растут, материальные проблемы все труднее решать, но многие по-прежнему не меняют образ жизни»¹⁷. Изменяющиеся обстоятельства, видимо, мало влияют на эти настроения, хотя именно на такого рода сдвиги и возлагали надежды реформаторы.

Возможно, более интересными, чем опросы, оказываются культурологические выводы, основанные на исследовании массовых реакций на телевизионные передачи. Массовая реакция людей свидетельствует о том, что нет угрозы «внедрения через телевидение и другие средства массовой информации американского образа жизни», культивирующей идею, что «человек — кузнец своего счастья». «Если нас сегодня что-то и привлекает в Америке, то не образ жизни, а результаты его — богатство, комфорт, культ здоровья... Судя по триумфу „Богатых“, „Никто, кроме тебя“, нам как раз ближе латиноамериканский способ бытия — сидение у моря в ожидании погоды и золотой рыбки. Латиноамериканизация нашей культуры — вот действительно реальная угроза, перед лицом которой мы сегодня находимся...»¹⁸

Это отставание России в отношении к рынку находит свое объяснение в наследии исторически сформировавшейся формы традиционализма. «Беды и тупики российской истории уходят корнями... в недостаточную зрелость, сформированность добуржуазной цивилизации, национальных культурных традиций»¹⁹. С одной стороны, формы исторической жизни России не изжили себя полностью, они содержали возможность определенного развития, прогресса в рамках традиционной цивилизации. Но, с другой стороны, эти возможности оказывались

¹⁵ Федотов Г. П. И есть и будет. Париж, 1932.

¹⁶ Основные направления... С. 12.

¹⁷ Ботанели Н. Инфляция растет, но люди не меняют свой образ жизни// Известия. 1992. 12 мая.

¹⁸ Богомолов Ю. Почему бедные страдают, когда «богатые плачут»// Там же. 11 сент. С. 8.

¹⁹ Хорос В. Ответы, порождающие вопросы: Размышления вокруг книги А. С. Ахиезера о России// Вопросы философии. 1993. № 2.

недостаточными с точки зрения не только мирового опыта, но и исторически сложившихся потребностей самой России. Например, община не исчерпала в начале века возможностей своего развития, но нет основания думать, что реализация этих возможностей была бы достаточной для общества. Подобное несоответствие потребностей и возможностей их удовлетворения обуславливает чудовищные трудности, которые стоят перед реформаторами, перед любым реальным движением к либеральной цивилизации. Для успеха необходимо не только формирование основ либеральной цивилизации, но и решение еще нерешенных проблем традиционной цивилизации.

Очевидно, детальное отслеживание массового утилитаризма в разных группах, анализ его перерастания из умеренного в развитой могли бы дать значительную информацию для прогноза динамики страны. Это исследование должно включать прежде всего выявление слоя людей — носителей хозяйственной инициативы, способных «заводы заводить», создавать новые воспроизводственные структуры. Такие люди есть, хотя и в явно недостаточном числе. Однако сейчас они все еще находятся в неблагоприятной среде и предпочитают зарабатывать в сфере обращения, а не производства. Видимо, нужны большие отрезки времени спокойного развития для превращения этого слоя в хозяйственно определяющий. Кроме того, все они склонны в той или иной форме к монополизму, к использованию дефицита, иными словами, если мы и идем к рынку, то весьма кружным путем. Сегодня прогнозирование не может опереться на достаточно ясные знания о перспективных сдвигах на микроуровнях хозяйственной жизни.

Указанные соображения не дают основания прогнозировать в ближайшее время существенное массовое возрастание значимости развитого утилитаризма. Медленное развитие утилитаризма создает возможность для медленных, растянутых во времени реформ, направленных на стимулирование и реализацию экономической инициативы, ограниченного экономического прогресса. При решении этой задачи большое значение имеет преодоление обществом, государством ситуации, про которую бизнесмены, пытающиеся начать дело, могут сказать, что «все схвачено», т. е. монополизировано, самостоятельное дело создать нельзя.

ПОИСК ЗНАЧИМЫХ ФАКТОРОВ ПРОГНОЗА

Задачи прогнозирования предполагают постоянный поиск реально и потенциально значимых факторов, способных существенно воздействовать на промежуточное состояние стра-

ны, способных вывести ее из этого состояния. Такие факторы неизбежно должны принять характер массовых действий, движений, сдвигов в активности людей, способных радикально изменить ситуацию в обществе. Именно анализ этих сил, отслеживание их динамики и реальных возможностей должны быть в центре внимания при прогнозировании. Например, отслеживание рабочих забастовок говорит о сохраняющемся преобладании инверсии. Бастующие шахтеры «не допускали никаких компромиссных решений...» Подавляющее число участников забастовок «настроено на гораздо более быстрые, если даже не немедленные перемены»²⁰.

Все перемены можно рассматривать через оппозицию двух движений. *Первое* — *абстрактный либерализм*, который в явной или скрытой форме *выдвигает задачу перехода страны к либеральной цивилизации*, но одновременно в силу специфичности исторического опыта страны *может выступать своеобразным прикрытием для самых различных течений и массовых стремлений*. Сложность природы либерализма в России и, следовательно, прогнозирования его роли в стране заключается в том, что *он имеет два источника развития. Во-первых, это мировая культура, культурное богатство мирового либерализма, которое постоянно стимулирует развитие либерализма в России. Во-вторых, это стимулы, идущие от развития утилитаризма в России*, который в отличие от западного утилитаризма не имеет адекватного обоснования в элитарной культуре, не имеет санкционированной, достаточно укорененной массовой нравственной основы. Поэтому *утилитаризм питает российский либерализм не вполне адекватным природе либерализма образом*.

Российский либерализм несет в себе все недостатки этого синтеза, эффективность которого всегда под вопросом, а раскол всегда очевиден. Отсюда абстрактность либерализма, неспособность противостоять хромающим решениям.

Адекватное развитие либерализма требует сложных решений, что, в свою очередь, вызывает необходимость в глубокой самокритике, во внутреннем диалоге, в критике исторического опыта России, в критике места и роли либерализма в этом процессе. Обнадеживающим представляется развитие в стране *консервативного либерализма*, который ищет новый синтез российской реальности и мирового опыта либерализма²¹. Здесь можно надеяться на конструктивное развитие либерализма,

²⁰ Каца А. М., Жарков Б. Н., Михайлова Л. М. Трудовые конфликты на предприятиях России: проблемы урегулирования // Проблемы трудовых отношений в России в условиях перехода к рынку. М., 1992. С. 23, 24

²¹ Матвеева С. Я. Власть радикальная // Господин Народ. 1992. № 10.

который, в отличие от абстрактного, соизмерял бы свои решения с реальными процессами в обществе. Степень развития этого процесса, его значимость в обществе являются важным фактором прогнозирования.

Противоположным полюсом либерализма являются различные модификации так называемого почвенничества, или псевдопочвенничества, которые в той или иной форме и степени пытаются предложить стране программу выхода из промежуточного состояния через возврат к традиционализму. В этом движении, как и в абстрактном либерализме, не учитывается влияние раскола и роста утилитаризма. Поэтому оно практически и оказывается псевдопочвенным, выдвигающим ценности почвы, которых либо уже нет, либо вообще никогда не было. Оно, как и первое движение, представляет собой некоторый логический полюс, реальное нравственное содержание которого проблематично, а формирование на его основе функциональной социокультурной системы представляется утопичным, но это не исключает, однако, возможности превращения лозунгов этого движения в господствующие на каком-либо ограниченном отрезке времени.

В принципе, оба эти течения нуждаются в мощной критике и самокритике, так как они всегда суть нечто иное, чем то, за что они сами себя принимают и выдают. Существование такой дуальной оппозиции с логической неизбежностью ставит задачу постоянного поиска меры между полюсами. Сложность ее поиска заключается в том, что мера не сводится к случайному манипулированию полюсами, к поиску некоторой «пропорции» между ними. Мера может быть найдена лишь в процессе постоянного углубления обеих точек зрения, постоянного их взаимопроникновения на все более глубоком содержательном уровне. Эта сложная задача требует, не в последнюю очередь, повышения уровня интеллектуализации этого цивилизационного по своей сути спора между либерализмом и традиционализмом.

Следующей дуальной оппозицией прогнозирования является оппозиция *«монополия на дефицит — рынок»*. Прогноз должен выступать как постоянный поиск меры между ними, а реформа — как маршрут достижения этой меры.

Необходим прогноз динамики соотношения между разными типами монополии, прогноз перехода от господства одного уровня монополии к доминированию другой, перерастающий в прогноз возможности оттеснения монополий на дефицит всех уровней под нажимом рынка.

Сложность этого прогнозирования заключается не только в недостатке значимой информации. Дело в том, что эта оппо-

зия неизбежно несет в себе иллюзорное представление, определяемое не столько стремлением идентифицировать себя с традиционной для России системой оппозиций «авторитаризм — соборность», осложняемой утилитаризмом и затем либерализмом, сколько стремлением адаптироваться к абстрактным альтернативам «реакция — прогресс», «демократия — реакция». Речь, разумеется, идет не о необходимости замены вторых оппозиций первыми, но о постоянном поиске меры.

Важным условием прогнозирования является *постоянный поиск новых явлений*, которые могут оказать значимое влияние на содержание прогноза. Анализ показывает, что существуют глубокие процессы формообразования различного рода сообществ, социокультурных форм, занятых различного рода воспроизводственной деятельностью. В этой области много деклараций и обещаний, вплоть до перевода всего хозяйства страны на артельные формы, имеющие в истории страны свою традицию, которая, однако, подавлялась еще в первом периоде. Тем не менее этим процессам необходимо уделять максимальное внимание. Соблазнительность активизации артельных форм производства заключается в том, что их можно интерпретировать, если прибегать к языку Запада, как возможность «союза труда и капитала». В России артельную форму можно рассматривать как форму производственного патернализма, как попытку вернуться в промышленности к идее А. С. Хомякова, что помещик крестьянину родной кровный брат. Эта мысль, однако, не нашла своего подтверждения в дальнейших событиях. Тем не менее она не может игнорироваться как одна из форм преодоления противоречия между двумя тенденциями — либеральной и традиционной. Если предположить возможность ее реализации в массовом масштабе, из нее можно было бы сделать ряд выводов прогнозного характера, в частности, о возможности усиления локализма и затем медленного его преодоления на основе способности этих сообществ вступать друг с другом в рыночные отношения. О скорости этого процесса пока говорить невозможно из-за отсутствия информации. Другой — противоположный — вывод заключается в том, что артельные сообщества могут усилить политическое влияние местных бизнесменов и их объединений, которые смогут управлять забастовочным движением и, следовательно, оказывать мощное, возможно, разрушительное воздействие и на политическую жизнь, на центральную власть в пользу локализма. Все это, однако, требует дальнейшего исследования.

Подобный путь подчас отождествляют с японским. Это сравнение не лишено смысла. Однако не следует забывать, что исторически японская культура, японский менталитет совер-

шенно иные. В Японии давно сформировались достигательные ценности. Следовательно, здесь прямое заимствование невозможно.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПРОГНОЗ

Содержание прогноза в определенной степени определяется успехами политики правительства, ее эффективностью, способностью контролировать события, определять ход событий. Низкий уровень этой политики означает, что для прогноза ее позитивное значение может оказаться не слишком большим. Она может играть даже роль фактора дезорганизации. Слабость власти соответственно усиливает значимость для прогноза спонтанных стихийных процессов. В качестве своеобразной лакмусовой бумажки для определения эффективности этой политики можно рассматривать *«либерализацию цен»*.

Определенные итоги этой политики, составляющей сердцевину реформы, позволяют констатировать следующее. *Во-первых*, до ее начала *цены были случайны по отношению к их экономической сути*, в частности, случайны по отношению к исторически сложившимся издержкам производства, обращения и т. д. Цены на сырье были занижены, а цены на продукты обрабатывающей промышленности, машиностроения завышены. В результате предметы потребления оказывались недоступными для потребителя без государственной дотации. Исторически сложившаяся система цен была проводником и носителем всех уродливых беспрецедентных отношений между потреблением и накоплением в национальном доходе. Вся система формировалась в результате стремления власти перераспределять потоки ресурсов, исходя как из исторической зависимости значительной части промышленности не от рынка, а от государства, так и из стремления власти перераспределять ресурсы, опираясь на различные, часто сугубо идеологические соображения, далекие от хозяйственных. *«Либерализация цен» в этой ситуации означала сокрушительный удар по всей системе хозяйственных отношений в стране*, по сложившемуся порядку, независимо от того, хорош он был или плох, буквально в каждой клеточке хозяйства, по системе социальных отношений, сложившихся культурных стереотипов. Однако этим дело не кончается, но лишь начинается.

Во-вторых, *сами издержки производства в условиях господства монополии на дефицит могли быть случайны*, так как основывались на случайных ценах, включали в себя неоправданные затраты: воровство, перекачку средств в другие отрасли, разгильдяйство, стремление увеличить затратные по-

казатели. Поэтому *«либерализация цен» неизбежно должна была вызвать легализацию этих подчас разорительных разбойничьих издержек*, превращающих богатство общества в мусор, труху. Но и это еще не все.

В-третьих, отпуск цен при отсутствии в обществе механизма снижения издержек производства, кроме административного, который был сокрушен на этапе перестройки, означал *сигнал к повышению этих издержек*, «инфляцию издержек», подчас совершенно беспардонную, включая в некоторых случаях фантастическое повышение зарплаты, не оправданное производительностью, но явившееся результатом использования монополии на дефицит. Но и это не все.

В-четвертых, в этом расточительном обществе постепенно в результате исчерпания различного рода источников ресурсов, от разрушительной эксплуатации крестьянства до прекращения золотого потока нефтедолларов, возникла ситуация, когда и сельское хозяйство, и большинство отраслей промышленности стали производить отрицательный чистый доход, т. е. работали в убыток, что выражалось в некупаемости издержек производства. В этой ситуации *«либерализация цен» вывела наружу раньше скрытый внутренний неразрешимый хозяйственный конфликт*, невозможность естественного механизма распределения ресурсов между отраслями через установление цен равновесия. Тем самым *«либерализация цен» раскрывала тайну псевдоэкономики*, т. с. нарастание неспособности к самокупаемости, снижение способности производить чистый продукт. Раньше эта тайна маскировалась принудительной перекачкой ресурсов государством, постоянным поиском источников этих ресурсов — от ограбления крестьянства и природы до иностранных займов и попытки печатания при Сталине фальшивых долларов. Теперь, однако, положение изменилось, и «либерализация цен» открывает поле для ожесточенной борьбы за ресурсы, открытой гонки цен между разными группами держателей дефицита. Эта борьба принимает мифологические формы, т. е. рассматривается как борьба с коррумпированным начальством, с мировым капиталом, с предпринимателями и т. д., которые якобы злодейски оставляют нас без ресурсов. Трагедия этой борьбы не только в ее мифологичности, фетишизме, но и в том, что, вообще говоря, она ведется вокруг ресурсов, которые еще надо воспроизводить, без ясного представления о реальном объеме ресурсов, которые могут расходоваться. Например, депутатов при обсуждении размеров пенсий, кажется, мало интересовало, есть ли в стране ресурсы для их увеличения. Для подобных обсуждений вообще характерно полное отсутствие интереса к увеличению ресурсов, ко-

торые бы в минимальной степени отвечали бурной активизации потребности в «справедливом» распределении.

В-пятых, все это может привести к резкому обострению конфликтности в обществе. Когда общество не желает в должной степени использовать полезную конкуренцию, экономические противоречия, способствующие росту и развитию, в этих условиях создание определенных предпосылок для экономической конкуренции неизбежно приводит к повышению социально-политических конфликтов, направленных на «справедливое» распределение уменьшающегося пирога.

Неспособность реформаторов владеть ситуацией приводит к явлению, которое присуще теряющему влияние нравственному идеалу, т. е. происходит уход жизни из системы. На подобное явление обращает внимание, например, постановление второго съезда Межрегионального биржевого союза, где констатируется, что практически вся торгово-посредническая и частично производственная деятельность переместилась в сектор теневой экономики и черного рынка. Значительная часть сделок вытесняется в нелегальную область. Все чаще контракты заключаются в обход бирж и законов²². Единственное рациональное объяснение «либерализации цен» заключается в том, что *власть пыталась лишь легализовать и упорядочить то, что произошло стихийно в результате напора локализма.*

Влияние государства на хозяйство шло не только по пути легализации роста издержек, устранения препятствий для их роста, т. е. для инфляции издержек, но и по пути, способствующему инфляции спроса. Она — неизбежный результат попыток повышения дохода рядового потребителя, результат необходимости его участия в потреблении в условиях разрушения исторически сложившейся системы монополии на дефицит.

Уже здесь можно видеть две расколотые, дезорганизующие друг друга политики. С одной стороны, политика, открывающая возможность инфляции издержек, что оттесняет потребителя от потребления, создает элитарный рынок. С другой стороны, политика, стимулирующая инфляцию спроса, что, наоборот, максимально расширяет круг потребителей. Обе формы инфляции переходят друг в друга и друг друга стимулируют. Но первая политика, по сути, непосредственно укрепляет систему монополии на дефицит, ставя ей на службу механизм цен. Вторая действует в противоположном направлении. Делаются попытки преодолеть монополизм держателя дефицита, непрерывно поднимая доходы потребителя, тем са-

²² См.: Демченко И. Теневая экономика на территории бывшего СССР вытесняет легальный бизнес// Известия. 1992. 27 мая.

мым пытаюсь сбалансировать спрос и предложение. Поскольку это происходит в денежной форме, возникает тенденция независимости потребителя от конкретной монополии. Одновременно политика, ориентированная на инфляцию в любых формах, противостоит политике, ведущей к формированию рынка.

ОПЯТЬ РАННИЙ АВТОРИТАРНЫЙ ИДЕАЛ?

Определяющий характер хозяйственной системы монополии на дефицит, борьба между разными уровнями субъектов монополии как важнейшее содержание хозяйственной жизни, осознание обществом необходимости защиты элементов рыночного хозяйства от монополий означают, что *в обществе существуют мощные факторы, которые постоянно будут стимулировать разрешение проблем на пути усиления авторитаризма*. Сама борьба разных уровней монополии на дефицит включает и борьбу высшей власти за свою монополию, т. е. обращение к авторитаризму в масштабе общества. Возможность роста дискомфорта в результате массового соборного локализма также несет в себе угрозу авторитаризма. Рост дискомфорта очевиден. Налицо массовый шок. Старая жизнь рухнула. Она стала «бывшей», и бывшими стали мы. Шок возник в результате «необходимости оперативно перестраивать весь свой психологический аппарат принятия решений», в результате расслоения, того, что «людям приходится расставаться со многими жизненными иллюзиями». Очевиден «крах всей прежней жизни при не слишком-то больших надеждах приспособиться к жизни новой»²³. Народ чувствует себя обманутым во всех чаяниях. Это неизбежно приводит к *накапливанию потенциала новой инверсии*. Рано или поздно инверсионная волна локализма себя исчерпает, и массовая волна может обратиться к авторитаризму, способному, как многие полагают, подавить хаос, «справедливо» распределять ресурсы. На пути реализации этой возможности, однако, лежат другие возможности: осознание значимой части общества соответствия этого варианта потере стабильности.

Традиционализм постоянно наряду с локализмом рождает авторитаризм. Исследования показывают, что если в городах Сибири за возврат к жестко-административным методам управления выступает четверть всех опрошенных, то среди селян «стать объектами жестко-административного воздействия

хотели бы две трети»²⁴. При этом не следует забывать, что в Сибири не было помещичьего крепостничества. К авторитаризму толкает и крайняя слабость государственной власти, а это стимулирует представление, что авторитаризм и есть путь к ее укреплению.

Подчас установление авторитаризма представляется упрощенно как результат некоторого тайного сговора властных структур: номенклатуры, армии, военно-промышленного комплекса и т. д., т. е. эта проблема рассматривается в свете теории заговора. Более вероятным представляется сценарий, когда те или иные властные структуры будут более настоятельно усиливать свое повседневное влияние на принятие решений, стимулируя рост массового недовольства, общей дезорганизации, следуя призывам снизу восстановить уравнилельное распределение. Другой движущей силой может быть активизация имперских ценностей, инициируемая психологической и другими формами давления народов, вставших на путь национального развития, движения к независимости. Давление этих двух сил может вызвать к жизни весьма реакционную форму авторитаризма. Такого рода настроения не редкость. Например, «наблюдатели считают умеренный авторитаризм в России практическим неизбежным, и только является вопросом, сколь быстро он перерастет из умеренной фазы в неумеренную»²⁵. К авторитаризму толкает кардинальная неспособность общества молниеносно, как это соответствует массовым ожиданиям, создать какие-то качественно новые, принципиально более эффективные политические, экономические и прочие механизмы.

Важнейший вопрос — это характер авторитаризма. Авторитаризм возможен, как показывает опыт нашей истории, в результате гражданской войны, победы одной из сторон в ней, и тогда на побежденных, как на противников некоторой манихейской идеологии, обрушиваются террор и расправа. Но авторитарная власть, возникающая в сравнительно спокойной обстановке, может быть этапом на пути к рынку и даже, в конечном итоге, к демократии. Она может рассчитывать на поддержку по крайней мере части либералов. *В принципе переход к авторитаризму несет в себе альтернативу между традиционалистским авторитаризмом, авторитаризмом, склонным перерасти в тоталитаризм, и возможностью либерально-авторитарного идеала.* Можно как угодно относиться к такой перспективе, но невозможно ее игнорировать.

²⁴ Коган В., Вавилина Н. У каждого третьего сибиряка настроение «в основном» плохое.

²⁵ Злотин Л., Соколов М. Российские органы власти: когда нас всех пошлет товарищ Ельцин// Коммерсантъ.. 1991. № 37. С. 3.

Важнейшим условием авторитаризма является незрелость демократии. Она «не смогла найти у нас того гражданского общества, надстройкой над которым только и может быть демократия. Поэтому у нас демократия оказалась достаточной для разрушения тоталитаризма, но совершенно непригодной даже для того, чтобы хотя бы дать 15 соток земли даже при великом изобилии земли. Демократия выродилась в схватки за микрофоны в залах выборного органа. Сами по себе демократы — без аппаратных сил — оказались не способными руководить»²⁶. Отсюда вывод: «Основным действующим лицом должна стать исполнительная власть». Г. Попов предлагает, в частности, приостановить деятельность всех советов, ограничиться раз в пять лет выборами Президента России, губернаторов земель, мэров городов и старост поселений. Остальные руководители «должны назначаться вышестоящими выборными административными руководителями». При этом предлагается ввести систему федеральных земель²⁷.

Подобное отрицание авторитаризмом исходного начала исторического периода (в данном случае демократического) не является в истории страны необычным делом. В двух предшествующих глобальных периодах изначально влияние соборности оказалось нефункциональным. В первом случае она превратилась в авторитаризм монархической власти, во втором — была вытеснена властью партии нового типа. Существуют различные формы авторитаризма. Его наступление может сопровождаться борьбой между его разными версиями, между авторитаризмом как разновидностью вечового идеала и теоретически возможным либерально-авторитарным идеалом, переходящим в либерально-почвенный. Нельзя исключить, что борьба за второй вариант в рамках авторитаризма может стать реальной нравственной проблемой для либералов.

Переход от завершающего этапа второго периода («перестройка») к первому этапу третьего, несмотря на четкие даты — 19-21 августа, 8 и 25 декабря 1991 года — был по сути постепенным, так как в обоих этапах значительную роль играло стремление осуществить либеральный идеал. Перерыв постепенности и крах советской государственности внешне произошел в результате инверсионной попытки так называемого августовского путча. На самом деле этот крах надвигался давно. Авторитарные устремления зародились еще в конце горбачевского этапа — в виде неудачной попытки установить президентский режим. Попытка насильственного утверждения режи-

²⁶ Попов Г. Х. Что дальше? Заметки по текущему моменту// Известия. 1991. 3 окт.

²⁷ Там же.

ма ГКЧП была уже прямой заявкой на восстановление авторитарной власти. Тема авторитаризма постоянно звучит в обществе.

Обычно эта проблема рассматривается в масштабе общества в целом, раньше — в масштабе СССР, теперь — России. Однако авторитаризм может устанавливаться и в регионах. Более того, каждое локальное образование, получившее определенную самостоятельность, в процессе нарастания соборного локализма может строить свою жизнь в своих собственных рамках на основе авторитаризма. Одна из черт локализма как раз и заключается в том, что он под лозунгом демократии тяготеет к независимости от центра на основе тенденции к авторитаризму. Причем в локальном мире авторитаризм может носить значительно более жесткий догуманистический характер. Поэтому торжество локализма может оказаться предпосылкой для торжества системы авторитарных сообществ. При этом может остаться открытым вопрос о характере обратной авторитарной волны, т. е. не приведет ли она к укреплению авторитаризма в локальных мирах, не захлестнет ли общество в целом, т. е. не произойдет ли установление авторитарной власти центра над всеми локальными мирами или над частью из них.

Проблема возможного авторитаризма исключительно важна. Россия после каждой катастрофы стояла перед перспективой распада. Однако каждый раз ее объединяла внешняя опасность, активизировавшая элементы государственности. Большевику удалось предотвратить распад на основе соединения идеи государственности с массовыми утилитарными стремлениями к идее Правды, носящей мессианский характер. Теперь, однако, положение принципиально иное. Внешней опасности нет. Идеология большевизма не только обанкротилась, но и породила обратную инверсию, либеральную волну, которая крайне плохо даже в модифицированном виде сочетается с авторитаризмом. Это может стимулировать вялый характер инверсионной волны. Более того, не исключено, что инверсионная волна может сама распасться на регионы, а авторитаризм в специфических условиях регионов способен, опираясь на местные традиции, приобрести крайние формы или, наоборот, стать слабым, бессильным. Без сомнения, авторитарная волна имеет тем больше шансов выйти за рамки отдельных регионов и охватить все общество, чем сильнее будет разруха в результате распада и возможного ожесточения, чем непримиримее окажутся прямые столкновения между распавшимися частями, выше уровень всеобщей дезорганизации. Следовательно, важнейшая проблема прогноза заключается в прогнозировании не

только возможности и характера авторитаризма как основы интеграции в результате выявления нефункциональности соборного локализма, но и способности авторитаризма выйти за рамки локальных миров, распавшихся частей, охватить все общество. Сегодня на пути авторитаризма стоит высокий уровень дезорганизации общества и государства, но и мощь локализма, пока не склонного сгибать шею перед центральной властью.

РЕФОРМА И ПРОГНОЗ

Очевидно, идеалом должна быть такая реформа, которая, с одной стороны, обеспечивала бы реализацию назревших в обществе целей, сложившихся потребностей, а с другой стороны, могла бы в силу своей обоснованности быть положена в основу прогноза. Промежуточный характер ситуации, в которую попала страна, означает, что в основе реформы не может и не должна лежать альтернатива инверсионного типа, исключаящая всякие полутени: либо рынок, либо административная система. Инверсионный подход хорош в логике, где он дает общеметодологическую основу для последующего конкретного анализа социокультурных процессов, но не как непосредственная модель решения реальных сложных проблем. Каждое общество имеет свой рынок, отличный от всех других. Более того, динамика любого общества включает и изменение места и значимости рынка в обществе. Реальная экономическая реформа может иметь шансы на успех, если пойдет по пути поиска меры между логическими крайностями. Господство в обществе дорыночных, натуральных отношений не исключает возможности ограниченной сферы рыночных отношений. Они могут быть ограничены запретом на изменения исторически сложившихся отношений (например, патриархальных, дружеских, трудовых), которые могут быть вызваны ростом торговли, потребностями в новых видах производства и т. д.²⁸

Необходима разработка маршрута изменения рыночных отношений, включающего возможность маневра, отступления, учета исторически сложившихся циклов, альтернатив. Это методологическое условие *предотвращения опасности быстрого или медленного превращения реформы в контрреформу*. Поиск меры, по сути, есть поиск альтернатив. Постоянная работа над альтернативными вариантами на случай провалов и неудач реформы является жизненной необходимостью.

²⁸ Ахиезер А. С. Какой рынок нам нужен// Вестник Академии наук СССР. 1991. № 8.

Эта мера должна воплотиться в тонкую и сложную политику, чтобы пройти между Сциллой и Харибдой двух грозных опасностей: между деградацией от подавления инициативы и ростом массового дискомфорта в результате укрепления элитарного рынка, тесно связанного с удушающим наступлением монополий.

Эта мера должна пролегать на грани умеренного и развитого утилитаризма, на грани поддержки имеющихся в обществе реальных рыночных сил, частной инициативы и соответствующих ограничений монополии на дефицит.

Проблема эффективной реформы не сводится к построению некоего хитроумного плана в рамках сложившихся представлений, до комбинации которых наконец додумалась какая-то умная голова. Проблема упирается в необходимость коренных сдвигов в самом подходе к способу решения проблем, в конечном итоге, качественных сдвигов менталитета. Необходимо прежде всего мышление, нацеленное на преодоление хромающих решений. Необходимо мышление, которое преодолевало бы представление, что человек в обществе имеет дело с простыми процессами. Необходимо развивать методику разрешения проблем крайне сложных объектов. Например, проблем развития больших городов как систем большой сложности²⁹.

Большой город — частный случай ситуации, в которой находится наше общество в целом. Незрелая система принятия решений неизбежно приводит к социальной патологии в возрастающих масштабах. Очевидно, необходимо хорошо знать запреты, налагаемые спецификой системы, так как их нарушение вызывает нарастающую дезорганизацию общества. В качестве примера таких запретов можно указать на невозможность существования общества, обеспечивающего массовую потребность в росте потребления благ и одновременно отстающего в своих потребностях в росте соответствующего производства, на невозможность существования общества, стремящегося к росту и развитию на основе дорыночного хозяйства, на несовместимость господства системы хромающих решений и механизмов прогрессивного развития общества и т. д. Без исследований в этой области невозможно понять, что с нами происходит.

Важнейшим, достаточно простым, даже элементарным требованием к реформе должна быть ее обоснованность историческим опытом, превращение его в предмет исследования и критики. Например, невозможно реформировать сельское хозяйство, если не знать, что в Московской Руси правительству

²⁹ Гольц Г. А. Проблемы развития большого города// Энергия: экономика, техника, экология. 1989. № 1. С. 42-45.

часто приходилось прибегать к принудительному распределению хлеба: «Чтобы всяких чинов люд изо всех Понизовых и Украинских городов всякий хлеб везли к Москве и на Москве продавали мерного ценою не из больших прибытков». Не исключалась и конфискация. Например, в одном указе говорилось: «И мы, Великий Государь, указали и бояре наши приговорили: для нынешние хлебные торговли и для прокормления служилых и всяких скудных людей... взять стрелецкий хлеб и из того сборного хлеба дать... наше годовое хлебное жалование»³⁰. Вся последующая история изживала эти механизмы, чтобы через хромающие решения вновь к ним вернуться. Налицо застарелый раскол между городом и деревней, и сегодня представляющий собой осевую проблему. Исследования показывают, что «почти по всем позициям горожане и селяне противостоят друг другу. Особенно выразительными становятся различия, когда речь заходит о поисках путей выхода из кризиса»³¹. Сельское хозяйство выступает как система естественных монополий на дефицит, пытающихся усилить свою монополию в борьбе с другими монополиями.

Попытка свести реформу к некоторому конструктивному решению, нацеленному на наведение порядка в той форме, как эта задача представляется в сегодняшней повседневности, в отрыве от накопленного исторического опыта невозможна. Замысел реформы начинается с критики повседневности (например, нехватки продуктов, повсеместных очередей, несправедливости и т. д.). *Однако реально реформа является не только и не столько критикой этой повседневности, но и критикой накопленного исторического опыта.* История всегда с нами. Она существует в программе наших повседневных действий, которые мы можем не рефлексировать. Но тем не менее инерция исторического опыта диктует нам поступки, действия, пока мы не согласились изменить программу поведения, воспроизводства.

Трудность реформы в России объясняется расколотостью исторического опыта между традиционализмом, усеченным либерализмом и утилитаризмом, между их воспроизводственными программами. Специфика России в том, что ни одна из этих программ не смогла стать основой для выхода из кризиса, и это вновь и вновь создавало неопределенность дальнейшей динамики страны.

Если государство стремится бросить всю силу своей власти и авторитета на усиление значимости движения к либеральной

³⁰ Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Л., 1924. Т. 1. С. 88.

³¹ Коган В., Вавилина Н. У каждого третьего сибиряка настроение «в основном» плохое.

цивилизации, то, следовательно, оно должно облечь свои решения в правовую форму. Вместе с тем невозможно надеяться на то, что систему господства монополии на дефицит можно одновременно уничтожить путем законодательного запрета. Невозможно также рассчитывать, что, обеспечив этим монополиям свободу, стихийная самоорганизация в обществе установит хозяйственный порядок. В борьбе с монополией на дефицит государство должно облечь свои действия в юридическую форму, т. е. создать систему законодательства, которую общество способно реально воплощать в жизнь, направляя ее прежде всего на поддержку массовой частной инициативы, мелких предпринимателей, ремесленников, кустарей, фермеров, их объединений. Возможности государства обеспечивать воплощение своих законов не безграничны. Поэтому в каждый момент времени государство должно стремиться не к абсолютной победе, например, к полному и одновременному уничтожению монополий на дефицит, но к установлению определенных рамок для них, соразмерных со своей способностью реально держать монополии в этих рамках. При этом никогда нельзя забывать, что успехи в борьбе против монополий на дефицит в конечном итоге определяются не самой административной властью, но способностью общества заместить функции монополии на дефицит иными механизмами, т. е. рынком, конкуренцией. В противном случае борьба государства с монополиями, которые растут из каждой клеточки общества, бесперспективна. В этом случае неизбежно, независимо от намерений людей борьба против монополии на дефицит фактически будет борьбой между собой ее разных форм и уровней.

Поиск меры между полюсами при проектировании и воплощении реформы должен выступать в разных формах. В попытках найти меру между развитием рынка и сохранением исторически сложившихся монополий на дефицит необходимо, очевидно, фокусировать внимание на развитии тех форм рынка, которые в сложных и хаотических условиях современной разрухи оказываются менее задействованы в сложной системе хозяйственных отношений. Это прежде всего торговля, добыча сырья, сельское хозяйство. Это мелкий бизнес, малые предприятия. Необходимо всеми силами избегать того пути развития промышленности, который начался задолго до конца первого периода, до 1917 года,— развития монополистического производства, подавляющего кустарей, ремесленников, мелкое производство, т. е. массовую почвенную инициативу, что, без сомнения, сыграло роковую роль в хозяйственном развитии страны.

Абстрактный подход к реформам порождает глобальные инверсионные тенденции. Реальные возможности, однако, лежат в другой плоскости, хотя они и не отвечают массовым ожиданиям очередного чуда. Государство не может одним ударом уничтожить монополию на дефицит, так как сила исторической инерции несоизмеримо велика по сравнению с силами чиновников. Государство в поддержке мелкого бизнеса стоит перед трудной задачей несоизмеримости политического давления на власть мелкого бизнеса и монополии на дефицит. Сегодня рост малых предприятий явно замедлился, так как, наряду с другими причинами, возросла необходимая сумма первоначального капитала. Это крайне неблагоприятный симптом, который стимулирует прогноз последующей динамики прежде всего как битвы монополий при слабом росте рыночных сил.

Важнейшая проблема реформы заключается в том, что в реальности российского хозяйства переплетены, перепутаны два взаимоисключающих принципа, связанные с двумя цивилизациями. Реформа практически мыслится как очищение общества от одного из цивилизационных компонентов и развитие другого. Между тем формирование всей социокультурной жизни общества на протяжении всей истории происходило под постоянным воздействием раскола. Значит, одними абстрактными методами (например, воздействием финансовой системы) разделение этих элементов немислимо, так как эти принципы заглублены в повседневную деятельность. Существует точка зрения, что необходимо избрать метод *рыночной реорганизации*. Государство само должно было «конструировать» национальный рынок, преобразуя планово-распределительные структуры управления во вспомогательные структуры конкурентного рынка³².

Гибкое лавирование — трудный путь. Оно лишено тупой прямолинейности и однозначности. Оно не обещает чуда и требует от власти сложных решений, способных не только прямолинейно вести к цели (возможно, утопической), но и манипулировать вариантами, искать обходные пути и т. д. Это путь медиации. Это очень трудно в обществе, где от реформы требуют простоты, быстрого спасения и последовательности. Быстрота в сочетании с якобы простотой победы утопизма над реальными возможностями общества лежала в основе торжества большевизма. Последовательность же в расколотом обществе, где любое значимое решение немедленно вызывает активизацию противоположных стремлений, — трудно достижимый идеал. Общество может отойти от края пропасти лишь через

³² Ольшевич Ю. Я. Рекомендации МВФ: вариант для СССР? М., 1991. С. 50.

способность принимать решения, которые по своей сложности и глубине поднимаются до уровня сложности самого общества, его проблем.

Удача реформы означала бы успех в движении к либеральной суперцивилизации, формирование ее важных элементов. Неудача реформы означала бы сохранение общества в состоянии промежуточности, неспособности выхода за ее рамки, еще одно проявление слабой способности общества формировать перспективную альтернативу.

Как это ни странно, но сегодня, быть может, важнее не то, какие именно меры предлагают и пытаются реализовать реформаторы (так как каждая из них в условиях господства хромающих решений рискует превратиться в свою противоположность), но изменение метода подхода к реформе. Пока еще не выявилось достаточно явных элементов, свидетельствующих о том, что реформаторская деятельность привела или приведет в ближайшее время к значимому развитию рынка. Элементы рынка в стране и сегодня воплощены в толпе перекупщиков, заполонивших тротуары около метро и магазинов, перепродавая все, что им удалось достать раньше других. Возможно, эти толкучки — необходимый элемент развития рынка, и здесь формируются будущие бизнесмены. Но сегодня невозможно надеяться, что финансовые манипуляции правительства приведут к торжеству рыночного хозяйства. Современная хозяйственная ситуация не сводится к борьбе рынка и дорыночных отношений. Банкротство государства как высшего держателя дефицита вынудило его переложить расходы по содержанию общества на держателей дефицита низших уровней, на само общество в той степени, в какой это возможно, пытаясь одновременно сохранить доступ большинства к некоторой пайке. Это открывает путь для борьбы друг с другом разных форм монополии на дефицит, осложняемой существованием на заднем плане элементов рыночных отношений. Ожесточенного столкновения следует ожидать между промышленными и аграрными монополиями. Их попытка договориться о взаимоприемлемых ценах не имеет шансов воплотиться в устойчивое согласие. Оно будет постоянно нарушаться, обходиться прямо или косвенно обеими сторонами. Крестьян всегда будут не удовлетворять цены на промышленную продукцию, которые будут для них слишком велики из-за низких доходов. Попытка же увеличить доходы сельского хозяйства за счет роста цен на его продукцию будет неизбежно делать эту продукцию неподъемной для горожан из-за огромных издержек сельскохозяйственного производства и его низкой производительности. Впрочем, массовый импорт продовольствия может изменить

ситуацию. Следует ожидать, что *общество будет искать выход прежде всего в борьбе разных монополий за дотации*, а власть судорожно искать средства для них, и не в последнюю очередь — в инфляции. Именно сейчас военно-промышленный комплекс и получил такую дотацию в значительных размерах. Курьез в том, что это делает то же самое правительство, которое поставило своей целью погрузить общество в рынок.

Борьба за дотации и против них, вокруг их распределения — важнейший элемент хозяйственной и политической жизни.

Правительство вынуждено в процессе нарастания массового разочарования отступить, вести политику хромающих решений, проводить две взаимоисключающие, взаиморазрушающие друг друга политики одновременно. Налицо попытка одновременно жать на газ и на тормоз. Правительство пытается лавировать между разными типами монополий на дефицит, пытается сохранить некоторое равновесие между ними, выиграть время в надежде, что заработают рыночные механизмы, что те, кто требует новых дотаций, каким-то образом повысят эффективность своего производства, освободят власть от необходимости дотаций и будут стоять на собственных ногах. Если оставить элементы маниловщины, то практически эта ситуация объективно будет толкать высшее руководство (вопреки собственной философии или в соответствии с ней) к тому, чтобы восстановить, хотя бы частично, свое положение как держателя дефицита. В противном случае оно окажется беспомощным перед лицом битвы гигантов за ресурсы при ограниченной способности воспроизводить последние на приемлемых для общества условиях. Следует иметь в виду, что в этой борьбе монополий за дефицит речь идет о самом существовании псевдоэкономических структур, о борьбе за существование нерентабельных предприятий и отраслей, в которых заняты десятки миллионов людей.

Нельзя закрывать глаза на то, что сегодня сельское хозяйство, как и церковь, как и промышленность, еще никогда не были так независимы от административной власти государства, за исключением, может быть, кратковременного периода после февраля 1917 года.

Поэтому можно прогнозировать продолжение циклов преобладания монополий разных уровней в сочетании с медленным колебательным ростом частной инициативы, которая сама будет стремиться постоянно искать прикрытие в монополиях. Борьба за «социализм» в этих условиях будет означать лишь форму борьбы крупных монополий между собой как борьбу одной сверхмонополии за государственный социализм, а борьба

против этого других монополий может выглядеть как борьба за общинный социализм.

Отсюда возможность среднесрочного прогноза, который указывает на высокую вероятность повторения модифицированного инверсионного цикла. Можно лишь надеяться, что если дело не дойдет до массовых разрушительных столкновений в стране, то этот цикл будет более мягким, с несколько большей дозой рефлексии, критики исторического опыта, чем в прошлый период. Есть определенный шанс ослабления инверсии на последующих этапах, шанс отхода от разрушительного инверсионного типа развития.

ПРОГНОЗ ТРЕТЬЕГО ПЕРИОДА

По прогнозу 1979 года предполагалось, что «общество вновь будет двигаться по сложной кривой, получающейся в результате сочетания двух форм социальных изменений. Однако центр тяжести борьбы будет смещаться от столкновения синкретизма и элементов либеральной цивилизации к борьбе между умеренным и развитым утилитаризмом. Борьба, вероятно, будет идти вокруг степени, масштабов частной инициативы. Она будет, видимо, сосуществовать с бюрократией, регулирующей частную инициативу, устанавливающей для нее ограничения. Эти ограничения будут поддержаны массами, страшящимися свободной конкуренции, соревнования талантов в сфере организации и экономики. Однако вероятно, что степень масштаба этой ограниченности станет важнейшим отличием одной версии господствующего идеала от другой. Возможно, что на первом этапе третьего глобального периода частная инициатива в результате инверсионной реакции против запрета на нее в прошлом достигнет значительных масштабов. Однако это вызовет серьезные трудности, резкую дифференциацию доходов, неспособность во многих случаях преодолеть стремление к монополизации дефицита. Это даст импульс попытке власти обуздать „жидкий элемент“, что, видимо, найдет поддержку в массовой инверсии тех, кто будет разочарован хаосом локализма.

Многое в дальнейшем будет зависеть от способности найти меру и организационные формы этого стремления к порядку. Если эта попытка превратится в стремление задавить инициативу, возросшую активность утилитаризма, то неизбежна новая инверсия в противоположную сторону, т. е. к ослаблению власти бюрократии над развитием утилитаризма.

Этот инверсионный путь, возможно, приведет к новому крайнему авторитаризму, попытке навести порядок крайними мерами. Именно тогда выявит свой тайный смысл шепот массового сознания — „порядка нет". Тогда выплеснется вверх тлеющая повсеместная тоска по новому Сталину, который все знает и берет ответственность на себя, освобождая всех от непосильной ответственности, упорядочит хаос. Новая инверсия будет направлена против „богачей" и „спекулянтов", хотя она вряд ли полностью уничтожит частную инициативу. Возврат к крепостничеству времен Сталина будет возможен лишь в результате исключительных обстоятельств, т. е. массовых бедствий, опустошения городов, борьбы за хлеб как основной экономической задачи страны. В основе этого поворота будет лежать стремление ликвидировать хаос возвратом к древним формам организации. Если общество будет ориентировано на узко понятые национальные ценности, оно может принять весьма непривлекательные формы. Можно надеяться, однако, что позиции, завоеванные к этому времени частной инициативой, потребности организаций поставят определенную границу произволу. Возможно, что произойдет усиление влияния права. Тем не менее вряд ли в этот период можно ожидать возникновения правового государства и разделения властей.

Авторитаризм не может бесконечно сохраняться и будет, видимо, сметен новой инверсионной волной. Падение крайнего авторитаризма неизбежно, поскольку он окажется препятствием дальнейшему социально-экономическому и культурному развитию. Кроме того, ему, возможно, придется столкнуться с реальной оппозицией. Ослабление или падение диктатуры, возможно, откроет путь либерализму.

Вероятно, что период усиления влияния либерализма вызовет новый антилиберальный взрыв. Это может произойти как реакция на авторитарное движение в одной из инверсий конца третьего глобального периода.

Не исключена возможность того, что и третий глобальный период не приведет страну к либеральной цивилизации. Невозможно предвидеть, каковы будут результаты такого варианта развития. Возможно, что общество не выдержит бесконечных колебаний между двумя типами цивилизаций: судьба некогда могущественных древних империй может дать некоторые аналогии прогнозирования судеб России»³³.

Сегодня в принципе нет оснований отказываться от этого прогноза 1979 года. Его недостатком следует признать недо-

³³ См: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 328-330.

оценку сложности далеко зашедшего развития псевдоэкономики, создавшей разветвленную систему социальной патологии, исключительную трудность ее преодоления. Следует также отметить, что хотя при любом развитии событий власть вынуждена будет постоянно опираться на силу утилитаризма, способного обеспечить качественный сдвиг в хозяйстве, нести в себе импульс реального экономического развития, тем не менее мощные силы уравнительности ограничивают возможность такой опоры. В этой связи пока перспективы развития среднего класса представляются крайне узкими.

Другим недостатком прогноза 1979 года следует признать отсутствие гипотезы, касающейся общей оценки третьего глобального периода. Возможно, в третьем периоде цикл оказался смещенным от авторитаризма к локализму, что можно также рассматривать как ослабление инверсионного маятника, ослабление его разрушительного характера. Это может быть объяснено ростом медиации, утилитаризма, либерализма. Тем не менее не исчезла возможность нарастания катастрофизма, начавшегося в результате гибели советской государственности. Она не только обуславливается господством инверсии, но приобретает вполне реальные социальные контуры. Важнейший из них заключается в исторической слабости культурных интеграторов, гипертрофированном использовании в истории России для интеграции общества административно-организационных средств. Недостаток культурных интеграторов приобрел особенно острые формы в связи со стремлением к росту и развитию, модернизации, урбанизации, т. е. к процессам, казалось бы, немислимым без роста соответствующей ментальности. Каждый шаг, каждое значимое изменение в этих условиях чревато дезинтеграцией. Именно поэтому и на этот раз прогресс в условиях России объективно грозит авторитарно-тоталитарными тенденциями. Однако начавшаяся либеральная волна создала неблагоприятные условия для административных форм интеграции, в результате чего общество получило более благоприятные условия для развития культурных форм интеграции. Но этими условиями еще надо уметь воспользоваться, не говоря уже о том, что для этого нужны значительное время и отсутствие разрушительных катастроф. В противном случае не исключена возможность, что в условиях массовых бедствий, голода, эпидемий, развала технической базы хозяйства на первый план выйдет стремление каждого локального образования решать свои проблемы, углубляя локализм. Рост локализма неизбежно приводит к повышению вероятности столкновений между локальными мирами вплоть до возможности определенной формы «вяло текущей гражданской

войны» (В. Д. Соловей) между образованиями государственного типа, что может повлечь за собой не только разрушение России на государственном уровне, но и культурный распад, регионализацию культуры. Это может привести к краху России, и причиной его будет не чей-то злодейский план, но исторически сложившаяся исключительно слабая культурная и экономическая интеграция страны, что в истории страны замесалось административной интеграцией.

Гражданская война в расколотом обществе имеет свою специфику, так как она приводит в конечном итоге к поражению обеих сторон. Самая большая ошибка белого движения заключалась именно в том, что оно вообще вело войну с советской властью, так как именно война ее укрепила. Кризис власти наступил после окончания войны. Гражданская война, которая могла бы вестись за националистические идеалы, с попытками насильственного возврата отделившихся в результате распада СССР народов, привела бы к катастрофическим результатам. В случае такой войны бедствия обрушатся на все народы, но для России она чревата полным крахом.

Еще одна важная проблема, которая, без сомнения, оказывает влияние на дальнейшую динамику страны, заключается в ее бедности, т. е. в пониженной способности освоения богатейших естественных ресурсов в экономически и экологически приемлемых формах. Причина хозяйственной отсталости заключается прежде всего в том, что в стране устойчиво сложилась псевдоэкономика, которая понуждает огромные массы людей в промышленности и сельском хозяйстве «производить» отрицательную чистую продукцию, т. е. на самом деле продать богатства страны. Из этого следует, что прогноз должен учитывать нарастающую борьбу за перераспределение ресурсов между отраслями, за монополию на дефицит, за цены как средство перераспределения ресурсов. Для прогноза это обстоятельство имеет фундаментальное значение, так как инверсионные повороты в этих условиях неизбежно будут носить характер переходов от победы деревни, т. е. от установления высоких цен на ее продукцию, к победе города, т. е. к изъятию без соответствующей компенсации продукции сельского хозяйства, и наоборот. В эту идеальную модель, однако, хозяйственные связи с Западом могут внести существенные коррективы.

Выход следует искать в новых тенденциях, которые создают новые ситуации и возможность новых решений. Новая ситуация складывается, например, в результате того, что рост цен в сочетании с борьбой против инфляции приводит к ограничению спроса. Именно к этому оказываются неподготовленными

монополии на дефицит, у которых практически не было проблемы сбыта. Попытки правительства обеспечить продвижение к рынку чисто финансовыми средствами не могут достигнуть цели, так как эти методы бессильны против инфляции издержек. Они могут снижать спрос, что сокращает производство. В этой сложной ситуации нужна тонкая сбалансированная политика, которая могла бы решать взаимоисключающие задачи: осуществлять давление на монополии, чтобы прекратить рост инфляции издержек, угрожающий перекрыть всякую хозяйственную активность, но одновременно поддерживать определенный спрос разными методами, включая некоторую инфляцию спроса, чтобы стимулировать производство. Эта внутренне противоречивая политика, требующая постоянного поиска меры, может быть эффективной при условии усиливающегося давления на хозяйственную жизнь растущего слоя частных предпринимателей. В противном случае ее результатом окажется лишь очередная перестройка системы монополии на дефицит.

Негативные процессы происходят в глубинах социокультурного организма, лишь проявляясь в поверхностных политических движениях. Эти процессы обнаруживаются в неспособности общества найти выход из сложившейся ситуации, в попытках спастись от одного мифа бегством к другому. Можно предположить, что поражены глубинные нравственные основания общества, что раскол проник столь глубоко и понимание обществом сути этого процесса столь недостаточно, что страна не в состоянии нащупать даже общее направление поиска выхода. *Общество как бы потеряло инстинкт самосохранения*, решая свои задачи за счет саморазрушения собственных подсистем, за счет экономии на всем — на медицине, образовании, экологии, на дублирующих системах защиты *ft* т. д.

Возможно, многие посетуют, что этот прогноз недостаточно оптимистичен, что он не обещает счастливую жизнь, т. е. жизнь, соответствующую разным исключаящим друг друга утопиям. Однако никто не гарантировал нам лучезарной жизни. Слова одного из персонажей В. Г. Короленко, что «человек создан для счастья, как птица для полета», не следует считать истиной. *Неблагоприятный прогноз надлежит воспринимать как напоминание о том, что человек не баловень истории*. Он может существовать не только следуя истории (т. е. собственному накопленному историческому опыту, исторической инерции), но и в *постоянном споре с историей*. Смысл этого спора заключается в развитии способности человека изменяться, совершенствовать себя, постоянно соединять, синтезировать в своей воспроизводственной деятельности изменяющиеся

условия, средства и цели, не позволять противоречиям между ними достигать разрушительных масштабов. Это означает, что *мало радующий прогноз должен рассматриваться как стимул, возбуждающий стремление людей к новым, более глубоким решениям.* На пути этого стоит удивительная массовая инфантильность. С одной стороны, общество постоянно ожидает чуда то от индустриализации, то от химизации, то от кукурузы, то, наконец, от рынка, который чудесным образом наполнит полки магазинов. Какой еще сказкой соблазнит общество очередной пророк? Общество может погибнуть потому, что вера в один фетиш сменяется верой в другой. С другой стороны, реформаторы также поражают образцами инфантилизма. Разве не инфантилизм — пытаться ввести рынок в сложном и одновременно ничего не знающем о законности в хозяйственной жизни обществе и не проявить при этом заботы о подведении законодательной базы под реформы? Образовавшийся вакуум немедленно заполнили преступные элементы, которые стали выполнять «бесхозные функции» гарантов нормализации выплаты долгов и других обязательств.

Спасение страны не в очередном прожекте, а в способности всех живых сил активно брать на себя конструктивную ответственность за общество, идет ли речь об открытии магазина, воспроизводстве государственности или обеспечении общей стабильности и порядка.

ГЛАВА III РОССИЯ СРЕДИ ДРУГИХ НАРОДОВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

МЕЖДУ ПЛЕМЕНОМ И ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Уже забытой, кажется, исходной точкой становления современного общества являются локальные образования, племена. Начало истории — множество локальных культур, ориентированных на отождествление соответствующих локальных сообществ с человеческим обществом вообще. При этом члены других сообществ, имевшие другой тотем, могли рассматриваться как нелюди. Для начала человеческой истории, до появления «неолитических людей», геноцид, «поголовное физическое устранение» людей иных сообществ, племен, был правилом¹.

Каждый последующий шаг развития человечества включает поиск некоторой меры между полюсами дуальной оппозиции «племенная культура — культура гражданского общества, правового государства», через смещение этой меры формируются формы единства народов, человечества в целом.

Возникновение объединений племен, народов постоянно опирается на племенные культуры, которые могут экстраполироваться на большое общество, создавать для него ограниченную форму всеобщего. Постепенно культура локальных сообществ интерпретируется, изменяется, этот процесс включает развитие культурного самосознания народов, осознание больших этнических и межэтнических формирований как ценности. С определенного этапа на этот процесс наслаивается возрастающая ценность личности. Попытка задержать его, т. е. возвратиться к чисто этническим сообществам, где личность растворяется в некотором абстрактном целом, может рассматриваться как форма расизма. Такой подход пытается свести большое общество к миру одного народа, одной языковой груп-

¹ Назаретян А. П. Интеллект во Вселенной. М., 1991. С. 114.

пы, одной религии, если она рассматривается как основание этнической общности. Представляется крайне опасным законодательное закрепление преимущества одного народа перед другим, злоупотребление представлениями о коренной национальности.

В основе гражданского общества лежит представление о высшей ценности личности как гражданина независимо от его принадлежности к той или иной племенной, национальной группе, религии и т. д. Племенное сообщество основано на представлении о своей естественности. Оно определяет происхождение каждого человека, его родство, своеобразную биологическую принадлежность к некоторой общности. Изгнание человека из нее равносильно смерти. Принятие в нее людей из других сообществ возможно, но оно рассматривается как их своеобразное перерождение, превращение, требующее инициации. В гражданском обществе общность основана на культурном принципе, согласно которому все в равной степени обладают правами человека, правом на защиту обществом независимо от тех или иных врожденных или приобретенных качеств. Очевидно, что у истоков традиционного общества лежат племенные культуры, тогда как гражданское общество и правовое государство являются разными определениями общества либеральной суперцивилизации.

Советское общество как многонациональное при своем возникновении встало перед проблемой определения своего места между полюсами все той же оппозиции «племенная культура — культура гражданского общества». Советское государство пыталось решить эту проблему, встав на позиции абстрактного интернационализма. Практически это была попытка отказа от племенной идеологии, попытка ее замены усеченной либеральной идеей о равноправии народов и граждан перед лицом государства. Слабость этой идеи, однако, как и слабость других усеченных либеральных идей, вошедших в систему официальной советской идеологии, в том, что она игнорирует культуру как особую форму реальности, игнорирует специфику различных культур. Общество отказалось от слияния с племенным полюсом и одновременно не могло слиться с противоположным полюсом. И здесь оно оказалось в промежуточном положении.

Идея интернационализма в той ее форме, как она сложилась в официальной советской идеологии, представляла собой, с одной стороны, некоторую абстрактную выжимку из разнообразия национальных культур, так как в каждой культуре содержится возможность диалога с другими культурами. Но, с другой стороны, в силу необходимости решать медиационную задачу она неизбежно была ориентирована на культуру или

культуры того народа или народов, которые представлялись наиболее важными, решающими в тот или иной момент, т. е. вопреки логике интернационализма тяготела к племенным ценностям. Эти два расколотых полюса разрушали друг друга внутри советской идеологии. Идеологическая интерпретация культуры или культур игнорировала все многообразие их богатства, но ориентировалась лишь на те аспекты, которые были необходимы для решения медиационной задачи. Стремление идеологии опереться преимущественно на одну культуру могло достигнуть такой силы, что фактически абстрактный интернационализм мог, по крайней мере на определенных этапах, стать формой, прикрывающей ведущий характер племенного принципа культуры.

Поиск меры осложнялся признанием права нации на самоопределение, что практически противоречило не только ориентации на ценность личности, но и ориентации на интернациональное государство. Фактически это означало признание в качестве субъекта государственности сообщества людей, связанных этнической племенной общностью и общностью территории. Эта идея близка к философии Версальского мира, творцы которого пытались провести в жизнь идею предоставления каждому народу своего государства. Практически это недостижимо, так как разные этнические группы живут совместно. Если некоторое этническое большинство сможет отделиться, то другие этнические группы, проживающие с ним, не смогут выделиться как субъекты. Следовательно, равноправие народов оказывается невозможным даже теоретически. В условиях СССР, где проживало 120 народов, идея формирования государства по национальному признаку не могла быть реализована. Во многих случаях даже нации, которые считались коренными, находились в меньшинстве. Представители одного и того же народа могли занимать разные территории, где ранее проживали разные народы, находились разные государства. Тем самым политика государственного устройства внутри бывшего СССР сталкивалась с невозможностью определить, какой народ должен быть субъектом на соответствующей территории. Во многих национальных автономиях РСФСР русские составляли более 80% населения. *Право наций на самоопределение непосредственно толкает к конфликтам, так как фактически оно дает право тем, кто сильнее. Выход заключается в ориентации на права личности, что в перспективе — возможно, отдаленной — ослабит фактор манипулирования границами, возможностью отделения и присоединения как способа решения проблем отдельных этнических групп, народов.*

Победа большевизма готовилась и была достигнута на основе истолкования массовых представлений о мире как столкновении космических сил, как борьбе бедных и богатых. Этот язык оттеснял на задний план истолкование конфликта Правды и кривды на основе этнических признаков. Однако идеология национальной унификации оказывалась в противоречии с ростом национального сознания в тем большей степени, чем активнее это сознание развивалось. При этом язык, связанный с этническими признаками, мог стать языком оппозиции, критики псевдосинкретизма. Социальная перестройка, сопровождавшая становление советского общества, не могла не активизировать рост национального самосознания. После 1917 года центр тяжести ценностей власти имел тенденцию смещаться от абстрактных интернациональных ценностей к ценностям племенным, что можно видеть, в частности, в победе Сталина над Троцким. Право наций на самоопределение в полной мере выявило свой фиктивный характер. После Сталина высшая власть приняла бесспорно одноплеменный (моноэтнический) характер, что, однако, не отменяло необходимости считаться с многонациональным (многоэтническим) характером общества. В этих условиях, как и раньше, стремление к порядку неизбежно приобретало характер унификации на основе ценностей народа, составляющего большинство.

В моей рукописи 1979 года было сказано: *«Ориентация псевдосинкретизма на русскую культуру не означает, однако, что эта культура процветает в ущерб другой. Господство псевдосинкретизма грозит русской культуре даже больше, чем культурам если не всех, то многих из народов, населяющих СССР. Эти народы могут черпать силы в борьбе с препятствиями, чинимыми культуре извне, тогда как русская культура, ее господствующая версия находится под гипнозом своей застывшей силы»*².

Массовое сознание России способно принять в свою среду любого человека независимо от его расы и национальности. Но оно не обладает развитой способностью устанавливать диалогические отношения с народами, стойко придерживающимися своих национальных ценностей. Об этом говорит И. Шафаревич: «Есть и типично русский порок в нашем отношении к другим народам... отсутствие внутреннего убеждения в их праве существовать именно в их самобытности». Шафаревич подметил, что русский человек считает всех людей равными себе в том смысле, что «сразу записывает их в русские», что свидетельствует о «неумении видеть границу, отделяющую нас от

² См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 2. С. 345.

других наций»³. Главный недостаток такого отношения заключается в том, что оно не содержит ответа на вопрос, как жить с другими народами тогда, когда выясняется, что они стремятся жить не как русские. Очевидно, *способность повседневного общения с другими народами на основании признания самоценности их самобытности формируется на протяжении длительного времени в городах, в условиях интенсивной торговли, взаимопроникновения сложных форм деятельности. Это имеет место в процессе урбанизации, роста, углубления специфической городской культуры.* В России, однако, этот процесс сильно задержался и носил характер псевдоурбанизации. Конфликт между абстрактным интернационализмом и ростом национального самосознания оказался неизбежным.

Далее я отмечал в 1979 году: *«Рост национального самосознания народов, населяющих СССР, несет опасность конфликта, если этот процесс не будет дополняться одновременно развитием способности к диалогу. Стрессовая ситуация, обострение борьбы за дефицит может послужить фактором, сталкивающим республики, фактором роста центробежных тенденций. Эти действия могут, в свою очередь, быть восприняты в России как национальное унижение, как поругание высшей Правды, что может толкнуть высшее руководство на опрометчивые и непродуманные акции»*⁴.

Этот прогноз 1979 года в принципе подтвердился. Изучение национального самосознания в Институте этнологии и антропологии АН СССР показало, что «державное сознание в условиях перестройки, ознаменовавшейся взрывом национальных чувств поначалу у нерусских народов, для русских стало опорной точкой в росте массового национального самосознания...»⁵

Далее в прогнозе предполагалось: *«Растущее национальное самосознание разных народов сталкивается с унификацией, с системой распределения дефицита. Каждая республика вынуждена постоянно вырывать для себя товары, ресурсы, капиталовложения и т. д. у правящей элиты. Истощение дефицита с железной необходимостью поведет за собой перераспределение кривой дефицита и, следовательно, некоторые республики, территории и т. п. окажутся ущемленными. Обделенные не согласятся страдать больше других. Система распределения дефицита для них остается иррациональной. В данном случае опасность конфликта коренится не в на-*

³ Шафаревич И. Р. Есть ли у России будущее?// Из-под глыб. Париж, 1974. С. 111.

⁴ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 345-346.

⁵ Дробизева Л. Кто завоюет русское большинство? Самосознание русских в годы перестройки// Независимая газета. 1991. 15 июня.

циональном самосознании, но в расколотом обществе, в раздирающей медиатор всеобщей борьбе за дефицит. Но поскольку решающее право распределения дефицита принадлежит высшему руководству, которое является властью России, борьба за дефицит неизбежно принимает формы конфликта между бюрократической элитой центра и национальных республик. Обострение положения, кризис дефицита на фоне роста национального самосознания может повести к углублению конфликта»⁶. Из этого в 1991 году делался вывод: «В связи с этим сохранение сложившегося порядка не представляется возможным»⁷.

Глубокое разнообразие народов, населяющих страну, столь велико, что они находятся фактически в разных цивилизациях. Одни из них в культурном отношении уже перешли границу либеральной суперцивилизации, тогда как другие находятся на дофеодальной стадии. Попытка каждого народа вырваться из тисков унификации, активизировать свои собственные ценности несет в себе опасность конфликтов, связанных с отличиями в ценностях. Это особенно ярко проявляется в условиях, когда одни народы развивают товарно-денежные отношения, тогда как другие рассматривают этот процесс как активизацию сил зла, как рост дискомфорта состояния. В этом случае этнический конфликт может выступать как результат конфликта ценностей натуральных и товарно-денежных отношений. Об этом, кстати говоря, свидетельствует конфликт с цыганами в Алапаевске, по поводу которого начальник милиции сказал, что если бы вместо цыган в городе проживала колония русских предпринимателей, то конфликт все равно имел бы место⁸.

РАСПАД ЦЕЛОГО

Молниеносный катастрофический распад СССР — свидетельство существования мощных сил распада, которые работали на разрыв, несмотря на, казалось бы, существовавшее хозяйственное единство страны. Это были прежде всего силы локализма, направленные на изоляцию регионов и сообществ, попытки стран и народов на волне роста национального самосознания встать на путь самостоятельного государственного развития. Это свидетельство того, что за время существования советской системы не было достигнуто реальных успехов в

⁶ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 346.

⁷ Там же.

⁸ Паишов А. Выстрелы в Алапаевске// Известия. 1991. 29 июня.

формировании механизма внутренней интеграции. Она практически осуществлялась в основном административными мерами, вплоть до террора, не были преодолены исторически сложившиеся колебания России между двумя крайними точками — максимальным сосредоточением власти у первого лица и максимальным сосредоточением власти в локальных мирах. Реальная сила механизмов интеграции на основе доэкономических, натуральных хозяйственных связей, на основе принудительного распределения государством ресурсов оказалась эфемерной. Все распалось почти мгновенно в момент катастрофического ослабления центральной власти.

Однако разрушение сложившегося порядка не сняло вопрос о том, какая система отношений должна установиться между бывшими советскими республиками. Очевидны определенные тенденции к сохранению отношений, в частности в сфере хозяйственных связей, проблем безопасности, получения выгодных дотаций, очевидно стремление сохранить привычные формы жизни, избегать конфликтов и т. д. Тем не менее этого оказалось мало для того, чтобы вдохнуть реальную жизнь в эфемерный СНГ. Локализм всегда несет в себе преобладание конфликта над сотрудничеством. Локализм — всегда реванш за издержки авторитаризма, как, впрочем, и наоборот. Наверх всплыли конфликтные ситуации по крайней мере двух типов. Во-первых, обострились исторически сложившиеся взаимные претензии, в том числе и территориальные. Во-вторых, в условиях синкретической государственности при отсутствии рыночных отношений, реальных стоимостных оценок в принципе невозможно рациональным образом найти всеобщий принцип перераспределения ресурсов, т. е. такой критерий, с которым все могли бы быть согласны. Это создает определенные предпосылки для конфликтов в каждой точке. В социально-психологическом плане в среде многих народов бывшего СССР часто проявляются представления, что все иные народы СНГ жили или живут за их счет. Начался новый цикл поиска меры между центром и периферией, где высокую значимость имеет стремление, хотя и имеющее разные формы и степень развития, возвысить племенные ценности, положить их в основу государственности. Поиск меры между стремлением абсолютизировать самобытность каждого народа и исторически сложившейся общей судьбой может не сопровождаться необходимым для эффективного решения ростом общей ответственности друг за друга, плюрализма, взаимной терпимости, самокритики собственной культуры и собственной истории. Невозможно игнорировать, что отставание в этой сфере, особенно при переходе от одного периода к другому, как и возможная насильст-

венная унификация, вдохновляемая имперскими амбициями, старыми обидами и т. д., перейдя определенную границу, может иметь трагические последствия для всех.

РОСТ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Советский период был связан с формированием новой идеологии, претендующей на господство. Какова ситуация сейчас? В 1979 и 1982 годах я писал: *«Можно предположить, что новый идеал будет носить значительно более национальные черты, чем существующий. В пользу такого предположения говорят по крайней мере следующие факты. Во-первых, следует ожидать обратной инверсии по отношению к идеологии переворота 1917 года, т. е. отхода от интернационализма, перехода к идеологии скорее славянофильской, чем западной»* (1979). *«Опасность заключается в том, что рост национального самосознания примет формы крайнего национализма, стремящегося отбросить другие народы, что развитие национального самосознания пойдет по пути развития националистического варианта манихейства. На то, что есть тенденции в этом направлении, обратил внимание еще Бердяев. В 1940 году он писал, что „вражда к национализму — русская черта“. В 1947 году его точка зрения изменилась: „Есть опасность национализма, которая есть измена русскому универсализму и русскому призванию в мире“⁹»* (1982). *«Во-вторых, продолжается медленный рост национального самосознания русского народа. В-третьих, сложившийся в стране своеобразный вакуум культуры создает благоприятные условия для обращения к православию. Исторически сложилось так, что в России обращение к православию превращается в форму национального самосознания, что опять-таки усиливает стремление к древним ценностям России. В-четвертых, растут определенные настроения своеобразного национального изоляционизма, осознание тяжести для России существования многонационального государства, сохранения обременительных связей с другими странами, которые, по мнению определенной части населения, обходятся нам слишком дорого. Растет усталость от мессианизма, горечь от инцидентов, подобных тем, которые имели с Китаем и Египтом, представление о том, что нас все эксплуатируют»* (1982)¹⁰.

⁹ Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991. С. 7, 305-306.

¹⁰ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 348-349.

С тех пор положение значительно усложнилось. «Недовольство ухудшением экономического положения в республиках и общей политической и морально-нравственной обстановкой (что особенно ощущалось в последние годы руководства страной Л. Брежневым и К. Черненко) проецировалось на Центр, который ассоциировался с русскими». В результате «у русских появились оборонительные, защитные, а у части и наступательные настроения... которые вызывали реакцию консолидации среди русских в самой России... Межнациональные установки русских ухудшились не только в республиках, но и в России... По опросам конца 80-х годов, доля русских с этническими предубеждениями возросла не менее чем в 1,5-2 раза»¹¹.

Существует опасная тенденция абсолютизации племенной культуры. Г. Шиманов давно защищал необходимость борьбы с диалогом между народами. Нации не должны «без нужды общаться с инородцами». «Национальные организмы должны быть замкнутыми и непроницаемыми друг для друга». Курьезно то, что эта программа крайнего национального локализма сочетается с идеей сохранения многонационального советского общества, которое рассматривалось как «мистический организм», состоящий из наций, «дополняющих взаимно друг друга и составляющих во главе с русским народом малое человечество — начало и духовный детектор для человечества большого». У Шиманова замкнутость наций каким-то образом сочетается с идеей всемирного православия. Налицо программа, которая прямой дорогой ведет к самоубийственным конфликтам между народами.

Подобные настроения могут найти отклик в национальных республиках. А. Амальрик предвидел, что в кризисной ситуации «крайне усилятся националистические тенденции у нерусских народов Советского Союза, прежде всего в Прибалтике, на Кавказе и на Украине, затем в Средней Азии и в Поволжье», что «в ряде случаев носителями таких тенденций могут стать национальные партийные кадры»¹². В конечном итоге можно предположить инверсионный переход от модификации идеологии извечной борьбы бедных и богатых к ее модификации как столкновения народов.

Автор «Снов земли» пишет: «Видимо, за попыткой догнать и перегнать Запад должен быть зигзаг обособления в себе, берложности и переваривания проглоченного... Кто знает? Может быть, почвенный зигзаг необходим» (Самиздат). Следователь-

¹¹ Дробижеева Л. Кто завоеует русское большинство?..

¹² Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? (Самиздат); см. также: Погружение в трясину (Анатомия застоя). М., 1991. С. 672—673.

но, мысль о возможности существенного поворота к национальным ценностям как своеобразной реакции на период господства псевдосинкретизма в разных формах имела хождение в стране.

Исследования показывают, что на первых шагах перестройки до 1989 года как команда Горбачева, так и леводемократический фланг «не были ориентированы, за редким исключением, на использование национальных идей. И в этом была одна из особенностей России...» Ситуация изменилась с середины 1989-1990 года. Исследования показывают, что, «хотя русская „национальная идея“ в интерпретации патриотического направления общественной мысли широкой популярностью в массах тоже не завоевала, в целом национальные чувства, особенно в связи со вскрывшимися пороками прошлого, недопустимыми условиями жизни, достигли того предела, за которым могли последовать популистские взрывы. И в этот момент произошёл кардинальный поворот в использовании идей российского патриотизма... В мае 1990 года радикальное демократическое направление само выступило с наиболее популярными идеями национально-патриотического движения... Б. Ельцин активно отстаивал в своих предвыборных выступлениях идею российского суверенитета... К весне 1990 года русскую идею взяли на вооружение не только национально-патриотическое, но и демократическое движение... Все заметнее становилась поляризация сил и их конфронтация... „Демократической России“ победу в значительной мере обеспечивали идеи защиты интересов русских и ориентация на возрождение России»¹³. Отсюда, в частности, и возможность обращения к антисемитизму как языку, на котором может быть выражен самый архаичный разрушительный вариант роста национального самосознания. «Исследования показали, что существуют „анти-семитские настроения“... у 1/5 населения в Европейской части России... отмечались такие настроения и в Белоруссии»¹⁴.

Антисемитизм по своей сути играет важную роль как язык крайних форм традиционалистского движения, на котором разные группы пытаются установить контакт вовсе не только по поводу евреев, но по всем основополагающим вопросам судьбы страны, прежде всего по вопросам отношения к власти, к различным группам, их отношений между собой. Для этих людей еврей — это воплощение мирового зла, это вовсе не тот, кто еврей «по крови», «по паспорту», а тот, кто еврей «на деле», т. е. фактически любой человек, любая группа с иными установками. Антисемитизм не есть только отношение к ев-

¹³ Дробизева Л. Кто завоеует русское большинство?..

¹⁴ Там же.

реям. Это форма постоянного тренажа манихейской идеологии, постоянного сохранения готовности на место евреев поставить любую другую этническую или социальную группу.

В этой связи важен анализ событий в середине июня 1992 года вокруг Останкинской телебашни. Здесь собралась толпа с антисемитскими плакатами, с требованиями предоставления эфирного времени. Разумеется, можно было бы не упоминать эту кучку хулиганов, если бы не симптоматичность этих событий. Они показали, что, во-первых, имеется потенциал активизации деструктивных элементов, которые склонны к поискам самых крайних форм выражения своего эмоционального неприятия власти. Во-вторых, во главе этого движения становятся, как всегда, некоторые интеллигенты. Они могут использовать такое архаичное движение для своих политических целей как некое утилитарное средство, даже в том случае, если идеология этой толпы не совпадает с их собственными идеалами. Например, во главе этого сборища стал коммунист В. Анпилов, который пытался искать компромисс и договориться с властью. Однако идея компромисса не была поддержана толпой. Очевидно, только бескомпромиссное манихейство, поиск бесповоротно конфликтной манихейской интерпретации общества адекватны этой толпе. Раскол народа и интеллигенции постоянно толкает интеллигенцию приспособляться к волнам массового сознания. Данный слой интеллигенции вовсе не смущает, что он при этом теряет свою идентификацию. В-третьих, события в Останкине показали, что власть, по крайней мере ее часть, слабо представляет себе ситуацию. Она несколько дней делала вид, что экстремистский хулиганский шабаш с применением насилия против милиции — всего лишь одна из форм проявления демократии. Представители власти в ранге руководителя телевидения и министра правительства России вступили в переговоры с делегатами толпы. Все это свидетельствует о том, что по крайней мере часть представителей либеральной власти вполне способна под давлением архаичной разрушительной толпы сползти к любым самым крайним идеям, т. е. эта часть может согласиться на поддержку националистической инверсии. При этом речь ведь шла не о массовом движении, а о ничтожном сборище, для разгона которого достаточно было 50 милиционеров.

Этот небольшой эпизод свидетельствует, что все доходящие до глубин жизни России пронесшиеся над ней бури, начиная с Великих реформ прошлого века, не смогли изменить существенные параметры общества, и прежде всего не преодолели раскол. Он вновь и вновь время от времени ставит интеллигенцию и власть, каких бы идей они ни придерживались, на край

метафизической бездны, толкает и тех, и других к смене своих парадигм, к маскараду, и они слишком часто идут на этот маскарад, теряя себя, свое лицо, попирая элементарную нравственность.

РОССИЯ И ЗАПАД

Промежуточное положение России неизбежно делало ее отношения с Западом как носителем либеральной цивилизации проблемой первостепенной важности. Советская система при своем возникновении бросила Западу великий вызов. Западная цивилизация должна была погибнуть под ударами мировой революции, при свете наконец проснувшейся высшей Правды. Впечатление о справедливости этой точки зрения усиливалось тем, что Запад, пытаясь решить свои задачи, искал ответы, апеллируя подчас к иным культурам, включая культуру России. Обращение к ценностям Востока — старая традиция Запада. Еще с древности, с IV века до н. э., в античном мире нарастала тенденция идеализации скифов, которая существовала до самой его гибели. Вольтер ставил в пример Европе Индию, Китай, Россию, преувеличивая позитивные стороны политики русских царей. По его словам, Петр I «в двадцать лет изменил нравы, законы, дух самой обширной на земле монархии» и т. п. Существует целая история попыток западной интеллигенции отыскать альтернативу фашизму, в силу чего она закрывала глаза на то, что происходило в сталинской России. Это *стремление Запада искать Правду на Востоке сослужило плохую службу как России, так и самому Западу*. Инакомыслие России оказалось в изоляции не только внутри страны, но и в мировом масштабе. Противники Сталина не пользовались поддержкой на Западе. Мир боялся взглянуть в глаза реальности XX века и тем самым обезоружил себя перед совершенно новыми явлениями. Запад не осознавал действительного смысла великого вызова, не увидел позади кучки большевиков гигантской многомиллионной силы, не понял взрывоопасности раскола для России, для человечества. Очевидно, и сегодня Россия — стимул для сочинения на Западе некоторых мифов, в частности, используемых там в спорах о справедливости.

Запад выступает для России в разных модальностях. Он прежде всего — некоторое неизбежное условие нашей жизни, которое одновременно является воплощением мирового зла как средоточие и источник разложения, средоточие ложных учений и ложной жизни. Вектор конструктивной напряженности оппозиции «Россия — Запад» указывает, что от Запада к

нам идет зло. Это стимулирует страх, активность субъекта к защите наших ценностей, высшей Правды, усиливает страх перед отпадением, которое автоматически ведет к приобщению ко злу Запада. Эта интерпретация может приобрести жесткий манихейский характер, что влечет за собой рассмотрение оппозиции «Мы — Запад» как извечной борьбы космических сил.

Вместе с тем дуальная оппозиция «Мы — Запад» может рассматриваться *через интерпретацию Запада как непревзойденного источника реальных и потенциальных средств, образцов для наших целей*: техники, науки и т. д., которые могут быть утилитарно использованы буквально во всех сферах нашей деятельности, как источника кредитов и прямой помощи. Здесь вектор конструктивной напряженности меняет свою направленность на противоположную. Либеральный Запад может оцениваться и как источник целей, включающих, например, освобождение личности, права человека, достижение изобилия, справедливости, высокого уровня творчества и т. д.

Запад, с одной стороны,— это зеркало, в котором мы видим убожество наших условий, средств и целей, но, с другой — это культура, к которой мы постоянно обращаемся за помощью. Это мера всех вещей, воплощенная справедливость. На разных этапах развития общества Запад как полюс дуальной оппозиции может играть различную роль. Например, в условиях господства сталинизма манихейская модель была единственно возможной, тогда как на следующем этапе получила преобладание интерпретация Запада как неиссякаемого источника средств. Российский либерализм тяготеет к рассмотрению Запада как источника высших ценностей.

В самой либеральной цивилизации, однако, имели место существенные сдвиги. Запад при возникновении советского общества повернулся к России прежде всего своей негативной стороной, авторитарными режимами, фашизмом, который предпринял опустошительную войну против СССР. Все это подогревало, укрепляло манихейские представления массового сознания, питало манихейскую идеологию, оправдывало существование официального насилия, подавления человека. Теперь положение коренным образом изменилось. Выяснилось, что западный либерализм реально осуществил и осуществляет те идеалы, которые были вкраплены в официальную советскую идеологию, те ее аспекты, которые обещали народу блага в результате победы «социалистического» строя. Выяснилось, что именно либеральная цивилизация имеет ключ к научному, техническому прогрессу, к гуманизму, тогда как традиционализм мог сделать шаг вперед, лишь опираясь на научно-тех-

нические достижения Запада. *Образ алчного капиталиста, превращающего людей в золото, померк на фоне сталинских лагерей. В великом споре, который постоянно вели между собой традиционная и либеральная цивилизации, последняя одержала решающую победу.* Это не было еще достаточно ясно во время составления прогноза 1979 года, когда могло казаться, что Западу не хватит жизненных сил, чтобы парализовать внешнюю агрессию и враждебность традиционализма. Однако и тогда уже было очевидно, что, например, оккупация Западной Европы Советским Союзом, если бы она имела место, привела бы к катастрофическим для России последствиям в связи с ее неспособностью переварить достижения либеральной цивилизации.

Оказалось, что ценности либерализма, связанные с ростом значимости личности, благосостоянием, гуманизмом, свободой и творчеством, были не обманом, как это заявляла антизападная пропаганда, но реальными достижениями. Они оказались жизненно важными не только для либеральных стран, но и для всего мира. Либеральная цивилизация победила в кровавой войне те режимы и государства, которые использовали средства, наработанные либерализмом, для укрепления традиционализма, утверждения антигуманизма, восстановления племенных ценностей в масштабе большого общества.

Победа либерализма получила свое яркое выражение в войне против Ирака в 1991 году, которая стала в некоторых аспектах поворотным пунктом в международных отношениях. Во-первых, она со всей отчетливостью показала, что военные силы либерализма в состоянии парализовать возможность агрессивных войн, покарать, заставить отступить мощного агрессора. Во-вторых, можно говорить о том, что либеральная цивилизация практически достигла такого уровня военного превосходства, опираясь на свои нравственные, организационные, культурные, технические возможности, который не позволяет ее возможным противникам рассчитывать на решающую военную победу.

Развитие либеральной цивилизации совпадает с *формированием первой универсальной культуры человечества*, которая оказалась сильнее всех мировых религий по своей массовости, широте и глубине охвата, по своей способности превращаться в основу не только церкви, но и государства. Эта культура носит *плюралистический, диалогический характер*, позволяя одновременно культивировать и исторически сложившиеся культуры, т. е. сохранять самобытность, разнообразие культур. Она носит *динамичный характер*, имеет тенденцию опираться на науку. Эта культура во многом позволила либеральной ци-

визации в конечном итоге неуклонно повышать уровень сложных решений, затрагивающих судьбы стран и человечества, оставляя позади жалкие потуги провинциальных и невежественных лидеров России решать судьбы стран и народов. Именно в способности повышать эффективность принимаемых решений и лежит решающее преимущество либеральной цивилизации. Это стало особенно очевидно начиная с нового курса президента США Ф. Рузвельта, с разработки эффективных антикризисных механизмов. *Историческая практика либеральных обществ показала, что высокий уровень культуры и творческий потенциал дают эффект не только в локальных масштабах, но и на уровне больших обществ, гигантских объединений стран и народов, о чем свидетельствует развитие единой Европы.* Растущее число стран и народов поворачивается лицом к либерализму, традиционный Восток — прежде всего Япония, «четыре дракона» и еще ряд стран — все дальше отходят от господства традиционализма. Создалась новая ситуация, которая характеризуется *осознанием, что именно Запад и есть современное общество*, что сильно ухудшило условия для попыток традиционализма бороться против либерализма. Однако опыт истории учит, что массовые движения, положение которых ослабляется, например, слабеющие религиозные секты, тем не менее могут вступать в бой с удвоенной, удесятеренной энергией. Традиционализм подчас взрывообразным способом бросается на защиту своих ценностей. Об этом свидетельствует и антимодернизаторский взрыв в Иране, ожесточение традиционализма в разных концах мира, *терроризм*, который можно рассматривать как *последний бастион традиционализма.*

Следует отметить, что при взгляде из России победа либеральной цивилизации стала особенно очевидной в результате событий в странах Восточной Европы в 1989-1990 годах. В ответ на кризис они с разной степенью последовательности пытались встать на путь либеральной цивилизации, обратиться к потенциалу Запада. Человечество не выработало альтернативы этому пути разрешения проблем выше определенного уровня сложности, нахождения новых смыслов социальных проблем высокой сложности, поиска реальной «цветущей сложности» (понятие К. Леонтьева).

Сегодня, в третьем этапе нашей истории, значение Запада возрастает — как эталона, образца для всех, кто стремится к высокой эффективности. Мы, кажется, хотим быть Западом. Запад, однако, — это не только полные магазины, но и способность постоянно повышать эффективность воспроизводства во всех его формах. Истощение реальных воспроизводственных

ресурсов стимулирует нас видеть в Западе еще недостаточно используемый источник ресурсов в виде гуманитарной помощи. Основная помощь, которая нужна России,— это прежде всего рост конструктивной самокритики, рефлексии. Она нужна в достаточно глубоких и скрытых сферах, где возможности помощи, да еще в массовом масштабе, представляются ограниченными и даже нереальными.

Положение России как «застрявшей» между двумя суперцивилизациями, *возможность перехода к либеральной цивилизации не означает, однако, превращения России в Запад. Запад не тождествен либеральной цивилизации.* Предполагаемый переход России к либеральной цивилизации возможен как углубление, а не нивелировка российской специфики, углубление аспектов своей культуры, своей жизнедеятельности, которые ведут к либерализму. Существование Запада для России — постоянный стимул новых возможностей собственного развития, стимул критики собственного исторического опыта.

РОССИЯ И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Крах государственности в конце второго периода означал одновременно и крах КПСС, и полный развал мирового коммунистического движения. Тем не менее оно не исчезло. В России существует целый ряд коммунистических партий, которые считают себя преемницами КПСС с теми или иными оговорками. Кроме того, очевидно, что коммунистическое движение имело свои традиции, идущие от древней веры людей в возможность, вопреки росту государственности и социальной дифференциации, сохранить некоторые первобытные идеалы. Это стремление в тех или иных формах, по-видимому, никогда не исчезнет.

Важнейший аспект взаимоотношений Советской России с Западом заключался в том, что она при своем возникновении стала центром мирового коммунистического движения. Это само по себе идеологически как бы подтверждало, что наша Правда является и всеобщей Правдой. Вместе с тем существование этого движения в мировом масштабе свидетельствовало об определенных его объективных предпосылках и в других странах. Существование мирового коммунистического движения — довод в пользу того, что при всей самобытности России ее путь свидетельствует о некоторых общих закономерностях. *В принципе можно сказать, что коммунистическое движение эпохи либеральной цивилизации заключается в стремлении создать особую форму промежуточной цивилизации, соединить определенные элементы традиционных и либеральных*

ценностей, рассматривая последние в качестве средств. Причем это соединение должно отвечать решению медиационной задачи, соединению массового сознания с государственностью на основе утилитаризма. Этим коммунистическое движение отличается от эволюционного стремления на почве либерализма выйти за рамки капитализма и от прямого синкретического бунта, непосредственного стремления вернуться к старым временам. Оно отличается и от социал-демократии, которая идет по пути либерализма, но одновременно пытается создать мощную социальную защиту для тех, кто не способен воспринять либеральные ценности и потому с трудом вовлекается в сферу их действия или вовсе выпадает из этой сферы. *Коммунистическое движение несет в себе определенный элемент модернизации* и, следовательно, тяготеет к соответствующей идеологии, включающей не только отрицание либерализма, но и признание некоторых его ценностей. Эта двойственность придает ему определенную гибкость, но одновременно подвергает его опасности с двух сторон — со стороны как либерализма, так и традиционализма. *Коммунистическое движение связано с переходом от традиционной суперцивилизации к либеральной.* Оно достигало максимума энергии где-то в средних эшелонах стран и ослаблялось в первых и последних. Во всех эшелонах коммунистическое движение опиралось на идею руководящей роли рабочего класса как силы, реально, организовано воплощающей единство традиционализма и технических элементов либеральной цивилизации, идеи роста. Однако представления о рабочем классе в разных эшелонах стран были различны. В первых эшелонах возникла традиция включать в рабочий класс всех трудящихся, тогда как в последних — всех бедняков.

В первом эшелоне коммунистическое движение получило слабое развитие, так как стремление к либеральной цивилизации переварило традиционализм изнутри. Там не создалось мощной силы, которая стремилась бы решительно повернуть вспять, массовая база традиционализма неуклонно разлагалась. Крестьянские войны были уже позади. Вспышки недовольства рабочих не могли изменить общего направления развития. Кроме того, их борьба постепенно приняла характер столкновений на почве порядка, основанного на частной инициативе. Тем не менее в критическом отношении массового сознания к либеральному строю есть элементы, идущие от традиционализма. Он не исчез, но отступил на нижние уровни культуры.

Возникновение коммунистического движения связано со вторым эшелонам стран, где либерализм, чье развитие уско-

рялось внешними импульсами, пытался утвердиться, не приобщив в должной степени к своим ценностям весь народ. Возникновение марксизма в Германии было стимулировано страданиями рабочих — слоя населения, в то время еще близкого традиционализму, но попавшему в новые условия. Однако традиционалистский пафос Маркса преодолевался признанием относительной прогрессивности капитализма. Следы традиционализма можно видеть у Маркса, например, в рассмотрении денег как «всеобщего извращения индивидуальностей», но одновременно это не мешало Марксу оценивать их как «подлинно творческую силу» («Экономическо-философские рукописи 1844 года»). Во втором эшелоне, прежде всего в Германии, Италии, возможно, Франции, коммунистическое движение получило значительное развитие, так как существовали слои, опасавшиеся дальнейшего движения вперед на либеральной основе. Идеал коммунизма здесь рисовался как использование всех достижений либеральной цивилизации путем соединения их с ценностями города, городского рабочего.

В третьем эшелоне, т. е. в России, коммунистическое движение пыталось изменить западный идеал коммунизма, с тем чтобы соединить ценности науки и техники, машинной цивилизации с общинными идеалами крестьянства, чтобы создать общество-общину. Кажущееся равновесие между традиционализмом и элементами либеральной цивилизации скрывало преобладание традиционализма, однако до глубины пораженного утилитаризмом. Коммунистическое движение в этом эшелоне, как и во всех последующих, отошло от точки зрения Маркса, что «коммунистическое движение никогда не может исходить из деревни, а всегда только из городов»¹⁵. Большевик делал ставку на город, но сами города с их слабо развитой городской культурой оказались захлестнуты деревней, и сами господствующие идеалы не порывали с традиционализмом деревни.

Возможно, к последнему эшелону можно отнести Кампучию, где была сделана попытка в максимальной степени вернуться к древним формам цивилизации, истребить утилитаризм, городскую культуру, интеллигенцию, квалифицированных рабочих, всех, кто как-то возвысился над средним уровнем. Использование средств либеральной цивилизации сводилось практически к военной технике. Тем самым это движение лишь с определенной натяжкой можно расценивать как коммунистическое.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 350.

Из прогноза 1979 года: «Хотя коммунистическим движениям всех этих эшелонов присущи общие черты, тем не менее склонность к монологу заставляет их опасаться друг друга. Особенно опасны близкие формы. Если вектор конструктивной напряженности Маркса повернут вперед, т. е. к прорыву через капитализм, то Кампучия Пол Пота стремилась к восстановлению догородского первобытного традиционного общества. Весь спектр векторов компартий расположен между этими двумя точками. В сущности, на своих флангах оно теряет свою специфику. На одном фланге (Кампучия) оно сливается с чистым синкретизмом, на другом (еврокоммунизм) — становится формой либерализма. В последнем случае возникает опасность антилиберальной реакции в самих партиях.

Трагедия коммунизма заключается в том, что его цели отвечают определенным формам промежуточного сознания, образа жизни, но не отвечают принципиальным возможностям социальной деятельности и социальной организации. Это движение может овладеть совершенной техникой, но не может соединить в одно два разнородных типа общества, как невозможны способные к воспроизводству биологические гибриды далеко отстоящих друг от друга видов»¹⁶.

Коммунистическое движение третьего эшелона (т. е. России) в условиях раскола приобрело специфическую форму большевизма, так называемой партии нового типа. Эта партия в силу своего ошеломляющего успеха в 1917 году создала образец для всех иных партий, ставших на путь имитации большевизма в самых различных конкретно-исторических условиях. Коммунистическое движение в своей большевистской версии опиралось на способность людей создавать интеллектуальные построения, внутренняя логика движения которых способна постоянно амбивалентно ориентироваться не только на некоторый принцип, но одновременно на его отрицание, ориентироваться одновременно на отрицающие друг друга ценности двух цивилизаций, на постоянный устойчивый поиск их отношений, на формирование общества, основанного на хромающих решениях. Большевизм направлен на формирование государственности особого типа, которая в процессе решения медиационной задачи была способна манипулировать государственным аппаратом, армией, самой партией, профсоюзами, церковью и т. д. Большевистская версия коммунистического движения ставит своей задачей быть выразителем настроений и интересов миллионов людей, что делает его утилитарную

¹⁶ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 357-358.

беспринципность результатом мозаики культурной ситуации общества, стремления сохранить цель в бурном море социокультурных перемен. Это, между прочим, означает, что коммунистическое движение в исторической перспективе открыто и либерализму, как, впрочем, и традиционализму, т. е. двум противоположным вариантам своего самоотрицания. Именно этим объясняется возможность возникновения либеральных коммунистических правящих элит, способных добровольно или почти добровольно отойти от власти в критических ситуациях в тех случаях, когда именно этот шаг позволяет уменьшить опасность дезинтеграции общества. Это явление можно было наблюдать в ряде стран Восточной Европы. В условиях перестройки в СССР можно было наблюдать попытку сознательного смещения центра власти от партийных структур к государственным, что завершилось крахом партии как инструмента власти и победой либерализма.

В целом коммунистическое движение не имеет четких границ и выступает как диапазон утопических движений, стремящихся интегрировать общество на основе того или иного варианта синтеза эрозированного традиционализма, вооруженного либеральными средствами, с усеченным либерализмом. Коммунистическое движение в конечном итоге — всего лишь проявление попыток традиционализма приспособиться к новым процессам, к различным эклектически вырванным элементам либеральной суперцивилизации, к новому уровню потребностей, но при одновременной парадоксальной попытке низвести эти элементы до собственного уровня. Поэтому культурное и идеологическое содержание этого движения в разных странах (включая бывшие республики СССР) существенно различно, что сознательно или неосознанно вуалировалось унификаторскими устремлениями центрального руководства КПСС.

Значение коммунистического движения заключается также в том, что оно показало: на переломе между двумя суперцивилизациями возникают мощные движения, препятствующие этому переходу. Они могут носить разный идеологический характер, включая национализм, фундаментализм, формировать различные идеологические гибриды.

Коммунистическое движение, само его название оказалось сильно дискредитировано (везде, кроме России) не только в результате его краха в СССР, открывшего картины неслыханных преступлений, но и ярко выраженной его повсеместной нефункциональности, повсеместной неспособности решать реальные проблемы. Однако опыт этого движения, прежде всего его способность создавать веер сочетаний традиционализма и усеченного либерализма, гибридных сочетаний нравственных

идеалов, одобренных утилитаризмом, открывает путь для понимания сути бесконечных аналогичных движений, которые ищут другую идеологическую окраску, в частности религиозную, для подобных эклектических сочетаний.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Борьба за высшую Правду в мировом масштабе придавала внешней политике псевдосинкретизма совершенно особый метафизический смысл. Люди, ее проводившие, чувствовали себя носителями Правды, что освобождало их от всяких нравственных норм, что, впрочем, не мешало им соединять свое представление о Правде с утилитарными целями, подчас примитивными и узкими.

Высшая Правда, в условиях господства псевдосинкретизма вписывавшаяся в манихейский миф, требовала вражды к Западу. Идея высшей Правды постепенно проникалась утилитаризмом — некоторым неопределенным представлением о необходимости максимизации пользы для нас и максимизации вреда для наших реальных и потенциальных противников. Разумеется, сами критерии пользы и вреда носили случайный характер и не поднимались выше уровня обыденного сознания. Поэтому просчеты во внешней политике стали повседневным делом. Внешнеполитическая тактика позволяла получать маленькие выигрыши, но постоянно вела к проигрышу в главном, вела к ослаблению связей с миром, подрывала интеграцию мира. Если утилитаризм в своих расчетах не в состоянии опереться на реальные тенденции, он неизбежно порывает связь с глубоким ходом истории и поэтому в конечном итоге проигрывает.

«Например, захват Афганистана остался бы просчетом даже в случае быстрого военного решения, так как он является вызовом крепнущему нравственному идеалу человечества, отвергающему вооруженное вторжение одной страны в другую. Это вторжение приводит к проигрышу в главном, оно усиливает военную опасность, ослабляет страну, увеличивая число народов, которые будут ждать удобного момента, чтобы освободиться от оккупации» (фрагмент 1980 года)¹⁷.

Просчетом была довоенная внешняя политика, закрывавшая глаза на агрессивность и авантюризм фашизма, политика, которая уничтожила буферные государства между СССР и Германией и открыла врагу путь в страну, манихейская поли-

¹⁷ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 359.

тика, питаемая враждой к либерализму и приведшая к катастрофе 1941 года.

Из прогноза 1979 года: *«Просчетом является современная внешняя политика, которая в определенном смысле — инверсия на довоенную. Она направлена на подготовку к войне в таких масштабах и такими методами, что приводит к росту военной опасности. Внешняя политика, основанная на псевдосинкретизме, неуклонно разрушает сама себя. Можно лишь удивляться тому, насколько утилитарная политика, оценивающая себя как основанную на расчете и анализе реальности, в действительности склонна действовать вопреки ситуации, поддаваться инверсионным силам, инверсионной реакции на прошлые неудачи, действовать по аналогии с прошлыми удачами, не замечая, что мир уже стал другим.*

Современный утилитаризм не учитывает, что сила сеет страх во всем мире, а страх не только вызывает ответную подготовку к войне, но и сам по себе является грозной опасностью. Страна, постоянно увеличивающая свой военный наступательный потенциал, страна, которая за последние несколько десятилетий постоянно увеличивала свои территории, зону, занятую войсками, склонная оказывать „братскую помощь“, включающую ввод войск, не может не внушать возрастающего страха, а эскалация страха — путь к войне»¹⁸.

Внешняя политика шестого «застойного» этапа поставила страну в изоляцию, превратила ее в глазах всего мира в опасного агрессора. Общий отказ от манихейской идеологии на седьмом этапе привел к отказу от манихейской внешней политики. Это, несомненно, было результатом не только принципиального изменения господствующего нравственного идеала, но и понимания явной невыгодности с точки зрения утилитаризма, безусловного стремления к максимизации пользы «нам» и вреда «им», даже если критерии утилитаризма формируются на основе манихейских представлений. Успех внешней политики на седьмом этапе — свидетельство патологического характера прошлой внешней политики. Тем не менее опасность возвращения к манихейству существует. Эта возможность вытекает из более общей возможности краха господствующего антиманихейского нравственного идеала, что неизбежно вызывает мощную потребность в смене идеологии, в возврате к представлению о существовании различных внешних и внутренних врагов, т. е. создает иную культурную основу для внешней политики. Это может быть новая версия всемирного

заговора против России «руссофобов», которые окажутся «виноваты» во всех бедах. Не исключен такой поворот в результате внутренних конфликтов, в которые могут оказаться втянуты пограничные, а возможно, и более отдаленные страны. Не исключен и вариант прихода к власти сил с имперскими амбициями, пытающихся поднять племенное сознание до масштабов большого общества. Одним из стимулов этого является катастрофический распад СССР и растущая в результате этого унижения национального чувства обида за непризнанную Правду, за «неблагодарность» и т. д.

Здесь нет, разумеется, автоматизма. Возможен разрыв между оголтелым идеологическим манихейством и относительно спокойной внешней политикой. Опыт прошлого, однако, не свидетельствует в пользу высокой способности правящей элиты на такое опосредованное мышление.

Внешняя политика — не только результат внутренних процессов. Она зависит от партнеров, от их знаний правил, по которым ведется наша внешняя политика. Очевидно, что если партнеры поведут себя таким образом, что сделают манихейскую политику утилитарно невыгодной, т. е., например, слишком дорогой, то это послужит фактором отхода от манихейства утилитарной внешней политики. Внешняя политика до этапа перестройки постоянно колебалась, с одной стороны, между манихейским стремлением предотвратить опасность сближения и, в конечном итоге, перехода к либеральной цивилизации, с другой стороны — достижением того, что в тот момент считалось пользой. Внешняя политика, следуя логике хромающих решений, металась между «принципиальностью» и «реализмом».

Горбачев отказался от рассмотрения войны с мировым империализмом как естественного результата раскола мира на лагери социализма и капитализма. Это был отказ от идеи внешнего врага как определяющего фактора всей жизнедеятельности общества, от возможности черпать энергию для интеграции общества в страхе перед мифическим злом, в запугивании общества жупелами империализма, сионизма и иных внешних врагов. Сменилась модель мира, но в итоге расколотое общество лишилось важного интегратора, что снизило массовое признание ценности государственности, способность ее воспроизводства.

Одновременно изменился геополитический взгляд на мир. Манихейская картина мира была проста: весь мир делился на два антагонистических лагеря, готовящихся к очередной смертельной схватке. Между ними могла иметь место промежуточная сфера, части которой следовало различными тайными и

явными средствами перетягивать на нашу сторону, чтобы усилить свою позицию перед неизбежной схваткой. Теперь же мир распался на великое множество особых стран и народов. К ним неожиданно присоединились и бывшие республики СССР со своими многочисленными и сложными проблемами и претензиями к России. Здесь нужна была новая внешнеполитическая философия, новый взгляд на геополитику, принципиально отличную от прошлой. Изменилась не только философия, модель мира, но фундаментальные факторы геополитического положения России. Добываясь суверенитета, руководство России фактически возглавило на республиканском уровне борьбу за ослабление и уничтожение СССР. Составные части СССР из внутренних частей империи превратились для России в «ближнее зарубежье», отношение с элементами которого стало сложной проблемой. Объективно Россия оказалась отодвинута от Запада, от нее в первую очередь отделились западные республики, что усиливало в стране незападнические элементы и вместе с тем парадоксальным образом сочеталось с поворотом внутренней и внешней политики страны к западничеству. Попытка заключить устойчивое соглашение между тремя славянскими государствами, превратить их союз в некий костяк нового содружества окончилась неудачей, так как силы локализма, недостаточная потребность бывших республик друг в друге в условиях активизации локализма, всеобщее стремление каждой из стран, выделившихся из СССР, усилить свои позиции в борьбе за монополию на дефицит противостояли различным формам этого объединения. Между тем хозяйственная дезорганизация, опасность взаимных конфликтов по бесчисленным поводам, отсутствие пригодных и освященных опытом способов разрешения взаимных проблем толкали в противоположную сторону. Но силы локализма, страх перед тем, что руководство России займет место имперского центра, до сих пор стимулируют безоглядный распад, включая разрушение хозяйственных связей.

Оценка современной геополитической ситуации и превращение этой оценки во внешнюю политику при давлении различного рода доктринерских представлений являются важной проблемой. Существует явное стремление ориентировать внешнюю политику на борьбу за возвращение к СССР, что является практически либо маниловской абстрактной мечтой, ностальгией по прежним временам, либо стремлением к ослабленному варианту объединения славянских республик, что также не встречает у них реального отклика.

Важнейшая особенность новой геополитической ситуации заключается в опасности распада страны и в возникновении

реального давления на южных границах. Миграционные потоки, которые раньше шли из центра на периферию во всех доступных направлениях, столкнувшись с препятствием, повернули в противоположную сторону. Окончился многовековой процесс колонизации окружающей территории. Не пойдет ли следом миграция страдающих от перенаселения народов?

Сложность реальной внешней политики усиливается сегодня необходимостью выработки определенной внешнеполитической позиции по множеству проблем, возникающих в результате распада СССР. Важнейшая из них — отношение к представителям русскоязычного населения, которые оказались в различных государствах, в различных, подчас конфликтных ситуациях. Всякие попытки притеснения этого населения по языковому и этническому признаку в новых государствах могут иметь и для этих государств, и для общей ситуации крайне негативные, дестабилизирующие последствия. В связи с этим перед Россией стоит сложная задача четкого разделения международного права и защиты этих людей.

Нельзя закрывать глаза и на то, что глубочайший упадок, в котором сегодня находится страна, является важнейшим фактором отношений с внешним миром, так как без нормальных отношений с Западом нет реальных надежд преодоления хозяйственной разрухи. Разумная внешняя политика поэтому должна ориентироваться на страны, которые могли бы в этих трагических для России обстоятельствах оказывать ей максимальную поддержку. Среди таких стран следует указать не в последнюю очередь на Японию, культурно-исторический и экономический потенциал которой, заинтересованность в совместных проектах могут оказаться исключительно важными не только с экономической точки зрения. Большое значение могут иметь отношения с Израилем, так как многие из израильских бизнесменов испытывают ностальгию по России и склонны оказывать поддержку различным проектам. Кроме того, израильские деятели лучше других знают не только то, как решать проблемы в специфических условиях России, — они могут легче других вступать в контакт с нашими предпринимателями и чиновниками.

Сложность положения России в современном мире требует развития связей с разными регионами мира, исключает одностороннюю ориентацию на Запад или на Восток и требует постоянных попыток установления двусторонних связей со всеми странами, в первую очередь с сопредельными, что должно тормозить всякие попытки изоляции.

Важной сферой внешней политики должна явиться попытка создать институционализированные механизмы решения некото-

рых общих проблем, оставшихся в наследство от бывшего СССР,— от хозяйственных до экологических и борьбы с преступностью. Особенно важным представляется создание механизмов, предотвращающих вооруженные конфликты.

Не следует забывать, что историческое банкротство заставляет нас с величайшим вниманием искать пути решения двоякой задачи: с одной стороны, совершать мучительную работу самоуглубления в диалоге с другими народами; с другой стороны, находить меру между собственной инерцией в использовании своего сложившегося опыта и следованием чужому опыту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОПЫТ РОССИИ И СУДЬБА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

РОССИЯ — КРИЗИСНАЯ ТОЧКА МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Быть может, каждый народ, прошедший длительный противоречивый путь, открывает какую-то тайну человеческой истории, некоторую сторону ранее скрытых движущих сил социокультурных изменений. За этот опыт народы расплачиваются подчас громадными жертвами, а иногда и гибелью. Но тем самым человечество открывает новые грани многообразия своего существования, новые опасности, наращивает качественно новые пласты исторического опыта.

Россия не может быть понята на основе дуальной оппозиции «Восток — Запад», хотя эти два полюса требуют своей социокультурной интерпретации на материалах России. Иные перспективы открываются при изучении страны в рамках оппозиции «либеральная — традиционная цивилизация». Эта оппозиция носит исторический характер, т. е. раскрывает определенную последовательность времени возникновения цивилизаций. Однако эта оппозиция имеет не только диахронный, но и синхронный характер. Соотношение этих двух цивилизаций раскрывается как соотношение стран и народов, разных суперцивилизаций, отношение элементов разных суперцивилизаций в рамках одного общества, одного народа, одной культуры.

Возникновение либеральной суперцивилизации поставило перед человечеством, перед каждым народом проблему поиска своего места среди суперцивилизаций, проблему перехода между ними. Этот переход можно преодолеть различным образом. Он может быть относительно безболезненным. Но он может привести к ситуации, когда общество как бы застревает в промежуточном состоянии, оказываясь неспособным ни перейти к новой цивилизации, ни вернуться назад. Эта трагическая ситуация ставит какие-то новые, ранее неизвестные про-

блемы не только перед этой страной, но и перед всем человечеством. Этот переход, по сути дела, — проблема всей человеческой истории, так как речь идет о переходе между двумя основными суперцивилизациями¹, о возможности застрять на этом пути, перестать быть страной традиционного типа при неспособности перейти к либеральной суперцивилизации. *Основная проблема промежуточной цивилизации — это исключительная трудность совершения коперниковского переворота, т. е. перехода от традиционной к либеральной цивилизации.*

В России циклические формы социальных изменений расколотого общества привели к выходу на поверхность скрытых механизмов человеческой истории, которые в этой стране проявлялись с особой отчетливостью, что входит в картину самобытности российского общества. Специфика исторического пути России привела к расколу, к чудовищному внутреннему напряжению, разрядка которого могла иметь катастрофические последствия не только для России, но и для человечества. Отсюда возникает особая задача науки — анализ механизмов перехода между обеими цивилизациями, способов избежать на этом пути катастроф, учитывая, что в современном мире они могут разрастись из локальных в мировые. Сегодня опасности, возникающие на переходе между суперцивилизациями, являются одновременно опасностью для человечества, потенциальным источником мирового конфликта. Расколота страна, попавшая в положение «застрявшей», может стать похожей на атомную бомбу, где от соединения две части заряда предохраняет некоторая прокладка. Ее нарушение создает необходимую для взрыва критическую массу.

С момента появления либеральной цивилизации человечество стало развиваться как постоянное взаимопроникновение и конфликт между двумя основными суперцивилизациями. При этом каждая из них постоянно в явном и скрытом виде обращается к другой в поисках способов решения собственных проблем. Соотношения их культур в каждой из стран существенно различны.

В первом эшелоне стран, вступивших на путь либеральной цивилизации, прежде всего в Англии и в США, процесс вызревания новой суперцивилизации шел медленно и не без потрясений. Он не застрял на своих архаичных формах, но поднялся на высшие ступени традиционной цивилизации, чем создал условия для максимально безболезненного перехода к либерализму. Постепенно преодоление традиционализма дало

¹ Ахиезер А. С., Матвеева С. Я. «Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку...»// Атмода (Рига). 1989. 29 апр.

возможность избежать серьезных опасных попыток повернуть назад, подавить либеральные ценности как таковые. Борьба переместилась в сферу диалога на почве либеральных ценностей. Традиционализм, разумеется, не исчез, но постепенно терял массовую базу.

Во втором эшелоне, прежде всего в Германии, положение усложнилось. Германия по своей культуре и историческим судьбам оказалась втянута в либеральный процесс. Однако ее общая отсталость в условиях серьезного внутреннего кризиса привела к чудовищному бунту традиционализма, приобретшего форму фашизма. Фашизм, апеллируя к древним, прежде всего племенным ценностям, показал разрушительную силу движения, пытающегося всеми силами найти комфортное состояние в национальной исключительности, в насилии над всем, что вызывает дискомфортное состояние, в расизме. Это движение подавило, оттеснило на задний план иные формы традиционализма. Фашизм исторически возник где-то при переходе к развитым формам западного либерализма и был, по видимому, попыткой консервативных элементов предотвратить этот переход. Он возник в период социального кризиса западного капитализма, в период его перестройки, приспособления к системе массового производства, при переходе на более высокий и глубокий уровень всеобщей внутренней связи в обществе. Фашизм был попыткой широких масс приостановить развитие организационной революции, сохранить сложившийся уровень частной инициативы и не расширять его. Сложившиеся ценности, как казалось тем, кто составлял основную силу фашистского движения, находились под угрозой двух факторов — крупного капитала, угрожавшего вытеснить мелкое производство, и коммунизма, ставившего под угрозу любую личную инициативу, самую возможность существования организационных форм частной инициативы. Фашизм опирался на социальные слои, осознавшие связь между динамикой собственного труда и благосостоянием. В России же именно этот слой был жертвой социального переворота. Опасность фашизма, следовательно, связана не столько с промежуточной цивилизацией, хотя и при ней она существует, например, в форме черносотенного движения в России, сколько с переходом к зрелым формам либерализма.

Россия оказалась третьим эшелоном среди стран, вступивших на путь перехода к либеральной суперцивилизации, где традиционализм в результате заколдованного круга, раскола задержался на своих архаичных формах, где либеральные силы не смогли сделать свои ценности господствующими,

где антилиберальная реакция привела к краху государственности, к катастрофе.

В системе этих эшелонов Россия находится в некотором центре, характеризуемом тем, что ни одна из двух суперцивилизаций не заняла в нем господствующее положение. Россия находится в кризисной точке истории. В отличие от всех других эшелонов здесь сложилось некоторое подобие патовой ситуации, когда, с одной стороны, традиционализм сохранил свою мощную массовую базу, но, с другой — столь же массовое влияние умеренного утилитаризма создало почву для постоянного культивирования либеральных ценностей, хотя и в одностороннем, усеченном виде. В России взаимное отрицание традиционализма и либерализма привело к расколу. Сложность перехода к либеральной суперцивилизации заключается в том, что для этого нужен неуклонный подъем творчества, рост массовой личной инициативы в сфере труда, экономики и социально-политической жизни, переход к новому типу производства на основе нового менталитета. При этом возникает опасность того, что будет нарушена мера деятельности по защите локальных интересов и одновременно большого общества.

Специфика первых, двух эшелонов заключается в том, что рост утилитаризма, городов, весь социально-культурный процесс обеспечил медленное приобщение всего общества к ценностям либерализма, медленно менял характер социальных интеграторов. Практически это означало, что власть постепенно, хотя и не без конфликтов, склонялась к либеральному развитию, иногда отставая, иногда обгоняя почвенный процесс либерализации. Вспышки традиционализма, прежде всего крестьянские восстания, включая знаменитую Вандею, не могли затормозить усиление либерализма, развитие срединной культуры.

Миллионы людей, которые умеют защищать себя, свои локальные интересы, одновременно осознанно совершенствуя целое, развивая государство, являются величайшим достижением западной цивилизации, выработанным в процессе длительного развития культуры, бесконечных проб и ошибок. Развитие ответственности за целое, осознание того, что государство — результат непосредственного творчества миллионов, а не грозная внешняя капризная сила, — мучительный процесс. Он не закончен нигде, даже в самых развитых либеральных странах. Переход стран Запада ко второй суперцивилизации сопровождался периодическими возмущениями каких-то групп, которые могли быть направлены как против тягостного и изживающего себя старого строя, так и

против новой системы, которая еще не научилась в должной степени учитывать их ценности. Однако практически стабилизация в конечном итоге опиралась на растущие, пронизывающие основную массу населения ценности развитого утилитаризма и либерализма. Для средневекового Запада было характерно свободное правовое равновесие между разными слоями, уменьшение односторонней зависимости, что снижало вероятность раскола. Великая победа Запада заключалась в том, что *«западные страны модернизировались в целом, всей системой переходя от эпохи к эпохе, успевая „просветиться“ до низов, до санкюлотов»*². Это создавало путь для превращения низа в верх, для возрастающего влияния низов на власть, но уже не через восстания, а посредством либерально-демократической системы.

Этого результата нельзя достичь инверсионным скачком, уничтожением в единый миг старой власти. Правящей элите, например, в *старом Китае*, не всегда удавалось противостоять разрушению уравнительности. В таких случаях начинали действовать скрытые мощные механизмы, призванные восстановить прежнее положение. В качестве такого рода механизмов выступали крестьянские восстания, сметавшие старую правящую элиту и выдвигавшие новую, преданную уравнительным идеалам. *Новая элита, почвенная по происхождению, получившая власть в результате крестьянского восстания, неуклонно следовала уравнительному принципу в распределении земли, в налоговой системе. Тем самым большинство населения Китая — крестьянство успешно обеспечивало прочность государства, призванного хранить традиционные ценности.* Следовательно, локальное творчество в моменты национальных кризисов, выплескиваясь вверх, оказывалось способным обновить правящую элиту и сохранить государственность. Это могло иметь место лишь в результате однородности конструктивной напряженности на всех этапах общества, в результате отсутствия раскола, что позволяло пастуху стать императором. Хвастовство Хрущева, что в детстве он пас гусей, имело за собой определенную древнюю историческую традицию, стремление правящей элиты обосновывать свои права приверженностью народным ценностям.

Сохранению на всех этапах общества древнего Китая единой конструктивной напряженности способствовал механизм постоянного обновления правящей элиты. Система экзаменов, требуемых для занятия официальных должностей, в принципе делала возможным для человека, занявшего первое

² Померанц Г. С. Модернизация// Самосознание. Нью-Йорк, 1976 (курсив мой.— А. А.).

место на экзаменах, независимо или почти независимо от его происхождения стать затем императором. *Такая система постоянно укрепляла государство, стимулируя движение вверх свежих консервативных сил, что предотвращало раскол.*

В России крестьянские восстания также пытались смести правящую элиту, разрушить государство, заменить его системой однотипных общин, использовать опыт казацкого круга. Однако раскол, неспособность управлять обществом, где уже получил существенное развитие новый тип конструктивной напряженности, привели к тому, что восставшие не могли интегрировать расколотое общество. Это обуславливало их поражение. В этом, казалось бы, было явное преимущество России, так как здесь выявлялась неспособность архаичных сил затормозить поступательное развитие, остановить развитие новых ценностей, что открывало путь прогрессивному развитию, просвещению, модернизации. Но одновременно и элита не могла подчинить народ новым ценностям, не могла обеспечить поступательное развитие либерального типа. Эта обоюдная неспособность усиливала раскол, приводила к росту взаимного отчуждения и страха, ненависти почвы к элитарным слоям. В результате накапливался взрывоопасный материал, что с неизбежностью приводило к периодическим разрушениям государственности.

Специфика России заключается прежде всего в том, что она пытается приспособиться к переходному состоянию, закреплиться в нем, в крайней болезненности этого процесса. Специфика России в том, что раскол, будучи результатом неспособности завершить этот переход, стимулирует, создает, формирует специфическую систему неорганических явлений (например, беспечность интеллигенции, хромающие решения и т. д.). Это позволяет *рассматривать Россию как некоторый особый неорганический цивилизационный тип. Ее исторический опыт может служить основой для изучения опасностей перехода от традиционной к либеральной цивилизации, пролить свет на определенные процессы, протекающие и в других странах.*

ОПЫТ ИСТОРИИ РОССИИ

В рукописи 1981 года мною был зафиксирован следующий вывод: *«Первый модифицированный инверсионный цикл, который можно назвать также первым глобальным периодом, состоял из семи этапов. Второй инверсионный цикл прошел пять полных этапов, аналогичных соответствующим этапам первого периода.*

Сопоставление двух глобальных периодов позволяет говорить о некоторых важных закономерностях истории России. Последовательно сменяют друг друга нечетные идеалы в обоих глобальных периодах (первый, третий, пятый, а в первом глобальном периоде — и седьмой), ориентированные на народную Правду, на ценности земли. Они несли в себе опасность победы локальных принципов, победы анархической воли над целым, опасность того, что общество, по словам Г. Федотова, будет „сожжено“. Неконструктивность этого движения приводила в конечном итоге к инверсионной смене ценностей, к идеалам Правды большеака, первого лица в государстве (второй, четвертый и шестой идеалы). Этот тип идеала, однако, также оказывался в конечном итоге неконструктивным, так как перекрывал все источники творчества, „замораживал“ все живое тело страны. Модифицированные инверсионные циклы, оба глобальных периода делятся на два полупериода. Граница их находится в середине четвертого этапа, в момент апогея крайнего авторитаризма и начала его упадка. Первый полупериод связан с колебательным движением от соборного идеала к авторитарному, история второго — колебательное движение в противоположном направлении и представляется в известном смысле зеркальным отражением первого. Многое в нем приобретает противоположную направленность. В первом полупериоде общество двигалось от разочарования в хаосе народной Правды, от разочарования народа в собственных силах к крайнему авторитаризму. Преобладающее настроение, хотя и не без колебаний, тяготело к вере в „Моисеев жезл“ власти. Во втором полупериоде общество двигалось от разочарования в деятельности власти к локальным ценностям народной Правды. Власть в этих условиях вела скорее оборонительную, чем наступательную политику. В обоих полупериодах основная линия развития страны не выступала в явном виде из-за существования промежуточных вялых инверсий...

Сходство между двумя модифицированными циклами можно признать значительным, доходящим подчас до второстепенных деталей. В сущности, второй (модифицированный) инверсионный цикл стал новым этапом, проявлением этого противоборства двух типов цивилизации, ведущих борьбу в рамках единого тела России...

Само совпадение последовательности смены этапов, смены нравственных идеалов — свидетельство всеобъемлющей власти над советским обществом, как и над ему предшествующим, сил исторической инерции. В этом смысле советское общество, окутанное густым туманом мифологии, из-

влекло крайне ограниченные уроки из прошлого России. Оно не смогло пока выйти из-под власти древней необходимости, преодолеть ее творческими усилиями миллионов. Власть сил исторической инерции над обществом говорит о том, что псевдосинкретизм в своих скитаниях заключен в определенные рамки, т. е. существует вполне определенное конечное количество его вариантов, которые могут в России занять господствующее положение. Эта конечность есть неизбежный результат циклического развития мозаичного идеала»³.

Теперь (написано в 1992 году) к этому обобщению можно добавить, что наше общество прошло также шестой и седьмой этапы, так что окончился второй модифицированный инверсионный цикл. История не остановилась на этом, перенося с собой старые проблемы и выдвигая новые. Прошедшие циклы позволяют сформулировать некоторые обобщающие идеи, в частности касающиеся специфики второго периода. В истории России в ответ на нарушения уравнительности не происходило, как, например, в истории Китая, победоносных крестьянских восстаний, которые восстанавливали архаичную государственность на основе уравнительности. Можно сказать, что в России имела место задержка в разгроме государства, переставшего охранять уравнительность. Это произошло в 1917 году, но в существенно особых условиях, т. е. тогда, когда в обществе уже распространился массовый утилитаризм. Умеренный утилитаризм также получил определенное распространение. Где-то на шестом этапе появилось ходячее выражение, невозможное для традиционализма: «Это ваши заботы», резко отделяющее, противопоставляющее интересы и ценности разных суверенных личностей. В результате роста возмущения против нарушения уравнительности возникла система, не предвиденная ни одной из участвующих в перевороте социальных сил. Это было общество промежуточной цивилизации, возникшей в результате глубокого раскола. Слабость этого общества заключалась в том, что оно не имело под собой прочного культурного основания. («Кто ваши учителя? Любой от вас шарахнется»,— говорит один из героев Ю. Домбровского⁴.)

Промежуточность этого общества заключалась не только в том, что оно было переходным между двумя типами суперцивилизации, но и в том, что оно постоянно пыталось приспособиться к этой промежуточности, создавая патологические формы отношений, закреплявшие эту промежуточность. Древний

³ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 2. С. 319-320, 342, 320.

⁴ Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей.

синкретизм разрушал государственность, а культура, связанная с ростом и развитием, имела слабую одностороннюю поддержку. Общество оказалось без ориентиров, без достаточной способности понять себя, собственные слабости, нащупать свою ограниченность, свою изнанку. Это делало сложившуюся систему не только уязвимой для критики со всех сторон, но и чем-то противоестественным в глазах собственных сторонников. Последние утешались тем, что ее минусы — временное явление, болезнь роста. Новая система возникла как реакция на разнообразие, на диалог, как взрыв против «кадетов» и власти, которая была неспособна подавить либерализм. Отсюда стремление нового общества *создать иллюзию абсолютного единства, воплотить единую и единственную Правду, не знающую либерального плюрализма.*

Подавление разнообразия привело к иной, не менее грозной опасности. Разрушение наиболее творческих форм деятельности в культуре, в экономике, в политической жизни, снижение их до повсеместного торжества серого творчества лишило общество разума, красоты, веры, духовной силы. Тем самым общество снижало способность принимать удовлетворительные решения, лишало себя возможности ориентироваться во все более сложном мире. Между тем сами задачи, которые необходимо было решать, делались с каждым днем все более трудными. Положение России как застрявшего общества между двумя основными суперцивилизациями оказалось крайне опасным, так как оно привело к таким сочетаниям элементов мозаики псевдосинкретизма, которые могли оказаться неспособными обеспечить минимальный уровень самопознания, понимания мира и своего места в нем, а следовательно, неспособности обеспечить основу для борьбы со стихийными разрушительными процессами.

Переворот 1917 года не разрешил главной проблемы — он не ликвидировал раскол, не уничтожил разрыв между локальными ценностями и государственностью, между архаической волей и деспотической властью. Сверху Россию стремились заморозить, превратить в холодильник, а снизу — превратить в костер⁵. Анализируя поэму «Медный всадник» Пушкина, Г. П. Федотов писал, что персонаж этого произведения обыватель Евгений — несчастная жертва борьбы двух начал русской жизни. Он гибнет под копытами коня империи или в волнах революции. Называя всадника «кумиром», поэт подчеркивал языческую природу государства⁶.

⁵ Федотов Г. П. Русский человек// Федотов Г. П. Россия и свобода. Нью-Йорк, 1981. С. 91.

⁶ Федотов Г. П. Новый град. Нью-Йорк, 1952. С. 249

Двойственность нравственных начал государственности обусловила слабую способность воспроизводить целостное общество, преодолевать несовместимость общих и локальных интересов, неспособность обеспечить достаточный уровень взаимопроникновения расколотых частей, соединить в гармоничное целое разные этажи социальной иерархии, город и деревню и т. д. Расколотое общество не могло преодолеть постоянное саморазрушение культуры и социальной организации, губительное противоречие между необходимостью решать лавины все более сложных задач, развивать высшие этажи культуры и страхом перед результатами этой деятельности, перед диалогом, разномыслием, подрывающими псевдосинкретизм.

Поворот привел к удивительному компромиссу между двумя исключаящими друг друга, одинаково губительными стремлениями — к разрушительной воле и удушающей сверхцентрализации. Этот компромисс был подвержен колебаниям, которые были важнейшим содержательным элементом истории страны. А. Янов показал, что циклы истории России связаны с *периодическим следованием контрреформ вслед за реформами*⁷. Цикличность свойственна не только российской истории. Определенные циклы можно проследить, например, и в истории Китая. В циклах китайской истории можно выявить повторение четырех последовательных этапов: утверждение центральной власти в борьбе против децентрализации; кризис власти и отступление под напором частнособственнических сил; упадок центральной власти; и наконец, социальная катастрофа, связанная со вторжением иноземцев и крестьянскими восстаниями. Фактически эти циклы были проявлением стремления общества стабилизировать свою социально-политическую структуру в ответ на натиск разрушительных внутренних процессов. В Китае эти циклы являлись результатом более или менее нормально функционирующего механизма, восстанавливающего уравнительную систему и защищающего государственность.

В России раскол препятствовал периодическому обновлению общества и государства на основе древних уравнительных идеалов. В результате сохранялись противоборствующие традиционализму силы, т. е. силы роста и развития, которые и модифицировали инверсионные переходы. Поэтому инверсия не могла вернуть в исходное положение общество. Впрочем, следует отметить, что полного возврата в исходную точку не было и в Китае. Существование циклов связано с тем, что господствующая сила в обществе, отступая под враждебным

⁷ Янов А. Русская идея и 2000-й год. Нью-Йорк, 1988.

натиском, под давлением неблагоприятных условий, не гибнет окончательно, но получает в своем поражении импульс для перегруппировки сил, для возрождения, для победы. Этим объясняется сложность цикла. Однако эта господствующая сила может не выдержать вторичного натиска враждебных сил, которые способны после своего поражения длительное время накапливать ресурсы. Подобную модель можно обнаружить в истории падения Рима. В средневековой Европе в результате ряда причин в XIV веке сеньории пришли в упадок. Но в середине XV века они одержали решающую победу в Италии, Англии, Испании. Однако за этой победой последовало их окончательное поражение. В России циклизм проявляется в том, что любое решение медиационной проблемы, любая нравственная основа для интеграции общества, любая организация этого единства относительно скоро приходили к своему банкротству.

Этот процесс давно обращал на себя внимание исследователей. Например, согласно марксизму, рост производительных сил постепенно вступает в конфликт с производственными отношениями, что требует создания новых отношений. А. Тойнби полагал, что цивилизации могут терять «жизненный порыв», своеобразную божественную санкцию (нечто вроде «богооставленности» по Бердяеву), что является результатом фундаментального несовершенства человека, не способного должным образом откликнуться на вызов истории. В результате наступает дезинтеграция общества, упадок цивилизации.

В разных комбинациях в этих доктринах улавливается важная мысль, что *судьбы цивилизаций решаются не внешним случайным сцеплением событий, произволом лиц, а на сущностном уровне, на уровне движущих сил исторического процесса. Эти движущие силы следует искать в повседневной деятельности миллионов, в их творческой способности развивать свои формы деятельности до уровня задач строительства государства, постоянного его воссоздания, в непрерывной, ни на миг не прекращающейся деятельности, созидающей и разрушающей организационные связи, в шепоте миллионов, созидающих и разрушающих нравственные ценности — основу интеграции общества, в развитии массовой творческой рефлексии.*

Движение, создаваемое этими силами, — воплощение стремления миллионов к утверждению своих ценностей. Но эти ценности сами носили двойственный и внутренне противоречивый характер. Поэтому любой вариант решения медиационной проблемы неизбежно в условиях раскола саморазрушался. Промежуточное положение стало перманентной трагедией. Жизнь уходила из любого идеала, ставшего господствующим.

Двойственность делала общество крайне неустойчивым, заставляло постоянно стремиться к каким-то новым формам жизни, которые всегда искались народом через инверсию, т. е. позади, в возврате к прошлому.

Постоянный уход жизненных сил из сложившихся форм организации создал уникальную ситуацию, когда государственность, вся общественная жизнь постоянно пребывали как будто не в своем доме, как нечто гонимое и бесприютное. Псевдосинкретизм всегда неизменен, но вместе с тем он постоянно дрейфует под влиянием скрытых сил. Он постоянно ищет себя, ищет спокойной идеальной формы, но, найдя, тут же ее теряет. Псевдосинкретизм — это Агасфер, который мог бы сказать о себе: «Темен мой день, бесконечен мой путь, и нет в мире дерева, чей шатер приютил бы страдальца». Если сравнивать историю страны с пружиной, каждый виток которой принять за особый специфический этап, за особую форму идеала, то кризисом 1917 года она была сжата в одну плоскость, иначе говоря, историческая последовательность системы идеалов не была уничтожена, но была загнана в подполье, в глубины сознания и подсознания. Идеалы эти оказались скрытой культурной подпочвой господствующего идеала.

Постоянные потрясения, острые противоречия системы привели в движение сжатую пружину, и последовательно начала появляться вся скрытая программа смены господствующих идеалов. Это повторение, как и повторение циклов в Китае, объяснялось тем, что принципиально не изменился характер движущих сил истории каждой из этих стран. В России это был постоянный конфликт между двумя типами ценностей, двумя типами социальных изменений. Сохранялось господство инверсионного типа социальных изменений. Но одновременно сохранялось и усиливалось стремление к прогрессу, к модернизации, что и модифицировало до неузнаваемости инверсионный цикл.

Цикличность исторического процесса, а также рост утилитаризма, существование элементов прогресса в совокупности порождали сложный результат, который постоянно опровергал любую предзаданную точку зрения на пути России, на ее самобытность. Невольно вспоминаются слова поэта: «Умом Россию не понять...» (1866)⁸. Часть историков, например, Н. Карамзин, пытались-таки понять историю с точки зрения развития самодержавия, игнорируя соборные институты. Славянофилы, раскрыв негосударственный характер массового сознания в стране, подошли к сути раскола, но они с поразитель-

⁸ Тютчев Ф. И. Сочинения в 2-х томах. М., 1980. Т. 1 С. 183.

тельным простодушием проглядели его глубокую опасность. Западники пытались рассмотреть историю страны через призму западного опыта. Эта тенденция углублялась в либеральном движении. Но Запад не знал раскола, и это мешало пониманию сути происходивших в стране событий, специфики культуры. На этой основе разрабатывался облегченный маниловский взгляд на развитие России, где история — сплошная цепь ошибок, упущений, преступлений правящего слоя, первого лица. И все ими наделанное легко исправить, если заметить плохую власть хорошей, антитотема-оборотня истинным тотемом.

Большевизм осуществил мощную практическую попытку преодолеть раскол, интерпретируя его в неадекватных представлениях классовой борьбы, манихейской борьбы космических сил. Новая власть пыталась найти синтез, обеспечить «морально-политическое единство народа», соединить традиционную уравнивательность с модернизацией, возглавив массовое избиение «носителей зла», и одновременно их использовать для вынесения сложных решений. Это движение переоценило значимость капиталистического элемента и пыталось формировать идеальное общество на основе соединения народной Правды с наукой, опирающейся на западную технику. Большевизм, как и славянофильство и западничество, инстинктивно пытался найти общее основание для преодоления раскола. Славянофилы и западники пытались решить эту проблему на основе абсолютизации одного из элементов русской культуры, связанного либо с традиционной, либо с либеральной суперцивилизацией. Большевизм пошел другим путем. Он встал на путь утилитаризма, эклектического комбинирования того и другого, не пренебрегая массовым избиением всего, что не включалось, не влезало в эти комбинации. Избиению подвергались и традиционное крестьянство, и сторонники либерализма, и приверженцы утилитаризма, и сама правящая элита, если она оказывалась недостаточно утилитарно-гибкой при очередном инверсионном повороте.

Крах этой политики в конце второго глобального периода означал нечто большее, чем поражение одного из многих политических движений, которое фактически уже само признало крушение своих идеалов и своей практики. Налицо очередное трагическое поражение попытки общества преодолеть раскол. Эта попытка была обречена уже тем, что общество пыталось стать лишь одной ногой в либеральной цивилизации, оставаясь другой ногой в традиционной. Поэтому оно вынуждено было имитировать интенсивное развитие экстенсивными методами, истребляя очаги прогресса, собственное разнообразие, всякую

живую мысль в большом и малом. Поэтому оно встречало все более мощные вызовы истории в условиях одновременного возрастания оскудения способности разрешать эти все более сложные проблемы своего воспроизводства. Оно пыталось жить за счет перераспределения доставшихся в наследство ресурсов, за счет экспроприации всех, кто возвышался над средним уровнем, за счет крестьянства, за счет военных трофеев, за счет продажи естественных ресурсов, за счет будущих поколений, за счет иностранной помощи. Истощив все доступные ресурсы, общество нашло в себе силы не упорствовать в своих заблуждениях, но вопрос заключается в том, не заменит ли оно старые утопии новыми, найдет ли оно в себе силы для своего пути, не попадая под власть множества новых иллюзий, новых, а вернее, старых форм прожектерства.

Следует отметить, что западная наука не показала своей способности найти методологическую позицию, которая позволила бы дать убедительный прогноз развития России. Об этом свидетельствуют, например, западные оценки советского строя с 1917 года, преобладающее рассмотрение правления Л. Брежнева как долго ожидаемой стабилизации общества.

Постоянный поиск объяснения сложного исторического процесса — естественное движение человеческой мысли, которая склонна в своем историческом развитии двигаться, периодически обращаясь к крайним вариантам и отвергая их. Эта специфика мышления постоянно толкает к поиску крайностей, к полюсам дуальных оппозиций «Восток — Запад», «„Мы" — „Они"» и т. д. В конечном итоге они превратились в оппозицию «социализм — капитализм».

Все эти противопоставления при анализе истории имели тенденцию принимать абсолютный, манихейский характер, что лишало их научной ценности, закрывало путь к пониманию сложного противоречивого развития страны, к поиску меры взаимопроникновения между полюсами систем оппозиций. *История страны представляет собой сложный конфликтный циклический процесс, который одновременно включает прогрессивное развитие.* Это с полной определенностью выявилось уже в первом глобальном периоде. Во втором периоде общество создало систему власти, которая пыталась освоить эти процессы, но не теоретически, а лишь на эмпирическом уровне. Теоретический разум даже не приблизился к пониманию этой сложной социокультурной реальности, она осваивалась посредством утилитаризма. Анализ этого сложного процесса требует особой методологии, отличной от методов традиционной исторической науки, необходимо направить главное внимание исследователя на движущие силы социальных изме-

нений, социокультурной динамики. Их следует искать в постоянно возникающих социокультурных противоречиях, т. е. в противоречиях между массовыми ценностями и сложившимися отношениями, в способности человека их преодолевать, следовать социокультурному закону. В центр внимания, следовательно, становится человек как субъект, его нарабатанная культурная способность преодолевать эти противоречия в своей рефлексивной воспроизводственной деятельности, преодолевать свою историческую ограниченность, повышать уровень и масштабы творческого потенциала. Для историка, социолога, реформатора на первый план выходит задача поиска реального субъекта, его способностей и возможностей при рассмотрении любого реального, предполагаемого, прогнозируемого социально-культурного изменения.

Рост способности субъекта к рефлексии, связанной с накоплением исторического опыта, однако, может вызвать рост стрессового дискомфортного состояния, так как толкает к осознанию необходимости коренного изменения воспроизводственной деятельности. Это может привести к антимадиации, к попыткам ее разрушить. Люди периодически ищут выход из исторически сложившихся противоречий, сменяя один крайний вариант интерпретации исторического опыта другим, и это происходит не только в логике мысли, но и в логике действия.

Поиск альтернативы требует изучения механизма, который может привести к преодолению циклического развития, к возможности преодолеть инверсионные силы.

Социокультурные противоречия, которые лежат в основе понимания механизма раскола, должны рассматриваться не только как противоречия между воспроизводством культуры и воспроизводством социальных отношений, но и как противоречия самой культуры. Именно такие противоречия сложились в самой структуре культуры России, определяя хромающий характер решений. Раскол внедряется в каждую клеточку российской культуры, усиливая таким образом ее дезорганизацию, а через нее — и дезорганизацию воспроизводственной деятельности, рост социальной энтропии. По сути дела, здесь *налицо социокультурная патология, которая требует диагноза и лечения.* Внимание должен привлечь прежде всего раскол как предпосылка дезорганизации культуры на микро- и макроуровне.

Причины кризиса достаточно глубоки: исторически сложившаяся массовая культура оказалась плохо приспособленной к миру в той его форме, какую он приобрел с давних времен, и особенно в новое время. Очевидно, что изменения, которые имели место в мире, оказались неблагоприятными для массо-

вой русской культуры и, следовательно, для всей воспроизводственной деятельности. Эти изменения охватили не только Запад, но и Восток. Все попытки изоляции, которые не удалось даже маленькой Албании, были бесплодны и лишь снижали потенциал жизнеспособности. Одна часть общества попыталась перестроиться и перестроить общество, тогда как другая противостояла этим изменениям, активизируя свои ценности под нарастающим внешним давлением. Насильственная модернизация, проводившаяся правящей элитой, привела лишь к активизации древних ценностей, что особенно явно выявилось при Петре I, все элементы модернизации превратились в сознании большинства общества в воплощение зла. Новые ценности не повели за собой большинство народа, но, наоборот, стали импульсом для усиления влияния противоположных ценностей. Сложился заколдованный круг. Возникла негативная ситуация: позитивные ценности власти рассматривались народом как негативные, и, наоборот, позитивные ценности народа рассматривались властью как негативные. Раскол между народом и властью приобрел логически завершенную форму.

Социальные сообщества изменяются по иным законам, нежели биологические. Культура никогда не остается неизменной, и механизм этого процесса включает в себя рефлексию, т. е. способность каждой личности, всего народа делать культуру, собственную деятельность, противоречие между ними предметом собственной деятельности. Это открывает путь творческому процессу самоизменения народа: культурного, социального, политического и т. д. Следовательно, спор о судьбе общества и народа как о чем-то заданном извне должен перемещаться в сферу способности самоизменения, роста ответственности за собственную судьбу в постоянно меняющемся мире, во все более сложных условиях.

Мы создали общество «низшего класса», где преобладало стремление решать сложные проблемы на максимально низком уровне, обращаясь к архаичному культурному богатству. В основе таких решений лежало пресловутое «авось». Результатом наших решений была прогрессирующая дистрофия всех хозяйственных, культурных, нравственных процессов, нашей природы и здоровья. Мы с энтузиазмом шли к катастрофе, постоянно истощая себя никогда не прекращающимся «тушением пожаров», пока не подорвали в себе способность их предотвращать. Разумеется, были люди, которые пытались что-то сказать, но мы не хотели их слушать, разрушать свои комфортные иллюзии и преодолевать свои фобии, создавая собственным равнодушием и страхом атмосферу перманентной

борьбы с «кулачеством» во всех сферах жизни. *Неспособность найти выход из тупика — расплата за ту бешеную борьбу во имя уравнительности не только в доходах, труде, но и в мысли. Именно поэтому страна встретила критическую ситуацию конца второго, как, впрочем, и первого, глобального периода недостаточным для преодоления раскола культурным потенциалом.*

НОВЕЙШИЙ ОПЫТ ИСТОРИИ РОССИИ

Примерно годичный опыт истории России с момента предположительного вступления в третий глобальный период, что практически совпадает с годом с момента выхода первого издания книги, позволяет привлечь новый опыт для возможных обобщений. Он позволяет углубить гипотезу, что не только этапы, но и периоды могут находиться друг по отношению к другу в состоянии инверсии. Эта гипотеза опирается на факт возведения в третьем периоде раздавленного в прошлом либерализма в господствующую ценностную систему страны. Опыт 1991 года позволяет сделать вывод, что циклическая динамика остается господствующей формой изменений. Однако господство либерализма в начале третьего периода накладывает свой отпечаток на содержание этого процесса. Общество на новом этапе в новом периоде, очевидно, продолжает нести всю тяжесть раскола и не повысило в должной степени свою способность решать проблемы на уровне сложности расколотого общества. Об этом свидетельствует катастрофическая неспособность воспроизводить и распределять необходимый минимум ресурсов с точки зрения достигнутых обществом потребностей. Сохранился инверсионно-катастрофический путь решения проблем. Сохранилось также господство иллюзорных представлений общества о самом себе, битва мифов как форма столкновений различных групп. Теперь, однако, содержание этих представлений носит абстрактно-либеральный характер. Сделана попытка, значение которой нельзя недооценивать, — преодолеть манихейскую идеологию. Это свидетельство глубоких сдвигов в массовых настроениях, усталости от манихейской непримиримости.

Новый опыт позволяет сделать новые обобщения, найти новые смыслы в прошедшей истории. Четвертая катастрофа, связанная с исчезновением СССР, дает дополнительный материал для гипотезы, что *все четыре имевшие место в истории страны, катастрофы органически связаны с крутыми сдвигами в уровне товарно-денежных отношений.* После первой катастрофы, происшедшей в результате гибели Киевской Руси

еще до ее покорения Батыем, развитое меновое хозяйство сменяется натуральным⁹. Московское государство, в противоположность Киевской Руси, развивалось на чисто натуральной основе, что было шагом назад от европейского пути, ведшего к либеральной цивилизации. Катастрофе Смутного времени начала XVII века предшествовал перевод натуральных повинностей в денежные, что означало усиление давления государства в пользу развития товарно-денежных отношений¹⁰. М. Н. Покровский прямо связывал этот процесс с последующей Смутой. Третья катастрофа, начавшаяся в феврале 1917 года, имела место после самого значительного развития рынка в России — с конца XIX века до 1914 года. После реформы 1861 года денежные платежи крестьянских хозяйств возросли не менее чем вдвое. Вести помещичье хозяйство без крепостных крестьян, т. е. оплачивая труд, стало вообще невыгодно¹¹. Напор товарно-денежных отношений вызвал бурный рост уравнительности, приведшей к неслыханной в истории натурализации не только сельского хозяйства, но и промышленности. Наконец, катастрофа, приведшая к краху советской государственности и распаду СССР, разразилась на волне попыток экономических реформ, развития рыночных отношений. *Следовательно, катастрофы во всех случаях могут рассматриваться как та или иная степень реакции общества на сдвиги в товарно-денежных отношениях, как попытка приспособления к новым условиям.* Необходим анализ влияния товарно-денежных отношений на социокультурную динамику России, о чем мало задумывались реформаторы на разных этапах нашей истории.

Необходимо искать свой путь общественного развития. Этот путь, как полагают некоторые, «можно эффективно пройти „по-восточному“, за счет принципиальной модернизации самой корпоративности и скачка в фазу, где именно „корпорация“, а не атомизированный индивид выступает субъектом вещных, товарных связей». Об этом говорит опыт Японии, Южной Кореи, некоторых стран Юго-Восточной Азии¹². Такие возможности должны тщательно изучаться. Тем не менее уникальный исторический опыт России свидетельствует, что развитие утилитаризма в стране пошло по пути индивидуализма,

⁹ Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Саратов, 1911. Т. 2. С. 9.

¹⁰ См.: Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899. С. 234, 263, 264.

¹¹ См.: Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Л., 1924. С. 136, 138.

¹² Кара-Мурза А. А. Непродуктивная индивидуальность и продуктивная корпоративность?// Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 77.

разрушения соборности, коллективизма. Поражение России при попытках решения современных проблем должно стать стимулом для того, чтобы общество собралось с силами, сделало выводы из прошлого, переосмыслило свое настоящее, вышло на новые горизонты будущего. Есть выводы, которые необходимы сейчас, сию минуту. Сегодня Россия не смогла удержаться в статусе супердержавы. Отсюда вытекает необходимость психологической перестройки, перехода на значительно более низкий уровень претензий (в частности, имперских) во многих областях жизни. В этом есть опасность усиления равнодушия к жизни, пассивности, нового упования на внешние силы. Реальный выход один — постоянный поиск меры, поиск соответствия потребностей реальным возможностям, способностям, реальной динамике взаимопроникновения способностей и возможностей, поиск путей развития этих способностей.

Историческое значение опыта России в том, что в ней как в фокусе мировых проблем трагически отразился переход к либеральной суперцивилизации, который для иных стран и народов прошел по российским меркам безболезненно. *Человечество переломилось надвое в теле и духе России. Россия может быть по своей сути мостом между народами, но может быть и пороховым погребом, который находится в слабом месте мирового сообщества.* Отсюда необходимость возрастающего внимания к проблемам России, которые, по сути, затрагивают весь мир.

В 1979 году я писал: *«Переход к промежуточной цивилизации новых стран и народов с разнообразными культурами может усилить опасность локальных взрывов, возникновения бесчеловечных и агрессивных режимов, губительного манихейского раскола внутри народа и между народами.*

Не следует забывать, что с точки зрения всей человеческой истории либеральные ценности — тонкая пленка на толще традиционализма. Поэтому серьезные непорядки в самой либеральной цивилизации, даже в ее твердых могут привести к активизации древних ценностей. Существование левых экстремистских групп — доказательство того, что традиционализм не сложил оружия в борьбе с либерализмом. Возможно, впрочем, что именно стремление использовать крайние террористические методы — свидетельство агонии теряющего остатки почвы политически активного традиционализма в странах развитого либерализма.

Люди Земли должны перейти от больших обществ к сверхбольшому, к обществу всего человечества, либо оно рискует погибнуть в мировой катастрофе, вызванной взаимным

страхом, неспособностью видеть людей в тех, кто живет и думает по-другому.

Существуют спонтанные процессы, ведущие к интеграции единого человечества. Это прежде всего духовные и экономические связи, рост контактов и обмен ценностями. Но эти же процессы в моменты стресса могут вызвать эффект бумеранга, т. е. судорожную дезинтеграцию, активизацию древних, разрушительных для современного общества ценностей. Отсюда как никогда выросшая опасность катастрофических событий в результате слепых сил исторической инерции, необходимость активного поиска новой, более глубокой исторической необходимости в масштабе человечества. Большинство культур человечества содержат для этого предпосылки.

Интеграция мира возможна лишь в процессе выработки более высокой культуры, которая создаст основу для роста внутренней интеграции при росте разнообразия, культуры, способной избежать дезинтеграции в результате роста разнообразия и унификации. Эта культура не может быть результатом единовременного изобретения гения. Она может быть выработана в диалоге народов, в диалоге разных культур, в процессе совместной выработки общих ценностей.

Положительный результат может быть достигнут лишь в самоуглублении каждой из культур, в процессе преодоления внутренней ограниченности каждой из них без исключения. Все культуры должны внести вклад в этот творческий процесс. Например, в западной культуре существуют важнейшие ценности, без которых невозможна интеграция человечества. В ней выработано представление о творческой личности, способной саморазвиваться, самоуглубляться, создавать ассоциации, перестраивать социальные отношения. Одновременно на Западе возникла идея прогресса, было понято существование законов социального развития, которые являются законами развития самого человека, идеи диалога и плюрализма.

В этой выработке высшей культуры важное место занимает Восток, где была открыта система преобразования индивидуального сознания, без чего невозможна переориентация человечества на новые ценности.

Русской культуре есть что внести в этот диалог народов. Это прежде всего идея мирового всеединства. Великий мыслитель России В. Соловьев искал силы, стремящиеся собрать хаос в единство, организационно и духовно объединить человечество на основе диалектического саморазвития истории. Идея единства разделенного постоянно мучит русскую куль-

туру. Еще преподобный Сергей Радонежский воплотил в соборе Пресвятой Троицы символ борьбы с ненавистью разделенного мира, призыв к единству. Поэт Вячеслав Иванов высказал глубокую мысль, что основная причина раздробленности мира заключается не столько в драматическом взаимоотталкивании ненавистного, сколько в трагедии противоречивой, убийственной расправы сопряженного, друг друга восполняющего. Н. Бердяев писал: „Человек должен принять на себя ответственность не только за свою судьбу и судьбу своего народа, человечества и мира“. „Самая большая религиозная и нравственная истина, до которой должен дорасти человек, это — что нельзя спастись индивидуально. Мое спасение предполагает и спасение других, моих близких, всеобщее спасение, спасение всего мира, преображение мира“. Он говорил о необходимости постигнуть человеческую историю как „до глубины мою историю, как до глубины мою судьбу... Все исторические эпохи, начиная с самых первоначальных эпох и кончая самой вершиной истории, эпохой нынешней, — все есть моя историческая судьба, все есть мое“¹³. Ответственность личности за весь мир и всего мира за личность — вот путь к интеграции человечества.

В стране продолжается работа, углубляющая ценности культуры. Идет скрытая борьба между манихейской идеей классовой борьбы, раскалывающей мир, рассматривающей даже общий интерес, цельность как результат победы одной формы локальности, одного класса над другим, и идеей тотальности, где преобладает ценность целого. Первая линия является дальнейшим развитием, модификацией древнего синкретизма, языческой веры в извечную борьбу космических сил. Вторая ведет свое происхождение от высшей русской и европейской культуры, противостоящей попыткам понять мир на основе низших, локальных форм культуры. Она формирует новые, все более глубокие подходы к пониманию цельности мира, ищет пути преодоления его расколотости, антиномичности, противоречий. Эта линия идет, в частности, от Достоевского. В своей скрытой полемике с Кантом он искал пути нахождения преодоления дуализма. У старца Зосимы („Братья Карамазовы“) дуализм преодолен. У него „мир потусторонний и мир посюсторонний не делимы: они соприкасаются, объединены, один переходит в другой, горе снова сменяется радостью“¹⁴. Элитарная мысль России продолжает работать в этом направлении, формируя сре-

¹³ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 15.

¹⁴ Голосовкер Я. Э. Достоевский и Кант. М., 1963. С. 83.

данную культуру»¹⁵. Все эти разные пути и формы истины могут развиваться, лишь взаимопроникаясь друг другом, вступая в диалог. Этот духовно взаимообогащающий процесс является по своей сути одновременно поиском пути воспроизводства мира, преодоления опасностей катастроф, ростом способностей человека.

Будущее — результат не внешнего влияния, но массового творческого процесса, идущего из глубин народной почвы, который включает непрерывный диалог с иными народами и цивилизациями, с собственной духовной элитой. Это будущее строится сегодня обществом не только в сфере духа, но и через способность каждого из нас делать предметом диалога критику нашей истории. Ценность этой критики определяется нашей способностью обеспечить ее единство с формированием мира, несущего в себе условия, средства и цели, открывающие жизнеутверждающий путь России, всему человечеству.

Исторический опыт России является одновременно особым опытом мировой истории, который должен быть осмыслен как важнейший элемент культурного богатства человечества. Этот опыт показывает, что идея замкнутых цивилизаций потеряла всякий реальный смысл, если она вообще его имела когда-либо. По сути дела, каждая культура — лишь особый фокус мировой культуры, где на первый план выдвигается некоторое особое сочетание ее элементов, обобщается особый специфический опыт мировой истории. Каждая культура существует лишь в процессе взаимопроникновения, постоянного диалога с человечеством, диалога специфических культур. Опыт истории России показывает, что это взаимопроникновение культур приобретает особую остроту в процессе перехода от традиционной суперцивилизации к либеральной.

РЕФЛЕКСИЯ ИЛИ ДЕГРАДАЦИЯ

Опыт истории России показывает, что общество потерпело сокрушительное поражение на дорогах истории, что оно, повернув на путь модернизации, утилитаризма, на путь освоения ценностей либеральной цивилизации, ценностей повышения эффективности воспроизводственной деятельности, углубления рефлексии, оказалось отброшенным вспять. Это поражение выразилось прежде всего в том, что Россия, пытаясь преодолеть господство ценностей традиционализма, не сумела, как это произошло в некоторых других странах, со-

¹⁵ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 375-378.

единить это стремление со своей самобытностью. Общество оказалось уязвимым в самом главном пункте — в наращивании своей способности решать свои все более сложные проблемы, отвечать на вызов истории опережающим самосовершенствованием своих творческих возможностей, преодолевать противоречия между социальными отношениями и культурой. Пытаться решить вопрос о причинах этого явления можно на разных уровнях абстракции. Можно обвинять политиков в явных ошибках, указывать на общий упадок трудовой этики, на огромные затраты на подготовку к войне и т. д. Все это правильно, но недостаточно. Очевидно, должен быть какой-то наиболее общий ответ, сформулированный на категориальном уровне, который может показаться слишком абстрактным, но который, тем не менее, должен выявить глубинные процессы цивилизационного уровня, затрагивающего сами основы массовой деятельности. На этом уровне рассмотрения такой общий ответ не заменяет возможности других ответов, непосредственно затрагивающих более конкретные процессы, но создает для всех других ответов некоторую общеметодологическую базу. Этот категориальный ответ должен затрагивать основополагающие характеристики человека, т. е. касаться уровня его массовой творческой рефлексии, ее соотношения со сложностью проблем.

Рефлексия есть центральное, основополагающее определение человека, фундаментально отличающее его от животного. Учение о рефлексии развивалось в истории философии прежде всего как учение о способности самопознания, превращения субъектом самого себя в свой собственный объект. Однако такое понимание субъекта в эпоху бурных изменений следует рассматривать как недостаточное. Рефлексия есть способность субъекта к самоизменению, саморазвитию, к собственному воспроизводству и практической самокритике. *Рефлексия есть способность субъекта воспроизводить себя в постоянно усложняющихся условиях, что требует, в конечном итоге, постоянного самосовершенствования, совершенствования средств и целей, развития культуры и социальных отношений.* Рефлексия есть воспроизводственная категория, фиксирующая глубину, масштабы способности общества, сообщества, личности делать свои социальные отношения, свою культуру, соотношение между ними, их взаимопроникновение, отношение личности и общества своим собственным предметом. Предметом рефлексии является воспроизводство, совершенствование, развитие общества, сообщества, личности. Рефлексия по самой своей сути несет в себе способность кумулятивного развития, постоянного превращения достигнутого уровня ре-

флексии в предмет более высокого уровня рефлексии. Рефлексия определяется как творческий процесс. Она есть центральное определение человека, субстанциальная характеристика жизни общества. Рефлексия всегда есть творчество, она всегда возможна не как внешнее взаимодействие субъекта и объекта, не как конфликт двух монологов, но как постоянное взаимопроникновение противоположностей, одного полюса другим, постоянное превращение противоположности в содержание сознания и деятельности субъекта, в предмет постоянной интерпретации.

Проблема заключается в том, что глубина и масштабы рефлексии постоянно изменяются. В любой момент времени рефлексия может быть существенно различна в разных культурах. Культуры могут быть классифицированы по уровню рефлексии. Один полюс культуры соответствует возведению рефлексии в высшую ценность. На другом полюсе высшей ценностью является способность сохранить без изменения культуру, социальные отношения, собственную деятельность. Каждая конкретная (суб)культура находит свою меру между этими оппозициями.

Разнообразие культур велико. Оно включает и такие культуры, где развитая рефлексия жестко замкнута в сфере совершенствования личности лишь в рамках исторически сложившихся отношений.

Возможны общества, где уровень рефлексии с определенного момента перестает достигать необходимого минимума, что снижает эффективность воспроизводства вплоть до деструктивного уровня. Предотвращение этой опасности требует концентрации внимания на механизмах развития массовой рефлексии, на способности ответственно совершенствовать себя, все общество. Чем сложнее общество, тем сложнее должен быть механизм рефлексии. Он включает способность народа формировать духовную элиту, а также слой интеллигенции, социальная функция которой заключается в развитии рефлексии. Отставание воспроизводственной рефлексии от сложности подлежащих разрешению проблем может привести к росту дезорганизации общества, к отставанию всеобщего основания для разработки сложных решений, необходимых как ответ на вызов истории.

В России исторически сложились неблагоприятные условия для этого процесса: обширность пространства и ресурсов стимулировала экстенсивные методы воспроизводства, стремление сводить богатство к материальным ресурсам, которые можно получать путем простого приращения пространства и ресурсов. Опыт истории свидетельствует, что истинное богатство не то,

что находится в земле, но то, которое может быть воспроизведено в процессе деятельности людей. *Именно рефлексивная способность повышать умение, квалификацию, эффективность воспроизводственной деятельности и есть, если угодно, единственное богатство человечества, так как все остальное можно иметь, удерживать, использовать и т. д. только лишь на основе рефлексивной воспроизводственной способности субъекта.*

В этом смысле Россия пришла в современный мир как страна бедная. Мы «на протяжении нашей истории были народом голодным, не вышедшим из полосы хронических голодовок даже в 19 и 20 веках»¹⁶. Но при этом Россия была заморожена своим естественным богатством, своими безграничными просторами, своими победами над внешними врагами. Между тем достаточно опыта Японии с ее бедными природными ресурсами, чтобы понять, что именно способность к самосовершенствованию — определяющая для общества и человека.

Механизм рефлексии включает способность человека так изменяться, чтобы превращать свои потребности в воспроизводственные действия, проникаясь наиболее эффективными средствами. Слабость рефлексии может проявляться в том, что при этом не происходит в должных масштабах превращения потребности в вещи, благах в соответствующего уровня воспроизводство, формы труда, в создание и использование соответствующих средств. Это приводит к попыткам решать проблемы за счет экстенсивных методов. В условиях ограниченности ресурсов при этом усиливается раскол, возникают междоусобицы на разных уровнях общества. По сути дела, формирование советского общественного и идеологического строя во втором периоде российской истории было попыткой общества приспособиться к расколу почвы, к превращению экстенсивных методов воспроизводства ресурсов в борьбу держателей ресурсов между собой, прежде всего в деревне, к преодолению этой ситуации посредством доведения борьбы до логического конца, до крайности, посредством подавления, истребления части общества (т. е. богатых, всех, кого можно было подозревать в нарушении уравнительности, всех носителей опасных инноваций). Эта попытка завершилась крахом, так как интенсификация воспроизводства ресурсов происходила в формах псевдо, т. е. оставалась в рамках исторического опыта простого воспроизводства на основе уравнительных ценностей. Сегодня общество вновь стоит перед проблемой повышения эффективности воспроизводства, но без соответствующей

¹⁶ Сорокин П. А. Современное состояние России// Новый мир. 1992. №5. С. 161.

щего углубления массовой рефлексии решение этой проблемы невозможно.

Слабость рефлексии проявляется в неэффективности сложных решений, значимо затрагивающих динамику общества, т. е. прежде всего в неэффективности реформ, различного рода революционных перестроек, восстаний и забастовок как инструментов улучшения общества. Они не приводят к решению проблем путем проработки частей и целого, путем решений, охватывающих это целое, создающих для общества новое, более глубокое всеобщее культурное основание, но сводятся к разрушительным шараханьям от одной частицы истины к другой, от одного разрушительного прожекта (например, большевистского) к другому (например, абстрактно-либеральному), что делает нас предметом всемирного недоумения. По-российски нам надо сначала все разметать, в первую очередь саму организационную основу нашего существования, само государство, т. е. некоторый накопленный материализованный опыт, некоторую более или менее налаженную регулярность и оформленность, а затем, как детям, изумляться, почему же игрушка сломалась, почему отовсюду лезет хаос и разрушение. Это стремление к разрушению столь сильно, что оно охватывает и интеллигенцию, и часть духовной элиты, которые тем самым изменяют своей социальной функции — быть наиболее глубоким и ответственным субъектом критики исторического опыта, субъектом массового стремления к порядку через хаос, к форме через бесформенность, к добру через зло. Этот маршрут всегда оказывается для нас непроходимым, и мы застреваем в самом опасном месте.

Исторически сложившаяся рефлексия — всеобщее определение человека. Она проявляется в бесконечном количестве форм, например, в способности видеть в повседневности, во всех без исключения проблемах историческую составляющую, результат истории. Историческое видение противостоит неэффективным решениям, и это особенно важно при проведении реформ.

Слабость рефлексии — в недостаточной способности решать сложные проблемы через целое, т. е. через взаимопроникновение части и целого. Например, исторически сложилось так, что земледельцы и ремесленники в России стремились удовлетворить лишь свои личные потребности, не слишком заботясь об обществе в целом¹⁷. Сегодня в локализме наблюдаются эти же тенденции, что может быть гибельным для общества.

¹⁷ *Соколовский П. А.* Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877. С. 21-32.

Развитие рефлексии не есть прерогатива какой-то отдельной сферы общества — это прежде всего развитие личности, и сегодня ее важнейшая форма проявления — массовая способность к частной инициативе, готовность брать на себя ответственные решения, организовывать разнообразную деятельность, вовлекать в нее многих людей, в тенденции — все общество.

Выход из создавшегося положения, если брать именно категориальный, а не частный уровень, следует искать *на пути повышения уровня массовой рефлексии как на личностном уровне, так и на основе перестройки всех институтов общества*. Здесь важнейшее значение имеет деятельность интеллигенции. В принципе, как более образованный слой общества, она должна быть некоей точкой роста, где рефлексия не только растет, но и втягивает в этот процесс все общество. Однако исторически сложилось так, что интеллигенция в своей значительной части стремилась абсолютизировать некоторый исторически сложившийся уровень рефлексии. Более того, она часто стремится устранить возможность повышать рефлексии, потворствуя тенденциям ликвидации источников беспокойного большинства роста рефлексии.

Реакция общества на недостаточный уровень массовой рефлексии может выразиться в попытках отдельных социокультурных групп, прежде всего власти, с более развитой, хотя, возможно, односторонней рефлексией, заместить своей рефлексией ее общий недостаток в обществе. Но раскол между двумя уровнями рефлексии неизбежно приводит к тому, что рефлексия правящей элиты также приобретает расколотый, уродливый характер. Это расстройство рефлексии означает, что власть может увлечь за собой народ, лишь используя сложные, но ограниченные механизмы, прежде всего эмоционального характера, которые по своей природе могут постоянно доводить любое дело до крайностей, разрушая устойчивость длительного конструктивного процесса. Массовые инверсионные колебания неизбежно парализуют возможность развития рефлексии, в частности, подавляя, истребляя формы деятельности, критикующие свое существование, общепринятые нормы, формы труда, исторический опыт, уничтожая те точки роста, анклавов, где зарождается более высокий уровень рефлексии.

Идеологическая борьба, которая постоянно в различных формах идет в стране, кроме всего прочего, является борьбой за разный уровень, разный характер массовой рефлексии. Например, известное письмо 74 русских писателей¹⁸ является по-

¹⁸ См.: Литературная Россия. 1989.

пыткой убедить русского человека в его непогрешимости, в том, что то дерьмо, в котором сегодня он сидит, является результатом чьих-то злобных козней, внешних сил. Идеологи этноцентризма всю свою энергию тратят на то, чтобы убедить русского человека в том, что не нужно серьезно и глубоко критически относиться к себе, к своей истории, к своей причастности к бесчисленным преступлениям, которые творились в стране на протяжении ее истории и творятся сегодня.

Если какая-то группа действительно хотела бы сегодня навредить русскому народу, то, очевидно, самый лучший способ был бы убедить всех и каждого в его непричастности ко всем бедам собственной страны, в том, что он не только хорош, каков он есть, но и лучше всех других народов мира, что именно сегодня, как и всегда, весь мир должен учиться у русских. Успех проповеди такой неслыханной племенной гордыни означал бы, что народ вновь обрекается на разрушительное движение по кривой исторической инерции, что он лишен главного человеческого качества — творческой рефлексии. Люди, впавшие в грех гордыни, неспособны повернуть маховик исторической инерции, так как они не нацелены на самоусовершенствование, на очищение себя от всемирного срама. Они стали бы продолжать истреблять себя в процессе бесконечного поиска новых врагов, не только истощая свои жизненные силы в бесплодном самоподавлении, но и культивируя именно те аспекты своего культурного багажа, которые ведут к новому краху.

Бесчисленные племена и народы на протяжении человеческой истории исчезли с лица земли, так как, очевидно, их культура оказалась недостаточно способной изменяться, преодолевать собственные противоречия, приспосабливаться к изменившейся ситуации. Задержка в развитии рефлексии в целом, ее различных форм (например, ступени развития рефлексии, связанной с торговлей), запаздывание по сравнению с усложнением проблем в совершенствовании критики исторического опыта — вот главный тормоз прогресса жизнеспособности.

Попытка законсервировать или даже снизить исторически сложившийся уровень массовой рефлексии может выступать как обожествление народа, которому, как божеству, нет необходимости заниматься самокритикой. Вот почему для интеллигенции необходимо решать проблему теодицеи, т. е. объяснить существование зла в обществе. Впрочем, такая проблема существует лишь для монотеизма, например, для христианства, но ее нет для манихейского сознания. Для него зло — равноправная субстанция, и, следовательно, общество не мыслится без профессионалов зла. Все, что в стране было хорошо, — это ре-

зультат деятельности народа, а что плохо — результат козней не-народа, чужого народа, отщепенцев, врагов, антитотемов и т. д. Сам народ ни в чем не виноват и лишь воспроизводит зло в своей деятельности, зло, которое ему подсунули. Народ страдает от козней злодеев, которые, естественно, не включены в народ, но ему противостоят. Тем самым та часть интеллигенции, которая придерживается этой позиции, по сути, отказывается от критики народа, критики реального его исторического опыта, сложившегося уровня, характера рефлексии. В этой связи выдвигается ряд общих социологических идей, которые здесь нет возможности рассматривать. Важнейший их тезис: «Народы не отвечают за своих вождей»¹⁹. Эта удивительная инфантильность идет от древнего локализма и тотемизма, где тотем-отец подчинялся собственным капризам, а не «воле народа». Отсюда уверенность, что власть — нечто вроде языческого божества, которое может требовать человеческих жертв и вообще чего угодно. Ее можно сменить, как и тотем, но невозможно изменить ее природу.

В действительности народ всегда ответствен за власть, даже тогда, когда он этого и не знает, но когда он каждый день в своей деятельности воспроизводит ее в своем поведении, выполняет ее распоряжения, снабжает ресурсами. Ответственность включает в себя не только идеальный, но и функциональный аспект.

Культивировать идею безответственности народа за деятельность власти — значит культивировать старый обанкротившийся опыт истории, накопленный в локальных мирах в традиционном обществе, обладающем уровнем рефлексии, который неизмеримо ниже потребностей большого общества. Это значит сохранить историческую инерцию, вести дело к новым поискам «виноватых», новым погромам, массовым избиениям «врагов», новым катастрофам. В том, что произошло с Россией, виновны все, даже те, кто родился позже, но кто не осудил в своем сердце преступления, кто делает себя неспособным строить мир, противостоящий этим преступлениям, пусть под иными знаменами. Спасение России, как и всего человечества, лишь в глубокой самокритике каждого, которая только и является единственным путем к критике мира и критике ошибок и преступлений других людей. Критика без самокритики разрушает мир.

Недостаточный уровень рефлексии означает, что за новые альтернативы принимаются очередные результаты следования инерции истории, безличным ее силам, **которым мы позволяем**

¹⁹ Гулыга А. В. Русский вопрос// Наш современник. 1990. № 1. С. 175.

вести нас либо ко всепожирающему молоху тоталитаризма, либо к катастрофической атомизации общества. Наше горе в том, что мы практики-фаталисты, т. е. поручаем себя внешним силам, на место которых обычно становится политик, озабоченный больше всего тем, чтобы говорить и делать то, что нам приятно, что вписывается в наш комфортный мир, но тем самым он лишь идет путем нашей серости и беспомощности. *Горе нашей интеллигенции и власти в том, что они пронизаны страхом перед периодическими вспышками народного гнева, направленного на их истребление. Поэтому они, забывая свой долг, обрушивают критику на мифических «врагов», одновременно льстя народу. Тем самым делается черное дело, закрепляется низкий уровень массовой рефлексии, подавляется реальная способность критики исторического опыта, тормозится развитие умения преодолевать инерцию. Горе нашего народа в том, что он побивает камнями своих пророков, предпочитая им людей, которые иллюзорно помещают наше собственное зло вовне, делая нас безгрешными в наших собственных глазах.*

С определенного уровня сложности исторического процесса, например, с перехода от статичных к динамичным ценностям, объяснение, как и понимание, исторического процесса должно перейти на качественно новый уровень. Необходимо теоретическое освоение новых, более глубоких и ранее скрытых пластов реальности. Раскол является мощным стимулом для выявления того, что в основе исторического процесса лежит особая социокультурная реальность, понятая прежде всего как способность людей соответствующей культуры, социокультурного субъекта формулировать свои проблемы и их практически разрешать, т. е. изменять себя, свою воспроизводственную деятельность, свою культуру, свои отношения, свои условия, средства и цели, результаты своей деятельности. Эта способность носит кумулятивный характер, она включает способность накапливать опыт и, следовательно, накапливать эффективность воспроизводственной деятельности людей. Тем не менее существует противоположный процесс, направленный на сохранение привычной комфортной картины мира, что может приводить к периодическим и систематическим уничтожениям достижений культуры, воспроизводственной деятельности. Существует постоянный соблазн сползания к примитиву манихейства, возложения ответственности за мир, за себя на внешнее зло, на тотем, на авось. Это не только препятствует повышению эффективности деятельности, но и снижает ее.

Следовательно, на первый план в изучении общества должна выйти реальность человеческих способностей, возможностей

преодолевать социальную энтропию, дезорганизацию, держать ее в определенных пределах, а также конструктивно выходить за рамки исторически сложившихся возможностей, социальных отношений, культуры. На первый план должна выйти способность преодолеть ограниченность социальных отношений, искать их культурную меру.

Возможно бесконечное множество комбинаций, где по одним параметрам общество оказывается на высоте положения, по другим — на уровне ниже необходимого. Россия представляет собой особо сложный случай, где на вызов другой цивилизации страна ответила расколом. Раскол сам по себе оказался мощным вызовом истории, который толкает страну к катастрофе. Это еще раз подчеркивает необходимость обращения к анализу механизмов, ведущих к преодолению ограниченности внутренних сил страны, к повышению эффективности воспроизводственной деятельности. Анализ показывает, что в каждой клеточке культуры и деятельности в результате дезорганизации воспроизводственной деятельности пересекаются разнонаправленные векторы конструктивной напряженности, что создает своеобразные силы кручения, «завихрения» деятельности. В расколотом обществе существует фундаментальное противоречие между социальными отношениями, которые носят странный характер псевдо, с одной стороны, и неадекватностью духовной культуры, которая лежит в основе освоения каждой личностью этих отношений, с другой стороны. Тем самым в обществе развивается неадекватная мысль, неадекватные отношения, неадекватность человека самому себе. В обществе властвуют фантомы. Все это невозможно сделать специально. Это результат сложного противоречивого исторического процесса. Для понимания этого явления необходимо отказ от сложившегося языка псевдонауки, от попыток описать сложные явления в терминах модернизированных мифов, от описания старых потребностей через абсолютизацию «хочу», от некритического восприятия собственных потребностей.

Необходимо отказаться от постоянного преувеличения значимости верхнего слоя культуры. Верхний уровень может принять лозунги и формы мировых религий, марксизма и чего угодно, что имеет мало значения для объяснения массового поведения, самого характера воспроизводства институтов, форм человеческих отношений и т. д. Для этого необходимо рассмотреть глубинные пласты массового сознания, народной культуры, имеющие подчас архаичные истоки, на которые могут накладываться новые слои. Задача науки как раз и заключается в выявлении отношений этих уровней между собой,

выявлении мучительных процессов приспособления всех высших уровней к сложным и неясным массовым процессам.

Судьба России не может быть объяснена тем, что в ней марксизм (марксизм ли?) стал на какое-то время господствующим учением, и поэтому вряд ли можно думать, что замена его православием спасет страну. Единственная разница будет заключаться в том, что раньше людей избивали за классовую принадлежность, которая может быть заменена на религиозно-национальную. Определяющее значение имеют массовые культурные стереотипы миллионов людей, их представления об условиях, средствах и целях своей жизни, основополагающие оппозиции их культуры, логика использования этих стереотипов в процессе осмысления явлений, способность миллионов на основе своего культурного богатства решать проблемы, воспроизводить себя и реальный мир. Стереотипы не неизменны, но вряд ли существенно изменятся от того, какую философию исповедует правящая элита.

Каждая страна, будучи особым фокусом человечества, переживает в известном смысле все трагедии мира, точно так же как все человечество неизбежно переживает локальные трагедии, которые тем самым становятся общими проблемами. *Сегодня этот фокус — прежде всего проблема отношения двух основополагающих цивилизаций.* И от того, как она преломляется в каждом народе, зависит судьба этого народа, а возможно, и человечества в целом. *Нарастание рефлексии или деградация — много выхода нет ни у России, ни у всего человечества.*

ЦИКЛЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Господствующие нравственные идеалы этапов	Этапы первого цикла (с древних времен до 1917 года)	Этапы второго (советского) цикла (1917-1991 годы)	Третий цикл (с августа 1991)
<p>I этап. Ранний соборный идеал</p> <p>II этап. Ранний умеренный авторитарный идеал</p> <p>III этап. Ранний идеал всеобщего согласия</p> <p>IV этап. Крайний авторитаризм</p> <p>V этап. Поздний идеал всеобщего согласия</p> <p>VI этап. Поздний умеренный авторитарный идеал</p> <p>VII этап. Поздний соборный идеал, приобретший форму соборно-либерального</p>	<p>Киевская и удельная Русь</p> <p>От Ивана I Калиты до Великой смуты</p> <p>От Великой смуты до царствования Алексея Михайловича</p> <p>От царствования Алексея Михайловича (примерно с середины 50-х годов XVII века) до Анны Иоанновны включительно</p> <p>От 1762 года (Указ о вольности дворянства) до 1825 года (восстание декабристов)</p> <p>Царствование Николая I</p> <p>Реформы (с 60-х годов XIX века по 1917 год)</p>	<p>С 1917 до середины 1918 года</p> <p>Военный коммунизм</p> <p>Нэп</p> <p>Правление И. Сталина</p> <p>Правление Н. Хрущева («оттепель»)</p> <p>Правление Л. Брежнева («застой»)</p> <p>«Перестройка»</p>	<p>Постперестройка (с ф е р а п р о г н о з а)</p>